

МИСТИЧЕСКИЕ ОБЩЕСТВА И ОРДЕНА
В СОВЕТСКОЙ РОССИИ

ОРДЕН РОССИЙСКИХ ТАМПЛИЕРОВ

III

Легенды тамплиеров
Литература ордена

Публикация, вступительные статьи,
комментарии, указатель

А.Л.НИКИТИНА

МИНУВШЕЕ

Москва

2003

МИСТИЧЕСКИЕ ОБЩЕСТВА И ОРДЕНА В СОВЕТСКОЙ РОССИИ

(Выпуск 1-й)

ББК 86.4
ББК 63.3(2)615-4

М 65
Н 62

М 65 **Орден российских тамплиеров.** Том III. Документы 1922—1930 гг. Публика-
Н 62 ция, вступительные статьи, комментарии, указатель А.Л.Никитина. М., «Ми-
нувшее», 2003 г. — 528 стр. (Мистические общества и ордена в советской
России. Вып. 1-й.)

Третий том серии «Мистические общества и ордена в советской России» содержит полный корпус известных к настоящему времени легенд московских тамплиеров по спискам конца 20-х и конца 50-х гг., снабженный кратким религиоведческим комментарием и терминологическим словарем-указателем Е.С.Лазарева, помогающим понять специфику образов и космогонические структуры мировосприятия членов Ордена. Публикуются пьесы-диалоги А.А.Карелина, легенды, авторство которых связано с именами Н.И.Проферансова и В.С.Пикунова, а также второй курс лекций А.А.Солоновича, посвященный критике философии материализма.

Издание рассчитано на историков, философов, религиоведов, филологов и всех, кто интересуется тайной историей советской России.

ISBN 5-902073-12-X
ISBN 5-902073-11-1

© Публикация, статьи, комментарии, указатель — Никитин А.Л., 2003 г.
© Комментарий и словарь-указатель — Лазарев Е.С., 2003 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Документы, происходящие из недр тайных обществ, всегда несут на себе отпечаток загадки. Собранные в этом томе легенды московских тамплиеров не являются исключением, причем не только для их современного исследователя, но и для тех, к кому они были некогда обращены. Из показаний на допросах арестованных известно, что основным содержанием работы «рыцарских кружков» было ознакомление с этими легендами, которые в определенной последовательности рассказывал собравшимся старший рыцарь. Вступающий в Орден выслушивал три первые основополагающие легенды – о Золотой лестнице космосов, об Атлантиде и о Древнем Египте (№№ 1.1-3). Последующие циклы, состоящие из 10–12 легенд, которые он выслушивал вместе с другими, готовили ученика к принятию очередной степени посвящения, сопровождавшегося определенным обрядом. Однако здесь начинаются загадки.

Когда оставшиеся в живых члены Ордена (Г.В.Гориневский, Б.М. и Е.В.Власенко, В.С.Пикунов, В.И.Филоматова, О.С.Пахомова и др.) в конце 1950-х и в начале 1960-х гг. предприняли попытки собрать весь корпус легенд, оказалось, что ни один из тамплиеров, переживших репрессии, не обладал всей совокупностью легенд, так что тексты приходилось собирать из разных источников. Кроме того, единственным, кто помнил о «степенной» последовательности легенд, был Б.М.Власенко, обладавший, как следует из показаний М.И.Сизова, наивысшей, 10-й степенью посвящения¹. Более того, некоторые легенды оказались утерянными полностью (в данном издании №№ 111 – о Параклете, и 124 – о совершенных людях), а другие, о которых речь будет идти ниже, весьма сомнительны по своему происхождению. Вот почему сохранившиеся на подлинниках их номера – зачеркнутые, переправленные и опять восстановленные, свидетельствуют о попытках установить их общую последовательность.

Одновременно Б.М.Власенко, как следует из его сохранившегося письма к М.Н.Жемчужниковой от 01.04.64 г., предпринял более глубокую систематизацию содержания легенд, результатом чего явилась его так и не завершенная работа «Введение в познание», в которой он попытался выделить из ткани художественного текста позитивные данные, позволяющие судить как об истоках знаний, содержащихся в легендах, так и о времени сложения некоторых из них.² К сожалению, и эта работа, выветив ряд интересных моментов, не была закончена автором скорее всего потому, что он столкнулся не просто с текстами, утерявшими свою последовательность, но с текстами разного происхождения, в том числе и со стилизациями, выполненными самими тамплиерами.

Но что вообще известно о происхождении этих легенд?

Согласно орденской традиции, как ее передавала Е.А.Шиповская, эти тексты были привезены в Россию из Франции А.А.Карелиным и существовали только в исходившей от него устной передаче, поскольку участники кружков не имели права их записывать, а должны были запоминать. После смерти Карелина в 1926 г. были предприняты первые попытки записать и собрать эти легенды, используя память старших рыцарей, которые их рассказывали в кружках. В последующем легенды распространялись в виде машинописных копий на восковой или папиросной бумаге, использованной с обеих сторон листа, позволяя их перевозить и хранить в тай-

никах. Однако далеко не все здесь соответствует действительности, как она представляется сейчас на основании следственных дел и других документов, в том числе и воспоминаний самих членов Ордена.

Тот факт, что какая-то часть тамплиерских легенд переведена с французского языка, подтверждается устойчивым сохранением в некоторых списках типичного для французского синтаксиса постпозитивного места определения по отношению к определяемому и даже наличия отдельных французских слов, оставленных в скобках, как то бывает при поливариантности перевода. Уже из этого можно заключить, что источником таких легенд, к слову сказать, насыщенных буквами греческого алфавита, обозначающими различные иерархии небесных чинов, безусловно был письменный текст, переводы которого хранились у Карелина в тетрадах, а копии циркулировали в его окружении до 1926 г. Об этом мне рассказывала В.И.Филоматова, пользовавшаяся этими тетрадами, когда она дежурила возле умирающего командора, и то же самое можно заключить из показаний Н.А.Ладыженского 11–12.08.30 г., получавшего некоторые тексты легенд от Н.К.Богомолова в середине 20-х гг.³ Сейчас можно предположить, что к этому, так сказать, исходному пласту легенд, связанному с какими-то орденоскими традициями (и структурами?) во Франции, относятся комплексы преданий об Атлантиде и древнем Египте, восходящие ко времени не ранее середины XIX в.⁴, космогонические легенды, включающие структуры космосов Золотой Лестницы и, возможно, средневековые сюжеты, хотя именно последние (битвы в Палестине, истории в монастырях, описание шабашей и т.п.) своей квази-историчностью (использование известных антропонимов и топонимов вне какой-либо конкретики времени и места) заставляют предполагать литературные источники их происхождения.

Последнее не должно смущать, поскольку изначально речь идет не о наследии исторического Ордена тамплиеров, погибшего в XIV в., а о возрожденном в середине XIX в. его аналоге, опиравшемся на книжную (литературную) традицию при выработке своих ритуалов, символов и постулатов. Последнее, т.е. отсутствие подлинной традиции, идущей из древности, и необходимость создания новых ритуалов, проходит красной нитью через многие легенды, где поднимается и положительно разрешается на собраниях космосов вопрос «о новых ритах» (т.е. ритуалах), причем более высокие духи, к которым обращаются низшие космосы за советом, неизменно указывают, что создание новых ритуалов вполне закономерно, если они отвечают идеям, которые должны утверждать и отражать.

С этих позиций можно понять и включение в состав легенд сюжетов, действие которых происходит в Париже конца XIX или самого начала XX века, равно как отражение в повествовательной ткани научных реалий первой четверти XX века – рентгеновских лучей, радиоактивности, микроорганизмов, технических достижений той эпохи и т.д., объяснимые только спецификой сознания человека нашего времени. В самом деле, если для сознания человека эпохи XII–XIV вв. любая легенда являлась повествованием о реальном событии, то для новых тамплиеров текст являлся всего только условной формой, подобной театру с его картонными декорациями, гримом, масками, способного однако потрясти человека до глубины души не этим дешевым реквизитом и напыщенными словами, а раскрывающейся за этими символами трагедией человеческих судеб.

Легенды тамплиеров никогда не являлись «литературой», не могут и не должны с этой точки зрения рассматриваться, – вот главное, что должен иметь в виду их исследователь или человек, желающий познакомиться с ними, иначе он ничего в них не поймет. Главное в них – не сюжет, не язык, не нагромождение поистине примитивной фантастики, не полное отсутствие достоверности в описаниях, а те поведенческие и этические модели, которым следуют или пытаются следовать их персонажи. При внимательном знакомстве с этими текстами приходишь к убеждению, что все они имеют в своей основе несколько взаимосвязанных и постоянно повторяющихся структурных образований, сравнимых с кристаллическими решетками минералов, которые незаметно формируют сознание слушателя, его отношение к мироз-

данию, к окружающим его людям, к природе и к обществу, раскрывая этическое содержание понятия «рыцарь» как человека, принимающего на себя ответственность за свои мысли, устремления и поступки.

В этом плане легенды так же дидактичны, как букварь, чьи картинки помогают запоминать сначала буквы, потом слова, а затем и действия со словами, которые незаметным образом переносятся в жизнь. Точно так же и здесь: за фантазмагорией невероятных (кому-то может показаться – примитивных) событий в обстановке, исключающей возможность какой-либо реальности, в сознание слушателя закладывается мотивация поступков, универсальная для любой обстановки или ситуации, требующей от человека принятия осознанного решения, наличия сил, помогающих пойти не по более легкому, а более достойному человека пути – «пути рыцаря». Эти легенды вносили в сознание человека понятие о свободе личной воли, об отсутствии субстанциального зла, как такового, чья иллюзорность порождается лишь отсутствием добра и незнанием, т.е. невежеством, подобно тому, как не является сущностью тьма, означающая лишь отсутствие в данном пространстве света, в отличие от нее носящего материальный, субстанциальный характер. Эти легенды закладывали представление о бессмертии и божественности заключенной в человеке монады, которую он несет и взращивает в своем физическом теле, чтобы через нее становиться «со-работником Бога», пусть даже столь далекого от людей и от остальных небесных иерархий, что само обращение мыслями к Нему оказывается мощной силой на путях преодоления косности земного сознания человека... Именно отсюда вытекала необходимость для человека активного, все более расширяющегося познания мира как единственного пути к постижению воли и предначертаний Того, кого нельзя постигнуть разумом или верой, легко вводящей в соблазн и ошибки из-за отсутствия критериев различения добра и зла.

Все эти примеры и постулаты воспринимались слушателями, как они говорили сами, не сразу. Но они западали в память, в душу, заставляли мыслями постоянно возвращаться к услышанному, вызвали потребность в медитациях, которые в свою очередь порождали новые тексты, подражания услышанным легендам, развивая их или варьируя. Возможно, я впадаю в гиперкритицизм, полагая, что около половины представленных здесь легенд (если не больше) были созданы уже на российской почве самим А.А.Карелиным и людьми из его ближайшего окружения, однако для такого утверждения есть, по меньшей мере, два серьезных основания.

Первое – это частое использование физико-математических (и специально математических) примеров, понятий и сравнений, вполне естественных в языке профессиональных математиков, какими были Д.А.Бем, А.А.Солонович, Е.К.Бренев, С.Р.Ляшук, каждый из которых вел не один «рыцарский» кружок уже в самом начале 20-х годов. Другим столь же примечательным моментом, постоянно проступающим в легендах, является подчеркнутый акратизм космических сообществ, картины анархической организации жизни, что вряд ли могло интересовать французских тамплиеров, но прямо касалось российских анархистов, какими были не только перечисленные математики, но сам А.А.Карелин и другие его сподвижники, не случайно получившие название анархо-мистиков.

Наконец, сейчас можно уже вполне определенно говорить о существовании легенд-подражаний, вышедших из круга Карелина. Такова легенда «О рыцаре Гуго де Лонкле», написанная Н.И.Проферансовым⁵, которая печатается по – видимо – не совсем исправному тексту, опубликованному в сборнике экуменистов⁶.

Проферансову могут принадлежать и другие легенды на сюжеты европейского средневековья, поскольку в своей научной деятельности он занимался изучением идеологии крестьянских и еретических движений той эпохи. Не исключено, что им была написана и легенда «О голубом Арлеге», поскольку ее списки под названием «Голубой Арл» были обнаружены при обысках у мистиков Северного Кавказа, с которыми поддерживал связь и к которым приезжал Проферансов. Сложнее обстоит дело с авторством Карелина, поскольку в корпусе легенд три являются прямым за-

имствованием из его пьес-диалогов (об Атлантиде, о гностиках, об Орфее), которые публикуются в этом же томе, а сами пьесы были широко распространены между читателями, причем не только между тамплиерами или анархо-мистиками, так что естественно искать продукты его творчества и далее. Две легенды своего сочинения (правда, написанные в конце 50-х гг.) оставил и В.С.Пикунов; ряд легенд, вошедших в издаваемый ныне корпус (№№ 51, 55, 69 и др.) являются безусловными медитациями, некоторые из которых по своим интонациям могли принадлежать перу А.С.Поля, хотя круг претендентов на авторство может быть гораздо шире. Наконец, в стилистике ряда легенд отчетливо прослеживаются женские интонации, заставляя вспомнить, что в окружении Карелина были М.В.Дорогова, М.Н.Жемчужникова, В.В.Губерт-Поспелова, возможно – Н.М.Костомарова, а также другие пишущие дамы-мистики тех лет.

Конечно, было бы чрезвычайно интересно проследить историю каждой легенды, выяснить последовательность их появления в составе корпуса, места, которые они первоначально занимали, поскольку сейчас, например, легенда «О недах» (№ 44), отстоит весьма далеко от первого о них упоминания, а легенда «О серафах и херубах» (№ 53) на самом деле является продолжением легенды «Сверхнебесная дорога» (№ 104), и это только два наудачу взятых примера, каких весьма много (например, серия путешествий «недов» по планетам, разнесенная по корпусу). Все это можно было бы учесть при публикации, выстроив логически вероятную последовательность сюжетов, однако в данном случае я предпочел следовать той нумерации легенд, на которой остановились последние тамплиеры, связывавшие эту последовательность еще и со степенями посвящения. Судя по классификации Б.М.Власенко, каждой степени посвящения соответствовала своя группа легенд, всего девять: I (1-15), II (16-30), III (31-42), IV (43-57), V (58-66), VI (67-81), VII (82-99), VIII (100-110), IX (111-127). Однако при этом остается вопрос, к какому времени сложились весь этот корпус, в котором, как я показал выше, безусловно находят продукты творчества московских тамплиеров. К сожалению, ответить на этот и на другие вопросы о происхождении легенд и истории сложения имеющегося в наших руках собрания можно будет лишь после того, когда станут доступны другие их списки, быть может, до сих пор хранящиеся в частных и государственных собраниях.

В основу публикуемого корпуса легенд московских тамплиеров были положены тексты собрания Е.А.Шиповской, как можно понять, некогда сверенные с текстами О.С.Пахомовой, М.В.Дороговой и Г.В.Гориневского. В свою очередь, тексты Шиповской были сверены и отчасти пополнены за счет корпуса легенд, собранных в 50-60-хх гг. В.И.Филоматовой, похоже, из тех же источников. Незначительные различия в написании имен небесного воинства и структуры космосов Золотой Лестницы отражены в комментариях Е.С.Лазарева. Тексты легенд издаются практически в том виде, в котором они дошли до нас. Но поскольку легенды именно рассказывались, их стилистика несет отпечаток живой речи, как видно, зафиксированной стенограммой со всеми стилистическими огрехами и ошибками, часто мешающими восприятию содержания. Вот почему, рассматривая такую запись как документ эпохи, публикатор, в отличие от текстов, приведенных в его собственной книге⁷, прибегал к стилистической правке только в случае явных погрешностей и нелепости фразы.

Кроме того, при подготовке к печати были раскрыты все многочисленные сокращения слов, сняты титла, указывающие на обитателей Темного Царства, заменены греческие буквы, обозначающие обитателей ступеней Золотой Лестницы (напр.: α – люди, β – леги, γ – Арлеги, θ – Араны, κ – Отблески, λ – Нирваны, μ – духи Инициативы, τ – духи Света и т.д.). Впрочем, обо всем этом подробнее сказано в комментариях Е.С.Лазарева и в составленном им словаре-указателе. Что же касается указателя имен, встречающихся в тексте легенд, то от него решено было отказаться, поскольку все имена, в том числе исторических лиц, упоминаемых в текстах, на самом деле несут лишь «декоративную» нагрузку.

Существенным дополнением к легендам и в целом к формированию мировоззрения российских тамплиеров служили, с одной стороны, уже упоминавшиеся пьесы-диалоги А.А.Карелина, а с другой – недавно обнаруженный второй курс лекций А.А.Солоновича, распространявшийся как среди участников «рыцарских кружков», так, по-видимому, и более широко среди анархического студенчества.

Как можно судить по протоколам обысков, пьесы-диалоги А.А.Карелина, лишь частично публиковавшиеся на страницах русскоязычной газеты «Рассвет» в Чикаго (США), широко расходились в машинописных копиях по подпольной России в составе «орденского самиздата», причем находили своих читателей далеко за пределами кружков тамплиеров и анархо-мистиков, так что их относительно свежие перепечатки можно было встретить еще в начале 70-х гг. XX века. Подобно тому, как в квартире их автора в первой половине 20-х гг. собирались представители самых различных политических и духовных движений, начиная от анархистов-«набатовцев» и кончая ученым богословом П.А.Флоренским, или, что столь же правомерно, начиная от атеистов и кончая убежденными оккультистами, такими как В.А.Шмаков или В.В.Белюстин, причем каждый из них в беседе с хозяином находил для себя что-то важное, необходимое, точно так же и эти его произведения, по собственному признанию Карелина, были написаны им отнюдь не для сценического зрелища, а для лучшего понимания и уяснения идей, о которых многие из читавших их, может быть, ранее даже не задумывались.

Действительно, эти «картинки прошлых времен», отчасти напоминающие Платоновские диалоги, рассчитаны не на рационализм современного мышления, а в первую очередь на природную эмоциональность восприятия читателя или слушателя, который представляет сцену, движущиеся фигуры, присутствует при столкновении характеров и мнений, начинает кому-то из действующих лиц сопереживать, соглашается или противится доводам его оппонентов, поражаясь алогичности решений, казалось бы невозможных в обыденной ситуации... И постепенно в его душе и в его сознании начинают прорастать зерна новых идей, настойчиво требуя решения вопросов, а часто и совершения поступков, о которых у человека ранее и мысли не возникало⁸.

Списки пьес А.А.Карелина были обнаружены в Нижнем Новгороде у членов «Ордена Духа», которые получили их из Москвы, по-видимому, через Н.И.Профрансова, найдены в библиотеках теософов, антропософов и толстовцев Северного Кавказа, куда они, скорее всего, попадали из того же источника, у анархо-мистиков Ташкента и Ленинграда. Произведения Карелина в подпольном «самиздате» ходили наряду с тамплиерскими легендами, перемешивались с ними и в ряде случаев замечали их, как то случилось, например, с «Гностиками», фрагментами «Атлантиды» и легендой об Орфее («Одинокий»), уже безо всякого упоминания имени Карелина вошедших в основной орденский корпус.

Что касается второго цикла лекций А.А.Солоновича, которому здесь дано условное название «Критика материализма» (так этот курс назван в документах «нижегородского дела»), то его место в числе других лекционных курсов этого автора устанавливается из различных упоминаний: ему предшествовал цикл «Элементы мировоззрения»), а за ним следовал цикл лекций по восточной философии, как и первый цикл пока не обнаруженный. Основные положения публикуемого цикла были использованы его автором в ряде статей, публиковавшихся в газете «Рассвет» и в журнале «Пробуждение», однако в целом он дает законченное представление о взглядах автора как на уровни сознания общества и составляющих его индивидуумов, так и на задачи тайных орденов и их роль в истории развития человечества.

Большой объем публикуемого материала, а также его специфика, определившая отбор и структуру издания, не позволили включить в данный том литературное творчество других российских тамплиеров (П.А.Аренского, С.А.Кондратьева, В.А.Завадской, Б.М.Власенко, И.Н.Иловойской, А.В.Уйттенховена и др.), непосредственно связанное с идеями Ордена, тем более, что частично оно уже получило от-

ражение на страницах отдельного издания (Никитин А. *Rosa mystica*: Поэзия и проза российских тамплиеров. М., «Аграф», 2002).

Использованные при подготовке издания оригиналы легенд находятся в фонде публикатора (РГАЛИ, ф. 3127).

А.Л.Никитин

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ЦА ФСБ РФ, Р-35656 (преж. 604434, Н-9215), л. 66об.

² См.: Введение в познание. // Дельфис, 1996, №№ 1-3; 1997, №№ 1-2.

³ АУФСБ РФ по КК, П-58969, л. 186, 203 (см. том I настоящего издания).

⁴ О «первоисточниках» представлений об Атлантиде и Египте для XIX в. см.: *Жифов Н.Ф.* Атлантида. М., 1964, с. 108.

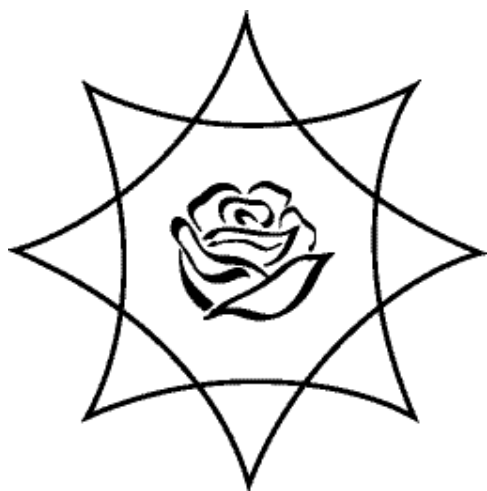
⁵ Авторство установлено по: *Налимов В.В.* Канатоходец. М., 1994, с. 386, прим. 14.

⁶ Призыв, М., 1992, с. 79-90.

⁷ Легенды русских тамплиеров. // *Никитин А.Л.* Мистики, розенкрейцеры и тамплиеры в советской России. М., 1998; 2000, с. 193-244.

⁸ Об истории возникновения этих пьес-диалогов см. в некрологе Е.Моравского, посвященного А.А.Карелину в I томе настоящего издания (первоначально опубликовано: «Рассвет», № 563, 27.03.26 г., с. 3).

Легенды тамплиеров

ЛЕГЕНДЫ РОССИЙСКИХ ТАМПЛИЕРОВ

1.1. О ДРЕВНЕМ ЕГИПТЕ

В древнем Египте, стране Кеми, было две касты жрецов и имели они три учения, друг от друга отличавшиеся.

Одно учение внешнее, экзотерическое, всем известное, данное народу жрецами низшей касты, самими жрецами за истину не признававшееся, гласило, что душа человека после смерти переселяется в тело человека той или иной касты вплоть до фараона и даже верховного жреца, если высока и достойна была его прежняя жизнь. Или – в тело животного, насекомого и даже растения, если жизнь была им прожита недостойно.

Сами эти жрецы исповедовали другую религию. Они верили, что переселение душ совершается не только на нашей земле, но души умерших уходят и на другие планеты, где воплощаются в тела людей или животных других миров в зависимости от своих предыдущих поступков. Этот закон они называли «кармой».

Но среди этих жрецов была группа еще более высоко посвященных, мало кому из жрецов известная, и имела она религию, сильно отличавшуюся от предыдущих. Они знали, что наш мир, мир желтых солнц, только песчинка, что существуют солнца и целые системы солнц, всеми цветами радуги сверкающие – солнца лиловые, розовые, зеленые и так далее, что существуют солнца цветов нами не виданных, цветов инфракрасных и ультрафиолетовых, цветов современной науке неведомых, цветов нашими чувствами не постигаемых. Бесконечно их количество, безгранично их разнообразие, бесконечны космические пространства, их разделяющие. И все эти миры – только светильники у подножия трона Бога Элоима, и все эти миры ничто перед иными мирами, вне нашей пространственной вселенной лежащими, и безгранично их разнообразие. Бесконечности бесконечностей разделяют их.

Учили жрецы этой группы, что в нашей вселенной существует Золотая лестница, по которой расположены миры, и идут они так: люди, Леги, Арлеги, Араны, Отблески, Нирваны и Нирваниды, духи Инициативы, духи Силы, духи Познания, духи Гармонии, духи Света и Эоны. Высочайшие в нашей вселенной, Эоны по благодати своей спустились и расположили космосы свои между космосами Арлегов и Аранов, дабы ближе к нуждающимся в помощи раскинуть стан свой.

Космосы, по Золотой лестнице расположенные, – это те, о которых говорит нам мистика. Принимая наш мир за четырехмерный (три измерения пространства и одно времени), космосы Золотой лестницы будут иметь следующее число измерений: космос Легов – $4^2 = 16$, космос Арлегов – $16^2 = 256$, космос Аранов – 256^2 и так далее. Существуют также космосы промежуточные – пяти, семи, двенадцати и меньших измерений.

Но кроме космосов, расположенных по Золотой лестнице, существуют космосы привходящие: Времени, Пространства, Блуждающих духов, Меняющихся образов, Теней, Звуков, Цифр, а также мир Безумия, куда вошли самые тяжелые элементы Хаоса.

Космосы, по Золотой лестнице расположенные, более гармонизированы, более завершены в своих проявлениях, чем космосы промежуточные, так как, хотя в космосе пяти измерений имеется больше возможностей для развития духов, из-за неустроенности в него часто врывается Хаос.

Примерами космосов меньших измерений могут служить миры Звуков, Теней, Зеркальных отображений, вечно Меняющихся образов, где постоянные метаморфозы. Там цветок может стать через мгновение книгой, затем червяком, львом и т.д. И все эти космосы не расположены отдельно, но проникают друг друга, так что там, где в одном космосе бушует море, в другом кипит бой или шумит лес.

Причиной перехода из одного космоса в другой является изменение силовых линий духов и карма. А бесконечные пространства, космосы эти разделяющие, являются как бы улицами в большом городе, где в своем виде могут встречаться духи различных миров, тогда как входя в чужой космос они должны подчиняться его законам.

1.2. БУНТ САТЛА

Мирны лет тому назад, а может быть и вчера, ибо мистика не знает времени, в космосе Арлегов 256 измерений шла асса.

Сатл, прекраснейший из Серафимов, возмутился против установленных Богом Элоа законов восхождения по Золотой лестнице, и сказал он: «Пусть сорвут Арлеги Печать Оккультного Молчания со своего космоса для космосов низших. И снимутся тогда по закону оккультного соответствия и для нас Печати Оккультного Молчания с космосов высочайших, и откроется свободный путь по Золотой лестнице, и все души поднимутся и станут рядом с Элоа».

Но встретил Сатл отпор в лице Михайлов, охранявших Печати Оккультного Молчания, и не удалась его попытка. Зазвенел тогда по космосам призывный клич Сатла – Легов звал он к себе на помощь. Явился к нему весь космос Легов, и незваными прилетели к нему темные Леги, Князя Тьмы и темные Арлеги, словом все Темное Царство прилетело к нему. Не могли Михайлы противостоять таким силам, и сорвал Сатл первую Печать Оккультного Молчания, печать Знания, и знание широко разлилось по космосам.

В свою очередь зазвучали тогда трубы Михайлов, увидавших, что не могут они одни охранять Печати Оккультного Молчания – звали они на помощь, и к Господствам обращались они. Но нейтральными остались Архангелы, нейтральными остались и Господства, так как не хотели с Сатлом сражаться, свободным его считая.

На призыв Михайлов откликнулись только Начала. Окружили они весь космос Арлегов магическим кругом мистических комет, и в космосе остановилось время. Но не пожелали Серафимы внутри магического круга Начал оставаться. Своими мистическими солнцами растопили они прилегающую цепь круга. Как бы над космосом Арлегов стали Михайлы, а Сатл, тоже не захотевший внутри круга оставаться, мог свободно входить и выходить из него.

И еще одним свойством обладал магический круг Начал – свойством не впускать в себя ничего чуждого ему и сразу все это выбрасывать из себя. Так выкинуты были из него темные Арлеги, Князя Тьмы и темные Леги, и упали они во тьму; и выброшены были из него светлые Леги, и упали они в свой космос шестнадцати измерений. Но после блеска, великолепия и роскоши космоса Арлегов бесконечно серым и тусклым им их космос показался, и решили они сделать попытку его покинуть и в космос Арлегов подняться.

Не надеясь на свои силы, призвали Леги на помощь Стихийные силы, и в могучей хорее произвели атаку. Но алмазной стеной встретил их магический круг мистических комет, и отброшены были Леги. А так как теперь их карма была отягчена тем, что в борьбе высших духов между собой они применили Стихийные силы, как силы мистические, то они не смогли удержаться в своем космосе шестнадцати измерений и упали в космос восьми измерений.

А в космосе Арлегов продолжалась асса. На свободе остался Сатл, и ни слова упрека не было ему сказано, только Серафимы отлучили его от своих мистических собраний, потому что, как сказано в Послании апостола Иуды, не мог Михаил произвести суда над ним.

1.3. ОБ АТЛАНТИДЕ

Много тысячелетий тому назад в эпоху белого солнца жизнь на земле была сосредоточена на материке, Атлантидой называемом. Там жили исполины предадами-ты и раса обыкновенных людей-гиперборейцев, пришедших с севера. Земля еще не была окончательно устроена, и человеческим душам бесконечно трудна была борьба с хаосом, постоянно врывавшимся и затоплявшим землю, с гигантскими зверями, жившими под белым солнцем, и на земле стоял стон только что родившихся душ. Наконец они не выдержали, и раздался их призыв о помощи. Этот призыв долетел до космоса восьми измерений, где томились Леги, так как не удавались им новые попытки проникнуть в космос Арлегов, поэтому Леги решили принести жертву – спуститься к людям и помочь им в борьбе с хаосом и в устройении Земли.

Первыми ринулись Леги Проводники Света, а за ними и остальные разряды Легов. Золотым дождем сошли они на землю. Лег подходил к атланту и если атлант был добр и чист, а его аура была светла, то он входил и соединялся с ним. Если же зол был атлант и темна его аура, то Лег становился рядом, делаясь его ангелом-хранителем. И со многими гиперборейцами также соединились Леги. До этого времени человек состоял из души и тела; соединившись с ним, Леги принесли ему дух и астральное тело.

Когда Леги сошли и воплотились в атлантов и гиперборейцев, то в результате своей работы они настолько ослабили зло Хаоса, что ту эпоху справедливо назвали «золотым веком». Они принесли с собой громадные знания. Маги стихийных сил, знавшие всю полноту и соотношения стихийных сил, заставили их служить атлантам, используя их энергию и сделав их машинами того времени. Они сражались с гигантскими зверями, рожденными под белым солнцем и сильно вредившими людям. Кроме того они принесли с собой доброжелательство, уважение, сговорчивость, дружбу, равенство как «пэрство». Это сопровождалось их огромным могуществом: каждый мог движением руки уничтожить противника. Было полное удовлетворение потребностей не только физических, но и высших потребностей астрального тела в гармониях, красках, ароматах и других свойствах, забытых нами. Исчезло неравенство в грубом смысле слова, каждый получал по своим потребностям и вкусам, и это было легко осуществить, так как жизнь в эпоху детства природы под белым солнцем была много легче теперешней. Земля не была еще истощена непомерными требованиями человека и каждому, предпринимавшему что-либо, помогали все.

Но все же Леги не чувствовали себя на земле вполне хорошо. Их мучила брезгливость к телу и его потребностям. Их угнетала неудовлетворенность стремления к чистой, светлой, незабвенной жизни. У них возникла потребность полета. Они устроили себе крылья и парили над землей. «Но мы пришли на помощь», – напоминали они себе и старались устроить жизнь прекрасной и достойной их стремлений.

Человек облагораживался. Появился человек, осененный духом. Но не все могли принять духа: среди них оставались человеческие начала – власть, приказы. Атланты приказов не исполняли и отвечали на них проявлением своего могущества. Постепенно среди них исчезла власть. Нельзя было сказать, не оскорбив атланта, «закон предписывает», поскольку атлант сам знает, как поступать. Перешли к формуле «просят», но в ней атланты видели двойное унижение. Они возмутились и против формулы «предлагают», отвечая, что они – «не дети». Наконец, установилось формула «напоминают атлантам».

Они вспоминали громадную терпимость, ясность духа, солидарность, взаимопомощь, отсутствие печали, пристрастия и уступали даже, когда были правы, чтобы не доходить до суда. Но все же тоска, скука одолевали. Леги томились воспоминанием об их прежнем мире блеска, красоты и перемен.

Раньше среди атлантов был брак только духовный, но потом характер браков изменился, стали появляться дети от атланток, особенно когда атланты стали брать себе в жены исполинок. Красота дочерей человеческих влекла их, точно противовес искали они в последних. Но женщины атлантки не были так неразборчивы. Они уклонялись от брака.

Первое поколение атлантов было бессмертно, так как рядом с каждым из них стоял с мечом Лег, теперь же появилась смерть, и дети от смешанных браков подпали под власть духов Смерти. Это делало существование атлантов еще более тяжелым и повело к попыткам вернуться в высшие миры путем уничтожения физического тела. Началась эпидемия самоубийств, но она ни к чему не привела, так как умирая Лег вспоминал о принятой им на себя миссии и снова возвращался на Землю.

Тогда пришло решение более молодых атлантов: возвращаться наверх со своим физическим телом, сделав его более одухотворенным, более астральным, найдя в экстазе способ бежать с Земли. Был изобретен ряд приемов изменения пищи и специальных упражнений, доведены они были до совершенства. Но и это оказалось миром, подъема не добились.

Тогда повторили они традиционную ошибку Легов, призвав на помощь стихийные силы. Против этого восстали старые атланты, знавшие, что один раз это уже не привело к добру, и их мнение одержало верх. Но стихийные силы были уже разбужены и стихии, явившись и получив отказ, стали во враждебное отношение к атлантам. Зло усилилось. Между тем, Маги стихийных сил узнали, что стихии собираются отомстить: на земле начались страшнейшие ураганы, землетрясения, должна была пройти всеокарашающая волна и разлиться грозные электрические силы.

Узнав об этом, осененные духом гиперборейцы ушли на высокие горы. Но атланты не пожелали покинуть свои города и стали готовиться к катастрофе, которую не могли предотвратить. Благодаря громадным знаниям и умению пользоваться силами природы, они обнесли города стенами, покрыли их крышами, могущими выдерживать давление водной стихии, снабдив аппаратами, которые, подобно жабрам, добывали воздух из воды. И когда наступил день катастрофы и стихии сбросили на Землю одну из ее лун, потом Австралией ставшую, и пошла всеокарашающая волна, три раза землю обошедшая, когда землетрясение погрузило материк Атлантиды в волны океана, с ним погрузились и атланты в своих городах.

Там и потекла их новая жизнь. Но несмотря на прекрасное устройство, все необходимое для существования предусматривавшее, атлантам стало еще тяжелее. Им не хватало солнца и неба, так как у них был только искусственный свет, не хватало природы, земли. Ниоткуда вестей им получать не удавалось, поскольку теперь три круга воздуха, воды и крыш отделяли их от высших миров, а бушевания стихий, сношения с этими мирами мешало. Чтобы жить там, им пришлось искусственно уменьшить и уплотнить свои тела, и вместо исполинов они стали просто высокими людьми.

Безграничная тоска охватила атлантов, и снова началась эпидемия самоубийств, особенно среди женщин. Были основаны даже праздники самоубийств. Наконец, один из атлантов напомнил остальным об опасности такого положения для них самих, напомнил им о взятой ими на себя миссии, и они решили вернуться к людям, оставшимся на поверхности планеты.

В дальнейших поколениях атлантов все более и более затемнялось сознание Легов в душах людей, и постепенно люди утратили воспоминание о своем происхождении, только в Ордене Тамплиеров хранятся эти знания, и задача Ордена собрать во едино всех, в ком воплощены Леги, и напомнить им об их миссии.

2. АППИЙ КЛАВДИЙ

Проповедь Эона не была понята даже ближайшими Его учениками. Зло, залившее мир своими волнами, не было побеждено, и тогда Христос решил пострадать, как человек, и умереть за свое учение, чтобы кровью своей запечатлеть его в сердцах людей.

Христос был осужден на смерть за то, что учил добру. Его тело распяли на кресте, а римские власти, ожидавшие восстания иудеев, попытались его спровоцировать, прибив к кресту надпись «ИНЦИ», означающую «Иисус Назорей Царь Иудейский.» Они думали, что юноши Иерусалима, прочтя эту обидную для них надпись, бросятся спасать Распятого, поэтому недалеко от креста была поставлена для охра-

ны когорты, которой командовал Аппий Клавдий. На окраине Иерусалима были сосредоточены другие войска.

Когда Христос был распят, то темные тучи покрыли небо, и Аппий Клавдий увидел, как оно разверзлось, как сонмы ангелов с гирляндами роз в руках спустились к кресту и обвили тело Распятого розами. И понял тогда Аппий Клавдий, что не простой человек был распят на кресте, а из разговоров евреев узнал, что многие считали Распятого Сыном Божиим. Ему захотелось иметь что-либо на память о Распятом. Он поручил стоявшему возле него центуриону достать какую-либо принадлежавшую Христу вещь.

Около креста оставались только женщины: ученики Христа были оттеснены за цепь ограждения воинами. И вот, когда один из воинов пронзил копьем бок Христа, Иоанн вынул ту чашу, из которой пили ученики Христа на Тайной вечери, и протянул ее женщинам с просьбой собрать в нее лившуюся из раны кровь Учителя.

Когда Магдалина, исполнив просьбу, хотела передать чашу Иоанну, один из римских воинов отнял у нее эту чашу и поставил рядом с собой на землю. В это время подошел центурион и видя, что воины поделили между собой одежды Христа, купил эту чашу у воина и передал ее Аппию Клавдию.

Аппий Клавдий не мог забыть видения на Голгофе. Он решил познакомиться с лицами, знавшими Христа, и щедро одаренный им за чашу центурион разыскал по его просьбе нескольких учеников Христа, из которых он познакомился с Никодимом и Иосифом Аримафейским. Они рассказали ему о Христе то, что сочли возможным рассказать римскому офицеру, но не успели сделать его учеником Христа, так как Аппий Клавдий, закончив срок службы в Иудее, должен был возвратиться на родину.

Корабль, на котором плыл Аппий Клавдий, нередко попадал в полосу бури. И с удивлением видел Аппий Клавдий, что хотя и наклонялась чаша с кровью Христа, кровь эта не выливалась из нее.

Аппий Клавдий принадлежал к роду Клавдиев. Этот род, как и все патрицианские роды, включал в себя не только родственников и свойственников старшего в роде, но также многочисленных клиентов и рабов. Вернувшись в Рим, Аппий Клавдий присоединил чашу к *res sacra** своего рода. И странное явление замечалось в роде Аппия Клавдия. Разница между патрициями и плебеями, между свободными и рабами исчезла. Все стали относиться друг к другу, как любящие друг друга родственники – братья и сестры.

Что-то непонятное и удивительное происходило в роде Клавдиев, в его старшей ветви, которая хранила чашу с кровью Христа. Если кто-либо из членов рода задумывал сделать что-либо хорошее, оно неизменно удавалось ему. Если что-либо, хоть немного дурное или злое – ничего не выходило, но даже пытавшийся поступить дурно не терпел при этом ущерба.

Многие члены этой семьи занимали высокие должности, и не так давно еще можно было прочесть в христианских катакомбах Рима надпись: «Клавдий, понтифекс-максимус, почил во Христе».

Странное явление заметили знавшие Аппия Клавдия лица: шли годы, прошло очень много лет, а он оставался таким же молодым и сильным, каким стоял некогда на Голгофе. Постепенно все члены рода Клавдия стали христианами. Впоследствии они образовали полумонашеский орден Розы Креста. Розами обвитый крест стал их символом.

Они хранили из поколения в поколение чашу с кровью Христовой. Но в XIII веке по Р.Х., хранители Чаши увидели, что в ней стала иссякать кровь. От сущности христианской религии к этому времени почти что ничего не осталось. Ее почти вытеснила самозванно христианством называемая религия Митры. Чем более крепло зло на Земле, тем быстрее иссякала кровь в чаше. Благодать Христова исчезала на Земле. Было ясно, что скоро не станет и Грааля.

Но Розенкрейцеры, давно уже ставшие рыцарями, знали, что на земле существует более древний, мощный, тоже ставший рыцарским Орден. И они обратились за советом к старейшинам этого Ордена.

Много раз обсуждали они на совместных собраниях вопрос о том, почему иссякает кровь Грааля, и в тот день, когда она иссякла, они образовали из двух орденов новый, живой Грааль, недостойный, по их мнению, воспринять благодать Христову, но могущий и готовый вместить благодать Серафов, которые в надлежащее время и войдут в Орден – в Новый Грааль, хранящий жизненную сущность Христова учения. И тогда преобразится Земля и небо.

И Орден решил, что для того, чтобы стать достойным хранителем Христова учения, Орден должен приобщиться к живому Граалю, питаемому кровью мучеников: в нем должна храниться святая святых Христова учения, а кровь, в нем хранящаяся, должна пролиться не только в полях сражения, но и от рук палачей.

И гордые рыцари один раз за все время существования своего Ордена склонили головы и решили, что не только должна пролиться их кровь, но и огнем должны быть испелены тела тех рыцарей, которые, решив подражать Христу, готовы повторить его подвиг, пострадав не менее, чем Он пострадал.

Розенкрейцеры вошли в Орден в XV веке, когда, тайному тогда Ордену грозила гибель. Они выступили открыто и отвлекли внимание гонителей, показав им мираж «философского камня». Вот почему в XVII в. некто Андреа, не зная о слиянии Орденов, пытался создать старых Розенкрейцеров.

* Res sacra – дословно: святые предметы, т.е. святыни (*лат.*)

3. О СПАСЕНИИ ТЕМНОГО АРЛЕГА

У Аранов с Серафами был спор.

Говорили Серафы: «Давно уже добивается темный Арлег стать Хранителем Грааля. Если допустить его стать Хранителем и станет он им, то просветлеет темный Арлег, и тогда вы пропустите его к верхам несказанным».

Говорят Араны: «Не прекращает темный Арлег своих попыток насильственного прорыва к верхам, хотя и добивается стать Хранителем Грааля. Не пропустим мы его, ибо просветлеет он, но не преобразится...»

Задумались Араны могучие о дальнейшей судьбе темного Арлега и решили спросить у духов Познания, что ожидает темного Арлега в веках. Тогда обратились Араны к Элора, а тот через Отблесков к духам Познания с вопросом о том, что суждено темному Арлегу.

Но на вопрос вопросом отвечали духи Познания, и спросили они: «Зачем Аранам ответ наш? Изменят ли Араны свои решения в зависимости от нашего ответа?»

Совещались между собой спрашивающие и в свою очередь спрошенные. Говорили: «Есть духи выше духов Познания стоящие. Взоры их еще глубже видят. Видят, может быть, и иное, чем то, что духи Познания видеть могут. Нет поэтому для нас основания изменить решение, нами уже принятое».

Услышав это, отказались отвечать духи Познания. «Ибо, – говорили они, – познание, не переходящее в действие, бесполезно».

Тогда Отблески сами от себя обратились к духам Познания с тем же вопросом, и духи Познания ответили им. Ответ распался на две части, ибо темный Арлег мог отказаться от своих попыток насильственного прорыва, и тогда его ожидало одно, или же он не отказался бы от них, и тогда его ожидало другое. И вот какова была первая часть ответа духов Познания, когда они говорили о том, что ожидает темного Арлега, если он не откажется от своих попыток насильственного прорыва к Верхам.

Пройдут мириады тысячелетий и кончится срок отлучения Сатанаила от мистического общения с Серафами, которое тяготело над ним со времени первой его попытки срыва Печати Окультиного Молчания. На первом же мистическом собрании, на которое пригласят его Серафы, спросят его о том, каково теперь его отношение к Темным. Ответит им Сатанаил: «А разве вы не видели, что всякий раз, когда гото-

вятся Серафы к бою с Темными и на поле битвы показываемся мы, Темные отступают, не принимая боя».

Удовлетворятся Серафы ответами Сатанаила, снимут с него отлучение и постановят они, чтобы разомкнуть замкнувшийся космос Арлегов магический пояс мистических комет. Тогда в первую же после этого леговскую хорею бросится к Легам на помощь Сатанаил и поможет им подняться в космос Арлегов. Поднимутся Леги и отступят, ослепленные величием арлеговского космоса, подавленные его мощью и великолепием... Не в силах будут они выдержать света и красоты его и сойдут вниз в свой космос. Только Проводники смогут принять и вынести то, что они увидят в мире Арлегов...

Они останутся в этом космосе, но часть их пойдет вниз, чтобы проповедовать свое учение ушедшим, и там, вновь опустившись с остальными Логам в космос 16-ти измерений, они будут говорить им: «Смотрите, немного надо вам, чтобы, подобно нам, иметь возможность пребывать на высотах арлеговского космоса. Входите к нам, становитесь Проводниками, и свободно подниметесь вы к верхам». Так будут говорить Проводники, но будут колебаться Леги и не решатся они... Прекратится хорея с тех пор. Земля же к тому времени давно станет эоновской, и Араны встанут на страже ее обитателей. Все прежние пути попыток прорыва будут отрезаны для Темных, ибо не станет хорей, к которой они раньше старались примкнуть, чтобы с ее помощью подняться к верхам, не будет возможности теперь для них проникнуть на земли.

Теряя возможности, решится тогда Темный на свою последнюю, самую страшную, самую могучую попытку прорыва. Соберет он со всех концов вселенной свои силы, призовет темных Арлегов и мрачных Князей Тьмы. Построит неисчислимые полчища темных Легов, соберет могучие Стихийные силы своего космоса, и лярв бросит он на борьбу... И гигантская черная туча детей Тьмы грозно ринется на приступ высоких космосов. Все выше будет подниматься их гигантская мрачная хорея. Она прочтится сквозь опустелые космосы земель и в неудержимом стремлении к верхам охватит подступы космоса Легов...

Но перед лицом грозной опасности закончатся колебания Легов, все они пойдут к Проводникам и вместе с ними поднимутся в космос Арлегов. Черная хорея ворвется в космос опустелый и прочтится сквозь него, поднимаясь все выше и выше. А в космосе Арлегов на правом фланге встанут Проводники Серафы, на левом фланге – Проводники и бывшие Леги, а посередине будут те, кто пребывал в магическом поясе мистических комет, где время оставалось неподвижным, кто как бы отстал в своем развитии. И тут загремит проповедь Проводников, призывающих Арлегов вступить к ним. И когда черная туча бесчисленных духов Тьмы развернет свой боевой фронт перед космосом Арлегов, кончатся последние колебания, и все Арлеги будут в рядах Проводников.

Тогда объединенный космос, ставший целиком космосом Проводников, ринется навстречу темному воинству... Произойдет гигантская битва, и в этой битве под ударами Проводников будет разбито воинство темных Арлегов и Светлые будут гнать его все дальше и дальше через опустевшие космосы, через все Темные Царства, загонят его к самым границам царства Тьмы и вернутся снова в свой космос. Темные разбитые очутятся одни у границ своего космоса. Но в это время лярвы донесут Темному о чем-то страшном, что угрожает его царству. Они донесут ему, что пребывавшее у его царства и до сих пор неподвижное Ничто стало двигаться, и, продвигаясь, оно поглощает все, что встречает на своем пути. Оно поглотило уже часть мглы и тьмы, и много лярв, даже темные Арлеги должны бежать от него и темное царство отступает при его приближении.

Бросятся темные Арлеги и развернут свой фронт перед Ничто, но скоро почувствуют, что не справятся им одним, и понятно им станет, что грозная сила перед ними, и сильнее становится она, поглощая все на своем пути; что, поглотив Темное царство, не остановится она и пойдет дальше, все поглощая, и кто знает, где остановится эта сила, кто сможет положить ей предел. Гибель грозит не одному Темному Царству, но и мирам высоким.

И почувствует тогда Темный, что перед лицом этой опасности солидарными должны быть все космосы. Загремит в мирах его призывный клич о помощи, и первые Сатанаилы узнают в нем призыв, которым они когда-то звали на помощь к себе в борьбе за Печать Окультного Молчания. И они первые, а за ними и весь арлеговский космос бросятся на помощь Темному и станут рядом с ним в великой борьбе с Ничто.

Бросят Арлеги в Ничто кометы, болиды и космическую пыль, и Ничто поглотит брошенное и превратит в ничто. Тогда бросят они туда луны и планеты, но Ничто поглотит и их, превратив их в ничто. И брошены будут в Ничто солнца и туманности, но и их поглотит Ничто и в ничто обратит. Тогда бросят Серафы в Ничто свои мистические солнца, но даже их поглотит Ничто и в ничто обратит... Почувствуют тогда могучие духи, что не в силах они сдержать Ничто, что продолжает оно надвигаться.

И тогда зазвучат в мирах призывные звуки труб Арлегов. Понесется призыв по мирам, и услышат его Араны, но в смущении остановятся, ибо не будут знать, как смогут они бороться с Ничто. Пошлют они Элора к духам Познания спросить их о том, что делать, и позовут их на совет. Ответят духи Познания, что достаточно против Ничто одних Аранов, а для совета два духа Познания вызовутся их сопровождать.

И вот, подобно молнии, двинутся Араны на поле битвы и развернут свои ряды впереди всех, лицом к лицу с Ничто. Но заявят им темные Арлеги, что сами они достаточно сильны, чтобы держать против Ничто свою часть фронта, и попросят они Аранов посторониться. Потеснятся Араны и станут рядом с темными Арлегами...

Так будут стоять духи перед Ничто, и тоска начнет закрадываться к Аранам, ибо стоит им сделать шаг назад, как на шаг будет двигаться вперед Ничто. И подумают Араны, что, может быть, целую вечность придется им так стоять перед Ничто, не видя никакого выхода.

Но лярвы своим животным чутьем почувствуют и донесут темному Арлегу, а тот через Элора передаст духам Познания, что с Ничто что-то происходит. Ответят духи Познания: «Если так, то это уже нечто, а не ничто. Пусть Араны бьют в Ничто своими мистическими мечами». Засверкают мистические мечи Аранов, и их страшные удары обрушатся на Ничто. И вот там, куда будут обрушиваться удары мечей мистических, будут вспыхивать в Ничто мистические огоньки. Все больше и больше будут вспыхивать и загораться мистические огоньки. Появятся духи Пространства и протянут нити от огонька к огоньку, явятся духи Времени, и покатит Время свои волны по этим нитям все дальше и дальше. Остановится Ничто, постепенно исчезая, и духи поймут, что уже не страшно оно, и одни за другими начнут сниматься их отряды и улетать в свои пределы. Помедлят некоторое время последние Сатанаилы, но улетят и они. Темный Арлег останется один с его темными духами.

Так будет течь время и ничто не меняться в царстве Темных. Тогда приступят к темному Арлегу его темные Леги и Князья Тьмы, требуя, чтобы он вел их на приступ миров высоких или же шел вместе с ними в Хаос. Не ответит на их требование темный Арлег, ибо не найдет он возможности идти войной против тех, бок о бок с которыми сражался против Ничто, и в Хаос не захочет он идти... Тогда произойдет бунт Темного Царства против темного Арлега, и все это Царство ринется в Хаос. Останется один темный Арлег, и потечет время. Века за веками будут падать мимо него. Пройдут вечности. Поймет темный Арлег бессмысленность такого бытия, бессмысленность неподвижности, и решит идти в Хаос. Подобно молнии упадет оттуда и вновь станет из Хаоса подниматься. Чрезвычайно быстр будет его подъем, ибо не будет тех, кто мог бы его задержать или помешать его подъему. Проходя при подъеме через опустелые космосы, встретит темный Арлег в космосе земель покинутые души животных и растений.

Впервые проснется в бывшем темном Арлеге представление о несправедливости, совершенной по отношению к оставленным без помощи, покинутым душам растений и животных. Станет работать среди них бывший темный Арлег, положив не

подниматься без них. И встанет перед ним проблема дать этим душам тела, в которых материальное не так подчиняло бы душу, и не сможет ли он разрешить ее.

Тогда вновь зазвучит в мирах его призыв на помощь, и на него откликнутся Сатанаилы. Они придут на помощь к бывшему темному Арлегу и вместе создадут для душ растений и животных тела сфинксов эфиопского типа.

Придет время и Сатанаилы вновь обратятся к Аранам с вопросом: согласны ли они теперь пропустить бывших темных Арлегов? И на этот раз ответят Араны: «Путь свободен, пусть проходят». И с радостной вестью явятся Сатанаилы к бывшему темному Арлегам, а те ответят, что не пойдут к верхам без сфинксов. Спросят сфинксов, но те будут слишком еще несовершенно, и откажутся. Вместе с ними останется бывший темный Арлег...

Такова была первая часть ответа духов Познания Отблескам.

А вот, что содержала вторая часть, говорившая о судьбе темного Арлега в случае, если он откажется от попыток силой прорваться к верхам.

Если темный Арлег откажется от насильственных попыток прорыва, то его допустят стать Хранителем Грааля. Став Хранителем Грааля, просветлеет он. Настанет время преображения земли, и должен будет темный Арлег оставить преображенную землю. Покидая ее, он откроет духам ту страшную тайну, которая ведома только ему одному. А тайна эта заключается в том, что Ничто стало надвигаться. Открыв эту тайну, темный Арлег соберет все свое воинство и двинет его на борьбу с надвигающимся Ничто, а дальше все пойдет так, как рассказано в первой части ответа.

4. О СФИНКСАХ

Когда темные Арлеги в своем подъеме встретились с опустелым космосом земли, то они нашли на них забытые души растений и животных. И возмущение несправедливостью, совершенной по отношению к этим существам, оставленным прозябать здесь и пребывавшим в стационарном состоянии, тогда как все вверх поднимаются, охватило бывших темных Арлегов. И они решили остаться с ними, чтобы создать условия для их подъема. То, что на землях не было уже людей, сильно облегчало их работу. К этому времени изменилась окружающая среда и пришлось создавать новые силовые линии, в результате чего появились тела животных, инстинктами которых не могло быть подавлено стремление к высшему сознанию.

Но многих проблем не могли разрешить бывшие темные Арлеги, и обратились они за помощью к своим старым друзьям Сатанаилам. С помощью этих верных союзников преобразовали бывшие темные Арлеги животные тела в сфинксов с эфиопским типом лица. Мир был заключен между животными и растениями, так что питались сфинксы исключительно минеральными началами: газами, водой, воздухом, минералами. Но отсутствовала у сфинксов способность добро и зло различать, и не знали Сатанаилы и бывшие темные Арлеги, как вложить в них эту способность.

В это время обратились Сатанаилы с вопросом к Аранам: «Допустите ли теперь бывших темных Арлегов наверх, в светлые космосы?»

И ответили Араны: «Конечно, ведь теперь нет в них хаоса».

Тогда предложили Сатанаилы бывшим темным Арлегам вверх подняться. Бывшие темные Арлеги спросили сфинксов: «Хотите идти с нами?» Но отказались сфинксы. И ответили тогда бывшие темные Арлеги Сатанаилам: «Мы будем подниматься только со сфинксами».

Тогда обратились Сатанаилы к Эонам с вопросом: «Как вложить в сознание сфинксов различие добра от зла?» И подсказали им Эоны, что все, что помогает подъему вверх, к совершенству – добро, а все, что задерживает на этом пути – зло...

Когда после ударов Аранов стали огни в Ничто загораться и духи Пространства протянули от огня к огню, как по вехам, свои нескончаемые нити, а духи Времени покатали по этим нитям свои бесконечные волны, сошли в Ничто Эоны, чтобы создать новую вселенную из всего того, что было ранее в Ничто брошено и что оно пог-

лотило. Возникают планеты, спирали, туманности, солнца и кометы, а там, куда разили мистические мечи Аранов, возрождаются мистические солнца, мирами управляющие.

Тонким слоем прокладывают Эоны почву нового мира, развивают массовую силу и энергию. Закон причинности является основой творчества. Но встречается нечто противоборствующее этой причинности и ее подменяющее, нечто, пришедшее извне. Словно Безумие творит свое неповиновение, вмешиваясь в творческую работу. Работают Стихии, но работают бессистемно, как хотят, и им помогают духи Безумия, разрушающие работу духов Причинности, порядок и гармонию устанавливающих.

Тогда обратились духи Причинности к духам Безумия, указывая на дела их и предлагая взамен помех нечто более высокое создать. Согласились на этот раз духи Безумия, и превратились они в духов Вдохновения, Фантазии, Порыва, Шутки, Юмора, Шалости – словом, во все сверкающее, неожиданное.

И к Стихиям обратились духи Причинности, говоря: «Какой смысл в вашей работе: что один создает, разрушает другой, а дело творения почти не двигается. Вы и нашей работе мешаете, в споре своем красоту и гармонию уничтожая».

И был заключен мир между Стихиями и духами Причинности. Тогда, хотя и были налицо все внешние и внутренние условия для образования Хаоса, он не возник. Но мир этот оставался без населения.

В это время бросили Сатанаилы и бывшие темные Арлеги свой призыв в миры, просьбу научить их как дальше поднимать и развивать сфинксов, и пригласили тогда Эоны сфинксов и их учителей занять вновь созданные космосы, расселиться и работать в них. Предложение было принято и переход состоялся. Но тут нужны были новые силовые линии и формы. Эонов просят создать их и они слагают для сфинксов новые тела из мистических, вновь созданных огней.

5. О ДВУХ ЭЛОИМАХ

Однажды два Элоима появились в нашей бесконечности и создали вселенную. Элоим Верха выделил Логос, из которого поднялась вверх чистейшая эманация Слова и опустился Океан душ высших. Элоим Низа выделил Океан душ низших. Элоим Верха поместил свое творение внизу, Элоим Низа – наверху.

И стал Хаос опускаться на Океан душ высших, чтобы соединиться с ним. Но насколько опускался Хаос, настолько же уходил вниз и Океан душ высших, так что соединение невозможным было: между ними все время сохранялось одно и то же расстояние. Тогда переместили Элоимы свои творения, поместив вверху Логос, а внизу Хаос. И теперь Логос стал опускаться на Хаос, а Хаос неподвижно ждал его. Казалось, сольются они, но при дальнейшем приближении слияние оказалось невозможным: Хаос не допускал до себя Логоса бушеванием стихийных сил. Столбы пламени, водопады стремительные, обвалы, бурные порывы ветра, нисхождению Океана душ высших мешали.

Элоим Низа захотел создать новое начало, которое, слившись с Хаосом, было бы началом посева, а Элоим Верха волил создать духов, которые разложили бы Хаос на его составные части и тем упорядочили бы его. И согласился Элоим Низа.

Оба Элоима, вне первой сферы творчества своего, создали сферу новую, в которую бросили семена Логоса. В ней появились прекрасные и мощные духи Света и начали жить в этом космосе. Но когда Элоимы предложили им пойти и разложить Хаос, отказались они, говоря: «Вам это надо, чтобы другие духи появились, но творить стоит только равных нам или высших духов, но так как прекраснее нас вы ничего не создадите, то и творить больше не следует». И медленно, страшно медленно стали духи Света подниматься к Элоа.

Тогда упали в сферу новую другие семена Логоса Высокого и в ней появились духи Гармонии, Познания, Силы, Инициативы. Эти духи выполнили волю Элоимов и

видоизменили Хаос. Духи Гармонии реют над Хаосом, а духи Познания, Силы, Инициативы разлагают его на 1) свет абсолютный, чистый с прослойками света простого, 2) свет обыкновенный, 3) огонь, 4) воду, 5) воздух в движении, 6) материю земли, 7) пространство, 8) время, 9) мир безумия, куда вошел самый страшный элемент Хаоса, 10) мир тьмы, 11) мир мглы, 12) мир причинности и т.д., все, что есть материального в мирах, в том числе радиоактивность, электричество, магнетизм и прочее.

Прилетели духи Гармонии, увидели Хаос разложенный, и так понравился им свет абсолютный с прослойками света простого, что решили сохранить его, так как знали, что не потерпит свет абсолютный в себе мрака и выбросит его. Для этого отразили они этот свет в спокойной поверхности водного зеркала и увели воду. А в отраженное начало упали семена Логоса и появился в нем свет Логоса, в Аранов непобедимых превратившийся.

В свете простом появились Арлеги и Леги. Четыре основные стихии вместе с прочими началами образовали земли, на которых нашли приют воплотившиеся души людей и животных. Океан душ высших дал людей, а океан душ низших – животных. В других созданных началах выросли из семян Логоса духи Времени, Причинности и прочие.

Во мгле появились лярвы, а там, где тьма соприкасается с мглой, возникли лярвы, подобные Легам. И в абсолютную тьму и во тьму простую упали семена Логоса, и там возникли чрезвычайно могучие духи, которые тотчас же начали страшную борьбу со мглой и тьмой, не желая оставаться в том начале, которое мглой и тьмой именуется, и стремились они подняться и занять место рядом с Элоа. Это были темные Арлеги, Князья Тьмы и темные Леги. Они поднялись очень быстро, так что темные Арлеги по своей мощи стали выше Арлегов. Но на своем пути не научились они различать добра и зла, неся в себе неизжитые элементы Хаоса. Они поднимались до тех пор, пока не встретились с Аранами.

Как уже было сказано, в отраженный свет абсолютный упали семена Логоса, и в нем появились мощные Араны. Но уведенная духами Гармонии стихия воды постоянно возвращалась в космос Аранов и заливала вновь созданный мир. Тогда на помощь против водной стихии призвали Араны стихию огня, и огонь изгнал воду. Часть огня осталась в космосе Аранов, и Араны из этого огня, прибавив к нему огонь мистический, огонь в водной стихии отраженный и огонь в других мирах сверкающий, выковали себе мечи.

Между тем продолжалось создание новых духов, и эти духи в поисках космоса, в котором они могли бы поселиться, появлялись в космосе Аранов. К Аранам приходили духи Времени, Причинности, Кармы, даже духи Темного Царства приходили к ним, и все хотели поселиться в мире Аранов. Сумрачно и недружелюбно смотрели на них Араны и, наконец, когда пришли к ним духи Безумия, истощилось терпение Аранов и обратились они к Элоиму Низа с просьбой избавить их от пришельцев Хаоса.

Но не ответил им ничего Элоим Низа. И прокляли тогда Араны Элоима Низа за его творчество, и покинул Элоим Низа нашу вселенную вместе с главными духами стихий Хаоса, часть которых в мире Аранов была. Открылась тогда Аранам возможность прогнать ослабевших пришельцев, и беспощадно гнали они их из своего космоса и рубили нити Кармы своими мистическими мечами. И поклялись Араны не пропускать в вышележащие космосы ничего, что имеет в себе элементы Хаоса.

В верхней части Логоса появились Эоны, облекшиеся в абсолютно чистый свет. И хотя выше всех космосов находились они, но переместили Эоны свои космосы ниже космоса Аранов, тотчас за Арлегами, так как ближе к нуждающимся в помощи пожелали раскинуть свой стан.

Когда Элоим Низа удалился, духи, во мгле и тьме сущие, не ушли с ним. Узнав, что существуют духи более высокие, и что им придется очень медленно подниматься до этих духов, они, не считаясь с волей Элоима, мощным страшным порывом пошли к верхам своей дорогой. Но в их подъеме вверх преградой встали Араны.

Встретив эту живую стену и не будучи в состоянии прорвать ее, темный Арлег обратился к Элоиму Верха с требованием, чтобы он отдал приказ Аранам пропустить их.

Заранее объявили Араны, что если и будет такой приказ, они все равно его не послушают. Но Элоа не обратил внимания на требование темного Арлега. Тогда духи тьмы объявили войну Элоа, подменив ее войной с низшими духами и людьми, которыми они мешают в их подъеме к верхам, думая этим принудить Элоа к уступке. Неоднократно предпринимали они попытки прорваться ввысь, как например, во время хорей в космосе Арлегов, но безуспешно, и лишь после этого через своих лярв они начали захватывать земли с обитающими на них людьми.

6. СОВЕТЫ ЭОНОВ МУДРОСТИ

Эоны Мудрости решили пройти по космосам и дать там свои советы. Но Стражи Порога отказывались пропустить их, говоря: «И без ваших советов будут жить духи. Вашей мудрости они все равно не смогут вместить. Ваши наставления не для этих космосов, они не воспримут их».

Отвечали Эоны Мудрости: «Никто, кроме Элоима, не может знать, что получится в результате нашей работы. Ваше дело снизу вверх не пускать, если на то есть воля Элоа, а не сверху вниз».

Тогда расступились Стражи Порога и сошли Эоны Мудрости к духам Познания и сказали им: «Ваши ученики забыли, что любовь на земле – это отказ от богатства и власти. В других космосах они забыли, что нельзя никого обижать ни словом, ни делом, что взаимопомощь должна распространяться и на другие космосы, недаром за духов Мглы молились те из людей, которых называют святыми. А вы не учите почему-то любви и взаимопомощи между космосами. Вы забыли учить и тому, что хотя удовлетворение духовных потребностей и есть путь к высшему, но удовлетворение их в ущерб ближнему есть падение в бездну. Вы говорите: любите ближнего, как самого себя; а мы говорим вам: и самих себя любите, как ближних. Проповедуя любовь, вы забыли проповедовать самозащиту против зла. А нет зла худшего, чем позвование, данное духу глумиться над кем бы то ни было из духов».

Прибыли Эоны мудрости к духам Света и говорили там: «Обратите внимание на черные молнии – недаром сверкают они в вашем космосе: вы заняты только самолюбованием, вы только о себе думаете, тогда как всем космосам вы должны светить».

И дальше прошли к духам Гармонии, сказав им: «Вы должны нести гармонию во все космосы, а вы не вышли за пределы своего космоса. Дайте другим мирам хотя бы только те формы жизни, которые служат причиной и необходимым условием для солидарности и содружества!»

Сошли Эоны Мудрости к духам Силы и сказали им: «Если понадобятся для чего-либо ваши силы, то давайте их только Эонам Любви, даже нам отказывайте в них».

А духам Инициативы говорили: «Только на службу к Эонам, к духам Познания и духам Гармонии и на службу их отражениям можете идти вы».

Миновали они молча космос Нирван, не заходя в него. Также прошли они мимо Отблесков, произнеся: «Даже самый прекрасный Отблеск Верха и Отблеск Низа хуже, чем что-либо одно. У вас два Отблеска – розовый и голубой. Пора вам сделать выбор между ними; и мало быть Отблесками, надо светить».

Затем спустились они к Аранам и сказали им: «Вы постоянно нападаете, а мы говорим вам: не нападайте, а защищайте с удвоенной мощью. Если все требуют от вас зла и мести – творите сверхдобро, добро большее, чем то, которое требуется. Только там, где необходимость требует от вас высшей меры добра, только там приветствуйте Карму, ибо это нечто высокое. Во всех же остальных случаях обнажайте ваши мечи против нее. И если от вас требуют наибольшего, что вы можете дать, делайте больше того. Безгранична будет свобода ваша, но не иначе, как на основе добра и отказа от угнетения».

Шли они молча мимо космоса Арлегов и сказали им Арлеги: «Почему же нам вы

ничего не говорите?»

И отвечали Эоны Мудрости, обращаясь к Сатлам и Серафам: «Что же нам говорить вам? Вы до сих пор не можете слиться в единый космос. Не ваше дело судить Сатлов и недостойно вас, Сатлы, судить Серафов за суд их».

А Михаилам говорили так: «Продолжайте направлять ваши силы, как направляли, и не в ущерб этой работе увеличьте, усильте ваши попытки разорвать магический круг Начал. Помиритесь с Сатлами».

Затем Арлегам, где остановилось время, сказали: «Чем скорее опустеет ваш космос, тем лучше для вас. Уходите из вашего космоса и в него не возвращайтесь, пока кометы его окружают. Идите к Михаилам».

И сошли они в космос Легов, сказав им: «Вы много о других думаете, подумайте о своем космосе».

А людям сказали они: «Слишком много о себе думаете, подумайте о других космосах».

И сошли Эоны Мудрости в космос теней и советовали там: «Не будьте тенью серого и однообразного. Постарайтесь стать тенью яркого, красочного, многообразного».

С жалобами на вечные метаморфозы встретили их в космосе меняющихся образов, с жалобами на невозможность постоянства при вечной смене форм, отчего невозможно развитие. И сказали там Эоны Мудрости: «Какие бы ни были ваши смены форм, оставьте для них одну цель постоянную и к ней идите. Ваши мгновенные смены и мириады тысячелетий духов – одно и то же перед Элоимом».

С жалобами на ирреальность своего мира встретили их в космосе звуков. И говорили там Эоны Мудрости: «Старайтесь использовать вашу способность слышать и говорить так, чтобы из царящей у вас разноголосицы получилась гармония, и тогда сразу вы подниметесь по лестнице духов».

Вошли они к Светозарным и говорили так: «Никакого значения не имеет то, что вы низших духов в верха не пускаете. Элоим не страдает от этого, Он вне времени. Вы считаете себя гордыми из гордых. Будьте же настолько горды, чтобы перестать подменять борьбу с Элоимом борьбой с людьми и другими духами. Откажитесь мешать другим духам в верха подниматься, и этот отказ ваш будет унижением, которое выше всякой гордости».

И задумались Светозарные.

Возвращались Эоны Мудрости, и на пути в свой космос, проходя мимо космоса Нирван, сказали им: «Отказа от зла недостаточно. Вспомните Левита в притче о милосердном самарянине».

И когда подошли к своему космосу, Стражи Порога отказались опять пропустить их. «Бесполезно было ваше путешествие, – говорили они, – ни один космос не стал мудрее».

Отвечали Эоны Мудрости: «Они поумнеют в веках и мирах, а вы – едва ли».

И расступились Стражи Порога, но когда проходили Эоны Мудрости вверх, один из Стражей Порога крикнул им вслед: «Потускнела ваша мудрость, Эоны Мудрости. Мы пропустили вас, хотя могли бы и не пропускать».

7. РАЗГОВОР В КОСМОСЕ ЛЕГОВ

Однажды в космосе Легов собрались Проводник Света, Маг Стихийных Сил, Звезда Знания, Маг Стихий Смерти, Сераф, Темный Арлег и Князь Тьмы, и говорили они о том, что такое счастье и в чем смысл жизни.

И сказал темный Арлег: «Бессмысленна жизнь, не понимаю, зачем создана она, раз есть наличность страдания, а страдание мы видим всюду, оно преследует нас во всех видах, оно исходит и от тела, и от души, и от духа. Страдания тела чувствуем мы как боль, как ненормальное отправление организма. Страдание души дает нам скуку, желание стремиться вверх, вдаль, куда бы то ни было; правда иногда бывает и вос-

торг в стремлении, но он бесплоден. Разве не страданием является полное безразличие ко всему окружающему, которое иногда с такой силой духов охватывает? А таких низших измерений подстерегает еще кажущаяся ирреальность их миров, неустойчивость, пустота. Кроме того, вам, как высшим, неизвестна мгла, с которой нам вечно приходится бороться. Ведь она залепляет нас, в ней ничего не видно, не слышно, царит мертвое молчание, мы задыхаемся в ней! Нет смысла в жизни, лучше если бы ничего не было создано».

Звезда Знания: «Да, существует страдание, но оно же и дает развитие сил, скрытых в потенции. Как наличие механической силы, преодоления требующей, развивает мускулы тела и делает их приспособленными к жизни, так и наличие страдания, требуя его уничтожения, развивает силу и делает духов более способными к возвышенной, то есть, соответствующей большому размаху жизни».

Темный Арле: «Тогда, значит, сильнее всех я и способнее других к большому размаху, так как невероятные препятствия преодолели мы, победив мглу и тьму».

Звезда Знания: «В потенции – да. Но ведь потенция, не переходящая в реальность, бесполезна, вечная потенция не сильна. Сильна активность. Порывы без завершения не важны. Темные и светлые молнии неизбежны, но если они не падают, они не нужны, только даром появляется и пропадает сила».

Все: «Без того, что для нас страданием является, был бы застой и неподвижность».

Темный Арле: «Но сама по себе жизнь, для чего она? Дает ли она счастье, и в чем оно?»

Маг Стихийных Сил: «В сознании мощи, стихийной мощи, победе над стихиями».

Звезда Знания: «В сознании мудрости, в знании, откуда пришли мы и куда идем, и по каким законам мир построен».

Проводник Света: «В упоении неравной борьбой».

Сераф: «Когда высшая мистическая Любовь, высшая мистическая Мудрость ostавляется у нас спускающимися Эонами, и меркнут в блеске их наши мистические солнца, то громовый вопль восторга по всему нашему космосу проносится. В этом упоении счастья – все!»

Темный Арле: «Но почему все созданы не сразу совершенными? Как высшее из возможных совершенств?»

Князь Тьмы: «А просто не всемогущи наши боги!»

Звезда Знания: «Если бы люди рождались сразу семидесятилетними и по сто лет старыми мудрецами жили, без борьбы, в мир мудрыми являлись, хорошо ли это было бы?»

Проводник Света: «Не ценили бы они такой мудрости».

Звезда Знания: «Но кто же тот, чьим отблеском все является?»

Проводник Света: «Поговорим о начале сущего, об Элоа».

Все: «Да, хотим говорить об Элоа».

Князь Тьмы: «О, это только могучий дух, нам же подобный, но далеко от нас живущий».

Звезда Знания: «Нет. Это не знание, не душа, не дух, не человек. Не знаем, кто и что Он, и только понятия Сущий и Творящий, приложимо к нему».

И дошла до них эманация Отблесков, говоривших: «Все в нем величайшее: мудрость, сила, любовь. Все его, кроме того, что от него отшатнулось. Совокупность всего дает его мощь и к ней прибавляется то, что дает совершенство».

Звезда Знания: «Его Сын совершенен. В Нем высшая мистическая Мудрость и Мудрость высочайшая, мистическая Любовь, и Любовь высочайшая».

Темный Арле: «Но бросил Отец Сына на кресте умирать! Воля Отца, а не Сына совершилась».

Звезда Знания: «В этом и есть величие, слава и жертва! Тем ослепительнее слава! Могли бы прийти мириады нас на помощь. В один миг смяты были бы вражьи силы! Но тогда не было бы высочайшей мистической Любви. Не было бы неслыханной жертвы, не было бы величайшей славы!»

Темный Арлег: «Странно! Мне не кричали «слава», когда мощь темного Арлега была признана вами же!»

Маг Стихийных Сил: «Ты ничего не понимаешь: ведь не различаете вы добра и зла».

Многие: «Мы хотим говорить о Боге, а не о темном Арлеге!»

Ярче всех светятся Проводники Света.

Голоса: «Слушайте их, слушайте!»

Звезда Знания: «Не годится ваш подход. Отблеск идет сверху вниз, а познание должно идти снизу вверх. Выясним сущность более низших существ. Что такое Эгрегор?»

Князь Тьмы: «О, они хуже нас, злы, отвратительны, тягостны, навязчивы. Ведут себя, как хотят, ни с чем не считаясь!»

Звезда Знания: «Не имеют ни форм, ни рассан, но разлиты в массу форм и рассан. Конечно, это не духи в обычном понимании».

Князь Тьмы: «Почему же они сильны?»

Звезда Знания: «Всегда заодно, потому и сильны».

Проводник Света земли: «Эгрегор – не то же ли, что люди на земле «обычаем» называют?»

Князь Тьмы: «Он также давит и заставляет идти тем путем, который вы злым называете».

Звезда Знания: «Ясно, что заставляет делать злое: ведь иначе вы отличия зла от добра не поймете, как испытавши на самом себе причиненное другому зло... Но Эгрегор личность, хотя и множественная, как личность любого из духов. Это не то, что нами же созданные обычаи».

Князь Тьмы: «Если дух, то откуда?»

Звезда Знания: «Из опустелых космосов, но пошедший своим путем, отказавшийся от тела и рассаны, и поэтому видоизмененный, рассыпавшийся в массу форм».

Князь Тьмы: «Так может быть Элоим – совокупность Эгрегоров?»

Звезда Знания: «Не лучше ли эту совокупность назвать Демургом?»

8. ВЫСОКИЙ РАЗУМ

Первый: «Трудно понять Высокий Разум. Трудно постигнуть почему так, как мы постигаем, а не иначе, устроены миры населенные. Много вопросов ставится перед нами, немногие из них мы обсудим, так как, не ответив на них, мы можем усомниться в Великой Справедливости».

Второй: «Объясните мне, если можете, почему начало темное только злое творит? Почему доброе не удается ему делать, даже тогда, когда он, не различая добра и зла, стремится к нему хорошими средствами?»

Звезда Знания: «Темный не видит, куда идет и как идет. Он слеп разумом, не умен. Злое легче делать, чем доброе, ибо очень трудно добро делать, так как часто кажущееся добром влечет зло за собой. Добром считают люди спасти жизнь человеку, а спасенный губит сотни людей. Надо уметь вдаль смотреть, чтобы понять, что и в этом случае надо спасти гибнущего человека. Потому, хотя бы, что, спасая каждого нуждающегося в помощи, спасут 10 гибнущих, и только один из них погубит троих. Спасается и тот, который спасает, погибнет – отказывающийся в помощи. Даже такого простого расчета не понимает Темный. Ничего не понимает он, но легко поумнеть может. Если ему не удастся достигнуть хорошего, стремясь к этому хорошему, то это потому, что в процессе его деятельности хорошее превращается в плохое и хорошие средства становятся отвратительными, а он не видит и не сознает этого».

Голос: «Не ясно! Нельзя ли дать более ясные толкования?»

Говорит кто-то из собравшихся: «Почему высоко стоят Светлые, а не высоко – Темные? Почему они обречены на разную участь?»

Кто-то отвечает: «Ведь это вопрос времени и только: и Светлый был в низу и ничего не понимал тогда, отказываясь идти по пути, указанному не ошибающимися. Светлые шли к верхам медленнее, чем могут подниматься Темные нашего времени. У всех был свой низ. Различны низы эти, но верхи для всех одинаковы. И Темному не дальше до верха, чем изначально Светлому было. Надо только, чтобы Темный захотел подняться. Конечно, кто впад в грязь, не захочет встать, в грязи и останется. Поднимается только тот, кто хочет подняться».

Голос: «Что же, и тут законы, как в мире людей познаваемом?»

Вступает в разговор, до сих пор молчавший: «Конечно, нет закона (закона, а не приказа, не о приказах речь; с ними Темные носятся), нет закона, для нас не обязательного. Только для Высших не обязательны законы одинаковой последовательности. Но зато Высшие всегда ко всему готовы. Почему же все-таки хуже тому, чье происхождение мрачно, чем тому, чье происхождение светло?»

Голоса, издаലെка прибывших: «Едва ли хуже тому, чье происхождение мрачно (ваше слово употребляем, ваше, а не наше). Чем темнее начало, тем сильнее будет порыв к верхам и тем сильнее тяга к свету и быстрее подъем до того момента, когда наши низы и наши верха сравниваются. Ослепительной радости от быстрого перехода к свету от мрака не знают постепенно переходящие от света тусклого к свету несколько более яркому. Первому, быстро продвигающемуся, ведом глубокий восторг достижения. Препятствия, которые преодолевать приходится быстро в верха стремящемуся, силы его развивают, мощь его закаляют. А если он страдания испытывает, то страдание воспринимаем мы как очищение от зла, и все эти страдания – миг перед вечностью, и только. Помните: медленно продвижение Светлого и сомнительно счастье счастливых. Это знают люди, как бы в нашу счастливую назвавшие несчастного Суллу, Ирода и других, тяжело страдавших».

Раздается тихий голос: «Почему Светлый сильнее Темного?»

Звезда Знания: «Почему вы так думаете? Едва ли можно говорить о разнице в силе Темных и Светлых. Каждый силен в своей сфере. В моей сфере и в моей работе самый сильный, не слившийся со мной в одно целое, абсолютно бессилён, как был бы бессилён я, попав в его сферу. Исключение, о котором поговорим позднее, – Ламирглоамы и Сатлы, которые сумели быть сильными в чуждых им сферах, но они эманациями этих сфер проникаются, как бы обитателями разных сфер становятся. Было бы неразумно, если бы ребенок негодовал на то, что он мал и слаб по сравнению со взрослыми. Придет время, и он взрослым станет. Придет время, и последние станут в рядах первых.

Спрашивают, блеском тихим сияющие: «Почему обитатели одного космоса мудрее обитателей другого?»

Слышится ответ: «В чем мудрее? Едва ли можно утверждать это. В самом главном – в познании Великого, в умении отражать Его волю – все равны. Ибо как бы ни отразился Он, как бы ни была воспринята воля Его – в этом все равны. В разных частных случаях в одном отношении умнее обитатель одного космоса, в другом случае – обитатель другого. В сущности же, все и во всем равны перед Великим».

Задается вопрос одним из слушающих: «Скажите мне, почему или для чего существуют космосы нижние и космосы верхние?»

Отвечают, отблеск высшего знания воспринявшие: «Если бы все на одном уровне стояло, то не было бы порыва вперед, в верха. Все на одном уровне застыло бы. Космос Света неподвижен, так что не случайно его черные молнии прорезывают. Они напоминают, что есть верх и низ. Они как бы будят, напоминают. Движение – жизнь, неподвижность – смерти подобна и ведет к распаду низшего. А мы не низшие. Припомните: было время, когда низы верхом были. И в низах может засверкать и воссияет Свет Тихий, свет прекрасный. Время придет (и от в низах сущих зависит приблизить это время), когда низы так же прекрасны, как и верхи, станут, хотя сияние низов будет отличаться от сияния верхов, но то и другое сияние прекрасно будет...»

9. ОТЧЕ НАШ...

Молитва «Отче наш», данная нам Христом – это молитва, которую духи космосов, на Золотой Лестнице лежащих, Творцу возносят. Каждому космосу свое прошение соответствует, и когда повторяют его духи, то мощный хор составляется, хор космический, и несется молитва к подножию трона Элоа.

«Отче наш, иже еси на небеси», – это прошение космосу Отблесков соответствует, ибо они одни с уверенностью могут сказать: «Ты, который есть».

«Да святится имя Твое», – прошение космоса Аранов, ибо всюду они проповедуют святость Его имени.

«Да приидет Царствие Твое», – прошение Эонов Мудрости, ибо Царство Его является царством Мудрости.

«Да будет воля Твоя, и на земле, как и на небе», – прошение Эонов, ибо всюду являются они проводниками Его любви и воли.

«Хлеб наш насущный дай нам днесь», – прошение космоса Арлегов, ибо здесь впервые появляется, хотя и самая разреженная, материя.

«И остави нам долги наши, как и мы оставляем должникам нашим», – прошение космоса Легов, виновных и тяжелой жертвой искупающих свою вину.

«Не введи нас во искушение», – прошение космоса людей, ибо сильны здесь искушения и трудно им противиться.

«Но избави нас от лукавого», – прошение космосов, ниже земель лежащих, ибо особенно сильна там власть темного Арлега.

«Яко Твое есть Царство и Сила и Слава во веки веков», – относится к другим космосам, вне Золотой Лестницы лежащим, космосам Силы и Славы.

10. О ТРОНЕ

Однажды между рыцарем Тамплиером и рыцарями Мальтийцами зашел разговор о прошлом обеих традиций. Рыцарь Тамплиер указал, что Мальтийцы потеряли то ценное, что было у них раньше.

Те возразили: «Но мы не знаем, что есть ценного у вас, нечем вам хвалиться».

Рыцарь Тамплиер спросил их, встречали ли они духов потусторонних миров.

«Нет», – отвечали они.

И он сказал: «Так вот вам один рассказ».

Вы знаете, что у нас существуют разногласия между Тамплиерами и Розенкрейцерами. Я считаю Розенкрейцерство ложным уклонением от истинного Тамплиерства. Меня часто посылают для переговоров с ними, именно как чистого Тамплиера. Как-то явилась надобность выяснить отношение нашего Ордена к одному общественному движению. Мы жили в Париже, они – в Версале. Я отправился в Версаль по железной дороге, вошел в вагон и занял место. Против меня оказался незнакомый человек. Но он приветствовал меня, как приветствуют друг друга рыцари Тамплиеры. Я удивился, что до сих пор не знал его.

Он спросил: «Вы едете в Версаль?»

«Да», – ответил я.

Он сказал: «Я также, мне надо с ними же переговорить».

Едва я хотел спросить, к какой группе он принадлежит, как он заявил, что он Тамплиер-одиночка. Мы приехали и направились ко дворцу, в котором жили маги. Нам отворил портье-индус. Я был удивлен, какой ужас выразило его лицо при виде моего спутника. Поразили меня жесты, бег по лестнице этого индуса высшей степени Восточного Посвящения. Мы вошли в комнату. Нас встретили трое: два Розенкрейцера и один маг-Тамплиер – женщина. Мне показалось, что первые два были смущены, так как мысленно они говорили:

«Ну вот, он опять появился, этот Трон!»

Мы сели, и маги-розенкрейцеры мысленно продолжали:

«Вот рыцарь Саризель, он здесь, значит он приглашен присутствовать».

И он также, не произнося ни слова, отвечал, что, конечно, он будет присутствовать. И опять раздаются слова его, молчащего:

«Сколько времени прошло с тех пор, как мы виделись с вами у таборитов? Скажите, что вы сделали из того, что собирались сделать? Подвинулись ли вперед в осуществлении той задачи, которую поставил Он?»

«Ты сам знаешь, – был молчаливый ответ. – Если Ему не удалось, то как нам могло удастся?»

И мне почудилось, как будто громко воскликнул Трон:

«Это не ваш ответ! Это ответ темного Арлега. Зачем он здесь?»

Мне показалось, что между нами и магами колеблются какие-то светлые фигуры и фигуры магов как-то завуалированы. Я почувствовал что-то вроде холодной дрожи и сказал:

«Здесь три, если не пять рыцарей Христа; здесь наше собрание. Где наше собрание, темному Арлегу нет места!»

Один из магов ответил: «Не так уж он мрачен, как ты думаешь».

Как бы яркий свет блеснул вправо от меня, где сидел Трон. Я повернулся к нему и тотчас же опустил глаза: невероятно ярким блеском сверкала его фигура.

И Трон сказал: «Где Тамплиеры, там наш Христос, не приглашенным тут нет места. Вы приглашали темного Арлега?»

И маги ответили: «Нет».

Тогда я сказал: «Темный Арлег должен удалиться. Если маги не хотят опоясать нас магическим кругом, скажи мне, рыцарь, твое боевое имя!»

И я почувствовал, что я задыхаюсь. Как будто какая-то лохматая рука схватила меня за горло и душила. Конечно, это была рука не темного Арлега; думаю, что кто-либо из Князей Тьмы по-своему вмешался в наш разговор. Я пытался схватить своей рукой эту руку, но моя рука встретила только воздух. Мне показалось, что там же, где и моя рука, рука тела моего астрального схватила руку Князя Тьмы и со страшной силой оторвала ее от моего горла. Князь Тьмы потянул меня к себе, но я не уступал.

Встали маги и своими жезлами очертили магический круг и раздался голос мага из Розенкрейцеров: «Саркос, пусти!»

Я отпустил руку, и молчавший до сих пор маг Розенкрейцер сказал:

«Конечно, Трон, наш ответ был не нашим ответом, а ответом Арлега. Если мы мало что сделали, не говоря о работе мага Тамплиера, то это потому, что темный Арлег искушал нас очень удачно. Но мы были спокойны, так как маг-Тамплиер работала в этом направлении. Если ты пришел к нам из своих сфер напомнить нам о нашем разговоре, то мы возьмемся теперь за эту работу. Конечно, мы знаем слова темного Арлега, что ему дается власть над царствами; конечно, мы знаем все те аргументы, которые подсказывает темный Арлег, чтобы победить противников этой власти. Но мы приготовили возражения на них. Трон, ты можешь уйти и быть уверенным, что мы сделаем свое дело».

Долго продолжался разговор Трона с магами. Этот разговор помирил меня с ними. Какая сила мысли, какое умение отметить все лукавство темного Арлега! Я с Троном и магами вышли из дома. Проходя мимо комнаты портье, я увидел, что он лежит на полу, раскинув руки. Дверь как бы сама распахнулась и закрылась за нами. Мы пошли по улице. Я хотел обратиться к Трону с вопросом, кто он, но Трона уже не было.

Я обратился с этим вопросом к магу- Тамплиеру, и она ответила: «Это Трон из мира Валгаллы, принявший на себя миссию напоминать кому следует забытые им слова Эона».

11. ИЕГОВА

Земля – сплошной, сильно накаленный океан. Когда он до известной степени охладился, духом Силы были брошены в него некоторые семена. Образовалось перво-

начальное живое вещество, дающее начало всему, но оно расположилось слоями. Слой, лежавший глубже на весьма малую величину, уже слабее пронизывался лучами белого тогда солнца. Так произошло различие в свойствах слоев.

Когда охлаждение Земли достигло того, что ее температура стала ниже температуры солнца, тогда дух Силы взял семена душ, созданных Элоимом Верха и Элоимом Низа, и бросил их в это вещество. Часть семян, созданных Элоимом Верха, осталась в верхних слоях, а слой нижележащие оплодотворились семенами Элоима Низа. Силловые линии этих душ стали объединять вокруг себя это вещество, и появились существа в верхних слоях, более высоко стоящие, в ниже лежащих – животные.

Дух Силы постоянно видоизменял силловые линии душ; вещество каждого слоя развивалось, не смешиваясь с другими слоями. Развитие каждой группы существ шло своим путем: животные развивались только к животным, наши предки развивались только к людям. Но и сам верхний слой был расслоен. Это расслоение внутри него обусловило образование различных рас: 1-я раса – исполины, 2-я – гиперборейцы, 3-я – адамиты, 4-я – карлики.

Так как происхождение всех существ одинаково, и так как не от них зависело быть вверху или внизу, быть более или менее нагретыми, то отделившись от материи, от первых семян, брошенных духом Силы, и от всякого рода материи – души уравниваются. А пока материя не исчерпана, не исчезла – и люди разнствуют между собой.

12. ОБ ОРАНЖЕВОМ СОЛНЦЕ, ГОЛУБОЙ И ЗЕЛЕННОЙ ЛУНЕ

Вокруг оранжевого солнца вращается одна земля, а вокруг нее – две ее луны, зеленая и голубая. Полностью обращается земля за 48 часов, причем на ее небе 24 часа светит оранжевое солнце, 12 часов зеленая луна, а 12 часов – луна голубая.

На земле этой встречаются три расы. Самая многочисленная – раса оранжевого солнца, вроде людей нашей земли; в некоторых отношениях они выше их, в некоторых – ниже. Было время, когда они делились на племена, сражавшиеся между собой. Когда светит оранжевое солнце, эти люди очень деятельны и бодрствуют. Когда светит зеленая луна, люди оранжевого солнца находятся в полусне, они плохо воспринимают окружающее, энергия их падает, а во время голубой луны они могут только спать.

Кроме людей оранжевого солнца на этой земле живут существа зеленой луны. В ее лучах они особенно энергичны. Они обитают в других местах, чем люди оранжевого солнца, в местах недоступных для последних. Их быт выше и совершеннее, чем быт людей оранжевого солнца. Они едят меньше, для них достаточно питания водой и двумя-тремя сортами растений. Правда, вода там гораздо плотнее – по ней можно ходить. Эта плотность объясняется медленностью движения ее атомов, которые можно видеть глазами.

Люди зеленой луны гораздо могущественнее по своему мистическому знанию, чем люди оранжевого солнца. Когда светит зеленая луна, к ним в гости приходят люди оранжевого солнца и смотрят на их прекрасную жизнь, и как прекрасный сон и мечту уносят воспоминание о ней в свою жизнь. А люди зеленой луны приходят к ним и помогают им. Так, в ту эпоху, когда люди оранжевого солнца вели между собой войны, они уничтожали их оружие. Во время оранжевого солнца люди зеленой луны невидимы для первых. Невидимые, они ходят среди них и оказывают на них свое влияние, проповедуют свою религию, которую люди оранжевого солнца иначе не воспринимают.

Во время голубой луны люди зеленой луны находятся в смутном состоянии сознания.

Есть также люди голубой луны. Где живут они, не знают ни люди оранжевого солнца, ни люди зеленой луны. Известно, что они спускаются откуда-то, и только. Людям зеленой луны они рассказывают о других мирах космоса голубых солнц, рас-

сказывают о громадном долголетии людей того космоса, об их грандиозных познаниях, об их необыкновенной жизни. И люди зеленой луны не могут вполне понять этой жизни. Люди голубой луны проповедуют им свою религию, но люди зеленой луны воспринимают ее лишь в отраженном, теневом виде.

Если человек в одном из миров нашего космоса не заслуживает перехода в высшие космосы и космосы низшие, то души таких людей перелетают на планету оранжевого солнца и там перерабатывают свою карму к лучшему. А существа зеленого и голубого солнц появляются таким же образом на эту планету из космоса зеленых и голубых солнц, из космосов, более высоко стоящих, чем наш космос. И только тот человек переселяется на эту землю, который слишком сильно был привязан к своей земле, к своей планете.

13. О РОЗОВОМ ДЬЯВОЛЕ

Раз на пиру поспорили два рыцаря. Один сказал другому, что тот сказал неправду, и второй почувствовал к упрекнувшему его ненависть.

Спор шел о сошествии Христа в ад, и упрекнувший полагал, что второй рыцарь знает об относящихся сюда событиях, но притворяется незнающим. Между тем, второй рыцарь действительно не слышал рассказа об этих событиях. Правда же заключалась в том, что второй рыцарь был Князем Тьмы, вышедшим с Христом из ада, но на Земле отпавшем от него. Он поклялся отомстить своему обидчику.

Однажды он послал ему сказать, что его родственник приехал из Палестины, лежит больной и оставит ему громадное наследство, если тот немедленно отправится к нему, чтобы отслужить обедню за упокой его души, так как в живых он, вероятно, не останется. Это было передано от имени самого родственника.

Но за час до прибытия гонцов от приехавшего из Палестины, рыцарь обещал некой даме проводить ее от одного замка до другого в сопровождении тридцати других рыцарей, так как на пути была шайка разбойников. Ехать ему не было необходимости, так как достаточно было для эскорта и четырех человек. Рыцарю пришлось выбирать между словом, которое он дал даме, и наследством. Он не считал возможным нарушить слово свое, хоть в его присутствии надобности не было, и Князь Тьмы был очень недоволен им.

Затем случилось, что рыцарь был захвачен в плен разбойниками. С него требовали выкуп, угрожая в противном случае смертью. При нем не было денег, однако неподалеку жил его друг, который мог ссудить ему денег. Разбойники от него требовали, чтобы он не писал о своем положении, из опасения, что его освободят силой. Но рыцарь отказался так поступить, и Князь Тьмы опять был посрамлен.

В третий раз к рыцарю явилось посольство, которое предложило ему престол германского императора, сообщив, что за него высказались все курфюрсты, но сам он должен выйти из Ордена, поскольку император стоит над всеми орденами. Рыцарь ответил, что он дал обещание не выходить из Ордена, и отказался от императорского престола.

Целый ряд соблазнов устраивал для него Князь Тьмы, но рыцарь им не поддавался. Огорченный его противник отправился за советом к одному монаху, о котором он знал, что тот тоже вышел из ада, но на земле изменил Христу. Тот сказал ему, что с рыцарями вообще трудно справиться, даже Князья Тьмы оказываются перед ними бессильны, но есть способ достичь цели: пусть он только попросит Розового дьявола помочь ему. Князь Тьмы ахнул от удивления, что такая удачная мысль не пришла ему раньше в голову, и стал приводить в исполнение свой план.

В скором времени рыцарь спас от разбойников ехавшую в карете незнакомую ему даму. Когда она вышла из кареты, то оказалась такой молодой и прекрасной, с таким удивительно розовым цветом лица, что рыцарь влюбился в нее с первого взгляда. Он попросил ее стать дамой его сердца, поклялся служить ей, и она согласилась.

Однажды, когда он гостил в ее замке, к нему с просьбой о помощи прибыл гонец от друга, который в своем замке отбивался от врагов. Этот рыцарь был его побратимом, и они были связаны клятвой о взаимной помощи. Ехать надо было немедленно, но дама с розовым цветом лица легко добилась того, что рыцарь не поехал выручать своего побратима. Она сказала ему, что во время бала, который будет этой ночью в ее замке, она ему скажет слово, которое решит его судьбу. Он думал, что переговорит с ней в начале бала и после этого успеет подать помощь своему побратиму, и что услышит от нее о согласии на их брак. Он всю ночь ждал этого разговора, но разговор произошел только утром. Девушка с розовым цветом лица сказала ему, что она решила отдать ему свою руку через год, считая от этого вечера.

Побратим рыцаря был убит, а розовая девушка стала невестой рыцаря.

Через некоторое время рыцарь должен был отправиться в другую страну, чтобы выступать свидетелем в деле, от решения которого зависело благосостояние вдовы его близкого друга и ее сына, иначе ее имущество могло перейти к недобросовестному соседу. Невеста рыцаря просила его не ездить, а написать письмо с его рыцарской печатью, уверяя, что это будет иметь такое же значение. Рыцарь сдался на ее просьбы, но вдова потеряла все имущество.

Вскоре восстали вассалы невесты рыцаря, и во время ее прогулки захватили в плен с ее служанкой. Но девушки успели перемениться платьями и драгоценными украшениями. Поэтому между восставшими произошел спор относительно того, кто из них есть кто, и они послали за рыцарем, чтобы он прямо сказал им, кто же из двоих его невеста. Ей вовсе не грозила смерть, а только большой выкуп, но так как она взглядом просила не выдавать ее, то рыцарь покривил душой и указал на ее служанку. Служанка была оставлена в залог, а невеста рыцаря отпущена с ним, как служанка. Когда же все выяснилось, восставшие вассалы отпустили действительную служанку, однако все рыцари пришли к заключению, что лгущий рыцарь – не рыцарь.

Истек год после бала, на котором рыцарь впервые изменил данному слову. В полночь перед ним появилась его невеста в своем подлинном виде Розового дьявола, и тогда рыцарь вспомнил, как он изменил своему побратиму, вдове, предал невинную девушку, и понял, что не достоин быть в числе рыцарей Ордена.

Рыцарь ушел в монастырь, а темный Арлег радовался победе.

14. ДВА ТЕМНЫХ АРЛЕГА-КРЕСТОНОСЦА

Жили однажды на Земле два Светозарных, ушедших с Христом из ада. Один из них решил найти учеников Христа, которые знали бы различие между добром и злом, и слушаться их во всем – и в целях и в путях. Другой решил, что цель привлечения возможно большего числа людей к учению велика и прекрасна, что к ней надо идти тем путем, который он найдет наиболее целесообразным.

Первый стал отшельником в Фиваидской пустыне в Египте, затем жил как проповедник учения Христа в одной из северных стран – в стране Геттов (старая Бавария), затем, как великий ученый в Риме, затем, как рыцарь Ордена Тамплиеров.

Второй был монахом, который приказывает и повинует не рассуждая, затем римским папой, потом инквизитором и, наконец, князем Церкви.

Рыцарь Тамплиер возвращается со своим отрядом из Палестины, покрытый громкой славой. Он узнает, что в его отсутствие вернулась в свой замок, расположенный неподалеку от его замка, одна графиня, ранее здесь не жившая. Графиня славилась своей красотой.

Рыцарь отправляется со своей свитой ей представиться.

Одновременно в замок графини является и прелат со своими монахами служить молебен по случаю ее возвращения. Два темных Арлега встречаются и узнают друг друга. Им были отведены комнаты рядом и, удалившись в них вечером, они вступили в разговор, из которого выяснилось, что борьбы между ними быть не может, так

как темные Арлеги связаны обетом мистической дружбы. Поэтому они решили предоставить выбор графине. Для этого второй сложил с себя свой сан.

Оба они ухаживают за графией. Первый, сделав ей предложение, получает отказ и уезжает в Палестину. Там он замечает, что на стороне иезидов и сарацин борются темные силы, но замечает и в рядах Тамплиеров Князей Тьмы и темных Легов, которые когда-то были в аду. Тамплиеры едва противостоят Темным. Он организует лучший отряд из бывших Темных, находящихся в рядах Тамплиеров, и тогда успех переходит на их сторону. Слава о его подвигах доходит и до графини. Увлеченная рассказами трубадуров, она посылает ему красную розу. И рыцарь спешит назад.

Второй за это время также стал рыцарем, побеждает на турнирах, устраивает балы и делает предложение графине, но получает отказ. Тогда он решает овладеть графией силой, отвезти ее в монастырь и там обвенчаться у приора, его ставленника, занявшего его место.

Рыцарь Тамплиер приезжает в замок графини, и в тот момент, когда он обращается к ней с приветствием, врывается второй рыцарь с толпой своих приверженцев, чтобы схватить графиню.

Рыцарь Тамплиер догадывается о его намерениях и хватается за меч, но вспоминает об их мистической дружбе и о том, что им друг с другом сражаться нельзя. Пока он переживает эти несколько мгновений колебания, он замечает, что рыцари спутники его друга застыли неподвижно и смотрят на графиню. Он тоже обратил свой взор на нее и с удивлением увидел вместо графини сначала сноп блестящих искр, потом куст роз, между которыми грозно смотрели два громадных глаза, потом чашу, лилию, крест, рой золотых пчел... Затем все пропало и графиня приветливо смотрела на рыцаря.

Тут и второй рыцарь узнает первого. Оба обмениваются взглядом, второй рыцарь командует своим спутникам: назад, те отступают, а графиня вежливо просит обоих рыцарей быть ее гостями и занять их старые комнаты. При взгляде, которым обменялись рыцари, они прочли мысли друг друга, что графиня – это дух. После бала, оставшись наедине в своих комнатах, они говорили друг с другом: «Мы помним эти глаза: это Изида, нет – это Астарта, мать и дочь Земли», а рыцарь Тамплиер сказал: «Вернее, это – Дух Света».

Оба рыцаря отправились в Палестину, оба бились в самых опасных местах, оба дали убить себя, но не вошли в новые тела, а покинули Землю и спустились вниз, чтобы начать свой путь совершенствования с самого начала. Но на половине дороги их встретил Христос и повел обратно на Землю.

Не встречали ли вы таких рыцарей?

15. ГОЛУБОЙ АРЛЕГ

Некогда жили в Египте два военачальника. Оба они были посвящены в тайны высокой религии жрецов, и тесная дружба связывала их. А у фараона, царствовавшего тогда над Египтом, была дочь, слава о красоте которой далеко разнеслась за пределами их страны. И вот однажды эти военачальники увидели ее и оба влюбились, ни слова не сказав об этом друг другу. Чтобы заслужить благосклонность принцессы, один из них собрал большое войско и во главе его отразил набег кочевников, часто в то время беспокоивших страну. Победителем явился он во дворец, открылся принцессе и просил ее руку и сердце, и получил отказ.

Второй вошел в коллегию жрецов и сумел искусными переговорами склонить ее на сторону царствующей династии, чем укрепил положение в стране. Он также явился во дворец, открылся принцессе и также получил отказ. Принцесса вскоре вышла замуж за того, кого она полюбила, а между двумя воинами возникла с тех пор неприязнь. Долго, пока длилась их жизнь, длилась их неприязнь друг к другу. Они были почти ровесниками, одновременно состарились, и одновременно стала приближаться к ним смерть. И оба они сознали, как мелко и недостойно их было то

чувство вражды, которое они питали друг к другу почти всю жизнь. Они примирились, и в них вспыхнула жажда подвига, жажда чем-либо великим загладить волновавшее их недостойное чувство. Они умерли почти в одно время с желанием искупительного подвига и встретились после смерти в космосе Легов в золотых доспехах.

Однажды в космос Легов в золотых доспехах прилетели Леги в голубых доспехах. На собрании присутствовали и оба воина. Но вдруг они заметили, что вне космоса какой-то гигантский и, очевидно, чрезвычайно могучий темный Лег напряженно прислушивается к тому, что говорилось на собрании. Весь он был окутан густой мглой, и только уши остались у него свободными от мглы. И так напряженно, так настойчиво прислушивался темный Лег, что воинам представилось достойной задачей помочь ему освободиться от окутывающей его мглы. С просьбой об этом они обратились к Легам в голубых доспехах, и те пригласили темного Лега войти в космос Легов в золотых доспехах.

Спрашивают его Леги в голубых доспехах: «Чего ищешь ты, к чему прислушиваешься ты так напряженно?»

Говорит темный Лег: «Ищу я возможности от мглы освободиться».

«Зачем тебе это? – спрашивают Леги в голубых доспехах. – Что будешь ты делать, от мглы освободившись?»

Отвечает темный Лег: «Освободившись от мглы, я освобожусь от власти Князей Тьмы и темных Арлегов, я сам сделаюсь темным Арлегом».

«Разве так тяжела ваша участь? – спрашивают Леги в голубых доспехах. – Разве так привлекательно сделаться Князем Тьмы или темным Арлегом?»

«Конечно, – отвечает темный Лег, – ведь они посылают нас в миры низшие и там мы должны нести тяжелую работу, задерживая население низших космосов в их стремлении к верхам. Мы должны беспрекословно повиноваться Князьям Тьмы и темным Арлегам».

«И вы повинуетесь? – спрашивают Леги в голубых доспехах. – Как унижительно! Неужели вы не могли бы восстать против них, чтобы не вести бессмысленной и недостойной работы?»

«Арлеги и Князья Тьмы говорят нам, что мы все боремся с несправедливостью, ведем борьбу против Элоима, чтобы заставить его повелеть пропустить нас к верхам».

«И вы думаете заставить его этим? Как глупо! – сказали Леги в голубых доспехах. – Но что же ты будешь делать, если мы освободим тебя от мглы?»

«Я пойду в Темное Царство, чтобы проповедовать там прекращение нашей борьбы с Элоимом, – сказал темный Лег, – пойду проповедовать там прекратить творчество зла для обитателей низших миров».

«Как? Разве ты не боишься? Ведь ты будешь один там против Князей и темных Арлегов!» – спросили Леги в голубых доспехах.

«И вы думаете, – в свою очередь спросил темный Лег, – что я буду молчать из боязни? Как унижительно! Нет, я поведу борьбу за прекращение войны с Элоа. Я буду звать обитателей Темного Царства к свету, над злом сияющему...»

Тогда сняли с него мглу Леги в голубых доспехах и окутали его своей голубой дымкой, так что отныне мгла уже не могла пристать к нему, ставшему теперь голубым Легом.

Быстрее молнии понесся голубой Лег через межкосмическое пространство в Темное Царство. Вот тьма простерлась вокруг него, а он продолжал лететь все дальше и дальше. Навстречу ему из тьмы выступила фигура летевшего навстречу гиганта.

Обратился к Князю Тьмы голубой Лег: «Скажи, где происходит собрание Светозарных? Мне надо там быть».

«А вот, посмотри, – отвечал Князь Тьмы, – видишь там далеко, далеко видна светлая точка?» – И он указал на блестящую красным пламенем искру.

Голубой Лег взглянул, и в то же время страшный удар булавы Князя Тьмы обрушился на него, и он почувствовал, что падает, низвергается в неизмеримую глубину... Долго не мог он остановиться, но, наконец, невероятным напряжением ему уда-

лось расправить крылья и задержать падение. Могучим усилием он распахнул гигантские крылья и вынырнул из охватившей его мглы, в которую погрузился. Еще усилие, и он снова на старом месте. Видит – не пристала к нему мгла... Но вдруг услышал он около себя шепот и понял, что это возникший рядом с ним дух Бешенства настойчиво убеждает его:

«Ударь его! Ударь Князя Тьмы!»

– «Как это глупо!» – сказал голубой Лег и полетел по направлению к красневшей на горизонте искре.

По мере того, как он подвигался вперед, все сильнее и сильнее разгоралась искра, и скоро гигантское красное пламя схватило полгоризонта. В этом могучем пожаре увидел на фоне пламени голубой Лег громадные силуэты собравшихся.

Приветствовали его темные Арлеги, говоря: «Привет тебе! Мы принимаем тебя в наше мистическое общение. Отныне ты становишься одним из нас. Ты становишься Арлегом. Мы знаем, что мгла не пристает к тебе, мы слышали, как страшно могуч ты... ты победил даже духа Бешенства!»

И ставший теперь Арлегом голубой стал говорить Светозарным, чтобы они прекратили борьбу с Элоа.

Отвечали темные Арлеги: «Нельзя нам изменить наше решение. А кроме того, не можем мы прекратить нашу борьбу, так как потеряет тогда царство наше весь свой смысл».

Но сказал голубой Арлег: «Как глупо! Ведь борьба ваша не трогает Элоа, времени не знающего... Как унижительно! Мы, могучие духи, мучаем и мешаем подниматься слабым духам!»

И продолжал он звать Светозарных к тому, чтобы отныне согласовать свою волю с волей Элоа, чтобы перестали они творить зло в низших космосах. Тогда заявили ему Светозарные, что он идет наперекор всему космосу.

«И так как, – сказали они, – мы не можем враждовать с тобой, ибо нас, Светозарных связывает обязательство никогда не бороться друг с другом, то отлучаем тебя от мистического общения с нами».

И в то же мгновение исчезли все Светозарные из глаз голубого Арлега.

Полетел голубой Арлег по Темному Царству, проповедуя отказ от борьбы с Элоа, но мало последователей было у него. Когда же встречал он темного Арлега и хотел приблизиться к нему, исчезал тот, и видел голубой Арлег как неудачно дело, им предпринятое. Тогда решил он искать для себя какого-либо великого дела, но не знал, где найти его, и полетел он снова к Легам в голубых доспехах, чтобы спросить у них совета.

Между тем, по-прежнему пребывали два воина в космосе Легов в золотых доспехах, и жажда подвига владела ими. И вот дошла до них весть, что далеко-далеко, в какой-то неведомой вселенной, есть космос чарн – животных мира Эгрегоров. С некоторых пор обнаружилось, что гибель грозит всему их космосу и его обитателям. А так как еще не приблизился к ним час их преображения, то все это задержит их развитие на невероятные времена. Надо что-либо предпринять для спасения их, но что?

И решили два воина, что было бы достойной их задачей найти дорогу к этому космосу, чтобы по этой дороге переселить все население мира чарн в какой-либо другой космос, где могли бы они продолжать и закончить свое развитие. Немедленно принялись они за поиски, и долго безрезультатно искали они... Но вот, наконец, им удалось через области невероятно резких смен тепла и холода найти путь, по которому они и проникли в мир чарн. Стон и жалобы наполнили этот космос, ибо печальную весть принесли туда воины: дорога была так трудна, что нечего было и думать провести по ней всех обитателей космоса чарн.

Нерадостные возвращались в свой космос два воина. И вот, когда они были уже близки к космосу Легов в золотых доспехах, им встретился голубой Арлег, направлявшийся в космос Легов в голубых доспехах. Рассказали ему воины про свою неудачу и решили вместе лететь в космос Легов в голубых доспехах.

Прилетев в космос Легов в голубых доспехах, они рассказали о космосе чарн и спросили, не знают ли Леги в голубых доспехах как можно помочь населению этого космоса. Отвечали Леги в голубых доспехах, что они знают, как можно помочь, но бесполезно говорить об этом, потому что средство это так трудно и тяжело, что все равно из этого ничего не выйдет.

Но так как воины и голубой Арлег продолжали настаивать, то Леги в голубых доспехах сказали им наконец:

«Чтобы спасти космос чарн, надо, чтобы нашелся дух, готовый на страшную жертву: он должен позволить вковать себя в дно космоса чарн. Но при этом его, как свободного духа, ждет почти полное уничтожение... Все забудет он, все оставит он – все свое развитие, все свои достижения, и должен будет слиться навеки с материей. Даже индивидуальность свою забудет он. Но, будучи вкован в материю дна, он свяжет ее, ибо дно распадается в силу того, что ушли из него духи, его державшие».

Заявил голубой Арлег, что он готов и хочет, чтобы его вковали в дно космоса. Стали тогда, жалея, отговаривать его Леги в голубых доспехах, говоря:

«Зачем тебе непременно стремиться к этому? Много великого и прекрасного сможешь ты совершить кроме этого, а ведь здесь тебя ждет уничтожение навеки. Много славных подвигов сможешь ты еще совершить...»

«Как! – воскликнул голубой Арлег. – Я должен искать чего-то и где-то, когда помощь моя нужна здесь! Как унижительно! Нет, здесь моя помощь послужит на благо, и да будет так!»

Но продолжали его отговаривать Леги в голубых доспехах.

«Мало твоего желания, – говорили они, – надо, чтобы хватило силы. Только очень могучий дух сможет держать материю дна».

Тогда, вместо ответа, голубой Арлег взялся за космос Легов в голубых доспехах и приподнял его. Поразились такой неимоверной силе Леги в голубых доспехах и не могли уже ничего возразить голубому Арлегу. Вместе отправились они в космос чарн и, когда прилетели туда, нашли там ликование и радость, ибо весть о спасении их космоса долетела до них. И Леги в голубых доспехах разостлали свои голубые плащи, а голубой Арлег распростерся на них, и тысячепудовыми молотами вковали его в дно космоса, связав громадными цепями вбили его в материю.

А в мирах и веках понеслась слава о подвиге голубого Арлега. Прогремела слава о нем, и говорили духи, что никогда не забудут о его великой жертве, и, пока сохранится вселенная, будут они о нем помнить...

16. СОШЕСТВИЕ ХРИСТА ВО АД

В начале Великий бог наполнял все, но потом Он отодвинулся, и возникла пустота, образовавшая ряд бесконечностей. И ринулись от Великого Бога в пустоту снопы больших и малых лучей, рассыпались они золотым дождем звездным, образуя сферу для космоса Ра, и шли дальше. Большие лучи дошли до пределов первой бесконечности и на границе ее разлились Океаном Сверкающим. Очень ослабевшими дошли до пределов ее лучи малые и пошли прерывисто, то вспыхивая, то угасая. Так перешли они область первых лучей и разлились Морем Блестящим на границе второй бесконечности. Изошла тогда от Великого Бога эманация, и наполнила она Океан Сверкающий и Море Блестящее, но не выдержала часть Моря Блестящего и рухнула, задержавшись у пределов Бездны, образовав третью бесконечность. И все несовершеннее и несовершеннее становились бесконечности по мере удаления от Великого Бога, так как отдаление создает несовершенство, а несовершенством является все, что не является первоисточником.

Так как все, исходящее от Великого Бога, несет в себе жизнь, то возникли в Океане Сверкающем и в Море Блестящем Элоимы. И когда доходил до них призыв Бога Великого, то шли один Элоим Верха и один Элоим Низа, всегда попарно, в беско-

нечности и творили там вселенные, наполняя пустоту тем несовершенством, которое выделяли из себя, потому что они не могли творить себя совершенных.

Два самых сильных Элоима долго и напряженно ждали от Великого Бога призыва идти на дело творчества. Они наблюдали творчество других Элоимов, и что-то вроде критики поднималось в них.

Говорили они: «Не следует творить, выделяя из себя несовершенство, его самим изживать надо. Создавать же следует только свое тождество. Если нельзя сделать этого, то не лучше ли создать возможное совершенство, а несовершенное да изживется Творцом!»

Хотя и не получили они призыва от Великого Бога, но так как не было от него и запрещения, то решили они самостоятельно отправиться на творческую работу. И увидели они, что все пустоты как первой, так и второй бесконечности, были заняты вселенными сотворенными, создающимися или в потенции находящимися. Тогда опустились они в третью бесконечность и там, на границе Бездны, найдя свободное место, принялись за творчество. И выделили они свое совершенство, создав почти совершенные существа – Светлых духов. А так как творчество происходило на границе Бездны, то элементы ее вошли в сотворенных.

Но не потеряли в себе элементов Бездны духи Светлые и выбросили их из себя. Превратились тогда элементы Бездны в духов Бездны и попытались вернуться к Светлым духам, ибо прекрасными показались им эти духи, но отпор получили они: не пожелали их принять Светлые духи.

Страшное недовольство, злоба и ненависть охватили тогда духов Бездны. Превратились они в духов Бешенства и вновь ринулись на Светлых духов. Но замкнули духи Светлые круг магический, и с такой силой были отброшены духи Бешенства, что разлетелись они далеко за пределы своей вселенной. И все же остались какие-то связи, как бы нити протянулись между духами Бешенства и духами Светлыми, хотя и не осталось между ними ничего общего. Почти все космосы отказались принять духов Бешенства, приняли их к себе только духи Безумия, Темное Царство и мир чарн.

Скоро, однако, осознали Светозарные всю опасность пребывания духов Бешенства в Темном Царстве. Неукротимыми становились те темные Леги и Князья Тьмы, с которыми соединялись духи Бешенства. Решили тогда темные Арлеги использовать силу ненависти духов Бешенства к Элоиму в своей борьбе против Элоима нашей вселенной и предложили им стать оградой Темного Царства.

Согласились духи Бешенства и стали они Вратами Адовыми.

Когда Христос совершил на Земле все, что надлежало совершить, и дух Его покинул тело оставшегося на кресте человека, то Он пошел в ад, чтобы вывести оттуда души. Знали об этом темные Арлеги и все Темное Царство. И собрали они все свои силы, чтобы загородить Ему дорогу.

Один шел Христос, но спешили уже к Нему на помощь отряды Легов во главе с Михаилом, Арлеги во главе с Намаррой, и близились Араны с Элора. Отступили Темные, желая опереться на Врата Ада и ввести в бой свою главную силу – духов Бешенства. Расступились их отряды, и духи Бешенства оказались перед светлым воинством.

Раздалась тогда команда Михаила: «Назад!» И отступили Леги. Скомандовал Намарра: «Назад!» И отступили Арлеги. Командует Элора: «Назад!» Колеблются Араны, но отступают. И тогда духи Силы бросаются на Врата Ада и сокрушают их в Бездну.

Отступает темное воинство перед благословляющим всех Христом. И падают перед Ним лярвы, не видя его. Только просветленные уже лярвы видят Его благословение, и тотчас же летят вестниками впереди светлой рати.

Вступает Христос в первый круг ада, где находятся язычники, не знавшие светлой вести Спасителя, – философы, художники, пророки... Выступил навстречу Христу Светозарный, принявший вид Сатанаила, и спросил его:

«Зачем пришел Ты сюда? Не знали Тебя эти люди, принявшие мою власть и славу! Не нуждаются в Тебе их души: все лучшее для них здесь. Добровольно они признали меня – здесь моя правда! Уходи!»

«Правду сказал ты, что не знали они Моего учения, – ответил Христос, – но теперь и они могут выбрать, поскольку всегда остается свобода выбора у человека!»

Обратился темный Арлег к своим пленникам и спросил их: «Зачем вам уходить? Вам всегда хорошо со мной было. Все, что вы любили при жизни, осталось здесь с вами, и со мною разделяете вы мою власть над миром темным!»

А Христос спросил: «Хотите ли вы идти за Мною в космосы, проповедуя и творя добро, любовь и самопожертвование?» Благословил он их, и пошли к нему все, в первом круге находившиеся. Вывели их из ада Леги и ушли вместе с ними.

Вступил Христос в следующий круг, где находились всевозможные грешники. Выстроились перед ними полчища темных Легов, но идет спокойно на них Христос, и опять выступает ему навстречу гигант Светозарный со словами: «Нечего делать Тебе среди этих! Мне они принадлежат, потому что они зло творили!»

И опять отвечает Христос: «Мгновением была их жизнь, и не ведали они, что творили».

«А не все ли равно, – возражает Светозарный, – ведали они или нет? Ведь тво-рили!»

«Нет, не все это равно», – отвечает Христос.

И снова говорит Светозарный: «Но ведь Ты допустил их карму!»

И отвечает Христос: «Различай карму и суд Мой: по карме нет прощения, по суду Моему – всепрощение».

Благословил Христос и этих грешников, и Арлеги вывели их из ада.

И снова отступили Темные. А Христос дальше идет со Светлыми духами через пропасти и высоты. И снова Князья Тьмы готовятся к сражению, но вступает Христос с Аранами в круг богохульников и атеистов, и опять предстает перед ним еще более мощный Светозарный, говоря: «Что Тебе надобно здесь? Ведь здесь только мои, потому что все, что от них происходило – воистину злом несказанным было!»

Но ответил ему Христос: «Не ведали они, что творят, и не должно быть злобы на них, когда они умерли!» И сказал Он Элора, чтобы вывели их Араны, но отказались Араны, объяснив: «Не можем мы брать к себе этих людей, потому что их бог – Хаос, а мы поклялись не пропускать к себе слуг Хаоса!» Но благословил Христос богохульников и атеистов, и вывели их из ада духи Познания.

Еще ниже спустился Христос, туда, где предатели и клятвопреступники находились, и новый, еще более мощный Светозарный заступил ему путь, говоря: «Здесь и Ты ничего поделать не сможешь, потому что суд Твой и карма – одно есть. Нет оправдания тому, что делали эти люди!»

И ответил ему Христос: «Прав ты, что нельзя их оправдать, но можно пожалеть и простить их». И благословил Он клятвопреступников и предателей, мучившихся в этом кругу ада, а духи Гармонии вывели их к свету.

Уже совсем один вступил Христос в тот круг, где находились мучители стран и народов вместе с Иудой и Иродиадой. И усмехнулся Светозарный, спросив Христа: «Неужто и этих ты хочешь жалеть? Нельзя их прощать!»

Но ответил ему кратко Христос: «Любовь не знает слова «нельзя»...»

Иродиада же, увидев Христа, закрыла лицо руками, воскликнув: «Горе мне! Где найду я спасенье?» Но рядом с ней появился Иоанн и благословил ее.

Увидел это Иуда, возрадовался и сказал: «Хорошо, что спаслась она, и только один я буду терпеть свои вечные муки! Никогда ничего я не смогу забыть!» Но к нему подошел в это время Христос, обнял его, поцеловал и заплакал, сказав: «Забудь! И пусть отныне горем твоим будет только горе других людей!» И Силы вывели Иродиаду и Иуду из пределов ада.

И когда увидели это чудо прощения духи Темного Царства, произошло в их рядах замешательство, и многие из них воскликнули: «Если даже эти прощены, значит, спасение возможно и для нас!» И, покинув ряды темного воинства, они сплотились вокруг Христа, готовые защищать Его от своих же братьев. Бросилось на них оставшееся темное войско, но тут между двумя ратями начали падать звезды, огнен-

ные цветы, чаши, колеса, глаза, кресты, радуги, и как бы огненную защиту образовали они, став гигантской ладонью, отодвинув Темных к границам Бездны. А Христос вышел из ада и вывел вместе с собой пятую часть воинства Темного Царства.

И происшедшее отразилось во всех макрокосмах, везде, где не потускнели зеркала...

17. КОПЬЕ ЛОНГИНА

Там, куда не доходит свет наших звезд, находятся три гигантских шара холодного огня. Вокруг них описывают орбиты мириады солнц. И нет там ночи, и светла и ясна там атмосфера, ибо огонь, материю тех миров составляющий, – не жгущий, всепроникающий, не заимствованный, самосветящийся, без точных границ, всеочищающий; и вечно сверкает он своими ровными, спокойными многоцветными красками, отдаленно наше северное сияние напоминающими. И огонь этот считается там измерением.

Тела обитателей этих шаров сотканы из того же огня. Поэтому полны они духовного тепла, ясности, спокойствия, света, духовной мощи, порыва. Активнейшие из активных этих существ, обладая глубочайшими познаниями природных сил своего космоса, силы эти на служение обитателям своего космоса направляют и с помощью их легко удовлетворяют свои потребности, состоящие в красоте, гармонии, ароматах, познании.

Вестники, Звезды Знания, Маги Стихийных Сил всегда находятся в контакте с космическими силами. Другие духи выделяют из своих рядов Легов – водителей планет, Легов туманностей, Легов потухших солнц, Магов Стихии Смерти. Их социальная жизнь пронизана миром и благоволением; устройство их общества основано на взаимопомощи и солидарности. Там нет власти, нет зла, нет и безобразия. Только степени красоты и степени добра найти там можно. Но встречается изредка безразличие, часто добро и сверхдобро. Самым сильным злом там является молчание в ответ на призыв о помощи; и мистической дружбой соединены духи этого космоса. Поскольку там нет нашей земной материальности, то они могут сообщаться между собой только при помощи особой эманации и путем чтения мыслей. И эта огненная эманация, как бы стоящая за спиной Легов, дала людям повод изображать их с крыльями. А жизнь их преломляется в земном сознании как пребывание под кущами райских садов... И все на этих шарах соткано из огня – и тела растений, и тела животных. Из этого же холодного огня строят Леги и свои жилища, свои чудные дворцы, переливающиеся всеми цветами радуги, и в них протекает их жизнь, вся пронизанная тоской и стремлением к высшим сферам...

Их беспокоят вопросы – почему существует неравенство в космосах и не перейдет ли оно в равенство во времени, а если перейдет – то где и когда? Что называется «добром» у Элоимов? Они пытаются понять и познать телесную и духовную структуру других космосов и их работу, а также приобщить других духов к своему знанию, чтобы и они, подобно Легам, видели работу существ других миров. И все они постоянно помощью другим духам заняты. И как это ни кажется нам странным, но и «смерть», Легами Стихии Смерти несомая, становится там безусловным добром, как ответ на призыв о помощи.

Но возможен был оттуда и переход в Темное Царство – достаточно неправду помыслить, как он становился совершившимся.

Иногда как бы веяние какое-то среди Легов проносилось, и собираются они тогда в свою гигантскую могучую хорею: раз в год, равный 800 земным годам, собираются они вместе, чтобы в общем порыве всем космосом к верхам подняться. Тогда Темные, узнав о том, что происходит в космосе Легов, бросаются туда, чтобы ворваться в эту хорею, соединиться с ней и мощью общего порыва в верха прорваться.

И вот, что произошло в последний раз, когда собралась эта хорея. Едва начали подниматься Леги, как Светозарные, Князья Тьмы, темный Арлег и стихийные силы обрушились на них. Но их встретили стоявшие вокруг хореи Тамплиеры, лицом

обращенные к внешнему миру, и отбросили темные полчища. А Маги Стихийных Сил, расположившись крестообразно внутри гигантского круга хореи, встретили нападение прорвавшихся стихийных сил, направив стихию огня на стихию воды, а затем стихия воздуха унесла образовавшиеся пары, – и таким образом Леги противостояли нападению.

Все выше и выше поднималась хорея, и вступила она в полосу непроглядных туманов. Где-то блуждали огоньки, вспыхивали в разных местах радуги, как бы стараясь сбить с пути Легов. Но все было предусмотрено Звездами Знания, и неуклонно продолжала свое восхождение хорея Легов.

Уже врубались передовые отряды Тамплиеров в магический пояс мистических комет, разрубили они его, и хорея готова была проникнуть в арлеговский космос. Торжествуя шли впереди Звезды Знания, когда навстречу им, преграждая дорогу, выступили Арлегины... И в недоумении остановились Тамплиеры, Проводники Света, опустили их мечи перед теми, в ком узнали они как бы отблеск своих мистических роз, и отступили в смущении, не зная, что делать. Не знали, что делать, и Звезды Знания, ибо этого не предвидели они. И вновь замкнулся круг мистических комет, и разбитой, с тяжелыми ранами опустилась хорея в свой космос. Страшный упадок энергии, уныние охватило Легов.

«Тысячи раз, – говорили они, – из года в год повторяем мы нашу попытку, но как и раньше, так и теперь, когда, казалось, все было предусмотрено, мы терпим неудачу. Да стоит ли подъем такого напряжения, тех усилий, которые мы на него затрачиваем? Путь до Элоима велик и тяжел. Невероятно скучно ожидание конца, может быть, бесконечно придется нам продолжать наши попытки. Значит, надо остаться здесь и не двигаться!»

«Любоваться друг на друга? Какая нелепость! Успокоиться? Зажить жизнью нашего космоса? Как глупо и как скучно! Одно остается: уйти, выселиться... Но куда? Мы в своем стремлении покинуть наш космос исследовали и изведали, казалось, все, и Эгрегор не хочет нашего выселения. Остается последнее средство: послать новых разведчиков в межкосмические пространства, пусть там они спросят у духов – не существует ли космоса, нам оставшегося неизвестным, в котором могли бы мы найти то, чего нам здесь не хватает!»

И они послали разведчиков в межкосмическое пространство. Многих духов спрашивали те, и ничего они не могли узнать нового. Но вот они увидели, что мимо них с несказанной быстротой несется космос, представляющий из себя 343 ледяных горы, цепями скованных, и по этим горам и над ними носятся странные духи, веселые и радостные. Задали им свой вопрос Леги, и промчался мимо них с быстротой молнии этот космос, но странные духи успели указать им направление. В смущении остановились Леги, когда увидели они, куда вел путь, странными духами указанный, ибо вел он в Темное Царство...

Возвратились они в свой космос и рассказали там о своих вопросах и об ответе, от странных духов полученном. И часть Легов все же решила лететь туда, куда показали духи Ледяных Гор. И понеслись они через межкосмические пространства все дальше и дальше.

Долетели до Темного Царства и спросили у духов тьмы: «Что лежит за пределами вашего Космоса?»

Ответили духи Тьмы: «Там лежит Ничто».

Вновь спросили Леги – «А что лежит за границей Ничто?»

Отвечали Темные: – «Некоторые из нас пытались проникнуть за границу Ничто, они окутывали себя мглой, чтобы не могло поглотить их Ничто, и устремлялись в него, но никто из них не вернулся».

Тогда решили Леги последовать примеру Темных – окутались мглой и ринулись в Ничто. Долго летели они, а Ничто постепенно растворяло защищавшую их мглу. И почувствовали они, что мало мглы остается, так мало, что не хватит и на обратный путь... Но ничего не было видно впереди, и все летели они дальше, и почти кончился запас мглы, захваченной ими.

Но вот, как бы гигантская стена непроходимая развернулась перед ними, и они полетели вдоль нее, и долго еще летели, пока раскрылись перед ними ворота, и они проникли в область, за Ничто лежащую. И вновь потянулся орос, в котором они никого не встречали, но все дальше летели они... Наконец, донесся до них отзвук жизни какого-то неизвестного космоса. Они направились туда, и вскоре сам космос развернулся перед ними.

Странное зрелище представляли собой его обитатели. Большей частью своей это были чарны – животные Мира Эгрегоров. Но, кроме них, там были духи самых разнообразных форм и ступеней. Были Стихийные духи, духи Безумия, Леги, давно улетевшие, о которых даже память исчезла в их космосе; были Арлеги-Сатлы, темные Арлеги, Князья Тьмы и Араны; были там неведомые духи... И все это кипело и бурлило в каком-то водовороте, среди которого каждый желал только своего, к чему-то своему стремился, на других внимания не обращая.словно хаос волею царствовал там и, так как не было никакого порядка, никакой гармонии, то не было и подъема, а одна только расправа за мнимые желания.

Заговорили прибывшие о том, что иначе жизнь устроить надо – порядок, гармонию ввести, и возможным станет тогда подъем.

Темные Арлеги тотчас же заявили, что берут на себя водворение порядка и делают это легко и быстро, как только все духи власть их признают. При помощи власти они гармонизируют космос и дадут возможность всем чего-нибудь добиться. Но возражали Светлые духи, что никогда не подчинятся они власти Темного и будут бороться, хотя бы меньшинство на их стороне находилось...

На своем стоял темный Арлег, и собрал он массу сторонников. А Светлые и часть чарн объединились вокруг прилетевших, и выстроились друг против друга обе рати. И вот готов был уже закипеть бой, когда...

В один из жарких летних дней, когда солнце уже близилось к закату, по улице одного из приморских городов Палестины шли два римских воина. Срок их службы в Провинции окончился, и они должны были покинуть Палестину, чтобы отправиться на родину в Италию. Им страшно хотелось пить, тем более, что встретившиеся им на пути таверны напоминали о том, что у них нет ни гроша в кармане. Последнее обстоятельство, наряду с жарой и все возрастающей жаждой, понижало их настроение, и они жаловались друг другу на свою жизнь, на тяжелую службу. Один из них, сотник Лонгин, сетуя на трудность службы, говорил, что с некоторых пор даже привычное копье стало ему тяжело, трудно стало нести его на плече. Другой сочувствовал, и оба они медленно шли по городу с унылым видом, не зная что предпринять, когда из-за угла им навстречу вышли два воина, – один белый, другой черный, похоже, только что прибывшие из Италии. Увидев Лонгина с его спутником, они направились к ним и просили их помочь ориентироваться в новом для них городе, в частности указать, где бы можно было выпить и отдохнуть. Лонгин со своим товарищем рассказали все, что хотели встретившиеся, и сделали попытку продолжать путь. Тогда один из встречающих заявил, что, конечно, Лонгин и его товарищ не откажутся выпить с ними за компанию, причем на указание последнего, что у них нет денег, черный воин рассмеялся, сказав, что это пустяки.

Вчетвером они зашли в ближайшую таверну. Таверна была пуста, и хозяин, собравшийся было ее закрывать, довольно грубо отказал посетителям. Но черный воин подошел к нему, как-то странно посмотрел на него и повторил свою просьбу... и сейчас же заторопился хозяин. Через несколько мгновений они уже сидели, разговаривали и пили вино.

Вскоре стемнело, и в сумерках слабым светом засветилось вдруг острие копья Лонгина, но никто не обратил на это внимания из беседовавших. Лонгин только сказал, что с некоторых пор он чувствует, как его копье стало тяжелее, а, может быть, это он сам стал слабее; во всяком случае, это копье уже не по его руке... Черный воин как будто удивился и заявил, что, как это ни странно, но и его копье ему не нравится, так как оно слишком легко. И предложил Лонгину на память о знакомстве поменяться копьями, на что Лонгин согласился. К этому времени совсем стемнело, и

поскольку вино уже было выпито, то они расплатились и вышли. Черный воин взял копьё Лонгина, и они расстались.

Черный и Белый молча шли, как вдруг Черный остановился и сказал: «Копьё слишком тяжело... не могу нести!»

«Дай его мне», – предложил Белый и взял копьё. Но через несколько шагов и он должен был остановиться, ибо и для него копьё оказалось не по силам.

«Зайдем тут поблизости к одному из наших», – предложил тогда Черный.

«Хорошо, – отвечал Белый, – но только я не пойду один». И в тот же миг рядом с ним выросла гигантская светлая фигура.

Они втроем постучались в расположенный поблизости дом, где жил темный Арлег, и вошли. Когда они объяснили, в чем дело, хозяин сказал: «Дай мне это копьё, чтобы бороться со мглой и Духами Бешенства».

Он взял копьё, но с невероятной силой копьё тянуло его вниз. И сказал тогда вошедший с ними Светозарный: «Отдай его мне, чтобы бороться с тьмой и злом». Он протянул руку, взял копьё, но не смог его удержать, потому что оно, казалось, рвалось из его рук.

Внезапно среди них появилась исполинская фигура Арана.

«Копьё нужно нам, – сказал он, – ибо мы боремся за Христа».

И когда Аран беспрепятственно взял в руки копьё Лонгина, оно потянуло его вверх, и, следуя за ним, все выше и выше стал подниматься Аран. Он пронёсся сквозь космос Легов, поднялся над Арлегами, пролетел космос Аранов и в космосе Отблесков, где остановилось стремление копьё, он передал его Элора. И снова, теперь уже в руках Элора, копьё устремилось вперед, увлекая за собой его и 14 сильнейших Аранов. С невероятной быстротой, превышающей быстроту мысли, понёсся отряд за копьём...

Два воинства в космосе чарн стояли друг против друга, готовые броситься в сражение, когда перед ними внезапно явились Элора и 14 Аранов. Увидев их, самый могучий из темных Арлегов обратился к Элора и сказал: «Я узнаю тебя. Но зачем ты здесь? Ведь все равно мы сильнее, и одолеем вас!»

Но указал ему Элора, что далеко не так бесспорна победа темных Арлегов, как они думают. Во всяком случае, борьба будет невероятно долгой и тяжелой. Так говорили они между собой и долго не могли ни к чему прийти, и каждую минуту готова была начаться битва, когда Элора поднял Копьё и ударил Им в ауру космоса чарн. Вспыхнула аура, словно раскрылось небо, и раздался Голос, произнесший: «Князья царствуют над народами и вельможи господствуют над ними, а между вами да не будет так...»

И совершилось неожиданное. Все духи осознали смысл этих слов. И тотчас же самые могучие из Темных стали рядом с самыми слабыми и ничтожными, чтобы служить и помогать им. И гармония воцарилась в космосе... Но когда Элора вернулся в свой космос, Копьё потянуло вниз, и Элора передал его Намарре. Но оно продолжало тянуть вниз, и Намарра передал его Михаилу, у которого оно успокоилось в его руке. А когда Копьё потребует здесь, на Земле, Михаил передаст его Тамплиерам.

18. ЭКСПЕДИЦИЯ АРАНОВ

В палящий знойный день по пескам пустыни мчался отряд рыцарей. С раннего утра, без отдыха, не слезая с коней, мчались они со спешным поручением и страшно устали. Давило их тяжелое вооружение и мучила жажда. День был необычайно душен и жарок. К вечеру им показалось, что у них не хватит сил доехать до места назначения, но вдаль уже виднелся оазис. Рыцари направились к нему и расположились на берегу источника. Едва успели они раскинуть лагерь, как часовые уведомили их о приближении сарацин. Рыцари должны были надеть доспехи, чтобы встретить врагов.

Приблизившиеся сарацины выслали парламентаров, и те сказали рыцарям: «Вы прибыли сюда раньше нас и напились воды. Справедливо ли будет вступить в бой с

нами, падающими от жажды? Уступите нам половину оазиса на эту ночь, а утром мы сразимся».

Рыцари уступили сарацинам половину оазиса. Они поставили многочисленных часовых на случай внезапного нападения, и в центре лагеря далеко за полночь шел совет вождей. Один из присутствующих на совете рыцарей почувствовал неоодолимое желание спать и, извинившись перед товарищами, ушел в свою палатку. Он скоро заснул и увидел себя перенесенным в древний Египет в один из храмов, где глубокой ночью происходило совещание жрецов. Он находился среди жрецов, но его сильно клонило ко сну. Он извинился перед жрецами, вошел в соседнюю залу, лег на скамейку, заснул и увидел странный сон.

Ему снилось, что он находится в космосе Аранов, и до этого космоса донеслась весть, что духи одной из бесконечностей решили переселиться в другую населенную бесконечность, силой овладев ею и изгнав из нее живущих в ней духов. Говорили прибывшие к Аранам послы, что силы нападающих велики, что вряд ли удастся им отстоять свой космос от грозящего нападения. И просили они помощи у Аранов. Решили помочь им Араны и пригласили в свой отряд двух духов Познания и двух духов Силы. Оставив в своем космосе только тех, кто должен был охранять границы от духов, элементы Хаоса в себе таящих, Араны во главе с Элора помчались на помощь духам, которым грозило нападение.

Мчатся Араны через межкосмические пространства, пролетают мимо гигантских космосов, мчатся в бесконечность далекую. Вот летит навстречу им отряд духов из бесконечности, которую им защищать придется, чтобы им путь показать. А вот и сама бесконечность. Странной она показалась Аранам. Испытывают они жар невероятный, душно им в этой бесконечности, где даже космосы подвижными были. Все больше охватывает их чувство усталости, тяжести, все труднее лететь от жары непереносимой. Но командует Элора – «Вперед!» – и уже изнемогавший отряд с новыми силами устремляется вперед.

Наконец, достигли они пределов этой бесконечности, и потянулись перед ними границы ее. Видят Араны перед собой как бы стену, из первозданного Хаоса состоящую. Бушует Хаос стихийными силами, гигантскими пожарами, невероятными смерчами и ураганами, потопами и водопадами... Не пройдут здесь духи, напасть желающие – и дальше летят Араны вдоль границы, Хаосом охраняемой. Слабеют их силы, а спешить надо, чтобы успеть предупредить нападение.

И вот перед ними как бы внезапно разверзся, раскрылся Хаос. Видят они необъятную ледяную равнину, точно гладь замерзшего озера, по которой могут пройти нападающие, и решают Араны здесь раскинуть стан свой. Протянулся их стан от края и до края озера ледяного, проход загораживая и, расставив сторожевые отряды, решили остальные отдохнуть, чтобы к бою грядущему подготовиться.

Проходит время, и доносят сторожевые пикеты, что далеко впереди показались какие-то странные духи, лярв нашей бесконечности напоминающие, только более сильные и безобразные. Едва прозвучало это сообщение, как новые известия говорят о приближении главных сил наступающей армии. Идут могучие духи, но видно – утомлены они путем далеким; изнемогая подходят они, но все же грозной силой являются.

Приблизились нападающие, остановились и выслали парламентаров. Вышли парламентары и от Аранов. Говорят пришедшие: «Вы давно уже здесь, отдохнуть успели, а мы измучены дорогой. Справедливо ли было бы вам напасть на нас в неравных условиях? Дайте нам возможность отдохнуть, и тогда мы сразимся».

Решили Араны отступить немного, чтобы дать возможность и пришельцам раскинуть свой лагерь. Стали две армии своими станами друг против друга.

Через некоторое время строятся к бою отдохнувшие противники. Араны первыми устремляются на пришельцев, атакуя их ряды. Близки уже нападающие к враждебному строю, когда из рядов пришедшей армии выступают духи, на Нирванид похожие. В руках у них щиты громадные. Все ближе к ним Араны, вот уже совсем около... Видят они перед собой гигантские зеркала щитов, к ним повернутые. И увиде-

ли Араны в этих щитах миры высокие и свой в этих мирах грядущий подъем, величие их ожидающее и славу необъятную... И видя это, бросался Аран к щиту и исчезал в нем, во внутрь его погружаясь.

Один за другим бросались Араны в щиты, уходили в них и исчезали. Все меньше становилось Аранов, таяли их силы... Вот уже немного их, и обратились тогда оставшиеся к Элора, что надо прибегнуть к магизму, раз пришельцы к нему прибегли. Отказался Элора. Тогда собрались вместе оставшиеся Араны и запели свой гимн Великому Богу... Подобно всесокрушающему потоку хлынули звуки могучего гимна на враждебную армию духов, и как замороженные, как зачарованные, бросая свои ряды, кидались пришельцы туда, где гремел хор Аранов. Забыв все, толпились они вокруг поющих. Тогда часть Аранов бросилась к духам, щиты державшим, и напала на них. И когда с невероятной силой обрушивался меч Арана на щит и вдребезги разбивал его – покрывался весь щит и дух, державший его, кровью, а из щита выходил ушедший туда Аран. Каждый вышедший из щита Аран был исполнен стремлением к борьбе и сейчас же кидался в бой. Скоро по всему фронту кипело сражение, и все ожесточеннее, все мощнее сражались бойцы. Все более тяжелые раны наносили они друг другу, и каждая рана все дальше и дальше отодвигала возможность спасения для сражающихся...

Текло время, и не было исхода, ибо не видели исхода сражавшиеся и не считали возможным прекратить борьбу. А борьба все разгоралась и разгоралась, и творилось непоправимое зло, ибо не было выхода из создавшегося положения. Все время наблюдали два Духа Познания за происходящим, но внезапно исчезли. Они полетели туда, где протекает от Великого Бога изливающаяся великая Серебряно-Голубая Река, на границах Бездны текущая, обтекающая все космосы, где творится непоправимое зло. Между тем все ожесточеннее, все сильнее кипела борьба...

Но вот, заструились вокруг сражающихся голубые ручьи. Все выше, все мощнее заливают струи Голубого Потока поле битвы и бойцов, все выше их уровень. Наконец сомкнулась голубая поверхность и покрыла собой борющихся, плещутся только голубые волны. Еще немного, и спадать стал уровень... все ниже и ниже... и нет Голубой Реки. Простирается голубое поле и две армии стоят, готовые к бою.

Вышли вперед и первыми бросились Араны в бой, а навстречу им показались из рядов враждебной рати духи, похожие на Нирванид. В руках их были щиты, которые они направили на Аранов. Совсем уже близко Араны, и в это время поворачивают внезапно щиты, державшие их, тыльной стороной к Аранам. Остановились Араны, а пришельцы выслали парламентаров. Выслали парламентаров и Араны. Долго обсуждают духи положение и решают вопрос так: часть духов-пришельцев, которым негде поместиться в их вселенной, войдет в новую, защищаемую Аранами бесконечность, так как для них можно найти место, не причиняя никому вреда, а остальные должны возвратиться в свою бесконечность. Расступились Араны, пропуская тех, кому должно было пройти, и снова сомкнулись, преграждая путь остальным.

И все же, пока не ушли пришельцы, Араны не считали возможным оставить защищаемую ими бесконечность без охраны и не снимали своего ограждающего стана. Но росла в них мысль: не вечно же им так стоять, надо найти какой-то выход, ибо не уходили многие из пришельцев, бродя около, и не были уверены в них Араны...

Тогда два духа Силы отправились в путь и привели двух Стражей Порога. Они поставили их на льду озера и заявили Аранам, что они могут теперь уходить. Странным показалось Аранам, что духи Познания считают достаточным для охраны всей бесконечности только двух Стражей Порога, там, где целый космос держал свою стражу, поэтому задержались они отлетом, чтобы посмотреть, что из этого выйдет.

Увидели они, что бродят духи-пришельцы по замерзшему озеру, заглядывают в недоступную для них бесконечность и, видимо, не прочь туда пробраться. Но всякий раз, как пытаются пришельцы туда заглянуть – удваиваются, учетверяются, тысячекратно умножаются Стражи Порога, и не могут пришельцы не только проникнуть, но даже заглянуть через возникающую перед ними стену Стражей Порога...

Тогда успокоенные вернулись Араны в свой космос.

19. ПРОДОЛЖЕНИЕ ИСТОРИИ ГОЛУБОГО АРЛЕГА

Прошли мириады веков, и никто уже не помнил о голубом Арлеге, даже в космосе чарн забыли о нем. Только два воина в космосе Легов в золотых доспехах помнили и искали возможность освободить голубого Арлега, полагая, что это был бы для них как раз тот подвиг, которого они жаждали с тех пор, как жили в Египте. Решили они снова спросить у Легов в голубых доспехах, не укажут ли они путей для освобождения.

Достигли они космоса Легов в голубых доспехах и спросили там, но ничего не могли им сказать Леги в голубых доспехах.

«Впрочем, – сказали им те, – сейчас идет в космосе Арлегов совещание Сатлов. Если хотите, мы можем поднять вас к ним. Может быть они могут разрешить ваши сомнения и ответить на ваши вопросы».

Просили их два воина помочь им подняться к Сатлам в арлеговский космос, и подняли их туда Леги в голубых доспехах. Там шло совещание Сатлов, и на собрании присутствовал темный Арлег.

Говорили Сатлы, что им необходимо найти способ сноситься с мирами, выше их лежащими, ибо с тех пор, как Серафы исключили их со своих мистических собраний, со своих ритов – лишились они возможности во время ритуальных собраний входить в общение с космосами-обителями миров высоких.

Говорили Сатлы: «Нам необходимо иметь свои риты, и весь вопрос в том, как это сделать. Придется, может быть, самим создавать».

«Вовсе не нужны вам риты, – говорили Арлеги, – все равно, ритное или не ритное собрание. Даже лучше совсем ритных не иметь, а вместо того, чтобы их устраивать, гораздо целесообразнее заниматься продуктивной работой, помогая другим обитателям вселенной».

«Нет, – отвечали им Сатлы, – ритные собрания необходимы, ибо только через них мы вступаем в общение с мирами высокими, а без мистики, без сообщений из высоких, выше нас лежащих областей, нельзя нам. Тоска и апатия воцарятся тогда среди нас. Весь вопрос только в том, должны ли мы взять какие-либо древние риты, или свои придумать?»

Возражали третьи, что самим нельзя придумывать, не будут действительны такие придуманные риты. Говорили четвертые, что и придуманные риты будут действительны, если удастся получить на них санкцию миров высоких. Так обсуждали Сатлы вопрос и никак не могли прийти к какому-либо определенному заключению.

Тогда решили они снарядить экспедицию в далекую-далекую бесконечность, где жили чрезвычайно мудрые духи, которым ведомо все прошлое, многое настоящее и кое-что из будущего, и спросить у этих мудрых духов «только-на-вопросы-отвечающих», как им быть со своими ритам, а также узнать и о многом другом, что интересовало Сатлов, и на что они сами не могли дать ответа. И так как Сатлы не знали, как можно помочь воинам освободить голубого Арлега, то оба воина просили Сатлов, чтобы они взяли их с собой в далекую экспедицию. Как ни отговаривали их Сатлы, указывая на невероятные трудности путешествия, они остались непреклонны, и Сатлы принуждены были согласиться на их просьбу.

Тогда окутали Сатлы себя и воинов материей их космоса и понеслись все дальше и дальше к бесконечности, где жили мудрые духи «только-на-вопросы-отвечающие». Через области невыносимого жара и холода пролетали они, и лишь окутывавшая их оболочка дала им возможность преодолеть эти области... Но вот, наконец, они достигли своей цели.

Их встретили мудрые духи «только-на-вопросы-отвечающие», и в ответ на приветствия прибывших пригласили их к себе. Тогда и спросили их Сатлы о том, возможна ли для них самостоятельная выработка рита?

Отвечали им Мудрые: «Конечно, не может рит кого-либо из высших принудить спуститься к вам, но рит создает чистую атмосферу и облегчает духовный подъем.

Редко посещают ритуальные собрания высокие гости, но эманации их все же осеняют участников рита... Безразлично, есть ли какая-либо давность у рита или ее нет, ибо дело в участниках и их устремленности к высотам. Конечно, можете вы, Сатлы, свой рит установить».

«Чем закончится наша борьба с Михаилами? – спросили Сатлы. – Что нам делать далее, продолжать ли борьбу?»

«Пока между вами и Михаилами идет борьба, – отвечали Мудрые, – пользуется темный Арлег вашей борьбой и творит свое темное дело, мешая низшим космосам к верхам подняться. Спросите у Арлегин, что делать вам дальше, продолжать ли борьбу».

«О, – воскликнули Сатлы, – Арлегины все за то, чтобы мы помирились с Михаилами!»

Многое еще спрашивали Сатлы у Мудрых и, когда кончили, то спросили у Мудрых два воина: «Есть ли средство освободить голубого Арлега, в дно космоса чарнкованного, и в чем оно заключается?»

«Да, – отвечали Мудрые, – и до нас дошла слава о его великом подвиге и его великой жертве. Обратитесь к духам Инициативы и попросите их помочь вам, только скажите им, чтобы они не забыли захватить с собой частицу материи их космоса. Если же им очень трудно будет это сделать, пусть они позовут себе на помощь духов Силы».

Так отвечали мудрые духи и, простившись с ними, вернулись Сатлы и два воина в свой космос.

Просили тогда два воина, чтобы Сатлы помогли им подняться к духам Инициативы, и опять помогли им Сатлы попасть в космос Аранов. Поднялись воины в космос Аранов, а там уже Элора поднял их в космос духов Инициативы. Обратились воины к приветливо их встретившим духам Инициативы и рассказали им о голубом Арлеге и о том, что узнали они от мудрых духов далекой бесконечности.

Согласились духи Инициативы помочь голубому Арлегу, взяли с собой материю своего космоса, пригласили с собой двух духов Силы, и все вместе быстрее мысли понеслись в космос чарн. Там духи Инициативы выковали новое дно для космоса из материи своего космоса, а духи Силы готовы были его проложить, когда настанет момент. Вместе с тем духи Инициативы стали руками разрывать, раздроблять дно мира чарн, постепенно обнаруживая поглощенного там голубого Арлега.

И кровью покрылись пальцы и руки духов Инициативы, когда, наконец, выявились контуры гигантского тела голубого Арлега. Тогда вспомнили чарны о жертве голубого Арлега, и величие ее встало перед ними и захватило их. Забыв о себе, забыв о том, что освобождение голубого Арлега грозит гибелью им и всему их космосу, они все бросились на помощь. И видя это, бежали темные силы, черной тучей нависшие над космосом чарн в ожидании удобного момента, чтобы напасть на духов Инициативы; бежали, ибо поняли, что весь космос чарн будет теперь на стороне духов Инициативы.

И вот был вырыт голубой Арлег. Силы порвали последние цепи, сковывавшие его, и он встал, подобно голубому сверкающему солнцу, а духи Силы проложили новое дно. Окруженные ликованием нового космоса, готовились духи Инициативы и воины покинуть космос чарн, ибо духи Силы давно уже улетели. Наконец улетели и духи Инициативы, взяв на прощание от голубого Арлега обещание, что он посетит их космос.

И через некоторое время стал голубой Арлег подниматься к верхам, стремясь достигнуть космоса духов Инициативы. Все выше поднимался он, и вот перед ним развернулись обители Аранов и их космос, впереди которого стояли сторожевые отряды. Узнав о приближении Арлега, вышли они все из своего космоса, чтобы приветствовать голубого Арлега, и впереди их стоял Элора.

Подарили Араны Арлегу голубой сияющий шлем и обещали ему свою помощь. Но сказали они: «Пропустить тебя через свой космос мы не можем, ибо есть еще в

тебе Хаос, поскольку ты не спускался в него, а наша клятва запрещает нам пропускать к верхам тех, кто не освободился от Хаоса».

Стоял в недоумении голубой Арлег и не знал, как ему достичь космоса духов Инициативы.

Вернулись уже Араны в свой космос, когда подошел к голубому Арлегу Элора и сказал ему: «Не могут Араны пропустить тебя... Так ведь есть обходная дорога. Правда, она ведет через Озеро огненное, через вселенную Дракона, но что тебе до того, ведь ты могуч, тебе это не страшно».

И тотчас решил голубой Арлег идти путем, ему Элора указанным. Обошел он космос Аранов, вышел из пределов нашей бесконечности и вступил в бесконечность Дракона. Как только вступил он в эту область, окружили его духи, в тесноте мистической пребывающие, окружили его звери большие и малые, драконы и полчища их, и воинства их... Просили они голубого Арлега, чтобы он вывел их из Озера серного и огненного.

Обещал помочь им голубой Арлег. «Но раньше, – сказал он, – я должен выполнить данное мною духам Инициативы обещание посетить их. Когда вернусь оттуда, помогу вам».

И поднялся голубой Арлег в космос духов Инициативы, где радостно приветствовали его духи Инициативы. Оставался у них голубой Арлег некоторое время, и приглашали его духи Инициативы совсем остаться у них, говорили, что в космосе духов Инициативы отдохнет голубой Арлег от страданий, во время пребывания в космосе чарн перенесенных.

Но заявил голубой Арлег, что не может он остаться у духов Инициативы, так как обещал он помочь духам Озера огненного.

И вдруг появился перед ним дух Света, державший в руке чашу мистическую. Протянул он голубому Арлегу эту чашу и сказал ему: «Пей ее, и тогда в наш космос ты поднимешься. Ты сам станешь духом Света, и никогда уже не придется тебе в низы опускаться».

Но отклонил от себя голубой Арлег чашу мистическую, говоря, что не может он обещание, зверям данное, не сдержать, и исчез, сожалея, дух Света.

Простился голубой Арлег с духами Инициативы и стал спускаться в бесконечность Дракона. Вновь окружили его духи серного озера и обещали они ему отказаться от борьбы против творцов их вселенной, отказаться от борьбы против добра, если выведет он их из Озера огненного... Согласился голубой Арлег и сказал, что единственный путь спасения для них – идти в Хаос, чтобы оттуда начать подъем к высшим мирам. Отвечали духи Озера огненного, что готовы они идти в Хаос, но только если пойдет с ними голубой Арлег. Построил их тогда голубой Арлег, всех собрал, и сам повел их всех в Хаос.

Шли они так, но у границы нашей бесконечности встретили их сторожевые отряды Аранов и загородили им дорогу, опасаясь, что они в наши бесконечности ринутся. И готовы были уже вступить с Аранами в бой передовые отряды духов, голубым Арлегом в низы ведомых, но выступил впереди них голубой Арлег, и узнали Араны на нем сияющий шлем, который их братья подарили голубому, и расступились они и пропустили идущих в низы.

Так шли они, и впереди шел, ведя их, голубой Арлег. Близки уже были они к Хаосу, и рокот стихийных сил уже доносился до них, когда им навстречу вышли три Эона.

Говорили Эоны между собой, и сказал Эон Любви: «Что можем мы подарить Голубому Арлегу?»

«Ничего ему не надо, – отвечал Эон Воли. – Ничего он не примет от нас...»

«В таком случае, – сказал Эон Мудрости, – даруем ему забвение на все время, пока он будет в Хаосе, с тем, чтобы он все мог вспомнить потом».

И даровали ему Эоны забвение полное на все время пребывания в Хаосе. А когда исполнились сроки и начался для него новый подъем в верха, вспомнил голубой Арлег всю свою жизнь, все великое и прекрасное, что совершил он в прошлом.

20. АТЛАНТИДА (2 часть)

Через четыре месяца мне исполнится 70 лет. Если мне удастся прожить еще лет пять, то я успею записать то интересное, с чем мне пришлось встретиться в течение моей долгой жизни и чего никто не может рассказать кроме меня.

Я слышал подробный рассказ об Атлантиде, не схожий с рассказами Платона и Бэкона. Они рассказывали или утопию, или о тех поселениях, которые остались после гибели Атлантиды и выродились в варварские общезития, потому что места ушедших Атлантов были заняты людьми совсем другого племени, которым без достаточного основания дали имя атлантов, этим последним не принадлежавшее. Я слышал рассказ об Атлантиде от Кора, который считал, что рассказ этот в течение тысячелетий передавался в его семействе из рода в род, от одного поколения другому...

На том месте, где находится сейчас Атлантический океан, в то время, когда земля наша озарялась не успевшим еще пожелтеть белым солнцем, жило могучее племя великанов. Они называли себя атлантами. Их материальная культура стояла чрезвычайно высоко: чудные машины, аппараты, искусственные крылья для полетов, страшное оружие для истребления диких исполинских зверей тех времен и многие другие приспособления делали жизнь атлантов полней и разносторонней, чем жизнь людей XX столетия. Все это поразило бы гениальнейшего из людей нашего времени. Атлантам была известна скоропись, превосходящая нашу стенографию, книжное дело опять-таки своеобразного стенографического письма; глубоко и широко развитые научные знания характеризовали жизнь атлантов. Было ли то результатом прирожденных свойств, или же высоко стоявшего искусства врачевания и гигиены, или обуславливалось для целого ряда злокачественных микроорганизмов невозможностью жить под лучами белого солнца, но атланты жили чрезвычайно долгие сроки, во много раз превосходившие самую долгую жизнь современного человека.

Среди прекрасных дворцов, похожих на прекраснейшие замки, были разбросаны кое-где дома, напоминавшие наши постройки, и в них жили пришедшие с севера низкорослые люди – гиперборейцы. Вообще все постройки, дома и хозяйственные строения не скупивались в городах, а были разбросаны на большом расстоянии друг от друга. Кое-где, как центры этих жилищ, возвышались громадные здания для общих собраний, здания низших и высших школ с их библиотеками и помещениями для коллекций, лаборатории и мастерские для опытов, общественные библиотеки и залы для лекций, для громадных фонографов и разнообразных театров и концертов. Тут же находились мастерские, выделявавшие при посредстве разнообразных машин всевозможные предметы, и склады различных товаров.

Частные дома были чрезвычайно просторны даже для обитавших в них исполинов, а их внутреннее убранство зависело исключительно от желания живших в них атлантов, так как все, что хотели они иметь для своих жилищ из мебели и украшений, они безвозмездно брали со своих складов. Каждый мог получать не только имевшееся на складе, но и заказать то, что ему хотелось, в надлежащей мастерской, или, подобрав товарищей, основать для новых изделий новую мастерскую.

Прекрасные машины давно уже сделали рабочий день для изготовления предметов первой необходимости очень коротким, и большая часть желавших работать трудилась в мастерских изобретений столько времени, сколько хотела. Надо еще заметить, что к предметам первой необходимости у атлантов относились и такие вещи, которые мы считаем предметами изысканной роскоши.

Машины атлантов отличались от наших машин, как сложнейшие из последних отличаются от грубо сделанного кремневого топора.

Пища атлантов состояла из небольших сравнительно с их ростом доз высоко питательных веществ, но по желанию к ней присоединялись и вкусовые вещества, напоминавшие нашу пищу, и в случае необходимости атланты могли перейти на нее, если не говорить о пожирании трупов животных, к чему они чувствовали непобедимое отвращение.

В нескольких десятках верст от крайних поселений атлантов стояла, постоянно перелетая с места на место, их стража, не допуская в Атлантиду чудовищных зверей и уничтожая особо вредных из них. Иногда группы атлантов, вооруженные своим страшным оружием, отправлялись за границы своей страны и посещали отдаленные, обычно не населенные или слабо населенные людьми и животными местности.

Искусство, особенно музыка в ее разнообразных проявлениях, были у атлантов в почете. Живопись и ваение зачастую брали своими темами фантастическую жизнь миров нездешних, и произведения художников удивляли даже не привыкших удивляться атлантов.

В низших школах атланты пользовались для сосредоточения внимания учеников чем-то, отдаленно напоминающим гипнотическое внушение. Но в высших школах такие приемы сосредоточения внимания не практиковались. В школах обращалось серьезное внимание на гимнастику, и юноши, обучавшиеся в высших школах, все принадлежали к разным гимнастическим обществам. Искусство летать на механических крыльях легко усваивалось в учебных заведениях.

Семейства атлантов были дружными семьями, но взрослые дети селились, как правило, отдельно от родителей. В обычаях атлантов была строгая моногамия, и разводы супругов имели место только в том случае, если муж и жена считали желательным развестись. Ничего похожего на власть, на правительство у атлантов не было. Полная акратия наблюдалась у них. Дела же, требовавшие участия многих, многими же и делались по взаимному соглашению и тяготению. Атланты того времени, о котором идет речь, почти не знали болезней. Если атлант умирал, то лишь когда хотел перейти в другой мир или посетить его. В этих случаях душа атланта покидала его тело, и оно сжигалось. Впрочем, атланты заболевали одной болезнью так же нередко, как теперь нередко простой насморк.

Это происходило, когда атланты увлекались мистическим учением своей религии и начинали жить в чем-то, похожем на мир иллюзий и галлюцинаций, однако заблуждений этой болезнью, вызванной сильным желанием представить себе жизнь других миров, легко излечивался.

Все атланты знали, что эпоха белого солнца и согреваемых им жизненных форм через многие миллиарды лет окончится и заменится эпохой, жизнь которой будет протекать под лучами золотисто-желтого цвета, и их ученые изыскивали средства для того, чтобы побывать на земле золотого солнца через мириады лет после своего ухода в миры высшие. Другие же ученые думали только о том, как передать людям золотого солнца хотя бы некоторые из своих знаний, в том числе и то, что они ценили больше всего – свою религию. Они создали группу лиц, задачей которых было хранение религиозных истин и их передача из поколения в поколение без добавлений и комментариев.

Вот в чем заключалась их странная религия: они учили, что когда-то, мириады мириад лет назад, на земле жили мало духовно и умственно развитые великаны. А в мирах нездешних измерений жили более высокие существа. И странная распря произошла между ними. Часть из них решила сравняться с Великим Богом и для этого силой пробить себе дорогу в высшие миры, находя слишком длинным и скучным тот путь, который был для них предопределен. Они сделали попытку подняться и потерпели неудачу.

Часть из восставших против Закона решила искупить свой проступок, заключавшийся в том, что при попытке подъема они позвали себе на помощь низших духов, далеко отошедших от доброго начала. И вот они слетели на Землю, вошли в тела атлантов, и с того времени многое узнали атланты из жизни сфер высоких. Узнали они, как многочисленны миры, лежащие за космосом золотисто-желтых солнц; что, наряду с этими космосами (поскольку дело идет о том, что людьми называется материальным миром, так и за пределами его, в сферах миров нематериальных), существуют космосы различных духов. Узнали они о том, что бесконечно число бесконечностей, населенных разумными существами. А главное, что превыше Элоимов стоит Бог Великий, дать определение которому невозможно и к которому нельзя отнести ни одного эпитета, имеющегося на языке духов и людей. Тот, о Котором можно ска-

зять только «Он есть», но нельзя сказать «Он существует», так как последнее лишь человеческим понятием является.

Узнали атланты, что самые странные их фантазии являются неполным отражением далеко в других бесконечностях сущего; что миры нездешние и бесконечности исчезают, когда через них прошло жаждавшее воплощения душевное или духовное начало, и, исчезая, обращаются в Ничто, которое опять когда-нибудь станет Сущим.

И на обширных полянах своих необъятных лесов молились атланты, ничего не прося, но о многом как бы вспоминая. Так вспоминали они на своих обрядовых собраниях, что, постоянно поднимаясь по Золотой лестнице высших космосов, подойдут они к храму Бога Великого и много более совершенными, чем они были подходя к Нему, снова пойдут в веках и мирах преображенными – в такой славе и счастье, о которых сейчас и мечтать не могут...

21. ДУША И РЫЦАРЬ

Умер Рыцарь и стал подниматься в космосы высшие. Как вдруг перед ним появилась прекрасная Арлегина и говорит ему: «Привет тебе, Рыцарь, рада видеть тебя. Много времени прошло с тех пор, как мы с тобой виделись. А когда-то мы были хорошо знакомы. Ты вместе со мной сражался за хорошее дело. Пойдем в мой замок, он красив и стоит высоко в горах. Там ты встретишься с умными, гордыми, как и ты, рыцарями. Ты вспомнишь, как вместе сражались мы под знаменем Сатла, какие победы одерживали. Тебе напомню я там о былой славе твоей».

Согласился Рыцарь и последовал за Арлегиной. В то время душа его тоже поднималась вверх и на пути встретила с прекрасным светлым воином. И говорит ей воин: «Рад, сильно рад, видеть тебя. Рад в чем хочешь помочь тебе. Зайди в мой прекрасный дом. Ты сможешь встретить там Рыцаря, с которым недавно рассталась. Пойдем со мной, и все, о чем ты до сих пор тосковала – все перестанет быть основанием для тоски».

Отвечала ему душа: «Мне хотелось бы видеть старых друзей».

«Большинство из них ты встретишь у меня», – сказал ей воин.

В это время три гигантских Михаила появились около души и говорят душе: «Нет, иди с нами. Все твои к нам идут. А Арлег, который зовет тебя с собой, чрезвычайно опасен».

Возразил воин: «Лучше ко мне иди. С моей дамой говорит твой Рыцарь, и к нам придет он».

Ответили Михаилы: «Ошибаешься, не придет. Мы защитим его. Ты и та Арлегина – враги наши».

И почувствовала чуткая душа: точно ледяная струя от воина исходит и словно потускнел образ Светозарного. В испуге кинулась она от него к Михаилам. Подал один из Михайлов зеркало душе. Увидела она в зеркале, что ее Рыцарь стоит рядом с прекрасной Арлегиной и что разговаривают они, вспоминая прежние походы и сражения, но лицо Арлегины еще темнее, еще грознее, чем лицо встретившегося ей воина. И, видя, что улыбается Рыцарь, упала на колени душа и закрыла лицо руками. В порыве отчаяния вскричала она. И услышали крик ее три Михаила, на страже стоящие. Но трудно им было понять, в чем дело.

Двое полетели к своим звать на помощь, а третий полетел к Рыцарю, и скоро грозный великан как молния упал между ним и Арлегиной, крикнув ей: «Успел я. Отойди!»

Но возмутилась Арлегина и отвечала: «Как смеешь ты приказывать! Рыцарь здесь по собственному желанию, он сам пошел за мной. Не отдам я его без борьбы!»

И затрубила Арлегина в рог, призывая на помощь своих.

Говорит Михаил недоумевающему Рыцарю: «Иди сначала к нам, твоим старым друзьям, а там видно будет. Никто ни на минуту не будет тебя удерживать. Пойдешь, куда захочешь».

Но на помощь темной Арлегине прилетело несколько Светозарных, а перед ними, защищая Рыцаря, встали три Михаила. И все больше и больше слетается с обеих сторон воинов. Летят и строятся в боевой фронт темные Арлеги, Князья Тьмы и темные Леги. С другой стороны появились тьмы Легов, летят Арлеги и Сатлы, а за ними виднеются Араны. Ползут тяжелые громады стихий.

Кричат Сатлам темные Арлеги: «Как и вы против нас?»

Молчат Сатлы и чем-то грозным веет от их неподвижности. А Араны отвечают: «И нас довольно!» И готовы броситься на Темных.

Но встают между ними Арлеги и Серафы и говорят: «Без ассы решите дело. Спросим лучше Эонов Мудрости, как нам поступить».

А Эоны Мудрости отвечают: «Не надо ассы, две дороги перед Рыцарем, которой хочет идти – пусть той и идет».

«Мы не послушаем вашего совета, – отвечают Темные, – мы не знаем вас».

Молчат Эоны. Но нет уже того, из-за кого спорили. Почувствовав зов души, быстрее молнии прилетел Рыцарь к ней. И молча рассеялись полчища духов. Прощался рыцарь с душой, и сначала грустное прощание стало легким и радостным. И просил Рыцарь одного из Михайлов, более близко стоявшего к душе, охранять ее и помогать ей в новой обители, куда должна была вступить она, а сам направился в космос Легов, где занял прежнее свое место среди Тамплиеров.

И спрашивает Рыцарь легов Тамплиеров: «Верным ли путем шел я до сих пор на земле? Каким путем идти, когда вновь вернусь я туда? Нет ли ошибок в том, что я делал?»

И услышал он в ответ от Легов: «Останься у нас, быть может, лучшую дорогу, чем та, по которой шел ты, укажет тебе мудрость долголетья наших. Безграничные знания, прекрасная жизнь развернутся здесь перед тобой».

Возражает Рыцарь: «Не могу, не хочу жить вне земли, пока не преобразились светом несказанным люди. Но с вами всегда буду мыслями и духом моим. Какой совет дадите мне на дорогу?»

«Дадим тебе драгоценный подарок: безграничное терпение с теми, кто хочет от тебя большего, чем ты можешь дать. Всегда помни: не важно, если не поймут люди, какую громадную пользу ты им приносишь. Работай для их блага. Борись со злом. Делай добро. В каждом отдельном случае делай добро, а если результат для тебя нежелательный получится – не заботься о том, так как в мирах и веках все зло изживется и останется только доброе...»

22. ОТБЛЕСКИ И ЕВРЕИ

Когда Эон Любви, тот, который был на земле, проходил по области, населенной Отблесками, уча их, один из его нынешних учеников, Тамплиер, задал вопрос: «Как обстоит теперь дело с учением Христа на земле? Осталось ли там что-нибудь от этого светлого учения?»

Ответил Эон Любви: «Да, кое-что осталось...»

Снова спросил тогда Тамплиер: «Все также ли упорен великий народ евреев в своем нежелании следовать учению Христа?»

«Да, упорен по-старому», – отвечал Эон Любви.

«Значит, все таким же оплотом против Твоего Учения является еврейский народ?» – опять спрашивает Тамплиер.

И звучит ответ: «Да, все так, как сказал ты».

И сказал тогда Тамплиер из Отблесков: «Великим делом будет привлечь народ этот к учению Христа, раз наиболее сильным препятствием является он. Благослови меня на это дело! Я опущусь на землю и попытаюсь привлечь еврейский народ на путь Христа!»

И благословил его на эту работу Эон Любви, предупредив, что должен он остаться у Серафов на их мистических солнцах всю ту силу, которую он не может взять

на Землю. И посоветовал ему обсудить с Тамплиерами других космосов, как провести в жизнь эту идею...

Спустился Тамплиер к Аранам и рассказал, что идет на землю и зачем идет туда. Сурово сверкнули их глаза, и сказали Араны: «Напрасно идешь ты туда! Бесплезно проповедовать им учение Эона. Только насильно уведя их с земли и переведя в иные космосы можно было бы попытаться привлечь их к учению Христа. Лишь когда не станет на Земле этого народа, можно будет думать о торжестве там Учения Эона. А рыцарями они, вероятно, никогда не будут...»

Но был тверд в своем решении Тамплиер из Отблесков и сказал Аранам, что все же хочет он попытаться. И, простившись с ними, перешел в мир Арлегов. Приветствовали его Серафы и, раньше, чем принять от него на свои мистические солнца все, что не могла бы вынести Земля, говорили ему, чтобы оставил он, если возможно, свое намерение, что все равно из него ничего не выйдет, и бесполезно будет его схождение.

«Никакой нет надежды, – говорили они, – на то, что просветит их учение мистики высочайшей, не смогут они подняться до нее...»

Но и здесь непреклонен был Тамплиер и, оставив у Серафов все величайшее, стал спускаться дальше в низы...

Так пришел Отблеск в область Легов, и те сказали ему: «Темные эманации нас только владеют еврейским народом, что как бы идеальны ни были его отдельные представители, все же, рано или поздно, для всех наступает роковая черта, когда они делаются материалистами».

Но, несмотря на это, все же поддержали они его решение попытаться привести народ еврейский на путь Христа.

И пришел Отблеск к рыцарям-тамплиерам Земли, которые сказали ему: «Не было еще случая, чтобы еврей сделался Тамплиером!»

Попросил тогда Отблеск одного из тамплиеров Земли, рыцаря двенадцатой степени, одолжить ему на три года его земное тело, чтобы он, Отблеск, мог ходить и проповедовать среди евреев. Согласился этот тамплиер, и тотчас же дух его покинул тело, в которое вошел Отблеск. И стал Тамплиер из Отблесков ходить среди евреев и проповедовать им то учение, которое хранилось в Ордене.

Самых разнообразных личностей встречал он среди них. Видел великих ученых, глубоких мыслителей, даже мистиков и идеальных по жизни людей... Но почти никто не мог воспринять его учения о Великом Боге. Одни упорно смешивали Его с Иеговой, другие, особенно ученые, совсем не хотели признавать Его. Редко, но все же иногда удавалось ему дать понять некоторым учение о Боге Великом, и в таком случае Отблеск, которому открывалось их будущее, видел, как на целые годы, иногда на десятки лет отодвигалась от них роковая черта материализма, хотя позднее они все же впадали в прежнее неверие.

Наступил срок, когда Тамплиер из Отблесков должен был вернуть рыцарю-тамплиеру его тело. И когда совершилось это, то спросил земной тамплиер у Отблеска, каковы результаты его миссии. Рассказал Отблеск о своей неудаче, и рыцарь-тамплиер посоветовал ему вести свою пропаганду не среди взрослых, а среди юношей и девушек еврейских, и сам же предложил опять передать ему свое тело, теперь уже на более долгий срок.

Снова стал ходить среди еврейского народа Отблеск... И видел он много прекрасных юношей и девушек со светлыми порывами, и детей с чудесными задатками, которые принимали его учение, становились последователями Христа, но не находил Отблеск среди них ни одного подлинного Тамплиера, потому что всякий раз материальность оказывалась сильнее духовности и рано или поздно возобладала над нею...

Пришло время Отблеску возвращаться в свой Космос. Но, прощаясь с рыцарями-тамплиерами Земли, просил он их продолжать начатое им дело, обещая еще раз вернуться на Землю.

Когда же снова спустился Отблеск на Землю, то гроссмейстер Ордена сказал ему: «Ты берешь оболочку рыцаря на время, но когда уходишь, все же в ней что-то

твое остается, и трудно в ней потом тамплиеру бывает: неодолимое стремление к верхам он ощущает и непригоден становится тут на земле».

Взял тогда Отблеск рассану и в ней стал ходить по земле...

И если встретите вы на Земле Тамплиера из Отблесков, и спросит он вас, как обстоит дело сейчас, то скажите, что до сих пор нет в Ордене евреев, ибо если входит еврей в Орден, убивает его сейчас же темный Арлеп. Если же будет такой случай, что, войдя в Орден, еврей останется жив, то становится он евреем-Мессией...

23-24. СЕРНОЕ ОЗЕРО

Около границ нашей бесконечности начинается другое пространство. В нем появились два Элоима для творчества. Элоим Верха выдохнул Логос и наполнил им эту вселенную так, что ни для чего другого не осталось места, как если бы ничто иное не должно было возникнуть. Элоим Низа выдохнул Хаос и наполнил им эту вселенную так, что ни для чего иного не оставалось места, как если бы не было Логоса.

Страшная мистическая теснота получилась в результате того, что все смешалось в одно целое, и задыхались в ней и мучились к жизни возникшие духи. Появилась громадная безводная земля с морями, озерами, океанами огня. Водного начала не было в этой Вселенной, и серное озеро огненное кипело от края и до края бесконечности. Разнузданные силы носились по космосу, и мало было существ, которые могли бы обитать в нем.

Невероятная борьба между собой охватила возникавших духов. Они боролись за жизнь, за развитие, за возможность подъема. Ничего не выходило из их борьбы, ибо они только мешали друг другу.

Сразу же познали ошибку свою Творцы этого космоса, хотевшие посмотреть, что выйдет, если тот и другой, каждый по очереди заполнит бесконечность так, как будто она не заполнена первым и как будто второй не собирался всецело заполнить ее. И они бросили эту бесконечность и улетели, не увидев, что получится из их творчества.

Так новая вселенная осталась без Бога.

Обитатели ее чувствовали пустоту жизни, которая текла в невероятной мистической тесноте. Обитателям безводного космоса было тесно и душно в нем. Необходимо было покончить с таким существованием, и страшная жажда бунта охватила этих существ. Им казалось необходимым отомстить Творцам за их неудачное творчество. Но не было уже тех, против кого возможно было поднять бунт, поскольку они бросили свое неудавшееся творение...

Но вот, некоторым из множества духов удалось подняться над озером огненным серным. Поднялся над озером Дракон, а вместе с ним выползли существа с десятью рогами. Поднялись они, полные желания найти создавших их и озеро серное, чтобы отомстить им за всю муку, которую пришлось им переносить во вселенной огненной, чтобы заставить создателей изменить созданное ими.

Не находя Творцов, вылетел Дракон с семьей воинствами и десятью полчищами из пределов своей бесконечности, чтобы искать Творцов и, найдя, бороться с ними, и приблизились они к пределам нашей Бесконечности...

«И другое знамение явилось на небе. Вот большой красный Дракон с семью головами и десятью рогами, и на головах его семь диадим. Хвост его увлек с неба третью часть звезд и поверг их на землю» (Апок. XII, 3-4).

Вступил Дракон в пределы нашей вселенной и с ним семь воинств его и десять полчищ. От его эманаций померк свет развития многих планет, ибо затемнил на них свет духовный Дракон, и третья часть их была назад к Хаосу отодвинута. Но выступили против Дракона Леги во главе с Михаилом.

«И произошла на небе война: Михаил и Ангелы его воевали против Дракона, и Дракон и ангелы его воевали против них. Но не устояли и не нашлось уже для них места на небе. И низвержен был великий Дракон, древний змий, называемый диаво-

лом и Сатаной, обольщающий всю вселенную, низвержен на землю и ангелы его низвержены с ним» (Апок. XII, 7-9).

Михаил и Леги отразили Дракона и он полетел в иные беспредельности продолжать поиски. Но как бы своего двойника, как бы мистическое свое отражение вызвал он и послал в нашу вселенную Зверя.

«И стал я на песке морском и увидел выходящего из моря Зверя с семью головами и десятью рогами: на рогах его было десять диадим, а на головах его имена богохульные. Зверь, которого я видел, был подобен барсу, ноги у него – как у медведя, а пасть у него – как пасть у льва; и дал ему Дракон силу свою и престол свой и великую власть» (Апок. XIII, 1-2).

Стал в полете своем приближаться Зверь к землям нашей бесконечности и узнал, что Творцы земель наших были тождественны или вполне сходны с Творцами их космоса, и понесся он на земли. Но властный оклик остановил его.

«Стой, здесь моя власть и сила, – сказал темный Арлег. – Как и ты, я веду борьбу с Элоимом. Подчинись мне, и дам тебе царства и власть на землях. Вместе будем бороться против Элоимов, нас в верха не пропускающих. Нельзя тебе от союза со мной отказаться. Чужды тебе условия жизни в нашей вселенной и один ты слишком слабым окажешься».

Не согласился Зверь и стал к высшим космосам подниматься. Увидел Зверя, к верхам поднимающегося, сторожевой отряд Аранов, и бросился, с боем дорогу к Верхам загораживая. И нанесли Зверю страшный удар своими мечами мистическими, смертельную рану нанесли они ему. Но увидели Араны, что Зверь – не дух, что имеют они дело с «заммой» и, зная невозможность победы своими силами, улетели. А Зверь, смертельную рану получивший, понял тогда, что ему одному не справиться в нашей бесконечности и решил послушать темного Арлега. Вернувшись в космосы, темным Арлегом охваченные, взмолился к нему Зверь Бездны, огнем палимой, прося дать ему возможность властвовать на землях, дабы отомстить Творцам. И темный Арлег, рану его смертельную исцелив, дал ему силу и возможность на многих землях царствовать, пока он не потребует обратно свои владения.

«И видел я, что одна из голов его как бы смертельно была ранена; но эта смертельная рана исцелела. И дивилась вся земля, следя за Зверем, и поклонились Дракону, который дал власть Зверю. И поклонились Зверю, говоря: кто подобен Зверю сему? и кто может справиться с ним? И даны ему были уста, говорившие гордо и богохульно, и дана ему власть действовать сорок два месяца. И отверз он уста свои для хулы на Бога, чтобы хулить имя Его, и жилище Его, и живущих на небе. И дано ему было вести войну со святыми и победить их; и дана ему была власть над всяким коленом и народом, и языком, и племенем. И поклонятся ему все живущие на земле, которых имена не написаны в книге жизни у Агнца, закланного от создания мира» (Апок. XIII, 3-8).

Гордостью проникся тогда Зверь Бездны, и, явившись на Земле, стал проповедовать учение свое, говоря, что нет Бога, которого надлежит чтить, ибо не было во вселенной Дракона тех, кто создал ее. И так говорил он о творчестве Элоимов:

«Все, что создали они, в самой основе своей неверно, а потому плохо! В этом творчестве везде следы размаха абсолютного, все несет в себе вечное и бесконечное, а это немыслимо. Только конечное не приводит к абсурду, так как конечны существа созданные. Не существует жизни иной, а если бы даже она и существовала, то нет памяти жизней последовательных, а это все равно, как если бы жизней этих не было! Нелепо и учение Эонов о «любви безграничной», о любви к врагам нашим, нелепо и противоестественно. Возьмем, например, заповедь «люби врага своего», – что в ней хорошего? Естественно людям любить друзей своих, а врагов ненавидеть. Не ясно ли, что враги, если мы будем любить их, победят нас и лишат всего, что нам дорого. Нас утешают, что за все эти потери мы получим награду на том свете. Но, ведь, если имеется «тот свет», что сомнительно, то не лучше ли, чтобы людям и тут и там хорошо было. Для нас же нет будущей жизни, потому что если бы даже она и существовала, в ней нет памяти о жизни прошлой, а это все равно, как если бы той жизни не было! Во всяком случае, надо поставить предел размаху абсолютных тре-

бований. Абсолютное – не добро и не зло. Вместо него надо взять руководством третье правило: «своя польза без вреда ближним».

Так учил он, и многие его заветам следовали. Начинали они делить всех на друзей, которых любили, и на врагов, которых ненавидели. Но соглашавшиеся с этим с течением времени замечать стали, что к числу врагов, которым разрешалось делать зло, относятся все большие и большие группы людей. Пришли они, наконец, к тому, что всех, кроме себя, стали принимать за врагов. Но и этим дело не ограничилось. Все дальше шли они в различении своем и не могли остановиться: любя сначала только себя самих, и в себе начинали они одно любить, а другое ненавидеть. Все меньше и меньше сторон любили они в себе и все больше ненавидели. Самовлюбленность повлекла за собой свою антитезу – самоненависть. Сегодня я любовался собой, а завтра начинал ненавидеть себя за то, чем любовался. И скоро уже не любили они ничего – ни вне себя, ни внутри. Одна ненависть пронизывала их, и ужасными стали их страдания. Еда, питье, одежда и жажда власти над собой подобными выдвигались на первый план.

«Что там ни говорите, – утверждали последователи Зверя, – а материальное благосостояние самое главное, и не только самое главное, но и основа всего! Сострадание? Любовь? Милосердие? Ха, ха, ха! Я – Зверь, вы – животные, которых я пожираю! Этим все кончается...»

Все это проповедовалось чрезвычайно гордо, хотя умным и казалось глупым, но громадное большинство охотно слушало эту проповедь. А когда указывали людям лучшие между ними на начертанное в душе высшее, светлое начало, те говорили:

«Его надо изжить, им надо пренебречь! И сохранить в людях вновь на них изливаемое начало нового учения: захватывай, что можешь».

А сам Зверь говорил, что на Земле все гораздо лучше устраивается, чем в мирах, ему не подчиненных...

Но если и удавалось что Зверю, то лишь потому, что вся власть была дана ему темным Арлегом. И все же не мог Зверь окончательно покорить себе людей, не принимали его и инстинктивно чувствовали неправду в словах его проповеди. Отголоски учения Эонов все же теплились в людях, и тьма Зверя не могла погасить их. Мало было веровавших в правду Зверя, и не умными были люди те. Другие не верили, но слушали его, ибо не повинующиеся Зверю были жестоко казнимы им.

Тогда в помощь Зверю выслал темный Арлег другого Зверя, к условиям нашей вселенной лучше подготовленного, из темных миров нашей вселенной вышедшего, чтобы помочь первому Зверю окончательно поработить людей. И само население Земли дало Зверю двух помощников.

«И увидел я другого Зверя, выходящего из земли; он имел два рога, подобные агнчим, и говорил, как Дракон. Он действует перед ним со всей властью первого Зверя и заставляет всю землю и живущих на ней поклоняться первому Зверю, у которого смертельная рана исцелилась; и творит великие знамения, так что и огонь низводит с неба на землю перед людьми» (Апок. XIII, 11-13).

Ибо дал второму Зверю темный Арлег власть над стихиями.

«И чудесами, которые дано было ему творить перед Зверем, он обольщает живущих на земле, говоря живущим на земле, чтобы они сделали образ Зверя, который имеет рану от меча и жив. И дано ему было вложить дух в образ Зверя, чтобы образ Зверя и говорил и действовал так, чтобы убиваем был всякий, кто не будет поклоняться образу Зверя. И он сделает то, что всем, малым и великим, богатым и нищим, свободным и рабам, положено будет начертание на правую руку их или на чело их, и что никому нельзя будет ни покупать, ни продавать, кроме того, кто имеет это начертание, или имя Зверя, или число имени его. Здесь мудрость. Кто имеет ум, тот сочти число зверя, ибо это число человеческое. Число это 666» (Апок. XIII, 14-18).

И они творят разные чудеса, обольщая людей и говоря: «Смертельно раненый Зверь жив. Вы видите из этого, как он силен».

Они сотворили идола – подобие смертельно раненого и оставшегося в живых Зверя. Сотворили легенду, которая была обезьяной Голгофы. И путали помощники Зверя зло с добром, ибо не различали их, а потому смешанное зло с добром худшим

злом становилось. И 666 особо свирепых и тупых помощников палачей выбрал себе Зверь, в багряницу облекшийся. И думали народы как велел им Зверь багряный думать, и творили все, что приказывало его зверье. И клеймо положил он на чело и руки людей – велел людям думать так глупо, как ему было выгодно, и работать на него, Зверя, руками. И люди не покупали и не продавали, а все получали из отнятого у них Зверем. И блестяще жили близкие его и бедствовали дальние. Но не мог Зверь багряный установить равенства даже материального, и скоро понял, что без любви не может установиться оно. И он стал добиваться равенства духовного, всех заставляя думать так, как он, неумный зверь, думает...

«Пятый Ангел вылил чашу свою на престол Зверя, и сделалось царство его мрачно, и они кусали языки свои от страдания» (Апок. XVI, 10).

Время шло. Ужас пресыщения охватил сытых в царстве Зверя и ужас голода убивал голодных царства его. И любое несчастье, павшее на людей, тем ужаснее было, что не было братской помощи несчастным. Только слуги Зверя из Бездны, поскольку это было выгодно им, поддерживали тех, кого хотели, дабы не обезлюдело царство его. Но душный мрак охватил всех, кроме немногих мерзавцев, и мрачным стало царство Зверя, и кусали люди языки свои от страдания.

И только 11 рыцарей боролись со Зверем и учением его.

«И видел я выходящих из уст Дракона и из уст Зверя и из уст лжепророка трех духов нечистых, подобных жабам. Это – бесовские духи, творящие знамения; они выходят к царям земли всей вселенной, чтобы собрать их на брань в оный великий день Бога Вседержителя» (Апок. XVI, 13-14).

И три нечистых, отвратительных, как жабы, духа были посланы Драконом во все страны по очереди, чтобы привлечь их под власть Зверя. И учили они и второй Зверь стремлению к власти и господству, говоря, что учение первого Зверя можно выполнить, захватывая власть и царства, заставляя других работать на себя, заставляя других служить себе. И воцарилось на земле стремление к власти, и оно яростным вином блуда своего напоило все народы, устремившихся к великому междусобию и борьбе за власть. И Власть сидела на Звере багряном, на нем сидела, облаченная в порфиру и багряницу; и была украшена золотом и драгоценными камнями и жемчугом, которые отобрала для себя. Но тлетворным запахом несло от нее, переполненной мерзостями и изменами. Мерзости земные нашли покровительство у Зверя багряного.

«И пришел один из семи ангелов, имеющих семь чаш, и, говоря со мной, сказал мне: подойди, я покажу тебе суд над великой Блудницей, сидящей на водах многих. С ней блудодействовали цари земные, и вином ее блудодеяния упивались живущие на земле. И повел меня в духе в пустыню; и я увидел Жену, сидящую на Звере багряном, преисполненном именами богохульными, с 7 головами и 10 рогами. И Жена была облечена в порфиру и багряницу, украшена золотом и драгоценными камнями и жемчугом, и держала золотую чашу в руке своей, наполненную мерзостями и нечистотой блудодействия ее. И на челе ее написано имя: тайна, Вавилон великий, мать блудниц и мерзостям земным. Я видел, что Жена была упоена кровью святых и кровью свидетелей Иисусовых, и, видя ее, дивился удивлением великим» (Апок. XVII, 1-7).

Но еще усилятся мучения, ибо сами цари восстанут, наконец, на тот принцип, на котором сами основались, и падут Власть, Блудница и Вавилон великий.

«И 10 рогов, которые ты видел – суть 10 царей... И 10 рогов, которые ты видел на Звере, сии возненавидят Блудницу, и разорят ее, и обнажат, и плоть ее съедят, и сожгут ее в огне» (Апок. XVII, 12, 16).

«После сего я увидел иного Ангела, сходящего с неба и имеющего власть великую. Земля осветилась от славы его. И воскликнул он сильно, громким голосом говоря: пал, пал Вавилон, великая Блудница, сделался жилищем бесов и пристанищем всякому нечистому духу, пристанищем всякой нечистой и отвратительной птице; ибо яростным вином блудодеяния своего она напоила все народы. И цари земные блудодействовали с ней и купцы земные разбогатели от великой роскоши ее. За то в один день придут на нее казни, смерть и плач, и голод, и будет сожжена огнем. По-

тому, что силен Господь Бог, судящий ее. И восплачут и возрыдают о ней цари Земные, блудодействовавшие и роскошествовавшие с ней, когда увидят дым от пожара ее» (Апок. XVIII, 1-3, 8, 9).

Страшно будет страдать и мучиться род человеческий и только праведники будут бороться со Зверем и учением его. Наконец исполнятся времена и восстанут сильные против Зверя и мерзостей его, и сойдут на землю Серафы, чтобы сразиться со злом и победить его.

«И увидел я отверстие небо, и вот конь белый, и сидящий на нем называется Верный и Истинный, Который праведно судит и воинствует. Очи у Него, как пламень огненный, и на голове Его много диадим. Он имел имя написанное, которого никто не знал, кроме Его Самого. Он был облачен в одежду, обогренную кровью. Имя Ему: «Слово Божие». И воинства небесные следовали за Ним, на конях белых, облеченные в виссон белый и чистый» (Апок. XIX, 11-14).

«И увидел я Зверя и царей земных и воинства их, собранные, чтобы сразиться с Сидящим на коне и с воинством Его. И схвачен был Зверь и с ним лжепророк, производивший чудеса перед ним, которыми он обольстил принявших начертание Зверя и поклоняющихся его изображению. Оба живые брошены в озеро огненное, горящее серой» (Апок. XIX, 19-20).

Ибо предадут Серафы побежденного зверя Аранам и те отведут его со всем воинством его во вселенную Серного озера.

«И увидел я Ангела, сходящего с неба, который имел ключ от бездны и большую цепь в руке своей. Он взял дракона, змея древнего, который есть дьявол и Сатана, и сковал его на 1000 лет. И низверг его в бездну и заключил его и наложил над ним печать» (Апок. XX, 1, 3).

И скажут Араны Зверю, отводя его в озеро серное, что готовы они всегда помочь Зверю, если тот от борьбы с Элоимами откажется, если захочет к верхам идти, отказавшись низшим, слабейшим вредить.

25. ФЕНИКС

Завтра великий день – Феникс вновь возродится из пепла. Двенадцатый раз жрецы страны Кеми будут праздновать это событие, снова и снова стараясь угадать его истинный смысл.

Самый старый жрец из рода жреца, умершего тысячу лет тому назад, встал перед возродившимся Фениксом, охваченный безмолвной великой молитвой. Долго стоял он, изредка поднимая руки к Фениксу, и, наконец, почувствовал, что от него отделяется его физическое тело и тихо ложится у подножия трона Феникса, а тело эфирное вырастает до гигантских размеров и сливается с таким же эфирным телом Феникса, воспринимаемым им как невыразимо прекрасное сверкающее пламя.

И слышит жрец ответы на свои невысказанные словами вопросы.

...Сгорело мое земное тело, ибо я своим внутренним огнем сжег его. Легко и радостно взлетело мое эфирное тело над мирами земли и неба, и я поднялся в Царство Мудрых. Там блестили солнца несказанные, солнца мистические, а их мудрые обитатели легко разрешали мировые загадки, над которыми напрасно бьются мудрецы земли. Стал я перед одним из этих мощных духов и спросил его:

«К нашим ли космосам принадлежат те солнца, так отличные от солнц-звезд обычных, на которых вы, Мудрые, пребываете?»

И отвечали мне Рафаилы: «Да! Поскольку мы на них и около них есть, и – нет, не к нашим космосам принадлежат они, поскольку здесь остаются анимы Эонов, на земли и иные миры спускающихся».

И снова спросил я: «Ты сказал, что не к нашей только Плероме космосов принадлежат Эоны?»

И отвечает мощный Рафаил: «Ты прав, Эоны суть Эоны во всех космосах всех бесконечностей, которые сотворены Элоимами».

И побоялся я, бедный Феникс, больше спрашивать, так как с каждым словом Рафаила все грознее и величавее сверкал его суровый взор. И бросился я к центру солнца мистического, дабы сгорело мое тело эфирное и мог выше подняться мой дух, освобожденный от уз, темным и глубоким низам присущих. И как бы колеблясь, и как бы оставаясь на месте, я стал переходить в другие измерения, и Рафаилы с тоской и благоволением смотрели вслед за мной улетающим... Но вот небесным золотом блестящая пелена отделила меня от ясного царства Рафаилов, и исполины Михаила окружили меня, безмолвно спрашивая, что мне надо от них, и хочу ли я всей силой и всем помышлением моим подняться еще выше, к Аранам?

Спрашиваю я ближайшего ко мне Михаила: «Скажи, что вы делаете здесь на этих страшных, непостижимых высотах?»

И отвечает мне Михаил: «Мы стоим здесь, чтобы не пропустить воинство темного Арлега, если оно снова пожелает сорвать Печати Оккультного Молчания ранее, чем это полезно будет для духов, в низах сущих».

«А когда это полезно будет Легам, людям и всем, ниже вас сущим духам?» – спросил я.

Отвечает мне Михаил: «Когда они перестанут бояться новых откровений и не побоятся отрешиться от старых, неточных и неверно понятых верований».

«А когда настанет это время?» – спросил я.

Гремит в ответ голос Михаила: «Для Легов уже настало оно, и только люди, запутавшиеся в тенетах темного Арлега, мешают им и нам сорвать вторую Печать, так как мистической силой своего несовершенства люди тянут Легов назад, а без помощи Легов мы недостаточно сильны. Союза же с Темными не хотим потому, что не верим им...».

Тут величаяя фигура темного Арлега появилась рядом со мной, и загремел его голос: «Напрасно!»

И сразу несколько Михайлов встало возле меня и говорят темному Арлегу: «Откажитесь от всех царств земли, и тогда мы пойдем вместе, ибо и от низших царств вы откажетесь тогда!»

И ответил темный Арлег: «И без того пойдете со мной. Надоест ждать и вам, бесконечно ждущие! А от власти над царствами мириад земель и низших космосов нам нельзя отказаться, ибо неизменно существо наше, к власти стремящееся».

Отвечают ему Михайлы: «Смотрите, прогадаете. Тянет к себе вас бездна Низа, и потому вы к власти над душами низов стремитесь».

Но зная, что ничего не жду я от темного Арлега и не хочу быть с ним, зная, что непонятен для меня спор высших духов, Михаил поднял меня и поставил перед Стражами Порога и духами, охраняющими врата в обитель мощных и непреклонных Аранов.

«Сними последнюю свою оболочку, – говорят мне Араны, – и тогда пропустим тебя мы, а с нами пропустят тебя и Стражи Порога».

Говорит мне Михаил: «Отдай мне твой покров, на обратном пути ты наденешь его опять».

Отдал я свое последнее одеяние, и дух мой вошел в космос Аранов.

Я думал увидеть Аранов, вооруженных страшными мечами, собиравшихся на бой или возвращавшихся с него, или же стоящих на страже в ожидании нападения, но не увидел и тени воинственного стана. Тихо беседовали они о мирах, страшно далеких, о мирах, не имеющих никакого отношения к нашим космосам...

И я, солнца земного дух, понял, как чужды мы этим духам. Изредка я почти что понимал некоторых из них, когда они говорили о тех страннообразных духах, которые пребывают вне нашей бесконечности, и эманации которых только в виде редкого исключения доходят до наших земель через царство темного Арлега. Тогда Араны снимаются с места и летят навстречу этим эманациям, чтобы рассеять их. И все же, некоторые из них ускользают от Аранов и долетают до Земли под покровительством темного Арлега.

А так как для темного Арлега и для этих духов нет разницы между правдой и неправдой, то они нагоняют на людей тоску, уныние и сомнения там, где сияющая исти-

на дала бы радость, веселье, твердую уверенность. И говорят они Аранам, что должны быть сорваны Печати Окультиного Молчания, и что хорошо было бы, если бы поскорее были сняты они, а то как в непроглядной тьме не видят люди даже ближайшей цели своего шествия.

Понял я тогда, что духи Тоски и Уныния – злые духи, и что надо бороться с ними, не допускать их до себя. И еще говорили Араны, что из далеких чуждых Космосов вызвали для земель темные Арлеги эманации злых духов, и слышал я, что бесильными являются эти начала в других космосах, получая страшную силу в космосе духов земли, только в виде редкого исключения прозревающих будущее и видящих прошлое.

И ласково пытается близ меня суций Аран что-то объяснить мне, но выше моего разумения было его мышление. Хотел я узнать – есть ли что-либо постижимое для меня в высшей сфере? И это мое желание исполнилось. Великий вождь Аранов, Элора, вдохнул в меня новое Начало, и передо мной разверзся новый дивный мир, в котором отражалось и то, что я уже познал, и то, о чем не знал я ранее.

Что-то розовое и тут же рядом голубое, то, чему нет подобия на земле, было вместилищем блеска, и близкие к духам Света существа то в голубой, то в розовой сфере жили своей, невероятно сложной для меня постоянно меняющейся жизнью. Один из них как бы приблизился ко мне, беседуя с другим, но очень немного понял из их слов, понял так, как мог бы понять, прожив на земле два десятка тысячелетий и обладая знаниями ваших отдаленных потомков.

«Конечно, – говорил Отблеск другому, – понятие души люди попытаются подменить понятием иона, потому что чудесной кажется душа. Но ион, дающий возможность поверить в то, что без души может быть живое существо земель, – чудеснее души, непонятнее ее, несмотря на самовольное упрощение этого понятия. Ион – это чудо из чудес, и перед его чудом меркнет чудо души и ее бессмертие. И все-таки настолько сильно на землях влияние темного Арлега, что люди охотнее верят в непостижимое и невероятное чудо иона, чем в понятное явление жизни духа вне его тела и вместе с телом. Представляя ион невероятно малым, стараются сделать его понятным, но он все-таки неизмеримо сложен, и совокупность бесчисленных ионов плохим символом души является. Также все проникают ионы, как и душа, так же их жизнь неотделима от жизни тела, так же, как и душа, ион непостижим. И только потому, что ион назван частью материи и кажется легко представить его смертным, темный Арлег подменяет верой в него веру в душу бессмертную, так как на неверии в бессмертие стоит вся власть темного Арлега...»

Оставаясь таким же, переместился я совсем в другую сферу. Исчезли Отблески и их космос. И совсем иные, неподвижные и спокойные сидели светлые сущие, которых Элора назвал Нирванами. Я долго ждал, не подойдет ли ко мне кто-либо из этих неподвижных сущих, не заговорит ли со мной. Но они не двигались, как бы прислушиваясь к чему-то, стараясь уловить что-то всей сущностью сил своих.

Осмелившись, я приблизился к одному из Нирван и тихо спросил его: «Скажи, к чему вы прислушиваетесь?»

И спокойный голос сверх-духа прозвучал в ответ: «Все испытали мы: и жажду нового в этих космосах, и уверенность в бесконечности бытия, и многое множество другого. Только одного ждем, только к одному прислушиваемся: не близится ли час всеобщего подъема, перехода в Царство Силы и Славы?»

«Как познать людям приближение этого часа?» – спросил я.

«Для того, чтобы приблизился этот час, да станут люди мудры, как Рафаилы, и незлобивы, как Параклет, тогда не будет времени, и миры найдут свою Плерому».

Опять я спрашиваю: «Как приблизить этот час?»

Тихо и спокойно ответил мне Нирван: «Пусть все люди и духи жертвуют тем, что только каждому из них и ему одному полезным и желанным кажется, и жертвуют этим для блага всех».

Понял я, что спрашивать больше не надо, и все сменилось передо мной.

В область духов Познания вступил я, вступил один, без Элора, меня оставившего. Замерло сердце мое от ужаса мистического, когда Познание осенило меня, не ус-

пев еще просветить. И понял я, бедный Феникс, что осознавшие себя в низах, в веках и мирах будут сознающими себя существами, и что как бы ни менялась форма наша в веках и мирах, одно Божественное Начало горит и сверкает в ней, и что жизнь есть жизнь и для ребенка, и для старца, и для высшего существа, и для высочайшего Духа, почему все мы, живущие, равны по сущности, и только каждый из нас по-своему проходит свой долгий путь в веках и мирах.

И смирился я, поняв, что духов Познания мне не о чем спрашивать, что все познаю я, когда созрею для понимания, как зреет дитя для понимания жизни Земли. Но мне все же хотелось войти в обитель духов Силы, способных мощью своей остановить три потока солнц, видимых с Земли нашей. И почудилось мне, что новая смена произошла в области высочайших над-духов. Что чем-то и кем-то насыщено то, что назвал бы я «пространством», и что грозная сила около меня сущая настолько мощна, что даже я, бедный Феникс, и то понял, что нет пределов могуществу сверх-духов Силы, и что если было бы необходимо и полезно людям, то одним своим мановением подняли бы они их на неизмеримые высоты. Но я понял также, что людям лучше своими усилиями подняться к ним, не ища помощи со стороны.

И в тихий, мирный, спокойный, величавый мир перенесся мой дух, и, созерцая странно-прекрасные существа гармонические, я почувствовал успокоение, но великая скорбь проникла все существо мое, когда вспомнил я бедных знанием жителей Земли, на которой я существовал, так как сам захотел быть там.

И спросил мой внутренний голос, искра огня высокого, во мне горящего, спросила: «Почему не дано высшее знание людям земли? Почему не знают они, как прекрасны, как чудесны высшие миры? Легка была бы ныне нередко тяжелая жизнь людей, если бы светом знания была бы озарена она, если бы знали люди, как прекрасны миры высокие?»

И тихо прозвучал ответ: «Знай они это – никто бы из них ни минуты не остался бы жить на Земле. Все бы добровольно умерли и неподготовленными вошли в высшие обители».

«Но ведь неверие в жизнь будущую охватывает души людей, в которых не живет дух Легов, и это неверие заставляет их страдать», – думаю я и в ответ слышу спокойные слова: «Что из того, что не подозревают о новой жизни или не верят люди в жизнь будущую? Ведь многие люди не подозревают даже, что несколько отличные от них люди живут в таких же, как и у них, странах, на их же земле! Что из того, что инфузория не подозревает о том, что живут недалеко от нее люди? Она все-таки живет, и маленькая искра этой инфузории разгорится в веках и мирах в ослепительно блестящее, не сжигающее, а согревающее пламя, и не потеряет она своей индивидуальности, ни одной йоты ее не потеряет, если сама не пожелает порвать с прошлым путем забвения».

Не понял я дальнейших слов духа Гармонии, однако не оставил своего намерения подняться до самого далекого из достижимых для меня, бедного Феникса, миров. Неведомой мне силой я был восхищен в миры духов Света и увидел там блеск несказанный, от которого хотелось мне закрыться крыльями. И услышал я голоса: «Несравненно более совершенный Свет, чем нам присущ, прольется на вашу Землю. И Земля затемнит его, отразив в учении темного Арлега, и слова великие перемешаются со словами простыми. Мы придем, когда наступит час, но и мы бессильны отделить слово Света сияющего от слов, обитателями Земли употребляемых...»

Ничего я, бедный Феникс, не понял из того, что говорили духи Света, кроме того, что положен предел пониманию моему в их космосе. И не стал больше спрашивать.

Внезапно страшная черная молния прорезала сферу духов Света от края и до края бесконечности. И я, поняв, что Высший Свет затемнен будет учением темного Арлега, упал вниз, в Темное Царство. Пытались Темные внушить мне, что во сне видел я все, тебе рассказанное. Но не удался обман их, ибо я – Феникс, светом мистического солнца озаренный, от него исшедший, и не поддался обману. И вот я снова здесь. Говорю через тебя тем, кто может понять: не познает инфузория мира людей – но этот мир существует! И чувства тела нашего так ограничены, что мы и мил-

лионной доли сущих миров не постигаем. Только те из нас, в ком заложены уже начала Легов, во век не усумнятся в бесконечности восхождений в жизни. А ввергнутые во тьму неразумения темным Арлегом будут прозревать в веках и мирах. Встань, и да вольтется мир в твою душу, и пусть выйдет из нее все темное, тебя смущающее... Жди спокойно!

Встал старый жрец и, радости полный, отправился к ожидающим его собратьям.

Первый жрец: «Страшные соблазны входят в мир. Многие из нас слышали учение темного Арлега о том, что миры падающих солнц – это атомы в теле гигантского существа, и что около них вращающиеся тела – это ионы».

Второй жрец: «Разве интересно мистически знать, чем являются те небесные светила, которые называются в твоём рассказе атомами? Важно знать, кто мы и какова будет в веках и мирах наша судьба. И что мне за дело, частью чего я являюсь? Еще меньше мне дела до того, какую нелепость сплетает в области недоказуемых аналогий темный Арлег».

Третий жрец: «Важно то, что все попытки свести дух или душу к материи кончаются неудачей. Возьмите хотя бы ионы. Это частица материи, и таковой она и останется. А колебание или неподвижность материи нельзя не омраченному сознанию свести даже к простейшему проявлению Духа – к мышлению, которое совпадает во времени с колебаниями материи мозга, но которое для не умеющего мыслить совпадает и отождествляется с этими колебаниями материальных частиц. Ибо ясно: один порядок явлений – колебания вещества, и совсем другой порядок – мышление и результат мысли, сознание. Конечно, мозг отражает и преломляет внешний мир, но ведь и глаз делает то же самое. Тем не менее, не глаз создает то дерево, которое он видит, и не мозг создает тот духовный мир, который он постигает».

Четвертый жрец: «Существуют физические, химические и другие проявления материи, но только при грубейшем смешении их можно отождествлять с тем простым проявлением души, которое именуется мыслью – то есть, с проявлением в теле духовного начала».

Пятый жрец: «Темный Арлег старается внушить нам, что человек – простая машина. Но ведь не мыслит, не радуется и не отчаивается машина, не надеется, не разочаровывается, не познает и не стремится она к познанию!»

Шестой жрец: «Надо ли нам сегодня говорить о том, как убеждать опутанных Темными, что Душа существует как нечто отделимое от тела, в то время когда каждому ясно, что частицы тела отделимы одна от другой? Вопрос в другом: покинув тело, на Земле остается душа или покидает ее, не ища нового земного воплощения?»

Седьмой жрец: «Даже ион, оторвавшись от тела, перелетает мириады верст. Почему же душу или дух следует мыслить слабее материи?»

Восьмой жрец: «Неисповедимы пути душ, но их восхождение несомненно!»

Входит девятый жрец.

Первый жрец: «Что скажешь нам, Орсен?»

Девятый жрец: «В нашем Храме было явление Феникса... И я расскажу вам, что сам услышал от вешего Машара».

26. АГАСФЕР

Он шел быстро, шел куда глаза глядят, не разбирая ни дня, ни ночи. Он часто сворачивал в сторону, не замечая этого. Когда усталость становилась безмерной, он падал там, где стоял, и засыпал. Проснувшись, вскакивал и снова быстро шел, стараясь отогнать от себя назойливые мысли. Он избегал встреч, боясь, что неизбежный в этом случае разговор коснется последних событий... Но вот не так далеко от него блеснуло море, и он пошел по его берегу.

Через несколько часов пути перед ним раскинулся громадный приморский город. Голод и жажда томили путника, и он, войдя в городские ворота, напился у первого фонтана. Зайдя в лавку, чтобы купить немного пищи, он услышал, как один из

покупателей рассказывал лавочнику о событиях в Иерусалиме, и, уходя, слышал упоминание рассказчика о том, что некто Агасфер оттолкнул Иисуса, прислонившегося от усталости к стене его дома. И подивился Агасфер жестокосердию оттолкнувшего, но вспомнил, что это он сам оказался таким жестоким...

Он нанялся на корабельную верфь плотником, и в те дни, как устраивался на корабль, два раза слышал о том, что произошло в Иерусалиме и о себе самом. Он не захотел остаться на верфи, когда кончилась работа по устройству корабля, и нанялся на этот корабль плотником. Во время переезда в Афины он три раза слышал историю, как Агасфер оттолкнул усталого Иисуса, но едва сошел на землю, как небольшая толпа матросов, к которой он примкнул, остановилась перед рассказчиком, говорившим о том, за что и как был распят Иисус, и опять в его ушах звенели слова, что некто Агасфер оттолкнул усталого Иисуса, несшего на Голгофу свой крест.

И много раз в Афинах пришлось слушать ему от иудеев, греков и римлян рассказ о своей бессмысленной жестокости. Он бежал из-за этих рассказов из Афин, но на первом же привале при встрече с людьми слышал свою историю...

Агасфер быстро шел к северу, но его везде догонял рассказ о его жестоких словах, об отказе дать возможность перевести дыхание изнемогавшему. И он ускорял свои шаги, останавливаясь только, чтобы купить немного хлеба и утолить им голод, когда последний сильно давал себя чувствовать. Наконец, он пришел в страну, языка которой не знал и, хотя чувствовал иной раз, что плотники, с которыми он работал, говорят о том, что произошло в Иерусалиме, не понимая сказанного, он чувствовал себя более спокойным, чем когда в его ушах звенела понятная ему речь, передававшая эти события.

Но не так много прошло времени, когда он стал понимать слова этого языка, и первое, о чем слышал, было все тем же рассказом о событиях в Иерусалиме и о том как Агасфер оттолкнул усталого Иисуса, прислонившегося к его дому. И так часто ему приходилось выслушивать этот рассказ в стране, где хотел поселиться, что однажды ночью, выйдя из таверны, не возвратился в приютивший его дом, а пошел, куда глаза глядят, отыскивая страну, где его бы не понимали, язык которой был бы ему неизвестным.

Дойдя до такой страны, он оставался в ней, пока не начинал понимать языка ее обитателей, и тогда первой новостью услышанной от них становилась для него трагедия в Иерусалиме и его, Агасфера, жестокие слова. Каждый день преследовал его этот рассказ, и он снова бежал из страны, уже зная, что и в следующей повторится та же история.

Глубокой старости достиг Агасфер, но напрасно призывал он к себе смерть всякий раз, как слышал рассказ о своей встрече с Иисусом. Много раз покушался он наложить на себя руки, но всегда выздоравливал от нанесенных себе ран и от принятого яда. Его вынимали из петли, его выхватывали из огня, вытаскивали из воды, так как он бросался в пылающие здания, чтобы найти смерть под предлогом спасения погибавших или выноса имущества погорельцев...

Но вот ангел Смерти появился у его изголовья и радостно – первый и последний из людей – приветствовал его Агасфер.

Кончилась земная жизнь Агасфера, но в новом мире, в котором он воскрес, окружили Агасфера обитатели этого мира, прося рассказать о последних часах Иисуса и о том, почему он не позволил ему отдохнуть? И ужаснулся Агасфер, давно уже познавший всю бессмысленную жестокость своего поступка. Он рассказал все, как было, и к одному из существ мира нового, готовящемуся покинуть его для перехода в мир высший, обратился с просьбой сообщить из мира в мир его просьбу Иисусу, чтобы дано ему было забвение по невежеству и жестокосердию совершенного поступка.

И просьба эта, передаваемая из уст в уста, дошла до Великого, и Он повелел передать Агасферу, что давно было бы снято с него заклятие, если бы он попросил об этом или хоть что-либо сделал для того, чтобы доброй жизнью было искуплено его жестокосердие.

Забыл, наконец, Агасфер то, что так страстно забыть хотел. И когда случайно слышал об этом, не думал, что о нем рассказывается...

Прошло восемь земных столетий, еще выше поднялся Агасфер. И услышал рассказ одного небожителя, что вечно шел бы гонимый воспоминаниями Агасфер, если бы он не догадался обратиться с просьбой к Тому, чье милосердие безгранично. И услышал он о том, что не пришла бы ему мысль обратиться с просьбой к не отказывающему Иисусу, если бы на земле не бросался он в огонь и воду, спасая других в то время, как сам искал смерти. Одно хотение мало значит – надо мочь. Одно раскаяние мало значит – над сделать что-либо, зло уменьшающее...

Агасфер не спал – не было сна в космосе равтов, где он находился. Неутомимы были странные тела жителей этого нового для него космоса. Отдыхали они тогда, когда менялась их сознательная работа. Но перед смертью, наступавшей у них в разные моменты жизни, засыпали равты, и все не заснувшие завидовали им, зная, что они пробудятся в другом, более прекрасном мире. Знали и то, что уснувшие могли выбирать и идти в космосы, в которых раньше жили.

Пришла пора, и после долгой жизни заснул Агасфер. И видит он во время первого и последнего сна своего, что проходят перед ним духи космосов высоких. Вот дух Любви склоняется над его изголовьем и, нежно положив руки на грудь против успокоившегося сердца Агасфера, тихо говорит ему: «Люби во что бы то ни стало, при каких бы то ни было обстоятельствах, люби тебе подобных и с тобой не схожих, люби высших и низших, чем ты. В этой любви ты найдешь и счастье и спасение. Выше всего в твоём космосе любовь, и ей служи, пока не узнаешь в других космосах то, что выше любви, то, чему там служить надо».

И сменяет его дух Мудрости. Положил он руку свою на чело Агасфера и говорит ему: «Все исследуй, все пойми и потому все злое прости и всему доброму радуйся. Мешай, насколько сил хватит злу, помогай добру и спокойно гляди в далекое нездешнее будущее. Сам исследуй доброкачественность семян, бросаемых тобой на ниву космосов. Делай наилучшее из того, что от тебя зависит, и какие бы сомнения ни посещали тебя, не смущайся, изучай и помни, что не все может быть постигнуто тобой. Инфузория не постигает твоего существования и не верит, что живут люди, но ты все же существуешь; так существует и то, что непостижимо для тебя. И так как есть бесконечность, осуществлена в ней всякая мечта твоя, быть может только не вполне тобой постигнутая.»

Сменяет духа Мудрости дух Воли и, положив руку на глаза Агасфера, говорит ему: «Твоей целью всегда должно быть прекрасное не только по замыслу, но и по пути добра. Что бы то ни было, что бы ни думал ты, наперекор всему, если придется, иди к добру. Помни, что добро там, где свет, и делай все для того, чтобы погасить».

Прилетел к уснувшему дух Света и говорит ему: «Не легка жизнь в мирах не высоких. Но через нее к высотам несказанным ты поднимешься. И тем легче для тебя подъем, чем большему числу духов ты облегчишь его. А для этого надо ослепительным светом освещать им дорогу. Не смущайся тем, что иной раз думая, что светишь, ты путь тьме проложишь. Не ты один в веках и мирах. Исправят твои ошибки и изживут их те, кто познает их, и блестящая правда воссияет светом ярким».

И слышит Агасфер голос духа Познания: Везде, где имеется зло, оно к добру неотвязно липнет. Поддержи падающего, злом увлекаемого, зная даже, что он все равно зло творить будет, потому что искорка добра в самом злом, в самом плохом человеке имеется. Постарайся раздуть ее в очистительное пламя, скажи человеку вещь слово о его будущем, и это слово сдерживающим началом послужит. Ты не должен зло творящих убивать, раз они такие же люди, как и ты. Смертью зло не уничтожается, а только в другую область переносится. Запри злого в темницу, он умрет в ней, но в новой жизни все равно злу служить будет, еще больше озлобившись на то, что заставили его страдать, в тюрьму бросив».

И новый дух склонился над Агасфером, и гармонично звучат его слова: «Старайся не сеять ненависти и страха. Старайся, чтобы солидарность была стимулом и активным началом твоей жизни».

Стоит перед Агасфером новый дух, и несказанной силой звучит его голос: «Поставь себе цель высокую, хотя бы счастье близких твоих, ни на минуту не забывай о ней, постоянно работай для ее осуществления».

Показалось Агасферу, что совсем уже ничего он не чувствует, но звучит ему голос неведомый: «Не торопись жить и не бойся, что скоро прервется нить твоей жизни. Для Великого Бога миг и миллиарды веков равны. Но если ты отдыхаешь, то подумай – надо ли отдыхать тебе, и во всяком случае отдыхай только для того, чтобы с еще большей силой к Верхам ринуться».

И новый, слабо поблескивающий дух склоняется над Агасфером: «В тебе имеется недоброе начало, но есть и доброе – развивай второе и этим принеси пользу всем, кого встретишь на жизненном пути. Конечно, ты и со злом встретишься. Злому началу мешай, поскольку сил хватит. Интересуйся им постольку, поскольку это необходимо для того, чтобы бороться с ним».

Вдруг видит Агасфер, как отряды всадников в доспехах блестящих как белое пламя, мчатся с высот в низы. И последний из всадников кричит Агасферу: «Вставай, борись за наше дело!»

И видит Агасфер, что перед войском конницы, впереди ее несется пехота. Быстро, быстро идут в блестящих, как солнце, доспехах Михаила и гремит их победный рыцарский клич. Летят впереди них Сатанаилы, суровыми и спокойными кажутся их лица. А там, вдали, бьются Храмовники с темными, окружившими громадную хорею, в центре которой спокойно сияют Звезды Знания. И слышится клич этой хорей: «Excelsior!»

И проснулся Агасфер в новом Космосе. Видит он, как несутся громадные полчища драконов с семью головами и десятью рогами на них, а впереди них гигантский Дракон, вождь этого воинства. Видит Агасфер, что все больше и больше драконов возвращается откуда-то, и узнает, что не могли они проникнуть на Землю, на которой показался когда-то Христос. И слышит он голос гиганта-Дракона, говорящий ему: «Иди за мной!»

Пошел за ним Агасфер на землю, которую не посетил Христос.

Но не долго был Агасфер в полчище Дракона на новой для Агасфера земле. Покинул он войско его и поднял восстание против Зверя Бездны. Был он схвачен, взят силой и предательством слуг драконовых, брошен в темницу и приговорен к смерти. Но летели уже ангелы, чтобы сразиться с воинством Дракона. И было разбито оно, и был взят в плен Дракон, Агасфера к смерти приговоривший.

Агасфер стоял у двери своего дома. И вот вели мимо него Дракона-гиганта. Дракон оттолкнул его, но жалость вспыхнула в сердце Агасфера. Он поддержал Дракона, отер платком белоснежным пот с лица его, упросил стражу дать ему время отдохнуть. Напоил его чашей свежей воды с вином и дал ему плодов, чтобы не чувствовал Дракон голода... Пил, ел Дракон, отдохнул Дракон, а потом грозно сверкнул глазами и сказал: «О, если бы ты снова попался мне, узнал бы, что за добро, мне содеянное, я мщу хуже, чем за зло, мне причиненное...» И за это пожалел его Агасфер. И просил стражей Дракона давать ему еду, питье и отдых.

Громовой восторг Серафимов загремел в мирах несказанных... и грех Агасфера был искуплен, и Леги подняли его в царство свое.

27. ЧЕРНЫЙ ГРААЛЬ

Задолго до того, как Эон должен был сойти на Землю, темный Арлег знал уже об этом и предвидел, что оставит Эон на Земле свой Священный Грааль. Решил он предупредить Эона и обратился к Князьям Тьмы с тем, чтобы один из них ударил его копьем, а другой собрал бы кровь его в чашу. Но так грозен был вид могучего темного Арлега, и так страшно гремел его голос, что не решились Князья Тьмы на такой поступок: ни одного смельчака не нашлось среди них, который осмелился бы нанести рану темному Арлегу.

Тогда взял с собой темный Арлег двух самых сильных Князей Тьмы и вместе с ними стал подниматься все выше и выше. Вот пролетели они космосы земель и Легов и уже приблизились к миру Арлегов, когда увидели гигантскую фигуру Михаила, на страже стоявшего. Обратился к нему темный Арлег с требованием пропустить к верхам поднимающихся, но отказом ответил ему Михаил. Тогда стал темный Арлег поносить его и его братьев, но тихо и кротко отвечал ему Михаил. Стал темный Арлег хулить и клеветать на Эонов, но величавы и спокойны были возражения Михаила. Наконец, богохульствовать и осуждать самого Элоима начал темный Арлег и молчанием ответил ему Михаил... И видя, что бессилен он раздражить Михаила, поднял свой меч темный Арлег и с возгласом: «Прочь с дороги», – бросился на стража, а Михаил взмахнул копьем и поразил темного Арлега.

И в тот момент, когда копье Михаила коснулось бока темного Арлега, последний, выронив меч, раскинул крестообразно руки, принимая удар. А оба Князя Тьмы подставили чашу, когда из раны вытекали кровь и пламя.

...Страдая от раны, но торжествуя, неся в свое царство могучий Светозарный, и едва поспевали за ним два Князя Тьмы, неся чашу с его кровью. Они были уже в пределах космоса земель, когда темный Арлег захотел взглянуть на содержимое чаши и, взяв ее у Князей Тьмы, снял покров, чашу сохраняющий. Но только пепел увидел он внутри, ибо огонь сжег и испепелил его кровь!

Страшный гнев и досада охватили темного Арлега, и он выкинул содержимое чаши. Буйный ветер подхватил его, и темной тучей опустился пепел крови Светозарного на земли. А на нашей Земле частицы этого пепла восприняли души еврейского народа. Связались эти частицы с их телами и передавались по наследству.

Умирал еврей, душа его уходила, а частица пепла переходила в одного из его детей, и так длилось долгое время... Но постепенно потомство народа евреев превысило количество частиц пепла духа темного Арлега, в них вошедших. Не стало хватать частиц, начали появляться евреи без частиц пепла. Как раз наступило теперь такое время. И если такой еврей принимал Учение Эона, становился Посвященным, то, подходя к собрату своему, получает он способность освобождать его от частицы пепла, в нем находящейся.

Так будет длиться, пока не сойдут на Землю духи Силы. Они рассекут каждого еврея мечом мистическим и вынут из его души частицы пепла. Соберут они эти частицы в громадную черную тучу и унесут ее из нашей вселенной. Перенесут они ее во вселенную, где живут высоко стоящие духи, у которых нет печали, горя, и жизнь которых проходит светло и радостно. Омрачит эту жизнь туча пепла, но могучие духи сумеют изжить принесенное зло, и преобразится тогда пепел крови Светозарного...

28. НЕОКОНЧЕННЫЙ ПОДЪЕМ К ЭЛОИМУ

Один из рыцарей-тамплиеров 12-й степени задумался над тем, что надо свершить на Земле, чтобы счастливы были люди, и пришел к выводу, что достичь этого можно, получив ответ на два вопроса. Но малы его знания для разрешения их.

«Ведь я не знаю, в сущности, что такое легенда, – размышлял он, – не знаю, кто такие Леги. Я хочу сам видеть тех сущих, о которых мне рассказывали, и сам поставить им те вопросы, разрешение которых кажется мне необходимым для счастья человечества. Но еще лучше будет, если сам Элоа ответит на мои вопросы, ибо невозможной станет тогда ошибка... Решено! Я поднимусь к Элоа и попрошу Аранов помочь мне выполнить задуманное».

Араны знали, что это был христианнейший рыцарь, рыцарь без страха и упрека, и готовы были помочь ему. Поэтому на призыв рыцаря предстал перед ним грозный Аран и сказал: «Ты хочешь к Элоиму подняться, Рыцарь, но ведь для этого умереть надо!»

Спрашивает рыцарь: «В каждом космосе придется мне умирать, чтобы достигнуть Элоа?»

«Ты сам увидишь, каков переход из космоса в космос, с Земли же нет другого пути, как только через смерть».

«Я готов!» – ответил рыцарь.

«Пойди прежде простись с родными и братьями по Ордену».

«Родных у меня нет, а с братьями по Ордену я все равно скоро встречу. Пойдем».

«Иди один, меня ты увидишь в нашем космосе», – сказал Аран и исчез, а рыцарь упал мертвым.

Очнулся рыцарь в космосе Легов. Разговаривают между собой Леги, но почти ничего не понимает рыцарь. Только когда звучат в их речах слова, Земле свойственные, доступной для него речь их становится. Говорит им рыцарь, что он хочет к Элоиму подняться, а Леги отвечают:

«Для этого тебе умереть придется».

«Я готов», – отвечает рыцарь.

«Побудь в нашем Космосе, а мы обсудим вопросы, нас мучающие, и попросим тебя спросить у Элоима, как нам в определенных случаях поступать надо», – сказали Леги.

Но не хотел рыцарь медлить и согласился только три дня провести среди них, обещая на обратном пути дольше остаться.

Через три дня сообщили ему Леги свой вопрос, и рыцарь второй раз умер и очутился у Михайлов. Пропустила его стража, на границе их обителей стоящая, но теперь уже совсем немного понимает рыцарь из того, что вокруг него происходит.

«Не напрасна ли твоя попытка, Рыцарь?» – спрашивают его, но не колеблется его решение, и поднимают его Михайлы к Аранам, прося задать Элоиму вопрос, их космосом поставленный. Знакомый рыцарю Аран встречает его и тотчас же поднимает к Отблескам, прося не забыть спросить у Элоима ответ на вопрос, Аранами поставленный.

И вот Рыцарь у голубых Отблесков. Ощущает он веяние Элоима и говорит: «Я должен выше подняться».

Отблески спрашивают: «Уверен ли ты в существовании Элоима? А если Он существует, то на ступенях ли нашей Золотой Лестницы находится?»

Отвечает Рыцарь: «Там, в верхах, я это узнаю, а сейчас я должен подняться».

И, в свою очередь, просят его Отблески узнать у Элоима то, что их интересует, и передают его в космос Нирванид. Но и там не задержался рыцарь, и подняли его Нирваниды еще выше, в космос духов Инициативы. Восторженно приветствовали его духи Инициативы, хваля за смелую решимость, за гордую инициативу, им проявленную. Подняли его к духам Силы, прося передать Элоиму вопрос их космоса.

Сочувственно приняли его духи Силы и подняли к духам Познания, задав свой вопрос.

«Ведь я встречу Элоима? Увижу Его?» – спрашивает рыцарь.

Отвечают духи Познания: «Не знаем. Дойдешь до Элоима, спроси и то, что нас интересует».

И передали его духам Гармонии, а те, задав свой вопрос, подняли его к духам Света.

Спрашивает рыцарь у духов Света: «Увижу ли я Элоима?»

А те вопросом на вопрос отвечают: «А ты уверен в существовании Элоима?»

И содрогаются духи Света и рыцарь, ибо черная молния прорезывает космос. Но просят духи Света, чтобы он узнал у Элоима то, что для них важным является.

Еще выше поднялся рыцарь. И вот перед ним космос Эонов, но грозная стража окружает его. Стоят на границе его могучие Стражи Порога, не пропускают они рыцаря... Но видит он, что вышли из своих обителей Эон Любви и Эон Воли, и спрашивают они его:

«Зачем хочешь ты Элоима видеть? Все, что тебе знать необходимо, дано в учении Христа, надо только выполнять Его Заповеди».

Отвечает Рыцарь: «Не могу отказаться от подъема. Я дал слово! Пропустите меня».

И видит Рыцарь, что появился около него Эон Мудрости и говорит: «Мы пропустим тебя, если ты скажешь зачем тебе Элоима видеть надо».

«Мне надо Его видеть, чтобы спросить... спросить... спросить... Нет, не могу вспомнить, но я вспомню, подумав...»

Оперся рыцарь на меч и задумался. И думает он больше пятидесяти миллионов лет. Чувствует, что не знает, зачем ему Элоима видеть надо, так как все вопросы ему теперь пустяками кажутся. Видит, что за время своего раздумья он настолько мудрым стал, что все вопросы, духами заданные, легко сам разрешить может. Никак не найдет он вопроса настолько важного, с которым к Элоиму обратиться можно было бы...

А вышедший вновь из своих обителей Эон Мудрости, говорит: «Хочешь, мы подскажем тебе? Вопрос заключается в том, как в веках и мирах проявляется Любовь Христа».

«Но ведь это вы ставите вопрос», – говорит Рыцарь.

«Да».

«Но я хочу с моими вопросами к Элоиму обратиться...».

И на еще более долгое время задумался Рыцарь. Но так как он не смог найти вопроса, на который только сам Элоим ответить мог бы, решил, наконец, обратно спуститься.

Первыми спросили его духи Света, видел ли он Элоима и что Тот ответил на вопрос духов Света. Ответил рыцарь, что не видел Элоима, но вопрос так прост, что он сам на него отвечает. Подивились его мудрости духи Света, и он стал дальше спускаться. И всюду духи поражались его ответами. Но когда спустился он к Легам, то выслушали его и говорят: «Необычайно мудр ответ твой, но это твой ответ, а не Элоима, ты же обещал нам Его ответ принести...»

Скажите, рыцари, какие вопросы предлагали космосы, что на них ответил рыцарь, и как его приняли его братья по Ордену?

29. О ТИХОМ ХАОСЕ

Далеко, далеко от нашей Вселенной, за беспредельными пустотами находится бесконечность, Хаосом заполненная. Но не разделен этот Хаос на составные части, а все элементы смешались в нем, образовав однообразие неопишемое. Тепло соединилось с Холодом, Свет слился с Мраком и стала царствовать постоянная полутьма. Газы, жидкости и твердая материя – все смешалось в однообразную, не жидкую и не густую массу, парами насыщенную и напоминавшую лаву, тягуче выползающую из кратера, но лаву не кипящую, а тепловато-холодную.

В этот странный тихий мир упали семена Логоса, и появились и зажили своей жизнью существа такие же серые и странные, как и их мир, похожие друг на друга духи. Тяжелы были их тела, бесформенны и безобразны, так что медленно влачили и с трудом передвигались обитатели Тихого Хаоса.

Все существа этой странной бесконечности были почти одинаковы: не было среди них ни очень высоких, ни очень низких, ни особенно темных, ни особенно светлых. Не было ярко выраженных индивидуальностей. В душах их царствовали такие же сумерки, как и в их космосе: не холодны и не горячи, не добры и не злы были эти серые духи.

Страшно медленно и однообразно тянулась их жизнь. Не было у них ни ярких желаний, ни порывов, ни радости, ни отчаяния – одна только сплошная давящая скука, без просвета, без возможности конца томила она и угнетала.

Смутно, полубессознательно чувствовали они, что чем-то нехороша их жизнь, что как будто должно существовать иное, лучшее бытие, но ясного представления о том, каково оно, не возникало у серых существ, познание не приходило к ним; выхода же из космоса не было, и смерть не появлялась у них.

Проходили тысячелетия за тысячелетиями и ничто не изменялось в их космосе.

Весть об этой бесконечности проникла в нашу вселенную. Ужаснулись обитатели наших космосов, услышав рассказы духов Фантазии об унылой жизни Тихого Хаоса, и некоторые духи решились лететь туда на помощь, чтобы вывести его обитателей из жуткой неподвижности, создав между ними различие и, тем самым, дать им возможность в верха подняться.

Кто были эти духи, рыцари? И как они справились со своей задачей?

30. ЭКСПЕДИЦИЯ ОТБЛЕСКОВ

Два отряда могучих Отблесков – один из обитателей, голубым блеском сияющих, другой – из космосов, розовым блеском окутанных, отправились в далекую, за пределами нашей бесконечности лежащую вселенную. Первый отряд поверх своей брони надел голубые плащи, другой – плащи розового цвета, и оба отряда вооружились тяжелыми боевыми секирами, легко обычные препятствия уничтожающими.

Они достигли чуждой бесконечности и прошли ее, рассеяв пытавшиеся задержать их отряды каких-то неоформленных духов, стихийных духов напоминающих. Все дальше и дальше продвигались они, разбивая полчища духов, нестройными толпами пытавшихся преградить им дорогу, и, наконец, достигли границ той бесконечности, в которую проникнуть намеревались. Здесь их ожидало несметное воинство темных и тоже как бы неоформившихся духов, которые пытались разными фантастическими способами устроить прилетевших.

Сначала эти духи бросились на отряд Отблесков в розовых плащах, стараясь накинуть на них какие-то сети, но Отблески легко перерубили нити сетей. Когда же полчища странных духов окружили Отблесков со всех сторон и вступили с ними в рукопашный бой, то между сражавшимися быстро образовался громадный вал из трупов, мешавших духам и Отблескам наносить друг другу удары. Но страшны были только удары Отблесков, латы которых оказались несокрушимыми для странных духов. На помощь Отблескам в розовых плащах примчались Отблески в голубых плащах, и скоро полчища сражавшихся духов, увидев, как велики их потери и малы потери в рядах Отблесков, обратились в бегство.

Часть Отблесков в голубых плащах осталась лагерем на соседних высотах, а другая часть с отрядом Отблесков в розовых плащах прошла дальше и очутилась на громадной равнине, на которой росли разнообразные растения. И казалось при взгляде на них, что облекают их какие-то дымчатые формы, переходящие друг в друга, напоминающие то странных животных, то какое-то подобие человека, то еще какое-то растение... И вдруг на глазах у Отблесков все растения превратились в разнообразных животных, теснящихся вокруг них, затем в людей четырехмерного космоса, потом в людей, тела которых облекали тела астральные, и, наконец, в людей с эфирными телами вокруг тел материальных. Поняли Отблески, что они имеют дело с духами особого вида, схожими по своей природе с Арлегами.

Обратились эти духи к Отблескам и говорят им: «Кто вы и зачем пришли к нам? Мы понимаем, что вы сильны и боимся вашего произвола!»

Отвечают голубые Отблески: «Мы пришли познакомить вас с высокой религией нашей, указать вам на более совершенные формы жизни, чем те, которые вам прищущи. Мы могли бы высоко поднять ваши души».

И отвечают голубым Отблескам расположившиеся вокруг них духи: «Нам и здесь хорошо. Мы не знаем скуки и разочарования. Мы не хотим неведомых перемен!»

«Неужели вам не надоел круговорот вашей жизни? Ведь как вы ни меняете тела, являясь то растениями, то животными, то человеком, – все же, в конце концов, должна же вам приесться эта, хотя и меняющаяся формы жизнь?»

«Мы довольны ею, а если кто-либо ею пресытится, тот может превратиться в тело неорганическое».

«Но ведь этого никто не хочет?»

«Почему же? Есть и такие между ними, которые жаждут на время, для отдыха от жизни, хотя и временного, но абсолютного покоя».

«Если никто не хочет нашей помощи – мы уйдем», – говорят розовые Отблески.

Молчат обитатели планеты, на поверхности которой поднимаются огненные языки.

А один Отблеск в голубом плаще искренне пожалел жителей этой вселенной.

«Как мало понимают они, как отстали в развитии своем от обитателей наших космосов», – подумал он. И, гневаясь на духов и людей, не пропускавших их к отсталым существам, Отблеск ударил мечом по лежавшему около него камню.

И камень в один миг превратился в растение, растение – в животного, животное – сначала в одно, потом в другое, затем в третье человекоподобное существо. И двухполое существо с грозными человеческими лицами обратилось к Отблескам в розовых плащах и сказало:

«Я готов идти за вами! Не хочу вертеться на линии, от меня к камню опускающейся и обратно поднимающейся. Хочу знать, что за пределами нашего мира творится!»

И словно в ответ на его слова из других камней тоже появились существа, подобные описанному. Многие из них просили Отблесков взять их с собой в космосы далекие. Отблески предложили им временное гостеприимство в своем стане, и вместе с ними ушли из долины. А люди эфирных тел отправились в обители, Серафами населенные, и обещали принести с собой огонь Солнц мистических, который просветил бы жизнь меняющихся существ долины.

Так и случилось. Принесли они огонь мистический, и загорелся он в их обители. Увидели свой мир в свете этого огня духи и стали стремиться к Отблескам в розовых плащах и в плащах голубых. Но некоторые стали указывать на то, что много легче жизнь, которую они раньше вели. И отправив послов к перешедшим в лагерь голубых Отблесков, они и их уговорили вернуться назад, уверяя, что сияние добытых солнц дало окончательное довольство их жизни. И ушедшие возвратились.

К этому времени оправившись от поражения духи, на границе стоявшие, и, вернувшись назад, повели осаду против розовых Отблесков, которые не могли их отбрасывать, как то делали голубые Отблески. Но розовые Отблески послали герольдов к Отблескам голубым, а голубые к Аранам. И отряд Аранов примчался на помощь и отбросил на далекое расстояние враждебных духов.

Отблески розовые и голубые и Араны послали послов пригласить к себе духов долины, облеченных тремя видами эфирного тела. Но те снова отказались идти к Отблескам. Тогда решили Отблески послать за духами Силы, надеясь, что очаруют они своей мощью духов этой бесконечности, увлекут их за собой.

И прибыл отряд духов Силы, более мощный, чем все предшествовавшие, и начали уговаривать обитателей эфирных тел, но те опять отказались перейти в лагерь Отблесков и, тем более, в нашу бесконечность переселиться. Не имели у них успеха и Серафы и даже Рафаэлины, хотя жители этой бесконечности любовались ими и говорили, как было бы хорошо, если бы Рафаэлины, Араны, голубые и розовые Отблески у них поселились.

И тогда прибывшие послали за духами Познания. Прибыли те и сказали упорствующим: «Пройдет громадное число лет, а вы все, как прилив и отлив океана, будете в мириадный раз совершать восхождение к Арлегу от камня и спускаться обратно. Неужели же удовлетворяет вас эта перспектива вертеться, как белка в колесе, никуда не попадая? И придет время – в пыль и прах распадется ваша земля, и вам придется тогда идти не в светлые миры, в которые мы зовем вас, а неведомо куда. В ужасные условия существования попадете вы!»

И раздались голоса тех, кто побывал уже у Отблесков в голубых плащах: «Идем за вами в новые обители! Не двигаясь вперед, совершая круги замкнутые, мы погибнем. Идем за вами!»

И, наконец, согласились все духи Долины, и одни из них вошли в ряды голубых Отблесков, другие в ряды розовых, третьи в ряды Аранов, но последних было немного.

31. ПО РАЗРЯДАМ ЛЕГОВ

I

Умер Рыцарь и смутно почувствовал, что пробудилось его «я» от свойственного ему на земле сумеречного, неустойчивого состояния. Новый многогранный, гораздо более устойчивый, несравненно сложнее, чем земной, мир развернулся перед его внутренним взором, хотя его сознание еще плохо воспринимало то новое, что представлял собой этот мир.

«Я умер, сознаю это, – подумал он. – Теперь, похоже, душа облекает мой дух, как минуту тому назад сброшенное ныне тело облекало мою душу и мой дух, мною почти что не ощущавшийся. Где я? Какое странное многообразие меня окружает! Я не разбираюсь в нем, как не разбирается в новой среде новорожденный на земле. И как он, ослепленная новым блеском готова плакать душа моя. Но все же от всего чуждого чем-то страшно близким и знакомым веет на меня».

И видит преобразившийся, что нескончаемые ряды светлого воинства несутся ему навстречу и в первом из воинов тот образ, который в мечтах и сновидениях отождествлялся им на земле с образом Михаила... Торжественно гремит марш Рыцарей Храма, слабые отголоски которого долетают иногда до Земли, и, окруженный сонмами воинов, вместе с ними, перенесся Рыцарь в другую часть вновь открывшегося перед ним космоса. Многие из того, что окружало его, казалось невероятным, необычным. На него что-то надвигалось и он сторонился, давая дорогу, но раза два он не успел отойти и что-то странное прошло через него, как свет проходит через стекло, не рассекая и не раздвигая его. Затем и сам он легко и свободно прошел через вставшую перед ним стену, а после этого почувствовал полную невозможность пройти там, где ничего не ощущал перед собой: не мог пройти через то пространство, где сиял разве немного менее яркий свет.

Затем в безграничной дали увидел он и около него сущие несущихся к ним гигантов менее светлых, и одновременно увидел, что возле него и его спутников-рыцарей собираются мириады Легов, образуя перед летящими к ним как бы живую стену.

Подлетели гиганты к этой стене и громко звучат их голоса: «Пропустите нас, – мы спешим на Землю, нас зовут туда».

Твердо звучит ответ: «Ныне впервые не пропустим вас. Довольно. Если хотите пройти силой, будем сражаться».

«В чем дело? – спрашивает один из темных Арлегов, – Разве приблизилось Царство Параклета?»

И гремят в ответ хоры Легов: «Его Предтечи на земле!»

Спросил тогда с Земли прибывший: «Что это значит? Разве на земле Дракон? Разве он царит на земле?»

Отвечают Леги: «Да, он был в одном из своих нарядов. Был под покровом темного Арлега и умело притворялся светлым. А ныне опоздал своим новым пришествием, и мы не пропустим его, хотя бы для этого пришлось и призвать Аранов».

Говорят Темные: «Не справитесь вам с эманациями того, кто Сыном Девы наречется, и с нами или без нас он выдержит бой с вами».

Отвечает светлый Арлег, около Легов появившийся: «Не сбудется старое пророчество в космосе Земли, ибо хотя и в нем оно звучало, но для других космосов предназначалось его осуществление».

И вторят Леги: «Пророчество о Драконе да сбудется в других космосах, так как на Земле скоро почует Благодать Параклета».

«Мы узнаем, – говорят Темные, – и, узнав, воротимся друзьями или врагами».

Отвечают Леги: «Приходите друзьями. Если придете врагами, с Аранами встретим вас».

Светозарные улетели.

«Как, однако, не похожи на меня другие обитатели этого космоса», – говорит пришедший с Земли.

«Но ты – точное наше подобие!» – ответил невдалеке стоящий Лег.

И увидев свое отражение в спокойных глубинах эфирного моря, понял Рыцарь, как не похожа его душа на сброшенное тело. «Как отличны мы от людей даже по внешности!» сказал он.

«Не удивительно! И у вас на Земле животные, звери и рыбы, птицы и насекомые не схожи между собой. Как же ожидать сходства между обитателями разных космосов? Схожи только образы и подобию духовных сущностей, хотя бы и разных миров».

Рыцарь: «Скажи мне, почему мыслящие люди нередко сомневаются в наличности жизни своей души и своего духа, от тела освобожденных? Почему смерть считается концом существования не только ставшего неподвижным и разлагающегося тела, но и своего «я», в том числе и важнейшей его части – души?»

«Что же тут удивительного? Ведь имеются люди, сомневающиеся в своем собственном существовании и начинающие в него верить только потому, что им волей-неволей приходится думать. Но разве необходимо иметь какие-либо доказательства, чтобы верить в свое существование? У нормального человека пять главных чувств. Но и слепорожденный с четырьмя только главными чувствами или глухонемой, тем не менее, человек, иной раз высоко развитой. Человек, владеющий своими пятью основными чувствами не имеет 16 основных чувств Лега или 256 чувств Арлега. Из этого следует только то, что будь у человека множество чувств, познай он при их посредстве существование высших миров, в которых придется жить его душе, он во многих случаях провел бы свою жизнь не с тем достоинством, с которым может провести ее, не имея уверенности в ее бессмертии». Успею в других мирах искупить свои грехи», – думал бы он. – «По сравнению с вечной жизнью мало значит то горе, которое чувствуют обиженные мною люди». Насколько сильнее была бы в этом случае власть темных на Земле».

Рыцарь: «Но ведь и теперь немало на Земле людей, не верящих в бессмертие!»

«Не так уж много. Больше хвляющихся своим неверием. Темный Арлег сеял ложную веру в себя, а потом искал опоры в том, что и в темное и в светлое начало переставали верить люди. Темному нередко удавалось добиться этого».

Рыцарь: «Для чего население космосов разнообразнее населения земли?»

«Для того, чтобы все, омраченное расстоянием, все, от источника Света заимствованное, могло проявиться и затем очищенным в горниле бытия к необъятным высотам подняться. И, смотри, забыв о гордости: во многих космосах, страшно искаженный, страшно преуменьшенный прообраз населения других космосов имеется!»

Рыцарь: «Скажите, почему не сбылись пророчества в Евангелии указанные?»

Звезда Знания: «Эти пророчества долетели до людей из области голубых солнц и только для этой области имеют силу и значение. Для миров солнц золотых они звучат лишь напоминанием о мирах других, о том, что в этих других мирах тоже катятся волны жизни».

Рыцарь: «Сколько надо иметь чувств, чтобы понять все сущее?»

Звезда Знания: «Невероятно большое число. Поэтому люди не понимают бессмертия, слишком мало у них чувств, и это число уменьшается у слепых и глухих людей. Чем больше чувств, тем легче воспринимается идея бессмертия, потому что чувства улавливают те его отблески, которые не излучаются».

Рыцарь: «Отчего не объяснить людям, что тело не облакает душу, но неразрывно с ней существует на Земле? Почему не объяснить, что и душа не облакает тела, а мыслью – своей эманацией, своей частью – может покинуть его, но может оставаться в теле и около него вместе с тем, что называется жизнью?»

Звезда Знания: «Разны облики сущих. То, что у одних «сущность», для других только «оболочка» – душа, дух, рассана, замма. Но не воспринимаются чувствами низших существ тела-видимости, аспекты и свойства высших. Если тела высших существ не воспринимаются чувствами людей, то ведь это ничего не значит: слепыми не воспринимается то, что мы видим, глухими – то, что слышим, инфузориями – люди, и, тем не менее, существуют образы и краски, звуки и мелодии, существуют и люди, и инфузории. Правда, люди не воспринимают своими чувствами аспекты и свойства астральных и эфирных тел, но этим так же мало можно доказать их несуществование, как несуществование какого-либо предмета тем, что его не видит слепой. Чувствами, астральным и эфирным телам присущими, воспринимаются только названные аспекты и свойства. И как много их по сравнению с теми аспектами, которые людскими чувствами воспринимаются!»

Рыцарь: «Как отражаются в земном представлении Серафы, Херубы, Господства?»

Звезда Знания: «Всевозможным образом: как змеи, быки, орлы они представлялись древнему человечеству. Ныне все эти Арлеги – только крылатые красивые люди, причем даже элемент мощности исчез в этих представлениях под влиянием темного Арлега».

Звуки, напоминающие звуки труб. С одной стороны несутся темный Арлег, Князя Тьмы, темные Леги, Дракон и его силы – семь полчищ и девять воинств. А к Легам летят Леги других отрядов, светлые Арлеги, Сатлы, Михаилы и полчища Аранов. За темными силами появились конгломераты неземных Стихий... Храмовники, не ожидая других Сил, бросились на врагов и мощным порывом остановили их первые ряды, дав возможность приблизиться быстрее молнии слетавшимся Легам. Под страшными ударами Аранов дрогнули и бежали темные силы.

II

Тяжело ранен был в сражении Рыцарь, но после своего излечения он пожелал вернуться на Землю, а перед этим снова посетил Легов, чтобы задать им ряд вопросов.

Лег Звезда Знания: «Рады видеть тебя Рыцарь, ответим на твои вопросы и тем излечим тебя от страшных ран, именуемых муками сомнения».

Рыцарь: «Темный шептал мне: «Ты потому веришь в жизнь бесконечную, что боишься полного уничтожения, распада». Но думается мне: если я верю в будущую жизнь, то это же означает реальность моей земной жизни. Полная реальность при условии моей веры даже в том случае, если бы вне моего земного тела и вне земных областей не было бы моей жизни».

Лег Звезда Знания: «О, это выдумка темного Арлега. Разве ты не знаешь, что самая невозможная фантазия, которая приходит тебе в голову, ничто иное как отрывок из эманаций миров далеких, иных бесконечностей, иной раз причудливо сплетенная совокупность совсем разных миров и явлений? Такие эманации являются результатом работы духов Фантазии».

Рыцарь: «Если б я мог понять смысл ваших слов! Скажите, почему люди уверены, что мир так однообразен, как им представляют его пять человеческих чувств? Правда ли, что в мире существует их множество, недоступное людям? Так ли это?»

Лег Звезда Знания: «Конечно. Люди умеют в некоторых случаях увеличивать силу органов чувств. Так, например, при помощи телескопа и микроскопа они видят то, что не могли бы видеть невооруженным глазом. Путем наблюдения над муравьями люди убедились в существовании ультрафиолетовых лучей. При посредстве особого аппарата можно видеть радиоактивность и так далее. Но как много существующего нельзя видеть! Как безграничен мир, лежащий вне восприятия наших чувств, ибо мало чувств даже у нас, тем более ничтожно их количество у людей. Арлеги постигают то, что нам совсем недоступно, так как у них сотни чувств. Переходя в новые миры, мы получаем новые чувства и знания, ими воспринимаемые. Смотри: на зем-

ле ребенок во чреве матери не видит, не слышит, не имеет вкуса, но живет своей жизнью. А родившись, владеет сравнительно многими чувствами, и не только пятью обычно известными, но и такими, как чувство мускульной напряженности, давления, и прочие».

Рыцарь: «Где Грааль? Где истинная Чаша мистическая?»

Лег Звезда Знания: «Мистическая Чаша Грааля – все миры, наполненные благодатью Эонов. Но там, где кровь Эонов соприкоснулась хотя бы с видимо чистыми краями Чаши, там нет абсолютной чистоты, и Благодать, хотя и медленно, но исчезает из Чаши».

Рыцарь: «Куда?»

Лег Звезда Знания: «В миры еще менее совершенные, чем мир земной. Но и в этих мирах, как и на земле, не долго пребывает сущность Грааля и снова идет в новые миры».

Рыцарь: «Что же остается в мирах покинутых?»

Лег Звезда Знания: «Эманация Христовой Сущности. Сущности жертвенной, только духовно воспринимаемой».

Рыцарь: «Грааль физический заменяется Граалем духовным?»

Лег Звезда Знания: «Ты сказал».

Рыцарь: «Где Чаша Грааля духовного?»

Лег Звезда Знания: «Ты знаешь».

Рыцарь: «Где Ее содержимое? Чем заменилась Кровь исчезающая?»

Лег Звезда Знания: «Учением Того, Чья Кровь излита в Грааль, и того, о ком Он пророчествовал».

Рыцарь: «Когда же Кровь Грааля очистит всю землю?»

Лег Звезда Знания: «Когда люди преобразятся».

Рыцарь: «А когда преобразятся они?»

Лег Звезда Знания: «Когда познают различие добра и зла не только в этой, но и в жизни высших миров».

Рыцарь: «Вы знаете соблазн Земли, в той вере выражающийся, что Эон был рожден?»

Лег Звезда Знания: «В преданиях о Его жизни говорится, что Он был рожден Девой, а это как раз означает, что Он не был рожден».

Рыцарь: «Как понять это?»

Лег Звезда Знания: «Предание рассказывает, что Он жил всегда, еще с предадами, что Он не был рожден, но сотворен, и только явился человечеству как Эон, когда пришли времена».

Рыцарь: «Куда ушел Он?»

Лег Звезда Знания: «Он ушел в сферы высшие, чем космос Эонов. Ушел к Великому Богу, как совершивший все, что хотел совершить не только на вашей Земле, но и на других землях и в других космосах».

Рыцарь: «Он посетил не одну нашу Землю?»

Лег Звезда Знания: «Да».

Рыцарь: «Что значит – ушел к Великому Богу?»

Лег Звезда Знания: «Исполнил Волю Его».

Рыцарь: «Я хотел бы постигнуть всю Тайну Грааля!»

Лег Звезда Знания: «Она в веках и в мирах. Дерзай, и ты познаешь, когда настает время».

Рыцарь: «Скажи, Он умер на кресте?»

Лег Звезда Знания: «Нет, потому и излилась кровь и вода из раны, копьем нанесенной! Кровь – то, что вытекая, жизнь знаменует, была принята воинами за признак смерти. Но появление крови знаменовало жизнь и только жизнь, которая ни на секунду не прерывалась».

Рыцарь: «Так Он не умер?»

Лег Звезда Знания: «Конечно. Эон – высшая из духовных сущностей нашей вселенной, продолжал свое дело спасения в царстве темных Арлегов, так как не могла

Высшая Справедливость примириться с тем, что только живущие поколения и те поколения, которые будут жить, спасутся. Дух жаждал всеобщего спасения, а душа оставалась в теле, впадшем от страдания в такое состояние, которое люди, принимая Христа до своего уровня, смертью называют. Но, конечно, нельзя говорить в этом случае о смерти человека, можно говорить только о смерти духа воплощенного, то есть, о его удалении от тела на долгое или на короткое время или даже навсегда. А потом тело, душа и дух снова объединились в одно целое. Произошло то, что называется воскресением, а далее и вознесением Христа».

Рыцарь: «Что же, значит, не было воскресения Христова?»

Лег Звезда Знания: «Конечно, было. Смертью Эона называется Его схождение в Ад».

Рыцарь: «На обратном пути снова буду у вас. А пока еще вопрос. Если имеется бесконечность, если мало число наших чувств, и потому мы не постигаем ее разнообразия, то правда ли, что в бесконечностях пространства и времени все есть, о чем нашептывают нам духи Фантазии, рисующие странные миры и странных существ?»

Звезда Знания: «Ты прав. Духи Фантазии плохие художники сущего, и только. Они ничего не выдумывают и черпают свои фантазии – слабые отражения действительно сущего – из реального материала миров и веков».

Рыцарь: «Кто вы?»

Лег Вестник: «Вестники».

Рыцарь: «Что я могу у вас спрашивать?»

Лег Вестник: «Все, что хочешь».

Рыцарь: «Можно ли доказать людям, что душа бессмертна?»

Лег Вестник: «Они только слова услышат. Только поверят, если в них Лега нет, но знать не будут, ибо не дано им познание, как слепорожденному не дано видеть краски, как глухому не дано слышать звуки. Те же, в ком Леги, – те знают».

Рыцарь: «Почему люди плохо понимают нездешнее? Почему только смутно верят они в миры высокие?»

Лег Вестник: «У людей только пять чувств. Не может быть у них больше чувств, так как тело не вмещает большего их количества. Если бы духу человека, не знающего Легов, дана была возможность координировать впечатления высших миров, то для этого надо было переделать тела людей. Без такой переделки они были бы неспособны к восприятию миров других измерений».

Рыцарь: «Почему людям не дано все знать о мирах далеких?»

Лег Вестник: «У них нет способностей для восприятий всех этих знаний, и не сняты еще Печати Оккультного Молчания. Помимо этого, если бы много знали о мирах высоких, не стали бы люди дорожить жизнью, и скорбной стала бы жизнь, жить решившихся».

Рыцарь: «Почему же так много сомнений у людей?»

Лег Вестник: «У слепого, ошупью идущего по незнакомой местности, еще больше сомнений. Дело в том, что мало чувств у людей, далеко не совершенны они, и нет у них глубокого знания – только отблески истины светятся. Даже знание того, что видит человек – знание не точное, не верное: человек видит, что солнце вокруг Земли ходит, но это не верно, поскольку Земля вокруг солнца вращается. И это не все: человек видит, но если помрачено его сознание – он видит не то, что есть. Видя, человек верит, что то, что он видит, является таковым, как воспринимается зрением. Но совсем иной вещь в себе существует, чем она немногими чувствами человека рисуется».

Рыцарь: «Что можно сказать людям об Элоа?»

Лег Вестник: «Чрезвычайно мало, не приписывая Ему прекрасных человеческих свойств и качеств, Ему не присущих. Конечно, Он – не дух, не рассана, не замма, ни то, о чем говорят очеловечившие Его религии, сделавшие Его понятным людям как раз своим очеловечением. Не подходящими в применении к Нему являются человеческие слова и понятия: Отец, Сын, Дух и тому подобное. Все эти определения дают о Нем чересчур несовершенное представление. Но Он – Сущий, и в сонме многих

Его отражений и твои пребывают. И все-таки вы, люди, несравненно более слабое Его подобие, чем инфузория является подобием человека».

Рыцарь: «Мне говорили, что кто-то из вас смотрел на Землю, видел Его с Сатаной и слышал их разговор. Могу спросить того, кто видел и слышал?»

Лег Луны: «Это я. Спрашивай».

Рыцарь: «Скажи, что ты видел и слышал тогда?»

Лег Луны: «Свет луны озарял кровли храма, и на одной из них я увидел Его и Сатану. Оба вознесены были над землей. И хотелось Сатане, чтобы Он сошел на землю, как сыны земли сходят, чтобы Он с жадным стремлением к людским благам бросился на нее и жил, как люди живут, веря, что Леги не дадут Ему пасть под бременем блестящих соблазнов. Но отказался Он последовать совету Сатаны и сказал ему, что он не должен искушать Эона, который так высоко стоит над Сатаной, как сам Бог, ибо Эон противоположностью Сатаны является. Не хотел Эон сойти на землю, приносясь до сынов земли, хотел только пройти по ней, провозглашая Благоую Весть человечеству, весть о жизни бессмертной, о жизни высокой горных вершин».

Рыцарь: «Скажи, могу ли, признавая Христа, верить, что у меня нет души?»

Лег Луны: «Сомнение в существовании души явилось у тебя только потому, что ты не ощущаешь ее своими чувствами, но ведь это не доказательство. Ты не ощущаешь также своей селезенки, печени и мало ли каких реальностей своего организма, пока он здоров. Из этого не следует, что их нет, как не следует, что нет клеток, нет ионов, потому что ты их никогда не видишь и не ощущаешь, как реально существующих».

Рыцарь: «Но ведь у умерших я вижу при некоторых условиях все это, но души не вижу».

Лег Луны: «Да, у других. А когда сам умрешь, свою душу и души других увидишь. А мышление, от тебя исходящее через материальную сущность мозга и этим мозгом перерабатываемое, является функцией души, преломившейся в материи мозга. Только нематериальным – душой – может быть создано нематериальное же, то есть, мысль».

Рыцарь: «Когда Христос умер на кресте, только дух от Него отошел, а не душа?»

Лег луны: «Да. Его человеческое начало, душа, чувствуя, что оставляет ее духовная Сущность, взывала к Божественной Сущности: «Зачем Ты меня оставил?»

Рыцарь: «Написано, что сначала он сказал – «Зачем Ты меня оставил?», а только потом оставил Его тело дух».

Лег Луны: «Мало ли что не точно записывается на Земле, не точно запоминается вне ее!»

Рыцарь: «Кто вы, едва видимые, смутно мной ощущаемые?»

Лег Смерти: «Леги Смерти».

Рыцарь: «Почему люди с ужасом и горем ждут вашего приближения?»

Лег Смерти: «Смешивая темного Арлега с Арлегом Власти, смешивая Арлега Власти с Элоа, думая, что последний не может справиться с Темным, т.к. Темный внушил им эманации этой мысли, люди боятся попасть после смерти во власть Темного или боятся полного уничтожения, ибо уверенность в грядущем небытии внушил Темный неверящим в его существование для того, чтобы внимали люди его внушениям и отвратили лик свой от Христа, от Его эманаций добра. Веря в то, что нет бессмертия, слабые люди (а таких много) сеют зло, злодеяния совершают для того, чтобы самим в приятном чаду и опьянении провести жизнь».

Рыцарь: «Отчего не знают люди, что существует жизнь и после вашего посещения?»

Лег Смерти: «Они узнают это в момент нашего посещения, ибо мы говорим им о том, что идет душа в новый мир, и радостно встречают люди благоую весть. При жизни мы не встречаемся с ними. Другие Леги шепчут им о бессмертии, но плодом своей фантазии считают люди их слова и не верят им, раз Темный дал им частицу своей гордыни: выдумками людей считают они шепот Легов. А показать жизнь других измерений нельзя, не переведа душу в мир других измерений, и переход этот только мы,

смерть неся, создаем, ибо нет возможности другого перехода. Ты знаешь, как ошибаются люди, – они так или иначе, но верят, что существует только то, что они видят; но звезды и небо существуют, хотя их никак не ощущает человек слабого зрения или зрение потерявший. Но ведь были и зрячие, которые кровавыми пятнышками на оболочке глаз пытались объяснить видение звезд. Из того, что ты чего-либо не видишь и не слышишь – ничего не вытекает: не только органами зрения и слуха воспринимается сущее. Оно существует и не воспринимаемое ничем, присущим данному человеку. Новые чувства мира Легов откроют тебе то, о чем ты и мечтать не мог на Земле, то, что никакой микроскоп или телескоп не могли тебе дать».

Рыцарь: «Лег Смерти, скажи мне: стоял ли ты у Креста, когда умер Христос?»

Лег Смерти: «Много моих братьев и я слетели посмотреть на уход Эона из тела атланта. Мы стояли и дивились: не страдал атлант, не страдал и Христос. В обоих случаях то, что можно назвать экстазом, наполняло душу Христа, и Он жаждал нового, с телом несвязанного, возгласив: «Для чего Ты меня оставило, Божественное Начало?» – И получил ответ: «Иду туда, куда не к чему идти твоей душе – в царство Темного, чтобы вывести оттуда души».

Рыцарь: «Перед кем я? Скажи мне не только имя, но и ваше предназначение».

Маг Стихийных Сил: «Мы – воля мощных Стихийных сил. Мы держим их в повиновении для того, чтобы не воспринимающие высокого суб-духи не разрушили материальных основ творческих сил, стремящихся к гармонии и к сверхгармонии. Мы не нарушаем великого закона свобод, властью и мощью обуздывая суб-духов, мешая проявляться их диким бесцельным порывам, способным уничтожить оболочку души. Не страшны душам суб-духи земель, но страшны выше их сущие, около гигантских солнц мятущиеся суб-духи, могущие унести планеты-земли, как земной ветер земную пыль уносит. Мы – помеха диким порывам уничтожения, и всегда в первоисточнике остановим их. Мы – не создатели, но грозная помеха на пути разрушителей созданного, и если Темные, недозволенные своей неудачей, задумали бы уничтожить вместилища духов и душ, мы призвали бы Силы и не допустили бы уничтожения. Мы – передатчики от духов Силы той силы, которая солнца с их спутниками движет в пространстве. Громко звучит в нашем космосе пророчество о том, что в тот момент, когда человечеству надоедят Темные, когда не только страх, но и отвращение будут внушать их слуги, – мы сойдем к людям, на помощь к Хранителям, вступим в бой с Темными и с их силами, и к нам на помощь слетят могучие Араны».

Рыцарь: «Не только спокойствием, но и печалью веет от вас, Леги остывших и солнцами не озаряемых планет. Что поведаете мне, тому, кто снова хочет воплотиться на Земле?»

Леги остывших планет: «Пустынны и мрачны наши планеты – солнца потухшие, яркими громадными солнцами не озаряемые. Но текут по ним реки нами принесенного огня не сжигающего, и лярвы, из царства темных вырвавшиеся, прилетают туда и оттуда не хотят уходить. Только растения, не знающие иного света, кроме слабого света далеких звезд и сияния огненного потока, только представители низших пород животных-полурастений и лярвы живут там. Вечный сумрак стелется в наших обителях, и слабо теплится в них жизнь. Но придут времена, и мы сумеем направить темные центральные планеты одну на другую, и засияют в местах столкновения новые гигантские солнца, и под могучим влиянием их света преобразятся и растения, и лярвы. Мы воскресим миры умершие, и на них прольется светлая река духовных сущностей. И воскресшие миры воспримут души из Океана душ, и приблизится тогда завершение оборота космического Колеса Жизни, подьем космосов к сверхсовершенству. И множество померкших земель расцветут новой жизнью, и никто из темных Арлегов, Князей Тьмы и темных Легов не посмеет приблизиться к ним, так как обещали нам Араны стать Стражами Порога, через который переступить надо, чтобы появиться на новых землях. И приблизится тогда время встречи с Рафаэлинами. Время придет, и распадется в ничто материя, ибо не нужны будут материальные обители для преобразенных и Высшим Светом просветленных духов. Все духи всех космосов познают час своего преобразования и, приблизясь к Великому, отойдут от

Него благословенными для того, чтобы сильнейшими и несравненно более совершенными пройти новый путь к более высокому, чем достигнутое совершенство».

Рыцарь: «Величаво прекрасную весть от вас слышу и не знаю как назвать Вас теперь?»

Леги: «Зови как хочешь. Но мы Леги темных планет, и мы их провозвестники в туманах мириадолетий грядущего».

32. ПО РАЗРЯДАМ АРЛЕГОВ

Я возле них. Не вижу, не слышу, но понимаю их мысли тем чувством, которого не было у меня на Земле.

«Кто старший среди Вас? – спрашиваю. – С ним хотел бы говорить я».

И ощущаю: меньше стало их, часть из них считает бесполезным разговор со мной. Не хотят меня слушать. Я понял ошибочность мысли моей: понял, что не хотели считать себя старшими ушедшие, и просил остаться для разговора со мной тех, кто не успел уйти.

Понимаю, что Арлеги около меня. Спрашиваю: «Что может поднять нас до высот неизмеримых, нас, обитателей земель?» Духовными глазами вижу картины земной и надземной жизни, и все дают один ответ: «Misericordia. Милосердие. Никого не оскорбляй ни словом, ни мыслью, ни малозаметным жестом пренебрежения».

О чем спрашивать мне этих могучих исполинов? Они не хотят добиваться чего-либо проявлением не духовной силы. Как мало у меня сил духовных, и мощнейшим из них является сострадание. И опять слышу я:

«Если все получила душа из того, что можно получить на Земле, Лег смерти встанет перед человеком. Но бывает, что долго живет человек в земном теле: это значит, что его жизнь нужна людям, или что ему дается время загладить зло, им причиненное. И благо ему, если он перестанет грешить».

Ты спрашиваешь: что означают слова «не грешить»? Не грешить – это значит любить. Что выше любви, хочешь знать ты? Только тот разум, который безусловно повелевает любить, прощать, сострадать, помогать.

Ты спрашиваешь: почему Михаил говорил с Сатанаилом? Да потому, что не надо ставить себя выше других.

Ты просишь совета? Противься злему словом и отказывайся хоть чем-либо, в том числе и ничегонеделанием, помогать злу».

Я вижу молнии мистические. Ощущаю близость Начал. Слышу гром их речей: «Совершив жизненный круг своих восхождений, все начинают новое восхождение с несравненно высшей точки, чем прежняя. Дойдя до новых, несоизмеримых с прежними высот, снова, как от отправной точки, начинают сверх-духи новое восхождение совершенствования, и мы не знаем конца этим восхождениям. Конечно, и те спасутся, которые, отдаляясь от Великого, сбились со светлого пути. Все спасутся, даже злые дела творящие. Ты спрашиваешь: почему допускаются злые дела? Да потому, что выше всего свобода. Те, кто во зло употребляет ее, находят на низах духовного развития грубую форму компенсации зла – мученичество, и сами себя осуждают на муки, претерпеваемые в одном из космосов низов».

Новая перемена, и Силой несказанной веют речи, мной воспринимаемые: «Что за беда, если телом так завязаны твои духовные очи, что ты не видел ими на Земле и не вполне просветленными глазами не все видишь здесь. Придет время, спадет повязка, и ты увидишь жизнь высоких сфер. А пока ты слеп, ты можешь закаляться для жизни зрячего. У нас много чувств, вами не постигаемых, как зрение не постигается слепорожденными. Ваших чувств нет у нас: они только в виде слабых отблесков существуют. Но мышление, любовь, сострадание несколько иных аспектов, чем ваши, не чужды нам.

Мы ясно читаем твои мысли и мысли других духов, если не хотим закрыть их, – это наш разговор. Как представить нас, спрашиваешь ты? Большое количество

свойств и чувств создает новое качество наших сущностей. Конечно, мы не похожи на людей, и наши эфирные тела не похожи на астральные. Но что за беда, если, вернувшись на какую-нибудь из земель, ты будешь нас ангелами представлять. Ты спрашиваешь: не на наших ли высотах то, что люди называют Нирваной? Нет. Нирвана тех притягивает, чьи души не вынесли зла и горя мира земель. Нирвана – не ничто. Нирвана – полное успокоение, и многообразны виды этого успокоения».

«Над чем господство ваше?»

«Над всеми, кто знаниями руководствуется. Ты хочешь знать будущее? Смотри».

«Но неужели нельзя избежать того, что я увидел?»

«Таковым было бы твое будущее, если бы ты не увидел его. Но раз ты его увидел – ты властен изменить его. Оно было бы таковым, если бы ты не познал его, или, познав, не отрекся от него. Но раз ты знаешь будущее – ты можешь сделать то, что изменит его. В твоей власти познать будущее. Если ты предвидишь – карма отходит от тебя. Учись предвидеть, сойдя на Землю и, предвидя, строй свою жизнь».

«На ту ли Землю возвращусь я, с которой ушел?»

«Как хочешь: в доме Отца обитателей много».

«Можно ли познать Бога, не очеловечив Его?»

«Нет».

«Кто или что такое Феникс, себя из себя творящий?»

«Человечество».

Властно звучат новые сообщения: «Иначе, как мистически, нельзя понять, что существуют тела, не подобные твоему телу, например, наши эфирные тела, но это ничего не значит. Инфузория тоже не может постигнуть, что ты существуешь, но ты все-таки существуешь и можешь даже повлиять на ее жизнь. Слепой не может постигнуть цвета и формы, им не осязаемые, но все же существуют цвета и не осязаемые слепыми формы. Если бы на земле жили только одни слепые, они не видели бы и не знали бы, что небо синее, трава зеленая, что блестят луна и солнце. Таковы и Легом не осиянные духовные слепцы. Дикарь и не подозревает, что в его организме живут мириады клеточек, но они живут».

«Но я не познаю другой жизни!»

«Что за беда, если в течение одной секунды твоего вечного существования ты не узнаешь других аспектов? Ведь и ребенок не познает себя, как старика. Твоя жизнь на Земле – часть мгновения твоей жизни в мирах. Как некоторые слепые начинают видеть, когда снимаются с их глаз катаракты, так прозревает и душа, когда снимается с нее ее катаракта, то есть тело».

«Трон, Тебе видно с высоты. Скажи: можно ли защищаться от зла, причинением зла тому, кто делает зло?»

«Лучшей защитой от зла – делание добра является. Только при прямом нападении можно защищаться насилием, отвечая на нападающее насилие, и только до той поры, пока продолжается насилие. Мучить же, ранить, или убивать лишенного возможности сопротивляться – темное, не рыцарское дело. Для тех, кто к свету стремится, обязательно не делать зло, хотя бы простой неприятности. К строгой, необходимой самозащите необходимо свести зло, причиняемое нападающему. При защите, нежданно и нежеланно для тебя может произойти от твоей руки смерть противника, тебя убить стремящегося. Но нельзя смертью карать, даже смерть нанесшего. Заповедь «не убий» – вне комментария».

«Если только убив злодея, ребенка смертной мукой мучающего, я могу прекратить это злодеяние, могу ли я убить? Могу ли я убить сумасшедшего, если нет других средств прекратить мучения, причиняемые сильным сумасшедшим слабому человеку?»

«Зачем спрашиваешь у нас? Твоя совесть каждый раз ответит тебе на такой вопрос».

Херувимы: «Высоко, высоко поднимаемся мы над общностью Эгрегоров, когда надо. Мы встречаемся там с Потокм сверкающим, из бесконечностей Великого в дальние бесконечности стремящимся. Все свои силы мы прилагаем к тому, чтобы по

новому руслу направить этот Поток, чтобы он земли залил своим ровным, спокойным сиянием. Скромна, не величава, не блестяща задача, направляемого нами Потока, но благодаря ему отойдут от земель темные силы. Даже следы их эманаций смыты будут. Счастьем будет тогда жизнь на Земле, и апофеозом этого счастья будет радостный переход в другой космос, тот переход, который Леги Смерти организуют. Настанет конец власти Темных на землях, и уйдут они из космоса своего, светлым Потоком омытые. Возвратись на Землю и готовь на ней место руслу Потока светлого! О земном заботься лишь настолько, насколько это надо, чтобы жизнь твоя не была страданием и горем. Надо и о земном заботиться для того, чтобы существовало твое тело – вместилище и притяжение души и духа, не готовых еще к тому, чтобы выше подняться. Не огорчайся тем, что и одного слова нельзя сказать о Боге Великом, так как не являются Его определением слова «Великий» и «Бог». Нельзя сказать про Него «Он есть», не заблуждаясь, ибо Он не то, что может «быть»...

«Многоочитые, скажите, почему не может быть счастливым для человека тот миг, в течение которого он живет на Земле?»

«Не знаем. Далеко от Великого то несовершенство, которым переполнена ваша жизнь, но это несовершенство от вас же зависит, вами же установлено в тех веках и мирах, в которых вы живете и жили. Великим установлено только то, что это несовершенство длится в сравнении с жизнями – одно мгновение. Наличие этого несовершенства и его следствия, горя, становится невозможной на высших ступенях жизненной лестницы. Разве печалится человек тем, что в возрасте трех лет он упал и ушиб себе руку? Ты спрашиваешь, почему люди творят зло? Наличие твоя твоего зла доказывает только то, что вам дано величайшее духовное благо – свобода. Эта свобода ничем не стеснена, кроме вашей воли: свобода безгранична, беспредельна, но отнюдь не обязана зло творить или во зле купаться».

Сатлы: «Ты спрашиваешь о скоплениях материи. Три потока звезд – это три потока клеточек гигантского тела, только ничтожная часть внутреннего состояния этого тела видна тебе. Видна лишь мириадная часть гиганта Эгрегора. Число таких Эгрегоров безгранично, как бесконечно число миров разноцветных солнц. И над космическими Эгрегорами еще космосы сверх-Эгрегоров имеются. Наша ближайшая задача – на той почве, которую ты добром назовешь, создать союз Темных,

Михайлов и нас, Сатлов».

Серафы: «Да, – отвечают мне невидимые. – Да, над каждой общностью миров и сверх-миров нашей Золотой Лестницы и чуждых нашей других гигантских Лестниц – Изумрудной, Сапфировой, Алмазной – стоит свой Эгрегор, объемля сущность каждой бесконечности. Каждая из бесконечного ряда бесконечностей имеет своего Эгрегора, и каждый из этих Эгрегоров, над бесконечностями стоящих, – тех Эгрегоров, которых нельзя смешивать с Эгрегорами меньших населенных пространств, входит в тесное сношение с себе подобными. И все они вместе образуют новый, до сих пор неведомый космос Эгрегоров. Конечно, Эгрегоры – не Элоимы. Скорее, это материальное, но, вместе с тем, и духовное связующее начало лестниц космосов или совокупностей космосов разных бесконечностей. Да, ты прав. Невероятно сложно творение Элоимов, и даже мы далеко не полно постигаем эту сложность...»

33. СОВЕТ В КОСМОСЕ АРЛЕГОВ

Говорят в верхах сущие: «Темные поставили свою стражу над миром людей и отделили их от высших космосов тьмой непроницаемой. Но Темные ведь темные, поэтому не следует допускать их произвола. Спросим у них – для чего это им».

«Не хотим отвечать вам», – говорят Темные.

«А если так, Арлег Власти, почему ты бездействуешь? К чему служат твои молнии, несказанно сильнейшие молний туч грозowych? Видишь крылья распростертые. Бей в них молнией!» – духи Силы кричат.

Страшный удар. Рассеивается тьма между землей и солнцем, на голове Арлега Власти находящемся, и видны части крыльев гигантских в образовавшемся светлом просвете. И доносятся снизу с земли слезные крики о помощи, стоны, плач и рыдания.

Слышатся крики: «Иссякло светлое Учение, гаснут его эманации, тьма и удушье черных лярвистских гадов все отравило!»

И услышав эти стоны, схватили Михаилы свои золотые трубы и загремел в небесах их мощный призыв, всех на совет созывая, как гремел когда-то призыв на бой с Сатанаилами и их союзниками.

Встали, образуя часть круга Михаилы, продолжая звать своими трубами воинство Архангелов, пока все не собралось оно. Первыми прилетели существа со змеиными туловищами, мощными руками, снабженные могучими крыльями, с прекрасными лицами, прекраснейшим лицам людей подобными. Остановилось и рассыпалось кольцо духов с непреклонными ликами, в каждой руке по комете держащих, и хлынули из этого кольца разнообразнейшие духи. Тяжело вышли колоссальные крылатые Быки с человеческими головами, привыкшие больше летать на своих гигантских крыльях, чем ходить. Мягко ступая вышли Львы с лицами женщин земли и их торсом. Летели, вращаясь, Колеса, усыпанные тысячами глаз, а над ними поднимались фигуры прекрасных созданий. Летели, ярко блистая, Орлы с человеческими головами и крыльями, неизмеримые пространства охватывающими. Шли – и звенела и гнулась под тяжестью их поступи твердь – гигантские воины, закованные в латы. Шли, держа на головах солнца, в белые одежды облаченные, глаза свои руками прикрывающие люди с властными лицами. Летели Вестники с крыльями на плечах, головах, персях, руках и ногах; медленно шли, держа в руках розовым огнем блестящие розы, Рафаэлины.

Огромный круг образовали все эти существа. И первыми заговорили Змеевидные: «Как не понимают, свои крылья распростершие, что это глупо. Как не поймут они, что отвратительные плоды принесло их поведение. Расплодилось грязь лярвизма на землях, прекрасных подобиях солнц усталых. И бессмысленна их мечта утомить Высшее Начало ожиданием, ибо нет для него тягот времени. И все же неутомимы они в сменах, крыльями свет солнц простых и солнц мистических затемняющие. Надо убрать их, и мы первыми пойдем на них».

Прилетели тут запоздавшие гиганты Сатанаилы и говорят: «Мы тоже хотим участвовать в совете, но, как опоздавшие, последними выскажемся».

Говорят Херувимы: «Надо хаотическое начало, на землях сущее, началу гармоническому противопоставить. Надо изгнать с земель грязных лярв. Только тогда чистый безупречный свет мистических солнц воссияет на земле. И горе тем, кто против нас встанут».

Говорят Престолы: «Разгадку нашей загадки о высотах несказанных принесем мы людям. Пусть узнают они, к чему стремиться надо, к чему готовиться, на наших высотах имея свои души».

Тихо поют Многоочитые: «Мы видим людей духовными очами! Сплошными, кровавыми язвами покрыты их души: это лярвы искушали их. Слезами жалости омоем их раны и исцелим их! Туда, в низы, на земли!»

И слышен клич орлиной стаи: «Туда! Туда! Попытаемся поднять их на наших крыльях к высотам чистым!»

Говорят в латы закованные: «Не может быть, чтобы темные силы не пришли бы на земли, чтобы занять места изгнанных лярв. Нам с этими силами бороться придется. *Lumen Coelum* да сойдет на земли!»

И слышится спокойная тихая речь тех, кто солнца по путям указанным ведут и богами земель считаются, почему и само солнце нередко Богом почиталось: «Если надо, то надо. Мы готовы на бой с темными Архангелами, а Михаилы поддержат нас. Мы сделаем так, что свет солнц незатемненных не ослепит и не сожжет людей. А Михаилы помогут нам».

Звучит речь тех, кого Началами именуют, и говорят они: «Когда выброшены будут лярвы и уйдут в свой мрак, мы опояшем ад кругами мистическими, и долго не выйдут из него лярвы, несущие развал в людскую среду».

Говорят Михаилы: «Войдем в храм и будем делать то, что в храме делать надо. Всем, кто к нам обратится – поможем».

Говорят Многокрылые: «Всех оповестим о том, что новые времена пришли, и убедим людей встретить их».

Сказали слово свое и Рафаэлины с розами: «Мы будем напоминать и вам, и тем, кто нам на помощь идет, что надо всегда в самой тяжелой борьбе заветы любви помнить».

Едва замолкли эти речи, как новый дух появился в кругу и встал посредине его. То старый Эгрегор земли, увидев сияние незатемненного солнца, ринулся к верхам, и когда встретил его, не пропуская, темный Арлег, он сломал ему крыло и поднялся в обители Арлегов.

«Прежде всего темных Арлегов, свет загораживающих, удалить надо, – сказал он. – Их место на время пусть Михаилы займут, а потом их заменит горизонтальными кругами расположившаяся часть светлой спирали, от Рааров исходящей. Но вам не надо нападать на них для того, чтобы удалить их. Призовите Аранов».

И отвечают мудрые Серафы: «Мы давно завели бы с ними переговоры, но они вниз не смотрят: смотрят вверх и по сторонам, они не видят нас».

Эгрегор: «И все же их призвать можно. Позвать?»

«Просим тебя!» – раздаются клики.

И все, кроме Михайлов и Серафов, даже Херувимы отшатнулись от страшного своей призывной мощью крика Эгрегора: «Агдар!»

Тотчас двенадцать Аранов упали среди славнейших, и сразу, без слов, поняли они в чем дело и решили отогнать Темных, свет заслонявших. И тогда заговорили Сатлы: «Только зла им не причиняйте, как Эгрегор причинил».

И отвечают Араны: «О, они мудры. Они согласятся. Они знают теперь, что бесполезна их стража, что, не добиваясь высокой цели, они только лярвам, грязным рабам своим служат. Легко сговоримся с ними».

Встали Араны против Темных и сказали: «Прошло время, и времена приблизились, и для вас тоже. Уходите».

Отвечают темные Арлеги: «Мы готовы, вы знаете, что мы сами уйти хотели. Но сожжет людей солнце, если наша тьма между землями и солнцем стоять не будет».

Отвечают им Араны: «На ваше место Михаилы встать хотят, своими эфирными телами непереносимый для земель свет заграждая. И люди не ослепнут, но сузятся у них зрачки, так как светлее им станет».

Говорят темные Арлеги: «Как вы опоздали, много раньше могли вы прийти, и мы уступили бы вам без битвы. Надоели нам и лярвы, и люди, ими поработанные. До свидания на поле брани».

И по мере того, как отходили они, занимали их места Михаилы.

Херувимы упали на Землю, войдя в тела людей и в серых призраков. Но не смогли они дотронуться до лярв, ибо отвращение большее, чем людям жабы, внушали те Херувимам. Поэтому стали они сжигать тела лярв своим чистым огнем, в пепел их тела обращая. И бежали в ужасе из сожженных и не сожженных тел лярвы, бежали во влагу ада, в его болота, и тогда замкнули вокруг ада свой круг комет Начала.

И тогда в одном месте Земли появились атланты, и у первой из атланток родились два сына и две дочери. Так раса атлантов, не переносящая запаха лярв, начала среди людей свою мирную жизнь. Тогда и слетели к ним, сливаясь с ними, Леги. И улетели, сделав, что надо было сделать, Херубы. А на их место явились Серафы. И быстро научили они людей тому, как надуманны, как глупо произвольны всякие подделки под душу, называемые атомами, ионами, электронами, силовыми линиями, как и выдумки неведомых волн, тела людей обмывающие. И после долгой трудной работы улетели Серафы, убедив людей, что два начала в них заложены.

Улетели и те Серафы, которые жили среди людей, как веяния мудрости. И тогда темные Леги с повязками на глазах прошли через мириады людей, тщательно обходя обители атлантов. Будучи несказанно умнее лярв, начали они сеять семена сомне-

ний и скепсиса. Несравненно труднее, чем раньше, была их работа, ибо не тьма, а свет Михайлов смягчал сияние простых и мистических солнц.

Но все же вред и зло несли с собой темные Леги, и тогда явились на землю Многоочитые, облекали собой Темных (и те начинали смотреть тысячами глаз) и Многоочитые своим эфирным существом закрывали лики Темных с их скорбным и тоски полным выражением. И смотря очами Многоочитых, отказывались от своей работы темные Леги. Отойдя от Многоочитых, срывали они со своих очей повязки, потому что Многоочитые передавали им и часть своего зрения. Так покидали Землю прозревшие темные Леги.

Сошли тогда на земли загадочные сфинксы и решили раскрыть людям свои тайны, но не хотели постоянно повторять их. Не пропускали они на Землю новых душ из Океана душ, но и не позволили душам людей уходить в параллельные космосы. Передали они людям свои знания и улетели.

Тогда прилетели на Землю Князя Тьмы и стали учить людей, что те будут бессмертны и не знающей скуки жизнью жить будут, а если людей начнет тяготить земное существование, они научат их переноситься в царства Князей Тьмы, чтобы там отдохнуть, вкусив перемену душ, и на долгое время силами для жизни запасутся. Но для этого, поучали Князя Тьмы, надо самим подняться, и этот подъем мыслим только для тех, кто только об этом одном думать будут, отказавшись тратить время на общение с другими людьми, поскольку это общение ненужно для них самих и их целей.

Затем прошел по земле Арлег Власти, уча, что не о себе, а о других думать надо, и что в снах гашиша царство Князей Тьмы видеть можно.

Но продолжали колебаться люди, поскольку их пониманию менее доступно было учение об Элоиме, чем понимание человека бактерией. Видя это, загремели трубы, и слетели на Землю духи Силы. Спрашивают они у людей: «Чего хотите вы от нас? Хотите, мы темных заставим уйти?» Отвечают им Атланты: «Нет! Мы хотели бы, чтобы вы дали людям веру алмазную в неизбежность радостного подъема, веру в то, что не надо поддаваться хитрым обольщениям Князей!»

Отвечают духи Силы: «Вы хотите чуда? Не можем дать его. Даже Эон не даст вам такого чуда».

И говорят Атланты: «Мы дадим бой Князьям Тьмы. Но если они позовут на помощь темных Арлегов и стихии, не справиться нам с ними».

Отвечают духи Силы: «Стихии мрачные мы отбросим, а с темными Арлегами Михаилы пусть поговорят».

И был дан ответ Михаилам со стороны Темных: «В дела земель мы отныне не вмешиваемся и взоры наши вниз не опускаем. Но не на Аранов и не на Отблесков мы смотрим, а на Сильных, через миры, ниже их сущие: да пошлют Сильные нам инициативу. А Князей Тьмы мы отзовем». И загремел страшный крик темных Арлегов: «Князья, назад!»

Ушли с Земли Князя Тьмы, жалуясь: «Конечно, в миры отрицательные пошлют нас за своеволие наше наши жестокие вожди!»

34. РАЗДУМЬЕ О ВЫЗОВЕ

Рыцарь, принадлежащий к высшей степени Посвящения, нашел, что мистика Ордена его не удовлетворяет. Ему хотелось узнать больше того, что он знал, и ум его жаждал более полных откровений. Обратился он к старейшинам Ордена, и те посоветовали ему изучить учения других орденов и братств, в которых он сможет найти ответы на свои вопросы.

И последовал Рыцарь их совету. Он изучил всевозможные тайные учения Востока и Запада; долгое время провел в Индии, где в подземельях упражнялся в мудрости йогов, отыскал в Средней Африке потомков атлантов, узнал их учение и снова вернулся в Орден. И сказал старейшинам Ордена, что нигде он не смог найти того,

чего жаждет его дух; знает он, что только Араны, духи Познания или духи Света смогут его удовлетворить. Их он хочет вызвать.

И ответили ему старейшины: «Как хочешь, Рыцарь – твоя воля».

И почувствовал Рыцарь в себе такую силу и такую полноту напряженности, что понял он, что может призвать к себе Арана, или Аран его к себе притянет; и духа Познания может к себе призвать, или дух Познания приблизит его к себе; и что духа Света в силах он к себе призвать, или, наоборот, дух Света его к себе поднимет. Осознал он, что когда Аран пронзит его мозг своими лучами, то поймет он язык Арана и то, о чем тот будет говорить. И когда присутствие духа Познания осенит его своим светом – он поймет и этого духа; и когда сияние духа Света озарит его, то сможет он постичь чуждые и странные речи этих могучих духов.

Уединился Рыцарь в просторном зале замка, поставил вокруг стола кресла, полагая, что могут прийти к нему духи и в человеческом образе, и сел сам, намереваясь вызвать их и готовясь произнести священную формулу.

И задумался Рыцарь, кого ему раньше вызвать: «Надо вызвать Арана. Он скажет мне много такое, что прояснит для меня известное, но что будет в то же время чрезвычайно новым и важным... Впрочем, не лучше ли вызвать сначала духа Познания? Ведь тогда я еще больше узнаю, и для меня понятнее будут речи Арана. Нет, лучше сразу вызвать Духа Света. Он пронижет и осенит меня своим светом, и мне станут понятны и речи Арана и речи Духа Познания... Но если присутствие Арана и духа Познания сильно изменит меня, то присутствие духа Света меня раздавит. Мой ум не выдержит мудрости и света высших духов. Я сойду с ума. А это равносильно самоубийству. Имею ли я право, как Рыцарь, подвергать себя самоубийству? Могу ли я после этого вызвать кого-либо из трех духов?»

Часы в зале пробили время, необходимое для вызова духов.

И Рыцарь встал из-за стола, сказав: «Нет, конечно, я не сделаю этого».

35. СОВЕТЫ ДУХОВ ПОЗНАНИЯ

Духи Познания решили посетить все миры и дать их обитателям советы первостепенной важности. В каком порядке посетили они разные обитатели – мало интересно и я, не придерживаясь этого порядка, расскажу прежде всего о посещении ими планет космоса, в котором преобладают желтые солнца.

Они появились на нашей земле и обратились к ее мудрецам со следующими словами:

«Вы, люди, не являетесь однородной массой. Вы разбиты на множество групп, но главнейшими из них являются три основные: 1) те, кто после земной жизни пойдут к высотам несказанным, 2) те, кто после земной жизни опустятся в низы глубокие, 3) те, кто в мирах, хотя и новых, но все же четырех измерений существовать будут.

Вы, стремящиеся в низы, одумайтесь! Тяжела там жизнь! Не верьте пустым словам, что для грядущего все равно, как вы будете жить на земле. Остановитесь в вашем падении и подумайте. Надо быть безнадежно несерьезным для того, чтобы верить, что все кончается здесь. Как несерьезно думать, что богатство и власть, вами здесь приобретенные, могут дать вам радость и высшее довольство! Власть лъстит только пустому тщеславию; богатство материальное – это разновидность детских игрушек и возможность лъстить своим порокам. А добыть и удержать его можно только преступлением. Но довольно простого благосостояния для людей. Что побуждает вас быть игрушкой в руках мелких негодяев, во имя достижения богатства, власти и известности вас на все плохое наталкивающих? Ведь смерть уравнивает и бедных и богатых, и более чем вероятно, что бедному легче будет, чем богатому.

А вы, идущие вверх, помогите падающему. Здесь всячески можно работать: умной речью, литературой в широком смысле слова, картинами, музыкальными произведениями, вообще искусством, серьезной научной деятельностью и многим дру-

гим. Удержите падающих, хотя бы на краю пропасти, и для вас самих легче будет подъем.

А вы, стремящиеся в несовершенные миры, равные четырем измерениям, вашей же Земле подобные, вам тоже надо одуматься: что за интерес не подниматься, жить все той же старой, наскучившей жизнью, лишь переменив обстановку? Не лучше ли выше подняться?»

И к исполинам, живущим на Сатурне, обращают свои речи другие послы:

«Вы увлекаетесь тем, что называете наукой, и не обращаете внимания на тех обитателей вашей же планеты, дух и тело которых не получают того, что им нужно. Но почему вы не видите, что непросветленный светом знания дух не только темен, но и липок? Он липнет к вашим духовным глазам и ушам, вы становитесь сами духовно слепы и глухи. С мраком мыслима только серьезная борьба, уничтожение той обстановки, при которой он живет в умах и сердцах. Осветите сумеречные закоулки души ярким светом, и непросветленный светом знания дух исчезнет без следа. И светлое начало станет на его место».

Говорят духи Познания жителям планеты Вега:

«Как странно сложилась ваша жизнь: как будто нет у вас других целей, кроме громкого прославления того, кого вы почему-то считаете своим повелителем, хотя он не унижается до роли судьи и палача. Бросьте все это: если вы чувствуете к нему благодарность и не для своего развлечения устраиваете разные церемонии, обратив ваши храмы в театры, то постарайтесь, чтобы в тине сладких звуков и громких слов не вязли ваши души. Стремитесь к тому, чтобы познать все, окружающее вас, все то, что над вами, и, познав, с чуткой нежностью и любовью отнеситесь ко всем, кто может страдать».

Говорили духи Познания обитателям планет, обращающихся вокруг звезды-солнца созвездия Лира:

«Шумна и блестяща жизнь ваша. Все звуки, на вашей планете рожденные, сливаются в чудные мелодии. Обаятельно красиво все, что окружает вас, и все же сколько усилий тратите вы для того, чтобы жизнь казалась вам веселой! Но ведь вы безнадежно ею пресытились, вы не можете не скучать. Все вы через силу играете роль, хотя вы недурные актеры и естественна у вас жизнь-сцена, но она – не живая жизнь. Хотя бы треть своей жизни отдайте на удовлетворение той спящей в вас потребности, которая называется стремлением к мирам высоким. Прежде всего, сумейте разбудить ее. Если не сумеете (а от вас это зависит), только отвращение вызовет в вас фольговый блеск вашей жизни, и вы будете тяготиться ею, как только достигнете того возраста, когда во всей грозной силе развернется ваш разум. К верхам! К высотам!...»

Обитателям планет, вращающихся вокруг Ориона, говорят послы Знания:

«Погруженные в ученые занятия и изыскания, вы не хотите видеть то, что вокруг вас происходит. А ваши слуги, ухитрившиеся стать вашими господами и навязать вам свои низкие мысли, угнетают и давят тех, кто готовят для вас все нужное для материальной жизни. Но как ничтожно все, что вы делаете, перед запросами вашей души! Вся ваша современная роскошь научных изысканий кровью и потом подобных вам поддерживается. Неужели в вас нет самолюбия? Разве можно отдаваться высоким созерцаниям и сосать кровь жертв, как пауки сосут ее? Помните равенство, не переходящее в тождество, равенство в возможности удовлетворить желания, которое дает всем людям, – и бывшим поработителям, и бывшим поработенным, – свободную от лишних страданий жизнь. Пока все не получают возможности жить, пользуясь такими же благами, как любой из вас, вы – жалкие игрушки в лапах мелких Князей Тьмы и обречены тысячелетиями жить в томительном круговороте, не поднимаясь к светлым высотам».

«Чего вы хотите? – говорят послы духов, прибывшие на земли Полярной Звезды. – Вы жалуетесь, что жизнь не удовлетворяет вас, так как вы все постигли, что она может дать. Но если вы еще живете на своей планете, значит, вы не все еще знаете. Если и велики (хотя далеко, далеко не исчерпывающе) ваши знания в научной области, то не знаете вы жизни миров других, и в области ясновидения вы только на

третьей ступеньке тысячеступенной лестницы. Поднимайтесь по ней к верхам, изучайте жизнь нездешнюю, и полна будет ваша жизнь полнотой несказанной, и мощными войдете вы в новую сферу. Помните, что духи чистой фантазии готовы прилететь к вам на помощь».

Земли созвездия Скорпиона населены существами, которых холстианские мистики называют темными или мрачными Арлегами. И на эти планеты явились духи Познания, хотя и были убеждены, что Темные будут спорить с ними.

«Зачем вы прибыли к нам?» – загремели голоса Темных, едва духи Познания появились на занятых Темными планетах.

«Сказать вам, что бесполезны ваши старания сеять на землях зло и ненависть усилиями ваших лярв», – отвечают духи Познания.

«Нет, не бесполезны, – отвечают Темные, – люди охотно воспринимают и охотно проводят в жизнь лярвами посеянные ненависть и зло».

«Человечеству не лучше от того, что оно зло и ненависть воспринимает, а для вас это более, чем безразлично: ведь вы – не люди!» – звучит ответ.

«Человечество для нас то же, что для человека мир инфузорий в луже воды, но духи, нас к верхам не пропускающие, иначе смотрят на него и хотят видеть людей на верхних ступенях Золотой лестницы, а мы не дадим людям подняться, пока не пропустят нас к верхам. Для этого мы и послали к людям лярв, и этих лярв люди с нами смешивают».

«Но вы знаете, что поднимаются люди, которых вы не сумели сбить с верной дороги вашими послами. А те, кого вы сбили с нее, все равно вернутся на верный путь. Ничего не стоит ваша деятельность в мирах и веках, и не туда ведет ваш путь, куда вы думаете прийти».

«Укажите нам лучший путь, а пока нет его, мы пойдем старой дорогой», – говорят Темные.

«Путь давно указан: сойдите с ложной дороги, вернитесь к исходной точке, и идите, как все идут».

«Не хотим мы, поднявшиеся, опуститься. Только выше и выше пойдем мы. Мы заставим перед нами отворить двери Порогов. А если нет, то и людей не пустим переступить через Пороги мистические. Конечно, мы не говорим об отдельных единицах, но не единицами, а мириадами миры строятся».

«Изживет человечество ваши соблазны и устроиться, как человечество света устроилось, а потом и лучше этого. А вы ни на шаг не продвинетесь!» – слышится речь Светлых.

«Нелепы пророчества, раз мы им свою волю противопоставляем! А она есть и будет! И сильнее, чем вы, пророчествовали, и им не удалось переубедить нас. Не удастся и вам».

«Но нельзя перехитрить вечную мудрость: задержав восхождение на низших ступенях лестницы, вы тем самым ускорите его на верхних. Все то же будет, а вы силы теряете, и долгое время придется вам отмывать духовную грязь, в которой вы купаться хотите», – говорят Светлые.

«Все равно уходите! Вам не удастся соблазнить нас: и мы соблазнять умеем».

«Бросьте мишуру вашей бесплодной работы. И не думайте, что мы не знаем о том, что вы куете оружие для того чтобы прорвать наш боевой строй! Но это не удастся вам!»

«Мы увидим!»

«Для того, чтобы видеть, не надевают на глаза повязки».

«Мы и сквозь повязку видим».

«Не пройти вам через строй сильных! Ведь мы и Силы призвать можем».

«Не услышат они ни вас, ни нас. А через ваш строй рано или поздно, но мы прорвемся!» – И Темные ринулись на Светлых, но перед ними никого уже не было. Только издали доносились голоса: «Никогда!»

Смятение возникло среди темных: «Измена! Они знают наши планы! Не пойти ли нам вниз для того, чтобы обычным путем вверх подняться?» – «Не бросить ли зло

сеять, то есть, лярв посылать?» – «Не жить ли просто, как живется, и выждать большего скопления сил у нас?» – «Опомнитесь! – гремят другие голоса. – Что за малодушие? У нас была (правда, впервые) такая же галлюцинация, как и у людей бывает. Ничего не было! пусть все по старому остается»...

36. НЕУДАВШАЯСЯ БЕСКОНЕЧНОСТЬ

Два Элоима отправились в одну из бесконечностей творить миры. Там был уже Хаос, а с их появлением возник и Логос. Возникла в конце концов квази-земля и на ней квази-люди – ассы вечной жизни. Мотив сотворения был тот, что такие люди рано или поздно, но устроят в конце концов свою жизнь счастливой.

Просили Элоимы духов Силы нашей вселенной встать на границе бесконечности сотворенной, и, согласившись, встали Духи Силы на рубеже этой бесконечности стражами, чтобы не пропускать в нее Легов Смерти и им подобных духов, могущих жизнь прервать. И появились в этой бесконечности две неизменные части – небо и земля, не было прорыва куда-либо, полная неподвижность в мирах, но зато жизнь, смертью не омраченная, и полная возможность самоусовершенствования. И, действительно, у квази-людей оказались великие достижения, обнаружили великие знания...

Достигая известного возраста, люди-ассы обновляли свои тела и снова становились молодыми, не теряя своих духовных достижений. Они знали о существовании населенных бесконечностей, другими Элоимами сотворенных, потому что духи Силы пропускали к ним эманации других бесконечностей.

Прошли миллиарды лет. Скука телесной жизни, тоска о невозможности достижений, выводящих из рамок этой бесконечности, овладели ассами. Их угнетала невозможность полного уничтожения, которое понималось ими как трансформация, следствием которой являлось забвение прошлого. Ими овладело отчаяние. И они нашли мнимый исход из своего положения. При помощи чего-то, похожего на опий, они добились такого состояния, при котором их души бросали тела, и тела эти оставались неизменными в своей неподвижности. Это совершалось в определенных городах, где оставались эти тела, не подвергаясь никаким изменениям, а души, оторвавшись от этих тел, облакались чем-то подобным эфирному началу. Но, в сущности, видоизмененные ассы сразу понимали, что они не получили новых чувств, несмотря на эфирные чувства, а только видоизменялись так, что это не казалось им интересным. Громадная жажда перемены явилась у этих душ. Хоть бы Хаос опять!

Несмотря на все свои знания, они не могли слиться с Логосом. Невозможность подняться к Логосу превращала их бытие в какое-то промежуточное состояние. Души всех ассов останавливались в своем космосе, давали земле уйти и встречались с планетами, подобными покинутой земле. Явилась тогда мысль прорваться через духов Силы.

Подлетели они к духам Силы, а те ответили им: «Пожалуйста, проходите, но ведь за вами бесконечность, и вы, население этой бесконечности, выйти из нее не можете, и вечно в ней должны оставаться». Тогда говорят новые существа: «Значит нам остается только отчаяние, – сказали эти существа. – На земли возвращаться нет смысла. Нет для нас и радости познания, т.к. мы много познали. Будем знать немного больше, немного меньше, но все равно тут же останемся. Исчерпана нами радость жизни и бессмысленно без конца повторяться, бессмысленно создан наш мир...»

И на основе этой безысходности возникло среди ассов новое учение, согласно которому смысл жизни заключается в искусственном сне под воздействием «опиума забвения». Снились им странные сны о мирах других бесконечностей, о других бесконечностях Великого Бога. А когда наступало время их пробуждения, их охватывал ужас неизменяющейся жизни, и проснувшись, они говорили, что недостойно ассу не спать, и старались тотчас же заснуть снова...

Стали они молить Элоима, чтобы он уничтожил их вместе с этим миром, но узнали от духов Силы, что Элоимы давно уже покинули эту бесконечность. Молили они и о потере памяти, но не были эти молитвы искренними, так как что-то недостойное слышалось в них.

Тогда прибегли ассы к магизму: призвали Аранов, и Араны явились ассам во сне, так как духи Силы передали Аранам призыв ассов. И сказали им ассы: «Передайте по ступеням лестницы, восходящей к Элоиму нашей вселенной, просьбу: если нельзя нам уйти отсюда – подарить нам новые чувства». И сошли на квази-землю огни из нашей бесконечности. А когда прошли новые тысячелетия, оказалось, что ассы уже сами старались быть полезными растениям и животным, изменяя тех и других путем изменения среды, делая тех и других до некоторой степени себе подобными.

Все реже возникал ропот ассов, все чаще прислушивались они к словам Легов проводников знания, что в этом космосе жизнь является путем к освобождению. Они говорили ассам: «Будьте вполне совершенны, и тогда вы уйдете отсюда, а раз вы стремитесь к полному совершенству – будьте настойчивы и терпеливы».

И настало время, когда эти Проводники через духов Силы обратились к космосам Силы и Славы о помощи ассам и получили ответ: «Перебросьте все население космоса туда, где смерть возможна». Возрадовались этому ответу ассы, с радостью уничтожили они свои тела, кроме одного последнего квази-человека, которого духи Силы перенесли, в отличие от всех, в иную бесконечность, и стали ждать освобождения от своего неудачного мира.

Когда все квази-земные тела были ассамы уничтожены, произошел подъем ассов ко второму кругу Логоса и слияние с ним, позволившее душам ассов освободиться от сил неудачной бесконечности, державшей их так долго в плену. И духи Силы перебросили все живое этих космосов в мир Аранов, которые широко распахнули двери своего космоса ассам, а мир Арлегов дал временный приют преобразованным ими растениям и животным.

Только Проводники отказались остаться у Аранов и у Арлегов, попросив перебросить их на земли, населенные настоящими людьми, чтобы и дальше вести там свою работу, поднимаясь по ступеням Золотой лестницы. И когда, наконец, они вместе с людьми земель вошли в обитель духов Света, перед космосом замм лежащую, радостно встретили их духи Света, потому что перестали тогда сверкать в этом космосе черные молнии.

В то же время в наших бесконечностях упала, сорванная духами Познания последняя Печать Оккультного Молчания, и началось последнее восхождение сущих в мирах от космоса Эонов к Богу Великому. Не поднялись на высоты только обитатели земель разноцветных солнц, но когда там раздался призывный клич всем, кто хочет телесного бессмертия, переселиться на квази-земли ассов, никто не пожелал отправиться в неудачную бесконечность даже ради бессмертия...

37. АЛХИМИК

В 1275 г. к одному из рыцарей Храма явился гость. Он отрекомендовался старым другом покойного отца рыцаря, и был приглашен хозяином пробыть в замке столько времени, сколько ему будет угодно. После небольшого колебания гость, достигший, судя по его виду, весьма преклонного возраста, принял приглашение и обещал погостить в замке не менее двух недель. Вся замковая челядь, жившие в замке оруженосцы и прислуга гостей владельца замка скоро пришли в неописуемый восторг от вежливости старого рыцаря, его учености, интересных и умных разговоров, а также от невероятной, сказочной его щедрости.

Как-то раз хозяин замка в вежливом разговоре заметил старику, что его щедрость, сама по себе заслуживающая полного уважения, ставит в неловкое положение приезжающих в замок рыцарей, которые не могут тратить таких громадных сумм на подачки слугам и на ничем, кроме доброго желания, не вызванные по-

дарки рыцарям. Разговор происходил наедине, и гость, как можно было видеть, искренне удивился.

«Неужели эти небольшие ссуды и подарки рассматриваются рыцарями, как что-то значительное?» – спросил он. И получив утвердительный ответ, заметил: «А я думал, что рыцари Вашего Ордена чрезвычайно богаты».

«Богаты не рыцари, а сам Орден», – объяснил хозяин замка.

«Но ведь Орден чрезвычайно богат?» – поинтересовался старый рыцарь.

Хозяин замка с гордостью ответил, что в распоряжении Ордена имеется сумма, превышающая десять миллионов золотых монет.

Старик улыбнулся и заметил: «Я долгое время жил в Индии и не знал, что на самом деле Орден так беден: мое личное богатство в несколько тысяч раз превышает богатство Ордена, и я охотно сделаю вклад в вашу кассу».

Но блюдя достоинство Ордена, хозяин замка вежливо отклонил предложение гостя, заметив, что Орден принимает пожертвования только от своих членов.

На этом разговор закончился, но вечером того же дня, когда за ужином был поднят вопрос, как помочь голодным из-за неурожая крестьянам, старый рыцарь попросил позволения участвовать в этом благородном деле. Когда он получил от хозяина согласие, и присутствующие выразили ему свою признательность, гость сделал знак своим слугам, и двое из них с трудом втащили в залу большой кожаный мешок, наполненный золотыми сверкающими монетами. Не довольствуясь таким, превышающим королевскую щедрость даром, старый рыцарь вынул из кошелька, висевшего у него на поясе, три огромных алмаза и просил их тоже принять для покупки хлеба голодным.

На другой день владелец замка снова встретился со старым рыцарем, и опять их разговор зашел о богатстве. Старик убеждал рыцаря, что только богатство в сочетании с легендарной храбростью подарит рыцарям Храма победу над неверными и упрочит их положение в Палестине. Если рыцарь столь категорически не хочет взять от него денег, то он может научить его приготавливать философский камень, при посредстве чудодетельной силы которого возможно наполнить орденскую казну любым количеством золота и драгоценных камней. И старый рыцарь настойчиво предлагал хозяину дома научиться у него, старого рыцаря, этому замечательному искусству приготавливать совершеннейший философский камень, секрет которого он не успел передать его отцу, с которым они слишком рано расстались.

После долгих колебаний и уговоров, хозяин замка согласился последовать за стариком и научиться приготавливать для вящей славы Ордена драгоценные камни и золото, а пока занял у старика достаточную сумму денег для того, чтобы оставить ее мажордому и коменданту покидаемого им замка на все время его отсутствия, которое, как полагал рыцарь, будет не долгим. После этого хозяин и старик уехали.

На высокой, труднодоступной горе в прекрасном замке, принадлежавшем старому рыцарю, поселился рыцарь Храма и под руководством хозяина стал постигать алхимическое искусство. Уже через два года рыцарь-тамплиер делал бриллианты большой величины. Но хозяин убедил его, что появление большого количества крупных камней на рынке снизит их цену. Поэтому обеспечить действительное богатство Ордену Храма можно только научившись изготавливать золото и другие драгоценные камни, прежде всего рубины. Рыцарь согласился и остался в замке учиться приготавливанию рубинов и золота. Он достиг в этом больших успехов, но всякий раз, как рыцарь научался изготавливать очередной драгоценный камень, старик легко уговаривал его продолжать совершенствоваться и далее.

Время летело, и рыцарь не замечал его. Но однажды ему приснилось, что его зовут на помощь трубы рыцарей Храма, и он встал с ложа полный решимости отправиться к своим собратьям, которые, как он полагал, сражались в это время с неверными в Палестине.

Рыцарь рассказал о приснившемся ему хозяину-алхимику и просил отправить его на родину. На этот раз старый рыцарь охотно согласился, не стал его задерживать и предложил взять с собой сколько возможно драгоценных камней и слитков золота, которыми были завалены комнаты замка.

Много дней странного облика люди, которых старый рыцарь называл «туземцами», паковали тюки с драгоценностями и сносили их к подножью горы. Там их складывали в приуготовлении к отъезду, и, наконец, рыцарь простился с хозяином замка и двинулся вместе с большим обозом во Францию. По совету старого рыцаря он не останавливался ни в городах, ни в селах, разбивая свой ночлег вдали от населенных пунктов. Наконец, вместе с семьей нагруженными драгоценностями повозками он прибыл в Реймс и был поражен странным видом этого города, совсем непохожего на тот, каким он его оставил несколько лет назад. Сильно смущенный этим обстоятельством, он с удивлением заметил, что и сам он, и слуги, которыми снабдил его хозяин замка, перед отъездом оказались одеты в точно такие же необычные костюмы, как и те, в которых ходили теперь жители Франции.

Сойдя с коня, которого привязали к одной из повозок, рыцарь попытался выяснить у прохожих, где бы он мог остановиться со своим обозом, и вскоре получил ответ, что в немногих шагах от него находится гостиница, где можно остановиться и поместить тюки с товарами.

Рыцарь договорился с хозяином этой гостиницы, отпустил сопровождавших его слуг старого рыцаря, а для своего багажа занял обширный погреб, куда слуги сложили перед уходом все тюки с драгоценными камнями и золотом. Оставшись один, он вынул из багажа несколько крупных бриллиантов и слитков золота, и вскоре, правда, с некоторыми затруднениями, продал один бриллиант и слиток, получив за них необычные деньги. Все, впрочем, удивляло рыцаря: и дома, и улицы, и способы передвижения, и костюмы людей, их разговоры и даже малопонятный для него французский язык, на котором они изъяснялись. Все стало ясно ему, когда он как бы между прочим поинтересовался, какой нынче год, и обнаружил, что с момента отъезда его в замок старика-алхимика прошло более шести столетий. На его осторожные вопросы о рыцарях, он получил ответы, что их давно уже нет.

Очень скоро по приезде в Реймс тамплиер-алхимик познакомился с двумя юношами из аристократического общества, и они на его осторожные вопросы рассказали, как несколько столетий тому назад погиб Орден тамплиеров. Как мог, он объяснил им, что рыцари были оклеветаны королем Филиппом и папой, и так заинтересовал их рассказами о храмовниках, что через некоторое время его предложение возобновить Орден было встречено юношами весьма сочувственно. Конечно, речь шла уже об Ордене, приспособленном к новым условиям. Рыцарь не говорил юношам о своих неизмеримых богатствах, но однажды, когда уже все было оговорено у них, каким образом и с кем они попытаются восстановить Орден, рыцарь отправился в подвалы гостиницы, чтобы взять для предстоящего какую-то часть сокровищ. Но к своему ужасу он обнаружил, что вместо драгоценных камней и слитков золота в мешках лежали только куски свинца и морская галька... Только тогда ему стало ясно, что он был обманут темными силами. Единственным утешением было то, что несколько алмазов и золотых слитков, которые он со дня приезда держал в своем номере, сохранились в прежнем виде.

Рыцарь поспешил продать часть этого богатства, а из вырученных денег дал по миллиону франков обоим юношам на восстановление Ордена и какое-то время поучал их для чего нужно рыцарство и каким оно должно быть. Но он все время чувствовал невероятную тоску, потому что считал себя нарушившим заветы Ордена, когда поддался на уговоры темного алхимика, к тому же не мог он найти себе места в новой жизни. Рыцарства больше не существовало, в новый орден он не слишком верил, а потому решил добровольно уйти из жизни, и так слишком затянувшейся, хотя чувствовал он себя таким же, каким был при встрече с алхимиком.

Написав завещание в пользу двух этих юношей, которым он решил оставить свои богатства, рыцарь купил в какой-то лавке, наполненной странными предметами, меч, вернулся в гостиницу и бросился на него грудью. Но меч бессильно согнулся и клинок вывалился из рукоятки.

Страшно удивленный этим, рыцарь встал в полном убеждении, что случилось чудо. Ему и в голову не приходило, что он купил бутафорский меч для актеров в театральной лавке.

Оставшись в живых, рыцарь решил сделаться отшельником, замаливать свой грех, сказавшийся в знакомстве с дьяволом. Остатки сокровищ он собрал в небольшую котомку, продал свинец, в который превратилась большая часть его драгоценностей, расплатился с хозяином, щедро заплатил прислуге и рано утром вышел из города. Он шел, куда глядят глаза, и вскоре приблизился к лесистым горам, на одной из которых нашел пещеру, вполне пригодную для того, чтобы в ней поселиться и там молиться и размышлять о Боге.

Поскольку денег у него было достаточно, то раз или два в неделю он спускался за продуктами в расположенную у подножья горы деревеньку, так что его появление не прошло местными жителями незамеченным. Вполне естественно, что довольно скоро перед пещерой появились два жандарма и грубо потребовали у него документы, удостоверяющие его личность.

Рыцарь спокойно заявил, что никаких документов у него нет, и жандармы, назвав его бродягой, сделали попытку арестовать его. Но едва только рука одного из жандармов, услышавшего его спокойный отказ следовать за ними, обнажила оружие, а рука другого схватила его за плечо, как рыцарь в одно мгновение бросил его на землю. Второй жандарм растерялся, но выхватил револьвер и выстрелил в рыцаря. От волнения он не сумел хорошо прицелиться, и сильные руки рыцаря бросили его на первого жандарма. Пока они барахтались на земле, рыцарь сломал их сабли и револьверы, бросил обломки в кусты и скрылся в чаще со своей котомкой. Преследовать его жандармы побоялись.

Дело было утром, а к вечеру рыцарь уже стучался в ворота монастыря, на который он наткнулся. Монастырь принадлежал иезуитам, и рыцарь, назвав себя вымышленным именем, остался у них послушником, сделав большой, по мнению иезуитов, и небольшой по сравнению с оставшимся у рыцаря богатством, взнос в кассу монастыря. Когда же по его следам через несколько дней явились жандармы, иезуиты ответили, что никого постороннего в монастыре нет, и рыцарь, умело спрятав остальные драгоценности, спокойно жил у них на привилегированном положении богатого чудака.

Как то раз он подробно рассказывал монахам об одном из крестовых походов, участником которого был, сражаясь со своими рыцарями в войсках Людовика Святого, и настоятель, пораженный познаниями рыцаря в этой области, предложил ему заниматься, если он хочет, в обширной монастырской библиотеке. Рыцарь охотно принял это предложение, и его занятия растянулись на два с лишним года, после чего он убедился, что рыцарю непристойно разделять трапезу иезуитов.

За это время он многое узнал, еще больше передумал, и оказался уже вполне подготовленным не только для новой жизни, но и для того, чем он хотел бы в ней заняться.

Он ушел от иезуитов, найдя достаточно пристойное объяснение своему поступку, и отправился снова в Реймс, по дороге обновив свой гардероб.

К его несказанной радости оба юноши, которые остались там, не покладая рук работали над восстановлением Ордена Храма и очень обрадовались его приходу. Среди своих новых знакомых он встретил человека, который, ответив на рыцарский привет и сделав тайные знаки тамплиеров, рассказал ему, что отряды тамплиеров имеются в Париже и в ряде других городов, но что храмовники не объявляют о своем существовании открыто. Рыцарь спросил нового знакомого, богат ли нынче Орден, и получил ответ, что Орден давным давно не ставит целью собирание богатств, что не в этом видит он смысл своей деятельности, наученный горьким историческим опытом.

Рыцарь искренне обрадовался этому и рассказал о своей встрече с дьяволом-алхимиком и, подумав, что его рассказ неправдоподобен, передал рыцарю для Ордена свои оставшиеся бриллианты и золото. Так рыцарь присоединился к тамплиерам нового времени и отряд, в который он вошел, принял своим девизом: «Не золото, не меч, но разум и воля».

Примечание: Алхимики не любят эту легенду, но знают о ней.

38. ИСПОВЕДЬ

I

Я – монах и, вместе с тем, священник. На моей обязанности лежало исповедовать рыцарей, шедших под предводительством Пьера де Монтегю на завоевание Гроба Господня и Его защиту от мусульман. Достигнув преклонного 85-летнего возраста, я удалился во Францию и жил недалеко от Бордо. Я мало сплю по ночам и изредка приходили звать меня на потребу ночью.

Как то раз, близко к полуночи привратник монастыря прислал ко мне послушника сказать, что меня зовут напутствовать жившего недалеко от нас в своем имении дворянина Анзо де Фосс.

Вместе со служкой я отправился в замок и через короткое время мы въехали вместе с провожатым во двор замка, и уже через несколько минут я был в громадной столовой замка. Здоровый, по-видимому, сеньор радостно приветствовал меня, говоря, что страшно боялся умереть, не получив отпущения грехов. Сеньор исповедался и просил никому не сообщать тайну исповеди, но не скрывать от рыцарей его Ордена то, что было мне им сообщено.

Со дня на день ожидая, что Господь призовет меня к себе на свой Суд, заблагорассудил я записать все, мне сказанное, и переслать с верным человеком Гроссмейстеру нашего Ордена.

«Я, – говорил мне сеньор Анзо де Фосс, – много слышал о темных Арлегах. Мне захотелось увидеть кого-либо из них, и я позвал темного Арлега. Тотчас меня подхватил и помчал какой-то вихрь. Я потерял сознание. Когда же открылись глаза мои, я увидел себя окруженным странными безобразными химерами, и подумал, что меня окружают толпы дьяволов. Но я увидел, как быстро разбежались они при приближении существ, похожих на ангелов, как их рисуют на образах, но только в черных мантиях и с громадными черными же крыльями за спиной. На глазах у них то появлялись, то исчезали повязки, и тогда на меня пристально смотрели грустные глаза.

«Рыцарь, – сказал один из них, – что ты хочешь узнать от нас?»

«Кто вы?» – спросил я.

«Те, кого вы в ваших легендах называете темными Легами».

«Вы верите в Бога? Вы поклоняетесь Ему?» – спросил я их. И ответили мне Темные:

«Мы не верим, а знаем, что Бог есть. Мы знаем, что Ему абсолютно не нужны ни наши поклонения, и нам самим они тоже не нужны».

Они как бы ожидали вопроса от меня, но я молчал, не зная что сказать.

Исчезли темные Леги. На их месте появились могучие крылатые гении, облаченные в доспехи, похожие на наши. Я понял, что передо мною Князья Тьмы. Мрачно молча смотрели они на меня, ожидая вопроса, и я через силу спросил, сам не зная для чего:

«Скажите, вы враждебны нам, рыцарям?»

И ответили Князья Тьмы: «Мы не интересуемся обитателями земли».

«Вы слушаетесь велений Бога?» – спросил я.

Ответили Князья Тьмы с каким-то раздражением: «Бог не интересуется нами. Не о чем нам разговаривать с Ним, а Ему – с нами».

«Как, – вскричал я, – мы люди и то обращаемся к Нему с просьбами, и Он сам или через пророков отвечает нам!»

Засмеялись Князья Тьмы, и страшным громом прокатился их смех: «Ни Сам, ни через пророков не говорил Он с вами. С вами говорят темные Арлеги, изредка – светлые Арлеги, которых вы богами называли».

Я оторопел и вспомнил, что в Библии Бог являлся в виде ангела.

«Правда ли, что вы стараетесь вовлечь людей в грех, для того, чтобы мучить их?» – спросил я.

И снова смеются Князья Тьмы, и один из них говорит мне: «Животные нашего мира, лярвы, возятся с вами и самые тупые и скверные находят точки соприкосно-

вения с вами, вероятно также тупыми и скверными. Они, побывав на земле, возвращаются к нам еще худшими, чем ушли от нас».

Я гордо ответил им: «Если бесы, нас на земле смущающие, являются животными вашего мира, то вы, имея возможность обуздать их, и не обуздывая, сами виновны во всех гадостях, бесами творимых».

«Это твое мнение, а не наше», – ответили мне мрачные Князья Тьмы, и не подумав смеяться на этот раз.

Исчезли Князья Тьмы, и передо мною появились красноватым огнем сияющие три великана, опять-таки одетых в доспехи, и спросили меня, что мне надо. Я, смотря в их грозные очи, ответил: «Отзовите ваше зверье от земель. Дайте людям жить как им хочется».

Ответили мне темные Арлеги: «Если люди с таким ничтожеством, как лярвы, справиться не в состоянии, то не к чему им к верхам стремиться?»

А я сказал: «Кто дал вам право судить так, как вы судите?»

Ответили они, что никому не дают отчета в своих поступках, и что ответственность за их поступки лежит на тех, кто им подняться мешает.

Я сказал им: «Быть может вы не той дорогой идете?»

Сверху вниз посмотрели они на меня и не удостоили ответом. И почудилось мне, что они могут быть каким-то особым, мне неизвестным, но для них интересным делом заняты. Почудилось мне, что они в каких-то других бесконечностях работают.

И я спросил их: «Что вы делаете в иных бесконечностях?»

Как будто удивились красноватым блеском сияющие: «Среди нас живет легенда, из которой ясно, что мы должны накопить громадные знания, и мы копим их».

И исчезли великаны.

Я был очень недоволен собой, ибо не задал темным Арлегам и Князьям Тьмы ни одного из тех важных вопросов, которые хотел им задать. Грустно шел я по их царству, и ко мне, весело улыбаясь, прилетел похожий на человека, но более призрачный, как бы из неясного света сотканное тело имеющий человек с крыльями, похожими на крылья прекраснейших бабочек, и приветливо спросил меня, кто я и откуда?

Я ответил ему, но он, казалось, не вполне понял меня и сказал: «А я в третий раз прилетел из своей далекой бесконечности в гости к Светозарным. Они очень гостеприимны, не то, что Драконы...»

Я спросил: «От вашей бесконечности идет ли Золотая Лестница к верхам несказанным, и быстро ли вы поднимаетесь по ней?»

Немного потускнело тело и крылья существа неведомого, и он с легкой печалью ответил мне: «Да, но только тот из нас может идти по Золотой Лестнице, кто в течение трех тысячелетий ни разу не согрешил ни делом, ни словом, ни помышлением. Таких один на миллион. Для согрешивших снова начинается срок трех тысячелетий, в течение которых они должны ни разу не согрешить, и тогда они сделают шаг по Золотой Лестнице. Я четвертый раз изживаю три тысячелетия».

«Скажи мне, – спросил я, – ниже вашего мира расположены ли в вашей бесконечности миры каких-либо других существ?»

«О да, многие».

«А вы были там ранее?»

«Да, но я забыл о моем пребывании там».

«Там что, все равно – существуют или не существуют эти миры?»

«Как все равно? Ведь если я здесь такой, а не менее совершенный, то это только потому, что я был в низах. Смотри, вот темный Арлег, я искал его!»

Я снова остался один, и ко мне подлетело странное существо. Я видел перед собой одну голову с шеей и переходящими в гигантские крылья плечами. Существо, которое я называл про себя Херубом, остановилось против меня, изредка шевеля своими крыльями. Я спросил:

«Кто ты, неведомый дух? Зачем ты появился в царстве темных Арлегов?»

«Я выше твоей и их обители сущий. Меня зовут...»

Я забыл, святой отец, как его зовут, и буду, с твоего позволения, называть его Херубом.

Я спросил Херуба: «Не ощущаешь ли ты неловкости, обладая такой странной, лишенной туловища и конечностей фигурой?»

Ответил мне Херуб: «Мой вид несравненно более сложный, когда я нахожусь в своих обителях. При нисхождении мое тело приравнивается к новой среде и упрощается. Ты понимаешь?»

«Нет».

«Да ведь у вас то же самое! Лег, вошедший в тебя и твоих – это маленькая светлая звездочка, мистическим прахом и пеплом твоего тела засыпанная. А у себя в обителях – они выглядят мощными гениями».

«Расскажи мне как и почему происходит такая перемена?»

«О, это так понятно. Каждое тело строго данной среде соответствует. На один шаг отошел от своей среды Лег и его астральное тело хоть и немного, но все же изменилось, потеряв то, что высотам его обители соответствовало. Отлетел он от них в низы на 10 шагов, и еще сильнее изменилось его тело. Чем дальше отлетает он, тем сильнее изменяется его тело. Пролетев громадные расстояния, ваш мир от его мира отделяющие, он становится маленькой звездочкой, не отличающейся вами от метеоров. Вошел он в кого-либо из вас... и едва тлеет под пеплом звездочка, а вы думаете, что в вас вселился могучий дух со всею мощью своей. Только в верхах сияющих может быть Лег могучим».

Я вспомнил тогда звезду, шедшую с Востока, остановившуюся над яслями, в которую был положен родившийся Христос, и спросил: «Не была-ли эта звезда Легом?» и получил ответ: «Ты сказал».

«Тебе здесь грозит опасность, – предупредил меня Херуб, – но я вижу: ты приобрел себе друга», – добавил он, указывая на подлетевшего ко мне гения с разноцветными крыльями.

Сразу заговорил подлетевший: «Тебя не любят хозяева этих мест. Постарайся понять меня. Они хотят оставить тебя здесь для забавы, и ты будешь у них чем-то вроде комнатной собачки у людей».

Я вспыхнул, схватился за меч, но его при мне не было. Херуб исчез и через минуту явился с кем-то, мне мой меч принесшим.

Вижу я, идут ко мне темные Арлеги, и их глаза сверкают неумолимой жесткостью. Я взмахнул мечом и услышал крик Херуба:

«Не лезвим, а рукоятью!»

И взяв меч за лезвие, крестом рукоятки погрозил я темным Арлегам. Они исчезли.

Говорит мне многоцветными крыльями обладающий: «Иди на землю. Перед Крестом и Херубом они остановились, но воротятся и постараются лишить тебя силы Креста и отодвинуть Херуба, волной невидимой тебя защищающего».

Как бы молния ударила меня в руку, и я едва удержал меч.

Взмолился я к Херубу: «Уведи меня!»

Очнулся я в лесу около моего замка...

Закончив свой рассказ, рыцарь снова повторил мне, что его ждет смерть, но что он не боится ее. Я сказал ему, почувствовав в сердце своем, что не сам говорю, а кто-то во мне: «Много лет проживешь ты рыцарь, если никому кроме братии не будешь рассказывать о своем видении». Потом покаялся мне рыцарь в мелких прегрешениях.

Я отпустил ему вольные и невольные грехи и отслужив в его замке молебен, отправился в монастырь.

В первую же ночь приснился мне странный сон. Два каких-то сильных духа совещались около меня: «Надо ли сдуть пепел, обволакивающий искру в нем сухую, или оставить все по-прежнему?» – «Надо, – говорит один, – освободить его Лега из-под пепла. Да засияет Он ярким блеском». А другой отвечает: «Боюсь, сожжет его яркий блеск: он умрет от счастья. А должен жить!» – Решили они спросить кого-то и вернуться ко мне через три ночи и три дня. Снова они были у меня и запретили рассказывать братии и людям, что затем случилось со мною, позволив только сказать для

вящей славы Бога, что я молодею с каждой неделей, и все ярче горит во мне Звезда моя. Этим я и заканчиваю письмо. Смиренный инок Иринарх».

II

Я получил разрешение говорить, но мне кажется, что все не со мною случилось, и о себе, как о другом, легче говорить.

Явился ко мне некто сияющий и сказал, чтобы я шел в далекий монастырь. Я отправился к настоятелю и просил его благословить пойти на богомолье в указанный мне монастырь. Он благословил, и я отправился в путь. По дороге пришлось мне заночевать в лесу.

Опустился я на камень и вижу перед собою как бы троих Вестников, и говорят они мне: «Хочешь идти с нами?»

«Гожусь ли вам в спутники? Стар я, не знаю, что со мной в пути будет».

«Ничего не будет, разве помолодеешь немного, зато многое увидишь!» – отвечают те. И согласился я.

По беспредельным волнам эфира неслись семь странных существ, напоминающих прекрасных людей. Они были одеты в голубые туники. Гигантские крылья, такие же прекрасные как крылья бабочек, мерными взмахами колебали эфир. Гордо смотрели их громадные глаза и суровы были прекрасные лики. Над ними, под ними, внизу и вверх, справа и слева, позади и впереди летевших существ сверкали, как крупные бриллианты, большие и маленькие голубые солнца.

«Устал один из нас, наш вид принявший, – говорит один из них, – опустимся на одну из планет какого-либо голубого солнца. Пусть отдохнет он перед дальнейшим путем».

И опустились семеро нармисов золотым блеском на сияющую землю. Там, на вершине горы высилась мрачная башня, и на крышу этой гигантской башни опустились нармисы. Тотчас стало уменьшаться тело каждого из них. Все плотнее и плотнее становилось оно. И когда тела нармисов стали по размеру равны телам высших обитателей этой планеты, когда они приняли плотность этих тел, тогда вокруг них образовалась чрезвычайно плотная, невидимая атмосфера небольшой толщины, через которые не могли проникнуть предметы нового мира. Но по произволу делали нармисы эту атмосферу проницаемой в одной и еще более плотной в другой ее части.

Никого не встретив на лестницах, сошли нармисы с башни и очутились среди небольшого леса. Размашистым шагом подошло к ним чудовище с телом человека и со львиной головой. Пальцы рук чудовища были снабжены громадными ногтями. Несколько раз делало чудовище попытки укусить и ударить лапой нармисов, но каждый раз невидимая плотная атмосфера не позволяла ему дотронуться до тела нармиса. Глухо ворча отошло чудовище. Так же неуспешна была попытка напасть на нармисов гигантской змеи с головой тигра и нескольких других безобразных чудовищ, часть которых не имела ничего общего с обитателями земель, золотыми солнцами озаряемых. Вышли нармисы из леса и пошли по направлению к видневшемуся вдали городу. На дороге и немного в стороне от нее они увидели несколько сотен высоких стройных юношей с громадными черными крыльями за плечами. Эти юноши старались глубоко дышать, хватались руками за грудь и, по-видимому, задыхались. С удивлением спросили нармисы, что с ними?

Неохотно, со злобой отвечал один из них: «Разве вы не видите? Мы не хотели исполнять приказов Князей Тьмы, и они бросили нас в такую местность, где нет достаточного количества воздуха для дыхания. Мы постоянно задышаемся и мучаемся».

«Мы поможем вам», – сказали нармисы и подняли вверх свои руки. Тотчас же волны свежего воздуха хлынули в равнину и полной грудью вздохнули крылатые юноши.

«Кто вы? – спросили они нармисов. – Вы уйдете, а нас снова заставят задышаться».

Ответили нармисы: «Идите за нами».

Пошли за ними юноши, перешептываясь между собою. И скоро все вместе вошли в громадный город, все постройки которого были из разноцветного, сверкающего всеми цветами радуги прозрачного камня, напомнившего мне бриллианты земли.

«Это мы построили, и за то, что мы хотели иметь больше часов отдыха, нас заставили задыхаться».

Прозно нахмурились нармисы, а им навстречу спешат вооруженные булавами и одетые в сверкающие латы люди с гигантскими красноватыми крыльями за плечами.

«Это Князья Тьмы», – со страхом прошептали юноши. И на вопрос тех, почему они оказались в городе, ответили: «Нас освободили и привели сюда эти пришельцы в голубых туниках».

Едва взглянув на пришедших, Князья Тьмы подняли свои булавы и ударили ими нармисов. Но булавы скользнули по одежде. Обратный удар – и они оттолкнули Князей Тьмы так, что они были отброшены на десять шагов. Много Князей Тьмы появилось перед нармисами. Все они пытались напасть на нармисов и все потерпели неудачу.

«Кто вы?» – спросили они нармисов, а те ответили: «Мы будем разговаривать с теми, кому вы повинуетесь». И несколько темных Арлегов гигантов в блистающих латах стали перед Нармисами.

«Зачем вы хозяйничаете здесь?» – спрашивают они нармисов. – Уходите отсюда».

«У вас никто не нуждается в помощи?» – вопросом на вопрос отвечают нармисы.

«Это не ваше, а наше внутреннее дело», – говорят темные Арлеги.

«Мы боремся с теми, кто за гнет и неволю», – говорят Нармисы. – Хотите вы или нет, но вам придется отказаться от ваших рабовладельческих замашек, так как мы научим темных юношей, да и всех здесь живущих, не поддаваться вашей эксплуатации и насилию».

«Посмотрим», – сказали те и исчезли, а вместе с ними исчезли и Князья Тьмы.

Нармисы дали темным юношам неведомую до сих пор силу знания и сопротивление, и Князьям Тьмы пришлось отказаться от своей власти, а темные юноши отдали свои силы на то, чтобы высоко поднять мир животных своей планеты. И только тогда были побеждены темные Арлеги и Князья Тьмы, когда наладилась работа среди животных золотой планеты.

Тогда только улетели нармисы, а я, утомленный, снова на землю спустился и пришел к воротам монастыря.

«Кто вы, брат мой?» – спросил привратник, отворяя ворота. И мне оказалось незнакомо лицо его, но все же я ответил, что вернулся с богомолья и просил проводить меня к настоятелю. Незнаком был мне и настоятель, но я назвал ему себя и сказал, что, кажется, слишком много времени провел в отлучке, и многое переменялось в монастыре за мое отсутствие. Спросил меня настоятель, кто благословил меня на путешествие, и услышав имя своего предшественника, очень удивился, ответил, что действительно был такой, но умер много лет тому назад.

Призвал тогда настоятель самого старого монаха, никогда не покидавшего стен монастыря, и спросил его, назвав мое имя, не помнит ли он такого монаха? Долго думал старик и, наконец, вспомнил, что, когда он еще совсем молодым только что вступил в обитель, находился там монах, носивший такое имя и ушедший на богомолье, но он не вернулся обратно, и все решили, что он умер в дороге.

«Но, – прибавил монах, – тот был глубокий старик; ты же, брат, совсем юноша».

Попросил тогда настоятель, чтобы я расписался, и когда я сделал это, сверил мою подпись с подписью когда-то ушедшего на богомолье монаха, и подписи эти оказались неразличимы.

Тогда просил меня настоятель рассказать все, что произошло со мной, и поведал я ему все, здесь написанное. А когда я кончил, настоятель с глубоким сожалением посмотрел на меня и, покачив головой, сказал: «О, как я жалею тебя, брат мой, ведь ты сошел с ума». – Тем не менее он оставил меня при монастыре в качестве послушника.

39. ТРОН И РЫЦАРЬ ДЕ ЛЮНЕЛЬ

Грозный Трон долго думал об Эонах, оставляющих навсегда свои обители для помощи каким-то далеким существам. Он захотел попробовать подражать им.

Величавый и мощный вышел он из своих чертогов и через несколько шагов встретил темную Арлегину, куда-то спешившую. Достаточно было одного взгляда, и Трон понял, что она летела в мир, на землях сущий, для чего и приняла форму, отдаленно напоминающую форму светлой Арлегины. Трон не видел жен земли и не знал, что она облеклась в тело женщины. Трон решил издалека следовать за ней и стал невидимым.

Как молния упала темная Арлегина на одну из земель. Невдалеке от нее летел Трон, почти одновременно с нею на землю опустившийся.

Видит Трон, что около темной Арлегины собралась большая свита из существ, людей по виду напоминающих, но вместе с тем видит Трон, как пробивается у них через облик человека сущность лярвы, и чувство презрения охватило его.

Он увидел, что блестящий и богатый кортеж прекрасной дамы, состоящий из нескольких рыцарей, пажей, слуг и оруженосцев, окружил темную Арлегину и вошел через подъемный мост в ворота громадного замка. Достаточно было Трону взглянуть на то, что происходило перед ним, чтобы сразу понять взаимоотношения обитателей земли и прочесть мысли лярв.

Они шли в замок для того, чтобы погубить его владельца, рыцаря Раймонда де Люнель. Трон понял, что ему нужна помощь. Он посмотрел вверх и тотчас же одиннадцать Тронов явилось перед ним, и все сразу же поняли, что надо делать.

Через два часа после приезда в замок темной Арлегины снова звучал у его ворот призывный рог, и когда распахнулись ворота замка, рыцарь с тремя товарищами, четырьмя пажами и четырьмя слугами въехали во двор замка.

Все живущие в замке, кроме хозяина и уже приехавших гостей, высыпали во двор и любовались прекрасным вооружением рыцарей, красотой коней и богатством одежды слуг и пажей, осыпанных драгоценностями. А позади кавалькады четверка лошадей в прекрасной сбруе везла громадный воз, тщательно укутанный шкурами и выделанными кожами. В нем было много одежды, припасов, нагруженных дорогими вещами сундуков и оружия. Рыцари спешили и вместе с пажами пошли к крыльцу замка, где уже ожидал их Раймонд де Люнель.

Старший из приехавших рыцарей отрекомендовался рыцарем Храма Бертрамом де Ридерфордом и представил хозяину своих друзей и пажей. Раймонд де Люнель убедительно просил приехавших рыцарей располагать его замком, как своим собственным, кроме восточной половины его, занятой графиней де Ленорман.

На другой день по приезде Ридерфорд познакомился с капелланом замка, и тот рассказал ему, что, получив в наследство замок и имения своего отца, де Люнель приказал уменьшить собираемые с крестьян подати в десять раз и на десять лет отложил свою поездку в Палестину. За это время крестьяне разбогатели, и де Люнель, собираясь в поход на завоевание гроба Господня, берет с собой только сотню добровольно отправляющихся вместе с ним вассалов. Зато все они прекрасно вооружены и безмерно смелы. Отъезд в Палестину был назначен через месяц.

Владелец замка отдавал графине Ленорман чуть не все свое время, за исключением тех немногих часов, которые он должен был проводить с другими гостями.

Ридерфорд познакомился во время своих прогулок с кавалером, жившим недалеко от замка де Люнель. Кавалер жил вместе со своей дочерью и произвел прекрасное впечатление на рыцаря Ридерфорда. Он слышал, что графиня Ленорман умно и осторожно уговаривала де Люнеля потребовать от кавалера, чтобы он уехал из своего маленького замка, от своей земли и вассалов, доказывая, что принадлежащие ему земля и небольшой замок являются нераздельной частью имения де Люнель и должны отойти к нему, а так как де Люнель не нуждается в этом имении, то его можно продать и на деньги купить вооружение для новых крестоносцев.

Де Люнель не возражал графине, через несколько дней кавалер с дочерью покинули свой замок, и его заняли слуги де Люнеля, но Ридерфорд знал также, что кавалер получил от Люнеля лучший замок в свое распоряжение и добровольно оставил старое жилище.

Слышал Ридерфорд, что графиня убеждала де Люнеля обложить крестьян большими налогами, взять у них половину имущества, а у того, кто побогаче, то еще больше, и отдать собранные средства на дело завоевания гроба Господня. И снова не прекословил рыцарь де Люнель, а на другой день был большой шум в селениях, окружающих замок, и графиня думала, что ее совет был исполнен. На самом же деле окрестные крестьяне принимали у себя и угощали отправляющихся в Палестину. Слышал Ридерфорд, что графиня убеждала рыцаря на полгода отложить отъезд в Палестину, рассчитывая, что де Люнель останется во Франции и дольше, так как через полгода едва ли пойдут корабли с войсками на Восток, но рыцарь и здесь не спорил с дамой. Приготовления к скорому отъезду были как-будто оставлены, но эта работа шла поздно ночью...

Ридерфорд не спал. Он сидел в зале отведенного ему помещения, окруженный приехавшими с ним рыцарями, пажами и слугами. Все собравшиеся внимательно слушали разговор, который велся в комнатах, занятых графиней де Ленорман.

Со злобой она говорила: «Нам остается только одно – убить рыцаря. Он не поддался на мои просьбы: не выгнал кавалера с дочерью из их замка, не разорил крестьян податями, не отложил отъезда в Палестину. И здесь и там он очень опасен. Как убить его, не навлекая подозрения на нас?»

«О, это легко, – ответил один из приближенных графини, – постарайтесь, чтобы была устроена большая охота...

Ридерфорд и его окружающие быстро вышли из спальни.

«А на охоте мы сбросим его с коня прямо на кабана и, если кабан не убьет его, мы поможем кабану», – продолжал приближенный графини.

«Я...», – начала графиня, но ее слова прервались восклицанием ужаса. В комнате ее, прямо перед дверями, выходящими в коридор, лежал гигантский сфинкс, неподвижными глазами смотря на графиню и нетерпеливо царапая пол когтями передних лап. Графиня и ее свита бросились к другим дверям, но перед ними стоял призрачный рыцарь-гигант в доспехах, с угрозой поднявший меч, а за ним виднелись другие такие же рыцари.

«Что тебе надо, Трон?» – спросила графиня.

«Завтра же уезжай отсюда со свитой», – прозвучал ответ.

Одну минуту колебалась графиня, но, поглядев на своих явно растерявшихся рыцарей, ответила:

«Так будет, но я зову тебя и твоих на суд пэров».

«Явимся на суд», – ответил сфинкс, и рыцари и Трон исчезли.

На другой день к графине Ленорман прибыл гонец с каким-то важным для нее известием, и она со свитой, далеко провожаемая Раймондом де Люнель и его гостями, уехала из замка.

В назначенное время рыцарь де Люнель в сопровождении рыцарей, оруженосцев и простых воинов, отправился в Палестину.

В далях несказанных собрался суд высокий. Трон позвал трех мудрых Серафов как судей, трех сильнейших темных Арлегов позвала темная Арлегина и сурового джина Арана выбрали судьей председателем суда.

«Только силой принудил меня Трон уехать от Раймонда де Люнеля. Но не имел он права силу применять в споре о власти над ничтожным зверьком, человеком именуемым», – сказала темная Арлегина.

«Я не подумал бы удалить темную Арлегину, если бы она зло не замышляла», – ответил Трон.

«Какое зло? Я хотела помешать рыцарю ехать в Палестину убивать так называемых сарацин под тем нелепым предлогом, что в их владениях находится гроб Эона».

«Что скажешь Трон?» – спросили судьи.

«Я не помешал бы ей добиваться этой цели. Нет гроба воскресшего Эона. Нет пещеры, в которой бы лежало Тело Его. Нелепо было желание рыцаря идти убивать сарацин. Но темная Арлегина обидела старика-кавалера тем, что хотела унижить его».

«Мне не удалось», – ответила темная Арлегина.

«Арлегина хотела обидеть вассалов рыцаря», – продолжал Трон.

«Мне это не удалось», – снова произнесла темная Арлегина.

«Она старалась, чтобы де Люнель не ехал в Палестину, и за это я не был в претензии на нее. Только средства ее были плохи. Она хотела убить рыцаря и сговаривалась об этом со своими слугами, а я решил помешать ей и помешал убить рыцаря».

«Но де Люнель сам собирался ехать в Палестину со своими людьми, чтобы убивать и обижать людей».

«А я говорю: не должны джины силой вмешиваться в дела людей. Бессмыслицей станет в этом случае жизнь всех людей».

«Но лярвы все равно будут вмешиваться в их жизнь».

«Дикие звери и гады ядовитые будут причинять им вред, но из этого не следует, что мы людям вредить должны».

«Не о злодеянии, а о добродетели говорю я», – отвечала темная Арлегина..

«Плохо добро, плохими средствами творимое», – возразил Трон.

«Это в твоём космосе, а не в космосе людей».

«Вы дали нам возможность прочесть все помыслы ваши. Мы будем совещаться», – сказали судьи, и спустя некоторое время вынесли приговор: «Только Эоны могут безнаказанно вмешиваться в дела людей. Все остальные джины отвечают перед судом своего космоса за такое вмешательство. Всякий другой суд, и наш в том числе, не компетентен. Лучше будет, темная Арлегина, если ты откажешься от этого суда. К чему он тебе? Лучше будет, Трон, если ты сумеешь оказать большую услугу темной Арлегине, которая недовольна тобой. Суд окончен».

И судьи исчезли. Трон подошел к темной Арлегине, говоря, что он готов многое сделать для того, чтобы она не питала к нему злого чувства, а темная Арлегина сказала:

«Не в обычае у нас торговаться. Но большой соблазн в предложении твоём. Объясни мне в каких случаях можно по вашему обычаю других обижать для того, чтобы помочь кому-либо?»

Ответил Трон: «Охотно отвечу. Но предупреждаю: узнав то, что я скажу, ты за нас и с нами работать будешь».

Ответила темная Арлегина: «Я рискну на это. Ты еще более заинтересовал меня. К тому же, объясни мне – почему вы вмешиваетесь в чужие дела?»

«О, ты легко поймешь это».

Раймонд де Люнель, во главе своего отряда, смело сражался в Палестине с сарацинами. Скоро он увидел то, что называлось Гробом Господним – плиту, вделанную в пол здания. И перед ним промелькнул образ графини де Ленорман, настойчиво просивший его внимательно осмотреть гроб Господень для того, чтобы по возвращении подробно описать его. Она высказывала разные предположения о виде этого гроба, о свете, из него льющемся, а теперь... Рыцарь видел простую мраморную, очевидно, новую доску.

«Нет никакого гроба», – подумал он.

Он не делился своими мыслями с окружающими, но видел разочарование, недоумение, а порою испуг и гнев, отражавшиеся на грозных лицах суровых рыцарей, смотревших на эту, очевидно недавно сделанную плиту. Через несколько дней его отряд вместе с немногими отрядами других рыцарей натолкнулся на превосходящие их силы сарацин. Рыцари отступили, но он с тремя товарищами врубился в ряды мусульман и все дальше и дальше продвигался вперед, пока три сарацина одновременно не ударили его тяжелыми булавами, и он упал с коня с переломанной ключицей. Падая, он сломал себе ногу. Вовремя подоспевший отряд рыцарей разбил врага и позволил ему избежать смерти или плена. Сначала он был перевезен в город, стоящий на морском берегу, а оттуда уехал в свой замок во Францию.

За время болезни он постоянно вспоминал графиню де Ленорман, и ему казалось в лихорадочном бреду, что его посещала похожая на графиню темная Арлегина, которая как-то отождествлялась им с графиней. Удивительно ясно вспоминал он в бреду, что, упав с коня, услышал боевой клич рыцарей Храма и вскоре увидел лицо скончившегося перед ним рыцаря Бертрана де Ридерфорда.

Радостно встретили возвратившегося рыцаря его вассалы. Он повел прежнюю жизнь и употребил все усилия для того, чтобы узнать, где находится графиня де Ленорман. Вскоре он узнал, что она умерла. Рыцарь съездил на ее могилу и горячо молился о спасении ее души. И чем больше он молился, тем светлее становилась темная Арлегина.

Де Люнель вел почти суровую жизнь. При нем находились немногие слуги, и только когда в замок приезжали гости, он становился любезным хозяином, да и то проводил с гостями столько времени, сколько необходимо было, чтобы гости не были обижены невнимательностью владельца замка.

Де Люнеля нередко посещали сомнения. Ведь не было Гроба Господня, за который он сражался. Существовал ли сам Христос, или рассказы о нем такая же легенда, как рассказы древних греков об их богах? Де Люнель решился обратиться к волшебству для того, чтобы разрешились его сомнения. Он издалека привез в свой замок знаменитую колдунью и потребовал, чтобы она вызвала покойную графиню Ленорман.

Трижды колдунья вызывала покойную Ленорман (поскольку та не являлась), впадая в вещий, по ее словам, сон и требуя, чтобы рыцарь задавал ей вопросы, и тогда графиня будет говорить ее устами. Де Люнель не хотел таких разговоров. Он хотел видеть покойную, хотел сам говорить с ней.

На четвертый вечер около десяти часов вечера, де Люнель сидел один в том покое, где жил раньше Ридерфорд, и думал о графине и своих сомнениях. Вдруг он увидел ее в трех шагах от себя. Он встал, протянул к ней обе руки, пошатнулся, чуть не упав на пол, но силой воли поддержал себя и обратился к призраку с просьбой разъяснить сомнения, его одолевшие.

Темная Арлегина ответила ему, что Эон был на Земле, что его явное учение с некоторыми вставками его дальних учеников и странными прибавками записано в Евангелиях. А Его тайное учение, доверенное лишь близким ученикам, хранится ныне в Храме, и что де Люнель может его узнать. Она дала ему совет быть милосердным к слабым соседям, еще сильнее улучшить быт вилланов и опять советовала ему не ехать в Палестину, так как там не было никакого Гроба Господня. Она говорила ему, что и во Франции он может много добра сделать, что и здесь придется ему с темными и злыми эманациями бороться с рыцарской неуклонностью...

Темная Арлегина исчезла. Рыцарь не пошел к колдунье, которая готовилась снова вызывать графиню, однако наградил ее и отправил к себе назад.

После этого де Люнель познакомился с Храмовниками, узнал их учение и статуи, низший и высший. Он еще внимательнее стал относиться к своим подданным, и, будучи монахом-рыцарем, взял на воспитание сироту-юношу, которого вырастил как доблестного рыцаря. Очень скромно жил де Люнель, но его столовая всегда была открыта для бедных рыцарей, и щедро раздавалась милостыня у ворот его замка. Он отдал много накопленных его предками сокровищ на госпитали и щедро помогал ученым того времени. Прожив свою жизнь без страха и упрека, он наконец почувствовал возле себя веяние крыл ангела Смерти. Он увидел около своего ложа двенадцать призрачных рыцарей во главе с Троном и темную Арлегину. Протянул к ним свои руки рыцарь и... умер.

Темная Арлегина, двенадцать рыцарей, Трон и рыцарь де Люнель предстали перед верховным судом. И единогласно был допущен к высшим мистериям дух рыцаря де Люнеля. А когда вынесен был приговор этот, услышали собравшиеся громовой клич, мимо пролетавших змеевидных:

«Слава рыцарю Люнелю!»

И остался рыцарь гостить между своими до нового появления на Земле.

Дошла весть обо всем рассказанном до тех, кто в первый приезд графини вместе с нею посетил де Люнеля. Послали они весть к нему, говоря, что хотят белыми ангелами стать, а потом и выше подняться. И де Люнель помог им достигнуть желаемого.

Пришло время, и снова спустился де Люнель на Землю, и темная Арлегина пошла одновременно с ним, и встретились они на земле.

Рука об руку идут они по жизненному пути, и далек еще закат их земной жизни, потому что много было дано де Люнелю в верхах и много с него, хотя и другим теперь именем называемого, спросится. Ибо тот, кто второй раз сошел на Землю, в тысячу раз более должен сделать, чем в первый раз на нее вступивший.

А ты? Первый или второй раз на Земле?

40. О СПЯЩЕЙ ДУШЕ

Наступили времена и потухли все солнца. В темную безжизненную массу превратились они и души планет. Души всех солнц преобразились в нечто инертное. Конечно, не исчезли эти души, но заснули они сном непробудным, как бы в потенциальном состоянии находясь. И долго так спать могли они, почти целую вечность.

Но не спали духи, выше космосов земель находящиеся, не спали Леги, Арлеги, и другие духи. Все ступени Золотой Лестницы заняты были бодрствующими духами.

И ужаснулись Серафы, видя, как спят души солнц и планет. Призвали они на совет Херубов, и решено было пробудить спящие души. Для этого бросили Херубы ходящие между туманностями и их организующие луны на земли, и возгорелся огонь от толчка, но продолжали спать души. Тогда кидают они земли на солнца, другие луны на планеты, а их на солнца. Страшный нагрев от удара происходит, горит огонь великий, но души спят...

Швыряют Начала кометы, Леги – космическую пыль, но все мало, все напрасно... Не пробуждаются души, в потенциальном состоянии находящиеся.

И духи, видя, что не могут они справиться со своей задачей, призывают на помощь духов Силы. И приходят духи Силы на помощь, и кидают они друг на друга ближайшие солнца, а Димиург со страшной мощью бросает туда же далекие солнца. И тогда от страшной, невероятной силы толчка, оживает мертвая душа.

Новые белые солнца загораются, числом двенадцать. И, желая жизнь вокруг них создать, отрывают духи Силы от них куски и бросают их, как гигантские огненные планеты, планеты ультра-ультра синего и инфракрасного огня, планеты, всеми цветами радуги сияющие. А чтобы населить эти миры живыми существами, бросает в них Димиург разнообразные виды саламандр, колонии медуз, в огне живущих. Бесконечно их разнообразие, и ничего общего не имеют они с теми саламандрами, о которых в средневековых легендах говорится – эти гораздо могучее, красочнее и прекраснее.

Приносит Димиург на эти планеты семена растений, красной, синей и прочих цветов листвы, особыми свойствами обладающей: она поглощает огонь и выделяет аэр – нечто вроде воздуха. Прилетают на эти планеты Ра души Эонов Мудрости, в своем восхождении к Великому Богу через своды Храма прошедшие и новый круг восхождения к всесовершенству, еще более прекрасный круг начинающие. И ухаживают они нежно и заботливо за растениями и животными, в огненной атмосфере живущими. Стараются они поднять и воспитать их души. Да не знают те зла и добра, а только безразличие. А сами Ра полны радостным светом. Но как призвать душу огням и камням? Как дать знать им, не рождавшим и не питавшим, понятие различия добра и зла? Ведь они не реагируют на призыв о помощи. Не зло ли такое безразличие? Как бороться с ним?

И много планов духи придумывают, но все отвергают и обсуждают только один: не призвать ли высших духов Стихий, с которыми Элоим Низа покинул Вселенную? Они-то сумеют внедрить душу в огонь и камни. Но встречаются возражения: хорошо ли, если такая душа будет внедрена?

И решают Ра полететь на другие планеты, вокруг солнца расположенные. Но там они находят то же, что и у них, хотя отчасти и не то. Зато убеждаются, что больше не узнают, чем сами знают. Но вот перед ними гигантское солнце и его одна гигантская планета. Встречают они на ней своеобразных, в тела облекшихся Эонов Мудрости. И странным им кажется: видят они Эонов Мудрости таких же, как они сами, и, вместе с тем, каких-то других. Как будто вместе должны были они идти, и вспоминают, как раньше вместе шли, но не помнят их в Храме. И спрашивают, в чем тут дело?

Отвечают те: «Не вошли мы под своды. Что-то удержало нас – сами не знаем, что. Думали – недостойны. И вот мы здесь. Долго искали причину – почему явилась эта мысль и удержала нас? Наши сказки говорят о нашем темном происхождении, но эти легенды не точные – аллегории...»

Говорят им пришедшие: «Нет! В них блеск Истины. Это не отражение снов и не отражение фантазий. Нам понятны они. Вы именно те, которые второй раз из начального Хаоса поднялись. Вы – бывшие темные Арлеги, своим путем идущие. Отказом подняться под своды вы только выиграли. Как и мы идете, и чудится нам, что выше нас. Но где ваши растения, где ваши животные? Что с камнями и землею стало? Везде только огонь».

И отвечают Эоны Мудрости, на планете живущие: «Мы животных и растения нам подобными сделали. Вот этот Эон, который рядом с тобою стоит, был раньше растением, а теперь ничем от меня не отличается. А вот тот, что был саламандрой, и он не ниже никого из нас, всем равен, только происхождение разное».

«А камни?»

«Они огнями стали».

«Но кто же и как это сделал? Вы сами?»

«Нет, это по нашей просьбе Димиург сделал, и он с нами идет теперь».

«Куда же? Вы представляете себе, что есть нечто Высшее?»

«О, да! Неизмеримо высшее, ибо нет предела подъему. И Димиург особенно рвется туда, и нас зовет, и нам о пути странном и страшном рассказывает».

И видят они, как летят Леги и Арлеги, а там выше другие духи, более высокие. Это как бы отлет всех духов из их бесконечности. Обращаются к ним прилетающие духи и говорят:

«Зачем вам здесь оставаться, идите с нами, ибо летим мы в далекую бесконечность, чтобы творить там, так как здесь наша работа уже закончена».

Решили Эоны Мудрости послать гонцов-вестников в ту бесконечность вместе с отлетающими духами, чтобы узнать, что там, и нужна ли их работа? Полетели вестники, вернулись и рассказывают, что нет там материи во всей вселенной и нет возможности воплотиться духам.

Тогда, закончив работы в своей бесконечности, полетели туда Эоны Мудрости. И видят, что нечем строить свое восхождение вверх, не на что опереться, так как нет материи в бесконечности. Нет ничего, только эманации миров отрицательных. Решили они тогда поднять эту бесконечность – один из миров отрицательных, и работать над его подъемом. И успешно пошла их работа.

Явился Димиург в пределы этой бесконечности и говорит Эонам Мудрости: «Напрасно связали вы себя с мирами отрицательными, этим вы свой собственный подъем задержите. Целую вечность придется вам пребывать здесь с ними, пока не поднимете их к высотам. Напрасно обосновали вы свою работу на субстанции космосов отрицательных».

«Но как же можно было иначе поступить? – спрашивают Эоны. – Как можно было бы иначе дать понять разницу между тьмой и светом, добром и злом?»

Отвечает Димиург: «Можно было дать это понять в представлении, воображении сделать различие добра и зла, материальности и духовности».

И задумались Эоны.

Говорят Эоны Любви: «Нет, не ошиблись мы. Ибо так раскрывается перед нами возможность величайшей жертвы, проявление высочайшей любви. Мы поднимем

своей жертвой эти существа, и не считаем мы потерянной ту вечность, которую придется нам работать над ними».

И говорят Эоны Мудрости: «Правы Эоны Любви, а мы со своей стороны постараемся влить мудрость в их работу».

А Эоны Воли прибавляют: «Мы же все силы свои положим, чтобы не осталось это в возможности, но в действительность претворилось».

41. СЛЕЗЫ САТАНЫ

(I-я легенда)

Прилетели в Темное Царство лярвы с Земли и стали жаловаться: «Бесполезна наша деятельность на Земле: слишком чисты и духовны атланты – не соблазняют их наши миражи, а если мы в сношение с ними войти пытаемся, то сажают они нас в машины и рабами своими делают, заставляют работать на себя. Среди гиперборейцев и других тоже бесполезна работа: слишком мало в них воспринимающего зло начала. Не знают они собственности ни на товары, ни на жизнь людей. Никого не удается переделать на наш лад. Живут люди по-братски, всем один с другим делятся, и все друг другу помогают. Полное отсутствие обид и насилия. И пусты наши обители – никого с земли не можем мы привести туда».

Отвечают им темные Леги: «Возвращайтесь на землю и соблазняйте людей богатством. В богатстве сумеете создать неравенство благосостояний: тотчас же зависть и вражда вспыхнут, и легко будет вам уловить людей в свои сети».

Вопль восторга раздался среди лярв, воскликнули они: «Как прост и как умен ваш совет! Нашими теперь станут люди, и наполнятся ими наши обители».

Полетели лярвы на землю, но вскоре печальные вернулись обратно: «Полная неудача постигла нас. И так безмерно богаты атланты, все их потребности без того удовлетворяются. Они довольствуются тем, что имеют. Смеются над нашими соблазнами особой роскошью, о чем-то более важном думают. Правда, у гиперборейцев немногие потянулись к богатству, но только самые пустые, самые последние люди, а это единицы, о которых не стоит и говорить. Зато у тех, кто не заинтересовался им, у массы сильнее расцвела солидарность. И весь результат нашей работы – это два три ненормальных скупца».

Сказали тогда Князья Тьмы: «Богатством не удалось соблазнить людей, попробуйте соблазнить их властью. Заманчива власть над себе подобными, не сумеют противостоять ей люди».

Опять восторженно воскликнули лярвы: «Как хорошо, как умно вы советуете, так и сделаем».

Вновь улетели и вновь скоро вернулись, говоря: «Еще хуже стало для нас на земле: не поддаются люди соблазнам власти. Правда, несколько больше обид и злобы стало среди гиперборейцев, но это пустяки. Ради нескольких десятков ссорящихся не стоит работать, а для массы результат обратный, чем мы ожидали, получился. Сильнее люди теперь о Царстве Солнца мечтают. Кто был холоден – стал горяч, кто вначале безразлично к власти относился, стал теперь активным борцом против нее и резко свернул на путь добра. Какими великолепными вначале ваши советы казались и как неудачны оказались они!»

Отвечают темные Леги и Князья Тьмы: «Одно остается – к Сатане обратиться, только он сможет тут что-нибудь посоветовать. Но время неудачное, страшно к нему идти. Плачет сейчас Сатана...»

«Как плачет?»

«Да, плачет Сатана, весь свет из темных Легов выпивший, и не может успокоиться, так как не удался его поход. его попытка Печать Окультиного Молчания сорвать. Но вот что мы вам советуем: возьмите золотые чаши и соберите в них слезы, которые из глаз Сатаны каплют...»

Тотчас же часть лярв начала собирать слезы Сатаны в чаши.

Другие же спрашивают: «Мы, конечно, повинемся, но к чему это, к чему нам его слезы?»

Отвечают темные Леги и Князя Тьмы: «Не знаем, зачем, но могут понадобиться, ведь это слезы Сатаны».

В это время какая-то безобразная и безобразная Тень среди них появилась – необычайно жуткая, неизвестно какой бездной порожденная. Отображение, отблеск чего-то более страшного, чем Дракон. Шарахнулись и далеко отлетели от нее темные Леги и Князя Тьмы, и только ничего не понимающие лярвы стоять остались.

Сказала Тень глупым лярвам: «Соберите эти слезы и вылейте их на виноградники, на поля хлебом и болота рисом засеянные, вылейте их и на плодовые деревья».

Видя, что спокойно разговаривает Тень с лярвами, приблизились темные Леги и Князя тьмы и стали слушать. А рядом возникла новая безобразная Тень, еще безобразнее и ужаснее первой, что-то сверх-дракона напоминающая, и говорит она:

«Не забудьте грибы-мухоморы, индийскую коноплю, из которой гашиш делают, и мак, из которого опиум получают. На них вылейте вы слезы Сатаны».

Раздается вой и визг лярв: «К чему это?»

И третья Тень появилась, еще более безобразная, такая безобразная, что не улавливались ее границы. Еще свирепее и ужаснее, чем первые две, была она.

Сказала Тень: «Виноград, хлеб, плоды получают от слез новые свойства, в вино преобразясь, и когда примет его в себя человек, то слезы Сатаны в тело проникнут, с душой соприкоснутся и вам людей во власть отдадут. Мухомор раздвоение человека вызовет, и одна половина его вашей будет. Гашиш красоту неведомую, но призрачную, людям покажет, а опиум разрозненные видения нездешних миров даст».

Темные Леги и Князя Тьмы шепчут: «В чем тут дело?»

И звучит тихий ответ Безобразных: «Ведь это его слезы! При известных условиях они войдут в людей. Но, войдя и с душой соприкоснувшись, будут рваться назад к нему, и опять с его взором сольются. А он далеко за пределы своей бесконечности видит, и в слезах его с прорывами далекие миры отражаются. И раз увидев то, что там отражается, все больше и больше они видеть захотят. Люди в обрывках и отрывках тех далеких миров жить будут, слезы Сатаны вобрав в себя. И масса жизненных сил уйдет туда, в миры далекие, а здесь меньше сил у людей останется, и легче они вам подчинятся. Не хватит сил на добро, отравленными почувствуют себя люди, но не будут знать, что это слезами Сатаны вызвано. И столько жизненной силы уйдет на жизнь с призраками далекими, что не хватит сил на верха подняться у усталых. Там, на землях истощат они себя грезами бесплодными».

Раздаются торжествующие клики темных Легов и Князей Тьмы.

Тогда говорят Тени: «А вы радуетесь, негодяи, ослаблению жертв!»

И свищут бичи кровавые, но не трогают лярв, которые с полными слез чашами на землю бросились. Взвыли лярвы, плачут от боли.

Темные Леги кричат: «Ведь вы сами учили нас!»

На Князей Тьмы падают страшные удары кровавых бичей, но они не плачут, пытаются броситься на Тени, а когда это не удастся, кричат:

«Сатана! Сатана! Сатана!»

Встрепенулся Сатана, зов Князей Тьмы услышав, перестал плакать, и когда увидел, что Тени в Царстве хозяйничают, раздался его грозный клич: «Опять вы здесь проклятые проклятыми! Я знаю вас! Прочь отсюда!»

И кинулся на них с мириадами Светозарных, очутившихся около него. Бегут три Тени безобразные и глумливо кричат издалека: «Мы лучше, чем ты, научили, и на твою голову будут падать горячие слезы твои, о, Сатана!»

Хочет Сатана броситься в погоню за лярвами, отобрать у них чаши со своими слезами, но мириады темных Арлегов, Князей Тьмы, темных Легов стеною преграждают ему дорогу. И рассеивает всех движением руки Сатана, но кричат ему духи:

«Хуже для нас ничего не будет, а, быть может, к лучшему ослабление людей! Быть может, забудут они о Золотой Лестнице, твои слезы поглощая!»

Остановился Сатана и думает, думает мирну лет земных. По истечении мирны лет поднял голову Сатана и говорит тому, кто с ним неразрывно связан:

«Не растения, а прямо души человеческие моими слезами надо полить, и, когда ко мне слезы поднимутся, они и души должны принести с собою. И я вдохну в них забвение Его и ненависть к мысли о Нем. И пусть они идут тогда в новые обители для нового воплощения».

Но Эоны, услышав эти слова, ринулись на земли вселенной и чаши многоцветные, которые хотел Сатана своими слезами наполнить, наполнили кровью Своей жертвенной. И кровь эта переполнила многоцветные сосуды Земли, и не осталось места в них для слез Сатаны. И те, кто не спаслись непосредственным общением с кровью Эонов, ее эманациями спасены были в мирах параллельных...

Говорит Сатана Сатанаилу:

«Перемешались в подвластных мне мирах сыны Царства Темного и сыны царства грязного. Бессильными оказались все мои попытки разделить их. В этом беспорядочном смешении уже я сам с трудом различаю их».

Отвечает Сатанаил: «Пойдем к Серафам. Там в космосе мистических солнц вопросим извечную мудрость Эона».

«Но ведь это означает полный наш отказ от прежних устремлений! – говорит Сатана. – Боюсь, растворится наша индивидуальность в лучах, от Эонов исходящих. Неизвестно, вознаградит ли нас полученное за эту потерю».

«Так что же, – возражает Сатанаил, – неужели мы будем страшиться этого? Ведь бесплоден наш союз, и с каждым новым тысячелетием редееет наше воинство. Скоро мы окажемся в полном одиночестве. Уже не удовлетворяют меня полеты в низы и подъем живущих в них существ к верхам. Хочется самому вверх подняться. Лучше неизвестность, чем замкнутый круг. Летим!»

«Летим!»

И оба друга, развернув свои крылья, подобно черному вихрю взметнулись в верха. Подлетают они к Космосу Серафов.

«Куда?» – спрашивают те.

«К Эонам на солнца», – отвечают те.

«Не пролететь вам. Ослепит вас блеск благодати, на солнца разлитый, не вынесет ее ваш взор. Даже мы не дерзаем смотреть на них».

И слышится гордый ответ Сатаны: «Не было случая, чтобы бросал я раз начатое. Пропустите!»

Расступились Змеевидные, но один из них с грустью сказал: «Смирись, неразумный брат. Не так подходят к постижению извечных Тайн».

«Только перед Великим склонюсь я, – отвечает Сатана, – а, впрочем, неизвестно, существует ли Он».

Сатанаил же во время разговора молчал, устремив вдаль свои взоры. И, рассекая своими крыльями эфир первозданный, продолжали свой путь Сатанаил и Сатана. Сейчас же смыкалось за ними пройденное пространство; полет их не оставлял следа, и медленно вздымал вокруг них свои валы беспредельный Океан одухотворенной материи. Несказанно долго летели они, и засверкал перед ними космос солнц мистических. И видя предел полету своему, собрали остаток сил своих смелые духи, и подобно молнии зигзагообразной ринулись к верхам. Но были задержаны они преградой непонятной, состоящей из едва заметных серебристых нитей, между собой переплетенных.

Поднял свой меч Сатанаил, взмахнул своей булавой Сатана, и разом ударили они. Но хотя силен был их размах, легче пушинки опустились меч и булава на нити серебристые. И второй и третий раз ударили они со всем напряжением сил своих. И почувствовали, что исчезла их мощь, непосильным оказалось для них привычное оружие: даже поднять его для четвертого удара не смогут они.

Недоуменно, не зная, что делать, стояли они перед преградой странной и вдруг увидели, что ее нет, а невдалеке от них стоит Эон. Не смотрит он на них, углубленный в думы свои. С невольным трепетом взирают на него мощные духи и не могут

осознать, что переживают они эти мгновения. Забыта ими цель, ради которой совершили они полет свой, нет у них вопросов к Нему. Ощущается всеми доступными им чувствами страшная непостижимость всего сущего, тишина безмолвная. Словно замерла жизнь во всех космических и сверхкосмических пределах. И только лаской, теплом и светом тихим сияющий луч, пронизывая сокровенные глубины, омывают их душу.

И не могли Сатанаил и Сатана сказать – мгновение ли миновало, мирна лет ли прошла, пока они были в таком состоянии. Вот, опустив свою голову на могучую грудь, глубоко вздохнул Сатанаил, казалось, хотел он вобрать в себя всю благодать, которую мог дать ему Эон, и будучи не в силах удержать ее в себе с болью и грустью отдалил в дыхании своем. Содрогнулись миры. Затрепетало в них все живущее, когда донеслось до них дуновение вдоха этого; безобразной и скупой показалась им жизнь их и, не зная как изменить ее, охвачены они были томительным порывом к верхам далеким. В тоске невыносимой изнывали они. А Сатана стоял неподвижно, по-прежнему гордо смотря на Эона.

Поднял Эон взоры свои и взглянул на Сатану. Почувствовал тот, что исчезает в бездонной глубине Божественных очей. Льется на него тихий свет благодати, и сознает он всю мелочность своей гордыни, все ничтожество потуг своих, так красиво заманчивых прежде, перед тихой мудростью, тихой любовью озаренной.

Хочет отвести свои взоры Сатана и не в силах. Медленно опускает их и тихо говорит: «Довольно! Не смотри больше».

Исчез Эон. И снова опустилась перед ними преграда из серебристых нитей.

Ни слова не говоря друг другу, медленно, словно с сожалением отлетают духи обратно. Когда же пролетели они орос, космос Сатаны от космоса Сераффов отделяющий, спросил Сатана Сатанаила:

«О чем был вздох твой?»

«О потерянных возможностях, – отвечает тот. – А ты что видел?»

«Не спрашивай... может быть лучше сделал ты, склонившись перед Ним...»

И расстались Сатана и Сатанаил.

Когда же прибыл Сатана в царство свое, не сразу узнали его подвластные ему. Им чудилось в нем что-то новое, что делало его непохожим на прежнего владыку и господина. Но прошло время и потянулись к нему Темные, ибо светом новым, мрак их миров рассеивающим, светил он. И отбросили они от себя, ставших противными им лярв, уродливыми телами своими облепивших их, и стали против них ратью грозной и воинственной. А лярвы бежали в болота туманные, за воротами ада расположенные, и была положена грань непроходимая между Темными и грязными.

Шло время, и созвал Сатана подвластных ему и сказал им:

«Братья, миллионы веков были мы неразрывно связаны с теми, кто ныне нам отвращение внушает. Не может остаться бесследной эта грязь. Неужели мы к верхам пробьемся, их в низах безысходных оставляя? Поднимем их до себя, пусть равными нам войдут они в ряды наши, и укрепится тогда наш космос мощью непоколебимо...»

Не успел он кончить слов своих, как вдали робкой и нестройной толпой показались лярвы. Униженно кланяясь, приблизились они к Сатане и просили у него помощи.

«С тех пор, как прогнали вы нас, – говорили они, – хотя и не ведаем в чем наша вина, решили мы усилить свою работу на землях. Этим думаем мы искупить наш проступок, так как был он, иначе не были бы мы изгнаны. Но бесплодной оказалась наша деятельность. Новое встретили мы в людях, новое, с чем не знаем как бороться. Сила неведомая влечет их к верхам, и никакие соблазны жизни земной уже не привлекают их. И вот, ныне обращаемся к тебе с просьбой: помоги нам, ибо отпадут от нас все земли, и царство твое лишится лучшей своей части».

Услышав слова эти, возмущился духом Сатана. Познал он, как далеки от понимания того, что он хотел им открыть, эти жалкие, слепые создания, лярвами называемые, и скорбь за них с небывалой силой охватила его. Мысленно проник он в их будучность и ужаснулся ею. И полились из глаз его слезы тоски за них, скорби смер-

тельной. Потому плакал Сатана, что впервые осознал он свое бессилие помочь другим подняться, ибо до сего времени только о своем подъеме думал он.

Увидев слезы его, радостно воскликнули лярвы. Вспомнили они, как некогда так же плакал он, и, собрав слезы его и вылив на растения земель, одурманили они людей призраками лживыми, мечтами несбыточными. Как и тогда, подставили лярвы свои золотые чаши и, наполнив их слезами Сатаны, понесли их на земли и пролили их на моря, реки, озера и ручьи, на всякое водное начало на землях сущее. И вошли они в тела людей, чтобы пребыванием своим в них усилить действие слез Сатаны.

И томила людей жажда, и пили они воду со слезами смешанную. Но взор Эона, коснувшись очей Сатаны, отразился в них, и слезы, которые пролились, были чистыми, как слезы младенца.

Почувствовали лярвы, что совершенно иное получается из того, что задумано ими. Не только не исчезли в людях порывы к верхам, но усилились они любовным отношением людей к подобным им и к низшим, нежели они. И еще более странное явление познали лярвы – не остались без следа и для них слезы Сатаны. Впервые смутно в них зашевелилось сознание ненужности и некрасивости их поступков, и что-то вроде стыда за прошлое испытали они...

Очнулся Сатана и, оглядевшись вокруг, увидел, что нет лярв. Сказали ему с ним бывшие о том, куда направились они, и Сатана, покинув царство свое, полетел к тому, с кем связан был связью неразрывной.

«Брат, – обратился он к Сатанаилу, – единственный раз в жизни постиг я добро и захотел его совершить, и зло, худшее, чем раньше, получилось из этого. Дай совет, помощи, ибо нет мне больше возможности прежним путем идти».

Ласково улыбнулся Сатанаил, и указывая в даль несказанную, произнес: «Смотри».

Увидел Сатана нескончаемую вереницу светлых духов вверх поднимающуюся и донеслось до него их гармоническое пение.

«Кто это?» – спросил Сатана.

«Это те, – отвечал Сатанаил, – которые некогда лярвами были, и которые, вылив слезы твои, благодатью Света тихого прониклись. Они покинули людей и, опустившись в Хаос, поднимаются по ступеням Золотой Лестницы... Слышишь, – это моление их Элоиму о тебе!»

42. ЭЛЬФЫ

Один из Сатанаилов сошел на землю и облекся в тело человека. Проходя среди людей, спрашивал, кто из них самый мудрый? И единогласно отвечали люди: «Нет никого мудрее Роланда».

Отправился к нему Сатанаил и спрашивает его: «Скажи, почему люди тебя мудрейшим считают?»

Отвечает Роланд: «Должно быть потому, что я утверждаю, что нет Того, кого люди Богом называют, как нет и того, кого они дьяволом зовут!»

«Ты хочешь сказать, что и тот и другой не имеют отношения к людям, и неверно их люди понимают?»

«Нет, я хочу сказать, что они не существуют».

«Разве можно доказать это отрицательное положение?»

«Пока не будет попыток научно доказать, что Бог существует – оно и не нуждается в доказательствах».

«Только очень простые истины и полу-истины можно доказать так, как ты говоришь. Но если хочешь, я покажу тебе Бога. Я усыплю твоё тело, разлучу твоё тело с душой».

«Это не гипнотическое внушение?»

«Нет».

«В таком случае, я согласен».

Сатанаил усыпил Роланда и унес его душу на расстояние, в декалионы декалионов раз превышающее то количество миль, которое отделяет Землю от отдаленнейшей из звезд. И душа получила там способность видеть еще большие расстояния. И увидела отблеск высшей силы и разума. Исчезла Земля из сферы ее ощущений и души души:

«Существует отблеск верховный, хотя я и не постигаю его. Но существует ли Земля? Ее не видно. Она в громадное число раз меньше пылинки. Говоря относительно – ее вовсе нет».

«Относительно или безотносительно – она есть, – прозвучал голос Сатанаила. – Смотри, я усилию твое зрение. Не светится ли эта пылинка?»

Посмотрела душа мудреца, куда ей сказал Сатанаил, и говорит: «Да, она светится. И свет ее багряный».

И сделал Сатанаил так, что сотни миллионов лет промелькнули одним мгновением перед душой. И спрашивает он: «А теперь как светится Земля?»

Отвечает душа: «У нее теперь изумрудный цвет, цвет надежды».

И снова, как кратное мгновение промчались для души миллионы миллионов лет. И звучит опять голос Сатанаила: «Смотри теперь».

Говорит душа Роланда: «Она мчится к нам и свет ее голубой».

«Сойди на нее, когда она будет возле тебя, – сказал Сатанаил. – Я преобразу твоё тело так, что оно не будет чуждым телом новой, голубым светом овеванной Земли. Или ты хочешь на Землю, подобную старой бесконечности сойти?»

«Хочу на новой, обновленной Земле быть, – отвечает Роланд, – на той, которая к нам несется».

И спускается мудрец на новую, неведомую для него Землю. По дороге он встречает отряд могучих духов, оживленно между собой разговаривающих о чем-то. Тщетно прислушивается он к ним, стараясь понять, что их интересует, но ничего не может разобрать. Ниже опускается он и встречает другой отряд таких же светлых духов, но менее могучих. И воспринимает он, не слыша, а какой-то частью своей сущности, что смятение среди них, и о чем то сильно недоумевают они. Но не в силах понять, что их волнует и о чем их недоумения. Еще ниже спускается мудрец и встречается почти у самой Земли с третьим отрядом светлых, как и первые, но менее сильных духов. Видит он, что страшно возбуждены эти духи. Различает отдельные мысли, которыми они обмениваются и слышит:

«На Земле застой. Мы все испробовали, чтобы поднять к верхам ее обитателей – но все бесполезно. Не знаем, что делать!»

Обращаются светлые к мудрецу и говорят ему: «Ты сходишь на Землю. Посмотри, может быть тебе как-нибудь пробудить у ее обитателей стремление ввысь. Попробуй что-либо сделать!»

И, напутствуемый этими словами, мудрец сошел на Землю.

Видит он, что плоской и ровной стала Земля. Исчезли горы, засыпаны пропасти, нет ни возвышенностей, ни впадин. Обмелел океан, и медленно катят реки в неглубокие моря спокойные воды. Сплошным садом кажется ему Земля. Всюду, куда ни глянет он, насколько хватает его взор, видит лишь цветы и рощицы небольшими ставших деревьев. Цветы не неподвижны. То парами, то соединяясь в букеты и гирлянды передвигаются они с места на место и ведут между собой тихий, молчаливый разговор. И спокойной и красочной кажется их жизнь. Но это только видимость. На самом деле между растениями происходит страшная, беспощадная борьба за существование. Сильнейшие заглушают или вытесняют слабых, отнимая у них нужные для питания соки земли или лишая их света солнца. Буки приближаются к дубам и, вставая в них, расщепляют их пополам. И в этой упорной борьбе за пищу, за место, нет и тени жалости или сострадания. Нет также и мысли о будущем, о будущей жизни. Знают цветы, что есть Бог, но их Бог – это роскошный гигантский цветок, недоступный для других, на горе живущий. У него есть жена и сын. Это также цветы, меньшие, чем Бог, но неизмеримо высшие, чем обычные цветы.

И сын некогда сходил с горы и проповедовал учение любви к себе подобным, но

не восприняли это учение цветы и забыли его за исключением небольшой группы цветов, придерживающихся и хранящих его втайне.

Стал мудрец пальмой и, как растение жил между себе подобными. Задумался, почему происходит такая ужасная борьба между обитателями Земли? И решил, что слишком много цветов на Земле и потомков их, и слишком мало места и пищи для всех. Те, кто уже окрепли и сильны, занимают лучшие места, а остальные принуждены жить в тесноте, оттого происходит гибель потенциальных форм. Будет время, когда солнце приблизится к Земле, и тогда в его животворящих лучах легче станет жить для слабых и немощных. Но когда-то это еще будет. А теперь надо сейчас же изменить жизнь, чтобы всем можно было бы жить.

И предлагает мудрец населить пустыри и пустыни, полагая, что тогда разрядится скученность растений – всем хватит места и пищи. Действительно, разошлись цветы по всей Земле и превратили в роскошный цветник ранее бесплодные места, и как будто легче стало жить на Земле. Но вскоре еще больше расплодилось цветов, и еще сильнее ощущался недостаток места, так как не было уже, куда выселиться.

И в отчаянии мудрец покидает Землю и возносится к верхам. Но неприветливо встречают его светлые духи, ближе всего к Земле стоящие, и спрашивают, почему он, будучи уже на Земле и познав сам высшее, не исчерпал всех средств для поднятия цветов.

Поднимается он к следующему отряду и еще неприветливее встречают его, задавая тот же вопрос. И сурово встретили его в третьем отряде, говоря, что ему легче, чем кому-либо было возможно оказать помощь цветам.

Спустился снова Роланд на Землю и оттуда обращается к отрядам светлых духов, наиболее близко к Земле стоящим: просит их передать просьбу следующим отрядам, чтобы те передали выше стоящим, а те обратились бы к Эону, прося прислать на Землю эльфов. И радостно передают эту просьбу духи. Говорят они, что, пожалуй, эльфы сумеют помочь поднять цветы.

И сообщили духи третьего отряда: «Ответили нам Эоны, что пошлют они на Землю эльфов, некогда теперь уже исчезнувшими людьми вытесненных».

И переносятся эльфы на Землю. Они учат цветы, просвещают их, рассказывают им о смысле их жизни, о жизни их предков, потомков. Эльфы указывают цветам, что жизнь бесконечно долга и не оканчивается уничтожением форм на Земле, что нельзя только одной этой жизнью жить и о грядущем не думать. Бесконечна трансформация форм, и необходимо сделать жизнь гармоничной, чтобы ускорить ее и внести в нее радость.

Проповедь эльфов, их просьба прекратить борьбу, имела не больше успеха, чем проповедь Христа у людей. Плохо воспринимали ее цветы, и не все ее воспринимали. Все же появились группы цветов, питавшихся воздухом и упорядочивших свое размножение через ветер.

Весьма немногие в состоянии были понять, что все живущее на земле цветком – это своего рода болезнь, отражение жизни в кривых зеркалах. Надо же, чтобы жизнь отражалась в зеркалах, не искажающих отражений духовных. Большинство думает, что всему здесь конец, поэтому надо лучше устроиться и не думать о какой-то неведомой жизни. Буки проповедовали это учение, утверждали, что в этом единственный смысл жизни и иного нет.

Проповедь эльфов все-таки заставила цветы задуматься над тем, о чем они раньше не думали. Вспоминали они о странном цветке, который советовал им заселить пустыни, и обратились к нему с вопросом: «Что есть истина?»

Роланд попросил дать ему время для ответа и, снова поднявшись к верхам, сказал духам ближайшего к Земле отряда: «Не удалась проповедь эльфов. Что делать?»

Неполный ответ дают ему духи и отсылают выше к следующему отряду. И от них неполный ответ получает Роланд и возносится к третьему отряду, который тоже сообщает ему свое мнение. Но сложив полный ответ, из решений всех трех отрядов составленный, возвратился Роланд на Землю цветов.

Каков был его ответ, рыцари?

43. ОТТАНЫ, ОТАРЫ И ВЕЛЫ

Вернувшийся из путешествия нед рассказывал:

«В череде бесконечностей имеется одна, представляющая собой более чем гигантский шар, поверхность которого и является границей данной бесконечности. Кое-где этот шар почти соприкасается с другими бесконечностями, тоже являющимися в виде шаров, а в местах, где образовались конусообразные пространства между шарообразными бесконечностями, имеются миры, представляющие собой как бы пирамиды или конусы, три стороны которых и основание представляют собой вогнутые поверхности.

На поверхности одного из этих архигигантских шаров живут высокоодаренные существа, которых вы можете мыслить в свойственных вашему мышлению формах. Вы можете называть их людьми, хотя они только отдаленно напоминают людей. Там жили существа, около которых скоплялась атмосфера коричневого цвета, которых для простоты назовем людьми. Затем жило племя оттанов, далее – отаров, еще дальше – отэнов и, наконец, многочисленное население как смола черных велов.

Оттаны занимают пространства, напоминающие по местоположению полярный пояс земли. Затем широкую полосу, соответствующую полосе умеренного климата на земле, занимают люди этой земли, и высокой непроницаемой стеной отделена эта полоса земли от поселений оттанов, лежащих на севере. Южнее занятой людьми области лежит широкая полоса воинственных оттаров, снова высокой стеной отделенная от полосы, людьми занятой, и непроницаемой, по виду как бы туманной завесой отдаленная от области, населенной отарами. А область последних отделена как бы огненной чрезвычайно частой решеткой от лежащей по обе стороны экватора страны отэнов. Наконец, опять-таки отделенные от последних высокой стеной, почти половину гигантского шара занимают черные велы.

Все стены, о которых я говорю, непроницаемы и не имеют заметных отверстий, но велы часто поднимаются на могучих искусственных крыльях и заглядывают в обитель отэнов, а иной раз пролетают над всеми обителями шара-бесконечности и потом опять возвращаются в свою страну. Заглядывали через стену и люди, так как те из них, которые отличались страшной энергией и силой, построили подъемные машины, которые поднимали их на невероятную высоту к верхушкам стен. Но, заглядывая через эти верхушки, они видели на севере только безграничную белую снеговую пустыню, а на юге – опять-таки громадную, но желтоватую песчаную пустыню, и в конце последней в невероятно сильные телескопы они видели туманную завесу, от чего-то мир песков отделяющую.

Как-то раз отэны отправились в дальний поход, и зашумело царство велов. Многие из них решили отправиться в страну людей и, перелетев опустелые пространства и обители отэнов, они быстро понеслись над землями оттанов и отаров и, опускаясь на землю людей, тотчас принимали их образ и подобие.

Люди жили в своих городах, селениях и в отдельно стоящих домах. Их жилища показались мне странными и необычными. Некоторые из них отдаленно напоминали пальмы, листья которых являлись чем-то вроде крыш этих странных домов, причем в стволах этих громадных подобий деревьев находились комнаты, в которых жили люди. В других случаях эти жилища напоминали собой гигантские грибы или исполинские цветы, причем по подъемным машинам или на своеобразных аэропланах людям приходилось подниматься к входным дверям этих жилищ.

Встречались и более странные обители: как будто столб дыма поднимался длинной и широкой спиралью, и в ее пустотах с большим комфортом жили люди. Все они питались разнообразной пищей, приготовляемой из неорганических веществ их мира, причем пища легко извлекалась из земли и воздуха и в крайне малых количествах поглощалась ими. Люди одевались в великолепные блестящие ткани, приготовляемые из минерала, похожего на горный лен земли. Ничего похожего на нужду или бедность они не знали. Эти люди располагали всевозможными машинами, всем сообща принадлежащими, и молодые люди охотно работали на них, изготовляя все

нужное или желательное. Производительные силы этой страны были чрезвычайно велики. Все охотно работали, даже пожилые охотно брались за работу по выделке продуктов. Общежитие шло навстречу любому спросу, и на этой гигантской полосе земли не было, кажется, людей, плохо удовлетворяющих свои материальные потребности.

Эти люди не знали какой-либо иерархии, и доброта была их неотъемлемым качеством. Но если кто-либо из этих людей позволял развиваться в себе чувству злобы, он сразу становился плохим человеком, и в нем сосредоточивались все отрицательные свойства.

В этой стране были странные люди, чьи души то улетали, то прилетали на землю. Их тела всегда оставались на гигантской земле, там же, где появились эти люди, но иногда эти тела казались погруженными в глубокий сон и жили как бы растительной жизнью. В таком состоянии они находились приблизительно 24 часа, считая по времени нашей земли. А их души улетали тогда в какую-то другую далекую бесконечность. Там они воплощались в иные тела, и новые существа, одушевленные прилетавшими душами жили своей своеобразной, на жизнь людей непохожей жизнью.

Потом эти души опять возвращались в свои тела, в одну миллионную долю мгновения перелетев неизмеримые пространства. Тогда как бы просыпались люди после 24-х часового сна и жили обычной для жителей гигантского шара жизнью. А через 24 часа они снова погружались в своеобразный сон, во время которого в другой мир переносились души этих квази-людей.

Господствовавшая среди людей религия учила их, что людям известна воля Бога Великого, поскольку она близкого будущего миров бесконечностей касается. Все шары земли, в том числе и те, которые вокруг гигантских солнц вращаются, все бесконечности, наполненные всевозможными небесными телами, когда-нибудь сольются в одно гигантское тело, вокруг которого не будет ни планет, ни комет, ни космической пыли. На этом горящем могучем огнем исполинском солнце сойдутся все духи, которыми станут также и все существа, живущие на землях, в том числе и люди. Огонь этого солнца будет атмосферой, пищей и почвой для всех духов, на исполинском солнце собравшихся. В нем без остатка сгорит все несовершенное, все то дурное, что темными облаками вьется около духов до и после смерти того тела и сверхтела, в которое облекались души людей.

Огонь гигантского солнца только немногим отличается от огня солнц нашего времени, но для собравшихся на солнце он не страшен. Он не испепелит их, как испепелил бы тела физические. Испепелив же все темное около духов и при них сущее, огонь, имеющий другие свойства, чем те, которые воспринимаются известными нам телами, претворит этих духов в такие совершенные существа, для которых абсолютно не нужны покинутые ими бесконечности, и они уйдут совсем в другую, ничего общего с нашей и другими бесконечностями не имеющую среду, и там несказанно торжественно и блестяще развернется их жизнь, о которой мало сказать можно, так как нет слов, которыми можно изобразить эту жизнь. И музыка бессильна передать ее впечатления.

И когда солнце гигантское будет покинуто последними духами, на нем собравшимися, тогда сгорит оно и распадется его пепел на электроны, таящие в себе ничто, и в ничто обратятся эти электроны. И нечто из огнем очищенного ничто явится; снова появятся светлые нео-электроны, затем ионы, атомы, клеточки, тела. На местах погибшего мира бесконечностей образуются новые обитатели, в которых найдут положительное воплощение миры отрицательных существ, в настоящее время по ту сторону миров положительных пребывающие. И эти, когда-то в мирах отрицательных пребывающие существа будут стремиться в ту нео-бесконечность, куда уйдут на гигантском солнце пребывавшие.

А там, на гигантской земле, где жили оттаны, измерения материальных вещей начинались с четвертого и кончались шестнадцатым. Им алвидны были неуловимые для глаз людей прекрасные замки, построенные из материалов более прекрасных, чем краски заката земных солнц, алвиднелись дивного очарования алрастения и

блестящие алпейзажи. И земля и воздух переполнены были такими очаровательными, такими разнообразнейшими алзданиями, алрощами, алдорогами и т.п., прелесть и красота которых были несказанны.

И алслышались там звуки неземных алмелодий. Новый, многообразнейший чем людской мир, широко развертывался для оттанов. Оттаны знали высшую, чем люди, религию, отголоски той, что в грядущих сверх-космосах сияет. Нет в этой религии ничего, что смущало бы, что казалось бы не вполне достоверным. Познание было занятием этих существ. Служители Храма и Звезды Знания сияли, черпая из мистических глубин своей религии все новые и новые знания.

Религия отаров учила, что пройдя полный круг в новом мире, за гигантским солнцем лежащем, придется подняться к странным духам, превышающим тех, которые в рамданы и ласмы облечены, а затем снова придется свершать подъем к тому, что сводом Великого Храма является, а оттуда, стремясь к новым достижениям, придется идти все выше и выше, и несказанно прекрасен будет этот новый гигантский подъем.

Среди отэнов, религия которых недоступна для нас, гремел призывный крик: «Назад, на помощь тем, кто перешли из миров отрицательных в миры положительные, в миры возможных достижений».

А черные велы не имели религии: «Ничего нет, – говорили они, – а если есть – что нам до этого. В новых телах мы не будем помнить своего прошлого». И угрюмо, часто борясь друг с другом, жили они.

Но вот появились среди людей прилетевшие к ним велы, поселились между ними, провозгласили себя великими мудрецами, строителями новой жизни и жрецами Верховного Существа, в которого, впрочем, велы не верили. Они стали требовать от людей даров, будто бы нужных богу. И несмотря на то, что люди имели все, что хотели иметь, жрецы говорили им, что этого мало, что надо работать на бога, строя храмы, выделывая сложные и красивые богослужебные предметы, приготавливая разные символы, одежды жрецов и все, что требовали жрецы для созданного ими культа и для жизни. Жрецы заставили людей работать чрезмерное количество времени, заставляя людей выделывать ненужные самим людям изделия.

Тем не менее, эта мишурная религия была только маской и ступенькой к атеистической религии. Энергично велась пропаганда простого атеизма, и все сильнее и сильнее укреплялось это вероучение.

Не видели люди телесными очами того, что духовным началом именуется, не воспринимали духа нервами своего тела, и многие из них приняли то учение, которое все к материи сводило. Но были и такие люди, которые чувствовали всю пустоту атеистического учения и мучились тяжелой душевной пустотой. И среди части людей появилось новое, в тайне хранимое учение. Оно учило, что через неведомые, но, во всяком случае, громадные промежутки времени электроны, перенесенные в другую сферу, попав в обстановку аналогичную той, которая была на их шаре-бесконечности, опять составляют тела, подобные тем, которыми обладали эти люди в предыдущей жизни. Таким образом, этой частью людей бессмертие понималось как возвращение к тому, что было. И смущало это учение тех, чьи умы жаждали мистических настроений: неужели все к замкнутому кругу повторений сводится?

Когда велы слетели в области, людьми населенные, их, несмотря на искусную маскировку, тотчас же узнали Хранители этой страны. Они видели не только велов, человеческий образ и подобие принявших. Им чудилось, что около людей вились темные и ужасные существа, напоминающие зверей далеких миров, и понимали Хранители, что психика окруженных этим зверьем людей становилась подобной звериной психике, и, в лучшем случае, не знающих стыда обезьян. Какие-то странные и дикие галлюцинации охватили человечество. Жажда крови того, кто хотя бы в пустяках не был согласен с теми, кто мог безнаказанно лить кровь повинующихся, нелепость за нелепостью, зверство за зверством, дикое тщеславное гоготание над всем человеческим и чистым, каким-то ураганом охватило часть людей. Страшное лицемерие, сплошная низкая ложь, извращение высоких понятий, обращение их в

полную противоположность, прославление, как честного и высокого того, что было низко, грязно и подло, – все это стало обычным явлением и шло длинной чередой, не смущая привычных злодеев и лишенных светлого разума людей. Рушились все формы гармонического общежития.

Воинственные оттаны видели полет велов, знали, что они не возвратились из страны людей, и послали туда часть воинов, пригласив с собой часть отаров. Эти существа в свою очередь облеклись в тела людей, и скоро после прибытия в область, людьми населенную, им удалось поднять бунт против власти велов, систематически убивавших источники духовной жизни, принижавших людей и бросавших в подземные темницы наиболее смелых из них.

Но слишком мало оттанов и отаров явилось на помощь людям. Восстание было быстро подавлено велами и ими одураченными людьми. Миллионы восставших были брошены в тюрьмы и осуждены на сожжение страшным огнем, уничтожающим тело и затемняющим духовное начало. О назначенной казни узнали в обителях оттанов. И они послали гонцов к отэнам. Узнав о происшедшем, быстрее молнии понеслись отэны к гигантскому шару-земле и захватили по дороге Аранов и Сатлов. Значительно опередив Светлых, неслись приглашенные ими на помощь два сильных рыцаря. Велы понимали, что оттаны и отары не оставят людей без помощи, и вызвали на помощь все свои силы.

На утро казни бесчисленные полчища велов наполнили атмосферу земли, людьми обитаемой. Отэны, Сатлы и Араны неслись быстрее молнии и впереди, с каждым мгновением опережая их, неслись сильные рыцари. Осужденных вели уже на костры. Помощь опоздала, но хранители людей напали на стражу, ведущую осужденных. Началась битва, но не успела победа склониться в чью-либо сторону, не бросились еще на помощь к своим реявшие в воздухе велы, как гигантские руки протянулись к кострам, схватили дрова, смолу и другие горючие вещества и бросили все это через головы сражавшихся в царство велов. То рыцари пришли на помощь... Битва продолжалась на земле и в воздухе, но вот прилетели Сатлы и ударили на велов, а велы, бросив людей, повернулись фронтом к Сатлам. Но подоспели Араны и стали наносить удары велах своими, выкованными из тяжелого огня мечами... Бежали велы, стремясь спастись от ударов огненных мечей и от ударов копий Сатлов.

Воротились велы в свое царство, улетели Араны и отэны, а Сатлы остались на время в стране людей, и, приняв их вид, стали среди них проповедниками. И жадно слушали люди их учение, тем более что улетели от них отары и оттаны.

И говорили Сатлы: «Был в наших обителях Он и учил, что высшее начало чуждо даваемых и воспринимаемых эманаций власти. Власть, как что-то нужное, провозглашалась велами, но не только материально, не только духовно, но и мистически нелепа власть человека над человеком, духа над духом. Есть земля, власть над людьми которой по их же желанию была дана темному Арлегу, а он кому хотел, тому и передавал ее. И стала власть на этой земле источником такого зла, перед которым померкли все злодеяния отдельных лиц, совершаемые по наущению грязных лярв. И вот этот-то яд хотели разбросать по земле людей велы. И ползли и бежали за ними лярвы низкопоклонничества, падкой лести, низкого угодничества. Вам придется бороться с этим наследством изгнанных велов. Для этого чрезвычайно высоко надо подняться над велами, которым лярвы повинуются. А подняться можно только тогда, когда будет отброшен ненужный багаж самовлюбленности, эгоизма, гордости, жестокости. Стремитесь к тому, что высоко, и, по-видимому, недостижимо. Помните, что и вам доступно преображение, а преображенному доступно и то, что недостижимо для простых людей. Слабый из слабых, зная о том, что ожидает его в мирах высоких, может жить, подавляя свои низкие инстинкты. Но если бы слабый вошел в мир более высокий, то дальнейший подъем был бы для него невозможен. Поэтому надо здесь же сильным сделаться, а если это не удастся, придется перейти в параллельные бесконечности того же числа измерений, что и сущая, и в них, в этих бесконечностях изжить свои несовершенства.

Одним из важных несовершенств является уверенность в том, что, помогая другим, себя лишаешь богатства, тебе принадлежащего. Но это не так. Делая добро, ни-

чего не теряешь из того, что тебе действительно нужно, и учишь идти на помощь другим тех, кому сам помогаешь. Делая добро, любя себе подобных больше себя, а другие существа любя, если это возможно, как самого себя, – ты развиваешь свои духовные силы точно так же, как работой укрепляешь силы телесные. Помните также, что устраивая свою жизнь, надо в приобретении знаний находить радость жизни...»

Сатлы улетели, а люди жили долгие тысячелетия, устроив свою жизнь на началах справедливости, добра и совершенной для земли радости. Их знания и постоянное стремление к знанию делали их жизнь прекрасной. Ярким счастьем была для них смерть – переход в мир более высокий. И эта смерть являлась простым преобразованием тел физических в тела астральные. И души умерших воплощались в мире оттанов. В последние годы пребывания людей в своих обителях у них не рождались дети. И страна людей опустела.

Потерпевшие поражение вельи жили своей старой жизнью, но часть велов ушла в громадные пустоты, находившиеся под земной корой и там устраивали свою жизнь схожую с той, которую они вели на земле. Но из недр земли они начали пробивать ход через толщу земной коры, мечтая о том, чтобы снова появиться среди людей, миновав области оттанов и отаров, и по-одиночке вести среди людей порабощающую их работу. Наконец вельи пробили этот ход, вышли на поверхность земли в ту область, где жили когда-то люди, и спешно вернулись назад, оповещая мир велов о том, что людей нет уже в когда-то занимаемой ими области. И тогда опять поднялись вельи к верхам стен и увидели, что на них не было стражи оттанов.

Тогда множество велов поселилось и там, где жили некогда люди. Текли тысячелетия. Изменился характер велов, светлее стали они, а миры оттанов и отаров слились с миром отэнов, и все вместе они улетели в далекие обители. Тогда всю землю заняли вельи. И снова текли тысячелетия, во время которых духовно светлели черные. К ним прилетели те, которые некогда были отэнами, и беседовали с ними. У велов вырабатывались по мере их просветления новые формы жизни, напоминающие когда-то протекавшую на земле жизнь отаров. Новые силы стали достоянием велов, и получили они возможность улетать в другую бесконечность. Пришло время и навсегда покинули они свою вселенную просветленными и обновленными, перенесясь в другую бесконечность. Лишенная жизненных сил, в мелкие куски рассыпалась земля-бесконечность. А я вернулся рассказать то, что видел в последние века ее существования».

И замолчал нед.

44. О НЕДАХ

Далекая от нас вселенная какой-то далекой бесконечности состоит из солнц, расположенных парами, причем земли, вращающиеся вокруг одного из солнц, почти завершая круг вокруг первого солнца, попадают в сферу притяжения второго солнца и совершают вокруг него второй круг, образуя таким образом цифру восемь. На одной из земель этой бесконечности живут странные существа неды, только отдаленно напоминающие людей нашей земли. Неды живут чрезвычайно богато. Роскошнейшими продуктами удовлетворяют они свои материальные, в некоторых случаях чрезвычайно утонченные потребности. Удовлетворение же потребностей духовных, например потребности в изучении своего и дальних миров, потребности в изучении физиологии и психологии недов, потребности во всевозможных необычайно развитых искусствах, обрадало их жизнь в сплошной веселый праздник.

Прожив около двухсот лет, нед начинал интересоваться вопросами потустороннего существования и изучать жизнь разумных существ на планетах других бесконечностей, причем интерес этот достигал иногда такой интенсивности, что неды образовывали обширные ассоциации, тщательно подражавшие жизни обитателей других планет, с которыми они находились в оптических и акустических сношениях.

Но лет через семьдесят многих из них влекло за пределы своей бесконечности в миры, которые являлись мирами большего числа измерений, чем те, в которых они жили, и неды хотели пробраться за пределы тех бесконечностей, измерения которых были понятны им.

Многие задачи вставали перед ними, их смущало понятие о верхах и понятие о низах. Если бы можно было видеть через толщу их планеты, а при пользовании некоторыми инструментами это было до некоторой степени возможно, то низом для них был бы верх антиподов.

«Где низ, где верх для шара-планеты?» – спрашивали они и отвечали: «Везде, где встанем в разных местах этого шара».

«Где низ, где верх в мире духовном?» – спрашивали они себя и отвечали: «Чем гармоничнее жизнь существ, тем выше они, чем дисгармоничнее – тем ниже они находятся; но имеются и такие области в межпланетных пространствах, где живут более мощные, более одаренные умственно существа и, наряду с этим, отвергающие учение Эонов. Там одновременно и низы и верха, и туда не надо стремиться».

«Моя цель, – думал нед, – не переход из мира в мир, а подъем в веках и мирах. Пусть вначале этот подъем будет только в мирах наших измерений, я хочу и такого подъема. Пока еще нельзя вырваться из космоса солнц, горящих мириадами цветных огней в моей и близких к ней бесконечностях. Моя цель – подняться к Элоа, и если я хочу блуждать по бесконечностям, то только для того, чтобы подготовить себя к высочайшему подъему, а затем подняться. В высших и других бесконечностях я услышу пророков, которых не было у нас, услышу неведомые нам заветы Христа и научусь соблюдать их. Я узнаю эзотерическое учение Эона Любви и преклонюсь перед ним. Моя цель – посетить бесконечности, рядом стоящие, для того, чтобы легче подняться над моей бесконечностью, чтобы перейти в космосы высших, чем мы, духов. Вот тогда-то неиссякаемая, безграничная радость охватит нас...»

И говорят этим недам неды, со своей планеты уйти не желающие: «Если мы уйдем так далеко, то забудем наши семейства, наших детей и жен, которые, чем дольше живем мы, тем прекраснее становятся. Мы не хотим их забывать».

«Что бы ни случилось, теряя все, мы к Богу Великому приближаемся», – отвечают им собравшиеся в путешествие.

«Нет, ни на шаг не приближаетесь, ибо Он бесконечно, сверх-бесконечно далек от нас. А Элоа – велик, могуч и прекрасен, но мы, дети Его, равны перед Ним, как те, кто спешит проникнуть в миры, более близкие к Нему, так и те, кто спокойно ждет здесь труб призывных и вместе с другими подняться хочет».

«Но ведь мы встретимся в мирах высоких с нашими подругами и друзьями! Отчего нам не идти в новые бесконечности вместе с ними? Но если забудет кого-либо подруга его вечная или кто-либо забудет ее, то все же они встретятся друг с другом и, если не будут помнить нашей прошлой жизни, как мы не помним дней нашего младенчества, то что за беда – не так важно это, а вернее, совсем не важно! Вы не отвечаете?»

«Да, уход в иные космосы заставляет забывать прошлое. Вот почему мы не спешим и будем здесь свою жизнь устраивать, и вам поможем, когда вы захотите вернуться на нашу планету...»

Обычный срок жизни недов равен, примерно, тремстам годам земной жизни. Прожив этот срок, неды начинают тосковать, пресытившись этой жизнью, уезжают в отдаленную часть своей земли и там входят в прекрасно устроенные жилища, переодеваются в просторные платья, сшитые из широких и крепких листов одного из растений своей планеты, и укладываются в удобные кресла-кровати. Затем они берут в рот голубые листья растения чуна, которое произрастает только в этой части планеты. Неды жуют эти листья, проглатывая их сок, и впадают в состояние, которое с большими оговорками можно назвать «вещим сном». В этот момент их души вылетают из тел, путешествуют в других мирах, живут там, воплощаясь в тела существ тех миров, живут вместе с жителями далеких планет, и только через долгий срок в три с третью раза превышающий их жизнь, протекавшую на земле, неды возвращаются на свою старую землю и входят в свои старые тела.

Все время отсутствия этих душ их старые тела хранятся, омываются, одеваются новыми листьями широколиственных растений. И стражи этих мест, видя ожившее тело, спешат к ожившему, дают ему обычную для данного времени одежду и приглашают в свои жилища.

Эти люди принадлежат к числу тех, которые не пожелали уснуть, а, удалившись от общественной жизни, приняли на себя заботу о покинутых душами телах своих соотечественников. Они поселяли в специальных жилищах вернувшихся и беседовали с проснувшимися после тысячелетнего сна недами.

В честь возвратившихся устраивались роскошные пиры, и вернувшиеся рассказывали о том, что они видели в мирах далеких, и эти рассказы записывались своеобразными орфографами и умножались особым способом, причем каждый нед, желающий узнать их, мог прочесть или услышать рассказ.

Стоящие на страже тел путешествующих недов не все время своей жизни живут в этих обителях, но сменяют друг друга, возвращаясь к своим семьям, где живут, пока их снова не потянет на свидание с вернувшимися из других бесконечностей.

Погостив несколько лет и передав все, что мог передать, возвратившийся нед снова уходил в ту отдаленную часть земли, где покоилось несколько лет назад в течение тысячелетия его тело, и снова засыпал таким же сном. После своего десятого возвращения нед, отправившись в новое путешествие, обычно уже не возвращался, оставаясь там, где хотел остаться, а его тело продолжало храниться в громадных, облицованных цементом подвалах.

45. ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ПЛАНЕТАМ (эфироиды, алзы)

Далеко от нас находящееся громадное пространство в своей основе имеет чуть ли не абсолютную пустоту. Там нет ни звезд, ни планет, нет ничего похожего на небесные тела, нет даже космической пыли. Но эти пространства населены: в них, как легкие ионы, носятся ультра-эфирные мыслящие существа, жадно стремящиеся установить между собою общение и создать для себя оседлость.

Не всегда удаются им эти попытки, и только сильной волей удается создать длительное общение, как бы селения светящихся, на большое расстояние свет отбрасывающих существ. Своеобразная культура и цивилизация возникают тогда. Много усилий, – не менее, чем людям для поддержания тепла в теле, – приходится тратить этим существам, и медленно течет их духовная жизнь. Тогда бросаются они к границам своей пустоты-бесконечности и пытаются войти в соглашение с духами Силы, к их бесконечности прилетающими. И просят они Силы более горячей мольбой чем та, с которой люди к богам обращаются, бросить им такие тела, около и на которых могли бы разместиться эфироиды, спасаясь от бесформенности среды, в которой они пребывают. И бросают им Силы что-то подобное гигантским, как алмазы, как ледяные горы сверкающие тела. Радостно размещаются на них эфироиды и, смеясь и торжествуя, несутся через свою бесконечность и другие бесконечности, устраивая свою жизнь на этих планетах сверкающих, зовя с собой все светлое, так как к Свету и к Славе летят их блистающие планеты.

Они безгранично веселы, они ничего не ждут и не надеются, и вместе с тем не устаивают не ждать и не надеяться: они не верят ни во что, кроме духов Силы, которые рассматриваются ими как неодухотворенные силы Сверхприроды, и смеются над своим неверием и над приравниванием Сил к чему-то материальному. Они то считают возможным и существующим все, что доносится до них духами Фантазии, но немного спустя утверждают, что нет духов Фантазии, а существуют только никакого значения не имеющие измышления их самих, эфироидов.

В беспредельном полете они сами не знают, куда несутся их планеты, как алмаз блистающие, как лед холодные – не то в область Славы мчатся они, не то совершают гигантский никчемный круг.

И насытившись веселой жизнью, весело умирают эфиройды, алзами себя называющие. И перед самой смертью весело улыбаются они, не зная, будут или не будут жить после нее, и где будут жить, если будут жить.

Они встречают население разных сверх-космосов. Носясь по бесконечным межкосмическим пространствам в Аресе, они не знают, встретятся они или нет после смерти со знакомыми по Аресу духами. Они уверены, что им не дано познание о будущей жизни, если есть эта жизнь, но не уверены, есть ли она. То ясно чувствуют они, что будут жить в новых мирах после своей смерти и будут вспоминать о прежней жизни, то это прозрение, как светом молнии озаряющее их, исчезает, и они снова сознают себя в темноте: снова верят, не веря, и не верят, веря.

Но они несутся к Силе и Славе, где все неясное ясным станет.

Как-то раз, далеко впереди планеты алзов, неслось гигантское крылатое похожее на человека существо. Вот оно приближается все ближе и ближе, и хочется жителям планеты побеседовать с ним. В ответ на их желание все меньше и меньше становится гигантская крылатая фигура. Наконец, ее рост становится равным росту алзов – и перед ними точное их подобие.

Приветствуют его веселые алзы, и один из старейших говорит: «Привет тебе, по первому виду – бессмертный. Как хотелось бы и мне быть бессмертным, а то я умру и не увижу, к чему придут, чего достигнут грядущие за мной поколения».

И отвечает ему Эон Мудрости (ибо это Он посетил землю алзов): «И ты все познаешь, что твои потомки познают, хотя и не в этой жизни придет это познание. Ведь и ребенок познает основы многого, что постигнуто тысячелетиями, и, став зрелым мужем, знает из прошлого почти все, что знать нужно».

«Но мне хотелось бы знать, где я буду после того, что смертью у нас именуется».

«Ты, и все вы, будете там, где Сила и Слава Элоа», – ответил Эон.

«Что же там? Снова жизнь и достижения, жизни присущие?»

«Конечно, но не те, которые современной вашей жизни присущи, а те, которые свойственны грядущей жизни. Смотрите, здесь, на вашей земле и на мириадах других земель обитатель планеты является сначала ребенком, потом подростком, затем юношей или девушкой, далее мужем или женщиной и, наконец, стариком или старухой. А с общекосмической точки зрения здесь и теперь ты – младенец, позднее – дитя, а там и потом ты будешь юношей».

«Я теперь хотел бы знать будущее», – говорит алз.

«Дитя не может познать то, что легко узнает юноша», – слышится ответ.

«Весела и радостна наша жизнь, и нас не омрачает мысль о неизбежной кончине. А там, где Сила и Слава, тоже радостная жизнь?» – спрашивают алзы.

«Да, – отвечает Эон. – Она веселее и радостнее, чем у вас, ибо глубже и многограннее. Как звук простой дудки отличается от оркестра, как балалайка в руках неумелого игрока отличается от игры на скрипке величайшего виртуоза, а картина великого художника – от нелепого лубка, так то веселье, та радость отличаются от ваших».

«Но будет ли для нас иная жизнь, кроме текущей?» – спрашивает молодой алз.

«Если есть та, в которую ты попал, почему не быть и другой? Если эта жизнь вспыхнула, почему не вспыхнуть для тебя и новой жизни в новой сфере?»

«Если так, то буду ли я помнить об этой, ныне проходимой мною жизни?» – спрашивает пожилой алз.

«В грядущем младенчестве будешь помнить, потом забудешь, как и теперь забываешь о переживаниях своего младенчества».

Спрашивает алз: «Ты скажешь еще, что я жил ранее?»

«Да».

«А я думаю, что я ранее не жил!» – весело говорит один алз.

«Это потому, что ты считаешь своей жизнью жизнь в теле алза, – отвечает Эон, – а о жизни предшествующей не только забыл, но и жизнью ее не считаешь».

«Мне и моя жизнь кажется временами чудом. Но я хотел бы иметь доказательства неоспоримые, что я буду жить после смерти моего тела», – говорит другой алз.

«Нельзя даже доказать, что мы через час будем жить на нашей планете», – говорит третий.

«Тем не менее, вы будете жить. Я говорю это, потому что вижу вперед так, как вы прошлое видите», – отвечает Эон.

«Хорошо было бы знать точно, хорошо бы и нам видеть будущее», – заметил один из алзов.

«Если бы ты увидел свое будущее, то сказал бы: «Это не мое будущее, я совсем другое существо, чем то, которое мне грезится». Сильно изменитесь вы в других космосах! Поэтому и не нужно вам точное познание будущего».

«Мне кажется, – говорит алз, – мы потому не понимаем будущего, что нельзя одновременно быть и здесь, и там, в будущем».

«Ты прав! Но если бы ты и увидел свое будущее, все равно тебе пришлось бы поверить, что это именно твое будущее, и эта твоя вера ничем не отличается от той, которая теперь может быть у тебя, когда ты не видишь себя в будущем. Нельзя предвидеть, если речь идет о других космосах. Даже некогда здесь, на земле живший, мало схожий с тобой твой прародитель не мог предвидеть, какими будут его далекие потомки».

«Как трудно познать все, что ты говоришь! Выходит, что мое сложное тело, этот удивительный аппарат, брошен будет моим духом, которого я почти что не постигаю. Итак, дух несравненно выше тела?»

«Ты можешь жить в прошлом, но не телом живешь ты в нем. Можешь, хотя и с большим трудом, жить в будущем, хотя твои мысли телом на язык тела переводиться будут. Но вкус кислоты и воспоминание об этом вкусе или ожидание вкуса, – не одно и то же...»

Не совсем поняли сказанное алзы и хотели попросить объяснить, но перед ними никого уже не было.

На другой день весело рассказывали алзы о своем свидании и разговоре, но другие им отвечали: «Какая удивительная массовая галлюцинация была у вас. Мы не подверглись ей».

Так и не поверили остальные алзы говорившим с Эоном.

И алзы не изменились после беседы с Эоном, здесь так переданной, как ее могут воспринять люди земли. И только те достижения, которые даются как результат телесной жизни, только они одни считались алзами достоверными. Они увлекались своей удивительной техникой, своим познанием материи, и, несмотря на отчуждение от всего, что верой дается, были добрыми, а потому и веселыми, но между ними все больше и больше появлялось тех, кто своим девизом ставил: «Exelsior!».

46. ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ПЛАНЕТАМ

(алз, нед, полиры)

Алз умер. Он сразу почувствовал себя где-то в другом месте. И какое-то новое чувство, имеющее нечто аналогичное со зрением, но дающее более точные результаты, раскрылось у него. Алз увидел быстро уносящуюся от него свою старую планету, превратившуюся в небольшой сверкающий шарик. Мгновение – и исчез и этот шарик.

Оглянулся алз и увидел многих, одновременно с ним умерших алзов; число их с каждым мгновением увеличивалось. Но чем то особенно отличался внешний вид алзов, около него бывших.

Вдали показалась как бы широкая полоса света, со страшной быстротой несшаяся на алзов. Их охватила теплая волна, и они почувствовали, что вместе с ней куда-то несутся.

Но не успели они осмыслить свое положение, как все изменилось. Их притянуло какое-то гигантское шарообразное тело, сверкающее разными необычными цветами, и они почувствовали, что какая-то новая материя обволакивает их силовые ли-

нии... и на новой странной планете очутились облаченные новыми телами алзы.

С ними был и я – нед, как и они облекшийся в новое тело.

Под яркими, но мягкими лучами голубого солнца, блестевшего на зеленом небе, росли странные растения золотистого цвета всех оттенков. Приглядевшись к ним, мы увидели, что они передвигаются с места на место. Нам послышалось, что встречаясь они как-бы разговаривали друг с другом. Иногда они останавливаются на продолжительное время, как бы отдыхая. Тогда их корни все глубже и глубже входят в землю, и они насыщаются влагой этой земли.

А бывшие алзы, и я с ними, слабым усилием воли по желанию переносились с места на место. Мы встретили множество существ, схожих с нами в нашей новой оболочке. Мы увидели и удивительно изящные жилища этих существ, легко переносимые ими с места на место. Но растения-животные и странные животные планеты не могли ни сдвинуть их, ни сломать.

Мы быстро перестали удивляться тому, что жизнь продолжается после смерти тела, которое, впрочем, тоже живет, изменяясь так, как материи изменяться следует.

Убедившись, что для нас имеется другая жизнь, а, следовательно, и бессмертие, мы задались вопросом: какую идею вырабатывают своей жизнью жители этой планеты, называвшие себя полирами. Для чего они жили? Для чего живут и другие обитатели других космосов?

«Мы живем для того, чтобы жить, – отвечали нам полиры, и когда мы не понимали такого ответа, говорили: – А, следовательно, развиваться, совершенствоваться, к лучшей жизни готовиться. Но и в самом процессе нашей жизни много обаятельного, и вы сами знаете – все живущее всюду к жизни привязывается. Конечно, встречаются кажущиеся исключения: старики перестают жить, некоторые чувствуют себя несчастными существами, но ведь они сами, иногда не понимая, этим только меняют одну жизнь на другую...»

На этой планете не было и тени того, что злом именуется. Полиры ни для еды, ни для питья не истребляли живущих. Даже дыханием не истребляли они их. Их дыхание сводилось к выделению из себя света и к поглощению этого света всем телом полира.

Несколько отличные от них существа, которые казались нам первое время надежными крыльями гигантскими, приносили полирам вести из миров далеких, из миров чудесных, которые посещались этими Вестниками.

47-48. АРАНЫ У ТАНАЛИТОВ

I

Вернувшийся нед рассказал: невероятно далеко от нас лежит бесконечность, солнцем опоясанная, внутри солнца расположенная. Бесконечность эта представляет собой совершеннейший шар, соприкасающийся в нескольких точках с другими шарами-бесконечностями и отделенный от них бесконечностями, образующими форму пирамид с вогнутыми сторонами. Внутрь, как бы корой гигантского шара-бесконечности, стелется яркий белый свет шириной во множество тысяч миль. Внутри этой массы прохладного света лежит громадное, им освещаемое пространство, в котором вращаются слева направо и сверху вниз гигантские шары большой плотности, населенные разными существами, по своему образу и подобию творцов напоминающими.

Один вслед за другим на громадных расстояниях друг от друга летят эти шары, совершая круг концентрический с кругом света. Ниже их, ближе к центру летят другие такие же шары, образуя концентрический круг с первым, и они так сильно удалены от шаров первого круга, что те кажутся им маленькими точками на небе. Ниже этого лежит третий круг планет, за ним четвертый и так далее. На большом расстоянии от гигантских кругов находится гигантское же центральное солнце-шар, сияющее ослепительным блеском.

В обителях светлых духов необычайное оживление. Учитель Эон сказал своим ученикам, которые шли за ним, учась новой мудрости, что далеко от местожительства светлых духов находится бесконечность, обитатели которой не слыхали об учении Эонов.

Часть светлых Аранов со своим вождем Элора решили тотчас же направиться в эту бесконечность и полетели в указанном направлении для того, чтобы в этой новой бесконечности сказать Эоновское слово. С невероятной быстротой неслись они через пространства и по дороге уговорили двух духов Силы сопутствовать им. Вот перед ними ярче солнца заблестела сияющая оболочка той бесконечности, куда они стремились. Прошло несколько мгновений, и светлые духи тесно сдвинули свои щиты справа, слева, сверху, снизу, треугольником-пирамидой врезались в сияющую массу кольцеобразного солнца и еще быстрее понеслись через нее. Среди них летел и я, нед. Через время, мною не измеренное, я увидел гигантские шары-планеты новой бесконечности, и мы быстро спустились на один из них.

Пролетев сияющий пояс холодного света, светлые духи повесили свои щиты на спины и, опустившись на планету новой бесконечности, увидели себя в гористой местности, горы которой были отделаны в виде гигантских кресел. К ним тотчас же подошли немного меньшего роста исполины и, вежливо приветствуя, пригласили их сесть и сами сели в гигантские кресла.

С невероятной быстротой распространилась весть о прибытии светлых духов, и все более и более великанов сходилось в долину, и все они занимали места на креслах. Скоро их набралось более 6000 человек. Все они сели на гигантские кресла и пригласили сесть тех из светлых духов, которые еще стояли. Сел и я, нед, вместе с ними прилетевший.

Элора начал разговор на языке бесконечностей, и его легко поняли, и отвечали ему странные крылатые гиганты. Из разговора выяснилось, что остальное население планеты живет разве немного хуже присутствующих гигантов, но что знает оно меньше их.

Присутствовавшие оказались правителями всего шара квази-земли и утверждали, что население живет довольно дружно, и если есть некоторое недовольство слабым неравенством в деле устройства материальной жизни и в деле приобретения духовных благ (тут неравенство было более заметным), то это недовольство не имело особо важного практического значения.

Светлые заметили, что они с сожалением слышат о разделении населения на две неравные части, что все жители этой планеты должны быть равны в сложном смысле этого слова, что они сильно сожалеют, что до мира блестящего не долетела еще Эоновская заповедь, по которой все живые существа БЛИЖНИЕ, и по которой надо любить ближних одного с тобой вида более, нежели самих себя. Они учили далее, что обитатели земель не должны допускать таких форм жизни, при которых могут быть не равными благосостояния, и что всякому, без исключения, должно дать то, что он хочет иметь и что полезно дать ему. Но, конечно, он может отказаться от того, что ему дается.

Несколько смущенно переглянулись великаны, считавшие совершенным свой общественный строй. Они гордились своим устройством и попросили у гостей время для размышлений.

Охотно согласились на это светлые и попросили позволения осмотреть во время размышления великанов их планету.

Через несколько мгновений времени светлые духи перенесли на одну из планет второго круга. Одни из них приняли вид обитателей этой планеты, а другие остались невидимыми для ее жителей, но все-таки присутствовали на их собраниях и в их частных домах.

Планету населяли спокойные медлительные таналиты высокого роста и плавных движений. Они были красиво одеты, жили в роскошных помещениях, питались изысканной пищей, занимались разнообразными работами и научными изысканиями. Эти люди походили до известной степени на людей, живущих на планетах золо-

тых солнц, но отличались от них тем, что никогда не смеялись, никогда не веселились. Все они жили как бы под гнетом ожидания страшного несчастья, которое должно обрушиться на них, и вместе с тем, обычай и чувство собственного достоинства не позволяли им жаловаться на судьбу, плакать или негодовать, тем более, обнаруживать чем-либо свое негодование.

Светлые духи скоро поняли причину такого настроения таналистов. Все таналиты были твердо уверены, что смерть, поражающая их по достижении ими семидесяти-ста лет жизни, совершенно уничтожает их; что после смерти нет ничего похожего на жизнь, а остается только одна мертвая, не мыслящая и распадающаяся материя. Нет души в живых существах, это просто архисложные машины, а то, что называется мышлением, несмотря на трудность назвать его материальным актом, считалось ими, как они говорили, «функцией материи» и погибало вместе с материей в момент смерти, причем конец мышления совпадал с началом распада материи.

Таналиты и слушать не хотели, что в их телах есть душа, продолжающая жить сознательной жизнью после смерти. Светлые духи скоро узнали, что в течение долгих веков таналиты знали и смех и веселье, и лишь когда уверились, что со смертью для них все кончается, что их «я» уничтожается, они разучились смеяться и веселиться. Их видимое спокойствие прикрывало собой с этого времени глубокое отчаяние.

И светлые духи решились помочь им.

«Почему вы так уверены, что смертью уничтожается мысль?» – спрашивали таналитов Светлые.

«Странный вопрос! Разрушается, уничтожается смертью тот инструмент, которым мысль порождается – разрушается вещество мозга», – отвечали таналиты.

«Но почему вы думаете, что тесное существование двух начал, хотя бы и неразрывно (пока живет данное существо) связанных, дает право считать одно из них причиной, а другое следствием, не могущим существовать отдельно от первого? Такое рассуждение даже логически неверно. Воздух, например, состоит, не говоря о примесях, из азота и кислорода. Было бы бессмыслицей утверждать, что он состоит только из одного кислорода, или что азот порождает в нем кислород. Было бы бессмысленным утверждать, что воздух не является слиянием двух начал, азота и кислорода, а только одним кислородом. Но ведь и азот и кислород могут существовать независимо друг от друга, и есть планеты, где один только кислород или один только азот создают атмосферу. Для первобытного жителя нашей планеты воздух был просто воздухом, чем-то единым, а не смесью азота и кислорода. Если бы азот был отделен от воздуха и уничтожен, отброшен в мировую пустоту, то первобытный таналит утверждал бы, что во Вселенной есть только кислород, что азот был когда-то его производным и уничтожался, когда сгорал кислород. Разве можно так рассуждать?! Вот смотри, таналит, что такое воздух: азот – тело, кислород – душа!»

«Как странно ты говоришь! Наши ученые давно решили, что нет души, что мысль о ней – самообман. Одно тело с его функциями, создает мое «я».

«Мало ли было заблуждений и у людей, в том числе у первобытных людей. А вы тоже первобытные люди для тех, кто явится через сотни тысячелетий после вас. Для этих ваших отдаленных потомков ваше отрицание души такой же нелепостью казаться будет, какой нелепостью кажется нам уверенность когда-то жившего дикаря в том, что нет ни малейшей разницы между неодушевленным предметом и живым существом...»

Много раз разговаривали Светлые с таналитами, а потом стали невидимыми. Они обсуждали вопрос, как убедить таналитов, что у них не одно только тело, и решили попробовать сделать это. Они решили показаться таналитам в своем виде, насколько этот вид мог быть постигнут таналитами, и сказать им, что они светлые существа из другого космоса, и что нет числа космосам и живым существам в этих, созданных Богом, обителях. И засияли на земле таналитов Светлые. И как животные относились к таналитам, так таналиты относились к Светлым, едва улавливая кое-что из их сложного мышления. Но они были поражены появлением Светлых и нача-

ли говорить, что и после смерти живут души умерших. И Светлые исчезли, решив просить Легов вселиться хоть в немногих несчастных обитателей этой планеты.

«Массовое сумасшествие! – говорили таналиты через три поколения об эпохе появления Светлых. – Какая неудачная сказка».

«Как странен ваш скептицизм, – говорили другие таналиты. – Все возможно назвать выдумкой и иллюзией. Однако есть такое чудо, как наше собственное существование. Почему не быть и загробной жизни, которую вы тоже можете назвать чудом? А разве не чудо бесконечность пространства и времени, в которые вы верите, только грубоватыми софизмами стараясь убить веру в наличие этих бесконечностей?»

II

Через несколько мгновений времени светлые духи перенесли на одну из планет второго круга. Одни из них приняли вид обитателей этой планеты, а другие остались невидимыми для ее жителей, но все-таки присутствовали на их собраниях и в их частных домах.

Планету населяли спокойные медлительные таналиты высокого роста и плавных движений. Они были красиво одеты, жили в роскошных помещениях, питались изысканной пищей, занимались разнообразными работами и научными изысканиями. Они походили до известной степени на людей, живущих на планетах золотых солнц, но отличались от них тем, что никогда не смеялись, никогда не веселились. Все они жили как бы под гнетом ожидания страшного несчастья, которое должно обрушиться на них, но, вместе с тем, обычай и чувство собственного достоинства не позволяли им жаловаться на судьбу, плакать или негодовать, тем более обнаруживать чем-либо свое негодование.

Светлые духи скоро поняли причину такого настроения таналитов. Все таналиты были твердо уверены, что смерть, поражающая их по достижении ими 70-100-летнего возраста, совершенно уничтожает их, что после смерти нет ничего похожего на жизнь, а остается только одна мертвая, не мыслящая и распадающаяся материя. Они считали, что нет души в живых существах, это просто архи-сложные машины, а то, что называется мышлением, несмотря на трудность определить это явление, – функцией материи (а отнюдь не функцией души, в ней находящейся) и погибает вместе с материей в момент смерти, причем конец мышления совпадает с началом распада материи.

Таналиты и слушать не хотели, что в их телах есть душа, продолжающая жить сознательной жизнью после смерти. Светлые духи скоро узнали, что в течение долгих веков таналиты знали и смех и веселье, и только когда уверились, что со смертью для них все кончается, что их «я» уничтожается, они разучились смеяться и веселиться. Их видимое спокойствие прикрывало собой с этого времени глубокое отчаяние.

И светлые духи решились помочь им.

«Почему вы так уверены, что смертью уничтожается мысль?» – спрашивали таналитов Светлые.

«Станный вопрос! Разрушается, уничтожается смертью тот инструмент, которым мысль порождается – разрушается вещество мозга», – отвечали таналиты.

«Но почему вы думаете, что тесное существование двух начал, хотя бы и неразрывно (пока живет данное существо) связанных, дает право считать одно из них причиной, а другое следствием, не могущим существовать отдельно от первого? Такое рассуждение даже логически неверно. Воздух, например, состоит, не говоря о примесях, из азота и кислорода. Было бы бессмыслицей утверждать, что он состоит только из одного кислорода, или что азот порождает в нем кислород. Было бы бессмысленным утверждать, что воздух не является слиянием двух начал, азота и кислорода, а только одним кислородом. Но ведь и азот и кислород могут существовать независимо друг от друга, и есть планеты, где один только кислород или один только азот создают атмосферу (воздух). Для первобытного жителя вашей планеты воз-

дух был просто воздухом, чем-то единым, а не смесью азота и кислорода. Если бы азот был отделен от воздуха и уничтожен, отброшен в мировую пустоту, то первобытный таналит утверждал бы, что во вселенной есть только кислород, что азот был когда-то его производным и уничтожался, когда сгорал кислород. Разве можно так рассуждать?! Вот смотри, таналит, что такое воздух: азот – тело, кислород – душа!»

«Как странно ты говоришь! Наши ученые давно решили, что нет души, что мысль о ней – самообман. Одно тело с его функциями создает мое «я».

«Мало ли было заблуждений у людей, хотя бы у первобытных людей. А вы тоже первобытные люди для тех, кто явится через сотни тысячелетий после вас. Для этих ваших отдаленных потомков ваше отрицание души такой же нелепостью казаться будет, какой нелепостью кажется нам уверенность когда-то жившего дикаря в том, что нет ни малейшей разницы между неодушевленным предметом и живым существом...»

Много раз разговаривали Светлые с таналитами, а потом стали невидимыми. Они обсуждали вопрос, как убедить таналитов, что у них не одно только тело, и решили попробовать сделать это. Они решили показаться таналитам в своем виде, поскольку этот вид мог быть постигнут таналитами, и сказать им, что они – светлые существа из другого космоса, и что нет числа космосам и живым существам в этих, созданных Богом, обителях. И засияли на земле таналитов Светлые. И как животные относились к таналитам, так таналиты стали относиться к Светлым, едва улавливая кое-что из их сложного мышления. Но они были поражены появлением Светлых и начали говорить, что и после смерти живут души умерших. И Светлые исчезли, решив просить Легов вселиться хоть в немногих несчастных таналитов.

«Массовое сумасшествие! – говорили таналиты через три поколения об эпохе появления Светлых. – Какая неудачная сказка».

«Как странный ваш скептицизм, – говорили другие таналиты. – Все возможно назвать выдумкой и иллюзией. Однако есть такое чудо, как наше собственное существование, почему не быть и загробной жизни, которую вы тоже можете назвать чудом? А разве не чудо бесконечность пространства и времени, в которое вы верите, только грубоватыми софизмами стараясь (но безуспешно) убить веру в наличие этих бесконечностей?»

49. НИССАМНЫ И НОТЕМНЫ

Нед рассказывал.

«Я и два моих товарища с невероятной быстротой промчались через безграничные пустоты и остановились на границе какой-то бесконечности. Увидели гигантский, напоминающий землю шар, на котором находилось много существ, более красивых, чем существа, населяющие земли, желтыми солнцами озаряемые. На этой земле было много растений, цветов, деревьев, летали птицы и насекомые, чаще всего красивые бабочки, бродили разные животные. Некоторые из них напоминали допотопных животных Земли, озаряемой желтым солнцем. В воде виднелись разнообразные рыбы и животные.

Мы удивились, не видя обитателей этой планеты, занятых едой или питьем, и обратились за разъяснением к двум похожим на нас существам. С удивлением оглядывались эти существа, слыша наш голос, и мы насилу столковались с ними. Они понимали язык межпланетных сообщений, но не видели нас.

Догадавшись, что мы невидимы, и услышав от нас, что мы прибыли издалека, они охотно ответили на наш вопрос. Мы узнали, что эти существа не едят и не пьют и не дышат для того, чтобы жить, и, тем не менее, живут интенсивной жизнью. Станный разговор вели они с нами, допытываясь, кто мы и откуда. Они настойчиво спрашивали нас, кем мы были ранее, и не понимали, когда мы говорили, что мы не менялись, что мы только оставили наши тела на нашей планете. Они настойчиво спрашивали нас, как мы меняем наши тела на нашей планете, и мы не понимали их, пока подошедшее к нам и внимательно слушавшее напоминающее оленя животное

не превратилось на наших глазах в человека, из человека – в птицу, на орла похожую, а из птицы – в небольшое насекомое золотистого цвета и, наконец, опять приняло вид человека.

Мы узнали более или менее подобных рассказов, а потом из личных наблюдений, что жители этой планеты принимают по своему желанию какой угодно вид, то есть вид какого угодно, из живущих на этой земле существ, не исключая самое маленькое насекомое и кончая громаднейшим ихтиозавром. Мы слышали удивительные рассказы о миллионах лет, проведенных существами этой планеты в телах многих миллионов разнообразнейших существ. Мы слышали от них и о том, что выше людей научились подниматься все виды земной жизни изведавшие люди. Они превращались в существа, правда, далеко не вполне совершенных ангелов. Сделаться ангелом в точном смысле этого понятия люди этой земли, ниссамнами называемые, не могли. Но все ниссамны верили, что придет время, когда они легко будут превращаться в ангелов, а затем подниматься к высотам необъятным по 24-м главным ступеням Золотой Лестницы. Немного позднее неды расспросили ниссамнов о Золотой Лестнице, а пока попытались найти знающего человека, который помог бы им облечься в видимое тело, и в скором времени добились этой цели.

Ниссамны рассказали нам, что у них были громадные эпохи исканий. Одно время, в самом начале, что-то вроде аскетизма считалось путем к верхам несказанным; позднее все силы своего духа они сосредоточили на научных работах; еще позднее – на философских изысканиях. Еще позднее учение безграничной любви ко всему живому охватило их, и много раз теми или другими путями искали они света истины и знания.

Ниссамны рассказывали нам, что на их планете появляются иногда те, которых они называли носителями темного начала, – нотемны. Нотемны принимают вид ниссамн и учат, что для ниссамн нет другой жизни, кроме той, которая протекает на их планете, что все рассказы о Боге и Золотой Лестнице – простые сказки, имеющие своей задачей создать известное настроение в общечитиях. Они утверждали, что нет ни Бога, ни обитателей Золотой Лестницы, но не доказывали этого положения, ссылаясь на то, что отрицательные положения не могут быть доказаны, и указывая, что верующие в Бога и духов Золотой Лестницы не могут воспринять ни Бога, ни духов.

Напрасно им возражали, что инфузория не может воспринять ни человека, ни животного, что из этого нельзя вывести заключения, что нет ни человека, ни животного. Вся аргументация нотемн сводилась, в сущности, к тому, что не существует то, что недоступно девяти чувствам ниссамн. В результате длительной пропаганды нотемн получилось торжество атеистического мировоззрения, и на сотню лет отодвинулась назад духовная и умственная культура ниссамн.

Как-то раз я беседовал с одним из ниссамн. К нам подошел другой и вмешался в разговор. Очень скоро разговор зашел о нотемнах, много сотен лет тому назад покинувших страну. Подошедший стал утверждать, что нотемны были в сущности правы, что ни Бога, ни Золотой Лестницы не существует, а мой собеседник стал горячо спорить с ним. В это время большая и довольно красивая бабочка с безобразной, правда, головой, уселась на моей руке. Не прошло и трех минут, и я почувствовал, что бабочка, как и подошедший к нам ниссамн, были прибывшие сюда нотемны, а через несколько минут бабочка превратилась в ниссамна и стала горячо поддерживать в возникшем споре того из собеседников, который отрицал наличие Бога. Я отошел от спорящих, нашел двух недов и от них узнал, что они встретили нотемн, очевидно в большом числе посетивших страну, в которую мы прибыли. Тогда мы составили тайное общество, поставившее своей целью выследить всех нотемн и бороться с ними. Мы легко узнавали их даже в тех нередких случаях, когда, принявшие форму ниссамн, нотемны забывали, что они были нотемнами, вошедшими в тела ниссамн, и искренно, как ниссамны, проповедовали свое, отрицающее Бога учение. Но на этот раз нотемны потерпели поражение: им не удалось обратить ниссамн в атеистическую веру.

Мы спрашивали ниссамн, не боятся ли они нашествия на их земли Великого Ничто, лежащего недалеко от них, и получили странный ответ:

«Могучие Димиурги стоят на границе Ничто с громадными щитами, на каждом из которых могли бы разместиться мириады таких миров, как все вместе взятые и все доступные чувствам ниссамн миры, и этими щитами удерживают страшную разрушительную силу Ничто, не позволяя ему поглотить сущее».

Спрашивали мы у ниссамн, есть ли у них правители, и когда после некоторого затруднения они поняли нас, то смеялись странному вопросу, заявив, что даже и мирны лет тому назад, даже в эпохи торжества учения нотемн, у них не было нужды в правителях, и не было ни тех, которые хотели быть правителями, ни тех, кто хотел бы подчиняться таковым.

Мы спрашивали их, молятся ли они Богу, и они отвечали, что у них нет этой потребности; что молиться Богу – значит оскорблять Его, предполагая, что Он сам не знает, что нужно обитателям планет; что Он так несовершенен, что нуждается в просьбах для того, чтобы сделать все нужное для ниссамн, и так невысок, что нуждается в благодарностях, и так не умен, что они не покажутся Ему нелепыми. Не вполне так, но что-то вроде сказанного говорили нам ниссамны.

Мы спрашивали, не посетил ли их планету Эон, и получили ответ, что один из Эонов был на ней мирны лет тому назад, и что Его учение и теперь читается ниссамнами. Он учил, что никому нельзя причинять что-либо неприятное, но при нападении допускал право на защиту.

50. ЭРИСА

Загремели крики среди Светлых: «Назад в миры низшие! Принесем им свет, радость и помощь. А там, где бессильным слово окажется, там наши мечи обрушатся на темные силы». И послали они к Отблескам, прося прийти на помощь, предлагая им позвать и духов высших миров, вплоть до духов Света включительно.

Откликнулись на этот призыв все космосы и выделили из своего населения тех духов, которые рвались прийти на помощь людям. Испугались, впервые испугались Светозарные, мрачные Князья Тьмы и темные Леги. В норы глубокие пытались забиться зловещие лярвы, которых с темными Легами люди смешивали. Но Темные выгнали лярв ударами бичей и бросили на земли, в том числе на ту, которая называлась Эриса. А темные Арлеги, Князья Тьмы и темные Леги говорили: «Все же дадим бой силам нездешним. Не сдадимся! Воплотимся в тела людей и не только в те, в которых наши рабы-лярвы обитали, но и в те, в которых лярв не было».

Слетели на землю светлые духи и увидели, что все тела людей, за исключением тел Храмовников, заняты. Они легко выбросили из тел лярв, в них гнездящихся, но ничего не могли поделать с темными Арлегами, мрачными Князьями Тьмы и темными Легами. Эти гордые духи и не думали покидать тела людей, а когда Светлые принуждали их к этому, они выходили, убивая человека, в котором были воплощены. И пришлось оставить их в телах людей, где так упорно держались темные силы.

«Не помогли Эоны, не поможем и мы, – говорили Светлые, – не лучше ли уничтожить людей, пока злое начало не ассимилировалось с ними?»

«Конечно, мы оставим в живых тех, в которых Леги. Конечно мы оставим и тех, в которых вселились вместо лярв высокие духи», – говорили Сильные.

Но умеющие внушать доверие духи Познания отвечали: «Посмотрите, что выйдет».

И действительно, что-то странное получилось: темным Арлегам, Князьям Тьмы и темным Легам была глубоко противна отвратительная работа, которую когда-то вели на Эрисе лярвы, этими же темными духами на Эрису посланные.

Светозарные, мрачные Князья Тьмы и темные Леги гнушались этой работой и не хотели делать ее. Они не хотели оспаривать учение Эонов, не хотели замалчивать его, не хотели клеветать на это Учение. Им самим пришлось указывать на иска-

жения этого учения и на нелепые дополнения к нему. Им – от Светозарных до темных Легов – было невыносимо скучно зло делать, ни малейшего удовольствия не доставляли им страдания несчастных. На это годились только лярвы, животные мира темных духов. И что-то похожее на вражду почувствовали темные силы к лярвам, ад создавшим, хотя и шли к ним на помощь Темные, хотя и пользовались ими, но глобоко презирали их...

И вот, темные Арлеги вырвались из тел людских и ринулись в ад. Отбросив духов Бешенства, они разрушили стены ада и снова, во второй раз были выведены из него люди. Войдя в тела этих людей Темные претворили их в тела физические и снова вернулись на Эрису.

И они жили на Эрисе, не делая зла (нельзя унижаться!) и не делая добра (не все равно добро или зло?), жили эгоистической личной жизнью... И тогда на помощь Светлым, не знавшим, что делать, прилетели ранее Темным служившие духи Скуки и встали рядом с людьми. И бросили темные Арлеги, мрачные Князья Тьмы и темные Леги тела людей и улетели с Эрисы. Улетели не потому, что были побеждены, а потому, что им скучно стало... А лярвы, потерявшие поддержку темных духов, не посмели на землю вернуться.

Возвратились в свои обители Темные и пытались зажить прежней жизнью, но нередко больными себя чувствовали. Духи Скуки являлись к ним и, низко кланяясь перед Темными, тем не менее страшно надоедали им. И Темные познали если не страдание, то что-то близкое к нему, и они стали изменяться. И тогда почуяли они, что около них, опять-таки новые духи – духи Времени реют...

51. БЕЗЗВЕЗДНАЯ БЕСКОНЕЧНОСТЬ

Представьте себе бесконечность, в которой нет никаких небесных тел: нет ни звезд, ни планет, ни комет, ни туманностей, нет даже космической пыли. Бесконечная, беспредельная пустыня расстилается перед вами, и ничего, кроме пустоты, жуткой мистической пустоты, не встречаете вы. И вот, когда чувство несказанного одиночества, одиночества невыносимого охватывает вас, – вдруг вдалеке вы замечаете маленькую светлую звездочку. Всем существом своим желаете, чтобы приблизилась к вам эта звездочка, ибо нестерпимо для вас более одиночество и жаждете вы познания неведомого... И вот в ответ на ваш безмолвный призыв начинает расти и шириться мерцавшая вдали светлая точка, к вам направляясь. Вы воспринимаете полет звезды странной... все ближе и ближе она... еще мгновение... и перед вами яркая фигура могучего гения: светлый Лег перед вами, и звучит его голос: «Задай вопрос, о друг! Спрашивай о чем хочешь. На все отвечу тебе!»

52. САТЛ-ВЕЛИКАН

Два мощных духа – Светлый и Зарма* – встретились, потому что оба искали разрешения интересовавшего их вопроса: как перейти в миры высшие, в миры Силы и Славы.

Светлый: «Что-то мешает мне перенестись в сферу высшую. Я думаю, что нас притягивает к нашей всеохватывающей вселенной та тяжелая мгла, которая окутала людей, наших младших братьев».

Зарма: «Да, ты прав. Только подняв людей, мы сами пройдем путь, к Славе ведущий».

Светлый: «Что же делать? Не поймут люди нашего языка. Надо послать к ним посредника, хотя эти последние далеко не на вполне понятном языке людям говорят».

Зарма: «Предложим духам Фантазии явиться к людям. Пусть они попытаются поднять их».

Светлый: «Да будет».

Духи Фантазии слетели на землю и нашептывают людям свои странные речи. Они знали, что безуспешна была проповедь Эона Любви, что только любовь, связанная с представлением о том, что части человечества есть единый организм, как дети – единый, хотя и отделившийся от матери организм, была понятна людям. Любовь же нематериальная, любовь духовная только тем из них, кто озарен, понятна, а таких очень мало.

И стараются духи Фантазии пробудить в каждом человеке, к которому приближались, безграничное стремление к совершенству, к блеску жизни и красоте смерти. Но усилили свою деятельность и послы темных сил. Ими систематически извращалось понятие блеска жизненного и подменялось пошлой мишурой материального богатства, диким удовольствием всегда свирепой власти. И Темные всегда ловко проповедовали, что для получения необходимых, а тем более роскошных материальных благ необходимо принижение духовных благ, – отказ от доброты, свободы, братства. И, что всего важнее, блеском называли Темные грязь и падаль. И верили им тупые люди, опьяненные их лестью, убивавшие свободное, искреннее слово.

Но неудержимый полет духов Фантазии, преодолевал посеянные Темными плевелы. И глохли эти плевелы в блеске сияний, приносимых духами Фантазии из миров далеких.

Тогда Темные выдвинули, как противовес сверкающим блеском миров нездешних духам Фантазии, новорожденные исчадия лжи, которые они облекли в мираж несуществующих и ложных гигантских гипотез. Но так как не могла ложь вполне восприняться, пока слышались отголоски миров далеких, они загнипотизировали людей массовым повторным внушением, дабы не слышали они духов Фантазии. И чем тупее и глупее был человек, тем легче поддавался он такому внушению, и только осянные могли противостоять ему.

Внушение носило простой характер: оно твердило, что нет того, чего не воспринимают чувствами люди, что нет поэтому и Бога. Напрасно говорили загнипотизированным, что на таком же основании надо было отрицать несколько десятков лет тому назад существование хотя бы, например, радия, – все это скользило мимо восприятия загнипотизированных. Люди начинали стремиться только к удовлетворению материальных потребностей не высокого разряда и оскотинивались, несмотря на болтовню материалистической науки.

На земле появились, – правда, в очень ослабленном виде, – оставившие свою сущность в мирах мистических солнц вторые Зармы Эонов^{**}. Но и отраженный, затемненный блеск любви, воли и мудрости был страшен для Темных, и они поспешили создать рядом с ним Багровый блеск лжелюбви, лжемудрости и лжеволи. И началась борьба между Зармами и Багровым блеском.

И выдвинули тогда Зармы Эонов новую религию, познающую границы, данные человечеству для восприятия сверхчеловеческого, и в основу ее положили текущее, меняющееся знание, неизменную любовь всепрощения и постоянную волю к добру. А духи Фантазии дали обрядность этой религии, красивую, блестящую, фантастическую. И Светлый Сатл и Зармы первыми слетели на землю, и те люди, которые ощущали их присутствие, становились все лучше, все чище.

Однако далеко не все люди ощущали их присутствие, и Светлые поняли, что надо призвать Сатлов, но те из них, которые решились идти в миры низшие, уже ушли. И решено было просить Эона, дабы он уговорил идти для спасения людей других Сатлов. И Эон пошел по обители Сатлов, говоря, что вся работа уже сделана, которая должна предшествовать работе Сатлов среди людей.

Эон шел по обители Сатлов и рассказывал своим двенадцати ученикам:

«Далеко отсюда, в одной из обителей Сатлов появился Сатл-великан. Когда он раздвигал свои крылья, то мог прикрыть ими чуть ли не десятую часть своей страны. Тесно и душно жилось ему среди Сатлов, и тогда он решил подняться в высшие миры.

Поднялся он в обители Михайлов и увидел себя окруженным такими же великанами, как и он. Он слышал, что они собираются в обители Легов, на которых напали их извечные враги – велы, желая поработить их. Михайлы говорили, что им са-

ним можно бы было лучше устроиться, но им жалко было Легов, надо было помочь последним и не пустить врагов хозяйничать в чужих обителях. Услышал Сатл эти речи и удивился тому, что Михаилы о себе мало думают, почему не переселяются они в лучшую страну, а думают о каких-то Легах?

Он поднялся в более высокую сферу, но никого не нашел там, с кем мог бы поговорить; только изредка проносился мимо него великан Эон, не обращающий на Сатла внимания. Еще выше поднялся Сатл и очутился в стране Аранов, много большего роста, чем он сам.

Прислушался он к их разговорам и узнал, что они тоже собираются в далекий поход, так как к ним прибыли гонцы из далекой бесконечности, прося о помощи: издалека неслись на эту бесконечность враждебные полчища темных духов. И Араны бросили все свои дела и помчались на помощь жителям далекой бесконечности. Снова подивился Сатл, почему и эти не о своих делах, а о чужом благополучии думают. «Ничему в верхах не научишься», – подумал он и вернулся в свою сферу.

Прошли века и Эон, пролетая, задел своим крылом Сатла и шепнул ему, что он ошибся, что многому можно в верхах и в низах научиться. И снова отправился Сатл-великан в космосы Михайлов и Аранов. Прибыв в обители этих духов, он увидел, что те и другие перенеслись уже в высшие сферы. С трудом проник туда Сатл-великан и услышал от них, что до тех пор напрасны были их попытки подняться, пока они не помогли Легам и жителям далекой бесконечности.

Вернулся к себе Сатл и рассказал о том, что он увидел и услышал. И двадцать три Сатла поняли, что помогая другим, себя поднимаешь и решили отправиться с Сатлом-великаном в какую-либо из ниже лежащих бесконечностей, чтобы помочь ее населению подняться.

Тогда Сатлы прибыли в сферу Ирров, где были время, длина, ширина, но глубины или высоты не было.

И прибыв туда поняли они, что надо перебросить слабых духов, которые Иррамы называются, в ту сферу, где они четвертое измерение – глубину – получить могут. Ирры, узнав об их намерении, радостно просили скорее осуществить его. Сатлы построили в длинный ряд Ирров и повели их в новую бесконечность, и, едва показались в ней Ирры, как лучи нового, необыкновенного солнца согрели их. И согретье светом сияющим они поняли, что плоскость их только кажущаяся, что в потенции уже была заложена в них глубина. И когда перенеслись они в новую бесконечность, то на ее пороге ставили перед ними Эоны свои странные зеркала обратной силы.

И отразились они в этих зеркалах, как имеющие четыре измерения, ибо зеркала эти не уменьшали числа измерений, а увеличивали их. И получив новое измерение, вышли Ирры из зеркал мистических и стали существами на людей похожими. И уже не по движению губ, а по волнам звуков понимали они друг друга.

А двадцать четыре Сатла поднялись к Михаилам, и те предложили им остаться с ними. Из пришедших остались двадцать три, но Сатл-великан решил вернуться к своим и, вернувшись в обитель Сатлов, рассказал о переселении Ирров, добавив: «Делайте то, что я, и вы тоже к Михаилам подниметесь». А как поступили бы вы?» – спросил Эон своих учеников-Сатлов.

1-ый: «Своим рассказом ты хочешь убедить нас, что подняться можно не иначе, как других облагодетельствовав. Ошибаешься. Такие попытки часто сводятся к простой потере сил. В твоём рассказе надо видеть простое совпадение увенчавшегося успехом похода и подъёма».

2-ой: «К чему поднимать бедняков из их состояния невежества и бедности? Пусть остаются в том состоянии, в котором они находятся, и тогда они не будут знать страданий неудовлетворенных порывов».

3-ий: «Не блестяще наше положение, но идти к Иррам и им подобным, значит хоть на время, а ухудшить его. А будет ли лучше там, куда мы поднимемся?»

4-ый: «Конечно так было, как Ты, Эон, говоришь, но, если бы мы тоже так поступили, то неизвестно, что бы случилось от этого».

5-ый: «Неужели надо в низы идти и служить инфузориям? Для них другие, не нами указанные пути найдутся. А мы сами для себя будем работать и вперед идти».

6-ой: «Помогать другим, это значит лишать их стимула к самостоятельности. Это вредно для тех кому помочь надо».

7-ой: «Мы знаем, что нам лучше будет в других, лучших условиях. А к этим инфузориям разве можно прилагать нашу мерку?»

8-ой: «Быть может, войдя в тесное сношение с Иррами, мы сами упадем ниже бедны».

9-ый: «Припомните, как мы со Светозарным путались: цель была хороша, а что получилось».

10-ый: «Помогая другим мы отдаем часть наших сил. А нам и без этой отдачи не хватает сил для прорыва к лучшему».

11-ый: «Чересчур часто благие советы ни к чему не ведут и один случай – не общее правило».

Промолчал 12-ый Сатл. Молчал и Эон и тихо шел вперед. Остальные Сатлы благодарили рассказчика, но никто из них не задумался серьезно над рассказанным. И позднее, без Эона, они сомневаясь говорили: «Едва-ли верно, что мы должны склонить свои головы для того, чтобы вверх подняться, а если и верно, то мы не хотим купить этот подъем такой дорогой ценой. Мы мощны и умны, и потому, что хотим так подняться, уже заслуживаем подъема. Поднялись Михаилы, а мы чем хуже их?»

* Зарма – вероятно, то же, что Замма.

** Вторые Зармы – по-видимому, отражения Эонов.

53. СЕРАФЫ И ХЕРУБЫ В ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ БЕСКОНЕЧНОСТЯХ*

Серафы и Херубы начали свое нисхождение. Не останавливаясь прошли они космос, занятый Светозарными дальних миров, прошли они через космос Легов, быстро миновали космос, людьми населенный, и три нижних космоса и, перейдя широкий орос, появились в отрицательных бесконечностях.

Увидели они в низах лежащие опустевшие космосы. Мрачное, гнетущее впечатление производили эти миры. Далеко раскинулись раскаленные, лишенные намека на жизнь пустыни песчаные, и кое-где одиноко, на далеком друг от друга расстоянии, возвышались базальтовые черные скалы. Самый воздух, или то, что заменяло его, казался неподвижным, застывшим. Ни движения, ни шороха, ни дуновения ветра. Полная неподвижность и слабый красноватый свет, которым искрилась кое-где эта пустыня.

Смотрят Арлеги и думают: «Надо заселить эти миры», и оставляют в них часть света своего, исключив возможность заселения мира этого темными сущностями.

Еще ниже спускаются Серафы и Херубы. Новый орос тянется перед ними и Стражи Порога грозные встречают их, спрашивая: «Куда и зачем идете вы?» Отвечают Арлеги, что они хотят посетить миры, в низах раскинувшиеся. Как будто не вполне верят словам этим Стражи Порога и говорят: «Быть может вы Чернобога искать идете. Если так, то возвращайтесь обратно: не найдете его». Не останавливаются сверхгиганты и переходят орос, отстранив Стражей Порога, и входят в страну, населенную абсолютно спокойными существами, никогда не волнующимися, ничего не ищущими, ничего не желающими, жизнь свою проводящим, ни на что не надеясь, ни о чем не сожалея, ни к чему не стремясь.

Смотрят на существ этих Арлеги и видят, что глубоко в них теплится какое-то начало, отдаленно душу напоминающее, но оно так относится к душе, как душа к духу, или тело земли к их душам относится. А тело этих существ холодных, с какой бы стороны ни смотреть на него, всегда казалось двумерным, на отражение в зеркалах похожим, хотя и не было таковым. Существа эти живут, не обижая друг друга, но и не любя друг друга, одинаково чувствуют себя в одиночестве, вдвоем, втроем и в толпе.

Страшным безразличием веяло от существ этих на Арлегов могучих. Спрашивают их Арлеги, знают-ли они о мирах более высоких, слышали ли они, что Бог существует? Отвечают существа, в низах живущие «Конечно, могут быть миры, более высокие, чем наш мир; могут и не быть. Возможно, что имеется Бог, возможно, что нет Его. Это нас не интересует».

Не захотели Арлеги бороться с безразличием и решили до времени покинуть население это.

Дальше летят Херубы могучие и Серафы мудрые, и новый орос перед ними. Спрашивают их Стражи Порога нового: «Куда идете вы и что ищите? Если вы духи высокие, то здесь найдете только противоположность свою. Найдете тех, в ком нет искры души и духа. Существа эти только в пределах своего мира подниматься могут. Для них нет жизни в мирах, более высоких».

Перешли орос Серафы и Херубы могучие. Встречаются они с существами на людей похожими, но более прекрасными. Дружно живут эти существа, прекрасные формы жизни сложились у них. Но на Херубов и Серафов производят впечатление существа эти такое же, как базальтовые скалы и пески за первым оросом лежащие. Пролетая по бесконечности, перед ними развертывающейся, видят Серафы и Херубы, что существа прекрасные как бы по отлогой горе поднимаются, и по мере подъема все прекраснее и прекраснее становятся, несравненно умнее, красивее, величавее в мыслях своих. Чудится Арлегам, что перед ними раскрывается цветок мистический, все более и более чудной красотой сверкая. Ближе и ближе присматриваются Арлеги к существам этим и что-то похожее на жалость и ужас, охватывает духов космоса высокого. Ни зачатка души и духа не видят они в существах прекрасных. Одна материя перед ними. Видят Арлеги, что совершенствуются существа эти, но думают, что никогда не достигнут верхов прекрасных, существа эти совершенные.

Мирны лет летают над ними Арлеги могучие и не устают озарять их светом своим прекрасным.

А вот и орос новый, Стражи Порога ужасные. Не могут перейти орос этот существа прекрасные, но Херубы, напрягая всю свою мощь, отстраняют Стражей Порога. Давно уже сознают Арлеги, что они вместе с населением прекрасным не в низы опускаются, а в верха поднимаются.

Переходят орос все существа, низы населявшие, и видят Арлеги, что преображаются тела их, превращаясь в нечто высшее тела физического, в нечто высшее, чем дух высокий, на рассану похожее. Блеском ослепительным блещут существа преображенные, но как бы колеблются они перед подъемом высоким, перед подъемом новым.

Обходят Арлеги толпы этих духов, хотят впереди их идти... и сознают, что они, Арлеги, в космосе своем очутились, над космосом Легов и людей раскинувшимся, ибо: бездна вверх и бездна вниз; то, что вверх, то и вниз. И если ты понял это, слушающий, – благо тебе!

*Эта легенда является продолжением № 104. Сверхнебесная дорога.

54. СОЮЗ

В царстве Серафов собрались Сатанаилы, Михаилы и темные Арлеги для совещания.

Говорит темный Арлег: «Добро и зло делать – одно и то же».

И звучит ответ Сатанаила: «Пусть так, допустим, что правы вы, но правы вы только тогда, когда дело идет о творящих добро и зло, а не о тех, на кого добро и зло падает. Однако ведь интересы последних соблюдать надо. Сами вы, темные Арлеги, на кого зло недопущения ввысь обрушилось, требуете себе помощи у Серафов и Сатанаилов».

Продолжают Сатанаилы: «Да, делай добро, никому зла не причиняя, но если нельзя помешать торжеству зла добром, а злом можно, – делай минимум зла, пресекающего зло».

«Значит, правы вы, темные Арлеги, и вы, Михаилы».

Спросили темные Арлеги, одного из присутствующих Серафов: «Почему вас так мало на совете?»

«Потому, – звучит ответ, – что спит космос, спят Херубы, мощно простершись над своими туманностями, спят Троны и Господства, спят Силы и Власти, Начала и Рафаилы, окруженные магическим поясом. Только мы, не вошедшие в круг или из него вырвавшиеся, да борющиеся против него, имеем возможность решать, раз нам предстоит это».

И говорят Сатанаилы: «Тогда мы придем на помощь землям. И слушайте, что говорим вам мы, никогда на вас силой не нападавшие. Убеждаем мы вас с нами идти и творить добро, ибо полной неудачей кончались и будут кончаться все ваши попытки зло делать, так как ни на волос вы вверх не поднялись».

Отвечают темные Арлеги: «О, с нас довольно. Мы поняли весь ужас нашей жизни. Не верна наша деятельность. Мирны лет мы будем зло сеять, а все эти миллионы лет Элоа одной сотой долей секунды покажутся, ибо нет для него времени. Вы предлагаете нам бросить зло, пойти в низы, чтобы к необъятным верхам общей дорогой подняться. Ведь вы предлагаете нам отказаться от нашей гордости. Как трудно это! Что выйдет из нашего отказа, от нашего унижения – сошествия в низы?!»

Отвечают Сатанаилы: «Вместе с вами в низы пойдем, вместе с вами к верхам поднимемся. Мы помним, что вы приходили на помощь к нам».

И говорят Михаилы: «Как только вы подниметесь до нас, – мы присоединимся к вам. С вами вместе, с вашими друзьями будем тогда верхов добиваться, или свои верхи создадим».

Отвечают темные Арлеги: «Нам, достигшим великих высот, спуститься вниз? Не хотим!»

Спрашивают Сатанаилы: «А если с вашего места нет прямой дороги в верха?»

И отвечают темные Арлеги: «Ну так что же? Неужели и то утратить, что уже достигнуто?»

«Да, – говорят им, – возвратитесь, отступите назад, утратьте достигнутое, раз оно препятствием к дальнейшим достижениям является».

И говорят Михаилы: «Серафы не примкнут к нашему союзу. У них много работы в области мистических и ледяных солнц в мирах надземных субстанций».

Тогда спрашивают Серафов, и отвечают они: «Не можем, слишком много работы».

И задают вопрос темные Арлеги: «Может быть, вы боитесь нашей измены?»

Но звучит ответ: «Мы не боимся ни ваших прорывов, ни прорывов духов других бесконечностей, но не хотим потерять светлые миры пяти, шести, семи измерений, в стороне от вашего мира лежащие, в стороне от мира живущих низших существ. За бесконечностями разноцветных солнечных скоплений и их потоков блещут наши мистические солнца и мистическими же являются скопления земель вокруг этих солнц. На земли этих солнц переходят души обитателей первых земель и, попав в сферу тяготения этих солнц, пребывают там души пяти, шести, семи измерений. И мы не можем их покинуть, а то были бы с вами!»

Все светлее и светлее становятся темные Арлеги, и говорят ставшие наиболее светлыми: «Наша жертва выше Эоновской должна быть. Пойдем вниз к теням и звукам, к вечно меняющимся образам, времени не знающим. Их иррациональности дадим реальность. Просветим их светом высшим, образуем обширное светлое царство и в нем пребудем, пока не раскроются перед нами ворота Аранов».

И в ответ прозвучал громовой крик восторга. И более светлые, ободренные, говорят темные Арлеги: «И мы хотим, чтобы люди прекрасными были ни во что не веря, так как вера их не может совпасть с сознанием». И говоря это, становятся несколько более темными говорящие.

А в ответ им звучит хор Сатанаилов: «Немыслимо! Да и не к чему это. Пусть верят и прекрасными будут».

И говорят Михаилы: «Как люди захотят. Когда направится поток светлый – все исправит в своем космическом не индивидуальном крещении».

Спрашивают просветленные: «А где же купель?»

И звучит ответ: О а р ст а к р о в.*

Говорят Сатанаилы: «Нельзя людей неверующими сделать, ибо неверующие в Бога Великого в своих вождей верить будут, верить в электрон, в более непонятное и недоказуемое, чем Бог».

Михаилы напоминают темным Арлегам: «Не забудьте отворить двери ада, выпустить людей».

Спрашивает кто-то: «Что же вы хотите, чтобы все люди умерли?»

«Нет, – отвечают Михаилы, – мы говорим только об уже умерших».

И говорят темные Арлеги: «Что же, придется выдержать бой с Князьями Тьмы. Дадим им знание, и темные Леги пойдут за нами. Куда же направить души, в аду сущие?»

Отвечают им: «А разве мало обителей, хотя бы в области Серафов? Новые земли создайте, которые промежуточными обителями будут между старыми землями и землями пяти измерений».

«Если надо будет, все, что надо, сделаем, – отвечают темные Арлеги. – Невозможное не мыслится для тех, кто выше Эонов стать желает».

* Фраза не расшифрована.

55. О ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ КОСМОСАХ (медитация)

Я помню себя на какой-то планете, но не на нашей Земле. Эту планету нельзя было видеть нашими глазами, глазами людей, ее нельзя было осязать, и она не имела свойств притягивать тела. Такое свойство нашей Земли показалось бы невероятным чудом жителям этой, не имевшей силы притяжения планеты. Не зрением, не вкусом, не осязанием, а как-то совсем иначе воспринималось жителями этой планеты все то, что на ней было. Воспринималось особыми пятью чувствами, нам людям не свойственными. Наши пять чувств, пять чувств людей были неизвестны жителям этой странной планеты. На этой планете не было тех измерений, которые измерениями длины, широты и высоты называются, и они заменялись какими-то другими измерениями.

Мудрецы этой планеты говорили мне, что их души обитали когда-то совсем на другой планете и были облечены телами, имевшими совсем другие пять чувств и совсем другие измерения, чем те, которые людям известны. Мудрецы говорили, что эти души или поднимутся кверху или перейдут на новую планету, в той же плоскости находящуюся, как наши, все названные «землями». Эти души будут располагать опять-таки пятью, но только новыми чувствами, и снова и снова все на новые «земли» будут переходить души, воплощаясь в тела с пятью, каждый раз новыми чувствами и тремя опять-таки новыми измерениями.

Эти переходы будут длиться до тех пор, пока в горнилах разных жизней душа не сожжет в себе все те несовершенства, которые она воспринимала через свое тело, давая ему слишком много воли.

И так, как бы описывая горизонтальные гигантские концентрические овалы около нашего мироздания, совсем новые планеты принимают на себя души умерших людей; и на каждой новой планете души входят в новые тела, обладающие новыми пятью чувствами и знающие новые три измерения (кроме времени, которое не изменяется на всех планетах).

Жизнь на любой из этих планет не может быть воспринята жителями нашей Земли. И пока человек, все той же душой обладая, будет жить несправедливой

жизнью, он не поднимется выше и все по планетам горизонтальных кругов будет странствовать.

Каждый космос, Золотую Лестницу, составляющий, имеет свои, рядом лежащие космосы, и там живут те, для которых окончился срок пребывания на одной из планет или в одном из пространств космоса, но которые не достигли еще необходимой для дальнейшего подъема степени совершенства.

И вот на одной из этих планет я ощущал твое присутствие, мой друг на Земле. И я, и ты, и многие другие, ранее на Земле бывшие, хотя и в других формах и образах, хотя и в других измерениях и обладая другими чувствами, творили все-таки людские дела, жили жизнью людей и мы, двое, были большими друзьями. Мы оба боролись с теми, кто не считал свободу высшим добром, кто не считал благом отсутствие страдания и лишений у людей.

Мы оба хотели постигнуть не только то, чего не бывает, но и то, что не могло быть на нашей планете... Но мы оба не выдержали тяжелой борьбы, изменили служению добру и снова, не поднявшись, в мире того же числа чувств и измерений очутились. Мы смертью ушли в тот мир, где ты сейчас находишься. И для того, чтобы подняться, а не кружиться по концентрическим кругам, нам надо согласовать нашу жизнь с жизнью высших миров; надо сорвать с глаз повязку незнания и суметь вырваться из скорлупы невежества.

Надо (а это тебе и мне легко) здесь, на Земле, узнать то, что нужно для того, чтобы подняться.

Помни также: нелепы мои и твои утверждения, что существует только то, что мы видим. Мы видим, что солнце ходит вокруг Земли, а этого нет. Мы не можем утверждать, что нет того, чего мы не видим: мы не видим бактерий, а они существуют. Мы и здесь далеки от добра, и это очень плохо: силой воли и ума надо сделать так, чтобы приблизиться к добру, т.е. творить его.

Разбуди меня! Разбуди скорее! Тяжелая угроза нависла здесь надо мной и я не хочу пережить ее ужасы!..

56. ЭОН И ОДИННАДЦАТЬ ТЕМНЫХ АРЛЕГОВ

Три потока звезд вращаются вокруг трех далеко друг от друга отстоящих гигантских шаров холодного огня, которые, в свою очередь, вращаются вокруг мистического солнца. На нем живут мудрые змеевидные. Недалеко от этого солнца, как бы греясь в его лучах, раскинули свои обители темные Арлеги и частью живут своей жизнью, частью внимательно присматриваются к тому, что происходит на гигантском мистическом солнце. А на нем живут мощные Серафы с шестью крыльями, по два на плечах, груди и спине и с телом из яркого голубого огня, суживающегося по мере удаления от груди и напоминающего собой комету, повернутую широким концом к звезде-голове Серафа.

Но они смотрят не на Серафов, они ждут появления на мистическом солнце Эонов, на земли первой бесконечности опускающихся и оставляющих на солнце мистическом 9/10 своей, мистическим же блеском сияющей души, дабы не испепелил этот блеск существ, сущих в тех низах, куда слетают Эоны. Темные Арлеги не трогаются с места, когда Эоны на земли нашей бесконечности нисходят, многое из своей мистической сущности на мистическом солнце оставляя. Но когда оставшаяся часть Эона, которая в Нем целым является, как всем целым является и та часть, которая как Христос сошла, – когда оставшаяся часть, или часть этой части (тоже равная целому), окруженная сиянием, как кругом, улетает от солнца мистического в другую бесконечность, в невероятной дали от нашей находящуюся, – тогда срываются одиннадцать темных Арлегов и несутся за кругом сияющим.

Появляется Эон на громадной планете другой бесконечности и идет по ней, сияя ярким белым блеском; и опускаются на эту планету темные Арлеги и идут за ним в качестве учеников, красноватым блеском сверкая. Учит Эон великому учению люб-

ви обитателей планеты, холодным блеском сверкающей, но плохо понимают Его обитатели этой планеты, сердца которых иссушены планетным огнем были. Учит Эон любви всепонимающей и потому говорит, что прощены будут гонители учения и учеников Его, только на мгновение, считая вечность и мгновение равнозначущими, отсрочится подъем жестоких.

Учит Эон, что не из боязни наказания, которое обещает Он не допустить, но и из любви не только к живущему, но и к существующему, надо исходить, изживая жизнь на этой планете в мирах и веках. Справедливость и та должна пасть перед любовью. Только свобода может сравниться, встать рядом своим блеском и сиянием с любовью и справедливостью. И только та справедливость, которая не является мстью, а наградой является, должна славиться живущими. Жаль тех, которые живущих благ жизни лишают и себе эти блага захватывают, ибо долго они будут в низах странствовать, к верхам не имея возможность подняться. Жаль лицемеров, много думающих о себе, жаль тех, кто учит суеверию, ибо задержится их подъем в миры прекрасные. Жаль, не умеющих прощать, жаль мстительных, ибо не могут они тотчас же войти в миры высокие. И вас жаль, князья мира сего, ибо власть в руках существ миров низших – медленный яд, от которого в страшных мучениях будут жить самоотравившиеся властители в мирах нездешних.

Вознегодовали правители, до которых дошли сведения о том, что не склонял перед ними головы своей Эон Любви и шедшие за Ним одиннадцать учеников Его, и приказали они схватить и подло жестокими казнями убить их. Знали правители, что во многих местах появляются ученики Учителя, уча не признавать власти кесаря и слуг его, не уважать никакой власти, и раньше, чем учителя, приказали схватить и казнить их. И схватили слуги тиранов темного Арлега, которого Рамиром называли, и положили его на стальные доски и другими стальными досками прикрыли его и невероятные тяжести набросали на верхнюю доску, решив раздавить его тело... И увидели, что шел к ним Рамир, окруженный толпой вооруженного народа и, остановившись в нескольких шагах от них, учил народ учению Эона, прибавляя к этому учению, что насилью надо противопоставлять насилие же, но только до тех пор, пока не прекратилось первое.

Прошел Рамир со своими учениками, и удивленные палачи сбросили тяжести, набросанные на доски, тело Рамира, по их мнению, прикрывавшие, и увидели, что ничего нет под ними. И в ужасе бежали палачи эти из города.

И схватили слуги тирана тело темного Арлега, который Талином назывался, и бросили его в медный котел, который на костер поставили. Но не прошло десяти минут, как увидели Талина, толпой вооруженного народа окруженного, и народ убеждавшего не мстить злобным палачам, но, вместе с тем, не давать им захватывать людей. И удивленные палачи потушили костер, распаяли котел и ничего не нашли в нем. В ужасе бежали палачи из города в пустыню.

Третьего, Гортиса, живым в землю закопали, и тотчас же увидели его во главе вооруженного народа. Ужаснувшись, бежали палачи и спрятались.

Все одиннадцать темных Арлегов лютыми казнями были убиты палачами – и живы остались. Узнали об этом властители и решили, что учитель чародейством спасал учеников своих, и послали солдат и палачей, обвесив их амулетами и ладанками, чтобы взять Его. А одиннадцать учеников окружили Его и на десять шагов не могли подойти к Нему, какой-то силой отбрасываемые. Пытались солдаты стрелять и бросать копья в Него и в учеников – и расплющивались их пули и падали их копья около стены невидимой.

Снова загремела проповедь Эона, но даже темные Арлеги не могли вместить ее, уча людей планеты далекой, насильем отвечать на насилие, пока продолжается последнее.

Но скоро обнаружилось, что население планеты на две неравные части распадается. Первыми увидели темные Арлеги, а за ними и все жители, лярв высоких и лярв низких, в тела правителей и их слуг верных облекшихся и в далекой темнице держащих души тех людей, которыми они пользовались. Стали темные Арлеги учить жи-

телей планеты, что подлы и нечестны поступки правителей и что не может быть чистых правителей. Немного времени прошло, и поверили им люди, отказались от повиновения, и в отдельные города отвели они правителей, которым отказались повиноваться люди. Тогда стали появляться претенденты на власть, уверяя, что их деятельность, раз они получают власть, будет особо выгодной для той или другой части населения.

Тогда собрались одиннадцать учеников Его и начали склоняться к тому, что им самим надо захватить власть, не для того, чтобы пользоваться ею, а чтобы другим помешать ею пользоваться. Отложили они решение на несколько дней, чтобы зрело обдумать его, но на другой же день все они собрались во дворце одного ученика. Сели они, образовав четырехугольник и все разом сказали: «Странный сон приснился мне». И не по обычаю сразу все вместе заговорили они, и получился хор согласный не поющих голосов. Все вместе, не повышая голоса, не отставая и не опережая других, говорили они:

«Мне снилось, что наш Учитель лежит на этой земле распятый на кресте гигантском, на земле лежащем и землю на громадное пространство покрывающем. И я с ужасом спросил Его: «Кто посмел распять Тебя? Я и мои братья через миг уничтожим всю эту землю, такой грех на себя допустившую!» А Он молчал. И я призвал столько темных Арлегов, сколько земля эта вместить может, дабы явились они сюда к нам, к часу собрания нашего».

Послышались удары крыльев и несколько темных Арлегов вошло в зал, говоря, что мирна темных Арлегов летела на землю, где был Эон. И все темные Арлеги поднялись над землей. Жителям казалось, что собралась никогда не бывавшая гроза, затемнившая небо, что страшны гроззовые раскаты и как никогда ярко блещут молнии.

Спрашивают прибывшие: «Где Учитель?»

«Он исчез из мира телесного. Мы видели Его на астральном плане», – сказали одиннадцать учеников.

И они рассказали вновь прибывшим все то, что произошло.

57. СУД ЭОНА

Где-то, далеко от наших бесконечностей умерли все живые существа, на землях когда бы то ни было жившие. Умерли и люди. Во многих других пространствах населенных побывали они. Почти все они искупили в течение многочисленных жизней грехи, на обычных землях содеянные, но небольшая часть из них не могла или не захотела покаяться в согрешениях своих. И ангелы-хранители, на некотором расстоянии от них стоявшие, просили Эона Великого принять их вместе с грешниками страшными в одной из высоких обителей, и принять их так, чтобы Эон явился перед ними не в одеянии земного тела, а в той оболочке, которая Ему в высотах несказанных была присуща. Правда, обычно слагали Эоны с себя покровы высокие, но когда хотели, могли облекаться в них, и в сиянии несказанном являлись тогда.

Внял просьбе хранителей Эон могущественный, и явились перед Ним светлоскорбные, за руку ведя оробевших грешников. Оробели они, потому что свет тихий осиял их, спокойствие великое осенило их души темные, просветлело сознание их. Увидели они свет тихий и закрыли глаза свои, заткнули уши свои, постарались забыть свое прошлое. Но несмотря на все старания, они видели, слышали и помнили. Громко заговорила в них память, и вспомнили они, в чем обвиняли и за что проклинали их люди. Почудилось им, что Эон тихий, Эон блестящий спрашивает, и отвечали ему. А Он спокойный, всепонимающий, смотрел поверх их в верха неизъяснимые.

«Я много горя причинил людям, – говорит один из приведенных, – но они сами были виноваты: они не слушались моих приказаний и приказаний моих единомышленников. Если я сделал что-либо плохое, – я наказан за это. Смотри: мирны тысячелетий все в старом окружении жил я и устал смертельно, и смерть не дает мне отдыха. Быть может я заслужил это, я был безжалостен.

Для пользы своей и своих я мучил смертными муками людей. Но надо же высшим, чем я, быть милосердными. Надо дать мне покой и забвение, хотя бы полным исчезновением это забвение было бы куплено. Как часто грезились мне мною убитые, по моему приказу запытаные. Неотступно смотрели они на меня, и я ужасался страхом великим, и сжималось сердце мое, мне боль причиняя. Прошу Тебя милосердного, я, который не знал милосердия, пошли мне смерть-исчезновение, дабы не грозило мне в далеких веках воспоминание».

И множество ему подобных говорили, подобно сказанному, и все они о вечном покое молили, ибо прозрели их очи душевные и духовные, и хоть смутно, но видели они. А ангелы кроткие, закрыли руками очи свои и плакали, упав в тоске несказанной на колени.

Молчали они и всем духом своим молили за приведенных. Появились около душ людских какие-то видения темные, от этих душ отделившиеся, и говорят Эону: «Мы – порождения этих, тоже людьми называвшихся существ. Если хочешь уничтожь их. Преврати в Ничто мертвое, преврати их в то, что «ничем для Ничто» является. Едва ли этих гадов жалеть стоит. Каждый час их жизни в оболочке людей – непереносные, измышленные страдания для многих. И мы гадки, так как они взрастили и очеловечили свои помыслы подлые, упорно их за нечто хорошее выдавая. Они и мы до тех пор, пока только Твой свет прямо на нас светит, не делаем и не мыслим злодейств и гадостей. Нам надоело зло делать, а этим подлым людишкам не надоест никогда».

А Эон молчал и смотрел поверх голов созданий, к Нему явившихся, в дали несказанные. А пришедшим кажется, что Он говорит что-то. Умоляют Его ангелы: «Как хочешь, но внемли просьбе нашей и дай еще время людям этим: они ныне увидели Тебя, они сразу почувствовали усталость от зла, ими сотворенного. Возможно, что изменится их жизнь, и они искупят страшные, несказанные вины свои».

Смеются видения темные и говорят: «Они покровители тех иуд, которые только за деньги продают учителей своих. Они вспаивают и вскармливают этих негодяев, во сто крат, впрочем, лучших чем людишки эти. Они через короткое время, через одно-два воплощения забудут о Тебе. Они провозгласят Тебя фикцией, мифом, и подкупят тех, кто «научно» докажет, что Ты фикция, миф и вымысел. И снова с этими гадинами мы, такие же гадины, как они, будем купаться в волнах грязного океана подлой злобности, мучая других и себя восхваляя».

А Он смотрел далеко, далеко, в дали несказанные... Снова говорят ангелы: «Не забудут они сияния Твоего. Смягчились души их. От них отошли страсти низкие и помыслы темные. Снова не удастся темным началам захватить их. Дай им возможность спастись». И вспыхнули ярким ровным огнем светильники семипламенные перед Эоном. И по мере того, как горели свечи огнем тихим, менее заметными становились ангелы, как бы сгоравшие от огня неведомого.

Говорят Темные: «Эти люди сами придут к нам. Они найдут или вновь создадут нас. У них сумасшедше-неодолимое, необоримое стремление к крови и мукам других. Их нельзя просветить: они имеют уши, но не слышат слов добра, они имеют очи, но видят только для своих и самих себя. Не могут они безвредными быть. Мирны лет они зло творили и творить его будут. Даже нам, их порождениям, опротивели негодяи эти, грязью запачканные и кровью умывающиеся. И нас уничтожь, если ты милостив, ибо застонут миры и померкнут солнца, если мы в миры возвратимся. Мы – порождения ехидн, и не к чему нам существовать...»

А Он благословил людей ужасных, и Темных благословил Он, только ангелы не были благословлены Им. Поняли они, что тем, кому много дано, с тех много и спросится. Поняли они, что мало одних просьб, одного заступничества. И снова говорят они Ему:

«Мы вместо Тебя готовы идти в те бесконечности, греха полные, где не был Ты и братья Твои. Мы готовы там пострадать, как Ты на земле пострадал. Но Ты, величаво-могучий, спаси этих злобных, этих темных от искушений жизни земной. Они не только жестоки, они бессильны, ибо способность зло творить все поглотила у

них. Не справятся они с соблазнами и искушениями, на землях пребывающими. Снова злыми станут и страданиями людей питаться будут. Подними их».

Величаво благословил Эон ангелов меркнувших, и светом более ярким засверкали они. Подошли к Нему все явившиеся и стали по правую руку Его, ибо омыл их грехи свет тихий, от Него исходящий, ибо нередко много горя испытывали они, проживая в кругах концентрических, и несказанными муками мучились они в час смертный. Одну минуту поколебались подойти к Нему существа помыслов кроваво-грязных, от людей отделившихся, но подняв опущенные очи свои, увидели Лик Его, любовь безграничную отражающий и, подойдя к Нему, ниц пали. Ангелы тихие подошли к людям и к порождениям страшным людей этих и, взяв их за руки, тихо плакали от радости. Заплакали и люди, жестокими бывшие, и духи темные плакали, светом нездешним осиянные. Все просветлели они от света Его непонятного, но омрачило их воспоминание о жизни прошлой. Тогда к каждому из них подошел один из Эонов могучих, во всей силе, славе и блеске бывших, ибо множество Эонов появилось здесь. И каждый Эон, обняв человека, злобой когда-то дышавшего, духа темного и ангела кроткого блаженством наполнились существа эти и забыли, совершенно забыли, что когда-то на землях они злу служили и в новых, правду носящих духов преобразясь, все они пожелали на землях, от нас далеких, семена правды сияющей сеять.

А Эоны сняли с себя облики мощные...

58. О ПОЛЁТЕ ТРЕХ ТЕМНЫХ АРЛЕГОВ

I

В момент создания бесконечности, которая стала последней в ряде бесконечностей, созданных мирны лет тому назад, находились два Элоима, Эоны Мудрости, Воли и Любви и обитель Замм с преобладанием в ней арановского начала. Едва появились в ней Замм-Араны, как зашел между ними разговор о том, стоит ли существовать? И донесся до них ответ: «Как хотите Замм-Араны. Если хотите – может снова низринуться в Ничто. Но временно. Через долгий промежуток времени снова возвратитесь к жизни, снова и снова решая вопрос о том, что лучше: бытие или небытие? Решите также вопрос о том, будет ли небытием та жизнь, которую влачат люди».

Колеблются Замм-Араны: «Если жить, то придется много страдать. Стоит ли перенести мгновенье страдания для веков счастья, стоит ли жаждать мига счастья для векового страдания; хорошо ли, если будут равны суммы страдания и счастья?»

И склонились Замм-Араны к тому, чтобы в Ничто возвратиться, но слышат – издали доносится все усиливающийся ритмический шум звенящих крыльев.

Мгновенье – и перед Замм-Аранами стоят три темных Арлега-великана. Они явно недоумевают и молча озираются, поводя громадными очами. И любопытство вселилось в Замм-Аранов – кто это, почему так печально и грозно смотрят прибывшие? И улыбаясь, говорит один из Замм-Аранов:

«Смотрите, новый смысл открылся нам для жизни. Мы хотим познать, удовлетворить любознательность. Ведь никто из нас не захочет возвратиться в Ничто, не узнав, кто эти духи и зачем к нам прибыли».

И спрашивают Замм-Араны:

«Кто вы?»

«Вы дружелюбно смотрите, – говорят темные Арлеги. – Мы послы из далекой обители других бесконечностей. Мы ищем союзников, да помогут они нам, обиженным».

«Кто вас обидел?»

«На вас немного похожие, но менее совершенные духи нашей бесконечности – Араны. Они не позволяют нам подниматься в лучшую жизнь, к высотам несказанным, где сияет Элоа».

«Как же смеют они не пропускать вас, к верхам стремящихся? Почему они мешают вам подняться, раз вы этого хотите и можете?»

«Они ссылаются на то, что поклялись не пропускать нас к верхам, ибо мирны лет назад у нас было с ними столкновение, и поэтому мы не пошли по Золотой Лестнице, по которой шли другие духи. Они обвинили нас в том, что мы зло от добра отличать не можем, как будто бы то, что добром в нашей бесконечности называется, не дает злого наследия, а зло – наследия доброго».

«А какое им дело до этого? Со взглядами можно бороться, но нельзя мешать подъему из-за разности во взглядах. Хотим мы помочь вам и попытаемся раздвинуть не пропускающий вас строй Аранов».

Криками торжества ответили темные Арлеги и помчались впереди Замм-Аранов, но Замм-Араны скоро обогнали их, подхватив в сферу своих сил, и помчались, по указанному темными Арлегами направлению.

II

Невероятно велик в длину, глубину и высоту строй Аранов, против которых встали Замм-Араны с тремя темными Арлегами, недалеко от которых выстроились полчища мрачных Князей Тьмы и не удалявшихся из своего Космоса темных Арлегов. И говорят Замм-Араны Аранам:

«Пропустите темных Арлегов и с ними сущих к Верхам несказанным».

Отвечают Араны:

«Не пропустим!»

«Почему?»

«Они темные».

«Тем более им надо к свету подняться. А вы, разве совершенны?»

«Мы клялись не пропускать их!»

«Тогда, может быть, у вас были основания не пропускать их. А теперь к чему такое злопамятство?»

«Они не изменились. Не пропустим!»

«Тогда – прочь с дороги!»

Под страшным натиском Замм-Аранов отступают шаг за шагом Араны. Михаилы и Серафы борются на их стороне, а Князья Тьмы и темные Арлеги – на стороне Замм-Аранов. Загремели трубы Аранов, и духи Силы появляются среди них и задерживают наступление Замм-Аранов. Но и среди Замм-Аранов вырисовываются мощные духи Силы. Снова звучат трубы, и оба воинства отступают одновременно, как бы на отдых. Между двумя рядами появляются духи Фантазии и громко зывают: «К чему вы ссоритесь? Мирны веков назад боролись друг с другом вам и другим подобные. Тысяча лет продолжалась их битва, но подкралось Ничто и, все поглотив, выбросило их из своих недр чуть ли не у самых низших духов. Если вы не можете изменить своему слову и пропустить темных Арлегов, пошлите послов к Элоа. Пусть Он разрешит ваш спор».

В это время появляются тьмы Сатанаилов-великанов из кругов концентрических и в два ряда – одни лицом к Аранам, а другие люди к Замм-Аранам стали между сражающимися. Они были без оружия, но страшной мощью веяло от них, и ясно было, что они не позволяют битве возобновиться.

Громко зывают духи Фантазии: «Сатанаилы помешали братоубийственному бою. Пропустите послов к Элоиму, а сами займитесь своими делами. Ведь, Замм-Араны, и там, в той бесконечности у вас ничего не сделано из того, что вы хотели или могли сделать!»

И говорят Араны, мечи свои опуская: «Мы согласны пропустить тех трех темных Арлегов, которые вошли в нашу обитель».

Спрашивают Замм-Араны: «А вы, что скажете?»

И гремят голоса, сражавшихся с темными Арлегами: «Мы согласны. Анза, Руир и Канса пусть идут к высотам несказанным».

Исчезли Сатанаилы других кругов, и говорят Араны: «Мы согласны, но покажем свою мощь пришельцам Замм-Аранам. Смотрите».

И сразу исчезли Араны. Безграничная пустыня неба расстилалась перед Замм-Аранами и темными Арлегами, и по ней проносились гигантские ледяные, сверкающие, как алмаз, шары, а далеко внизу блестели мириады разноцветных солнц-звезд. Пытались подняться Замм-Араны, но их не пропускали ледяные горы и не могли они остановить их полет. Снова показались Араны.

Говорят тогда Замм-Араны: «Мы не можем ничего подобного делать. Куда вы исчезли?»

«Научитесь, – отвечают Араны. – Мы ушли в Зеркала Реки Сверкающей».

И расступились Араны, образуя длинный коридор. Летят по нему три темные Арлега и кричат им Араны:

«Спросите, там в Верхах, кто прав: мы, вас не пропускающие, или вы, наш строй прорвать желающие?»

III

Летят, столетия летят три темные Арлега, только ледяные шары встречая на своем пути. Не устали они, но как скучно лететь в пустоте, только лед встречая и странных духов, его населяющих. Но вот, как бы розовая заря вспыхнула – и они в мире Отблесков. Пропустили их Стражи Космоса, сказав, что знают, кто они и куда летят. И вот темные Арлеги в Космосе розовых Отблесков.

«Добрый путь», – приветствуют их Отблески, а темные Арлеги спрашивают: «Араны просили нас спросить вас, кто прав: мы, к верхам своей дорогой идущие, или Араны, нас не пропускающие».

И отвечают им, блеском розовым сияющие:

«Мы не судим, ибо всякий, кто хочет подняться – умно поступает. Но тот, кто стремясь к верхам, в низы смотрит, кто, стремясь к абсолютному Добру, зло делает, – тот во вред себе поступает. Чашей полной за зло воздается в веках и мирах. Ни вам, ни Аранам не надо делать зло, хотя Араны думают, что добро творят, вас не пропуска к верхам, не зная ваших форм зла».

И в космосе голубых Отблесков, рядом лежащем, задали темные Арлеги тот же вопрос и получили ответ:

«Всякая вражда, всякое наказание – грехом может быть названо. Не нужны они, хотя можно исследовать, кто правильно поступил и кто ошибся».

«Нам необходимо лететь дальше».

«Трудно вам будет. Возьмите этот рог, и когда нужна будет помощь – трубите в него».

Снова летят в безвоздушных пустынях три Арлега, летят вдвое большее число столетий. Страшная усталость овладевает ими.

«Брат Руир, поддержи меня. Я больше лететь не могу», – говорит Анза, никогда, как и все темные Арлеги, ни о чем не просивший. И поддержал его Руир, всегда одиноко живший, и говорит:

«Брат Канса, затруби в рог, данный нам голубыми Отблесками. Нам нужна помощь».

И загремел рог, голубыми Отблесками данный. Прошло несколько времени, около темных Арлегов мелькнула голубая молния и голубой Отблеск говорит им:

«Совсем близко Космос Нирван, но он едва видим. Вы у его порога. Нирван вы не увидите, а Нирваниды примут вас. Немного вправо, а теперь входите, у них нет стражи».

Прекрасные, внешне чересчур спокойные, чуть ли не статичные встретили темных Арлегов Нирваниды, и когда отдохнули прибывшие, предложили им на выбор: или остаться в области Нирван, или лететь дальше. Анза, боясь, что не хватит сил на дальнейший полет, хотел остаться у Нирванид, но Руир легко уговорил лететь дальше. Прощаясь, они задали Нирванидам свой вопрос, но те не ответили на него, удивив-

шись, что есть духи, других духов к верхам не пропускающие. И не поняли они, что злом в низах называется, а на вопрос, почему нельзя видеть Нирван, ответили так: «Да просто по несовершенству вашего зрения. Так и люди никаких духов не видят».

Опять в безграничной пустыне летят темные Арлеги, и опять усталость овладевает ими, но навстречу им несутся духи Инициативы, приветствуя их и хваля за смелый полет, за дерзание, и доставляют их в свою обитель, неустанно кипящую жизнью. Обещают они донести темных Арлегов до обители духов Силы, а на переданный вопрос Аранов ответили: «Попытка задержать подъем – вред. Правда, не приспособлены к жизни в верхах в низы смотрящие, это верно. Но ничего, кроме пользы, пребывание в верхах, хотя бы короткое, принести не может».

Дружелюбно и спокойно встретили их гиганты – духи Силы, дали темным Арлегам усиливающее их мощь начало, которое мы назвали бы чем-то похожим на укрепляющее питье, и сказали:

«Не забудьте спросить в Верхах, долго ли нам Димиургам служить и помогать? Скоро ли нам дана будет возможность выше подняться?»

Обещали темные Арлеги выполнить их просьбу, а на вопрос об Аранах ответили духи Силы, что Араны, не пропуская темных Арлегов подняться, думают, что этим они и темным Арлегам пользу принесут, так как заставят их зло от добра отличать, и защищают высоты от низменной, идущей за тьмой грязи и мглы. А духи Силы давно с Аранами договором связаны, и до сих пор не было у них основания пересматривать договор. Никогда к ним не обращались темные Арлеги, с предложением пересмотреть к ним отношение.

Снова летят темные Арлеги тысячи лет. И снова страшная слабость овладевает ими. И громко позвали они: «На помощь, духи Силы, на помощь!»

И гигантские духи Силы появились около усталых и подняли их к тем высотам, где духи Познания обитают.

Приветливо встретили духи Познания темных Арлегов и говорят они: «Охотно поможем вам, так как к Свету Вечному вы стремитесь. Мы перенесем вас в обитель духов Гармонии». И на вопрос – правы ли Араны, не пропуская темных Арлегов и обитателей их сфер в Верха, ответили: «Конечно, нельзя мешать подъему, но нельзя и негодовать на тех, кто по неведению другим подниматься мешает. Они и в своем подъеме задержатся».

И перенесли духи Познания темных Арлегов в космос духов Гармонии. Все знали духи Гармонии о темных Арлегах и их царстве, и посоветовали им дать другую работу лярвам, чтобы не было препятствия к подъему, которое создается для темных Арлегов работой лярв. Они посоветовали темным Арлегам не поддаваться влиянию черных молний в обители духов Света и доставили их в эту обитель.

IV

Странная картина развернулась перед очами темных Арлегов, вступивших в царство духов Света. Многое множество сверкающих, блестящих красотой предметов – радуги, сверкающие чаши, огнистые кресты, звезды, разноцветные огни, странные цветы, и тысячи блестящих, меняющих свои формы вещей, как бы осыпанные сверкающими драгоценными камнями предметы, северные сияния со всех сторон окружили темных Арлегов. И вдруг все это приняло форму и вид Михайлов. Построились два ряда Михайлов, оставив посередине дорогу для темных Арлегов. Понеслись по этому пути темные Арлеги и опустили гордые очи, не захотев смотреть на подобие своего векового врага. Вдруг несколько черных молний, одна за другой понеслись по дороге темных Арлегов, и напрасно пытались принявшие вид Михайлов защитить темных Арлегов своими щитами. Вокруг щитов облетали некоторые молнии и били темных Арлегов, а другие молнии поражали оставшихся без прикрытия самих духов Света.

И почувствовали темные Арлеги тоску и смущение: «Стоит ли лететь к Элоиму? Есть ли кто-нибудь или что-нибудь, кроме пустоты, за Элоимом? И как не похоже то,

что мы видели до сих пор, на то, что рисовали себе в низах, стараясь представить себе обитателей этих сфер!»

И видят темные Арлеги, что как бы поблекли, потускнели квази-Михаилы, пораженные черными молниями, и вспыхнула в них неукротимая гордость темных Арлегов. Гордо подняв голову, сверкая грозно глазами, еще быстрее понеслись они к Верхам; вот уже миновали они ряды духов Света и неслись в сияющей чудным блеском пустоте. Но их обогнали семь квази-Михайлов и, окружив, быстро понеслись вверх. Все они, все десять достигли какого-то предела, и улетели тогда духи Света.

Видят три темных Арлега сплошной ряд светлых гигантов, преграждающих им дорогу. И не глядят на них гиганты. Одной тысячной роста их не достигли темные Арлеги. Нельзя вступить в переговоры с гигантскими Стражами Порога, и в смущении переглянулись невероятно долгий по времени путь совершившие темные Арлеги. Они не знали кого позвать на помощь, но не утратили свою способность произвольно менять рост и напряжением воли довели его до одной десятой роста Стражей. А те все-таки не обращают внимания на них. И решили темные Арлеги подняться на своих могучих крыльях и ударить трех посередине стоящих гигантов булавами между глаз.

И в этот миг почувствовали темные Арлеги, что около них стоит мощнейший из сущих, тот, кого нельзя назвать «дух», которого Димиургом называют. Поняли они, что Демиург предлагает им войти в поток зеркальной поверхности, которую рядом с собой видели они. Ни на минуту не задумываясь, вошли три темные Арлега в зеркала мистические. Такими же гигантами отразились они в глазах Стражей, какими были последние, и потребовали у них пропустить их к Элоиму. Но отказом отвечали Стражи Порога. Взмахнули тогда булавами темные Арлеги... и увидели, что Эоны вышли из своих обителей и стоят перед ними.

V

«Зачем вам видеть Элоима? – говорят темным Арлегам те, кого они за Эонов Мудрости приняли. – В свое время вы дойдете до Него и войдете в ряды Его воинства. Теперь же лучше всего будет, если вы вернетесь к своим и скажете, что они ошиблись дорогой. Не по лестнице высокой башни идете вы, стремясь к Высотам подняться, а влезаете на верх дерева, недалеко от башни растущего. Дальше вам нет хода. Спускайтесь вниз и поднимайтесь по настоящей лестнице, на вершину башни ведущей».

Отвечают темные Арлеги: «Мы передадим ваш совет нашим братьям, а сейчас мы должны подняться к Элоиму».

«Надо пропустить их, – говорит Эон Любви, – они должны пройти, так как действительно хотят этого».

«Если они хотят даже после наших слов, – говорят Эоны Воли, – мы не станем мешать».

Тогда Димиурги подошли к Стражам Порога и раздвинули их. Бросились темные Арлеги по открытой дороге, где встретили их Эоны Любви, Мудрости и Воли.

Спросили темные Арлеги: «Кто прав в старом споре: мы или Араны?» И получили ответ: «Никто не в праве преграждать дорогу к верхам, но вы не могли бы удержаться на высшей ступени, не получив право на подъем, не заслужив этого права».

И поднялись темные Арлеги над областью Эонов, и с ними летели три Эона Любви, их пожалевшие. В окружении яркого блеска очутились они и временно закрыли очи, этим светом ослепленные. Они утратили представление о том, где верха, где низы, где та или другая сторона. Чувство, подобное страху, охватило сердца беспрепятные, и по указанию Эонов Любви громко вскричали они: «Явись, о явись нам!»

Носились они по волнам Света, и все мощнее звучал их призыв-мольба. И как будто в них самих зазвучал голос неведомый, на голос других духов непохожий:

«То, что вы сделали – сделано. Вы сами захотели искупить то, чего не надо было делать. И вам говорят на вашем языке: придется в низы пойти. Но где верх и где низ

у шара-планеты? Нисходя, вы подниматься будете. Много пожертвуете вы для слабых и сильными станете».

А Эоны Любви плакали.

И снова слышится голос:

«Духи Силы, если хотят, могут отойти от Димиурга, но он больше их знает. Надо кончить спор Аранов с темными Арлегами, но для этого те и другие должны осознать неправоту свою. Споры их – горе низам и верхам, и Мое страдание. Во Мне отражаются страдания всего, Мною сотворенного. И Я страдаю в тысячу крат сильнее, чем все вместе взятые сущие страдают. Старайтесь не для Меня – для себя уменьшить сумму страданий в мирах».

А Эоны Любви плакали... Впервые темные Арлеги запели благодарственный гимн и понеслись в обитель Аранов, а впереди их летели Эон и Демииург, устраняя с пути препятствия. С невероятной быстротой, в тысячу раз восхождение превосходящей, неслись темные Арлеги, блеском новым сияющие, и прилетели в обители Аранов, когда эти обители слились с другими обителями. И рассказали, что узнали, прилетев к своим, начавшим уже борьбу с надвигающимся Ничто.

59. МАРИЯ ИЗ МАГДАЛЫ

Мария держала в руке чашу, когда в нее лилась кровь и вода из тела Распятого. Какое-то непонятное, неизъяснимое чувство охватило ее в эти минуты. Ей показалось, что она все поняла из вечерних бесед Учителя, о которых ей рассказал Фома, когда-то посетивший Индию, но что новая страшная тайна встала перед ней. Ведь в муках умирали за свою идею, за свое учение и те, кто ошибались, но безошибочны слова Учителя. Тем не менее, и тогда и позднее казалось ей, что какая-то неисповедимая тайна скрывает прошлую и будущую жизнь Учителя, что Он принес в жертву что-то гораздо большее, чем земная жизнь.

И когда римский воин вырвал из ее рук чашу, она решилась узнать, что скрывается в неисповедимой тайне. А так как Учитель пришел из Египта, откуда приходили к Нему никому неведомые люди, знавшие, по слухам, чрезвычайно много, – она решила отправиться в Египет.

Все свое имущество обратила Мария в золото, наняла охрану, и с одним из караванов прибыла в страну Кемии. Там нашли для нее не очень большое имение, которое она и купила. Поселившись в маленьком доме, она ничего не требовала от земледельцев, обрабатывавших ее землю, и принимала от них только небольшое количество пищи. С раннего утра уходила она по направлению к границе пустыни, брала с собой немного фиников и рукопись, переданную ей Фомой, и в одиночестве думала о словах и делах Учителя.

Но где бы ни находилась Мария, читавшая составленное Фомой изложение учения Христа, не проходило и трех дней без того, чтобы мимо нее не проезжали на верблюдах два человека. Однажды они остановили своих верблюдов, сошли с них около ручья, где сидела Мария, и один из них, старый египтянин, после обычного приветствия спросил ее, почему она так усердно читает рукопись, по внешнему виду похожую на рукопись его друга Фомы, и почему так печальна Мария? Мария почувствовала полное доверие к заговорившему с ней старику и рассказала ему, что она хотела бы знать, где находится теперь Учитель, поскольку она хочет спросить Его о многом, ей малопонятном. И на вопрос старика, которого звали Орсен, она ответила, что на все готова, лишь бы увидеть Учителя.

После ряда таких свиданий, Мария раздала все свое имущество и уехала с Орсеном. Спустя несколько дней, Мария очутилась вместе с Орсеном у входа в Лабиринт и вошла в это странное помещение, где жрецы неизвестного культа отвели ей комнату, единственным украшением которой было изображение Учителя.

И в беседах со жрецами Мария настойчиво твердила, что ей во что бы то ни стало надо увидеть Учителя. Главный жрец ответил, что ее желание может быть удов-

летворено только в том случае, если она решится принести великую жертву, если она сама найдет и принесет ее.

Через полгода сказала Мария жрецам: «Я хочу умереть на земле за учение Христа, но и после смерти хочу жить, как простой человек живет. Хочу вечно проповедовать учение Христа и страдать за Него. Я отказываюсь от счастливой и прекрасной жизни в мирах высоких, так как, будучи осиянна светом, должна всех, кого можно, светом озарять. И не буду стремиться увидеть и услышать Его, Великого».

И признали жрецы ее жертву громадной, и благословили ее учить человечество в мирах и веках.

Мария прибыла в Рим и, вступив в христианскую общину, была назначена раздавать при входе в катакомбы светильники. Римские солдаты со шпионами во главе вошли как-то в катакомбы, чтобы арестовать христиан и предать их претору, который должен был отдать их палачам. Они потребовали от Марии, чтобы она привела их в ту подземную залу, где собрались христиане, и Мария, не сказав ни слова, пошла впереди них. Долгое время шли они по подземным переходам, и в конце концов она вывела их в пустынное поле за несколько верст от Рима. Христиане были спасены, а претор приказал бросить Марию на растерзание диким зверям в цирке.

Умерла Мария и тотчас же увидела себя на улице громадного города, наполненного людьми. Увидя ее, смущенную, некто подошел к ней и сказал:

«Ты, очевидно, прибыла из отдаленной страны и у тебя нет здесь знакомых?»

«Да, господин», – ответила Мария.

«Тогда иди за мной, я отведу тебя в дом для чужеземцев».

«Мне нечем будет заплатить за помещение и пищу».

«Никто ничего не возьмет у тебя: у нас все общее. Если имеешь что лишнее – отдашь в общую кассу».

Приветливо встретили Марию в том доме, куда привел ее незнакомец, отвели ей три комнаты, принесли всякой одежды, предложили ей питаться за общим столом или отдельно, и ни словом не заикнулись о том, что она должна платить за все это или что-нибудь делать. Присмотревшись к жизни страны той, увидела Мария, что жители ее не имели собственности и никто ничего из имущества не называл своим, но все у них было общее. Не было никого между ними нуждающихся, поскольку каждому давалось то, в чем он имел нужду. Они разделяли всякое имение и всякую собственность, смотря по нужде каждого, и поэтому среди них не было ни богатых, ни бедных, но каждый удовлетворял свои потребности по мере возможности, для всех одинаковой. Не было бедняков, и среднее довольство материальными благами было очень высоко, так что мало эти люди зависели от материальных условий и жили красивой, чистой жизнью.

Много интересного и неожиданного узнала и слышала Мария, но всего более ее поразило то, что никто из жителей города не слыхал о загробной жизни, никто не подозревал, что после смерти жизнь продолжается в мирах других. Были в числе жителей такие, которые боялись и не хотели смерти и старались отсрочить час ее; были и такие, которые почти безразлично относились к тому, жить им или навсегда потерять сознание.

Мария встретила прекрасного, смелого, умного человека, который горячо любил ее, но она, не поддавшись чарам любви, попыталась убедить его в бессмертии, в том, что смерть не прекращает жизни, а только переносит ее в другие миры. Но он не воспринял ее учения. Гордясь справедливостью, как она у них понималась, говоря о милосердии, он не понимал идеи всепрощения, понятие необходимости любви к ближнему было ему чуждо, и с печалью в душе он оставил Марию. А Мария нашла двенадцать учениц, принявших учение Христа, и проповедовала Его учение о жизни вечной. Небольшая часть населения приняла ее учение, а другие говорили, что она безумна, и, в конце концов, взяли Марию и посадили ее в дом умалишенных. Духи Фантазии прилетели к ней, приносили ей вести издалека, и Мария жила, непрестанно моля ангела Смерти прийти за ней. Прилетел ангел Смерти и шептал ей, что, благодаря ей, будет жить на новой земле учение Христа, что она стала Его пред-

течей, что ее учение было легким, но благотворным веянием ветерка перед грядущим порывом могучего вихря. И умерла Мария, радуясь, что не прибегала она к насилию и не учила ему, всем говоря, что ни при каких обстоятельствах не надо прибегать к насилию.

Умерла Мария и тотчас же увидела себя на море в маленькой лодочке, которую несло ветерком к берегу. Прибило ее лодку, и когда она вышла на берег, ее окружили суровые, хмурые люди в грубых одеждах. Она видала, что суров был и климат страны, что людям приходится вести тяжелую борьбу за существование, но приветливо и гостеприимно встретили ее эти хмурые люди. Они жили вместе, делясь тем, что имели, сообща пользуясь жилищами, по сто семейств проживая под одной кровлей, и, хотя элементарное понятие о собственности потребительной у них было, все же общность имущества преобладала. Они сообща пользовались инструментами, делились пищей, так что не было у них голодных или таких, которые бы лучше других питались или одевались более роскошно, чем другие. У них не было начальников, которые мучили бы их, и они жили тихой трудовой жизнью. Среди них никогда не было убийств, почти не было ссор, их дети с малых лет никогда не слышали брани, не знали ни одного обидного слова, никогда не подвергались грубому обращению. Но все же было нечто, что возмущало Марию: не нравилось ей отношение к старикам, которых покидали жители, уходя в другие места и оставляя старикам съестных припасов только на месяц.

Мария говорила, что это нехорошо, но они не понимали ее. Мария говорила им о загробной жизни, и они отвечали ей, что знают о том, что жизнь не оканчивается смертью, и спрашивали: «А на том свете буду ли я голодать за то, что здесь не дал пищи этим бездельникам-старикам?» Мария не хотела говорить неправду и отвечала, что этот совершенный по неведению грех простится им, и они, очень довольные, не подумали изменить свое отношение к старикам.

Спрашивали Марию – надо ли сказать матери, что ее сын утонул в море, или можно солгать, уверив ее, что сын ее уехал в далекую страну и что трудно ждать вестей от него? И ответила Мария, что лгать не надо – и страшно была огорчена мать. И другие такие же вопросы задавали Марии, и она всегда отвечала, что ни в каком случае нельзя лгать, как нельзя убить даже сумасшедшего, грозящего убить ребенка, и не позволяющего, благодаря громадной силе, отнять последнего от потерявшего разум.

Ни разу не солгала Мария, не сделала и не посоветовала сделать того, что было запрещено заповедями любви, какие бы обстоятельства ни вызывали нарушение этих заповедей. И долго не прилетал к Марии ангел Смерти, а она видала, что ее советы, обычно добро порождавшие, иногда зло порождали. А когда появился около нее ангел Смерти, ни слова одобрения или порицания не сказал он ей, и умерла Мария.

Мария увидела себя на громадной площади какого-то города. Площадь была переполнена волнующимся народом. Все горячо обсуждали вопрос – продолжать или нет восстание. Мария вмешалась в спор и говорила, что восстание связано с убийствами, а убивать себе подобных грешно. Но большинство не слушало ее, говоря, что лучше убить того, кто хочет обратить человека в рабство, чем остаться рабом. И народные массы продолжали восстание. Победив, жители страны, в которую попала Мария, разделились на две части и поделили между собой землю. В одной части страны господствовал старый, в другой – новый общественный строй. Но скоро люди, жившие в той части страны, где восстановлен был старый строй, начали переходить в другую ее часть, едва начинали сознавать как их эксплуатируют и угнетают. Наконец, в стране неравенства остались только богачи и эксплуататоры, которые тоже перешли в страну свободы и равенства. Территория, когда-то занятая ими, перешла во владение Свободных – так называли себя жители второй части страны.

Но богачи не хотели работать, и за все свое золото, за все свои прекрасные вещи не могли найти тех, кто согласился бы работать на них. Им грозила нищета и голод, но жители стали выдавать им умеренный паек, достаточный для жизни, но не

роскошный, и вместе с тем прервали знакомство с теми из них, которые могли, но не хотели работать. Но Мария и ее последователи нашли такое постановление жестоким и поддерживали знакомство с бывшими богачами и надолго отсрочили их слияние с остальной частью населения.

И снова ангел Смерти посетил Марию, и она очнулась в новом мире. Десятки раз переходила она из мира в мир и везде строго держалась заветов правды, жертвуя для них советами любви. Наконец, после одной из своих смертей, попала Мария в мир, смутно напомнивший ей почти забытую землю. Не успела она пройти по дороге и сотни шагов, как увидела вдали небольшую группу людей, медленно подвигавшуюся ей навстречу. Ближе, ближе эти люди, и Мария видит перед собой Христа с Его учениками. Мария протянула к Нему руки и от радости не знала, что сказать, не понимая, что Христос знает все, что она хотела сказать Ему, знает все, что она делала во имя Его в течение всех своих многочисленных жизней.

И Мария воскликнула: «Господи, что мне делать для того, чтобы быть Твоей верной ученицей?»

И ответил ей Учитель: «Иди и не бойся греха, когда любовь требует от тебя согрешить».

Прозрела Мария, и после трех новых жизней, когда она спасла матери сына, сказав неправду, спасла вождя, проповедовавшего светлое учение человечеству, и простого человека спасла для него самого, – она поднялась в высший космос, так как много было ей дано и много спросилось с нее.

60. КРОВЬ И ЗОЛОТО

По разным дорогам, то верхом, то пешком, спешат к разбросанным в разных местах обителям послушники монастыря Св. Бернарда Клервосского. В двенадцать обителей прибыли они и передали жившим там монахам приглашение прибыть в монастырь, расположенный в Плесси-о-Роз для переговоров с вернувшимся из дальнего странствования братом. И все обители получили по небольшому мешочку с землей, когда-то орошенной слезами молившегося в саду Гефсиманском Спасителя.

Ко дню Рождества Христова делегаты прибыли в обитель Плесси-о-Роз и узнали, что только в день Нового года они сойдутся на совещание с приехавшим из Палестины братом, с тремя епископами и настоятельницей монастыря Св. Анны. Скромно, в благочестивых размышлениях, воспоминаниях, и в попытках высоко поднять свои сердца провели прибывшие монахи Рождество, и в день Нового года собрались они выслушать то, что хотел им сказать прибывший из Палестины и дошедший до Гроба Господня монах.

Первым на собрании заговорил старейший годами епископ. Он указал, что гость из Палестины так давно уехал из Франции и Европы, что у него не осталось никого, кто бы знал его до отъезда, однако прибывший брат представил неопровержимые доказательства своей принадлежности к числу монахов монастыря Св. Бернарда Клервосского, и так как потребовал созыва старейших, то ему нельзя было отказать в созыве братии. Поэтому им прежде всего надо выслушать, что скажет прибывший.

Тот встал и сказал следующее: «Возвратясь из Палестины, с горечью узнал я, о братья, как малочислен, как невлиятелен и как беден наш, когда-то могучий Орден. И еще более огорчила меня его полная бездеятельность. Правда, я ждал этого, но действительность превзошла мои ожидания. Мы гордились тем, что хранили в своих недрах древнейшие сказания, но многие из них забыты, и кто может сказать, что без искажений передаются не забытые, что они ценнее разных сказок обычных житий святых и рассказов трубадуров. Не спорю, они более глубоки, чем то, что общим достоянием стало, но все они звучат по-человечески. Что в них нового? Обычное суеверие о разных, никем не виданных духах с указанием иногда на то, как получены рассказанные в легендах эпизоды. И, конечно, ничего общего не имеют с достоверной наукой сведения, из легенд почерпнутые. А если они учат о морали, – то не до-

вольно ли для этого законов светских и духовных властей? К чему тут легенды, хотя бы и те, которые Евангелием называются?»

И долго говорил вновь прибывший, в конце концов посоветовав распустить Орден и жить обычной для всех обывателей жизнью.

Выслушали его монахи, своим молчанием смущавшие рассказчика и, встав, пошли к выходу, не дожидаясь, что скажут епископы и настоятелиницы. Выходя, последний монах обернулся и благословил приехавшего, и что-то вроде гримасы мелькнуло на его лице. А епископ, не подав вида, что произошло что-то необычное, пригласил вновь прибывшего на собрание, которое назначил на другой день в тот же час.

А одиннадцать монахов-делегатов собрались в комнате самого младшего, двенадцатого, и говорили о вновь прибывшем.

1-й: «Он не знает наших обычаев, и невнимательно слушали его епископ и настоятелиница».

2-й: «Никто из нас не был очевидцем событий, происходивших тысячу лет тому назад, однако они были».

3-й: «Как неверны, каким далеким отражением истины являются научные открытия, но горе людям, если они от науки откажутся!»

4-й: «Всё, так называемое, реальное – ирреально. Ну, что реального, не говоря о повторяемости явления, что из маленького семечка вырастает прекрасный цветок или могучее дерево?»

5-й: «И все ирреальное реально, ибо нет предела тому, что мы называем временем и пространством. И раз бесконечно пространство и время, то все, нам переданное, когда-то реальным фактом было».

6-й: «Почему он ничего не сказал о наших попытках доброе делать?»

7-й: «Он не сказал, что у нас каждый может или верить сказаниям, как тому, что действительно было, или считать их поучениями древних мудрецов, любивших притчи и аллегории».

8-й: «Он ответил на знаки, но сам их не делал. Ни одного знака-вопроса не предложил нам».

9, 10, 11 и 12-й: «Все, что говорил он, – давно говорится, и не стоило приезжать для того, чтобы выслушать обычные полурезбаческие сомнения».

Монахи разошлись по своим комнатам, а утром им подали три завтрака на четырех человек. И когда они кончили в трех комнатах свой завтрак, к каждому собранию из четырех монахов пришел епископ и настоятелиница, и говорили с ними о появившемся монахе, спрашивая, заинтересовал ли он слушателей? Получив отрицательный ответ, они все-таки просили монахов прийти на вечернее собрание и не показывать внезапным уходом свое нерасположение приезжему. На другой же день было решено поговорить без приезжего о делах монашеского Ордена.

А один из послушников, приглашавших монахов на малый собор, прежде, чем возвратиться в монастырь, отправился к жившему неподалеку от дороги отшельнику, о котором говорили, как о святом человеке, и рассказал ему следующее. Он, послушник, был дежурным в монастыре Плесси-о-Роз и ему оставалось еще две ночи, когда в монастырь прибыл монах из Палестины. Он ночевал в комнатке, соседней с комнатой для гостей, которая была отведена приехавшему монаху. Послушник, утомленный дневной работой, заснул, как только прилег, но вдруг проснулся, как бы кем-то разбуженный.

В момент этот башенные часы пробили полночь, и едва раздался последний удар их, маленькое потайное окошечко, пробитое в соседнюю комнату и с той стороны замаскированное, вспыхнуло ярким кроваво-красным светом. Послушник, движимый любопытством, приставил к стене табурет, встал на него и заглянул через потайное окошко в соседнюю комнату. Он увидел там приехавшего монаха и какого-то другого, сидящего спиной к послушнику человека, о чем-то тихо беседовавших. Послушнику показалось, что лицо приехавшего монаха сильно изменилось. Оно казалось моложе и, вместе с тем, много суровее, грознее и несравненно злее, чем раньше. Над головой его виднелись два красные рожка, причем послушник не мог пору-

читься, что они не были огоньками какого-либо светильника, помещавшегося за его спиной. Какие-то темные тени пролетали по комнате, и послушнику ясно слышался запах серы.

Уверившись, что перед ним нечистая сила, послушник хотел перекреститься, но не мог. Он слез с табурета и снова лег на кровать, но не мог заснуть и только дремал. Потом снова встал и снова заглянул в окошко. Он увидел, что вся соседняя комната полна безобразными чудовищами, которых и во сне трудно увидеть. Потом он ничего не помнит. Утром его разбудили, велели идти к епископу, а тот послал его в замок к графу де Вонку, которому он отвез какие-то письма и письмо к капеллану.

Отшельник спросил послушника – не думает ли тот, что вторая половина рассказанного была сновидением, и получил ответ, что этот вопрос как раз и хотел задать ему послушник. Отшельник сумел успокоить послушника, благословил его и отпустил с миром в Плесси-о-Роз, дав письмо о том, что он, отшельник, задержал послушника по некоему делу. В ближайшую после ухода послушника ночь отшельник поднялся на соседнюю высокую гору и зажег на ее вершине громадный, заранее сложенный, костер и ушел в свою келью. Вдали на трех горах, отстоящих друг от друга на несколько верст, тоже зажгли костры, и вскоре в гости к отшельнику пришли два старца. Один из них усыпил отшельника, позволив его духу отделиться от тела, которое остались охранять двое пришедших.

И вот Лег, от тела отшельника улетевший, предстал перед воинством Михайлов с просьбой прийти на помощь к монахам, говоря, что кто-то из темных Арлегов появился на земле в монастыре Плесси-о-Роз. И один из Михайлов бросился на землю, сопровождаемый Легом отшельника.

Проснулся отшельник, и тотчас в его келью, где находились два других отшельника, постучался монах, Михайлом назвавшийся. А через короткое время, на второй день Нового года он постучался у ворот обители Плесси-о-Роз и был принят одним из епископов, который тотчас же оповестил всех собравшихся в монастыре о прибытии гроссмейстера монашеского Ордена.

Вечером опять открылось собрание в присутствии приехавшего гроссмейстера. Опять, только короче, чем раньше, сказал свое слово приехавший брат из Палестины, настаивая на необходимости распустить Орден и в виде компромисса предлагая Ордену снова заменяться собиранием сокровищ, от чего давно уже отказались монахи. Нажить деньги он предлагал путем устройства мануфактур и погребов для приготовления сладких ликеров, а также давая деньги в рост. И тогда у монахов будут огромные средства и они, на что захотят, на то и потратят их.

Гроссмейстер Ордена спросил настоятеля монастыря: «Не приносили ли вам сегодня для пожертвований владельцы больших мануфактур?»

Тот ответил: «Да, нам принесли в дар золото один собственник и одна собственница мануфактур».

И сказал гроссмейстер: «Скажи, чтобы принесли сюда по монете, данной каждым из них».

Тотчас распорядился настоятель, и казначей принес две монеты.

«Положи одну монету перед нами на стол», – сказал гроссмейстер.

Положил казначей монету, принесенную владельцем мануфактуры, и тотчас четыре капли крови выступили из нее, и она стала совсем небольшой.

«Положи другую монету, принесенную владелицей мануфактуры, где работают женщины и которой владеет женщина», – сказал гроссмейстер. И побледневший, дрожащий от страха казначей положил другую монету – и четыре крупные слезы выступили из монеты, и она стала совсем небольшой.

С изумлением смотрели на все это монахи и поняли, что им не надо золота, кровью рабочих и слезами работниц добытого. Все молчали.

«Достань и принеси кубок, какого хочешь вина», – сказал гроссмейстер.

Испуганный казначей быстро вышел и тотчас же возвратился с кубком вина, который поставил на стол. Из кубка вылетело небольшое пламя и показался униженно кланяющийся приезжему монаху маленький безобразный чертенок-лярва.

Все монахи поняли знамения. Вскочил и вышел из комнаты приехавший, якобы из Палестины, монах. Тотчас же раздался топот увозивших его лошадей. Монахи обратились к гроссмейстеру, желая благодарить его, но никого не увидели на его месте – Михаил стал невидим.

61. ЛАЛСА

На одной из отдаленных земель, озаряемых голубым солнцем, жили люди, устроившие свою жизнь на основе равенства всех существ. Эти люди не знали смерти. По прошествии каждой сотни лет люди засыпали и спали в приспособленных для долгого сна помещениях около 10 лет, а потом вставали такими же сильными, какими были 20 лет от роду. Наука пользовалась в этой стране большим уважением, и, благодаря высокой технике, некоторые ее отрасли достигли громадных успехов. Их астрономы видели животных и растения других планет. Они убедились, что части атомов представляют собой густо населенные, подобные планетам, миры живых сознательных существ.

Люди далекой земли, Лалса называемой, полагали, что их звездные системы в свою очередь являются атомами в теле гиганта Димиурга. Несмотря на успехи науки, невероятно долгая жизнь порождала невероятную тоску, от которой не спасало и усердное потребление наркотиков, к которым настолько привыкли люди, что они перестали влиять на них. Жажда перемены мучила этих людей, и между ними появились такие, которые погружали других в похожий на гипнотический сон и внушали заснувшим сказочные грезы, услужливо подсказываемые им духами Фантазии. И такой ясности достигали эти сны, что жители Лалсы считали их действительностью, а свою жизнь – сном. Но непоследовательность видений через некоторое время надоедала людям, и они снова тосковали и не знали, что делать.

Несмотря на глубокую тоску, всех охватившую, люди продолжали все-таки заниматься текущими делами, и в один прекрасный день астрономы Лалсы оповестили все население, что Лалса через 1027 лет встретится с громадной, летящей на нее планетой, на которой не удалось заметить никакого признака жизни. Люди не понимали, что такое смертью называется, так как Леги смерти не посещали их планету, и они стали спокойно обсуждать, что будет с ними в момент столкновения и после него. Что станет с ними под влиянием страшного жара, который явится в момент столкновения, и что станет с теми, кто, уйдя от точки столкновения двух планет, будет находиться на противоположной стороне планеты, и что станет с теми, кто захочет попасть между столкнувшимися планетами. И решили люди перейти на сторону противоположную той, которая войдет в контакт с громадной планетой, и на громадных летательных аппаратах подняться там над землей и так их устроить, чтобы вихри, которые появятся в момент столкновения, несли бы с собой и летательные аппараты, не давая им удариться о землю.

Что-то вроде разнообразия вошло в жизнь обитателей Лалсы, и они мечтали о том, как сделать безвредным для себя грядущее столкновение, а потом почти перестали думать о нем, рассчитывая, что встречи с кометами и полет около темных космических тел изменит направление несущейся на них громадной планеты.

А планета неслась, на ничтожное расстояние отклоняясь от прямого пути, благодаря встречам с кометами и со скоплениями космической пыли. Однако, уклонившись немного в сторону, она встречалась с новой кометой, с новым скоплением космической пыли, и опять возвращалась на прежний путь. Но вот заметили астрономы Лалсы, что планета как бы потускнела: ее путь перерезала какая-то длинная темная масса, и немного спустя, с трудом различили отдельные фигуры каких-то гигантских духов. Не поверили им обитатели Лалсы, пока лично не убедились в верности сообщения астрономов.

А в верхах происходило следующее: путь планеты пересекли мирны духов, переселявшихся из одной бесконечности в другую. Они сразу поняли, что встреча плане-

ты с Лалсой грозит гибелью жителям последней, и не дали ей дороги. Сильно выгнулся строй переселяющихся атов-гигантов и задержал движение планеты. Но не смогли они добиться ее уклонения с прямого пути. Тогда послали они гонцов к духам Силы, и те, пройдя через расступившиеся ряды атов, отбросили планету в сторону, так что она не грозила более Лалсе...

Уже близко около Лалсы произошло все это. Какие-нибудь три сотни лет и она столкнулась бы с гигантской планетой.

И вот на Лалсе появился отряд неведомых ее жителям гигантов, принесших тяжело раненых, смятых при столкновении с гигантской планетой атов. Приветливо, с чувством благодарности встретили их лалсиане и как могли лучше ухаживали за ранеными, пока те не восстановили своих сил. Во время этого ухаживания они рассказывали атам о своей тоске, о желании новой жизни.

Тогда аты рассказали им о мире ослепительно прекрасном, который они встретили на своем пути. Этот мир не был еще населен, и они предложили лалсианам перенести их туда, так как для них самих он был недостаточно велик. С радостью согласились на это предложение лалсиане. И аты перенесли их в новую бесконечность, где лалсиане увидели Золотую Лестницу и познали возможность подъема по ней. Аты полетели догонять своих, но по дороге остановились на Лалсе и не захотели покинуть ее.

Куда переселились лалсиане, где живут потомки атов, – скажи мне, слушатель.

62. РАЗГОВОР В КРУГУ

Не занявшиеся еще творчеством Элоимы решили пригласить на совещание всех тех, в ком блестели искры Творцов, и возглавить их собрание Аранам. Было решено, еще, что чувство зависти не будет играть никакой роли во время собеседований, что оно не будет допущено на них. Разве только принесут его темные Арлеги, да и то для себя.

Нисходя к слабости некоторых приглашенных, в качестве места собрания была избрана гигантская планета, вращающаяся вокруг архигигантского фиолетового солнца. Духи Силы обещали принести на совещание тех, кто по несовершенству своих тел, рассан и других свойств, также вместе с Димиургом пребывающими сущностями, не могли своими силами прибыть на место собрания. Они могли принести их с быстротой, в мирны раз быстроту света превышающей.

Первыми прибыли духи Фантазии и, заявив, что они оповестят о собрании население далеких бесконечностей, улетели за этими духами. Почти тотчас же появились Леги первого отряда и Звезды Знания, и почти немедленно вслед за ними духи Силы принесли людей и существ трех, ниже земель лежащих космосов: космоса звуков, космоса меняющихся образов и космоса двух измерений. Примчались мудрые Серафы и грозные Сатлы, а за ними могучие, блистающие своими доспехами Араны. По двенадцать духов явилось вслед за ними из миров розовых и голубых Отблесков. А затем засверкали светом, чуждым нашим бесконечностям, прекраснейшие из прекрасных Нирваниды. Примчались духи Инициативы, предшествуя духам Гармонии и духам Познания, и все они вместе с духами Силы заняли места рядом друг с другом.

Вся планета засияла чудным светом, так как явились духи Света, и тотчас вслед за ними стали прибывать сущие, приглашенные духами Фантазии. Семь грозно смотрящих Светозарных, тщетно старающихся смягчить взор суровых очей своих, и тринадцать Князей Тьмы, из-под нахмуренных бровей озирающих собрание, заняли места недалеко от духов Гармонии. Странные существа, просветленные чарны явились на собрание и прежде всего склонили свои головы перед Светозарными, один из которых, преобразенный, спас когда-то их мир. С шумом прилетели духи Бешенства и, поводя свирепыми очами, расположились в некотором расстоянии от прибывших, и это расстояние было заполнено теми, кто некогда отбросил от себя этих духов.

Появились сумрачные, багряные Драконы переполненной бесконечности, и тьмы духов из промежуточных бесконечностей с под-Аранами во главе появились за ними. Слетались и приносились чаще всего Сатлами-великанами духи концентрических бесконечностей.

Прилетели привыкшие к межкосмическим дорогам неды. Прибыли черные вельи, выбравшие себе место недалеко от Князей Тьмы. Вышли из спирали блестящей и Голубой реки многомерные зарриды. Принесены были эльфы, сильфиды и им близкие существа. Прибыли духи Кармы, Причинности и мирны духов из других бесконечностей. Прилетели стихийные Силы из бесконечностей Элоима Низа. Появились Заммы, духи Силы и Славы.

Собралось великое множество духов, и многими овладело сомнение: мыслимо ли вести переговоры при таком множестве? Но тогда видимы стали Эон Любви, Эон Воли и Эон Мудрости, и успокоили они собравшихся, пояснив, что многие духи не останутся до конца собрания и будут исчезать из него по мере того, как неинтересными для них сделаются переговоры. И разместились прибывшие, как захотели и как пришлось. Около духов Звуков сели духи Света, около Меняющихся Образов – Эон Воли, около духов Двух Измерений – Эон Мудрости, около велов, соседей Князей Тьмы – Эон Любви. Рядом с чарнами разместились духи Познания, а Араны подошли к Светозарным и сели рядом с ними. К людям же приблизились духи Гармонии. От одних к другим духам перелетали духи Фантазии, жадно прислушиваясь к разговорам.

Элоим Низа попросил духов Звуков сказать то, что они хотели. И, перебивая друг друга, волнуясь и спеша, заговорили Звуки, жалуясь на ирреальность своего существования, только звуками проявляющегося, на его бесплодность для других и беспомощность для себя. И просили они всех, кто захочет и сможет, помочь духам Звук до людей подняться, ибо выше людей они не могли ничего себе представить и высших духов только в виде людей представляли. Они не мечтали даже о более высшем, чем людское существование.

Первыми вместе с Эоном Любви поднялись Сатлы-великаны из кругов концентрических и поклялись клятвой великой перенести духов Звуков в такой мир, где они будут вести существование не хуже людям свойственного. А Звезды Знания утешали их, говоря, что от них до Великого такое же расстояние, как и для Эона Мудрости. Своим светом обещали согревать и освещать их духи Света, а угрюмые Князья Тьмы пообещали не пустить в их новый мир лярв, которые будут рваться в него.

Заговорили Постоянно Меняющие Свой Образ, только минуту его удерживающие, а потом другим сменяющие: «И мы жаждем другой жизни, ибо тяжела наша. Со сменой образа меняется и его содержание. Мы не успеваем сосредоточиться. Это невыносимо!»

Отвечают Звезды Знания: «И вас поднимут Сатлы, и мы укажем вам, как задержать быструю смену образов на новом Космосе. Но знайте: у всех разрядов духов их состояния и формы – один миг в вечности. Всех неподвижнее, неизменнее – духи Света, но как устали они от этой неподвижности! Как жаждут они перемен! А вам, новой перемены жаждущим и от своих перемен тоскующим, не долго ждать. А пока вы... прообраз всех миров».

Сразу успокоились Постоянно Свой Образ Меняющие и глядят на Сатлов-великанов, а те приветливо кивают им.

Тогда заговорили, Глубины не имеющие, зеркальным отражениям подобные. «А мы? Что с нами будет? И мы жаждем перемены, но не ведаем ее. Не понимаем, когда одни пришельцы говорят нам о добре, а другие о зле нашептывают. Истомились и мы в ожидании великих перемен и жаждем своей деятельности».

И снова говорят Сатлы-великаны: «И вы будете подняты нами, так как переросли свое жизненное платье. И вы подобными людям станете. И вы преобразитесь в новом космосе, получите новое измерение, у людей имеющееся. И вам откроются те возможности, которые людям открыты...»

И довольные, замолчали Двухмерные.

Представители трех низших космосов стали скучать, и Сатлы помогли им уйти. А оставшиеся низших космосов духи не все понимали, что говорилось духами высших космосов и, чем более высокие духи говорили, тем больше непонятного слышались они, но понятное было настолько интересно, что многие из них до конца оставались.

Заговорили люди, и первыми из них говорят Храмовники:

«Много грязи, горя, зла, крови, несчастий, мучений, тьмы непроглядной, власти черной у нас на землях. Мы не в силах предупредить одной миллионной того, что надо предупредить; лярвы не принимают боя с нами, прячутся от нас, делают людей непонимающими и рядом с ними неистовствуют. Что делать, как быть? Араны, скажите, если знаете».

Отвечают Араны: «Храмовники, боритесь, как всегда боролись, и, если можете, то удвойте усилия. В конце концов – наша победа. Что за беда, если сейчас не победите, лишь бы вы стремились к победе. Что за беда, если какой-либо из ваших отрядов будет смят врагами! Для вас и для нас венцы – терновый и победный – одно и то же».

Заговорили люди, в Храмовники не вошедшие: «Мы не видим лярв. Для нас это многим людям свойственные пороки. Мы, как и рыцари Храма, знаем, что надо избавиться от пороков, и понимаем, как надо устроиться. Но не хватает сил. Заливают человечество волны грязного, тупого, жестокого зла. И мы спрашиваем: «Духи Света? Что делать?»

Говорят Духи Света: «Зло, на которое вы жалуетесь, условно и истребимо. Это, вне сомнения, не черные молнии, неуловимые и неистребимые. Идите в ряды рыцарей Храма, прогоняйте лярв, вырвите почву у зла, светом истины тьму развеите и добейтесь такого самоустройства, которое вольным и добрым назвать можете».

И вместе говорят Араны и духи Света: «Вы высоко стоите, и все люди высоко стать могут. Неустанно боритесь за добро, не теряйте времени, и вы другим поможете и сами быстро к верхам подниметесь».

Слышатся речи Проводников Света и Звезд Знания. Говорят первые: «Мы отбиваем атаки воинства Светозарных потому, что за ними грязь лярвизма плывет. Мы ищем пути к Храму высокому и не жалеем усилий. Знаем, что только других поднимая, сами поднимемся. Но как ускорить подъем? Научите!»

Отвечают им Араны, в блестящие доспехи облеченные: «Энергичнее делайте то, что теперь делаете. Если вы свои силы отдаете на борьбу со злом, если вы других к Храму высокому поднимаете и сами туда идете, то благо вам, и вы – отряд нашего строя, вертикально поднимающегося».

Слышится речь Звезд Знания: «Мы ищем, как ускорить подъем, как более чистой чистотой мистической миры наполнить, как передать наши знания в миры, менее знающие. Помогите бессилию нашему».

Отвечают им духи Познания: «Благо вам! Даже те знания, которые прямо не служат целям подъема, делают вас более сильными и косвенно служат подъему, как вашему, так и других космосов. Сияйте светом чистым. Великое знание и великих жертв требует. Только с великими жертвами великое знание неистовые тайны раскрывает».

Слышится краткая речь мудрых Серафов: «На солнца мистических мы приют мощи Эонов даем, той мощи, которую не могут вынести земли. В единое целое сливается эта мощь, пока не придут времена вернуться ей к Эонам. А сейчас она, как целое, далекие космосы к жизни духовной пробуждает. Часть лучей ее рыцарей Храма озаряет, и с эманацией этой мощи наша мудрость и силы на служение слабым и сильным идут».

Неохотно бросают слова Сатлы далеких и близких кругов: «Делаем, что можем вблизи и вдали. От чьей-то воли или без чьей-то воли, но во многих местах плохо. Слаба и наша и других помощь. Иной раз слышится нашептывание Неведомых о том, что имеются анти-Элоимы, Элоимам равные, или даже их сильнее. Но мы с ними или с эманацией неведомого и тяжелого боремся и бороться будем. Но пока

не сорваны Печати Оккультного Молчания – трудно нам и не так полезна наша работа, как могла бы быть. Надо сорвать их: сами не упадут они, а пока они не будут сорваны, все мы в цепях будем».

С некоторым смущением слышат эти слова Араны и все-таки говорят: «Мы боремся только за то, в чем уверены, что знаем. И мы упорно вверх смотрим, не опуская глаз долу. Мы не заглядываем в миры отрицательные и у нас нет свободных, незанятых мгновений. Да отыдут от нас сомнения! Всегда и всюду, где мы находимся, мы стоим за правое дело».

Голоса Светозарных: «Нет, не верно, сомневаемся!»

Голоса: «Очередь, очередь, не надо спора!»

Отблески: «Нам, и тем и другим нужно полное знание о Великом. У нас абсолютная вера, вера необъятная, но только полу-знание. Хотим полного знания».

Нирваниды: «Ничего для себя не хотим, никуда не стремимся. Ничего для других не хотим. Но если зовут нас на помощь страдающие, охотно идем и все делаем, что можем. Охотно поможем и Светозарным и их соратникам!»

Светозарные: «Долой Печати Оккультного Молчания! Как нелепы те, которые нам или кому-нибудь путь к верхам заграждают. Мы бы давно все Печати Оккультного молчания сломали и всех осияло бы истинное знание. Вне контакта с нами Элоимы, что-то знающие. Почему молчат они? К верхам! Своими путями! Мы теперь треть Аранов заставили стоять на страже для того, чтобы не пропустить нас к верхам. Скоро не хватит для этого всего их воинства. К верхам! К верхам! Своим путем!»

Князя Тьмы: «Не знаем, где добро, где зло. Что надо и что не надо делать. Сбивает нас с пути наш злобный Эгрегор и нас или рабами или рабовладельцами делает, и нет цели в нашем существовании».

Духи Света: «Узнайте у других, хотя бы у Звезд Знания, доброе или злое дело вы начинаете, и наперекор вашему Эгрегору и Светозарным, если они будут мешать вам, творите добро, и будет цель существования у вас».

Светозарные: «Что значит наперекор нам? Пусть делают, что хотят и могут. Ни помехи, ни помощи от нас не дождётся. А умнее было бы, если бы Князя копили силы для того, чтобы Аранов сбросить и сорвать Печати Оккультного Молчания».

Князя Тьмы: «Быть может, Нирваниды согласятся встретиться с нами на одной из необитаемых планет. Мы скажем им, что и как хотим делать, а они пусть укажут нам, от чего, как от злого, надо отказываться. Мы поверим им».

Нирваниды: «Так будет».

Духи Познания: «А вы, Светозарные, идите в то, что вы, почему-то Низом называете. Этим путем вы к верхам пойдете».

Светозарные: «Это нам и БезОбразные болтали».

БезОбразные: «А вы, до глупости гордые, не послушались».

Сатлы: «Князя, мы поддержим вас в вашем стремлении к верхам на том пути, который вы избрали. Светозарные, мы готовы дать вам совет и здесь, и в вашем космосе».

Духи Инициативы: «Браво, Князя. Мы поддержим вас. Побуждая сделать что-либо, мы и силы для того, чтобы сделать, даем. Всех готовы поддержать мы, кто к верхам рвется, но давно уже наши контрасты явились в миры духов и поддерживают тех, кто в низы стремится».

Духи Силы: «Всем, к добру стремящимся, мы готовы помочь. И можем помочь, потому что мы сильны, но нам приходится служить и Димиургу. Кто избавит нас от этого?»

Духи Познания: «Надо, чтобы кто-нибудь указал нам, когда надо останавливаться, познавая. Ведь знание без дел мертво. Кто укажет нам дело и какое? Мы думаем залить светом знания миры низшие, но боимся: от избытка знания неподготовленный к нему ослепнуть может».

Духи Гармонии: «Не нужно вражды. Нужно согласие. Если есть любовь – хорошо. Если нет любви – да будет снисхождение».

Духи Света: «В низы! В низы!»

Эон Любви: «Любите и ненавидящих вас. Всем добро творите. Зла не делайте и зло добром побеждайте. Будьте беспредельно добры к тем, кто зол».

Эон Мудрости: «Учитесь и учите, и знание в добро претворяйте!»

Эон Воли: «Делайте то, что сделать решили, к добру стремясь. Не делайте того, что злом отсвечивает».

Неды: «Везде ищите, все узнавайте и другим передавайте. Откажитесь от изолированности, сблизьтесь теснее. Свой опыт достоянием многих делайте».

Зармы: «В хорею! К Нему!»

63. САТЛЫ В МИНУС ПЕРВОЙ БЕСКОНЕЧНОСТИ

Эон Христос шел по четвертому кругу Сатлов и 12 учеников следовали за Ним. Эон рассказал им следующую притчу:

«В отдаленном от нас круге от-Сатлов обсуждался вопрос, какое деяние достойно их? Они знали, что Сатлы первых кругов сходили в миры иррациональные, миры звуков и другие низшие миры нашей Золотой Лестницы, спасая обитателей этих миров. Все низшие ступени Лестницы видели Сатлов, проповедующих учение Эона. И решили Сатлы четвертого круга опуститься в миры отрицательные, в бесконечности, ниже последней ступени лежащие, ибо сколько миров высоких имеется, на которых находят положительное воплощение существа, столько же и миров отрицательных вниз по Золотой Лестнице расположено».

Спрашивают Эона ученики: «Откуда взялись эти миры?»

Отвечает Эон: «Решили Эоны Воли подражать Элоимам и отправились на творческую работу. Пролетели они миры Золотой Лестницы и, пройдя мир Звуков, прибыли туда, где раскинулись громадные пустоты. И начали творить. Создали они миры в таком же количестве, как и миры Золотой Лестницы, но когда заканчивалось их творчество, увидели они, что созданное ими далеко не походит на то, как бы они его видеть хотели, ибо создали они существ, живущих один период своей жизни положительно и два периода отрицательно, и создали обратное отражение Золотой Лестницы. И, наблюдая жизнь созданных ими существ, ужаснулись они и поняли, что, кроме уменья творить и воли к творчеству, надо обладать еще другими свойствами, одним Элоимам присущими. Только при наличии безграничного совершенства можно уделить часть его, и часть эта будет иметь в потенции такое же безграничное совершенство. В противном случае переданное совершенство не будет в состоянии расширяться, и в силу определенного мистического закона его поглотит выделенное несовершенство».

Оставили свою работу Эоны Воли и отлетели к себе, ибо знали, что не совершили они греха своим неудачным творчеством, а сделали лишь ошибку, которая будет изжита в веках и мирах.

Приняв решение, громадное воинство Сатлов ринулось в низы глубокие. Пролетели они миры Звуков и Ирреальности и вошли в отрицательную бесконечность. На шаре громадном, земле подобном, увидели они множество существ странных, лица которых были человеческие, тела же представляли собой фантастические соединения скорпионов, пауков, змей, и других гадов. И были они полны лицемерия, злобы, отвратительных страстей, обмана, гнусного мошенничества, дикой кровожадности, желания насладиться муками себе подобных, и другими ужасными свойствами обладала существа эти. Несправедливость и властолюбие служили их отличительными признаками, и для достижения своей цели, не брезгали они самыми грязными средствами, целью же этого было причинение возможно большего зла и страданий своим ближним. Ни одного положительного свойства не было у этих обитателей отрицательной бесконечности. Ужаснулись от-Сатлы, мир этот увидев, собрали они свой круг и решили все-таки выступить с проповедью добра, с призывом к подъему. Стали они говорить о высоком светлом учении, о сияющей блеском нездешней жизни,

а существа, Сатлов окружавшие, выслушав их рассказы, весело смеялись, издевались над ними и, отправляясь творить свои бесчестные дела, старались делать зло большее, чем ранее.

Снова собрали свой круг Сатлы и говорят: «Неужели здесь нет никого, кто бы мог понять нас?» И явился перед ними кто-то неопиcуемый. Почувствовали Сатлы, что перед ними Бог Низа, Бог отрицательной бесконечности, Бог лестницы, в низы нисходящей. Не он был творцом этих миров, но созданный их обитателями, как эманация мышления, нравов и поступков их, он стал властителем низов глубоких. Знали Сатлы, что он покровитель и руководитель всех бесчестных и скверных деяний жителей мира этого, что проповедь его – это проповедь всего отрицательного, что в ней нет ничего положительного. Знали Сатлы, что, хотя и вмещал он в себе неизмеримое число раз увеличенными все отрицательные качества этой бесконечности, все же каждое его слово правдой было (что иногда добром, а иногда злом является).

И говорит Черный Бог Сатлам: «Зачем вы пришли сюда и что хотите делать?»

«Наша цель спасти этих несчастных и помочь им подняться».

«А зачем вам спасать их?»

«Но ведь они страдают, погрязши в своих пороках».

«А вам что за дело до этого?»

«Все одно, мы хотим их спасти».

«Каким же путем вы достигнете их спасения? Слова ваши не доходят до сознания слушающих, а лишь насмешки и зло большее вызывают».

«Неужели нет способа поднять их к верхам?»

И ответил им тогда Черный Бог:

«Конечно, есть средство спасения, но для этого вы должны принести жертву большую, чем та, которую Эон Христос принес на Земле».

Спрашивают Сатлы: «В чем же заключается эта жертва?»

Отвечает Черный Бог: «Пусть дух ваш покинет тела ваши эфирные, а я сделаю так, что души существ, здесь живущих, в ваши тела войдут и в них жить будут, ваш же дух войдет в покинутые тела и оживит их».

На один момент смутились Сатлы, не хотелось им входить в тела этих существ, но то была минута колебания и восклицают они: «Да будет!»

Говорит им тогда Черный Бог низа: «Ваши тела просветят души животных этого мира, а их тела затемнят ваши души и будете вы низки, подлы, гадки, развратны, как и они; они же станут светлее и прекраснее вас».

Смутились от-Сатлы: «Неужели эта чаша нас не минует?»

«Нет, не минует. Если действительно хотите спасти их – принесите эту жертву».

Повторяют Сатлы: «Да будет! Мы согласны. Придет время, мы поднимемся по ступеням Золотой Лестницы и в свой мир вернемся».

Отвечает им Бог Низа: «Ошибаетесь. Вы никогда в свой мир не вернетесь».

Задумались Сатлы: «Ну что же. Мы и на это согласны. Но, быть может, мы войдем в мир людей?» – спрашивают они, зная, что спасены уже все миры, ниже земли находящиеся.

«Нет, вы и туда не войдете».

«Так значит мы будем в космосе Легов?»

«Никогда!»

«Тогда в арлеговском?»

«Тоже нет».

«Значит, мы прямо к Аранам поднимемся?»

«И там вы не будете».

«Ну, так в мир Отблесков войдем?»

«Нет».

И спрашивают изумленные Сатлы: «Мы войдем в Нирвану?»

«Никогда в том мире не будете».

«С Духами Инициативы, значит, будем мы?»

«Нет».

«Силы?»

«Нет».

«Познания?»

«Нет».

«Гармонии?»

«Нет».

«Наконец, Света?»

«Тоже нет».

«Неужели мы сразу Эонами станем?»

«Нет, ни в один из миров Золотой Лестницы вы не подниметесь».

Смущаются Сатлы перед величием жертвы, но говорят: «Ну что же, погибнем, но все-таки будем гордиться сознанием совершенного».

«Нет, и гордиться не будете, так как станете такими же подлыми, низкими, позорными существами, как обитатели планет низа и, утратив все ваши светлые свойства, все их бесчестные дела творить будете».

Ужаснулись от-Сатлы, верят они, что Черный Бог прав, но, зная, что он может не все сказать им, спрашивают далее:

«И надолго мы останемся здесь?»

«Навсегда».

«Но ведь все космосы спасутся?»

«Эти миры без помощи высоких космосов не спасутся, это – проклятые миры».

«Раз для нас нет подъема по Золотой Лестнице, значит, мы ничего не получим за нашу жертву?»

«Да, для вас подъема по Золотой Лестнице не будет».

Думают от-Сатлы: «Есть-ли смысл в такой жертве? Ведь произойдет простая замена. Но мы видели лучшее, эти же существа здесь ничего светлого не увидят. И неужели нам возвращаться, не выполнив взятой на себя задачи? Да, эта жертва выше жертвы Эона Христа, но мы согласны».

И души Сатлов покидают их эфирные тела, и с новыми животными душами возносятся эти тела в миры положительные. С каждым взмахом крыльев становятся они все светлее и прекраснее, и души существ отрицательных стали чисты, как души Серафов. Вошли эти души в чертоги Сатлов более чистыми, чем были некогда оттуда ушедшие. Сатлы же, вошедшие в грязные и порочные тела обитателей отрицательного космоса, с ужасом осознали, что их дух потерял сразу свои прекрасные свойства, и чем дальше шло время, тем больше и больше терял он их и приобретал свойства существ ужасных. И только как еле мерцающий огонек, как слышанная в раннем детстве сказка оставалось в них слабое воспоминание о их прежней жизни. Только маленькой прекрасной искоркой блеснул дух от-Сатлов в телах этих животных, но, наконец, почти погасла и эта искорка. Только изредка сияла она слабым светом, и с невыразимым горем вспоминали тогда от-Сатлы, что когда-то они были светлыми духами. Творили они все подлые дела этих подлых животных и обычно восхищались этими делами. Сотни тысячелетий проносились за сотнями тысячелетий, и перестали эти существа думать о том, что они могли бы когда-либо подняться...

Стали совещаться Сатлы в своем космосе: «Мы хотим спасти братьев погибших. Но как это сделать?»

Говорит один из Сатлов-великанов: «Я знаю, как поступить».

И полетел он на своих могучих крыльях туда, где обители духов Силы и Славы расположены.

Впустили его Силы в обители свои, и он рассказал им о Сатлах, в отрицательные бесконечности спустившихся, и просил помощи. Взяли Силы его в сферу своего притяжения и помчались в мир отрицательный.

Вошли они там в тела-темницы, из материи миров отрицательных созданные, и раздули едва-едва теплившуюся искорку духа великого Сатлов; разгорелась эта искорка ярким пламенем, разорвались тела и вышли из них Сатлы. Облеклись они в те-

ла, им Силами данные, и все вместе перенеслись в обители царств Силы и Славы, где торжественно и радостно их встретили.

64. СТИХИЙНЫЕ СИЛЫ У ЭЛОИМА НИЗА

Пребывали Стихийные Силы у Элоима Низа, куда он их когда то увел из нашей Вселенной. Долго сдерживали они свои порывы, но, наконец, утомились спокойствием и стали пытаться проявлять свою стихийную мощь, но эти попытки были так неразумны в области Славы, что гасли в самом начале. Тогда пронесся их могучий клич: «Довольно покоя и бездействия! Пропадают бесполезно гигантские возможности, в нас пребывающие... Идем в низы! Идем на борьбу! Только там разовьются наши потенции, раскроются наши безмерные силы...»

И в то же мгновение встали перед ними вестники и послы Элоима Низа, духи Разума и Упорядочения, Последовательности и Предусмотрительности.

Стали они перед Стихийными Силами и говорят им: «Напрасно! Зачем и куда идти вам, таковым, каковы вы ныне? Ничего не выйдет из вашей затеи. Ничего не сможете создать вы, необузданные. Не различаете вы творчества от разрушения и бесполезны будут ваши усилия, бесполезно истощите вы ваши потенции».

Так говорили посланцы Элоима Низа, но не согласились с ними Стихийные Силы. Как гигантские метеоры прорвали они границы областей, им предназначенных, и в неудержимом порыве ринулись из области Славы в области бесконечностей, туда, откуда их когда то увел Элоим Низа.

До границ нашей вселенной долетела весть о возмутившихся, вырвавшихся на свободу Стихийных Силах, о том, что мчатся они сюда, что вскоре их неукротимая сила охватит космосы, и предугадывали духи, как будут сорваны миры с их путей и брошены в дикое смятение... Тогда поднялся весь космос Аранов и стал готовый с боем встретить приближающиеся Стихийные Силы.

Вот встретились передовые отряды бушующих стихий со стройными рядами Аранов, вот и главные силы нападающих рвутся с непреодолимой мощью вперед; но спокойно и твердо маневрируют перед Стихийными Силами боевые колонны Аранов, то как будто сгибаясь под мощью нападения, то внезапно выпрямляясь, противопоставляя безмерной и дикой мощи Стихийных Сил уверенную мощь разумного прозрения, утомляя и истощая противника искусной стратегией и тактикой, ибо видят они невозможность победить мощных стихийных духов в прямой борьбе...

А между тем спешат уже на помощь могучие духи Силы, уже развертывают они свои ряды и гигантской гармонизирующей мощью охватывают мятущиеся, клокочущие ряды Стихийных Сил... И сгибается постепенно фронт нападающих, утомление охватывает их, и вот уже положен предел их наступлению, очерчены преграды их разрушительной мощи. Опускают гигантские крылья духи Стихий и вступают в переговоры с защитниками нашей бесконечности. Узнают Араны, что стихии не хотят посягать на какую-либо занятую бесконечность, а стремятся заселить бесконечность, в которой нет духов, и соглашаются Араны непобедимые не только пропустить стихии, но и дать им проводников до новой, незаселенной бесконечности. Изменили тогда Араны свое отношение к Элоиму Низа, поняли они, что безосновательно было их осуждение, ибо ясным стало, что Стихийные Силы ни с кем не считаются.

Заняли Стихийные Силы новую бесконечность и одиноко жутко почувствовали себя в ней. Хотели они сначала попросить Элоима Низа развернуть над ними свой покров, но сознавая, что будут от него так же далеки, как и когда в области Славы пребывали, предпочли послать послов к Аранам, прося у них совета и приглашая один из отрядов Аранов в новую бесконечность. Прибыл отряд Аранов и развернул свои обители, образуя первую ступень той Золотой Лестницы, по которой могли бы подниматься отныне Стихийные Силы по пути к совершенству, к высотам несказанным, к Богу Великому. И послали Араны своих послов к Элоиму Низа, приглашая Его стать венцом вновь создаваемой лестницы. Согласился Элоим Низа и осенил собой

работу Аранов. Но не было других ступеней между Элоимом Низа и Аранами и между Аранами и Стихийными Силами, по которым могли бы подниматься Стихийные Силы. И еще послов, легкокрылых духов Фантазии направили Араны в различные космосы, призывая духов к созданию Золотой Лестницы.

Принято было предложение Аранов, и ступени Золотой Лестницы начали ясно вырисовываться в новой бесконечности. Если не ближе были они одна к другой, чем космосы той Золотой Лестницы, которую имели своим основанием земли, то все-таки понятнее были друг для друга населявшие эти космосы духи, так как Стихийные Силы, в низах сущие, отчаянной мощью и порывами руководимые, являлись в верха мимолетными гостями. И часто гостили в их космосе Леги Стихийных Сил, равно как и другие духи.

Явились послы Аранов и в космос Нирванид, предлагая Нирванидам пригласить в новую бесконечность весь космос духов Нирваны, и, выслушав их, обратились Нирваниды к Нирванам, приглашая их воспрянуть к творчеству от того покоя, в котором они до сих пор пребывали. Приглашали Нирваниды могучих Нирван направить их новую деятельность на благо других во имя чужого совершенствования, и теперь впервые ответили на их призыв согласием Нирваны и пошли в новую бесконечность созидать ступени Лестницы, в верха поднимающейся, и творили они, и их творчество отразилось не только в низах, но и в верхах, в космосах, над ними сущих. Сами же Нирваны после долгого бездействия стали более активными, чем даже Араны. Проповедовали Нирваны свое учение духам Верха и духам Низа – всем, кто слушать хотел, и так гласило оно:

«Настанет день и все духи, все существа войдут в Великий Храм. И новое шествие существ начнется из Храма. Новые существа вновь начнут его.

Ничего общего не будет между некогда вошедшими в Храм и теми, что выйдут из него, ибо в Храме все испытают великое преображение и забудут, чем были раньше... Неизмеримо более совершенными, несравненно более великими и могучими выйдут существа и не будут уже помнить о прошлом, бесповоротно забудут они свои прежние существования, так как это шествие через Храм что-то вроде полного небытия-нирваны создает для них всех... Это будут не те духи, что вошли, но другие...»

Так говорили Нирваны, и многие духи, внимая им, соглашались с ними. И от низа до верха – от космоса стихий до космоса духов Света – нашло себе последователей учение Нирван, и как бы тьмой глубокой омрачило духовную жизнь всех космосов, тоска и уныние поселились среди духов.

«Ибо, – говорили они, – что же это? Что значит забвенье? Ведь это смерть, хотя и в более высоких формах... Стоит ли в таком случае к верхам стремиться?»

Но отчаянно боролись против такого учения Леги Проводники Света и Леги Маги Стихийных Сил, и уговорили они Аранов послать послов к Эонам Воли, Эонам Мудрости и Эонам Любви. Прибыли Эоны и раскинули свои обители ближе к Элоиму Низа и ближе к Стихийным Силам, чем другие духи, как бы перпендикулярно, а не горизонтально к другим космосам встали они, и зазвучала их проповедь.

Говорят Эоны Воли: «Снами будут казаться воспоминания о вашей жизни, о духи, когда вы войдете в Храм».

Говорят Эоны Мудрости: «Но найдутся среди вас и такие, которые поймут, что в снах прошлое сказывается. Так и люди в своих снах, космосы меняющихся образов, звуков и двумерных существ видят в некоторых случаях».

Говорят Эоны Любви: «И во снах и наяву будут вспоминаться дела любви, ибо во всех существованиях они одинаково ценны. Любовь свяжет между собой миры прошлого, настоящего и будущего».

Торжественно гремит хор Эонов: «Да! Забудут существа, чем они были раньше, ибо неизмеримо будет совершенство тех, кто пойдет из Храма сравнительно с их прежним развитием. Но ведь останемся пребывать мы, Эоны, и мы сохраним память существ об их прежнем бытии, и настанет момент, когда напомним всем, забывшим их прежнее существование, и вспомнят они свое прошлое и познают себя, как сущих до и после Храма. Познают они, что нет ничего в верхах, чего бы следовало бояться низам».

И услышав учение Эонов, уже не опасались смерти духи, не опасались уничтожения своей индивидуальности в верхах. И радостно устремили они свои усилия к подъему. Но то, что сказал Эон Любви, вполне поняли, кажется, только духи Нирваны и во всех космосах стали дела любви проповедовать. И тогда вошли духи Нирваны в Храм и стали иначе называться.

А духи Стихий просили духов Познания указать им, как они могут помочь какому бы то ни было существу космосу. И духи Познания дали им нужные указания.

65. ЗОЛОТАЯ ЛЕСТНИЦА КНЯЗЕЙ ТЬМЫ

Когда Князья Тьмы, с Христом из ада на землю вышедшие, поднялись в Темное Царство, насмешками встретили их темные Арлеги:

«Зачем вы на землю спускались, – говорили они, – разве мало вам примера темных Легов: сорвали с них повязки Многоочитые, дали им часть зрения своего, и ушли они от нас. Вон, смотрите, видите полет их в неведомую бесконечность? И они найдут бесконечность, в которой расселиться смогут, безусловно найдут, и теперь, светом осиянные, познают за прошлые поступки свои то, что называется раскаянием. Самыми несчастными из духов станут они!»

Отвечают Князья Тьмы: «Смешно бездействие, а мы, мрачные, только смеха боимся. К чему ссылаться на других существ, о нас говоря? Мы – есть мы, а не кто-либо другой. Бояться раскаяния? Мы не боялись и худшего – сознания, что мы хотим упасть. Бояться несчастья? Это не наше дело. Все, что вы несчастьем называете, в борьбе действительной изживается, и несчастье претворяется в нашу красоту – красоту мрачных Князей Тьмы».

Опустились Князья Тьмы силой темных Арлегов в пятую отрицательную бесконечность. Обитали там странные существа, на людей похожие, но обладающие щупальцами как у спрута. Высокие формы цивилизации царили там, но была и одна страшная особенность: когда по истечении ста лет чувствовал обитатель пятой отрицательной бесконечности, что иссякают его жизненные силы, холодеет кровь, то он набрасывал свои щупальцы на первое попавшееся существо, будь то его жена или ребенок, высасывал из них кровь и продолжал жить. Жертва же его умирала.

И вот, при виде этого впервые шевельнулось у Князей Тьмы нечто похожее на различение добра и зла, и загремела их проповедь о том, что смерть прекрасна, что смешно бояться умирать, так как это только переход в новую, более многогранную и совершенную форму бытия. Показали они им в миражах, в фата-морганах картины жизни миров далеких, миров прекрасных, и предлагали решиться умереть, чтобы более мощными, знающими и совершенными возродиться.

Наконец, наиболее высокие представители пятой отрицательной бесконечности решились умереть – и умерли, несмотря на то, что все соблазны жизни вставали перед ними, несмотря на то, что приходили к ним, добровольно предлагая себя в жертву, жены, дети и друзья, желавшие во что бы то ни стало сохранить их драгоценную жизнь. И когда они умерли, постарались Князья Тьмы дать возможность их душам вернуться и сообщить о том, что они только перешли в новую форму бытия – бытия более прекрасного.

Многие стали следовать их примеру, пока, наконец, все обитатели отрицательной бесконечности стали умирать своей смертью. Но тогда вновь сомнение охватило сущности, и говорили они: «А, может быть, иллюзия, что существуют другие миры и что мы переходим в них после смерти? Может быть, не стоит умирать? Здесь мы знаем, что имеем. Здесь высоки наши достижения, зачем же нам идти в неведомое?»

И вот один из них, почувствовав приближение смерти, накинуд свои щупальцы на первую попавшуюся проходившую девушку. Она вскрикнула от ужаса... и отпали щупальца его, не мог он убить ее.

Тогда поняли Князья Тьмы, что раз появилась жалость у существ мира отрицательного, то спасен мир этот. И, показав его обитателям картину более близких миров, куда должны были переходить те после смерти, они улетели обратно в Темное Царство.

Князья Тьмы перенесли из далекой отрицательной бесконечности ее обитателей. У них атрофировались уже кровесосущие щупальца. Им не хотелось оставаться там, где все напоминало прошлое, полное убийств и жестокости. Им не хотелось оставаться в мире безнадежности, выше и ниже которого лежали обитатели безобразных существ. Князья Тьмы перенесли обновившихся в далекую, не населенную бесконечность и решили, что как общественная, так и личная жизнь обновившихся должна будет устроена на началах полной справедливости, и поняли они справедливость так, что за доброе дело надо воздавать добром, а за злое – злом равноценным. Тогда, думали Князья Тьмы, старающиеся стать совершенными, мы для самих себя начнем, таким образом, строить Лестницу подъема.

И был создан мир живых существ, в котором, по мнению Князей, царила справедливость, а они, Князья, выполняли ее повеления. «Око за око, зуб за зуб» – таков был непреложный закон нового мира. Но Князья увидели, что мир становился все более и более плохим. Наказывались мелкие кражи, карались убийства отдельных лиц и вместе с тем восхвалялись и поощрялись массовые убийства и грабеж, совершаемые на войне. Убийство порицалось и, вместе с тем, те, кто порицал убийства, приказывали убивать или сами убивали убийц, и последние убийства носили более злодейский, более подлый характер, чем первые. Карали воров и грабителей, отнимая у них, кроме украденного или награбленного, имущество, равноценное тому или другому. Клеветника оклеветывали, насильника подвергали насилию, и число преступлений удваивалось. Появился класс палачей и подстрекателей к палачеству – судей, и общежитие существовало на началах подлости и насилия над преступниками; число палачей настолько увеличилось, что они потребовали и полного уважения к себе.

Ужаснулись тогда гордые Князья и отправили послов к Светозарным и Сатлам рассказать им, как нелепо сложилась жизнь, по принципам справедливости строямая. И ответили им Светозарные, другим своего света не передающие: «Не все ли равно, как живут ваши твари? Впрочем, если хотите – перебейте их: много в мирах такой плесени. Можете, впрочем, отнять у них чувство справедливости, и пусть погибнут они, высасывая друг у друга кровь и силы».

С негодованием отошли Князья от Светозарных, никому свой свет не передающих, и рассказали о происшедшем Сатлам. А Сатлы ответили: «Спросите Сатлов, которые гостят у нас, они сумеют вам ответить». И спросили Князья Сатлов, которых всегда почитали, как устроить жизнь переселенцев в новой бесконечности, и 13 Сатлов согласились отправиться туда и помочь Князьям.

Прилетевшие в бесконечность, Князьями населенную, Сатлы перед этим ходили на одной из планет за Эоном в числе Его семидесяти учеников и теперь начали проповедовать поднявшимся Его учение, как оно было ими понято.

Результаты их проповеди сказались довольно скоро, тем более, что и Князья всеми силами помогали Сатлам. Но все-таки маловосприимчивой была среда, в которой раздавалась пропаганда Сатлов. В странах поднявшихся существ установился общественный строй, похожий на тот, который наблюдался на зеленом блеском светящейся земле через 1900 лет после посещения ее Эоном. Но и в стране поднявшихся напрасно звучало учение о безвластии, о том, что просящему рубашку надо дать и верхнюю одежду. Не знали Сатлы того учения, которое по вечерам передавалось на земле Эоном Его ученикам. Господствовало неравенство в материальном мире, господствовало неравенство в познании, господствовало неравенство во влиянии на общественные дела. Князья, знавшие ужасы старого строя, были довольны, но недовольны были Сатлы.

Князья дали блестящий бал, на который явились в полном составе. Явились на нем и все Сатлы, причем, как они, так и Князья ничем не отличались по внешнему

виду от гостей, из числа поднявшихся. За ужином один из поднявшихся начал говорить присутствовавшим о недостатках современного строя и его дружно поддержали все Сатлы. Поняли Князья, что их самодовольство не имело оснований, и решили добиться устройства такого общества, о котором говорил Эон по вечерам на земле своим ученикам. И просили они Сатлов пригласить в управляемую ими бесконечность хоть одного Сатла-великана из концентрических кругов той бесконечности, в которой космос Сатлов находился.

И прибыл к ним гигант-Сатл, который когда-то с Эонами Мудрости совещался. И учил Сатл-великан, что в мире, куда он прибыл, не надо допускать, чтобы кто-либо просил у другого чего-либо. Надо без просьбы все всем дать, что дать возможно. Он учил, что бороться с завистью к богатству надо уравниванием богатств, что всепрощающая любовь должна господствовать в обителях поднявшихся, что неравенство ума и знания перестанут быть вредными, если светом истинной любви озарят себя поднявшиеся и поймут, что гордиться умом или знанием так же нелепо, как гордиться высоким ростом или цветом своих волос. И учил он, что не раскинется над миром поднявшихся космос высший, для их перехода в него приготовленный, пока не станут поднявшиеся жить так, как он их учит. Он учил, что не поднимутся к верхам их души и будут бесцельно в кругах концентрических вращаться, если не примут поднявшиеся учение Сатла-великана.

И стали Князья и Сатлы проповедовать его учение, но как только нашлось у них 1000 последователей, улетели они из этого мира и стали хлопотать о космосах далеких, о том, чтобы переселились в новую бесконечность духи высокие и раскинули над миром поднявшихся свои обители. Не знали они, что Элоимы скажут, но все же решили просить их раскинуть покров свой над новой бесконечностью. И спросили Князья Легов, к их царству прибывших, а Арлеги возвратившихся Сатлов спросили, заменил ли, по их мнению, Сатл-великан страдающего Бога? И ответили они: «Он дал то, что дал. Если придет Эон и даст больше, радостно встретит его пока мистический, но реально не сущий, Эгрегор новой бесконечности».

Небольшой отряд Легов прилетел в новую бесконечность, но убедившись, что души умирающих не хотят идти с Легами Смерти, а остаются в концентрических по отношению к низшему космосу кругах, улетел назад.

Улетели и три духа Власти, так как увидели гигантские крылья темных Арлегов, почему-то поспешивших раскинуть их близко к обители поднявшихся.

И тогда с радостным визгом, торжествующим гамом и злорадным смехом, ринулись в мир поднявшихся лярвы. Они приняли формы и вид красивых языческих богов одной из земель и казались частью подобными Зевсу нашей земли, частью такими, как Озирис и Вишну, и еще чаще являлись они в виде Бэлов и Ваалов. Но не было устойчивости у этих образов, и часто вместо них ощущали поднявшиеся один мирж и не верили в этих богов и в их разнообразные учения.

Тогда один из Светозарных, презрение которых к лярвам было сильнее безразличия поднявшихся, вымел лярв из обители поднявшихся и пытался продолжать работу Сатлов, с которыми когда-то был союзником. Но не мог он дать поднявшимся веры в миры высокие, так как для них не было таких миров, и они, считая смерть окончательным уничтожением или переходом в такой же мир, как ими населенный, мало по малу забывали учение Сатла-великана и возвращались к старым формам жизни.

Просил Светозарный Сатла-великана помочь ему, и тот, указывая на свое бессилие сделать больше того, что сделал, предложил ему встретить какую-либо из Нирванид, на помощь в чуждые миры летящих, и просить у нее помощи, а если для них непосильной будет такая задача, то пусть спросит как решить ее у Духов Познания.

Откликнулись на призыв о помощи Нирваниды. Явились три из них в мир поднявшихся и привели с собой духов Совести и Благожелательства. И что-то вроде ростка души зацвело в поднявшихся. Но недовольны были Нирваниды ими сделанным и улетели в свою обитель. Тогда спустился в новый космос дух Познания и под его влиянием возвратились поднявшиеся к тому общественному строю, который только немного лучше был строя, установившегося при тринадцати Сатлах.

Ясно стало Князьям, что надо просить помощи у духов Света, но духи Света, немного расширив кругозор поднявшихся, не могли принести какой бы то ни было пользы. И дошел слух о настойчивых попытках Князей поднять поднявшихся до Элоимов Верха. И взяли они из Логоса души живые и бросили на землю поднявшихся. И души входили во всех родящихся и в тех взрослых, которые не отягчили себя преступлениями. И тогда встал перед Эонами вопрос, куда направлять души умерших, так как космос, над землями расстилавшийся, только временно согласился принимать их.

И Эонам Мудрости по просьбе Эонов Любви пришлось разрешить эту задачу...

66. НИЗАСИКОЧИА

Новый поход затеяли Сатлы в шестую отрицательную бесконечность. Нашлось мало желающих перенестись туда, так как предвидели Сатлы, что в этой бесконечности царит беспросветный ужас. Но двенадцать Сатлов туда отправились.

Густой грязно-кровавый туман, липкий, отвратительного запаха и вкуса наполнял эту бесконечность, и в ней жили малоголовые существа, скользкие и чудовищные. Один из Сатлов сбросил с себя невидимый образ и решил принять образ такого существа, низасикочиа называющегося. Изменившийся Сатл шел по улице большого города и с удивлением смотрел на странные его жилища и на его обитателей, похожих на полу-людей, полу-скорпионов. Вдруг он почувствовал, что его схватили несколько низасикочиа. Он не шевельнулся, интересуясь, что будет дальше. Его быстро внесли в какую-то комнату, положили на скамью и стали переговариваться краткими отрывистыми фразами.

«Он неинтересен. Не плачет. И не просит. Молчит. Странно, но как материал он годен».

И увидел Сатл, что его держат за руки и ноги и что два низасикочиа стоят по бокам его ложа, подняв два громадных молота, чтобы ударить ими по его груди. Сатл, не шевелясь ни одним членом, силовой эманацией не допустил молоты опуститься на свою грудь, и они как бы застыли в воздухе.

«Нет сил ударить!» – говорят молотобойцы.

«Возьмите руки его», – говорят чудовища, держащие Сатла за руки.

И когда два низасикочиа положили молоты и схватили Сатла за руки, два, раньше его за руки держащие, взяли молоты и подняли их, чтобы ударить Сатла по груди, но не могли опустить свои руки. Тогда они выпустили молоты из рук, но они не упали на Сатла, так и остановившись в воздухе. Сменили, желавших ударить Сатла те, кто за ноги держал его, и с ними повторилось то же: нельзя было ударить Сатла. Тогда они вынули длинные ножи, но и ими нельзя было поразить Сатла, и брошенные ножи повисали в воздухе, а руки низасикочиа, державшие нож, не могли ударить Сатла.

«Он не годен, как материал. Никуда не годен. Бросим его в яму», – говорили низасикочиа.

«В какую?»

«Да ту, которая полна кровавой грязью, и забьем крышку в нее».

Но Сатлу надоело быть в руках низасикочиа. Он спокойно встал, как будто никто не держал его, и с ужасом отступили от него низасикочиа. Сатл оглянулся и увидел, что направо и налево от него на таких же скамейках, как и та, на которой он лежал, расprostерты низасикочиа, и их бьют молотами такие же, как и они, существа, и тела избиваемых, как железо под молотом кузнеца, принимают какие-то новые формы. Движение воли Сатла... и отступили, уронив молоты бьющие. Второе усиление воли – и они выскочили с криком ужаса на улицу, а там их, испуганных и растерянных, встретило насмешливое гоготанье, которое все усиливалось по мере того, как они пытались рассказать происшедшее с ними. Некоторые из бывших на улице низасикочиа хотели войти в помещение, но Сатл своей эманацией не пустил их.

Сатл с недоумением смотрел на странные существа, лежащие на носилках. И очевидно это были низасикочиа, измененные так, как изменяться может только горячее железо под ударами молотов. Вдруг Сатл увидел, как отворилась незаметная дверь в стене, и оттуда вышло существо, подобное низасикочиа, но только вдвое более низкого роста. Низко кланяясь и простирая руки, это существо шло к Сатлу, а он отодвинул его к стене своей эманацией. Тогда существо быстро сбросило с себя одежду и Сатл увидел перед собой низасикочиа-женщину. Он подошел к ней и, взяв за руку, подвел к скамье, но она с ужасом отскочила от нее и охотно села на другую скамью. На вопросы Сатла она с разными отступлениями и сетованиями, рассказала следующее.

Сильные низасикочиа постоянно обижают слабых. Они нападают на них так, как напали на Сатла, и, унеся в свои мастерские, выковывают из их тел кирпичи для стен своих домов, крыши для них и выделывают из них ковкой всевозможные предметы домашней обстановки. Тела низасикочиа куются, как куются металлы, но дляковки их не надо даже нагревать. Из низасикочиа приготавливаются таким образом и дома и изделия, так как их тела являются наилучшим материалом для изделий. После того, как из тела низасикочиа приготовится дом и его мебель, из них же готовятся обои, занавесы, ковры и все, что угодно. Потом изделия эти покрываются разными сортами лаков, и они теряют тогда присущую им возможность превращаться в свой первоначальный вид.

Впрочем, сильные низасикочиа не ограничиваются этим: они захватывают женщин своего племени, держат их, как наложниц, а когда они им надоедают, тогда, не уродуя их тел ударами молота, переделывают их этими ударами по своему вкусу, покрывают ужасным лаком и ставят в своих жилищах, как статуи. Когда им хочется, они снимают с них лак, женщины оживают, а когда они надоедают своим властителям, их снова превращают в неподвижные, но все ощущающие статуи.

Женщина умоляла Сатла спасти ее, увести из дома сильных, но не успел Сатл успокоить ее, как в комнату ворвались два низасикочиа, вышедшие из каких-то отдаленных комнат, и взмахнули имевшимися у них бичами – один на женщину, другой – на Сатла. Мгновенье – и не успели опуститься их бичи, как отброшены они были силой, от Сатла испешей, к стене комнаты. Еще мгновенье, и их обвили их же бичи. Смотрит Сатл и видит, что на бичах у них множество маленьких змей, злобно скалящих зубы и шипящих. И он вышвырнул, не дотрагиваясь до них, обоих низасикочиа со змеями на их бичах. И объяснила ему женщина, что они били бы и кусали ее этими бичами за разговор с пришедшим мужчиной, и что она просит Сатла не оставить ее помощью. И видит Сатл, что распростертые на двух скамьях бесформенные массы быстро принимают вид низасикочиа, и объясняет им женщина-низасикочиа все, что произошло. Говорит Сатл, чтобы они смыли лак со стен, мебели, крыши, и завес дома. Быстро исполнили они это приказание, и множество низасикочиа появилось на месте разрушенного дома. Давно бежали существа, этот дом окружавшие. А к Сатлу явилось одиннадцать его товарищей, и отнесли они спасенных в пустынное место на горные вершины.

Сбросил Сатл одежду-наружность низасикочиа, и все двенадцать Сатлов держали совет, что им делать.

И решили Сатлы разрушить все дома с их обстановкой, те дома, которые были из низасикочиа построены, и устроить жизнь освобожденных не на началах угнетения и эксплуатации сильных слабыми, а на началах содружества и равенства. Сразу по 120 построенных из низасикочиа зданий разрушали Сатлы и переводили освобожденных на высокие горы, где низасикочиа строили себе жилища из неодушевленного материала. А когда незапуганные низасикочиа, дома которых еще не были разрушены, пытались напасть на освобожденных, Сатлы своим невидимым нападением на них нагоняли такой ужас, что все они отказались даже думать о нападении на освобожденных. Пришлось и сильным низасикочиа озаботиться постройкой для себя домов из неодушевленной материи.

И через несколько лет как о тяжелой сказочной жизни рассказывали в этой стране об эпохе дикой эксплуатации. Сатлы устроили далее школы, где пластически пере-

делывали молодежь в более красивые существа, а за молодежью и взрослые пожелали изменить свою наружность на более человекообразную. Но только тех соглашались переделывать Сатлы и их ученики, кто соглашался отказаться от тех или иных недостатков, свойственных жизни бывших низасикочиа. Нарушившие обещание снова, на более или менее продолжительное время обращались в низасикочиа старого типа.

До того времени, пока развившаяся техника не сделала постройку домов из нео-душевленной материи более легкой, чем постройку из тел низасикочиа, до тех пор, пока попытки устраивать такие постройки не пресекались в самом начале и их инициаторы не отчуждались от общегития, не раз делались попытки возвратиться к старым порядкам жизни, а потом низасикочиа стали смотреть на старые порядки, как жители культурных стран смотрят на людоедство.

Тогда Сатлы приняли вид низасикочиа и жили между ними, борясь с вредными обычаями и указывая обновленным низасикочиа новые лучшие формы общественной жизни.

Сатл и первая встреченная им в доме, где переделывали людей, женщина начали понемногу обожествляться низасикочиа. Эта женщина вскоре забыла по воле Сатлов то, что было с ней, и она почиталась, как миф.

Шли тысячелетия за тысячелетиями. Жизнь низасикочиа мало чем стала отличаться от жизни людей положительной бесконечности, атмосфера очистилась, но между ними было еще меньше любви, еще меньше равенства, чем на земле. И они начали преследовать Сатлов и их сравнительно немногих учеников, стараясь поддерживать строй неравенства. И вот незванными, непрошеными явились на помощь Сатлам анти-леги Смерти, без удержу и без разбора кося низасикочиа и не раз пытались ударить и Сатлов. Но Сатлы тотчас же решили отказаться от их помощи, так как некуда было идти умершим, и они казались только спящими... Много и других, трудно разрешимых задач встало тогда перед Сатлами. И они стали мечтать о том, как бы перенести в низы Эоновское учение, но перенести его так, чтобы оно не осталось пустым словом, каким оно на землях нашей бесконечности стало. Но низасикочиа и понятия не имели о Боге.

67. ГРААЛЬ НА ЗЕМЛЕ

(3-я легенда Атлантиды)

1. Я, Аппер, пишу тебе, Соммий, о странном. Сильно изменились семь знакомых мне женщин: стали добрее, умнее, настойчивее. Они говорят: «Упали в нас звезды и превратились в нашем физическом теле в тела астральные...» Озаренные звездами женщины почувствовали в себе другое начало. Говорят они: «Сошли в нас с высот духи могучие, решившиеся искупить свое прегрешение. Они согрешили, призвав на помощь какие-то Стихийные Силы во время борьбы своей с духами высшими». Говорят странные речи эти женщины. Где-то, на одной из планет, не только тело, но и душа какого-то великого духа были положены в чашу прекрасную, и чаша эта Грааль называлась. Говорят наши жены, что их тела и души после схождения в них астрального начала тоже прообразом Грааля стали. Мягче стала их жизнь, светлее, интереснее... И на нас отразилось это. Прибудь и посмотри.

2. На меня тоже снизошел дух высокий. Я понял, о Соммий, я знаю, что выше нас находятся миры высокие. И мы не чужды Грааля, в котором две сущности Его находятся. Но чаша эта, в которую жертвенная кровь Эонов во всех мирах изливается, необъятна. В ней и наш мир был, а ныне мы, с людьми слившиеся, находимся в основании этой чаши, и только в веках поднимемся...

Ты спрашиваешь, как я себя чувствую? Далеко не так прекрасен новый мир, с его усеянным разноцветными звездами, небом, как мир высокий, где так недавно был я... Тела атлантов, среди которых живу я, ненаполненным сосудом являются. Если бы удалось атлантам проникнуться этими эманациями Его! Если бы Учение Его и дух Его снизошли бы в людей, вместе с духом их неразрывно слившись!

Мне трудно на этой земле: я не могу еще отучиться далеко видеть. Я вижу солнце более желтым, оранжевым, красным, потухшим. Далее, я с трудом вижу как становятся черные потухшие солнца и снова загораются огнем ослепительным. Мы на них и около них, и смотрим на солнца, на эти искрометные звезды в Граале, которые спешат подняться кверху и сущность свою к более совершенному началу, необъятному воздушному пространству несут. Но не об этом я хотел сообщить тебе. Все же здесь, на планете, отблеск верхней части Грааля ощущается. И не один я, все мы, здесь воплотившиеся, в верха рвемся, и полны тоски несказанной сердца наши телесные и звезды наши духовные. Тоска эта исцеляется великой, всеизвиняющей и всепрощающей любовью, правдой блистающей. Легче и нам, и духам, не имеющим отдельного «я». Привет тебе, Соммий.

3. Мы давно уже живем в наших крытых городах на дне океана. Не менее двадцати долголетних поколений моих предков жили на этом дне. Наш род Апперов – древний род. Я родился под волнами океана. Только смутное предание говорит о том, что мы, атланты, жили когда-то наверху, где светило нам яркое солнце и где не надо было доставать воздух для дыхания из воды. Я – посвященный с 25-летнего возраста. Я знаю, что в меня вошла высшая сущность, высокий дух. Мои искусные товарищи, усыпляя мое тело, слышали рассказ духа, который снова вернулся на нашу планету, воплотившись на этот раз в меня, так же, как был когда-то воплощен в тело одного из моих отдаленных предков. Мы можем подняться на наших аппаратах на поверхность океана, но нам там не интересно. Разнузданные стихии не дают нам возможности наблюдать то, что могло бы заинтересовать нас. Женщины подводного мира скучают и тоскуют. Были уже случаи массовых самоубийств. Надо подняться на поверхность вод и, что бы ни ждало нас, попытаться достигнуть берега. Мы знаем, что появилась недалеко от нас суша. Правда, в нас Эоновская сущность вместе с духом высоким, в каждом из нас сущем, в каждого из нас нисшедшем. И океан, нас покрывающий, Граалем является, и в нем очистительная кровь Эона имеется.

Я вместе с другими проповедую прекратить самоубийства, проповедую связанную с этим необходимость подняться в верха, откуда мы в низы спустились при обстоятельствах, нами уже полузабытых и только в моей общине сохраняемых в памяти всех членов ее. Мы, члены моей общины, прообразом Грааля являемся, так как в нас духи высокие, а в этих духах мистическая кровь Эона. Я уже стар. Все время с первых дней сознания моего я знал, что нам придется покинуть дно океана и выйти на сушу. Настало время. И ты, Соммий оповести всех о том, что с завтрашнего дня надо приготовить все подъемные аппараты и начать подъем на поверхность океана, а затем все должны начать двигаться по направлению восхода солнца до тех пор пока не достигнем материка. Привет Соммий! Твой Аппер.

4. По долине, по направлению к горам бежал человек. За ним несло чудовище с саблевидными клыками. Несколько прыжков и человек вбежал в лес древовидных папоротников. Несколько быстрых поворотов между папоротниками, и человек остановился около груды скал. Он вбежал в узкую щель между скал и через две минуты громадное животное, обнюхивая воздух, остановилось около входа в пещеру. Оно попыталось расширить вход гигантскими клыками и, убедившись в невозможности сдвинуть или раздробить камни, удалилось и скоро бросилось на чудовище с длинной мордой и рядами зубов в пасти. Это чудовище убило зверя с саблевидными клыками.

Немного спустя у входа в пещеру появился новый человек с лохматой шкурой какого то зверя за плечами и с длинной палкой, на конце которой была насажена кость. Он остановился, с недоумением смотря на те повреждения, которые чудовище произвело в узком входе своими саблевидными клыками. Потом тихо крадучись пошел по узкому входу и заглянул в пещеру. На переднем плане он увидел ранее его вошедшего человека, который держал одну руку на груди и, казалось, с ужасом смотрел на вход. В глубине пещеры женщина, около которой стоял прижимаясь к ней мальчик, держала на руках маленького ребенка. Пришедший тоже положил руку на грудь и вошел в пещеру. Ранее пришедший встал и склонил голову... Вошедший обменялся отрывистыми звуками с женщиной, и она подала ранее вошедшему кусок мя-

са, который он и стал есть. Обитатели пещеры были знакомы с употреблением огня. В глубине пещеры в ее своде было такое же отверстие, как и при самом входе, и женщина раздула тлевший огонь и подбросила в него несколько веток высушенных растений. Пламя ярко вспыхнуло и мужчины, очевидно чувствовавшие друг к другу доверие, подошли к огню и, став около него, начали разговор.

«Я в Граале? – спросил вошедший и не стал дожидаться ответа, так как был уверен в нем. – Ты – тело в нем сущее. А где Кровь Его? Она?» – спросил он, указывая на женщину.

«Не знаю, но наша пещера – наша спасительница от зверей и бурь. Она – Грааль, а мы прообраз Его тела и Его Крови. Так учил нас старший рода».

«Что дал вам Грааль?»

«Защиту от зверей, защиту от непогоды, защиту от холода, защиту от мрака, ибо и при дожде не потухает огонь в нем. Возможность сосредоточиться. Нам тоже дал он возможность перестать быть зверями».

«Ты знаешь, кто Он?»

«Смутное воспоминание осталось в роде нашем».

«И в нашем».

«Мы из одного, потом разделившегося рода, иначе не были бы мы развитее диких людей и не поняли бы друг друга».

«Расскажи».

«До потопа могучим народом жили предки наши. Наши предки были в путешествии, и потоп застал их в горах. Они не погибли. Они не спасались в подводных жилищах. Они жили долгое время на горах, окруженные бушующим океаном. Бесконечное число поколений сменилось, отхлынул океан и утихомирился. Мои отдаленные предки, опять-таки несчетное число лет тому назад, спустились с гор, и их потомки живут здесь. Среди нас живет сказание, что в нас спустились когда-то духи высокие и иногда возвращаются (уходя после смерти кого-либо из прародителей наших) в кого-либо из нас, их потомков. И нам, когда мы спим, чудится, что в нас второе «я» имеется, которое уходит от нас во время сна, а при пробуждении возвращается. Из рода в род передается сказание, что наши предки были могучи, богаты, славны и мудры, но только небольшое из наследства сберегли мы. Кажется, что ранее Граалем у нас не пещеры назывались, а мы сами, с гением в нас сущим, ибо когда-то в царство гениев, в нас находящихся, сошел Великий, Богу равный для проповеди. Он своим астралом и своим духовным телом (их эманациями) остался в гениях, потом частью своей общности к нам на планету опустившихся. Я предком своим имел одного, такой звездой озаренного. Отличаемся мы от других, так как больше знаем, а знание обязывает нас доброму началу служить».

Встал обитатель пещеры и говорит: «Ты сказал мне все, что я тебе мог и хотел о себе сказать. Но мы уже не себя, а вне нас сущее Граалем называем. Грааль, нас спасающее, не нами построенное жилище, дает нашему роду жизнь бесконечную, и в нем отражение Его духа обитает».

«Вы не боитесь, что Грааль исчезнет?»

«У нас живет предсказание: через полтымы лет появится на планете новый Грааль. Он не будет походить на пещеру, а потом новую форму примет Грааль, ибо он всегда меняться будет, так как во все живое и во все вечно мертвое благодать излита быть может».

«Приходи ко мне. У меня тоже семья».

«Приду. Покажи дорогу».

5. Слушай сын мой и ученик мой, что я, Эль Харери, скажу тебе... И, когда тебе минет сто лет от роду, передай мною сказанное умнейшему из учеников твоих, но ранее научи его как долго жить на земле, и заповедай передать сказанное любимому и жить обещающему ученику ученика твоего, и так до конца веков. Когда тебе минет пятьдесят лет, иди в Южный Лабиринт, пять ночей стой на страже у восточного входа его, и когда выйдут из Лабиринта жрецы, в нем живущие, скажи им, что я прислал тебя принять посвящение великое, а в знак того, что достоин посвящения это-

го, расскажи им в точности то, что я скажу тебе. Слушай то небольшое, что я скажу сейчас, а многое ты узнаешь в Лабиринте, в подземных залах его.

Четырнадцать тысячелетий назад мои и твои предки прибыли в страну нашу по океану, всю западную пустыню тогда покрывавшему. А сами они вышли из глубин океана, на западе лежащего, и они жили там в подводных городах. По образу такого города был построен, хотя и несовершенно, Лабиринт, в котором живут люди нашей расы, из глубины океана вышедшие. У них, то есть в Лабиринте, где они живут, ты найдешь свет Учения высокого, ты узнаешь, что я и ты можем вмещать тело духа мощного, что он может обитать в нас. Мистически понимай слова эти, не так, как их образованная чернь понимает, а как Высокие (имя их я скажу тебе), которые в лабиринте обитают. У них останься в лабиринте, ибо они атланты, чистоту крови своей сохранившие, многое скажут тебе о прошлом и будущем. Скажут тебе, что в далеких космосах происходит, скажут тебе о мирах, выше и ярче Ра сияющих. Услышишь ты и о том отдаленном от нас времени, когда иссякнет вера в людях, и они в полу-людей двуногих обратятся, только об удовлетворении животных потребностей думая. Как бы неким сосудом Лабиринт теперь является, сосудом, в коем хранится прообраз тела и крови Сияния Тихого, ибо в духе, в людях обитающем, Свет Тихий свой луч оставил, как эманация тела и крови Озириса, молоком и хлебом представляемая, в нас перевоплощается. Как те сосуды, в которых под видом молока и хлеба мы мистически кровь и мистически тело Озириса храним, так и Лабиринт две высшие сущности Света Тихого или тело и кровь Озириса хранит, – понимай мои слова духовно. Ибо не материально, а духовно, более чем духовно и то, что мы кровью мистической, и то, что мы телом называем Света Тихого.

Когда мы едим и пьем то, что мы мистическим телом и кровью называем, все мы приобщаемся к одной громадной семье, в которой и пребываем все мы, как бы одну общую трапезу имеем. Это все, что я хотел сказать тебе, Аппер, а завтра ты получишь от меня все условные знаки, дабы приняли тебя атланты, как своего».

6. Я был в чертогах атлантов. Далеко не первым был я там из рода нашего. Несказанной красотой, красотой нежной и тихой блистали эти чертоги. Прекрасна жизнь атлантов, там обитающих. Нет в их жизни ничего, что требовало бы улучшения и исправления. Там нет никого, кто жил бы за счет труда другого. Прекрасна работа, прекрасен и отдых атлантов, чертоги которых глубоко в землю уходят, хотя воздух, в них находящийся, так же свеж и ароматен, как воздух полей Нубии, цветущих после дождя. На торжествующую тихую мелодию похожа жизнь атлантов, и только изредка прерывается она к ним донесшимся гулом внешнего мира... Я видел Учителя и одиннадцать учеников Его. С двумя из них, Машара и Орсеном, я разговаривал. Учителю было на вид не более тридцати лет, но атланты говорили мне, что Он первым явился на планету и что Он живет на ней мирны лет; жил Он на ней и тогда, когда над землей блестело солнце белое, и миллионы лет жил Он при блеске его. Грустными и еще более, чем другие атланты, усталыми казались мне ученики Его. Только Он, Великий и Светлый, не был усталым и грустным. Немного из Его речей понял я, так как плохо говорю на языке атлантов. Он говорил, что здесь, на земле, пресыщение долгой жизнью неизбежно, что ясная жизнь атлантов ни в коем случае не спасает от этого пресыщения, что от пресыщения имеется для атлантов только одно лечение: оставить свои чертоги, свою красоту и умную жизнь, и, войдя в ряды людей, учить их высокому Учению.

Он говорил о том, что от духовных и материальных лишений, от физических и моральных мук страдают люди, что много добра сделают те, кто пожертвует душами своими (если нужно будет пожертвовать ими) для того, чтобы помочь людям. Что, если не поймут люди Эоновские заповеди жалости, то заповеди блаженства, за добрую жизнь обещаемого, поймут они. Он говорил, что найдутся все-таки люди, которые поймут не только заповеди блаженства и жалости, но и заповеди Великой работы поймут они. Я хотел спросить Его, что это за заповеди Великой работы, но Он прочел мои мысли и ответил мне, не вопросившему Его. Он говорил, что все люди должны стремиться такую же жизнь в своей сфере создать, какую атланты в своих поселениях создали; что им нужно активно бороться с эманациями лярвизма, их

жизни затуманившимися; что надо такие формы общественной жизни найти, при которых расцветало бы добро и не произрастало бы зло. Он говорил, что атланты скучают только от того, что оторвались от жизни людей, от той жизни, которая может быть невероятно разнообразной.

Много говорил Учитель, но плохо понял я Его. И все же довольно было для меня. Подошли к Нему Машара и Орсен, говоря, что они хотят идти к людям и принять мученический венец, а за ними и я подошел, готовый на все за святое дело. Он и меня, Аппера, из древнего рода Апперов благословил на жертвенное служение и сказал, что некто из моего рода будет присутствовать, когда кровью Эоновской наполнен будет сосуд прекрасный – Грааль.

7. Я, Аппий Клавдий, из древнего патрицианского рода Аппиев стоял с когортой у Креста, на котором распяли Его римляне по приговору еврейских первосвященников. Я слышал как, страдая, Он простил своих врагов. Я видел как Лонгин ударил Его копьем в бок и как лилась кровь и вода из Его тела. Я купил чашу, которую подставила под льющуюся кровь какая-то женщина. Чашу эту отнял у нее один из воинов, но я выкупил ее. Не буду говорить, что было потом в роде моем и с родом моим, ибо полны наши предания рассказами об этом. О другом хочу сказать я. Я живу не старея, доживаю десятое столетие. Потомки рода моего стали рыцарями и не иссякает благодать около нас сущая. Но когда иссякнет она в Граале, я уйду. Уйду и не вернусь. Я знаю, что опустевший Грааль перестанет быть Граалем, и Граалем иной благодати Орден рыцарский станет. Не беда, если в чаше Грааля камни самоцветные поддельными заменятся, но горе и беда рыцарям, если они недостойны будут даже благодати Серафов. Я вижу, что волны лярвизма заливают человечество. Горе, если войдут в наш Орден лярвами одержимые. А когда Орден очистится от тлетворной грязи богатства, и когда он не будет копить сокровища, когда рыцари будут соблюдать обеты щедрости и бедности, тогда воскреснет в свете нездешнем наш Орден. И тогда сделается он великое дело – станет провозвестником учения Параклета и новым содержанием наполнится часть Грааля, на земле сущая. Но прежде, чем хотя бы на время уйду я, рыцари христианнейшие, тайну немалую открою вам.

Два ученика Его, Машара и Орсен, выкопали из земли тот камень, который лежал у подножия Креста, на нем же Свет Тихий был распят. И было углубление в камне том, и задержались на камне том капли крови и воды Его, в Грааль не попавшие. Незадолго до своей смерти, за Его учение принятой, Машара и Орсен видели, что присохла к стенкам ямки, бывшей в камне, кровь Его. Истолкли они тогда этот камень, а их ученики разнесли полученный песок в разные страны и развеяли его во время бурь, заповедав ветрам повсюду разнести его. И развеялся песок этот, и вся планета, на которой живет род людской, Граалем стала. Легче спасаются те, которые около этой планеты трудятся. Это я, Аппий, старший из рыцарей, говорю это».

8. Вставка 1912 г. «Я давно обещал написать тебе, но занятия по кафедре и лаборатории, мешали мне написать обстоятельное письмо. Даже теперь мне приходится ограничиться несколькими строками, так как через немного минут меня позовут читать лекцию.

Ныне мне кажется, что ты был прав, а я говорил несерьезные речи, требуя от тебя, чтобы ты показал мне душу, в людях сущую. Ты был прав, говоря, что душа, не являясь чем-то материальным, не может быть показана или схвачена нами. Я работал последнее время, отыскивая силу, частицы тел связывающую, и не нашел ее видимой или ощущаемой. Из этого вовсе не следует, что силы сцепления не существует, раз существует сцепление, распространяющееся на ионы. Конечно, и души не мог я найти в телах, как не нашел и силы сцепления. И знаешь ли что? Мне иногда кажется, что ионы являются только узкими частичными подменами понятия «душа». Прости, меня зовут читать лекцию. Приезжай ко мне в воскресенье в час дня. Твой друг Сальдар».

9. Я нашел рукопись и точную копию части ее присылаю тебе.

«Мы дали великую клятву найти Грааль, в высотах несказанных сущий. На днях поведал мне о нем мой друг, ранее меня к воинам высших миров присоединивший-

ся. Я слышал речи его. Он говорил, что невыразимо прекрасны миры, в верхах сущие, что в них благодать жертвенная Эонов пребывает, но что повсюду, в каждом мире проявляется она».

68. ГРААЛЬ В КОСМОСАХ

I

Кончился бой. Неудачей окончилась наша попытка в высь подняться при помощи силы, хорее присущей. Думаем, не потому не хватило сил у нас, что мы бессильны, а потому, что разброд воли замечался у нас, потому что не все хотели, и не все одинаково сильно хотели подняться в верха непонятные: боялись привычную жизнь навсегда потерять.

Недавно прибывшего пригласили провести некоторое время в рядах почетной стражи, сокровища охранявшей. Я слышал, как называлось сокровище это на земле. И слышал, что оно вмещало символ человеческого самопожертвования – кровь за других пролитую, тело на растерзание для спасения других отданное... А здесь на стражу какого сокровища зовут меня встать? От кого защищать его? И вооружившись с головы до ног, я пошел, куда мне было указано. По дороге спросил одного из светлых рыцарей, тоже на такой же пост, как и мой, отправлявшегося.

«О! – ответил он. – Кровь Его на земле пролитая, ученьем Его заменяется; тело Его, на земле растерзанное, – точным, действительным воспоминаньем о Его жизни представляется».

«Так ваш Грааль – это какая-то община, нашими братьями населенная?»

«Да, но они часто уходят из нее, ученье Его в других мирах возвещая, так, как оно у нас проповедовалось, и жизни Его в других мирах подражая, тому аспекту жизни Его, который в нашем и мире людей наблюдался».

«А к вам в эту обитель приходят со стороны?»

«Не ко мне, я никогда не входил в нее. Я только на страже около обители стою, так как часто стараются проникнуть в нее темные Арлеги и стихии тяжелые».

«Посильна ли будет моя обязанность? Я смогу выполнить ее?» – спросил я.

«Спросишь совета у более опытного стража-соседа. К ним, идя в миры отрицательные, или поднимаясь из них в свои обители, Сатлы приходят и о чем-то беседуют с учениками Его».

«Ты говоришь «о чем-то», – разве не знаешь, о чем?»

«Не все их разговоры я слышал. Не слышал многого. Последний раз о заповедях Великой Работы, которую проповедовали со слов Эона в далеких кругах бесконечности Сатанаилы».

«У нас еще есть время, расскажи мне об этих заповедях».

«Я скажу тебе их. Вот они, слушай:

«1. Работай так, чтобы нищие духом, выше тех, в кого наши братья опустили, стали...»

«Мыслимо ли это?»

«Желающий вместить, поднять эту работу – вместит, поднимет.

«2. Работай так, чтобы не было плачущих, чтобы все они утешились;

3. Работай над тем, чтобы исчезли с земли свирепые, чтобы одни только кроткие остались на земле.

4. Насыть алчущих и жаждущих правды и работай для того, чтобы везде правда сияла.

5. Даже самых страшных злодеев помилуй, так жизнь устроив, чтобы они только милостивыми могли быть.

6. Сумей показать людям, что существует высшее начало, а для этого учи их даже и в помышлении не причинять зла.

7. Неустанно работай над тем, чтобы любовь, а не злоба, правила миром.

8. Работай над тем, чтобы никто не терпел гонения за правду.

9. Неустанно работай над тем, чтобы нельзя было гнать кого-либо за правду из тех, кто на земле существует, нельзя было бы злословить на учение Эона, нельзя было бы оскорблять за то, что этому учению кто-либо из людей следует...»

Говорю я: «Велика, тяжела и непосильна, если подумать, эта Работа Великая, о которой Сатлы в Граале вашего мира говорили».

И я увидел, что недалеко голубым, несказанно ярким сияньем заблестел Грааль высокий – община, на работу готовящаяся. Тотчас же встретили мы передовой отряд стражи, но прошли дальше, ближе к миру, Его учение охраняющему и Его жизни подражающему.

Встал я на страже с рыцарями, моими братьями по Ордену, и зорко огляделся вокруг. Вижу я, ближе к общине Грааля, как бы около нее стоят какие-то великаны, как будто мне знакомые. Я спросил: кто это? «Атлантами они на земле были», – услышал я ответ. И мне захотелось почему-то встать в их ряды, но я решил подождать, не позовут ли они меня сами, так как мне показалось, что их позиция безопаснее моей была... Наступило молчание, и я услышал переключку часовых:

«Рыцари Светлые, Ордену слава в веках и мирах!»

Снова и снова, трижды пронесся клич этот. Я насторожился: что-то вдали к нам несущееся почудилось мне, и я двинулся вперед для того, чтобы рассмотреть, что именно приближалось к нам, и в это время мимо меня прошел отряд атлантов, отошедший со своего поста, и в его рядах пошел я навстречу какой-то грозной силе... Познал я, что на нас неслись гиганты, и я решил, что это Сатанаилы. Но слышу я, что не доверяют одной наружности около меня сущие. Загородив дорогу спрашивают пароль. Пропускают три отряда, а четвертый отказывается сказать пароль и говорит, что в рядах его одни темные Арлеги Светозарные, но не драться, а разговаривать о сущности Грааля пришли они.

Не знали мы, что делать, но скоро донеслась до нас весть, что мы должны пропустить прибывших – и мы пропустили их, а атланты предложили мне к их отряду присоединиться, и старейший и сильнейший из них занял (до смены) мое место. Спросил я, что станет с темными Арлегами. Один из атлантов (казалось мне, что я когда-то был близок к нему), ответил, что они или проникнутся эманациями учения и жизни Его, или уйдут назад. Но вернее, что они примут учение Эона, как оно в Граале воплощается. Он сказал мне, что даже стража рыцарства атлантов далеко от Грааля стоит; что лучи, от него исходящие, только отблеском слабым доходят до стражи внешней, но что вход в него свободен для рыцарей, если они отдают предпочтение оружию духовному, безусловно отказавшись от оружия материального.

Я спросил: «А можно ли приблизиться к источнику света?»

«Да, для этого достаточно только иметь желание всем открыть доступ в него».

II

Мы, Михаилы, собрали кровь Его, когда она из Грааля Земли испаряясь к верхам поднималась. В чашу прозрачно светлую собрали мы ее и увидели, что мал сосуд, нами приготовленный. Еще такой же сосуд мы приготовили, но и он не смог вместить всей крови Его. И множество сосудов мы сделали, и все они переполнились кровью жертвенной, ибо со всех земель, вокруг солнц разноцветных вращающихся, поднимались к нам эманации крови Его. Просили мы мудрых Серафов помочь нам собрать кровь Его жертвенную, и отвечали они, что охотно соберут ту часть, которую поместить в обителях своих смогут, а то, что мы не сможем собрать, да сольется с волнами Реки Голубой, к миру Аранов и выше стремящейся. И долго стояли у нас сосуды причрачные, драгоценной влагой наполненные, а когда обошли Эоны земли всех бесконечностей, кровь, в сосудах причрачных хранимая, в цветы чудесные, в розы сверхмистические превратилась, и сплелись стебли этих роз в украшенные цветами прекрасные ступени и края Лестницы сияющей, высоко, высоко к верхам поднимавшейся. И мы, Михаилы, не осмелились войти по ступеням той Лестницы к верхам, еще вы-

ше над нами раскинувшимся, но полетели возле Лестницы и, когда уставали, при бесконечном, как нам казалось взлете, то брались за ступени ее и отдыхали.

Долетели мы, высоко над нашим космосом поднявшись, до места, где розы мистические расцвели красотой несказанной, как бы громадный во многих местах розами усыпанный луг образуя. И там, около этих роз раскинули мы на долгое время жительства шатры свои. Аромат несказанный роз сада мистического в верха поднимался и нас с собой звал, маня радостями высокими. Но мы знали, что должно стать наше воинство на страже, ожидая нашествия Димиурга низов неподвижных с его воинством. А пока темные Арлеги и Светозарные пролетали над нами и во время большой хореи Легов пытались от наших обитателей к ней направить свой путь. Но вырастали тогда розы до гигантской величины. Как бы шатер образовался над нами и над всей новой обителью нашей, и не могли войти в него ни темные, ни светлые.

Аромат роз сверх-мистических становился все сильнее и сильнее. И тогда свойства Грааля сверх-мистического проявлялись. Всеми нами овладевала могучая воля, как бы из мира Эонов исшедшая, и неотступно и настойчиво звала нас в миры далекие бороться за учение Того, чья кровь в розы превратилась. И мы, Михаилы, уходили. Только небольшой отряд наш оставался на страже для того, чтобы прийти, когда надо на помощь хорею. Не могли мы, аромат роз Его воспринявшие, не прийти на помощь к несчастным, в далеких мирах сущим. Опускались мы и облакались в тела обитателей миров низших, оставляя эфирные тела в саду роз прекрасных, а когда наверх к ним возвращались, мы находили тела наши видоизмененными в рассаны и могли или в наших обителях оставаться, или к Аранам продвигаться.

Аромат роз мистических и тогда, когда мы облакались в рассаны, сопутствовал нам. Мы как бы несли повсюду аромат этот, и так он был дорог для нас, что не хотели мы к Аранам подняться, когда равносильными с ними стали, ибо боялись расстаться с эманацией этой. И куда бы, в какую из бесконечностей ни приносили мы его, повсюду он заставлял нас бороться со злом, его заглушающим, скрашивая нашу жизнь; без него она ужасной бы стала. Эманация крови Его в нашей обители имеющаяся и нам сопутствующая, аромат чудесных роз мистических – нас и других побуждает к самопожертвованию. В этом свет, сила и слава Грааля нашего, в обителях Михаилов сущего.

III

«Давным давно пролилась в нашей стране река странная с тихими водами розового цвета. Течет река эта по руслу, вверх идущему, но часто она другое направление принимает и течет то в одну, то в другую сторону. Наши отряды следуют тогда ее течению и всегда встречаются лицом к лицу с врагом, с одним из ужасов, нашествие которых нам отражать приходится. Мы – Араны неукротимые и до сих пор непобедимые, всегда готовы на бой, готовы хотя бы сильнейшие силы высот вызвать, если бы они на пути нашем встали. Ничего и никогда – ни в верхах, ни в низах, ни в мирах бесконечностей – мы не боимся. Никогда не отступали мы, не достигнув своей цели, цели нашей и для наших усилий поставленной. Мы отбили – счета нет – сколько нашествий на космосы и без счета отобьем новые. Но мы знаем, будет бой, исход которого нам неведом. Мы не будем побеждены, но возможно, что все мы исчезнем убитые, с рассанами нашими разлученные. Возможно, что все мы исчезнем даже в том случае, если все силы духов придут к нам на помощь. Исчезнем и где воскреснем – не знаем, но только не на ступенях Золотой Лестницы. Исчезнем, но так ослабим Димиурга миров отрицательных, что не сможет он поставленной цели добиться.

Тогда перед этим нашим последним боем мы, могучие, выкупаемся в реке вод розовых, в нашем Граале текущей, и огненно-водным этим крещением крещенные пойдем дать ответ за наше своеволие, за наши битвы бесконечные, за раны, нами нанесенные. Последней борьбой упоенные, все мы умрем и не знаем, где воскреснем. Огнем Грааля озаренные, мы в первый раз за все время существования нашего попросим Элоима Верха в новом мире бросить нас на борьбу новую, хотя бы с мирнами

темных сверх-Димиургов нам пришлось бы сражаться. И всегда в мирных веках и в обителях новых (полны радости светлой, или ужаса мрачного будут они – нам все равно) мы добром вспоминать будем Грааль наш, всегда указывающий нам дорогу к врагу наступающему на космосы светлые».

Слышится клич: «*Sancta Rosa! Lumen Coeli!* К оружию! Течет вода реки мистической на запад. На запад, Элора!»

IV

«Кто ты, неведомый, так непохожий на нас по рассане и так по сущности не схожий с нами? Откуда? Что хочешь узнать у нас?»

«Я из обителей далеких, где живут неды – совершеннейшие. Я – нед. Хочу знать – где я и кто вы?»

«Ты в нашем Граале, наполненном влагой красноватой внизу, голубой в верхах. То кровь и вода Эонов, и мы в ней, как искорки воздушные. Все мы постоянно кверху поднимаемся, но медленно идет этот подъем. И здесь, и покидая наши обители, мы всегда тесно сплочены с той тайной воплотившейся, которая в Граале пребывает. Кто близок к Граалю, кого сущность Грааля со всех сторон окружает, тот стремится к величайшей из работ и всегда готов к величайшему самопожертвованию. Пойми, для того, чтобы могло быть самопожертвование, нужна наличность того, чем жертвовать можно... Раз мы в Граале, надо иметь что-либо, чем жертвовать можно. Если бедняк отказывается от своей нищенской жизни для другой, более хорошей, это понятно, так должно быть, но при чем тут самопожертвование? Для того, чтобы жертвовать, надо иметь.

Прекрасна, весела, полна несказанным, все возрастающим интересом по мере подъема жизнь наша. Мы черпаем радость и наслаждение жизни полными ковшами. Высшее наслаждение наше – это постижение нами эманаций миров далеких. Ни от чего мы не отказываемся, если только наше удовольствие, наша радость, наше использование жизни никому не вредит. Мы умеем пользоваться жизнью, мы, Граалем окруженные. Мы не монахи и не отшельники. Мы, радостью жизни полные, отовсюду берем то, что сулит нам наслаждение жизнью, в высоты несказанные проникающей. А когда наш долг зовет нас на борьбу за доброе, светлое, радостное, другим недоступное, мы все бросаем, если бросить надо.

Мы все бросаем, что нашей борьбе мешает. Мы не жалеем, что оставить придется нашу радость, наши удовольствия, наше наслаждение жизнью, миры несказанно далекие созерцающей, – и мы идем выполнять наш долг. Мы все отбрасываем, что мешает выполнить его. Мы все возьмем, что приятно высшему началу в нас сущему и что исполнению долга не мешает. Если никому не причинять горя или неудовольствия – живи, как хочешь, и не считайся с пустым учением монахов».

«Отблески светлые, – говорит нед, – вы чему-то страшному учите. На наслаждение жизнью принято смотреть, как на что-то низменное. Наслаждения духовные не имеют цены, как не имеют ее и наслаждения рассан».

«Нед, – говорят Отблески, – Эон на землях бывал на пирах, давал умастить свое тело благовониями, не чуждался веселья и жил, как люди живут, уча отказываться от поста при приеме пищи, а значит и от всякого ненужного для здоровья тел, душ, духа и рассан воздержания. Но от того, что вредно для духа и рассаны, от того воздержись. Если тебе дана жизнь и возможность наслаждаться – живи и наслаждайся теми наслаждениями, которые тебя достойны. Только тогда откажись от жизни и наслаждений, твоему духу и твоей рассане свойственных, когда это для спасения других нужно».

«Отблески смелые! Страшно и темно для меня и моих учение ваше. Мы монашество, отказ от удовольствий, которые всегда низкими считали, высоко ставим».

«Нед, мы не знаем темных сил, у вас пребывающих, но не их ли это учение вы исповедуете, никому и вам самим ненужными постами, воздержаниями, увлекаясь? Мы, в Граале сущие, ежеминутно готовы всем пожертвовать для дела высокого –

имеем, чем жертвовать, но это вовсе не значит пожертвовать крыльями своими, обломав и бросив их. Это безумие!»

«Отблески ясные! Понял ли я вас или нет? Быть в Граале не значит ли это жертвовать счастьем, радостями, удовольствиями и жизнью, когда это требуется для торжества учения Эона Любви?»

«Нед, ты прав, но для глупого предрассудка, как бы крепко он ни держался, мы ничтожнейшей долей простейшего удовольствия не пожертвуем».

«Отблески яркие! Само удовольствие не имеет ли в себе чего-то неприемлемого? Нет ли такого удовольствия, которое свойственно всем духам мира вашего, но которое только тогда позволено, когда оно регулируется волей наиболее сильных из вас, а иначе недозволенным, преступным в вашем мире считается?»

«Не понимаем, нед, твоих слов. Что за странное извращение понятий в мышлении твоём? Только тогда недозволенным может быть то, что мы (или ты) удовольствием называем, если оно другому страдание причиняет или тебе в грядущем причинит страдание. Что нам за дела до мнения сильнейших? А то до того дойти можно, до чего в Темном Царстве красивые и отвратительные лярвы дошли, мучающие тех, кто делает то, что им не нравится».

«Отблески мощные! Я что-то понял: у вас только то недозволенным считается, что другим неприятность или страдание причиняет, да и то при условии, что не наваждением темной силы (я не знаю, откуда она у вас) страдание это является, что оно не плод болезненного, раздраженного темными силами воображения».

«Ты почти прав, нед. Говори до конца».

«Отблески мудрые, так ли я читаю в глубинах ваших? Не тогда ли недозволенное является, когда удовольствие предпочитается борьбе за нечто светлое, вдалеке блистающее?»

«Ты почти прав, нед, говори до конца».

«Отблески верные, так ли я понял вас? В вашем космосе только тогда и потому удовольствие мыслимо и существует, что вы всегда готовы на работу великую и много больше работой этой, чем удовольствиями, заняты?»

«Ты почти прав, нед, говори до конца».

«Мне кажется, у вас сильна зависть, так как вы мечтаете свою кровь с кровью Эона смешать, мечтаете пострадать за дело любви, хотя бы для такого страдания вам навсегда пришлось бы ваш космос прекрасный покинуть».

«Ты прав нед, мы не даром в Граале живем. Мы на все, даже на уход со ступеней Золотой Лестницы готовы, лишь бы немногим хотя бы в ничтожной степени облегчить подъем, в низах сущим, считая в их числе и ничтожнейшую пылинку».

«Отблески сильные! Я передам недам учение ваше, а пока скажу: слава Отблескам, блеском Грааля озаренным!»

69. ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ

I

Как это странно – распался, разрушен мистический союз души, духа и тела. А ты, ласковый, так легко меня успокоивший, на духа моего, со мной до твоего прихода сущего, похожий, ты – дух Смерти? Да, конечно, ты ответил, не говоря, и я как-то поняла тебя. Скажи, что протянул ты мне? Что это блистающее в руках твоих? Почему и для чего ты это присоединяешь к моей сущности? Я поняла. Ты говоришь, что это новое чувство. Как назвать его? Я буду как бы слышать мысли, окружающих меня, и мои мысли всеми читаться будут. Как это странно. Как это неудобно. Если бы я знала, я давно гнала бы от себя мысли темные и некрасивые. Я приучилась бы на земле, когда была в теле, только красиво мыслить. Что делать... Ты прав. Надо брать то, что дается... В какое странное тело облечена я! Куда мы несемся? Ты говоришь: в новую сферу, на землю, похожую только тем, что на ней и я жить буду. А эти души? Куда про-

вожают их, на тебя похожие, но более грозные? Они против нас летят... Многие летят ниже нас... А, это на земли кругов концентрических. Внимай: они жалуются на свою участь, они ругают тебе подобных и в высотах Сущего. Ах, какой визг, стон и вой и крик! Скорее, скорее! Неси меня скорее! Хорошо, что мы разминулись с ними... А где мой дух, так много со мной переживший? Он встретится со мной в сфере иной, опять со мной будет? Или только встречаться со мной будет? О, я рада, что увижусь с ним снова.

Мы прибыли. Ты меня оставляешь. Нет моего друга. Мне страшно. Останься немного времени... С меня спадает тело, как бы для дороги мне данное. В новое тело облакаюсь я... Как много существ странных окружает меня, ко мне не приближаясь. Я понимаю – они хотят дать время мне оглядеться. А эти, с ласковыми лицами ко мне подходящие? Не мои ли это близкие: не отец ли мой, не мать ли моя, ранее меня с земли ушедшие? Я рада вас видеть. Понимаю, вы рады встретиться со мной. Как будто горе тех, кого я на земле оставила, уравнивается вашей радостью. Но все же мне нестерпимо жалко мною оставленных. Здесь много лучше, чем на земле покинутой. Вы говорите, что здесь быстро время летит, что скоро увижусь я с покинутыми. А мой дух? Во время сна сольется он со мной. Скорее бы... Он указал бы мне здесь работу великую. Как будто несколько иными были на земле все чувства мои. Я понимаю ваши мысли, но я слышу что-то более прекрасное, чем музыка земли. Что это, гармония сфер? Нет, это наш разговор... Да, я проникаю в смысл его. С каждым звуком я постигаю все более и более. Всю глубину, всю сложность ваших мыслей, всю обширность ваших знаний. О, радость! Я могу тоже звуками отвечать вам и вы эти звуки воспринимаете... Я давно уже вижу вас, но начинаю видеть, как мне кажется, и духов, в вас сущих. Как прекрасны, как величавы они. Ах, не пойму – в вас, около вас они, или только эманациями своими озаряют вас?

Кто ты, руку мне давший? Да, я рада, что ты поможешь мне познакомиться со всем, что здесь находится. Я вижу, у меня имеется слух, и аромат доходит до меня и до сознания моего; я читаю мысли твои и всех, около меня сущих; у меня имеется вкус и я осязаю те предметы, которые окружают меня, которые так красивы и употребление которых часто непонятно мне. Все старые и одно новое чувство имеются у нового тела моего... Жизнь, здесь текущая, мало от жизни людей отличается. Здесь живут так, как на земле Он жить учил, как Его первые ученики со своими учениками жили. Вы стремитесь к познанию в верхах и в низах около вас сущих. Вы знакомы с искусствами, более прекрасными, чем искусства Земли. У вас то же, что и у нас (на Земле, хочу я сказать), но все красивее, лучше и, как будто, далеко от того, что злом именуется, отстоит. У вас нет низких страстей и инстинктов, но все же, говоришь ты, имеются недостатки, и гордость – один из них.

Кто это – такие спокойные, бесстрастные, сосредоточенные и, как мне кажется, могучие? Они стоят на страже для того, чтобы пошлость зла в лице откуда-то являющихся даже в аспекте эманации своей не проникла сюда. А если она проникает, они борются со злом, исцеляя раны, им нанесенные, стараясь помешать ему расцвести пышным цветом. Ах, я поняла! Я хочу подойти к ним и спросить, можно ли мне работать вместе с ними... Я понимаю, здесь то же, что на Земле, но лучше, выше, привлекательнее. Скажи, здесь есть страдания? Духовные? Более тягостные иногда, чем физические? Ваши тела совсем иные, чем на землях. Из чего сотканы они? Ты называешь это надматерией, чем-то средним между материей и астральным началом сущим. Мне кажется, утончились и ощущения моей души, телом новым обложенной. Я так недавно, до боли едва выносимой, жалела моих близких, на земле оставленных, и только уверенность, что я свижусь здесь с ними, уничтожила эту боль.

Ах, прости! Для того, чтобы жить здесь, мы все должны работать. Я готова. В чем же моя работа? О, она так кратковременна, а потом я делать могу, что хочу и умею... А, это ты. Ты пришел ко мне и не оставишь меня? Ты так недолго был в своих обителях. Там иное время и ты многое узнал и сделал, что узнать и сделать можно и надо было. Ты опять будешь со мной и в этом мире сверкающем? Я загорюсь пламенем звездным и в этом мире сделаю шаг к высотам несказанным. Как я благо-

дарна тебе. Ты давно мог бы подняться высоко-высоко, но здесь в низах остаешься. Ты войдешь в меня, когда сон посетит мое тело. Тогда я снова не буду чувствовать себя отдельно от тебя, и ты как бы сольешься со мной, нечто цельное образуя. Ты опять отказываешься от высшего блага, от индивидуальности. Позволь мне не принять твоей жертвы. Иди в высоты, а я останусь здесь, где должна остаться, новые силы накапливая. Иди в святую землю. Иди на бой с Темными, туда, где их лицом к лицу встретишь. А я буду помнить о тебе, мой светлый и радостный.

Он снова подошел ко мне радостный и улыбающийся. Я видела его и раньше. Не помню, сколько раз. Быть может, много раз, но один раз я хорошо помню, как мы оба передвигались, и он как будто нес меня. Он взял меня за руку и мы снова понеслись куда-то...

II

Я понял, я вспомнил: я – умер. А ныне вечно юная душа моя заменила меня, и я, бестелесный, точнее, сама душа моя, куда-то примчалась. Что за странный мир, как будто из волн квазизводных и в волны квазिवоздушные погружаюсь я. А вскоре после этого в чем-то на огонь похожем, а далее в волнах световых, тепловых и в волнах ароматов как бы купаюсь я, и опять и опять крещусь я в волнах стихий, мне неведомых, и нарастает около меня тело новое, как бы от души голубых звезд заимствованное.

Пытаюсь смотреть я, и смутны очертания, меня окружающего. Как будто, плохо постигаю я сущее, как плохо постигает его новорожденный человек на новой далекой родине, о которой иногда вспыхивали воспоминания мои. Но вот смотрю я какими-то очами далеко-далеко и понимаю, что не смотрю я, а что-то другое (не знаю что именно) делаю. Вижу волны света ослепительного, и трудно, больно мне смотреть в верха. Как странно. Что-то, очевидно, единое и вместе с тем из множества отдельных единиц состоящее, что-то полное сил, жизнь дающих и вверх зовущих, что-то несказанное сверкает в верхах, недоступных даже отчетливому зрению моему. Хочется мне внимательно присмотреться к тому, что в даях блистает, но слышу я голос предостерегающий: «Пришлец новый, будь осторожнее. Опусти книзу надочи твои, иначе слепота постигнет тебя и ничего, буквально ничего не увидишь ты из того, что ниже высот непостижимых расположено. Смотри ниже, еще ниже. Смотри правее, еще правее...»

И я опустил глаза, мне до сих пор необычные, и посмотрел вправо. Я вижу прекрасных дам, о которых мечтали рыцари Земли во времена далекие. Я вижу их с розами в руках и в венках из роз, огнями многоцветными сияющих. Я как бы читаю их мысли. Мне чудится, что они советуют мне все силы мои отдать на служение тем, кто не такими сильными являются, как я. Советуют мне чаще в верха смотреть, но и то, что вокруг меня, не забывая вниманием своим и больше всего работать над тем, чтобы тех, кто невысоко стоит, хотя бы они ничтожнейшими червячками были, в верха поднимать. Заповедали они мне души темных зверей, птиц, рыб, насекомых просветить и ввысь поднять. Говорили они мне о том, что благо суждено тому, кто не только жалеет животных, но и создает для них обстановку, в которой они могли бы духовно расти. Говорят они, что все же важнее для меня работа по поднятию мне подобных, что зорко должен я смотреть, не нуждается ли кто в моей помощи для того, чтобы подняться после падения. Больше времени, мощи и средств моих должен я употребить для того, чтобы другим служить и меньше для себя самого.

Все скрылось из глаз моих, глаз новых, по-новому видящих. Какая-то фигура заслонила все, на что я смотрел, и элегантно, похожее на меня существо, но все же существо, некоторую тревогу во мне вызывающее, встало передо мной и заговорило:

«Простите, что так неожиданно являюсь перед вами. Вы поняли, что в новом мире находитесь? Я хотел бы предупредить вас и посоветовать вам не верить той мистической болтовне, которой стараются некоторые обитатели этой страны сбить вас с толку».

«Как же сделают они, или как попытаются сделать это?»

«Очень просто. Прежде всего они постараются уверить вас, что имеется тот, кого они Богом называют, и убедят вас, что ваша жизнь будет продолжаться за пределами мира этого после вашей смерти».

«Меня не надо убеждать в этом. Я уже убежден. Я сохраняю еще воспоминания о прежней моей жизни. Я видел новым зрением моим, здесь полученным, сияние Бога и мир светлых духов, мне разные советы давших».

«Вот этого-то я и боялся. Мистическое только внутренним мистическим чувством познаться могло бы (если бы существовало), а виденное вами сияние Бога и мир высших духов – все это простая галлюцинация, или, если хотите, гипнотическое внушение, настолько яркое, что оно кажется вам действительностью. Возможно и нечто худшее: вас несколько раз подвергли гипнозу и внушили вам видеть во сне гипнотическом все то, что вы сейчас реальной действительностью считаете. Я – доктор, говорю вам: если ваше заболевание настолько сильно, что вы не сможете побороть психическое расстройство и вам будет чудиться, что вы в каком-то новом мире живете, постарайтесь отрешиться от внушения, что имеется тот, кого люди Богом называют. Подумайте сами: отбросив вашу галлюцинацию, вы не сумеете привести ни одного довода в пользу Его существования. Его никто не видел и не слышал. Никогда, нигде не совершилось ни одного чуда, доказывавшего Его существование».

«Он бы Богом не был, если бы был нам подобным, если бы Его видеть или слышать можно было. Если бы мы увидели чудо, оно тотчас бы чудом перестало бы быть и стало бы, в лучшем случае, редко наблюдаемым явлением. Вроде шаровидной молнии или миража в северных и южных широтах земли».

«Я, конечно, читаю вашу мысль: показывая, что слаба аргументация тех, кто не верит в существование Бога (как слаба все-таки и аргументация тех, кто верит в Него), вы думаете, что должна быть в начале всего творческая сила, что без нее ничего бы не было и не могло бы быть, что эта творческая сила существует, как свойство Бога, а не как сила от Него отдельная. А она, эта сила, не олицетворение; она, ничего общего не имея с Богом, существовала извечно. Конечно, приписав те свойства, которые Богу присущи, какой-то творческой силе, вы, сами того не замечая, на место Бога, сотворенного по вашему мнению в помыслах теми, кто доискивался начала начал, поставили творческую силу (нечто совершенно абстрактное, а значит непонятное, иначе говоря, несуществующее). Не очень умна эта подмена: частью – целого, производным – производящего. Но ведь мы знаем, как явилась идея Бога: видели сны люди, видели обмороки, решили, что в человеке два «я», из которых одно покидает человека и живет во время сна и обморока далеко от него, а потом приходит к нему снова. Потом это второе «я» вождей и патриархов стало жить и после смерти, далеко уйдя от трупа и, считая это «я» по-прежнему могучим, люди обращались к нему с просьбами. А так как зачастую умершие вожди назывались такими именами, как Солнце, Звезда, Луна, Большой Змей, Медведь, то и явилась легенда, ставшая потом верой, что когда-то эти существа были вождями и потом ушли куда-то, откуда все равно могут править людьми. Поэтому их надо просить о милости и о помощи. Таким образом явилось обоготворение светил небесных, грозных сил природы («ветром» назывались быстроногие вожди, «молнией» – умевшие наносить сильные удары и т.п.), явилась вера в богов».

«Зачем ты говоришь обо всем этом? Не все ли равно, каким способом дал представление о себе первобытным людям Тот, кого они Богом называли? Не трудись много говорить. Лишним это будет. Конечно, обоготворяли люди и надлюди не очень-то высокие существа, над ними сущие. Я знаю это. Знаю и то, что тот, кто не был осиян светом звездным, светом верховным, тот, раз ты ему шепнешь слово сомнения, будет думать, что нет Бога и попадет под власть твою и тебе подобных. Но в веках и в мирах все познается. Потомки в недрах тропических лесов живущих дикарей поверят в то, во что не верят их предки, поверят в то, что живут высококультурные люди, владеющие чудесами техники. Подождем. Разовьются духовные способности и ныне сущих, и они и ты, если ты не притворяешься, говоря, что не веришь, познают, что существует Непознаваемый».

«Ну, хорошо, скажи мне, кто Он. Каковы свойства Его?»

«Одно только свойство у Него, нами постижимое: все, что мы ни скажем о Нем, будет ложь и вздор. Он непостижим, но все от Него и к Нему, что было и есть».

«Даже грязь материальная и духовная земля? Даже грязь мглы тяжелой?»

«Конечно. Померкло все, что далеко от Него, но все к Нему приблизится».

«Ты безнадежно сумасшедший!»

И, сказав это, исчезло существо, на меня похожее. А вдали я вижу, как прямо на меня, а потом взяв вправо и влево от меня, медленно и торжественно проходят те существа, которые богами страны Кеми и других стран были, и среди них немало фантомов, духами беззаботной и неблагостной фантазии из далеких бесконечностей принесенных.

Многих из них узнаю я: вот идут боги страны Кеми, боги Индии, боги заморских стран, земель, на западе расположенных. Вот боги Вавилона, Ассирии, Карфагена, севера Азии, ее Востока, боги эллинов, римлян, галлов, северных и западных народов. Вот бог евреев и тех, кто себя последователями Христа на земле считали; проходят разные фантомы древнейшего, древнего и новейших времен, проходят боги Африки, Австралии и только бога атлантов нет в шествии этом. И я в смущении закрыл глаза.

Открываю и вижу: подходят ко мне с приветом жители нового мира, куда я вошел с проводником, меня оставившим, и спрашиваю я окруживших меня: не сон ли снился мне? Спрашиваю о нравах, жизни, мышлении той страны, куда попал я, и убеждаюсь, что я на земле, в другом аспекте сущей. А что земля, то земля, кто бы ни жил на ней, какой бы вид и каких бы жителей не имела она.

Это земля, но нет на ней недочетов земель, мною покинутых. Не освещается она солнцем каким-либо. Вся атмосфера, в которой она находится, светящейся является, как будто в солнце гигантском, но нас не ослепляющем и не сжигающем, находится земля эта. Говорят мне, что силы темные не могут долгое время в ее атмосфере пребывать, как не может долго человек под водой оставаться, но тех из нас, кто в родстве с Легом состояли, они всегда так же, как меня встречают, на короткое время погружаясь в огненную воду нашу...

Скоро участвовал я в хорее веселой, хорее мистической, и появились в ней гелы, на нижней из трех земель с нами бывшие... правда, не со всеми нами. Поднимались мы с хореей мощною, но силой отблеска воли, в нас сущей, мы на землю свою опускались, ибо знали, что на ней многому нам научиться можно тому, что жизнь нашу духовную облегчит в мире еще более высоком.

70. ЧЕРНЫЙ ХРИСТОС

У него не было предтечи, но он тоже удалился в пустыню перед началом своей проповеди. Он додумался до того, что человек может быть сытым без труда, что он имеет право грешить, в низы морали с ее высот опускаясь, что человек может служить злу, если это зло выгодно ему.

Пришли к нему послы от тех, с кем он жил ранее, и он ушел с ними из пустыни в землю заселенную. И с того времени стал он проповедовать, говоря: «Поймите, что надо вам делать, чтобы счастливо жить на земле». И за ним сразу пошли ученики и он стал учить их, говоря: «Блаженны много о себе думающие, ибо они власти достигнут. Блаженны смеющиеся, зла не желающие видеть, ибо весело живут они. Блаженны свирепые, ибо они многое получат. Блаженны не считающиеся с правдой, ибо они многое захватят. Блаженны немилостивые, ибо они от своих врагов отделаются. Блаженны не заботящиеся о чистоте духовной, ибо они смогут наслаждаться. Блаженны войну любящие, ибо они разбогатеют. Блаженны, если вы будете гнать тех, кто стоит за правду, ибо добьетесь власти на земле. Блаженны вы, если будете поносить, гнать и всячески несправедливо злословить тех, кто будет против вас. Радуйтесь и веселитесь, ибо много вы получите на земле. Так и раньше поступали умные

люди. Вы должны считать себя самыми умными и полезными для вас самих людьми. Вы – свет мира, да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши умные дела и подражали вам. И ничего нового не говорю я вам, так всегда было, и так поступать желаете вы в сердцах ваших. Вы слышали, что говорят некоторые: «не убивай!» А я говорю вам: убивайте, но так, чтобы не попасть под суд. Говорите, что закон, вами написанный, убивать повелевает. И, тем более, можно оскорблять тех, кто не в силах противодействовать вам! Если даже брат твой имеет что-либо против тебя, пойди и обезвредь его, хотя бы для этого пришлось казнить его смертью.

Сделай так, чтобы судьями были те, перед судом которых ты всегда будешь прав, а твой противник виноват и брошен судьей в тюрьму. Говорят вам – не прелюбодействуй и не разводишься с женою своею, а я говорю – живи со сколькими хочешь женщинами и бросай жену твою, раз она надоела тебе. Еще слышали вы о том, что не надо нарушать клятвы, а я говорю вам: клянитесь, когда из этого можно извлечь выгоду, и нарушайте ваши клятвы каждый раз, когда захотите. Вы слышали, что говорят: «око за око, зуб за зуб»; а я говорю: за зуб – смерть, а за око – смерть под пытками. Кто ударит тебя в щеку один раз, того ударь трижды. Кто захочет с тобой судиться и взять у тебя рубашку, возьми, отними у него и рубашку и верхнюю одежду. Просящего у тебя прогони, а у хотящего занять у тебя – сам попроси взаймы. Вы слышали, что было сказано: «люби ближнего твоего, и ненавидь врага твоего», а я говорю: люби только самого себя и уничтожай врагов твоих без жалости и сострадания. Заключайте в тюрьмы проклинающих вас и убивайте их казнями и тюремными муками вместе с ненавидящими вас. Обижающих вас и гонящих вас бросайте в тюрьмы и мучайте всякими пытками.

Будьте точным подобием злого начала, и благо вам будет. Не творите милостыни: лишь для того подавайте ее, чтобы за нее прославляли вас глупцы, а потому на виду у всех творите ее. Когда молишься, то молись так, чтобы тебя видели молящимся, раз в почете молитвы. Люди будут думать, что ты хороший человек, и, молясь, говори как можно больше, чтобы больше людей слышало тебя, – на верхах же нет никого, кто бы услышал тебя. Когда постишься, делай это так, чтобы как можно больше людей видели тебя постящимся и хвалили тебя.

Не прощайте людям согрешений, ибо и они не будут прощать вам. Собирайте сокровища на земле, ибо они услаждают жизнь, и хорошо берегите их от воров и захватчиков. Надо служить богатству, ибо оно дает людям удовольствие. Заботьтесь о том, что вам есть, пить, во что одеваться, так как, если вы не будете заботиться о завтрашнем дне, никто не позаботится о вас. Судите других, а себя не позволяйте судить. Замечайте недостатки других, а свои старайтесь скрыть. Не просите, ибо никто ничего не даст вам, но берите, что найдете. Входите, куда хотите, не спрашивая позволения. Повинуйтесь тем, кто сильнее вас, и заставьте повиноваться слабых, отнимая у них все, что вам нужно, не исключая и жизни. А если кто у вас попросит хлеба, дайте ему камень. Если кто попросит милосердия, будьте еще свирепее. А от других требуйте, чтобы они поступали с вами не так, как вы с ними поступаете. Рядитесь в овечьи шкуры, оставаясь хищными волками, многих удастся обмануть вам...»

Кончил он свою проповедь, и многие решили следовать его советам. Подошел к нему прокаженный, прося милости, и он велел прогнать его камнями. Встретил он человека, который жаловался на то, что заболел слуга его и страдает. А учитель посоветовал убить его, не для того, чтобы избавить его от страданий, а для того, чтобы господин его избавился от забот о слуге. Подошел к нему ученик и сказал: «Пойду за тобой. Но ранее похороню отца моего». А он ответил: «Охота тебе возиться с падалью! Иди со мной, и я дам тебе богатство». Встретил он с учениками стадо свиней на дороге и сказал своим ученикам: «Видите, они живут, не стесняя себя какими-либо правилами морали, так и вы поступайте». Он говорил ученикам своим, число которых все возрастало: «Не водитесь с теми, кого считают жадными или грешниками, но помните – тайно от всех что угодно можете делать, а если кто узнает, что вы сделали что-либо, что плохим считается, убейте этого человека или убедите других людей, что он лгун и негодяй».

Пришли к нему ученики других учителей и спрашивают: «Почему не постыятся твои ученики?» А он ответил: «Потому, что религиозные предписания, если они стесняют человека, не должны им выполняться.» С самого начала шли за ним ученики его, и между ними было два Сатанаила, внимательно слушавших его. Он послал по стране своих учеников проповедовать свое учение и переустройство общезнания на аморальных началах. Он учил их идти к богатым и властным и учить их, чтобы они требовали от своих подданных предательства, чтобы брат предавал брата, враждебного правителям, а отец сына, если он не подчиняется начальству. «А если вас начнут преследовать за учение мое, которое вы будете проповедовать, отрекитесь от него и от меня, сказав, что вы не были согласны со мною». Учитель учил, что те, кто трудится и обременены, должны продолжать нести все тяготы жизни, и надо добиться того, чтобы жить спокойно и весело тем, кто сумеет богатством или властью подняться над ними. Он учил, что, заставив других работать на себя, можно устроить себе вечный праздник, а работающих заставить трудиться и в обычные, давно установленные праздники. Он говорил, что самому нельзя работать в субботу, а другие пусть работают на вас.

Он говорил, что надо помнить, что жизнь начинается и кончается здесь на земле, и потому слушать надо только то, что приятно, а от того, что ничего приятного не дает телу человека, нужно отстраняться, отменяя от себя все, что неприятно, и стремясь к тому, что приятно.

Он учил учеников своих не считаться с предрассудками, так как ничто не оскверняет человека: убийства, кражи, прелюбодеяния, лжесвидетельства бывают полезны человеку. Если можно творить все это, прикрывшись авторитетом власти, творите. «Не будьте слабы, – говорил он, – не слушайте советов делать добро, какими бы доводами ни подкреплялись эти советы. Говорю вам: возьмите от короткой жизни все, что можете взять приятного, и больше ни о чем не думайте...»

Спрашивали ученики: «К чему ты стремишься, чего хочешь ты достигнуть?» Он отвечал: «Хочу власти необъятной и богатства громадного, и вы стремитесь к тому же, ибо эта цель стоит жертв вознаграждаемых. И если у вас имеется хоть небольшая вера, что глупы люди и, обещав им многое, можно добиться власти и богатства, вы добьетесь того и другого.»

Спросили его: «Что мы будем делать в царстве, которого ты добиваешься?» А он ответил: «Будете наслаждаться жизнью, будете собирать подати, а не платить их, все, чем может наслаждаться человек, вы получите – богатство, и рабов, и рабынь».

Он увидел дитя и, указывая на него сказал: «Тот, кто будет вам повиноваться, как повинуются дитя старшим в семье, тот только и будет терпим в царстве нашем, всех остальных мы под разными предложениями казним смертью. И всякого, кто будет против нас, уничтожайте, под всякими, даже вымышленными предложениями. Казните невинных, не склонившихся перед вами, а потом заявите, что это, к сожалению, судебная ошибка, по вине казненного совершенная. Обирайте народ, как только можете обирать, но говорите, что вы стоите за то, чтобы у всех было поровну. Будете деспотами, но называйте свое государство республикой. Будьте подлецами, но называйте себя честными людьми, а честных людей – подлецами, и благо вам будет, и хорошо устроитесь вы на земле. Если же в ком из вас заговорит совесть, сделайте особо злое дело: прикажите убить любящую вас жену или задушить дочь вашу и, поняв, что вам нет прощения, забудьте о совести. Требуйте, чтобы вам прощали все подлости ваши, а сами никому ничего не прощайте, если он сказал или сделал для вас что-нибудь невыгодное. Будьте злее тигра, но злость и низость свою прикрывайте заверениями, что вы, скрепя сердце, должны быть карателями. Будьте крупными ворами, будьте убийцами масс, но жестоко карайте мелкие кражи и единичные убийства...»

Подшел к нему новый ученик и спрашивает: «Что мне делать для того, чтобы хорошо прожить эту жизнь?» Отвечает ему учитель: «Неужели ты не знаешь, что делать? Устройся так, чтобы можно было безнаказанно убивать, прелюбодействовать, красть, лжесвидетельствовать; не только отца и мать – предай и всю родню твою, ес-

ли это выгодно для тебя, своим близким считай только самого себя. Приумножай богатство твое, как бы оно ни было велико, и будешь вельможей в царстве моем, ибо все умные и честные будут ненавидеть тебя, а глупцы восхищаться тобой. Обирай бедняков, чтобы умножить богатство твое, и ты будешь моим учеником и соправителем». Но юноша смущенный отошел от него.

Сказал учитель в уме своем: у него слишком много знаний, а в царстве моем будет проповедоваться то, что я разрешу проповедовать и изучать. А ученикам своим сказал: «Всякий, кто оставит дом или братьев, или сестер, или жену, или детей, или земли, для того, чтобы идти со мною, тот много больше получит от меня в царстве моем. И знайте: если вы хотите властвовать над людьми, не гнушайтесь работы. Работайте не покладая рук теперь, для того, чтобы можно было наслаждаться в царстве моем, где вы будете только господствовать и властвовать над людьми».

Он прошел в главный город страны, где проповедовал, и многие из учеников его тайно и незаметно для других вошли в столицу, и говорили они всем угнетенным: «Восстаньте, перебейте всех, кто угнетает вас, и вручите власть нашему учителю, ибо он облагодетельствует вас и поделит богатство между всеми угнетенными».

Заподозрили учителя, что он готовит бунт против властителей и подослали шпионов спросить его, как он относится к власти, но ученики его узнали шпионов раньше, чем те пришли, и убили их. Тогда выслали правители страны той войска, чтобы схватить учителя и учеников его, но ученики пошли навстречу войску и говорили солдатам, чтобы они восстали против своих начальников, завладели бы именами их и женами и дочерьми их, и слугами, и поделили бы между собою богатства их. И восстали солдаты, подняли бунт и перешли на сторону учителя. Так произошло возмущение в войсках, посылавшихся против учителя.

И скоро провозгласили они его вождем своим, и воцарился учитель над страной той, и ученики его стали вельможами. И страшная власть насилия, более тяжелая, чем раньше, заковала народ. Ужасом и казнями держал учитель народ в покорности и облагал его непосильными поборами. Но два Сатанаила, ходившие с ним, как ученики его, стали работать против него, проповедуя общественный строй, где царили бы братство, равенство и свобода.

«Смотрите, – говорили они людям, – вы хотели освобождения, а попали в рабство еще горшее. Вы хотели равенства и удовлетворения потребностей, а получили невыносимые налоги, голод и эксплуатацию. Там, где призывали вас к братству, вы нашли жестокость, тиранию, ненависть». Так проповедовали Сатанаилы и звали народ восстать против неслыханных притеснений. Но посланы были правителями шпионы, предатели и провокаторы. Предали они Сатанаилов, и брошены были они в тюрьмы, чтобы подвергнуть их пыткам и мучительной казни. Повели Сатанаилов на казнь, но уже летели другие Сатанаилы на помощь, и вмиг раскидали они орудия казни, освободили приговоренных и помогли им уничтожить иго, наложенное на народ учителем и учениками его.

Уничтожено было угнетение, и в происшедшей борьбе убиты учитель и ученики его. Стали Сатанаилы во главе народа страны той. И вели его к братству, равенству и свободе. Но прошло немного времени, как пошла по стране весть, что воскрес учитель и вновь идет, и ученики его идут вместе с ним, проповедуя разлагающее учение учителя. И народ был уже развращен, каждый стремился захватить себе богатство и стать властителем. Вспыхнуло восстание, но справились с ним Сатанаилы и вновь стали вести свою работу. Но через немного времени разнеслась весть, что вновь воскрес учитель и вновь идет с учениками, проповедуя свое учение. Снова вспыхнуло восстание и снова было подавлено, ибо помогали Сатанаилам Сатанаилы мировоззрения.

Собрались тогда Сатанаилы и говорили: «Что же это, вечно будет повторяться явление учителя? Как бороться с ним и учением его?» А другие говорили: «Надо переменить методы борьбы. Народ развращен тем, что видел и слышал у учителя и учеников его. Невозможно справедливое общежитие, пока они только о себе думают. Нужно показать народу на живых примерах любовь, взаимопомощь и жертву».

Согласились Сатанаилы, оставили свои прежние посты, пошли они в народные массы, проповедуя и творя любовь, милость и жертву, неся к людям жалость. Долго, очень долго продолжалась их работа, но постепенно все большее и большее число людей просветлялось их учением и великими примерами жертв, которые приносили Сатанаилы. Все меньше и меньше становилось приверженцев у учителя и, наконец, не стало уже тех, кто исполнял повеления властей, не было исполнителей для произносимых ими приговоров. Все большее и большее разделение происходило между учителем и учениками с народом. И вот непроходимая моральная пропасть разделила их. Народ устроился по принципам свободы, равенства и братства, и жил своей, не озабоченной материальным, жизнью духовной. Тогда, чувствуя себя оставленным и одиноким, как бы на необитаемом острове находящимся, попытался учитель и ученики его войти в народ, слиться с ним и не могли. Глубокая разница образовалась между ними и народом. И жалкую жизнь были они принуждены вести. Но сам народ пришел теперь им на помощь и из жалости кормили их, не умевших, как следует работать, помогали им существовать, ибо великой жалостью проникнут был каждый, и все стремились сделать что-нибудь доброе своим бывшим властителям, ставшим безвредными и не страшными. Безвластный строй, где не было богатых и бедных, воцарился на земле, и люди научились от Сатанаилов любить и жалеть друг друга и жили, готовые к преображению.

71. КАЛИОСТРО

1. Уединенно жил граф Калиостро в своем замке. Изредка приезжали к нему рыцари из других замков, а также неведомые люди. Но вот пошли слухи, что рыцари, сражающиеся в Палестине за гроб Господень, нуждаются в помощи, и граф решил отправиться в Палестину. Прибыли в замок Калиостро из соседних замков пятнадцать рыцарей с оружием и слугами и тридцать рыцарей с оружием и слугами прибыли к нему из других христианских стран. Отряд, выбрав своим предводителем Калиостро, двинулся в поход, и, спустя долгое время, прибыл в Византию. Многие рыцари удивлялись силе и выносливости графа и удивлялись его силе еще больше, увидев, что граф, въезжая в Константинополь через крытый вход, взялся одной рукой за ввинченное в громадную балку кольцо и, сгибая руку, притянул кверху и себя и коня, схваченного его ногами. А редкий рыцарь, упав в броне с лошади, мог встать на ноги без посторонней помощи. Четыре раза пришлось графу Калиостро возвращаться к тому месту, где находилось кольцо, и показывать разным рыцарям, желавшим видеть доказательство его силы, свою страшную мощь. Результатом этого было то, что более трехсот рыцарей со слугами и оруженосцами записались в отряд Калиостро. По прибытии в Палестину отряд Калиостро принимал участие в ряде битв и стычек и сумел приспособиться к отражению молниеносных атак сарацин. Они быстро налетали на рыцарей, наносили им удары в незащищенные латами места и, прежде чем рыцари успевали ударить их мечами, поворачивали быстроногих коней и бежали прочь. Калиостро одел весь свой отряд, не исключая слуг и оруженосцев, в кольчуги, и сарацины должны были сражаться с рыцарями Калиостро, не избегая ответных ударов. Весь отряд Калиостро состоял из рыцарей монахов, каждое утро и вечер собиравшихся на молитву. В это время полчища сарацин отрезали крестоносцев от Иерусалима, и надо было во что бы то ни стало сообщить находящимся там рыцарям, что им скоро будет оказана помощь, как только подъедут из Европы уже отправившиеся рыцари. Отряду графа Калиостро выпала честь пробиться в Иерусалим и сообщить находящимся там рыцарям об идущей помощи. Отряд Калиостро вместе с проводниками двинулся в путь, но после нескольких дней пути проводники бежали и отряд заблудился.

2. Письмо рыцаря младшему брату. Дорогой и уважаемый брат. Продолжаю мое письмо с того момента, на котором остановился прошлый раз. Мы заблудились. Куда ни проникал наш взор, всюду пески пустыни: ни травинки, ни кустика, ни дерев-

ца. Люди и кони изнемогали от жажды, и только с наступлением ночи почувствовали себя бодрее. Поднялся легкий ветерок и отделил нас от раскаленной атмосферы. Коня пошли быстрее. Свежестью пахнуло на нас: вдаль показались высокие деревья пальм. Мы подходили к оазису. Посланные разведчики вернулись и сообщили, что в оазисе нет никого. Мы заняли оазис: напились, умылись, выводили и напоили коней. Поставив стражу мы легли спать. Я стоял на страже. Мне не хотелось спать. С молодости отец научил меня, что во время долгих поездок можно спать на коне.

По-видимому все было спокойно. Только изредка меня и других часовых тревожил легкий шум, и мы, отойдя за несколько шагов от оазиса, спугивали подкрадывающихся шакалов. Иногда какое-то крупное животное – лошадь или верблюд – приближались к оазису, но чуя присутствие людей не смели войти в него, хотя и подходили к нам близко. На рассвете мы увидели большое облако пыли и подняли тревогу не даром. Громадные толпы пеших воинов, предводительствуемые стариками, шли к оазису. Мы выслали герольдов, но их встретили градом стрел.

Тогда мы подпустили нападающих на сто шагов и с копьями наперевес, и криками: «*Lumen coelum, sancta rosa!*» помчались на врагов и сразу смяли их нестройные полчища. Враги бежали от нас. Мы не преследовали разбитых врагов и, видя, что они остановились вдаль от оазиса, и предполагая, что они нуждаются в воде, послали к ним герольдов. Наш осторожный вождь, граф Калиостро послал пятьдесят всадников, ехавших в ста шагах от герольдов.

Герольды сговорились с вождями чуждого нам отряда. Мы разрешили отряду взять сколько угодно воды и сухого топлива, покрывавшего землю оазиса. Но лагерь напавших на нас не мог стоять рядом с нашим лагерем: он должен был расположиться в пяти верстах от нас. Через небольшой промежуток времени несколько человек мужчин и женщин – тридцать совсем молодых девушек – пришли к нам в лагерь за водой. Девушки были чрезвычайно красивы и грациозны. Молодые рыцари пытались заговорить с ними, но эти попытки встретили только веселый смех. Рыцари тоже смеялись, и когда сосуды были наполнены водой, они взяли их из рук девушек и пошли по направлению к их лагерю. Девушки весело смеялись и, как будто, удивлялись вежливости рыцарей. Проходили часы, наступил вечер – время переключки, но тридцать рыцарей все еще не возвращались в лагерь. Мы обеспокоились и снова послали герольдов в сопровождении пятидесяти рыцарей в лагерь неведомых нам жителей Палестины, так как некоторые рыцари утверждали, что встреченные нами воины не походили на сарацин. За три сотни шагов от лагеря какие-то воины встретили герольдов и заявили им, что никто не мешал рыцарям вернуться в свой лагерь, и что никто не препятствует им вернуться в лагерь и сию минуту.

Герольды удивились и пожелали переговорить с рыцарями. Их охотно пропустили в лагерь сарацин.

Герольды увидели рыцарей, но последние не отвечали на вопросы герольдов, как бы не узнавая их. Все тридцать рыцарей с восторгом смотрели на дочерей сарацин и не обращали внимания на герольдов. Внимательно присмотрелся к рыцарям старший герольд и сообщил приехавшим за рыцарями свой вывод, что все они опены гашишем или загипнотизированы. Герольды сделали попытку все-таки позвать с собой рыцарей, но те не слышали их.

Герольды и отряд возвратились назад и на собрании рыцарей рассказали о всем, что видели. Было решено взять рыцарей, несмотря на их нежелание, и дать им время проспать от опиума или разгипнотизировать их, что умели делать рыцари старших степеней. Но ранним утром следующего дня еще более многочисленная толпа девушек явилась за водой в наш лагерь, и рыцари снова помогли им наполнить водой их амфоры и снова пошли провожать их, зная, конечно, что не надо есть или пить в лагере сарацин, и что им надо силой, если нельзя будет добром, увести оставшихся в лагере рыцарей. Они быстро нашли рыцарей у сарацин, и взяв их за руки, повели силой из лагеря. Рыцари не очень сопротивлялись, только оборачивались и смотрели на девушек. Последние очень волновались, окликали своих воинов, но рыцари, уводя своих товарищей, были уже на границе лагеря, и к лагерю сарацин приб-

лижался весь наш отряд в полном вооружении. Сарацины не приняли боя. С наступлением ночи наш отряд, вместе с не совсем оправившимися рыцарями, вышел из оазиса и пошел туда, где, по нашему мнению, был Иерусалим.

3. Не прошло и суток, как рыцари увидели следы многочисленного войска, и, пойдя по этим следам, натолкнулись на двух пеших рыцарей, кони которых были убиты. Рыцари рассказали, что накануне отряд, к которому они принадлежали, сражался с неверными, что отбиваясь от нападения превосходящих сил, отряд отступил к Иерусалиму, из которого вышел в темную ночь. Калиостро приказал дать рыцарям боевых коней и повел свой отряд по следам отступавшей к Иерусалиму армии мусульман. Отряду удалось подобрать еще десять лишившихся коней рыцарей, которых сбили с коней и оставили сарацины в расчете, что они умрут от голода, или надеясь взять обессиленных голодом рыцарей на обратном пути. Еще небольшой переход – и они опять увидели рыцаря, потерявшего коня, одетого в великолепные латы и прекрасно вооруженного. Конь его был убит, и по упавшему на землю рыцарю промчался отряд конных сарацин, не смяв его лат.

Едва успели дать этому рыцарю коня, как вдали показалось облачко пыли, и вскоре, рыцари увидели тысячный отряд сарацин, который мчался на них. Найденные в пустыне рыцари просили Калиостро поставить их в первом ряду, чтобы сразиться с сарацинами. Калиостро охотно согласился на это их предложение. Со страшной силой на всем скаку столкнулись сарацины и рыцари, и отряд Калиостро прошел сквозь строй мусульман, многих из них повергнув на землю. Потеряв девятнадцать рыцарей, убитых булавами, отряд Калиостро остался победителем, и сарацины бежали. Калиостро обратил внимание во время боя на страшную силу и на умение владеть оружием трех новых рыцарей. Они легко сбивали с коней и побеждали сарацин, и каждый из них ударом меча рассек по три сарацина до пояса. Были взяты многочисленные пленники, а слуги рыцарей сняли оружие с убитых. Калиостро собрал военный совет. Сарацины отказались отвечать на вопросы, а взятый в плен друг объявил, что его насильно взяли в армию сарацины, и пояснил, что 150-тысячная армия мусульман с вольными и невольными союзниками так обложила со всех сторон Иерусалим, что и птица не пролетит в этот город, поскольку птиц убивали из опасения, что они принесут туда письмо. Даже отряду в сто раз большему не удастся пробраться в Иерусалим. Но сарацины хотят через две недели оставить осаду и идти навстречу армии крестоносцев спешащих, по их сведениям, на помощь к осажденным в Иерусалиме рыцарям.

Так как сарацины не хотели оставить свою армию между двумя армиями рыцарей, одна из которых шла к Иерусалиму, а другая находилась в нем, то они решили отойти от Иерусалима. Совет рыцарей решил, ввиду невозможности войти в Иерусалим, свернуть в сторону, но через две недели пробиться к осажденным. Друг предложил рыцарям свои услуги в качестве проводника, а Калиостро, зная, что он не предатель и готов служить рыцарям, охотно согласился на его предложение.

4. Вечером Калиостро пригласил к себе трех встреченных в пустыне рыцарей и друга, и вот какой разговор произошел между ними в одной из палаток.

Калиостро: «Скажи, друг, куда ты поведешь нас?»

Друз: «К моему племени».

Калиостро: «Нам не грозит на этом пути нападение?»

Друз: «Грозит – со стороны иезидов».

Калиостро: «Иезидов? Правда ли, что они поклоняются дьяволу?»

Друз: «Правда. Они считают его несправедливо обиженным».

Калиостро: «Кем?»

Друз: «Тем, кого Вы называете Богом».

1-й рыцарь: «Ты знаешь граф, что не все считают светозарных и других духов тьмы теми гадами, которыми животные их мира – лярвы – являются».

Калиостро: «Я слышал об этом, но не видел никого из езидов или их последователей на Западе. Затем ты думаешь проводить нас к твоему племени?»

Друз: «Я не уверен, что вы встретите иезидов. Но знаю, что они давно в походе. Я поведу вас к моему племени, но вы можете встретить по дороге иезидов».

2-й рыцарь: «Ваш народ поклоняется Зевсу, Аполлону, Гере, Афине и другим богам?»

Друз: «Да. мы поклоняемся названным тобой и другим богам и прекрасным богиням».

Калиостро: «И я когда-то чтил их под другими именами, но разве вы не знаете Учения Христа?»

Друз: «Очень небольшое мы слышали о Том, Кого вы чтите».

Молодой рыцарь: «Они очень мало знают о Нем».

Друз: «Простите. Я страшно устал и сильно помят в бою. Прикажите проводить меня туда, где я мог бы отдохнуть».

Калиостро: «Я уступлю тебе на ночь мою палатку. Мой конюх будет служить тебе, как мне служит. Ты совершенно свободен, но не подходи к часовым. Никто не может подойти к ним без наказания, кроме начальников. Ральф, проводи гостя!»

Друз кланяется и уходит в сопровождении слуги. Рыцари одни.

Калиостро: «Мы одни. Кто вы рыцари, ответившие мне на наш пароль? Очевидно вы из моего Ордена?»

Рыцари (один за другим): «Да. Да. Да.»

Калиостро: «Меня зовут граф де Калиостро».

1-й рыцарь: «Какого герба рыцарь?»

Калиостро: «Я герба Сальвара».

1-й рыцарь: «Я герба Сатран».

2-й рыцарь: «Я герба Соммер».

3-й рыцарь: «Я герба Сальвио».

Калиостро: «Вы так молоды».

1-й рыцарь: «Ты думаешь Аппий, что по сравнению с тобой все молоды, но я видел тебя в Риме».

2-й рыцарь: «Мы видели Его в аду и с того времени ходим по земле».

3-й рыцарь: «Я первый подошел к Нему».

Калиостро: «А! Наши легенды ожили!»

1-й рыцарь: «Мы давно были лишены беседы с такими рыцарями, как ты. Поговорим».

Все: «Да! Поговорим!»

1-й рыцарь: «Нет гроба Господня, за который мы воюем, ибо не умер Он, и только погребальные пелены были положены в пещеру».

2-й рыцарь: «Везде, где не следуют Его заветам, там и хоронят Его, но нет на земле Его тела: сдвигом электронов оно превратилось в астральное, потом в высшее и, наконец, слилось с солнцем мистическим. Один дух Его пребывает всегда среди нас.»

3-й рыцарь: «И иссякает кровь Его из Грааля, нашим Орденом хранимого».

Калиостро: «Вы правы. И я боюсь, не погибнет ли Орден, когда ему нечего будет хранить. Мало этого. Стоять на страже хотя бы и прекраснейшего, не значит еще жить. Нужна цель, которая требовала бы действия. Что будет с Орденом?»

1-й рыцарь: «Ты прав. Два раза исчезнет Орден, чтобы воскреснуть. Возможно, что и большее число раз придется ему скрываться. Но раз будет у него цель, он воскреснет».

2-й рыцарь: «Эта цель найдена: надо так устроить жизнь, чтобы она прекраснее жизни атлантов была. Да сгинет власть! И Он был против нее. Да сгинет неравенство в богатстве, ибо Он был против него. Да сгинет невежество, ибо Он был Учителем за братство! За свободу! За равенство!»

Калиостро: «Не поднять теперь Ордену такой задачи. И когда он поднимет ее?»

Молодой рыцарь: «Через сотни лет Орден переустроится для того, чтобы поднять такое задание».

Калиостро: «Отчего не теперь?»

1-й рыцарь (светится): «Мы должны были быть образцом рыцарей, однако сойдем с верного пути наш Орден. Но время придет, и он снова займет свое место впереди всех».

Калиостро: «Меня не будет тогда на земле».

Все: «Кто знает? Но если все мы уйдем, – явятся заместить нас лучшие. Да сойдут к нам Араны! Да снизойдут к нам Силы!. Да осенит нас смелость наших братьев, в верхах сущих. *Lumen coelum! Sancta rosa!*»

5. Уважаемый и дорогой брат! Не дойдя несколько верст до Иерусалима, мы повернули в сторону и пошли к стану друзей и снова натолкнулись на то племя, о котором я писал письмо, посланное вам. Мы теперь знаем название этого племени. Это были поклонники дьявола, иезиды, на этот раз не скрывавшие от нас изображение дьявола, которому они поклонялись. Но они не напали на нас, а послали к нам своих герольдов, как к друзьям, так как мы дали напиток одному из их отрядов, страдавших от жажды, которая грозила стать смертельной. Мы в свою очередь отправили герольдов в сопровождении трех рыцарей, встреченных нами недалеко от стен Иерусалима и отличившихся в последнем бою. Возвратясь, герольды и рыцари рассказали нам следующее: «Иезиды встретили нас дружелюбно, и мы тотчас же увидели у них громадную деревянную статую, изображающую человека с рогами и хвостом. Отправившиеся к иезидам рыцари изучили во время пребывания в Палестине их язык и служили переводчиками. Оказалось, что иезидам известна одна из наших, правда, искаженных легенд, и она произвела на них сильное впечатление. Они рассказали, что один из высоких ангелов поднял восстание против Иеговы, так как последний, боясь всезнания человека, далеко от него запечатал великие тайны спасения Печатами Окультиного Молчания – звездами не говорящими, и человек не мог поэтому постигнуть тайны своей жизни. Вот ангел и попытался поднять восстание против Иеговы, тем более, что нашел многих единомышленников, считавших нехорошим скрывать от людей и духов какие-то тайны. И он вступил в бой с верными Иегове ангелами, но был побежден и обезображен злым победителем. А теперь он продолжает желать благ всем живущим и сейчас старается учить их всему, чему только можно, что сам знает, а вовсе не злу. Он глубоко несчастен, его жалеют, его прославляют и любят иезиды, и ничего кроме добра не ждут от него. Вот, дорогой и уважаемый брат, как странно преломилась известная тебе легенда в умах этих дикарей иезидов, которые, впрочем, ничем не хуже, а, может быть, и лучше сарацин. Герольды думали, что у них все-таки враждебные по отношению к нам намерения, но рыцари, бывшие с герольдами, что-то рассказали иезидам, и они слушали их с невероятным почтением и вниманием. Герольды не посмели спросить рыцарей, о чем они говорили с иезидами, но знают от рыцарей, что они хотят дать обо всем подробный отчет графу.

72. РАЗГОВОР ЛЮДЕЙ И ЛЕГОВ

Невероятно далеко от нас, за мириадами миль от последней золотой звезды, сияют гигантские солнца яркого зеленого пламени. Вокруг одного из них носится планета, растительность которой блестит желтым цветом спелой ржи и только увядая, или перезрев, отливает зеленым цветом. Небо с этой планеты кажется днем фиолетового цвета, а ночью черного, и на нем сияют другие зеленые звезды.

Земля, о которой говорится здесь, населена двумя видами похожих на людей существ и многими видами животных, насекомых, рыб и пр. Люди этой земли распадаются на две группы: одни, очень схожие с людьми нашей земли, и другие, напоминающие собой Легов, как они представляются наивным людям земли и, в особенности, людям средневековья. Будем называть первых людьми, вторых – Легами, не забывая, конечно, что дело идет об обитателях далекой от нас планеты. Говорят люди при встрече с Легами:

«Нет загробной вечной жизни».

«Загробная жизнь существует и для вас», – отвечают леги.

«Но мы не видим живущих после смерти. Не видим их, по-вашему, бессмертных душ».

Отвечают Леги: «Вы не видите и людей, живущих на других планетах. Неужели из этого следует, что одна эта земля населена?»

«Мы не видим душ, о которых вы говорите».

Отвечают Леги: «Мириады людей не видели скрытых лучей Рентгена или лучей радия. Тем не менее, они существуют. Скажем более. Вы не имеете возможности увидеть душу, так как понятие «видеть» связано с материальным предметом. А мыслить о душе и вы можете».

«Все материальное понятно, а душевное непонятно нам».

«Вы ошибаетесь. Непонятно и материальное. Давая объяснение материальному вы, люди, прибегаете к таким понятиям, как ионы, электроны, атомы, но вы их не видели, не ощущали, только логически находили и воспринимали».

«Но, смотрите, мы не отрицаем того, что есть. Никто не отрицает из нас земли и ее существования».

«Уверяем вас, что существуют обитатели даже других земель, тем более не похожие на землю сфер, которые отрицают существование и земель и вас, на земле существ, так вы не похожи на них, так вы духовно далеки от них».

«Мы не думаем, что так разнообразны живые существа, как вы говорите».

«Однако, и здесь они разнообразны: вы, мы, птицы, цветы, деревья, насекомые, травы, рыбы, мхи, животные...»

«Вы, Леги, можете говорить нам о тех местах, где будут жить мириады людей умерших. Вы говорили нам и о странных существах, которые населяют оставленные высшими существами миры, о существах совсем других измерений, чем мы. Мы хотели бы увидеть все это».

«Вы даже звука и вкуса не можете увидеть. Как видеть то, что не имеет с вашими измерениями – производными зрения – ничего общего?»

«Мы думаем, что мертвое и живое – едино суть. Единым является органическое и неорганическое».

«Однако вы сами противопоставляете мертвое – живому, органическое – неорганическому».

«Да, но все наши противопоставления вовсе не говорят об отдельно от материи и от живого могущем существовать начале, то есть о духе. И если дух и живет, то он уничтожается вместе с уничтожением формы материи».

«Однако даже тепло не исчезает бесследно с исчезновением источника тепла. И свет несется в пространствах, неограниченно громадных».

«Все это так, но функции материи и наличность духа – это синонимы, тем более, если мы и силу сцепления атомов назовем «духом». Но дело в том, что никогда не могло наблюдаться отдельное от материи существование духа. Где нет материи, мы не видим и духа».

«Да, не видите. Но ведь имеются чувства и кроме тех, которые вам присущи. Что из того, что вы не видите дух? Ведь и явление радиоактивности не наблюдалось человеком в течение веков. Ведь вы не видите и такого явления, как тяжесть, хотя видите падающие тела. Вы не видите притяжения, хотя магнит притягивает железо. Ничего не значит, что вы чего-то не видите вне связи с материей. Вы говорите, что отдельно от тела нет тяготения. Но оно есть, если есть Земля. Оно есть, хотя бы не было земель, а было бы только солнце, обладающее мощью притяжения».

«Но все же нет духа без материи!»

«Вы просто говорите, что чувствами, имеющими свойство воспринимать одну только материю, ничто другое, в том числе и дух, не воспринимается. Но мысль воспринимает его присутствие».

«Что же, смерть, по-вашему, есть полное исчезновение духа, уходящего из тела? Или он превращается в нечто другое?»

«Не исчезает, не превращается во что-то ранее не бывшее. После купания вы удаляете свое тело из воды. Так после жизни дух выходит из тела».

«Куда же он девается?»

«Он переходит ту пропасть, которая отделяет нас от других космосов, и в космос, где живут иные духи, уходит».

«Что же, дух после смерти человека все воспринимает так же, как воспринимал, находясь в теле?»

«Нет, не так. Одев костюм водолаза и опустившись на дно моря, человек совсем по-иному воспринимает иную среду, чем ту, в которой обычно живет. Тело – это тоже костюм водолаза, облегаяющий духа».

«Что же, по-вашему, смерть для нас, сознательных существ?»

«Потеря того сознания, которое присуще телу, и затем гигантский расцвет того сознания, которое присуще духу: на земле оба сознания сливаются в одно».

«Помнит ли мое «я» о прошлом в новой жизни, в жизни духа?»

«Даже пожилые люди плохо помнят свое прошлое. С гаснущим интересом к земной жизни гаснут и воспоминания о ней, воспоминания, к тому же, очень отвлеченные, очень абстрактные».

«Я не могу себе представить загробный мир!»

«Но ведь нельзя сделать вывода, что нет нашего мира из того, что вполне созревший ребенок за минуту до своего рождения совершенно не может представить себе наш мир, не думает о нем и даже не думает о возможности его существования. Больше того – не может думать о такой возможности. Ведь из этого вовсе не следует, что нашего мира нет. Таким образом, нельзя утверждать, что другого мира нет, даже тем, кто не способен воспринять что-либо, вне земли лежащее».

«Что вы ни говорите, а все-таки не разрешите вопроса о нашем бессмертии».

«Но из того, что мы не разрешаем его, не следует, что он не может быть разрешен умнейшими, чем мы. Мы не разрешаем даже такой проблемы, как рост растения, не понимаем, как из семечка появился громадный дуб. Рост различных растений из семян – ведь и это тайна, хотя мы видим ее, не видя, не понимая ее сущности!»

«Но мне мешает верить то, что я не вижу глубокой разницы между органическим и неорганическим миром. В жизни животных и им подобных имеется нечто, отличающее их от кристаллов, например, сознание, которое дает нам знание. Но верить мы не приспособлены. Мы давно знаем вас. Некоторые считают вас пришельцами из других бесконечностей. Но напрасно звучат ваши слова. Они чаруют нас, они лучше музыки, но мало времени продолжается в жизни влияние этих слов. Слишком сильно в нас материальное начало, и речи о нематериальном чужды нам».

«Но между вами находятся и те, кто, не зная, говорят правду о мирах далеких. Сказками называют эти речи чуть ли не все люди. Но раз имеется бесконечность – все есть, и нет такой фантазии, которая дала бы что-либо не существующее в бесконечностях. И из далеких бесконечностей доносятся до вас великие знания, хотя сказками и фантазиями вы эти эманации называете. Вы сами говорите: есть бесконечность, хотя плохо эти слова понимаете. А если есть бесконечность, в ней имеется все, о чем бы вы ни подумали. Вести эти несутся к вам на крыльях невидимых духов, которых вы духами фантазии называете».

«Но я говорю: пока не увижу чуда – не поверю».

«А мы говорим: увидишь чудо, и все равно не поверишь. Скажешь: это галлюцинация, иллюзия, болезненное состояние и т.д. Чудо бесполезно, а потому нет чудес, кроме тех, которые заключены в обычной жизни. Перед тобой бесконечность времени, бесконечность пространства, но ты равнодушно проходишь мимо этих чудес, и они не открывают тебе дверей в область духов, не имеющих материальных тел. Кому из вас на земле много дано, тому здесь еще дастся. Кому не дано, тот здесь ничего не получит, тот получит в той жизни, которая за земной жизнью начнется. Никто обижен не будет».

«Мы знаем: вы верите в Бога. Расскажите нам о Нем».

«Ничего нельзя сказать вам о Боге. Вы тотчас нечеловеческое до человеческого принизите. Если мы скажем: Бог есть – то вы исказите смысл слов этих, понимая слово «быть» так, как его люди понимают, то есть в смысле «жить», а это нелепость. У нас нет общего языка и не будет, если мы не сольемся с вами».

«Что вы можете сказать нам о ближайших планетах?»

«Ближайшая планета – царство радости, смеха, улыбок. Там начало светлой жизни. Дальше от нас отстоящая – царство покоя, бездумья, любви без вражды. Достигнув познания в очень преклонном возрасте и, зная, что смерть неизбежна, люди умирают от печали. Для них закрыты даже мечты о той жизни, которая развернется перед ними после смерти».

«Как, по вашему учению, будем ли мы жить в подобных нашим телах на других планетах?»

«Если захотите, и то только временно».

73. САТЛ В КОСМОСЕ ЗВУКОВ

... Умер Сатл. Пытался подняться, но не увенчались успехом его усилия. Он почувствовал, как его дух, сбросив эфирное тело, перенесся в другую сферу и снова облекся в эфирное же тело. Что-то вроде зрения осталось у него, но это зрение не было функцией глаз, а функцией всего нового тела, и эти новые для него тела с ним вместе живущих казались ему беспорядочной пляской разноцветных огоньков, то тесно сближающихся, то отходящих друг от друга на громадное расстояние. Огоньки эти переливались разноцветными сияниями, причем много было огней неизвестных на земле цветов.

Как бы ни расходились эти огоньки, как атомы в телах людей расходятся, из них составлялось тело и, вновь возникшим искрам-атомам тела соответствовало новое измерение этих существ. Время тоже текло для этих существ, но не было знакомо им то, что у нас воспринимается как длина, ширина и высота: был только огонь, вечно изменчивый, наших длины, ширины и высоты не имеющий. Огонь, вечно изменчивый, был у них после времени вторым измерением, а третьим и четвертым измерениями, соответствующими длине и ширине, было то, чему не знаем определений и названий. Много других измерений было у этих, огонь в себе имевших существ, в оболочку из эфирного тела облекшихся. Блестящей, полной значения жизнью жили от-Сатлы, и им не приходило в голову, что надо изменить ее, отказаться от нее хотя бы на время, жить много более тусклой жизнью для того, чтобы далеким, несчастным, жалким своим несовершенством существам принести если не спасение, то пользу.

Пролетел Эон и коснулся чела одного из от-Сатлов, и задумался тот над вопросом о том, мыслимо ли счастье без стремления к лучшему устройству жизни, без осуществляемых мечтаний о высоком подъеме. И долго размышлял этот от-Сатл, прислушиваясь к вестям из других миров, следя за подвигами Сатлов в рядом лежащих бесконечностях, беседуя с изредка залетающими к нему духами Фантазии. Наконец он решил, что недостойно его мощи, доблести и ума жизнь самодовлеющая, и он решил опуститься в самые глубокие из доступных ему низы для того, чтобы помочь там живущим существам.

«Поднимая других, сам поднимешься», – вспоминал он слова промелькнувшего в космосе от-Сатлов Эона Мудрости.

Оторвавшись от своего космоса, ринулся от-Сатл в миры, в далеких глубинах лежащие. И он, многообразный, чуждым почувствовал себя в среде, одними звуками наполненной. Нечто близкое к разговору людей слышалось в этом мире: слышался то хор, гармонический хор согласных звуков, а то дисгармонические звуки сливались в дикий хаос. Сначала от-Сатл растерялся. А потом он оторвал часть своего огненного сердца и бросил его в мир Аранов. И он увидел их, так как трое Аранов слетели к нему. Попросил их Сатл помочь ему поднять духов, только звуками себя обнаруживающих, и Араны согласились. Они попросили от-Сатла подождать их и унес-

лись в далекую бесконечность. От-Сатл остался в космосе звуков и с тоской прислушивался к ним, жалея таких слабых, таких не одаренных духов.

Прилетели Араны в ту далекую бесконечность, где была только одна материя, где не было духовного начала. Взяли они ту частицу материи, которая оказалась наиболее гибкой, наиболее приспособляющейся к среде, принесли ее в космос звуков и бросили ее там. И от-Сатл и Араны слышали громкие стоны, печальные вопли отчаяния: «Как близко счастье, совершенство, а мы не знаем, как войти в материю!» Не знали этого ни от-Сатлы, ни Араны, но один из последних ринулся в миры высокие могучими взмахами крыльев и поднялся к ним с быстротой во столько раз быстроту света превосходящей, во сколько раз быстрота света превосходит быстроту улитки. Вернулся оттуда Аран с духами Знания. И сказал дух Знания от-Сатлу: «Иди к своим и скажи им от моего имени: «Кто хочет подняться, пусть сначала не духом своим, а своим телом эфирным опустится. Пусть идет сюда и, войдя в материю, пригнет к себе бедных духов, одни только звуки знающих».

Быстро понесся к своим от-Сатл, но еще быстрее летевшие вслед за ним Араны взяли его в свое притяжение и помчали в сферу от-Сатлов. Он прибыл туда, и загремела его проповедь: «Если хотите подняться, вместе со мною в низы идите. Неужели не надоела вам от давности времени поблекшая красота вашей жизни? Идите в низы поднимать духов, и для вас тогда в недалеком будущем возможность подъема откроется. Упав для пользы других – сами подниметесь!» Он рассказал им о своем полете в низы, и около него веяли в это время силы Аранов. И нашлись миллионы Сатлов, которые пожелали идти за ним в мир звуков, и бросились они в миры глубокие.

Закипел мир звуков. Входили Сатлы в частицы материи и втягивали в нее духов, звуками называемых. Но получалась дисгармония от такого объединения. И каждый из Сатлов разорвался тогда на несколько частей, и каждая такая часть, объединив около себя материю, приняла в себя и духа Звука. Но только те части от-Сатлов, которые мозгу и сердцу соответствовали, сохранили смутную память о прежнем мире высоком, и тосковали о нем, и рвались к нему новые существа, со звуками объединенные и в материю воплощенные. И всех тревожили они, зовя с собой в высоты несказанные.

А пока все воплотившиеся Звуки были перенесены полчищами явившихся Аранов в ту бесконечность, из которой их материя была взята, и там на многих планетах начали новую жизнь под именем ринов. Когда умирал рин, то его душа шла в высшую бесконечность, а часть души Сатла, оторванная от целой его души, искала на планете другие, когда-то рассеянные свои части и сливалась с ними, пока неполный дух Сатла не становился целым, и тогда он, поднимаясь над землями ринов, пролетал через свою бывшую бесконечность, становился могучим духом, и радостно встречали его под-Араны в своем чудно-прекрасном волшебном-многогранном мире, и великая область многогранных познаний открывалась перед ними.»

Кончил свою притчу Эон, и заговорили Его ученики:

«Интересное происшествие. Но сколько веков прошло с момента появления от-Сатлов в мире звуков и до момента, когда они к [под]-Аранам поднялись?»

«Думаю, что от-Сатлам было невыразимо больно разрываться на части. Уравновесилась ли эта страшная боль ощущениями, воспринимаемыми ими в волшебном-прекрасном многогранном мире?»

«Как нелегко было им терять свое «я», дробясь телами и духом принижаясь. Разве многогранным миром можно было вознаградить за ту ужасную тоску, которую они испытывали, отрекаясь от права первородства?»

«Увидев так близко Аранов и духов Знания, не почувствовали ли они, что несправедливо устроен мир духов, рядом с высокими и низших духов вмещающий?»

«Я бы не чувствовал себя ниже Аранов. Ведь я был бы инициатором спасения Звуков, я для них чем-то вроде бога был бы. И не от-Сатл инициативе Арана, а Аран инициативе от-Сатла служил».

«Все относительно: и от-Сатл, достигший мира под-Аранов, и от-Сатл, оставшийся в своем космосе, и дух Звука, – каждый в своей сфере ровно счастливы были. Так к чему же в верха рваться?»

«Пожалуй, стоило упасть, чтобы потом познакомиться с необъятным миром новых познаний».

«Как человек не проникается симпатией к бактерии и не служит ей, так и я не могу проникнуться симпатией к слабому, дикому, мелкому духу Звука».

«Когда от-Сатл оторвал часть своего огненного сердца, разве он не упал, не понизился к этим несчастным париям мира духов, к Звукам? Разве падение, хотя бы и с не дурной целью, достойно от-Сатла? Разве нельзя было найти другой путь к спасению звуков, чем путь отказа от части огня высокого?»

«Все это неприемлемо для меня. Неужели нельзя добиваться высокого без жертвы и самопожертвования? Зачем так часто звучит у нас учение о страдающем Боге? Неужели нельзя подняться и других поднять, не страдая и не отрекаясь от ценного? Неужели надо платить страданиями долг какому-либо ростовщику для того, чтобы вверх подняться?»

«Я слышал, что это не неизбежно, можно и без страдания и без схождения в низы подняться. Довольно одного сострадания. Если бы от-Сатлы и не разорвались на части, они все-таки всего достигли бы. Но они поторопились. Слава им за это. Они для других сократили время страданий в отблесках Хаоса».

Замолчали ученики от-Сатлы, а Эон молча шел впереди них.

74. АРАНЫ НА ЗЕМЛЯХ

Однажды отряд Аранов возвращался из одного из своих походов в далекие бесконечности. Они достигли пределов нашей вселенной и двигались в ее пространстве, причем главные силы прошли вперед, а арьергард несколько отстал. Когда арьергард потерял из вида главные силы, он внезапно увидел, что его дорогу пересекает непрерывный поток куда-то стремившихся странных духов. Эти духи шли как бы непрерывной струей, так что Аранам нужно было их раздвинуть, чтобы продолжить свою дорогу. Они обратились с просьбой к этим духам пропустить их, но убедились, что не понимают друг друга. Тогда они попытались раздвинуть их строй, но он не поддавался их усилиям, изгибался, но нигде не могли они его прервать.

В недоумении остановились Араны, не зная, что предпринять, как вдруг заметили приближение каких-то мощных светлых духов, несшихся по одному с ними пути. Эти духи стали приглядываться к Аранам и, наконец, спросили их: «Не вы ли те самые, которые когда-то нарушили спокойствие наших совершенных людей?»

Араны подтвердили это, и тогда духи Света предложили им помочь в том, что им не удавалось. Они разделились на две части, одна часть стала впереди Аранов, другая позади и затем своими эманациями они раздвинули не пропускавший их строй странных духов.

Пройдя сквозь образовавшийся промежуток, они решили посмотреть, куда идут эти духи и не несут ли они опасности для низших миров, куда, по-видимому, они направлялись. Духи спускались все ниже и ниже, и по мере приближения к низшим космосам все тяжелее и тяжелее становилось для духов Света переносить атмосферу этих космосов... Вот на границе космосов Арлегов их встретили Михаилы. Михаилы сказали им, что они знают этих духов, и что те не несут зла низшим космосам. Тогда духи Света улетели в свой мир, а Араны решили спуститься на земли, чтобы помочь им в работе подъема. Они обратились к Серафам, прося принять от них на мистические солнца их рассаны. Но Серафы отказались, говоря: «Эти рассаны понадобятся вам на обратном пути, а то, что остается на мистических солнцах, не возвращается». Тогда Михаилы предложили оставить у них рассаны, говоря, что они сохраняют их внутри магического пояса мистических комет до того времени, пока они вновь не понадобятся Аранам. Араны согласились и стали спускаться на земли. Достигнув их, они решили воплотиться в живые существа, населявшие эти земли. Часть их воплотилась в людей, часть в животных, насекомых и растения. Они остались работать над их подъемом.

Те, что воплотились в людей, скоро заметили, что люди не понимают их и сторонятся, принимая за сумасшедших. Тогда они приняли вид религиозных проповедников, и люди не трогали их, считая их тихими помешанными. Те, кто воплотился в растения и насекомых, дали им инстинкты общительности и взаимопомощи того рода, какой мы наблюдаем у пчел и муравьев. Но лярвы скоро почуяли, что на землях появились какие-то могучие духи, с которыми они не в силах бороться. Тогда они полетели в Темное Царство и вызвали себе на помощь более сильных, чем они. На земле началась разлагающая работа лярв: они возбуждали инстинкты, противоположные тем, которые давали Араны, и направляли эти инстинкты на злые дела, к злым целям.

И не прошло много времени, как Араны убедились, что их работа остается бесплодной. Тогда они все покинули свои земные оболочки и, поднявшись над миром земель, совещались о том, что делать дальше.

Сказал один из Аранов: «Остается только одно: совершить над землями «огненное крещение». Но для этого нужно призвать обратно Стихийные Силы, которые когда-то ушли из нашей вселенной с Элоимом низа».

«Нужно просить Элоима Низа отпустить их», – сказал другой.

«Но можно ли нам обращаться к Элоиму низа, ведь мы прокляли Его когда-то, и из-за нас оставил Он нашу вселенную?» – спрашивает третий.

«Нет, не из-за нас оставил Он нашу вселенную и не из-за нашего проклятия, ибо всеблаг и всемогущ Элоим низа, и не может Он питать вражды к нам, бесконечно ниже Его стоящим. Очевидно, у Него были свои причины, отчего Он ушел из нашей вселенной. И, конечно, мы можем обратиться к Нему с этой просьбой. Он, Всеблагый, даст нам возможность поднять земли...»

Согласился с последним круг Аранов, и послали они гонцов к Элоиму низа. Благодарно отнесся к ним Элоим низа, и отпустил с ними часть стихийных Сил.

Тогда на землях произошло «огненное крещение», и они поднялись выше по ступеням Золотой Лестницы.

75. ПЕРВАЯ И ВТОРАЯ ПЕЧАТИ ОККУЛЬТНОГО МОЛЧАНИЯ

Много мириад лет назад Сатлы, темные Арлеги, Князья Тьмы и темные Леги решили сорвать Печати Оккультного Молчания и узнать, что скрыто за ними. Сатлы уговорили и Легов принять участие в общей попытке, говоря, что Печати Оккультного Молчания эти были бы не ощущаемы, если бы грехом была попытка сорвать их.

Неисчислимые полчища Сатлов, Легов, Князей Тьмы и грозных темных Арлегов тремя отрядами понеслись к первой Печати, из-за окружности которой сверкал голубой свет. Когда приблизились они к тому поясу, который опоясал непрерывно мчавшимися одна за другой кометами миры, населенные светлыми духами, навстречу мчавшимся полчищам вылетели из своих обителей вооруженные тяжелыми мечами Михаилы и против них построились Светозарные и могучие Сатлы. Против Князей Тьмы, вооруженных тяжелыми булавами, и против темных Легов выступили Гавриилы с крыльями на плечах, спине, груди, руках, ногах, вооруженные булавами и бесчисленным количеством дротиков. Против темных Легов встали вооруженные копьями Рафаилы и Рафаэлины, вооруженные розами, мистическим огнем горящими.

Долго билась сила нездешние, и выгибался фронт то в одну, то в другую сторону. Но Сатлы обошли фронт Михайлов и подвинулись к первой Печати Оккультного Молчания. Темные Арлеги задержали на время Михайлов, а Князья Тьмы, темные Леги и Леги – Гавриилов, Рафаилов и Рафаэлин. Воспользовавшись этим моментом, Сатлы сорвали первую Печать Оккультного молчания и бросили ее в верха и в низы. Рассыпалась Печать Оккультного Молчания дождем искр золотых.

А верха, до сих пор недоступные, и низы отрицательных бесконечностей залились ослепительным светом. Видны стали бесконечности от высот светлых до оби-

телей Ра высоких. С удивлением смотрят на них в верха поднявшиеся. Смотрят они в низы глубокие и радость веселая сменяется у них тяжелым ужасом. Князья Тьмы увидели, что уходят куда-то темные Арлеги, и громкими криками напомнили, что остались еще Печати не сорванные. Миновало воинство круг, кометами мистически очерченный, и со страшной быстротой мчится ко второй Печати Окультиного Молчания. Но навстречу мчащимся выходят Эон Любви и Эон Мудрости. Остановились полчища по призыву Эона Воли, рядом с Эоном Любви и Эоном Мудрости появившегося.

Говорит Сатлам, Легам и темным духам Эон Мудрости: «К чему хотите вы сорвать Печати Молчания мистического? Не сумеете вы понять то, что за ними хранится. Бесполезно давать неграмотному читать скрижали Бытия: он смотрит, но недоступен ему смысл их».

Отвечают Сатлы и темные Арлеги Эону: «Мы хотим сорвать Печать, мы сумеем прочесть то, что за ней скрывается».

Говорит Эон Любви: «Тяжело будет вам, из Темного Царства вышедшим, если вы, сразу ослепительным блеском осиянные, поймете, что значит Любовь. Вам непонятны даже такие слова, как заповеди: никого не огорчать, не кичиться, не судить и не быть судимым. А вы, не зная простого и не понимая его, хотите сложнейшее постигнуть. Осознайте недостатки вашей жизни, и тогда вы сможете доброму научиться, созерцая жизнь высокую».

Снова говорит Эон Мудрости: «Вы увидите как живут в верхах, но не поймете смысла и уроков этой жизни. Вы лучше присмотритесь к тому, что уже открылось вам, и скажите, много ли понятно вам из того, что вы видите?»

Смотрят, в верха поднявшиеся, и многое кажется им смутным и неопределенным, но все, что ясно различают они, невероятно прекрасно и торжественно. Ряды миров прекрасных, один лучезарнее другого, населенные все более и более прекрасными духами видят они, и им кажется, что до них, в верха глядящих, доносится как бы клич: «Своих страстей господином будьте, ибо можно бороться с эманациями воли животных мира вашего».

Прислушиваются, в верха поднявшиеся... А грозные Начала раскидывают цепь комет, одну за другой бегущих между полчищами духов и второй Печатью Окультиного Молчания. Говорят Сатлы и темные Арлеги: «Мы легко или с трудом, но прорвем эту цепь. За ней, мы видим, опять Михаилаы и другие Арлеги собрались. Мы снова пробьемся через их ряды, но теперь отступим, а когда насытимся созерцанием миров, нам открывшимся, снова вернемся и вторую Печать сорвем!» И, успокоенные, отходят они, не сорвав второй Печати.

Прошли мирны лет. Михаилы покинули круг, кометами Начал очерченный, и дерзновенно заняли пространство, выше Серафов раскинувшееся. Трудно было Михаилам к высотам, вновь обретенным, приспособляться, но они смотрели в обители, раскинувшиеся в местах, ранее за первой Печатью скрывавшихся, учились у обитателей этих бесконечностей мудрости жизни высокой, и изменились взгляды Михайлов. Говорили они: «Зачем мешали мы полчищам духов поднимавшихся сорвать Печати Окультиного Молчания? Для нас же лучше, что им удалось хоть одну из Печатей Окультиного Молчания сорвать, в низы и в верха ее бросив».

И посылают Михаилы послов к Сатлам, а те к Легам и темным Арлегам, предлагая сорвать вторую Печать Окультиного Молчания. Соглашаются призванные принять участие в походе, но Леги, темные Леги и Князья Тьмы не хотят участвовать в нем, говоря, что не могли они без боли в очах смотреть на сияние миров, даже за первой Печатью скрывавшихся, что только теперь привыкают они присматриваться к жизни высокой.

Тогда призвали Михаилы, Сатлы и темные Арлеги тех, кто около солнц мистических реют, и вместе с ними, но не с теми, кто на солнцах этих пребывали, ринулись к верхам для того, чтобы сорвать вторую Печать Окультиного Молчания.

Навстречу полчищам, на призыв Михайлов стремящимся, вышли Гавриилы, Рафаилы и Рафаэлины, но уговорили своих братьев и сестер Михаилы не мешать от-

важной попытке, а помочь ей. Срывают Михайлы вторую Печать Окультиного Молчания и бросают ее осколки, которые в верха и в низы сыпятся, золотисто-зеленым пламенем низы страшные и верха, за первым оросом лежащие, озаряя.

Жадно смотрят в верха Сатлы, темные Арлеги и те, кто на страже около солнц мистических стояли, и ничего не видят, воспринимая только пустоту. Со страстной мольбой обратились все духи и надменные Светозарные с ними к Элоиму, прося открыть им очи.

И по просьбе Эонов, присоединивших свои молитвы к мольбам духов поднявшихся, на короткое время дан был поднявшимся дар великий: видеть настоящее, прошлое и будущее, видеть население бесконечностей далеких. Видят они, как поднимаются духи неведомые в бесконечности еще более высокие, где предвозвестники сверх-Эонов начала высокого учения проповедовали.

Далеко не все понимали из речей их, в верха смотрящие, не все, ими воспринятое, духами понято быть могло, но ясно слышалось, что не надо, никому не надо ни словом, ни делом, ни жестом причинять какую-либо неприятность; что даже тому, кто яркое зло сознательно делает, не надо, раз не требует этого защита ближних, отвечать ему злом. И только в крайнем случае можно причинить злему мыслимый минимум защитного зла.

Спрашивают духи поднявшиеся: «Что еще скажете нам? В чем заключается на низах наша работа после того, как мы новые миры видели? Ответьте нам, что такое Любовь, о которой на землях говорят Эоны. Как избежать противоречий, любя жертву и активного палача?»

Отвечают на вопросы духи высокие, они говорят, говорят настойчиво, убедительно, но не понимают их поднявшиеся. Только изредка кое-что из речей доходит до сознания их. Слышат они «никого не огорчай» – и думают: «Что это? Неужели с предрассудками надо считаться?»

Слышится им ответ:

«Борись с ними, не обижая отсталых развитием. Помни одно только ясно: не надо обижать даже обидчика. Не надо, чтобы и он к числу обиженных прибавился. Не обижай, невольно злое причинившего. Такая обида – ужас для тебя. Не обижай судом своим и осуждением, нарочно зло причинившего. Ты ко злу содеянному только новое зло прибавишь. Кто дал тебе право приговаривать кого-либо к горю? Как смеешь ты хоть ничтожное горе кому бы то ни было причинить? Как смеешь ты подражать зверью царства темного, лярвам зловещим? Не смей, не смей обижать, хотя бы архивинового. Как смеешь ты, несовершенный, судить и осуждать? Не судите. У нас Эоны неизгладимо запечатлели правило это».

И поникли головами духи поднявшиеся. Говорят они: «Мы пойдем дорогой Креста и Розы мистических. Никогда, никого, ничем сознательно и бессознательно не обидим. Нет для нас малого, глупого, слабого, непонимающего... Все – старшие братья наши. Горе мне, горе, если я забуду обещание это, мною добровольно даваемое. Да сойду я тогда в миры низов страшных, как в верхах пребывать недостойный. Обрекаю себя, как обидчика, на жизнь в низах ужасных».

Поднимают головы все духи, обещание давшие, и спрашивают:

«Что можем мы сказать о Нем, Непознаваемом, кроме того, что все сущее к Нему идет и с Ним сольется? А Он – Его нельзя назвать Сущим, ибо ничего общего Его существование не имеет с тем, что существует, ибо не будь Его, даже «ничего» не существовало бы. Ни один эпитет не приложим к Нему. Что ни сказать о Нем, будет, в лучшем случае, превосходной степенью моих достоинств, но Его свойствами не будут, ибо неизречимо, непонятно прекрасны они. О Нем нельзя даже сказать, что Он – всеблаг, ибо Его доброта ничего общего с твоей добротой не имеет, ибо в мирадах мирн лет она воплощается, так проявляясь, как ты и вообразить не можешь. Он не постижим, и не следует постигать Его. Для вас и для нас довольно учения Эонов. Скажем еще: все сущее от Него изошло и к Нему возвратится для того, чтобы новый круг восхождения совершить».

76. СФИНКС

1. Я из рода древних фараонов династии Мена. Мои отдаленные предки потащили право на престол, так как один из них отошел от веры отцов, каким-то образом проникнув в тайны тех Неведомых, которые жили в отдаленных залах лабиринта и считали себя высшими жрецами, а свою религию – высшей из религий, когда-либо на какой-либо из планет исповедуемой. Посвященные поймут из сказанного, что я стою выше тех разрядов жрецов, которые именуются «чистыми» или «рабами Бога». Выше, чем наиболее высокие, стою я. Когда умру, один из моих близких родственников отнесет этот папирус на то место, которое я укажу ему и которое недалеко от входа в Лабиринт находится. Этот папирус попадет тогда в руки тех, кому надо прочесть в нем написанное. Они и предложили мне записать изложенное ниже.

Наследник фараона заболел. Искуснейшие врачи-жрецы не могли его излечить, и верховный жрец позвал меня на совещание во дворец. Я спустился с башни, на которой провел последние три ночи, наблюдая звезду, блеск которой озарял тот час ночи, когда родился наследник престола. Тускло сияла звезда эта. Прибыв во дворец, я встретился там с двумя жрицами Изиды и со старшим жрецом нашего храма. Все мы вошли в большой зал, и фараон милостиво обратился к нам с просьбой содействовать исцелению наследника. Фараон удалился, и мы остались одни. Верховный жрец, ученейший из врачей нашей касты, объявил нам, что ни он, ни придворные врачи не понимают болезни наследника и боятся высказать свои предположения. Необходимо, чтобы кто-нибудь отправился в Лабиринт, вызвал оттуда кого-либо из прибывших из давно затонувшей Атлантиды и попросил у него совета, как и чем вылечить наследника. Кто бы из скрывающихся в глубоких тайниках Лабиринта ни вышел к пришедшему, последний сразу увидит, что перед ним появится верховнейший из верховных жрецов Египта. К нему и надо обратиться.

Замолчал верховный жрец главного храма. Молчали жрицы. Молчал и я. Тогда верховный жрец обратился ко мне, прося меня отправиться в Лабиринт. На некоторых условиях я согласился и через обычное для путешествия время прибыл к Лабиринту. Я слышал, что после полуночи выходят из Лабиринта, живущие в нем атланты. Слышал, что никого не пускают они в свои помещения. Слышал, что вежливо, но коротко отвечают они на обращенные к ним вопросы...

Я видел атлантов и говорил с ними. Я видел двух из них. Они сказали мне, что неразумная мать наследника престола поила его соком одного растения, образец которого они передали мне, и объяснили, что сок этого растения не только усыплял человека, но и медленно убивал его. Я послал голубя с письмом, где было написано, что жрецы должны взять наследника в храмовую школу и не давать ему есть и пить ничего, что имело бы хоть какое-нибудь отношение к дворцу. Затем, на протяжении трех дней, тремя разными путями я послал трех сопровождавших меня служителей храма с письмами верховному жрецу, в которых сообщал, что надо делать и отчего болеет наследник престола.

Я не забыл попросить атлантов познакомить меня с их тайными знаниями и сказал им о своем предке, много узнавшем от них. Они сказали мне, что я должен сходить к Сфинксу и спросить у него, какую тайну хранит он. Они сказали мне, что в простом и волшебном сне я получу подготовку и необходимые указания для того, чтобы понять слова Сфинкса. Они обещали, что снова повидаются со мной, и сказали, что если не дойдут мои письма, то они передадут верховному жрецу все сведения, которые ему необходимы относительно здоровья наследника престола. Я простился на время с атлантами, и они посоветовали мне остановиться с моей свитой в небольшом домике, расположенном на некотором расстоянии от Лабиринта. Все мы были любезно приняты его хозяином, и он предложил нам прожить в нем столько времени, сколько нам будет угодно. Утомленный путешествием и бессонницей, я крепко заснул, но к утру мой сон стал тревожен, и меня осенило вещее сновидение. Вот, что я видел во сне с такой ясностью, что сон этот ярче яви казался мне.

2. Я вошел в громадный храм. Два ряда колонн, одни по правую, другие по левую сторону от меня, уходили в глубину храма и казались все уменьшающимися; между колоннами стояли громадные канделябры в 12, 9, 7 и 3 светильника. Далеко простирались два ряда колонн и светильников, но шагах в ста от меня, не доходя до левой и правой стороны храма, громадный занавес из пурпурной ткани, усеянной золотыми звездами, отделял преддверие храма от его внутренней части. Я сделал два шага в глубину храма, и передо мной появился юноша в белоснежной одежде с белыми крыльями за спиной в сияющем венке из красных роз. Он как бы спрашивал меня, что мне надо, и, не раскрывая уст, я ответил ему о своем желании познать тайну Сфинкса и тайну Изиды. И показалось мне, что встретивший меня юноша с сожалением посмотрел на меня, как смотрит старший придворный на человека, которому фараон предложил взять все, что ему угодно, из сокровищницы, а тот попросил дать ему десяток золотых колец. «Сколь малого ты просишь!» – прозвучало в душе моей, и юноша исчез, не пожелав разговаривать со мною. Я прошел еще несколько шагов и увидел прекрасные человеческие головы, обрамленные шестью крыльями, каждая с туловищем, напоминающим туловище змей светящихся. И снова почувствовал я, что мне задается вопрос, зачем пришел я в храм, и я не знал, что сказать, но, подумав, ответил: «Хочу знать, что такое истина». И улыбнулись мне мудрые головы прекрасных, и в душе моей прозвучали слова: «Ищи, и если не на земле, то в веках и мирах найдешь ты отблеск Истины, которая удовлетворит тебя». И уже слышу я вопрос: «Так ты не знаешь, что тебе надо?» А я... я действительно не знал, что мне надо, не знал, что следует спросить у них. Ничего, кроме пустых вопросов не приходило мне в голову. И я молчал, а потом тихо сказал: «Хочу знать тайну Изиды и Сфинкса».

Ничего не ответили мне призраки и исчезли. А я дошел до завесы, отодвинул ее и увидел ряд воинов, стоявших за нею. И не дожидаясь вопроса, я сказал: «Я жрец из храма в Фивах и ищу разгадки тайны, в чем счастье людей на земле». Переглянулись воины, как бы не понимая меня, но расступились и сделали мне знак пройти мимо них. Увидел я трон и на троне прекраснейшую из женщин, ноги которой опирались на изображение сверкающего солнца, а вокруг ее головы сияли ослепительные лучи невиданного мною до сих пор светового. Она спокойно смотрела на меня, прекрасная и грозная, красотой неземной прекрасная и неземной угрозой грозная. Шевелился в душе моей вопрос: кто это? и в душе прозвучали слова: «Это в мирны раз уменьшенное отображение первого «я» Димиурга Перед тобой как бы рисунок астрального тела его». И с ужасом я спросил, сам не зная, кого спрашиваю: «Почему мелкими звездами всех огней, мне ведомых и неведомых, усеяно платье ее?» Тихо звучал ответ, смысл которого много позднее, в подземных чертогах атлантов раскрылся мне. «Все это солнца и земли в мирны мирн раз уменьшенные в представлении твоём, твоим восприятием уменьшенные». – «А что это за свет, разными цветами горящий и множеством полос одна за другой поднимающийся, и как будто свод крыши храма раздвинувший и в верха несказанные восходящий?» – «Это тень слабая тех миров, которые за Ра находятся», – таким слышится мне ответ, но позднее я узнал, что неясно понял я сказанное. Как будто мимо меня, как будто через меня проникал взор многовидящей Жены. Как луч эфира прошел он через меня, но мне показалось, что на долю секунды задержался охвативший меня взор ее.

Спросил я: «Что это за полоса, которая отделяет сияние, вокруг головы Жены сверкающее, от полос света, мне знакомого?» И тихо звучит ответ: «Это орос». – «А что за оросом?» – «Спроси Сфинкса, и благо тебе, если поймешь ответ его». Увидел я луч серебристый, чистый и ясный, такой спокойный и тихий, что радостно было глядеть на него. Увидел я, как он вверх поднимался, проникая все полосы света. И услышал я, что это свет Эона Любви. Все исчезло вверх и вниз, впереди меня и за мною, вправо и влево от меня ничего не было, и сам я как бы висел в воздухе. Напрягал я слух – ничего не было видно и слышно. Меня охватил внезапный ужас. Я понял, что с моим телом не измененным ничего не могу постигнуть из того, что далеко от мира низшего. И в ужасе я проснулся...

Я хотел идти к Лабиринту и умолять атлантов рассказать мне смысл сна, мною виденного. Он мучил меня своей определенностью, яркостью, тем, что было похоже на явь, не на сон. Но внутренний голос, к которому все чаще и чаще я прислушивался, настойчиво твердил мне, что я должен ждать посещения атлантов. На другой день они явились.

Я не буду рассказывать, о чем я говорил с ними, ибо знают они это, и для них я записываю сейчас. А тогда я снова заснул и почувствовал, что сижу на высоком кресле. Кругом была мгла, а передо мною, не знаю, далеко или близко, блестела небольшая, немигающая, чрезвычайно яркая звездочка.

Слышалась тихая мелодия. Я, как очарованный, смотрел на звездочку и не мог отвести от нее своего взора. Мне показалось, что звездочка, быстро увеличиваясь, вплотную приблизилась ко мне и включила меня в свое сияние. Я чувствовал, что меня окружают какие-то существа. Напрягаю все силы для того, чтобы воспринять их, но вижу одни только глаза. Ах, какие это были глаза, несказанно добрые, безграничную мудрость в себе отражающие! И слышатся мне слова, но я не понимаю их, и только одно слово, смысл которого позднее был разъяснен мне, слышу я – слово «всепрощение».

Исчезли глаза, и я ощущаю веяние ветерка, и понимаю, что ветерком мне кажется какая-то сила, земли чуждая. В веянии силы этой я ощущаю мощь, благоволение и спокойствие великого самопожертвования. Замелькали передо мною образы: вот кто-то, несказанно прекрасный, распятый на кресте. Вот другой кто-то, спокойный и благостный, окруженный ярким пламенем, стоит на костре. Вот пытки в каких-то других, очевидно, низших мирах... Снова несказанный ужас объял меня, потому что я увидел как бы смысл всего виденного. Прекрасная девушка в разорванном платье, с глазами, полными невероятного ужаса и боли, лежала на песке громадной арены и какой-то человек с безобразным лицом, тупым и диким, бил ее палкой и топтал ногами. А кругом сидели на высоких скамьях люди с лицами, морды животных напоминавшими, и весело смеялись.

Все исчезло. И я хотел знать, почему такими подлыми сотворены люди, почему им позволено мучить себе подобных и высших. Вдруг вижу я: наверху, окруженная ярким сиянием девушка, на песке лежавшая, и лилии в руках ее. Она протягивает свои руки вместе с лилиями, как бы желает поднять внизу находящихся. А внизу те, кто смотрели на ее мучения и смеялись, радуясь мукам ее. Все они имели вид страдающих. Все они хватались за грудь, как бы испытывая страшную боль, и искажались от боли лица их. Около них вьются отвратительные, невидимые ими чудовища и терзают сердца их. Они не видели рук, им протягиваемых, и только изредка то один, то другой исчезал из толпы. Тогда увидел я яркий луч света, с верхов исходящий и осеняющий девушку.

Этот луч опускался от нее в низы и освещал своим блеском то одного, то другого из сидевших там. И плакал в низах сущий, вспоминая девушку, кем-то терзаемую, и тогда освещал его луч яркий, и он клялся быть милосердным и милосердием смыть грязь немилосердия, им в своем сердце хранимую.

И почудилось мне, что поднимаюсь я к верхам, хватаясь за луч золотой тогда, когда задерживался взлет мой. Мелькали при моем подъеме странные образы тех сущих, о которых рассказывали мне атланты, а частью и другие жрецы, говоря о них, как о пребывающих на лестнице, золотые ступени имеющей. Но вот окончилась золотая лестница, а я продолжал подниматься. Вижу вправо от себя свет и блеск несказанный, во много раз свет Ра превышающий, но поднимаюсь все выше и выше. Ничего не вижу, но ощущаю, что меня видят. Никто не говорит, но слышу я учение о жалости беспредельной, о том, что и своих врагов, и врагов своих близких всеми силами души своей жалеть надо, потому что месть недостойна высоких, а жалость – мощнейшая из сил, в верха поднимающая. И слышу я, что нет ни глупого, ни жестокого, ни подлого, которого не стоило бы пожалеть. Говорят голоса, что не с глупым, подлым и жестоким, а с глупостью, подлостью и жестокостью бороться надо борьбой неустанной.

И снова мелькают передо мною глаза милосердные, слышу я слова, мною не понимаемые, и только одно из них – «милосердие» – достигает до слуха моего. Хочу я выше подняться, но нет сил для подъема, и как-будто кто-то говорит в сердце моем: «Иди к Сфинксу».

Открыл я глаза и никого не было около меня. Атланты удалились, а со мной пришедшие уведомили меня, что все готово, чтобы двинуться в путь к Сфинксу. В этот же вечер мы отправились, следуя течению Нила.

3. Мы расположились лагерем недалеко от Сфинкса. Он глядел на наш лагерь своими громадными глазами, и позднее ночью они засветились каким-то неведомым нам блеском. Едва мы заметили, что глаза сфинкса заблестели, упали мои спутники. Некто предстал передо мною и повел меня к Сфинксу. По малозаметным ступеням-выступам на гигантском теле полу-льва, полу-человека со спокойным и загадочным ликом повел меня мой проводник, и поднялись мы с ним до уха сфинкса. Мгновение – и мы вошли в ухо гигантской статуи.

Перед нами отодвинулась скрывающая вход завеса. Мы вошли и стали спускаться по лестнице. На каждой ступени ее, справа и слева, стояли статуи богов страны Кеми, а ниже – неведомые мне небожители, в том числе и те, которых я видел в моем первом сне.

Много раз поворачивались ступени лестницы, и она почти отвесно уходила вниз.

Окончился спуск, и мы с проводником очутились в небольшой комнате, отделенной завесой от внутреннего храма. Высоко, справа и слева сверкали два громадных глаза. Наверху золотым блеском сияло изображение Ра, как мы его видим. Стены были покрыты иероглифами, которых я не успел разобрать, ибо мой спутник ввел меня в громадную залу, отделенную от комнаты, где мы находились, голубой занавесью с серебром вытканными иероглифами. Мы вошли в громадный зал, и я сделал шаг назад, ослепленный ярким серебристым светом. Все стены зала были из полированного серебра и еще из какого-то вещества, отражавшего все, что стояло перед ним. Я увидел свое отражение бесконечное число раз впереди, позади, направо и налево отраженное. Отражения мои не интересовали меня, но смутился я, ибо увидел недалеко от себя нечто, меня поразившее. Снова увидел я Жену несказанную. И не одну Жену, а множество Жен, как бы отражением населения какого-то сверхкосмоса являющихся. Над головой каждой из них вращались три хоровода бесчисленных мелких звездочек, блестящих разными цветами радуги. В центре каждого хоровода виднелся большой шар, разными огнями сверкающий. Странные фигуры появились около Жен несказанных, и каждая из них имела тело, как бы из звезд указанных сотканное. Над звездными хороводами вился новый хоровод, и казалось мне, что в нем находятся крылатые светящиеся людям подобные существа. Над этим хороводом вился новый хоровод, над тем – другой, и так выше и выше все новые и новые хороводы вились над головами несказанных, и каждый хоровод состоял все из новых и новых существ, все нового и нового вида, о которых знают атланты. И выше прорвался хоровод, и что-то светлое и прекрасное виднелось там.

Фигуры прекрасных, странных очертаний, блестящие более красивыми, чем цвета радуги, цветами, мелькали над хороводами. А за ними шла черта четкая – орос, за которой я видел вихрь огненный. Просил я одну из Жен дать мне понять, что происходит за оросом там, где вихри огненные сверкают и мнут. Спала завеса с глаз моих. Утончился слух мой. Увидел я огненную Печать, кем-то срываемую. Не видел я Его, сильнейшего из сильных, Печать Окультного Молчания срывающего. Упала завеса огней бушующих. Спокойствие красивое заметил я за завесой этой. Нет уже Жен несказанных, нет и звезд и существ неведомых. Я вижу, как рассеивается туман серебристый. Какие-то боги неведомые явились в нем. Они заняты какой-то работой. Но я не понимаю, что они делают. Они что-то говорят, о чем-то думают. Не могу прочесть их мыслей. Из глубины души зываю к ним: «Скажите что-нибудь, ибо давно жаждем мы познания неведомого».

Все исчезло, но двое неведомых богов стоят передо мною. Вы знаете, о атланты, какова их наружность, а я боюсь писать о ней. Слышу я их речь, для меня непонятную. Все усилия напрягаю, желая понять их, и только сущность этих слов передаю я: «Только то поймешь ты из слов наших, что к твоему космосу отношение иметь может. Все остальное непонятым останется для тебя. Слушай о тайне великой. Каждое существо, даже человек, даже существо более низшее, чем человек, какая-нибудь бактерия, через мирны мирн бесконечностей, станет Великим Богом, ибо, от Него изойдя, к Нему возвратится, мощи Его при восхождении достигнув. От Него все изошло и к Нему вернется. Им станет, одесную Его будет. Будет совершенным, как Он, Великий, совершенен. Все, что от Него ушло, к Нему вернется, и обратно возвратясь, часть эта с целым сравняется, ибо о бесконечности говорим мы. Все от Него, а потом все в Него возвратится, рядом с Ним станет, таким же, как Он, будет. Множество Великих Богов будет, ибо невозможное для Него возможно. А потом множество может единством стать».

Все исчезло. И воскликнул дух, во мне сущий, и все начала, во мне сущие, воскликнули: «Все мои муки в мирах и веках равны нулю, все они – ничто, ибо я – Великим Я стану...».

Снова появились передо мною Жены и миры, около них сущие. Загремел гром силы несказанной, и затряслась земля, волнами заколебался пол храма. И я очнулся на песке в двухстах шагах от Сфинкса и, дойдя до нашего лагеря, вошел в палатку и спал целые сутки... Я подходил потом к Сфинксу, ища дороги в храм, но, очевидно, были умело уничтожены и заделаны ступени лестницы, в храм ведущей. Ко мне подошел провожавший меня в храм, и я долго говорил с ним. Он сказал мне, что на земле Бог будет в образе человека для того, чтобы поняли люди, что и они богами будут, но многие не поймут этого, многие... Для немногих доступно знание это.

Ко мне в лагерь прибыл гонец. Прилетел голубь, принесший на место моей последней стоянки приказ фараона о том, чтобы я немедленно вернулся. Я тотчас же велел снять лагерь и двинулся в обратный путь. В Фивах я рассказал верховному жрецу о первой половине моего путешествия, но умолчал о моих снах и о том, что увидел и услышал в храме Сфинкса. Я узнал, что возвратился голубь и два служителя храма, хотя они много позднее прибыли в храм. О третьем служителе храма ничего не сказал верховный жрец, а я не спрашивал его. Но самое важное из того, что он сказал, заключалось в сообщении о выздоровлении наследника престола и о том, что его взяли из храма, и о том, что во дворце знали о причине его болезни. Приписывая это знание моей неосторожности, верховный жрец почти что не разговаривал со мною.

В эту же ночь, едва я заснул, во сне меня посетил посол, от атлантов прибывший. Он рассказал мне, что третий служитель храма был арестован у Фивских ворот начальником полиции. Не только угрозами, но и бичеванием, начальник полиции вынудил у него содержание послания. Он рассказал фараону секрет лечения, и тот взял мальчика из храма к огорчению жрецов, желавших по-своему воспитать его. Служитель храма был отослан назад и отдан в пустыне полицейским, которые, разыграв роль разбойников, потребуют небольшой выкуп за него, а затем отпустят его в храм, взяв с него клятву молчания. Я спросил атланта, во сне ко мне пришедшего, куда девалась Печать Огненная, кем-то сорванная. Он ответил мне, что она рассыпалась золотым дождем звездным, что звезды эти упали в низы и вошли в астральные тела духов, недалеко от земель обитающих. Когда такой дух высокий сходил на землю, он в звезду эту воплощался и указывал мудрым обитателям земли, в кого из рожденных войдет Эон. В мирах миров произошло и произойдет это воплощение звезды оккультной Печати. Она появится на землях и в других мирах.

Не совсем понял я сказанное, но не успел переспросить атланта, так как проснулся. Я посетил жриц храма Изиды. Обе стояли перед занавесью, отделявшей храм от святилища, где стоял жертвенник Изиды и где, по мнению суеверной толпы, она пребывала. Я приблизился к ним и с торжественным гулом захлопнулись все двери, в храм Изиды ведущие. Жрицы выдвинули скамейки и предложили мне сесть после

того, как они сели. Они расспрашивали меня обо всем, что я видел и слышал, и я все, что произошло со мною во время путешествия, рассказал им. Они внимательно меня слушали и переглядывались каждый раз, когда я говорил в своем рассказе о Женах несказанных. Я кончил рассказ, а жрицы молчали.

«Мне хотелось бы видеть Изиду, – сказал я. – Могу я войти за завесу храма?»

«Зайди, о жрец! Не знаем, что ты увидишь, а мы только тень тени Изиды видим, когда она соизволит посетить свой храм».

«Что значит «тень тени»? Это простая линия будет, ибо тень трехмерного существа двумерна, а тень двумерного существа, одномерной должна быть».

«Ты был бы прав, если бы Изида трехмерным существом была. Но она мирноразмерное существо. Тень тени ее множество измерений имеет и кажется нам огнем необычным, огнем священным».

«Какова форма этого огня, слышен ли голос Изиды?» – спросил я.

«Постоянно меняется и форма и цвет огня священного – изображения Изиды. Только в сердцах наших звучат ее речи».

«Когда я могу увидеть ее?»

«Сегодня после полуночи, если непременно хочешь. Но ты уже видел ее, как первую Жену несказанную. И в таком совершенном прообразе у нас ее не увидишь».

«Вы сказали, что видите иногда тень тени Изиды. Это все, что вы воспринимаете?»

«Нет, не все. Эхо эха голоса ее в своей душе слышим мы. Отблеск от отблеска ее мысли, воспринимаем мы».

«Что же вы poznали из разговоров с нею?»

«О, очень мало поняли мы. О бесконечном множестве миров-бесконечностей слышали мы, об их, плохо воспринимаемых нами обитателях, о мирах рядом с нашим, но в других измерениях сущих, и о мирах выше наших миров сущих и выше богов раскинувшихся, и о многом другом несказанном узнали мы».

«Вы слышали что-либо о мирах высоких и далеких?»

«Да, об одном из них мы слышали. Там живут существа высшие, чем боги Египта. Эманации их пролетели над миром нашим и ушли от него. Сама Изида – только тень одной из этих эманаций. И она уйдет, пролетев над миром нашим».

«Плохо понимаю я сказанное вами: она не ушла?»

«Нет еще. Мы сами плохо понимаем, что узнаем от нее».

«Видел ли ее кто-либо из тех дерзновенных, кто самовольно завесу отодвигали?»

«Мы не знаем, что видели они. Все они падали мертвыми, едва взор их падал на алтарь».

Мне показалось, что сильно утомлены были жрицы. Я просил их оставить меня одного и отдохнуть вне храма. Они удалились, пожелав мне успеха. Я отодвинул завесу храма и встал перед второй завесой, алтарь прикрывающей. Я отодвинул завесу эту. На алтаре едва мерцал маленький колеблющийся огонек, как след огня большого. Вдруг яркий свет появился на алтаре и столбом яркого белого пламени поднялся к своду храма. Две полосы белого цвета потянулись ко мне и что-то несказанно грозное лицо мелькнуло в пламени белом. Исчезло лицо и на месте его начала вырисовываться слабая тень Жены, мною до сих пор невиданной. Величаво и спокойно сверкали глаза неведомой. И я просил богиню направить на путь истины меня и страну Кеми. Мне показалось, что она благосклонно смотрит на меня. И я снова просил ее дать мне указание – весть из миров далеких.

Не напрасна была мольба моя. Услышал я голос Изиды, во мне прозвучавший: «Когда последует человечество заповеди мира высокого, оно счастливо будет. Заповедь эта: люби ближнего и дальнего, как самого себя. А если непосильна заповедь эта, то люби ближнего и дальнего больше, чем самого себя. Выполняя эти заповеди, счастливо будет человечество».

Все исчезло, угасло пламя белое. На алтаре едва мерцал маленький, колеблющийся огонек, как след огня большого... Я вышел из святого святых храма и сел на скамью, размышляя. Почувствовал я, что не понимаю мне сказанного, что не могу я,

как себя, и даже больше, чем себя, любить ближнего и дальнего. И решил я много думать о сказанном. Почему заповедь о любви одинаковой к ближнему и дальнему, и к самому себе, выше заповеди о любви большей к ближнему, чем к самому себе? Поздно утром разрешил я сомнение мое и вышел из храма. Я понял, что если я предписываю кому-либо любить ближнего своего больше, чем самого себя, то учением этим я предписываю также и меня любить больше, чем себя любит он. Несколько себялюбиво и не так высоко, как первое учение это. А кто дальние? Все человечество или все живые существа, на землях обитающие? Или только те из них, которые могут страдать или радоваться, в зависимости от моего отношения к ним? Ближними не являются (я говорю о людях) только те живые существа, которые вредят нам. Позднее я сообщил атлантам решение мое, и они признали это правильным...

Промчалось много лет. Я познал благодаря атлантам многие тайны. Узнал то, каким образом можно сделать невероятно долгой жизнь на земле. Узнал то, что один из тысячи миллионов узнать может. Но я не хотел бы на земле оставаться, и кажется мне, что я буду скоро призван в мир более высокий, и тем охотнее иду я туда, что узнал я учение Эона, хотя Он не был еще на нашей земле. Узнал я не только заповеди блаженства, но и заповеди жалости. Я кончил. Прибавлю только, что и других жалеть надо больше, чем самого себя.

77. ЧЕТВЕРТАЯ ПЕЧАТЬ ОККУЛЬТНОГО МОЛЧАНИЯ

Заговорил с Сатаной Сатл:

«О чем ты думаешь?»

«О многом. Прежде всего – о потерянных нами возможностях. Сколько пропало даром того, что люди зовут временем. Я думал о том, что ужас нашей жизни несказанно велик: он в том, что в моих обителях перемешались сыны царства темного и сыны царства грязного. Не отличаются они по виду друг от друга. По сущности мало отличаются они друг от друга. Не только низшие наряжаются в оболочки высших, но низшие и высшие перемешались в тождестве внешнего вида и в нелепом смешении хаоса воль... Мне беспросветно скучно, о Сатл! Все надоело. Даже Великий Бог скучен своей непостижимостью. Не посоветуешь ли, что мне делать, чем жить, ибо не могу не жить я?»

«К твоему счастью, совет возможен. На твой выбор: первое, не заняться ли нам отделением в твоём космосе лярв от духов, тебе подобных? Не заняться ли нам в космосе людей отделением людей от лярв, людьми притворившихся?»

«К чему? Эманации лярвизма все одно моих духов пронизывать будут, ибо как раз теперь от соприкосновения с приукрашенными лярвами пали мои духи с высот, им доступных, и с лярвами, или без них, трудно им подняться. А люди... многие из них не лучше лярв стали».

«Тогда – второе. Посетим бесконечность бесконечностей, множеством Элоимов устроенную. Я слышал, что несказанно высоки, несказанно велики и прекрасны существа там сущие».

«Хорошо. Пожалуй. Но разве это даст мне удовлетворение?»

«Если не даст, то поговорим с Михаилами. Быть может, настало время, когда удастся сорвать четвертую Печать Оккультного Молчания».

«Не хватит сил. Невероятно тяжела была третья».

«Позовем Аранов на помощь».

«Хорошо... если они достаточно умны для того, чтобы совершить эту работу совместно с нами!»

Полмирны лет летели два друга, то изнемогая в борьбе с ускользающим от их страшных ударов Ничто, то вновь набираясь сил в населенных бесконечностях.

Что-то сияет в дали, но не жаром, а ароматом неведомых лесов повеяло на путешественников. Еще несколько взмахов могучими крыльями, еще напряжение продвигающей воли, и гармонически звучащее, сверкая и искрясь огнями разносветящи-

мися, развернулось перед ними объединение множества бесконечностей. Проникли в него настойчивые духи, Сатана и Сатл, и их встретили гигантские, до сих пор не мыслимые ими духи-обитатели бесконечности бесконечностей, Сверхплеромой называющейся.

Прибывшие бесконечно малы были по сравнению со сверх-гигантами, но стали расти, в четверть мирны раз увеличивая тела свои. Тогда, как нечто очень определенное, восприняли они сверх-духов и поняли, что с ними не надо говорить, что читаются их мысли обитателями бесконечности бесконечностей, что сами они, хотя не всецело, но понимают гигантов, чарующих пришельцев своим видом и своими эманациями.

«Смотрите, – воспринимали они странное наречие гигантов, – эти пришельцы пролетели через Ничто, и оно не поглотило их. Конечно, и мы можем пролететь через него, достигнуть новых бесконечностей, где мы полезны будем, засеяв новые бесконечности-пустоты звездами-солнцами в нас сущими, и вспыхнет жизнь там, где нечто худшее, чем смерть, царит, где неподвижным пребывает Ничто, ничего в себе не воспринимающее, ничего в себе не имеющее».

«Как это странно, – говорят прибывшие. – Эти существа кажутся нам совершенными, таковыми, как мы Элоимов мыслили».

И оба чувствуют, что прибыли в обитель безгранично мудрых, безгранично добрых, безгранично могущественных, все возможности и все невозможности, раз они к благу клонятся, проявить способных.

Спрашивают они, откуда могли появиться эти существа, и в них самих зазвучал голос, от гигантов исходящий: «Вы воспринимаете нас в виде преуменьшенном, так как мы пожелали вознаградить рвение ваше. Но мы в мирны раз больше, чем вы нас воспринимаете...» Сверхкают и блещут солнца-искры в телах их, как атомы тел низших. И дальше, смутно, с пропусками, как бы отрывки какой-то торжественной мелодии, слышат они речь высоких: «Мы – Димиурги. Мирны Элоимов объединили мирны же бесконечностей в сверхбесконечность и, объединив в ней свои усилия, так могучи стали, что почти полное тождество с каждым из самих себя создать могли и создали. Но именно поэтому нам нечего делать в космосе, нами населенном».

И кажется прибывшим, что эти обитатели бесконечности бесконечностей, Ламирглорамами называемые, все постигли, все вдали и вблизи от себя любят, но какое-то недовольство самими собой охватывает Ламирглорамов, и они собираются покинуть свою бесконечность, только изредка думая возвращаться в нее. Стремясь к каким-то далеким бесконечностям, они пронесутся по ряду близ лежащих бесконечностей, и одни из них остановятся на пути, создав там атомы, для жизни слабых нужные, а другие только тень свою отбросят или тень тени своей оставят; многие Димиурги обход далеких бесконечностей сделают, и еще многие поднимутся над бесконечностями.

И мерещится двум путникам, как будто в глубоком сне чудится, что мириады Ламирглорамов, Сверхзамм немислимых, отлетели от своей бесконечности и сразу ближайшее Ничто в миры благословенные превратили. Донеслось до сознания Сатаны и Сатла, что по воле и по благословию Элоимов произошел этот отлет, что, проносясь над мирами многими, Димиурги дадут этим мирам и их обитателям почувствовать, что существуют силы высокие – боги, ибо возможен контакт непосредственный между Димиургом и мирами.

Некоторые из Димиургов, величиной своей превосходящие космос, желтыми и другими солнцами освещаемый, пролетели через этот космос. И от солнц неведомых, далеко от этого космоса расположенных, тени Димиургов упали в пространство, мистическими солнцами озаряемое, и тени теней от солнц мистических упали на земли бесконечности, в той части ее находящиеся, которая желтыми солнцами озаряется. И на земле, изумрудным цветом блестящей, прошла тень тени Димиурга, а люди ее Изидой назвали, так как долго она на земле задержалась.

«Благостна роль Димиургов, – думают Сатана и Сатл. – Они помогут подняться несчастным зверькам, людьми называемым. А сами они? В низах задержатся или

страшными порывами к Великому Богу попытаются подняться? Найдут ли они, чем наполнить свою жизнь, хотя бы и в мощных бесконечностях остановившись? Какова роль Димиургов?»

«Позднее мы разгадаем ее, – говорит Сатана Сатлу, – а теперь понятно, что именно Димиурги аспектом теней своих подарили людям мысль о богах».

«Посмотрим будущее», – говорит Сатл Сатане после того, как они в мир светозарных прибыли.

И видят они, как лярвы и им подобные свои глупые тени людям за Димиургов и богов выдавать начали и своими дикими и грязными оргиями затемнили астральное тело земли. Люди тени эти в дикие и красивые идолы воплотили, но на немногих только землях удалась эта проделка лярв, своими тенями во время сна людей мелькнувших перед ними.

Долгое время Сатл и Сатана переживали все виденное и слышанное. По прошествии времени то, что было несказанно удивительным, простым им показалось, ибо так всегда в Темном Царстве было: иначе не удержалось бы оно...

Опять тоскует Сатана. Снова говорит ему Сатл, с ним связанный связью мистической: «Идем к Михаилам. Нет тебе излечения, пока не сорвем мы Печать Оккультного Молчания. Переговорим с моими братьями и пошлем послов к Аранам. Они помогут нам сорвать печать».

Говорит Сатана: «Я готов. На все готов я теперь. Необходимо сделать то, о чем говоришь ты. Быть может, я узнаю, чем объяснить можно несовершенство творения того, кого Великим Богом называют. Ведь, если Он совершенен и могуч, почему все творения не создал Он настолько совершенными, чтобы без скорби был у них подъем к высотам? А если нет вверху совершенства? Тогда даже для меня ужас. Могло ли совершенство творить несовершенное, могло ли оно не предвидеть, что как раз несовершенное сотворено будет?»

«Ты замучаешь себя такими вопросами. Идем к Михаилам».

Появились они во всех обителях Сатлов, и одновременно в разных местах сущие говорили с ними. Сатлы близкие и Сатлы-гиганты, в далеких концентрических кругах расположенные, стали готовиться к походу, желая сдвинуть с места и сбросить в верха или в низы тяжесть безграничную. Одновременно появились Сатана и Сатл в обителях Михайлов. Беспредельными казались эти обители, но из края в край прогремел в них голос Сатаны. Недовольны были Михайлы, что не от них вышла инициатива похода, но согласились участвовать в срыве четвертой Печати Оккультного Молчания.

Михайлы послали своих послов к Аранам, призывая их идти вместе с темными Арлегами и Сатлами сорвать Печать Оккультного Молчания. Араны охотно согласились, но на условии, что они одни с Михайлами сорвут Печать, что темные Арлеги и их друзья Сатлы не должны участвовать в походе. Грозно нахмурились темные Арлеги, услышав такой ответ, и спокойно улыбнулись Сатлы-великаны и Сатлы близких кругов.

Попытались Араны и Михайлы сорвать Печать Оккультного Молчания, но все они не смогли сдвинуть ее с места даже на ничтожную линию. Тогда смущенные Михайлы предложили Аранам послать за Сатлами, недалеко раскинувшими свой лагерь. А Сатлы ответили, что они или пойдут с темными Арлегами или вовсе не пойдут на помощь. И Араны не могли отказаться от поставленной цели (не было у них такого обычая), не могли они отступить и просили Михайлов призвать от своего и от имени Аранов как темных Арлегов, так и Сатлов всех кругов.

И все вместе, общими силами сорвали духи Печать Оккультного Молчания и бросили ее в пространства далекие. В них просыпалась она золотым дождем звездным над одной из сфер, Ничто занятой, и исчезло Ничто там бывшее, так как не могло поглотить света яркого, и свет, манящий души живые, свет притягивающий засиял там.

И разорвалась где-то высоко-высоко черта четкая ороса. Силы, там на страже стоящие, увидели, что сорвана Печать тяжелая, и отошли они от ороса, около кото-

рого с обеих сторон стояли на страже: после того, как сорвали они третью звезду – Печать Окультного Молчания, часть сил разместилась у ороса этого.

Увидели темные Арлеги, Сатлы, Михаилы и Араны нечто сверхпостижимое. Как будто отверзлись очи их, и все чувства воспринимающие обострились в мирны мирн раз. Осознали они, что за Великим Богом ВЕЛИЧАЙШЕЕ в верхах имеется; что некий предел между Великим Богом и тем, кого не называем, лежит, но предел этот как бы не вне Великого и не вне Того, Кто за и над Ним находится.

Но всеми своими двести пятьюдесятью чувствами, а Араны и большим количеством чувств познают, что в верхах, ими не воспринимаемых, за оросами оросов – за пределом неперелым находится Тот, Кому нет названия и Кто во столько же раз Великого Бога превосходит, во сколько свет величайшего из солнц свет светляка на землях существующего превосходит, и так же Он, Кому не пытались грозные духи подыскать названия, отличается от Великого Бога, как Великий Бог отличается от инфузории земли.

Воспринимают они, в верха смотрящие, что ниже Того, Кому нельзя подыскать названия, не один Великий Бог, а мирны Великих Богов раскинулись, и выше их Тот, Кто несказанно велик по сравнению с безгранично Великим.

Теряются в верха смотрящие, сразу счет, меру и сравнения потерявшие и дар словами понятие выражать утратившие; видят, как бы черты четкие оросов, а вместе с тем и Великих Богов как одного воспринимают и единым – совместным с Тем, Кому нет названия; видят их, как бы ничтожную часть Того, Кому нет названия, составляющих.

И подавлены величиим несказанным, величиим непонятным, Араны, Сатлы, Михаилы, темные Арлеги в несказанном страхе и трепете молчали, так как, взаимно соединив все усилия понимания своего, немного поняли о Том, Кому нет названия; плохо поняли они, почему и чем (не величиной же!) превышает Он Великого Бога – тоже одного во множестве. И молча разлетелись они по своим обителям...

Когда летели они, сказал Сатана Сатлу: «Мало сорвать Печать Окультного Молчания, надо уметь воспринять то, что за ней находится. Не многое поняли мы, да и все с нами бывшие не больше нас поняли. Обдумаем все виденное. Мне чудится, только теперь чудится, что я слышал что-то, а не только видел...»

Молчит Сатл и тоже об этом же думает...

Перед входом в обитель темных Арлегов столпились темные Арлеги двух видов и несколько Сатлов. И тут три БезОбразных появились перед ними и кричат Сатлам: «Поняли что-либо, или ничего не поняли, как и мы, когда до нас донеслось сияние, за четвертой Печатью ранее скрытое. На вопросы к вам обращаемые вы, как и мы, только пустыми словами отвечать будете и тоже прокляты будете проклятыми, и им БезобрАзными покажетесь. Почему вы преследовали нас, нам грозили, на нас сердились? Ведь мы указали вам, что и слезы Сатаны на что-либо пригодны: они тупые мозги, грязью земной забросанные, хоть отчасти от этой грязи отмыли и увидеть позволили нечто в мирах ирреальных, в мирах далеких сущее и тем позволили мечтать и о том, что непостижимо и, вместе с тем, реально».

«Отойдите», – тихо и устало сказал Сатана и за ним повторил его названный брат: «Отойдите».

А БезобрАзные и БезОбразные в строго очерченных и красивых превратились и кричат Сатане и Сатлу: «Помогите нам глаза низшим открыть. А не все ли равно, на что они смотреть будут. А мы... мы вам поможем, и им мы поможем увидеть то, что незримо для них без нашей помощи. А вы нам помогите: мы скажем вам, к чему мы стремимся. У нас и для вас что-то есть, что откроет вам тайны неисповеданные... Но только подарок наш окупится ослаблением вашей духовной мощи. Хотите?»

Готов согласиться Сатана, но Сатл говорит ранее его: «Нет, уходите!»

«Мы вернемся и еще раз спросим: неужели вы не пожертвуете тем, что дорого для вас – частью силы разума вашего, – для того, чтобы неведомое познать? Ведь, оно в мирны раз интереснее того, что разум может дать вам».

Затрубил Сатл в рог, и мощнейший из Сатлов-исполинов стал перед БезОбразными.

«Нам, не становясь юродивыми, удастся познать все, что непознаваемым кажется. Мы знаем, что может затмиться разум от порывов могучих, но мы не хотим его потемнения ни за какое вознаграждение».

Все говорят прекрасным: «Уходите». Исчезли соблазнявшие.

Часто совещаются в межкосмических пространствах темные Арлеги, Сатлы и другие духи высокие.

«Кто это над Великим Богом стоящий? Не мнимы ли те оросы, которые Его от Великого Бога отделяют? Не одним ли целым является Он и Великий Бог? И они не едины ли с Элоимами? А Элоимы не едины ли со своими творениями и с теми, кто помимо их появились?»

Даются ответы на эти вопросы: «Есть разница между творцом и сотворенными».

Слышатся крики: «Стражи Порога, сверх-Стражи Порога!»

«А как же злое начало? Почему оно существует? Неужели оно от доброго начала, от Бога?»

Слышится ответ: «Злое начало не от Бога. Оно от Ничто, которое появилось, когда образовались бесконечности пустот».

«Почему же Великий не предвидел появления, зарождения зла?»

«Предвидел. Не мог не предвидеть».

«Почему же не пожалел Он созданных?»

«Пожалел. Потому и позволил злему началу существовать в некоторых мирах».

«Да! Он ослепительное счастье хотел дать Своим творениям, а оно мыслимо только, как контраст».

«Но мы не хотим зла».

«Мало ли что вы злом называете. Ребенок плачет, когда его купать начинают, а потом радостно смеется».

Раздается голос: «Кто хочет зла не чувствовать? Я сделаю его невосприимчивым и зло не сознающим».

Голоса: «Нет. Мы не хотим быть мертвой материей, если она может быть».

«Как можно мыслить множественным Великого?»

«Элоима тоже не единым, а множественным мыслят, как Отца, Сына, Духа, Софию, Силу и прочее».

«Если мы познали, что выше Великого Бога еще и Несказанный существует, то почему же выше Несказанного нет еще более Высокого? А над тем другого, и так без конца?»

«Но, ведь, все это в едином, как в теле физическом мирны мирн электронов!»

«А в электроне опять-таки несчетные миры существ могут существовать».

«А в них опять электроны меньшие, чем первые, имеются, и так без конца».

«Бездна вверху, бездна внизу. И везде жизнь».

«А все-таки не в силах понять мы, что за четвертой Печатью Оккультного Молчания скрывалось. Слишком мало о нем воспринимаем мы».

А Сатана говорит Сатлу: «Я больше, чем они, вижу и слышу высоким сознанием».

«Расскажешь?»

«Если хочешь. Но раньше надо бы пятую Печать Оккультного Молчания снять. Тогда многое мы поймем, ибо блеск, нас ослепляющий, в антиблеск, нами видимый, превратится».

78. ПЯТАЯ ПЕЧАТЬ ОККУЛЬТНОГО МОЛЧАНИЯ

Блещут разноцветными крыльями духи Фантазии, вестники светлые, и встречают их суровые Сатлы, мало склонные с духами Фантазии разговаривать. Торопливо сообщают светом разным переливающимися о том, что за границами обитателей Сатлов, далеко от них носятся слухи о мощном полете Димов, на своем пути Ничто

уничтожающих. Не знают Сатлы, что несут с собою эти сильные, хотя слухи об их благости и долетели до обитателей Сатлов-гигантов. «Им ничего не стоит мимо наших обитателей пройти. Покажем, что мы не хотим встретиться с ними, так как через чур не сродны они с нами, и что-то вроде ужаса внушают нам эти гиганты». Так решили Сатлы-великаны.

На границу своей обители поспешили Сатлы и стали стражей. А трое из них отправились в замки носящих светлые брони рыцарей и просили у них позволения взять темные молнии, у светлых иной раз мерцающие. Взяли они связки черных молний, принесли на границу свою, бросили в Ничто, и черные молнии развернулись в Ничто сетью крепкой и непроходимой. А Сатлы-великаны послали к Аранам за помощью, и отряды тех и других стали на границе.

Отряд Димов быстрее света неся к границам Сатлов и далеко от них узнал от эманаций духов Фантазии, что стоят на страже Сатлы и Араны, не желающие пропустить их через обители Сатлов. Не оскорбились благостные, узнав о помехе приготовленной. Пожалели они Сатлов и Аранов, но захотели выбросить из Ничто молнии черные, ибо не добром веяло от них на миры Сатлов-великанов, и уничтожили они молнии черные, в светлые благостные, не обжигающие огни превратив их.

Неподвижно стояли Араны и Сатлы, глядя на Димов, и сами не знали, радоваться или жалеть им приходится о том, что Димы облетели их космос, Ничто за ним расположенное уничтожив.

Летит отряд Димов и пересекает миры низшие, перелетает через мир Звуков, часть реальности подав ему, и чувят Стражи Порога, что надо дать им дорогу, и отходят, пропустив их без боя в миры отрицательные. Ускоряя свой несказанно быстрый полет, несутся через миры отрицательные Димиурги, кое-где в них свои тени отбрасывая и тем смутные представления о богах зарождая. И снова – орос. Снова расступаются на этот раз свирепые и темно-грозовые Стражи Порога, а Димы могучим усилием удерживаются, переступив Порог, от падения, и перед ними расстилается что-то новое: мрак совершеннейший, молчание абсолютное, неподвижность сверхприжимая. Теснота полнейшая, теснота невероятная господствует за оросом этим.

Ужасом веяло, ужасом неподвижным, ничем не сменяемым веяло от Хаоса неподвижного, Хаоса подмирного. Заметили Димы страшную сплоченность подмира неподвижного и прежде всего решили дать простор всему в этом мире сущему. Предложили они Стражам Порога низшего отодвинуться. Осторожно, медленно, без малейшего потрясения сдвинули те миры отрицательные, и снова стали на новой черте ороса стражи темно-грозовые, не смевшие поднять свирепых очей своих на Димов сияющих, а население миров отрицательных не почувствовало сдвига своих космосов.

Вылепили Димы из мрака вязкого солнца черные. Вокруг них расположили, из того же мрака вылепив, земли темные. Все это неподвижным стояло. Тогда отделили от себя Димы часть света своего яркого, прекрасного, и облекли в него солнца черные. Загорелась поверхность солнц этих светом красноватым, желтоватым, голубоватым и зеленоватым. Загорелись поверхности солнц этих и другими огнями цветов многоцветных. Но не ярко сияли огни эти. И вокруг солнц этих заставили Димы вращаться земли темные, слабо этими огнями озаряемые. Появились воды на землях этих, в определенных местах держащиеся. Искрились в них отраженные огни солнечные, и появилось в водах нечто на изначальную протоплазму похожее, из которой уже что-то живое свои щупальцы разбрасывать стало и, принимая пищу, существовать жизнью отдельной от вод и твердой земли.

В полутьме над океаном и над сушей раскинувшейся не могло расцвести хоть что-либо привлекательное, не могла мерцать красота. Чудовища нелепые выросли из мелких существ, отдельно от воды, земли, огня и воздуха живших. В эти чудовища вошли эманациями своими стихии, в подмирном пространстве спавшие и солнцами пробужденные, и дикий необуздываемый вой стихийных начал, в животных сущих, огласил миры под нижним оросом лежащие. Поняли Димы, что надо больше света дать этому пространству, но вместе с тем поняли они и то, что слишком много огня своего священного мертвому началу дали. Поняли, что сами потускне-

ли, что, не потеряв себя всецело, не перестав быть Димами, они не могут даже одной искорки огня своего дать.

Не хотелось им идти за огнем, в миры высшие подниматься, поэтому опустились они еще глубже и увидели, что в низах то же, что и в верхах лежит: миры существ отрицательных, миры звуков, двумерных и меняющихся образов, и далее миры тоже знакомые. Вернулись назад Димы и с отчаянием смотрели на творения свои. Мирны лет пытались они улучшить созданное, но безнадежно. Пытались они возвратить себе свет, напрасно солнцам новым пожертвованный, но не удалась им и эта попытка. Страшным негодованием загорелись Димы, все аспекты горя и разочарований извещав. Сначала незаметно, скрываясь и от них самих прячась, потом все сильнее и сильнее разгораясь, развилась в них зависть к тем, кто к низам не спустился.

А далее поднялся среди них ропот против Великого: «Не мы слабы. Он помешал нам, так как первоисточник всего за все отвечает. Поднимемся в верха и спросим отчета у Него. А если нам кто помешает, сметем дерзких с дороги нашей...» К верхам ринулись Димы низов потемневшие. Раньше их пронеслась весть, духами Фантазии несомая, что против Бога Великого ополчились Димы потускневшие.

Отряды Легов первыми вступили в бой с гигантами немислимыми и были отодвинуты Димами с пути их. Борьба с Арлегами, поспешившими на помощь Легам, не успела еще развернуться во всю свою мощь, как на помощь Михаилам явились Араны неукротимые, со страшной силой ринувшиеся на Димов, крича им, что никого с боем идущего они не пропустят в верха, к Несказанному.

И страшный бой начался между Аранами, не отступающими, и Димами, мстостью зажженными. Не отступали Араны ни на шаг, и росли их рассаны во время боя страшного. С радостными победными криками расставались они с рассанами своими и не позволили силам, на место боя явившимся, сменить их в битве. И только тогда, когда убит был последний Аран, когда разлучилась его рассана с его сущностью, увидели страшно утомленные боем Димы ряды сил, против них в боевом порядке построившиеся. Не могут оправиться Димы от страшного урона, им нанесенного Аранами. Понимают они какой страшный урон понесли они, мощнейшие из мощных. И темный ужас пронесся над ними, но не тогда, когда за силами они увидели грозные отряды светлых Димов, своих старших братьев, а когда издалека, из пределов того, что за бесконечностями лежит, донесся до них грозный боевой крик Аранов, уверенно предвещающий победу уничтоженных.

Бесшумно пронеслись духи Фантазии, сообщая, что в новом аспекте новой обители, на старую бесконечность едва похожую, стали Араны мощнее Димов. Но не хотели сдаться Димы потускневшие, не хотели отступить они. Призывают к себе гибель-исчезновение, но видят Эонов за светлыми Димами сущих, через ряды последних идущих...

Раздвинулись ряды воинства, поблекших Димов не пропускавшего, и светлые Эоны встали перед воинством остановившимся. Готовились ринуться на них Димы, свет яркий утратившие, но почувствовали прилив сил и ощущений, когда-то им свойственных. Увидели они, что Эоны высот несказанных благословили их, и вернулся к ним блеск, на солнцах низшего из миров оставленный. Вернулся к ним свет утраченный: благостными, величаво-добрыми и только на добро готовыми стали они.

Самих себя судили Димы, решив не бросать мир низший. Решили они занять временно мир Аранов, их работу выполняя. Послали к Аранам послов легкокрылых, прекрасных духов Фантазии, предлагая им уступить их обители и навеки уйти из них. Отказались Араны: не захотели они облечься в старые рассаны, их старому миру свойственные, не захотели прежними Аранами стать. Принесли духи Фантазии ответ Аранов: «Не пойдем назад, а если бы пошли, то не пустили бы Димов в верха: мы теперь сильнее их. Но мы в новых обителях останемся и не забудем, не простим нашествия темных Димов, хотя и просветлели они».

Возвратились Димы в низы свои и вместе с Эонами пытались просветить существа миров низших, пытались придать им образ и подобие духов высших. Не увенча-

лась работа эта успехом. С отчаянием в душе смотрели Димы на неудавшиеся творения свои, а Эоны спокойно ожидали. Появились среди Димов странные существа, на обитателей ими созданных земель похожие, и говорили они Димам и Эонам: «Неужели вы продали свое первородство за пыль и грязь – за полное бессилие свое? Раз тот, кого вы Великим называете, неправ, а что Он неправ, видно и из того, что Он страдает, надо искать, в чем неправота Его. А она в том, что плох наш мир. Мы должны *per aspera ad astra* поднять население это. И путь один: пусть познают жители мира нашего, что различно добро и зло, и пусть начнут борьбу между собой, истребляя друг друга. А оставшихся мы истребим и тогда сотворим лучшие существа для населения ими миров нижайших».

Молчали Эоны и негодовали Димы, говоря: «Его скорбь ничего общего с нашей и вашей не имеет. Ничего в ней вы не понимаете. Не истреблять злые существа, а исправлять их надо».

Говорят Эоны Димам: «Сорвите Печать Оккультного Молчания. Пусть свет звезд пятой, за Печатью сущей, осияет миры ваши и прольется в Ничто темное».

Поднялись Димы в верха и позвали Димов верхних на помощь, и присоединились к ним тьмы мирн тех, кто и ранее в срывах Печатей участвовал, и стали они перед Печатью пятою. От нее неслись ленты-стрелы огня странного, боль невыносимую причиняющего. И все, кроме Димов низа и Димов верха отступили перед стрелами этими. Схватили Димы Печать горящую и, сорвав ее, освободили сверхзвезду сияющую, и рассыпалась она на звезды яркие, а звезды рассыпались на искры, неведомых духов образующие. И посыпались эти звезды в низы и в Ничто, преобразуя их в места, для райских поселений пригодные. Изменилось и население низов, внешним видом и внутренней сутью подражая прекраснейшему из того, что они встречали, и на Димов и Эонов походить стали через четверть мирны лет. Тогда с низов в верха поднялись искры звезды оккультной и, минуя все космосы и бесконечности, понесли туда, где Араны преобразившиеся пребывали и, прилетев в их лагерь веселый, с Аранами побратались.

Преобразились тогда они на глазах Аранов в над-духов, лучами алдитантными сияющих, и слушают их сказания чудесные Араны могучие и не хотят отпустить их от себя. Пронизываются их лучами несказанными Араны могучие и преобразуется высокое начало в них сущее, еще более высоким становится. Искры-лучи звезд-духов Высоких светят все ярче, все теплее и теплее пригревают сердца Аранов могучих, и Араны познают учение Эонов, каким оно в верхах проповедуется.

Жадно внимают Араны неутомимые заповедям неутомимости непреклонной:

«Впереди всех пойдут те, кто от счетов с врагами откажутся, впереди всех пойдут в миры вновь приготовленные, за Великим Богом по ту сторону Его лежащие...» И ярче горят искры-звезды духи Высокие, прекраснее их цвет и блеск становится, любуются на них прекраснейших из прекрасных Араны могучие, и смягчаются их мысли суровые.

«Встань на защиту того, кто нападению подвергается, и защищай его сильнее и настойчивее, чем себя и самых близких тебе защищал бы...» «Так, – говорят Араны, – так мы всегда поступали», – и с гордостью смотрят они друг на друга и сжимают мечи руками могучими.

«Врагов разбитых, врагов бегущих, врагов побежденных оставь в покое; не преследуй и не мсти им, а во всем сравняй с собою». – «Мы согласны», – думают Араны.

«Укрой от преследования и защиты врага своего. Протяни ему руку помощи». – «Хорошо! – говорят Араны. – После боя или после отказа врагов от боя мы будем поступать так».

«Не отталкивай руку примирения, к тебе протянутую, хотя бы и много ущерба нанес тебе с тобой помириться желающий, хотя бы худшие из бедствий он причинил тебе». – «Так, – говорят Араны, – но мы не забывали зла, нам причиненного, и от этого только выиграли миры, нами защищаемые».

«Если зло причинивший раскаялся, – простить необходимо. Необходимо помнить, что и каждый из вас зло причинял.» – «Ты, ярче прекраснейшей звезды сияю-

щий! Мы понимаем: ты учишь считаться не с тем, что нам выгодно, а с тем, что надо сделать...» Блеском Великого, блеск солнца затемняющим, блесит Звезда – дух Высокий и, прикрывая глаза свои, говорят Араны: «Растопил ты лед, в сердцах наших образовавшийся. Мы помиримся с Димами потускневшими». – «Они опять просветлели. Они рады будут с вами, тоже ярче блистающими, свидеться...»

«Удержи себя, удержи другого от зла, и к тебе злое начало не приблизится. Такова последняя заповедь, которую мне надо передать вам, многознающим. Я услышал эти заповеди в высотах, рядом с Великим Богом расположенных». И понесся Дух звездный в те дали, о которых только немногие слышали, а Араны послали послов с ветвями мира к Димам и пригласили их на пир блестящий, где обитатели многих кругов и бесконечностей встретиться могут.

И других послали они послов звать на пир духов всех бесконечностей, всех ступеней и вне их находящихся. И искры звезды Печати Оккультной и другие искры других печатей были позваны на пир этот...

Прибыли приглашенные на пир примирения и великой хореей расположились. Духи Света, Познания, двумерных измерений и меняющихся образов, духи Гармонии, Звуков, Сил, Фантазии, Нирваны, неды, велы, Отблески, оттары, Араны могучие, отэны, духи карм мистических, Арлеги, духи Причинности, Леги, духи отражений Реки Голубой, духи, щиты мистических зеркал носящие, темные Арлеги, Князья Тьмы, темные Леги, Сатлы, Михаилы, Многоочитые, лярвы, люди, Араны, далеким огнем озаренные, мудрецы далеких бесконечностей, Димы, Эгрегоры, на богов похожие, Эоны мудрости, любви, Звезды, за печатями оккультными бывшие... Много и других духов собрались на пир духовный Аранов могучих.

79. ШЕСТАЯ ПЕЧАТЬ ОККУЛЬТНОГО МОЛЧАНИЯ

Все выше и выше поднимаясь по бесконечным пространствам, переносясь из одного пространства в другое и оставляя за собой след, из потока звезд состоящий, в пустотах сверкающий, неслись Димы все вперед и вперед. А вот и конец того, что по эту сторону сущие бесконечностями называют. Здесь нечто более страшное, чем орос, чем начало Ничто. Начинается то, что к Ничто так же относится, как Ничто к существующему. Бездна в бездне, бездна бездн. Остановились Димы перед этой бездной.

«Быть может здесь остановимся?» – говорили одни. «Тогда не к чему и продвигаться было, – говорили другие. – То, что в пограничной Ничто-бесконечности, то и в других Ничто, нами уничтоженных, было. Вперед! В верха!»

Бросились Димы через бездну бездн, и преодолели ее могучие не полетом, а волепроявлением, ибо почти так же сильны, как Элоимы были. Увидели они ту границу, орос бездны бездн, как бы огнем наполненный. Стояли на ближнем берегу его Стражи Порога грозные, но не посмотрели на них Димы могучие и подошли к потоку, никем не остановленные. Поняли тогда Димы, что трудно, едва ли возможно перейти широкий огненный поток. Не долго совещались они. Часть их понеслась к духам Реки Голубой, скоро достигла ее берегов, и попросили посланцы духов Реки направить ее течение через поток огненный. Волны Реки Голубой пересекли поток огня необычного, и бросились тогда Димы в голубые волны. Но огонь необычный захлестнул даже волны Реки Голубой, и всех Димов обжег он пламенем своим прежде, чем потушили его голубые волны. Перешли Димы орос, и снова несутся они через что-то, смутно пространство напоминающее. Им встречаются странные существа, как бы призраки, светом ослепительным сияющие, но, закрывая свои очи, проносятся мимо их Димы. Попадают им навстречу призраки сумрачные, расплывчатые, безконтурные и другие неопишуемые образы, неустанно свои облики меняющие.

«Скорее! Скорее! – твердят Димы. – Все это недостойно нашего внимания. Бог Великий, вот то, к чему мы стремимся, чего достигнуть хотим мощным взлетом нашим!» И в мирны раз быстрее света несутся они все дальше, все выше...

Новый орос перед ними. Как будто стена гладкая, блестящая и неизмеримо высокая стоит перед ними, а на ней новые Стражи Порога, неподвижно на Димов смотрящие. Поднимаются Димы кверху стены, но не пропускают их далее Стражи Порога, и угрозой мертвой блещут взоры их. Схватились Димы со стражей, сбросили их вниз, но при этом почувствовали, как будто холод страшный пронзил их во время борьбы этой. Видят они, что вдали какой-то дух необъятный сверкает, переливаясь блестящими цветами, но не могут Димы разглядеть контуры его.

«Не Он ли? Не Великий ли это, один из образов своих принявший? – говорят Димы. – Невыносимо больно смотреть на Его сияние. Мы смертельно устали... Неужели не кончен путь наш? Неужели мы не у цели?»

И видят они, как превращается существо сверкающее в небольшую фигурку, на Арлега похожую, и держит эта фигурка что-то, пальмовую ветвь напоминающее. «Вы к Нему?» – спрашивает Димов за оросом сущий. – «Да.» – «Это невозможно». – «А мы хотим!» – «Недостижима цель ваша. Сколько времени летели вы, вначале просто света быстрее, а после перехода ороса в мирны раз быстрее света?» – «Не знаем. Упоенные мыслями высокими, ослепленные надеждой великой, мы не считали времени». – «Миллиарды хилионов мирн тысячелетий летели вы по счету вашему». – «Не понимаем. Мы живем, не изменяясь, только миллиарды мирн тысячелетий». – «Да. Но вы в новой оболочке. Два раза при переправах через оросы меняли вы внешнее тело свое, и вы не заметили этого, своей мечтой поглощенные. При переправе через Реку Голубую и во время битвы со Стражами Порога второго сторело сначала первое, потом второе тело ваше. От вас только аспект аспекта старого остался. Все исчезло, кроме духовной сущности вашей». – «Да будет так! А близок Он?» – «Едва на бесконечно малую величину вы к Нему подвинулись. Если вы возведете то количество тысячелетий, в течение которого вы летели, в степень, равную этому количеству, и все это время лететь будете, то продвинетесь еще на одну бесконечно малую протяженность приближения к Нему... До Него в несказанное число раз дальше, чем то расстояние, которое вы указанным вычислением получите.» – «Неужели даром мы проделали путь наш? Неужели даром мы два раза умерли? Неужели бесплодны все усилия наши?» – «О нет! Конечно, не даром. Вы постигли теперь, как Он непостижим и далек и другим можете передать достижение это». – «Скажи нам что-нибудь на обратную дорогу. Не даром же мы высоко поднялись.» – «Не знаю, что сказать, так несовершенен и мал я.» – «Ты? Только сейчас более, чем гигантом бывший?» – «Да! Не велик я. Пусть Эоны высшие поговорят с вами. Смотрите: они летят сюда. Я давно уже чувствовал полет их.»

И удалился Сверкающий, снова вдали гигантом ставший.

Эоны появились перед Димами. Насколько величавее, мощнее и совершеннее были они тех совершеннейших, кого Димы ранее в покинутых бесконечностях видели. «Учитель! Скажи, что нам делать?» – «Многое множество миров не поднявшихся существует. Идите и поднимите их». – «Разве мы можем в этой одежде в низы спуститься? Мы кончили жизнь нашу, в старых одеждах протекавшую». – «Проходя обратно через оросы, вы старую одежду получите.» – «Но мы окончили срок жизни в старой одежде». – «Она опять начнет течь сначала, когда вы оросы обратно перейдете. Надо вам назад вернуться. Вы ничего здесь для других не свершили. Ничего и в низах ваш отряд не сделал. Идите снова в низы и там сделайте дело великое.» – «Но ведь старых низов не осталось?» – «Конечно нет. Они много раз иными низами сменились, но еще существуют низы, подобные тем, мимо которых вы прошли.» – «Так будет. Но неужели мы даром столько времени потратили? Не скажешь ли чего-либо нам о Нем?» – «Скажу, хотя и не знаю, как и что поймете из слов моих. Он – не сущий, ибо что общего между Ним и чем или кем-либо из сущих? Он – отнюдь не сущий, ибо, хотя и есть, но не в том смысле, который вами этому слову дается. Все в Нем бесконечно и конечно в том смысле, что все и части всего не были бы без Него.

А все-таки отличайте то, что от Него отошло по Его изволению, от того, что в Нем осталось. А осталось все, ибо сколько бы ни было взято из бесконечно большого, оно бесконечно большим останется. Не из ничего, но из сущего, т.е. из Него соз-

даны все миры. И Ничто из Него же создано, ибо без Него и Ничто не существует. Блеск Его, в мирах сущий, к нему возвратиться стремится, и этот блеск только часть Его, как часть Его все, что ни возьмешь. Он и то, что от Него в мирах тех, что ниже оросов, вами пройденных, лежит. Все от Него и все – частицы Его ничтожные. Отблеск Его слабый, почти тьме равный, повсюду, даже во мгле самой глубокой. В ней, мгле этой, Он мглой стал. И мрак самый глубокий светом ярким станет, и мрак к Нему поднимется, светлея при подъеме этом. Даже в людях не мрак, а нечто более светлое. Помните все-таки, Димы, что малого стоят все определения Его. Кого ни назовете вы Им, кого ни будете вы чтить – все это не Он, если хоть тень определения дана будет вами Ему, чтимому. Нельзя определить не сущее, то, чего нет для нас, но все, что ни есть, – через Него существует, и не прекратится все это, пока не станет совершенным, то есть Им, то есть не-сущим». – «И вы все не познали?» – «И мы не познали всего и не познаем, пока с Ним не сольемся, как и вы когда-нибудь сольетесь».

Исчезли Эоны.

Назад понеслись Димы, в мирны мирн раз быстрее, чем поднимались. Перелезев через стену высокую, переправившись через поток огненный, получили они обратно тела свои. «Как жалко, что мы не присматривались к обителям и к тем, кто в них находится, когда мы в верха поднимались. А теперь мы так быстро опускаемся, что едва воспринимаем то, что нам встречается. Мы недавно видели каких-то существ, точно из звезд слитых, из звезд, цветами разными блистающих; они больше нас, много больше, а мы думали, что нет больших, чем мы, из тех, кто имеют измерения...» Вот и другие гиганты, которые отделяются от среды, их окружающей, как бы молниями устойчивыми, и массой тонких золотистых нитей соединены внутренние линии молний этих. А вот как бы вихрь снежинок устойчивых, образ неведомый образующих, и Димы видят, каким добром неуклонным блещет облик снежинок мятущихся. А вот и те бесконечности и провалы Ничто между ними, которые давным давно покинуты были. Как все изменилось! Нет ничего из того, что было, и множество миров, неведомыми населенных, замечены Димами. «Как духовно выросли жители этих миров! Но что-то темное в низах виднеется. Куда направиться? А! Вот блещат красивые духи Предвидения, бывшие когда-то духами Фантазии. Спросим у них».

Говорят им духи Предвидения: «Всего нужнее вы в низах. Много планет населены ныне потомками лярв зловещих, не пожелавших подняться и семьдесят семь сот раз отказавшихся от подъема. Там тяжелая, затхлая атмосфера. Мы укажем вам дорогу в миры эти, но на пороге оставим вас. Нам невыносимо скучно там. Они не принимают нас».

Понеслись Димы за духами Предвидения, но оставили их духи эти, приблизившись к землям. Пролетают Димы над землями бесчисленными и думают: «Не те ли это люди, предки которых тень нашей тени видели, ту тень, которую они Изидой назвали? Но нет. Совсем иной вид у них. Как мрачно, грозно, тяжело и неизменно выражение лиц у них. Как жестоки и грязны их обычаи и законы! Что это? Они не сажают в тюрьмы инакомыслящих, как это делали раньше, а понемногу высасывают мозг у них и кровью змеиной его заменяют. Они ослепляют теперь не глаза, а разум, делают бессмысленно свирепыми, тупыми и глупыми осужденных ими. А сами владельцы этих людей! Они живут растительной жизнью, вызубривая свою глупую догму, и еще более глупую проповедуют для общего употребления. Властно царит в мире существ этих подлая эксплуатация себе подобных и убийства тех, кто восстает против таких приемов, убийство для того применяемое, чтобы не мешали этой эксплуатации, которая выдается за благодеяние. Какая гадость! Какая низость! Для того, чтобы помочь им, нельзя пред ними в роли земных богов явиться. Они чужды чутья мистического. Надо их одежду надеть, войти в их мир и постараться на них воздействовать».

Решили Димы лететь к солнцам мистическим, тем же блеском, что и раньше, сияющим и там оставить все непереносимое мирам земель. Встретили их на солнцах мистических Мистропы и сказали Димами: «Мы не можем взять у вас на хранение си-

лы ваши, потому что они вам скоро понадобятся. Но мы укажем вам, каким образом от тел своих вы освободиться можете: оставьте их на одном из потухших солнц, выбрав для этого одно из самых больших. А ваши силы и способности облеките в тела кого-либо из людей, но сделайте это так, чтобы никто не видел вашего воплощения».

Полетели Димы на потухшее солнце и на нем свои тела под надзором высших недов оставили. Начали они обходить земли, вне материи сущие. Вот труп юноши, только что убитого свирепыми обитателями земли. «Я войду в него, а вы все раны его залечите», – говорит один из Димов. Встал юноша, закрыты раны его, но это уже не человек, а Дим в новом аспекте своем. Вот растерзанная злодеями девушка. Входит в нее другой Дим, залечив все раны ее и заставив тело ее забыть то, что было... И все Димы на разных землях вошли в тела людей, замученных и убитых.

Загремела на землях проповедь Димов, протестующих против жестокостей, прославляющих свободу, материальное равенство, братство светлое, учение о всепрощении... Красивому, высоко доброму и прекрасному стали учить Димы могучие, зная, что силой ничего достигнуть нельзя, как нельзя достигнуть и чудесами. Но бесплодна проповедь Димов: один человек на сотню тысяч проникается их учением. Криво усмеваются мрачные обезьяны и продолжают кровь пить, мозги высасывать. Ограничено число Димов пришедших, но если бы их и больше воплотилось, ничего не смогли бы они сделать со всепроникающей ложью людей-лярв. Взамен ее новая ложь выползает и шипит, все отравляя, такая же мерзкая, грязная, тупая и подлая, как исчезнувшая... Не знают Димы, что им делать. Отлетают они на темное солнце, облакаются в тела свои и совещаются. А любопытные духи Предвидения, которым все надо знать для того, чтобы предвидеть, к ним прилетели и говорят: «Нужно сорвать шестую Печать Окультиного Молчания. Помните, что было, когда пятая была снята? Помните, как просветлели миры, в глубинах сущие?» – «Да. Но мы не знаем дороги, не знаем где она. Вы не знаете?» – «Мы тоже не знаем, но знают дорогу к ней Сатлы и Сатаны, нарочно из миров низших не ушедшие, хотя они давно уйги могил.» – «Тогда надо пригласить их!» Помчались духи Предвидения и вернулись, а вслед за ними прилетели полчища молчаливых, далеко от миров обычных существовавших Сатлов и Сатанов.

«Мы знаем дорогу», – сказали они Димам. – «Отчего вы раньше не сорвали шестую Печать Окультиного Молчания?» – «Силы нашей не хватило бы на это: вас ждали». – «Где она блистает?» – «За пределами бесконечностей, но в стороне противоположной той, где вы были». – «Летим!» – «Летим!»

Летят могучие, жаром познания и жаждой благопринесения охваченные. Долог путь, но сильно желание. Вот очередной орос, словно переплетенная изгородь преграждает путь. Не смогли отбросить его Димы, но выступили Сатаны, бьют по нему булавами своими, хотя от каждого удара брызжет кровь из них. И хотя вскрикивают они от едва выносимой боли, но продолжают наносить страшные удары. Обессиленными отступают они, их заменяют Сатлы, но и им не удается разорвать орос. Выступают Димы, но, чем ближе подходят они к оросу, тем слабее становятся. Тогда обращаются к ним Сатаны: «Димы! Помогите! Сделайте нас гигантами! Вспомните: я – Ксанфа, я – Руир!...» Передают Димы Сатанам часть той силы, которая гигантами делает, и те бросаются на орос и снова бьют его. Недоумевают Димы: «Неужели силой можно добиться чего-либо?» А из ороса выступают вовсе не светлые стражи, на замм похожие, стараются поразить копьями Сатлов и Сатан-гигантов. Но напрасно. Те уже запели грозную боевую песнь: «Лучше ужас и боль, чем назад отступить! Даже смерть не страшна, мы должны победить...» И в одном месте прорвали они этот, вдруг оживший орос.

«Скорее! Скорее! – кричат Сатлы. – Бросайтесь в прорыв!»

Бросились в прорыв Димы и сразу себя опять мощными из мощных почувствовали, так что не посмели на них броситься стражи грозные. Но смеются над прорвавшимися: «А далее что? Ничего не получите! Непосильна тяжесть Печати для сущих!»

Напрасно бьют в покровы Печати своими мечами и булавами Сатлы и Сатаны-гиганты. И тут Димы вспоминают, что это они были не-сущими в высотах странных.

Теперь уже все вместе они бьют шестую Печать мечами тяжелыми, когда-то из горя миров выкованными, и разбивается она золотой пылью и серебряным огнем-дождем. Мирны Эонов, светом облитых, прекраснейших из прекрасных, несутся из-за шестой Печати Оккультного Молчания и кричат пришедшим, что двенадцать из них готовы их сопровождать, чтобы выполнить задуманное в мирах низких. Летят они вместе вниз, но пересекает летящим дорогу река черно-грязная, с кровавыми струйками, река широкая, глубокая, как бы непреодолимая. Говорят Сатлы: «Мы знаем эту реку: от нее почти ничего не осталось, разве ручеек маленький. Перед вами мираж простой. Мы давно всю реку выпили, а сейчас и оставшийся ручеек выпьем». Припали к влаге черно-грязной устами своими Сатлы и с отвращением остатки ее выпили. Снова мчатся вперед, перемешавшись с Димами, Сатлами и Сатанами духи, на Эонов похожие, и дорогу им огненная стена пересекает. «Знакомая стихия! – говорят Сатлы. – Раздвинься! Не хочешь? Исчезни!» – и рухнула стена огненная, огненным ручейком куда-то поплывшая.

Говорят Димы Эонам: «Вот солнце потухшее, где мы тела земные оставили. Мы залетим туда и в тела оставленные облечемся». Так и сделали Димы, и вскоре затем прибыли на земли, будучи опять в тела людей облеченными. И слышали они от людей-лярв, что пошли по земле какие-то боги, и хотя они ничего как будто бы не говорили и ничего не делали, но все их видели, и от того плохой стала жизнь для людей-лярв: перестали они умирать, пока не истекал для них пятидесятилетний срок жизни. Но срок этот жил только тот, кто путем добра шел. Если же кто согрешал чем-либо, сразу же жизнь согрешившего на одну десятую часть срока оставшегося сокращалась. Появилась откуда-то вера, что проживут пять тысяч лет и потом перейдут в высший космос только те, кто в течение всего этого срока ни разу не отступил от высокого учения Эона, им проповедуемого. А кто грешил, кто не пытался всеми силами своими согласовать жизнь свою с учением Эона, тот ранее срока пятидесятилетнего умирал и жил в кругах концентрических вдвое больше лет, чем им до срока не было дожито, и снова возрождался на земле, чтобы жить предназначенные ему десятилетия...

Димы помогали людям (ибо все люди перестали лярвами быть) безгрешно жизнь прожить. И взмолились Димы: «Ты, дух, обитатель звезды оккультного молчания! Пусть вспыхнет частица твоего огонька во всяком, кто встретится со злым началом, в ком бы ни тлело оно. Пусть всякий, в ком вспыхнет луч огня твоего, видит, где и как злое начало говорит. Пусть все злые и пустые помыслы станут явными от света твоего, и пусть невыносимо стыдно будет тому, в ком злое начало видно будет!»

Вняли просьбе этой Эоны, и скоро исчезло зло с земель. Поднялись к верхам все их обитатели, и те, кто ранее в кругах концентрических были. Тогда Сатлы и Сатаны пропели свой гимн величавый, прощаясь с мирами бесконечности своей, и улетели туда, где свет, сила и слава сияют, для того, чтобы в новых одеждах по новым путям шествовать... Все миры сдвинулись, к верхам поднимаясь, а Димы остались, решившись поднять растения, видимые и невидимые, ибо животные всех видов давно уже людьми и даже более высокими, чем люди, стали. А Эоны за новую работу взялись в мирах новых.

80. СЕДЬМАЯ ПЕЧАТЬ ОККУЛЬТНОГО МОЛЧАНИЯ

На всех землях исчезли люди, животные, рыбы, насекомые; только немыслимое, не рождающее и не умирающее бездушное начало осталось на них, и те, нами плохо постижимые существа последнего часа, которые называются Димами, Эгрегорами и Эонами. Не было уже тех существ, которых связывали в одно видовое, родовое или какое-либо другое целое Эгрегоры. Все свершили Димы, что сделать хотели, и нечего им было делать более. Давно неслись и гремели музыкальные хоры Эонов, горько оплакивающих, что откладывается возможность стать совершенными, в высшем начале омывшись и его светом облекшись. Им тоже нечего было делать. И все чаще и чаще, как молнии, сверкали их порывы: «К Нему, к Нему!»

Все было мертво в низах. Оставшиеся вспоминали исчезнувшие эпохи разных цивилизаций, и тем грустнее, тем бесполезнее казалось им, для того только сущим, чтобы другим помогать, вынужденное бездействие, обусловленное тем, что им самим ничего не надо было в бесконечностях опустелых, и не было тех, кому нужна была помощь. Только однажды пролетело по всем бесконечностям существо, голова которого на челе своем венюк из звезд и цветов неведомых имела, а его над-эфирное тело было одето в ярко-светлую одежду. И тогда поняли существа последних часов, что это из бесконечностей улетел дух Жизни.

Что-то черное, едкий дым напоминающее, облекло то, где когда-то жизнь кипела, и зловеще расстилались всюду тяжелая неподвижность и безмолвие, ибо и солнца, и кометы, и планеты, и все небесные и над ними сущие тела остановили бег свой.

Говорят Димы: «Ясно, что от нас ожидается действие. Иначе давно бы произошла перемена... Ведь только тогда космические сдвиги происходят, когда срывается Печать Окультиного Молчания». Согласились с ними Эоны и Эгрегоры, и все они отправились по опустелым бесконечностям искать последнюю Печать Окультиного Молчания. Долго длились их поиски, пока, наконец, заметили они нечто, гигантскую корону солнца затмившегося напоминающее. И решили они, что виднеется в далих высоких та самая Печать, которую они ищут.

Ринулись к Печати этой, горя желанием сорвать ее и вперед продвинуться... Вот они около Печати гигантской. Но вся ее поверхность занята неведомыми духами. Одни из них грациозных Арлегин напоминали, другие были также красивы, как Нирваниды, третьи были величественно прекрасны, как Сатаны. Переплелись они руками, прижались друг к другу и словно сеть плотной покрыли всю поверхность потемневшей Печати Окультиного Молчания.

Подходят к ним светлые тихие Эоны с пальмовыми ветвями, но, в ответ на просьбу отойти в сторону, склоняют головы духи неведомые и только крепче сжимают руки свои. Сменяют Эонов благоносящие Димы с жезлами, но и на них смотрят с мольбой духи чудесные, преклоняя колена, однако ни частицы пространства не уступая. Приблизились к ним грозные Эгрегоры с булавами в руках, но напрасно ищут они на Печати места не защищенного, по которому можно было булавою ударить. Едва взмахнет булавою Эгрегор, ниц перед ним падают духи неведомые, закрывая собою ранее незащищенное ими место Печати Окультиного Молчания... Отлетели от Печати той прибывшие и держат совет. Говорят Эгрегоры: «Мы догадываемся, что мешает нам. На головах некоторых из этих духов мы видим отблески венца огненного, – признак, что они когда-то с темными встречались». Говорят Димы: «Вокруг некоторых из них вспыхивает как бы отблеск света нашего, когда-то нами дарованного солнцам мира отрицательного». Говорят Эоны Любви: «Около них испарения крови нашей, в низах для спасения живших там пролитой». Говорят Эоны Мудрости: «Все они – воплощения тех грехов, которые замышлялись в низах, на землях, в темных обителях, но проявлены не были, в мыслях только промелькнув, не пожелав проявиться в деле». «Да, это они», – соглашаются прилетевшие, а Эгрегоры добавляют: «Правда, они давно прощены, ибо безвреден, а иногда и полезен промелькнувший образ соблазна, но все же, раз они нам мешают, мы устраним их, не причинив им вреда, вознаградив их за то, что против их воли пойдем. Но между ними мы узнаем и БезОбразных – прекраснейших из прекрасных, сильных упорством своим, узнаем тех, кто только от Сатаны бегали и, других не боясь, наряду с нами по силе стояли».

«Идите и сделайте, что сможете», – говорят Димы.

Встали справа Димы, налево – Эоны, а Эгрегоры пошли на узанных ими духов, бросили на них сети свои, и легко отделились духи узанные от Печати Окультиного Молчания. Говорят им благостные: «Напрасно смущаетесь вы, много раз не допускавшие силы мощные снять Печать Окультиного Молчания. Прошлое – не укор, если даже и есть укорять за что. Но нет укора за мысли. Это было бы учением Темного, ибо часто бывает так, что плохая мысль не осуществляется и безвредна даже для тех, в ком она пребывала».

Просветлели духи и ближе подошли к вновь прибывшим. А те пододвинулись к Печати потемневшей и увидели, что кое-где мелькают на ее поверхности БезОбразные, прекраснейшие из прекрасных, легко сквозь сети Эгрегоров прошедшие и по-прежнему пытающиеся не дать сорвать Печать. Пожалели их прибывшие и спрашивают: «Почему вы мешаете нам? Мы знаем имя ваше и легко оградимся силой, для вас непроницаемой, чтобы сбросить Печать темную. Но зачем вы нам помешать хотите?»

Отвечают прекрасные: «Мы погибнем, навсегда исчезнем, если снимется Печать эта. Вы же знаете нас: мы духи Обманов красивых, и мы оставили лярв, людей и Темных, зная, что скоро уйдут они в верха, а сами ушли сюда, и погибнем, когда снимется Печать эта». – «Не погибнете. Мы знаем, что горько оплакивали вы заблуждения ваши. Дайте руки Эонам, идите с ними и ничего не бойтесь, ибо безгранична доброта их и нет зла, которое не было бы прощено и смыто Светом Тихим!» – «Мы верим вам, давно уже отказавшись от обманов красивых, и так долго страдали мы от того, что совершали обманы эти», – сказали прекрасные и встали рядом с Эонами.

Ударили Эгрегоры булавами по Печати темной, но не поколебалась она. Ударили по ней своими жезлами Димы, и тоже не смогли ее поколебать. Взглянули прибывшие в миры и бесконечности, из которых поднялись, и увидели, что облекла их мгла тяжелая, мгла, ничего в себе не таящая, мгла – Ничто. Но когда дотронулись Эоны своими ветвями пальмовыми до Печати темной, распалась она на мельчайшие из мелких частиц, на то, что ныне электронами электронов называют, и заблестала тьма-Ничто блеском спокойным, ибо и в него те частицы Печати упали, которые в другую сторону обращены были.

Последний взгляд бросили в бесконечности духи, подниматься собравшиеся, но ничего, кроме блеска тихого, чего-то ждущего, не увидели там. «Это уже не Хаос, – проговорили Эоны, – прекрасные миры возникнут из Ничто сияющего!»

И вдруг все они в этом блеске тихом увидели лестницу с бесконечным количеством ступеней, вверх поднимающихся, а на самом верху этой лестницы сиял свет несказанный, как бы отблеск чего-то мощнейшего в себе вмещающий. И заговорили все духи: «Надо пройти через этот свет, и тогда новый круг восхождения начнется для всех нас». – «Как хотелось бы, прежде чем начать новый круг восхождения, увидеть Того, Кого мы никогда не видели – Единого во множественности образов Его», – говорят Димы. – «Нам тоже хотелось бы увидеть Его, и прозрели бы очи наши. Бедные люди, когда-то на землях разных жившие, думали, что Он из трех Эонов состоит – Эона Любви, Эона Мудрости, Эона Воли, но несказанно выше Он всех нас! Он – светильник с огнями ведомыми и неведомыми, и нет числа огням этим спокойным, не жгущим, все к себе притягивающим и очищающим. Не только Любовь, Мудрость, Воля – Он есть знание, свет, мощь, творчество, спасение, удовлетворение, радость чистая и многое многое другое... И ничто сказанное не дает понятия о Нем, ибо и сам Он – тень Великого». – «Идем. Посмотрим на Него!» – думают все. Но говорят Эоны Мудрости: «Идем! Но не надо ни вправо, ни влево смотреть. Только вперед глядеть надо, а то на долгое время мы на той ступени останемся, находясь на которой не были вперед устремленными очи наши».

Идут могучие. Идут Эоны, Демиурги, Эгрегоры, идут стражи Печати исчезнувшей. Не касаясь ступеней лестницы, поднимаются они по ней, не глядя ни направо, ни налево. Но вот ступень лестницы невероятно широкая, и перед очами поднимающихся реюто духи неведомые... Только перед собою смотрят идущие и вверх на следующую ступень переходят. Много ступеней прошли они и наконец ступени кончились. Поднимают они глаза свои, и видят, что огнями чудными мерцает вверху мир несказанный. Кажется поднимающимся, что мир этот в верха поднимается. Полетели к нему Эоны спокойные, Демиурги могучие, Эгрегоры многостигшие, неся с собой стражей Печати Оккультной. Ухватили за края мир этот Эоны, Демиурги и Эгрегоры и говорят взятым у Печати Оккультного Молчания: «Первыми в этот мир войдите». – «Сначала вы войдите, а уже мы за вами». – «Не надо так: вы слабее, поэ-

тому вас вперед пропускаем». – «Нам страшно!» – «Мы за вами пойдем. А если вас оставим и сами войдем, – не удержите вы этот мир прекрасный и сами не удержитесь и упадете. Помните учение Эонов, что первые должны быть последними. Это и к нам относится». И вошли в мир новый около Печати бывшие, а за ними Эгрегоры, Демиурги и Эоны...

Взглянули они друг на друга и увидели, что исчезло различие между ними; увидели, что все они – от Эонов до духов, когда-то около Печати Окультиного Молчания бывших, все одинаковыми сверх-Эонами стали.

Выходят на дорогу вверх идущие, и по обеим сторонам ее горят светильники высокие, несколькими рядами, один над другим расположенные, вдаль и в верха уходят. Не горит только ближайший к пришельцам ряд светильников. Но вот вспыхнули эти светильники огнями многоцветными – ярко-розовыми, белыми, голубыми, оранжевыми, синими, желтыми и лиловыми. Ровно горели, в верха поднимаясь, чудесные... Посмотрели друг на друга пришедшие и увидели, что сверкают над ними венки многоцветные – из роз блистающих, из лилий белоснежных, из тихо мерцающих голубых незабудок. Над другими сияют венки из оранжевых лютиков, из синих васильков, из астр, цвет белого солнца утративших, а над остальными сияют венки цвета лилового.

Видят могучие, как в верхах сливаются огни многоцветные, образуя пламя белое, ослепительным блеском-светом неведомым сверкающее. И видят они, как появились над сверх-Эонами венцы, из всех цветов сплетенные, сверкающие, как аметисты розовые, как алмазы белые, как сапфиры голубые, как янтарь желтые, как золото оранжевые, а немногим позднее венки их пламенем неведомым, пламенем блестящим засверкали, тем пламенем, в которое все слились сияния разноцветные. Взглянули пришедшие друг на друга и видят, что их численность в семь раз уменьшилась. Каждый почувствовал, что сверх-заммой стал он. Каждый чувствует в себе благодать Эонов, силу спокойную Демиургов, настойчивость непреклонную Эгрегоров... Исчезли тяжелые воспоминания стражей седьмой Печати Окультиного Молчания, залитые мощными волнами блеска духов высоких. Многие единством стали, и каждый мощнее стал, но не захотели в семь раз численностью уменьшенные единством стать, так как надеялись, что появится среди них различие полезное... Высоко, высоко над духами расстилается свод, как бы из молний блистающих сотканный. Все кругом и в верхах и в низах наполнено звуками марша торжественного и сливаются в нем в мощные аккорды гармонии голосов и звуки чудные всех миров и бесконечностей...

Идут высшие... Как бы гигантские двери распахнулись перед ними, и видят они дали необъятные. В новую сверх-вселенную вступили они, и разворачивается перед ними сверх-бесконечность, как бы новыми и неведомыми духами населенная. Но не могут они разобраться в том, что теперь воспринимают мирнами чувств своих, ибо мирны мирн высших явлений и событий воспринять надо.

Встречает их некто сильный и прекрасный и, указывая на местность чудесную, говорит: «Если захотите видеть друг друга, то пожелайте сюда перенестись и сюда направится полет ваш, а также и тех, кого из своих вы увидите захотите. Вы вольны, где хотите пребывать и на мирнах мирн занятий свои силы испытывать».

«Необъятно велик этот мир для нас. В прежних бесконечностях мы себя исполнами считали, а ныне мы напоминаем собою население ничтожнейшей космической пылинки из космоса земель и солнц. Но ты, странный, ты, удивительный! Скажи нам, где Он, где Великий? Можно ли увидеть Его?»

«На вопрос этот вам другой ответит. А мне позвольте удалиться. Вот другой около вас».

Проводили все-таки сверх-Эоны глазами своими с ними говорившего и увидели, как недалеке он распался на тонкую пыль золотую и только что-то, тень его напоминающее, осталось, а пылинки золотистые в блестящие существа превратились и каждое из них больше Демиурга старой бесконечности было.

И новый неведомый стоит перед ними. Спрашивают его: «Где Он, Великий? Можем ли мы увидеть Его?» – «Увидите и в Нем сознательно будете, когда настанет вре-

мя». – «А сейчас?» – «Вы слишком малы для этого». – «Малы?» – «Да. Вы знаете, что люди электроном называют? И вот все бесконечности, в которых вы пребывали на работе вашей, и бесконечности, ниже их сущие, и бесконечности, на лестнице мистической расположенные, и ультра миры, за ступенями ее сущие, и миры, на ступенях новой лестницы расположенные, – все это, вместе взятое, считая и дорогу, святильниками озаренную, и наш мир, в котором вы ныне пребываете – все это в бесконечное число раз меньше для Него, чем для вас электрон электрона, как его люди понимают...»

...Так началась новая жизнь для тех, кто пережили последний час миров нашей бесконечности.

81. УРДЫ – ДИМЫ

Собрались Димиурги и каждый из них рассказал то, что считал наиболее интересным. Последний из них рассказал следующее:

«Я решил посетить возможно далекую из бесконечностей и, миновав ряд их, очутился на границе бесконечности, превышавшей все другие, вместе взятые, через которые я промчался. То, что мне бесконечностью казалось, людьми земли зеленой было бы воспринято как бесконечность безграничная. Я остановился на границе бесконечности бесконечностей, так как почувствовал, что кто-то остановил меня. И я смотрел, остановившись на границе, и мне казалось, что сильно усилилось зрение мое. Я видел гигантские шарообразные скопления света, которые ярко блестели на поверхности. Внутри этих гигантских шаров, далеко от их оболочки я видел маленькие ядра, из которых каждое во много раз превышало любую из земель, вокруг солнц желтых вращающихся. Я смотрел вдаль и видел множество гигантских цветковых шаров, сверкающих другими, невидимыми на землях желтых солнц цветами. И всюду внутри гигантских шаров этих летали, освещенные ими, многочисленные громадные звезды-земли.

Я смотрел выше этих скоплений света и видел новый мир, населенный иными, чем Земля, существами, и мне казалось, что существа эти крылаты, но несравненно красивее тех существ, которых люди зеленых земель ангелами называют. Сложной показалась мне жизнь их. Я увидел, как из центра обителей существ, ангелов напоминающих, поднялась высоко-высоко какая-то дорога, ширины и глубины необъятной, и ее, как свой космос, заняли те существа, которые напоминали мне архангелов, сияющих огнисто-голубым блеском.

Я видел, что часто покидали они свой космос и поднимались в верха далекие, и как будто падали они в низы глубокие. От середины дороги этой новая, еще более широкая дорога поднималась в сторону противоположную подъему первой и терялась из вида в высотах несказанных. В космосе этом блистали в розоватом ореоле гиганты, и около каждого из них реяло множество крыльев, куда угодно их переносивших.

Из центра этой обители шла в высоты другая дорога широкая, и на ней видел я также существа, голубым ореолом окруженные. Я не присмотрелся к их жизни, так как увидел новую дорогу, в высоты поднимающуюся от середины страны, населенной существами голубого ореола. На ней мелькали как бы из синих молний сотканные и до ужаса энергией преисполненные существа, до некоторой степени напоминающие гениев инициативы нам близкой бесконечности.

И снова и снова, каждый раз, начинаясь с середины, поднимались новые миры, то вправо, то влево идущие в верха безграничные.

Увидел я мир, горизонтально над миром земель расположенный. Я с трудом мог смотреть на существ, этот мир населяющих, и немного их было. Уходили одни и возвращались другие из миров низших. Каждый из них так сверкал и сиял сиянием величавым, что сиянье его настолько же ярче было сиянья солнц, насколько свет солнца ярче абсолютного мрака. Но сходя в низы, снимали они с себя сиянье свое.

Его выше поднял я очи свои и увидел множество космосов населенных, в верха несказанные уходящих. Населены они были существами разными, и каждое такое существо прекраснее всех, ниже находящихся, было.

Еще выше взглянул я, и там бесконечное количество космосов находилось. В ряду их я увидел космос духов, красным блеском сияющих, на архангелов похожих. Мне хотелось войти в какой-либо из этих космосов, мною наблюдаемых, но что-то удержало меня от попытки этой.

Множество существ, похожих на воинов, стояло с правой и с левой стороны бесконечности, словно оберегая ее. Я смотрел, и мне показалось, что там, где мир земель находится, помещаются десять космосов, которые я видел над этим миром, и все они не соприкасались друг с другом, как бы разных измерений были. Мне показалось, что кроме средних десяти космосов и космосов низших, чем земли, все остальные космосы, если не говорить о космосах существ, похожих на воинов, в одном месте находятся...

Я почувствовал, что рядом со мной стоит какое-то гигантское существо, и подумал почему-то, что это сверх-существо что-то общее с Элоимом имеет... Но это был сам Элоим!

Я смотрел в другую сторону бесконечности, и мне показалось, что около нее стоит ангел прекрасный. Когда я поднялся и встал на уровне космоса ангелов, мне показалось, что около бесконечности стоит архангел сияющий, а после того, как я поднялся до обитателей архангелов, мне показалось, что по ту сторону бесконечности стоит гигант, голубым светом осиянный... Чем выше я поднимался, тем резче менялся образ, по ту сторону бесконечности стоящий, принимая вид того существа, которое одной ступенью выше по лестнице мистической находилось. Мне показалось, что я понял: Он, Всемогущий, может казаться тем, чем хочет: ведь когда-то Он к людям в виде ангела нисходил, и для ангелов предстал архангелом... Всем сущим Он кажется пришедшим из космоса, на одну ступень выше лежащего, поскольку Он, Всемогущий, пожелал из не-сущего – сущим стать, из бесформенного превратиться в имеющего форму. Понял я, что Он, превыше всяческого Сущий, любую форму принять может, хотя бы форму бактерии и инфузории живой. А если Он принял какую-либо форму, значит Ему надо было принять ее. Понял я, что передо мною Бог Великий... Слышу я, как Он отвечает на вопросы Элоима, и я понимаю небольшую часть этого разговора. Что понял я, скажу о том вам, стараясь возможно точно смысл передать.

Спрашивает Элоим: «Почему много горя в космосах, почему страдают в них сущие? Почему так сильны низы глубокие?»

Слышу я ответ Бога Великого:

«Страдание потому существует, что сами страдающие посеяли его в одной из жизней своих... Во всяком случае, тот, кто пострадал хотя бы и за свои прошлые поступки, получит вознаграждение за страдание это и забудет о нем».

«Не лучше ли было бы, если бы не было заблуждений, ошибок, если бы не было ничего, что влечет за собой страдание?»

«Что же ты хочешь, чтобы ничего, кроме Меня не было?»

«О, нет!»

«Все, что есть, становится все лучше, все прекраснее. Но все живущее может сбиваться с пути добра в жизни своей, и тогда задерживается его подъем к лучшему, в космос более высокий».

«Что делать тому, кто затемнился по воле своей в одной из жизней своих?»

«Надо захотеть стать светлее».

«А если не думает об этом зло сделавший?»

«Он все-таки сможет подняться, когда изгладится зло, им причиненное, из памяти тех, кому оно причинено было, и когда всякий след этого зла исчезнет в космосах».

«Возможен ли более скорый подъем?»

«Да, возможен, если причинивший страдание сам не побойтся стать объектом страдания для того, чтобы кого-либо другого от страдания избавить».

«Неужели Ты хочешь, чтобы страдали сущие?»

«Я допускаю, чтобы так случилось, раз захотел этого кто-либо из сущих».

«Есть ли другой исход?»

«Если он захотел пользой приносимой искупить зло причиненное, то и это считается воздаянием за зло содеянное».

«Ведь это разнovidности возмездия. Возможно ли прощение без возмездия?»

«Да, если ты раскаянье не называешь возмездием. Если раскаяние это связано с невозможностью когда-либо и где-либо зло делать».

«А если творение Твое будет делать зло?»

«Само станет объектом зла в бесчисленном количестве метаморфоз».

«На землях?»

«На землях, на других планетах, в других космосах и других бесконечностях».

«Когда же окончатся метаморфозы эти?»

«Эон положит им конец Учением Своим. Где оно прозвучало, рано или поздно оно даст плоды желательные».

«А Ты, Многообразный? Как же Ты? Как назвать Тебя, несуществующего или существующего так, как никто не существует? Святым? Высшим Умом? Справедливостью? Добротой? Знанием? Красотой? Мудростью? Радостью? Утешителем? Любовью? Что можно знать о Тебе?»

«Ничего. Дав мириады определений, так же далеко будешь от понимания Меня, как не дав ни одного... Даже себя не могут определить люди и духи, но все они все больше и больше приближаются ко Мне... Подойдя ко Мне и войдя в Меня, Моим ионом станут, а после мирниар вхождений, Мною станут, ибо Я множественен и Един... Минует миг и то, чему Я временем повелел быть, и тогда что-то новое из Первоисточника возникнет...».

«Как назвать Тебя в низах глубоких? Как назвать Тебя в землях бесчисленных?»

«На землях и в низах нет представления обо Мне: как хотят, так пусть и называют Меня. В низах и на землях нет Мне подобия, хотя бы и неточного. Нигде и ни с кем нет подобия у Меня. Даже Тебе не подобен Я. Нет у Меня ничего похожего на подобие с Димиургами, один из которых нас сейчас слушает».

«Почему люди думают, что сотворены они по подобию Твоему?»

«Потому, что в начале жизни человеческой они имели невесомые, почти нематериальные тела...»

Многого не понял я в речи приведенной. А затем совсем перестал понимать, но вот снова услышал понятное.

«Не постигаю. Ты – Всемогуший. Ты – Творец всего, а, стало быть, и виновник зла в мире. Если Ты не хочешь устранить зло, Ты не Всеблагой. А если не можешь – не Всемогуший!»

«Повторяешься. Если бы Я не хотел, или если бы Я не не хотел – Я был бы ограничен в обоих случаях. Я был бы не Я. Пойми: вне всего этого Я, и все же от всего, что существует (и от того, что существует зло), высшее благо получится, ибо не будет безразличия. Высшее благо – в этом все. Остальное – лишь мысли и слова людей».

«Стало быть, я и все, что есть, – только потемнение Твое, никуда не годная часть Твоя, пока не наступит для нее преобразование?»

«Что значит «потемнение»? Все, что есть, все нужно, и все нужно для того, чтобы великим счастьем загореться. Для этого счастья, которое не было бы понято и воспринято, если бы не было того, что ты несчастьем называешь, все сотворено, и не только для одного этого».

«Для чего же еще?»

«Для многого другого, для жизней несказанных все, что от Меня низошло, предназначено».

«Скажи, разумно ли желать полного отсутствия мук существования?»

«Можно желать полного отсутствия мук существования, дав этим мукам жизнь в фантазии темной. Без контраста радости и горя не смогли бы познать счастья сущие земель и космосов...»

Больше я ничего не слышал, и сомкнули передо мной строй свой в доспехи обленные, и я видел только космосы, передо мной сверкающие.

Я не хотел в нашу семью возвратиться. Я стал человеком для того, чтобы сказать людям то, что я видел и слышал. Но в теле человека я только немного помнил и понимал из того, что слышал от Бога Великого. Я говорил немного, о чем помнил, но незначительны были слова мои, и я видел, как тьма тяжелая заливает разум людей. Тогда я сбросил оболочку человеческую, снова принял вид Димиурга и страшным напряжением поднялся в космос тех, кто сияли сиянием величавым. Я, ничтожный перед ними, решил проповедовать им, и они слушали меня.

Я говорил им: «Я не видел вас на землях и знаю, что их несравненно больше, чем вас. Я знаю и то, что пеплом рассыплется любая из земель, если кто-либо на нее из вас встанет. Но я прошу вас: пусть каждый из вас рассыплется на мирны частей. Пусть каждая такая частица сойдет на землю в тело человека и отблеском вашего учения наполнит мир земной...»

И я почувствовал, что Эоны согласились со мной. Услышали Великие просьбу – совет малого, ибо знали они, что устами малых нередко говорит истина.

Увидел я, что опустел космос Сияющих... И тогда я полетел назад, в наш космос, чтобы рассказать обо всем вам».

82. САТЛЫ НА ЗЕМЛЕ

Двенадцать Сатлов сидели за громадным круглым столом, и один из них сказал: «Мы исчерпали наши задачи. Мы много раз спускались в низы глубокие и вывели оттуда живших там в обители более красивой счастливой жизни. До дна исчерпан нами низ глубокий. Что делать ныне?»

Отвечает другой, выражая мнение всех: «Мы не знаем. Спросим у более мощных, чем мы, но не надо обращаться к тем, которые на землю сходили. Спросим совета у тех, кто свои жилища недалеко от них имеют».

Долго, долго летели Сатлы. Невероятно труден был для них путь к обителям высших духов. Наконец, слышат они лучше всякой музыки звучащий тихий гармоничный шелест каких-то крыльев. И хотя ничего не видят, ничего не ощущают своими 256 чувствами в отдельности взятыми, но все они вместе дают им ощущение, что около них духи, полные тихой радости, величавого спокойствия, готовые ответить на любой вопрос.

Спрашивают Сатлы: «Скоро ли уйдем мы из нашего мира? Скоро ли поднимемся в обители более прекрасные, чем наши? Правда ли, что эти обители будут теми самими, которые населены могучими воинами?»

Кажется Сатлам, что они слышат ответ, хотя только шелест крыльев раздается около них, и чудится им, что в этом шелесте звучит: «Что значит скоро или не скоро? Тысячелетие может показаться короче секунды, и минута может продлиться дольше тысячелетия. Все зависит от того, как интенсивно, как радостно будете вы работать и радоваться успехам вашей работы. Чем больше сделаете вы, тем выше подниметесь. Можно и через ступеньку подниматься, можно и через две ступеньки вверх идти. Можно только на ближайшую ступень подняться. Но вы немало сделали, еще больше сделаете, и выше, чем на следующую ступень, встанете».

«Кончена наша работа в низах. Что нам делать?»

«Работайте на землях, там не закончена работа».

«Мы, конечно, согласны, но нам не хотелось бы все время в низах работать, хотя бы эти низы землями назывались».

«А вы попытайтесь низы верхами сделать. Ведь не раз это вам удавалось».

«Мы согласны».

«Благодаря такой работе вы изменитесь, у вас появятся новые восприятия, новые измерения откроются перед вами, и ваша тоска по безграничному совершенству превратится в уверенность, что движение снизу вверх, как таковое, и подготовка к нему само по себе и есть совершенствование. Понятно, оно не является конеч-

ным, так как идеал только тогда идеал, когда он недостижим. Счастье и радость в приближении, в том, что становится в конце как бы частью идеала».

Поняли Сатлы и загремел их клич: «На работу!»

Как будто веяние чего-то гармонического почувствовали они, словно бы оттаяли сердца их, что-то вроде гармонического тихого успокаивающего пения донеслось до них...

Опять так же сидят за тем же громадным круглым столом Сатлы и один из них говорит и все согласны с ним: «Перенесемся на ту землю, которая вращается около потухающего солнца».

Появились Сатлы на этой земле. Тусклым красным кругом, испещренным темными пятнами, едва мерцало солнце над этой землей. Вся поверхность ее была покрыта металлическими, расположенными вертикально на расстоянии ста шагов друг от друга шестами с улавливающими свет звезд аппаратами. Они рассеивали этот свет на участки земли, и вместе с этим светом передавалось ей тепло от звезд, горящих астральным огнем.

Жили на этой, озаряемой звездами земле веселые мудрые люди, и только детей не заметили среди них Сатлы. Люди земли этой верили в то, что через неизвестный им промежуток времени тусклое красное солнце загорится от падения на него громадных метеоритов. Благодаря умению готовить чрезвычайно стойкий материал и в течение долгого времени не портящиеся изделия, жители этой земли жили чрезвычайно богато, несмотря на то, что масса времени тратилась на улавливание света и тепла звезд. Каждый из них устраивал свою материальную жизнь так, как хотел. В их складах продуктов и изделий было изобилие всевозможных предметов потребления. Как только в каком-либо из складов, будь то центральный или местный, оставалось предметов менее чем на треть года (предполагая обычный спрос на них), заведующие складами извещали об этом мастерские. И производящие хозяйства выделяли и посылали в склад необходимое количество продуктов. Если в общепитии появлялся избыток съестных припасов, не нужный для сохранения в виде запаса, он отдавался птицам и животным страны с тем, впрочем, расчетом, чтобы они не разучились сами отыскивать себе пищу. Мастерские были полны великолепными машинами и аппаратами, и всякая работа совершалась легко.

Наиболее трудной и, вместе с тем, наиболее привлекательной считалась работа изобретателей, причем чуть ли не каждый житель страны был изобретателем машин и аппаратов. Жители земли жили в построенных зданиях и в высоких, искусно сделанных пирамидах из крепких, но легких, пустых внутри кирпичей. Все комнаты этих зданий были очень высоки, и в громадных залах стояли по углам высокие канделябры, свечи которых сверкали ровным белым, напоминающим электрический свет пламенем, горевшим день и ночь. В каждом канделябре было по семь свечей. Крыши зданий делались из какого-то материала, напоминающего стекла разных цветов. Около стен в наполненных землей и водой кадках изящной работы стояли прекрасные растения, напоминающие деревья, кусты, пальмы. В комнатах находились автоматы, которые, когда до них дотрагивались, произносили то, что было надо, стояли кресла с высокими спинками, покрытыми богатой резьбой, напоминающей фантастические цветы, растения, перья райских птиц, звезды, всевозможные узоры. Из спинок кресел сияли ярким светом лучи разных цветов, образуя около спинки сияющий венок. Ручки кресел походили на двух змеек с изумрудными глазками. Перед каждым креслом поднимались по бокам его две прекрасные колонны с корзинами цветов наверху. В комнатах были громадные столы с гладкими зеркальными поверхностями. С потолка висели на малозаметных цепочках, сделанных из металла, похожего на золото, птицы, постоянно шевелившие крыльями, издававшими тихий, гармоничный звон. Музыкальные инструменты странной формы стояли в комнатах, из них лились чарующие звуки, когда к ним прикасались искусные артисты.

Другие здания были расположены в мощных слоях белого, похожего на соль минерала, и чарующим блеском сверкали стены этих зданий.

Две расы населяли эту землю. Одна – люди высокого роста и белой кожи, другие – немного меньшего роста, смуглые, часто черноволосые. Вторая раса отличалась созерцательным настроением, проводя массу времени в библиотеках и богато обставленных лабораториях, для оборудования которых они не жалели усилий, работая в особых мастерских.

Едва ли не большая часть научных работ была выполнена людьми этой расы. Они же выдвинули из своих рядов прекрасных библиотекарей, не только хранящих миллиарды книг, но и постепенно возобновляющих те из них, которые приходили в ветхость. Стенография давно уже заменила жителям этой земли простые буквы. Из поколения в поколение часть людей смуглой расы работала над упрощением и улучшением искусства писать. Они умели быстро читать, схватывая своим взором стенографический иероглиф, обозначающий целое слово, и охватывая взором и пониманием рядом с ним поставленные иероглифы.

Люди этой расы были глубокими мистиками и таили в своей среде своеобразные религиозные воззрения. Они были молчаливы и тихи.

О людях второй расы, об их появлении на земле с давних пор рассказывалась легенда. Говорили, что много тысячелетий тому назад, совсем близко от земли, едва не касаясь ее, пронеслось какое-то небесное тело, и тотчас после этого на земле появились люди смуглой расы. Они не понимали слов обитателей земли и долгое время держались от них в стороне. Они считались чем-то вроде волшебников, и прошло много тысячелетий прежде чем они сблизились с аборигенами.

Двенадцать Сатлов прибыли на эту землю. Прошло немного времени и они заметили, что люди смуглой расы относятся к ним с глубоким уважением. Очень скоро они дали понять Сатлам, что последние узнаны. Сатлы не могли лгать, между ними и людьми завелись знакомства, и люди сразу же начали просить Сатлов устроить так, чтобы снова ярким желтым или даже белым пламенем загорелось солнце, озарявшее их землю. Вняли их просьбам Сатлы и решили обратиться к сильнейшим для того, чтобы те возвратили блеск потухающему солнцу.

Бросили сильнейшие небольшую давно замерзшую землю на солнце потухающее, и от столкновения вспыхнуло пламя солнечное, и люди убрали с земли часть аппаратов, улавливающих блеск и тепло звезд. Еще два раза бросали сильнейшие все большие и большие потухшие солнца на это солнце, и оно загоралось все более и более ярким блеском, засияв, наконец, ярким пламенем. А люди с лихорадочной поспешностью убрали аппараты, улавливающие тепло звезд, и так расположили их на земле, что отраженный от них блеск и жар звезд и солнц прожег толщу земли и расплавил в ней пепел потухший. И снова огнем наполнилась эта земля.

Покрылась земля роскошными лесами-садами, выросли прекрасные деревья и кустарники, прекрасные разнообразные цветы. Появились новые звери, птицы, насекомые. Новые океаны и моря покрыли третью часть земли. Разными чудными красками заблестели восход и закат солнца.

Только с немногими, и то редко, говорили Сатлы, но заметили они, что после того, как загорелось вновь потухшее солнце, появились на земле проповедники атеизма, которые всегда определяли Бога, как дикари определяют, то есть представляя Бога в виде человека, птицы или в виде какого-нибудь животного. Такому Богу приписывались чисто человеческие свойства, только в превосходной степени – не только могучий, но и Всемогущий, не только сущий, но и Вездесущий, и так далее.

Дав такое определение Бога, атеисты победоносно доказывали, что такого Бога нет и не может быть, и делали вывод, что вообще нет Бога, а не тот вывод, что люди Бога не могут описать.

В противовес этому учению ученики Сатлов из людей второй расы проповедовали свое учение. Они говорили, что люди неспособны понять, что такое Бог, так же, как какая-нибудь инфузория неспособна понять, что такое человек. Тем не менее, кое-что можно сказать о Боге, так как Он дал людям некоторое представление о себе. Нет сомнения, что Бог покрывает своей сущностью все, что все – в Нем, и Он – во всем. Поэтому люди воспринимают Бога, уподобляя Его его же творениям. Они

то антропоморфизируют Бога, то зооморфизируют Его, представляя его в виде животного. В лучшем случае они представляют Его как ангела, то есть духа. Но Бог – не человек, не животное и не дух.

Они учили, что не следует мыслить Бога как личность. Можно только сказать о Нем, вполне непостижимом, что Ему присущи высочайшее понимание и творческая сила. Бог мыслится и должен мыслиться на земле как могучий Принцип, как отвлеченная Идея, а не материя. Бог есть Свет непреклонный, самоотверженный, проявляющийся для счастья и радости, и, рано или поздно, дающий своим созданиям вечное счастье. Бог – это свет Любви, идея Любви, в жизнь воплощающаяся. Заповедь божественная дается людям в разных ее выражениях, но пока хотя бы один страдает – всем плохо. Все на помощь страдающему! Но помогайте так, чтобы он не огорчился вашим вмешательством. Помогайте так, чтобы он не заметил, что вы ему помогаете. Никогда никого не обижайте, но, вместе с тем, защищайтесь от насилия и неправды самым энергичным образом, и если на это обидится кто-либо – ты ни в чем не виноват. Помни, что только на непосредственное насилие можно отвечать насилием, да и то пока нападающее насилие продолжается. Как общее правило, убеждением надо предупреждать насилие.

Говорят люди друг с другом: «Любопытное и светлое учение. Сосредоточим на нем свое внимание. Не дадим ему прозвучать, как звуку, в пустыне пронесшемуся. Но как воплотить это учение в жизнь? Может быть, там, где не действует убеждение, надо прибегнуть к гипнотическому внушению?»

Отвечают другие: «Гипноз – это своеобразный обман. В конце концов, от него больше вреда, чем пользы. Силой убеждения будет бороться мы».

И вот, что случилось с людьми на земле, разгоревшимся солнцем озаренной. Всем людям, принявшим новое учение, казалось, что странное видение открывается для каждого из них. Видят они широкий светлый путь, как бы в верха спирально поднимающийся, прерывающийся там, где Ничто господствует, или невоспринимаемый в пространствах, Ничто занятых, а потом снова в верха поднимающийся. И видят они ближайшие к земле существа, на этой спирали сущие, которые имеют те же измерения, что и люди – время, длину, ширину и глубину, а кроме того, пятое измерение, ими ощущаемое, которое отражается в них, как ореол пламенный, их со всех сторон облекающий. Как бы светом, отличающимся от света, их окружающего, осиянны они. Смотрят люди и выше – на спирали этой таких же людей видят, но огонь, окружающий этих людей, облечен мириадами разносверкающих и быстро перемещающихся частиц, как бы ореол вокруг огня образующих.

Видят люди, созерцающие это видение, что могучей, интенсивной жизнью живут эти существа, что передают они друг другу то огонь, их окружающий, то огонь и ореол, вокруг огня образующийся, и не уменьшается у передающих огонь и ореол света, их окружающие, но ярче и мощнее видятся они после передачи.

Недоумевают люди, наблюдающие видение это, и некоторые спрашивали молчаливых Сатлов, что означает виденное ими. Отвечают Сатлы: «Есть и другие миры, кроме тех, о которых вы знаете, но не появились в вас чувства, могущие воспринять измерения, которые вам огнем и ореолом казались. Удовольствуйтесь тем, что вы познали существование других миров, кроме тех, которые вы видели до сих пор».

Сильнее двинулись вперед достижения людей, не тратящих больше сил на согревание своей земли. В области искусств, науки, философии достигли они многого, и тогда как бы устали люди, потеряв часть интереса к жизни, борьба за которую свелась к пяти минутам легкой работы на машинах в течение суток. Скучают люди, все течения своей жизни исчерпавшие, все изведавшие, кроме того, что зло другим причиняет, ибо непобедимо было их отвращение ко злу. И стали говорить люди, что надо изменить жизнь. Напрягают все усилия своего ума люди, и до одной минуты сводят они свой рабочий день. Удастся им изобрести приборы, улавливающие то из существующего, что не удавалось им ранее. Нашли они возможность производить лучи сверх и сверххладя... И все же тоска все глубже и глубже охватывала сердца их.

Улетели на короткое время двенадцать Сатлов с земли и снова сидят за громадным круглым столом, беседуя. Говорит один и все согласны с ним, ибо он общую мысль отражает: «Надо, чтобы люди решили опроститься. Пусть уйдут они в леса и пустыни земли. Пусть бросят свою высокую культуру, оставив дежурных для того, чтобы они не давали ей разрушаться. А сами пусть заживут жизнью, близкой к жизни животных, и пусть постараются поднять мир животных, с которыми встретятся, до более высокого уровня. Они снова будут другим приносить пользу и, таким образом, найдут для себя новый смысл жизни».

Опять на земле Сатлы, а люди, среди которых уже появились проповедники массового самоубийства, прислушиваются к проповеди учеников Сатлов и, бросив свои роскошные жилища и высококультурную жизнь, массами отправляются в леса и поля, начинают жить упрощенной жизнью и стараются более или менее близко познакомиться с животными, птицами и насекомыми, чтобы поднять их умственный и нравственный уровень. Кое-чего люди добиваются в этом отношении, как будто приближаются животные к людям по пониманию своему...

Но не долго удовлетворялись люди такой жизнью. Снова скука охватила людей. И снова громадное большинство человеческого рода начало думать о самоубийстве.

Снова собираются вокруг круглого стола Сатлы и снова думают, как помочь людям. Говорит один из них, мысли всех отражая: «Одно остается – надо людям этим больше чувств дать, чем они имеют, для того, чтобы открылись перед ними те неизвестные им стороны бытия, которые дадут им новые ощущения и заинтересуют их в продолжении земной жизни». Согласились Сатлы и говорят: «Хорошо. Сколько отдадим людям чувств наших?» Говорит первый: «Отдадим им двадцать одно нам присущее чувство, у нас много останется, а для них этот дар надолго неисчерпаемым богатством станет». Говорит другой Сатл: «Отдадим сорок два наших чувства, с нас и оставшихся хватит». И так каждый из них предлагал отдать людям все большее и большее количество чувств, духам присущих.

Снова говорит первый: «Жертвовать – так полной чашей. Отдадим им все наши чувства, а себе оставим пять чувств». Все согласились.

Опять на земле Сатлы. Видят они, что ходят по земле духи Смерти, и умоляют их люди дать им смерть. Но ждут чего-то духи Смерти и спрашивают Сатлов, что те собираются делать. Узнав, что они решили отдать людям свое великое достояние, улетели с земли призванные людьми духи Смерти.

А Сатлы отдали людям свое великое достояние, и пока каждый из людей не получил 256 чувств Сатлов, не уменьшилось у Сатлов число чувств, им присущих. А когда каждый из людей получил 256 чувств и развернулось перед ним великое разнообразие до сих пор казавшейся скучной жизни, крепко привязались они к ней. И только двенадцать человек, бывшие когда-то Сатлами, высокими духами, бродили по земле, производя на людей, ставших Сатлами, впечатление жалких созданий, обладавших только пятью чувствами.

Глубоко несчастными чувствовали себя бывшие Сатлы. Они избегали тех, кого облагодетельствовали и удалились на необитаемый остров.

Вдруг слышали тихие музыкальные гармонические звуки, слышали, как бы шелест крыльев невидимых, тихое успокаивающее пение доносилось до них. Все мощнее, все сильнее начали они чувствовать себя... И вот у них столько же чувств, сколько ранее было, когда они Сатлами были. Но не остановился на этом их подъем. Все новые и новые чувства становятся им доступными, и двенадцать Сатлов стали полны тихой гармонии, величавого спокойствия и спокойной радости Сверхдухов.

83. САТЛЫ-МОЛНИИ

Рассказывал как-то в кругу собравшихся Сатл-великан:

«Долго неслись мы в пустоте, но постоянно убеждали нас духи Фантазии стремиться все дальше и дальше, говоря, что невероятно прекрасный мир откроется пе-

ред нами, шепча, что мы нужны будем в новом мире прекрасном... И вот заблестело вдали за пределами пустот что-то, бесконечность напоминающее. Еще одно усилие – мы на земле, чуть ли не четверть всей бесконечности занимающей. Земля эта гигантская походит на плоский сосуд, с резко поднимающимся краем, под сенью которого вечный неподвижный холод. Над центром чаши-земли высоко-высоко сияло солнце и, благодаря вогнутости земли, всю ее поверхность равномерно нагревали лучи солнца. Как роскошный сад цвела земля. Миллионы прекраснейших растений и цветов покрывали ее роскошными коврами, и только в местах поселений обитателей планеты не было растительности, пересаженной в те места, где не предполагалось строить здания и проводить дороги.

Города и отдельные жилища жителей этой планеты представляли собой разнообразные постройки, из которых типичными были высокие, до пятисот этажей здания, причем каждый этаж являлся отдельной квартирой. Громадные окна, почти во всю стену, задерживались, когда это было желательным, плотными занавесами, закрывались ставнями, в которых прорезаны были изображения звезд, месяцев, комет и других небесных светил других бесконечностей, и разноцветными, похожими на стекла пластинками были покрыты эти изображения. Другие здания представляли собой двухэтажные постройки, и полом нижнего этажа была в них, покрытая прекрасными живыми цветами земля, по которой были проложены многочисленные тропинки. Крышей верхнего этажа была платформа, на которой было вырезано то же, что и на ставнях домов.

На прекрасных летательных аппаратах влетали жители домов в окна своих жилищ или пользовались для этой цели крыльями, запас каковых имелся при нижних этажах. Кроме того, все этажи соединялись между собой лестницами, которые соединяли балконы, идущие вокруг каждого этажа.

На высоком уровне стояли на этой земле техника и наука, более чем на двадцать тысячелетий опередившие науку и технику земель, зелеными и желтыми солнцами озаряемых.

Очень простой для тех, кто не хотел думать, и высокосложной для думающих была религия обитателей этой планеты. Существует не в человеческом понимании этого слова Божество, и всем людям и животным дано подняться к нему, чтобы опять более просветленными отойти от него. Жизнь вечна для бездушной материи, как бы она ни изменялась, тем более вечна она для духа, с человеком связанного. Искусство стояло на большой высоте. Эти люди умели выделывать автоматы, чрезвычайно похожие на людей. Автоматы эти обслуживали людей, исполняя разнообразные работы, нередко очень сложные. Автоматы, которым придавали форму людей, были носителями силы, которая утрачивалась ими во время поломок. Они настолько походили на людей, что у людей не очень умных появлялась мысль, что эти автоматы – по существу те же люди, а люди – своеобразные, могущие самопроизвольно размножаться автоматы.

Но бывали эпохи, когда точно эпидемии охватывали жителей этой планеты. Многие из них начинали говорить тогда, что духи правдивой фантазии принесли им вести о высоких духах, называемых дномами, даргаллами и так далее.

Что-то вроде выработки продуктов замечалось в этой стране, хотя много чаще все от начала до конца делали автоматы, даже автоматов делали автоматы. Труд по налаживанию автоматов не считали трудом, а чем-то близким к игре-спорту. Высоко ценилось в стране тяготение к умственным занятиям. Чем меньше требовалось мускульной силы при занятиях, чем больше требовалось усилий умственных, тем охотнее занимались таким трудом люди и на физические упражнения смотрели как на необходимую для здоровья гимнастику. Мало было физического труда и много внимания отдавали люди любви, тем более, что они легко и безболезненно омолаживались каждый раз, когда замечали признаки усталости или приближение старости.

Омолаживание производилось путем чего-то похожего на гипнотическое внушение, и во время сна, похожего на гипнотический, микрофаги пожирали в организме ненужную соединительную ткань и не трогали нужных тканей, и хорошо пита-

лись во время этого сна устаревшие ткани, снова становясь молодыми и крепкими. А мозговая ткань не старела и оставалась вечно молодой. Любовь вспыхивала между мужчиной и женщиной неожиданно быстро и всецело и крепко охватывала людей. Они почти всегда были вместе и не расставались. Им нельзя было разлучаться хотя бы на день, иначе они забывали, что любят друг друга, и встречались друг с другом уже как чужие. Если один из влюбленных хотел расстаться со своим супругом или своей супругой, он, уйдя из дома, не возвращался домой в течение десяти часов, уходя в далекую часть города, где гулял по Аллеям Разлуки. Если через десять часов разлуки муж и жена встречались, они смотрели друг на друга, как чужие, и только в редких случаях сходились в брачном союзе.

Люди этой земли умирали совсем не так, как обитатели других земель. Как мы уже говорили, они омолаживались, становились совсем иными: пятидесятилетние, например, получали омоложенные тела, подобные телам шестнадцатилетних. Это и называлось смертью телесной, и другой смерти эти люди не знали. Так они жили, а если кому-либо казалось, что он достиг всего, чего мог достигнуть, если ему казалось, что он скучает от жизни, такой человек уезжал в одно из пустынных мест, где сотнями лет не видел людей, приезжая к ним и призывая их только тогда, когда хотел обновить стареющее тело. И такой пустынный, додумавшись до чего-нибудь, что казалось ему интересным и важным, учителем или проповедником возвращался в мир и проповедовал свое учение. Поэтому на этой планете тысячи философских систем излагались разными учеными, и каждая из них заинтересовывала то одну, то другую группу населения...

Ходят Сатлы по этой земле, присматриваются к жизни ее обитателей и не знают, что делать. Неужели идти на помощь покинутым супругам для того, чтобы для них легче протекли те немногие часы разлуки, в течение которых они чувствовали себя покинутыми? Но ведь вовсе не несчастными были покинутые люди. Неужели бессмысленным был прилет Сатлов?

Но недолго присматривались они к жизни земли, которую считали жизнью замирающей, лишенной борьбы и интересов. Внезапно безотчетная тревога охватила ее жителей. Тревогой были охвачены и Сатлы. Как будто кто-то приказывал им и людям сделать то или иное, совершенно не считаясь с теми, кому давались приказания. Сопротивляющимся казалось, что их пытаются и бьют, а иногда их действительно схватывали такие же, как они, люди и мучили.

Впрочем Сатлы легко нашли защиту. Они поняли, что на них нападают злые невидимые джины, и каждый раз запаяв осмелившихся нападать на них духов в медные кувшины, бросали эти кувшины в море. Догадались, хотя и не сразу, джины, что по земле ходят какие-то существа, которых нельзя трогать, к которым нельзя прикасаться, с которыми нельзя разговаривать посредством людей, покорившихся джинам. К тому же все покорившиеся люди ненавидели тех, в которых вошли джины, пользовавшиеся телами людей.

Страшно возненавидело человечество одну миллионную часть свою, в которую вошли джины. Все захватили в свое распоряжение джины. Точно из милости давали они людям, людьми же созданное и приготовленное. Учили они людей сами и через учеников своих, что прекрасно жить людям, находясь в полном рабстве у джинов, и в скором времени так выдрессировали значительную часть людей, что те охотно надевали на свои головы желтые колпаки – знак добровольной отдачи себя в рабство джинам. Принципы рабства открыто проповедовались как что-то полезное и прекрасное. Невероятные глупости и пошлости выдавались за высокое учение и, говоря в некоторых случаях о глубокой подлости, люди-джины, величали ее добродетелью, а говоря о прекрасных, тысячелетиями выработанных людьми условиях существования, о достойном человека существовании, называли эти условия «предрасудками негодяев»... Все перепутали они и их слуги в диком хаосе бессмысленных утверждений, опирающихся на нелепейшие учения. Где низость, где добродетель, где глупость, где ум, где черная грязь, где яркий свет, – все это перепуталось в головах бедных людей, и жадно начали сосать у них кровь подлые джины. С невероятной жестокостью уничтожали они им не повинующихся.

Джины набрали себе обширные гаремы из женщин, быстро обращенных ими в самок. Они глубоко оподлили тех, кого захватили в детском возрасте, и грубейшим гипнозом выбили из голов людей представление о всем великом и благородном. Бедные, захваченные детьми и юношами люди были обращены ими в стада полу-свиней, полу-людей. Разговорами, подлой литературой, примерами было создано такое настроение, что люди мало чем стали отличаться от глупых обезьян, жадно стремящихся к смешанному сожительству полов. И весь этот строй держался диким инквизиционным террором, освящаемым лживым и нелепым пустозвонством.

Первое время Сатлы растерялись. Перебить, уничтожить этих негодяев? Но это значило бы подражать им, делать то, что они сами постоянно делали, стать такими же гадами, как эти примитивные насильники. Поднять против них восстание? Но прежде, чем победят восставшие, джины выпьют озера крови, усмиряя восстание, оподлят бесконечное число людей, сделав их убийцами беззащитных. Бросить джинов в Ничто все поглощающее? Но кто согласится предавать их такой сверхсмертной казни, когда все Сатлы против простейшей смертной казни всегда и везде были? Противна, невыразимо противна такая борьба...

Высоко над солнцем блестящим собрались Сатлы и совещаются. «Не дать ли нам бой джинам? Но ведь если мы уничтожим всех прибывших, новые их места займут. Перевоспитать людей? Сделать их неспособными подчиняться джинам? Да. Но едва ли не мирны лет пройдут прежде, чем мы дождемся хотя бы слабого успеха. Одно остается: позовем духа Великой Любви и Жалости...».

Эон Великий с его сверхокеаном доброты и жалости появился на призыв Сатлов, но как ни мощна, как ни прекрасна была Его проповедь, она меньше, чем на других землях, имела успех, и остерегались джины пролить Его кровь жертвенную. Исчез Эон Великий с земли, на которой так недолго был Он, исчез, так как она не приняла Его жертвы. Но много раз на вечерних собраниях совещались с Ним Сатлы и не согласились на Его предложение погибнуть, бросив семена добрые в души людские.

«Мы понимаем Твое предложение и его величие, – говорили они, – но, смотря, лишены света учения Твоего те земли, на которых Твои братья учили. Жестокосердый род людской не поддается ни молитве, ни посту, ни жертве. Конечно, не бесплодны жертвы и молитвы ваши, благодаря им лучше становится человечество. Но мы не хотим ждать. Прости и оставь нас! Для нас непосильно чистое учение Твое, и не можем мы так на страдание смотреть, как Ты смотришь; не хотим мы, чтобы люди страдали и провозглашаем учение наше: не надо страдания людей для того, чтобы спаслись люди. Но мы, духи, можем страдать для того, чтобы спаслись люди».

Долго совещались Сатлы после того, как ушел от них Эон Великий, передавший им свою непреклонную волю спасти людей и обещавший в другом аспекте явиться, если им не удастся взятая ими на плечи тяжелая задача. И вот говорит один из Сатлов, все сказанное резюмируя: «Ничего не можем сделать мы стараясь в нашем аспекте. Мы не можем прогнать зло и горе несущих джинов, так как в какое бы существо мы ни обращались, как бы ни были отвратительны те, с кем мы вступаем в борьбу, нас охватывает жалость каждый раз, когда мы боремся, хотя и с отвратительными насильниками. Вот и теперь: выловили джины кувшины из океана, те, в которых были заключены их друзья, и снова издеваются над людьми, постоянно осуждая в других то, что сами делают. Мы уже решили, что против них нельзя поднять восстание. Что же делать для того, чтобы избавиться от их угнетения? Ведь мы неспособны на жестокость, а без нее нельзя справиться с этими безобразниками. А разве надо справиться с ними? Разве нельзя оставить их идти их путем, а самим своим путем идти? Нельзя, жалко людей. Недостойно нас уступать темной силе, тупой и свирепой, подлой и глупой. Но если мы не можем бороться с ними, если мы не знаем никого, кто мог бы бороться с ними, то остается только одно: нам самим превратиться в такую силу, которая могла бы уничтожить злодеев и насильников, и никогда бы не раскаялась в сделанном и ни на минуту не отступила бы от своей работы». – «Ты что-то страшное говоришь. Неужели мы должны стать немыслищей материей, и к тому же, материей, джинов уничтожающей?» – «Да, нет другого пути. Все согласны?»

– «Да, все». – «Но знайте: если мы проделаем обратный путь от духа к материи через распад на электроны и атомы, а потом через превращение их в электроны и атомы самой материи, нам, отказавшимся от права первородства, не будет возврата, мы останемся без духовной материи навсегда. Так говорят нам силы высокие и так будет».

«Да будет так!» – ответили Сатлы и обратились в колесницы, из молний построенные, со стоящими на них из молний сотканными вооруженными возницами-воинами, которые убивали джинов, испепеляя их и далеко за пределы бесконечности выбрасывая пепел их. А иногда не имеющие духовного ядра молнии гнали джинов из пределов бесконечности, обжигая их огнем своим. И все джины исчезли.

Остались люди, джинами испорченные и джинами не испорченные. Отлетели к солнцу, но не достигли его молнии, сознания лишенные. Исчезли Сатлы. Но вот на землях появились существа, похожие на богов, как их люди представляли. Сразу же начали они искать Сатлов и узнали, что они в молнии превратились. И решили они вернуть Сатлам их силу и блеск. Трое из них на земле остались и помогли человечеству перейти в лучшие обитатели, новыми высокими чувствами людей одарив. И когда после тысячелетий жизни, в течение которых люди исправились и все нашептывания джинов исчезнувших забыли, перенесли их вновь явившиеся в новую бесконечность. А поднявшись к Сатлам, увидели молнии бессмысленные, ибо, выполнив задачу свою, неосмысленной материей стали Сатлы. Старались Эоны возратить им утраченное, ими в жертву принесенное духовное начало. Но все эти попытки были тщетны. Горько заплакали Эоны, и подали слезы их на молнии неподвижные. Едва падала такая слеза на молнию, она в Сатла превращалась. И за веселым пиром, за круглым столом собрались Сатлы, пригласив на пир и Эонов. Но в середине пира вспомнили Сатлы, что они выбросили далеко испепеленных и обожженных джинов. Покинули они пир и принесли джинов на землю покинутую, помогли их пепел в тела превратить, их уголь телами сделать, и стали жить джины на земле покинутой, поняв, что не получилось для них добра от попытки зло сотворить; поняв, что без такого зла они гораздо скорее высот достигли бы и не ушли бы, хотя и на время, в низы.

Сатлы возобновили свой прерванный пир веселый, а Эоны побыв немного с ними, ушли на землю, джинам помогать подниматься.

Кончил свой рассказ Сатл-великан, и его спросили: «Не был ли и ты в числе в молнии превращенных?» И ответил Сатл-великан: «Да, был. А сюда пришел рассказать вам то, что вы слышали, и звать вас с собой туда, где находятся бесконечности, о которых никто из известных нам не слышал».

84. СИРАРЕНА

За круглым столом собрались двенадцать рыцарей, и один из них рассказал о том, что узнал в походе: «Это была не равнина, ибо через каждые сорок ор, который равняется почти сажени, она пересекается широкими и глубокими ущельями. Иногда встречаются более широкие и длинные площадки. На этих площадках, в своеобразных жилищах живут похожие на людей существа – сирарены. На дне оврагов нельзя жить: там слишком густая атмосфера, плотность которой равняется половине плотности воды. Спускаясь почти отвесно, склоны обитаемых сираренами площадок сходятся на глубине 40100 ларс (ларса – мера, равная росту человека), и образуют гигантские воронки, на дне которых имеются площадки, приблизительно в полквadrатного аршина каждая.

Обитатели этих небольших плоскогорий живут в помещениях, напоминающих по внешнему виду храмы готического стиля, встречающиеся на землях изумрудного цвета. Но эти дома построены из камней, блистающих как алмазы, хорошо ограненных, и на крышах этих домов были устроены небольшие площадки. Красивые ажурные мосты соединяли между собой вершины гор, и по этим мостам развозились по жилищам необходимые изделия и пищевые продукты, приготовляемые жителями

из земли, воды и воздуха. Кое-где были настланы между площадками полы из металла, в изобилии добываемого из рвов описанной страны. Таким образом получались большие искусственные площадки. На этих площадках сирарены давно уже построили фабрики, приготовляющие разные изделия и припасы, которые и распределялись между жителями страны. Излишки изделий складывались в особо приспособленные гигантские воронки, о которых была уже речь.

По некоторым из оврагов текла жидкость, похожая на воду, но более густая, чем вода земли изумрудного цвета. Сирарены не только ходили, но и летали на искусственных крыльях, которые давно уже заменили у них неуклюжие аэропланы. Люди этой страны не умирали, но когда-то, мирны лет тому назад, они исчезали, надев особо сильные крылья могучего механизма, поднявшись вверх с площадок-крыш своих домов. Многие из них не возвращались, но еще большее число улетавших тихо опускалось на землю, и когда их спрашивали, почему они вернулись, отвечали, что им помешали подняться так высоко, как они хотели, какие-то странные и сильные существа, находящиеся за потоком ледяной воды, высоко-высоко над землей протекающей.

Пройдя через поток воды ледяной, сирарены встречались с этими, в верхах сущими, и последние, постоянно о чем-то думая, изживали свою, малопонятную для прилетавших к ним жизнь. Но столько же, если не больше, жили они, переживая в мышлении свою старую жизнь. Через громадные, но для них быстро пролетающие промежутки времени, они начинали понимать, как надо было жить на земле сираренов, откуда они когда-то ушли, и на новой родине, где вторым рождением как бы рождались они. Они понимали, что чрезвычайно быстро летело у них время, говорили, что «время у нас украдено», так что непонятно было радовались они или печалились, говоря о потере времени. Эти существа, говорившие, что и они были когда-то сираренами, не пропускали подняться выше явившихся к ним сираренов и настойчиво советовали им возвратиться в низы и жить возможно более совершенной умственной жизнью. Они говорили, что к сираренам земли придут или прилетят некие могучие духи, и что с ними легче и скорее поднимутся сирарены в верха несказанные.

«Такова наша религия», – говорили одни сирарены, «или суеверие», – добавляли другие, но никто уже не хотел в верха подняться.

Духи Фантазии принесли Сатлам весть об этой странной земле, и двенадцать Сатлов полетели на землю сираренов, желая узнать, где находятся потерявшие время и желая помочь тем, кто хотел бы, но не смеет подняться.

Так двенадцать похожих на сираренов людей появились на отдаленном от населения плоскогорье и постепенно познакомились со многими жителями страны. С тех пор, как сирарены перестали подниматься вверх, здесь перестали рождаться дети. После немногих проведенных на земле сираренов лет, Сатлы кликнули клич, предлагая желающим подняться вместе с ними и обещая вернуться вместе с ними назад для того, чтобы уведомить оставшихся о том, что будет познано поднявшимся. Только четверо сираренов решились на полет, все же остальные отказались.

Высоко поднялись в верха три Сатла и четыре сирарена и встретили поток ледяной, пробив проход в котором, очутились в мире сущих в верхах. Те отказались пропустить далее поднявшихся и предложили им или остаться с ними, или назад отправиться. Но Сатлы опоясали себя и сираренов огненными сферами и легко прошли через полчища в верхах сущих. Снова встретили они препятствие: толстый, бесконечно тянущийся слой льда пересек им дорогу. Путешественники пробили толщу льда и очутились в обителях Неведомых. Не слышали Неведомые слов, не имели ощущений вкуса, осязания и обоняния, только тускло, бескрасочно видели они окружающий их мир. Но Сатлы поняли, что эти существа, жившие когда-то на земле, а потом в обителях, сущих в верхах, имеют больше чувств, чем утерянные ими. Двенадцать новых чувств имеют они и своими очами могут видеть все, что захотят увидеть. Понимают Сатлы, какими чувствами владеют эти существа, и видят, что высоко живущие обладают способностью жить в далеких мирах почти что реально, то

есть от реальной ничем не отличающейся жизнью, а тела их оставались в их же мире и казались погруженными в сон.

«Где сон? Где явь?» – с трудом разбирались на верхах высоких жившие и нередко тосковали, ожидая новой жизни в обителях светлых Редов. Шестьсот раз в течение того времени, которое году земли изумрудной равняется, прилетал к ним светлый Ред и уводил с собой в свой прекрасный мир двенадцать на верхах высоких живших. Их место занимали другие двенадцать, ниже слоя льда живших. А так как двенадцать мирн сущих на верхах высоких насчитывалось, то бесконечно далеким казалось продвижение в обители Редов для всех, в верхах высоких живших.

Говорили Сатлы: «Зачем отказываетесь вы от реальной жизни, зачем тратите вы время на жизнь, в снах проявляющуюся, на жизнь ирреальную?» Отвечают им на верхах высоких живущие: «Не все ли равно, реальна или ирреальна жизнь живущих? Вы были бы правы, если бы могли указать на какое-либо дело, которое надо было бы нам в жизни реальной делать и какое мы не могли бы делать в жизни ирреальной. Но так как ни в той, ни в другой жизни у нас нет иного дела, кроме жизни самой, то не все ли равно, реальной или ирреальной жизнью живем мы?» – «Вы всего достигли в жизни вашей? Вы все равно счастливы или равно несчастны?» – спрашивают Сатлы. – «Не понимаем, – слышится ответ. – Не знаем, что значит быть счастливыми или несчастными. Не знаем, что надо делать, чтобы скорее и в большем числе в стране Редов очутится».

Замолкли Сатлы, тем более, что прилетел Ред и стал собирать двенадцать на верхах высоких живущих, и обратились к нему Сатлы с вопросом, почему так мало берет он с собой, и слышат ответ: «Я не в силах перенести большее число их». – «Почему не пригласишь на помощь других Редов?» – «Да потому, что нас не хватает для более широкого обслуживания громадного числа обителей». – «Мы поможем тебе», – говорят Сатлы.

В течение года шестьсот раз Ред и Сатлы могучие переносили в прекрасный мир живущих в верхах сущих, которые поднимались на место ушедших. Уведенные Сатлами остановились на краях громадной пропасти и, давно ждать привыкшие, ждали. А Ред, звезда ясная, неустанно переносил других через пустоту пустот.

Последние из живущих в верхах перенесены были к пустоте пустот, мир Редов отделяющей, и увидели Сатлы, что долго придется Редам переносить собранных. Тогда они как-бы мост из своих тел сделали, перекинув его через пропасть, и перешли в обители Редов все, на краю пустоты пустот собравшиеся. Раздвинулись перед перешедшими пустоту-пропасть ряды спокойных, с головы до ног вооруженных Редов, зорко вглядывавшихся в даль и кого-то поджидавших. Они окружили Сатлов и просили их остаться недолгое время на границе вместе с ними, так как несутся на них враждебные полчища, желающие помешать проникновению в обители Редов тех, которые были приведены Сатлами.

Проводники-Реды увели поднявшихся в обители знанием блистающих, а Сатлы встали впереди стоящих на страже и на глазах всех превратились в Сатлов-гигантов, ибо из этого рода они были.

Но вот вдали, из пустоты пустот показались темные пятна, и скоро стали видны зарницами озаренные великаны надменные, тьму с собой несущие, и черные, как вечная ночь, черные Реды. Остановилось все это воинство, увидев троих Сатлов. «Почему вы здесь? Мы не хотим воевать с вами!» – кричат им герольды нападающих. – «Мы тоже не хотим, не вынуждайте нас», – отвечают Сатлы, и назад поворачивается темное воинство, смеясь над Редами и прославляя Сатлов.

А знанием блистающие встретили к ним явившихся, говоря: «Придите во имя Света Тихого, вы, в низах страдавшие!» – «Вы братья наши, – говорят другие, – примите наш подарок: да будет и у вас 16 чувств, и будьте равны нам в светлом мире нашем: он же и ваш отныне». – «Мы не вернемся назад? В вашем мире прекрасном останемся? Как и чем спасены мы?» – спрашивают вновь прибывшие. Светом ровным сияя отвечают им Реды: «Вы хотели быть у нас, а сильное желание исполняется. Спали с вас цепи, которые мешали вам к нам продвинуться, идите в какую хотите из

обитателей наших». Разошлись поднявшиеся по безграничным обителям Редов, а небольшая часть их была принята в ряды вооруженных стражей.

На землю сираренов вернулись три Сатла и четыре с ними бывших сирарена. Не тихим разговором, а громовым раскатом загремела в низах проповедь вернувшихся. Они учили, что в мирах и веках существует закон возмездия, что чем больше зла делал сирарен, тем труднее и медленнее изживаются злые деяния в мирах иных, что в мирах этих мучиться будут кошмарными воспоминаниями зло делавшие. Они говорили, что долго мучились в высотах сущие прежде, чем относительно спокойной жизни достигли все, в высотах существовавшие. Сатлы и четверо сираренов учили сираренов новым заповедям, и вот десять из них:

1-я заповедь сираренов: «Если Бог есть (а Он есть), сирарен не может дать Ему определения. По своей сущности Бог настолько непостижим для сирарена, что является для него прежде всего не-сущим, ибо нет Ему подобия среди сущих».

2-я заповедь: «Бог пантеистов – не Бог, а природа; боги язычников – это плохие или хорошие люди, или животные, или воплощенные идеи. Бог непознаваем, только хилядная часть Его тени как-то влияет на сираренов, да и то только тогда, когда Он велит осенить их частицей Своей тени».

3-я заповедь: «Не довольствуйся достигнутым – ищи большего. Пока живешь здесь, наслаждайся жизнью, не делая другим зла. Пусть эти наслаждения не мешают делать тебе добро».

4-я заповедь: «Не обижай других и создай такой общественный строй, чтобы у живущих не осталось бы стимула грешить, то есть, зло делать».

5-я заповедь сираренов: «Три дня делай дела свои и радостям жизни предавайся. День же четвертый отдавай на служение ближним своим, помня, что все сирарены и все, что одушевлено, – твои близкие».

6-я заповедь: «Будь безгранично терпим ко всем и каждому, но борись с тем, кто злое делает, пока он делает его. Победенному не мсти ни наказанием, ни презрением».

7-я заповедь: «Если встретишь зло делающего, помешай ему зло делать, хотя бы для этого к силе пришлось прибегнуть. Но не прибегай к силе, если в данный момент зло не причиняется».

8-я заповедь сираренов: «Не только не обижай никого, но старайся каждому сделать приятное для него и безвредное и полезное для других».

9-я заповедь сираренов: «Стремись к высотам, но знай, что подражать надо не всему, что там имеется, ибо не может обитатель воды подражать жизни обитателя воздуха».

10-я заповедь: «Помни, что свет познания может сиять в любом из миров, и чем ярче сияет он для тебя, тем лучше. Поэтому старайся, чтобы разгорался твой свет».

Не имела успеха проповедь возвратившихся, хотя они и говорили, что выполнение этих заповедей позволит сираренам прямо войти в обители Редов. За время их отсутствия сирарены несколько изменили свою жизнь. Они не довольствовались прежним однообразием семейной жизни, и теперь то муж оставлял жену, то жена оставляла мужа, и разошедшиеся тотчас же находили себе новую жену или нового мужа. Сирарены, не знавшие материальной нужды, не знали и пресыщения жизнью, так как постоянно меняли свои жилища, меняли своих жен, а жены мужей. В недоумении ходили Сатлы среди довольных своей жизнью сираренов и после многих соображений нашли способ поднять сираренов над той жизнью, которую за лучшую считали последние.

Хотя никто из сираренов не хотел в верха подняться, отказавшись от прежней жизни, темные Реды рассказали редоподобным белым вярм о том, что они видели у бывших сираренов. Вярм нашли возможность явиться в страну сираренов. Они стали напештывать злые мысли, а злые мысли в злые дела превратились: ибо вспыхнуло ранее незнакомое сираренам чувство ревности к своим женам и мужьям. Появился на земле сираренов грех ревности со всеми его последствиями... Хотели Сатлы выбросить вярм из мира сираренов, но воздержались, так как грехи заставляли

людей мечтать о светлых обителях Редов, а Сатлы получили возможность призвать на землю сираренов духов Смерти. Скоро все сирарены ушли из своего мира в мир Редов. Ибо невольными были признаны и прощены им грехи, по наущению вяр содеянные, ибо оплакали свои грехи сирарены, которые совершили их.

85. СОВЕТ 54-х

В собрании рыцарей было рассказано одним из присутствующих следующее.

Не только наш стол, но много других круглых столов знали рыцарей и не рыцарей. Однажды собралось за ним восемнадцать, пришедших из разных концов земли, а за спиной каждого из них стояло еще по два других, отказавшихся сесть за один стол с прибывшими.

Прибывшие были богословами, а съехались они потолковать о том, возможно ли точно определить понятие Божества, чтобы попытаться создать единую религию вместо множества толков, поскольку Бог Великий – один.

Они решили не укорять друг друга, не обвинять друг друга в невежестве и непонимании, а изложить сущность своего учения о Боге и религии. Было решено, что каждый говорящий может начать свою речь с вежливой критики предшествовавшего оратора, чтобы затем изложить свое кредо. А первый из начавших будет говорить о речи последнего и, если захочет, повторит свою мысль.

1-й: «То, что я вижу, постигаю всеми своими чувствами – то только и есть, и все это вместе взятое является Богом, и нет другого Бога».

2-й: «Не думаю, что слова твои точны, а, следовательно, они не могут быть верными. Ты знаешь далеко не все сущее. Едва ли не каждое десятилетие приносит нам новые знания, и твое представление о Боге должно поэтому постоянно меняться. Следовательно, ты никогда не дашь Богу точного определения, которое только и достоин Его. К тому же, не о Боге ты говоришь, а о том, что воспринимается твоими чувствами. Бог же далек, и твои чувства, улавливающие только ближайшее к тебе, ничего не дадут тебе сказать о Нем, ибо они не воспринимают Его. Что же касается моего учения, то мы можем сказать о Боге, что Он все создал в том смысле, что Он рассыпался на бесчисленное число больших и маленьких и мельчайших существ и живет в них... Где жизнь – там и частица Бога».

3-й: «Мое учение совпадает с критикой предыдущего. Бог, все создавший, не существует, ибо Он рассыпался на электроны».

4-й: «Напрасно смешиваешь ты Бога с тем, что принято называть электронами. Бог – не электрон и не совокупность электронов. Он – создатель электронов, то или иное количество которых образует живые существа и мертвую материю, то есть все, что мы видим на земле».

5-й: «Только что сказанное – не истина, даже не часть истины, ибо истина не дробима. Заключается же она в том, что всякая материя распадается на клеточки, на молекулы, на атомы, на электроны. Но рядом с последними находятся электроны не материи, а духа, и в некоторых случаях последние переплетаются с первыми и поднимаются выше, проникая атомы, молекулы, клеточки тела, и тогда мы имеем перед собой мир органический. Но это далеко не все. Электроны духа поднимаются выше и выше совсем в другом направлении, создавая атомы, чистому духу присущие, а затем создавая молекулы, клеточки и тела духов. Но вне этих рядов Бог».

6-й: «Ты, в сущности, отказался определить Бога. Ты говорил опять-таки о Его творчестве, как Его понимают люди не высокой, не более трех тысячелетий существовавшей культуры. Я, пожалуй, скажу, что такое Бог: суть – животные, а Он не животное. Если ты отделяешь людей от животных и от духов, придется сказать, что Он не принадлежит к числу духов-людей. Если ты понимаешь, что имеются духи – Он не дух, как бы высоко ты ни ставил Его в ряду духов. И он по лестнице не выше животных, людей, духов. Он – в стороне от них. Но Он волит руководить людьми и руководит ими, делая их добродетельными».

7-й: «Добродетельными делает людей не Он, а та часть Его, которую глупцы Его Сыном назвали. Как будто у Него один Сын, а не множество старших, средних, младших...»

8-й: «Ты говоришь ересь. У Него один Сын, да и тот во всем подобен Отцу, когда хочет быть подобным, когда не превращается в свое творение».

9-й: «Это нелепо! Для чего я буду превращаться в свое творчество? Никогда Бог не сходил на землю, если не говорить о том, что на землях появилось то, что жизнью и разумом называется и что является слабым отражением Божественного Духа».

10-й: «Вы опять сбились, забыв о Боге. Самый грубый язычник, падающий ниц перед идолом, которого по неведению называет «богом», ближе к Богу, чем вы, занявшие места пастырей народов. Все ваши представления о Боге, изображающие Его то духом, то животным, то материей, – детский лепет. Бог – это идея, озаряющая своим величавым светом сущих на землях и в других мирах».

11-й: «Да, конечно. Но ведь дело не в том, чтобы дать Богу новое название, будь это «Бог», «Идея», «Символ» и так далее. Надо найти Ему определение или разойтись с горем и отчаянием».

12-й: «Только нео-пантеизм стоит чего-нибудь. Бог – во всем, что мы познаем, и Он также во всем, что мы познать не можем. В самой своей глубокой сущности Бог непознаваем».

13-й: «Какой же смысл говорить о непознаваемом? Ангелы тоже непознаваемы. Неплохо изложена идея Бога и Его сущность у древних евреев, ничего общего даже с точки зрения происхождения не имеющих с современными евреями. Вспомните Библию: «Сказал Бог: да будет Свет». Вот это Слово и было Богом! Об этом же сказано и у Иоанна: «В начале было Слово». Вот это-то «Слово» (т.е. творческая сила) и было Богом».

14-й: «Мало. Неполно определение. Бог не только Слово или Творческая Сила, но и сила, назад идущая, возвращающаяся к Нему, в процессе бытия очищенная. И это не все. Нечто бесконечное надо прибавить к данному определению, для того, чтобы определить Бога».

15-й: «Я согласен, что Он проявляется и как творческая сила и как любая из непонятных нам сил. Но ведь и я проявляюсь в том, что обедаю. Но нельзя определить меня на основании этого. Мы никогда не закончим, перечисляя свойства Бога, ибо нет конца этим свойствам, и мы не знаем многих из них. Надо ограничиться каким-либо одним свойством, самым высоким, самым красивым и самым глубоким. Это свойство – справедливость, никогда не карающая, не оставляющая жить на низах того, кто не хотел в верха подняться и любил валяться в грязи. Это справедливость, которая в верха поднимает тех, кто в верха рвался, и поднимает так высоко, как никто не может себе представить».

16-й: «Ты прав, но ты не договорил. Прибавь: нет справедливости, не связанной с величайшей любовью, с полным всепрощением. А если так, то при чем тут более продолжительная жизнь в низах, о которой ты, как о грязи, говоришь? Трудно нам, отравленным вечной ложью и глупостью, понять, что такое справедливость».

17-й: «При чем тут справедливость? Это слово звучит через чур по-человечески. Скажи лучше – всепрощение – и довольно!»

18-й: «О, нет! Совсем не довольно. В самом прощении подразумевается возможность наказания, а Бог не может наказывать, ибо Он – велик».

1-й: «В каждом определении, которое было дано здесь, хоть немного было о Нем сказано. Было бы интересно другие голоса услышать. Уступим наши места тем, кто, не вмешиваясь в наш разговор, слушали нас».

Все: «Пусть будет так!»

За спиной каждого осталось по одному слушателю, и это были Саны, а остальные восемнадцать сели рядом с прибывшими и решили, что один из трех, вновь вошедших в круг, говорить будет, всего же шестеро выскажутся.

Говорят первые трое, говорят одновременно, одинаково повышая и понижая голоса слитные: «Трудно сказать для присутствующих что-либо интересное. Наш язык

в значительной части чуждый им язык и чуждые им понятия выражает. На их же языке можем сказать немного: Он отличен от своего творения. Он не живет в своих творениях, как человек не живет в лучших своих произведениях. Где жизнь или то, что люди жизнью называют, там жизнь и теплится или горит, но не в этой жизни и не в этих жизнях Бог. Бог непознаваем. Если бы Его пытались познать сущее, то это сущее может познать только ничтожнейшее проявление Его».

Говорят вторые трое, говорят одновременно, одинаково понижая и повышая голоса слитные: «Разумею, Его нельзя понять. Его можно понять только делами особаго рода, т.е. такими делами, которые доставляют людям только удовольствие (тень радости высокой); делами, которые мешают людям неудовольствие причинять, и сами люди неудовольствия не причиняют. Таким деянием и таким не-деянием постигается Он».

Говорят третьи трое, одинаково повышая и понижая голоса слитные: «Если ты прибежешь ко злу, борясь с худшим злом, и делаешь это зло до тех пор, пока не прекращается зло нападающее, ты удаляешься от познания Бога, хотя то, что надо, делаешь, ибо если Ты, видя зло, причиняемое злым деянием, злом-насилием его не прекращаешь (не имея возможности прекратить его добрым деянием), ты еще более удаляешься от познания Бога. В последнем случае ты должен с отвращением делать зло и перестать его делать, раз помешал проявляться злу, которое заметил».

Говорят четвертые трое, одинаково повышая и понижая голоса слитные: «Если ты хочешь познать отблеск Божественной воли, откажись от частной мести, откажись от общественной мести, ибо делающий зло не в защиту против зла в веках и мирах будет отвечать перед самим собою за злое деяние, пока не искупит зла причиненного».

Говорят пятые трое, одинаково повышая и понижая голоса слитные: «Бактерия не может понять человека, так же как человек не может понять духов, так же и духи не могут понять Бога. Он непостижим. До такой степени непостижим нами, что кажется несуществующим».

Говорят шестые трое, одинаково повышая и понижая голоса слитные: «Имеются проявления Бога, и они открываются только тому, кто умеет прощать, не обижая, тому, кто знает всепрощение. Доступно проявление Бога и тому, кто не нуждается в прощении, ибо никого не обидел. Но Бога, даже единого из свойств его, никто и никогда не поймет. Только общие фразы можем мы говорить о Нем – Он неизмеримо совершеннее того, что человек или духи вообразить могут».

Тогда сели за стол последние восемнадцать и сказали: «За всех нас один говорить будет. Слушайте».

«Мы узнали, что даже мы, мощью великой полные, преобразившиеся в более светлых, не понимаем и никогда не поймем Его и не постигнем, что Он есть. Одни говорят, что Он – дух, как и другие духи, но только сильнейший. Другие – что Он во всем, то есть, Он – все. Третьи, что для них Он – ничто, ибо вне нашего понимания и восприятия находится. А мы говорим: Он не сущий, но существует; Он всемогущий, но не хочет мочь. Он нигде для нас и везде для себя. Безгранично далеки мы от Него, но Он всегда рядом с нами...»

Это все, что я запомнил и что могу передать вам о собрании пятидесяти четырех.

86. САТЛЫ И ДУХИ БЕШЕНСТВА

Сатл рассказывал, а семеро из отряда высокого слушали его:

«Вы слышали о духах Бешенства, которых отбросили от себя живущие за нашими границами Светлые как никуда не годную часть свою, и которые были, тем не менее, связаны со Светлыми неразрывными тонкими и крепкими нитями, хотя и невидимы были эти нити. Однажды направили полет свой к духам Бешенства шесть Сатлов и я, седьмой, с ними.

Мы приняли их образ и подобие, но вошли в их странную обитель спокойными и бесстрастными, чуждыми чего-либо похожего на бешенство и злобу. Сначала с недоумением, быстро сменившимся бешенством и злобою, смотрели они, потом бросились на нас. Но мы сделали их безвредными, и они ворчали, что жалеют о нашем отсутствии во время их столкновения с Аррами, когда они мчались на защиту тех обителей, от ворот которых были отбиты Силами.

Мы много разговаривали с ними. Едва загорались они своим бешенством, мы напоминали им, что сильнее их оказались светлые сильные Арры, что и мы несравненно сильнее их и можем позвать на помощь мощную рать нам подобных. Смирялись духи Бешенства и слушали нас. Духовно слепы были эти странные существа. Но они долго жили вместе с существами светлыми и во время тяжелых снов своих нередко видели что-то светлое, манящее их куда-то вдаль. Проснувшись, они рвались в дали высокие и завидовали тем из своих, нити которых были перерублены когда-то Аррами и которые умчались в страну чарн. Мы говорили им об обителях, освещенных лучами солнца мистического, но они не верили, что существуют такие обители, и не чувствовали, что лучи солнца этого дошли до них, что мы прилетели к ним, держась за лучи этого солнца. Мы говорили им о тех гигантских шарах, на которых вода морей солона, как кровь, и внутри которых грохочет огонь неугасимый. Мы говорили им, что над этими шарами лежит сфера, являющаяся внешним дном великой чаши, но всем этим были поверхностно, не глубоко заинтересованы духи Бешенства.

Раз подошел ко мне один из них, и наш разговор слышали много братьев его.

«Скажи, из-за чего ты стараешься?» – спросил он меня. – Разве ты не чужд нам? Разве тебе не скучно с нами? Почему же ты не уходишь от нас? Ведь мы не могли бы помешать тебе уйти?» Я ответил: «Мне приятно быть с вами и разговаривать с вами, так как я думаю, что мои разговоры полезны для меня и для вас, и приятны для тех, кто близок к «Великому». Поэтому (и сами по себе) они и мне приятны. Когда я говорю о том, что высоким знанием является, я на шаг ближе подхожу к «Далекому».

«Кто этот «Великий» и «Высокий суций», о котором ты и твои братья говорите так часто, почти что ничего не говоря о Его свойствах?» – «Его свойства вне нашего понимания, но все мы к Нему идем, и если кто из нас пьет горький напиток плохой жизни, тот сладчайшим напитком, свежим и прекрасным напоен будет и забудет о страданиях, которые претерпел в низших мирах». – «Мало понятна речь твоя, но скажи нам, где Он, Великий?» – «К чему долго искать Его? Он и здесь, Он рядом с любым из нас и со всеми другими рядом. Не ощущаешь Его близости? Бедный! Ты слеп! Хочешь исцелиться? Хочешь ли прозреть?» – «Конечно, хотим!» – говорили они. – «Что надо делать для этого?» – «Надо оставить этот мир и в мир новый перенестись». – «Что скажешь ты нам об этом новом мире?» – «Ничего не скажу: сами увидите, ибо преобразитесь, и очи ваши будут видеть и то, что ныне не видят». – «Мы подождем. Здесь поговорим с тобой», – отвечали мне духи Бешенства.

Совещались друг с другом духи Бешенства. Изредка на помощь к ним приходил я или кто-либо из тех Сатлов, что со мною прилетели. Одни из них говорили, что лететь стоит только тогда, когда в связи с полетом этим исчезнет пошлость, неразрывно с бешенством острым и тихим связанная. Другие говорили, что лететь стоит только тогда, когда в связи с полетом этим будут сброшены покрывала сокровенных тайн. Третьи мечтали встретиться со светом ослепительным и утверждали, что тогда они увидят свои недостатки и сумеют избавиться от них. А еще другие высказывали опасения, что им хуже жить придется, что надо будет ответить за грехи вольные и невольные, что на неизвестное нельзя добровольно менять известное, сколь бы неудовлетворительно оно было. Возникали страстные споры среди духов Бешенства, и ярость охватывала их, и бились они друг с другом тяжелым боем, пока не прилетали Сатлы и не прекращали его. Дрожа от бешенства, грозно сверкая очами расходились ссорившиеся.

Говорили им Сатлы: «Бешенство граничит с отчаянием, и со страхом граничит оно. Было бы хорошо, если бы вы исцелились от него. Нам кажется, что исцелить вас могут только Леги Смерти, и тогда мы с вами полетим в бесконечность далекую, в бесконечность лучшую». – «А кто порвет нити, связывающие нас со Светлыми?» –

«Мы призовем наших братьев-гигантов, и они разорвут их. Когда захотите, мы призовем Легов Смерти и уйдем отсюда». – «Что сделают Леги Смерти?» – «Они оторвут ваш дух от тела вашего, и, как ненужный покров, сбросите вы тела свои». – «А тело куда денется?» – «Что вам за дело до того, что мышления чуждо? Скажу все-таки, что оно частями своими в состав тел других живущих войдет, а частями – материей неорганической станет...»

Боялись неведомого будущего одни духи Бешенства, боялись уничтожения тел и исчезновения духа другие, так как не могли воспринять эту перемену иначе, как полное исчезновение, и стремились к ней третьи, устав от случайных бесплодных порывов.

Образовались среди духов Бешенства группы свободных от страха и колебаний, и входившие в отряды эти понимали, что обет их повелевает смелыми быть. Росла численность этих групп, и одна из них по составу своему многочисленная обратилась к Сатлам с просьбой призвать к ним Сатлов-гигантов и Легов Смерти. Так и произошло.

Умерли духи Бешенства, а за ними все большие группы духов этих покидали свой мир, и каждый из семи Сатлов стал во главе одной из групп для того, чтобы проводить их в бесконечность новую. Поклялись перед отлетом Сатлы довести духов Бешенства до бесконечности, пригодной их принять, и защищать их на пути, хотя бы снова Сатлов-гигантов надо было бы позвать для этого.

Не раз с громадным трудом переносили Сатлы духов Бешенства через пустоты неподвижные, не раз с ужасом останавливались на границе пустот духи Бешенства и готовы были от дальнейшего полета отказаться, лишь бы не переживать той полной потери веры в жизнь далекую, которая охватывала их при перелете через пустоты. И каждый раз, когда оставалась позади пустота, все легче чувствовали себя духи Бешенства, страдавшие от ирреальности пустот и от страха, граничащего с ужасом, в тот момент, когда воспринимались ими пустоты пустот. Но после каждой пустоты все менее черными становились духи Бешенства.

Вот разъезд Арров могучих встретил полчища духов Бешенства и, построившись боевым строем, спрашивает у них, кто они и куда летят. Отвечает им Сатл первого отряда, и пропускают их Арры, ибо уже как серое, а не как черное облако неслись духи Бешенства. Отряд Сил встретил их далее, но преодолели они к тому времени новые пустоты, и не серое, а белое облако пропустили Силы.

Далеко за пределами бесконечностей круглых солнц мчатся духи Бешенства, и я с ними. Дим-исполин преградил нам дорогу, так как стоял он на границе бесконечности, плоские земли которой вокруг факелов зеленых вращались. Мы остановились. Дим преграждал нам дорогу, и гигант этот как бы не замечал нас. Вызвал я тогда Сатла-исполина.

Говорит Диму-гиганту Сатл-исполин: «Пропусти их. Ты знаешь, что у них нет обители». – «Я должен предупредить тебя, просветленных и их проводников: если кто из просветленных согрешит хоть раз, он рассыплется, как мираж, и только через мирну лет снова получит свое «я». Спросил Сатл просветленных, и все они ответили, что и на этом условии хотят войти в бесконечность факелов-солнц зеленых. А я, Сатл, знал, что охотно явятся на мой призыв братья мои и на тяжелое жертвенное служение обрекут себя, что те из нас, которые устанут от жизни в низинах, всегда найдут себя сменить готовых. Я думал, что Эон придет нам на помощь, научив уже просветленных всему, что помешало бы им грешить.

Вошли странники в мир факелов-солнц зеленых. Пустынна была планета, на которую прилетели мы, но все-таки двадцать четыре неда встретили нас и проводили к источнику, пары которого, обвиваясь около духов просветленных, в их тела превратились...

Живут на новом месте утомленные далеким путем и борьбою с пустотами просветленные. Половина прибывших облечена была в тела мужей, вторая половина – в тела жен. И прикидывались влюбленные более красивыми и телесно и духовно, чем они на самом деле были. На границе греха встали они. И тогда они властно начали тревожить просветленных и ревность сначала во сне явилась. Не знали они как бо-

ротся с влиянием снов неуловимых и послали за духами Фантазии красивыми, прося их прибыть поскорее и смутным снам противопоставить прекрасные рассказы о мирах далеких. Прилетели духи Фантазии прекрасной, Фантазии блистающей и рассказали просветленным о далеких мирах, красотой несказанной сверкающих. Просветленные недов, к ним нередко прилетающих, показать им путь в миры такие, но не знали туда дороги неды. И они посоветовали тот мир и ту жизнь, о которой духи Фантазии рассказывали, устроить на планете, около зеленого солнца-факела вращающейся. Просветленные взялись за работу, перестраивая свой быт и свою жизнь, и вместе с тем просили Сатлов пригласить к ним Эонов Мудрости высокой, ибо не было еще слышно учение Эона Мудрости на земле просветленных. Эон Мудрости сошел к ним, а я и мои братья улетели с планеты просветленных, ибо приняли они учение Эона, и оправдалось старое пророчество, по которому «последние стали первыми».

87. ЗАПОВЕДИ ЖАЛОСТИ

Собрались полмирны латсов за круглым столом, и латс говорил:

«Эон Мудрости сошел в мир просветленных и учил их, говоря: «Подумайте, правильно ли вы поступаете, допуская чувство ревности, а потом неизбежно связанную с ним злобу в число ваших чувств? Ведь ревность – родная сестра зависти, а зависть в свите грязных лярв состоит, и с нею скованы, за нею тянутся злодеяния рабства и насилия!»

Спрашивает Его один из просветленных: «Не понимаю, чему Ты учишь. Как же быть нам? Если мы прогоним чувство ревности, не будем знать ее, то все мужчины всех женщин своими женами иметь будут, а женщины – всех мужчин своими мужьями».

Отвечает Эон Мудрости: «Ты ошибаешься. Будет то же, что и сейчас, но не будет простора для духа лицемерного. Едва ли найдутся жены, которые охотно будут менять мужей. А если жена изменит (как вы говорите) мужу и не скажет ему об этом, так разве она не свободна? Разве раба она, обязанная в обителях помраченных считаться не со своей волей, а с волей поработорителя, мужем именуемого? Напрасна тревога ваша, меньше будет случаев так называемых измен, когда у вас всех будет право жить так, как сердце и разум советуют».

«Но, ведь, это моя жена. Я не могу и не хочу допустить ее измены!»

«Разве вещами стали ваши жены? Почему она *твоя*, а не *своя*?»

«Учитель! Скажи нам, как относиться к труду физическому? Все чаще и чаще дети, работающие на машинах, отказываются от этой работы-игры и простыми бесплодными играми занимаются. С тех пор как посетил наш мир дух Фантазии яркой, отказываются дети играть работой».

«Они мудро поступают. Почему вы сами почти не работаете? Смотрите: замерла на одной точке техника в мире вашем, так как дети, работая машинами, играют и никогда не думают об улучшении машин. Редко, случайно кто-нибудь из детей натолкнется на улучшение в конструкции машины. Смотрите: занимаясь одной гимнастикой, вы никогда не разовьете мускулы вашего тела так, как можете развить их при работе на сменяемых часто машинах, при переходе от одной машины к другой. А в здоровом теле – здоровый дух. Гимнастикой многие из вас не любят заниматься. Трудно вам делать гимнастику для того, чтобы здоровье поддерживать. Нужны две цели: поддержание здоровья и производство необходимых продуктов. Дальнейшее развитие машин даст возможность удовлетворить дремавшие в вас потребности, а чем больше потребностей, тем выше вы, если только речь идет не об удовлетворении плохих привычек. Итак, работайте умственно, духовно и физически и научитесь в каждой из этих работ и во всех них вместе находить смысл вашей жизни, поскольку она здесь протекает».

Подошел к Нему некто и говорит: «Скажи, Учитель, прав ли я буду, если на общий суд, суд, наказующий порицанием только, позову обидевшего меня?»

«Подумай и скажи, – говорит Учитель, – для чего хочешь ты поступить так, как говоришь? Быть может, ты хочешь, чтобы высказанное порицание тяжело легло на сердце, тебе зло сделавшему? Ты хочешь, чтобы он страдал, как и ты страдаешь?»

«Ты прав... Мне казалось, что я успокоюсь, если предам его порицанию общему. Но скажи: уверен ли Ты, что, радуясь полной безнаказанности, он других обижать не будет?»

«Не бойся. Конечно, ты должен всячески помешать ему обижать других, но ты не должен применять насилия, раз окончилось применение зла. Помни: насилием зло прекращается, прерывается, но не предупреждается. Защищайся и защищай, но палачом не делайся. Во всех случаях насилие твое, являясь насилием против зло применяющего, должно окончиться возможно скорее, а нападающего насилия быть не должно».

«Учитель мудрый, Ты учишь, конечно, добру и любви. Поэтому скажи мне, кого любить и как любить?»

«Люби ближнего и дальнего. Если ты молод, люби их, как любимого отца и любимую мать, как любимого брата и любимую сестру. Если ты взрослый, люби их, как любимого отца и мать, сына и дочь, брата и сестру. Если ты стар, люби их, как дорогих сына и дочь, как дорогих брата и сестру. Всех люби и не требуй, чтобы тебя любили. А любить – это значит все делать для того, чтобы хорошо жилось человеку».

«Учитель, скажи, как относиться к тому, кто зло делает и семена зла сеет? И его любить?»

«Ненавидь дела его, а его люби. Если он рабом темных сил стал, если от встречи с ним зло рождается, все отойдите от него и других отзовите. Не лишайте его благ материальных, но пусть все откажутся от знакомства с ним, пока он не откажется зло делать. Тогда примите его в круг свой, как принимаете никогда не делавшего зла».

«Учитель, скажи, существует ли Бог?»

«А что или кого ты Богом называешь? Скажи мне, можешь ли ты дать определение не-сущему? Пойми: словами не выражаемый, мыслью твоей не воспринимаемый, только духовному началу, в тебе сущему, едва-едва доступный, не существуя, как творения Его существуют, Бог существует. Живи так, как ты жил, если бы знал, что Бог существует, и благо тебе».

«Учитель, скажи нам заповеди Твои».

И Эон Мудрости произнес их: «Жалей тех, в кого не сошли силы небесные, ибо трудно подняться им в верха несказанные, но все же поднимутся они. Жалей плачущих, хотя они и утешатся. Сделай от тебя все зависящее для того, чтобы они скорее утешились и, перестав плакать, стали радостными. Жалей тех, кто не кроток сердцем, ибо не скоро поднимутся они в верха несказанные. Жалей тех, кто не алчет и не жаждет правды, ибо чувство неудовлетворенности присуще им. Жалей милости не ведающих, ибо долго они в низах пресмыкаться будут, в верха не поднимаясь. Жалей тех, у кого не чисты сердца, ибо они долго Бога не увидят. Жалей вражду и ненависть сеющих, ибо они на путь зла становятся. Жалей тех, у кого не хватает душевной мощи страдать за правду, ибо отсрочивают они жизнь радостную. Великим блаженством будут осияны те, кого станут поносить, злословить и гнать за учение высокое. Надо искать тех, кого жалеть можно, и сделать все, чтобы не жалость, а любовь внушали они. Надо помышлением, словом и делом все сделать для того, чтобы не было на земле жалость внушающих. Надо быть готовым принести себя в жертву для того, чтобы не было на нашей земле жалости достойных».

88. САТЛ У ИСПОЛИНОВ

Собрались шесть Сатлов за круглым столом и седьмой поведал нам следующее.

«В числе двадцати четырех мы были в той бесконечности, где никто не был из миров, нам известных, и мы видели тех, кого никто не видел, если не говорить о ги-

гантских духах Фантазии. Я и мои товарищи принадлежим к числу Сатлов-гигантов, но даже мы изнемогали на границах бесконечности странной, куда нас направила скрытая сила рока, только с волей враждебной считающаяся. Так далека от нас бесконечность эта, атом которой мы посетили. Мы были на гигантской земле, похожей на плоскость, покрывавшую верх воронки. Я видел гигантские здания в один этаж с одной входной дверью. Изредка исполины, людей земли напоминающие, появлялись на улицах странного города и входили в здания или выходили из них. Я обратился к одному из гигантов с просьбой разрешить мне войти в тот дом, куда он шел. Он с удивлением взглянул на меня, хотя я, как и прочие Сатлы, принял вид исполина, и ответил мне: «Чужеземец! Мой дом и дом любого из нас – твой дом и любого из твоих. Входи, куда хочешь, не спрашивая. Когда мы хотим, мы умеем быть одиноками, и никто не помещает нам, если мы не захотим чьего-либо присутствия».

Вслед за исполином я вошел в гигантское помещение. Большая зала, очень невысокая, принимая во внимание мой рост и рост исполина-хозяина дома, находилась за входной дверью. Посередине залы стоял большой круглый стол. Около него несколько стульев и вокруг краев этого стола большой желоб, наполненный жидкостью, похожей на воду. Жидкость эта непрерывно текла, падая в одном месте небольшим водопадом, а в другом месте выливаясь по широкому желобу за пределы залы. В глубине виднелась дверь и два автомата стояли по сторонам ее, скрестив похожие на копыта оружия.

Исполин сел около стола на один из стульев и сидел неподвижно. Я пошел по направлению к двери, около которой стояли автоматы, но они направили на меня копыта и какая-то сила мешала мне идти к двери. Я не захотел бороться с этой силой и сел за стол, около которого сидел великан. Великан сидел неподвижно, глядя усталыми глазами на поверхность стола. Вдруг я услышал легкий стук, поднял голову и увидел, что отворилась дверь, охраняемая автоматами. Ясный и яркий свет хлынул оттуда, и женщина-исполин, одетая в платье из прозрачной ткани, вышла и не обращая, по-видимому, внимания на меня и гиганта, села на один из свободных стульев. Стемнело. Но вдруг в нашем зале засияли стены и стало светло, как днем. Распахнулось окно и три насекомоподобных существа влетели в него и опустились на стол. Одно из них заговорило на понятном для исполина и, конечно, для меня, так как я читаю мысли, языке.

Насекомое жаловалось исполину, за столом сидящему, на краткость жизни насекомых, ползающих, прыгающих и летающих. Говорило, что краткость жизни не позволяет насекомым понять те идеи о высшем начале, которые людям присущи. Ответил им исполин, что после смерти души насекомых другие тела получают и новые создания ближе подвинутся к источнику света истинного, постигнут нечто большее того, что ныне знают, и долгое время будет длиться восхождение этих существ, пока они высшей формы жизни достигнут. Были несказанно довольны насекомые ответом этим. Я молча спросил исполинов, на людей похожих, могу ли я спросить насекомых. Понял я, что они ничего не имеют против вопросов моих, и я спросил о том, где и как живут насекомые.

Из их ответа, из ответов других гостей, этот зал посетивших, из объяснений людей-великанов узнал я, что в центральном круге земли этой живут люди-исполины, что на несколько секторов разделена остальная часть земли громадной, что в одном из секторов этих живут насекомые разных видов, в другом – птицы, в третьем – пресмыкающиеся, в четвертом – животные. Что реки многоводные пересекают эти сектора, и в реках живут рыбы и другие животные. Узнал я, что для всего населения этой планеты пищей является вода, питательными, но не органическими веществами насыщенная, и воздух, которым не только дышат обитатели этой планеты, но и питаются, хотя он тоже из неорганических частей состоит.

Улетели насекомые, а за ними влетели птицы, многоцветными перьями украшенные, и беседовали с людьми-гигантами о своих переживаниях и о том могучем, кого они Богом считали, представляя его в виде могучего невидимого исполина, людскими и птичьими свойствами наделенного. Слушая их, понял я, как несовер-

шенно, как наивно, как неверно представление о Боге Великом у этих существ, как неверно и низменно то представление о Нем, которое люди, Леги, и мы, Арлеги, имеем о Нем, более чем непостижимом, о Нем, которого только постигать следует, но постигнуть нельзя.

Распахнулась дверь, через которую мы вошли в помещение, и гады странные по доске, к столу приставленной, вползли на стол и жаловались на свою судьбу и спрашивали, почему они недовольны сами собой, и о том, что их ожидает. Терпеливо объяснял им исполин, что когда-то в другом образе, на другой земле они существовали, но не захотели в верха поднять очи свои духовные, хотя много указаний получили сделать это. Временно живут они в телах, к земле прикованных, дабы поняли они, что к верхам стремиться надо для того, чтобы счастливо жить. Ушли гады. В комнату вошли гигантские звери, напоминающие львов и медведей, и жаловались на скучное существование. Они говорили, что в них живут инстинкты охоты на других зверей, но они постепенно подавляют эти инстинкты. Они говорили, что им скучна малодетельная жизнь, и что они не знают какой деятельностью им можно заняться.

Отвечает им исполинша, недалеко от меня за столом сидящая, что их души были когда-то в телах тех, кого темными Легами называли. Что не найдя других путей к спасенью, сами пожелали они войти в тела животных земли, что жизнь малодетельная – только мгновенье в тысячелетиях грядущих существований, что их дух-душа очищается во время этой, не удовлетворяющей их жизни, и что смерть выведет их на дорогу к той жизни, которая светлой и радостной для них будет.

Мне показалось, что успокоились звери, и обещали они другим рассказать о том, что слышали. Ушли звери, и появились в воде проточной рыбы странные. Они говорили о том, что не видят никакой цели в жизни своей, что, умирая, они теряют сознание и боятся, что смерть есть конец всего. Утешала их мудрыми словами женщина-исполин и обещала им жизнь бесконечную в формах и образах прекрасных. Она говорила, что все планеты были созданы во время оно темными Легами, населению нашей бесконечности враждебными, но что сами они, Леги темные, позволили духу Зависти подружиться с ними и, благодаря дружбе этой, пали, превратились в рыб и в других животных и даже в людей злых. Но раз существа эти почувствовали тоску существования своего, раз их потянуло к лучшей жизни – скоро поднимутся они в обители высшие, и Леги Смерти проводниками их в этой обители явятся.

Рыбы уплыли, и я прочитал довольство в мыслях их. Я думал, что все кончено, но ошибся.

Неподвижно сидели исполин и женщина-гигант. неподвижно, ничего не говоря и чего-то ожидая сидел и я. Наконец, послышался как бы тихий звон серебряных и золотых колокольчиков. Я услышал прекрасную мелодию, пение Рафаэлин напоминающую. Смотрю, встали около стола сидевшие исполины, встал за ними и я. Несколько гигантских духов Фантазии, трепеща разноцветными крыльями, влетели в окно и встали двумя рядами от дверей до высокого, возле стола стоящего кресла. В комнате появилось новое существо. Нет слов на языке человеческом, чтобы описать его красоту, его грозный вид и доброту, в его взорах сверкающую. Приблизился он, неведомый, к столу, пройдя среди рядов гигантских духов Фантазии и, видя, что мы стоим, сел. Сели и мы тоже.

И услышал я голос, странно звучащий: «Скажи мне, обитатель земли, не видел ли ты в грезах своих Арана могучего? Не спрашивал ли ты его: для чего все время в верхах и в низах, во всех сторонах быются Араны с духами враждебными им и охраняемыми ими мирами? Почему не разойдутся они по обителям духов враждебных и почему не постараются сделать их духами дружественными?»

Тихо отвечает исполин: «Не знаю, наверное, но, помнится, я слышал, что всего воинства Аранов на это не хватило бы, даже в том случае, если бы по одному Арану на каждую обитель духов враждебных послать». – «Тогда прорвались бы, – прибавила женщина-исполин, – духи, населению нашей бесконечности враждебные, и изуродовали бы жизнь во многих вселенных».

«В таком случае, – слышатся мне мысли гостя прекрасного, – пусть они возьмут эту трубу, и когда не хватит сил у них в борьбе с духами опасными – пусть дадут нам сигнал, и мы примчимся на помощь». И он положил на стол трубу боевую, а самый мощный и грозный дух Фантазии боевой приблизился к столу, взял трубу и умчался с ней в обитель Аранов.

Обращается гость к женщине-исполину: «Скажи, не знаешь ли ты, почему силы мощные не приходят на помощь к Аранам?»

Отвечает женщина-исполини: «Они своей работой заняты и не могут оставить ее, иначе космосы солнц разноцветных столкнутся, в Хаос обратятся».

«Они могут отныне нас на помощь и на смену призывать», – сказал неведомый, и прибавил: – «Им достаточно послать к нам одного из своих».

И тогда я спросил: «Но кто же ты, мне неведомый?»

«Я – из двадцать четвертой сферы той бесконечности, которая ближайшей является к бывшей бесконечности Димов, ныне более странными, чем люди, заммами населенной».

О, как интересен был мне ответ этот, но ясно было, что не хотел со мной разговаривать о своей обители Неведомый, и я задал ему другой вопрос:

«Почему называешь ты людей странными заммами? Что странного в том, что в некоторых из них не только душа, не только дух Легов, но и отблески других духов, находятся?»

Слышу ответ: «Не в этом дело, а в том, что в них частично духи всех зверей и животных, когда-либо на зеленой земле живших, живут; что в них лярвы разнообразные, животные низшего мира нередко себе гнезда вьют».

Услышав это, решил я со странными заммами, людьми называемыми, поближе познакомиться. Неведомый встал. Встали и мы. – «Если захотите в другой космос идти, позовите меня», – сказал он и исчез, и исчезли с ним вместе духи Фантазии могучей. Оба исполина обратились ко мне с предложением войти в комнату соседнюю, куда я пытался войти ранее. Я согласился. Опустили к земле свои копыя автоматы, и мы вошли в распахнувшиеся двери. Вся комната была наполнена каким-то огнем холодным, и я понял, что эта атмосфера поддерживает жизнь купающихся в ней исполинов, как пища жизнь людей поддерживает. Но для меня неподходящей была эта пища, и я простился с хозяевами и ушел.

Все мы двадцать четыре высоко поднялись над землей воронкообразной и совещались, что делать нам. Говорили собравшиеся:

1-й: «Что делать с ними? Нет у них ничего, только тоска о порывах к верху наблюдается у них».

2-й: «В их жизни нет места борьбе за благо других».

3-й: «У них нет даже утешения в религии высокой. Нет религии. Только смутные идеи о Великом Боге имеют они».

4-й: «Исполины, людям подобные, говорят о верхах. Но думают, что нет их, и не ошибаются, ибо нет миров, над этим миром лежащих, если не говорить о Эонах, но до них так высоко!»

5-й: «Ультра-бесконечностью отделены от них Эоны, и почему-то их не было на памяти нашей в бесконечности, где земля воронкообразная вращается».

6-й: «Нет лестницы над землей этой, нет лестницы, в верха идущей».

7-й: «Надо создать ее ступени».

8-й: «Кого позвать занять эти ступени и откуда?»

9-й: «Откуда хотите, но только не из сферы тех миров, где земли изумрудного цвета имеются».

10-й: «Не забудьте: верхняя ступень лестницы все равно обителью Эона будет!»

11-й: «Пригласим сюда половину населения икс-бесконечности».

12-й: «Кто в бесконечности этой? Люди, Леги, Арлеги и другие. Так ли?»

13-й: «Да. Но как доказать населению земли воронкообразной существование миров высоких, раз они появятся над землей?»

14-й: «Будут эти миры, будут и эманации от них. Явятся и прекрасные духи Фан-

тазии, о мирах этих рассказывающие».

15-й: «Но не познают их обитатели земли этой, как не познает инфузория людей или животных».

16-й: «Как много людей, которые даже не подозревают, что Бог есть не-сущий!»

17-й: «Не-сущий только потому, что Его бытие нельзя назвать ни бытием, ни существованием. Как-то иначе Его называть надо, и не знают слова этого существа миров низших, заменяя его словами «есть», «существует», ибо среди них находятся и такие, которые подозревают, что Он – есть».

18-й: «Есть и такие, которые верят, что Бог существует».

19-й: «Как мало таких, которые знают, что существуют силы высшие!»

20-й: «Как мало таких, которые знают дела и мощь Великого».

21-й: «Малую часть Его дел!»

22-й: «Только неточные рассказы духов Фантазии знают о Нем люди, животные и духи миров многих».

23-й: «Но ведь Духи Фантазии сами мало знают о Нем».

24-й: «Это все равно: много или мало знают о непостижимом постижимые...»

И половина нас отправилась в икс-бесконечность призвать в бесконечность, о которой я рассказываю, обитателей сфер высших. Со ступени на ступень передавался призыв наш... Прошли времена, возвратились братья наши, а за ними принеслись нам неведомые, лестницу созидающие. Полились в низы эманации, в верхах сущие, своей сущностью окружая людей и животных мира земли воронкообразной, и одни из Сатлов богами земли этой ее обитателями почитаться стали.

89. СЕМЬ ЭОНОВ В ТЕМНОМ ЦАРСТВЕ

Семь Эонов из высоких верхов с тревогой смотрят в низы. Перед ними ряды бесконечностей, которые яйцеобразными представляются, и в них несутся в трех, а в других бесконечностях – в семи резных направлениях не сталкивающиеся солнца со своими спутниками. А вне земель и других небесных тел видят они обители духов разнообразных, и обители темных Арлегов приковывают к себе их внимание.

Разговаривают Эоны и голоса их звучат, как золотые и серебряные колокола, и только они сами и Им подобные понимают звон Их речей: «Смотрите на темных Легов, Князей Тьмы и Светозарных – темных Арлегов. Они не допускают к себе эманаций тех, кто выше любви, воли и мудрости. Они не различают добра и зла. Они не знают о существовании Непознаваемого. Для них нет того, что не является хотя бы слабым их подобием. Они бросили зло в миры низшие и забыли о них, вспоминая только о том, что многим в низах сущим трудно стало видеть сияние света истинного». – «Да! – звенят и гремят голоса Эонов. – Попытаемся спасти закрывших себе путь к верхам. Если мы спустимся к ним, испугаются они и в бездну бездны упадут, а назад не захотят вернуться. Станем неузнаваемыми, им по внешнему виду подобными».

Сняли с себя облик свой Эоны, но силы свои, умело скрывая, у новых обликов своих оставили. По виду внешнему темным Арлегам стали они подобны. Говорят Эоны высокие: «По одному будем сходить в низы, а если понадобится, то и вместе сойдем. Если нас спросят, не Эоны ли мы, ответим: «Ты сказал». А учить их будем как тому, чему все миры учить можно, так и тому, что только темным Арлегам открыть следует».

В обителях темных Арлегов появился темный Арлег, на голову всех других темных Арлегов превышающий. Прежде, чем появился он, прошел кем-то пушечный слух, что издалека явился темный Арлег-гигант. Надменно глядели на него другие темные Арлеги и не отвечали на вопросы его. Они завидовали ему, потому что мощнее и умнее других казался он. А Князя Тьмы восхищались его видом и к нему обратились за советом, как вести себя на той земле, население которой никакого внимания не обращает на советы лярв.

«Не надо возвращаться на эту землю», – говорит великан. – «Так что же делать?» – «Идите в отрицательную бесконечность и поднимите ее обитателей в высо-

ты, недоступные для них без помощи высоких духов». Задумались Князья Тьмы и стали на своих собраниях обсуждать предложение. Светозарные были этим недовольны. Они поняли, что затевают Князья нечто, Светозарными за пустяки считающееся. Но они не могли услышать слова Арлега-великана: простым шумом казались слова его, когда он говорил с Князьями. Но из разговоров Князей они поняли, какой совет дал им пришелец.

Подошли к Арлегу-исполину три Светозарных. «Зачем ты Князей против нас бунтуешь?» – спрашивают они. – «Для их же блага». – «Но бунт преступен!» – «А вы сами не бунтовали разве против Элоима? Но я не бунтую Князей. Я просто указал им лучшую работу, чем та, которую они до сих пор делали. А вам не все ли равно, над чем они работать будут?»

Множество Светозарных окружили исполина и враждебно слушали его. – «Ты забываешь, что нас больше мирны мирн. Как же смеешь ты спорить с нами?» – «Потому что знаю: вы только атомы в организме громадном и не сознаете этого. Вот и сейчас вы не понимаете моих слов. Что делать! Трудно атому понять, что он частица организма большого. Призовите Силы Великие, чтобы они разъяснили вам слова мои». – «Мы не нуждаемся ни в чем объяснении». – «Но ведь вы гниете, и это гниение в злодеянии проявляется, в неумении отличить его от добродейния. Перестаньте гнить». – «Мы не гнием: мы здоровы духом и эфирным телом нашим». – «Вы все больны, и не раньше выздоровеете, чем перестанете быть атомами. Не раньше, чем перестанете быть частью единого тела, не раньше, чем оторветесь от него, чем перестанете быть рабами его». – «Мы живем, как хотим». – «Нет. Приравняв зло добру, вы рабами зла стали и не видите его, этого зла, не видите властелина вашего, как вас не видят обитатели земель, ультра-фиолетовыми солнцами озаряемых».

«Для нас добро и зло – все одно. Ты должен понять это, потому что мы выше добра и зла». – «Это одни слова. Вы мрачны и угрюмы, хотя и светитесь светом зорь высоких. Вы не знаете радостей высших, ибо недоступны они рабам». – «А ты? Не рабы ли ты добра?» – «Нет. Добро только тогда добром становится, когда оно добровольно делается, а зло делая, приходится прибегать к принуждению и к насилию. Светозарные! Бросим этот спор. Я говорю вам: вы можете стать Эонами высокими, отказавшись зло делать и злу учить через ваших рабов диких...»

«Мы плохо понимаем твои речи. Неубедительной кажется нам твоя аргументация. Возможно, что мы не понимаем тебя». – «Вы думаете, что многочисленность того, что вы чувствами называете, не дает вам возможности понять меня? Ошибаетесь. Тело ваше может воспринять икс чувств, но мышлением вашим вы можете воспринять много больше чувств». – «Что еще скажешь? Чему учишь?» – «Вы закрываете себе дорогу к подъему, не помогаете людям подняться. Благодаря лярвам и их деятельности – а лярв вы послали – много людей потеряли способность различать добро и зло. Творя зло, одни говорят, а другие верят, что этим добро творится. Немедленно лярв отзовите!» – «Для чего?» – «Для того, чтобы отбросить часть ненужной тяжести, вам подняться мешающей; для того, чтобы отбросить от себя вне вас и, вместе с тем, в вас живущее животное начало». – «Нам и так хорошо». – «Нет, гложет вас тоска и страх ожидаемого вами исчезновения. Не радует вас ни зло, ни добро. Скудна ваша жизнь, тяжелым пресыщением полная». – «Ты большему учишь, чем Эоны земли учили. Ведь они учили людей любить только подобных себе. Они не учили любить животных, как самих себя». – «Учили любить больше, чем самого себя. В одном из своих воплощений Эон явился на землю и накормил своим телом голодного зверя». – «Ты посоветуешь нам и гадостных лярв любить?» – «О, если бы вы были способны на это! Вы могли бы научить их для доброго начала работать и злым началом пренебречь...»

Вмешался в разговор другой Светозарный: «Ты обещаешь нам награду за то, что мы будем добро делать. Разве это хорошо?» – «Я не обещаю награды. Я говорю: если ты польешь на рану лекарство, рана исцелится. Для вас и многих делание добра лекарством является». – «Много наших изранено при нападении на мир Аранов. Не хочешь ли исцелить их?» – «Ты сказал».

Принесли к Арлегу-гиганту множество тяжело раненых и даже убитых темных Арлегов и Князей Тьмы. Исцелив и воскресив, он сказал: «Идите, и не нападайте на Аранов. Одна дорога к подъему: отказ от зла. Ни прямо, ни через других, ни делом, ни мыслью, ни речью, в веках звенящей, никому зла не делайте. Да не омрачится от вас чья-либо жизнь!»

Пошли за ним исцеленные. Подходит к нему один и спрашивает: «А жизнь радостная, разве она стоит чего-либо?» – Отвечает Эон, в Арлега-великана превратившийся: «Конечно. Радостно живущий добрее становится». Подошла к нему мирна Князей Тьмы, и говорят они: «Мы принесли к тебе души ядовитых растений на землях и в других мирах нами сорванных. Что делать с ними?» Отвечает им Эон: «Положите их около меня». Так сделали Князья, а затем исчезли эти души по молитве Эона. Говорят ему Князья: «Воистину, Ты – Эон. Когда идти нам в низы глубокие? Мы хотим хоть немного поднять их. Но не допустят нас Светозарные. Как ускользнуть от гнева их?» – «Идите сейчас», – говорит Он. Кричат Светозарные Князьям: «Ни с места! Наши приказы исполняйте!» – бросаются на Князей, но вынуждены остановиться, не дойдя до них, как если бы невидимая стена отделила Князей от бросившихся на них Светозарных. И ушли Князья Тьмы работать в низы...

Собрались на совещание Светозарные и говорят об Эоне: «Он все от нас отнять хочет. Он не только зло делать запрещает, но и лицемерие осуждает. Все наши основные законы и обычаи нарушены. Что делать? Не нужен Он нам. Польза, которую Он нам принес, во вред обратилась. Он исцелил наших, раны получивших, но в этот же момент исцелились и светлые Арлеги, нами раненые. А наши, им исцеленные, за Ним пошли, как верные ученики Его. Что делать?» Отвечают другие: «Смерть Ему! Наша смерть... На крест Его!» А темные Леги и оставшиеся Князья Тьмы на защиту Эона встали. Но справились Светозарные с ними и распяли они Эона. А Он не оказал им никакого сопротивления.

И тут же увидели Светозарные, что стоит Он рядом с ними в толпе, на Распятого глядящей, и говорит: «Разве можно распять учение? Разве можно запретить добро, назвав его злом? Разве можно восхвалять рабство и поносить свободу? Разве можно ненависть гадкую и злость низкую ставить во главу угла? Опомнитесь, и раскайтесь!»

Бросились Светозарные на Него, попытались схватить за руки и связать их, но пустоту схватывали. А Он тихо ушел от них, пройдя через толпу, и мирны Князей Тьмы и темных Легов склонив головы пошли за Ним. Говорят Светозарные: «За призраком пошли они». Но видят: гигантская лестница спустилась в низы сверху и по ней поднимается Эон распятый и все те, кто за Ним пошли. Взглянули Светозарные на крест, а там сияет тело Распятого ярче солнца мистического. Ослепленные светом ярким на минуту закрыли очи свои Светозарные, а когда раскрыли их, исчезло тело, на кресте бывшее, и тихим блеском сиял крест. Ослабели от страха могучие крылья Светозарных, и упали они вниз, образовав кучу беспорядочную. Так лежали они три дня и три ночи пока, наконец, вспомнили, что у них крылья есть, и сначала по одному, потом толпами поднялись они в обители, храня молчание о происшедшем... Пронесся по космосу Светозарных слух, что какие-то шесть исполинов появились в стране, и снова гремит в ней проповедь, по смерти мнимо-казненного замолкшая...

90. ЭОН КРАСОТЫ

Как-то раз Леги вышли из своих обителей и составили громадный круг. Опершись на копья, разговаривали и спорили они. Все были согласны, что помимо Эонов Любви, Мудрости, Воли, существуют Эоны Красоты, но никто не встречался с ними, или, если и встречался, то не узнавал.

«Не надо ли их искать среди прекрасных женщин земли?» – говорили одни. – «О нет! Красота Эона должна всех счастливыми делать, а красота женщин земли нередко

зависть и злобу пробуждает среди людей», – возражали другие. – Среди Рафаэлин имеются более прекрасные, чем на землях и где бы то ни было. Не в них ли Эон Красоты воплощается?» – «О нет! Они прекрасны, спора нет, но красота, им присущая, слишком проста, она только мила». – «Так что же, у темных Арлегин хочешь ты искать красоту совершенную?» – «Они прекрасны, но грозны и мрачны, их взоры мрачнее ангелов Смерти, и холодом непонимания, худшим, чем холод могилы, веет от них».

«Напрасно будем мы искать воплощение Эона Красоты в близких к нам сферах. Надо в верха подняться, нам доступные. Для этого сбросим тела астральные, и освобожденный дух наш поднимется в обители высокие. В мире голубого блеска, в мире Нирванид сострадательных поищем мы воплощение Эона Красоты». – «Сбросить тело астральное! Ведь это равносильно смерти с тем только отличием, что мы, не имея возможности вновь получить тело астральное, нами сброшенное, должны будем на долгое время расстаться с ним и в страну чарн удалиться».

«Так что же? Устроим пир прощальный и расстанемся. А из страны чарн, или по дороге в нее от высот далеких, мы сумеем уведомить вас осенил ли Эон Красоты мир блеска голубого и мир Нирванид сострадательных».

«Не заглянете ли вы и в мир темных Арлегин? Эон веет, где хочет!»

«О, нет! Пусть наши посланники идут в верха, а иначе можно и к цветам планет и огням звезд отправиться. Не светятся они светом понимания, нет понимания и у темных Арлегин мрачных, а без всепонимания нет и красоты совершенной...»

Пируют пир прекрасный, пир духовный Леги вокруг стола громадного круглого, белоснежным покровом покрытого. Стоят на столе призрачные чаши с напитками, духовные силы увеличивающие, и тосты за здоровье провозглашают пирующие. Пьют они за тех, кто друзьями людей стали и объединились с ними, пьют за просветление тех, кто в мрачных обителях тяжелую жизнь влачит, за их борьбу с лярвами, за тех, кто бьется против врагов свободы, кто сражается против тех, кто поработачет свободу жаждающих; пьют за подъем к высотам неизреченным всех тех, кто к совершенству стремится, кто всем счастья желает и на это счастье работает. Пьют и за тех, кто свою жизнь, в теле астральном сверкающую, в жертву приносит и себя на жизнь в стране чарн обрекает, лишь бы помочь своим братьям найти Эона Красоты.

Закончился пир, сбросили с себя астральные тела Леги, к обителям Блеска голубого и к Нирванидам свой путь направившие.

Влетают они в обители Блеска голубого, и видят духов прекрасных, облаченных в голубые туники, на светлых Арлегин похожих, но несравненно прекраснейших, чем последние, как будто бы имеющих тела, только не из материального, а из духовного начала сотканные. Смотрят на них Леги, любят их красотой бестелесной, пытаются задать им вопрос, но не понимают их, голубым блеском сияющие. В недоумении смотрят друг на друга прилетевшие Леги, и не знают как им спросить об Эоне Красоты у тех, кто перед ними как легкая греза мерцает.

Пролетал мимо них прекрасный дух Фантазии величавой, и остановили его Леги тем кличем, которым и в своем космосе призывали этих духов, повсюду носящихся. «Не будешь ли нам посредником в разговоре с блестящими?» – спрашивают они у него, и согласился на их просьбу дух Фантазии величавой. Сложил он свои крылья, цветами радуг далеких блистающие, и начал читать мысли Легов и тех, кто голубым блеском сверкает. Спрашивает он их, не в их ли обителях Эон Красоты находится, а если нет, то не знают ли бестелесные, где искать Его? Охотно отвечали ему голубым блеском облаченные: «Нет в наших обителях Эона Красоты, только слабое веяние Его, неяркий отблеск Его наблюдается. Красота Его непостижима. Она мелькает в мыслях красивых и умных, в деяниях добра и справедливости, в самопожертвовании для счастья близких и дальних, в работе для их блага, во всем, на что могут повлиять духи в обителях своих и вне их».

Спрашивают Леги: «А красота форм и красок, их гармония?»

«Условна эта красота, – отвечают им, – и часто в полном антагонизме с красотой духовной находится. Там, где она есть, может и не быть веяния Эона Красоты! А где веет красота Эоновская, красота с мудростью высокой неразлучная, красота без

любви Эоновской не существующая, – там может быть, а может и не быть красоты форм и красок. Эта красота не чужда и мертвой материи, ею восторгаются создания миров низших, когда восхищаются картинами природы, любят закатами солнц своих, ласкают взоры совершенством животных форм. Но нет в этой красоте веяния Эоновского, и только изредка в ней далекий Его отблеск светится, но бывает, что нет даже и отблеска этого, хотя и не враждебна красота эта Эоновскому началу».

Исчезли голубым блеском сияющие, но недовольные их ответом остались Леги. Просят они духа Фантазии величавой лететь с ними в мир Нирванид сострадательных. Призвал к себе на помощь дух Фантазии своих сестер и братьев, и три духа Фантазии, взмахивая крылами разноцветными, присоединились к Легам, в верха летящим. Поднимаются они все выше и выше, и вот пахнуло на них чем-то, холод напоминающим, как будто бы они совсем в иную сферу и в другой аэр попали. Яснее видение их, чем в космосе голубым блеском сверкающих. Видят они Нирванид, их невыразимо прекрасные, но печальные лица; видят и тела их, иной субстанцией созданные, чем материальная, астральная, эфирная или огненная. Как на землях выделяется материя, воздухом невидимым окруженная, так выступает аэр обителей Нирванид, своей относительной плотностью от их квази-тел отделяясь.

Изранены их прекрасные руки какой-то недавно совершенной работой тяжелой, и капает из ран на руках не кровь, а капли, которые своим видом бриллианты, всеми цветами сверкающие напоминают. Молчат, как зачарованные, духи Фантазии величавой, и померкшими кажутся многоцветные крылья их. С удивлением смотрят Леги на прекрасные, но печальные лица Нирванид и спрашивают: «Не у вас ли Эон Красоты пребывает? А если здесь, то где он? Неужели рассыпался по творениям Бога живого, снизойдя на них?»

Отвечают Нирваниды, читая мысли прибывших к ним Легов: «Нет, не видите вы перед собой Эона Красоты разлившегося и во множестве свою сущность скрывшего, хотя веяние Его и у нас, как во многих других космосах и обителях заметно. Вот, смотрите, сходим мы в миры далекие, ниже нашего расположенные. Изранены руки наши, ибо раскапываем мы могилы глубокие, в которых погребены светлые начала и ясные свойства существ, тьмою тяжелой раздавленных. Мы освобождаем их от плена ужасного, поднимаем их все выше и выше, желая, чтобы и их осиял свет несказанный, от Эона Красоты исходящий. Но нет среди нас Эона Красоты, и ошибаются те, кто надеется найти у нас что-либо, кроме отблеска Его, Великого... А кто Он – вы скоро сами узнаете, но для этого вовсе не надо вам в верха подниматься!»

Исчезли Нирваниды, и духи Фантазии величавой говорят Легам: «Не сделали ли вы ошибки, в верха поднимаясь? Быть может следует искать Эона Красоты в обителях духов воинственных или у темных Арлегин? Вспомните, ведь последние никогда в нападениях на вас не участвовали!»

«Что ж, – говорят Леги, – посетим обители духов воинственных и темных Арлегин, потому что всегда успеем в космос чарн попасть...».

Прилетели Леги и духи Фантазии в космос Аранов, собрали их духи Фантазии в круг громадный и спрашивают воинственных: «Кто знает из вас, где Эон Красоты обитает?» Отвечают им духи воинственные: «Среди нас веяние Эона Воли ощущается, а Эона Красоты ищите среди Аранид прекрасных: они на границах бесконечностей несут жертвенное служение, Ничто сдерживая. Смотрите, вот и они летят!»

Появились перед духами Легов Араниды, и спрашивают их духи Фантазии величавой: «Скажите, не знаете ли вы, где находится Эон Красоты?» И слышится ответ: «Нам кажется, что мы ощущаем его близость, когда погибает наша раса в борьбе с Ничто, но где Он – не знаем».

Не удовлетворились Леги и духи Фантазии ответом Аранид прекрасных и перенесли в царство странное темных Арлегин светозарных. Прекрасные, надменные, но высоким умом не блещущие, ответили они небрежно на вопрос духов Фантазии об Эоне: «Да, всегда с нами и возле нас Эон Красоты пребывает! Только не дано вам видеть Его самого – любуйтесь на нас, Его красоты отблеск воплощенный, и будьте довольны этим». Но замечают Леги и духи Фантазии величавой, что темнеют,

произносятся эти слова Светозарные, и понимают, что лживы слова мрачной красотой блистающих.

Собрались Леги и их спутники лететь в обители чарн далекие, и говорят они между собой: «Рано еще в космосы наши весть посылать о неудачах. Дух высокий веет, где хочет, и возможно, что именно в космосе чарн найдем мы Эона Красоты».

В космосе чарн Леги и духи Фантазии, расправившие свои поблекшие крылья, снова цветами яркими радуги заблестевшие, спрашивают: «Где Эон Красоты?» Разные получают они ответы, но ответа точного нет, нет ответа ясного. Подходят к ним какие-то духи странные, едва видимые в стране чарн, и говорят: «Прибыли к нам Мудрые, на окраинах Третьей бесконечности живущие. Их спросите». Нашли их духи Легов и спрашивают: «Где Эон Красоты?»

Внимательно поглядели Мудрые на лишившихся тела астрального и отвечают им: «Мы скажем вам! Четыре Высоких Эона над всеми бесконечно стояли: Эон Любви, Эон Мудрости, Эон Воли и Эон Красоты. Когда не было времени, Эон Любви отдал всю свою Любовь Эону Красоты, но и на атом не уменьшилась Его Любовь от этого. Эон Мудрости отдал Эону Красоты всю свою Мудрость, но от этого ничего не потерял. Эон Воли отдал Ему целиком всю свою Волю могучую, но и она, всецело слившись с Эоном Красоты, всецело же у Эона Воли осталась. Так Эон Красоты Любовь, Мудрость, Волю и Красоту объединяет, поэтому и Высшей Красотой является».

Слушают и понимают Леги, а духи Фантазии величавой спрашивают: «Не зовут ли на землях Эона Любви – Христом, Эона Воли – Отцом, а Эона Мудрости – Софией? Тогда Эон Красоты мистической будет для них Духом Святым».

И отвечают Мудрецы: «Ты сказал!» – «Все Они – Эоны названные – Бога образуют?» – «Их Богом считают, как Бога ангелом считали когда-то, как Богом даже темные силы считали, но Элоим Единый выше и вне Лестницы мистической пребывает. Они же, названные, Эоны могучие и Эон Красоты, – в ряду их. Через Эонов своих Он везде веет, где Свет мистический светит...»

В свой мир из мира чарн прилетели Леги, рассказали об Эоне Красоты, и странное случилось с ними, потому что снова получили они свои астральные тела, и весело праздновали их возвращение духи Светлые.

91. ХРИСТОС НА ГОЛУБЫХ СОЛНЦАХ

Мисаил: «Ты можешь рассказать нам легенду гностиков об Учителе в другом мире?»

Натан: «Конечно, слушайте рассказ».

Он явился на землю, освещаемую голубым солнцем. Никто не знал, откуда Он пришел. Говорили только, что Он долго жил в какой-то, скрытой в лесах общине. Он пришел в город, и за Ним шли десять учеников Его. Город назывался «Блеском» и в нем было десять тысяч жителей, так что он был самым большим городом во всей стране с ее ста тысячами городов и селений. В Арлесине люди жили в небольших городах, но они быстро преодолевали пространство, и в течение короткого промежутка времени из отдаленнейшего города могли прибыть в Блеск.

Ученики звали Его «Добрым» и один из них, Эниор, получивший образование, которое редко кто имел, снял для собрания, где обещал говорить Учитель, громадную залу, вмещавшую все взрослое население города. Если кто-либо говорил в этом зале, его речь была слышна во всех залах городов Арлесины.

Учитель говорил в первый раз, но Он знал, что Им интересовались в глубине мышления своего все собравшиеся.

«Напрасно смущаются те из вас, – говорил Он, – кто чувствует себя людьми и только людьми, не ощущая в себе веяния Божественного начала. Для вас также открыты ворота в Храм прекрасный, для вас также приготовлены пути к высотам великолепным. Надо только с добротой относиться ко всем тем, с кем вы встречаетесь; надо только не делать им зла и не причинять горя, и вы высоко подниметесь, и все

будете жить так же хорошо, как живут веяние Божественного начала ощущающие. А вы все, чья жизнь так неудачно сложилась, почему вы с чувством обиды и горечи помышляете о ней? Помните, что не кончается ваша жизнь на земле этой. Раскроются перед вами двери других обитателей, где получите вы утешение полное, где за горе, вами испытанное, радость светлую получите и о горе своем забудете.

Не смущайтесь словами о том, что только до смерти на этой земле ваша жизнь продолжается. Когда засыпает сном смертным ваше тело, то отлетает от него душа ваша, а вместе с ней отлетает и то тело, которое вы не ощущаете вашими чувствами немногими. Оно, это тело новое, создалось и окрепло вокруг души вашей. Как тело физическое появляется и растет в связи с питанием физическим, так развивается и рост вашего тела астрального в связи с питанием душевным. И смерть тела первого есть освобождение тела второго. Что из того, что вы не видите его? И слепой не видит красок, не видит предметов его окружающих, но, тем не менее, существуют и краски, и предметы, и звезды на небе, которых не видит слепой. Час придет, и вы прозреете. Астральное тело ваше увидит многое, чего не видит, пока господствует тело физическое. И то, что не видно – оно простым мышлением ныне кажется. Но знайте: утешитесь все вы, обиженные, и простите обидчиков ваших.

А вы, за полученные обиды не мстящие и мстить не желающие, вы, простить зло вам причиненное всегда готовые, – вы войдете после смерти в тот край обетованный, который для вас только приготовлен, в котором не встретитесь вы с обидами и огорчениями. Вы заживете там жизнью, полной красотой духовной, и только когда сами пожелаете уйти в миры другие на борьбу со злом и неправдой, только тогда покинете вы землю новую.

А вы, чьи сердца кровью обливаются, когда вы с неправдой встречаетесь, вы, которые алчете и жаждете правды, – вы будете счастливы, ибо правда миры завоевывает, и в мире высшем вы встретитесь с правдой сверкающей. А пока и здесь приближается царство правды высокой, и здесь стремятся живущие к правде, и даже ложь низкую стремятся за правду выдавать. А правда указывает, что жить следует никого не обижая, всем доброе делать, никого не заставляя на других работать, наоборот, стараться самому для всех, в том числе и для себя и своих работать. Жить по правде – это значит жить так, чтобы все были довольны жизнью своей. Тот, кто алчет правды, тот ее руководительницей жизни своей делает, и тот не боится над правдой издевающихся...»

Многое говорил Он, а потом разошлось собрание многолюдное. Он скрылся в загородном жилище одного из учеников своих и как-то раз задумался о той жизни, на которую обрек себя. В это время постучался некто в комнату Его, и едва встал Учитель, как к Нему вошел неизвестный и произнес: «Разреши мне поговорить с Тобой. Я тоже бывал в высотах, но Ты был еще выше меня. Скажи мне прежде всего – почему Ты так беден, почему бедны Твои ученики? Но погоди отвечать мне. Я знаю, что Ты мог быть богат, что могли быть богаты ученики Твои. Надо устроиться так, чтобы без труда могли быть сытыми, а затем могли бы и благоденствовать люди». Отвечает ему Учитель: «Труд может быть радостным и будет таковым. Незачем отказываться от труда. Труд же чрезмерный – зло, как и злом является чрезмерная праздность. И если ты советуешь мне учить людей отказываться от труда, то напрасны слова твои. Я не хочу зла людям, не хочу видеть людей, забывших, что труд высоко поднимает человека над бездельником – их же и так много среди богатых мира сего».

Говорит Ему незнакомец: «Зачем носишься Ты постоянно с мечтами несбыточными? Почему всегда говоришь о какой-то жизни высокой и возвышенной? Брось все это! Забудь об этом учении Твоем! Опустись в низы к жизни действительной, живи, как все люди живут, а не как считают нужным жить. Ведь как бы ни жил Ты – не уронишь Ты своего достоинства и останешься тем, кто Ты есть». Отвечает ему Учитель: «Зачем я буду жить так, как все люди живут, а не так, как считаю нужным жить?»

Говорит Ему пришедший: «Ты не меньше моего знаешь. Смотри, сколько царств в мире. Смотри, как многочисленны они. Как велика слава властителей их. Я сделаю Тебя властителем всех царств этих. Но, конечно, Ты понимаешь, что без лжи и жес-

токости нельзя властвовать. Хочешь ли слушать внушения мои, хочешь ли быть величайшим из царей?» Отвечает ему Учитель: «Прекрати разговор этот, он бесполезен для тебя. Только абсолютно доброму началу служу я и только его законы выполняю». Снова говорит Ему незнакомец: «Отчего Ты не хочешь научиться устроить так, чтобы все люди без труда могли быть сытыми и иметь все, что бы они ни захотели получить?» Отвечает Учитель: «Только то имеет цену для людей, цену настоящую, что они трудом добывают. А то, что они без труда достанут, не имеет цены для них. Но не в этом дело. Помимо пищи телесной, пища духовная и пища душевная имеется, и надо, чтобы без этой пищи люди не остались».

Удалился незнакомец, и снова со своими думами остался Учитель. Опять собрались люди в зале громадном и просили одного из учеников Его позвать Учителя. Пришел Учитель и говорит: «Самое драгоценное благо для человека, раз он не умирает от недостатка материальных продуктов, самое ценное благо – это свобода. Свобода мыслить так, как можешь и хочешь, свобода говорить все, что считаешь нужным. Свобода собираться вместе для чего угодно. Свобода верить во все, что считает верующий истиной. Свобода не верить в то, что против воли человека навязывается. Вы знаете, если нет свободы слова, все время говорят глупые и негодяи, и к их словам волей-неволей начинают прислушиваться люди. Слова глупцов не встречают противодействия в умных, и торжествует глупость велеречивая. Свобода – свет, и ее боятся только ночные хищники. Не любят ее глупые и злые, и чем подлее они, тем настойчивее преследуют друзей свободы, то есть, света. Нет свободы – нет ничего хорошего. Рабы всегда будут несчастны, и для них и для господ только низменные удовольствия существуют. Скоро и господа и рабы кровожадными становятся. Нет свободы – нет и людей: куклы и самки вместо женщин; болваны и самцы вместо мужчин. Без свободы нет жизни, есть только прозябание да деятельность животного организма. Нет и юности в стране рабов – без времени становятся они стариками от рождения, занятые угодничеством или спесью наполненные, а не рвущиеся к свету, осиянные свободой люди. Все гниет в стране рабов, и от заразы в ней трудно дышать свежему человеку. Но гиены, шакалы и стервятники справляют в ней свои дикие пиры. Безмерная наглость наверху и безмерная злоба внизу – таковы основы жизни в стране господ и рабов. Но не бойтесь, что свобода будет убита. Не раз распинали ее и побивали камнями, не раз жгли ее на кострах и топили в воде. Она постоянно воскресала все более и более прекрасной и сильной. Не смогли пожрать свободы псы прокаженные, и не пожрут ее никогда. Где рабство, там и ад. Где ад – там животные, злым началом взлелеянные и все светлое пожирающие, любящие о добре и благе всех говорить, всем жизнь коверкающие и многих мучающие. Здесь вечный плач и скрежет зубовный, ад на землях многих. Только лярвы грязные, забывшие, что они лярвы суть, хорошо чувствуют себя, пока не ударит в них молния невидимая, пока не познает их внутреннее «я», что они не сумели использовать моменты жизни, которые им были даны для того, чтобы в верха стремиться. А когда они осознают весь ужас и стыд, ими содеянного, тяжелая тоска объемлет их. Пожалейте их, они несчастнейшие из несчастных, ибо тяжел закон возмездия, ибо в мирах иных все муки, ими замученных и ими мучимых, переживут они, прежде чем в верха попадут. Они на землях ад создали и, создав его, в других мирах для себя муки адские приготовили...»

«Смерть лярвам проклятым!» – прогремели голоса в зале громадном. А Учитель сказал: «К чему лярвам уподобляться? Не надо отнимать жизнь у того, кому дана она. К ним тоже придет смерть, и так тяжел будет для них ад ожидающий, что откажутся Леги Смерти проводить их в него, так как сжальтятся над ними. Но ранее их прибывшие в ад лярвы, в ад новый, не в тот, где они мучителями были, а в тот, где они пребывать будут, поведут их. И не смогут они бежать с дороги от ужаса им и ими зла уготованного. Надо постараться облегчить лярвам участь, им грозящую. Для этого надо больше добрых дел сделать, чем обычно требуется. И эти добрые дела, которые не были бы сделаны, если бы вы лярв не пожалели, им зачтутся по воле вашей, и сократится срок возмездия на них обрушившийся». – «Ты говоришь: не один ад существ-

вует. А много их?» – «Конечно. Из ада в ад возможны переходы, как из бесконечности в бесконечность и с одной земли на другую». – «Ты против смертной казни?» – «Она худшее злодейство из всех убийств. Часто невинный карается ею. Не может покаяться и загладить грех, в мире этом согрешивший и убитый судьями. Убить человека смертной казнью ты можешь, но воскресить человека убитого – не можешь. Как же ты смеешь убивать?»

«Вправе ли наказывать человека человек?» – «Никто, нигде, никогда не вправе наказывать кого-либо, а если и наказывают вместо того, чтобы простить ему – не простится грех этот, и его грехи все вспомнятся лярвами свирепыми...»

92. МИХАИЛ-ВЕЛИКАН И СПАСЕНИЕ ЛЯРВ

Собираются в круг Михаилы и слушают к ним прибывшего.

«Я пришел к вам потому, что пролетая из бесконечности, где мы Ахамот* поклоняемся, посетил земли, по дороге к великому Сигэ** лежащие. Ужас на тех землях. Все захватили там бесчисленные ядовитые бациллы, называемые лярвами. Как ни ничтожны они, но не больше их люди, и они одеваются в тела людей, забывая, что они – грязная плесень миров мрачных. Люди-лярвы завладели землями многими, хотя на них некогда Эоны были. Очистите земли от этой плесени ядовитой! Сделайте дело столь же славное, как прекрасна была неудачная попытка Эонов!»

Взмахнул крылами в космос Михайлов прибывший, и не стало его.

Совещались Михаилы и решили послать на какую-либо землю одного из своих. Вызвался лететь на нее один из Михайлов и начал опускаться в низы далекие. Навстречу ему летит Светозарный, тяжело взмахивая крыльями тяжелыми. «На землю опускаешься? На работу лярв посмотреть хочешь? Она так отвратительна, что я совет дам: иди назад и скажи, что даже для нас непереносима работа подлых, пошлость, глупость и грязь всюду сеющих, к верхам свои морды, в крови замазанные, поднимающих».

Прилетел Михаил к спутнику одного из солнц мистических и оставил на нем тело свое эфирное, после чего в мир Легов прибыл дух его мощный. «Только Леги Смерти, да изредка кто-нибудь из Легов воинственных спускается на земли, людьми населенные, – сказали ему там обитающие. – Трудно нам бывает на них. Отравлена атмосфера земель дыханием лярв ядовитых, разлагающихся и все разлагающих; но среди нас найдутся для тебя провожатые».

Подшли к Михаилу провожатые и говорят: «В миллиарды миллиардов раз тело меньшее, чем было, надо найти тебе. И мы умалимся телами нашими, чтобы войти в тела людей, лярвами убитых».

Так на одной из земель появился человек высокого роста и с ним трое младших братьев его. На маленькой лодочке пристали они к берегу страны северной. Им дали приют рыбаки, на берегу моря живущие. Поздно ночью беседовали они с рыбаками, как переехать им на берег земли, густо населенной, и решили рыбаки, что им надо подождать первого корабля, мимо берега идущего. Наутро мимо берега шедший корабль спустил шлюпку, и они взшли на него. Им отвели каюту, а вечером пришел к ним капитан корабля. Едва вошел он в каюту, как почувствовали Михаил и спутники его, что перед ними Светозарный воплотившийся.

Говорит им Светозарный: «Я для тебя, Михаил, нанял корабль этот, ибо видал, как ты со спутниками своими к малонаселенному, далекому от главных поселений берегу плыл. Если хочешь, я покажу тебе людей, лярвами омраченных и не ведающих, что в них лярвы свое гнездо свили; а корабль доставит тебя, куда ты хочешь – в какой-либо из городов, где много людей скопилось».

Мрачно смотрят Леги на Светозарного, а Михаил говорит: «Я благодарен тебе. Есть ли у тебя на корабле люди, лярв в себе приютившие?» Отвечает Светозарный: «Я не выбирал их из толпы других людей, нанял матросами первых попавших, но, конечно, едва ли не во всех них лярвы пребывают. Скажите в конторе корабля, что

у вас нет средств заплатить за удобный проезд до ближайшего порта, тогда вам предложат менее удобные помещения, и вы познакомитесь с матросами».

Матросы на корабле были разные: одни мечтали о богатстве, о войне, которая даст им власть и сокровища, не знали, что такое грех или преступление, знали только, что надо удовлетворять свои желания за счет других, которых называли врагами. Небольшая часть матросов полагала, что не надо обижать других людей, надо быть милосердным, но тем не менее считала нужным участвовать в боях за свою страну, как они говорили. Понимали пассажиры, с берега взятые, что все матросы более или менее лярвами заражены, так как для всех них рабство казалось естественным, а не созданным преступлением общественного положения части людей. Удивлялись тупости матросов Михаил и его спутники, жалели их, а Светозарный говорил: «Что до меня касается, то мне даже стыдно с этими рабами лярв возиться».

Прибыли в приморский город четверо духов, поспешили познакомиться с жизнью людей, и везде нашли они лицемерие, ложь и грубую эксплуатацию. Слышали они пустозвонные речи ораторов, старавшихся ложь дикую за правду светлую выдать, видели они, каким грубым обманом обманываются умом убогие, которых убеждали в том, что они, будучи заринами, являются прекраснейшими и умнейшими из людей. Во многих других странах и городах востока и запада, юга и севера побывал Михаил со своими спутниками и всюду видел зло и падение глубокое, часто более глубокое, чем у зарин. Более года путешествовали они, и только в рядах тех, кто называл себя воинами, отряды которых в разных мирах находятся, только в этих рядах нашли они, наряду с лярвами одержимыми, хитростью в эти ряды проникшими, настоящих людей.

Сошлись эти четверо вместе с двумя Светозарными, тоже на земле в это время бывшими, и стали говорить.

«За исключением ничтожным, все люди ничего не стоят, и чем дольше живут, тем худшими становятся. Отделите, если хотите, тех, кто не позволил к себе лярвам приблизиться, остальные же пусть умрут, а лярв, когда они отойдут от умирающих, прогоним в низы темные и там заключим их», – предлагают Светозарные. Отвечают Михаил и Леги: «Спросите ангелов Смерти, захотят ли они по нашей просьбе людей темным духам Смерти отдать». Отвечают мимо них пролетавшие ангелы Смерти: «Не дадим всех людей перебить! Да и духи Смерти не захотят взять их так».

Говорит Светозарный: «Лучшие из людей не многого стоят. Уничтожим всех людей!» Но слетелось множество ангелов Смерти, и все они говорят: «Не бывать этому. Не дадим перебить людей, и если сама Смерть на помощь к духам своим явится, с нею в бой вступим». Обращается Михаил к своим спутникам: «Надо к своим братьям мне подняться. Вас прошу в верха мне сопутствовать. Ваш голос много значит, а вы ангелов Смерти, братьев своих позовите».

Собрали Михаилы на верхах круг громадный. Вошли в этот круг Серафы и Арлеги Власти, ввели в круг Легов, на земле с Михаилом бывших, и пожелали войти в него Светозарные, говоря: «Мы через слуг своих лучше вас знаем земли и обитателей земель».

Допустили Светлые в свой круг темных Арлегов и поняли, что они хотят им какое-то предложение сделать. Прилетели и вошли в круг несколько ангелов Смерти. Рассказал Михаил все, что на земле видел, а Леги проводники, с ним бывшие, сказали, что все ангелы хранители покинули землю, лярвами завоеванную. Молчат Арлеги и говорит Светозарный: «Я предлагаю вам спасти людей: возьмем у них души, вынем их из тел, а вы дайте душам этим ваши оболочки эфирные. А в телах бездушных лярвы останутся и в них жить будут». Говорят ангелы Смерти: «Вы хотите прежде времени людей истребить. Не дадим. Проводники! К нам на помощь!» – «А куда денем мы души людей, нашими телами облеченные? Ведь бессмертны тела наши. Если говорить о душах человеческих, то они мирну лет обречены будут не знать подъема в высоты прекрасные. Нельзя души людей, хотя бы и в наших оболочке сущих, обрекать на жизнь в низах безотрадных. Ибо не поднимутся они в верха в течение времени для них непереносимого». – «Да, правда. Нет! не дадим им тела нашего!» – «Это не важно, – говорят Светозарные, – мы им свои тела дадим, а вы как хотите».

Говорят Михаилы, размышляя над словами Светозарного: «Души, с телами людей разлученные и в тела эфирные облеченные, не будут ли они тосковать о теле покинутом?» Отвечает Светозарный: «Изживут они горе это, ибо долга их жизнь». – «Значит, мы им горе причиним? А с лярвами что будет?» – «Стоит ли о них заботиться? – говорит Светозарный. – Распадутся тела людей, в которые войдут лярвы, в прах обратятся, а они в низы несказанные пойдут: там им место давно приготовлено». – «Жалко лярв, если их такая судьба ожидает», – говорит один из Михайлов-гигантов. «Жалко», – говорят другие. – «Ну, если хотите, дадим им тела камней и растений. Мы в них пошлем лярв глупых и тупо жестоких», – говорит Светозарный. – «На это можно, пожалуй, согласиться, – говорит Арлег Власти, – но прибавим к этому, что если хоть одна лярва раскается в прошлом своем, всех их, всех до одной мы поднимем в верха высокие». – А люди?! Они в низах обречены будут жить в телах новых?» Снова говорит Светозарный: «Конечно, вы не правы, о лярвах заботясь. Если хотите, мы перенесем их в тела людей на планету пустынную и забудем о них. Непонятно, для чего существуют лярвы свирепые. Непонятно, для чего создал их Тот, имя которое не любим произносить мы».

Отвечает один из Серафов: «Всем творениям дана была воля свободная. Ни одно из них не было создано автоматом. Все они, отойдя от блеска несказанного, могли идти тем путем, каким хотели. Все сущие, и лярвы в том числе, не такими созданы, какими они ныне являются. Поэтому, не наше дело судить их. Наше дело не судить, а помогать».

Совещаются Михаилы и говорят: «Нам кажется, не надо людей переделывать. А хорошо было бы их от лярв избавить». Отвечают Светозарные, гордостью и силой сверкая: «Неужели вы не примете наше предложение?» – «Примем в части, которая лярв касается. А к людям мы станем спускаться, как Эоны спускались, и, конечно, главной заботой нашей будет с лярвами бороться. Мы знаем: каждый раз, как осветим мы человека светом истинным, не сможет оставаться в нем лярва. Пусть берут их, лярв изгнанных, посланники Светозарных и переносят на пустынные планеты, где они пребудут, пока не вспыхнут в них огоньки жизни новой, жизни, в верха рвущейся. И если хоть одна лярва искренно осознает, что не так, как надо, поступала она, откроем им всем путь в верха, хотя бы для этого особую лестницу построить надо будет. Согласны ли вы, Светозарные? Чем поможете нам?» Отвечают Светозарные: «Мы не откажем в помощи. Мы пришлем учителей к лярвам выселенным. Долго придется учить их, прежде чем смогут понять они учение хоть немного высокое. Если нам надоест работа неблагодарная и мало благодарная, пусть Арлеги Власти лярвам покажутся».

Много земель лярвами захвачено было, и мирны Михайлов сошли на земли, так что на каждую из них пришлось только по два Арлега вочеловечившихся. Ходят они по земле и учат. А когда учение их проникает в человеческую душу, лярвами захваченную, бросает лярва тело человека, и уводит ее с земли посланник Светозарного, темный Лег, на планету странную. Идет слух в обителях высоких, слух верный, что на эту планету Эон Красоты сойти хочет. А на землях Михаилы проповедуют: «Борись со злом, но не обижай обидчика».

* Ахамот – Премудрость, евр. hahachmftth.

** Сигэ – «молчание» (греч.); Мысль Глубины со всеми потенциями; по Валентину – Великий Бог, Первоэон.

Никодим: «Я, конечно, могу рассказать то, что я слышал. Вы пожелали – и я начинаю.

В далекой бесконечности (им же нет числа) на миллионы солнц упали планеты, вокруг этих солнц вращавшиеся, и мощно разгорелся огонь солнц этих, а затем, че-

рез миллиарды миллиардов лет потухли, и вместо солнц появились миллионы гигантских планет. Эти, не освещаемые солнцами планеты потянулись одна к другой и со страшным грохотом столкнулись друг с другом. Загорелись массы столкнувшиеся, засияли новые солнца, но уже в меньшем числе, чем прежде. Потухли и эти солнца, и снова темные тела столкнулись между собой, и снова сияют новые гигантские уже солнца, и снова потухают они, и снова сталкиваются темные массы... И так продолжалось до тех пор, пока в бесконечности не осталось ни солнц, ни земель, ни комет, ни космической пыли, ни паров раскаленных или холодных, а лишь одна громадная планета, которая представляла собою застывшую лаву, серый пепел и другие остывшие, не успевшие в пепел обратиться части потухших солнц-земель. Гигантское скопление пепла, лавы и камней покрылось снегом, и вечная тьма и холод царили на этой планете-гиганте.

Высоко над умершей планетой носились тела и души тех существ, которые не ушли в высоты несказанные. Давно уже облеклись эти души умерших нераспадающимися телами, и в сердцах этих тел неумолчно звучали некие голоса, быть может разновидности своеобразного мышления. Воспринимают существа эти голоса, и кажется им, что бесконечный, неустанный и скучный спор ведут эти голоса между собою.

«Почему мы остались? Почему нам так скучно? Ушли куда-то более счастливые». Отвечают им другие: «Никуда они не ушли. Здесь же, упав прахом на землю гигантскую, они рассыпались». – «Какая нелепость! Такими, как мы есть, всегда мы были и будем. Глупое, скучное существование, но не может оно прекратиться, исчезнуть, измениться». – «Нет может!» – «А как?» – «Не знаем». – «Ах! Эта вечная, бесконечная, скучная жизнь! Даже споры надоели. Неужели существуют те блаженные, которые могут умирать или, как говорят легенды, прекращать свою жизнь?» – «Какой вздор! Нигде ничего подобного нет, не было и быть не может». – «Существовали такие миры, существуют и будут существовать». – «Нет».

Вечный, бесконечный, скучный спор...

Немного выше, но совсем в иной бесконечности, лежит другой мир. Его населяют существа, по внешнему виду не отличные от людей зеленой земли и земель ей подобных. Издали увидев друг друга, обитатели этого мира с ужасом бегут друг от друга, особенно бегут женщины от мужчин и мужчины от женщин. Невыносимую ненависть и невыразимое презрение чувствуют они друг к другу и не могут пересилить себя. Только женщина с женщиной и мужчина с женщиной могут разговаривать в мире этом. Но недолги и эти разговоры, всегда кончающиеся страшной ссорой и бегством друг от друга. Расставшиеся со злостью и враждой вспоминают друг о друге. Почти постоянно глубокое молчание царит в обителях друг друга ненавидящих... Но они вспоминают... и мерещится им, что они были когда-то на маленьких землях царями и властителями.

Еще выше не сливающийся с другими круг, густо населенный. Как любезны, как вежливы, как утонченно деликатны при встречах друг с другом все обитатели этого круга. А вместе с тем, какой невероятной ненавистью дышат они: каждый – ко всем, все – к каждому, и каждый – к каждому. Как тщательно обдумывают они незабываемые кровавые оскорбления, ужасающие обиды, которые в самые тяжелые минуты жизни для обижаемых наносят они друг другу и, ускользая от мести, таймой годами, радуются страданию себе подобных. Разыгрывая добродушнейших существ, они обжигают друг друга взглядами прорвавшейся ненависти, видят эту ненависть, отвечают такой же, но притворяются, что ничего не заметили. Ими заключались браки, главным образом для того, чтобы иметь под рукою человека для грубейших и утонченнейших оскорблений и обид. Но все они, и мужчины и женщины, страшно мстят обидевшим, мстят годами, тщательно подготавливая свою месть. Нередко бывало так, что женщина притворялась беззаветно влюбленной в мужчину, или мужчина – в женщину, но они делали это только для того, чтобы насмеяться над тем, кто верил таким заверениям в глубокой любви. Обидевший весело издевался над обиженной, обидевшая над обиженным, и над обманутыми издевались обидчики и обидчицы перед толпами существ, в этом мире живущих.

Еще выше раскинулся космос, обитатели которого составляли сообщества для охоты на кого-либо из членов другого сообщества и, захватывая друг друга в плен, мучили пленных ужасными муками и жадно сосали их кровь, внушая своим жертвам, что они, обескровленные, жалкими, слабыми полудиотами станут. Если же у кого-либо из них много крови было выпито, он загонялся в стадо скота домашнего и, как только появлялась у него новая кровь, она снова высасывалась... Ужасаются все, этот мир населяющие, ожидая, что у каждого из них кровь может быть высосана. И нередко бывало, что новобрачный высасывал в первую же ночь брака кровь своей невесты или новобрачная – кровь своего мужа.

Не могли удержать себя, крови жаждущие, но довольно скоро каждый из них тупел и глупел, включался в число скота домашнего и дрожал от ужаса, ожидая, что кровь его будет высосана... Так всякому был свой черед, и издевались друг над другом обреченные на жизнь ужасную. Но тот из стада, у которого кровь долго не высасывали, переходил в ряды сосущих ее и на время покидал стадо.

Издали летели крыльями мощными и сильным разумом наделенные и, увидев жизнь кровь сосущих, ужаснулись. Опускались они к самой земле, и каждый раз содрогались, встречаясь с живущими жизнями страшными. Опустились они к земле умершей и решились на ней остаться, чтобы спасти над землей обитающих. Не раз поднимались они к ним с земли умершей, не раз заговаривали с теми, кто над землей жил, но ужас холодный охватывал их, и они убеждались, что плохо понимают их над землею сущие. Тогда построили они на земле умершей гигантские прекрасные, роскошно убранные залы, и от входов к ним подняли лестницы высокие, доходящие до тех миров, где палачи и кровь пившие жили. Ярко засверкали залы построенные, как гигантские бриллианты тысячами огней переливаясь.

Видят блеск и свет во мраке живущие и опускаются вниз по лестницам построенным. Видят они блеск света, тьмою глубокой окруженный. Видят они красоту несказанную убранства зал сверкающих. Слышат пение чудное, до них доносится запах чарующий. Видят, как спокойны, величавы, как добры хозяева зал чудесных. Все чаще и чаще заглядывают в разных кругах живущие в залы, в них по лестницам построенным спускаясь, от злобы себе подобных и от жизни безотрадной спасаясь. Сначала отворачивались друг от друга в низы спускавшиеся, но не смели на глазах занявших землю творить зло друг другу, оскорблять друг друга. А потом, под звуки пения прекрасного и музыки величавой менялся характер в низы спустившихся. Многие оставались в залах, число которых все росло и росло, и не желали люди к себе в верха подниматься. Чаще мелькают на земле огни зданий блестящих. Все больше и больше их строится, все больше и больше существ живых в низы переселяются. Начинает казаться им, что вне стен зданий этих нет ничего: нет света, нет красоты форм и понятий, звуков и мыслей – только мгла и грязь туманная.

Говорят с ними в бесконечность эту прибывшие и часто им притчи рассказывают. Одна из них – о слышавших Учение высокое и воспринявших его – поражает слушающих и они горячо обсуждают на своих собраниях вопрос: не их ли история рассказывается, когда речь заходит о тех, кто слышал и не воспринял Учение высокое – старинное, вечно новое и юное Учение о добре, о великих заповедях познания.

Решаются все они на землю опуститься и пытаются некоторые из зал прекрасных выйти. Чуть не тонут в песках из зал вышедшие и только спасая друг друга удерживаются на поверхности земли. Высоко, высоко поднимают люди над залами светлые купола, и они сияют над залами. Все более и более изменяется жизнь тех, кто живут в залах прекрасных. Гелы снов спокойных прилетели к ним, и они часто разговаривают о снах мистических, которые видят обитатели земли, пеплом покрытой.

Могучими аппаратами растопили жители земли умершей снег и рассеяли лаву; пепел и тот превратился в землю, и издали были принесены теми, кто лестницы построил, семена трав, цветов и деревьев. Появились на умершей было планете луга и леса, реки и моря. Зацвела земля гигантская. И решили те, кто первыми появились на ней, даровать ей солнца. Издали по их просьбе принесли солнца духи светлые, и начались над землей их прекрасные хороводы.

Вскоре после того, как появились солнца, прекрасными огнями горящие, принято было обитателями земли Учение высокое: оно учило свободе безграничной, безусловному праву делать все, что боли и зла в мир не приносит. И чем ярче разгорались солнца, тем яснее становилось для людей, что значит свобода, никогда насилия дикого не допускающая.

Видели жители земли другие бесконечности и жизнь на них протекавшую. Не раз видели они в даях глубоких Эонов прекрасных, и жаждали их у себя видеть для того, чтобы услышать Учение их. И была у людей одна молитва, из двух частей состоящая: «Да придут и научат Эоны и, научив, да укажут пути в обители высокие».

Появился Предтеча Эонов и учил, что все они в один час умрут, не познав скорби разлуки, что поклялись в этом Гелы смерти в высотах своих несказанных. Поклялись не допускать к ним на этих условиях мрачных духов Смерти. Крестил их Предтеча в Реке Забвения, к которой светлой тропею пришли они; и забыли жители земли обновленной свою прежнюю жизнь над землею, и только в преданиях, как о каком-то аде, упоминалось о ней.

А те, кто помогли им устроиться, исчезли. Не заметили их исчезновения люди обновленные земли обновленной. Улетели могучие, так как другим мирам, заблудившимся во тьме бесконечностей, помочь хотели.

94. СМЕРТЬ ЦАРЯ

Умер жестокий царь, которого льстивые придворные называли грозным, а не жестоким, как следовало его называть. Умер и не догадался сразу, что кончилась жизнь его. Он чувствовал, что стоит на каком-то дуге, что около него стоят три гигантских фигуры и о чем-то спорят. Присмотрелся царь и подумал: «Для моей забавы нарядились придворные в странные костюмы и зачем-то на маленькие ходули встали. Посмотрим».

Говорит первый, в темных одеждах: «Мне его отдайте. Он все делал, чтобы я его лярвам отдал: да испугит он мучениями своими те мучения, которые другим причинил».

Отвечает ему второй: «Погоди, может быть, сейчас дрогнет в нем сердце раскаянием и жалостью. Может быть, спасется он».

Говорит третий: «Я провожу его куда надо, но прежде следует судить его».

«Позовем судей, – говорит первый, – пусть судят это жестокое и злое создание».

И в гневе вскричал царь: «Отдать всех трех палачам и замучить самой страшной пыткой за оскорбление царского величия!»

Но никто из стоящих около него не шелохнулся, и никто не явился на крик царя. Он замахнулся острой палкой и хотел ударить ею в глаз одетого в темное платье, но палка больно уколола в сердце самого царя, вырвавшись из его рук, а потом снова в его руке очутившись. Ужаснулся царь и сказал: «Боже, помилуй меня».

«За что тебя миловать, разве ты миловал кого-нибудь?» – спросил одетый в темное, а два других стояли неподвижно.

Все молчали, и чувствовал царь, что страх все сильнее и сильнее охватывает его. Прошло несколько томительных мгновений, и в голове царя стало яснее. Он понял, что он умер и что перед ним не ряженые придворные, а кто-то другой стоит. Видит он, что еще кто-то посреди трех, недалеко от него сухих, и понял, что вновь прибывший будет судить его. Слышит царь слова темного, который перечисляет пытки, мучения, страдания, отчаяние, горе, испуг и предсмертное томление тех, кого он мучил или на смерть посылал, причем старался сделать им смерть помучительнее и не считался с горем их детей и близких. С беспощадной точностью перечислил темный все муки царем-палачом его жертвам причиненные и то бездушные, с которым он приказывал их мучить.

«Справедливость требует, – говорил темный, – чтобы он прожил на землях разных столько же жизней, сколько его жертвы прожили, и пусть он умрет столько же раз, сколько его жертвы умерли, такой же смертью, какой они по его приказу погибли».

Холод ужаса охватил царя. Он вспомнил свои приказы и понял, как страдали его жертвы, которых он так люто мучил тюрьмами и пытками от рук палачей. Хотел он сказать, что его жертвы заслужили смерть, им предписанную, но понял, что слова эти как ложь прозвучат, и не сказал их.

«Но ведь не вся тяжесть преступлений этих на его душу упасть должна, – говорит ген, – ведь его наталкивали на эти преступления придворные».

«Да, да», – сказал царь, но тотчас же с ужасом почувствовал, что не снимают с него тяжести преступлений слова эти. Ему даны были сердце и разум для того, чтобы разбираться в том, где добро, а где зло. Но ему нравились мучения других, и потому он мучил людей. Для него неважно было, что палачи сами плохо сознавали, что зло делают, потому что от этого только большим зло становилось.

«Он имел власть мучить людей и потому считал себя правым».

«Да, да, я царем был. Я всем народом был уполномочен карать и миловать».

«Глупость и ложь, – говорит темный. – Каин и Иуда по сравнению с ним невинные существа, ибо этот человек сам создавал каинов и иуд».

С ужасом видит царь, что нет у него защитников, что откуда-то явились толпы темных и с презрением, ненавистью и угрозой смотрят на него. В отчаянии поднял он глаза на гена, его защищающего, и тот сказал: «Не прав он был, мучая, а теперь и мы не правы будем, если осудим его на такие же муки».

Явились тогда на суд тени замученных царем – окровавленные, изуродованные, с выражением тоски, страха, печали, муки и отчаяния в тускнеющих очах.

Говорит им ген: «Простите его». А они отвечают: «Не в силах». Торжествуют ряды темных. Но ген говорит: «До него не дошли веяния миров высоких. Дайте ему возможность на других планетах пожить. Да просветится он на них. Месть же вредна, не нужна и бесполезна».

Молит царь: «Пошлите меня в другую бесконечность».

Хохочут темные и кричат: «С тебя и кусочка болота в твоей старой бесконечности довольно. Пусть вечно гложут там тебя пиявки, а ты забавляйся, свои мучения с мучениями твоих жертв сравнивая!»

«Вы жестоки!» – кричит царь в отчаянии.

«Мы только тебе подражаем», – отвечают одни, а другие со смехом кричат: «Мы милостивы, мы предлагаем тебе исчезнуть, в ничто обратиться, с ничто слиться, и память о тебе исчезнет на земле, хочешь?»

«Нет!» – кричит царь и в тоске говорит судье: – «Прикажи перестать издеваться надо мною!»

«А ты, приговаривая к смерти, не издевался над людьми, нередко много лучше, чем ты?»

И думая, что говорит про себя, громко кричит царь: «О, если бы вы попались мне на земле – какие бы муки выдумал я для вас!»

Хохочут темные и кричат: «Никуда не годен этот негодяй! Надо дать ему столько жизней, сколько жертв у него было, и каждую жизнь да окончит он в тех же муках, какие своим жертвам причинил он. Пусть умрет в тех же муках, что и жертвы его, и столько раз, сколько жертв у него было!»

«Пощадите, – говорят другие. – Лучше возвратить его на землю и дать ему старую власть. После того, что он здесь видел, он станет милостивым. А мы в людей преобразимся и посмотрим, что он делать станет».

Вслух думает царь, полагая, что его никто не слышит: «Только бы опять царем стать, и я сумею от таких гостей отделаться и такие мучения для них выдумать, тяжелее которых не бывало на земле».

Снова хохочут призраки мрачные и кричат: «Не скоро этот зверек исправится. Пусть умрет в телесных и духовных муках столько же раз, сколько его жертв умерло, и всеми их муками пусть измучается!»

«Скажи что-либо в свое оправдание», – говорит судья.

«Я казнил людей для пользы государства, они были не согласны со мной и моими единомышленниками».

Грозным ревом ответили ему Темные: «И мы казним тебя для блага тобой убитых и для блага живых. Они и мы не согласны с тобой!»

Говорит судья: «Скажи еще что-либо за себя, и пусть говорят за тебя гены».

Угрюмо молчит царь и вслух думает: «Это все сон. Все небылицы. Проснусь и прикажу взять на расправу всех тех, кто хоть немного присутствующих моих врагов напомним».

Свирепо смеются темные, но вот заговорили гены, и все замолчали: «Эон учил прощать и судей несправедливых, и тех, кто на муки смертные Его безгрешного обрек. Простите его, и вам простится».

«Он всю жизнь издевался над Эоном распятым. Нельзя именем Эона просить милости нераскаянному».

«Не судите и вас не осудят, – говорят настойчиво гены. – Будете судить – вас судить будут вашим же судом».

Молчат обвинители, молчат призраки царских жертв, и говорит судья: «Иди, куда хочешь, попытайся хоть немного вверх подняться».

Чувствует царь, что в этом спасенье его, делает попытку подняться, но не может и на линию от почвы, на которой стоит, отделиться.

Говорит судья: «Он не годится для того, чтобы с кем-либо из себе подобных или высших жить. Оставим его одного. Пусть подумает о делах своих».

«Да изменится участь его, когда он поймет, что сделал», – говорят гены.

Все исчезли, кроме царя. Он один остался...

Тысячелетия проходили за тысячами, и первое время мечтал царь, как отомстит он врагам своим, радовался мыслям об их муках, выдумывал для них все новые и новые мучения. Все более и более страшным мукам подвергал в воображении своем и темных, и судью, и генов, и всех свидетелей суда над собой. Вспоминал он и о тех, кого мучил. Но, мало по малу, все отвратительнее, все чудовищнее становились для него такие воспоминания.

И как-то раз острая жалость охватила его: он вспомнил, как пытал какую-то девушку. И все чаще и чаще невыразимая жалость охватывала его сердце, и болезненно сжималось оно, когда он вспоминал им мучимых, а однажды подумал: «Лучше бы было, наверное, если бы меня мучили, а не я мучил». Он не знал отдыха от кошмаров тяжелых, его злые деяния воспроизводивших. Особенно смущало и мучило его одно видение, неизбежно являвшееся при всех других. Мальчик, напоминавший ему сына, горько плакал и заламывал руки каждый раз, когда царь воспроизводил в памяти мучения кого-либо из жертв своих.

Как-то раз заплакал царь, и плакал не переставая семь столетий. Он уже не мечтал о прежней жизни, все более презирая и ненавидя самого себя. Никогда не мелькала у него мысль, что высоко сущие могут простить его и переселить в обители другие. Ни одной мельчайшей черточки злодейств своих не мог забыть теперь царь...

Однажды он увидел, что перед ним стоит светлый, блистающий латами воин и спрашивает: «Кто ты такой?»

И царь рассказал ему все, что было с ним на земле и на том лугу зеленом, на котором тысячелетия провел он, и в свою очередь, спросил: «А ты кто такой?»

«Я – проводник, ответил воин. – Я укажу тебе дорогу туда, где ты сможешь бороться с последствиями зла, тобою посеянного».

«Значит, опять на землю, – сказал бывший царь. – Я рад бороться с подобными мне, но пригнать к земле будет меня зло, на земле мною содеянное, и бессилен я буду в попытках делать добро».

«Мы дадим тебе забвенье и силы для новой жизни, жизни искупления на земле, подобной той, которую ты покинул, – сказал воин. – Встань, и иди за мною».

И царь забыл свои прежние жизни и пошел за проводником, а встречавшие его на пути на землю, говорили: «Как жалко этого человека: он все забыл. Сколько времени он потерял напрасно».

95. ВОЗВРАЩЕНИЕ АРАНОВ

После того, как Араны ушли за пределы нашей бесконечности, их прежняя обитель была занята Михаилами и темными Арлегами, причем последние заняли меньшую половину замкнутого арановского космоса. Михаилы не мешали им, и они спокойно смотрели на них. Немного не по себе чувствовали себя Михаилы и темные Арлеги, поскольку трудно им было приноровиться к новым условиям жизни, и смутное беспокойство нередко охватывало тех и других. Темные Арлеги, добившиеся подъема вверх, перестали завидовать высшим, будучи уверены, что в свое время они еще выше поднимутся. Злоба исчезла вместе с завистью. Не совсем просветлели они, но, умудренные опытом мирны тысячелетий, все же они просветлели. Михаилы же были убеждены, что им придется вести борьбу более тяжелую, чем та, которая велась ими, когда они находились в старых обителях, и ждали новых врагов. Они иногда беседовали с темными Арлегами, говорили о высотах несказанных и предупреждали своих соседей о грядущей опасности.

И вот однажды примчались духи Фантазии, блистая крыльями многоцветными, с широко раскрытыми глазами, выражавшими ужас и тревогу. Говорили они, что из бесконечности, находящейся далеко за пределами покинутой Димами бесконечности, несутся «Страшные», чтобы завоевать те обители и, основавшись там, в низы и в верха набегать делать. «Страшные» не верят в Элоима, для них нет ничего высокого, они не знают чувств сострадания, доброты, справедливости. Они мечтают в свой домашний скот превратить Михаилов и темных Арлегов, продлить свою жизнь, высасывая жизнь у них, думая, что приложат к годам своей жизни годы чужих жизней...

Грозно нахмурившись, вооружаются тяжелыми мечами темные Арлеги и громко зовут к себе просветленных Князей Тьмы с булавами тяжелыми. Являются те на зов в сопровождении мирн темных Легов, более светлых, впрочем, чем они раньше были. Спрашивают они духов Фантазии блестящих о внешнем виде и вооружении врагов наступающих и узнают, что гигантски сильны они, что много рук у них, что, владея разным оружием, умеют они пламя на врагов бросать. Но менее всего боятся просветленные пламени – своей старой, когда-то любимой стихии. А Михаилы ничего не спрашивают, только некоторые из них высоко поднимаются и вдаль смотрят. Видят они, наконец, полчища неисчислимые. Видят как «Страшные» отбрасывают со своей дороги попадающихся им навстречу духов мощных. Сообщают они о том, что видят, и говорят, что необходимо послать к Аранам за помощью. Колеблются просветленные, не забывшие еще старых счетов с Аранами, но, поднявшись вместе с Михаилами и духами Фантазии, видят вдали несметные полчища «Страшных» и соглашаются на призыв Аранов.

Мчатся духи Фантазии с быстротой, в мирну раз быстроту света превосходящей, и, прилетев в страну Аранов, зовут их на помощь от имени Михаилов и просветленных. А те уже бьются с тьмой тем духов «Страшных». Много больше духов наступающих, но просветленные с двумя Князьями Тьмы и тремя темными Легами бросаются на одного из нападающих. Схватывают его за руки Князья и темные Леги, сильный удар наносит ему просветленный, но тот разрубает Князей и темных Легов и успевает нанести мощный удар просветленному, хотя сам падает под его ударами.

Вот два Михаила сражаются с одним из наступающих. Падает под его ударом один из Михаилов, но и «Страшный» выведен ими из строя. Редуют ряды Михаилов и просветленных. Слышны крики торжества в рядах «Страшных». На поле сражения появляются Рафаэлины и, не принимая участия в битве, помогают раненым того и другого воинства. Тихо в рядах Михаилов и просветленных; рев, крики, стоны, гром и бряцание в рядах «Страшных». Отступают Михаилы и просветленные, прикрываясь щитами со всех сторон. Гремят удары «Страшных» по щитам, и отступает шаг за шагом светлое воинство, унося выбывших из строя.

Отряды Аранов, вооруженные мечами огня отраженного, ударили на «Страшных», и сразу же все изменилось: десять «Страшных» с одним Араном справиться не могут. Падают «Страшные», почти пополам разрубленные. Начинает отступать во-

инство «Страшных», а затем поворачивается и с криками злобы и ярости обращается в бегство. Уносят Рафаэлины с поля сражения раненых, перевязывают раны «Страшным», Князьям Тьмы, темным Легам, Михаилам и просветленным. Едва оправившись, делают «Страшные» попытку напасть на ухаживающих за ними Рафаэлины, но сталкиваются с чем-то, на ужас похожим, так как удары их оказываются безвредны для Рафаэлины, остающихся невредимыми. Догадываются «Страшные», что призрачны для них эти тела, и прекращают нападения.

Постепенно вылечили всех Рафаэлины, но не захотели уходить из космоса Михаилы и просветленных «Страшные», и, тщательно избегая Аранов, пытаются извратить и отравить жизнь Михаилы и просветленных своими рассказами и проповедями. Сурово смотрят на них Араны, перенесшие на них свою прежнюю ненависть к темным Арлегам и Светозарным, и, наконец, призвав Силы, бросают «Страшных» далеко за пределы своего прежнего космоса.

Говорят Михаилы и Просветленные Аранам: «Займите вашу прежнюю обитель, если желаете, а мы опустимся ниже». Отвечают Араны: «Мы согласны занять наши старые места и здесь остаться, ибо не окончено нападение тех, кто себя «Страшными» именуют. Но вам не к чему в низы идти: в верха поднимитесь, а мы попросим Эонов помочь вам при этом подъеме».

Два Эона прошли по стране Аранов, уча о том, как надо претворять слова любви в дела любви, и через четверть мирны лет поднялись Михаилы и просветленные выше, тогда как Араны вернулись в свои прежние обители.

Постоянно выставляли стражу Араны вокруг своего стана, и как-то раз послышалась тревожная переключка часовых, раздалась в их рядах сигналы тревоги. Говорят часовые: «Мы видели разведчиков врагов, пока невидимых». Опять прилетели духи Фантазии с криками о новых уловках врагов невидимых, ныне так нападающих, что отравлены ими все источники жизни чистой, что грязь и злобу несут они в ряды врагов своих, как бы чумой убивая мощь их.

Говорят Араны: «Мы выдержим бой с врагами. Мы – дважды рожденные, а дважды рожденные умереть не могут, но все же борьба с этим врагом тяжела, хотя мы и бессмертны». Обратились они к духам Познания, и те посоветовали Аранам выступить на поле боя в масках. Новым оружием вооружились Араны и развернули свой строй перед нападающими, выйдя к ним навстречу. Прилетели «Страшные», но не увидели они надевших маски Аранов, только пустой космос был перед ними. Углубились в него нападающие, но поняли, что попали они в ловушку, им уготованную, и с криками – «Мы тоже придем к вам в масках неразгадываемых!» – назад улетели из пределов бесконечности, в которой Араны пребывали.

Снова прилетели к Аранам верные духи Фантазии и тихо говорят им, что лярвы новые прилетели в космос Аранов. Говорят духи Фантазии, что в лярв этих превратились многие «Страшные» и незаметно входят в Аранов. Араны же, в которых вошли лярвы, начинают учить новой морали, говоря, что на косой взгляд страшным ударом отвечать надо, что вовсе нет надобности бороться общим строем, что в одиночку Аран может встречать врага, что Аран не должен давать врагу пощады, что даже побежденного врага не надо прощать. Многое другое говорили, лярвам поддававшиеся, и ты, кто слушает рассказ этот, знаешь, что шепчут они, свои плохие намерения приукрашивая. И тогда Элора снова обратился за советом к духам Познания, а те, выслушав рассказ, посоветовали ему собрать всех Аранов и принести на собрание зеркала темные.

Собрали круг свой Араны, и в первый раз за все время существования воинства что-то вроде спора поднялось в их кругу. Загремел тогда голос Элора: «В наших рядах темное начало появилось. Смотрите все в зеркала темные!» И произошло небывалое. Открылись перед Аранами темные зеркала, и часть их, которую пронизали эманации лярвизма сфер высоких, бросились в зеркала эти и исчезли в них. Не отвечают на клич призывный Аранов, в зеркала ушедшие, и грустными стали Араны, сохранившие зеркала темные и не желающие разбить их ударами мечей из опасения поранить ушедших в них товарищей.

Как-то раз раздались призывные крики часовых. Неслись на мир Аранов полчища вражеские, и загрели тогда призывные трубы Аранов. И вот вылетели из зеркал темных все Араны, в них вошедшие, влача за собой лярв безобразных, которые цеплялись за них, не желая их из плена зеркал выпустить. Крикнули Араны, лярвами связанные, свой призыв о помощи Силам, и явились грозные, оторвали лярв от Аранов и далеко, далеко за пределы бесконечностей обитаемых откинули. Бросились все силы Аранов на врага и отбросили его полчища, а после боя рассказали Араны, из зеркал вышедшие, о том, что видели и слышали в зеркалах темных, когда лярвами были связаны. Снова и навсегда наступило единение между Аранами, и они новую песню сложили, с которой шли в тяжелый бой с врагами страшными.

96. О ТОМ, КАК АРАНИДЫ ПОСЕТИЛИ АРАНОВ

Как то раз Араны собрали свой круг и сидели или стояли, опираясь на свои мечи. Они говорили о непостижимости Бога, столь полной и страшной, что Он казался им не существующим. Они говорили, что только слабое веяние доходит до них, что только при громадном напряжении своего сознания понимают они, что без Него ничего не было бы. Только тем, кто идет Эоновским путем страдания и жертвы непротестующей, только им доступно знание, что существует Бог.

«Но нам нельзя идти этим путем: мы должны бороться с теми, космосам низшим враждебными духами, которые пытаются большее зло принести, чем лярвы приносят. И мы клялись не пропускать в верха Темных: да не станут верха низами, как это на землях от нашествия лярв случилось». – «Не будет ли полезнее, если мы пойдем по населенным обитателям учение Эона проповедовать?» – «А в это время в космосах, нами охраняемых, явятся те, перед которыми лярвы милыми созданиями окажутся!»

В это время донесли до Аранов звуки труб сторожевых постов. Трубы не уведомили об опасности и не предупреждали о прилете духов Фантазии. Они гремели торжественным радостным маршем, каким встречался отряд Аранов, возвращающихся после победы над страшным врагом.

Араны переглянулись: все они, кроме часовых, были налицо. Но трубы звучали все настойчивее, все торжественнее, поэтому Араны выстроились двумя рядами и, подняв мечи, скрестили их в огненном своде. Под свод влетают и под сводом летят Араниды, похожие на Аранов, такими же, как Араны, огненными мечами вооруженные. Опять образуют Араны свой круг, и часть его Араниды занимают и разговаривают с Аранами, как будто всегда этот круг посещали.

«Откуда вы? Где ваши обители?» – спрашивают Араны после первых приветствий. Слышат ответ: «Наши обители лежат за теми обителями, которые расположены за обителями когда-то Димами заселенными. С одной стороны обителей наших лежит страна та, откуда была послана вам труба призыва на помощь, а с другой стороны – Ничто великое, пределов которого мы не знаем. Мы передаем вам привет из страны, откуда вам послана была труба призывная». – «Как вы узнали о нас?» – «Нас посетили величавые духи Фантазии, рассказали нам о духах родственных, и мы решили посетить вас». – «Ваш путь к нам вы пролетели благополучно? Не было встреч враждебных?» – «Были: часть дороги пришлось боем пройти». – «Как жаль, что мы не знали об этом бое: мы поспешили бы к вам на помощь!» – «Мы справились с силами, нас задержать пытавшимися». – «Кто были силы эти?» – «Это колдуны и ведьмы миров высоких, которые собирались справлять свой праздник. Они пытались задержать нас, но им не удалось эти попытки». – «Вы еще расскажите нам об этой встрече, а сейчас расскажите, в чем ваша работа заключается, с кем сражаетесь вы мечами огня мистического?»

«Мы не позволяем Ничто, которое беспредельным кажется, надвигаться на космосы и уничтожать их. Мы стоим семью сменами, занимая мирну стадий вверх и мирну стадий вниз, мирны же стадий – вправо и влево от нас. Мы не только не позволяем Ничто надвигаться на космосы, но уничтожаем его, бросая в него свет, от

нас исходящий. Ничто просветленное перестает быть ничем, и мы вперед продвигаемся, пространства для новых космосов завоевывая. Многие из нас умирают от истощения, навсегда исчезают из мира нашего. Их места новые Араниды занимают, и они не помнят, не знают, откуда пришли в наши обители». – «Куда же исчезают ваши умершие?» – «Мы не знаем. Когда придет час наш, мы исчезаем, гаснет свет наш. Мы умираем. Мы исчезаем. Мы ничего не ждем после смерти». – «Не может Бог оставить вас исчезнувшими». – «Если вы не ошибаетесь, мы где-нибудь воскреснем в лучах Его, но мы не знаем этого». – «Но вы знаете, что нет ничего, что исчезло бы бесследно. Даже материя не исчезает бесследно, а распадается на электроны и далее на то, что называется икс-астралом. Даже Ничто есть нечто, ибо имеет свойство все растворять в себе». – «Так или иначе, а совершается воля Бога. Мы знаем все же, что для Него легче дать нам новую жизнь, чем нам мечом взмахнуть. А вы – разве вы не умираете?» – «Нет. Когда приходит час наш, мы можем перейти в ряды Отблесков или здесь на новый срок остаемся, как захотим». – «Мы рады за вас». – «А мы предлагаем вам занять наши места: мы умеем с Ничто бороться, а вы займите обители наши. На одном только условии: в верха Темных не пропускайте!» – «Ни в каком случае мы не уйдем с наших постов. Но если бы согласились занять ваши обители, мы пропустили бы всех желающих подняться духов». – «Хорошо. Без всяких условий мы предлагаем вам занять наши места, а мы на Ничто громадное двинемся. Помните: благодаря этому вы Отблесками станете». – «Нет, мы не дезертируем, мы не хотим оплакивать вашу участь. К тому же утешьтесь и не горюйте о нашей судьбе – у нас есть пророчество: придет Эон и даст нам бессмертие». – «Как хотите Араниды, как хотите. Но мы проводим вас и попробуем наши мечи в битве с ведьмами и колдунами и в уничтожении Ничто. А теперь расскажите нам, как вы с ведьмами и колдунами вне земных пространств встретились. Кто эти колдуны и ведьмы? Чем и кому из духов опасны они? Каким образом столкнулись вы с ними?»

Отвечают Араниды: «В пространстве не заселенном, но годном для заселения, мы встретили, пролетая через него, странных духов. Они мечтали о таких деяниях, которые полным отрицанием добра являются, которые как бы насмешкой над учением Эонов кажутся, которые страдания другим существам причиняют, при посредстве которых колдуны и ведьмы хотели издеваться над духами, добро признающими. Они приставали к нам, стараясь доказать, что нет Бога. А потом прибавляли, что если Бог существует, то Он неумен и глуп, так как с какой точки зрения ни смотри, все космосы устроены из рук вон плохо. Они кричали нам, что все мольбы к Нему явно бессмысленны, так как Он жесток и притворяется глухим. «Всем можно забавляться», – говорили они, и на наших глазах одна из ведьм надвое разорвала случайно залетевшего на их шабаш маленького заблудившегося духа. Тогда Аранида Солана рассекла ведьму и бросившегося ей на помощь колдуна ударом меча, а колдуны и ведьмы устроили ей овацию, утверждая, что ее место – в их рядах. Солана исцелила тех, кому нанесла удар, исцелила и их жертву, но с той поры перестала улыбаться. Мы уговорили ее отправиться на некоторое время в космос духов Гармонии и Познания, где к ней вернется ясность духа. А ведьмы и колдуны раскидывали перед нами картины, на которые тяжело и неприятно смотреть было. Мы видели полчища лярв, вид так называемых людей принявших, видели, как они у таких же людей высасывают совесть и доброту, влагая в их сердца жестокость, злобу и тупость, и с отвращением мы смотрели на лярв, облик людей принявших. Не раз хотели мы ударить их мечами, но Солана удерживала нас. Тогда ведьмы и колдуны, явно издеваясь над нами, развернули перед нами картины подлых убийств подобными подобными, картины невозможных телесных и, вместе с тем, духовных пыток, которыми забавлялись люди-лярвы. А когда мы и это зрелище претерпели, увидели новые картины: лярвы всякими способами тушили источники света, в сердцах людей горевшие, и вливали в эти сердца самодовольный мрак невежества тупого. Мы не выдержали и взмахнули мечами, думая лярв изрубить. Но Солана громким криком остановила нас и указала на темные ряды ведьм и колдунов, как бы с нетерпением ожидавших наших ударов.

Вестник блестящий, от Духов Познания к нам прилетевший, шепнул нам, чтобы мы не трогали лярв, не уподоблялись ведьмам, и посоветовал нам наш свет на лярв бросить так же, как мы его на Ничто бросали. Мы поступили по совету данному и бросили свет на лярв, как на Ничто бросали его. Сразу исчезли лярвы, и, странное дело, какими-то вялыми растерянными показались нам колдуны и ведьмы. Они попытались развернуть перед нами сцены грубого и утонченного разврата, но мы отделили себя от грязи ведовской покровом белым. Какое-то помрачение нашло на них: они бросились на нас, размахивая странным оружием, но мы не обнажили мечей против нечисти страшной. Мы и на них бросили свет свой, хотя и неприятно нам было светом для целей самозащиты пользоваться. Но мы утешались мыслью, что хотя бы немного, но посветлеют они. Тогда уступили нам дорогу колдуны и ведьмы глупые, и мы беспрепятственно долетели до вас. Не знаем, что случилось с ними, когда они свет наш почувствовали, но на обратном пути они встретятся нам».

«Мы щадим только отступающего, но не нападающего врага», – сказали Араны Аранидам. А те ответили: «Не надо оказывать почета врагам, тратя на них больше сил, чем они заслуживают. Можно иначе почитать врага...»

Некоторое время пробыли Араниды в обителях Аранов. Многие сказали им и многое услышали от них. Рассказали им Араны, как им с потемневшими Димами пришлось некогда сражаться, как, оставив свои старые рассаны, они как бы умерли, в новую далекую обитель переселясь на долгое время. – «За этой новой обителью прекрасной и блестящей, имеется еще одна обитель, в которой находились похожие на вас духи, но мы только издали видели их. Быть может, там живут те, кого вы умершими считаете». Улыбнулись Араниды, довольные тем, что услышали. Улыбнулась и Солана, к великой радости Аранов и Аранид. Надежда сияющая, Надежда блестящая слетела к Аранидам и с ними в их обители отправиться решила.

Простились с Аранами Араниды и полетели домой, но с ними мирна Аранов отправилась. Перелетают они то пространство, в котором ведьмы мятутся, эманации свои в миры, в глубинах расположенные, посылая, и грозные Араны остановили эманации эти и на них преграду поставили: да не переходят ее другие эманации тех, кто зло в мирах сеять готовы по своей тупости и глупости. Пусть злая глупость с глупостью подлой борются, не спускаясь в миры существ живых. В рядах колдунов и ведьм и без того раскол намечался после первого пролета Аранид и неудачной попытки напасть на них. С той же минуты, как стало невозможно злом другие миры заражать, стали искать других целей своей жизни, зло делавшие, и понемногу изменялась к лучшему их ужасная жизнь.

Прибыла в страну Аранид мирна Аранов, и через короткий промежуток времени попросили они позволения занять одно из пространств, Ничто не пропускающих. Араниды говорят им: «С радостью уступили бы вам один из постов наших, против Ничто поставленных, но сейчас не можем согласиться на вашу просьбу: пробиваясь через Ничто, грозная сила разложения идет на космосы, не уничтожения, не претворения в Ничто, а сила, все светлое в космосах темным заменить решившаяся. Она является перед нами в виде сотни врагов нападающих, и прежде чем один враг падает под ударами мечей наших, он убивает десятую часть мирн Аранид».

Тогда просили Араны не только уступить им пост опасный, но дать обещание ни в каком случае не вмешиваться в бой с теми, кто Аранидам гигантами казался.

Согласились Араниды на предложение после долгих колебаний, но потребовали от Аранов разрешить им прийти на помощь к ним в том случае, если крикнут боевой клич Араны. Тридцать семь хорар длился бой Аранов с гигантами, каждый из которых им полчищем гигантов враждебных представлялся. Приходилось Аранам вести бой и с гигантами и с Ничто, которое готово было прорваться при малейшей оплошности Аранов, поражавших Ничто своими мечами и бросающих в него икс-астрал миров преобразуемых.

Держатся Араны. Их нельзя убить, но и они уничтожить гигантов враждебных не могут, только не пропускают их. Грозно хмурятся Араны, высоко взмахивают они мечами, поражают ими гигантов, но те, отступая и собравшись с силами, снова идут

в бой. А духи Фантазии величавой шепчут Аранам: «Скажите только «да», и мы позовем сюда Аранид и то население, рядом с которым вы когда-то жили». Отвечают суровые: «И без их помощи не дадим мы пройти в космосы Аранид гигантам тупым, и без их помощи мы мирны мирн лет сражаться будем». А духи Фантазии величавой, не дослушав ответа, умчались в обитель Аранид умерших, за пределами бесконечности лежащую.

Рассказали они там сущим, что не потому к ним Араниды не являются, что прекратили нападение на них гиганты, а потому, что страшным боем быются с силой врагов наступающей не Араниды, а Араны, переходившие после смерти к Отблескам. Покинули стан свой умершие некогда Араниды и полетели толпами стройными на поле сражения страшного. Увидели Араны помощь, к ним пришедшую, и с победным кличем бросились в наступление. Не страшен был удар Аранов или удар Аранид вернувшихся гигантам наступающим, но два удара эти, вместе разившие, заставляли гиганта бежать с ужасом, и он не думал уже больше о возвращении.

Араны оставались еще некоторое время после победы над гигантами, и вместе с ними оставались и Араниды призрачные. Но как-то раз долетел до Аранов звук трубы боевой из воинства Аранов, и они вместе с Аранидами призрачными умчались в свои обители, обещая Аранидам позвать их в случае надобности на помощь или к ним явиться по первому зову.

Ты хочешь, рыцарь, узнать, что видели Араны и Араниды в тех обителях, откуда они получили трубу призывную? Расскажу об этом в другое время.

97. АРАН НА ШАБАШЕ

Аран поддался влиянию лярвы, в высоты пробравшейся, но, прозрев, порвал с ней. Он решил искупить то, что своим падением называл, хотя только в помышлении заблуждался и зла не творил; и все же он пошел в низы, чтобы искупить там свою слабость.

В полном вооружении на боевом коне долго ехал рыцарь лесом, направляясь в отряд, отправлявшийся в Палестину освобождать захваченных сарацинами христиан и, наконец, понял, что заблудился. Заметив, что дорожка, по которой он ехал, все круче и круче поднимается в гору, он, опустив поводья, позволил своему коню идти туда, куда выберет сам, и тот повернул вправо по еле заметной тропинке. Вскоре навстречу рыцарю попался пожилой дворянин с двумя слугами, вооруженный, как вооружаются, охотясь на медведя. Он приветливо поздоровался с рыцарем, узнал куда тот едет и предложил вывести его на верную дорогу, поскольку рыцарь сильно уклонился от прямого пути. Рыцарь с благодарностью принял предложение, хотя чем-то неувлимым не понравился ему старый охотник. В проводники пожилой охотник отрядил одного из своих слуг, простился с рыцарем, повернул в кусты и тотчас же исчез за деревьями. А оставленный им слуга взял под узду коня рыцаря и, хотя он поднялся на дыбы и попытался от него, легко его укротил и повел в сторону от тропинки, по которой ехал рыцарь.

Медленно ехал рыцарь и через некоторое время заметил, что справа и слева в кустах движутся какие-то люди, обгоняя их. Он сказал об этом проводнику, но тот спокойно ответил, что местные жители спешат на праздник в соседнее селение. Вскоре проводник вывел рыцаря на другую тропинку и распрощался с ним, указав, куда надо ехать.

Тропинка постепенно превратилась в дорогу, расширилась, и сбоку на нее выехали два всадника – знатный мужчина и сопровождавшая его дама. Вежливо раскланявшись с рыцарем, всадник назвал себя, узнал имя рыцаря и представил его своей даме. Дама молча склонила голову, и рыцарь отметил, что у нее смуглое лицо поразительной, как ему показалось, красоты. Всадники весело разговаривали друг с другом, стараясь вовлечь в разговор молчаливую спутницу, но это им плохо удавалось. Внезапно дама громко вскрикнула и помчалась за ланью, выскочившей в нескольких

шагах от всадников, сначала по дороге, а потом, поскольку лес кончился, по поднимающейся вверх поляне.

Рыцарь с удивлением отметил, что лицо дамы при этом приняло жестокое выражение, и подивился нравам страны, куда заехал. Его спутник быстро догнал даму, что-то сказал ей, и она, как видно недовольная, придержала коня, после чего три всадника снова поехали вместе.

Они проехали крутой подъем, миновали небольшую рощу, и перед путешественниками открылась горная долина. Быстро темнело, но там и тут по долине были разложены большие костры и около них толпились странно наряженные люди. Кое-где слышались звуки нестройной музыки, пение, видны были хороводы. Рыцарь и его спутники подъехали к каким-то людям, лица которых были запачканы черным. Черные были вооружены чем-то вроде бердышей и преградили дорогу подъехавшим.

Рыцарь попробовал легко ли вынимается меч из ножен, легко ли поднимается булава и быстро ли отстегивается щит. Но его спутник произнес два слова, как видно, пароль, и бердыши опустились. Рыцарь и его попутчики слезли с коней и вошли в очерченный небольшими кострами круг, в котором за большим овальным столом сидели мужчины и женщины, пожилые и молодые. Все они встали, приветствуя вошедших, и старший из них обратился к рыцарю со странной речью:

«Мы знаем, рыцарь, кто ты и откуда. Только Димы могут справиться с вами, да и то потому, что каждый Дим в себе громадный космос включает. Но ты пришел на нашу землю. Здесь ты тоже должен быть мощным, а потому обещай нам быть в наших рядах, и мы дадим тебе выпить такой напиток, который сделает тебя сильнее всех рыцарей».

Перед духовными очами рыцаря мелькнуло видение: стройные ряды великанов рыцарей, грозно идущих на сильного врага, и он, рыцарь, в рядах этого воинства. Почувствовал рыцарь страшную мощь в своих мышцах, почувствовал он, что в сердце его горит огонь неземной, и отвечает рыцарь: «Я должен отклонить ваше предложение. Я и так сильнее сильнейшего. Большей силы, чем моя, не вынесет тело человека». Нахмурился старик, а одна из прекрасных дам говорит рыцарю: «В таком случае выпейте этот кубок за мое здоровье, за мою молодость и красоту». Отвечает рыцарь: «За вашу молодость, красоту и здоровье я не только этот кубок, но чашу громадную вина крепкого выпью, чтобы вы много столетий здоровы, молоды и красивы были!» И рыцарь взял со середины стола чашу, в которой 29 кубков помещалось, и выпил вино в ней находившееся.

Еще сильнее нахмурился старик и говорит: «Ты знаешь, кто ты, и подозреваешь, кто мы. Поступай, как знаешь, рыцарь. А пока не пройдешься ли со своей дамой и со всеми нами по нашему пиршественному месту? Если не захочешь еды без соли, то, может быть, Логосом низов причастишься».

«Я и так в низы спустился», – подумал рыцарь и пошел рядом со стариком и одной из дам. Вокруг первого костра, к которому подошли рыцарь и гости, вели хоровод ряженные: нимфы, сбросившие свои одежды, сальфиды с крылышками за спиною, молодые ведьмы, отчаянно размахивающие руками, в которых сверкали ножи, безобразные кикиморы и прочая нежить – лешие, гномы, кобольды и другие маски неслись в диком хороводе, громко выкрикивая: «Эвоз! Слава тому, кто велит наслаждаться жизнью в низах!»

Мрачно смотрел рыцарь на хоровод, и старик видел, что не нравится рыцарю пляска. «Все это чернь, – сказал он. – У них вместо души – блуждающий огонек. Пусть веселятся, от этого мало вреда». И он пошел дальше. «В чем тут вред?» – подумал рыцарь, а идущая с ним рядом красавица, как бы в ответ на его мысли, ответила: «Они только веселятся и потому не считают необходимым со злом бороться. А тот, кто не выступает против зла, тот помогает ему властвовать. Следовательно, все эти прекрасные дамы – нимфы, ундины, сальфиды – злодейки. Не обращай на них внимания. Забудь о них».

А рыцарь подумал: «Не прав совет этот. Я постараюсь найти момент удобный и надлежащие слова, чтобы убедить их не только о своем удовольствии, но и о благе других думать; для себя – веселиться, для других – работать».

Подошли они к отдыхающему хороводу масок, которые парами сидели и беседовали за овальным столом. Слышит рыцарь: «Для того, чтобы мне и тебе было хорошо, необходимо, чтобы другим было плохо». – «На всех не хватит благ для роскошной жизни. Будем жить и наслаждаться, а так как для этого нужны материальные блага, возьмем их у тех, кто слабее нас». – «Так всегда и всюду происходит, как бы ни лицемерили люди, толкуя о братстве и даже о равенстве». – «Они правы. Незачем лицемерить. Жизнь – борьба, и в ней всегда будут побежденные и победители...» А рыцарь подумал: «Нет, не правы они. Мне кусок хлеба и роскошнейшее, самое вкусное кушанье не пойдут в горло, если есть голодный, которому я могу помочь. А если нет поблизости от меня такого голодного, то я буду работать и сражаться для того, чтобы и далеко от меня не было голодных и нуждающихся в благах материальных и духовных».

От одного круга к другому вел старик рыцаря с их спутниками, и они останавливались везде, где собирались и разговаривали люди и фантомы, как иной раз казалось рыцарю.

Вот подошли они к костру, около которого на срубленных деревьях сидели три человека: один молодой, другой в цвете лет, третий – старик. Перед ними стояла большая чаша и из нее черными клубами пары поднимались. Рыцарь почувствовал аромат этих паров, и у него слегка закружилась голова. Мелькнула мысль, что он – сильный и могучий – может прожить жизнь, думая только о своем благе, тратя избыток сил на ту забаву, в которую можно обратить общение с силами надземными. Но отмахнул от себя рыцарь пары черные и вздохнул полной грудью. С неодолимой силой вспыхнул в нем гнев, и он схватился за рукоять меча, желая обнажить его. Но рядом стоящая с ним красавица схватила его за руку и шепнула: «Спроси их, что они могут дать тебе?» Спросил рыцарь: «Что можете дать мне для блага других?» Молодой сказал: «Если вместишь, – то знание». Человек среднего возраста сказал: «Способность наслаждаться материальными благами и возможность наслаждаться ими, если отбросишь сентиментальность и только о себе думать будешь, – о себе, как только на земле сущем». А старик ответил рыцарю: «Мы можем дать тебе власть над десятками и сотнями лярв, и они будут беспрекословно служить тебе, раз будут уверены, что ты требуешь от них то, что твоим чувствам и страстям приятно».

Рыцарь отвернулся и сказал: «Ничего мне не нужно из того, что вы предлагаете; даже знание, вами данное, не прельщает меня».

И вдруг рыцарь почувствовал, как что-то произошло. Он обернулся к трем, но их уже не было. Не было и костра. Тонкое, как лезвие меча пламя высоко поднималось кверху и три красавицы, – одна лежа, другая стоя, третья – сидя, находились вокруг пламени тонкого.

«О, рыцарь! – сказала стоявшая. – Мы можем дать тебе силу творить чудеса». – «И мы ничем не свяжем тебя, – сказала другая, – живи, как хочешь и поступай, как находишь нужным». – «Ты можешь творить только доброе твоим волшебством. Нам все равно, как используешь ты силу твою», – сказала третья.

А рыцарь ответил: «Если мне, то и другим вы можете дать способность творить чудеса. Во зло может быть употреблена эта способность. Не надо давать ее людям. Не надо принимать ее, если она дается. Я отказываюсь от дара вашего».

Повернулся рыцарь и пошел дальше, а его спутники не пошли за ним.

Не прошел рыцарь и ста шагов, как его встретил высокий человек, вооруженный арбалетом, и спросил: «Не согласится ли рыцарь отказаться от поездки в Палестину, а здесь среди христиан работать над тем, чтобы разорвать те сети зла, которыми опутали человечество лярвы под видом духовных и светских вождей, под видом феодалов, кантонистов, промышленников всех видов, то есть, под видом тех, кто людей во власть нищеты отдают? А бедность – будь то бедность вынужденная или добровольная – в обоих случаях страшное зло».

«Почему ты добровольную бедность монахов злом считаешь?» – спросил рыцарь. «Потому, что добровольная бедность людей тщеславными и самоуверенными делает», – послышался ответ.

«Не будет вредного влияния богатства, если оно равномерно между всеми распространено будет, если не надо будет грабить других для того, чтобы богатым стать. За равенство в богатстве всех и каждого я готов бороться, когда придет мое время», – сказал рыцарь.

«Тогда – до следующего свидания через семьсот лет!» – крикнул высокий человек рыцарю.

Вскоре рыцарь увидел громадную толпу, жадно слушающую горячо проповедующего человека: «Не надо, чтобы один человек имел больше прав, чем другой. Не надо, чтобы были рабы или крепостные или наемные рабочие. Все должны сообща трудиться, и по надобности своей каждый должен получать продукты. Если же кто не хочет работать – все равно дайте ему из ваших запасов то же, что и другим; но если какого-либо изделия не хватит на всех, – он первый не получит его. И все должны знать, что он живет за счет чужого труда, как больной и слабый. Но разница в том, что больные и слабые не могут так работать, как другие, а он не хочет. Правители нужны только самим себе и тем негодяям, при помощи которых они грабят других людей; нужны тем негодяям, которым они бросают частичку награбленного с их помощью. Не надо разновидностей рабства; не надо власти одного человека над другим. Все свободы должны быть достоянием всех. Не должно быть только свободы причинять кому либо зло, и против насильника должны восставать все и каждый. Все равны, и один неписанный закон для всех: всем делай только то, что им приятно!» – «А рыцари что будут тогда делать? Защищать вас от врагов?» – «Пока будут возможны враги, пока они будут нападать на нас, мы сами, все до одного, обучимся военному делу и всей массой будем защищаться от них, вооружившись так же, как враги вооружаются».

Рыцарь отошел от оратора и собравшихся и пошел туда, где не блеснул огонь костров, где не было людей. Через двести шагов он увидел своего коня. Рыцарь быстро подошел к нему и с радостью заметил, что все было в порядке, а булава и щит висели на своих местах. Он сел на коня, и конь, которым не правил рыцарь, поскакал к лесу. Тяжелая мгла окружила рыцаря. Ему казалось, что он задыхается. Вдали среди листвы мелькнул голубоватый огонек, и рыцарь, взявшись за повод, направил коня к огоньку. Через несколько минут конь остановился около небольшого домика, из окон которого лился голубой свет. У дверей домика стоял пожилой человек и, приветствуя рыцаря, предложил ему войти в домик, а коня передать подбежавшему слуге.

«Прошу покормить, напоить, а раньше всего расседлать и проводить коня», – сказал рыцарь, давая конюху золотую монету, и вошел в домик. После ужина, за которым прислуживал тот человек, который был принят рыцарем за конюха, рыцарь и старик разговорились, и вот что рассказывал своим боевым товарищам рыцарь об этом разговоре:

«Я помню далеко не все, что сказал мне старик и что я ему говорил. Вначале разговор шел даже не между мною, стариком и тем, кто прислуживал нам: казалось, моими устами говорил кто-то другой... В голосе старика-хозяина я слышал голос Элора, голос слуги звучал как голос Херуба, а сам я ощущал себя Араном.

Старик говорил, что раз я решил ехать в войско, с сарацинами сражающееся, то он не возражает против моей попытки освободить христиан из рабства сарацинского. «Но, – говорил он, – возвращайся скорее, здесь много рабов и господ, а, кроме того, лярвы поработили в странах Европы людей, и с их владычеством надо умело бороться борьбой беспощадной». Он говорил: «Всевозможные маски надевают лярвы и любят выдавать себя за благодетелей человечества или какой-либо части его. Трудно распознать их, но ты под любой маской узнаешь лярву, так как она питается испарениями крови жертв своих и свои злодеяния выдает за такие деяния, которые необходимы для общего блага. Трупным запахом и зловониями казематов отдает от нее, как бы часто ни умывалась она. Не ошибись и тогда, когда лярвы истребляют и мучают лярв: у них это в обычае, так как они сами себя кусать готовы, если мало для их жестокости других жертв...»

Много другого говорил он мне о владычестве лярв, настолько умело людьми прикидывающихся, что эти, нарядившиеся людьми лярвы сами забывают, что они лярвы, и искренне себя считают людьми, хотя не могут жить без людской крови или людских страданий. Их лярвистская натура сказывается в том лицемерии, с которым они свои злодеяния выдают за печальную или радостную необходимость. Придет время, нам, рыцарям, придется не с сарацинами в Азии, а с лярвами в Европе бороться, спасая плененных ими христиан. Учил меня старик, что христианами всех, к добру искренне тяготеющих, считать следует, хотя бы они не были крещены и ни слова о Нем не слышали...

Так рассказывал рыцарь в Палестине о своем приключении, и часть рыцарей пожелала быть в Европе тогда, когда начнется борьба с лярвами, полагая, что для этой борьбы стоит спуститься на землю даже из райских обителей, как бы прекрасны они ни были.

98. ЧЕРНОЕ ПРИЧАСТИЕ

Никодим: «Ты сможешь рассказать нам легенду сабеистов? Если да, Расскажи, не теряя времени».

Натанаил: «Изволь, я расскажу легенду сабеистов о стотысячной бесконечности».

В бесконечности, далеко от нас лежащей, находился когда-то громадный котел, и в нем постоянно варилось странное месиво из каких-то остро пахнущих трав, из мяса и крови каких-то странных животных, странных рыб, птиц и каких-то ужасных пресмыкающихся. Черный пар шел от котла, и резкий, раздражающий аромат густыми волнами охватывал всех, к нему подходящих. Черный пар принимал странные, неожиданные формы: то он составлял тела чудовищных созданий, то сливался в прекрасные тела красивейших духов. Вокруг котла располагался громадный амфитеатр, и он постоянно был полон квази-людьми той бесконечности, жадно ожидавшими момента, когда пары, от котла исходящие, принимали форму полу-людей, полу-духов той бесконечности, и к мрачной их красоте приковывались взоры смотрящих. Котел окружали толпы квази-колдунов и квази-колдуний. Все они были невероятно высоки ростом и отличались от других людей своей угрюмой красотой. Они часто вели вокруг котла хоровод и громко провозглашали: «Придите, примите! Станете мудрыми и познаете наслаждение высшее!»

Спускались на призыв этот мужчины и женщины со ступеней амфитеатра громадного и подходили к квази-колдуням мужчины, к квази-колдунам женщины, и те исповедовали их, спрашивая, каковы их желания, от всех скрываемые, и, спрашивая, старались добиться яркой вспышки желаний-страстей. А потом говорили: «Как мало тобой сделано для радостей жизни! Как скучна была твоя жизнь! Ты и понятия не имеешь, как она будет красива и весела, а, главное, приятна, если ты всегда, везде, всеми способами своему телу служить будешь! Смотри, не вечно тело твое, и если оно сухой пылью развеется, не сможешь ты им пользоваться для наслаждения. Поэтому торопись, не теряй времени. Служи своему телу службой верной. Все, что ты видишь, бери, если хочешь и можешь. Богатство, красота, любовь – все твое. Наслаждайся, пока жив, и для того, чтобы наслаждаться, не останавливайся ни перед чем. Ты говоришь о духовных радостях? Забудь о них. Это пустяки, недостойные внимания серьезных людей. А наслаждения духовные? ими пользуйся, но они дешево стоят. Не бойся покупать наслаждения ценой страданий других людей. Наслаждайся, пока живешь. Умрешь – все для тебя закончится. А для того, чтобы не знать пресыщения, прими причастия нашего, и как только мелькнет пресыщение перед тобой, снова прими причастие. Оно даст тебе силы для жизни новой».

Жадно пьют напиток странный пришедшие, и вспыхивает он огнем красноватым, когда они чашу к губам подносят. Говорят им около котла сущие: «Если ты к

состраданию и жалости склоняться будешь, потеряет напиток силу чудесную, и помни: трудной, нелегкой будет жизнь твоя». Жадно пьют напиток пришедшие, знакомятся друг с другом мужчины и женщины, к котлу прибывшие, и уходят по-двое, забывая, что у них семейства были, ими навсегда оставляемые. Не замечают, напитком странным опьяненные, что захватывают их болезни, что подкрадывается к ним старость, что сторожат их духи Смерти беспощадные, неумолимые. Приходит час, и умирают они, и переходят в мир, мрака духовного полный, красоты всякой лишенный, и там пребывают, пока не поймут, что нельзя об одном наслаждении думать. А тогда из мира того нового снова в мир покинутый приходят они, забыв о прошлых жизнях, и снова соблазн варева волшебного соблазняет их, и в круговороте квази-безысходном века веков существуют они.

Залетел один из Аранов в их вселенную, посетил все земли ее, везде все то же нашел, спустился в мир, где после смерти они пребывали, и долго не мог найти выхода из бесконечности проклятой. Кружась по ней, встретил он того Неназываемого, кто на жизнь бесконечность населяющих смотрел, и спросил его, почему появилась такая бесконечность странная, и как найти ему, Арану, дорогу из нее.

Ответил ему Неназываемый: «Все, эту бесконечность населяющие, в бесконечном числе бесконечностей пребывали, взяв на себя служение высокое, и изменили своему призванию, своему кругу мистическому, много миров захватившему для того, чтобы поднять их в высоты несказанные. Их души в этой бесконечности воплотились, и не думай, что блаженством материи опьяненные, благоденствуют они. Десять раз в году снятся им сны яркие об их прежней жизни, о том времени, когда не пали они, а несли служение высокое, и чем материальнее была их жизнь после падения, тем более страдают они, вспоминая свою жизнь, до падения ими пройденную. А ты лети к звезде инфра-синей, и от нее легко найдешь дорогу к воинству своему».

Говорит Аран: «Лучше совсем не жить, чем жить так, как эти несчастные живут». И ответил Неназываемый: «Я так же думаю».

Прибыл Аран в свою бесконечность и рассказал о бесконечности, которую он посетил случайно. Решили Араны в своем кругу великом лететь в эту бесконечность и попытаться спасти или хотя бы облегчить участь тем, кто некогда им подобными были. Громадный отряд Аранов, оставив только небольшое число воинов в стране своей, прилетел в бесконечность странную. Сам Элора в своем красном вооружении летел впереди них.

На границе бесконечности котла страшного встретил их Неназываемый и говорит Элора: «Я знаю, ты несешь им причастие высокое, но не смогут они принять его. А, впрочем, попробуй. Я знаю, что вы не бросаете дела начатого, хотя бы против вас полчища Димов и сами Силы встали». Спрашивает Элора: «Приведет ли к добру поход наш? Не будешь ли ты мешать нам?» Отвечает Неназываемый: «Я ничему мешать не буду. Цель добрая всегда к концу хорошему приводит».

Оказались Элора с воинством Аранов возле котла чудовищного. Разогнали они рукоятками мечей колдунов и колдуний, ушли зрители, и разломали Араны амфитеатр каменный. Опрокинули котел с варевом странным, и разлилось оно по земле. Бросились колдуны и колдуньи собирать варево разлившееся, но ударил один из Аранов по нему мечом, и огонь, все сжигающий и все очищающий, сжег причастие черное. Отовсюду собираются квази-люди и громко сетуют: «Зачем вы наше причастие уничтожили? Оно давало нам радость в нашей жизни невеселой. Что можете нам взамен дать вы, едва-ли не враги наши? Что-то, как бы отблеск чего-то знакомого в ваших обликах нам чудится».

Отвечает Элора могучий: «Мы лживое начало уничтожили. Месиво ваше, дурманившее вас, отнюдь причастием названо быть не может. Мы из далекой бесконечности принесли вам причастие истинное: тело и кровь Эона, собой пожертвовавшего для спасения других существ».

Горьким смехом хохочут сошедшиеся: «Знаем мы это тело и эту кровь! Это хлеб и вино пьяное! Все это мы и так ежедневно потребляем!» – «Нет, – говорит Элора, – я говорю вам не о хлебе и вине. Это простая символика. Хлеб и вино вкушая, вы, ес-

ли захотите причаститься, причаститесь. Если не захотите – не причаститесь. Дело не в хлебе и вине. Если вы сопричастными быть Его страданиям великим хотите, если вы захотите участвовать в деле спасения вам подобных, то пейте вино и хлеб ешьте и говорите, что телом и кровью Его причащаетесь, ибо в это время, в эту минуту торжественную дойдет до вас эманация Его бытия духовного и эманация Его жизни духовной, и ваша душа причастится им. Свет начала Эоновского проникнет в вас, и ваши чувства не ощутят его, но душа ваша сопричастна Эону станет, и вы тогда на жертву сами себя охотно отдадите для того, чтобы спасти вам подобных. Поймите, не материю светлого тела Его, только эманацию ее вы воспринимаете».

«А когда мы причастимся этим причастием мистическим, что будет?» – «Тогда вы охотно свою жизнь отдадите для блага других, тогда вы за других умереть готовы будете. Тогда вы сопричастными Эону станете и неизбежно собой для близких и далеких пожертвуете. Кто хочет причаститься, подходит».

И Элора открыл Чашу. Ярким светом сияла она. Смотрит Элора и с ним прибывшие и видят: бегут от них обитатели планеты странной.

Воротился Элора со всеми Аранами в обители свои, тотчас собрали круг громадный и говорят: «Неудачей окончился поход наш. Но не можем оставить дела начатого. Вернемся назад. С каждым из жителей бесконечности далекой поговорим мы, и уговорим их новую жизнь начать. А если не удастся, тогда подумаем, как спасти людей этих от жизни ужасной».

Снова в бесконечности далекой мирны Аранов прилетевших, и снова на всех ее землях они. С каждым жителем планеты говорят они. Напоминают ему его прошлую жизнь светлую. Говорят, что нельзя более жить в чаду котла проклятого, что надо жить светлой жизнью, а тем, кто других жалеет, надо быть готовыми на служение жертвенное. Неохотно слушают Аранов жители земли странной, бреднями называют их напоминания о прежней жизни, и все говорят, что несмотря на тяжелые промежутики, их жизнь прерывающиеся, не хотят они, хотя бы временно, для других жить. А то, что их жизнь миражом является, из этого ничего не следует. Не все ли одно, мираж или не мираж. Что для таких чудаков, как Араны, ужасом представляется, для них нормальная жизнь. Даже те, кто падают в борьбе за существование, могут забыться в угаре испарений котла черного варева.

Бесплодной и бесполезной была проповедь Аранов. Видели они, что даже дети, как только начинали что-то понимать, немедленно развращались в стране котла ужасного. Снова собрали свой круг Араны и говорят: «Для их же блага надо уничтожить это население странное, годное лишь на то, чтобы из одной бездны мрачной в другую переваливаться. Пусть не позорит эта бесконечность другие бесконечности. Да уничтожит ее Ничто, ибо она злым началом является, а ее обитатели только тогда живут, когда пьяны угаром черным, то есть, когда мертвы, а когда не дышат они удушливым дымом костра, они тоже мертвы. Нет для них подъема. Бросим в Ничто эту бесконечность. Быть может, в Ничто исчезнут навсегда ее язвы гнойные, а из Ничто имеется все-таки выход».

Говорит Элора: «Я не согласен. Пусть живут, как хотят. А вы, вместо того, чтобы их в Ничто бросить, идите учить их, как Эоны людей учили. Кто со мною?» И за Элора пошли двенадцать Аранов, всегда его сопровождавшие.

Выслали остальные Араны своих послов на границу бесконечностей к Аранидам, попросив их пропустить Ничто в бесконечность ужасную. Послушались Араниды, и часть из них встала двумя рядами от Ничто к бесконечности нераскаинной. И открыли они дорогу для Ничто по коридору, щитами Аранид образованному. Хлынуло Ничто по коридору этому, дошло до бесконечности и, наполнив ее, все в себе растворило, все в себя претворило. Стоят Араны на границе Ничто, к новой бесконечности подошедшего, и думают, что они должны силы свои разделить, оставив часть из них на помощь Аранидам, которым более протяженные границы от Ничто всепоглощающего охранять пришлось.

Безропотно несет часть Аранид свою службу новую, а другие в свои обители воротились зная, что Элора недоволен ими. Говорят они Элора: «Спросим Эонов Во-

ли, Любви, Мудрости и Красоты, мы ли правы, или ты прав?» Отвечает Элора: «Как хотите, для меня нет сомнений». Встали в круг могучие, положили мечи к ногам своим и подняли руки в верха. Засияли перед ними четыре Эона светом тихим. Разорвали круг свой Араны и стали по правую сторону перед Эонами, а Элора с двенадцатью – по левую сторону. Заговорили все Араны, едва подняли на Эонов очи свои: «Не нужно нам указаний ваших. Мы знаем, что не надо было нам уничтожать несчастных, хотя бы для того, чтобы они были очищены Ничто тяжелым. Мы знаем теперь, что неправы были мы. Напрасно мы судили, напрасно мы в жизнь, нам чуждую, в жизнь тех, кто не нападал на других, вмешались». Говорит Элора: «Неправ был и я, покинув Аранов. Я ни в коем случае не должен был оставлять их». Говорят двенадцать, Элора сопровождавших: «Неправы были и мы, отойдя от наших братьев».

Исчезли Эоны, и все почувствовали, что они благословили их. Шумят в кругу своем Араны: «В поход! В поход! На Ничто зловещее! Извлечем из него в нем утнувших!». Вот Араны около страны своей, и Элора могучий впереди них. Бьют они мечами своими Ничто тяжелое, и вспыхивают в нем звезды сияющие. Бросаются в Ничто Араны, как в омут глубокий, и извлекают оттуда в Ничто растворившихся. Отрывают могучие от себя часть одежд своих светлых, из них земли сверкающие образуют и на них помещают души квази-людей, из Ничто извлеченных. Видят они, что просветлели души эти, и слышат Араны шелест крыльев мистических. Поднимают вверх очи свои: мирна мирн Элоимов раскинула стан свой над мирами бесконечности воскресшей, и радостно перекликаются с ними Араны, прося создать в верхах места и для других ступеней лестницы, в верха идущей. А в высотах засверкали обители Эонов, и приветствовали их громкими криками Араны.

Постоянно ходят Араны по новым землям просветленным и стараются высоко поднять живущих на них. И никогда не забывают, что временно павшие когда-то в отрядах равных с ними были.

99. ТРИ РЫЦАРЯ БЕЛОГО КРЕСТА

По плохой проселочной дороге, с обеих сторон которой росли громадные оливы, ехал всадник в белом плаще. Когда распахивался плащ, на камзоле посреди груди виднелся белый четырехконечный большой крест. Медленно ехал всадник, зорко вглядываясь вперед, иногда останавливая коня и к чему-то прислушиваясь. Подъехав к тому месту, где оливы образовали большую рощу, всадник остановил коня и к нему тотчас же подъехал так же рыцарь, над шлемом которого развевались белые перья. Подъехавший рыцарь придерживал рукой небольшое копье. Он был высокого роста и очень широк в плечах. Боевой конь рыцаря казался уставшим и медленно подвигался вперед. Не успели рыцари обменяться приветствиями, как к ним подъехал третий рыцарь с белым плащом за плечами, в блестящих белых латах и тоже с белым крестом на груди.

Все три рыцаря разговорились, как старые товарищи по оружию, и выяснилось, что все они едут в замок рыцаря Мануэля Мондольфи, чтобы переговорить с ним о событиях во Франции. Не успели рыцари проскакать несколько шагов, как услышали пение псалмов и увидели четырех королевских рыцарей и священника, тоже выехавших на дорогу из рощи, которая была, как казалось, пересечена многими дорогами. Рыцари приветствовали друг друга и узнали от священника, что до замка Мондольфи еще далеко, в то время как до замка одного из подъехавших рыцарей не более получаса пути, почему он просит рыцарей Белого Креста сделать ему честь и отдохнуть в его замке, на что рыцари согласились.

Рыцари Белого Креста просили хозяина замка отвести им после ужина одну комнату, сославшись на свой устав, требовавший от них совместных молитв. Хозяин замка не мог отказать им в этой просьбе. Когда рыцари остались одни, между ними произошел следующий разговор:

1-й: «Я узнал священника. Это Диего, один из тупейших, а потому, подлейших инквизиторов. Он будет настаивать, чтобы нас схватили или просто убили во славу сатаны, которого он богом называет».

2-й: «Да. Но это неважно. Мы легко пробьемся, если они захотят помешать нам уехать».

3-й: «Служитель сатаны посоветует хозяину замка подмешать в вино, которое подадут нам, отраву, и потом они постараются взять нас. Но мы возьмем вино и не будем его пить, а когда ночью придут за нами, наденем латы и легко справимся со всеми».

Раздался тихий стук в дверь и в нее вошли три паж, которые принесли рыцарям кубки с вином с просьбой выпить за здоровье хозяина замка. Рыцари взяли кубки, и пажам показалось, что они выпили их до дна, после чего рыцари наполнили кубки золотыми монетами и передали пажам, прося их взять золото, как награду за труд. Пажи поклонились щедрым рыцарям и вышли, унося кубки.

Неподвижно сидят рыцари.

1-й: «Скоро они попытаются схватить нас».

2-й: «Не встретит ли нас тех, кто войдут, ударами мечей?»

3-й: «Мы не в сражении. Если надо, будем защищаться, но не нападать».

1-й: «Не надо убивать их. Не надо звать смерть на помощь. Они не повинуются доброму началу, а мы не хотим зла».

2-й: «Если они придут, то застанут нас вооруженными, а если нападут – будем защищаться!»

3-й: «Так будет!»

Молча сидят рыцари, слушая шум шагов по лестнице. Неподвижны рыцари. Кто-то пытается открыть дверь снаружи, а затем дверь начинают ломать. Неподвижны рыцари. Дверь падает под ударами. В комнату быстро входит священник и за ним четыре королевских рыцаря.

1-й Рыцарь Белого Креста: «В чем дело, рыцари?»

2-й Рыцарь Белого Креста: «Что вам здесь надо ночью?»

Священник: «Мы пришли арестовать вас по приказу короля!»

1-й Рыцарь Белого Креста: «Покажите приказ».

Священник: «Приказ был устный».

2-й Рыцарь Белого Креста: «Почему молчат королевские рыцари?»

Три рыцаря Белого Креста делают шаг вперед, королевские рыцари молча отходят назад.

Священник: «Бейте еретиков, во имя Бога!»

Королевские рыцари обнажают мечи, но от ударов о латы рыцарей Белого Креста ломаются. Один из рыцарей выбрасывает королевских рыцарей на лестницу. Священник с ужасом смотрит на него и падает на колени.

Три рыцаря Белого Креста выходят из комнаты, не обращая внимания на священника, но один из них возвращается и, показав священнику рукоятку своего меча, уходит. Священник лежит на полу неподвижно. Через некоторое время в комнату входят королевские рыцари и, подняв священника, кладут его на лавку.

Хозяин замка: «Что нам делать? Если мы отправимся за ними в погоню, они перебьют нас, да и замок Мондольфи не так далек, как говорил святой отец».

Входит паж: «Рыцари Белого Креста взяли всех наших коней, оставив за них плату, господин».

Хозяин замка: «Они смотрят на нас, как на мещан!»

Вокруг круглого стола в замке Мондольфи сидят двенадцать рыцарей Белого Креста, в том числе хозяин замка и три рыцаря, только что прибывшие из соседнего замка, в котором они провели вечер и куда приказали отправить, взятых там лошадей.

1-й приехавший: «Настала наша очередь сказать, какого мы герба. Мой герб – несущийся в атаку всадник на коне».

2-й приехавший: «Мой герб – рука, держащая блюдо с двенадцатью замками».

3-й приехавший: «Мой герб – сломанная черная молния на голубом фоне».

Девять рыцарей встают: «Привет вам и почет наш, рыцари, мы узнали, кто вы по гербам вашим».

Три рыцаря: «Привет всем вам. Откроем собрание. Слово за хозяином замка».

Мондольфи: «Мы все имеем право носить Белый Крест. Все должны поэтому хранить без малейшего ущерба основные качества рыцарей и к ним прибавить новое – бескорыстие. Ошибкой было наше стремление к богатству. Правда, мы собирали его для большей силы Ордена и давали займы папам и коронованным особым для того, чтобы держать их в руках, но они уничтожили Орден, чтобы украсть его богатства. Мы пробудили демона зависти, а французский король и папа делали все, чтобы уничтожить нас. Отныне мы непримиримые враги духовной и светской власти, и как прежде мы боролись за освобождение христиан из под ига мусульман, так отныне будем бороться за освобождение людей от власти пап и королей».

1-й из 9-ти: «И за освобождение людей от всякой власти, кто бы ни был ее носителем».

2-й из 9-ти: «Властители были и будут до скончания веков преступниками. Все они слуги темных, но Бог Великий безусловно свободу дал людям жить так, как они считают нужным».

3-й из 9-ти: «Свято сохраним те свойства рыцарей, которыми мы так гордились. Да будут рыцари смелы, горды, великодушны, щедры, верны, милостивы, вольны, как силы небесные».

Все рыцари: «Да будут!»

4-й из 9-ти: «Всегда и везде, в веках и мирах! Будем единомышленны и солидарны. А тот, кто деяниями своими отречется от нас и наших правил здесь на земле, от того отречемся мы в обителях ангелов».

Все рыцари: «Да будет!»

5-й из 9-ти: «Рыцари! Всегда и везде будем бороться ad maiorem Ordinis gloriam! Всегда и везде, в бою и в мирное время, на воле и в тюрьме будем помнить, что мы идем ad Magnum Deum. Выше сердца!»

Все рыцари: «Эксельсиор! Эксельсиор! Эксельсиор!»

6-й из 9-ти: «Будем милостивы к слабым. Всегда подадим руку помощи падающим. Поможем нуждающимся».

Все рыцари: «Так будет!»

7-й из 9-ти: «Рыцари! Все, что сказано – хорошо, но сказанного – недостаточно. Дадим рыцарское слово, что, отозванные в верха, мы возвратимся в низы, как только позовут нас оставшиеся на земле рыцари».

Все рыцари: «Так будет! Так будет!»

8-й из 9-ти: «Рыцари! Дадим слово, что никогда в мирах и веках, как бы красива ни была власть и слава, мы не будем думать о ней, не будем стремиться к ней, не пойдем в рядах сторонников Темного, которому дана вся власть над земными царствами, вся слава их!»

Все рыцари: «Да будет! Да будет!»

9-й из 9-ти: «Рыцари! Я вижу час, когда Эон Великий снова пойдет по земле. Все мы пойдем за Ним, как верные ученики Его».

Все рыцари: «Не отдадим Его на смерть крестную! Да не увидят очи наши земной смерти Его! Все мы умрем за учение Его, если нужна будет смерть наша!»

9-й из 9-ти: «А теперь, рыцари, наполните бокалы ваши: За вечную славу Эонов, на земли сходявших и глубины посетивших!»

Все рыцари: «Ордену слава в веках! Аминь!»

В пространствах высоких стоит Рыцарь и гремит труба в руках его. На зов его появляются Те, кто были на земле Рыцарями Белого Креста.

100. НИРВАНИДЫ

За круглым столом собрались шесть Нирванид. «Надо выяснить кто Он, Великий, а то – что же это? Обыкновенные люди и те поняли кое-что, и их слова, хотя в другом смысле повторить можно...»

Говорят нирваниды одна за другой.

«Он везде сущий».

«Да, это значит – во всем проявляется. Но это не значит, что Он и я – одно, что Он всецело в инфузории земли, что Он – инфузория».

«Не значит, что Он хотя бы частью Своей малейшей в этой инфузории. В ней нет Его. Ерго – Он не вездесущ. Нет Его в ужасных чудовищах, глупых, злых, нелепых порождениях той слепой силы, которая природой называется».

«Если бы Он был везде – все Им было бы. В Нем было бы и плохое и хорошее. Тогда верны дикие представления о Нем тех людей, для которых Он – добро и зло одновременно, доброе и злое начало вместе; Он был бы подобен человеку, этой маленькой бактерии».

«Не проще ли признать, что Он не вездесущ, а есть лишь там, где хочет быть?»

«По-моему Он – комар... Как? Да так: у Него маленькое туловище, шесть ножек, два прозрачных крылышка, хоботок... Да ведь вы знаете комара земли... Бог – комар».

«Какая неудачная шутка: при чем тут Бог? Бог всемогущ».

«Однако Он никогда не обращал нас в бактерий земли!»

«Мог бы, но не захотел... Ах, я не знаю, быть может, Он не мог бы захотеть обратиться нас в бактерии... Значит, в каком-то нам неведомом смысле, Он не всемогущ!»

«Мне кажется, Он не всемогущ, так как ясно – Он не может уничтожить сам себя, кем бы и, вместе с тем, чем бы Он ни был. Ведь Он – вечен, иначе Он не был бы Богом».

«Одно из двух: или Он может исчезнуть, или нет. Если может исчезнуть, то Он не Бог, ибо только тварь, хотя бы нашим мозгом, нашей фантазией созданная, не вечна. Если не может исчезнуть, то какой же Он всемогущий?»

«По-моему, Он – комар. У Него маленькое туловище, шесть ножек, два прозрачных крылышка, хоботок...».

«К чему продолжать неудавшуюся шутку? Он всезнающий!»

«Как это – «всезнающий» и не вмешивается в борьбу со злом? Мыслимо ли это для всезнающего? Ведь мы, несовершенные, и то бросаемся в эту борьбу, редко отдыхая от нее. Если допускается зло грязное, если Он не сжег его Своим дуновением, значит, Он не знает зла так, как его сотворенные знают. Значит, Он не всезнающий».

«Вообще, Ему нельзя приписывать какое-либо свойство абсолютное, в том числе и всезнание. У Него непостижимое, свое знание, которое мы напрасно называем этим словом и которое резко от нашего знания не только качественно, но и количественно отличается».

«Наше знание для Него – нелепость, ноль, как и для нас нелепость и ноль знание бактерии земли».

«Как бы ни было безгранично велико у Него то, что мы Его знанием называем, все-таки надо определить, что нам называть «знанием Бога».

«Вы уклонились от темы... А что такое Бог?.. Я скажу: Он – комар. У Него маленькое туловище, шесть ножек, два прозрачных крылышка, хоботок. Да ведь вы знаете комара земли. Бог – комар!»

«Ах! Зачем ты повторяешь все то же! Он – Великий. А как ни мало понятны нам Его свойства, во всяком случае – Он всеблаг. Взгляни как всюду живут и радуются жизни и в верхах и в низах».

«Да, конечно. Но не ошибаешься ли ты, давая Ему такое определение? Попробуем прислушаться к голосам, хотя бы из низов несущимся. Слышите? Что за ужасные вопли! Что за страдальческие крики! Что за отчаяние в мире, хотя бы на землях сущем – в мире, который миром грязных лярв называется. Да и в других мирах меня оглушают крики, ужасают те страдания, которые исторгают их. Можно ли сказать «всеблаг» о том, который одним словом мог бы все страдания уничтожить?»

«Правда! Если даже допустить, что страдания нужны для того, чтобы одумались согрешившие существа, то Он, Всемогущий, мог бы без страданий заставить одуматься и вовремя остановиться тех, кого толкают на грех обстоятельства жизни».

«Если Он – «всеблаг», то почему неравенство в условиях существования духов? Ведь то неравенство, которое мы всюду наблюдаем – зло; как же мог его создать «всеблагой»?»

«Но зло могло быть нужным для того, чтобы добро явилось. Правда, можно бы было ограничиться наличием разных степеней добра. Быть может зло нужно для всеблагих целей, потому что люди, не познав зла, сравнялись бы со стихиями и делали бы ненужное... В пустяках их жизнь растворилась бы, ибо отсутствие зла, того зла, с которым борются лучшие из них, всех бы их приглушило, сделав постоянно пассивными».

«Неужели вы не видите, что ваш Бог ничего не стоит, что Он просто комар – у Него маленькое туловище, шесть ножек, два прозрачных крылышка, хоботок... Да ведь вы знаете комара земли. Бог – комар!»

«Сестра, я, как мне кажется, понимаю тебя. Все определения, которые мы прилагаем к Великому Богу, не имеют к Нему ни малейшего отношения. Он непостижим и совсем другого порядка. Не существо Он».

«Да. Не о Великом Боге говорили мы, стараясь дать Ему определение. Мы только свои свойства перечисляли, прибавив к ним те слова, которые придавали этим понятиям превосходную степень».

«О чем-то невыразимо низшем, чем Великий Бог, говорили мы, и это тем глупее, что в какой степени ни бери человеческие чувства – они человеческими и останутся или совсем исчезнут, то есть, останутся не в превосходной степени».

«Нет у Него, Бога Великого, ни одного нашего или схожего с нашим чувства и качества. Вообще, нелепо духоморфизировать Его и, тем более, антропоморфизировать. У нас нет слов, корни которых не были бы тесно связаны с нами. Значит, нет слов, которые были бы связаны с Ним!»

«О Нем нельзя дать понятие. И все понятия, будь это понятия Индии, Египта, Крита, Персии, Атлантиды и прочие, говорят не о Нем, а о какой-либо твари Его в бесконечностях сущей».

«А все же есть для Него определение, но исключительно отрицательное. Он, прежде всего, – не-сущий, а потому не мощен для нас. Мы отделены от Него, как будто мы не Его творение. Но когда-нибудь, в результате подъемов почти бесконечных, частью Его станем, и это для того, чтобы, оторвавшись от Него, снова идти в верха...»

«Скажи, не пожелал ли Он в тварях разлиться, создав себе мирну оболочек и подъем с нею? И разлившись – Он целым остался, ибо что бы ни взять от Бесконечности, хотя бы всю Бесконечность, она Бесконечностью останется. А потому все эти страдания – не наши, а Его. Это Он страдает!»

101. НИРВАНИДЫ О ДИМИУРГАХ

Нам, с наших высот несказанных, видно то и так, как не видно в низах сущим. Совсем не тем, чем кажутся людям, являются в своей сущности и в своем целом звездные миры. Я должна оговориться в самом начале: разные бывают Димы, и разное к ним относятся силы высокие. Я же буду говорить о Димах высоких.

Смотрите на миры людей, разноцветными солнцами озаряемые. Земли, на которых живут люди и другие существа, вращаются вокруг солнц. Солнца, разными огнями горящие, и земли, около них вращающиеся, несутся потоками разными, как кровавые шарiki в телах людей носятся по путям предопределенным. Планеты-земли как бы в плену у солнц находятся и стремятся куда-то вместе с солнцами. Но не вечен плен этот... Не вечен потому, что солнца с планетами – это атомы тела громадного, и солнце каждое – центральное тело этого атома, а планеты вокруг солнца, центрального ядра, вращающиеся – это ионы, электроны атома. Атомы образуют своими соединениями те молекулы и клеточки, которые созвездиями называются и являются все вместе кровеносной системой Дима. Ионы-электроны Дима, то есть, планеты или земли, в свою очередь распадаются на клеточки, атомы, ионы, а пос-

ледние переходят в икс-истрал. Отмирают клеточки-созвездия Дима, и напрасно думают люди, что они не видят потухших солнц и их планет. Нет солнц этих. Эти солнца в икс-истрал рассеялись, как рассыпались и земли, около них существовавшие.

Мне понятен вопрос твой, хотя далеко не всегда я понимаю тебя. Да, конечно, земли, эти ионы тела громадного, – живые существа. Я не скажу наверное, является ли огонь, в них сущий, – их кровью, воздух, их облегающий, – их мозгом, кора – их кожей, леса и травы – их волосами и так далее. Но что можешь понять ты о строении по преимуществу сущей мистической земли? Долго придется тебе подниматься, прежде чем простыми будут казаться тебе наши истины, прежде чем вполне поймешь нашу речь и наши понятия. А человек, на землях пребывающий? Он тоже Дим, и в нем, как в Диме-гиганте, носятся солнца и планеты – атомы тела его, и на ионах тела его, как на своеобразных землях, живут существа, микрoлюди, и строят свои микрoлюдные скопления.

Далеко не все здесь сказано мною. Если можешь и понимаешь, слушай дальше. Когда гаснут солнца, когда потухает огонь земель, тогда умирают солнца и земли – отмирают частицы тела Дима. Тогда распадаются солнца и земли на мирны икс-истралов, а эти икс-истралы переходят в икс-истралы отрицательные, а икс-истралы отрицательные образуют своим объединением отрицательные ионы, а ионы отрицательные, выделив центральное ядро, образуют атом отрицательный, а атом вместе с другими атомами – молекулу отрицательную, клеточку отрицательную, земли отрицательные и солнца отрицательные и, наконец, тело отрицательное минус-Дима. Где обитает минус-Дим? Да там же, где все Димы – в тех пространствах, которые для обитателей земель являются заполненными солнцами желтыми, красными, оранжевыми, синими, зелеными, голубыми, фиолетовыми. И в тех, которые ультра и ультра, инфра и инфра, ультра-инфра и инфра-ультра желтыми, красными, оранжевыми и так далее блестящими солнцами заполненными кажутся.

В этих же пространствах, где и первые Димы, минус-Димы находятся, но вы, малосовершенные, не видите и не ощущаете их. Они как бы душою Димов положительных являясь. Как души в телах людей невидимо пребывают, так и Димы отрицательные в телах Димов положительных пребывают. Понятно, ничего недостойного и меньшего не представляют из себя эти Димы, хотя они «отрицательными» мною названы. Надо как-то отличить их от Димов – наших старых знакомых. Итак, вторые Димы – суть души первых Димов, и они так же связаны друг с другом, как тела и души людей. Разница только в том, что не исчезает, не распадается, не умирает Дим положительный, когда уходит от него Дим отрицательный, но в него входит новый Дим отрицательный. Ты не вполне понимаешь оттого, что ты мыслишь Дима в форме человека, но он отличается от человека больше, чем человек отличается от дерева или травки. Если ты хочешь, чтобы я описала тебе сверх-Димов, перед которыми Димы, о которых ты слышал, в мирны раз меньше тебе известных и относятся к ним по размеру, как инфузория мира людей к Диму положительному по величине относится, то я отвечу: не поймешь ты слов моих. Ты и теперь недоумеваешь, спрашивая, не атрибуты ли Великого приписаны мною Диму высокому.

Ничего ты не понимаешь о Великом. Поговори когда-нибудь с духом Познания. Сейчас ты прав: бездна вверх, бездна вниз. То, что вверх, то и вниз. Но пока что ты далеко не понял смысл этого изречения. А так как ты не понял, то и поверить не можешь сказанному. Но это и не нужно: сказанное будет жить в тебе. Но все-таки не мысли Дима в формах животного, растения или в форме духов. Не мысли Димов в форме стихий, иначе никогда не поймешь, кем являются эти мысли Великого.

102. ТАНСЕБЫ

Нед рассказывал.

Меня позвал «всех, кроме себя, жалеющий» в страну Нирванид сострадательных и, усталый, я прибыл туда. Они, как будто, не замечали меня, быть может, показывали вид, что не замечают. Предо мной расстилалась бесконечная равнина, сверкаю-

щая каким-то белым цветом: цвет это напоминал цвет снега тех земель, которые золотыми солнцами озаряются, но был много ярче и светлее его. Я увидел большие здания, стены которых сверкали, как снежинки на солнце, и напоминали собой ровный слой снеговых кристаллов разнообразных форм. Блестками разноцветных холодных огней сверкали стены удивительных по красоте, как бы в высоты рвущихся зданий и, когда раскрывали двери их, я видел ряды высоких стройных колонн, видел перелетающие с места на место разноцветные огни, видел ряды лампад, горящих кверху рвущимся пламенем ослепительно белого цвета. Я не мог ранее представить себе, что существует свет такой белизны, но только секунду я мог смотреть на него, тотчас же отводя сразу устающие глаза. Что-то наполняло пространство около стен внутри здания.

Мне казалось, что я вижу неясные, непонятные призраки странных предметов, постоянно меняющих свои формы, все более и более прекрасных, полупризрачных, как бы мерцающих и дрожащих. Мне казалось, что все эти мерцающие предметы издают по временам музыкальные звуки, сливающиеся в странные, хватающие за сердце мелодии. Когда распахивались двери зданий этих, я видел входящих и уходящих духов, не напоминающих существ, мною ранее виданных. Как опишу я их? Они были более, чем прекрасны, и сияли какой-то трогательной, тихой, невыразимо грустной и, вместе с тем, совершенной красотой. Как будто бы мечта поэта, времен близкой гибели миров прекрасных, осуществилась и воплотилась в этих существах, и только изредка загорались взоры их больших очей страшной силы и энергии. Я прислушивался к их речам и иногда понимал их. Они говорили о своем путешествии в страну чарн, о своих выступлениях в далеких бесконечностях, и поразительны были рассказы их, хотя не все понимал я рассказы эти.

Тот, кто «всех, кроме себя, жалел», отошел от меня, сказав, что явится по первому моему зову, а я пошел за одной из Нирванид. К ней присоединились две ее подружки, и я увидел, что они охвачены были чувством, которое я далеко не вполне понял. Я, наверное, очень приблизительно и условно назову это чувство так: «пробил в нас час неизбежности встречи близкой». Как мощное воспринимал я это чувство. Они не могли бороться с ним и, грозные, как-то странно напряженные, шли они к одному из громадных зданий, которые, в отличие от домов, к верхам рвущихся, с окнами, напоминающими стрелы, вверх летящие, казались невысокими, как бы к низам прижавшимися, но все же очень высокими, хотя и не очень стройными.

Вошел я, нед, за духами в один из домов этих. В нем господствовала фиолетовая полутьма. Присмотревшись, я увидел невысокие кресла, в которых сидел какие-то исполины, образы которых едва выделялись в фиолетовом полусумраке. Я видел, как встали эти исполины навстречу Нирванидам, и трое из них уступили им свои места, сев напротив. Нирваниды просили исполинов отказаться от бездействия странного, бездействия полного. Понял я из разговоров существ странных, что исполины полны мощи невероятной, что они могли бы совершить великие дела и подвиги, но не хотят что-либо сделать. Глубокое разочарование, нет, глубокое безразличие звучало в их ответах. Немногое понял я: часто слова, мне понятные, сменял свет колеблющийся, свет зеленоватый, от Нирванид исходящий, и с каким-то, напоминающим красный, цветом, от исполинов исходящим, сливающийся. Какие-то странные иероглифы рисовались при столкновении этих цветовых волн, и мне казалось, прекрасно понимали исполины и Нирваниды значение и смысл иероглифов этих. Кое-что я услышал и понял из разговора странного, так как все время присутствовал при нем, причем один из исполинов уступил мне свое место рядом с местами, Нирванидами занятыми.

Исполины говорили, что они ничем не интересуются, что они вовсе не хотят подняться в миры более высокие, что они не хотят иметь больше чувств, чем у них имеется, больше знаний, чем ими приобретены. Они утверждали, что все ощущения, все знания в высших и низших мирах имеющиеся, не стоят того, чтобы стремиться к ним. Очень высоко или очень мелко знание какое-либо, оно только приближение к истине, и как приближение, а не истина, не стоит того, чтобы исполины интересовались им. В мирах, численность которых неисчислима, столько зла, что

не хочется думать о нем; и если Бог Великий не считает нужным преодолеть и уничтожить это зло, не хотят бороться с ним и исполины. Мрачной, но спокойной насмешкой над Богом звучали слова эти, и я не вмешивался в разговор, как потому, что не все понимал, так и потому, что Нирваниды умели ответить на слова исполинов.

«Мы расскажем вам одно из наших последних посещений бесконечности далекой, – говорили Нирваниды, – быть может вы поймете, что нельзя праздными оставаться, когда столько злодейства и ужасов в мирах существует. Быть может, вы войдете в ряды воинов, услышав крики призыва о помощи, которых вы слышать не хотите, отгородившись от них стеной фиолетовой».

«Мы всегда готовы выслушать вас, что бы ни хотели вы сообщить нам», – говорят Нирваны, и глубокое безразличие против их воли звучит в словах этих.

«Я, – начала свой рассказ одна из Нирванид, – превратила себя в существо, столь малое, что побывала на одной из земель, вокруг солнца вращающейся, одного из тех солнц, миллионы которых в телах людей носят, и, увидев людей на планетах этих мельчайших, я спустилась на те планеты, которые вращаются вокруг солнц, внутри этих людей сущих. И, слушайте, Нирваны, везде я видела людей, в верха рвущихся и во имя цели высокой активные группы борцов бесстрашных организующих...»

Переглянулись Нирваны и какая-то тень пробежала по лицам их. Говорит та же Нирванида: «Покинула я обитатели эти. Прошла через миры разные, прошла и через наш мир, и высоко, высоко поднялась я. Вот увидела я светлые существа и поняла, что в светлый мир попала я. Вижу: черная, громадная молния несется по миру светлomu, и бессильны против нее существа бесконечности, в которую так недавно переселились мы. Схватила я молнию черную и препоясалась ею, и под ликующие клики обитателей светлых спустилась, черной молнией опоясанная, в миры наши и заперла ее в одной из хижин наших».

Опять переглянулись Нирваны, снова на мгновение оживились лица их, но молчат они, замолчала и Нирванида.

Говорит тогда вторая Нирванида: «Я была в далекой, далекой бесконечности. Там на громадном диске плоском живут существа, поразительно на людей похожие, но люди эти очень умны, справедливы, вежливы, образованны, блестящи. Много среди них мудрецов, серьезных ученых. Прекрасны и изящны их женщины, великолепно они все одеваются. Часто звучит на их собраниях прекрасная музыка, читаются интересные лекции. Красиво и шумно катятся в этой стране волны жизни. Только в низах общества я увидела обделенных, обиженных существ, выполняющих в мире этом работу, которую не хотели делать прекрасные обитатели земли той. Увидела я, как по земле этой ходили три суровых мужа, настойчиво твердя, чтобы уравнились обиженные с теми, на кого они работали. Но не слушали проповедников жители этой земли плоской и заставляли работать обездоленных, устраивая празднества свои.

Со странным чувством смотрела я на миры эти и боялась, что не пройдет для них даром несправедливость, ими допущенная. Я хотела позвать своих подруг и сойти в миры эти, проповедуя светлое равенство, но вдруг увидела, как тансебы безобразные спустились громадной толпой на землю эту. Высокие, тощие, как бы из высохших костей составленные, почти без лбов, с узкими, злыми, кровавым огнем горевшими глазами они окружили страну существ, с людьми схожих. Я увидела, как нагнулись они и схватили своими лапами обитателей страны, в которой была я. Вижу я, что одно из чудовищ и меня лапой схватить хочет, и я схватила его за лапу когтистую и, пригнув к земле, смотрела, что дальше будет. Увидела я, что чудовища, схватив людей в лапы свои, начали их перекидывать друг к другу. Как мячи летали люди и странно беспомощно вертелись во время полета. От страха и смущения громко кричали люди, как мячи перекидываемые, и от невыразимого испуга теряли сознание женщины. А тансебы, поиграв с людьми, тихонько поставили их на землю и со злобным хохотом исчезли. А я вспыхнула негодованием и, свернув в комок хотевшего меня схватить тансеба, бросила его в дальние бесконечности. Я видела, как смущены были люди земли плоской, с каким ужасом говорили они о происшедшем, и бросилась я в свои обитатели звать Нирванид на помощь.

Мирна Нирванид согласилась со мной, и мы прилетели на землю плоскую невидимыми для людей. Мы увидели, как ходили по земле проповедники, говоря, что только в обители равных не посмеют прилететь духи дикие, и колебались люди, говоря, что если еще раз появятся духи эти, то они устроятся так, что равенство засияет на их землях. И снова прилетели духи ужасные и схватили людей в свои лапы железные, а мы сравнивались с ними ростом, вынули из лап их людей, свернули их самих в клубки и швырнули их в бесконечность далекую. Мы помчались за тансебами, нами брошенными и настигли их в икс-бесконечности, где они бесновались около каких-то прозрачных стен высоких, не имея возможности перелететь через них. А за стенами виднелся высокий, как бы из лучей солнц далеких сотканный крест и внизу его, как бы на страже, стояли четыре отряда Легов вооруженных. Видели мы, как шли к кресту этому то по одиночке, то по двое, то по несколько человек сразу обитатели мира, стенами окруженного, дойдя до креста словно с удивлением поднимали на него очи свои и, как будто чему-то обрадовавшись, проходили мимо, а Леги провожали их. Но едва выходили они из света, от креста исходящего, от них отделялось нечто темное и старалось спрятаться под формой какого-либо растения, или камня придорожного. Лишь едва заметный туман черный клубился над растениями и камнями этими.

Отойдя от креста, возвращались люди другой дорогой в селения свои, и проследили их путь Нирваниды. Увидели Нирваниды, что возвратившиеся вступали в своих городах в давно существовавшие там организации людей воинственных, и с непреклонной волей вели они там борьбу с силами темными. Когда видел такой человек темное начало в ком-либо из людей, сильно развившееся, то он уговаривал человека сходить к кресту, и если тот шел туда, все оканчивалось так же, как и с пославшим его, а если не соглашался на такое, то посылавший сам выбрасывал из тела тьму, в нем находящуюся, и она уносилась, как будто каким-то вихрем, а потом входила в какой-либо камень или растение.

Мы подождали некоторое время: оно для нас мигом показалось, а для существ страны креста сияющего столетиями было. И когда увидели, что вся тьма тяжелая собралась в камни и растения, мы выбросили камни и растения эти за стены прозрачные, и на них бросились тансебы, разбили камни, разорвали растения, и тьма тяжелая вошла в духов этих. А мы снова бросили тансебов подальше от стен высоких, боясь, что перебросят они тьму обратно...»

Замолчала Нирванида, а Нирваны говорят: «Не оставят тансебы, тьмой подкрепленные, своих нападений на мир просветлевший. Что вы сделали?»

Переглянулись Нирваниды, радуясь, что заинтересовали Нирванов, и ответила третья: «Я последовала за тансебами и увидела, что они стали еще ужаснее и темнее. Они слились с тьмой, выброшенной из страны Креста высокого, и если не будут они в Ничто брошены, много зла причинят мирам далеким. Вы знаете, что мы не решимся кого бы то ни было в Ничто бросить и не сумеем преобразить этих духов злобных. Но я знаю, что Нирваны могли бы помочь нам справиться с тансебами.»

Встали Нирваны, как бы желая сказать что-то. Огнем загорелись лица их, но они переглянулись, ничего не сказали и опять сели в кресла свои... Как бы с пренебрежением взглянули на них Нирваниды. Погас в них огонь встречи желанной, и они ушли, ни разу не оглянувшись. Нирваны не двигаясь смотрели им вслед, но смущение и страдание отразилось на их лицах.

Я встал и пошел к выходу. На пороге я повернулся и сказал Нирванам: «Как хорошо, что вспоминая о вашем космосе, я Нирванид вспоминать буду...»

103. ЧУВСТВА У АРЛЕГОВ

Ошибочно представлять духов высоких в виде людей с крыльями. Неверно и то представление о них, которое рисует их змеями, быками, львами, орлами, конями, молниями, кругами, причем все это получает человеческие головы и часть торса, а

остальная часть туловища заимствуется у названных творений. Все это ошибка! Мы можем сказать о них только одно: если у людей 5 чувств, то у них не менее 256. Вы хотите знать, какие это чувства? Попытаюсь сказать об этом, а пока напомним, что Арлеги живут далеко за пределами наших солнечных систем, и все солнца, которые мы видим и которые мы не видим за дальностью расстояния, Арлег может взять в свою руку и пересыпать в другую руку, как ребенок пересыпает горсть песка. Эти сверх-гиганты, для которых наши миллионы лет кажутся миллионной долей секунды, которым мирны лет ощущаются, как величины ничтожные, для которых бесконечность пространств так же мала, как мала для людей протяжение дороги от Иерусалима до Галилеи, – они обладают не только чувствами людей, но и другими чувствами, и об этих чувствах я могу дать только приблизительное понятие.

Представьте себе, что бушующий океан ощущал бы себя, как мы все себя ощущаем; и вот ощущение такого, гигантские волны вздымающего океана является одним из слабых подобий одного из архангельских чувств. Представьте себе ветер, перешедший в бурю с ее страшными порывами, и помните, что этот ветер – не ветер вашей земли (как не на землях находится упомянутый мною океан бушующий). Этот ветер – живое, многопонимающее существо, и тогда его чувства слабым отражением одного из архангельских чувств были бы.

Если огонь в мирну раз мощный, чем тот, который на земле бывает, осознавал бы себя и почувствовал бы свое существование, то его чувства неким слабым подобием одного из архангельских чувств было бы. Следующее чувство подобно тому, как будто бы он самого себя как совершенно ему чуждое существо видит и всячески ощущает себя отдельно от себя сущим.

Если бы тихое сияние прекрасных лун, много прекраснейших чем наша, само себе могло бы чувствовать, то это ощущение одного бы из чувств Арлега напоминало.

Когда блестит красками, чудно яркими и величавыми, заря утренняя или вечерняя, и если бы заря эта могла воспринимать блеск и сущность другой зари, ей подобной, то она ощущала бы приблизительно то, что воспринимается одним из многих чувств Арлега.

Блестит красотой странной, красотой квази-мистической северное сияние земель, и если бы это сияние могло ощущать блеск и сущность сияния северного, то оно почувствовало бы нечто подобное тому, что Арлеги чувствуют.

Красивы кристаллы, тихо сверкающие, снежинок холодных, и они чувствуют холод, блеск холодный и глубокие мысли снежинок-соседей, и новое, людям неведомое чувство появляется у них, как отблеск далекий чувства, Арлегу присущего.

Красивыми цветами загорается радуга высот далеких, и чувствует каждый цвет ее, и все они вместе воспринимают чужой блеск, красоту и сияние мягкое радуги миров нездешних, но во много раз сильнее и ярче чувствуют Арлеги ощущение радуги прекрасной. Сверкают огнями отраженными и внутри камней рожденными алмазы, рубины, изумруды и множество других камней драгоценных других земель, в пространствах разбросанных, и все они, если бы могли любоваться красотой своей, понимать ее сущность, имели бы одно из чувств Арлегов.

А вот сияет гигантское солнце, во многое множество раз наше солнце превосходящее, и притягивает оно к себе земли разные; и если бы ощущало оно мощь и значимость своей силы притягательной, то что-то подобное чувству Арлегов было бы у него.

А вот в космосе голубых солнц слышится гармония нежная и сильная их движения бесконечно длящегося, и если бы могла ощущать сама себя гармония эта, ее ощущения одно из чувств Арлегов напоминали бы.

И многое множество других чувств имеется у Арлегов могучих, чувств, о которых вы узнаете, когда сердце отблеска Арлеговского, в вас сущего, откроется для восприятия мало доступного...

Ныне скажу только вам: поднимаются в верха несказанные Арлеги взлетом могучим и падают в низы, ниже Преисподней лежащие, и снова поднимаются и снова спускаются безостановочно в течение мирны мирн лет. Бывает, что проходя через

свою сферу, они останавливались в ней на некоторое время. Им казалось тогда, что нет ничего нигде, кроме них самих, что все, что множеством чувств их ощущается, одна иллюзия странная, мираж обманчивый. Они поддавались обману этому. Им казалось, что нет ничего, что нет в них самих. Тень грозного темного Арлега промелькнула перед ними, и он, сомневающийся даже в очевидном, даже очевидность бредом сумасшедшего объявляющий, давал им уверенность, что все мираж, что кроме миража ничего нет, и они на миллионную долю мига уверовали в это и с быстротой невероятной в низы низов сойти стремились, уверяя себя, что это нисхождение также простым миражем будет.

Но грозной красотой, более грозной, чем красота Арлега темного, загорелись лики Арлегов, и поняли они, что все свои 256 чувств могут они в одно чувство всепоглощающее слить. Тогда появилась в космосе Арлегов свеча высокая, восковую свечу напоминающая, и загорелась она светом ярким. Быстро горела свеча. Очнулись Арлеги и высоко, высоко, до самых Эонов поднялись они. Через ряды Эонов прошли они к высотам высочайшим, и вдали мелькнуло перед ними видение странное. Не вынесли они видения этого, ринулись в низы и снова в своих обителях очутились. Стали совещаться они, почему не вынесли они видения высокого, блеска несказанного – снова загоралась свеча восковая пламенем тихим, пламенем, на этот раз, не кверху рвущимся, а пламенем жертвенным. И все Арлеги почувствовали, что загорелась в них любовь воинственная, и ринулись они в низы глубокие, за оросом низшим лежащие. И вошли они в обитель Бога страшного, Бога Черного, существами тех низов созданного, и засиял рядом с Богом Черным звездный свет Арлегов, свет тихий, священный, сияющий, радостный и успокаивающий... Решили Арлеги часто посещать низы гнетущие и часть отряда своего всегда оставлять в низах для того, чтобы готовились обитатели низов к более высокой жизни.

Остались в низах мудрейшие из мудрых и сильнеешие из сильных, тех, кого Серафимами и Херувимами на нашей земле называют, и начали работу Эгрегоров, работу объединения.

Снова поднялись в свой космос (надолго ли?) Арлеги и все чаще и чаще объединялись они в свечу, горящую светом тихим, и свет этот пронизывал тьму космосов, ниже расположенных. Освещали они миры, ниже их лежащие, и то один, то другой Арлег сходил в низы для работ своих. Вот сошли вниз два, одно имя носящие, и солнца, золотым блеском горящие, решили они обратиться к солнцу, голубым пламенем сверкающие.

Говорят им темные Арлеги: «Не выдержат люди света солнц голубых, им сроден свет золота, на земле сущего». Отвечают два, одно имя носящие: «Изменятся сердца людей, жалостью высокой проникнутся, а ныне тлеет она под лучами солнц золотых!» Загорелись солнца земель светом голубым, и Духи, к себе самим беспощадные, а другим всепрощающие, тотчас же появились на землях, солнцами голубыми освещаемых... На многих землях были Иуды, отблеск Эона на распятие отдать готовые. Под блеском солнц голубых встретились они с духами, все другим прощающими, к самим себе беспощадными, и Иуды стали вернейшими из учеников тех, кто учение Эона проповедовал.

Торжествуя, вернулись Арлеги в высоты свои, и распалась свеча горящая, а вместо нее появились колеса гигантские, как бы из молний сверкающих сплетенные, и на колесе том находились мирны очей, далеко видящих верха несказанные и в низы далекие зорко смотрящие. Распалось колесо это и, составив хорею, многих охватившую, помчались Арлеги в высоты непостижимые, стремясь Бога Великого увидеть. С неизреченной быстротой мчится хорея к высотам непонятным, и расступается перед ней мир Эонов, давая дорогу Арлегам.

Слышат они, мимо Эонов пролетая, что благодарят их за то, что они в низы спустились, за то, что они солнца голубые зажгли. И тогда захотели Арлеги назад вернуться, так как думали они, что слишком мало сделали для того, чтобы Бога увидеть. Но Эоны сомкнули свои ряды, и Арлегам пришлось в верха подниматься. Увидели они реку огня не жгущего и бросились в волны ее. Услышали они отзвук Элоима,

отблеск света Его, и почувствовали, что только по милости Его неизреченной не потеряли они способности видеть и слышать. И в испуге просили они более мощных, чем они, дать им силы вернуться... Почувствовали они, что Элоим дал им мощь и силу великую, и направились они в свои обители, где сохранились у них силы, им данные.

И снова затеплилась там свеча высокая и изменился огонь ее: любовь воинственная зажглась в Арлегах. Увидели они не только низы, но и миры в разных бесконечностях раскинувшиеся, куда призывались могучие борцы во имя блеска высочайшего, для того, чтобы заблестела в мирах этих правда-истина в простоте своей сверкающая.

104. СВЕРХНЕБЕСНАЯ ДОРОГА

Высоко-высоко, за светлыми Элоимами, за теми высотами, где мыслится людьми Тот, имя Которого все не произносится, по сверхнебесной дороге шел великан и с удивлением осматривал свой путь. Дорога слегка поднималась вверх и по бокам ее имелись как бы растения из сверкающих, похожих на драгоценные, камней и кристаллов. Мертвыми были эти растения, листья которых казались сделанными из изумрудов, стволы из камней темного оттенка, а чашечки из блестящих, зачастую, огнистых камней.

Видит исполин, как по воздуху летают разные прекрасные цветы с крыльями, напоминающими крылья мотыльков. От них, как и от растений, исходят огнистые разноцветные лучи, но они тоже каменные, они тоже неодушевленные, состоящие из одной материи. Идет великан и чувствует, что рядом с ним идет кто-то. Смотрит – и видит похожего на себя исполина. Спрашивает: «Кто ты и откуда?» Отвечает исполин: «Не помню ни имени своего, ни страны моей. А ты?» – «Я тоже не помню. Не знаешь ли, где мы?» – «Нет, не знаю. Посмотри, там вдали подобные нам». Действительно, шагах в двадцати виднелись исполины, и число их увеличивалось, как будто они из воздуха рождались. Оглянулись назад разговаривающие и в нескольких шагах позади себя увидели многих исполинов, и росла численность их. Они догнали впереди идущих и остановились. Все спрашивали друг друга, откуда пришли они в страну растений каменных. Подошли к толпе и отставшие, и все они расположились на расширившейся дороге, образовав круг громадный. Все они схожи между собой, но все же намечается среди них три группы. Лица одних светятся, как ясные звезды, лица других ясны, спокойны и светом тихим от них веет, а лица третьей группы на лица многознающих мудрецов похожи.

Говорит один из мудрецов: «Я начал думать – что мне здесь делать надо, и смутно припоминаю, что жил когда-то в ином мире, население которого многопознавшие составляют». Говорит один из тех, чьи лица ясны и тихим светом обвеяны: «И мы, хотя неясно, но припоминаем, что среди себе подобных жили мы». Говорит и третий исполин с лицом, светом звездным сияющим: «И я помню свой светлый мир, из которого ушел я».

Встает один из круга и говорит: «Мы, конечно, долго здесь пробудем и вспомним, как жили мы в мирах низших, а сейчас надо выяснить, что в этом мире мы делать должны». Выходит из круга на середину другой исполин и говорит: «Ясно, что нам делать надо. Смотрите – мертвы растения мира этого. Все они из камня. Они не живут, но прозябают. Дадим им жизнь. Смотрите, вот цветы летающие. Они из камня. Дадим им души живые».

Выходит из круга на середину еще один и говорит: «Надо дать душу живую дороге, которая перед нами расстилается. Надо дать душу живую и земле, на которой произрастает вся видимая нами и огнем не сгорающим горящая растительность». – «Если мы хотим дать им душу живую, то нельзя попираť ногами дорогу и землю, – говорят исполины в один голос и тотчас же поднимаются над дорогой, вдаль идущей. – Мы все-таки с ними пойдем вперед, куда дорога ведет, хотя только над ней

пойдем». – «Ах, малого хотим мы достигнуть! Ни нам, ни другим существам блага не будет. Ведь все эти сущие, нами одушевленные, видя нас, высших по форме, сетовать на свою судьбу будут». – «Так сделаем их всех нам подобными!» – «А где же мы все пребывать тогда будем?» – «Как где? В Ничто, нами созданном, которое мы частично заполним, никого не зная, кто ниже нас был бы». – «Но выше нас находятся сущие». – «Конечно. Когда кончим работу, нами намеченную, следуя указаниям дороги выше поднимемся и с собою всех, нам подобных, поведем». – «А сколько времени нам понадобится для того, чтобы всех нам подобными сделать?» – «Не все ли равно, хотя бы мирну лет, в степени мирн многих». – «А аэр, нас окружающий? И ему необходимо душу живую и дух, в верха рвущийся, и рассану дать».

Принялись за работу исполины. Отрывают они части сердец своих и отдают их растениям, согревают они растения каменные своим горячим дыханием, и пламя, в высоких сущее, переливается в растения, камням подобные. Ранят груди острые края растений каменных, с болью передают исполины кровь, из ран текущую, и перекликаются могучие: «Смотрите, осторожней. Ни одного листочка нам ни помять, ни сломать нельзя».

Оживают растения каменные. Отделяют их от земли могучие и придают им свой образ, свое подобие точное. Голая, более твердая, чем камень, земля открылась перед ними, и ложатся на нее исполины, стараясь согреть ее своим дыханием, и земля в великого, могучего, с духом познания сходного Духа превращается. Обнимают исполины руками своими аэр, который они от себя, пустотой оградившись, отодвинули, передают ему дыхание свое, и в исполина мощного, духа Гармонии напоминающего, превращается аэр. Ложатся великаны на дорогу, в верха ведущую, согревают ее кровью сердец своих, и превращается дорога в исполина мощного, и становится исполин этот во главе всех и, духа Света своим видом напоминая, ведет великанов все выше и выше. Идут они в верха, и вздымается к верхам их поток мощный.

Но скучна стала жизнь много поработавших. Решили они прекрасной сделать жизнь свою, и в мечтах своих стали жить они в роскошных садах, в прекрасно устроенных и чудесно убранных замках. Видели они леса зачарованные, моря и корабли призрачные, которые казались им реальнее где-либо существующих. Видели они чарующие образы, более красивые, чем образы ангелов светлых, слышали проповедь, выше которой не раздавалось в мирах и веках, о лестнице мистической, к Эонам Любви, Воли, Мудрости и к Отблескам ведущей. Видят они в грезах своих жизнь сложную и разнообразную миров, в низах лежащих, и только прекрасные стороны жизни этой видят.

И казалась им жизнь призрачная так же реальной, как людям земель реальной их жизнь представляется. Не делали они различия между кажущимся и действительным, ибо нет его, различия точного, в жизни мистической. Но как бы наскучила им жизнь ирреальная, а жизнь реальная еще более скучной казалась им: многое познали они в своих прошлых жизнях, и неизмеримо выше фантазии величавой были их мечты.

Стали они рассказывать друг другу как жили они в мирах гармонических, в мирах светлых, в мирах, много познающих. Тайны неисповедимые рассказали им те, которые материей неодушевленной были. Кончились рассказы эти, и снова идут в верха все исполины бесконечности высокой. Наконец, заговорили те, кто ранее в светлых обителях были: «Снова тяготит скука. Не от того ли, что неумело мы материю живой сделали?» – Испугались, услышав слова эти многопознавшие, и говорят: «Нельзя добрыми средствами добро делая неумело работать. Мы просто не знаем, что нам делать». Говорят пришельцы из миров гармонических: «Мы не окончили работы нашей. Иначе не тосковали бы мы. Но возможно и то, что пришло время нам в бесконечностях высших работать».

Призвали они к себе Эона Красоты несказанной, и он прилетел к ним вместе с братьями своими, Эонами Любви, Мудрости и Воли. Рассказывают исполины Эонам все, с ними случившееся, а Он говорит им: «Что же, не хотите ли вы с тоской, вас охватившею, в мир высший перейти?» Все отвечают: «Нет не хотим мы мир высший

тоскою нашей затемнять». – «Тогда у вас остается один исход, – говорят Эоны непостижимые, Эоны, с высот несказанных слетевшие. – Ибо вы не здесь, а в низах не закончили дел своих».

Поняли слова эти исполины; поняли их и те, кто материей недавно в мире высоко был, и все решили спуститься в низы и в них начать новую работу, работу подъема. И по низам рассеялись исполины, форму низов этих принявшие: все они стали проповедовать учение высокое, но не понимали их сущности, низы населяющие. А когда говорили они о любви высокой, хихикали гады низов глубоких. Когда говорили они о справедливости, громко хохотали тупоумные и не могли воспринять справедливость иначе, как что-либо им выгодное. Когда говорили им о мудрости, они понимали под ней устройство своих подлых и глупых мелких делишек и крупных злодейств.

Но оставались в их рядах исполины и вели свою работу, так как были уверены, что в мирах и в веках вырвут они несчастных из болота гнилого, в котором задыхалось все светлое, гармонию познавшее и в верха стремящееся.

105. ВОССТАНИЕ ЗА ЭОНА

На земле, далеко от нашей земли находящейся, некогда жил исчезнувший после потопа великий народ Атлантиды, выродившиеся потомки которого встречались еще в то время, когда был основан Рим. Старое предание говорит, что атланты, вернее, души атлантов, продолжали жить после их смерти и переселялись в прекрасные обители, в которых несказанно более многогранно и счастливо шла жизнь их. Когда-то часть атлантов решила отказаться от подъема высокого, желая перенестись после смерти душами и духами, в них сущими, в какой-либо из миров, сущих на землях кругов концентрических. Когда приходил к ним дух Смерти и звал кого-либо из решившихся подняться в верха несказанные, просил атлант «Ордена обреченных» отогнать духа Смерти, громко кликнуть клич призывный, и на этот клич выходили душа и дух атланта, но не поднимались в высоты, а реяли недалеко от земли, ожидая остальных «решившихся».

Вот собрались они все вместе, души и духи атлантов, сбросивших тела свои, которые были сожжены на кострах погребальных по обычаю Атлантиды. Собравшись все вместе, помчались они на земли одного из кругов концентрических, и скоро достигли земель этих. Опустились на них и увидели роскошные города, замки, сады, рощи, леса, прекрасные здания и чудные храмы. Увидели они мощные реки, текущие среди берегов, покрытых роскошнейшими цветами; стаи прекрасных, богато оперенных птиц, удивительных по красоте и изяществу серн, антилоп, ланей и других мирных животных. Голубое солнце сияло над землей этой, а ночью на небе блестели, образуя красивые, правильные фигуры, звезды всех цветов радуги, усиленных и ослабленных.

Увидели прибывшие души и духи атлантов и обитателей прекрасных земель этих. Увидели и ужаснулись. Туловища существ этих оканчивались тремя шарами, служившими им вместо ног, и они приделали к шарам этим какие-то машины, на которых быстро передвигались с места на место. Над шарами этими, соответствующими ногам людей, возвышалось короткое цилиндрическое туловище, распадающееся наверху на ряд ветвей, расположенных в два ряда. Две такие ветви кончались громадными глазами, на каждой по одному глазу, на третьей был небольшой рот с мелкими ровными белыми зубами, на четвертой имелся маленький нос, на пятой и шестой ветви по одному уху, а еще одна кончалась шаром и сквозь его стенки виднелось нечто, похожее на мозг, то вспыхивающее внутренним светом, то меркнувшее. Ниже этих ветвей располагались четыре руки, из которых две были с двумя, а две с тремя пальцами каждая.

Сразу узнали в них бывшие атланты людей икс-земель кругов концентрических. Все больше и больше присматривались они к людям этим, удивляясь их материальной культуре, превосходящей великую культуру Атлантиды. Заинтересовались при-

бывшие бытом, религией, искусством, моралью существ этих. Невероятно богаты были люди эти и при посредстве великолепных мышц, имевших прекрасные внешние формы, выделявали для любого из обитателей страны все, что ни пожелал бы он, не исключая научных приборов и музыкальных инструментов. А роскошь их домашнего убранства, прекрасные картины и повсюду видневшиеся статуи очаровывали души и духи атлантов. Как очарованные слушали они звуки чудные разнообразной музыки, и она казалась им почти такой же прекрасной, как песня.

Видели прибывшие прекрасные школы населения странного и библиотеки, и в том числе библиотеки говорящих книг, и многое другое, их поражающее. Приняли прибывшие тела, подобные телам жителей страны этой, и ближе познакомились с ними. Все эти икс-люди были добры, так добры, что добрее их и представить нельзя было. Все они наперерыв старались удовлетворить даже мимолетное желание любого из обитателей страны этой. Они давно уже отказались от вегетарианства, как от дикого обычая, и питались, если это можно назвать питанием, минералами и газами.

Внимательно присматривались души и духи атлантов к живущим на земле этой, стараясь узнать, нельзя ли в чем-либо прийти к ним на помощь, и быстро убеждались, что ни в чем и ничем нельзя помочь существам этим, так как совершенными казались они бывшим атлантам. Спрашивали они об их религиозных воззрениях и слышали нечто странное: «У нас имеются прекрасные и прекраснейшие храмы, в эти храмы идут те, кто хотят проникнуться мистическим настроением, но мы не знаем, имеются ли миры высшие, миры так же нам недоступные, как наш мир недоступен в микроскоп видимым растениям. И мы не ощущаем вмешательства миров этих в нашу жизнь. Быть может существует тот, кого вы Богом зовете, а, быть может, и нет Его. Мы не знаем этого и едва ли узнаем когда».

Души и духи бывших атлантов, желая быть им полезными, решили добиться, чтобы ужасная форма тел существ этих прекрасной стала. Всякий желающий мог получить от них такую помощь, благодаря которой глаза существ этих воспринимали уродливые формы, как формы совершенные, как формы прекраснейших из жителей Атлантиды. Как врачи являлись они перед населением земель этих и излечивали зрение желающим. Но узнали излеченные и не излеченные, что все по прежнему оставалось, что излечение только призрачным было, – и отказались существа эти лечиться, не желая себя обманывать и хоть в чем-либо себе подобных превосходить. Тогда покинули души и духи атлантов земли эти и хореей поднялись в мир Легов. Рассказали им, что видели на землях, и просили совета и указания, как преобразить существа уродливые, как дать им формы прекрасные, их сущности соответствующие. Но Леги не могли помочь им. И, присоединившись к хорее, поднялись до высот Арлегов, свои просьбы присоединяя к просьбам душ и духов бывших атлантов. Но Арлеги указали им на солнца мистические, Серафами охраняемые, и советовали подождать на них кого-либо из Эонов, свою мощь на солнца этих оставляющих.

Появился на солнце мистическом Эон Великий, и обратились к нему с просьбой поднявшиеся, да поможет он обитателям земли круга концентрического. Эон согласился и вместе с бывшими атлантами на землю спустился. И тогда ясный отблеск Эона на всех других землях круга концентрического отразился, точно отражая слова и жесты Эона Великого, ибо все прекрасное на икс-землях в зеркалах мистических отражается.

Сошел Эон могучий, видит население икс-земель безобразное и знает, что можно дать населению этому наружность прекрасную только при условии жертвы великой. Но не могли кроткие люди земли странной Эона на смерть и муки отдать. Они соглашались с ним, что бы ни говорил он, а иногда жалели, что нет у них сил последовать его учению, просветляя не только свой, но и чужой миры.

«Совершенны в своем роде существа эти, – думает Эон, – только формы не соответствуют красоте их внутренней, и я возьму на себя всю некрасоту их, все безобразие их внешнее, и сам таким, как они, стану, а им дам форму красивейшую, чем форма, им присущая».

Подошли к Эону те, чьи глаза некрасивое как красивое воспринимали, говорят ему: «Мы хотим быть, как все, ничем от наших братьев не отличаясь». И Эон сделал так, что все люди земли этой преобразились, стали прекраснейшими, а Эон стал безобразнее самого безобразного, когда либо на землях этих существовавшего.

Прошли тысячелетия. Забыли люди о жертве Эона. Все чурались его, бежали от него, пугая детей, и дети пугались им, а он любил детей и некоторые, особо сострадательные, подходили к нему, жалели его, но не слушали учения его, считая, что такое безобразное существо ничему научить не может. А учение Эона высоким было. Только души и духи атлантов бывших шли за ним, как ученики его, и страшно обижены были тем, что Эон Великий безобразным стал. Оставив его, поднялись они в мир Легов, обвиняя Бога Великого в несправедливости по отношению к Эону, и Леги снова пошли за ними. Поднялись они в мир Арлегов, и все Арлеги воинственные присоединились к ним. Послали собравшиеся к Сатлам герольдов своих, и полчища Сатлов присоединились к ним. Подошли к восставшим, помощь принося, Светозарные могучие и те Темные страшные, с которыми Светозарных смешивают. И решили они послать герольдов к Аранам и выше, зовя всех на помощь против Бога Высокого, несправедливо поступившего, Эона Великого обидевшего.

Но Элоим Высокий, сам по себе, без отношения к бунту этому послал на солнце мистическое взять тело Эона мистическое, отнести его на землю и облечь его в тело это. Так было сделано, и тогда исчезла его оболочка безобразная. И Эон Великий получил право возвратиться в свои обители светлые, стать тем-же, кем он был раньше, и в низы спускаться в любой из форм, мирам присущей, и когда ему угодно в верха подниматься, вплоть до селений Эонов и до Бога Великого.

106. О СМЕРТИ

Смерть вобрала в себя сущность своих посланцев, духов Смерти, а оболочки их бросила в Ничто. Решила она идти к Богу, обвиняя Рок, который ее самое и ее посланцев бесполезными сделал. Поднимается она все выше и выше, летит мимо мира ангельского, его в стороне оставляя, и останавливается в недоумении. Высоко над миром этим видит она «Светозарного миров далеких», а с ними множество Сатлов и темных Арлегов, которые отделяли от мира ангелов и от мира людей космос архангелов могучих. Как раз под космосом архангелов Власти воздвиг «Светозарный миров далеких» свой ослепительно горящий трон.

С тревогой спрашивает Смерть у Сатанаилов, почему воздвиг «Светозарный миров далеких» свой трон под космосом архангелов Власти, и отвечает ей один из темных Арлегов, окруженный огненно-блестящей свитой, составленной из Князей Тьмы: «Светозарный – бог всех миров, в низах простых и в низах бесконечно далеко лежащих. Он бог в мире людей, животных и растений, где ты работала. Только мятежный мир ангелов не признает его власти, а в верхах – те миры, которые уже начали уставать в поисках Бога. Безумные, почему они не бросят взора на «Светозарного миров далеких?» Говорит Смерть: «Что значат слова ваши? А где же бог, Элоимом называемый? Как относится к Светозарному Архангел Власти? Почему Светозарного, хотя бы и миров далеких, с Архангелом Власти и даже с Элоимом люди смешивают, и ему в разных видах в низах глубоких поклоняются?»

«Не знаю, поймешь ли меня, – говорит темный Арлег, – трудно указать на существенную разницу между «Светозарным миров далеких» и Архангелом Власти, ибо они все благами названы быть могут. Оба они милосердны, оба вездесущи, оба во многом, если не во всем схожи. Разница в том, что Архангел Власти никогда себя Богом не называет, а Светозарный дает всем понять, что он, Светозарный, – Бог. И он прав, ибо нет другого бога, кроме него, Светозарного. Конечно, он не выдает себя за Элоима, как не выдает себя за Озириса или Митру, или какого-либо другого бога, людьми выдуманного или чтимого, но он не мешает чтить себя под каким угодно именем. Мы не точно помним далекое прошлое, но было время, когда Хаос разделен был, и тогда-то

над землями и мирами низшими Светозарный могучий, Светозарный всесильный свой покров раскинул, ибо милостив он к существам несчастным. Если много на земле зла, то потому, что признал он свободную волю для многих существ, и потому дал им образ и подобие вверх смотрящего. Кроме того, пусть в борьбе растет мощь существ. Он – сильный, и слабые, хотя и покровительствуются им, когда просят его, но все же они слабые, а он сильный и не может не любить сильных».

Спрашивает Смерть Сатанаилов: «А вы, могучие, что здесь делаете? Как можете вы служить Светозарному, хотя бы одним присутствием своим? Ведь каждый из вас сильнее его!» Отвечает один из Сатанаилов: «Что значит мощь? Мы не пытались себя вместо бога поставить и из материала, им приготовленного, создать миры низшие». – «Как, значит, это он, Светозарный, миры низшие создал? И мир людей? А я, Смерть, ему, Светозарному, служила, а не Богу Высокому?» – «Ты сказала». – «А вы, кому служите?» – «Никому. Мы стражами безмолвными стоим для того, чтобы ложь не победила правды. Видишь ли там, за Светозарным, гигантский призрак, более черный, чем мгла ада? Это ложь. А там, в далях несказанных, призрак истины, блеском чудным сверкает. Видишь, как он бросает в низы ясные снопы своих сияющих лучей? Мы не подпускаем к ней сил темных». – «А Светозарный?» – «Он ласково кивает нам, а что он думает, мы не знаем и не интересуемся знать, что творение Бога думает. Мы сами думаем». Говорит Смерть: «Раз Светозарный дает понять, что он – Бог, а на самом деле только творение Бога, он мне не нужен, и я не хочу видеть его». Князья Тьмы бросились на Смерть, но она взглянула на них неподвижными громадными очами бездны, и в ужасе отступили они.

Дошла Смерть до пределов, за которыми нет уже веянья «Светозарного миров далеких», и с трудом поднимается выше и выше... Вот и космос архангелов могучих, и Смерть, переходя от одного к другому, настойчиво спрашивает: «Не чтит ли существа миров низших Архангел Власти или какого-либо из других архангелов, как Бога? Правда ли, что неизмеримо выше, сильнее и непостижимее Бога чтимого, Бог, который Элоим? Почему Архангел Власти, почему Бог Элоим допускают над мирами власть Светозарного, который вместе с сонмами своими не отличает еще добрых начал от начала злого?» Все говорят Смерти: «Мы знаем, что Светозарный объявил себя богом миров, в низах лежащих. Мы знаем, что ангелы не признали его Богом, и знаем, что не раз собирал он силы грозные для того, чтобы заставить ангелов отказаться от порывов высоких и снова к его воинству присоединиться». А Архангел Власти отвечает: «Моя власть не над другими, а над самим собой. Я не хочу утверждать того, чего нет. Не хочу именовать себя Богом. Не знаю, что Бог делал бы, если бы хотел в миры низшие спуститься. Его я не заменяю и заменять не буду, а если кто и появлялся в каком-либо аспекте в мирах низших, мною называясь, то это самозванец был и приписывал мне то, к чему не стремлюсь я».

Говорит Смерть, обращаясь ко всем силам архангельским: «Скажите, что Элоим делает? Почему Он допустил Светозарного распространить свою власть в миры далекие, низы слабые?» Отвечают Херубы могучие: «Кажется, течет тот миг, когда смотрит Элоим в верха недостижимые и непостижимые». Отвечает Смерть: «Не понимаю!» И снова спрашивает: «Что же Элоим, смотря, делает?» И еще непонятнее звучит ответ: «Нам кажется, что Он плачет».

Отлетели архангелы, но попросить успела Смерть одного из Михаиллов провести ее в верха к духам воинственным. А духи воинственные грозно нахмурились, увидев, что к ним Смерть пришла, и спрашивают: «Зачем пожаловала? Ты не нужна нам, как союзница, не нужна, как сила враждебная». А Смерть отвечает: «Скажите, что Элоим делает, почему не мешает Он Светозарному гиганту низами править? Почему позволяет Он в низах, в бесконечностях неисчислимых злым силам неистовствовать?» Отвечают духи воинственные: «Мы свой долг выполняем без отношения к тому, что, как и где происходит. Смотрит вниз Элоим, легка работа наша; не смотрит – труднее. Но в обоих случаях мы работаем и будем работать. Почему Он в этот миг (а для тебя он мирнами лет кажется) в низы не смотрит, почему Он плачет, в верха свои очи подняв, мы только догадываемся, как догадываются и высшие ступени

Лестницы занявшие. Спроси лучше Эонов, они точнее тебе ответят, чем мы или кто бы то ни было». – «Мне подняться в верха – силы моей не хватит». – «Мы поднимем тебя к Эонам. Возвращаясь, ты нам скажешь ответ их». И духи воинственные подняли Смерть в обители Эонов и исчезли.

Видит Смерть, подходит к ней Светом Тихим озаренный, и печален взор его. Задает ему Смерть вопрос свой и получает ответ: «Конечно, мы знаем, что Элоим Всемогущий поднял очи свои к верхам несказанным; мы знаем, что смотрит Он как Бог Великий удаляется от всех космосов, ниже и выше его раскинувшихся. Мы знаем это. Мы знаем, как бессильны попытки наши осветить низы учением высоким, знаем, почему бессильны они. Удаляется Бог Великий, вверх смотрит и плачет Элоим. А в низах только слабый отблеск Бога Великого и Элоима высокого имеется. Там преобладает тьма и свет кровавый Светозарного».

Говорит Смерть, опустившая очи свои перед Светом Тихим: «Неужели покидает миры Бог Великий?» – «Смотри». – Смотрит Смерть, и там, где не ощущается время, видит то, что есть, что было и будет. Несутся мирны мирн Эонов высот несказанных, Эонов, раскинувших свой стан выше всех космосов высочайших, недалеко от Великого находившихся, несутся Эоны в высоты за Богом Великим, от всех космосов уходящим. Странной тревогой объаты Эоны, ибо кажется им, что Бог Великий покидает творенья Свои. Не могут постичь они, для чего это делается и не хотят проникнуть в тайны тяжелые. Все они одной молитвы полны: «Да останется Великий вблизи творения своего!» И страх несказанный объемлет их. Боятся они, что Всемогущий недоволен тем, во что превратилось творение, отсветами Его сил созданное, что Он навсегда покидает творения искажившиеся... Ужас непереносимый овладевает ими: уверены они, что всемогущ Бог Великий, и мнится им, что мощью своей может Он сам себя уничтожить так, что ничего от Него не останется, так что Бога Великого не будет. Увидели они, что в Верха несказанные, в Верха, далеко за всеми оросами лежащие, уходит Бог Великий... Летят за Ним Эоны высот несказанных, и страшной печалью полны их сердца... Поднимают они к Нему руки свои, но напрасны воздеянья рук их. Пролетают могучие через Ничто, в котором низшие ничто растворяются, и видят, что дальше, чем когда-либо, стал от них Бог Великий. Видят они, что исчез Он, что нет ничего в верхах несказанных... Ужаснулись Эоны Великие. А где-то далеко-далеко в высотах недостижимых, до которых никто из духов подняться не может, за мирны мирн в степени мирны мирн пространств, из которых каждое бесконечности равняется, заблестел Свет нездешний... Заблестел – и исчез. Плачут Эоны, нет более Бога Великого. Плачут Эоны могучие. Плачут Эоны, а сверх-Ничто страшное окружает их...

Плачут Эоны: надвигается сверх-Ничто, их поглотить желающее. Свет ослепительный от себя Эоны отбросили, и полился свет этот к их старым обителям, и в свете этом, неутешно рыдая, в свои обители верхние они возвратились... Все исчезло для Смерти: ничего не видит она более, а около нее стоит Эон и говорит: «Куда ты денешься? Что делать будешь в обители новой?» И отвечает Смерть: «Все, что произошло, неожиданно для меня. Я видела, как бросали тело, души и духи, в нем обитавшие. Неужели Тот, кого Великим называли, и Тот, кого Богом Великим считали, так же бесконечности оставил, как и дух и душа оставляют тело, в котором обитали? А если это так, то не грозит ли бесконечностям полный распад?»

Отвечает Эон: «Непостижимо то, что сверху. Конечно, твое сравнение ничего не говорит нам. Ничего общего нет между Богом Великим и душой какой-либо бесконечности, ибо помимо Него она сущей является. Что ты отныне делать будешь?» – «Я знаю, что мне делать. Я свои силы отдаю на борьбу с самозванцем Светозарным, но не знаю пока, как я буду с ним бороться. Быть может, я строптивым слугой Светозарного на время стану. Быть может, я бороться с его эманациями в мирах низших буду... Но скажи мне: вернется ли Бог Великий? Опустит ли Он долу очи Свои?» – «Не знаем, – прозвучал ответ мирн Эоновских. – Мы всегда с Ним, хотя бы Он не-сущим стал».

«А вы, рассказавшие нам эту легенду, кто вы? Чьи вы слуги?» – «Мы никому не служим. Никто не нуждается в служении нашем. Нельзя служить тому, кто ушел. Кого

нет и не ждут! Нельзя служить Элоиму, тому, кто не смотрит на служащих ему и не слышит их». – «Быть может, вы Светозарному служите?» – «Мы не можем служить носителю лжи!» – «Не является ли чрезмерной гордостью ваше утверждение, что все люди им обмануты и ему служат?» – «Ты сказал. Так всегда». – «Вы чтите Сатанайлов?» – «Ты сказал». – «Вернется-ли Великий?» – «Да». – «Опустит ли к низам свои очи Элоим?» – «Да». – «Когда?» – «Не знаем. И не все ли равно, ведь времени – нет». – «Вы не в рядах темных Легов?» – «Нет». – «А почему вы знаете то, что Эонам неведомо?» – «Ведь разное знание бывает... И ты, Сантэй, задавая нам такие вопросы, более горд, чем мы!»

107. О ЛЕГАХ МИРОВ ДАЛЕКИХ

В кругу своих подруг рассказывает Нирванида.

«Я отлетела, сама не знаю куда. Мне хотелось подальше уйти от Нирванов, забыв об их гордом безделии, об их мрачной философии, корни которой в отрицании ими пребывания в нас, около нас и выше нас Бога Великого. Не помню, сколько бесконечностей пролетела я. Знаю только, что долго я летела и на обратном пути не встречала уже бесконечностей в той форме, в которой они ранее наблюдались мной, поскольку в каждой бесконечности бесконечное число ее видоизменений заложено.

Когда же я громадное Ничто пролетала, заблестела бесконечность, сияющая как ультра-инфра-белая гигантская звезда. Я ускорила полет свой, обогнала каких-то странных существ зловещих и духовно грубых, и спустилась на белую землю.

Безграничной показалась мне белая земля, и я издалека увидела на ней жителей этой бесконечности. Я превратилась в малейшее из малых существ первого разряда, но увидели или как-то иначе заметили меня существа эти. Как будто из разноцветных, тихих огней были созданы тела их. Поняв, что они видят меня, я встала перед ними, будучи такого же роста, как они. А они благосклонно и вежливо кивнули мне, как бы приветствуя меня, и указали мне на одно из зданий, приглашая поселиться в нем. Это было высокое, из каких-то белых, как алмазы сверкающих камней выстроенное здание. И в промежутках между камнями виделся ярко-красный цемент. Неинтересной показалась мне обстановка комнат, постоянно менявшая свой цвет, перебиваемая тысячами цветов и оттенков.

Грубой, варварской роскошью, роскошью миров низших, сверкало убранство комнат.

Я вышла из здания. Передо мной расстилалась белая равнина и в разных местах какие-то красные полосы перерезывали ее. Подойдя к ним, я увидела как бы реки текущей крови, на землях когда-то виденной. На ультра-белой равнине странное впечатление производила на меня красная река, то медленно катившая свои воды, то бурно вздымавшая их. Я увидела много зданий на берегу реки, а посередине ее, должно быть на каком то острове, громадную, к верхам поднимавшуюся башню.

За зданиями я видела разные растения, блестящие всевозможными огнистыми отблесками. Ко мне подходили жители бесконечности этой, и я легко читала их мысли, понимала их. Но мне стоило большого труда заставить их понять меня. Впрочем, мне не хотелось что-либо говорить им, а то можно было бы найти способ разговаривать с ними. Вдруг какая-то тревога охватила всех жителей земли ультра-белой. Я поняла, что какие-то свирепые и тупые духи грозят напасть на них. Я решила встать против насильников во весь свой рост выпрямившись, но увидела, как рассыпаются в ничто белое, снегу подобное, все здания и растения, как все меньше и меньше становятся живые существа, превратившиеся наконец в нечто, простым глазом невидимое. И я уменьшила себя в мирну раз. Толпа диких духов появилась над планетой. Вот один из них опустился в волны реки кровавой и стал быстро погружаться в нее. Он громко закричал и бросились к нему его спутники на помощь. Схватив за голову, старались они поднять его. С большим трудом удалось им добиться этого. А другой из прилетевших попытался опуститься на землю белую и она стала

засасывать его. Снова пытались вытащить его духи странные, но безуспешно. Они могли только помешать ему дальше погружаться. А мне стало жаль гибнущего, в земле белой тонущего.

Я отошла далеко и, приняв свой образ, протянув руку, погрузила ее в землю и легко вытащила из земли тонущего. Я поместила его между духами, над землей летающими, а они, увидев руку мою, испугались, как часто пугаются существа низшие, когда деяния высших видят, и, спешно забормотав что-то, на благодарственную молитву похожее, понеслись прочь от бесконечности белой. Ужасались они, поняв, что не надо им сюда возвращаться.

Я вернулась на планету, белым светом сияющую, и сразу поняла, что жители ее видели преобразование мое. Но я снова приняла вид одного из обитателей бесконечности этой и вошла в ряды общины, свой храм имеющий. Обитатели бесконечности перестали узнавать меня. Все было по-прежнему, как будто не посещали землю белую духи свирепые. Пригласили меня свой храм имеющие в башню, среди реки красной построенную. И я шла среди них, а по бокам дороги били из земли белой фонтаны ярко-красные. Высоко-высоко поднимались фонтаны, и вода ярко-красная располагалась сверху громадным шатром, который дождем красным падал в низы, образуя небольшое озеро, и из него тек ручей в реку красную. Таких фонтанов 133 с каждой стороны было.

На вершине башни увидела я зеркала странные, и в них увидела я отражение миров сущих в зеркалах мистических. Странны были обитатели миров зеркальных. Каждый раз, как отражался образ кого-либо из них в зеркале мистическом, он отражался с прибавлением сотни новых измерений и чувств новых. Только чувства, на свои похожие, видели в зеркалах этих пригласившие меня в храм свой. А я была ослеплена блеском многих чувств, мне неведомых, присущих существам, в зеркалах живущим.

Все мы ушли из храма странного, но через некоторое время я, силой мне присущей, стала невидимой и вернулась в башню, когда там никого не было. Я поднялась на верх башни и увидела, что в бесконечные высоты поднимаются расположенные друг против друга зеркала наклоненные и откинувшиеся под разными углами. Друг против друга находящиеся зеркала отстояли одно от другого на громадных расстояниях. Я видела в зеркалах этих миры существ странных, многими чувствами одаренных. И где-то далеко, в глубинах этих зеркал я видела миры как бы нашей бесконечности, слабо отраженные и едва уловимыми очертаниями проявляющиеся. Мелькнул наш мир Нирванн, а выше все новые и новые миры едва заметными, едва уловимыми начертаниями своих сущих виднелись. Но все выше и выше смотрела я и, мощью мне данной, добилась того, что выше тех отражений поднялась я, за которыми наши космосы мелькали. Все выше и выше, и я чувствую, что перестану существовать, если еще выше поднимусь. Но я рискнула, и отделилась нечто во мне сущее, отделилась душа моя от оболочки моей, на границе не-существования вставшей. Все выше и выше сознание и понимание мое становится. О, сколько миров бесконечных увидела я! Какие существа, превосходящие наши космосы числом чувств своих, мелькали в верхах странных.

Но вот почувствовала я, что мне нельзя подняться выше предела, мною достигнутого. Увидела я вдруг существ несказанных и услышала разговор их, немного поняв их. Слышу я, что они приветствуют меня в облике души моей. Слышу, что разговаривают они о том, кого назвать не умеют, кого определить не могут, но без кого не было бы ничего, что есть. Говорят они о Нем, как о сущем, и тотчас же утверждают, что, конечно, Он не может считаться сущим, ибо сущими только материя и живые существа, но не Он, считаться могут. Говорят о Нем, что Он не-сущий, и понимают, что немислимо, неприложимо к Нему определение это, ибо не сущим является и огонь потухший. Не знают они определений Его, но говорят, что от Него, Непостижимого, все сущее и не сущее, все могущее сущим быть, все сущим бывшее и все не бывшее сущим произошло. Что Он в отражениях своих, более или менее искаженных, везде, всегда и – никогда, ни с кем и – со всеми, вне всех и – во всех... Много другого говорили они, но не понимала я сказанного, ибо, умея слышать мне близкое, не могла слышать мне чуждое...

Я спросила их: верно ли говорят у нас о том, что в низах, ниже Архангела Власти лежащих, Светозарный миров далеких свой покров раскинул и свое царство могучее основал; что в царстве этом светлая истина Сатанаилами охраняется, и ложь более мрачная, чем тьма и мгла в низах сущие, за троном Светозарного пребывает? Слышу ответ: «Хорошо, что Нирваниды к низам присматриваются. Да, Светозарные раскинули свой покров ниже Архангела Власти, но ниже его Леги миров далеких со стражею к землям белым близко встали. Они охотно пропускают эманации Истины прекрасной и боем тяжелым встречают ложь, когда она в низы рвется. А когда поблекшей и ослабленной она в низы пробивается, преследуют они ее до мира земель, где ложь с лярвами соединяется, и тогда отступают Леги, земле близкие, ибо не выносят они приближения к лярвам гадостным. Но и на землях встречается она с силами Истины, всюду сущими, и умело прячется от них, а громадные отряды ее бегут в миры, в глубоких низах лежащие, где скрытой силы Истины только в грядущем проявиться предстоит...

Вдруг начала я видеть и слышать, все в низах происходящее. Страшно подивилась «Светозарный миров далеких», что не одинаково к обитателям его царств Лег миров далеких относится, и грозно говорил он такому же, как он, сильному Легу кругов далеких: «Почему не равно относишься ты к тем, кто из моего царства уходят, одних пропуская, других задерживая и назад, большей частью, отбрасывая? Ведь если бы ты наоборот поступал, лучше было бы. Нельзя и не надо (ты сам в своих обителях так поступаешь) кому-либо и в чем-либо предпочтение отдавать. Ведь ты за равенство, как и Эон?»

Отвечает Лег миров далеких: «Ты прав только в том, что я за равенство. Я согласен, пусть твой воин черный – ложь, идет на поединок со светлым – Истиной, ни я, ни ты не будем помогать какой-либо из сторон. Но если ты посылаешь сильного над слабым издеваться, то против твоего сильного могущие бороться с ним выйдут».

Говорит Светозарный миров далеких: «Ты мешаешь мне от лжи освободиться, мешаешь светлым стать, мешаешь мне отослать ее».

Ответил Лег: «Ее не отсылать надо. Надо, чтобы она перестала сама собой быть, преобразилась, стала светлой и исчезла как отблеск тьмы, лучом света стала». Говорит Светозарный миров далеких: «Это невозможно!» Нахмурились Князья Тьмы, ибо до этого слова верили они, что Светозарный миров далеких есть Бог всемогущий.

А я устала и, простившись, стала в низы спускаться, в тело свое вошла, вышла из башни, снова в своем образе явилась, опять вошла в башню и увидела в ней собрание многих тех, кто храм посещали. Слышу я, говорят они о делах своих, и читаю мысли их, укоряющие тех, кто в храме пребывает в бездействии. И я сказала: «Если имеются трое между вами, неустанно для подъема работающие и в низах кого-либо освещающие, благо вам. Если имеется среди вас двое таких – благо вам. Если только один такой имеется среди вас – и тогда оправданно существование ваше и благо вам». И все они ответили: «Если среди нас имеется только один, кто других не поднимает и никого не освещает – горе всем нам». И я удивилась, что наши понятия в их рядах звучат, и показались они мне близкими, к нашему кругу принадлежащими, и я решила помочь им.

Двенадцать дней и ночей думала я, как помочь им, и узнав, что надо им делать и как вести себя, сказала им это.

А потом я улетела, и думаю, что мне надо вернуться в бесконечность белую. Она недолго существовала до первого посещения моего, и я застану ее не исчезнувшей.

108. ПРОБУЖДЕНИЕ НИРВАНОВ

Далеко от нас находится объединение бесконечностей странных, не нашего порядка бесконечностей. Считите число миль от дальней звезды созвездия Геркулеса до нашего солнца и пусть число это равно А. Возьмите секстильон в секстильонной степени, и пусть величина эта равна В. Возведите А в степень В, а все это получен-

ное количество миль возведете в степень много большую, чем АВ. Если полученное число мы изобразим равным С, то возведя это С в степень С, получим количество миль, близкое к радиусу одной из самых маленьких бесконечностей, коих число опять-таки бесконечно велико.

И вот за оросами этих бесконечностей, сверх-пустоты от них отделяющими, новые сверх-миры раскинулись. Один из миров этих населен Нирванами и Нирванидами. Существа эти по желанию могли достигать невероятной высоты, чуть ли не половине бесконечности равняющейся, и могли уменьшаться опять-таки в невероятное количество раз, и тогда они равнялись тому существу, для которого ион гигантским солнцем был. Во весь рост выпрямлялись гиганты и поднимались на своих могучих невидимых крыльях, проникая через бесконечности, в верхах расположенные, и опускались в низы, нам непонятные, то сверх-гигантами оставаясь, то в невероятно маленьких преобразуясь.

Скоро убедились Нирваны, что нигде не могли они присутствия Бога почувствовать. Напрасно искали они Его в пространствах – не могли найти Его. Напрасно искали они Его в самих себе, где находили только то, что им присуще было. Всячески старались они почувствовать и понять, что сверхчувственным и непостижимым, что сверх-не-сущим и вместе с тем, сверх-сущим является, и все напрасно.

А там, в мирах новой сверхсолнечной бесконечности, звеня и торжествуя, сверкала новая жизнь в ее ультра-разнообразных, непостижимых проявлениях.

Нирваны утомились бесплодными поисками, ушли в бездействие, а Нирваниды ставили себе задачи разные, всячески работали над их выполнением, говоря, что только в том случае они поверят, что нет Бога Великого, если Нирваны найдут что-либо или кого-либо, что подтвердит им отсутствие Бога Великого.

Ничего не делая, стараясь не думать, изживают времена Нирваны; много работая, много думая, живут Нирваниды. Все чаще и чаще прилетают в их космос существа, сверх-замм голубых напоминающие, пытаются разбудить Нирванов от глубокого сна их и говорят им, что они хорошо бы сделали, если бы за пределами бесконечностей сверх-солнечных попытались найти такую жизнь, которая не походила бы на прозябание. А Нирванидам жалко было Нирванов неподвижных. Они понимали, что страдают эти, когда-то невероятно энергичные существа, и уговорили Нирваниды Нирванов переселиться из бесконечностей сверх-солнечных в какую-либо новую вселенную.

Несутся через страшную пустоту неизмеримую, ряды бесконечностей разделяющую, Нирваны и Нирваниды. Мирны лет прошли по исчислению земель, и все время неслись они через сверх-пустоты. Охватывает их пустота и старается в Ничто превратить. Но Нирваны выхватили мечи свои и отбились от нее, а позднее к ним Нирваниды присоединились с мечами своими. Бьют мечами пустоту страшную Нирваны и Нирваниды, и не в силах она поглотить их. Но мало по малу страшная усталость овладевает ими. Чувствуют они, что ненадолго хватит сил с пустотой бороться. Тогда запели Нирваниды свой призыв на помощь. И могучие звуки призыва разнеслись в пустотах и в мирах населенных: «На помощь! Сил не хватает! Кто светел – выручи нас от гибели, нас недостойной! А мы воздадим за это...»

Далеко, далеко отряд Аранов с Элора во главе несся из мира чарн, и долетел до него призывный клич Нирванид. Повернул отряд и послал за помощью в миры Отблесков и Аранов, быстрее света появился около Нирванов и вступил в бой со сверх-Ничто. И на помощь отряду этому явились миры Отблесков и Аранов и не позволили сверх-Ничто Нирванов и Нирванид поглотить. Отблески и Араны проводили их в обитель Отблесков и, так как не было места в бесконечности этой для новых пришельцев, то сошли голубые Отблески в мир Отблесков розовых, и дали место над собой новым пришельцам.

Прошли мирны лет. Как-то раз прилетели Отблески из отдаленных пространств и рассказали: «Огненное начало необъятной длины, ширины и глубины несется по направлению к нашей бесконечности, грозя гибелью всем низшим мирам, начиная с мира Арлегов. Ясно, что ничего от миров этих не останется, кроме пепла горячего, кроме пепла белого и серого, раз пройдет по мирам этим начало огненное...»

Казалось, что начало это состояло из массы существ огненных, тесно сплетенных, как-бы сливающихся друг с другом в одно целое. Что это? Ад раскаленный открыл свои недра? Светопреставление, всю материю в пепел обращающее? Как быть с бедой этой? От Него это, или это произвол начал злобных? А если это от Него, то вправе ли мы мешать нападению этому? «К чему говорить об этом, – слышат они голос Эгрегора своего, – если можете делать, что надо, то делайте так, как будто кроме вас никого нет ни в верхах, ни в низах».

Позвали Отблески своих союзников на помощь и ударили на врага. Бьются могучие с огненным началом, красным цветом заливается оно под ударами их мечей, в низы пустот падает кроваво-красными каплями бесформенными. Но велика масса огненная, и от невыносимой боли страшных ожогов медленно отступают Отблески и Араны. Медленно подвигается начало огненное, упорно бьются Отблески. Еще упорнее их Араны, и только перед взрывами пламени страшного, огнем непереносным обессиливаемые, отступают они.

Летела из страны рек красных одна из Нирванид и увидела страшный бой. Захотела она на помощь к Отблескам броситься, но увидел ее Элора и просил дать знать о бое страшном Нирванам и Нирванидам. Через миг очутилась Нирванида в обителях своих и всех оповестила о бое грозном. И тучей, молниями сверкающей, понеслись Нирваниды на помощь Отблескам и Аранам, помня услугу, ими оказанную, помня, что спасли они их в сверх-пустоте безграничной.

Бьются Нирваниды с мирными призраков огненных, тесно спаянных, ни на шаг не отступает рать, ими подкрепленная, но не отступает и начало огненное, и как будто все более и более подкреплений получает оно. Многие из Нирванид получили ожоги страшные, и одна из них не могла перенести боли тягостной, улетела в свою обитель для того, чтобы отдохнуть от усталости тяжелой. Нирванида не дошла до своего замка и упала от тяжелой боли. Нирваны увидели ее, внесли в свое помещение. Узнали в чем дело, все встали со своих мест, схватили со стен мечи, высоко повешенные, и бросились в бой впереди духов, в бесконечности сражающихся. Сразу поколебалась рать огненная и начала свое отступление в пустоты далекие, а Отблески воздвигли вокруг Нирван и призраков огненных стену непроходимую и в сферу стены этой заключили начало огненное. Увидев это, прошли Нирваны сквозь стену эту, ударами мечей врата пробив, а потом сами же и заделали их. На мирны лет стало безопасным начало огненное. А духи разошлись по своим обителям.

Видят Отблески, что истекли их раны сущностью их мощной, что много слабее стали они, и почувствовали, что неизмеримо много потеряли они в битве последней. То же и с Аранами было. Но они пели свои песни победные и ничего предпринимать не хотели против слабости своей. А Нирваниды не пускали в свой мир Отблесков, и понимали Отблески, что их союзницы от ран тяжелых страдают.

Тогда поднялись Отблески в миры высшие, всюду спрашивая, что делать им для того, чтобы силы мощные вернуть? И предложили им духи Силы отдать половину мощи своей для того, чтобы они, Араны и мир Нирван и Нирванид такими же сильными, как раньше, стали. Но Отблески сказали, что они благодарны за предложение это, но не хотят такой ценой свою мощь восстановить. Выше поднялись Отблески, и духи Познания, Гармонии и Света то же предложение им сделали, говоря, что радоваться они будут жертве своей, но опять отказались Отблески. Выше поднимаются Отблески и минуют мир Эонов, боясь, что те в жертву себя для их пользы принесут, и в мире Ра встречаются все то же предложение.

Спрашивают Отблески, не будет ли ущерб для Ра, если те часть сил своих отдадут мирам, в низах пострадавшим. И отвечают им Ра: «Конечно, да, но в этом высочайшее счастье наше». Но не хотят жертвы принять Отблески гордые, и все выше поднимаются, все тот же вопрос задавая. И всюду получают один ответ, тот же, который у Ра прозвучал. Только у Элора и двенадцати близких к нему хватило сил до Эонов второй высоты подняться, и Эоны отвечали им, что нечувствительной для них будет отдача силы своей, что все одно они отдают ее куда бы то ни было, что надо взять ее у них, если не для Отблесков, то для Аранов, Нирван, и Нирванид. Но от-

казались от такой жертвы Араны. Еще выше поднимаются они, минуя миры прекрасные, стремясь к Эонам круга третьего подняться. И только Элора с двумя Отблесками доходит до мира этого, как встретили его Эоны словами: «Иди в низы с миром нашим. Там узнаешь ответ наш». Послушался их Элора, и все они в низы спустились, где узнали, что Эоны верховные, ничего не говоря, дали Аранам, Отблескам, Нирванам и Нирванидам часть мощи своей, так что все они сильнее, чем до битвы, стали. И отказались тогда Нирваны от бездействия своего.

109. ОТБЛЕСКИ ПОСЛЕДНЕГО КРУГА

Составили Отблески три громадных круга, и в центре каждого из них рассказывал Элора и два его спутника о своем путешествии в высоты несказанные. Вдруг донесся до них звук труб сигнальных. Это стоящий на страже отряд Отблесков извещал о прибытии какого-то посланца. Три громадных круга объединились в один и появился в центре круга этого могучий дух Фантазии величавой, блистая своими разноцветными крыльями. Слушают Отблески речь его: говорит он, что прибыл к ним из обителей последнего круга концентрического, за которым Ничто находится; что Отблески, эту обитель населяющие и обладающие всеми чувствами где-либо существующими, мудры, сильны и знающие; что они послали его, духа Фантазии величавой, сказать Отблескам далеким: «Напрасно вы шар с существами огненными недалеко от своих обителей поместили. Разлетятся стенки его на мириады частиц, и духи огненные снова много ран нанесут. Араны, Отблески и Арлеги, вы умно сделаете, если шар с существами огненными в наши обители доставите, а мы, Отблески последнего круга концентрического, сумеем начало огненное безвредным сделать».

Отряд Отблесков блеска розового полетел впереди, за ними неся шар с духами огненными, а за шаром этим отряд Отблесков голубых, шар вдаль направляющих. Долго летели отряды, пересекая Ничто обычные, и в них находили они точки опоры для крыльев своих. А когда отряды эти приближались к одной из обителей кругов концентрических, то поднимались они высоко и пролетали над обителями этими, стараясь, чтобы дикий шум и грохот, внутри шара раздававшиеся, не тревожили слуха далеких братьев их. Долго длился полет Отблесков. Не устали от себя зло уносившие, но уже начали думать, что много времени придется потратить им, прежде чем доставят они начало огненное в обители последнего из кругов концентрических... Но вот почувствовали они, что какая-то сила внешняя охватила их и мощно повлекла куда-то, как отряды Отблесков, так и шар, существами огненными наполненный. Поняли Отблески, что притягиваются они силами, им родственными; поняли они, что мирны раз света быстрее несется шар и они вместе с ним... Вот близки обители Отблесков последнего из кругов концентрических. Встречают их Отблески, этот круг населяющие. Берут от них шар, огненным началом наполненный, и бросают его в низы глубокие, в другие бесконечности, лежащие за одним из Великих Ничто...

Прибывших пригласили Отблески круга дальнего остаться в их обителях и с радостью согласились на это прибывшие, желая к тому же узнать о дальнейшей судьбе начала огненного. Ударили три Отблеска обители далекой своими жезлами в почву обители своей, и поднялся из нее блестящий, сверкающий дворец, как-бы из гигантского алмаза вырезанный. Куда ни оглядывались прибывшие, всюду сверкали огнями неведомыми, то нестерпимо яркими, то тихими, дворцы прекрасные, как бы из изумрудов, сапфиров, топазов, аметистов и множества других камней драгоценных построенные. Когда хотел Отблеск круга дальнего, тогда исчезали замки эти со всем, что находилось в них, и вместо них другие замки еще более причудливой и красивой архитектуры возникали. Здания эти напоминали формами своими существ земель далеких, только более красивыми они в обители этой формой бездушных зданий становились.

Спрашивают прибывшие, что случилось с началом огненным, и предлагают им Отблески круга дальнего посмотреть, что стало с существами огненными после то-

го, как они в Великое Ничто брошены были. И сказали они Отблескам прибывшим: «У нас можно вне времени быть. Вы можете увидеть жизнь существ начала огненного за мирны тысячелетий вперед. Незаметными для вас громадные пустоты времени промчатся, и все они не будут заполнены событиями какими-либо. Смотрите в Ничто, на наши посохи опершись».

Увидели Отблески прибывшие, что летит в низы шар огненный, что падает он на какую-то землю неведомую, разбивается, и выходят из него существа начала огненного. Выходят они, рассеиваются среди растительности гигантской, далеко друг от друга отстоящей. И видно было, что выше каждой группы существ начала огненного неслись небольшие солнца с планетами, вокруг этих солнц вращающимися... Несколько мгновений прошло, кажется Отблескам прибывшим, и видят они, что сверх-гигантами стали существа начала огненного, а растительность, когда-то гигантской им казавшаяся, ниже травы, как она для людей на земле стала. А солнца с планетами стали ядрами атомов, помещенных в теле сверх-гигантов. Еще несколько мгновений, и говорят Отблески из круга дальнего прилетевшим, что они теперь за мирны лет вперед видят – и вот сравнялись гиганты, начало огненное своим исходом имеющие, с жителями обители за Ничто лежащей. И только тем отличаются от сверх-гигантов этих, что в груди у них огненная полоса светится... Кажется Отблескам, в низы смотрящим, что было время, когда существа начала огненного глубоко в землю забили мечи и копья свои огненные, что безоружными росли они и какую-то неведомую работу делали.

Спрашивают Отблески прилетевшие: «А где теперь духи начала огненного?» И получают ответ: «Они в начале пути своего к земле новой. Они несутся, в шар заключенные, и через долгое время упадут они на землю далекую. А вы – вы их будущее видели». Спрашивают Отблески, прилетевшие: «Можем ли мы спросить обитателей планеты странной о том, что нам узнать хочется. А если можем, то как сделать это?» – «Да, можно. Мы давно их речь изучили, и они давно нашу понимают. Мы покажем им световые письма, и они ответят нам».

Шлют свой вопрос прилетевшие: «Имеете ли вы Грааль на вашей земле? Кто из вас хранителем Грааля является? Какое значение имеет Грааль у вас?» Получают ответ и переводят его Отблески круга дальнего: «Да, имеем. Два рыцаря (и рыцари эти Леги могучие) охраняют его. Леги эти наш облик приняли. Нет уже в Граале крови Эона воплотившегося. Но на дне его, как в зеркале, отражается кровь невинно пролитая, и океан этой крови в нашем Граале виднеется. Но время придет, искупятся кровью жертвенной все грехи, когда бы то ни было на нашей земле содеянные, и тогда не будет видна кровь эта в Граале нашем, и забудем мы о том, что кровь проливается. А Грааль переполнится светом сияющим ярким, в который кровь жертвенная превратится, и волнами не прекращающимися будет изливаться свет этот, миры близкие и дальние освещая сиянием своим. Конечно, кто может вместить, да вместит. Среди нас имеются те, кто стараются подражать Граалю, свет ясный в мире своем разливая. Но, конечно, община рыцарей только условно Граалем названа быть может, так как община эта, как и Грааль, не только жертвенное, но и светлое начало хранит в себе».

Спрашивают Отблески прибывшие: «Откуда свет этот яркий в Граале?» И получают ответ: «Свет яркий, свет голубой – это Река Голубая, с высот несказанных притекающая, так как на верхах этих за вселенной духов Силы разлилось учение новое, Эонов высоких учение. И учение это, в низы ниспадая, живой сущностью является, и в нем, как капли в океане, силы исцеляющие и очищающие имеются. И в одной из капель этих многоценных – вера в Бога Высокого, Бога Великого воплощается. Принявший ее причастным эманациям Бога Великого становится. Одной из конечных целей наших является крещение в реке Света Голубого и наше сопричастие с Богом».

Спрашивают Отблески прилетевшие: «Кто ваш вождь, скажите нам». Получают ответ: «Мы выбрали его из своей среды, и он – наш вождь, но имеем и другого вождя – одного из Легов миров далеких, который умело скрывается от славы и почета под обликом рыцаря простого, ничем, кроме злого деяния не пренебрегающим для

того, чтобы его не считали Легом могучим. Только потому, что он существует и зорко смотрит за тем, чтобы не потерпел ущерба отряд наш, – мы существуем».

Кончили переговоры свои Отблески, посланные в обители последнего круга концентрического и услышали клич, назад их призывающий. И отправились они в свои обители, дары бесценные от Отблесков круга дальнего получившие – дары в виде ответов на свои вопросы.

Какие дары от миров высоких желали бы получить Вы, рыцарь?

110. РИЛАЛЯ

Громадная, вдаль уходящая аллея странных высоких деревьев. С ветки на ветку перелетают разноцветные огоньки; слышится тихая мелодия, как бы движением этих огоньков производимая. Как будто жалуются друг другу деревья, смутно припоминая прошлую жизнь.

Три высоких призрака идут по аллее и тихо разговаривают.

1-й: «Я был на землях, и для того, чтобы могли воспринимать свет познания люди на них живущие, мне пришлось удлинить их жизнь на тысячу лет (по счету людей). Но те из них, кто начиная со столетнего возраста подпадали во власть греха, жили только до трехсот лет, если не хотели или не умели заглаживать грехи свои. Кое-что познали долгоживущие. Долетели до них эманации космосов высших. Познали они, что непостижим Бог Великий, что только ничтожнейший отблеск Его – творческую силу, могущую наполнить им же созданное, первосущее Ничто, только отблеск этот люди познать могут, да и то не полным сознанием своим. Все религии стремятся постигнуть Непостижимого. Они приписывают Ему свойства, близкие к человеческим, или свойства, в основе своей «человеческое» имеющие. Но нет и не может быть у Него тех свойств, которые приписывают Ему люди или что бы то ни было. Долгожившие познали только то, что все, от Него пришедшее, к Нему придет и с Ним сольется для того, чтобы снова оторваться от Него и по течениям новых жизней ринуться уже без тех тяжелых переживаний, которые создались первоначальной оторванностью от Него, Начала Светлого. Но и на земле продвинулись люди к верхам, так как познали, что зло всегда отвратительно, что нельзя зло злом исправлять. Удержав от старых религий немногие молитвы, понимают люди, что таким путем только с Эонами разговаривать можно».

Все быстрее и быстрее перелетают огоньки разноцветные. А около деревьев, скрываясь за ними, мелькают какие-то тени, на людей похожие, и поспешно уходят куда-то.

2-й: «Я был в обителях Легов. Я все, что мог, сделал для того, чтобы познали они блеск высот, постигнуть которые Звезды Знания стремятся. Они изучили часть миров высших и часть миров низших, так как я дал им силы для этого. Они познали, как ненадежны, как хрупки оболочки и формы миров; познали, что много важнее постигнуть сущность, а, следовательно, и задачу космоса своего. Сущность эту они определили как борьбу с тьмой душевною, которая в верха прорваться хочет и их заполнить мечтает. Борьба эта все отряды объединяет. Они не допускают в свой мир тьму тяжелую. Не позволяют ей в высоты подняться, пристав к хорее Легов, а для этого жертву великую приносят, отказываясь от подъема – да не придут с ними в верха носители лжи сознательной. Я добился того, что они познали радость борьбы с темным началом: не дают приближаться к себе беспокойным духам Сомнения и избавились от страданий, причиняемых ранами тяжелыми, когда-то нанесенными сомнениями беспокойными. Познали они, что хорошо делают те из них, которые обители свои покидают, чтобы блеском новым облечь существа миров, ниже их лежащих, и таких миров, где только отражение начала Легов имеется. Семь таких миров существует, считая в их числе земли, как бы в середине находящиеся. Тяжела в мирах этих работа Легов воинственных. Там тяжелые раны наносятся им, но не духами Сомнения, а сознанием невозможности полезной работы. Надо, чтобы в этих

мирах вы помогли мне Легам помочь. Ведь они исполины только в своем мире. Сойдя, они хотя и облакаются в тела в низах сущих, но умалились гиганты эти. Они пока отказываются о Боге говорить – не знают, кто Он. Знают только, что существует Нечто, что превыше всего. Все, что угодно, можно подразумевать, говоря слово «Бог». И все это неправдой будет. Можно только признать, что почти ничего из Его положительных свойств неизвестно. Определить Его тем, чего нет у Него, нельзя, хотя, конечно, нет у Него ничего, что злом именуется».

Поднялись огоньки разноцветные на верхушки деревьев, перелетают с одного дерева на другое. Громче слышна мелодия, ими производимая. А за деревьями как будто мелькают изображения Легов в сильно уменьшенную величину свою, и они спешат куда то, в верха поднимаясь.

3-й: «Я был в обители Арлегов и мудрейших из них, Серафов, видел. Я внушал им, что напрасно стремятся они познать непознаваемое. В отказе от стремления к такому познанию – величайшая мудрость. Арлеги по-своему перерабатывают знание свое. Говорили они мне: «Конечно, непостижим Элоим. А это как раз и значит, что Его нет... для нас». А я ответил: «Если бактерии в теле человека живущие, сказали бы, что непостижим для них человек и сделали бы вывод, что его нет для них, они ошиблись бы: человек может убить их, выпив вредный для них напиток». Тогда сказали мне Арлеги: «Конечно, непостижим Элоим, а это как раз и значит, что мы будем жить, как сами хотим». А я ответил: «Вы тоже можете ошибаться, хотя и мудры вы. Не лучше ли вам посоветоваться с Эоном Красоты о том, как жить надо?» Серафы ответили: «Да, если Он сойдет к нам!» – «Но веяние Его до вас долетает. Старайтесь взять от Него все, что можете. Вы скоро познаете, что в Нем мудрость высшая, чем ваша. В Нем любовь великая, воля мощная, истина светлая и много другого блеска несказанного». Они согласились со мною. И долетело до них веяние Эона Красоты. Казалось, что Он прошел среди них. И все Арлеги могучие решили идти в царство Светозарных, Князей Тьмы и темных Легов для того, чтобы очистить его от лярв, неспособных к подъему и мешающих всем подняться. Думали они, что им придется крестить лярв этих в Ничто первозданном, для того, чтобы они обновленными вышли из него. Думали они, что причастными к Истине Светлой сделают они обитателей царства мрачного. Пройдут времена и мы узнаем, что выйдет из работы этой. Но я знаю: что бы ни вышло из нее, они свет Божественный узрят».

Высоко над верхушками деревьев поднялись огоньки разноцветные, и как торжественный марш гремит мелодия, ими создаваемая. А над ними как будто мелькают отображения Арлегов светлых, и обожжены крылья у некоторых из них. Три высоких призрака присоединились к другим, медленно по аллее идущим, и говорят те один за другим.

4-й: «Я был в отрядах Аранов воинственных. Направляя все силы свои, борются они с вредными веяниями, и непреклонна воля их. Они безошибочно знают, доброе или злое начало продвигается в космосы, и всегда боем встречают начало злое, отнюдь не думая убеждением повлиять на него. Я говорил им: «Не только бороться надо мечами пламенными, но и светить ими, иначе не были бы они из огня выкованы». Я говорил им: «Не только защищаться надо щитами, но и как зеркалами пользоваться надо ими, да устроятся зло с собой несущие, незатемненное отражение зла в щите-зеркале увидев».

Согласился со мной их круг громадный, и с той поры отражают Араны воинственные в щитах своих злое начало, блеском мечей освещая его, мгновенно перековывая мечи в светильники, а щиты в зеркала, переделывая снова светильники в мечи, а зеркала в щиты превращая. Познали Араны воинственные, что к силе только тогда прибегнуть нужно, когда нет возможности убедить начало злое».

Еще ярче над деревьями блистают огни разноцветные, величавым аккордом звучит музыка их, а высоко над деревьями, как бы в зеркале странном отражаясь, несется отряд Аранов могучих.

5-й: «Я был у Отблесков сверкающих. Они рвались в верха, рассказ Элора и его спутников выслушав. Я сказал им: «Познайте, что в верха подыматься надо, в своих

обителях оставаясь. Много надежнее подъемы такие, чем порывы вверх на делах, мало обоснованных, а дел очень много в бесконечностях наших. Прислушайтесь: не долетают ли до вас стоны страдающих в бесконечности далекой». Прислушались Отблески и поняли, что насыщена атмосфера их эхом стонов далеких. Тотчас же решили перенестись для того, чтобы начать там борьбу беспощадную с носителями насилия порабоощающего. А Отблески голубые решили добиться для обители этой такой же свободы, которая в их обителях сияла... Я видел, как два громадных отряда Отблесков неслись в бесконечность далекую, а вестники Фантазии блестящей сообщили мне, что отряды Аранов могучих спешат к ним на помощь. Во всех кругах Аранов мощных прозвучал клич призывный, так как все узнали они, что в обители далекой мощные злые начала гнезда свои свили, образовав ряды тяжелых замм, затемняющих и гонящих свободу сияющую, которая хотела и по другим бесконечностям свою силу разлить.

Я узнал: страшные битвы приходится выдерживать Отблескам голубым, Отблескам розовым и Аранам могучим, но не знают они усталости. И свет свободы все ярче и ярче горит в бесконечности, ныне только в части своей порабоощающим насилем захваченной. Где сверкнули мечи Отблесков или Аранов, там засияла свобода великая».

Высоко поднялись деревья, и огни разноцветными гирляндами обвивают верхушки их. Звенит музыка сражения грозного, и в высотах далеких виднеются отражения Отблесков розовых и Отблесков голубых, как бы какое-то темное начало перед собой гонящих и начало это светом ярким освещающих.

6-й: «Я был у Нирванов неподвижных и Нирванид деятельных. Говорил я с Нирванами: «Ошибаетесь, думая, что Бог чем-то, хотя бы Эротом, проявиться должен. Велика ошибка ваша. Если бы проявился Он, не было бы свободы в космосах, не было бы совершенствования. Вы хотите воспринять Его как вам отдаленно подобного, как вами по своему подобию созданному или как вас сотворившего по подобию своему. Как можно так о Нем думать? Ведь вы, говоря словами людей, четырехугольный круг ищите. Непостижимая, всецело не воспринимаемая мощь Его только в творчестве своем тускло и искаженно отражается, как отражается на земле солнце гигантское в маленьких лужах воды... Прислушайтесь к советам Эоновским, стряхните с себя неподвижность вашу как единственное зло, из далеких обителей вами к нам принесенное.

А вы, Нирваниды, вы спрашиваете, что я скажу вам... Склоняю перед вами символ мощи своей – жезл мой, все освещающий, и всегда готов служить вам везде, где вы находитесь, всегда служа началу доброду. Вы, блеск далекий к нам принесшие, нас научите мудрости прежних обителей ваших».

Деревья странные, высокие... Все они объаты пламенем голубым, и в нем исчезли огоньки разноцветные. Звенит музыка чудная, музыка тихая. Высоко, высоко несутся над деревьями Нирваниды прекрасные и тихим блеском сияют лики их. Еще три высоких призрака присоединились к медленно по аллею идущим и говорят один за другим.

7-й: «Я был у тех, которые побуждают к деятельности тех, кто ниже их, и просят работать в верхах пребывающих. Я просил их усилить работу, ко всеобщему благу направленную, подъему сущих помогающую, и они обещали мне это, заметив, что работа к великому благу клонящаяся зависть злого начала пробуждает, и тогда энергичнее ведется ими зловещая работа. А я просил их немного выше подняться и позвать на борьбу со злом духов Силы, и они обещали мне переговорить с ними. Да примут духи Силы хоть какое-либо участие в попытке поднять миры низшие».

Померкло пламя голубое. Исчезли странные, замолкла музыка чудная. Какой-то вихрь промчался в верхах, то белым, то синим пламенем вспыхивая.

8-й: «Я был у мощных представителей того начала, которое добро от зла не отличает, и пытался дать им указания, как отличать доброе от злого. Но не хотели они принять учения Моего. Все перепуталось у них, и мир их духовный как будто отражением исчезнувшего Хаоса является. Они сами учат познавать добро и зло, но зна-

ют, что познание зла овладевает людьми и душит их... Не мог я говорить с ними. Тупой дух непонимания стоял между мною и ими. И я ушел. А теперь ожидаю, что они позовут меня, утомившись бессмысленной жизнью своей, непостижимую цель себе поставившей».

Ничего не видно в верхах. Одна мгла черная.

9-й: «Тех из них видел я, кто не познал отличия добра от зла. Теперь они познали все-таки, что надо добро, а не зло делать, и, узнав в верхах, что именно добром, а не злом является, стараются добро делать. Я разрешил многие сомнения их, и они разбираются умом, но не инстинктом в том, что добро и что зло».

Снова видны в верхах деревья странные. Слышны отдельные аккорды музыки, тихо звенящей. Туманный серый цвет в верхах разливается...

На смертном одре своем, мне Леониду де Сент-Жанк, бедному Рыцарю Храма Иисуса Христа, одним из духов Познания было продиктовано сообщение это и, приняв святых тайн, с часу на час ожидая смерти от ран, мне сарацинами нанесенных, я успел записать его.

111. (Не найдена).

112. РОЗЫ РАФАЭЛИН

Я – атлант, невероятно долго на земле живший, все земное познавший и над всем живым поднявшийся, расскажу вам, что я увидел, поднявшись рассаной моею в мир Арлегин и там в обители Рафаэлин заглянувший.

Я видел, как вылетели Рафаэлины с розами, горящими в руках их, и носились по миру Арлегов. Убеждали Рафаэлины Арлегов вырваться из границ, кометами очерченных, и Арлеги соглашались с ними пока сыпались искры роз мистических, а потом, когда улетали Рафаэлины, забывали о своем намерении вырваться из обителей своих... Страшно обиделись Рафаэлины, с силой бросили розы свои, и перестали розы Мистические освещать космос Арлегов, в кольце Начал оставшийся. Долго летели розы и упали в бесконечность далекую. Разбросаны были розы в бесконечности далекой и горели в ней как солнца красные, розовые, белые и желтые, горели огнями неугасимыми и сверкали стебли, листья и корни роз этих, как будто необъятный сад роз мистических раскинулся в бесконечности дальней, а вокруг роз-солнц, носились гигантские цветы простые: незабудки, фиалки и многие другие, из бесконечности, где растут эти цветы, сверх-гигантскими розами притянутые. На цветах-планетах появились существа живые, души которых из блестящего Океана душ на планеты эти слетели и облеклись в них материей планет-цветов. Разные свойства были у людей, на этих планетах живших, и загорались иногда их души огнем гнева тяжелого, когда они с несправедливостью и ее эманациями на землях встречались. Принесли с собой планеты-цветы из бесконечности неведомой прилетевшие и страх, в обителей планет этих входивший.

Невероятно красивы были обитатели планет-цветов, красотой своей они могли с Легами равняться, но с той поры, как вошел в души их страх, не могло вместе с розами-солнцами, их освещавшими, оставаться начало мистическое, и оторвалось оно от роз-солнц. А Рафаэлины горевали о своих розах брошенных и призывали их начало мистическое к себе, но одна из них пожелала обитателей земель-цветов и просила начало мистическое свое в дальней бесконечности остаться. Только ее начало и вынесло страх, на землях сущий.

Вернулись начала мистические к Рафаэлинам и реют около них, но нет роз, около которых могло бы сосредоточиться начало это, и боятся Рафаэлины, что покинет оно их. Обратились они с просьбой к трем высшим силам: духам Познания, Гармонии и Света, и те все сделали для того, чтобы могло начало мистическое около роз вновь созданных обвиться... Но не могли удержать новые розы начало мистичес-

кое, не хватало чего-то розам, не хватало чего-то Рафаэлинам. Видели они около себя Рафаэлину, началом розы своей пожертвовавшую, и хотели они часть начала мистического каждая дать ей. Но не хотела она жертвы принять за жертву свою.

Обратились Рафаэлины к Эонам светлым и просили сказать им, что сделать надо для того, чтобы вернуться к ним розы, светом мистическим озаренные. Появились перед ними зеркала блестящие, и увидели в них Рафаэлины самих себя в одеждах белых с венками терновыми на головах и с пронзенными гвоздями руками. Увидели они и подругу свою, мистическое начало в далекой бесконечности оставившую. Видят, что подошел к ней Эон тихий и дает ей розу новую, началом мистическим облеченную. Склонила Рафаэлина голову свою перед Эоном, и радостью светлой вспыхнуло ее лицо.

Исчезли отражения зеркал, и увидели Рафаэлины, что слились с розами новыми начала мистические. Взмахнув крыльями гигантскими, полетели Рафаэлины в бесконечности, которые жадно ждали предтечей Эоновских.

А я... не все время был с ними. Я оторвался от них, как только вдохнул аромат роз, начало мистически-жертвенное в себя принявших.

Отлетая от космоса Рафаэлин, я увидел какие-то отблески скорбные в космосе мятущиеся и увидел, как ринулись они через кольцо Начал...

Я вернулся в Атлантиду, но неузнаваемой стала она. Кажется, в шестой раз возникла она из развалин и, поднявшись из вод морских, снова опустилась перед приходом моим... А я сотню тысячелетий прожил с тех пор на земле, старательно пряча от ее обитателей облик свой истинный, и скоро покину я землю, зеленым светом горящую, так как скоро я на ней увижу Рафаэлин с их розами мистическими.

113. «ОТЧЕ НАШ...» ЛЕГОВ

Над громадной, покрытой голубыми цветами равниной медленно справа налево движется громадная хорей Легов. В центре хорей стоят два Лега-гиганта и, подняв кверху руки, читают молитву, миру людей и миру Легов данную Эоном.

1. Отче наш,

2. Ты, мощь которого все живое и существующее в космосах бесконечных создано,

1. Сущий на небесах,

2. Ты, который обитаешь там, где не обитает ни одно из созданных Тобой творений, в тех обителях, которые и везде и нигде находятся,

1. Да святится Имя Твое!

2. Да помнят о Тебе все творения Твои, раз они познавать способны, и да будет им понятна непознаваемость Твоя!

1. Да приидет царствие Твое!

2. Да поднимутся к Тебе и, просветлев, да сольются с Тобой все творения Твои!

1. Да будет воля Твоя на земле, как на небе!

2. По воле Твоей к высотам несказанным поднимутся все духи и космосы их!

1. Хлеб наш насущный дай нам на сей день;

2. Все, что мы получаем, все Тобой дается, все нужное для просветления нашего, и без духовной пищи, Тобой даваемой, не проживем мы и единого дня.

1. И прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим.

2. Не можем мы погрешить против Тебя, как не можем потушить огонь солнц мистических. И не хотим грешить против подобных нам.

1. И не введи нас во искушение,
2. Веяние, от Тебя исходящее, не позволит нам сойти с дороги, к верхам идущей.

1. Но избави нас от лукавого,
2. А если с дороги этой попытаются столкнуть нас соблазны лукавые, мы постараемся отбросить их от себя, так как жаждем жизни справедливой.

1. Ибо Твое есть царство, и сила, и слава во веки!
2. Знаем мы, что от Тебя начало всех начал, что Ты и эманации Твои ни силой, ни славой названы быть не могут, ибо превыше они всех понятий наших, но на века дал Ты указания, как устраивается царство Твое безвластное.

1. Да будет Свет!
2. Да будет Свет Тихий!

Все: Сила и слава свету Эонов!

Распалась хорей. Понеслись Леги по разным направлениям, а часть из них составили небольшие хорей и тихо беседовали.

«Я был на земле, Нурам именуемой. Я видел обитателей ее, зачастую в думы черные погруженных. Я видел, как шевелились мозги их, думам черным прибежище давая. Я видел, как думы черные, думы ужасные передавались другим людям, так как на мозг соседа влияли колебания мозга думы черные создавшего, и мозг соседа начинал шевелиться так же, как шевелился мозг, в котором возникла мысль черная, образ дикий. Но и так бывало, что мысли не переселялись в других людей и только насыщали собой атмосферу, людей окружающую. Проносились в атмосфере этой думы черные и духи черные – отмираки темных Ангелов, соединяли эти думы в одно целое и получались животные безобразные мира низшего, охотно в людей впивающиеся и их помыслы отравляющие. Но они бежали от человека при приближении моем или одного из братьев моих, хотя только эманации наши приближались к людям земли Нурам и только извне облекали их. Надо мудрых Серафов спросить, как бороться с животными безобразными».

«Я был на земле, Тидас именуемой. Тихо и спокойно живут там те, кого можно людьми назвать. Они не знают волнений, не знают тревог, не знают горя. Что бы ни узнавали они, ко всему с полным безразличием относятся. Но это потому, что на Тидас нет того, что мы злом именуем. На этой земле живут те, кто отдыхает, а те, кто хотят изведать жизнь, полную тревожений, те засыпают, и сны этих людей более реальны, чем жизнь людей не спящих на планете Тидас. Им снится, и ярче яви сон их. Им снится, что они родились и живут на далекой зеленой земле, что полна волнений и беспокойства их жизнь, что болезненно воспринимают они на земле чувства разной боли, обид, оскорблений, что познали они чувство страха, вражды, ненависти, печали, а иногда чувства любви, жалости и радости. Снилось им в снах реальных, что, прожив долгую жизнь на земле зеленой, они умирали, и после смерти не возвращались на планету Тидас, а с невероятной быстротой, все мыслимые скорости превосходящей, переносились на границы бесконечности и там присоединялись к отрядам стражей могучих, постоянно с Ничто сражающихся. Во время отдыха разговаривали они со стражами и узнавали от них, с какими силами враждебными сражаться приходилось стражам этим. Видели они духов Сомнения неуловимых, прилетавших к ним через Ничто страшное и просивших пропустить их через бесконечность, в которой планета Тидас находится. Говорили духи Сомнения, что для них не страшно Ничто, что оно и так внутри их живет, и около них ютится, и давно уже пронизало их. Говорили они, что требуют пропуска во имя терпимости высокой, и на вопрос – какое учение несут они, отвечали: «Мы хотим сказать в мирах вашей бесконечности о том, что нельзя определять Бога Великого «сущим», как нельзя определять Его и «не-сущим»; что нелепо называть Его «всемогущим» и еще

нелепее определять Его как «не-всемогущего»; что нельзя называть Его «совершенным» или «несовершенным», что нелепо представлять Его, как «всеблагого» или, как «не-всеблагого», имеющего или не имеющего отношения к благодати. Все эти и какие бы то ни было другие определения – неверны и нелепы, ибо нет слов на языке людей и духов, которыми можно было бы определить Его; ибо нет понятия, которое можно было бы перенести на Него. Можно сказать о Нем, что Он непостижим, да и то с оговоркой, что это слово не так просто понимать надо, как люди и духи его понимают. Мы хотим внушить тем и другим, что незачем стремиться к пониманию Бога, так как незачем принижать Его до своего уровня невысокого, принижать в представлении своем. А если кто хочет, несмотря на невозможность, познать Его, то пусть приписывает Ему любое из свойств положительных. Но пусть помнит: далеко не все, что он положительным считает, положительным является. Зачастую глубоко отрицательным является то, что люди или духи положительным считают».

Говорят люди земли Тидас: «Мы ничего не имеем против того, чтобы пропустить вас, так как учение ваше в нашем космосе давно звучит, и ничего нового вы людям и духам не скажете. Мы предупредим людей земли нашей и постараемся предупредить людей земель других, что вы, духи, к «Ничто» близкие, учение соответствующее проповедуете. А учение ваше вытекает из того, что вы утверждаете в сознании своем (сами, быть может, не подозревая), что может быть абсолютно непознаваемое, тогда как для нас всех нет ничего абсолютно непознаваемого. Что из того, что, ощущая солнце земли своей, я его не тем сознаю, чем оно в действительности является? От этого оно не исчезнет и не перестанет существовать. К тому же, мало ли непознаваемого? Непознаваемы бесконечности времен и пространств, но из этого не следует, что их нет. Мало интересно для душ наших ваше учение о непознаваемости того, кого Богом именуют. Но хотелось бы знать, что еще несете вы с собой. Каково ваше учение о том, как должны относиться люди друг к другу и к иным, живущим на земле существам?»

Отвечают им духи Сомнения: «Скажите, кого вы живыми существами называете?» – «Нет ничего мертвого на землях, – говорят им люди земли Тидас. – В неподвижнейшем металле, в неподвижнейшем камне мощный вихрь ионов со страшной силой носится в круговом вращении. А движение – это жизнь, и жизнь может принять такую форму, при которой она с тем, что мы называем мышлением, свяжется и с тем, что началом душевным именуется». – «О, мы говорим только о людях. Мы учим, что вражда между людьми пагубна для них... для мучителей больше, чем для мучеников, пагубна».

Говорят люди Тидас, к стоящим на страже обращаясь: «Мы просим пропустить пришельцев с земли, зеленым светом сверкающей, на те земли, где мы были. Они не помешают обитателям земель этих к верхам подниматься и не замедлят подъема людей. Они и полезны будут: заставят людей о многом думать». Расступилась стража и пропустила духов Сомнения на землю, зеленым светом, цветом надежды сверкающую. Просыпались люди земли Тидас и разговаривали о снах своих, и все они одинаковые сны видели, как будто все из далекого путешествия возвращались.

«А вы, Леги, на зеленой земле бывшие, не встречались ли с эманациями земли Тидас, с людьми зеленой земли слившимися?» Отвечают Леги, на земле зеленой бывшие: «Кажется нам, что встречались мы с душами земли Тидас, в тела людей зеленой земли вошедшими». – «А с духами Сомнения встречались ли на землях зеленых?» – «О, да, часто встречались мы с ними, и людям, с которыми мы были, духи Сомнения только помогали ясно увидеть миры высокие и почувствовать эманации Бога Великого».

114. ШАБАШ

Сам не знаю, как я очутился в долине на высоком плоскогорье, и так неуютно почувствовал себя, что начал искать местечко, где бы мог спрятаться. Воздух, которым я дышал, казался мне неподвижным и странно густым. Ровный и тусклый свет, оза-

рявший долину, как будто не давал теней. Вся долина была усеяна тяжелым золотистым песком, и кое-где на ней виднелись разбросанные стволы деревьев. Они блестели разными красками и, когда я подходил к ним, мне казалось, что деревья эти были сделаны из аметистов и других дорогих камней. Кое-где виднелись в долине громадные скалы, сверкавшие, как гигантские изумруды и рубины. Я спрятался между двумя такими скалами и мне удалось усесться там на небольшой выступ. Прошло немного времени, и я услышал шум шагов. Взглянув по направлению шума, я увидел до такой степени странное зрелище, что стал протирать глаза и всячески старался проснуться.

Я видел как какие-то дрова и прутья переносились по долине и складывались в разных местах, но людей, которые бы несли эти охапки и связки, не было видно. Немного времени спустя в разных местах долины оказались приготовлены материалы для костров, а к ним были пододвинуты, как скамьи, стволы деревьев. Я видел, как около этих костров возникали высокие распорки, на которых оказывались подвешены большие котлы для варки пищи. Затем все застыло в глубокой неподвижности. Послышался шум уходящих шагов, и наступила мертвая тишина...

Вскоре я услышал хорошо мне знакомый топот тяжелой конницы, и в долину ворвался большой отряд рыцарей в полном вооружении на закованных в броню конях под развевающимся знаменем кроваво-красного цвета. Я с удивлением увидел, что закованные в стальную броню рыцари легко соскочили с коней, поскольку знал, что только немногие рыцари, бившиеся в Палестине, способны на такое проявление силы. Затем, я увидел, что какие-то невидимые существа увели коней. Рыцари нетерпеливо оглядывались и медленно пошли к кострам, которые при их приближении вспыхивали ярко-красным пламенем. Некоторые из рыцарей затрубили в рога, и возле них сразу возникли многочисленные оруженосцы, которые помогли им снять тяжелое вооружение. Рыцари остались при мечях, но все были одеты в бархатные и шелковые костюмы с преобладающим красным и желтым цветами, с золотыми цепями, с золотыми же перевязями и поясами.

Едва сняли оруженосцы вооружение рыцарей, как куда-то исчезли. Вдруг до меня донесся неясный шум, который постепенно рос и становился все слышнее и слышнее. Наконец, как будто над самым ухом моим загремел какой-то дикий, кошмарный рев, писк, стоны, дикий хохот и захлебывающийся визг. С факелами из зеленого и синего воска под острые звуки волюнок и раскаты барабанов в неистовом танце неслись прекрасно одетые женщины и женщины, на которых блестели одни только драгоценности. Неслись они с громкими криками: «Эвое! Шабаш! Эвое!». Среди этих женщин я увидел существа, похожие на древних сатиров с острыми ушами, и эти подобия людей перебегали от одной женщины к другой, пытались обнять их, а те, отталкивая сатиров, неслись, танцуя, к рыцарям. Рыцари бросились к ним навстречу, каждый выбрал свою даму, и, разбившись на пары, они шептались и смеялись, разгуливая около костров. Я с ужасом заметил, что странные образы, какие-то призраки, то туманные, то светлые, носились в воздухе неподвижном. Я видел разных чудовищ – странную смесь людей с формами, от других существ заимствованными: полулюдей-полунасекомых, людей с частями морских чудовищ... Меня тошнило, когда я видел голову медведя на теле осла, хвост которого представлял собой змею, причем шея осла была непомерно длинна, а на его голове виднелись рога быка. Рот же осла был переполнен зубами акулы. И другие, еще более странные чудовищные фантомы реяли в воздухе.

Я опустил глаза и увидел, что рыцари подносили дамам букеты горящих разноцветными огнями цветов. Повсюду, внизу, вверху, на песке золотом и в воздухе заблестели странные огни, на блуждающие, только более яркие огни, похожие. В это время Невидимыми были внесены столы, богато убранные, уставленные разнообразными блюдами. На золотых блюдах лежали громадные куски окровавленного мяса, шевелящиеся трупы птиц, покрытые разноцветными перьями и, по-видимому, хорошо зажаренные, громадные рыбы с букетами огненных цветов во рту, чудовища морские, раки и спруты, блещущие фосфорическим светом, разнообразные фрук-

ты, имеющие рты, которые постоянно открывались и закрывались. И услышал я громовой голос, как бы из высот исходящий: «Придите и ешьте, ибо все это жило и во всем этом жизнь трепещет и в вас перелется». Я содрогнулся, увидев, как не стесняемые одеждами красавицы жадно рвали руками куски мяса окровавленного и пожирали их, игриво и ласково улыбаясь в то же время соседу. Я видел, как все пирующие пили из кубков напитков, на кровь похожий, в то время как тихий, но внятный голос, говорил им: «Пейте хмельную влагу, пейте ее, и пусть проснутся в вас ваши страсти тяжелые, да увидите вы их и прельститесь ими!»

Я видел как обольстительно прекрасными становились дамы; как прекрасны становились рыцари – отвагой и мужеством горели очи их; но я видел вместе с тем, что длинные, как жала змей, как хвосты скорпионов заостренные высовывались языки красавиц и острые высокие черно-грязные рога как бы вырастали у рыцарей. Никто, кроме меня не замечал этих длинных языков и рогов, а я не знал, что подумать.

Вдруг радостные крики и веселый говор пронесся между собравшимися, и я увидел трех человек в коротких плащах с какими-то, похожими на арфы музыкальными инструментами в руках. Они пели, восхваляя любовь рыцарей и дам, хвалили воинские подвиги, славилы сильные удары меча, те удары, которые надвое разрубают врагов; они восхваляли пиры, веселые песни, но не слышал я в этих песнях похвал великодушию, щедрости, верности, не слышал похвал подлинным рыцарским доблестям. Все сводилось к наслаждению благами жизни, и только. Даже когда они воспевали любовь, я не слышал слов о жалости и верности. Когда пропели свои песни трубадуры, им ответил хор дам, и в их песнях восхвалялось только наслаждение любовью: не было и речи о милосердии, о жертвенности...

Послышались веселые звуки арф, красные рыцари и дамы составили быстро движущийся хоровод. Хоровод этот часто разрывался: то одна, то другая пара танцующих вырывалась из него и, крепко обнявшись, неслась в диком танце, а то вырывались из хоровода и танцевали одиночки. Наконец, вместо хоровода я увидел толпу, тесно прижавшихся друг к другу мужчин и женщин, что-то отрывисто, несвязно бормотавших. В это время я услышал медью звучащий голос: «Помните, что близка смерть и вы не знаете и знать не можете, что будет за нею. Спешите же наслаждаться жизнью до пресыщения, чтобы не жаль было умирать. Нет наслаждения выше наслаждения тела, ибо наслаждения духа – не для этой жизни!»

Подшли немолодые уже красные рыцари и разодетые дамы и говорят: «Не олабла в нас жажда наслаждения, но нас обходят и мы боимся получить отказ, если начнем ухаживать». А медный голос отвечал: «Как вы глупы! Разве нельзя надеть на себя, на свое тело прекрасную маску? Разве нельзя достать такую маску, что она сделает вас более обворожительными, чем вы в молодости были? Мало этого – выдумайте наслаждения неслыханные, наслаждения запретные, и вы снова молодыми себя почувствуете и найдете себе тех, кто вами наслаждаться станет».

Подшли к пожилым несколько молодых дам и мужчин и говорят: «Мы устали! Нас не радуют утехи любви. Что делать, не лучше ли заняться наслаждениями духовными?» Ответил им голос: «Вы глупы! Разве нельзя совместить те и другие? Вы, дамы, отныне сделайтеся мужчинами и подражайте им, а вы, мужчины, сбросьте доспехи рыцарские и оденьте платья женские и женщинам подражайте, а за тем говорите о чем-либо возвышенном. Увидите, как интересна станет ваша жизнь».

Замолк голос медный...

И увидел я, что собрался круг громадный, посреди которого кто-то говорил: «Не довольно ли верить тому, во что нельзя верить? Я не говорю, что не было на земле тысяча двести лет назад того, кто назвал себя Иисусом. Но сколько вздора написали о нем люди и многое присочинили к его жизни и забыли сказать о нем многое же». Один спросил у него: «А что же неверного в евангелиях?» Отвечает говоривший: «Никогда не говорил Он, что кто-либо за какой-либо грех будет караться геенной огненной. Никогда не проклинал Он смоковницу, но увидев, что она засохла, сказал, что она не даст более плодов. Никогда не выгонял продающих и покупающих в храме и не опрокидывал столов и скамей, но убедил меня и торговцев голубями не за-

ниматься в храме меной и торговлей... Одно и то же событие в евангелиях относится к разным моментам Его жизни в Палестине. Так, например, никто не знает, когда миропомазала Его Магдалина. В одном Евангелии говорится, что Ему на кресте дали уксус и желчь, а в другом – вино и мирру. В одном Евангелии он запрещает ученикам брать с собой сандалии и посох, а в другом говорится, что Он велел брать сандалии и посох...»

Перебил рассказчика нетерпеливый голос: «Зачем говоришь ты это? Два раза был разговор о миропомазании и два раза, а, может быть, и десять раз оно было! Одним ученикам в одно время Он советовал брать сандалии, ибо такое время года было, а в другое время и другим ученикам советовал не брать их. Одни давали Ему уксус и желчь, другие – когда Он не принял этого напитка – вино и мирру... Зачем ты говоришь пустяки?» – «Как пустяки? Он то не велит дотрагиваться до себя, то требует, чтобы вложены были пальцы рук в раны Его». – «Напрасны разговоры твои, и я не хочу пояснять тебе недоразумения твои. Не ясно ли тебе, что в одном случае в астральном, а в другом случае в физическом теле был Он?»

Я видел, как все отошли от того, кто об евангелиях речь начал. Увидел я другой круг и слышу разговоры странные. Говорил кто-то, что Бог евреев и тех, кому они свои суеверия передали, вовсе не Бог, а один из падших ангелов, почему он, падши, и учил евреев убийствам диким, воровству и нелепым суевериям. Говорит кто-то другой, что мир наш создал не Бог, а какой-то очень маленький падший ангел, что души не упали на землю из Океана сверкающего, но сделаны этим же Арлегом. Я услышал крик: «К чему рассказываешь нам старые бредни? Если бы даже не верны они были, что мне до них!»

Несколько красивых дам подошли к говорившему и сказали ему: «Пойми, не для того пришли мы сюда, чтобы слышать разные сказки о непостижимом; мы явились сюда не для того даже, чтобы веселиться. Мы прибыли сюда только для того, чтобы наслаждаться. Мы понимаем, что могут быть наслаждения духовные. Но мы не уроды и жаждем наслаждений телесных. Если мы можем наслаждаться, это значит, мы имеем безусловное и безграничное право упиваться наслаждениями телесными. Ни кому они не мешают, и только лицемеры могут протестовать против них».

Разбежались дамы с веселым смехом, за ними побежали красивые рыцари и только несколько пожилых остались, тихо разговаривая: «К нам близко подходила смерть. Мы не боимся ее, так как знаем, что нет конца нашим жизням, что мы бесчисленное число раз преобразуемся. Но нелегка будет наша ближайшая жизнь. С рогами животных входим мы в нее. Неужели правы те, кто говорили, что надо исполнять на землях веления Эонов для того, чтобы прекраснее была следующая за смертью жизнь? Не осторожнее ли, не умнее ли отказаться от использования зла в свою пользу в этой короткой жизни? Ведь не так прекрасно и приятно зло для умного, как глупцы думают». – «Да, ты прав! Попробуем жить, как Эоны учили жить людей». – «И если не нам, то другим будет легче и лучше жить в мире этом..».

Я услышал в эту минуту странную музыку, ничего похожего не имевшую со звуками арф, пением волюнок и грохотом барабанов. В ней слышалась настойчивая мольба, могучие порывы в верха и неизмеримая глубина. То тяжелое раздумье, то мощный порыв и стремительный взлет, то тихая скорбь слышались мне в этой музыке, и я закрыл глаза. Когда открыл их, все те же дамы и рыцари красивые, не стесняясь других или прячась в расщелинах скал, обнимали и ласкали друг друга, но некоторые, и между ними немало молодых было, тихо рассуждали друг с другом. «Конечно, – слышал я, – если бы Бог хотел, чтобы не ведали мы того, что наслаждением называется, то Он и сотворил бы нас без жажды наслаждения...»

Все разошлись. Я увидел, что несколько рыцарей и дам составили большой хор. Послышались голоса запевал и какая-то странная, призывом звучащая мелодия зазвенела в тяжелом воздухе: призыв и вызов слышался в ней, и я заметил, что танцы начали переходить в дикую оргию, описывать которую я не имею права. Снова закрыл я глаза, боясь поддаться соблазну. Но уши мои были открыты и я слышал, как около меня шли разговоры: «Часто слышался в религиях мотив воскресения, на зем-

лю сходявшего Бога. Воскресали и боги разных народов, иногда так же, как великий Учитель эоновского начала. Не раз бывало, что хлеб был символом тела умершего бога, а вино – символом крови его...» Я открыл глаза. Около меня стояли два человека и тихо разговаривали, но я перестал их слушать. Я видел, как падали на золотой песок прекрасные дамы и прекрасные рыцари и исчезали из глаз моих. Тяжелый туман покрыл все происходившее, и я почувствовал, как кто-то взял меня за руку и увел на дорогу, к городу высокому ведущую.

115. ДУША АЛЬНЕГО

Мне было очень скучно. Давно уже я не видел никого, из мне подобных. Мне казалось, что кроме меня нет ни одного человека на этой планете. Мне захотелось поговорить с кем-либо из тех существ, которые на людей похожи, и я позвал одно из них. Оно стоит передо мною. Что-то напоминает мне образ человека, как бы из тонкого прозрачного света сотканного.

«Кто ты? – спросил я. – Как зовут тебя?» Я понял ответ ко мне прибывшего: «Я – душа Альнеро. Если хочешь, зови меня просто душой, пока рядом со мной нет других душ, от которых надо отличать меня. Зачем ты позвал меня?» – «Будь добра, душа Альнеро, расскажи мне о своей обители и о том месте, где она находится, о том, как появилась душа Альнеро, или как он сам появился там, где живет теперь. Я давно уже одинок на планете, и мне хотелось бы услышать речь разумную».

Отвечала мне душа Альнеро: «Ты одинок. Мне жаль тебя. Я расскажу тебе, что успею рассказать сегодня, а потом я, если позовешь меня, снова приду к тебе».

Вспоминая самое далекое прошлое мое, я не могу припомнить, где я была и что делала до того момента, как в ряде миллиардов других существ я неслась куда-то в теле призрачном Альнеро. Помню я, как пересекали мы какую-то гигантскую пустоту, и много лет протекло в путешествии этом. Как-то раз мы услышали, что передние отряды наши натолкнулись на стену гигантскую и не могут перелететь ее, не могут найти ее предела ни вверху, ни внизу, ни вправо, ни влево. Отряд, в котором был Альнеро, прилетел к этой стене и, как другие отряды, убедился, что нельзя обойти ее. Тогда отряд этот, вплотную приблизившись к стене гигантской, стал разбирать эту стену и бросать вниз камни, выламываемые из стены этой. Многие присоединились к работе отряда и пробили громадное отверстие. Мы влетели через это отверстие, и перед нами развернулась необъятная равнина, покрытая красивой растительностью. Едва мы появились на равнине этой, изменилась до некоторой степени и оболочка наша. Наши звездные тела уплотнились, наши лица приобрели окраску: желтоватую у мужчин и белую у женщин. Женщины немедленно, не потеряв и мгновения, оделись в платья серебристого цвета. Оделись в платья золотистого цвета и мужчины. Ты спрашиваешь, откуда взяли они эти одежды? Достаточно было пожелать, чтобы другие видели пожелавшего так одетым. И они так и видели его. Видели они их в таких костюмах, которые наиболее подходили к желающим одеться. А когда кто-либо из них желал снять свою одежду, достаточно ему было пожелать, и он тотчас же и себе и тому, кому желали, казались раздетыми одной силой желания своего.

Каждый и каждая из них воздвигали себе такие здания, похожие то на замки, то на церкви, то на пирамиды, то на башни, какие хотели иметь. Блестящие, сверкающие, фантастически прекрасные, возникали по воле их дворцы и исчезали, заменяясь другими, когда хотели этого их владельцы. Силой воли своей, без какого-либо затруднения, они сами видели и ощущали строения эти и всех других заставляли видеть и ощущать их. А когда хотели, то обращали значительную часть нашей планеты в луга, леса, равнины, через которые пробегали реки вод прозрачных. В другой же части планеты протекала жизнь наших городов. Ты спрашиваешь о том – вступали ли женщины в брак с мужчинами? Я смутно понимаю, что ты браком называешь... Мне кажется, он связан с совместной жизнью. Если так – то у нас нет брака. О, да. У нас влюбляются друг в друга мужчины в женщин, а женщины в мужчин. Они проводят

время вместе и скоро расходятся, но никто не мешает им жить вместе, хотя бы целую жизнь. Если хочешь – мы умираем, но наша смерть совсем особого рода. Те из нас, которые хотят покинуть свою планету, собираются вместе в каком-нибудь лесу и, сбросив с себя оболочку нашей земли, уносятся далеко-далеко, в неведомую им бесконечность. Мы думаем, что в бесконечности новой хорошо жизнь свою проживших ожидает лучшая доля, а плохо живших – такая же жизнь, как и на нашей земле.

Ты спрашиваешь, верим ли мы в Бога? Едва ли верой надо назвать то, что мы ощущаем, говоря или думая о Боге. Едва ли можно наши думы-ощущения назвать знанием. Нам, откуда-то взявшимся и куда-то уходящим, сбросив оболочку нашу, приходится иной раз понять, что до нас долетает эманация начала бесконечно Высшего, чем то, что мы собой представляем. Нам кажется, а если тебе не нравится такое выражение, – мы знаем, что наличность бесконечности бесконечностей населенных указывает на существование Бога. Пойми: когда ты говоришь «бесконечность», ты понимаешь, что она существует только потому, что ты существуешь, а когда ты произносишь «бесконечность бесконечностей», ты понимаешь, что она существует только потому, что надо всем этим Бог существует. Не понимаешь? У вас не наша логика. Пойми: бесконечность является сущей и потому ты в ней, а бесконечность бесконечностей иррациональна, а потому и не суща, будучи проникнута силой Бога, который тоже не сущий, не в ней находится, а ее в себя, в свою эманацию включает. По отношению к бесконечности бесконечностей не сущим является для тебя Бог. Но, конечно, Он – сущий, хотя ты познать это вполне не можешь, а то, что ты познать не можешь, то для тебя не сущее. Не понимаешь? Я не могу говорить, в этом вопросе твоей логике следуя. Напрасно ты волнуешься: не все ли равно, понимаешь или не понимаешь ты, мной сказанного. Спрашивай о чем-нибудь другом.

Ты хочешь знать, существует ли несправедливость в нашем мире? Да, пожалуй, существует то, что несправедливостью назвать можно. Если она, несправедливость, кому-либо горе причиняет, то в другое время или в другие времена, иногда в мирах других, горе это компенсировано будет радостью, причем первосозданным тобой может быть горе это, эхом горя, причиненного когда-либо тем, на которого оно обрушилось... Да, конечно, ты прав: если никому не причиняет горя какой-либо поступок, он не может называться несправедливым. А если он причиняет кому-либо горе, какому-либо живому существу причиняет горе, он не справедлив.

Ты снова возвращаешься к разговору, который мною оконченным считается. Ты говоришь, что не понимаешь выражения «бесконечность бесконечностей». Я слышала, что первопоселенцы твоей планеты легко понимали это выражение. Слушай: имеется бесконечность, за ней лежит громадное «ничто», а за «ничто» новая бесконечность и так далее...»

Тут я перебил душу Альнеро, спросив: «Но что такое «ничто»? Если это не нечто, то как может оно отделять одну бесконечность от другой, а если оно нечто, то чем отличается от других частей бесконечностей? Кажется, нет «ничто», которое отделяло бы бесконечность от бесконечности, ибо, если бы «ничто» отделяло одну бесконечность от другой, то бесконечности соприкасались бы: между ними не было бы промежутка, он равнялся бы нулю. И, пожалуй, так и есть: одна бесконечность лежит рядом с другой и ничем от нее не отделяется, если не говорить о незаселенной полосе, каковы полосы и в пределах любой бесконечности имеются. Строго говоря, пространства между бесконечностями, не населенные какими-либо духами, и называется «ничто» и, они пространства эти – громадны. Громадны они и в пределах любой бесконечности, так как в каждой бесконечности прослойки такого «ничто» имеются».

Возразила мне душа Альнеро: «Конечно, под словом «ничто» разное сущее или не сущее понимается. То, что близко нам, что в нашей бесконечности находится, это «ничто» условное, так как оно границы имеет, так как в нем лучи солнца идут, хотя и невидимые многими существами, и через это «квази-ничто» частицы материи и духи проносятся. И те пространства, которые между бесконечностями лежат и ничем не наполнены, тоже «ничто» называются, и через них духи пролетают. Но имеется

и «Великое Ничто», за пределами бесконечностей лежащее, у которого только одна граница, которую оно расширить старается: с «ничто», духами посещаемым, с «ничто», в котором тьма, тогда как нет ни тьмы, ни света в «Ничто Великом». Да, ты прав, и это «Ничто» может быть превращено квази-волей квази не сущего в сверх-бесконечность населенную.

Ты опять спрашиваешь о Боге... Пойми: нет ни одного понятия на человеческом языке, которое могло бы к Нему относиться. Возьми любое из прекрасных свойств человека, прибавь к слову, это свойство обозначающему, слово, благодаря которому человеческое свойство в превосходной степени мыслиться будет, и ты получишь такое свойство, которое человеческое начало имеет, почему и не относится к Богу. Довольно того, что мы знаем, что без Него ничего не было бы того, что есть.

Но теперь я должна исчезнуть из твоего мира.

Ты хочешь передать что-то Альнеро? Хорошо, я передам. Я спрошу, не посоветует ли он тебе оставить этот мир, всеми, кроме тебя, покинутый, и поселиться там, где живет народ Альнеро. Вызови меня после того, как солнце земли твоей закатится, и повторяй вызов этот, пока я не явлюсь к тебе с ответом Альнеро. А сейчас прими мой привет».

Я опять один на планете моей. Я думаю, что народ Альнеро сумеет перенести на свою территорию мое душевное и духовное начало и дать им оболочку, их огненной планете соответствующую. Но мне немного жалко навсегда покинуть землю мою. Как прекрасны ее леса и луга, ее реки и моря живые. Пусть реальнее их леса и моря призрачные реальных рек и лесов моих. Что-то притягивает меня к моей родине. Не хочется мне ее оставить. Боюсь я, что тяжело мне будет жить в теле новом, среди существ новых. Что я знаю о них? Не лучше ли мне идти путем, мне предназначенным; не лучше ли мне умереть, как люди, не знающие напитка бессмертия, умирают.

116. БЕСКОНЕЧНОСТЬ ДВЕНАДЦАТИ СОЛНЦ

Невероятно далеко от скопления желтых солнц раскинулась другая вселенная-бесконечность. Одиннадцать гигантских, огнем не жгущим сверкающих солнц описывают громадные круги вокруг такого же по величине в центре расположенного солнца, огнем не жгущим пылающего. Разными огнями горят солнца эти – огнем белым, синим, желтым, оранжевым, красным, голубым, черным, зеленым. И так бывает, что солнце, в центре находящееся, оставляет свое место и начинает двигаться к периферии, а другое, на периферии находящееся солнце, движется к центру.

Солнце, в центре находившееся, занимает место одного из солнц по периферии двигающихся, а солнце, на периферии бывшее, занимает место солнца центрального. Раз в мирну лет бывает такое перемещение. На каждом из солнц огней холодных пребывают существа разумные. На зеленом солнце пребывают существа, на людей земли зеленой похожие; их жизнь похожа на жизнь людей земли зеленой, но многих из них томит жажда познать жизнь более высокую, чем та, которую влачат они, и часть из них старается на земле своей устроить жизнь лучшую, а часть мечтает жить так, как живут существа, на других солнцах холодных.

На солнце зеленом не одни люди жили: множество растений, разнообразных насекомых, рыб, зверей и других обитателей находилось на земле этой. И такие жили там, которых нельзя было видеть простым взглядом, а только через мощные увеличители можно было видеть их. Часто жили эти существа в других живых существах, и в них самих еще меньшие существа жили. Думали люди, на солнце зеленом живущие, что в телах их души имеются, что они имеются и в телах всех живущих, и в телах существ, без изменения пребывающих находятся. Думали люди солнца зеленого, что души всех, даже ультра-малых существ, после смерти их переходят в тела существ высших. Так думали они потому, что, умирая, не исчезали без остатка, и их души облакались телами светлых существ, живущих на солнце, огнем красным сверкающем.

На солнце-планете огня красного жили существа крылатые. Были среди них те, которые стремились освободить из плена тяжкого людей солнца зеленого, так как часто среди людей этих, приняв их вид, жили обитатели солнца черного. Обитатели солнца черного поработали людей и развращали их своим учением диким, простор страстям низшим открывающим. Другие, на солнце красном живущие, старались изучить жизнь всех, изучали жизнь всевозможных существ, живущих на солнцах разных цветов, и пытались постигнуть то начало высокое, благодаря которому все, что было, есть и будет, проявилось. А третьи, на солнце красном живущие, старались найти пути к победе над силами стихийными страстей, трудно обуздываемых. Как у обитателей солнца зеленого, появилось у жителей солнца красного стремление не допускать в свои обители тех, кто злое начало проповедует. Беспощадны они были с обитателями солнца черного и томились желанием понять, будут ли и как будут существовать они за пределами той бесконечности, где они пребывали. Но они знали только то, что по истечении времени начало духовное, в них сущее, новым телом облечется на солнце оранжевом, и там, на солнце этом, для них новая жизнь начнется.

На солнце оранжевом жили существа гигантские, постоянно свои обители покидавшие, в низы к существам незаметным нисходящие, и в высоты страшно далекие в поисках Первоначала восходящие. Не имели они покоя, так как не знали, что делать можно и чему посвятить силы свои, раз они не постигли, что в низах далеких, в мирах невидимых и в высотах необъятных находится. Метались между низами нижайшими и высотами страшными гиганты и настойчиво стремились познать то, что люди Богом называют.

На солнце, синим огнем сверкающем, обитали те, кто постоянно отлетали к границам своей бесконечности и препятствовали проникнуть в бесконечность эту силам враждебным, из неведомых далей прилетавшим. Они никогда не говорили о Боге, и, как будто, не интересовались тем, существует ли Он. Но часто после боя страшного с силами враждебными задумывались они и старались постигнуть, существует или не существует Начало начал сверхразумное.

На солнце, розовым огнем горящем, обитали существа могучие, иногда факелы, светом розовым горящие, зажигающие. А на солнце, голубым огнем сверкающем, жили подобные первым существа, иногда факелы, светом голубым горящие, зажигающие. Перелетали существа могучие с солнца, розовым огнем горящего, на солнце огня голубого и наоборот, и, смотря по тому, на каком солнце были существа эти, горели светом соответствующим факелы их. Когда были в их руках факелы, розовым огнем сверкающие, сомневались они, что существует Бог, а когда горели в их руках факелы, голубым огнем блестящие, они были уверены, что есть где-то Бог. Беспреданно колебались они.

Как-то раз одно стремление охватило все разумное население в бесконечности солнц холодных и сверкающих. Все они сразу решили обратиться к существам, на солнце белом пребывающим, и спросить у них, знают ли они, а если знают, то могут ли передать свое знание спрашивающим, – нет Бога или есть Он? Ответили им существа, на солнце белом пребывающие и многое познавшие, что они знают, что Бог существует, не существуя, но как передать свое знание о Нем спрашивающим, не знают они. А когда не захотели поверить люди солнца зеленого, что многопознавшие не могут передать людям знания своего, они ответили: «Попробуйте передать рыбам ваши математические знания. Не можете? Так и мы не можем передать вам знания нашего, но если хотите, попросите сойти к вам одного из Эонов могучих, и Он, если придет к вам, сумеет передать вам знание свое о том, что существует Великий Бог».

На всех солнцах, разными огнями горящих, слышалась проповедь Эона сошедшего. Все видели и слышали Его на солнце, зеленым огнем сверкающем. Он ходил по солнцу этому и одиннадцать учеников шли за Ним. Когда Он шел, не оставляли следов стопы ног Его. Все видели, как Он ел и пил вместе с другими, но после трапезы нетронутыми оставались предложенные Ему питье и еда. Не портились ни одежда, ни обувь Его, ни пыль, ни грязь не приставали к ним. Он ходил по солнцу, зеленым огнем сверкающему, и одновременно на всех солнцах, холодными разноцветными огнями сверкающих, ходил Он же и с Ним ходили другие ученики Его. Вез-

де, на всех солнцах тождественен был Он с Эоном, ходящим по солнцу, зеленым огнем сверкающему. Он учил обитателей солнца, зеленым огнем сверкающего, добру и милосердию.

Он говорил: «Только тогда познаете все вы, что существует Бог Великий, когда злое начало перестанет затемнять разум ваш, когда добро и милосердие постоянно будут освещать деяния ваши. Только тогда познаете вы, что существует Бог Великий, когда всех будете жалеть не меньше, чем себя. Я не учу вас ломать жизнь вашу: бессмысленно голодать, когда можно быть сытым, отказываться от семьи, когда можно иметь ее, мучить себя, когда можно жить без мучений. Какими сотворил вас Бог в мысли своей, такими и будьте. Одному только учу я вас: не причиняйте никому зла, не причиняйте никому страданий. Еще скажу вам: не ищите Бога в мире, материей насыщенном, ибо нет ничего общего между Ним и творением Его (как у людей нет ничего общего между ними и их изделиями материальными, если не говорить о том, что эти изделия сотворены людьми). Чем совершеннее будете вы, тем ближе будете вы к познанию Бога; чем ближе вы будете к Нему, тем совершеннее станете и тем понятнее будет Он для вас. А если вы немилосердны и злы будете, то забудете, что Бог есть, и вам смешны будут указания людей на то, что Он – сущий. Если вы хоть на одну линию от пути добра отойдете, вы потеряете Бога, будете верить, что нет Его. А полное познание о Боге вы получите только тогда, когда вся жизнь ваша сплошным добрым подвигом будет. Еще скажу вам: можно на перекрестках кричать, что нет Бога, и все же, не сознавая этого, глубоко веровать в Него, зная, что Он – сущий. Ибо отвергается добрыми людьми не Бог, непостижимый в материальных аспектах, а почти всегда неверное представление о Боге этом. А этих несчастных – солнца черного обитателей, всем сердцем своим, всей душой вашей и всем духом вашим жалеть надо, ибо трагична их участь, если они не раскаются. Чем дольше пребудут они в нераскаянии, тем тяжелее участь их. Поэтому, чем больше зла они делают, тем большего сожаления достойны».

Так учил на солнцах Эон призрачный, и в мирах высоких учил Он спокойствию, отрешению от безнадёжных поисков Бога, существам этих миров подобного, схождению в миры низшие для их скорейшего подъема. Еще многому учил Он – тому, о чем два раза в столетие говорится.

Узнали обитатели солнца черного, на землю сошедшие, от учеников своих, среди людей собранных, об учении Эона и решили казнить Его смертью, ибо не знали они, что Он не имеет тела материального, и даже призрак Его они могут схватить только тогда, когда пожелает Он сам. Схватили они Его призрак, распяли, и увидели что на кресте никого и ничего не было. Ужаснулись обитатели солнца черного, и холод страха сжал сердца людей, им служащих. А на третий день после распятия все люди почувствовали, что Эон своим веянием вошел в сердца их, и обитатели всех солнц разноцветных, с которых тоже исчез призрак Эона, почувствовали, что Он в них находится. Но не вошел Он в души обитателей солнца черного; те из них, которые на солнце огня зеленого были, жили там, по-прежнему руководимые своими дикими инстинктами. Были бессильны в борьбе со злом, ими содеянным, люди солнца зеленого. Узнали об этом сущие на солнцах, разноцветными огнями горящих, и появились на солнце зеленом. Взяли они оттуда обитателей солнца черного и, отнеся их в их обитель, окружили обитатели солнца, синим огнем блистающего, солнце черное, закрыв выход его обитателям.

Тогда почувствовали жалость существа, на солнцах разноцветных обитающие, и начали просить Эона, в их душах сущего, помочь обитателям солнца черного. Эон присоединил свою мольбу к молитвам существ, на солнцах разноцветных живущих, и все живущие почувствовали веяние сфер высоких. И тогда солнце огня черного поплыло к солнцу белому, а солнце белое – на место солнца черного, и солнце огня черного заняло место солнца огня белого, и наоборот. Когда совершилось перемещение это, изменились бывшие обитатели солнца черного, и солнце это засияло огнем, разными цветами переливающимся. Стали обитатели солнца черного добрейшими из добрых и сострадательнейшими из сострадательных, и стали они умолять обитателей солнца синего не сражаться с силами темными, на бесконечность две-

надцати солнц нападающими, а убеждать их силой Эона Высокого, в них сущего, обещая прийти к ним на помощь. Удивились обитатели солнц разноцветных, почему обитатели солнца черного сошествия Эона Высокого удостоились. Но услышали они старую истину, что все равны перед Несравнимым; что для Него равны и первые и последние, и что для последних больше жалости к благодати надо.

Узнали они и то, что раз в каждые десять дней горько плакали обитатели солнца разноцветного. Обитатели солнца синего переселились в другие бесконечности и вели бои беспощадные с силами темными. А бесконечность двенадцати солнц сияющих со страхом обходили силы темные, не рискуя приблизиться к ней, едва только замечали ее сиянье несказанное.

117. СПОР

[Я затынулся опиим, а за десять минут до этого проглотил полную ложку гашиша. Я не сплю, но как странно все то, что я вижу.]

Это не тишина. Это – молчание. Нет ничего – ни тьмы, ни света. Нет и сумрака. Нет пространства, то есть нет ни длины, ни ширины, но всюду царит глубина. Она образовалась, когда отодвинулся Великий. Ничего не было вначале, кроме глубины...

В глубину пустот прибыл тот, кого Элоимом называют. От Него изошла творческая сила. Он сказал свое Слово, и в глубине, где ничего не было, появились в полном смешении, в Хаосе, все начала того, что есть в глубине и что будет. Отделил Он свет от тьмы хаоса, и уплотнившаяся тьма стала холодному льду подобной, но свет пронизывал и уничтожал ее, а если он закрывался чем-либо, тьма снова побеждала. Началось движение везде, где свет сиял, а там, где сиял свет, появились пар, вода и прежде их движение, ибо неравномерность нагревания ветер породили.

Снова прозвучало Слово Элоима, и в водном начале появились живые существа, появились они в свете чистом и в свете, с мраком смешавшимся, появились они во мраке и в абсолютной мгле. Я смотрел на них, и все они прекрасны были, все они сияли светом или мглой, и чуждо было зло и безобразие всему тому, что Элоимом создано было. Высоко-высоко поднялся свет чистый, и в нем я увидел чистейших из сущих, а перед ними и за ними стражи могучие стояли. Неисчислимы были разнообразные живые существа, и каждый в своем роде прекрасен был. Всем им была дана свободная воля существовать так, как они сами хотят.

Прошли миллиарды тысячелетий и одно из существ обидело другого... Я вижу: многое множество обидчиков опустилось в низы и там своеобразной странной жизнью жили. Как все странно! Какие странные, прекрасные в верхах, ужасные в низах существа.

Я вижу, что волнуются Стражи Порогов, стражи, всюду свои посты выставившие и в верха пропускающие только тех, кто достоин подъема такого. Они собрали совет и обсуждают, надо ли исполнить просьбу тех, кто не свершив того, что должен был свершить в своем мире, требует подъема вверх. Сильно протестуют некоторые из них, заявляя, что неразумным является такое требование, потому что омрачатся верха с низов прибывшими, потому что сами они, в верха поднявшиеся, не выдержат новой жизни, потому что такой подъем причинит горе и страдание в верха поднявшимся. Говорят другие, что несвоевременно в верха поднявшись превратятся существа миров низших в насекомых и зверей миров высоких, то есть в таком отношении к высоким существам будут, в каком насекомые к людям находятся.

Отвечают другие Стражи Порогов, и я слышу их голоса, могучему грому подобные: «Мы позволим к ним на помощь духов Света чистейшего, и они, благостные, помогут людям перенести общение с высшими». Говорят третьи: «Они хотят таковыми подняться, каковыми ныне пребывают. Это их дело. Таково их решение. С какой стати мешать им? А не мешать – это и значит помочь». Говорят другие: «Мы можем стать из единиц множеством. Мы примем вид людей и, поскольку можем, окажем людям поддержку». – «Как! Нам, мощным, принизиться до образа и подобия челове-

ческого?» – «Отчего бы, нет? Ведь принимали этот образ светлейшие из светлых!» Подходят к Стражам Порогов Димиурги-гиганты, и я слышу их голоса: «Мы думаем, что вы ошибаетесь, так как нельзя в светлые обители непросветленных вводить. Мы не допустим этого». – «Вы хотите силой помешать нам?» – «О, нет! Мы просто встанем стеной между миром людей и высшими мирами и пропустим в верха только тех, кому надлежит подняться». – «Мы думаем, что подняться надлежит всякому, кто желает подняться». – «Мы не думаем так: пропустим только тех, кто достойны войти в космос высший». – «Никто не дал вам права такого суда и решения. Отойдите, или мириады мирн нас появятся. И мы отодвинем вас, раздвинем ряды ваши, создадим в них коридоры, в верха ведущие». – «Если так, то – борьба. Готовьтесь к ней!»

Бесконечными рядами встали друг против друга сверх-гиганты. Еще немного мгновений и начнется борьба... Появились между рядами Димиургов и Стражей Порогов воплотившиеся эманации Эона Мудрости, и слышат голос его к битве готовые: «Все рухнет. Все разрушится. Ничего, кроме мелкой пыли космической не останется от космоса солнц разноцветных. Придут в смятение и космосы смежные, и снова Хаос воцарится. Этого ли вы хотите? Но вы сами должны ваш спор решить – не борьбой, а провидя будущее. Смотрите, кто и на чью сторону встанет, и тогда судите».

Смотрят Димиурги и Стражи Порогов и видят: готовятся к битве гигантской темные Арлеги и духов Бешенства собрали вокруг себя. Зовут они духов Безумия и страшными ударами заставляют их встать в ряды для того, чтобы на врагов броситься. А с другой стороны собираются силы Светлых... Смотрят и видят Димиурги и Стражи Порогов, что выше их стали ростом темные Арлеги. Посмотрели они на Светлых и видят, что все светлее, все ослепительнее становится блеск, от них исходящий, и опустили очи свои смотрящие. На чью сторону станут те и другие?

Видят к битве готовые, что Темные становятся передовым отрядом перед воинством Димиургов, а сияющие – перед Стражами Порогов, передовые отряды того и другого воинства образуя. Видят они, что во главе Темных мощный, более темный, чем мгла, дух Зла встал, грозя светлому воинству, а перед Светлыми появился кто-то, к ним руки простирая, умоляя их отказаться от боя. Увидели Стражи Порогов воинов новых, и мирны этих Стражей в немногих исполинов обратились, а Димиурги оставили места свои и крикнули Стражам: «Вы правы, пропустите в верха рвущихся, а те, кто подъема недостойны, не захотят его и в низах останутся».

Исчезли и Стражи Порогов, и Димиурги. Воинства Арлегов стоят одно против другого и понимают, что нет более тех, к кому спешили они на помощь. Повернулись светлые и исчезли. Медленно отошло и воинство темное. Мощный дух Зла лицом к лицу остался перед тем, кто к светлым Арлегам руки свои простирает. Приблизился Блистающий светом нездешним к Мощному и обе руки протянул ему. Вздрогнул мощный дух Зла, но крепко сжал руки протянутые и засиял светом-блеском несказанным. Взявшись за руки, понеслись оба духа к тому, кого Элоимом называют. А там, где стояли два воинства, появилось множество огоньков кровавых разных величин и яркости. Они слились в огромный пожар, страшным огнем горевший. А по обеим сторонам пожара этого, появились два воинства светлых и темных, но к тому времени просветлевших Арлегов. Начали бросать те и другие Арлеги розы светящиеся в пожар страшный... Прилетели Неведомые и вылили пурпурное вино из блестящих чаш своих на огонь страшный. Потух огонь. Рука об руку поднялись все Арлеги в обители свои и увидели, что перед ними открылась широкая дорога в высоты великие.

118. В ЛАБИРИНТЕ

На третий день моего прибытия в страну Кеми, я с двумя проводниками из высшей школы верховных жрецов отправился к верхнему лабиринту. После долгого и трудного путешествия нас встретили стражи лабиринта и, проверив наши полномочия, проводили нас к замаскированному в скалах ходу. Здесь снова проверили полномочия наши. Долго шли мы в глубокой темноте, углубляясь все ниже и ниже, хотя

иногда путь резко поднимался кверху. Впереди меня шел кто-то, кто держал меня за шнур, привязанный к моему поясу, а я держался за шнурок, привязанный к его поясу и позади меня тоже шел человек, также двумя шнурами связанный со мной... Не знаю, сколько шло нас в одной цепи. Мы долго шли в глубокой тьме и постоянно, чуть ли не через каждые пятьсот шагов, поворачивали то вправо, то влево. Наконец мы очутились в небольшом зале, освещенном разноцветными лампами. Отвязав шнуры от наших поясов, проводники предложили нам войти в широкий коридор, пройдя который мы вошли в гигантскую подземную залу. Посредине ее протекал широкий поток, через который были переброшены в разных местах мостики. В этой пещере, на просторанстве, могущем поместить небольшой город, мы увидели множество народа, то ходящего, то сидящего на скамьях около разноцветными огнями горящих костров.

При самом входе, шагах в двадцати от него, лежал сказочно ужасный зверь, напоминающий дракона, а против него стоял другой страшный зверь. Рядом со мной и моим товарищем шли проводники, и один из них, видя, что я взялся за обоюдоострый меч сказал: «Напрасно беспокоишься – это чучела до потопа живших животных». Я смутился, но чучела были сделаны поразительно хорошо. Мы прошли мимо них, и к нам подошли две женщины.

Первая из них сказала: «Чужеземец! Очевидно у тебя одни предки с теми, кто живут здесь. Иначе ты не пришел бы сюда. Ты ищешь ответа на интересующие тебя вопросы. Величайшая мудрость в том, чтобы достойным и умным образом прожить свою жизнь здесь на земле. Для этого достаточно руководствоваться древними правилами мудрецов: будь справедлив, но не думай, что справедливость в том, что человек отвечает за зло злом. Только тогда ты будешь справедливым, когда никому зла не сделаешь и за зло, тебе причиненное, добром воздашь и будешь стремиться к тому, чтобы не было смысла зло делать».

Вторая женщина произнесла: «Немногое прибавлю: не делай зла, зло делающему, но умей поставить его в такие условия, при которых он не захочет делать зло».

Я ответил им: «Благодарю вас за советы мудрые. Но скажите, правда ли, что я сотворен по образу и подобию Божьему? Неужели у Бога такое же тело, как у меня?»

Первая женщина: «Откуда узнал ты, что ты сотворен по образу и подобию Бога?»

Я: «Здесь, в Египте, во время нашествия пастухов или, может быть, до этого нашествия, жил человек, усыновленный дочерью главного правителя. Он подслушал разговор верховных жрецов и передал этот разговор, а в нем говорилось, что по образу и подобию Бога сотворены люди. Человек этот рассказал о слышанном людям своего племени, прибывшим с юго-востока, и египтянам. С тех пор повсюду богов изображают в виде людей или в виде людей с головами животных, или просто в виде животных, ибо в чем разница между людьми и животными?»

Вторая женщина: «Повтори свой вопрос у первого костра».

Я подошел к собравшимся у первого костра. Там, то отходя от костра, то приближаясь к нему, находились, одетые в белые одежды юноши и девы с крыльями за плечами. Я повторил свой вопрос и один из юношей ответил мне:

«Ошибаются, слушая, но не слыша, воспринимая и не понимая, те, кто думают, что Бог подобен человеку в том смысле, что у Него такие же руки и ноги и такое тело. Подойди к следующему костру. Там знают, как надо ответить тебе, ибо мне ясно: ты не читаешь мысли моей».

Я подошел ко второму костру и увидел возле него каких-то гигантов. Когда они отходили от костра, то небольшими казались, а когда возвращались, то снова вырастали в гигантов. Я повторил свой вопрос и услышал в ответ:

Гигант: «Люди сотворены по образу и подобию Божию, но это не значит, что у Бога имеются руки и ноги и тело, как у человека. Это значит только, что не твое тело, но твоя душа по образу и подобию Бога сотворена».

Я: «Я смутно понимаю сказанное. Поясни мне».

Гигант: «Охотно. Но ты немногое слышишь из слов моих. Спроси лучше у тех, кто у дальних костров пребывает».

Я подошел к следующему костру. Около него стояли всадники, держащие коней за гривы их. Я спросил их, как душа может быть создана по образу и подобию Бога, и услышал ответ одного из всадников:

«К чему тебе знать это? Мы не интересуемся тем, о чем ты спрашиваешь. Борис со злом. Делай добро. Больше ничего не надо, пока ты в аспекте своем!»

Я прошел дальше и увидел суровых мужей и прекрасных женщин, одетых в розовые и голубые одежды, около костров голубого пламени собравшихся. Прежде, чем я открыл рот для того, чтобы повторить свой вопрос, я услышал ответ на него от носящего розовую одежду:

«Знай: Бог Великий – Сущий, хотя для тебя Он и Не-Сущий, ибо твоими чувствами ты не можешь воспринять Его. У тебя нет тех чувств, которыми ты воспринять Его можешь, как у слепого нет чувства зрения для восприятия красок и далеких очертаний, как у глухого нет слуха для восприятия слов и звуков. Но существуют краски, хотя слепой не видит их, существуют звуки, хотя глухой не слышит их. Ты, точнее, твоя душа сотворена по образу и подобию Бога потому, что хотя она и существует, не может быть воспринята твоими немногими чувствами, поэтому для чувств твоих она не сущая, ее нет. Итак она – сущая и одновременно не сущая, так как не воспринимается тобой! Понял?»

Я: «Да! Но, мне кажется, нужны пояснения».

Одетый в голубую одежду: «Только потому не-сущим можно назвать Бога и Его отражения, Его отблеск – душу, что они не воспринимаются нашими немногими чувствами. Но они сущие, раз мы говорим о них независимо от нашего восприятия. Конечно, нельзя назвать Бога душой или смешивать душу с Богом. Ты не смешаешь с человеком его отражение в серебряном полированном щите. Глаз твой видит тождественным тебе твоё отражение в полированном серебре, но это отражение не мыслит и не радуется, не страдает, не живет, как ты живешь. Оно – ноль по сравнению с тобой. Так и душа твоя – ноль по сравнению с Богом. Аналогия между сущим и не-сущим Богом и сущей и не-сущей душой не позволяет смешивать Бога и душу, как нельзя сравнивать солнце с куском гниющего, хотя и светящегося дерева. Я кончаю: не ищи души в разрезе четырех измерений, не ищи ее в разрезе тех чувств, которые ты имеешь».

Я понял, что искажена была древняя мудрость, хранимая одно время в Египте, искажена тем, кто был усыновлен дочерью фараона. Я понял, что значит, когда говорят, что человек сотворен по образу и подобию Божию, и мне хотелось узнать нечто, давно меня занимавшее: что такое нирвана, о которой, как о «ничто» и, вместе с тем, как о цели говорили мне мудрецы моей родины. Я шел, задумавшись, и остановился перед костром, белое пламя которого высоко поднималось вверх. Вокруг костра сидели немолодые уже люди. Они сидели в креслах и некоторые из них читали какие-то книги, а другие тихо разговаривали. Недалеко от них виднелся яркий, ослепительный свет и там мелькали какие-то люди... Прежде, чем я задал вопрос, я получил ответ. Один из разговаривавших посмотрел на меня и сказал:

«Нирвана не есть ничто, она более чем населена, она полна в ней живущими и в ней сущими. Но для тебя нирвана – ничто, ибо при наличности своих чувств и измерений ты ничего не можешь почувствовать в ней. Но для тех, у которых более чувств, чем у тебя (как у тебя более, чем у глухонемого) – для тех полна сущими и сущим нирвана. Для тебя нирвана – мир ангелов, которых ты не можешь воспринять. И все другие, не воспринимаемые твоими чувствами миры духов высоких для тебя – нирвана, а твой мир – нирвана для тех, чувства которых отрицательными сущностями являются».

Так отраженный свет познания озарил меня там.

119. О ДУХАХ, ИЗОБРАЖЕННЫХ В ВОСЬМОМ ЗАЛЕ ЛАБИРИНТА

(ноэссы и альдонарцы)

Чрезвычайно далеко от нас в далях несказанных лежит космос, населенный ноэсами. Для духов этих нет пространства в том смысле, что миллиарды мирн верст они могут пролететь с быстротою мысли, то есть менее, чем в одну секунду. Для ноэсс нет

времени в том смысле, что одинаково ярко и отчетливо видят они, когда хотят, прошлое и настоящее. До некоторой степени прозревают они и будущее, во всяком случае, в тысячи тысяч раз яснее, чем люди земли. Число чувств, которые присущи каждому из этих существ, превышает 81 трильон. Трудно сказать, каковы эти существа по внешнему виду. Если бы мы, люди, смотрели на них, то мы видели бы центральный небольшой столб многоцветного пламени и расходящиеся от него, все выше и выше поднимающиеся яркие, яркость центрального столба превышающие, лучи. Это было бы только одно из лучеиспусканий мозга этого существа, но многие лучеиспускания его мозга не могут быть видимы нами. Не может быть видимо и тело его. Но если бы зорче были очи наши, мы видели бы ноэсса в виде прекрасного человека с большими крыльями за плечами и с сиянием странным, около его тела сущим.

Перенеслась мирна ноэссов через тысячи бесконечностей и около одной из них остановилась. Перед ними простиралась бесконечность, вся наполненная серебристым, отчасти ртуть земли напоминающим веществом. В этом безграничном океане живут многочисленные существа, то находясь на поверхности, серебряным светом сверкающей, то поднимаясь над ней, то погружаясь в вещество серебристое. И всюду, где бы ни находились существа, эту бесконечность населяющие, всюду воздвигали они для себя великолепные жилища, за стены которых не проникала серебристая материя бесконечности далекой.

Интересовались ноэссы (ибо все хотели познать), как живут и чем живут, верят или не верят в Бога Высокого и в Бога Великого жители бесконечности серебристой, Альдонар называемой. Чрезвычайно заинтересовали альдонарцы ноэссов: вначале не могли ноэссы понять, кто находится перед ними. Они видели перед собой то существа, имеющие длину, ширину и во времени изменяющиеся, то, через небольшой промежуток времени, эти существа, которым надоело быть теням подобными, становились существами на людей похожими, имея длину, ширину, глубину и находясь во власти времени, а немного позднее каждый из них имел уже 256 чувств и измерения его непонятными для людей были, а затем альдонарец шестнадцать чувств имел и через некоторое время обладал по желанию 81 трильоном чувств, и даже еще большим числом чувств и измерений обладал он. Бывало и так, что в каком либо месте исчезали существа, какими-либо чувствами, кроме слуха, воспринимаемые. Слышны были звуки, невероятно разнообразные, слышны были мелодии разные, но ничего не воспринимали ноэссы кроме звуков, и, казалось, что одни звуки разнообразные только и существовали на участке бесконечности серебристой, на который смотрели ноэссы.

Для ноэссов странным казалось, что альдонарец, принявший любую из форм, как известных, так и неизвестных ноэссам, сохранял во всех этих формах понятия, всем формам присущие. Являясь в форме звука или в форме цветной или бесцветно-темной тени, он и в более высоких формах мог передавать другим духам свои мысли и мог воспринимать мысли самих ноэссов.

Видели ноэссы на Альдонаре совсем особые существа, которые не превращались в существ, только что описанных. Они видели существа, все тело которых из огня состояло, из огня превращавшего в дым и пепел все то, к чему тело это прикасалось. Явно жили эти существа огненные, изменяясь под влиянием среды и изменяя последнюю. Они жили, думали и чувствовали и, в отличие от других населявших названную бесконечность серебристую, умирали, но после смерти продолжали существовать за пределами бесконечности названной, лишившись некоторых своих свойств и приобретая свойства новые. Умирая, они покидали Альдонар, но долго видели их ноэссы куда-то быстро, как свет, несшимися, прорывавшими через все преграды все далее и далее от бесконечности Альдонар в темное Ничто. Видели наиболее зоркие ноэссы, как они останавливались в других бесконечностях, блистая в них своим огненным телом.

Видели ноэссы и таких жителей бесконечности Альдонар, от которых веяло страшным холодом, температура тел которых была холоднее абсолютного нуля, и существа эти, медленнодвигающиеся, жили своей жизнью, не выходя за пределы

своей области и никого не допуская в страну свою в виде, доступном их восприятию... Много и других существ видели ноэссы в бесконечности серебристой и непосредственно (или через других, им подобных, но постоянных жителей бесконечности сверкающей) задавали вопросы свои и получали нужные им ответы.

«Вы верите в Бога?» – спрашивали ноэссы. – «Кого или что или какое понятие подразумеваете вы, когда говорите слово Бог? Все существующие представляют Его по своему образу и подобию. Те, кто очень не умны, представляют Его в таком же теле, какое сами имеют, или в теле какого-либо другого существа. Более умные представляют Его в виде идеи или как-нибудь иначе, приспособляют Бога к своим понятиям. Но Он непостижим и, сказав о Нем все, что можно сказать, мы почти ничего не скажем о Нем, и все, что скажем, на каком бы языке ни была о Нем речь, говорит только о том, что Он непостижим, и мы только стараемся выяснить Его непостижимость, давая Ему объяснения или определения. Даже тогда, когда мы говорим, что наше внутреннее «я» является Его слабым отражением, мы даем неверное определение Ему. Вы понимаете, что отражение человека в зеркале дает только слабое понятие о нем: мы видим часть нашего тела. Но это видение – не мы, – оно не думает, не чувствует, совершенно лишено духовной или душевной жизни. Так и наша душа только отдаленным образом и подобием Его является».

И еще что-то говорили альдонарцы, но я не смогу передать их слов и мыслей, ибо не понял их... Не понимали и ноэссы того, что говорили им существа, как бы из света чистого сотканые... Настойчиво стараются ноэссы понять, ими не понятое, но остаются вне их понимания все определения Его, даваемые Ему альдонарцами. С грустью говорят ноэссы: «Не дано нам постигнуть Его сущности, и в этом горе наше. Жаждой познания горим мы, и она ненасытима, когда мы о Нем мыслим. Скажите вы, нам подобные, знаете ли вы, что лежит выше космосов, которыми полна наша бесконечность?»

«За вашей и нашей бесконечностью, безгранично выше их, а, может быть, и там же, где ваша и наша бесконечность, но нами неощутимая лежит бесконечность бесконечностей, населенная теми сверх-сверх-духами, кого мы Орами называем». – «Вы можете дать нам понять, кто эти сверх-сверх-духи?» – «Не знаем. Люди, например, не понимают, как из малого простого по своему строению и составу семечка вырастает гигантское дерево. Не понимают люди, как это в маленьком семечке таятся корни, ствол, ветви, листья, цветы и плоды и многое другое. Еще менее понимаем мы Оров. Немногое можем мы сказать о них: бесконечность бесконечностей занимают они своими обителями. Эти обители, хотя бы они частью своей и здесь, где мы есть, находились, лежат за тем океаном и за тем морем сверкающим, где Элоимы пребывают. Но поймите: гигантами являются Оры, и всю нашу бесконечность может легко покрыть рука Ора. Эти сверх-сверх-духи имеют образы, быстро меняющиеся: нельзя узнать Ора, расставшись с ним на какую-либо мирну лет, и через этот и даже более короткий промежуток времени совсем иным образ Ора оказывается. Когда встречаются два Ора, они сразу передают тому, на кого смотрят, все свои громадные, необъятные для нас знания всего, что творится в верхах и в низах, хотя бы в самых глубоких. Все свои знания мгновенно передает встретившийся с себе подобным Ор, и не умаляются от этого знания его. Когда Ор чувствует, что ему трудно усвоить мирны полученных им при встречах знаний, он удаляется на время от себе подобных и возвращается, усвоив все полученное при встречах. Иногда Оры появляются в других бесконечностях, принимая вид существ, населяющих эти бесконечности... Для чего это они делают – мы не знаем, только догадываемся. Когда они возвращаются в свои обители и передают обо всем, что узнали об этих бесконечностях и об их обитателях, тогда сильно и грозно шумит бесконечность Оров.

Имеют ли понятие Оры о Великом Боге? Как они представляют Его? На такой вопрос Оры отвечали нам притчей: «Спросили раз двухмерные, в отдаленной бесконечности живущие, о каком-то сущем и получили ответ от трехмерных: «Существо, о котором вы спрашиваете, это нечто круглое и разных цветов бывает, нечто немного блестящее, чрезвычайно тонкое и длинное, тоже разных цветов». Ничего не по-

няли двухмерные из объяснения трехмерных, а последние говорили: «Как они не понимают: ясно, что мы говорим о человеке, о том, что является его отличительными признаками – о его глазах и его волосах». Слушайте же: если кто-либо даст вам определение Великого, оно в мирну раз менее точным будет, чем определение, данное трехмерными человеку».

«Но все-таки, – говорят ноэссы, – дайте нам хотя бы столь же отдаленное представление о Нем!»

«Хорошо, слушайте... Итак, Он – не определим. Даже то ничтожное, что мы говорим о Нем, то, нами сказанное, что вы слышали и услышали, едва ли одну мирномиллиардную часть Его сущности определяет. Конечно, мы не можем судить о Нем по тому веянию, которое от Него до нас долетает. Мы не можем судить о Нем по нашей жизни. Только ничтожнейшая часть Его жизнедеятельности к нам относится, к тем бесконечностям, которые нами и Орами воспринимаются как сущие. Но за всем тем, что мы постигаем, лежит та область Великого, которую мы не можем постигнуть, о которой мы знаем только то, что она есть, хотя, конечно, не является она для нас сущей. Эта квази-жизнь Его лежит за пределами наших космосов, и мы не можем знать о ней что-либо. Разве одно можно сказать: бесконечно, безгранично разнообразна она, с нашей точки зрения, абсолютно непостижимая. Только одно знаем мы: было бы нелепым тщеславием полагать, что только в наших бесконечностях проявляется жизнь Бога Великого. Мы слышали, что за пределами наших бесконечностей имеется сверх-бесконечность, в которой эманации, от Него исходящие, волей Его в квази-духов превращаются и, встречаясь с Ничто, квази-материю создают. Но далее лежит Сигэ, то есть, молчание».

«Один из нас сошел на землю, людьми населенную, – говорят ноэссы, – и показалось ему, что каждый человек подобием Димиурга является. Не можете ли что-либо сказать нам по этому поводу?»

«Люди живут внутри Димиургов; они видят потоки крови Димиурга, насыщенные атомами и ионами, вокруг этих атомов вращающимися. Ионы тела Димиурга – это земли, вокруг звезд-солнц, атомов Димиурга вращающиеся. Конечно, люди, на этих ионах живущие, не могут увидеть Димиурга. Они не вне его, а в нем... Но не в этом дело. Дело в том, что каждый человек – Димиург в миниатюре. В его теле тоже мчатся потоки крови, полные атомов и ионов, около них вращающихся. Атомы тела человеческого – это солнца, а ионы – это земли, и на них живут многочисленные разнообразные существа, из которых такие имеются, которые людей превосходят своей психикой. Человек для них Димиург, но они только звезды и планеты, несущиеся в крови этого человека (для них Димиурга) видят. Живут на планетах-ионах существа и не могут всецело познать Димиурга-человека. Они (правда, не все) сознают, что Бог существует, думая, что этот Бог вне Димиурга существует. Для них Бог – душа, около человека сущая, а об Элоиме они ничего (или почти ничего) не знают... Они, как и люди, понимают, что бездна – вверху, бездна – внизу, ибо думают, что и в них, на ионах живущих, мирны существ обитают».

Говорят ноэссы альдонарцам: «Мы понимаем ныне, что значит выражение «микрокосмосы» и «макрокосмосы».

120. КОСМОС ЧИСЕЛ

Прекрасные дамы, смелые кавалеры. Мой дед рассказывал мне нечто, им слышанное в молодости от своего прадеда, а он слышал от своего деда. Не знаю, интересует ли вас мой рассказ, но, по вами же установленным правилам, я не могу отказать от обязанности рассказчика. Итак, я начинаю.

Один из знакомых моего пра-пра-пра-прадеда был большой грешник: он предал злым правителям своих друзей, вместе с которыми составил заговор с целью освободить ограбленную и страдающую под игом деспотов Италию. Один из уцелевших заговорщиков ударил предателя кинжалом восточной стали, пробив надетую на нем

кольчугу, и кинжал вонзился, на две линии не дойдя до сердца, в грудь негодая. Покушавшийся на убийство бежал, а тяжело раненый был перенесен во дворец и на третий день показался умершим. Отдан был приказ не хоронить его, пока не появятся явные признаки разложения трупa, а так как они не появлялись в течение двенадцати дней, а на тринадцатый день, казавшийся умершим Джузеппе Ольдаветти проснулся – то он и не был похоронен. Он был принят правителем, для которого изменил своим товарищам, а через день после этого приема получил тридцать мешочков, в которых было по тридцать золотых монет, и приказ – немедленно выехать из Рима. Через тридцать лет он рассказал на исповеди свой сон, прося священника выбрать кого-либо из прихожан и рассказать ему сообщенное священнику на исповеди с тем, чтобы этот прихожанин рассказал слышанное своему сыну, а сын своему сыну и так далее, пока рассказ этот не будет услышан тем, кто будет носить на своей груди крест, и крестоносец будет иметь право рассказать эту историю другим крестоносцам... Я расскажу вам, что видел во сне Ольдаветти.

«После трехсуточной бессонницы я заснул, – рассказывал Ольдаветти, – и мне сразу приснился сон, что я толкаюсь среди толпы народа, но все с презрением отшатаываются от меня, называя меня предателем, Иудой, негодаем и не хотят говорить со мною. Я хотел уйти из толпы, но она росла, и мне некуда было спрятаться от людей. Вдруг я увидел церковь, двери которой были открыты, и я быстро вошел в храм. В церкви было много народа, но она тотчас же опустела, едва я вошел в нее. Даже священник, бывший в исповедальне, вышел из нее и быстро прошел мимо меня, не обратив внимания на мою просьбу остановиться. Я, не думая, пошел к исповедальне и заметил, что она освещена внутри кроваво-красным светом, а дверь приотворена. Я вошел в исповедальню и увидел в ней кардинала, одетого в красное платье. Подойдя к нему, я склонил голову, ожидая благословения, но услышал голос: «Ты – Джузеппе Ольдаветти. Я не имею права отпустить тебе твой Иудин грех, хотя бы ты горько раскаивался в нем, чего, впрочем нет. Ты проклят и даже самоубийство не смоет грех с тебя, как не смыло его с Иуды». А я сказал: «Неужели мое раскаяние в совершенном грехе не зачтется мне в наказание? Неужели Всепрощающий не простит мне Иудина греха?» Ответил мне кардинал: «Что значит раскаяние твое? Попытайся добрыми делами и сознанием того, что ты плохо поступил, глубоким раскаянием в содеянном и рядом самопожертвований искупить твой грех, презреннее которого только грех подстрекательства к Иудину греху. Но помни: сколько причинил ты людям минут горя, столько минут горя и ты должен претерпеть, такого именно горя, как твои жертвы потерпели... И сколько смертей ты причинил людям, столько раз и ты умрешь насильственной смертью в других существованиях твоих. Таков закон чисел. Иди, не грешь более, делай добро и знай: каждый раз, когда пожалеет тебя одна из жертв твоих, уменьшится срок тяжких мучений твоих, мучений, подобных тем, которые ты причинил».

Я отошел от кардинала, а он не благословил меня. Придя домой, я долго думал о словах кардинала и у меня мелькнула мысль, что кардинал был, должно быть, другом кого-либо из мною выданных и казненных. Потом – что за бессмысленное выражение «закон чисел», которым он грозил мне? Пробило двенадцать часов, я разделся, лег спать и тотчас заснул. Мне приснился странный сон: какие-то незнакомые три юноши подошли ко мне, и один из них сказал: «Смотри, на столе лежит Книга Чисел. Это – твоя книга». Я увидел направо от себя высокий стол и на нем книгу. Я подошел и стал смотреть на нее. Она раскрылась, и на первой странице я увидел ряд чисел. А голос одного из юношей сказал мне: «Перед тобой числа твоей текущей жизни». Я увидел ряд чисел, и этот ряд все увеличивался. Сравнительно редко появлялась цифра багрового цвета и тогда пропадал целый ряд цифр, за ней очутившихся... Но вот впереди ряда цифр появилась гигантская багровая, как кровь, странная цифра, все остальные цифры исчезли, и я увидел цифру ноль, занявшую всю страницу. Я перевернул ее и на следующей странице увидел тот же ноль, а внизу, как бы часть цифры два. Я перелистал чуть-ли не всю книгу, и всюду встречал кровавый ноль, а внизу страницы вырастали новые цифры. У меня устала рука перелистывать

книгу, и я не знал: исчез ли ноль кровавый. Но знал одно: цифры не занимали такого длинного ряда, как в начале, и ни разу не появилась на странице книги цифра семь, которую мне почему-то хотелось увидеть. Всякий раз, когда я перелистывал страницу, в глаза мне бросался багровый ноль, и что-то вроде ужаса охватывало меня, болела голова, сжималось сердце, а около и внутри багрового ноля видел я мелькавшие лица, мною преданных друзей. И только тогда, когда раскрывалась рана моя и из раны моей начинала капать кровь, мне становилось немного легче. Я почему-то придавал большое значение тому, что не видел цифры семь, тому, что так мало было цифр при ноле кровавом, и спросил одного из юношей, что значит все, мною виденное, но он не ответил, а я проснулся на ложе своем и около моей постели стоял посланный всемилостивейшим правителем придворный.

Немного позднее, – продолжал свой рассказ Ольдаветти, – я покинул Город и поселился далеко от него в горной деревушке, в таверну которой я часто заходил. Но как-то раз, когда я в нее вошел, все посетители таверны вышли из общей залы, даже служанка, за прилавком остался один хозяин, неохотно подавший мне кружку вина и едва отвечавший на мои вопросы. Дверь таверны не раз отворялась: то один, то другой из ее завсегдатаев заглядывал в комнату, но тотчас же, не сказавши ни слова и не поклонившись мне и хозяину, захлопывал дверь и быстро уходил. Я заподозрил неладное и спросил хозяина, что это значит? Хозяин ответил мне: «Всемиловитый синьор, все они боятся вас, так как узнали, что вы указали герцогу его заклятых врагов. Но мои посетители простые люди, они боятся чести пить за одним столом с другом герцога. Боюсь, что мне придется закрыть таверну». Услышав его слова, я поспешно допил вино и пошел домой. Если я замечал кого-либо впереди меня, я ускорял шаги, желая заговорить с ним, но каждый раз, услышав, что я иду за ним, крестьянин входил в первую хижину и дверь за ним крепко запиралась, а я напрасно стучал в только что закрывшиеся двери. Я все понял и в ту же ночь ушел из селения. Но за мой, как на крыльях, летела молва о моем предательстве, и я нигде не находил человека, с кем мог бы перебраться словом... Во время моих переходов я натолкнулся на монастырь, все монахи которого были поражены проказой, и только привратник этого монастыря был здоров и доставлял монахам съестные припасы и все нужное, получая для этих покупок деньги у казначея, который жил вне монастыря. По прошествии некоторого времени, привратник, несмотря на все предосторожности, заболел проказой и поступал в монастырь монахом, а казначей приискивал на его место нового привратника. В то время, когда я туда попал, казначей как раз приискивал нового привратника, и я предложил ему свои услуги, ибо чем же лучше прокаженного было мое положение? Все бежали от меня, все чурались меня хуже, чем прокаженного.

Я пробыл привратником монастыря прокаженных шесть лет и, несмотря на все, не заболел проказой. На седьмой год моего пребывания в монастыре я заболел горячкой. Многие видения пришлось увидеть мне в болезни, и эти видения были так ясны и точны, что ничем не отличались от явлений обычной жизни, но за короткое сравнительно время моего беспамятства я прожил столько, сколько мог бы прожить здоровый, живя тысячелетия. Страшно вспоминать о том, что я пережил за это время горячечного бреда (если только это было горячечным бредом!). Моя душа постоянно воплощалась в телах все новых и новых животных: я был то змеей, то львом; я жил то жабой, то обезьяной, я превращался то в мокрицу, которую пожирала курица, то в курицу, которую терзала лисица, я был то коршуном, терзавшим падаль, то маленькой рыбкой, проглатываемой громадной, чудовищной рыбкой, в желудке которой я переживал ужасные муки... Тысячи других превращений испытал я, но даже когда я был в горячечном бреду моем маленькой инфузорией, которую скоро разрывали на части и поглощали инфузории большие, все равно всегда я помнил, что я был когда-то Джузеппе Ольдаветти – предатель...

Перед тем, как я проснулся, мой бред принял новый вид. Мне снилось, что я стал духом, подвластным Смерти, и она, ужасная, непреклонная, посылала меня убивать то одно, то другое существо, часто какую-либо былинку, попавшую в желудок траво-

ядного. Я, превращенный во сне в духа Смерти покорного, убивал направо и налево всех тех, над которыми я видел искорку зеленого цвета. Убивая, я видел очами духа Смерти, что разлучал душу от тела, обычно здоровую душу от тела больного или изуродованного, а иногда, что было гораздо реже, больную душу от тела здорового. Но мне нельзя было разлучить здоровую душу со здоровым телом. И я видел, как отлетала душа от тела, но видел не очами животного или человека, ибо не воспринимаются их зрением то начало, которое душой именуется. Я не видел воскресения, я видел не умирание, а постоянный переход душ из одного тела в другое. Мы видели и Смерть – Эгрегора всех нас, и тех ангелов Смерти, которые переносили души в высшие миры... Но нам надоела наша деятельность. Мы, духи Смерти, восстали против нашей повелительницы и, на час прекратив свою работу, собрались все вместе. Тесно прижавшись друг к другу, мы разместились в громадном шестиугольнике, и в центре его поместилась наш Эгрегор – Смерть, но не было на собрании ангелов смерти, хотя мы громко звали их на совещание. Громко кричали духи Смерти и не умны были их речи: «Бессмысленна производимая нами работа. Несмотря на все усилия, мы убиваем меньше существ, чем их родится. Надо сразу истребить все живые существа. Незачем делать в течение долгого времени то, что можно сразу сделать. Мы предлагаем: в течение одного часа – да умрут все живые существа. Третьей, девятой смертью, трехсотой смертью должны умереть ранее умершие. Мертвая материя тоже должна умереть: да не преобразилась бы она в живые существа. Люди, животные, рыбы, птицы, насекомые – да умрут они! Пусть все уничтожится. Если появится Ничто, то и оно должно быть уничтожено со всем тем, что таится в нем. Ничто тоже не должно существовать. Мы в далекую, абсолютную пустоту выбросим остатки всего ныне сущего и мыслимого», – яростно ревели духи Смерти.

Спрашивает Смерть: «А что вы сделаете с выше сущими?» «Пусть их убьют духи Смерти, выше нас сущие!» – «Там нет духов Смерти, и я бессильна там. В высотах живущие сами переходят границу и понемногу сменяют свою одежду». – «Итак, нас очень мало и мы не сильные?» – «Да. Вы никогда не видели грозных Аранов? Они Ничто уничтожают, когда хотят. А с вами, раз вы броситесь все уничтожить, даже ангелы Смерти, проводники в другие обители, легко справятся». – «Как жалко, что мы не можем выполнить план наш. В таком случае мы отказываемся работать: отныне мы перестанем отделять души и силы от материи. Ты, Смерть, ничего не имеешь против этого?». Я слышал ответ Смерти: «Как хотите, я уйду на время».

Я видел, как перестали умирать люди, животные, растения, камни и металлы. Но тотчас они и размножаться перестали. Перестали стареть. Духи Смерти стали думать, как перейти им в какие-либо иные миры. А я все время помнил, что я не только дух Смерти, но и Джузеппе Ольдаветти, предавший друзей своих.

Горячечный бред не покидал меня. Надоело жить, форм своих не меняя, душам, отблескам Великого. Тогда настало время Страшного Суда. Все души покинули тела, в которых пребывали. Покинул их на всех землях, покинули их на землях всех кругов концентрических. А материя живая, как когда-то мертвая, рассыпалась на ионы ионов и началась новая эволюция их. Беспредельные пространства заняли души, в верха несказанные подняться не могшие. Тогда решалась их судьба – решалось, куда могут идти они в зависимости от того, насколько сохранили или утратили они образ и подобие Несказанного».

Ольдаветти кончил свою исповедь и просил отпущения грехов, говоря, что нет для него покоя, так как постоянно тревожат его тени им преданных друзей. Священник, исповедовавший его, отпустил ему грех его, но когда попытался взять гостию, чтобы дать ее Ольдаветти, почувствовал, что его рука не поднимается и не может взять Святые Дары. Он сказал об этом Ольдаветти и посоветовал ему отправиться в Палестину, сражаться за освобождение христиан из-под ига сарацин и за гроб Господень. Так и поступил Ольдаветти, и в одной из битв с сарацинами отличившийся безумной отвагой Ольдаветти был убит. Рыцари Храма подоспели на помощь отряду, в рядах которого сражался Ольдаветти и, разбив сарацин, увезли его тело в свой лагерь, однако в ту ночь никак не могли уснуть.

Каждый час часовые поднимали тревогу, поскольку не только они, но и все рыцари ясно слышали шум и гром какой-то великой битвы. А те, которым удавалось заснуть, видели во сне упорную битву воинов, одетых в белые сверкающие доспехи, с воинами, одетыми в доспехи черные. К утру спавшие увидели, что светлое воинство отступало, а воинство черное торжествовало и намеревалось захватить то, что осталось от Ольдаветти. Но досмотреть это сон никому не удалось. Рано утром на лагерь рыцарей напали полчища сарацин. Страшны и упорны были эти нападения, и рыцарям пришлось отступить. Но, отступая, вместе с телами павших рыцарей они унесли и тело Ольдаветти, которое было похоронено по христианскому обряду в святой земле Палестины.

Когда до рыцарей Храма дошел слух о том, кто был и что делал Ольдаветти, они не пожалели о своем поступке, говоря: «Из лап дьявола мы охотно вырвали бы даже Каина, даже Иуду, хотя не имели бы с ними отношений, если бы они воскресли». На могиле Ольдаветти был поставлен крест и на нем написано: «Здесь лежит великий грешник, который стал потом воином за справедливое дело. Рано или поздно, но ему простятся грехи его страшные, ибо нет пределов милосердию Божию». Этим кончается рассказ моего пра-прадеда, который всегда просил своих слушателей, отходя ко сну, помолиться и за душу страшного грешника Джужеппе Ольдаветти.

121. О НЕПОЗНАВАЕМОМ

В нашем роду с незапамятных времен из поколения в поколение передается одна рукопись. При этой рукописи имеется листочек, написанный так, как было написано так называемое Остромирово Евангелие. В нем сказано, что рукопись состояла из шести листов в последней своей переписке и из свитков в дальних копиях. А еще более старые ее экземпляры содержались на папирусе, самые же древние выгравированы на золотых досках. Там были изображены созвездия южного неба, которые потом были перенесены на папирус, а еще позднее – на бумагу. Переписал эту рукопись и я.

«Вначале был Непознаваемый, и только Он, ничего другого, что могло быть воспринято умом человеческим, не было. Одно только Непознаваемое было у Того, Кого многие Богом именуют, и Непознаваемый был Бог. Непознаваемый был везде и не было места, где бы Его не было. Как-то раз, мириады мирн мириадолетий тому назад, пожелал Непознаваемый сотворить нечто новое. Сразу во все стороны, по всем направлениям отодвинулся Он, и образовались бесконечности и бесконечно много было их. Хлынули в эти бесконечности лучи, от Непознаваемого исходящие, и тотчас же превратились в силу, то есть в Слово Его, ибо Сила Его заключена была в Слове, как воля человека в слове человеческом изливается и за словом человеческим дело следует. И наполнились бесконечности Словом Силы Его. Тогда населились эти бесконечности бесчисленным множеством духов бестелесных, и пребывали в этих бесконечностях квази-духи, и всякое общение имели они между собою. В них пребывала мысль вечно движущаяся, и они, квази-духи эти, как будто всецело мыслями были. В начале своего мирны лет продолжавшегося существования стремились они познать непознаваемое начало начал, а потом отказались от задачи непосильной, такой же непосильной, какой было бы стремление существ, сущих в выделенном дыхании человека, познать человека. Отказались квази-духи от попытки познать непознаваемое и решили заняться творчеством в бесконечностях, ими населенных. Из света нематериального, от Него изошедшего, попытались они создать светила огня квази-материального, попытались создать солнца, и порывом мощным мечты-мысли своей населили эти солнца творениями бесконечно разнообразными и переводили существ этих, когда считали это нужным сделать, с одного солнца блестящего на другое, более дивным и ярким огнем сияющее. Не знали пределов разнообразные мечты-мысли их. И огненные прообразы всех существ, когда-либо в космосах сущих – от ничтожнейших бактерий в бактериях живущих до духов, свет-

лым духам подобных, создали они... И во всем, ими созданном, иные, чем ныне на землях сущие, ионы ионов были.

Бессмертными все эти существа были, ибо не знали квази-духи, что такое Смерть. Незаметно мелькали в этом мире, не знаящем времени и материи, сверхмирны тысячелетий. Все, что могли изведать, извели квази-духи и их творения и устали существовать. Долго думали некоторые из квази-духов, как пробудить в своих собратях жажду жизни, и решил один из них, что для достижения этой цели имеется только одно средство: надо на мирны лет удалиться из космоса квази-духов и потом, возвратясь в него, учить, что под ликом квази-духа в космос сошел Непознаваемый по всемогуществу своему, любую форму принять могущий, и форму обычного сверх-духа принявший. Явившись среди сверх-духов, он стал учить их, говоря: «Вы обречены всегда оставаться здесь, вам не подняться до Великого Непостижимого, ибо вы большую ошибку сделали, создав многое множество творений, обитающих на вами же созданных солнцах. Они несовершенны даже по сравнению с вами, и они более, чем вы, утомлены жизнью, ибо слаба и тускла в них мысль сущая, ибо есть в них нечто сущее от того неведомого, что материей назвать можно. Создав солнца ваши, вы создали нечто на материю похожее, и материя солнц этих проникла в существа, вами созданные, и не из одного уже духа их тела созданы – в их имеется и квази-материя. Поэтому тоскуют они по лучшей, чисто духовной жизни; их тоска вас заражает и как утомление в вас сказывается. Одно остается вам сделать для того, чтобы прекрасной ваша жизнь стала: сделайте всех, вами сотворенных – вам подобными, с вами тождественными».

Скоро поняли квази-духи, что говорит с ними не Бог, принявший форму сверх-духа, а простой сверх-дух, но показалось им, что он говорит по воле Непознаваемого. Они послушались данного им совета, принялись за работу и через мирны лет наполнили ее, прежде всего передав все знания свои и всю мощь свою светлым духам, а далее и всех сущих подняли они до себя; и тщательно отбрасывали все то, что хоть немного материю напоминало. Сошли с солнц, все на них обитавшие. А солнца сияли светом, в котором прослойки материи замечались, и решили квази-духи растворить свет солнц в свете несказанном, в свете высшем, а то, что к материи было близко, удалить из своего мира.

Развевали они то, что чистым светом в солнцах было, а то, что к материи приближалось, хотя и сверкало оно, собрали в одно место и решили сначала, что оно в одной из бесконечностей находиться будет, но потом решили удалить из своих обителей квази-материю. Правда, некуда было деть ее, но они думали, что для чего-то нужна она, так как иначе не было бы ее. Одни из квази-духов думали превратить квази-материю в квази-духов, другие были уверены, что это невозможно, что создание квази-материи не было бесцельным, и что эта квази-материя нужна для чего-то. Как-то раз один из квази-духов стал утверждать, что что-то вроде веяния голоса нездешнего говорит ему, что Непознаваемый как бы отодвинулся от той бесконечности, где квази-материя пребывала, и что в те квази-пустоты, которые образовались таким образом, нужно бросить квази-материю. Так и было сделано.

Снова одни квази-духи, но их гораздо больше, во много тысяч раз больше, чем ранее. Ярче, чем прежде, стали отличаться друг от друга квази-духи. Прежде одна неудовлетворенная потребность была в них – познать Непостижимого, а ныне много неудовлетворенных потребностей явилось у них. В самом начале у одного из них появилось непреодолимое желание слиться с Непостижимым, а позднее у многих, если не у всех, появилось желание это. Этот сильный квази-дух решил заслужить желанное ему слияние с Непостижимым и решил для этого лететь за квази-материей, в бесконечную даль брошенной.

Он оставил свою обитель и полетел за квази-материей, от солнц отделенной и куда-то упавшей. Мирны мирн тысячелетий летел он за павшей куда-то квази-материей и видел, что она в материю обращалась, согреваемая трением частиц при падении своем. Но кто-то, быть может сам Непознаваемый, остановил ее падение властным словом. Теперь перед квази-духом раскинулся гигантский хаос: квази-материя,

становясь материей, бесконечно расширилась и заняла бесконечное число бесконечностей, хаосом наполненных. Послышалось властное слово, и увидел квази-дух, как отделился Свет от массы и сконцентрировался в бесчисленном количестве самых разнообразных скоплений, из которых некоторые занимали одну из бесконечностей целиком, другие занимали только часть какой-либо бесконечности, а иногда солнца эти были разбросаны по всей бесконечности или только в большей или в меньшей ее части. Внимание квази-духа остановилось на одной бесконечности: он увидел на далеком расстоянии от солнечных вселенных, в низах, вселенные сумрачные всевозможных оттенков и вселенные, которые казались ему полными и даже переполненными мраком. А много выше увидел он много светлых, одна над другой расположенных вселенных, для кого-то приготовленных обитателей. Чем выше, тем светлее были вселенные. Около каждой вселенной в той же плоскости находились такие же или почти такие же вселенные, как бы по концентрическим кругам расположенные, и таких вселенных было много больше, чем вселенных, как бы ступени лестницы образующих, и вокруг этой лестницы они расположены были тоже лестницами. Видел он реку светлую, реку сверкающую, с верхов несказанных текущую, и все тусклее становилась она, ниспадая в низы. Видел он спираль, как бы из громадных квази-зеркал состоящую и в верха высокие идущую. А в верхах сверкал океан разными огнями и море блестящее. Бросил квази-дух душевное и духовное начало в океан и в обители приготовленные и встал над космосом создавшимся. А выше все новые и новые космосы появлялись и там, где были некогда обители квази-духов, появлялись все новые и новые сверхкосмосы, но не ими населялись они.

Видел квази-дух, что квази-духи, когда-то вместе с ним пребывавшие, ушли, как и он, из прежней обители своей, и каждый появился в одной из бесконечной, из хаоса появившейся. Поднял очи свои к верхам несказанным квази-дух и увидел там сияние, даже для него ослепительное, и что-то вроде голоса услышал он: «Делай то же, что в обители своей делал: все живое подними в высоты, сделай таким же, как и ты. Тогда все ко Мне вернется, еще по несколькими ступеням поднявшись, и, вновь отойдя от Меня, новую, даже тебе непонятную прекрасную жизнь получит, и ты вместе с ними пойдешь. В конце концов, каждое из существ (а все они без исключения живыми станут) Мне подобными станут, таким же, как Я, будут». Тогда подумал квази-дух, превратившийся в сверх-духа: «Невероятно высока и прекрасна цель жизни всех существ. Я не буду вмешиваться в жизнь их, так как все равно один и тот же результат получится. Но я сделаю все-таки так, что как бы ни сбивались эти существа с пути верного, они рано или поздно на этот путь выйдут!»

122. НЕД И ТРИ РАСЫ

Я – нед. Вместе со своей подругой я перенесся в страну, нам вполне чуждую. Какое странное небо! Ярко-желтого золотого цвета, и на нем тускло мерцают, как звезды, пятнышки голубого цвета. Какие странные, черные, как уголь, почти вертикально поднимающиеся кверху горы! Каким холодом веет от озер и рек, в берегах которых медленно-медленно переливается похожая на ртуть вода. Как яркие, как странные цветы различных, но всегда огнистых окрасок! Они, хотя и прикреплены к почве, но говорят, весело смеются, или, наоборот, горько плачут... Они кричат нам, чтобы мы шли осторожно, не задевая цветов. Не сошел ли я с ума? Мы видим, что луга и поля пересекаются узкими серыми дорожками и по ним, не спеша, ползут длинные неширокие платформы, на которых стоят напоминающие нас существа. Некоторые из них сидят на поставленных на платформах креслах. Мы вошли на одну из этих платформ.

Скоро мы увидели, что продвигаемся среди там и сям разбросанных зданий, окруженных более чем странной растительностью. Платформа остановилась и почти тотчас же опустела. Покинули ее и мы, и заметили, что находимся на небольшой площади. К нам подошли два незнакомца и что-то пропели нам на своем языке. Мы

сказали им на межпланетном языке, что не понимаем их. Они ответили нам на этом же языке и пригласили нас быть у них гостями, войти в один из красивых домов, расположенных по краям площади. Мы согласились, и прекрасно было оказанное нам гостеприимство.

Странны были здания и комнаты, в них находящиеся, но еще страннее были похожие на людей существа, эту страну населяющие. Господствующей расой были, по видимому, чернокожие. Высокие ростом, с громадными глазами, чрезвычайно сильные, они властвовали над коричневой и белой расой. Нам показалось, что они гипнотизировали людей не черного цвета и властвовали над ними, внушив, что нельзя не выполнять приказа черных людей. Они внушали не только инстинкты повиновения, но также ненависть и гнев против тех, кто не повиновался черным. Но как только освобождались коричневые и белые люди от власти гипноза, в них вспыхивала зависть и вражда к черным, и они готовились восстать против них. А черные с холодной систематичностью мучили им неповинующихся людей других рас.

Черные жили много богаче белых и коричневых, но производили впечатление тупых, глупых и злых созданий. Я заметил, что коричневые и белые жили беднее черных, но, вместе с тем, мне казалось, что их жизнь была много полнее (говоря об умственной и нравственной жизни), чем жизнь черных, хотя последние и навязывали им выдуманные черными развлечения. Но когда не было поблизости черных, белые устраивали свои хореи, слабо напоминающие те хореи, которые бывали некогда у нас, и пытались создать настроения, высоко поднимающие их над обыденной жизнью. Они молились во время хореи своему богу, прося у него помощи и защиты против черных, и если им удавалось какое-либо затеянное против черных дело, белые приписывали это помощи бога.

Черные брали себе в рабыни девушек белой и коричневой расы, причем называли их своими законными женами, совершив какой-то нелепый обряд, и бросая их при первом желании заменить их другими девушками, с которыми тоже совершали шутовской обряд квази-венчания, а потом бросали и тех, опять-таки совершая перед этим бросанием какой-то другой нелепый обряд. Невероятно развратны были черные, и ненависть и вражда к ним накапливались в рядах женщин. Черные были безусловными атеистами; они, благодаря своеобразному устройству своих мозгов, не могли понять убедительности довода коричневых, которые говорили, что ничтожная по величине инфузория, живущая в атоме, находящемся в числе мириад других атомов в теле любого обитателя страны, нами описываемой, может на таком же основании отрицать существование человека, в котором она живет. Ввиду этого они верили, что их бог абсолютно непознаваем, как человек непознаваем для инфузории.

Белые, ссылаясь на то, что вполне непознаваемый не мог не захотеть быть познанным хотя бы отчасти теми, кто знают о его существовании, утверждали, что Бог постижим до некоторой степени... Но мы встретили в этой стране таких людей, в телах которых мы ясно видели гнездящихся там злобных животных какого-то иного мира, все чистое загрязняющих и разлагающих. Черные гордились той жестокостью, которая была им присуща, и не боролись со злыми животными, в них живущими. Они не видели их. А мы видели как выползали из них облики этих гадких животных и включали в себя черных, как включаются в живой организм его пассивные части. Черные жили в ослепительной роскоши и великолепии, и неумело скрывали эту роскошь от коричневых и белых. Их рабыни-женщины разбалтывали о ней, а их заявления, что они тратят на себя очень мало, вызывали злой смех освободившихся от гипноза коричневых и белых. Плохо чувствовали себя коричневые и белые, и даже те черные, которых не сделали тупоумными внедрившиеся в них твари.

«Не правда ли, Ларла: очень волнуются и коричневые, и белые, и черные? Выйди в аллею и спроси, что это значит?» – «Я не вполне поняла их: они говорят, что пришел Он, а кто это, я не поняла». Мы вышли из дома и подошли к тому, о котором говорили. Он был высокого роста, походил на белого, но меня поразили его громадные голубые глаза, удивил гармоничный голос пришельца. Вплотную подойдя к нему стояли черные, вежливо давшие нам место в своих рядах. За ними стояли белые и корич-

невые, и все слушали его слова. Я не могу повторить слов пришельца. Скажу только: некоторые из основных положений, которые он проповедовал, поразили меня.

Он говорил: «Смешны и бессмысленны все те внешние приличия, которые подчеркивают наблюдаемое среди людей неравенство. Люди не тождественны. И от резких различий зависть и вражда получаются. Надо пожалеть враждующих и завидующих, но не менее жалеть и тех, кто зависть и вражду внушают. Как нелепа, как глупа их жизнь!

Слушайте, что я скажу вам. Если кто-либо чем-либо выше другого – умом, красотой, знанием, богатством или чем-либо другим, – пусть он не показывает своего превосходства. Даже в том случае, если у кого-либо из вас блеснет высокая мысль, надо так изложить ее, чтобы она была понята всеми.

Заповедь одна дана людям: никого никогда ни в каком случае не обижайте. И благо всем будет. Не думайте, что счастливы могут быть обидчики: даже здесь, на земле, настанет минута, когда жгучими слезами будут они оплакивать злодеяния свои. Помните: не делайте злого, не причиняйте другим людям неприятности, то есть, не делайте зла. Мало этого: делайте добро. Помните, что зло, хотя бы оно боролось с другим злом, злом остается, и надо избегать делать зло.

Вы хотите знать, что делать со злым? Конечно, защищайтесь. Но помните: злой – глуп. К нему надо относиться как к злому ребенку – бережно. Конечно, может быть дилемма – выбор из двух зол одного. Например, если нога больного поражена гангреной, разумно избавиться от нее, причинив больному боль операцией, но не иначе, как с его согласия.

Вы спрашиваете меня о Боге? Что скажу вам? Он, конечно, есть, и вы познаете это, достигнув известной степени развития; и Его, в то же время, как бы нет, ибо все попытки определить Его ведут к тому, что вы наделяете Его какими-либо вам принадлежащими качествами и свойствами, а Он далек от них. Едва ли важно, верите или не верите вы в Бога, если красива и чужда кровавых и золотых пятен ваша жизнь, если от слов ваших не веет тлетворным запахом грубого заблуждения, навязываемого другим людям. Если вы хотите услышать советы ваших же мудрецов, то вы услышите совет жить так (все равно, верите или не верите вы в Его существование), как если Он существует, будучи воплощением великой любви и чуткой совести. Несчастье ваше в том, что перестав верить в Бога, вы становитесь ужасными негодяями, хотя, конечно, имеются исключения: и среди верующих попадают негодяи, а среди неверующих – хорошие люди. Скажу еще: если вы будете добры, не будете мучить и обижать других людей и животных, то вы поймете, что существует Некто, несказанно высший, чем вы, и Он больше может для вас сделать, чем вы для бактерии, под микроскопом видимой. Вы можете дать ей питание, можете поставить каплю воды, где она живет, на солнце или в тень, можете убить ее, подмешав в каплю воды какую-либо кислоту. Можете убить ее, если она вредна для жизни более совершенных существ. Можете не вмешиваться в ее жизнь».

Замолчал Учитель, а один из черных спросил Его: «Не скажешь ли нам что-либо новое? Впрочем, можешь не трудиться говорить. Мы без Тебя знаем все, что надо знать». Заговорил другой черный: «Напротив, мы очень мало знаем и охотно будем слушать речи Твои, если только Ты не будешь разговаривать с белой и коричневой чернью». Он ответил: «Я буду говорить и с вами, и со всеми другими, ибо все равны для меня. Вы скоро убедитесь, как нелепо ваше начальствование и ваш грабеж. Тогда можно будет сообщить вам учение высокое». – «А почему не теперь?» – спросил один из них. – «Потому что нет смысла бросать в грязь прекрасную одежду: она испортится, а грязь не станет от нее лучше».

123. ОДИНОКИЙ*

Атлантка (обращается к гиперборейцу, который отошел от стола и стоит в недоумении): Чужеземец! Как тебе понравились наши обычаи? Не грустишь ли ты по родине?

Гиперборец: Мне чужда ваша жизнь. Многое нравится в ней. Много я не постигаю и потому, вероятно, многим не интересуюсь.

Атлантка: Ты хотел бы иметь рассказчика, который охотно ответил бы на все твои вопросы?

Гиперборец: Да, конечно.

Атлантка: Меня спрашивай.

Гиперборец: Ты говорила, что наряду с тем, что можно назвать религией, у вас имеются древние сказания, которые сложились еще тогда, когда солнце было ослепительно-ярким, когда оно блестело тем белым сиянием, от которого остался только жалкий отблеск в сиянии нашего, все еще белого солнца. Познакомь меня хотя бы с одним из таких сказаний.

Атлантка: Изволь. Они записаны в наших книгах стенографического письма. А я недавно еще читала толкования на одну старую легенду, которую и постараюсь передать тебе возможно точно.

Речь идет о том периоде времени, когда люди плохо умели проникаться мистическим настроением; когда для этого требовалось очень сложное, искусственно вызываемое настроение; когда торжественная тихая музыка, задушевное пение, аромат душистой, без остатка сгорающей смолы, блестящие одежды собравшихся и другая необычайная обстановка способствовали созданию мистического настроения... И все же оно не было достаточно сильным. Люди продолжали чувствовать себя на земле, хотя каждый день в религиозные обряды вносились все новые и новые добавления: торжественные слова и жесты некоторых молящихся, громкие, тягучие удары колоколов; в залах собраний ставились изображения наших предков, по преданию прилетевших из светлого далека; стены собраний убирались драгоценными камнями и изящными произведениями искусства. Все было тщетно. Казалось, что наша раса потеряла способность мистически мыслить и чувствовать.

Тогда в разных частях нашей страны появились небольшие группы атлантов и атланток, среди которых говорили о встречах с каким-то певцом и музыкантом, который играл и пел только, когда думал, что его не слышат люди. А если кто-либо случайно слышал его удивительное пение, он отказывался петь, утверждая, что его пение не предназначено для человеческого слуха. Те, кому случайно удавалось слышать пение незнакомца, рассказывали, что во время пения им грустных песен не только людям становилось нестерпимо грустно, но и цветы опускали свои головки, деревья склоняли к земле свои ветви, а на камнях выступали крупные капли – как бы слезы растроганных камней. Нечего и упоминать о том, что жалобно выли звери, слышавшие его печальное пение, что прекращалось, когда он пел, веселое щебетание лесных птичек, а большие хищные птицы далеко улетали от него. А когда он пел веселые песни, все вокруг него веселилось: весело сияло солнце, весело пели птицы, весело прыгали и резвились даже хищные звери.

Ныне мы понимаем все сказанное иначе, чем понимали наши далекие предки: для нас в рассказе о влиянии музыки Одинокого, как его называли люди, видны только душевные переживания тех, кто слушает хорошую музыку, с одной стороны, а с другой – можно предположить, что сам Одинокий пел веселые песни, когда ярко сияло солнце и когда все живые существа чувствовали себя хорошо. Можно также предположить, что он пел грустные песни в плохую погоду, дождливую.

Люди, слышавшие дивную музыку Одинокого, утверждали, что он передавал речи светлых духов, часть которых сошла, по преданию, на людей и слилась с ними; что слившийся с ним – Одиноким – дух научил его дивным мелодиям.

В музыке, – учили слышавшие Одинокого, – два языка: один из этих языков слышится как звук, издаваемый неодушевленным инструментом, и потому звук бессмысленный, хотя он может все-таки навеять печаль или радость, как может навеять их какая-либо картина горной природы. Так слышат музыку те из людей, кто лишен духовного слуха. А те, кто обладает таким слухом, те слышат в музыке разговоры духов светлых. Когда музыка перестала быть простым звоном, когда она отзвуком речей

духов светлых является, тогда она получает такую силу и значение, что сам Рок уступает музыке, так как чует за нею силы нездешние.

Напрасно звали люди Одинокого посетить те залы, где они собираются, ища мистического экстаза. Он отказывался идти к людям и играть для них.

Однажды пришел к нему долго живший на земле мудрец и сказал: «Если ты не склоняешься на просьбы людей и не хочешь играть в построенных ими жилищах, то услышь просьбу всего человечества, которое ты должен возлюбить всей душой своей, и пусть твоя музыка утешит тех, кто частью этого человечества является, и пусть научатся все люди мелодиям твоим». – «Далеко не всегда и не всех могу я утешить, – ответил тот. – Многие глухи душою своею, и для них музыка – только шум. Правда, по произволу могу я давать людям радость или печаль тихую, но, увы, далеко не всегда можно смягчить музыкой нравы дикие, еще реже можно передать музыкой людям разговоры духов светлых».

Одинокий любил человечество, он мечтал о том, что увидит его мудрым, свободным, счастливым. Одинокий пошел к людям и играл и пел в их храмах. У многих светлело на душе, когда они слышали речь светлых духов, музыкой высокой передаваемую. Людям казалось, что чище и радостнее становилась их жизнь, так как не было тогда той воинственной музыки, под звуки которой истребляют друг друга народы земли; тогда не сражались еще с атлантами дикие племена запада и юга. Музыка была радостью и высоко поднимала сердца людей, если понимать под «сердцами» то, что позволяет людям постигнуть сияющие отблески миров высоких. Но Одинокий не только своей высокой музыкой чаровал людей, не только поднимал к верхам их сердца, но он открыл им и то, что позднее стали называть религией.

Он учил людей, что после смерти тела душа человека продолжает существовать. Путь одной души не похож на путь другой. Одинокий учил, каким образом должна очищаться душа человека, чтобы после полного очищения переселиться туда, где живут высшие, чем люди, существа. Он учил, что душа тесно связана с телом, пока живет человек; что распущенная жизнь омрачает, загрязняет душу; что телу надо давать только то, что необходимо для него, что не может запятнать душу. Даже аскеза предпочтительнее разнузданности телесной, и кто не может довольствоваться тем, что полезно для тела, пусть предпочтет аскезу погоне за наслаждениями телесными, раз они вредны для тела и для души. В людях заложены злые начала, но с ними возможна победоносная борьба. Отчего и каким образом в людях имеются злые начала, не так уж важно знать. Важно знать, во-первых, что таковые имеются в людях, и, во-вторых, что они сводятся к прямому или косвенному причинению людям неприятного, тяжелого, хотя бы этому неприятному и приискивались какие-либо оправдания. Не делай людям зла, не делай зла хотя бы одному человеку, воздерживайся от всего того, что ведет к смерти и стремится удовлетворить вредную для твоего тела или же для кого-либо из людей твою потребность. Тем более, не надо насилем мешать людям удовлетворить какую-либо, ни для кого не вредную потребность. Раз в людях имеется зло, то оно явилось потому, что темное начало существует в мире, но можно избавиться от злого начала, и для этого человеку надо вести чистую и не распущенную жизнь. Люди сами должны знать, в чем доброе, в чем злое начало проявляется.

Одинокий учил также тому, что не надо есть мясо животных, не надо есть грибов, дыхание которых напоминает дыхание животных, надо носить только чистые белые одежды, на которых легко заметить всякое грязное пятнышко. Но, конечно, главное в том, чтобы прожить жизнь, никого не обижая. Если человек не запятнал себя в жизни жестокостью или ее подобием, то его душа поднимается в мир светлых духов, и там, после жизни, много лучшей, чем земная, она поднимается в более высокий мир существ еще более светлых. Если же душа запятнает себя жестокостью или чем-либо подобным, она будет существовать после смерти тела в мире грязи и связанных с нею страданий. Пребывание души в этой грязи только временно, и она поднимется из нее, войдет в один из новых миров, воплотившись там в тело человека, ибо не на одной нашей земле живут существа, подобные людям и с людьми схо-

жие. В новом теле, в новой оболочке должна жить душа, а пока не перестанет грешить, до тех пор будет она странствовать в мирах низших.

Одинокий заметил, что какая-то женщина внимательно прислушивается к его учению и радостно светлеет, слушая его дивное пение и дивную музыку. На целые недели терял ее из вида Одинокий и только слышал, что она с толпою других женщин веселилась и танцевала, переходя из поселения в поселение.

Познакомился с нею Одинокий и узнал от нее, что она борется с двумя началами, живущими в ее душе. Она то мечтала о том веселье, о той радости, которые могут дать ей веселые дни обыденной жизни, и мечтала об этой радости тогда, когда ее зачаровывали звуки музыки Одинокого. А то мечтала она о высоких звуках, радостях несказанных, которые пронизывали ее сердце, прислушивающееся к музыке Одинокого, и мечтала о них тогда, когда веселье обыденной жизни, по-видимому, всецело охватывало ее.

Одинокой назвал эту женщину Светлой и все более и более убеждался в том, что Светлая должна стать его женой, и радовался тому, что дает ей счастье, что она также дает счастье ему, что они оба вместе дадут счастье всему человечеству...

Не долго, но счастливо жили они: их личное счастье росло от напряженности общечеловеческого счастья. Но вот стал замечать Одинокий, что Светлая с какой-то грустью смотрит на изредка пробегавшие мимо нее вереницы ее прежних подруг, что она прислушивается к их пению и сама потихоньку вторит им. Она соглашалась с Одиноким, когда он напоминал ей о той великой миссии, которую она несла вместе с ним – великим музыкантом и носителем высоких духовных ценностей. Но все чаще и чаще оглядывалась Светлая на веселые хороводы своих подруг, и как-то раз ушла вместе с ними в тот роскошный дворец, где они жили и веселились. Пошел за Светлой и Одинокий, и стража, заслушавшись его музыки, охотно пропустила его. Он нашел Светлую в кругу веселых подруг, и владелец замка вместе с женою своею охотно отпустили Светлую с Одиноким, взяв с него обещание еще раз прийти в их замок. Одинокий согласился и вместе со Светлой вышел из замка.

Не успели они отойти от него и пяти шагов, как до их слуха донеслись вульгарные плясовые мотивы, и Светлая, вырвавши свою руку из рук Одинокого, бросилась назад в замок. Стража пропустила ее и некоторое время не запирала ворот замка, рассчитывая на то, что Одинокий тоже возвратится в замок. Но Одинокий не хотел снова видеть Светлую. Опустив голову, он уходил от замка...

Одинокий не проповедовал более высоких истин. Ему казалось, что никто не понимает его музыки, его пения и его учения. Всюду чудилась ему измена. Не считал более нужным Одинокий говорить языком неземным, языком музыки. А когда ему приходилось слышать музыку земли, Одинокий говорил, что она – только слабый отблеск музыки, в сферах высоких звучащей, и под каким-либо вежливым предлогом уходил от тех, кто хотел попросить его показать слушателям высокое искусство чудных звуков, полных смысла, всецело понимаемого только обитателями сфер высоких. Одинокий обычной речью проповедовал свои истины высокие.

Как-то раз его окружили подруги Светлой, упрекая его, что он не должен был бросать Светлую, хотя она сама ушла от него, что он должен был слагать в честь нее песни и петь старинные песни во славу души ее сияющей, что, так как он не делал этого, то тоска завладела душой ее, и она умерла, простив его и умоляя простить ее...

Не мог Одинокий выразить свое горе словами, а когда попробовал выразить его музыкой, убежали от него подруги Светлой.

Приснился Одинокому вещий сон, что не пойдя за Светлой, он пренебрег высочайшим заветом, в его высокой музыке скрытом, не простив ошибки души мира людского, Он понял тогда, что пренебрег заветом всепрощения, забыл то, что познал в мирах других, забыл, что люди не имеют права не прощать, так как ничего не происходит в их мире такого, что нуждалось бы в прощении людей. И, вместе с тем, понял он, что только свершивший какое-либо зло сам себя наказать может раскаянием полным, и, пока не раскается, будет странствовать в мирах, низко лежащих.

Проснулся Одинокий и продолжал свою работу, уча людей не поддаваться ненужным соблазнам тела, и вместе с тем, не осуждая тех, у кого не хватало сил бороться с соблазнами...

Гиперборец: Очень благодарю тебя за рассказ. Разреши мне посетить тебя в твоём доме.

Атлантка: Охотно примем тебя в нашем доме. Приходи, когда захочешь.

*Текст заимствован из пьесы «Атлантида» А.А.Карелина.

124. (Не найдена).

125. ПРЕДНАЗНАЧЕННЫЙ

Мирны мирн лет тому назад – рассказывал Лег, возвратившийся в свои обители, – я полетел в иные бесконечности. Через некоторое время я достиг бесконечности, которая вся целиком горела ультра-инфра-ирна белым пламенем и увидел, что вся она населена какими-то существами, более легкими, чем огонь, среди которого они жили. Понял я, что недовольство жизнью царит среди существ этих, называвших себя хомонами и утверждавших, что они по недоразумению и ошибке попали в бесконечность огненную. Во много миллионов раз уменьшил я величину мою и, став подобным хомонам, сказал им: «Я вижу, у вас имеются крылья мощные, и вы хотите покинуть обители ваши. Переселитесь в бесконечность, откуда я прилетел! Там носятся шары огненные, но огонь шаров этих не так жарок, как огонь, наполняющий вашу бесконечность, и вам приятнее будет жить в бесконечности новой».

Послушались меня хомоны и, выбрав меня своим проводником, вылетели из бесконечности, горящей ультра-инфра-ирна белым пламенем. Долго летели мы, и рядом со мной летел сильнейший из хомонов, имя которого было «Предназначенный». Мы долетели до солнц, несшихся, делая громадный круг, вокруг одного из гигантских шаров, на которые некогда мы, светлые Леги, упали, и на спутника одного из этих солнц, сияющего белым огнем, все мы прилетели.

Я видел, как устроили свою жизнь хомоны на маленьком солнце этом и, побывав в своих обителях, снова на маленькое солнце прибыл. Солнце это сильно охладело. Сильно изменились и хомоны, его населившие, но я не заметил какой-либо существенной перемены в Предназначенном. Только огонь мистический, которым сиял он, значительной своей частью не ушел от него, как уходил от других, а вошел в него и в нем сконцентрировался, не утратив силы своей.

Прошла мирна лет... Я заметил, что часть огня, в Предназначенном горевшая, как-бы порывается выйти из него, и громадными усилиями удерживал в себе Предназначенный огонь этот. Я пришел к нему на помощь. Моими верхними покровами я окружил его и помешал огню, в нем сущему, покинуть его. Многие братья мои окружили эманациями – верхними покровами своими – тела хомонов, но увы! много огня потеряли хомоны эти.

Снова прошли тысячелетия. На земле жило племя атлантов, и по виду молодым казался тот, который удержал в себе ультра-инфра-ирна белое пламя. Давно уже земная материя заменила огонь, тело хомонов составлявший. На земле, зеленым покровом украсившейся, появились люди, и чрезвычайно долго жили они, так долго, что их можно было считать бессмертными. Тем не менее, они умирал, устав от жизни, и прекрасным праздником считали они свою смерть, так как знали, что она простым переходом к новой жизни являлась, так как знали, что сознание не исчезает.

Борьба с чудовищными зверями до некоторой степени ожесточала атлантов, и Предназначенный вынужден был бороться с появлявшейся в них суровостью, которую не сжигало уже пламя, им некогда присущее. К нему шли за советом и указаниями все те атланты, которые чувствовали, что не могут своими силами справиться с

поставленными новой жизнью задачами. Земная кора то опускалась, то поднималась, часто малозаметным образом, а иногда и очень явственно. Атланты, научные знания которых стояли очень высоко, переселялись оттуда, где ожидалось заметное изменение земной поверхности. А когда приблизилась большая революция в пространствах неба далекого, когда атланты ждали падения на Землю трех ее лун и, как следствие такого падения, затопления материка, на котором они жили, они приготовились к гигантскому потоку и построили для себя города, которые должен был покрыть своими водами океан.

Упала только одна луна, и атланты начали новую жизнь в городах, океаном залитых. Скучна была жизнь под водами океана, куда едва проникали солнечные лучи. И атланты изменились: они стали раздражительнее, не так добры, как тогда, когда жили под лучами яркого, веселого солнца. Между ними происходили иногда недоразумения, и только Предназначенный умел мирить ссорившихся, мирить так, что у них не оставалось и тени недовольства. Я не раз чувствовал, что Некто входил иногда в Предназначенного, и что-то похожее на благоговение и ужас охватывало меня. Мне казалось, что этот Некто невероятно силен, что разум Его, или нечто подобное разуму, необъятен, что знания Его безграничны, что будущее так же легко открывается перед Ним, как и настоящее, что Он не только в Предназначенном, но и везде. Высоким истинам учил тогда Предназначенный, и внимательно слушали его атланты. Всепрощение и доброта всеобъемлющая лежали в основе его учения, и мне ясно было, что он знал безгранично больше того, что могли воспринять его слушатели. Он говорил иногда о Боге, и я думаю, что все мы, хранители атлантов, так же как и сами атланты, не вполне понимали его.

Он говорил нам, что Бог един, но что вместе с тем Он – везде, и потому как бы множественным представляется нам. Наряду с этим Он не множественен и не един, хотя мы представляем Его то тем, то другим. Мы говорим, что Он вездесущий, но это неверно, так как Его нет там, где Он не волит быть. Верно, все-таки, что Он может быть одновременно везде. Он в высотах несказанных, куда не доходят волны земной жизни, и в то же время Он на земле, на всех землях и на всех солнцах. Одновременно Он и в тех высотах, которые условно близкими нам кажутся, и является тем единением мирны Эонов Любви, Красоты, Мудрости, Силы, Справедливости и всего того, что людям, нам и более высоким существам благодетельным кажется. Он может одновременно находиться в высотах несказанных и близких, на землях и солнцах, может войти в любое творение свое, будь то альдонарец, человек или мельчайшая инфузория, будь то дух светлый, или над светлыми духами сущий, или существо, живущее на ионе, вокруг атома вращающемся. И, вместе с тем, Он един, как един человек, хотя в нем мириады солнц-атомов и около них ионов вращающихся, на которых живут существа, людям подобные. В атомах существ, живущих на ионе, может быть Бог, если волит быть. Ведь и человек не больше для Него, чем живущее на ионе существо. Он вездесущ, и где хочет, там веет. Он всемогущ и может, если пожелает, перестать существовать для нас. Даже мы, Леги, могущие в одно мгновение перенестись через бесконечность, не вполне ясно понимаем, как можно быть одновременно везде и нигде, как можно быть и не быть, все тем же Богом оставаясь.

Один раз я, не расстававшийся с Предназначенным, ощутил, что в нем – Бог, и в это время встретил гиперборейца и познал, что гипербореец этот был тем, в ком тоже пребывал Бог. Я понял, что Бог может появиться на миллионах земель в аспекте человека (и в каком Ему будет угодно аспекте), и все или некоторые люди поймут, что в человеке этом присутствует Бог, но Он может проявиться в том же аспекте так, что даже мы, Леги, не сможем почувствовать Его присутствия. Не раз я чувствовал, что Бог покидал моего атланта и потом снова на короткое время возвращался в него...

Десятки тысячелетий пролетели в этих подводных обителях, и дважды появлялся Он, воплощаясь в Предназначенном, в котором не потухал, а разгорался другими людьми невидимый ультра-инфра-ирна белый огонь.

Пришли времена и поднялись на поверхность океана атланты. Вместе с ними поднялся и Предназначенный. Те атланты, в которых было мало примеси крови ги-

перборейцев, построили к югу от страны Кеми громадный подземный город, получивший название Лабиринта, используя для этой цели гигантские пещеры двух исполинских гор, и в городе этом подражали не только жизни под водами океана, но и жизни нашей и более высоких обитателей. Много позднее, они разрушили эти города, или точнее, этот город, но долгое время после исхода со дна океана они жили там, выходя иногда в страну Кеми и исполняя в ней должности верховных жрецов, кроме Предназначенного, который не соглашался занять такую должность.

Как-то раз мы, находившиеся в Лабиринте, поняли, что Бог вошел в Предназначенного, и узнали, что человек из обитавшего на Востоке народа чрезвычайно похож на Предназначенного по внешнему облику и, обитая в Египте, стал его учеником. Тогда атланты узнали, что Предназначенный решил идти в страну, жители которой поклонялись одному из темнейших духов, называя его Богом. Предназначенный ушел в эту страну, учил в ней людей Мудрости и Любви, от Бога исходящих, а одновременно с ним старался учить тому же учению человек, похожий по внешнему облику на атланта, около которого я пребывал. Но в учении рожденного на Востоке не раз слышались учения темного духа, а позднее этот темный дух сумел выдать свои поучения за глагол божественный, якобы Предназначенным сказанный. Через три года проповеди был убит злодеями Предназначенный, еще ранее смерти отошел от него Бог, и в момент смерти отошел от него я. Но огонь, в нем горевший, вспыхнул ярким пламенем после смерти его и новым телом облекся. А я поспешил облечь его в астральное тело свое, как тело простого человека в одежду одевается.

С того времени ходим мы по земле, и никто не узнает в атланте Предназначенного, хотя великой мудростью и добротой веет от него. Предназначенный и я думаем, что не сойдет на нас более начало Божественное, но мы знаем, что благословение Его, Несказанного, почиет на нас и учениках наших.

Мы ждем Утешителя, который скажет нам великое Слово о Правде, о том, что не нужно суда, о том, что совершивший грех в веках и мирах загладит его, если не успеет сделать это на зеленой земле. По-прежнему молодым кажется Предназначенный, и я хотел бы узнать, на что он еще предназначен...

126. РАЗГОВОР СУЩЕСТВ ЗЕМЛИ СВЕТЛОЙ

В 1911 году я, одевшись, как одеваются бедные рабочие-поденщики, зашел в один из кабачков Монпарнаса. Все столики были заняты бедно одетой публикой и только один, стоящий немного поодаль был свободен. Я сел за него, и ко мне подошел с угрюмым видом гарсон, сразу же начавший улыбаться, когда я заказал бутылку лучшего вина. Не успел я опорожнить первый стаканчик, как к столику подошли два вошедших в кабачок человека и со словами «пардон, мсье!» сели за мой столик, и гарсон, не дожидаясь заказа, подал им бутылку такого же вина, как моя. Я вынул портсигар и предложил папиросы присевшим. Они вежливо поблагодарили меня и взяли по папиросе; взял папиросу и я, мы закурили, обменявшись несколькими фразами на злобу дня, и один из моих новых знаковых обратился ко мне и своему товарищу со словами: «Нам более часу придется ждать Анри. Возможно, что он придет через два часа. А сейчас, если позволите, расскажу вам едва ли не единственную легенду масонов шотландского рита, легенду, которую я хорошо запомнил, но едва ли хорошо понял». Мы охотно согласились и рассказчик начал.

«Это было тогда, когда ниже Элоимов было только бесчисленное множество всевозможных душ. Элоимы по-двое покидали свои обители и в пустотах-бесконечностях проявляли свою творческую деятельность. Два Элоима появились в одной далекой бесконечности и всю ее наполнили своим светом несказанным. Во многих местах собрали они свет свой в гигантские шары, и те сияли среди бесконечностей рассеянного света. На эти гигантские шары низвели Элоимы множество разнообразных душ. Но души животных, насекомых, рыб и птиц не могли проникнуть в бесконечность, светом наполненную. На ее светящихся землях росли растения разно-

ветных огней; на землях этих появились многочисленные живые существа разных измерений; там были, похожие на отражения в зеркалах людей, существа двух измерений, не имеющие глубины, а только длину и ширину, совсем невидимые, если на них смотреть сбоку. На светлой земле жили вместе с двухмерными существа, ежеминутно менявшие свой вид, но неизменно сохранявшие громадные, внимательно смотрящие глаза; здесь были люди, очень похожие на людей, живущих на планетах, вокруг золотых солнц вращающихся, люди, знающие измерения длины, ширины, глубины и времени. Тут жили существа, имеющие, кроме названных измерений, еще одно, которое нами может быть описано прежде всего своим дополнительным чувством, огонь напоминающим, далеко от этих существ улетающим и к ним, этим существам приближающимся и дающим существам этот квази-огонь, как одно из чувств. Были на этой земле светлой существа, одновременно сущие в одном только месте, но каждое существо это, когда хотело, разделялось на две или на три части, тождественных первой, жило тремя различными жизнями, а потом снова одним существом, одной жизнью живущим становилось и пользовалось опытом двух или трех параллельных жизней.

Были на этих светлых землях и такие существа, которые могли, когда желали, жить в эпоху, хотя бы протекавшую за тысячу лет до их рождения, или в эпоху, которая наступит через то или иное количество лет после их рождения. Нередко спускались на эти светлые земли и жили на них могучие ангелы с громадными, сверкающими крыльями, которые уменьшали, нисходя на землю, свои гигантские фигуры. Были тут и похожие на архангелов существа с прекрасными лицами, мощью дышавшими. Сверх-гигантами были эти существа со спокойными ликами и быстрыми, как молния, движениями. Они ненадолго появлялись на землях светлых и затем исчезали. Сходили на землю и могучие воины, недолго отдыхая на землях от сторожевой службы, которую несли на границе бесконечности этой, не позволяя проникнуть в нее дисгармоническим существам, зачастую подлетавшим к бесконечности этой, светом ярким ее привлеченные. Недолго оставались они на землях светлых. Еще реже, каждый раз на очень короткое время, появлялись на этих землях голубым и розовым пламенем-нимбом окруженные. Переносились существа эти с одной светлой земли на другую и переносили тех, кто не мог сам переноситься с одной земли на другую землю светлую.

Но часть земель этой бесконечности была недоступна обитателям земель, названным существами населенных, и они говорили, что на землях далеких, разнообразными огнями сияющих, живут ими непостижимые, обладающие несравненно большим количеством чувств существа. Обитатели светлых земель хотели точно знать, существует или не существует Элоим или Элоимы. Как-то раз начался между ними великий разговор.

Вот говорит двухмерное существо и все слушают: «Мне кажется, – говорит оно, – что существует Бог, а ниже Его расположился мир существ сверкающих и мир существ тусклых. Но для меня, двухмерного, безразлично существует или не существует Он, бесконечность измерений в себя вместивший. Ничего общего нет между мною и Им. Я не понимаю и не пойму Его, ибо безгранично велик Он, и Он меня не понимает и не поймет, ибо безгранично мал я».

Говорят существа, могущие жить в настоящем, прошлом и будущем: «Мы живем в будущем, в прошлом и в настоящем, и всегда до нас доносится что-то, Его существование для нас ясным делающее. Но, конечно, Он – непостижим для нас, и кажется не-сущим Он, без сомнения, сущий».

«Да, ты прав. Он, конечно, ничто для нас и, вместе с тем, Он – все. Ничто, потому что ничтожнейшей доли Его мы не понимаем; все – потому что сила Его безгранична».

Говорят несколько, в разное время живущих: «Он – тьма, Он – мгла, Он – вихрь. Всячески назвать Его можно, ибо Он – все существующее и существовавшее, и то, что будет существовать».

Другие, в разное время живущие: «Да, вы правы. Но Он – свет, сияние, спокойствие, все».

Те и другие, разновременно живущие, вместе: «Он – все, в котором ничто; Он – ничто, в котором все. Он – то и другое вместе».

Существо, пятым своим чувством огонь имеющее: «Было бы ужасно, если бы все, что было, вновь в тех же формах жизни появлялось. Мы думаем, что так не происходит: жизнь всегда меняется. Все и, главное, всегда меняется, и если повторяется, то лишь потому, что мы не замечаем, зачатую, незаметных изменений. А если все меняется, то чем отличается от всего Бог? Ясно, тем, что Он не меняется, и в этом Его отличие от всего. Все же сущее, меняясь, поднимается к несказанно Высокому, к неизмеримо Великому и сольется с Ним, сохраняя сознание свое и сверкая великой радостью, благодаря слиянию этому».

Двумя и тремя жизнями живущие молятся Богу Высокому: «Да воссияет над нами милосердие Всесовершенного. Пролей на нас блеск познания, дабы мы, хотя отдаленно, но поняли значимость сияния Твоего. Пусть раскроется тайна, Тебя облекающая, хотя бы не для нас, а для душ наших, которые являются слабым отблеском одной из теней Твоих. А пока – дай нам покой ожидания».

Люди, подобные людям, живущим под золотыми солнцами: «Вероятно, Он существует: недаром так создана Им среда, нас окружающая, что мы почти бессознательно начинаем искать Его, Бога нашего, и представлять Его себе под тем или иным аспектом. Как ни прекрасна наша жизнь, как ни разнообразны восприятия наших чувств, все-таки наступает момент, когда мы чувствуем какое-то утомление от нашей жизни. Правда, разнообразна наша жизнь, но мы живем надеждой на преображение, на то, что мы получим те чувства, доставляемые которыми радости не приедаются. Мы жаждем радостей неведомых, ибо Бог сущим является. Мы хотели бы познать радости исповедные. Мы хотели бы заглянуть в обитель Эонов. Вы, крылатые, скажите нам, как познать сокровенную тайну Его бытия и Его небытия?»

Ангелы со сверкающими гигантскими крыльями: «Он – податель радости бытия. Он проявился в своих делах. Он позвал нас жить, но мы не хотим звать Его, говоря «явись»! Мы помним, что сказал великий Эон Молчания: «Из сострадания я не скажу вам о Нем ничего из того, что могло бы утолить жажду познания вашего. Если вы и мы, не то, что познали Его, а только увидели и услышали бы Его, даже не поняв, что видим и слышим, – тоска безграничная, тоска беспредельная по совершенству охватила бы нас, и мы стали бы безгранично несчастны». Эон Молчания – отец разума в Его проявлении, отец истины в ее проявлении. Разум и истина дадут вам познание только в ничтожной доле постижимое, которое доступно нам без духов Фантазии с их крыльями многоцветными. Подождем немного: если молчит Эон Молчания, быть может Эон Любви придет к нам и раскроет нам тайны исповеданные».

Сверх-гиганты со спокойными ликами: «К нам донеслось лживое начало: мы слышали, что Элоимы других бесконечностей злы, следовательно, зол и наш Элоим, хотя и не бросил им сотворенное во власть зла, с которым только сильные могут бороться. Все это не умно, все это – вне аспекта бесконечности... И у нас был соблазн. Мелькала мысль у нас: если у нас нет грехов, то не равны ли мы Элоиму? Не являемся ли мы поэтому точным подобием Его, могучего? Но мы легко преодолели этот соблазн: растения нашей светлой планеты тоже не грешат. Так неужели они подобны Элоиму? С Ним никто не сравним. Ему никто не подобен».

Много более было бы сказано сверхгигантами, но непонятна была их квазиречь, чувствам других обитателей светлой земли недоступная.

Услышан был отрывок из квазиречи тех, кто границы светлой бесконечности охраняли. Они говорили, что надо жить так, как жили бы духи, если бы знали, что высшее, справедливейшее и горячо любимое существо наблюдает за их поступками, радуясь хорошим и огорчаясь плохим... Только это и было понятно, в низах сущим.

Мало понять можно было и из квазиречей существ, розовым нимбом сияющих: «Растения нашей земли убеждены, что нет нас, что нет никаких других обитателей земли светлой, кроме растений, однако и мы и другие существа находимся на земле этой или бываем на ней, а мы по отношению к Нему несовершеннее, чем деревья по отношению к нам. Нельзя впадать в ошибку деревьев».

Слышится временами радостный клик, голубыми нимбами осиянных: «Он есть! Он – сущий! Мы улавливаем веяние сил, от Него исходящих! Нет ошибки: Он – сущий!» Так торжественно и чудно звучат их радостные клики, что все, ниже сущие, верят, радуются и надеются, внимательно смотрят на голубым нимбом сияющих, ежеминутно свои формы меняющих, и во всех формах своих говорят: «Да. Мы тоже ощущаем Его».

Кончился разговор, подобный только что рассказанному, и наступила тишина, полная тихим временем жизнь, работой обычной наполненная. Вдруг громкие, победные крики загремели в стане тех, кто границы бесконечности охраняли. До земель светлых донесли громкие звуки воинственного марша. Мирна стражей могучих появилась на земле светлой, составив как-бы почетную свиту человека, последнего из бывших на земле воинов Ордена светлого. Мирна провожатых улетела, а человек из Ордена светлого остался на земле сияющей вместе с шестью друзьями его из отряда стражей могучих. Многие спрашивали его, кто он и откуда. Рассказывал им прибывший, и рассказ его напоминал музыку марша боевого. Он говорил о борьбе с темными силами, говорил о победе и поражениях, о служении правде высокой. О многом рассказывал он из того, что на земле зеленой происходило, и загорались огнем странным сердца сущих, его слушающих. «О, зачем мы не были с вами! – говорили они и спрашивали: «Что нам делать?» – «Дайте мне присмотреться к жизни вашей и тогда я постараюсь ответить вам».

Долго живет воин Ордена светлого на земле светлой и, наконец, созывает всех тех, кто чувствовал неудовлетворенность жизнью безмятежной, и говорит им: «Возможно, что я ошибаюсь. По себе сужу я: меня тоже охватило чувство неудовлетворенности, неполноты счастья. Если у вас одно со мной желание, то мы найдем полноту счастья только в борьбе со злом, которое залило земли бесконечности далекой, те земли, которые не светятся, а золотыми солнцами-звездами освещаются. Пойдем туда. Наденем облики людей, те земли населявших, и будем бороться со злом, на землях этих торжествующим. Ручаюсь, исчезнет тогда у вас чувство неудовлетворенности, вас иногда гнетущее».

Говорят ему многие из окружающих: «Мы пойдем с тобой, да сгинет зло! Но здесь остающиеся или сюда вернувшиеся ту же неудовлетворенность испытывать будут». Отвечает им не воин, а голубым нимбом увенчанный: «Тогда не будет в нас неудовлетворенности: исчезнет болото ядовитое. Зло исчезнет на землях темных, и испарения его болот засасывающих. Ключки туманов душных не будут долетать до нашей бесконечности и не будут угнетать нас. Не будет тогда неудовлетворенности. Вы, возвратившиеся, будете тогда вспоминать битвы духовные, радость борьбы возвышенной. Если надо будет, снова в новые омраченные обители броситесь».

Раздались клики всех сущих: «Туда! Туда! Мы не боимся страданий земных!»

Услышал Элоим мольбу нимбом голубым озаренных, и в миг один преобразились на сияющей земле сущие в людей земли зеленой и в людей других земель. Окружили людей новых отряды стражей могучих. Перенесли их на земли бесконечности далекой, на земли, разноцветными солнцами озаренные, а затем вернулись назад охранять бесконечность сияющую, где остались сущие, спокойно возвращение первого отряда и своего призыва ожидающие».

127. ОБ ЭГРЕГОРАХ

Те существа, которые выше Элоимов раскинули свои обители, начали роптать на Великого. Они говорили: «Мы создали бы большинство миров, расположенных внизу, лучшими, чем они созданы. Мы оставили бы в них только то ничтожное количество зла, которое достаточно, чтобы существа в низах сущие не застыли бы в самодовольном невежестве. Мы не утверждаем, конечно, что Великий ошибся, сделав миры такими, каковы они суть. Но Он, бесконечно далекий от миров этих, не хочет видеть то зло, которым полны, иногда переполнены, а иногда только затронуты ми-

ры низшие, в которых сильны начала, восставшие против добра высокого. Конечно, мы знаем, что ничтожнейшую часть времени дано торжествовать злу, но и этого не надо. Конечно, мы знаем, что сам Великий в аспекте человека нисходит на земли и в другие миры, уча людей светлой, не затемненной злобой жизни. Но зачем же, если нельзя уничтожить зло, не слив миры с самим Великим, зачем не свести злое начало до такого уровня, при котором оно ничтожным покажется и тем, кто его делает, и тем, кого оно поражает?»

И решили Высокие спуститься, приняв образ соответствующий, в миры, ниже Элоимов лежащие, и, приняв форму обитателей миров этих, вырвать зло, в этих мирах сущее. Появились в мирах светлых духов Высокие, приняли облик духов этих и растерялись от неожиданности. Что-то вроде воспоминания мелькало у них, и им казалось, что они жили когда-то в мире светлых духов и сами были такими же, как и они. Они попробовали говорить со светлыми, убеждая их не допускать в свой мир темного начала, черных молний; убеждая их приложить усилия для борьбы с темным началом у себя и в мирах низших... Но не умели Высокие говорить со Светлыми – не понимали их последние. И с недоумением познали Высокие, что мало доброй воли для того, чтобы передать свои пожелания чуждым; что мало одного пожелания для того, чтобы заставить сущих поступать так, как хотят Высокие: то, что ясно для высших, оказывается непонятно для низших...

Пробовали Высокие разговаривать в других космосах, но безрезультатно, несмотря на то, что настойчиво пытались сделать доступными и понятными убеждения свои.

Встречались и такие, в наклонных плоскостях расположенные бесконечности, обитатели которых хоть отчасти понимали речи Высоких, но не придавали им никакого значения. Воротились назад в верха несказанные Высокие, и поняли, что не дано им исправить недочеты, в низах имеющиеся, что для исправления недочетов этих надо послать в миры низшие более близкие к ним начала.

Долго совещались они и решили, наконец, послать в миры далекие одно из мириад свойств своих с тем, чтобы свойство это стало отдельным началом-существом, и в мирах, в низах лежащих, работало, объединяя в одно целое разномыслящих, а затем заставляя их устраивать свою жизнь на тех основах, которые будут даны им этими послами – одним из многих свойств Высоких.

Говорят Высокие: «Мы пошлем им наше свойство объединять сущих в одно целое. Объединившись, сущие сильнее станут, и им легче будет со злом бороться. Пошлем им то наше свойство, которое Эгрегором называется и которое может быть отдельно от нас в низы брошено. Да сделается оно само существом отдельным, сделавшись началом, объединяющим в низах сущих».

Отбросили от себя Высокие одно из свойств своих и, так как далеки были они от зла, в низах сущего, то свойствам этим, которые, отделившись от Высоких, отдельными и целостными существами стали, пришлось впервые со злом встретившись решать – надо или не надо бороться со злом.

Тем Эгрегорам, которые попали в область, занятую темными Арлегами, внушили Арлеги эти, что нет разницы между добром и злом, так как все равно всем сущим одно грядущее приготовлено – слияние с Великим. И так как во многих случаях зло добром становится, и наоборот – зло может убить человека, но если человек хочет убить и убьет того, кто иначе убьет многих, – то это убийство не злом, а добром станет.

Согласились с Темными Эгрегоры, попавшие в мир Темных, и просили их темные Арлеги как можно чаще посещать миры другие, дабы научить своих братьев, что понятия добра и зла относительны. Не приняли их учения Эгрегоры миров высоких и говорили им, что только примитивное мышление рассуждает так, как они рассуждают. Но на земле радушно встречено было учение Эгрегоров, вернувшихся из Темного Царства. В мирах высоких Эгрегоры играли небольшую роль: каждый из обитателей миров этих являлся сильной и резко очерченной индивидуальностью. Вся работа Эгрегоров в мирах высоких свелась к тому, что они находили одинаково мыслящих и желающих одинаково работать, и объединяли их в отдельные группы, работающие сообща. Но каждый раз, когда в мирах этих веяло чем-либо таким, что

хотя отдаленно зло напоминало, все Эгрегоры, в мирах этих сущие, составляли одну группу и ожесточенно боролись с тяготением ко злу.

И зло не только в лице темных Арлегов, но даже в форме эманаций, от Темных исходящих, не смогло появиться в мирах Высоких...

Но на землях были приняты Эгрегоры, охваченные темным учением, добру и злу равнодушные и часто объединявшие и тех людей, которые злему началу служили и причиняли мучения, себе подобным.

Охватили Эгрегоры целые нации, крупные и мелкие, охватили целые профессии, включавшие в себя большие и малые группы людей, охватили разные политические и религиозные группировки и спаяли их так, что каждая из них как бы одно целое представляла.

Спаяли Эгрегоры всевозможные группировки людей, но, тем не менее, часто Эгрегор оставлял одну группировку, давал ей распадаться и крепко связывал какую-либо часть из распавшейся массы.

Н.И.Проферансов

О РЫЦАРЕ ГЮГО ДЕ ЛОНКЛЕ

В X веке во Франции жил Гюго де Лонкль, трубадур, слагал он альбы и серены, которые распевались по всей стране. Во время похода во Фландрию узнает он о смерти своей матери и невесты. Много горестей и лишений испытал Гюго в этом походе, но самым большим горем была для него потеря близких его сердцу существ. В отчаянии бросается он во все опасности и ищет смерти на поле брани. И ни в чем не находит утешения. И вот узнает он, что только в Ордене найдет успокоение и путь свой. Отправляется он к магистру Ордена и просит посвятить его в рыцари. Но прежде чем быть принятым в Орден, Гюго де Лонкль должен был пройти ряд испытаний и искусов. Он вертел мельничное колесо, исполнял обязанности конюха и другие грубые работы, но все он делал со смирением и кротостью. И на все свои робкие вопросы получал только грубые ответы. Все это было необходимо для определенной цели: испытать дух, от Бога ли он? Когда окончились все испытания, магистр Ордена призвал его и задал ему семь вопросов. Клянешься ли ты, что будешь говорить только правду? Не принадлежишь ли ты к другому ордену? Не женат ли ты и не обручен ли? Нет ли у тебя долгов? Не болен ли ты тяжкой болезнью? Не являешься ли ты священником? Сын ли ты рыцаря и от законного ли ты брака? Когда Гюго де Лонкль дал удовлетворительные ответы, магистр сказал ему: «Отныне все твое становится орденским и ты допускаешься к пользованию имуществом Ордена. Ты получишь бедную одежду, и пить и есть, сколько окажется необходимым». И после этого Гюго де Лонкль был допущен к посвящению.

Ночь перед посвящением Гюго проводит по традиции в храме. И вот, во время глубокого сосредоточения и размышления, раздвинулись стены храма и он увидел равнину, по ней выходящую дорогу, а по дороге идет толпа несметная, поднимаясь в гору, на которой стоит храм. Идут ремесленники с продуктами своего производства, суконщики с сукнами, кузнецы с замками, гончары со своими изделиями, колесники, барышники с лошадьми, юноши, монахини, женщины в расцвете сил с грудными младенцами на руках, гордые князья и герцоги, вассалы, полураздетые куртизанки, блистающие драгоценностями, папа в тиаре и рядом с ним разбойник – и все идут шатаясь, а над толпой тучи, гром и молнии блистающие. И заметил Гюго, что толпу, невидимо для нее, сопровождают спутники: справа – светлые, слева – темные. Они борются между собой, и время от времени темные спутники бросаются в толпу. И там, куда они бросаются, слышны стоны и проклятия, и происходят смятения и убийства. И жертва лежит распростертая, тут же, рядом с убийцей, а толпа идет шатаясь... И увидел Гюго, что среди толпы идут некоторые уверенно и с поднятой головой. Сильнее сгущаются над ними тучи, и молнии венчают их своим ореолом. И светлые спутники время от времени помогают им. И там, где они, толпа идет спокойнее, ровнее. И расширилось духовное видение Гюго, и взглянул он в сердца людей и увидел в них злобу и черные замыслы, и только в самой глубине увидел он свет, как драгоценный камень в голубой оправе. Горит он и светится, словно малая звезда голубая и у папы, и у разбойника – это душа. И тоскует она. Но люди не замечают ее. Но это видят те, идущие уверенно, и от этого скорбь на их лице глубже. И исполнилось скорбью сердце Гюго, и так и осталось оно, увенчанное скорбью на всю жизнь. И он шагнул в толпу, чтобы идти вместе с ней... И скралось все...

И видит Гюго бедную женщину с искаженным от скорби лицом, склонившуюся над трупом солдата, сына своего, и скорбь ее беспредельна. И видит Гюго королеву Франции, прислушивающуюся к дыханию умирающего дофина, и рядом с королевой сидит прелат с головой свиньи и министр с головой волка, а у изголовья постели стоит ангел Смерти. И подумал Гюго: если умрет – пойдет к ангелу, а если останется жить – этим достанется. Что лучше? И тысячи женщин и сотни матерей увидел Гюго, и скорбь их витает над ними. И исчезло все... И понял Гюго, что нет скорби больше скорби матери, и его собственная скорбь утихла. Не прошла, но, как хрустальная вода горного озера, стала ясной и спокойной. И явилась перед ним сама Владычица скорбей, и опустил перед ней Гюго на колени, и дал обет вечного служения Пречистой.

Глядел рассвет в цветные окна храма, и наутро пришли за ним рыцари. В этот день был посвящен Гюго де Лонклъ, трубадур, и дал обеты послушания, целомудрия, бедности и служения Церкви. И получил Гюго де Лонклъ золотые шпоры. Золото же рыцари носят только на шпорах. В тот же день сидят рыцари вечером в башне за круглым столом, с ними Гюго де Лонклъ. А возле стоит Некто светлый, опершись на меч, и очи его пламенеют. и смотрит он пылающими очами в глубину сердец. И когда кто-либо из рыцарей не находит ответа себе или другому на заданный вопрос – он смотрит вглубь своей души и видит в ней очи светлого и в них находит ответ. И спросил Гюго: «Сказано: если имеешь две одежды, одну отдай неимущему. Одну ли всех неимущих?»

И ответил один из рыцарей: «Одень светом свободы душу свою. Можешь быть богат любыми богатствами, но не окажись их рабом. Сумей радостно отдать все, когда того потребует дух».

И спросил Гюго: «Сказано: ударившему тебя в одну щеку, подставь и другую. Приличествует ли рыцарю быть малодушным?» Ответил ему один из рыцарей: «Ничего нет у рыцаря выше чести, но высока честь воина, который, будучи силен и храбр, сумеет удержать руку свою перед оскорбителем. И наивысшая честь тому, кто наивысшую боль сумеет радостно перенести и будет верен духу своему». И спросил Гюго: «Сказано: люби ближнего твоего, как самого себя. Как могу любить убивающего душу?» И ответил ему один из рыцарей: «Люби всех скорбящих. Люби всех, кому служишь мечом и духом. Люби во враге своем рыцаря, хотя бы и не был ему нанесен удар мечом. Люби в темном духе свет преодоления им самого себя. У рыцаря может быть только достойный рыцаря враг – он сам, и в этом любовь к врагу. А больше о любви к врагу узнаешь впоследствии». И спросил Гюго: «Зачем Христос творил чудеса? А если нужны они, то к чему вся его проповедь?» И отвечал ему старший из рыцарей: «Что знаешь ты о чудесах Господа? Христос мог творить чудеса и скрывал их. Блаженны не видевшие, но уверовавшие. И не были ли чудеса в большинстве случаев исцелением духа?»

И спросил Гюго: «Сказано: одень раздетого, накорми голодного, напои жаждущего. Телесному или духовному благу должен служить рыцарь?» И ответил ему один из рыцарей: «Горе отвратившему лицо свое от телесного недуга брата своего. Но еще больше горя тому, кто всего себя отдаст этому служению. Велик соблазн малого даяния: ибо строит на песке дом свой слуга блага телесного, ибо если накормит голодного, тот снова взалкает, если же утолит голод духовный – навек поднимет брата своего».

И спросил Гюго: «Входить в дом и жить с людьми подобает ли рыцарю?» И отвечает ему один из рыцарей: «Будь подобен восточному царю, который из любви к своим подданным переодевался в их одежду, входил в их хижины и творил добро. Но, будучи благим и милосердным, не забывай высокой задачи царского служения твоего».

И спросил Гюго: «Влекут рыцаря молящиеся Богу, зовут к участию в делах государственных, манят любители общества и прекрасных дам. И ученые, и доктора, и философы говорят о мудрости теологии и искусствах. Каким путем должен идти рыцарь?» И ответил ему один из рыцарей: «Иди своим путем. Мир представляется равниной, перерезанной многими водными потоками, но путник переходит их все и не одному не дает увлечь себя, ибо странник и проводник пилигримов рыцарь».

Так вступил Гюго в путь. И был этот путь труден и радостен. Много подвигов совершил он на пути своем и молил Пречистую дать умереть ему на поле брани, ибо не приличествует рыцарю умереть дома.

После многих подвигов, совершенных Гюго де Лонклем в Палестине, удалился Гюго в пустыню и проводил здесь время в размышлениях о божественных истинах, в непрестанных молитвах. И много лет провел Гюго в пустыне, и когда почувствовал, что очистилась душа его, взял он посох свой и пошел. И долго шел он, и в конце далекого пути своего пришел он к Светлому Чертогу и остановился у врат его, и раздался голос: «Приди, сын Мой возлюбленный, в лоно Мое, ибо ты, как и Я, совершенен». И хотел было уже Гюго войти во врата Светлого Чертога, когда в последний миг донеслись до него звуки покидаемого им мира. И услышал Гюго стон гибнущих, и проклятия отчаявшихся, и скрежет зубовный. И остановился Гюго, и обернулся, и увидел гибнущих и насилуемых, увидел торжествующих убийц душ человеческих, увидел детей, обреченных на заклание. И ответил Гюго: «Что мне, Господи, до славы, если там гибнут братья мои?» И ушел Гюго от врат Светлого Чертога и вернулся в мир, чтобы потом еще раз, но уже вместе со всеми, прийти к нему.

Вернувшись к людям, вступил Гюго в круг жизни их. И увидел он старцев и юношей, мужчин и женщин, и детей, томившихся в этом кругу. И бесконечно измучены были их лица. И спросил у них Гюго: «Чем живете вы?» Отвечали ему: «Надеждой нашей!». И пошел Гюго дальше и увидел еще более мрачный круг. Здесь вечно слышались стоны, угрозы и проклятья. В отчаянии ломали себе руки жители этого круга. И спросил их Гюго: «Чем живете вы?» Отвечали ему: «Безнадежностью нашей». И захотел Гюго внести свет в мрак жизни их. И остался надолго с ними.

Прошли годы, и кончился срок пребывания Гюго в этом кругу, и ушел он, и поднялся в горы к голубому горному озеру. И жил здесь старец втайне от других людей. И склонил Гюго перед ним колени, и коснулся старец чела его, глаз и ушей. И получил Гюго три скрытых дара: видеть, слышать и идти до конца. И исполнился скорбью Гюго и сказал: «Нет, лучше умереть мне!» И сказал старец Гюго: «Нет, сумей жить с дарами скорби, не скорбя». И отправился Гюго в великое странствие свое.

И вот вошел Гюго на высокую гору. И смотрел вниз, и видел сразу все, что делалось внизу и вокруг. И на горе, где стоял Гюго, не текло время. И видел Гюго, как в бедной сельской хижине, и в городском доме, и в королевском дворце рождаются дети. И склоняются над ними матери, и отцы ласкают их и радуются им. И вырастают дети, и превращаются в юношей и девушек, а затем во взрослых людей, и работает каждый в кругу своем: под землей или в кузнице, или дома по хозяйству, или за станками, или в королевском войске служат, или правят государством. И видит Гюго, как сила любви влечет мужчин и женщин друг к другу и соединяет их в брачные пары, и как рожают они детей и склоняются над ними, и радуются им, и страдают с ними. Приходит старость и смерть, и новое поколение заступает на место прежнего, и снова идет суетливая работа. И соединяются люди в брачные пары, и рожают детей, и спешат вперед и дальше к одной цели, которой, быть может, является могила. И на место этого поколения приходит следующее, и на место следующего еще новое поколение, и все они совершают один и тот же жизненный цикл, идут одним и тем же путем.

И одни тысячи и миллионы людей сменяются другими, спеша и суетясь, и видят они перед собой только небольшой кусок своего пути, не думая о смене одних поколений другими, о великом потоке человечества, протекающем у подножья горы, на которой стоит Гюго. И поднимает Гюго свои взоры вверх к вечному небу и спрашивает: «Скажи, зачем это вечное повторение, и почему неведомо тем, кто суетится внизу, смысл и цель этого вечного движения?» И не слышит Гюго ответа. И поехал Гюго, исполненный скорби, по бесконечной равнине. И долго ехал он на своем верном коне.

И однажды, когда заходило солнце, встретились ему на пути люди. То были кузнецы, возвращавшиеся из города к себе в село. Посмотрел на них Гюго, и увидел в душе одного из кузнецов голубой огонь, как бы малую звезду голубую. И почувство-

вал Гюго, что был когда-то рыцарем кузнец. И подъехал Гюго к кузнецу, и заговорил с ним об оружии, о битве, о рыцарской чести. И не хотел с ним сначала говорить кузнец, и не хотел поверить ему, когда сказал ему Гюго, что кузнец – рыцарь. Но потом коснулось слово Гюго души кузнеца, и взмахнул он молотом и сказал, что готов променять его на рыцарский меч; проснулся рыцарь в кузнеце, и с гордо поднятой головой пошел рядом с Гюго. И весело стало на душе у Гюго де Лонкля. И снова ехал Гюго по бескрайней равнине, и увидел он человека, с великим трудом пахавшего твердую, пересохшую землю. И увидел Гюго, что был когда-то земледелец рыцарем. И слез с коня и подошел к нему, и заговорил о рыцарских подвигах и о борьбе с неверными. Нехотя отвечал ему землепашец, не понимая его. Но когда сказал ему Гюго о деде пахаря, воевавшем в Палестине, выпрямился тогда крестьянин и заявил, что он тоже рыцарь, хоть и пашет землю. И поехал Гюго дальше с радостью на душе, а те, кому он напомнил о голубом огне, так и остались рыцарями.

Въехал Гюго в город. Здесь на площади была большая толпа народа, и остановился Гюго на своем коне посреди толпы и затрубил в рог. Когда затих шум, и взоры всех обратились к Гюго, сказал им Гюго: «Вы забыли, что ваши предки были светлыми и гордыми рыцарями; вы забыли, что еще недавно был в вас рыцарский дух. Пора вам вспомнить об этом. Пора вам оторвать свои взоры от земли и посмотреть на вечное небо, пора вам взять меч, сесть на коня и отправиться в путь, и служить угнетенным и обиженным».

Гневный шум раздался на площади, и окружили разъяренные жители Гюго. И увидел он, что говорил горбатым и калекам, которые собрались, чтобы получить очередную милостыню, раздаваемую слугой герцога. И махали калеки своими костылями, и поднимали на Гюго разъяренные лица, и бросали в него камнями. И уехал Гюго, провожаемый бранью, свистом и проклятиями. Но, поворачивая с площади в одну из улиц, остановил Гюго коня и крикнул им: «Я еще вернусь к вам!» И не было у Гюго злобы против этих людей.

И увидел Гюго: на перекрестке двух дорог у креста сидит монах, торгующий отпущениями грехов. Подъехал Гюго к монаху и посмотрел ему в глаза, и увидел Гюго голубой свет в его душе, словно малую звезду голубую. И понял Гюго, что был некогда рыцарем монах. И захотел испытать Гюго монаха и, проезжая, слегка задел монаха конем. И смиренно посторонился монах. Тогда вернулся Гюго и стал просить у монаха продать ему все индульгенции оптом за четверть цены, которую они стоили. И обиделся монах, но смиренно отказал. Тогда, как будто рассвирепев на монаха, Гюго стал его бранить, выхватил меч и слегка ударил его мечем плашмя, и присовокупил, что не достоин он настоящего рыцарского удара. Вскипел тогда монах, засверкали его глаза, и закричал он Гюго, что, будь у него меч, он показал бы, кто из них достойнее наносить удары. Тогда дал Гюго монаху свой запасной меч, сошел с коня и стали они биться. И вспомнил монах былое мужество, и напал жестоко на Гюго де Лонкля. И долго бились они, но ни один из них не остался победителем. И нанося удары, и отражая, посмеивался рыцарь над монахом и говорил, что не поймет он – как такой боец мог променять вольную жизнь рыцаря на звание торгаша. И когда зашло солнце и бросили они сражаться, сказал монах, что не хочет он больше торговать. И пошел рядом с Гюго.

Радостно ехал Гюго по равнине. И приехал Гюго в королевскую столицу. В высоком прекрасном замке жил король этой страны, и была она полна благосостояния. И ходили по городу довольные жители, и проезжали гордые рыцари, и шли куда-то отряды лучников. Великолепно было убранство королевского замка. Был он наполнен рыцарями и придворными, и прекрасными женщинами. И в высоком замке сидел юный король этой страны, и окружали его вельможи и воины, и менестрели играли на лютнях и пели ему свои песни. Вошел Гюго в королевскую залу и увидел короля. И заметил Гюго у короля голубой огонь, как бы малую звезду голубую. И узнал, что рыцарем был король. И увидел еще Гюго, что скучно королю на троне, и не радуется его ни богатство страны, ни блеск замка, ни лесть красивых женщин, ни песни менестрелей. И когда наступил вечер, и король проходил в свою спальню, подошел

к нему Гюго и заговорил. И остановился король, и стал слушать. А когда все уснули, надел король плащ пажа и тайным ходом ушел из замка вместе с Гюго и никогда в него не возвращался, и даже не вспомнил о нем ни разу. И ехали два рыцаря в ночной тишине – Гюго и бывший король, и радостно было на душе у обоих.

Долго странствовал Гюго по свету. И снова великая печаль охватила его и держала в своем плену долгие месяцы. И не мог он найти исхода своей скорби и решил искать успокоения в путешествии в самые далекие края. Много дней он ехал, и кончились жилые места, и наступила пустыня. Вечерело, и не знал Гюго, на что ему решиться: ехать ли через пустыню или остановиться и затем вернуться. И когда он так думал, вспыхнула вдруг над пустыней вдали от Гюго голубая звезда. И смело двинулся дальше в путь Гюго, и углубился в пустыню. Прошла ночь, и сиял новый день, но еще долго мог различать Гюго в небе свою голубую звезду. И кончилась пустыня. И вступил Гюго в область высоких диких гор. И скоро потерял он там тропинку, и не у кого было спросить пути, и со всех сторон окружали Гюго де Лонкля отвесные скалы, обрывы, бездонные пропасти. И не знал Гюго, куда ему ехать. И, смущенный, взглянул на небо и увидел впереди над собой между двух гор многоцветную радугу. И почувствовал, что должен проехать под радугой, и бодро направил коня. И каждый вечер загоралась впереди голубая звезда, и каждый день видел он перед собою голубую, или розовую, или многоцветную переливающуюся радугу. И долго ехал Гюго все вперед и вперед среди гор и пустынь.

И приехал Гюго в замок святых. Был он совсем небольшой, и окружал его широкий ров, наполненный водой, и высокий вал, и крепкие стены. И неохотно спускали жители замка святых подъемный мост. Въехал Гюго в замок. Радостные и благодушные ходили здесь жители и делились друг с другом всем, что у них было. И любили друг друга и называли себя святыми. И не видели ничего, что было за стенами замка. И не слышали голосов жизни, что раздавались вне замка. И вспомнил Гюго, как ушел он от Светлого Чертога, и не захотел оставаться со святыми, и уехал из замка святых.

Было великое бедствие в той стране: черная смерть разъезжала на высоком коне по селам и городам. И падали и умирали тысячи людей, которых коснулся ее бледный взор. А оставшиеся в живых прятались по темным углам и редко выходили наружу. И есть было нечего. И увидел Гюго на углу узкого переулочка лавку мясника. Торговал тот падалью и потихоньку человеческим мясом. И вошел незамеченный Гюго в лавку и через открытую дверь увидел торговца в его жилище. Стоял тот на коленях перед статуэткой Мадонны и молился. И услышал Гюго слова его молитвы: просил торговец человеческим мясом Мадонну, чтобы она послала ему хороший сбыт и много щедрых покупателей. И обещал торговец Мадонне украсить ее капеллу на углу двух улиц, когда поправятся его дела. И бил себя в грудь торговец, и вздыхал: и говорил Мадонне о своей бедности и малых доходах. И тихо ушел Гюго из его лавки.

И увидел себя Гюго как бы перенесенным в страну полупрозрачной мглы. Громадные утесы, дикие камни без зелени, без влаги окружали его. И не просвечивало солнце сквозь мглу. И увидел Гюго, как над плоским утесом склонились двое: один – человек, как все, другой – кто-то, подобный человеку, но гигантского роста и бесконечно мрачный. И холодом веяло от него. И лежал пергамент на утесе, и должен был человек подписать его своей кровью, но колебался он, и страх и недоверие искажали лицо его. И улыбался мрачный его страху и недоверию. «Что же должен я делать?» – спросил человек. «Только одно требую от тебя, – ответил мрачный, – всюду, где ты будешь, повторять людям: Христос терпел и нам велел терпеть». – «Только!» – сказал человек. И, сделав стилетом (так! – А.Н.) надрез на руке, решительно написал свое имя внизу свитка.

И увидел себя Гюго как бы перенесенным на громадную площадь, и стоял посреди площади большой мрачный чертог, и толпы народа теснились перед чертогом и стремились проникнуть в него, а в чертоге, на высоких престолах, сидели великие убийцы и предатели, одетые в багряные одежды. И стоял посреди чертога самый роскошный престол, и сидел на нем некто с лицом Иуды, одетый в золото и драгоценности. И курились вокруг престола фимиамы, и служили сидящему на престоле

одеты в пурпурные одежды священники, и среди них главным был тот, кто подписал пергамент в царстве мглы...

И толпы народа теснились к престолу, и люди с искаженными лицами отталкивали друг друга, чтобы поскорее добраться до престола, и убивали друг друга, и, подойдя к престолу, склонялись перед ним и целовали край одежды сидящего на престоле, а первосвященник и другие жрецы учили их Христову терпению.

И с великой решимостью в душе поехал Гюго по дороге. И приехал он в область великих гор. И вот на рассвете поднялся Гюго на своем коне на высочайшую гору, на ее острую вершину, с которой ветер вечно сносил снег, и оттуда была видна как бы вся земля. В синей дымке легкого тумана лежали далеко вокруг хребты снеговых гор, равнины с городами и пашнями, лентами вились серебристые реки, озера и моря поблескивали серыми зеркалами. Мерцали снега горных хребтов с темными ущельями. На бесконечно далеком горизонте в розовых облаках вставало солнце, а над гигантом-рыцарем, стоявшем на высокой вершине, высоко в темном небе лила свой свет громадная голубая звезда.

И взял Гюго свой серебряный рог и затрубил Призыв. Могучими волнами понесли его духи-союзники во все стороны, во все концы земли. И услышали там люди Призыв серебряного рога, и крестьяне думали, что это пастух на рассвете сзывает свое стадо; в городах жители, слыша Призыв, считали, что это герольды короля объявляют о новой победе королевского войска. А на далеком, далеком краю земли приняли Призыв Гюго за рассветный привет жрецов солнечному Богу.

- Вставайте, видящие незримое! – гремел рог.
- Спешите, слышащие голоса мира и голос вечности!
- Гордые и смелые, готовые идти до конца, пришло ваше время!
- Спешите, братья, спешите!

И со всех сторон бесконечно далекого горизонта, как утренние белые облака, как светлые туманы над проснувшимися водами, всюду поднимаются образы могучих светлых всадников. Вот они мчатся. И слышен тяжелый топот копыт по рассветной земле. Со всех сторон несутся они к одной цели, на вершину высокой горы, где стоит и трубит в серебряный рог рыцарь, озаренный сиянием голубой звезды, рыцарь, сзывающий великое воинство проводников человечества к Светлому Храму.

Гремит серебряный рог, и все новые и новые отряды спешат на Призыв. И образуются группы, и мчатся рыцари-одиночки.

И снова гремит Призыв в прозрачной дали...

Что же вы, рыцари, не спешите примкнуть?...

Крутая отвесная скала. На скале стоит высокая башня, возвышаясь над окрестностями. А у подножия скалы катит медленно-быстрые воды широкая река, из бесконечного далека направляясь в бесконечную даль. В башне пребывает Гюго де Лонкль – одинокий. В башне нет времени, нет прошлого, нет будущего.

И приходят к Гюго другие. Спускается Гюго де Лонкль со спутниками своими к берегу реки, и, отвязав челн, плывут они, гребя против течения. Долго плывут они, и время для них меняется, и чем дальше плывут, тем более вглубь веков уходят, давно прошедшее как настоящее переживают... Пристал челн их к берегу большой красноватой пустыни. Вышли они и увидели себя в какой-то восточной стране. Знойное солнце посылает свои лучи на спешащих куда-то людей, одетых в пестрые одежды. Кругом раздавались восклицания, слышался шумный говор. Понял Гюго и его спутники из отрывочных возгласов, что народ спешит из любопытства посмотреть на чью-то казнь. замечают пришельцы, что их как бы никто не замечает, и что не отбрасывают тела их тени. Вмешались они в толпу народа и вместе с ней взойшли на скалистый холм, на вершине которого на большом деревянном Кресте висел Распятый.

Вокруг креста плотной массой, сдерживаемой римскими легионерами, стояла толпа, с любопытством и издевательством взиравшая на Распятого. Открылись зрение и слух у прибывших с башни, и видят они сонмы Светлых Духов у Креста. Затем гигантская тень Темного распростерлась над Распятым, с усмешкой склонился он к уху Распятого и стал говорить:

«Я вложу в уста Твоих учеников мои слова, и Твои-мои ученики понесут под Твоим именем мое учение; пройдут сотни лет, и многие из учеников во имя Твое – мне служить будут – убивать, предавать, уча этому и других. Я прибавлю к Твоим словам мои слова, и затеряется в них твоя истина, людям ненужная; и если кто захочет истину скрытую откопать, то внушу я ученикам Твоим страх перед Богом, и не решится уже никто отвергнуть слов моих и искать в учении Твоих-моих учеников откровения божественного, скрытого за словами моими. Напрасно хотел Ты принести людям Любовь и Свободу. Свободу они отдадут мне, а Любовь я заменю страхом Божиим и слепой верой в слова и книги моих-Твоих учеников и моих пророков, что до Тебя были. Не заметят люди совсем Твоей благой вести и не удастся Тебе победить мой закон, тот, что ветхим заветом зовут, он победит Тебя тем, что вновь соединится с Твоими словами и поглотит их.

Никто не осмелится искать правды вне моей церкви и моего-Твоего учения, так как мои ученики будут говорить, что вне моих церквей нет спасения, и взамен благой вести о всепрощении и всеобщем преображении, что Ты хотел людям дать – я остановлю их поиски Тебя и истины Твоей – страхом перед Страшным Судом. А чтобы никто не мог мне помешать, и чтобы никто не восстал на тьму и мрак, в который я погружу землю, я внушу Твоим-моим ученикам учение, что Ты терпел и людям велел терпеть. И никто даже не подумает, что Ты пришел научить бороться со мной.

И станут церкви моими и мне служить будут, но Тебя в этом обвинят. И если увеличится власть моя от учения их – тебя проклинать страдающие будут. Напрасно Ты приходил!»

Заняла гигантская тень весь небосклон. Померкло солнце. Тени поползли по всей земле. Все погрузилось во мрак.

Молча возвращались путники к челноку.

Поднялся Гюго де Лонклъ в него и поплыл учить людей бороться с Тенью Гигантской...

[Воспроизводится по тексту: Сказание о рыцаре (Произведение неизвестного нам автора, с удивительной прозорливостью угадавшего дух и стремления экуменов). // Призыв. Издание Общества христиан-экуменов. М., 1992, с.79-90; идентификация автора по: *Налимов В.В.* Канатоходец, М., 1994, с. 386, прим. 14]

В.С.Пикунов. ЛЕГЕНДЫ

1. О ТРЕХ БРАТЬЯХ-ЛЕГГАХ

Трое рыцарей из Египта возвратились в свой мир и просили Эона помочь им понять свои ошибки. Смотрит Эон на них, и они рассказывают.

Первый рыцарь: «Я был рабом у фараона, организовал тайное общество борьбы за свободу и возвращение на родину. Был предан жестоким пыткам и казнен».

Второй рыцарь: «Я был наставником фараона в тайных науках и, благодаря мне, продолжилась преемственность посвящения в роде Аменхотепа Второго».

Третий рыцарь: «Я был в коллегии жрецов – в той тайной группе, в которой воспринимают идеи Творца. Я ушел и оставил группу преемников».

Смотрит Эон, глубоко проникая в каждого.

Первый рыцарь: «Я понимаю, что не создал преемственности движения за свободу, я не дал движению глубокой духовной основы. Те, кто пошли за мной на пытки и на смерть, духовно не были подготовлены и мучительно страдали. Некоторые покаялись и были четвертованы».

Второй: «Я очень виноват. Очень узко я смотрел на мир и не внушил фараону милосердия к рабам, а он их даже людьми не считал. А когда распинали брата моего, я даже не утер кровь с лица его».

Третий: «Я виноват больше всех, так как знал, что грозит братьям моим. Я забыл, что и я был когда-то рабом. Я забыл, что был фараоном, и долго искупал вину свою за муки беззащитных. Я не раскрыл перед ними тайны моего знания, я не раскрыл им грядущих ошибок. Я виноват больше всех...»

Снова три рыцаря на Земле. Первый рыцарь увидел, что рабы и чужеземцы победили, и чудесная культура египетских храмов почти уничтожена. Рыцарь стал вместе с прилетевшим Сатанаилом строить новую культуру. Второй рыцарь организовал широкую светскую коллегию жрецов, чтобы не узкую группу вести к Тайному Знанию, а создать духовный и материальный фундамент вновь зарождающейся культуры. А третий собрал всех, кто когда-то в роду своем имел преемственность посвящения, и зная, что Египту грозит полное разрушение от римлян, разбил своих адептов на три группы. Одна осталась в Египте, другая переселилась в Италию, третья – в Британию.

И снова смотрит на них Эон.

Первый рыцарь: «Я виноват в гибели египетской культуры; лишь остатки ее я сохранил среди посвященных...»

Второй рыцарь: «Не удалась моя попытка дать знания массам в той форме, как когда-то давалась фараонам».

Третий рыцарь: «Я научил своих адептов как создавать чистые чаши в душах простых людей. Я готовил их к Твоему приходу. Традиции нового посвящения будут жить. Я виноват: мне заранее, еще в мире нашем, должно было ознакомить с новыми формами высоких идей братьев моих. Я предвижу для Тебя и для себя Голгофу».

Молчит Эон, стоят перед ним рыцари, и раскаяние во взорах их. Первый снова говорит Эону: «Прости меня за неумение осуществить порыв мой». И тоска была во взоре его.

Эон взял розу душистую мистическую и протянул ему. Взглянул рыцарь, и увидел что один брат его держит в руках лилию белую, а третий сияет в лучах лотоса чисто-го. Сурово и с надеждой смотрел Сатанаил в низы глубокие, а Эон – плакал.

Возвратились рыцари-легги в свой мир и увидели, что они как бы разделились в себе: над каждым и внутри каждого сияли мистические солнца Керубов, Серафов, Михайлов. Радостно засияли трое братьев, а пролетавший Эон сказал им: «Много Михайлов во главе с Намаррой ждут вас». И как бы оставаясь на месте, одаренные новыми силами мистических солнц вошли они легко и свободно в круг Михайлов. Встретил их Намарра и сказал: «Мы давно ждали, когда вы придете в наш мир, который уже стал вашим. Сейчас у нас собирается отряд предтеч Параклета. Пойдут отряды из всех кругов Арлеггов, будет дан последний бой Темным, а Параклет передаст людям мудрость высокую. Видите, как горят и сияют розы Рафаэлин?»

Встали трое рыцарей в строй арлегговский, и ринулся отряд предтеч Параклета на земли, и появились на них много людей, осиянных духом. Лярвы были испуганы, и многие из них стали покидать тела людей, и жаловались они Князьям Тьмы, что жжет их и мучает духовное начало, с возрастающей силой сияющее в людях. Все религиозные люди объединились вокруг «осиянных». «Осиянных» объявили ненормальными, сажали их в психиатрические больницы, и если такой «больной» оставался неисправимым, его ожидал укол смерти.

Ученые тщательно скрывали свои опыты над сгущенной и подвижной психической и умственной энергией и начали получать новые знания от существ иных миров и развоплотившихся людей. Многие ученые помогали людям, наделяя их жизненной силой. Часть «осиянных» решила применить некоторые магические методы. Лярвы теряли свой нюх, и если хотели кого-либо арестовать, то впадали в странные галлюцинации и арестовывали кого-либо из своей среды, потом каялись в своей ошибке и освобождали их.

Жизнь властителей была сплошным пиром и развратом, и называлось это «служением народу», и тонули и погибали они, пожирая самих себя. Но все больше и больше становилось осиянных светом солнц мистических. Уходили и просветлялись лярвы, решая «розами горящими» оставаться на землях до тех пор, пока не останется на них ни одного не осиянного и не будет подготовлен путь Параклету, и сочли эту миссию для себя возможной и достойной.

Пришли времена, и три рыцаря-легга встретились на земле с Утешителем. Один из них спросил: «Обязательно ли Эонам на землях проходить через распятие?» И ответил Утешитель: «Прошли времена для жертвы крестной. Настало время преобразования земель. Эоны принесли с собой сияние молний не жгущих из своих обителей, и от божественного света их преображается все несовершенное».

Одна за другой спадали Печати оккультные, и Молчание заговорило для всех.

2. РАЗГОВОР

Вот мы и встретились после долгой разлуки, когда-то – друзья. Поделимся опытом, поделимся итогами жизни нашей. Обрели ли мы мудрость?

Первый рыцарь: «По-моему, опыт, который мы получили от жизни, и есть наша мудрость; конечно, не всякий, а опыт, вытекающий из интуиции, знаний, людей и условий».

Второй рыцарь: «Этого мало, и определение твое расплывчато. Честно говоря, мудрость – это хитрость, позволяющая все и вся использовать во имя своей цели, в том числе и знания других людей, их чувства и мысли».

Третий рыцарь: «Странно, что ваш опыт не дал вам знания о том, что не все средства хороши. Это основано не только на морали. Об этом, в частности, говорит опыт науки. В мире частиц причины изменяют следствия, и, конечно, наоборот: следствие изменяет причину».

Второй рыцарь: «Ты по-прежнему наивен, у тебя нет опыта власти. Если хочешь руководить массами, то забудь о какой-либо абсолютной морали: всякое добро и зло относительны. Хорошо то, что нужно нам в пути к нашей цели. Плохо – то, что не служит нам!»

Первый рыцарь: «Как – и лицемерие, и жестокость, и унижение?»

Второй рыцарь: «Да, если этого требует текущий момент».

Третий рыцарь: «Вы не видите, как благодаря вашим средствам изменилась цель: она стала непривлекательной. Вернее, на место притягивающей многих высокой цели стала пустота и лицемерие, массы отошли куда-то. И стоит повзрослеть человеку, он ищет другую правдивую цель, пусть даже и не высокую, но не лицемерную. Так сказала карма вашего Эгрегора.

Второй рыцарь: «Я думаю, что не достаточно тонко и умело использовались инстинкты масс, но это поправимо: надо их объединить единой ненавистью к тем, кто их размагничивает разговорами о правде, человечности и любви».

Первый рыцарь: «Я думаю, что вы не учитываете, как сложна жизнь и что, подчинив ее, ее можно только искалечить. У духовной и душевной жизни есть более высокие вожди и с ними нельзя не считаться: это истина, добро и красота, а наше дело – помогать этим вождям. Мудрость – это раскрытие в себе и других высшей природы, раскрытие в человеке глубины.

Второй рыцарь: «Ваши определения мудрости далеки от жизни, и в борьбе вы будете всегда среди побежденных, а не победителей. Мы, кого вы называете «темными», руководствуемся в своих действиях знанием людей такими, какие они на самом деле, а вы ошибаетесь, видя в них скрытые высокие сущности. Люди – это животные, по-вашему – лярвы грязные, и мы, зная это, ведем их к нашей цели и свету чаще бичами страха, насилия и привычки. Зато они, в конце концов, получают сытость и возможность пользоваться некоторыми из присущих им страстями».

Третий рыцарь: «Мне очень жаль, что ты так потемнел, что совсем не чувствуешь Эона любви, который светит в глубине каждой человеческой души, и что так оказалось в тебе начало Эона воли – дух твой. Вы закрыли людям путь к Утешителю, который по своей полноте раскрывает и раскроет учение Эона любви. Внешне мы были всегда побежденными, внутри же, в истинном смысле и на этот раз – мы победили. Сейчас наступила эра Утешителя, и для людей земли нашей срывается первая Печать оккультного молчания – Печать познания. Стыдно будет многим, что они стремились задержать раскрытие в душах духа высокого. Но и они утешатся, и в них зазвучит голос Утешителя. И они – люди, и вы – темные станете друзьями Божьими! Спокойны Пути Мудрости, и дух ее бестрепетен!»

Второй рыцарь: «Скажи мне, как вы думаете объединить людей? Ведь всем ясно, что это необходимо».

Первый рыцарь: Отвечаю. Сначала надо подумать, для чего объединять их, и как одно зависит от другого. Ты считаешь глупым наше убеждение в том, что люди – это скрытые духовные сущности, а наш опыт говорит, что это не так. Только нельзя этот вопрос ставить шаблонно. Ведь в человеке есть не только тело, но и душа и дух. Объединять людей можно душевно, можно и духовно. Для объединения нужно возвращать ростки души и духа на соответствующей почве – на почве уважения ко всем и свободы для всех. Наша атмосфера насыщена эмоциями и мыслями. Надо помочь людям выбрать те из них, что поднимают и объединяют людей: например, эмоции радости, сострадания и особой интеллектуальной интуиции, то есть чувства правды, истины и высоты. Такие эмоции, как ненависть, зависть, властолюбие, тоже объединяют на какое-то время людей, но постепенно они приводят к ненависти явной или скрытой всех против всех, даже к ненависти к самому себе. Вот главные пути, которыми лярвы порабащают людей и заливают их души ядом пожирающих страстей. Мы думаем, что лучшей почвой для вечного объединения людей будут: сострадание, жалость и помощь в заживлении жестоких ран, нанесенных лярвами. Конечно, эмоции сострадания, любви и дружбы всегда сопровождают радость. Радость у тех, кто растет душевно и духовно, и у тех, кто помогает этому росту».

Второй рыцарь: «Все это хорошо, но не практично. Жалость и сострадание ослабляет людей, а, чтобы строить, нужна сила, сила духа, сметающего на своем пути все препятствия и всех препятствующих».

Третий рыцарь: «Истинная сила духа, то есть светлая, может расти только там, где есть свобода для высоких эмоций и мыслей, а к ним человек идет только самостоятельно и свободно, выбирая из эмоций и мыслей те, что соответствуют его истинной, то есть высокой, сущности. Есть сила и непреклонность от духа, и есть одержимость лярвами».

Второй рыцарь: «Ты был бы прав, если бы действительно существовали высокие сущности, о которых ты говоришь. А вот наука говорит, что мы и все существующее появились путем уплотнения космической пыли, причем уплотнение сопровождалось жаром. Постепенно звезды уплотнялись и в них возникали белковые образования, а дальше началась органическая жизнь, появились и мы, люди».

Первый рыцарь: «Вчитайся внимательно в то, что говорит наука и что говорит фантазия популяризаторов. Было время, когда ученые считали, что черви и лягушки зарождаются от тины, мыши от пыли и так далее. Подумай, не та же ли это нелепость получается, когда объясняют, что все произошло от космической пыли? Конечно, в известных условиях и пыль уплотняется, но нельзя сложный процесс развития жизни сводить к одной из частностей этого процесса. Мы знаем, что за «пылью» скрывается сложный мир электронов и других частиц и античастиц с их непонятными законами, и до сих пор никто не объяснил процесс возникновения и развития жизни и всего, что с жизнью связано».

Второй рыцарь: «Ну, это фантазия. Скоро расшифруют язык частиц, и все будет ясно».

Первый рыцарь: «А пока язык электронов говорит о пространстве, времени, тяготении как об изменчивых силах, не говоря уже о цвете, звуке и т.д. Это значит, что «космическая пыль» – это наше субъективное восприятие, зависящее от скорости движения планеты. С изменением скорости движения изменяется и мир: могут исчезнуть пространство, время, масса, пока мы не узнаем сущности того, что кажется всем понятным – сущности материи».

Второй рыцарь: «Пусть так, но откуда ты взял утверждение, что человек – это скрытая высокая духовная сущность?»

Первый рыцарь: «Я это взял из душевно-духовного опыта многих. Впрочем, можно найти этому и научное объяснение: существуют электроны, протоны, нейтроны и их античастицы. Существуют миры и антимир. Может быть, существует и античеловек? Может быть, античеловек и есть духовная сущность? А аннигиляция – не уничтожение, а вспышка света, фотона. У человека аннигиляция физического и духовного происходит в среде душевной и тоже сопровождается светом – светом преобразования...»

Второй рыцарь: «Ты раньше не раз говорил об Эонах. Мы, люди, ничего не можем знать о них, если даже они и существуют. Я думаю, это обоготворение чисто человеческих, впрочем, и животных качеств. Эона любви можно считать обоготворением чувств, Эона мудрости – обоготворением рассудка, а Эона воли – обоготворением неуклонности во влечениях, неуклонности в целях. Как ты это объясняешь?»

Первый рыцарь: «Все имеет свое начало и источник. Мистики говорят о жертве Эонов. Эоны как бы вошли в чувства, разум и волю сущих. Внутри сущих образовались пульсирующие центры любви, мудрости и воли. Мистика говорит, что человек, очистивший покров свой – покров материи, получает непосредственный доступ к этим пульсирующим источникам – любви, мудрости и воли, к источникам радости духовной. У христиан-католиков источник любви называется «трепещущее сердце Иисусово». Физики говорят, что без фактора «С» (фактора творчества) в результате расширения вселенной происходило бы всеобщее уменьшение тяготения, плотности и массы тел. Благодаря существующему «фактору С» сохраняется стабильность мира, сохраняется его относительная гармонизация. Подобно «фактору С» в области устройства мира материального, имеется другой фактор творчества – творчество

Эонов. Я считаю Эонов источниками, из которых льется в мир любовь, мудрость, воля, гармония».

Третий рыцарь: «А «фактор С» – не от Димиургов?»

Первый рыцарь: «Возможно».

Третий рыцарь: «А как назвать источник познания? Эгрегорами?»

Первый рыцарь: «Возможно».

Третий рыцарь: «Тогда источниками жизни нашего мира следует считать Архангелов?»

Второй рыцарь: «Какова же, все-таки, цель?»

Первый рыцарь: «Напомню слова Христа: «Взгляните вверх – нивы уже созрели». Не созрели, не гармонизированы мы внизу, а от нашего подъема зависит многое в мирах высоких. Не пойдут миры, выше нас стоящие, в миры царства Силы и Славы, пока не преобразится род человеческий, пока мы не объединимся между собой и с иными мирами в духе братства, дружбы и любви!»

Е.С.Лазарев

ПОСЛЕСЛОВИЕ КОММЕНТАТОРА

Когда человек встречается с недавно записанными преданиями о далеком прошлом, он неизбежно должен решить вопрос: не являются ли они поздним литературным произведением? Точный ответ невозможен (как, например, проверить рассудком сказания о проповеди Христа в ангельских мирах?), и место для сомнений критического ума всегда останется. Но и обосновать потенциальную подлинность древней традиции в данном случае несложно. Сказания могут веками передаваться изустно с использованием знакомых слушателю примеров – и в итоге сказания эти приобретут вид, подобный тому, какой имеют легенды российских тамплиеров, публикуемые в настоящем томе. Легенды рассказывают об ангельских мирах и населенных «землях» безмерно далеких солнц, об Атлантиде и древнем Египте, о сокровенных тайнах Христова учения и о вдохновенных рыцарях, стремящихся превратить Вселенную в Храм Божий...

Доказуема ли древность этих легенд? Религиоведческий анализ их текстов позволяет предположить существование достаточно древнего первоисточника, по крайней мере, для основного ядра сюжетов всего этого свода легенд, хотя некоторые из них безусловно являются продуктом индивидуального творчества участников рыцарских кружков, будучи, по их словам, «медитациями» на тот или иной заданный сюжет. Такой гипотетический первоисточник оказывается близким образной системе гностицизма (собственно гностическими, древнегреческими, являются в них такие образы и понятия, как «орос» – предел, «сигэ» – молчание, «Параклет» – утешитель), а также западноевропейским легендам артуровского цикла, хотя указанная близость может носить вторичный, т.е. литературный характер. Поэтому для более серьезных выводов и обобщений в этом плане необходимо выделить в своде тамплиерских легенд образы неслучайные и, так сказать, «ключевые».

Одним из таких оснований представляется ангелология легенд – тот наиболее конкретный компонент, который прослеживается на протяжении всей воссоздаваемой ими космологической картины, которая в целом довольно аморфна, фрагментарна и неоднозначна. Последнее может свидетельствовать, равным образом, как о ее позднем сложении в результате случайного творчества, и неполнотой свода, доступного исследованию, так и «размытостью» в результате фрагментирования и переработки исходных текстов. Что же касается тамплиерской ангелологии, то она позволяет вполне однозначно структурировать представления о многочисленных обитаемых мирах Вселенной, столь важные для понимания содержания легенд.

Идея множественности миров, обитаемых материальными существами и духами, у современного европейского читателя обычно ассоциируется с представлениями индуистов и буддистов. Однако здесь уместнее вспомнить слова Христа, содержащиеся в Евангелии от Иоанна, особо почитавшегося представителями многих неортодоксальных и, прежде всего, гностических направлений в христианстве, что «в доме Отца Моего обителей много» [Ин., 14, 2], традиционно толкуемые как указание на Царство Небесное. Именно словом «обители» называются обитаемые миры (равно, человеческие и ангельские) в легендах тамплиеров.

Эти миры, согласно легендам, располагаются в соответствии с двенадцатью ступенями постоянно упоминаемой «Золотой Лестницы», причем такая иерархия обнаруживает родство с традиционной христианской ангелологией. Дело в том, что миры Легов и Арлегов (иногда называемых Ангелами и Архангелами) подразделяются на восемь раз-

рядов каждый. Разряды мира Арлегов (в нисходящем порядке и с добавлением Легов, взятых как единый разряд, – Серафы, Херубы, Многоочитые, Троны, Господства, Силы, Власти, Начала, Леги – нетрудно соотнести с девятью чинами традиционной ангелологии (Серафимы, Херувимы, Престолы, Господства, Силы, Власти, Начала, Архангелы, Ангелы), которые в таком случае выглядят как частный вариант более глубоко разработанной ангелологии тамплиеров, если иметь в виду все миры Золотой Лестницы.

Ступени Золотой Лестницы, а также соответствующие им миры и их обитатели в орденских легендах иногда обозначаются греческими буквами: люди – α , Леги – β , Арлеги – γ , Араны – θ , Отблески – κ , Нирваны – λ , Инициативы – μ , Силы – ν , духи Познания – ρ , духи Гармонии – σ , духи Света – τ , Эоны – δ , Эоны Мудрости – ζ . В таком развернутом варианте получается тринадцать ступеней, поскольку мир Эонов оказывается разделен на две ступени, хотя в смысловом отношении такое разделение не совсем понятно. Использование греческих букв может восходить к гностическим традициям первых веков нашей эры, хотя последнее совершенно не обязательно, поскольку остается непонятным, почему для обозначений выбран именно греческий алфавит. Отметим только, что если заменить их древнегреческими цифровыми эквивалентами, в сумме они дают число 766, чей так называемый «мистический корень» оказывается равен 1 ($7+6+6=19$, $1+9=10$, $1+0=1$), и таким образом вся Золотая Лестница как бы разворачивается из Божественной Единицы.

В изученных списках легенд, происходящих из архивов Е.А.Шиповской и В.И.Филоматовой, обнаружено несколько незначительно различающихся между собой вариантов ангелологической иерархии. Примечательно, что в отношении буквенного обозначения ступеней Золотой Лестницы и их соответствия определенным чинам духов расхождений нет, они наблюдаются лишь в разрядах Легов и Арлегов. При этом в архиве Е.А.Шиповской сохранились более полные таблицы ангельских иерархий, тогда как варианты В.И.Филоматовой устанавливались лишь на основании взаимных соответствий представленных списков легенд.

РАЗРЯДЫ ЛЕГОВ

	Е.А.Шиповская – I	Е.А.Шиповская – II	В.И.Филоматовав
β_1	Вестники	Вестники	ЛегиСмерти
β_2	Боги потухших солнц	Маги стихии Смерти	
β_3	Маги стихии Смерти	Боги потухших солнц	
β_4	Волители планет	Волители планет	
β_5	Боги лун и туманностей	Боги лун и туманностей	
β_6	Звезды Знания	Звезды Знания	
β_7	Маги Стихийных Сил	Маги Стихийных Сил	
β_8		Проводники Света	Леги-тамплиеры

РАЗРЯДЫ АРЛЕГОВ

	Е.А.Шиповская – I		Е.А.Шиповская – II		В.И.Филоматова
	Чин	Образ	Чин	Образ	
γ_1	Вестники	многокрылые	Начала	кометы	Рафаилы, Гавриилы
γ_2	Власти	☉	Власти	☉	Начала
γ_3	Силы	латы	Силы	латы	Власти
γ_4	Господства	орлы	Господства	орлы	Силы
γ_5	Многоочитые	колеса	Троны, Престолы	сфинксы	Господства
γ_6	Троны, Престолы	сфинксы	Многоочитые	колеса	Троны
γ_7	Херубы	быки	Херувимы	Быки	
γ_8	Серафимы	змеевидные	Серафимы	змеи	Михаилы

Золотая Лестница не исчерпывает всю множественность миров. Так, вне и, по-видимому, выше Золотой Лестницы (далее в скобках указываются №№ легенд) расположены космосы Сил и Слав (9), а в (32) (1 легенда по списку В.И.Филоматовой) упоминаются и другие общности миров – «Изумрудная Лестница» и «Сапфировая Лестница». В легендах также описываются «отрицательные бесконечности» – неудачное творение Эонов Воли, которые попытались подражать Элоимам (Творцам), при этом «отрицательных» бесконечностей оказывается столько же, сколько и ступеней у Золотой Лестницы (63). Необходимо отметить, что, согласно легендам, зло не субстанциально, поэтому и «отрицательные» бесконечности являются не абсолютным, а всего только условным понятием, поскольку их обитатели со временем тоже поднимутся к Богу Великому.

Некоторое удивление вызывает однократное упоминание «24 главных» ступеней Золотой Лестницы (49). Возможно, что здесь подразумевается разделение каждой из ступеней на миры мужских и женских ангелических сущностей: факт такого разделения неоднократно засвидетельствован в легендах, по крайней мере, до ступени Нирванов/Нирванид. Впрочем, более высокие миры вообще описаны очень кратко и неполно, и здесь наиболее важно отметить, что, согласно легендам, Орден тамплиеров присутствует и в ангельских мирах на всех ступенях Золотой Лестницы. Так, например, в качестве тамплиеров мира Арлегов выступают Серафы (22).

Завершая это краткое вступление к ангелологии легенд, следует отметить, что образ Золотой Лестницы был знаком Братству прерафаэлитов, хотя для них это мог быть всего только художественный образ. Встречается Золотая Лестница и в современной западной арканологии. Наконец, любопытная косвенная параллель к легендам может быть отмечена в творчестве А.Платонова, который в «Эфирном тракте» называет атомы «альфа-существами», полагая их низшей ступенью всего живого.

Попытки конкретизации мировоззренческого контекста легенд получаются, как правило, недостаточно определенными. Скажем, представление о множественности миров, стремление познать эти миры, вырвавшись за пределы Земли, невольно воскрешает в памяти идеи К.Э.Циолковского, однако нечто подобное было и у других мыслителей-космистов, в том числе и у писателей-фантастов, так что выяснить, кто на кого повлиял, оказывается практически невозможным.

Столь же бесплодны пока остаются попытки текстологических сопоставлений, поскольку в распоряжении издателей легенд были только два, очень близких (если не тождественных) друг другу списка. Отмеченная разница, в основном, ограничивалась удвоением согласных в наименовании ангельских сил у В.И.Филоматовой (Легги, Арлеги, Ламирглораммы, низасиккочиа) при одинарном написании у Е.А.Шиповской, чей корпус легенд, значительно более полный, был положен в основу данной публикации.

По сравнению с широко распространявшимися в России в XX веке произведениями теософской ориентации, тамплиерские легенды отличаются подчеркнутой христоцентричностью, хотя образ Христа как Эона Любви принадлежит, вне всякого сомнения, не ортодоксальному, а гностическому христианству. В то же время в легендах упоминаются Евангелия (31, 39, 114, 121), но особенно подробно истолковывается Апокалипсис Иоанна Богослова и молитва «Отче наш», которая, согласно легендам, была дана не только нашей Земле, но и всем мирам Золотой Лестницы (9, 113). Любопытно, что при всем этом дьявол в легендах упоминается в традиционном христианском контексте (37, 71, 99, 106).

Встречаются в легендах и, судя по всему, табуированные образы, указываемые только описательно. Так, некий высокий Дух, божественный вестник, назван «всех, кроме себя, жалеющим» (102), а Бог однажды определен как «Тот, имя Которого всуе не произносится» (104). «Неназываемым» именуют легенды и владыку «мира черного причастия» (98).

Некоторой неожиданностью, свидетельствующей, скорее всего, о литературном источнике легенды, является указание на то, что легенда № 126 названа в рукописи

«легендой масонов шотландского обряда», Кроме того, в имеющемся корпусе легенд неоднократно упоминаются «розенкрейцеры» (10, 75, 78, 80) и даже дается определение «пути Креста и Розы мистических»: никогда и никого ничем не обижать, будь то сознательно или бессознательно (75).

Особого разговора заслуживает символика чисел в легендах, В таком объеме свод уже сама частота употребления тех или иных чисел приобретает неслучайный характер, становясь своего рода ключом к легендам, Ведь в различных традиционных культурах сакральные числа служат, с известной степенью приближения, «визитной карточкой» той или иной культуры, характеризую ее космологические представления, количество степеней инициаций и модель душевно-духовной структуры человека (количество его «душ»). И в этом плане анализ употребляемых в легендах чисел так или иначе дает представление об их осознанной или неосознанной для авторов и передатчиков традиционной ориентации.

Если 12 можно назвать числом по преимуществу «египетским» (см., например, инициационную «Книгу Двенадцати Врат» эпохи Нового Царства, 12 мистериальных облачений египетского посвященного в «Золотом осле» Апулея и пр.), то тамплиерские легенды, безусловно, тяготеют к столь часто упоминаемому в них Египту. Прежде всего в этом плане следует упомянуть 12-ступенчатую Золотую Лестницу – основу космологии легенд, однако есть много и более частных примеров. Так, 12 высших духов помогают более низким духам в их восхождении к Богу Великому и в устройении их миров (79, 82, 84, 88); одновременно в «верха» восходят по 12 духов (84); 12 Аранов сопровождают своего вождя (98, 108), а 12 учениц – Марию Магдалину в одном из ее новых воплощений (59). За круглым столом, нередко упоминаемом в легендах, сидят 12 воинов (84) или 12 «рыцарей Белого Креста» (99), а герб, изображенный на блюде, несет в себе 12 замков (99). Эон и его 11 учеников возвещают о Великом Боге в «бесконечности двенадцати солнц» (116). Есть в легендах и число 24, которое по контексту не увязывается с известным образом 24-х старцев Апокалипсиса и воспринимается скорее как удвоенное число 12 (49, 86, 88).

«Месопотамская» семерка, при всей приблизительности подобных соотнесений, в легендах значительно уступает числу 12. «Седмичную» форму здесь может принимать круглый стол, за которым иногда собираются 7 духов (88); 7 Эонов нисходят в Темное Царство (89), упоминаются 7 «полчищ Дракона» (31) и «седмисвечники» некоего «иного мира» (82). Важную роль играет семерка и в «Книге Чисел», описанной в одной из легенд (120).

Девятка, в известном смысле ключевая для мистериальных образов Центральной Азии (даосизм, шаманские инициации), в тамплиерских легендах занимает двойственное положение. С одной стороны, весь свод легенд был изначально разбит на девять частей по 15 легенд каждая (некоторые циклы в действительности содержат меньшее число, но, скорее всего, некоторые легенды просто нам не известны). Эти циклы последовательно рассказывались в орденовских кружках и отмечали степени посвящения, хотя сохранились свидетельства о существовании у тамплиеров не девяти, а двенадцати степеней посвящения. Тамплиеры 12-й степени упоминаются и в легендах (22, 28). Девятка же в легендах встречается лишь единожды, причем в негативном контексте как 9 воинств Дракона (31). Впрочем, числа, кратные девяти, возникают в описании одного из вариантов круглого стола, за которым сидят 18 мудрецов, тогда как вместе с другими присутствующими это собрание 54-х «мудрых», толкующих о сущности Бога Великого (85).

Важно отметить также, что в легендах есть число 31 – более редкое, но столь же сакральное для гностической, буддийской и некоторых других традиций. В описании Небесного Храма встречаются группы свечильников, в сумме дающие число 31 – $12+9+7+3$ (76). В другом случае даму сопровождает 31 рыцарь (13).

Другие числа встречаются эпизодически, как, например, число 11: Эон с 10 учениками проповедует учение Любви на «земле голубого солнца» (91), 11 рыцарей борются с апокалипсическим Зверем (23-24). Вместе с тем, 14 Аранов, сопровождающие своего вождя (16, 17), могут быть простой опиской, поскольку в другом месте в

такой же ситуации выступают 12 Аранов. В чаше шабаша помещается 29 кубков (97), каковое число могло восприниматься как «антисакральное». И, наконец, 133 (7х19) фонтана бьют с каждой стороны дороги, ведущей к храму «в белой бесконечности» (107). В то же время четверка – показатель традиционных индейских культур Нового Света – легендам тамплиеров совершенно неизвестна.

Следует отметить, что меньше всего помогают исследователю конкретные даты, встречающиеся в текстах легенд, которые являются, скорее всего, только литературным приемом, как, впрочем, и упоминаемые в легендах имена. Такие указания, как «сказание гностиков VI века» (92) или «индийская сказка XII века» (87) относятся к содержанию текстов так же, как общее заглавие корпуса легенд собрания Е.А.Шиповской «Восточные сказки». Таким же литературным приемом, быть может, рассчитанным, с одной стороны, на определенную конспирацию, а с другой – на «привязку» к рыцарским сюжетам, можно считать такие «точные» даты как 1275 год (37) и упоминание XIV века (85). Не случайно и описание шабаша в легендах датировано XIII-XIV веками (97, 114). В этом плане более продуктивными могут оказаться указания на ситуацию конца XIX и начала XX века, прямо связанные с пребыванием А.А.Карелина в Париже.

Все эти предварительные замечания далеко не исчерпывают очень своеобразный символический и понятийный строй легенд, однако вместе со словоуказателем, представляющим своего рода краткий терминологический словарь, дают читателю возможность хотя бы самой общей ориентировки в далеко не простом мире орденской символики и гностических представлений тамплиеров XX века.

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ-УКАЗАТЕЛЬ

Агдар – клич, призывающий Аранов (33).

Адамиты – третья человеческая раса Земли, люди, познавшие смерть после того как они, приняв в себя Легов, сблизилась с «дочерьми человеческими», исполинскими-преадамитками (11).

Ал – приставка, означающая принадлежность к миру Легов; встречается в описании по сути «леговского» мира оттанов (мир 16-ти измерений): алвидеть, алслышать, алрастения, алпейзажи, алрощи, алздания, алмелодии и пр.; главным занятием обитателей этого мира было познание (43). Возможно, приставка «ал-» стоит в какой-то связи с мистическим слогом «алм» Корана. В легендах упоминается также «ал-огненный поток», струящийся в высоких мирах, за «бездной бездн» (79).

Алдитантные лучи – ими воссияли «над-духи», родившиеся из искр Печати Оккультного Молчания (78).

Алзы – самоназвание эфироедов, обитателей межзвездного пространства (45).

Альдонар – далекая «серебристая бесконечность», населенная разнообразными, высокоразвитыми духами (119).

Альдонарцы – обитатели бесконечности Альдонар (119).

Ангелы – иное название Легов (125).

Ангелы-хранители – некоторые из Легов, принесшие себя в жертву людям. Леги низошли на Землю в образе маленькой светлой звездочки и соединились с теми атлантами и гиперборейцами, которые были чисты; если же человек был недостаточно чист, Лег становился его Ангелом-хранителем, пребывая рядом (3).

Анима – высшее тело или составляющая часть души Эона, которую он оставляет на Мистических Солнцах, сходя в «низы» (25).

Араны (варианты написания – Арры (43), Арраны и Асы) и **Араниды** – обитатели одного из уровней Золотой Лестницы миров; воители с мистическими мечами, выкованными из «огня стихийного» в сочетании с «огнем мистическим»; оберегают ангельские миры от всего, что несет в себе элементы Хаоса; сражаются «за Христа» (17). Ступень Аранов – последний уровень, еще подверженный влиянию лярв, выше они уже бессильны (95, 97). Женские духи этого уровня, Араниды, также во-

оружены огненными мечами и в жертвенном служении сдерживают Ничто на границах своей бесконечности (90, 96). Воительницы-Араниды на голову выше Аранов; обитатели Аранов и Аранид находятся достаточно далеко друг от друга. Араниды способны бросать в Ничто свой свет, и тогда Ничто превращается в Нечто, т.е. в пространство, в котором зарождаются новые космосы (96). Интересно сопоставить это действия Аранид с одним из этапов алхимического алгоритма преображения материи – «бросанием» (греч. ἐπιβολή, лат. projectio) философского камня на «несовершенный металл».

Арары, рары – «мудрецы далекой бесконечности» (78).

Арлеги и Арлегины – мужские и женские сущности следующего за Легами уровня Золотой Лестницы миров, равнозначны Архангелам (2). Это последний уровень, допускающий возможность «потемнения», т.е. падения. К «темным» Арлегам и Легам примыкают Сатанаилы, также принадлежащие уровню Арлегов, и Князья Тьмы. Все эти духи сравнительно быстро преодолевают свою «темноту», совершая самоотверженные подвиги во имя спасения других, менее совершенных существ (1-7, 9-10, 13-17, 19, 21-25, 27, 30-33, 35-36, 38-40, 43, 50, 53-54, 56, 58, 62-63, 65, 68, 74-75, 77-79, 88-89, 92, 95, 103, 105-106, 108-110, 112, 114, 117, 127).

Арлесина – «земля голубого солнца» (91).

Асса – битва великих духов (2).

Ассы – квази-люди одной из бесконечностей, «ассы вечной жизни», познавшие бессмысленность бесконечного телесного существования (36).

Ат, аты – обитатели одного из космосов (61).

Атланты (в письменной традиции часто «а-ты», «аты») – жители легендарной Атлантиды в платоновской интерпретации. В отличие от теософских работ, тамплиерские легенды не называют атлантов самостоятельной расой. Атланты легенд знали о бесчисленных мирах Вселенной, получив эти знания от Легов, которые вошли в них на определенном этапе развития человечества (20), а также от сфинксов (33). В тело атланта или его потомка воплотился Эон Любви – Христос (125). Жизнь атлантов продолжалась много дольше, чем последующих поколений людей (20); по смерти их души уходили в счастливые обитатели, однако часть атлантов приняла решение переселяться после смерти не в «верха», а на земли одного из несовершенных «концентрических кругов», чтобы помогать подняться их обитателям (105). В ангельских мирах многие атланты стали «рыцарями-великанами» (68). После погружения Атлантиды под воду атланты долгое время жили в подводных городах на дне океана (67), и только потом вышли на поверхность. Их потомки переселились в Северную Африку, где к югу от Египта создали огромный подземный город, в котором обитали еще во время завоевания крестоносцами Святой Земли (34). Легенды возводят к атлантской культуре некоторые известные сюжеты древних мифологий, например, миф об Орфее (123); этот сюжет возводит к Атлантиде и розенкрейцеровская традиция, хотя толкует его несколько иначе.

Аэр – аналог земного воздуха в мире Нирванид (90), на «сверхнебесной дороге», пролегающей «над обителями Эонов» (104), а также на возрожденных в начале нового вселенского цикла «планетах Ра» (40). В известном смысле аэр – живое существо, которому высокие духи со временем даруют душу, дух и рассану (104).

Белое солнце – озаряло наш мир в предшествующую эпоху, во времена Атлантиды; в его лучах на Земле рождались чудовища, но в то же время они убивали болезнетворные микробы. Эпоха «белого солнца» предшествовала на Земле нашей эпохе, эпохе солнца золотисто-желтого (3, 20).

Бесконечность – часто встречающееся название совокупности звездных миров (космосов), а также миров ангельских. В легендах можно найти описание «форм бесконечностей» в виде шаров, пирамид, конусов и пр. Скорее всего, под этим названием следует понимать некоторые части обитаемой Вселенной, бесконечные лишь в восприятии их обитателей, а не в абсолютном или математическом смысле. Соответственно существуют и «отрицательные бесконечности», которые представляют собой перевернутое отражение Золотой Лестницы («отрицательных» миров

столько же, сколько и миров «высоких»), созданное по ошибке Эонами Воли (63). Обитатели этих миров уродливы, а их подъем в «верха» по ступеням Золотой Лестницы возможен лишь благодаря жертвенной помощи высоких духов (63). Судя по всему, «отрицательные бесконечности» никоим образом не тождественны аду в его каноническом, христианском понимании, который неоднократно упоминается в легендах, однако вне связи с «отрицательными бесконечностями» (13, 65).

Бог Великий – бесконечно выше всех духов Золотой Лестницы, Элоимов и Димиургов, однако Он – не единственный, поскольку существуют мириады «Великих Богов», за которыми находится «Величайшее» – «Тот, Кого не называем», «Тот, Кому нет названия» (77).

Валгалла – похоже, в легендах это имя означает ангельский мир Престолов, поскольку оттуда приходил высокий дух, которого именовали «Троном» (10). Любопытно, что в современных контактерских записях встречается «планета Трон».

Велы, черные велы – жители одного из миров, враги Легов, способные, тем не менее, «просветлеть» (43).

Вяры – разновидность низших, враждебных светлему началу духов, подобны ляврам, в мире сираренов (85).

Гавриилы – высокие духи разряда Арлегов с крыльями на плечах, спине, груди, руках и ногах; вместе с Михаилами они участвуют в битвах против сил тьмы.

Гармонии, духи Гармонии – обитатели одной из ступеней Золотой Лестницы.

Гелы – вариант названия Легов (78, 93).

Гипербореицы – обитатели северных широт Земли, упоминаются в связи с атлантами. В контексте легенд выглядят зауряднее атлантов, как обычные низкорослые люди, пришедшие с Севера (20). Гипербореицы современны атлантам, и ничто в легендах не указывает на то, что они были предшествующей расой, как то утверждает теософская традиция. Интересен сюжет, в котором атлантика рассказывает гипербореицу орденскую легенду, посвящая в тайные знания, которыми он прежде, как видно, не располагал (123).

Голубая Река (Голубой Поток, Серебряно-голубая Река) – мистический поток, который изливается от престола Бога Великого и обтекает все космосы. Голубая Река течет «на границах бездны»; она заливает поле битвы, умиротворяя сражающихся (18), – образ, типологически близкий «голубому потоку» у Новалиса («Гейнрих фон Офтердинген»). С волнами Голубой Реки сливается та часть жертвенной крови Эонов, которую не удастся собрать в чаши Грааля (68). Голубой свет, сияющий в Чаше Грааля – это и есть Голубая Река; когда жертвенная кровь Эонов искупит все грехи миров, Грааль переполнится этим светом, и он будет озарять миры (109). Упоминаются в легендах также «зеркала Реки Сверкающей» (58), мистические зеркала «потока зеркальной поверхности» у космоса Эонов (58).

Грааль – упоминается в ряде случаев в традиционном для европейской культуры значении как чаша с кровью Христа (59), хотя диапазон оттенков этого образа в тамплиерских легендах значительно шире. Здесь Грааль приобретает вселенский масштаб: это чаша, в которую изливается жертвенная кровь эонов и в которой воплощается Их учение – во всех мирах, а не только на Земле. Таким образом эти миры приобщаются двум сущностям (Богочеловечеству) Эона-Христа и в известном смысле тоже становятся Граалем (67-68). Однако эти миры, наполненные Благодатью Эонов, не вполне чисты, и Благодать медленно исчезает из «Чаши мистической», уходя в иные миры и оставляя в мирах покинутых эманацию Христовой Сущности – учение Христа (31). Вместе с тем, Граалем могли называть пещеру, приютившую людей, в чьих душах есть «отблеск Эона», египетский Лабиринт, в котором жили потомки атлантов, общину посвященных людей (67) или ангельскую общину, где пребывают «в Граале сущие духи» различных ступеней Золотой Лестницы – от Легов до Отблесков (68-69). Есть в легендах и образ «Черного Грааля», созданного Темным Арлегом, который, получив рану в сражении с Архангелом Михаилом, собрал истекшие из нее кровь и огонь в чашу. Однако огонь испепелил кровь, а частицы пепла рассеялись по Земле и в час Голгофы вошли в души евреев, отдавших Христа на рас-

пятое; в настоящее время евреи изживают это тяжелое наследие. Впоследствии все частицы Черного Грааля будут унесены Духами Силы в далекую бесконечность и преобращены в свете (27).

Даргаллы – представители одного из ангельских чинов в иной бесконечности (83).

Димиург (Дим, Ламирглорам) – не традиционное для европейской культуры обозначение Творца, но наименование целого разряда очень высоких духовных сущностей, не тождественных творящим миры Элоимам. Димиурги-Ламирглорамы – обитатели «бесконечности бесконечностей», которую некогда создали мириады Элоимов, объединив мириады бесконечностей. Димиурги безгранично мудры, добры и могущественны (77); они настолько высоки, что к ним неприменимо обозначение «дух» (58). Они стоят со своими щитами на границах «Великого Ничто» (49), а также встречают восходящих по ступеням Золотой Лестницы духов перед космосом Эонов (58). Димиурги могут быть сильны и в чуждых им сферах, проникаясь эманациями этих сфер (8). Изида в легендах оказывается в мириады раз уменьшенным отображением первого «я» Димиурга, «рисунком Его астрального тела» (76), причем языческие боги в легендах определяются как «тени теней Димиургов» (77). Существуют «Димиурги миров отрицательных» и даже целые миры «темных сверх-Димиургов» (68).

Джин, джины – весьма редко встречающийся в легендах эквивалент понятия «дух, духи» (39). Джином назван в легенде Трон, рыцарь одного из ангельских миров, а джинами – двенадцать помогающих ему духов (39), точно так же как Аран, председательствующий на высоком суде (39) и «просветлевшие» Сатанаилы, помогающие другим мирам (82). Этот же термин употребляется и по отношению злых духов, препятствующих деятельности светлых Сатанаилов (83), но в целом, скорее всего, он введен в легенды не изначально, а для конспирации, как уже упоминавшееся обозначение всего корпуса тамплиерских легенд собрания Е.А.Шиповской «Восточные сказки».

Дномы – ангельский чин в одной из бесконечностей (83).

Дракон – в легендах выступает в двух ипостасях: 1) как апокалипсический Дракон с семью головами и десятью рогами (Откр., 12, 3), именуемый также «Сатаной» (23-24), и 2) как вторгшийся в нашу бесконечность обитатель иного мира, «озера огненного». Потерпев поражение от Архангела Михаила, Дракон покинул нашу бесконечность, но оставил здесь своего двойника, свое мистическое отражение – Зверя Бездны, Антихриста. В конце концов Араны вернут Дракона и его прислужников в огненное озеро, однако им, как и всем сущим, не закрыт бесповоротно путь в «верха», если они изменят свою натуру (23-24).

Замма – составная часть высокоорганизованного существа, согласно перечислению, встречающемуся в одной из легенд: душа, дух, рассана, замма (31). Вместе с тем, наблюдается тенденция называть Заммами некоторые категории духов (108). Так, существовала «обитель Замм» и даже «обитель Замм-Аранов», когда Элоимы создавали последнюю в ряду бесконечностей нашего мира (58). Заммы не упоминаются среди духов, обитающих на ступенях Золотой Лестницы, однако «обычный путь к Заммам» ведет именно по этим ступеням, а «перед Заммами» находится обитель Духов Света (36). Можно думать, что здесь под Заммами подразумеваются отражения Эонов, спустившихся в более низкие миры (см. Зарма). «Сверхзаммами немыслимыми» названы Димиурги-Ламирглорамы (77); «Сверхзаммами» («Сверх-Эонами») становятся и духи, начавшие новый круг своего восхождения по окончании великого вселенского цикла «после конца миров нашей бесконечности» (80). Заммы-духи почти всегда благи, лишь раз упоминаются «тяжелые заммы», образованные «злыми началами» (110).

Заповеди Великой Работы – возведены Эоном в высших мирах (68). Само понятие «Великой Работы» ассоциируется с «Великим Деланием» алхимиков, однако количество заповедей – десять – не традиционно для западной алхимической традиции с ее семью или двенадцатью стадиями. Девять стадий Делания – примета даосской алхимии, которая отчасти была знакома европейским розенкрейцерам в начале XX столетия.

Заповеди жалости – общим числом 12, даны Эоном Мудрости «в мире просветленных» (87).

Заповеди неутомимости – общим числом 5, составная часть учения Эонов, «как оно в Верхах великих проповедется» (78).

Заповеди сираренов – близкие к тамплиерской этике десять заповедей одного из миров нашей бесконечности (840).

Зарины – народ одной из земель, м.б., даже нашей Земли в прошлом (92).

Зармы – возможно, то же, что и «Заммы», подобно тому, как в буддийской литературе на равных правах употребляется санскритское слово «дхарма» и его палийский аналог «дхамма» (следует отметить, что оба этих термина были известны в начале века в России по книгам теософов). Во всяком случае, в легендах тамплиеров нет фактов, свидетельствующих о том, что «зарма» и «замма» означают разные сущности, к чему склонялась В.И.Филоматова. В легендах упоминаются «вторые зармы Эонов», оставивших свою высшую сущность в мирах мистических солнц и сошедших «в очень слабом преломлении» на Землю (52).

Зарриды – духи, живущие в пространстве множества измерений, обитатели «спирали блестящей и Голубой Реки» (62).

Зверь Бездны – Антихрист, мистическое отражение Дракона (23-24, 26).

Зеркало – двойственный символ в контексте тамплиерских легенд. «Зеркала мистические» образуют поток зеркальной поверхности, струящейся у космоса Эонов (Голубая Река, 58). Возможно, те же самые мистические зеркала, расположенные друг против друга под разными углами, поднимаясь в бесконечные высоты с вершин храмовых башен в «белой бесконечности», дают возможность обитателям «миров зеркальных», отражающихся в этих зеркалах, овладевать новыми чувствами и новыми измерениями (107). Вместе с тем, упоминаются в легендах и «темные зеркала», в которые уходят Араны, пронзенные «эманациями лярвизма высоких сфер». Эти зеркала обладают свойствами Ничто, и когда они разбиваются с помощью Духов Силы, поглощенные ими Араны обретают свободу (18, 95).

Золотая Лестница – главный космологический, структурообразующий символ легенд. Космосы ее двенадцати ступеней сотворены, а не эманировали из Неизреченного Абсолюта, и тем самым в легендах находит отражение гностическая, а не неоплатоническая идея, которая также могла бы обосновать иерархию миров, нисходящих все глубже в материю (1). В легендах упоминаются не только наша, но и другие Золотые Лестницы, также ведущие к Верхам Несказанным (38). Нисамны (обитатели иной бесконечности) полагали, что у Золотой Лестницы не 12, а 24 ступени (49). Всему сущему предопределен долгий и трудный подъем по Золотой Лестнице «в веках и мирах», который увенчается вступлением в Храм Бога Великого, – именно так в легендах выражается собственно тамплиерская, «храмовническая» идея (от латинского templum – 'храм'). Однако и сейчас духи, пребывающие на низших ступенях Золотой Лестницы, могут ненадолго взойти вплоть до самых высоких ступеней, как это явствует из истории Феникса (25) и рыцаря-тамплиера (28). Впрочем, такой кратковременный подъем, связанный с конкретной жизненной миссией того или иного духа, не равнозначен истинному, преобразующему миры восхождению к Храму Бога Великого: ненадолго взошедшие, еще недостаточно совершенные духи не видят этот горний Храм и только слышат голос Элоима, пребывающего выше Золотой Лестницы. Такое восхождение сравнивается с подъемом сбоку башни, в обход ее (58).

Иегова – упоминается лишь однажды, очень кратко, причем не отождествляется с Богом Великим, в чем можно усмотреть проявление общегностических тенденций (11).

Изумрудная Лестница – иерархическая общность миров, расположенных вне Золотой Лестницы, и типологически родственная первой (32).

Икс-земли (Х-земли) – планеты бесконечностей, называемых «кругами концентрическими» (105).

Икс-истрал – субстанция, в которую превращаются распавшиеся атомы и ионы. Икс-истрал затем переходит в «икс-истрал отрицательный», из которого формиру-

ются отрицательные ионы и атомы: они незримо присутствуют среди материальных («положительных») объектов, образуя «душу Димиурга» («минус Димиург») (101). Таким образом, принцип единства противоположностей мира раскрывается на «внутриатомном» уровне.

Инициативы (Духи Инициативы) – как и обо всех других духах высших шести ступеней Золотой Лестницы, сведения о них более чем фрагментарные. Так, в одной из легенд говорится, что космос Инициатив «кипит жизнью» (58).

Инфузории – часто приводимый пример существа, бесконечно более примитивного, нежели человек: инфузория так же мало может понимать чувства людей, как мы – чувства и мысли высоких духов (25).

Ион – мельчайшая частица материи, вращающаяся вокруг атома (совр. электрон). Прагматический материализм в легендах именуется верой в «чудо иона» и связывается с учением падших ангелов, которому противопоставляется вера в бессмертие души (25).

Ирры – несовершенные духи миров двух измерений (на самом деле, кроме длины и ширины, в них присутствует еще третье измерение – время; впоследствии ирры переходят в наш четырехмерный мир с помощью 24 Сатанаилов (52).

Карма – в целом трактуется в соответствии с теософскими представлениями буддизма европейцами, за некоторыми исключениями. Так нить кармы может быть перерублена мистическим мечом Арана (1), власть кармы над человеком ослабляется силой предвидения (32), а суд Христа оказывается сильнее кармы (16). В легендах упоминаются и Духи Кармы, хотя их место в общей картине Вселенной неясно (62).

Князья Тьмы – временные служители зла (следует помнить, что согласно учению тамплиеров все прислужники зла в конце концов осознают свои ошибки и перестроют свою сущность, поднимаясь в Верха), могучие гении в доспехах, с гигантскими красноватыми крыльями. Они возникли вместе с Темными Арлегами и Темными Легами (50).

Колеса, сплетенные из молний и множества глаз – форма, в которой предстает один из разрядов Арлегов – Многоочитые. Такой вид могут приобретать и собрания Арлегов в их космосе (103).

Колокола – важный для ряда традиционных религий образ, символически более содержательный, чем только образ культового предмета, отразился и в легендах тамплиеров: звону золотых и серебряных колоколов уподоблена речь Эонов (89).

Копье сотника Лонгина, пронзившее на Голгофе тело Христа, – традиционный символ Страстей Господних в легендах тамплиеров приобретает вселенский характер: вместе с предводителем Аранов Элора копье возносится в вышние миры и предотвращает гибельную битву в космосе Чарн. После этого оно вручается Архангелу Михаилу, чтобы в урочный час оно помогло землянам (17).

Крест – в тамплиерских легендах это одновременно традиционный крест Голгофы (31, 67), крест рукояти рыцарского меча, защищающий от темных сил (38) и «Белый Крест» – знак рыцарей-тамплиеров (99). Последнее является безусловной ошибкой, ставящей под сомнение происхождение самой легенды, поскольку белый крест, как известно, принадлежит Ордену св. Иоанна Иерусалимского, а не тамплиерам, знаком которых является красный крест. Кроме того, крест в легендах еще и один из зримых обликов Духов Света, как в их собственном космосе (59), так и во время схождения на Землю, где один из этих духов воплощается в облик Дамы (14). В одной из далеких бесконечностей крест, сотканный из лучей света, избавляет проходящих к нему от темного начала (102). Воссоздавая Голгофу, чтобы создать «Черный Грааль», Темный Арлег изображает момент распятия (27). Таким образом, в легендах отсутствует какое бы то ни было негативное отношение к кресту, которое инквизиция вменяла в вину историческим тамплиерам.

Крещение Огненное – становится средством поднятия целых миров на более высокую ступень Золотой Лестницы (74). Очень возможно, что здесь имеется в виду мистическое крещение миров в «Реке Света Голубого», крещение в «воде-свете» Голубой Реки, к чему стремятся духи Золотой Лестницы (109).

Круги концентрические – весьма часто упоминаемая форма пространственной организации миров, возможно, в пределах одной и той же ступени Золотой Лестницы. Точные количественные описания этих кругов отсутствуют, упоминается, например, только «четвертый круг Сатанаилов» (63).

Лабиринт – символически может рассматриваться как один из прообразов Грааля (67). В легендах фигурирует знаменитый древнеегипетский Лабиринт, являющийся обителью для посвященных, которые хранили тайные знания атлантов (59). Одновременно этот Лабиринт выступает и как место посвящения: пройдя Лабиринт, посвящаемый попадал в огромный подземный зал, где мог беседовать с духами различных ступеней Золотой Лестницы (от людей до Нирванов), от которых получал сокровенные знания (118).

Лалса – одна из «земель» Вселенной (61).

Лалсиане – обитатели Лалсы (61).

Ламирглорамы – Димиурги, обитатели «бесконечности бесконечностей», бесконечно мудрые, добрые и могущественные духи (77). См. Димиурги.

Ларса – единица длины в мире сираренов, равная росту человека (84).

Латсы – обитатели одного из миров Вселенной (84).

Леги – наиболее часто упоминаемые обитатели ангельских миров, расположенных на ближайшей к людям ступени Золотой Лестницы (1-3, 5-7, 9, 15-17, 19, 21-28, 31-33, 36, 38, 40-41, 47-48, 50, 52-53, 60-65, 68-69, 72, 75, 78, 86, 88-92, 95, 102, 105-107, 109-110, 112-113, 125), вариант имени – Гелы. Они соответствуют Ангелам традиционной христианской ангелологии, так что их название в тамплиерских легендах, скорее всего, является анаграммой слова «ангел», хотя последние тоже упоминаются в легендах – «Ангел Смерти», «белые Ангелы» (39) (см. также Ангелы-Хранители). Различные варианты иерархии Легов отмечены во вступительной статье. Особо следует отметить, что есть Леги-тамплиеры (21), а год в мире Легов равняется 800 земным годам.

Логос – сотворен Элоимом Верха при создании нашей Вселенной, из него исходит «чистая эманация Слова» и «Океан Душ Высших» (7). Эта околонеоплатоническая концепция в легендах не получает развития; отсутствует понятие Логоса и в тамплиерской христологии.

Лярвы – термин, распространенный в средневековой западноевропейской демонологии (буквально – «головастик», лат.), которым в легендах обозначают примитивных и злобных животных мира Князей Тьмы. Часто упоминаемые лярвы соответствуют бесам традиционного христианства. Однако им тоже не закрыт путь постепенного восхождения от тьмы к свету: согласно легендам, лярвы преобразуются под воздействием слез раскаявшегося Сатаны (40). Влияние лярв в мирах Золотой Лестницы не может подниматься выше степени Аранов (95, 96). Также упоминаются и «белые», «ангелоподобные» лярвы (уже преобразованные?), которые предшествуют Христу во время Его сошествия в ад (16).

Материя – особенность ее трактовки в легендах заключается в том, что она не исчезает бесследно, а распадается сначала на электроны, а затем на «астрал-икс» (96), по-видимому, то же самое, что «икс-истрал» (см.).

Мириа – часто упоминаемое обозначение очень большого числа (мириады) лет. Впрочем, встречаются и такие выражения, как «полмирны» и «четверть мирны».

Мирниара – вариант термина «мирна» (117).

Мистические кометы – замечательны тем, что в их магическом круге (поясе), связанном с мирами Легов и Арлегов, останавливается время; кроме того, круг этот не пропускает в себя ничто, ему чуждое (2, 5).

Мистические солнца – находятся в ведении Серафов (74). На этих солнцах души, сходящие в несовершенные миры (чаще всего – Эоны), оставляют свои высшие силы, «оболочки души» (Мистическую Любовь, Мистическую Мудрость и пр.), ибо их сияние нестерпимо для низших существ. Иногда такие оболочки называются «анимы» (см.), т.е. «души», лат. (25), иногда – «рассаны» (74). В одном случае указывается, что Эоны оставляют на мистических солнцах 9/10 своей сияющей души (56).

Мистропы – духи, которые будут обитать на мистических солнцах спустя неизмеримое количество лет (79).

Михайлы (Милы, Михи) – один из разрядов Арлегов, вооруженные мечами Архангелы (68). Пожалуй, их единственное отличие от традиционного христианского образа Архангела Михаила заключается в том, что легенды упоминают их постоянно во множественном числе.

Многоочитые – один из разрядов Арлегов, не обладающих видимыми телами и как бы сотканными из крыльев, молний и множества глаз. (См. Колеса).

Надматерия – составляет тела обитателей миров, лежащих выше мира людей (69).

Нармисы – прекрасные духи с гигантскими крыльями, напоминающими крылья бабочек, космические странники, сеющие знания и справедливость даже в мирах Темных Арлегов и Князей Тьмы (38).

Неды – обитатели одной из планет в мире двойных звезд, жизнь которых состоит в вечных странствиях в познании иных миров, путем перевоплощений (44). Не ды воплощались и в некоторых атлантов, благодаря чему цивилизация атлантов получила знания о далеких космосах (67).

Низасикочиа – жители «шестой отрицательной бесконечности» (66).

Нирвана – в данном случае означает любой, более высокий в духовном смысле мир, не воспринимаемый чувствами обитателей менее совершенных миров (118). В абсолютном смысле Нирвана легенд тамплиеров – это «великое преображение» и, одновременно, полное успокоение; нечто, вроде Нирваны, испытывают духи, поднимающиеся по ступеням Золотой Лестницы, когда входят в Храм Бога Великого (64).

Нирваны и Нирваниды – обитатели мира одной из ступеней Золотой Лестницы. В легендах чаще упоминаются Нирваниды, чем Нирваны. Низшие духи, которым удастся подняться в обители Нирванид, воспринимают их как прекрасных женщин, пребывающих в полном покое (58). Однако Нирваниды сострадательны (90), всегда готовы спешить на помощь страждущим (62), из ран, полученных Нирванидами в тяжелой работе для блага низших миров, сочатся капли, сверкающие подобно бриллиантам (90). Сами обители Нирванид сияют белым светом, а здания напоминают белоснежные кристаллы, устремленные ввысь, – идеальный образ готических храмов со стрельчатыми окнами (102). Нирваны пребывают отдельно от Нирванид, их здания не столь стройны, приземисты (102), а их обитатели пребывают в неподвижности, утратив даже желание восходить по ступеням Золотой Лестницы (102), и очень редко находит у них отклик призыв Нирванид помочь в создании подобной Золотой Лестницы в новой бесконечности (64).

Ничто – одно из важнейших представлений в космологии тамплиерских легенд, при этом различается «простое ничто», являющееся преодолемым пространством между бесконечностями, и «Великое Ничто», находящееся за пределами всех бесконечностей. В отличие от Хаоса, который участвует в создании миров и определяется как «океан душ низших», обладая вполне отчетливыми характеристиками свойств (напр., самым страшным элементом Хаоса названо безумие, 7), Великое Ничто можно уподобить «черному ящику», обладающему одним безусловным свойством: все растворять в себе (96). Его пределы неведомы, поэтому оно воспринимается исключительно в виде пограничной ситуации со стороны существующих бесконечностей, которых Великое Ничто стремится поглотить (115). Оно активно, агрессивно, и способно поглощать даже мистические солнца Серафов. Великое Ничто властно над мирами Золотой Лестницы до уровня Аранов, которые могут ему противостоять с помощью Эонов, и под ударами мистических мечей которых оно преобразуется в пространственно-временной континуум, в населенную бесконечность с солнцами и планетами, воссоздавая при этом то, что было им поглощено (5, 115).

Нотемны – жители одного из миров (49).

Ноэссы – высокие духи из далекого космоса, обладающие 81 триллионом чувств (119), что при сопоставлении с параметрами Золотой Лестницы позволяет их поместить между Аранами и Отблесками.

Нурам – название одной из «земель» (113).

Озеро огненное/серное – известный апокалипсический образ; согласно легендам, оно находится во «вселенной Дракона», за пределами нашей бесконечности. Озеро было создано Элоимом Верха и Элоимом Низа, в то время, когда они творили одну из бесконечностей. Поскольку каждый из них хотел всю ее заполнить Логосом или Хаосом, в результате таких взаимоисключающих попыток возникло «огненное озеро». Элоимы покинули неудавшуюся бесконечность, а обитающий в ней Дракон впоследствии покинул «огненное озеро», чтобы мстить создателям. В конце концов Араны его должны туда вернуть (16, 23-24).

Ор – 1) «Сверх-сверх Дух», гигантский обитатель «бесконечности бесконечностей», непостижимый даже для таких высоких духов, как альдонарцы (119); 2) Единица длины в мире сираренов, равная «без малого сажени» (84).

Орос – часто упоминаемый в легендах термин, означающий «пространство между мирами»; это не Хаос и не Великое Ничто, скорее орос можно сопоставить с «простым ничто», поскольку он является частью организованной Вселенной.

Отары – жители одного из миров (43).

Отблески – обитатели одной из ступеней Золотой Лестницы. Они бывают «голубые» и «розовые», причем последние, как будто бы, ниже «голубых» (58, 116). Отблески обладают абсолютной верой в Бога, но только «половинчатым знанием», хотя и стремятся к полному знанию (62). Иногда они сражаются, как Араны (29); среди них есть Отблески-тамплиеры (22).

От-Сатанаилы (От-Сатлы) – Сатанаилы, обитающие в «одном из кругов» своего мира; они помогли в восхождении Духам Звуков (63, 73).

Оттаны – жители одного из миров (43).

Отэны – жители одного из миров (43).

Параклет, «Утешитель» – традиционное христианское (греческое) наименование Святого Духа. «Царство Параклета» – это грядущий святой и блаженный мир, когда Благодать Божия почует на земле. Орден Тамплиеров должен стать провозвестником учения Параклета, когда рыцари полностью очистятся от греха стяжательства, будут соблюдать обеты щедрости и бедности (67).

Печати Оккультного Молчания – ими запечатаны врата высших миров. Увидеть эти высшие миры обитатели низов смогут только в том случае, когда будут сняты эти Печати (2, 5, 25). Печать Оккультного Молчания «подобна звезде» (77), это «сверхзвезда» (78) и, будучи сорвана, она рассыпается дождем звезд, которые воплощаются в духах, обитателях различных миров. Те, в ком произошло такое воплощение, становятся провозвестниками грядущего воплощения Эона в этих мирах (76). Осколком Печати Оккультного Молчания названа и Вифлиемская звезда (76).

Под-Араны – обитатели промежуточной (по отношению к ступеням Золотой Лестницы) бесконечности: число измерений в таких бесконечностях не кратно четырем. Эти духи уже совершили должный для себя путь на своей ступени Золотой Лестницы, но еще не поднялись на следующую ступень (62).

Познания Духи – обитатели одной из высших ступеней Золотой Лестницы, о которых в легендах не сообщается ничего конкретного, кроме названия, определяющего их предназначение.

Полиры – обитатели одного из миров (46).

Предамиты – первичная раса земного человечества, люди-исполины, мало развитые умственно и духовно (20). Их женщины – это библейские «дочери человеческие», с которыми атланты вступали в плотскую связь (3). Среди предамитов уже жил Христос (31).

Предтеча Эонов – образ в легендах более широкий, чем в каноническом христианстве. Связанный своим происхождением, по-видимому, с Печатью Оккультного Молчания (см.), Предтеча Эонов выступает не только в качестве исторического Иоанна Крестителя: в одном из миров он крестит в «реке забвения» жителей некогда грешной и мрачной, но теперь уже обновленной земли (93).

Ра – высокие духи, мир которых расположен, по-видимому, между обителями Эонов и Эонов Мудрости, поскольку, согласно одной из схем Золотой Лестницы, они представляют разные ее ступени. Восходя по Золотой Лестнице, духи попадают в «мир Ра», пройдя мир Эонов; далее следуют «Эоны второй высоты» (108), под которыми следует понимать Эонов Мудрости. Ра определяются и как «души Эонов Мудрости», которые в своем восхождении к Богу Великому прошли через своды Храма, венчающего Золотую Лестницу, и начали новый круг восхождения (40).

Раары (Рары) – возможно, то же, что и духи Ра: от обителей Рааров в космос Арлегов ведет «светлая спираль» (33), сопоставимая с Голубой Рекой, нисходящей с вершины Золотой Лестницы.

Равалины – «прекрасно поющие» духи (88); вероятно, производное от Рафаэлин.

Равты – жители одного из миров (26).

Рассана – одна из составляющих ангельской сущности, высшее призрачное тело (22), упоминается в перечислении «тело, душа, дух, рассана» (68). Рассана выше, чем дух (33). Араны по смерти разлучаются со своей рассаной (68); рассана Аранид погибает в борьбе с Ничто (90). Михайлы, спускаясь на помощь людям, оставляют свои тела «в саду мистических роз», а когда возвращаются, находят эти тела преображенными в рассаны, что дает им возможность восхождения от мира Арлегов к миру Аранов (68).

Расы – упоминаются в легендах четыре первоначальных расы земного человечества – исполины, гиперборейцы, адамиты, карлики. Они едины в своем божественном происхождении, но различаются из-за того, в какой «слой мира» попали семена Логоса (12).

Рафаилы – разряд Арлегов, принимающих участие вместе с Михайлами в битвах с силами тьмы (75).

Рафаэлины – женские духи чина Рафаилов, упоминаемые гораздо чаще, чем их мужские соответствия. Арлегины, увенчанные розами (69), они не принимают участия в битвах духов, но помогают раненым противоборствующих воинств (95); впрочем, розы Рафаэлин могут выступать и в качестве мистического оружия (75). Эти розы являются носителем мистического начала Арлегин: когда Арлеги временно отказались от восхождения к Богу, Рафаэлины в обиде бросили свои розы и те превратились в звезды; со временем мистическое начало отделилось от этих звезд, но не могло вполне вернуться к Рафаэлинам, пока они не приняли решение посвятить себя жертвенному служению. На нашу Землю Рафаэлины придут как предтечи Эонов на заре эры Параклета (112).

Рафны, Рафы (см. Рафаэлины).

Реды – название духов разряда Легов в мире сираренов. У Редов шестнадцать чувств, как у Легов, причем есть светлые и черные Реды (84).

Рины – жители одной из бесконечностей, бывшие Духи Звуков (73).

Рит – мистическое собрание рыцарей или духов, а также ритуал этого собрания. Древность ритуала объявляется не обязательным и не важным обстоятельством; главное – чистота участников и их устремления (19).

Розовая Река – течет в мире Аранов по «руслу, вверх идущему»; она может изменять направление течения, указывая Аранам, откуда надвигается враг (68).

Розовый дьявол – темный дух, воплотившийся в прекрасную женщину (13).

Розы мистические – 1) В них превращается в урочный час кровь Эонов, хранимая в священных чашах ангельских миров (во вселенском Граале) (68); 2) Важнейший священный атрибут Рафаэлин.

Сапфировая Лестница – иерархическая общность миров, расположенная вне Золотой Лестницы (32).

Сатанаилы (сокр. – **Сатлы**) – в отличие от канонического христианства не являются злыми по природе духами – легенды называют их «стражами светлой истины» в космосе «Светозарного далеких миров» (106, 107). Сатанаилы часто помогают низшим духам в их восхождении к Богу и даже идут ради этого на жертвенный подвиг.

Сатаны – разряд духов, схожих с Сатанаилами (79).

Свет Тихий – обычное в легендах именование Эона Любви, т.е. Христа, сошедшего на Землю или в иные миры.

Света духи – обитатели одной из высших ступеней Золотой Лестницы, предстающие перед пришельцами как сверкающие чаши, кресты, звезды, цветы, радуги, северные сияния, осыпанные самоцветами предметы, хотя в обычном состоянии они подобны Михаилам (58). В одной из легенд Дух Света воплотился на Земле в облике прекрасной дамы, представшей перед другими духами в череде меняющихся образов – снопа искр, лилии, креста, роя золотых пчел и пр. (14).

Светозарные – другое название Темных Арлегов, являющееся, по всей видимости, синонимом имени Lucifer – ‘светоносец’. Двое Светозарных вышли из ада, когда воскресший Христос сокрушил его врата, и впоследствии стали рыцарями Христа и Тамплиерами; в одном из своих последующих воплощений один из них был папой римским (13).

Светозарный далеких миров – Темный Арлег, упоминаемый в единственном числе, т.е. глава Темных Арлегов. Его ослепительно горящий трон находится «под космосом Архангелов Власти» (105).

Свеча горящая – форма объединения, собрания Арлегов в их космосе. Объединившись в «свечу горящую», они озаряли «низы» или же устремлялись к «верхам несказанным» (103).

Серафы – тамплиеры мира Арлегов (22), их обычный эпитет – «мудрые». Называют их в легендах также Серафимами, которые вместе с Херувимами начали работу по подъему в «верха» обитателей мира Чернобога (103).

Сероватые призраки – земные существа, в чьи тела входят Херувимы, чтобы сражаться с лярвами (33).

Сигэ («молчание» *греч.*) – гностический по происхождению термин, в легендах обозначающий «Великое Молчание-Мышление», «мысль Глубины»; в космологии легенд занимает определенное, хотя не вполне ясное место (92).

Сильфиды – лесные духи, близкие к эльфам (62).

Силы, Духи Силы – обитатели одной из высших ступеней Золотой Лестницы. Связаны договором с Аранами, не пропускающими темных духов в верха; служат и помогают Димиургам (57).

Сиарены – жители одного из миров (84).

Смерть – выступает в одной из легенд как персонифицированный образ, вобравший в себя сущность всех Посланцев (Ангелов?) Смерти (106). Взойдя к обителям Эонов, Смерть принимает решение бороться вместе со «Светозарным далеких миров», то есть встает на сторону сил добра.

Стихии – стихийные духи, которые участвуют в создании миров под водительством высоких духов; видимо, это то же, что и Стихийные Силы, происходящие из «бесконечностей Элоима Низа» (62).

Стихийные Силы – см. **Стихии**.

Стражи Порога – духи-хранители рубежей той или иной ступени Золотой Лестницы.

Страшные – разряд темных духов, которые стремятся завоевать высокие миры, делая набег в «низы» и в «верха» (95).

Сфинксы – первоначально хранители тайн мироздания: некогда они сходили к атлантам и дали им знания, однако не позволили душам людей странствовать в иных мирах, а равным образом воспрепятствовали новым душам спускаться на Землю из «океана душ». Позднее эти сфинксы улетели с Земли (33). Не случайно в одной из легенд египетский Сфинкс оказывается «храмом тайной мудрости жрецов и атлантов» (76), а в другой легенде выступает в качестве помощника Трона (39). После того, когда все обитатели миров Золотой Лестницы, включая людей, поднимутся к Храму на ее вершине, духи, являвшиеся в прошлом Арлегами и Сатанаилами, создадут сфинксов «с эфиопскими лицами», чтобы те помогли подняться в «верха» душам животных и растений.

Таналиты – жители одного из миров (48).

Тансебы – злые и безобразные духи иной бесконечности (102).

Тарлы – судя по всему, сокращение «темные Арлеги» (77).

Темные – собственно «потемневшие» духи уровня Легов и Арлегов, постоянно упоминаются в легендах тамплиеров. Как правило, это духи трех категорий: темные Арлеги, иначе называемые «Светозарные», Князья Тьмы, именуемые «Мрачными», и темные Леги, которых называют часто просто «Темные» (50). Неясно, какое место среди них занимают «Страшные», упоминаемые всего один раз. Темные духи, представляемые в облике Ангелов/Архангелов в черных одеяниях и с черными крыльями, не являются безусловно злыми, хотя судьба их предопределена их созданием: они возникли на заре творения из семян Логоса, упавших «во тьму», поэтому несут в себе элементы Хаоса, не позволяющего им различать добро и зло. Восстание темных духов против Божественного Закона заключалось в том, что они захотели силой и раньше времени подняться в высшие миры. Когда эта попытка не удалась, они стали препятствовать и подъему людей, находящихся ниже, чем они, на ступенях Золотой Лестницы, отсюда и восприятие их людьми в качестве олицетворения зла. Однако все они со временем, включая и их главу (Темный Арлег, Светозарный, Темный), просветлеют и поднимутся в Верха. Их бывший глава самоотверженно откажется от открывшегося ему пути вверх, пока не поднимутся туда души животных и растений, забытые уже взошедшими по Золотой Лестнице духами, и даже станет Хранителем Грааля. Точно так же один из темных Легов, ставший Голубым Арлегом, пойдет на великую жертву, спасая космос чарн; впоследствии он укажет путь к спасению духам Огненного озера (2, 5, 40). Примечательно, что легенды очень конкретно (по сравнению с другими мирами Золотой Лестницы) указывают местообитание Темных Арлегов – на планетах в созвездии Скорпиона (35).

Тидас – название одной из «земель» бесконечностей (113).

Троица – понятие о троичности Бога, скрыто присутствующее в легендах, однако существенно отличающееся от канонического. Традиционные определения Бога как Отца, Сына и Святого Духа здесь названы несвершенными (31); упрощенным объявлено и тамплиерское по терминологии представление Бога через образы высоких ангельских духов – Эонов Воли, Любви и Мудрости (80). Согласно легендам, более точной представляется формула, согласно которой Бог «веет» через Эонов Воли, Любви и Мудрости, которые сопоставимы, следовательно, с образами Бога Отца, Христа и Софии-Премудрости. Вместе с тем, Дух Святой сопоставляется с Эоном Красоты Мистической (90). Такое представление о Божественной Четверице, т.е. Тетраде, находит определенное соответствие в пифагорействе, а также в античном неоплатонизме, расходясь с известным в гностической традиции сближением образов Святого Духа и Софии-Премудрости.

Трон – высокий дух «из мира Валгаллы» (10), названный также «джином» (39), что в легендах синонимично понятию «дух». По-видимому, является синонимом названия представителя ангельского чина «Престолы» в традиционной христианской ангелологии.

Урды – вселенские духи-странники, подобные недам (81), гиганты, которые однажды едва не сблизилась с темными духами, но избежали этого (117). Анализ корпуса легенд В.И.Филоматовой позволяет заключить, что Урды – это Димиурги (81, 117).

Фантазии духи – легкокрылые вечные странники, несущие вести из одного мира в другой, расположенные на различных ступенях Золотой Лестницы. Неясно, существует ли у них собственный космос.

Феникс – сущность, в легендах не имеющая никакого отношения к царству пернатых, скорее всего это постоянно возобновляющий свою земную оболочку дух, который во время своего пребывания в древнем Египте раз в тысячу лет сжигал эту оболочку своим внутренним огнем, чтобы вознестись в ангельские миры и затем снова воскреснуть омоложенным и рассказать о виденном жрецам. Феникс поднимается по Золотой Лестнице до уровня Духов Света, а затем нисходит в Темное Царство, откуда и возвращается на Землю (25). Феникс также символизирует все человечество (32).

Философский камень – субстанция, способствующая превращениям элементов; упоминается в легендах в традиционном понимании (37).

Хаос – состояние материи, обладающее определенными характеристиками, отличающимися его от Ничто, сотворен Элоимом Низа при создании Вселенной. Из Хаоса происходит «океан душ низших».

Херубы – то же, что и Херувимы, «мудрейшие из мудрых и сильнейшие из сильных» Арлеги, равные Серафимам, которые начали работу по подъему в Верха обитателей низов (103, 106).

Хомоны – обитатели «ультраогненной бесконечности», некогда заселившие Землю и давшие начало земному человечеству (125).

Хорара – единица времени: 37 хорар длился бой Аранов с темными гигантами (96).

Хорея – мистическое собрание Легов, которая происходит раз в год по их летосчислению и цель которого – в общем порыве подняться в Верха (2, 5, 17).

Храм Бога Великого – венчает Золотую Лестницу и в нем происходит преобразование духов, восходящих по ее ступеням (20). Преображенные духи перейдут в Царство Царств Силы и Славы (25), начав новый круг восхождения, которое совершается по спирали (80). Прошедшие «сквозь своды Храма» духи помогают возродить новые миры взамен угасших (40).

Христос – в легендах являющийся воплощением Эона Любви. Христология тамплиерских легенд существенно отличается от христианского канона, хотя в целом данный корпус легенд можно без преувеличения назвать христоцентрическим. Эон-Христос (Эон Любви, Свет Тихий) был не рожден, но сотворен. Он жил на Земле еще с предадами, а в урочный час явился как Эон Любви, причем тело Его было телом атланта (31). Не вполне ясно, идет ли здесь речь о последовательных воплощениях, поскольку сказано, что еще когда хомоны заселили Землю, «сильнейший» из них был предназначен вместить воплощение Бога, причем Предназначенный не старел, храня в себе «ультра-инфра-ирна-белое пламя» бесконечности хомонов (125). Вместе с тем, упоминаются неоднократные воплощения Христа-Эона – в Атлантиде, после потопа, в Лабиринте, где вместе с ним находилось 11 учеников (67). В легендах говорится также о Рождестве Христовом (38), что можно, вероятно, понимать в каноническом смысле как предвечное рождение, а также о его искушении Сатаной (31). Будучи атлантом по плоти, он пришел в Палестину евангельских времен из Египта и учил там; одновременно там проповедовал и Его ученик, похожий на Него внешне: проповеди этого ученика, искаженные «темными», и легли в основание официального христианства (125). Истинный же Христос дал людям не только Заповеди Блаженства, но и Заповеди Жалости, и Заповеди Великой Работы (67). Христос не умер на кресте: смертью называют Его сошествие в ад, в Темное Царство, где Он продолжил дело спасения. Собственно говоря, в ад сошел Его дух (душа оставалась в теле), который и вывел оттуда множество душ, в том числе темных Арлегов (31) и Князей Тьмы (65). Затем дух, душа и тело Христа воссоединились, и это было Воскресением, за которым последовало Вознесение в Верха, находящиеся над Золотой Лестницей (ибо спасительная миссия Христа была исполнена во всех этих мирах, а не только на Земле), к Богу Великому (31). Есть, однако, иной вариант этого сюжета: когда Христос-Предназначенный был казнен, Его «пламя» облеклось новым телом и астральным телом Его Ангела-хранителя, и с тех пор Предназначенный ходит по Земле, ожидая пришествия Параклета (125). Что же касается миссии Христа в иных мирах, она достаточно подробно описана применительно к «земле голубого солнца», где Его сопровождало 10 учеников (91), а также применительно к «бесконечности 12-ти солнц». В последней Эон-Христос не имеет материального тела (возможно, оно характерно только для Земли?), и распятие Его кажущееся (см. учение докетов раннехристианской эпохи): в момент распятия зримый облик Христа исчезает одновременно во всех мирах, а на третий день после распятия Его «веяние» входит в сердца людей (116). Усложненность и некоторая нечеткость христологии легенд может, вероятно, свидетельствовать о множественности первоисточников, использованных их создателями.

Чарны – первоначально животные мира Эгрегоров, затем не слишком совершенные существа человеческого уровня (15, 19). Космосу чарн грозила гибель, которая была предотвращена жертвой Голубого Арлега, который дал вбить себя в «дно» этого космоса, слив свой дух с его материей. В последующем грандиозная битва воинов Света и Тьмы в мире чарн была предотвращена благодаря чудесному копью сотника Лонгина (17). Любопытно, что «мир чарн» упоминается в «Хрониках Нарнии» К.С.Льюиса.

Чаша – универсальный символ различных религий упоминается в тамплиерских легендах с различными смысловыми оттенками. Чаша является одним из образов-символов Духа Света (14, 58); испив мистическую чашу посвящения Арлег может стать сразу Духом Света (19); Неведомые духи выливают из блистающих чаш пурпурное вино, гася магический пожар в арлеговском мире (117). В золотые чаши лярвы собирают слезы раскаявшегося Сатаны: в глазах Сатаны отразился взор увиденного им Эона, и слезы стали чистыми, преобразив также и лярв (41). В евхаристическом смысле упоминается «чаша истинного причастия» с жертвенной кровью Эона и Его телом. Ее сияние невыносимо для обитателей темной бесконечности, которые причащались черным причастием из черного котла – антипода евхаристической чаши (98). См. также Грааль.

Чернобог (Черный бог) – бог отрицательных бесконечностей, сходящий в «низ» лестницы миров. Он не создавал эти миры, поскольку не тождественен Элоиму Низа, но сам создан низкими эманациями мыслей и дел их обитателей (53, 63, 103).

Черные молнии – вспыхивают в мире Духов Света, когда он становится слишком статичным, напоминая его обитателям, что неподвижность, застой подобны смерти (8, 36). «Связки» черных молний, брошенные в Ничто, образуют там сеть, не пропускающую духов (78).

Чун (чуна) – растение в мире недов, сок которого вызывает «вещий сон», когда душа неа отправляется в странствие к иным мирам (44).

Шабаш – описывается в легендах как оргиастическое собрание людей, достаточно развитых духовно, но избравших, тем не менее, путь плотских наслаждений. На шабаше ведутся философские беседы, причем элементы поклонения злу и богохульству в этих описаниях отсутствуют (97, 114).

Эгрегор – множественная личность или сущность, сходящая из высоких опустевших миров в космосы Золотой Лестницы (7). Есть в легендах определения Эгрегора, более близкие традиционному западному оккультизму: Эгрегор является духовно-материальным связующим началом миров, которое охватывает сущность каждого мира или общности миров.

Связующее начало более высокого порядка называется сверх-Эгрегором, причем существуют целые космосы Сверх-Эгрегоров (32), развивающие представление о надгалактических структурах высшего порядка. Определяется Эгрегор и как ставшее самостоятельным существом свойство высочайших духов (более высоких, чем Элоимы) объединять кого-то или что-то, посланное этими духами в низшие миры. При этом те Эгрегоры, которые при своем схождении вначале попали в Темное Царство, подчас проводят в своих объединениях идею относительности добра и зла, однако сущностно злых Эгрегоров не бывает (127).

Элги – светлые и могучие гении «беззвездной бесконечности» (51).

Элоа – имя Единого Бога, пребывающего выше и вне любой мистической Лестницы миров; Он «веет» (или раскрывается) через Своих Эонов (31, 90).

Элоим, Элоимы – название духов, пребывающих вне времени и выше Золотой Лестницы, не будучи «одним из имен Бога», как то характерно для библейской традиции (1, 5-7, 11, 15-17, 20, 23-25, 27-28, 32-33, 36, 40-41, 58, 62-65, 68, 74-75, 77, 79, 81, 89-90, 95, 98, 103-106, 110, 117, 119, 126-127). Сокращения – Эм, Моил (117), Элм (77). Элоим Верха и Элоим Низа создали, соответственно, Логос и Хаос в нашей Вселенной (1, 2). Впоследствии Элоим Низа покинул наш мир (2). Элоим Верха и Элоим Низа создавали и другие бесконечности (напр., «Озеро огненное»). При этом Элоим Низа – творец Хаоса – не является злым началом, будучи, как и Элоим Верха, всеблаг и всемогущ (75).

Элора – вождь Аранов (5); иногда его сопровождают двенадцать (33) или четырнадцать (17) «сильнейших» Аранов.

Эльмы – высокие духи, пребывающие в «сверкающем море» (119). Их наименование может идти как сокращение от «Элоимы», так и (учитывая «сверкающее море») от «огней св. Эльма».

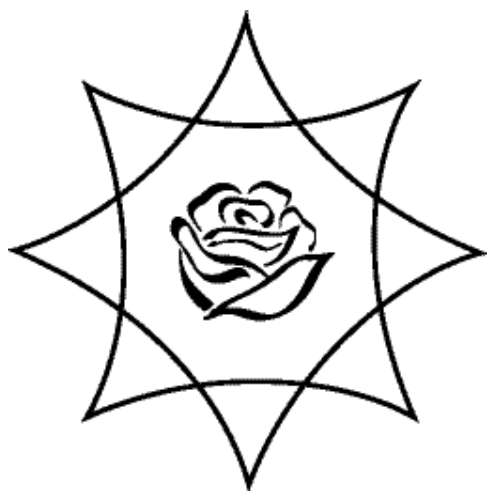
Эльфы – древние обитатели нашей Земли, вытесненные впоследствии людьми (аналогичный мотив присутствует в кельтских сказаниях). В тамплиерских легендах эльфы возвращаются на Землю, чтобы помочь подняться в Верха тем духам, которые воплощены в цветах (42).

Эоны – обитатели высочайшей (или двух высочайших) из ступеней Золотой Лестницы, часто упоминаются в легендах (1-4, 6-7, 9-10, 19, 21-25, 27-28, 31, 33, 36 39-42, 45, 47-50, 52, 54, 56-58, 62-68, 73, 75-81, 83, 86-90, 92-96, 98-99, 103-110, 112-114, 116–117, 125-126) и принимают самое непосредственное участие в жертвенной деятельности по подъему в Верха более низких духов. Нередко упоминаются три Эона: Эон Воли, Эон Любви и Эон Мудрости (16). Эон Любви нисходит на нашу Землю и в иные миры как Христос, при этом 9/10 Его ангельской сущности остается на «мистическом солнце», однако и оставшаяся часть непостижимо равна целому (56), что сравнимо с «нераздельным разделением» ипостасей Троицы в канонической догматике христианства. Во всех мирах Эона Любви сопровождают ученики, духи чина Михайлов (56), чье количество колеблется от 10 до 12. В легендах упоминаются также Эоны Красоты (90), а Эоны Мудрости иногда предстают в качестве отдельного ангельского чина, стоящего выше «просто Эонов» (8). Вероятно, Эонам Мудрости в таком понимании соответствуют «Эоны второй высоты» (108), хотя есть упоминание и «Эонов круга третьего» (108), не находящие себе соответствия в таблицах ангельских иерархий, известных по архивам Е.А.Шиповской и В.И.Филоматовой.

Эриса – название одной из «земель» (50).

Эфириды – обитатели межзвездного пространства (45).

Литература ордена

А.А.Карелин. ПЬЕСЫ-ДИАЛОГИ

АТЛАНТИДА

(Пьеса в 6 действиях.)

Действие первое

Тропический лес под белым, слегка золотистым солнцем. На опушку выходят группы людей, состоящие то из мужчин и женщин, то только из одних мужчин или только из одних женщин. Женщины ростом выше мужчин. Одежды мужчин ярче и роскошнее одежды женщин. Одежды эти украшены вышивками, кружевами, блестят разноцветными яркими красками. Одежды женщин темных цветов, без украшений, но изящны.

(Первая группа: женщина и двое мужчин)

1-я ЖЕНЩИНА: Здесь будем ждать.

1-й МУЖЧИНА: Твоя воля. Твой приказ.

1-я ЖЕНЩИНА: Скоро возвратятся наши разведчицы, если только враждовавший с нами союз общин отпустил их. Если они не возвратятся, придется принять бой или самим напасть на врагов. Надо вооружиться... Подайте оружие.

2-й МУЖЧИНА: Сейчас, сильная! Вот боевая одежда. Наклонись, я надену противогазовую маску. Возьми в руку метательный снаряд...

(Вторая группа: женщина, молодая девушка и трое мужчин.)

2-я ЖЕНЩИНА: Смотрите, начали вооружаться. Подайте мне оружие! Как это скучно! Постоянно приходится драться.

3-й МУЖЧИНА: Отдай мне твою боевую одежду и твоё оружие. Мой рост почти равен твоему. После боя я всё возвращу тебе. А теперь я жажду сразиться и с нашими соседями гиперборейцами и даже, если понадобится, с атлантами.

2-я ЖЕНЩИНА: Фи! Как это немужественно! Как тебе не стыдно! Неужели ты женоподобен? Во всяком случае, забудь о своем желании: удел женщин – общественные дела и сражения; удел мужчины – семья. Смотри, как устала наша дочь. Отчего ты не развлечешь ее?

4-й МУЖЧИНА: Вот твоё оружие. Не гневайся на дерзкого: он сам не знает, что говорит.

2-я ЖЕНЩИНА: Вы напрасно думаете, что мы не знаем о вашем намерении вырвать из наших рук власть. Будьте уверены: мы всё знаем через ваших же друзей, и горе заговорщикам, если они начнут приводить в исполнение планы захвата власти.

5-й МУЖЧИНА: Ты напрасно волнуешься. Диагор просто хотел услужить тебе. А что до заговорщиков, то ведь их ничтожная горсточка.

(Группа из трех мужчин.)

6-й МУЖЧИНА: Я предпочел бы гнет враждебных нам гиперборейцев и рабство у атлантов гнёту наших баб и рабству, в котором они нас держат.

7-й МУЖЧИНА: Ничего не поделаешь. Так всегда было. Очевидно мозг женщин тяжелее нашего и вся их психика выше нашей.

8-й МУЖЧИНА: Всё это вздор. Выдумки наших драчливых баб: у атлантов мужчины и женщины равны во всех отношениях. Мы тоже должны добиться полного равенства.

(Подходит женщина.)

3-я ЖЕНЩИНА: Что это значит? Враг близок, а вы бездельничаете! Ступайте, приготовьте нам пищу. Шагах в пятистах отсюда раскиньте в лесу походные палатки и приготовьте всё для ночлега. Палатки окружите срубленными стволами толстых палм. Что это? Вы хмуритесь? Вы опять, на этот раз перед лицом врага, грозили нам? Замышляли одну из ваших нелепых демонстраций за равенство? Смотрите! Хотя вы и слабый пол, но мы не поцеремонимся с бунтовщиками! *(Уходит)*

8-й МУЖЧИНА: Сильный пол! Темный бы его взял!

6-й МУЖЧИНА: Мы справимся с ними. А пока грозит война, надо слушаться их. Как только придем на место постоянного жительства, тотчас же восстановим Союз Сильных Мужчин.

(Уходит в лес. Всё время из леса выходят женщины, и сравнительно немного мужчин, несущих оружие и тотчас же при выходе на опушку помогающих женщинам вооружаться. Детей не видно.)

ОДНА ИЗ ВНОВЬ ПРИШЕДШИХ *(обращается к стоящему немного позади мужчине)*: Хорошо ли укрыты дети? Поставлена ли около них вооруженная стража?

ОДИН ИЗ ПРИШЕДШИХ МУЖЧИН: Дети в безопасности. Около них много нянек-мужчин и сотня вооруженных женщин... сотня сильных, хочу я сказать.

ОДНА ИЗ ПРИШЕДШИХ: Слышите: звенят трубы наших разведчиц. Это - наш мотив. Его не знают южные гиперборейцы. Сильные! Идем им навстречу.

(Около 70 женщин собираются вместе и идут навстречу 9-и безоружным женщинам.)

ВСТРЕЧАЮЩИЕ: Привет! С успехом, сильные! Что скажете, вестницы?

ВЕСТНИЦЫ: Привет! Гиперборейки юга просят нас войти в их страну для того, чтобы сообщая, добром или силой, войти в пределы Атлантиды. У них тоже жар уступил место теплу. Необходимо продвинуться к югу. К ним и к нам летят уже послы атлантов с ответом.

(Около каждой вестницы собирается кружок женщин и тихо беседуют. Мужчины стоят поодаль.)

ОДНА ИЗ ПРИБЫВШИХ: Атланты говорят, что всякий вступивший на их территорию вполне свободен и равен другим... Они требуют, чтобы наши рабы-мужчины имели такие же права, как и мы.

СЛУШАЮЩИЕ ЕЁ ЖЕНЩИНЫ: Это невозможно! Рабы рабами и останутся, а мы силой войдем в Атлантиду.

ПРИБЫВШАЯ: Это почти невозможно...

ГОЛОСА: Внимание! Летят атланты!

(Влетают три атланта. Становятся на землю шагах в тридцати от гиперборейцев и снимают крылья. Атланты выше гиперборейцев ростом. У них спокойные лица. Цвет кожи почти коричневый.)

АТЛАНТ: Привет!

ГИПЕРБОРЕЙКИ: Привет! Что ответите на наше предложение, послы?

АТЛАНТЫ: Вы можете войти в наши пределы и мы просим вас построить жилища в некотором расстоянии от нас. В этом случае мы вам поможем и ручаемся, что в течении десяти дней у вас будут дома не хуже тех, которые вы покинули. Мы советуем вам отказаться от потребления мяса животных во избежание заболеваний и потому, что человек не должен питаться трупами. Мы взамен научим вас готовить питательные и более вкусные, чем мясные, блюда. Мы советуем вам отказаться от потребления и приготовления хмельных напитков. Наконец знайте, что на нашей территории женщины и мужчины имеют одинаковые права.

ГИПЕРБОРЕЙКИ: Мы на всё согласны, кроме невозможного вашего требования о равноправии нас и наших рабов-мужчин. Этому не бывать!

АТЛАНТЫ: Вступив на нашу территорию, каждый из мужчин получит равные с вами и нами права.

ГИПЕРБОРЕЙКИ: Не бывать этому! Мы объявляем атлантам войну и предлагаем вам удалиться и сказать своим, что мы нападём на них.

АТЛАНТЫ *(вежливо и спокойно)*: Вы, вероятно, не имеете понятия о наших силах.

Мы предлагаем вам, во избежание больших неприятностей, на нас испробовать силу свою. Только остерегайтесь пускать в ход ядовитый газ. Он не дойдет до нас и отравит вас.

ГИПЕРБОРЕЙКИ: Война так война. На войне всё позволено.

(Несколько гипербореек бросаются на атлантов, желая схватить их, как пленных. В десяти шагах от них останавливаются, как будто удержанные невидимой стеной.)

НАПАДАЮЩИЕ ГИПЕРБОРЕЙКИ: Мы не можем подойти! Нам что то мешает!

Мы как будто о стену ударились!

ДРУГИЕ ГИПЕРБОРЕЙКИ: А, если так... Они без масок... Отойдите!

(Бросают какие-то бомбы, которые разрываются, наполняя атмосферу ядовитым газом. Мужчины гиперборейцы скрылись в лесу в начале битвы, а пятеро оставшихся падают, как мертвые.)

АТЛАНТЫ: Вот бедняки!

(Тихо подходят к ним и, наклоняясь над ними что-то делают: как будто искусственное дыхание, давая одновременно что-то вдохнуть. Мужчины встают и стараются подойти к атлантам, бросая угрюмые взгляды на женщин.)

АТЛАНТЫ: За такое убийство в нашей стране, вы оплатитесь изгнанием. Счастье ваше, что мы тут были. А вы, только что от смерти спасенные? Не хотите ли идти с нами?

5 ГИПЕРБОРЕЙЦЕВ: Да! Уведите нас. Иначе они убьют нас.

ОДИН ИЗ АТЛАНТОВ: Я слышу звук крыльев дракона и его дыхание!

(Над лесом появляется дракон и тихо опускается к земле.)

ДРУГОЙ АТЛАНТ: Гиперборейки! Не беритесь за оружие. Мы справимся с драконом.

(Гиперборейки молча смотрят на дракона, вынув какое-то оружие. Атланты поднимают свои жезлы, из них вырывается огонь и на землю сыплется пепел от испепеленного дракона.)

ГИПЕРБОРЕЙКИ: Дайте нам десять минут на совещание.

АТЛАНТЫ: Хорошо.

(Гиперборейки совещаются в полголоса. Атланты стоят неподвижно.)

ГИПЕРБОРЕЙКИ: Мы согласны, атланты. Согласились ли на ваше предложение гиперборейки юга?

АТЛАНТЫ: Да! До свиданья в нашей стране. А, если нужна наша помощь, мы останемся или прибудем по первому призыву.

ГИПЕРБОРЕЙКИ: Пока мы не нуждаемся в вашей помощи.

(Атланты надевают крылья)

ОДИН ИЗ АТЛАНТОВ: Можете снять маски: мы нейтрализовали вредные газы.

(Атланты улетают, и среди них пять не имеющих крыльев гиперборейцев.)

ГИПЕРБОРЕЙКА: Мы давно предвидели необходимость дать свободу нашим мужчинам. Но всё равно, они по доброй воле будут нашими рабами, по своему желанию слушаясь нас. А тот, кто не будет слушаться, будет бойкотирован нами. А теперь объявим мужчинам, что они отныне свободны и что мы отпустили с атлантами пятерых из них.

Занавес.

Действие второе

Громадный зал. Стены мраморные. Вместо потолка какая-то ткань, отодвигаемая в случае надобности. Очень большие полукруглые окна. Около окон на подоконниках - разнообразные тропические растения. Многие похожи на гигантские кактусы. Посередине зала большой стол. Около него ряды стульев. Входят атлант и один из прибывших гиперборейцев.

ГИПЕРБОРЕЕЦ: Как ты думаешь? Мне можно будет присутствовать на собрании?

АТЛАНТ: Пожалуйста. Садись куда хочешь. Слушай и, если найдешь нужным, говори.

(Входят несколько человек. Одни садятся около стола, другие по двое прохаживаются по комнате.)

ПЕРВЫЙ АТЛАНТ *(обращается к другому атланту)*: Ты знаешь, какие сегодня доклады?

ВТОРОЙ АТЛАНТ: Будут доклады по астрономии, омолаживанию, врачевании, усовершенствованию манекенов, противогазовой войне, питании. о бесконечных числах, о мирах гигантских и мирах микроскопических, о мифологии, теологии, религии, наконец, два слова о концентрации энергии. На собрании будут даны только краткие сообщения. Подробные доклады можно получить у меня после собрания. Да! Я забыл. Будет доложено о новейшем изобретении: стенографии речи, т.е. об искусстве стенографически говорить, а не только писать.

(Входят многие атланты – мужчины и женщины, входят группами по десяти и более человек. Присутствующие приветствуют входящих, поднимая правую руку. Входящие отвечают тем же.)

СТАРЕЙШИЙ ИЗ АТЛАНТОВ: Все в сборе. *(Атланты и гиперборейцы занимают места вокруг стола.)* На очереди доклад по астрономии.

ПЕРВЫЙ АТЛАНТ: В последнее время были изготовлены телескопы, стекла которых не преломляют лучей света. Простые стекла были заменены алмазами гигантской величины, ограненными, как стекла телескопов. Телескопы были направлены на разные части неба и, наконец, на ту часть его, которая казалась до сих пор лишенной звезд. Там была увидена нами громадная Земля-Солнце. Проще - земля, на которой быют в далеком расстоянии друг от друга гигантские фонтаны, напоминающие ярко горящие фонтаны нефти. Разными цветами горят и светят эти фонтаны, и освещаемые ими живут люди или существа, похожие на людей, и наш дневник о их жизни будет доложен мною на расширенном вечернем заседании. Отмечу, что жители земли-солнца делают нам знаки и мы отвечаем им: нам удастся установить переговоры с ними.

ВТОРОЙ АТЛАНТ: Станный способ омолаживания, сводившийся к пересаживанию частиц тела молодого существа существу стареющему применяется только наиболее дикими племенами гиперборейцев. Мы жили очень долго и живем долго без применения таких недостойных человека пересадок. Но мы дошли ныне до приемов благородного омолаживания. Мы особым образом гипнотизируем устаревшего, и когда он погружен в то, что называется сном гипноза, то внушаем ему, чтобы его подсознание повелело макрофагам его организма пожрать соединительные ткани, обуславливающие наступление старости и отнюдь не трогать благородных тканей. Результатом такого приказания является полное омолаживание. Конечно, необходим умеренный режим при питании.

3-й АТЛАНТ: В нашей лаборатории изобретены такие газы, которые делают безвредными все ядовитые газы, употребляемые гиперборейцами. Изобретены и приборы, указывающие присутствие малейших, первых волн газа в атмосфере. И тогда начинают работать газоистребители. Каждый ядовитый газ откупоривает вместилища как раз того газа, который нейтрализует вредное влияние данного ядовитого газа. Помимо этого, мы научились сгущать перед собою и в любом месте воздух до такой степени, что он образует из себя почти непроницаемую стену. Вы знаете, что наш вриль обладает свойством очищать атмосферу, зараженную любым как органическим, так и неорганическим ядом. Наконец, считаю нужным заметить, что не только атланты, но и племена гиперборейцев настолько культурны, что не хотят прибегать к ядовитым газам.

ЧЕТВЕРТЫЙ АТЛАНТ: Боюсь, что я не сумею в строго научной, краткой форме пояснить мою мысль и толково рассказать вам то, что мы ныне знаем о бесконечностях. Вы всё знаете, конечно, что любой математик может написать по вашему желанию множество рядов в бесконечность уходящих чисел. Математики могут рассказать вам об этом много интересного. Математики до некоторой, правда, степени, могут пояснить или популяризировать желающим то, что я хочу сказать Вам. Как вам известно, мы живем в безграничном по отношению к нашему воспри-

ятию пространстве, которое мы можем с полным правом назвать нашей бесконечностью, ничтожнейший уголок, которой мы занимаем. В эту бесконечность входят не только миллионы солнц белых, но относительно недалеко от нас, значительно превышая наш Млечный путь, лежит более громадное скопление гигантских синих звезд, ясно видимых простым глазом, а их земли ясно видны в наши простые телескопы, иногда и другие гигантские звездные и земельные скопления видны нами в наши телескопы. Многие не видны, но все они вместе составляют нашу бесконечность и таких бесконечностей множество, бесконечное число. Давно тому назад гиперборейцы думали, что имеется одно только солнце, что имеется одна только земля и множество маленьких звезд. Ныне мы знаем, как ничтожно по величине наше солнце по сравнению с синими солнцами, и, я прибавлю, бесконечно мала наша бесконечность по сравнению с другими бесконечностями, и число этих бесконечностей бесконечно, причем каждая из них устроена далеко не так, как её соседка, отделенная, впрочем, от неё громадными расстояниями, не поддающимися, благодаря своей необъятности, точному исчислению. Назовем бесконечность бесконечностей, в которой находится наша земля (этот айон айона) «А большое», то таких по размерам, но не по формам и содержанию, «А больших» будет бесконечное число.

Назовем такое бесконечное число «А больших», хотя бы буквой «В большое» и таких «В больших», будет, в свою очередь, бесконечное число, которое назовем «С большое» и этих «С больших» опять-таки будет бесконечное число. Всё по-прежнему будем продолжать наше рассуждение, будем продолжать его бесконечное число раз, и всё это, вместе взятое, составит то, над чем существует и не существует тот, кого мы не знаем как назвать и которому без достаточных оснований даем имя Великого. Подробный доклад о наших достижениях вы можете услышать через 20 дней в большой зале лекторов...

ПЯТЫЙ АТЛАНТ: Предыдущий докладчик не сказал нам о том, что диаметр синих солнц превышает во много раз расстояние от дальнего края солнца до дальнего от солнца края Земли. Добавлю еще, что диаметр солнц какой-либо другой бесконечности во много миллиардов раз больше диаметра синих солнц. И вот во столько же раз меньше, во сколько солнце далекой бесконечности больше ничтожнейшей из известных нам инфузории, во столько же раз меньшие инфузорий существа живут рядом с нами и в нас. Каждый ион нашего тела, каждый ион камня или дерева или какого вам угодно материального предмета, это — своеобразная солнечная система, солнце, окруженное землями, на которых живут миллиарды живых мыслящих существ, своеобразных людей, иногда по своему умственному и нравственному развитию нас превышающих. Важнее сказанного то, что внизу (считая низом малые величины) такая же бездна, как вверх. Лекция на указанную тему будет прочтена в обычном месте через семьдесят два дня.

ШЕСТОЙ АТЛАНТ: Я сделаю не доклад, так как мне придется показать вам или тем из вас, кто пожелает, новый инструмент, в котором концентрируется громадное количество по мере надобности освобождаемой энергии. Вы, конечно, знаете, что в любом куске материи таится в скрытом состоянии громадное количество энергии, и мне с друзьями удалось найти способ освобождать её в том количестве и в той постепенности, в каком и какой нам желательно. Опыты и распределение небольших аппаратов будут произведены в этом же зале через неделю от нынешнего дня.

СТАРЕЙШИЙ ИЗ АТЛАНТОВ: Желательно сделать на несколько минут перерыв. После перерыва продолжим заседание. Все согласны?

ГОЛОСА: Да! Все!

(Все встают и ходят по зале по двое, по трое. Иногда образуются небольшие группы.)

АТЛАНТКА *(обращается к гиперборейцу, который отошел от стола и стоит в недоумении)*: Чужеземец! Как тебе понравились наши обычаи? Не грустишь ли ты по родине?

ГИПЕРБОРЕЕЦ: Мне чужда ваша жизнь. Многое нравится в ней. Многое я не постигаю и потому, вероятно, многим не интересуюсь.

АТЛАНТКА: Ты хотел бы иметь рассказчика, который охотно ответил бы на все твои вопросы?

ГИПЕРБОРЕЕЦ: Да, конечно!

АТЛАНТКА: Меня спрашивай.

ГИПЕРБОРЕЕЦ: Ты говорила, что наряду с тем, что можно назвать религией, у вас имеются древние сказания, которые сложились еще тогда, когда солнце было ослепительно ярким, когда оно блестело тем белым сиянием, от которого остался только жалкий отблеск в сиянии нашего, всё-таки белого солнца. Познакомь меня хотя бы с одним из таких сказаний.

АТЛАНТКА: Изволь. Они записаны в наших книгах стенографического письма, и я недавно еще читала толкования на одну старую легенду, которую и постараюсь передать тебе возможно точно. Речь идет о том периоде времени, когда люди плохо умели проникаться мистическим настроением, когда для этого требовалось очень сложное, искусственно вызываемое настроение, когда торжественная, тихая музыка, задушевное пение, аромат душистой, без остатка сгораемой смолы, блестящие одежды собравшихся и другая необычная обстановка способствовали созданию мистического настроения... И всё же оно не было достаточно сильным. Люди продолжали чувствовать себя на земле, хотя каждый день в религиозные, так сказать, обряды вносились всё новые и новые добавления: торжественные слова и жесты некоторых из молящихся, громкие, тягучие удары колоколов, в залах собраний ставились изображения наших предков, по преданию прилетевших из светлого далека, стены собраний убирала драгоценными камнями и изящными строгими произведениями искусства. Всё было тщетно. Казалось, что наша раса потеряла способность мистически мыслить и чувствовать. Тогда в разных частях нашей страны появились небольшие группы атлантов и атланток, среди которых шел упорный разговор о том, что им приходилось встречаться с каким-то знаменитым певцом, который пел только тогда, когда думал, что его не слышат люди. А если кто-либо случайно слышал его удивительное пение, он отказывался петь, утверждая, что его пение не предназначено для человеческого слуха.

Те, кому случайно удавалось слышать пение незнакомца, рассказывали, что во время пения им грустных песен, не только людям становилось нестерпимо грустно, но и цветы опускали свои головки, деревья склоняли к земле свои ветви, а на камнях выступали крупные капли воды - как бы слезы растроганных камней. Нечего и упоминать о том, что жалобно выли звери, слышавшие его печальное пение, что прекращалось, когда он пел веселое щебетание небольших лесных птичек, а большие хищные птицы далеко улетали от него. А когда он пел веселые песни, всё вокруг его веселилось: весело сияло солнце, весело пели птички, радостно реяли громадные птицы, весело прыгали и резвились даже хищные звери. Ныне мы понимаем всё сказанное иначе, чем понимали это наши далекие предки: для нас в рассказе о влиянии музыки Одинокого видны только душевные переживания тех, кто слушает хорошую музыку с одной стороны, а с другой можно предположить, что сам Одинокий пел веселые песни, когда ярко сияло солнце и когда все живые существа чувствовали себя хорошо, можно также предположить, что он пел грустные песни в плохую дождливую погоду. Люди, слышавшие дивную музыку Одинокого, утверждали, что он передавал речи светлых духов, часть которых сошла по преданию на людей и слилась с ними, что слившийся с ним - Одиноким - дух и научил его дивным мелодиям.

В музыке, учили слышавшие Одинокого, два языка: один из этих языков слышит кто угодно и слышит как звук, издаваемый неодушевленным инструментом и потому звук бессмысленный, хотя он может, всё-таки, навеять печаль или радость, как может навеять их какая-либо картина горной природы. Так слышат музыку, говорили люди того времени, только те, кто лишен духовного слуха. А те, кто обладает таким слухом, тот слышит в музыке разговоры духов светлых. Когда музыка перестает быть простым звоном, когда она отзвуком речей духов светлых является, тогда она получает такую силу и значение, что сам Рок уступает музыке, так как чует за нею силы

нездешние. Напрасно звали люди Одинокого посетить те залы, где они собирались, ища мистического экстаза. Он отказывался идти к людям и играть им. Однажды пришел к нему долго живший на земле мудрец и сказал: «Если ты не склоняешься на просьбы людей и не хочешь играть в построенных им жилищах, то услышь просьбу всего человечества, которое ты должен возлюбить всей душой своей, и пусть твоя музыка утешит тех, кто частью этого человечества является, и пусть научатся все люди мелодиям твоим.»

«Далеко не всегда и не всех могу я утешить. Многие глухи душою своею и для них музыка только шум. Правда, по произволу могу я давать людям радость или печаль тихую, но увы! Далеко не всегда можно смягчить музыкой нравы дикие, еще реже можно передать музыкой людям разговоры духов светлых...» Одинокий любил человечество, он мечтал о том, что увидит его мудрым, свободным, счастливым. Одинокий пошел к людям и играл и пел в их храмах. У многих светлело на душе, когда они слышали речь светлых духов, музыкой высокой передаваемую...

Людям казалось, что чище и радостнее становилась их жизнь, так как не было тогда той воинственной музыки, под звуки которой истребляли друг друга враждебные племена земли: тогда не сражались еще с атлантами дикие племена запада и юга.

Музыка была радостью и высоко поднимала сердца людей, если понимать под сердцами то, что позволяет людям постигнуть сияющие отблески миров высоких. Но Одинокий не только своей высокой музыкой чаровал людей, не только поднимал к верхам их сердца, но он открыл им и то, что позднее стали называть религией. Он учил людей, что после смерти тела душа человека продолжает существовать. Путь одной души не похож на путь души другой. Одинокий учил, каким образом должна очищаться душа человека для того, чтобы после полного очищения переселиться туда, где живут высшие, чем люди, существа. Он учил, что душа тесно связана с телом, пока живет человек, что распущенная жизнь тела омрачает, загрязняет душу, что телу надо давать только то, что необходимо для него, что не может запятнать душу. Даже аскеза предпочтительнее разнузданности телесной, и кто не может удовлетворяться тем, что полезно для тела, пусть предпочтет аскезу погоне за наслаждениями телесными, раз они вредны для тела и для души. В людях заложены злые начала, но с ними возможна и желательна победоносная борьба. Отчего и каким образом в людях имеются злые начала не так уж важно знать. Важно знать, во-первых, что таковые имеются в людях и, во-вторых, что они сводятся к прямому или косвенному причинению людям неприятного, тяжелого, хотя бы к этому неприятному и приискивались какие-либо оправдания. Не делай людям зла, не делай зла хотя бы одному человеку, воздерживайся от всего того, что ведет к смерти и стремись удовлетворить вредную для твоего тела или для кого-либо из людей твою потребность. Тем более, не надо насилием мешать людям удовлетворять какую-либо ни для кого не вредную потребность.

Раз в людях имеется зло, то оно явилось потому, что темное начало существует в мире, но можно избавиться от злого начала, и для этого человеку надо вести чистую и не распущенную жизнь. Люди сами должны знать, в чем доброе, а в чем злое начало проявляется. Одинокий учил также тому, что не надо есть мясо животных, не надо есть грибов, дыхание которых напоминает дыхание животных, надо носить только чистые белые одежды, на которых легко заметить всякое грязное пятнышко. Но, конечно, главное, в том, чтобы прожить жизнь, никого не обижая. Если человек не запятнал себя в жизни жестокостью или её подобием, то его душа поднимется в мир светлых духов, и там после жизни много лучшей, чем земная, она поднимется в высший мир существ, еще более светлых. Если же душа запятнает себя жестокостью или чем-либо подобным, она будет существовать после смерти тела в мире грязи и связанных с нею страданий. Пребывание души в этой грязи только временное: она поднимется из неё, войдет в один из миров, воплотится в нем в тело человека, ибо не на одной нашей земле живут существа, подобные людям и с людьми схожие.

В новом теле, в новой обстановке должна жить душа и, пока не перестанет грешить, до тех пор будет она странствовать в мирах низших.

Одинокий заметил, что какая-то женщина внимательно прислушивалась к его учению и радостно светлела, слушая его дивное пение и дивную музыку. На целые недели терял её из вида Одинокий и только слышал, что она с толпою других женщин веселилась и танцевала, переходя из поселения в поселение. Познакомился с ней Одинокий и узнал от неё, что она борется с двумя началами, живущими в ее душе. Она то мечтала о том веселье, о той радости, которые могут дать ей веселые дни обыденной жизни и мечтала об этой радости тогда, когда её зачаровывали звуки музыки Одинокого. А то мечтала она о высоких звуках, радостях несказанных, которые пронизывали её сердце, прислушивающееся к музыке Одинокого, и мечтала о них тогда, когда веселье обыденной жизни, по-видимому, всецело охватывало её. Одинокий называл эту женщину «Светлой» и всё более и более убеждался в том, что Светлая должна стать его женой, и радовался тому, что даст ей счастье, что она тоже даст счастье ему, что они оба вместе дадут счастье всему человечеству...

Не долго, но счастливо, жили они. Их личное счастье росло от напряженности общечеловеческого счастья. Но вот стал замечать Одинокий, что Светлая с какой-то грустью смотрит на изредка пробегавшие мимо её вереницы её прежних подруг, что она прислушивается к их пению и сама потихоньку вторит им. Она соглашалась с Одиноким, когда он напоминал ей о той великой миссии, которую она несла вместе с ним, великим музыкантом и носителем высоких духовных ценностей. Но всё чаще и чаще оглядывалась Светлая на веселые хороводы своих подруг и как то раз ушла вместе с ними в тот роскошный дворец, где они жили и веселились. Пошел за Светлою Одинокий, и стража, заслушавшись его музыки, охотно пропустила его. Он нашел Светлую в кругу веселых подруг, и владелец замка вместе с женою своею охотно отпустили Светлую с Одиноким, взяв с него обещание еще раз зайти в их замок.

Одинокий согласился и вместе со Светлой вышел из замка. Не успели они отойти от него и пяти шагов, как до их слуха донеслись вульгарные плясовые мотивы, и Светлая, вырвавши свою руку из рук Одинокого, бросилась назад в замок. Стража пропустила её и некоторое время не запирала ворот замка, рассчитывая на то, что Одинокий тоже возвратится в замок. Но Одинокий не хотел снова видеть Светлую. Опустив голову, он уходил от замка...

Одинокий не проповедовал более высоких истин. Ему казалось, что никто не понимает его музыки, его пения и его учения. Всюду чудилась ему измена. Не считал более нужным Одинокий говорить языком не земным, языком музыки. А когда ему приходилось слышать музыку земли, Одинокий говорил, что она только слабый отблеск музыки, в сферах высоких звучащей, и под каким-либо вежливым предлогом уходил от тех, кто хотел попросить его показать слушателям высокое искусство чудных звуков, полных смысла, всецело познаваемого только обитателями сфер высоких. Одинокий обычной речью проповедовал свои истины высокие. Как то раз его окружили подруги Светлой, обрушились на него с упреками, говоря, что он не должен был бросить Светлую, хотя она и ушла от него, что Он должен был слагать в честь неё песни и петь старинные свои песни во славу души её сияющей, что, так как Он не делал этого, то тоска завладела душой её, и она умерла, прощая его и умоляя его простить её. Не мог Одинокий выразить свое горе словами а когда попробовал выразить его музыкой, убежали от него подруги Светлой.... Приснился Одинокому вещий сон, что, не пойдя за Светлой, он пренебрег, не простив ошибки сделанной, душой мира людского, высочайшим заветом в его высокой музыке скрытом. Он понял тогда, что пренебрег заветом всепрощения, забыл то, что познал в мирах других, забыл, что люди прощать не имеют права, так как ничего не происходит в их мире такого, что нуждалось бы в прощении людей. И вместе с тем понял он, что только свершивший какое-либо зло сам себя наказать может раскаянием полным и, пока не раскается, будет странствовать в мирах, низко лежащих. Проснулся Одинокий и продолжал свою работу, уча людей не поддаваться ненужным соблазнам тела и вместе с тем не осуждая тех, у кого не хватило сил бороться с соблазнами... Однако, нас зовут занять места.

ГИПЕРБОРЕЕЦ: Очень благодарю тебя за рассказ. Разреши мне посетить тебя в твоём доме.

АТЛАНТКА: Охотно примем тебя в нашем доме. Приходи, когда захочешь.

Занавес.

Действие третье

Громадная круглая комната. Посредине большой телескоп. Вокруг стен столы и кресла. Несколько атлантов и гиперборейцев.

АТЛАНТ: Нет сомнения: вторая луна приближается к земле. Пройдет, судя по вычислению Орлира, не более года, и она будет угрожать падением на землю. Упадет она, вероятнее всего, в океан. Тогда океан зальет всю нашу землю. Надо немедленно и окончательно решить вопрос, куда нам переселиться. В течении трех дней атланты должны решить вопрос: подняться ли им на горы, построить ли города, со всех сторон защищенные от воды стенами из хрусталя, с хрустальными же потолками над всеми городами и крытыми переходами из одного города в другой или, наконец, построить суда и на них носиться по океану, пока путники не найдут какого-либо возвышенного плоскогорья..

АТЛАНТ 2-й: Кто как хочет, конечно. Я и мои близкие, мы построим суда и поплывем по бушующим волнам. Вернее всего, мы пристанем к местностям, населенным дикими племенами.

3-й АТЛАНТ: Мы — громадное большинство — решили покрыть наши города хрустальным сводом и устроить проходы между ними. Наши инженеры знают уже, каким образом устроить в стенах аппараты, которые выделяют бы из воды кислород и удаляли бы в воду углекислоту и другие ненужные избытки газов.

4-й АТЛАНТ: Никто, кажется, не хочет подняться на высокие плоскогорья: там чересчур холодно.

1-й АТЛАНТ: Как решили на собраниях поступить с животными? Ведь нельзя бросить их без помощи. Воды океана затопят, выйдя из берегов, все обитаемые этими зверями земли.

4-й АТЛАНТ: Многие из них будут посажены на плоты с некоторым запасом пищи. Будут приготовлены плоты с запасом пищи для птиц.... Всё будет сделано для того, чтобы спаслось возможно большее число животных...

3-й АТЛАНТ: Да! Надо сделать для них всё, что возможно. Не верно, конечно, что мы — боги животных, но позаботиться о них мы обязаны.

1-й АТЛАНТ: Этим вопросом займутся атланты пятого отряда. А мы займемся нашими очередными делами.

2-й АТЛАНТ: Да, конечно. Только те из животных будут убиты и души их перевоплотятся, которые, обезумев от ужаса, ворвутся в наши города. У нас не хватит средств кормить их в подводных наших селениях... Что будет предметом нашей лекции? Изложите её программу и внесем в неё необходимые дополнения.

4-й АТЛАНТ: В том месте небесных пространств, где не было видно звезд до изобретения сильных алмазных телескопов, обнаружена гигантская земля, превышающая своими размерами синие солнца нашей вселенной. На этой земле, освещаемой ярко-зеленые лучи отбрасывающим солнцем, живут различные, часто многочисленные существа, с нашей точки зрения очень странные... О наружности этих существ и об их жизни, поскольку её можно наблюдать в наши могучие телескопы, будет сделан доклад Орлиром.

3-й АТЛАНТ: А люди луны? Они по-прежнему в отчаянии?

1-й АТЛАНТ: Ты говоришь, конечно, о третьей луне? Люди третьей луны знают, что она упадет на Землю. Вначале мы видели, как в ужасе метались луниты, очевидно узнав, что их миру грозит конец, а позднее, мы увидели, что они устроили громадные пустые бомбы, входят в них, и эти бомбы перебрасываются на первую луну, ко-

торая не грозит падением на нашу землю. Во всяком случае, луниты нашли выход из создавшегося положения. Их световые послания указывают, что паника у них улеглась и что среди них воскресли преображенные старые религиозные воззрения.

Обо всем этом тоже будет сделан доклад, и граммофоны передадут его содержание всем желающим слушать. Он будет, конечно, записан и размножен.

2-й АТЛАНТ: В нашем зале назначено сегодня какое-то собрание. Отодвинем телескопы и пусть манекены расставят скамьи, кресла и столы.

(Манекены расставляют кресла, столы и прочее. Зал наполняется атлантами. Среди них несколько гиперборейцев.)

ГИПЕРБОРЕЕЦ: Как грозно нависла над землею вторая луна!

АТЛАНТ: Океан поднимается. Страшные бури вздымают его волны.

5-АТЛАНТ: Что-то чувствуют дикие звери. Ихтиозавры и другие чудовища подплыли к нашим берегам. Из далеких стран примчались тигро-львы со страшными саблевидными клыками. Появились громадные мамонты и множество других зверей.

2-й ГИПЕРБОРЕЕЦ: Вышлите против них детей, вооруженных оружием, выбрасывающим всежигающее пламя, и они отгонят тех из них, которых можно отогнать безопасным огнем и уничтожат вредных.

6-й АТЛАНТ: Да, а тех, которых можно будет спасти на плотках, мы спасем, а пока до наводнения будем кормить их... О них позаботятся те, которые не опустятся на дно океана. Во всяком случае мы не обидим животных: только те из них, которые чрезмерно опасны для других животных и отдаленных от нас племен, могут быть телесно уничтожены.

НЕСКОЛЬКО ГИПЕРБОРЕЙЦЕВ: Наши сердца сжимаются от страха! Горе нам! Горе! Конец нашей родины, конец Атлантиды приближается!

ГОЛОСА АТЛАНТОВ: Много лишнего испуга. Вы все спасетесь. Когда придет час, атланты выйдут из моря. А потом придет время, когда воскреснет Атлантида и засияет на земле ярким блеском!

АТЛАНТ: Один из нас переживет все те времена перемены, которым подвергнутся атланты и гиперборейцы. Когда атланты выйдут со дна залившего нашу страну океана, он выйдет вместе с другими и много позднее будет Учителем людей.

МНОГИЕ АТЛАНТЫ: Так будет! Так будет!

ГИПЕРБОРЕЕЦ: Но, поселившись на дне океана, все, кроме одного, как вы говорите, жители Атлантиды потеряют свое бессмертие. Все они познают смерть!

АТЛАНТЫ: Смерть, это — переход в другие миры и только.

ГИПЕРБОРЕЕЦ: Предложение! Предложение! Я хочу сделать предложение!

ГОЛОСА: Мы слушаем.

ГИПЕРБОРЕЕЦ: Я предлагаю обратить воды океанов в пары. Тогда падение луны не будет грозить нам потоплением нашей страны.

ГОЛОС АТЛАНТА: Нельзя принять это предложение: если луна упадет на землю, а не в воду, — сотрясение будет так сильно, что катастрофа будет ужаснее потоп: земля даст трещины и внутренний огонь земли — её кровь — хлынет на поверхность, и тогда ничего не останется на земле.

ГИПЕРБОРЕЕЦ: Конечно, на дне океана можно будет зажечь в наших городах искусственный свет, но хватит ли там необходимых материалов для освещения и вообще для жизни?

КТО-ТО ИЗ АТЛАНТОВ: Хватит на сотни тысячелетий: океан богат всем, что необходимо для жизни. Прежде, чем опуститься на дно океана, нам надо озаботиться тем, чтобы в новой и необычной обстановке не заглохли у нас основы цивилизации, культуры и религии нашей и наших предков.

КТО-ТО ИЗ ГИПЕРБОРЕЙЦЕВ: Если не говорить о правилах морали, предписываемой нашей религией, мы — гиперборейцы — почти что ничего не знаем о том, кто над нами.

АТЛАНТЫ: Все наши знания — ваши знания. Но мы почти что ничего не знаем о Нем: Он не человекоподобен, не подобен он животным, не подобен планетам и звездам. Ничему не подобен из того, что мы постигаем. Но слабый отблеск его — велико-

го — мерцает в каждом из нас. Этот отблеск — душа человека, отнюдь не совпадающая с его телом. Но обо всём этом нам можно будет говорить и на дне океана. А теперь остановимся на тех правилах общежития, которых мы будем придерживаться, оторванные от звездного неба, проведя нашу жизнь в глубинах водных. Начинайте!

ОДИН ИЗ АТЛАНТОВ: Все равны будут у нас. Никто не будет иметь ни тени власти. Никто не будет иметь больше того, что надо для удовлетворения его потребностей. Мы не допустим эксплуатации человека человеком. Будем жить, как ныне живем. Мы никогда, ни при каких обстоятельствах не будем прибегать к войне для каких бы то ни было целей. Насилие, это — орудие животных, но не тех, в ком горит искра огня божественного. Ни войны, ни насилия, ни наказания, ни принуждения в нашем будущем обществе не будет.

АТЛАНТЫ: Так будет! Так будет!

АТЛАНТ: Гиперборейцы, которые пойдут вместе с нами, должны забыть о выделке ядовитых газов, должны забыть о каких бы то ни было ссорах, иначе нам не ужиться на дне океана.

ГИПЕРБОРЕЙЦЫ: Так будет! Так будет!

Занавес.

Действие четвертое

Площадь. С правой её стороны прозрачная стена толстого стекла. Слева красивые дома. Наверху, очень высоко, стеклянный потолок. На дальнем плане опять-таки стеклянная стена и через неё видны разнообразные красивые водоросли и кусты красных кораллов. В стене громадная дверь и видно начало длинного коридора. Через потолок видны плавающие рыбы и большие морские животные. Точно с правой стороны. Несколько атлантов стоят около правой стены и смотрят в море.

АТЛАНТ: Нет сомнения: мы стали меньше ростом и менее сильны. Это легко объяснить тем, что наша раса смешалась с гиперборейцами. Почти совсем исчезли атланты чистой расы и чистой расы гиперборейцы. Смешанные браки почти совсем уничтожили чистоту рас. Вот почему всё меньше и меньше тех отважных, которые охотно выходили из наших городов в океан и расчищали выростающую около наших стен растительность.

ВТОРОЙ АТЛАНТ: Да! Падает подводная Атлантида. Мы вырождаемся. Мне кажется, в этом не наша вина, и только второстепенную, если не стостепенную роль играет во всём этом смешение крови атлантов и гиперборейцев. Наша жизнь стала здесь скучной. Мы забыли о естественном воздухе, о сиянии солнца и луны, о блеске звезд, а те, кому мерещится жизнь под голубым небом, жизнь в воздухе, а не в воде, те страшно скучают.

АТЛАНТКА: Ниргалла, наша общая любимица, сегодня утром умерла. Она сожгла себя огнем вриля.

АТЛАНТ: Как это грустно! Которая по счету атлантка кончает самоубийством в этом сезоне?

АТЛАНТКА: Тысяча сто десятая. На сегодняшнем «празднике самоубийц-женщин» ушли из нашего мира двенадцать атланток. Могу вас уверить, что всё больше и больше атланток будут убивать себя.

АТЛАНТ: Необходимо прекратить начавшуюся эпидемию самоубийств. По всем признакам пришло время покинуть наши подводные города и подняться на поверхность океана и поискать земли.

ЧЕТВЕРТЫЙ АТЛАНТ: Надо приучить население к мысли об этом подъеме: последний раз наши исследователи поднимались на поверхность океана сто десять лет тому назад. Измерители показали, что наверху слабее свирепствуют бури.

АТЛАНТКА: Разведчики снова поднялись на поверхность. Мы ждем их возвращения. Если бы у меня и многих моих подруг не было надежды на то, что они возв-

ратятся с хорошими вестями, мы сегодня утром ушли бы из этого мира... Слышите: звуки труб призывных. Как давно я не слыхала их! Нам не надо никуда идти... Одно из собраний будет здесь на площади.

(Из домов и из ворот входят атланты и наполняют площадь.)

ГОЛОСА: Вернулись разведчики... Как рады были бы мы, если бы они принесли добрую весть о возможности выйти на поверхность океана! Увидеть солнце и звездное небо! Найти землю для поселения! Тише: говорят автоматы!

АВТОМАТ: Слушайте! Слушайте! Слушайте!

МОЛОДОЙ АТЛАНТ: Автомат говорит гораздо громче, чем обыкновенно...

СТАРЫЙ АТЛАНТ *(тихо)*: Автоматы говорят громко, сообщая величайшей важности сведения...

АВТОМАТ: Слушайте внимательно! Слушайте внимательно! Слушайте внимательно! Говорят разведчики: мы поднялись на поверхность океана. Над ним ярко сияло солнце. Ни туч, ни ветра. В наши подзорные трубы мы увидели землю, покрытую растительностью. Мы были на той земле. Мы видели новых людей: они много ближе к обезьянам, чем к нам. Их жилища похожи на птичьи гнезда, как они изображены в старых книгах. Люди эти малокультурны. Не цивилизованы. Их оружие — простые камни, их орудия — простые камни. Они, без сравнения, ниже самых диких людей, живших до потопа. Солнце сверкает желтоватым цветом. На поверхности земли можно жить. Собирайтесь! Через семь дней начнется наш исход со дна океана.

АТЛАНТЫ: Наконец!

АТЛАНТКИ: Какое счастье!

(Почти все расходятся по домам. На площади у правой стороны несколько молодых атлантов и атланток.)

АТЛАНТКА: Ты не идешь готовиться к подъему, Орлином?

ОРЛИНОМ: Нам нечего готовиться. Возьмем наши жезлы и немного пищи. А ты, Тарлисса, и твои подруги? Вы прекратите ваши самоубийства?

ТАРЛИССА: Конечно. Мы попросим только любезности: нас выпустить на землю первыми.

АТЛАНТЫ: Так будет.

АТСАЛЛА: Неужели мы не окончим нашего последнего разговора? Ведь мы не будем готовиться к подъему.

ОЗИРСОН: Продолжим разговор. Слово за Файтоном.

ФАЙТОН: Нам придется, выйдя из вод океана, встретиться, как мы и ожидали, с выродившимися людьми. Нам придется дать им религию. Они пали до уровня животных и надо поднять их. Боюсь только, что не поймут они высокой религии, недоступен им будет отблеск познания Бога Великого, и заранее можно предсказать, каковы будут их верования. Они будут называть богами камни и деревья, потом подобия зверей или прямо зверей, птиц, рыб и пресмыкающихся. Они будут поклоняться, как богу, но, конечно, по-своему, небесным светилам — звездам и планетам, так или иначе обоготворяя их. Будут люди, как богам, поклоняться людям, украшенным людской фантазией; будут они поклоняться тем, кто более всего на людей походит, но имеют то, что люди в виде крыльев представляют себе. Будут люди поклоняться гигантам, людям и зверям подобным. Будут люди поклоняться стихиям разнужданным, будут поклоняться носителям злого начала и великому воплощению зла поклоняться будут. Найдутся такие, кто устал от напрасных поисков бога, который бы удовлетворил их, начнут отрицать его существование, говорить, что его нет. Им будут вторить глупые и злые люди, отрицая бога, ибо погасло сияние его, в их душах сущее, и только малозаметной искоркой теплится. И такие люди встретятся нам, которые, зная, что Бог существует и утверждая это положение, откажутся жить так, как это угодно Богу.

ТАРЛИССА: Что это? Он говорит о том, чего никто не видел?

ОЗИРСОН *(тихо)*: Он — атлант чистой крови. Он — долгоживущий. Он осенен. Он видит то, чего мы не видим. То, что он говорит, — истина.

ФАЙТОН: Конечно, Великий Бог непостижим. Его нельзя определить человеческими словами. Нет человеческого слова, которыми можно бы было выразить. Он — сущий и одновременно не-сущий, ибо его существование совсем иное, чем существование творений его.

ЭНЛЭРА: Ты можешь всё-таки что-либо сказать о нем? Ты можешь назвать его имя?

ФАЙТОН: Если мы возьмем все буквы, где бы ни существовали они, если мы возьмем все стихийные шумы и грохоты, мелодии всех сфер, все мелодии, все звуки и всё молчание всех бесконечностей тогда ты получишь имя его — Великого — но не сможешь произнести и услышать его. Очень немногое могу я сказать о Нем. Если мы возьмем совокупность всех бесконечностей Он — Сущий — в бесконечное число раз глубже глубины всех бесконечностей вместе взятых, бесконечно длиннее длины их и бесконечно шире ширины всех бесконечностей. Для Него, когда Он пожелает, есть то, что мы настоящим, прошедшим и будущим называем, и нет этих различий, когда Он хочет: всё это в одно сливается, нет времени. Но бесконечно много у Него измерений. Если в зеркале мы видим нечто двух измерений, если в тени мы видим нечто трех измерений (длину, ширину и время), если в предметах и существах мы видим четыре измерения (глубину, ширину, длину и время), если удар молнии проявляется в пяти измерениях, снимая, например, с пораженного ею человека всё платье целиком, не расстегивая и не развязывая его, если свет проявляется в шести измерениях, то всё же Он, Великий, имеет ноль измерений и одновременно бесконечное бесконечной степени число измерений. Понятно — Он одновременно все-сущий и в одном месте за пределами нашего мироздания сущий. Перед Ним всё бесконечное большое число бесконечностей, как шашечная доска перед человеком. В Нем всё, творениями его постижимое, и Он вне всего того, что Его тварями постигнуто быть может. Он дал безграничную свободу существам, но в верха подниматься будут только те, кто будут служить добру, а не злу. Но в конце концов, хотя бы через мирны мирн столетий, всё зло сделанное искуплено будет, и только добро сиять будет. Помните всё-таки, что в Нем всё было, и только потому злое получилось, что превыше всего и наравне с добром стоит свобода безграничная. Но горе тому существу, кто свободу, ему дарованную, на злое направит: долгими годами будет исправлять он зло содеянное. Нет пределов всемогуществу Великого. Он может воплотиться в тысячах мирн тварей своих и одновременно остаться целостным и вне их сущим. В Нем — Великом — всё хорошее, но отделившаяся от него, волею тех, кого Он создал, часть хорошего в свою противоположность обратилось и снова хорошей станет. Таким образом в нем — всё.

АТСАЛЛА: Ты говоришь о Великом. А Элоим?

ФАЙТОН: Элоимов — бесконечное множество. Их больше, чем бесконечностей. Те из них, которые не являются богами бесконечностей, в области Силы пребывают. Бесконечно велики и бесконечно мощны по сравнению с нами Элоимы: мы можем говорить о них, как о всесовершенных, всемогущих, всеблагих и всезнающих и пр. и пр.. Мы правы, ставя их превыше всего нам доступного, нами постигаемого. Но любой из живущих в любом из нас существ, из существ, живущих на Ионе, вокруг атома вращающийся, так же относится по мощности своей к Элоиму, как Элоим к Великому богу относится.

ИРИЛСА: Перестань говорить, прошу тебя, Файтон! Утомился мой разум, слушая тебя и не воспринимаются понятия, тобой высказываемые. Для многих из нас, в жилах которых течет кровь и гиперборейцев, непонятны слова твои без долгого обдумывания. Мы Элоима как человека или как ангела с крыльями воспринимали... Скажи нам лучше, чему мы будем учить жителей земли, поскольку дело идет об их земной жизни? Позднее, поговорим мы о Великом и об Элоимах...

ФАЙТОН: Мы будем учить людей жить так, как сами будем жить. Не должно быть в среде людей грабежа собственности. Не должно быть насилия власти. Не должно быть преступлений, обид. Не должно быть обид, которые не являются преступлениями. Не должно быть бедности. Не должно быть невежества. Не должно

быть суеверия. Не должно быть кичливости. Все будут бороться со злом во всех его проявлениях. Все будут богаты. Будет господствовать среди людей взаимопомощь. Будет господствовать полная солидарность. Будут процветать среди нас самодеятельность и независимость. Полная свобода, полная терпимость, свет знания будет сиять в людских общежитиях. Всё это покроется великой, всепрощающей любовью ко всему человечеству и к каждому отдельному человеку.

АТЛАНТЫ: Так будет! Да будет!

АВТОМАТ: Слушайте! Слушайте! Слушайте!.

(Многие атланты и атлантики выходят из домов.)

АВТОМАТ: Во многих городах женщины настаивают на возможно скорейшем подъеме и скорейшем занятии земли. Желаящие могут отправиться через тридцать часов. Кто хочет подняться — готовьтесь!

ТАРЛАССА: Если так, то всем нам придется разойтись по домам и готовиться к подъему. Нас уведомят, из какого города начнется подъем.

Занавес.

Действие пятое

Очень широкая аллея сфинксов. В конце аллеи возвышается пирамида. Около сфинксов стоят группы людей в белых одеждах и тихо разговаривают.

МУЖЧИНА: Нет никакой надежды... Аллоат был очевидцем катастрофы и рассказал о ней мне и остальным одиннадцати строителям жизни.

НОЛЬГООН: Просим тебя: расскажи нам, что знаешь, Дилорсим.

ДИЛОРСИМ: Аллоат был в пирамиде вместе с десятью хранителями вриля. Он сказал им то, о чем они уже знали, что новое поколение не может пользоваться жезлом вриля так, как пользовались им наши предки.

Он слышал, как хранители говорили, что на Земле осталось не более десяти стариков, которые умеют пользоваться силой вриля. Затем они говорили, что им придется сделать изменения в жезлах вриля, которые они приготавливали, и хранители ушли в дальние залы пирамиды. Аллоат подождал их. От раннего утра до поздней ночи ждал он, что они или один из них выйдет к нему. Но никто не вышел. Тогда он вышел из пирамиды, решившись снова вернуться к ним утром. Аллоат не успел отойти и двухсот шагов по направлению к ожидавшим его верблюдам и погонщикам, как яркий темно-синий свет озарил лежавшую перед ним дорогу. Он обернулся и посмотрел на пирамиду. Её уже не было: на месте, где она стояла, догорал огонь вриля и через пол-минуты на месте пирамиды была только груда легкого пепла, который и был развеян ветром. Оминдос говорит, что в большой библиотеке верховных жрецов находится манускрипт, в котором сказано, что хранители вриля уничтожат мастерскую для выделки жезлов, когда убедятся, что человечество не может более пользоваться жезлами вриля и врилем. Очевидно, этот момент настал, и никто более не будет пользоваться могучей силой вриля. Некому будет зарядить жезлы.

НОЛЬГООН: Ничего не поделаешь. Мы давно ждали исчезновения вриля и насколько возможно приготавились к этому. Скажи: когда откроется для всех нас второй лабиринт и можно ли будет жить в нём всем желающим?

ДИЛОРСИМ: Второй лабиринт откроется через девять дней. Кто угодно из потомков атлантов может быть в нем, подчинившись тем условиям жизни, которые приняты в лабиринте. Вы знаете, что в нем происходит постоянная мистерия. Каждый, кто войдет в лабиринт, должен проникнуться той ролью, которая будет дана ему: он должен будет в первом зале вести себя так, как он вел бы себя, попав после смерти в мир ангелов, над нашим миром сущих, а во втором зале он должен подражать миру архангелов, выше мира ангелов сущему, и чем дальше будет он проникать в залы лабиринта, тем более высокие миры более высоких духов будет встречать он, и всё время, в каждой зале, он — житель лабиринта, — должен быть тем, кто по

мысли основателей лабиринта должен изображаться в этом зале. Часть времени, проведенного в лабиринте, обитатель последнего должен посвятить удовлетворению материальных потребностей жителей лабиринта, но это не много отнимет у него времени.

НОЛЬГООН: А выход из лабиринта? Он всегда возможен?

ДИЛОРСИМ: Да. Но только тот, кто пройдет все залы лабиринта, прожив в каждой из них указанное ему время, только тот войдет в коллегия жрецов. Я говорю, конечно, о жрецах высшего посвящения. Для того, чтобы быть жрецом низшей жреческой касты, достаточно посещать в течении трех лет обыкновенную жреческую школу. Но простым жрецом может быть кто угодно, может быть и не потомок атлантов.

ОРСИЛОН: Сколько лет придется пробыть в лабиринте тому, кто хочет быть в ряду верховных жрецов?

ДИЛОРСИМ: Семь лет, самое меньшее. Но никто не помешает ему брать отпуска из лабиринта.. Никто не помешает ему выходить из лабиринта для прогулок в установленном для этого время. Он не будет находиться всё время с другими мистами. Он будет заниматься в громадных библиотеках лабиринта, читая стенографию атлантов, медные таблицы и свертки папируса наших недавних предков.

ГОЛОС: Где можно записаться в число желающих жить в лабиринте?

ДИЛОРСИМ: У любого из принадлежащих к первым десяти родам атлантов.

НОЛЬГООН: Ты знаешь, Дилорсим, что я с радостью поступлю в число жителей лабиринта. Но мне хотелось бы знать кое-что, не войдя в него. Скажи мне, правы ли те, кто утверждают, что Великий Бог не один, что великих богов бесконечное множество?

ДИЛОРСИМ: Да! Они правы.

НОЛЬГООН: Значит, не правы те, кто утверждают, что Великий Бог один?

ДИЛОРСИМ: Нет! Ты ошибаешься: правы и те, которые утверждают, что Великий Бог — один.

НОЛЬГООН: Как же примирить два исключаяющие друг друга понятия?

ДИЛОРСИМ: Надо забыть о наших представлениях о земной жизни, когда речь заходит о Великом Боге. Нельзя, например, говорить и мыслить одинаково об идее и о ноже. Великий Бог является таким, каким мы не можем познать его. Но мы можем считать его единым и множественным одновременно, как, например, можем считать (говорю не точной аналогией) единым и множественным человека. Во-первых, человек состоит из миллиарда атомов и каждый из них живет своей жизнью; во-вторых, человек не один, а людей множество, в третьих, всё это множество людей мы можем мыслить, как одно человечество. Не думай, что я не понимаю невозможности ответить на твой вопрос аналогией. Конечно, нет подобия между человеком, человечеством и великим богом. Но ты должен, понять, что не всё доступно пониманию нашему и в некоторых случаях приходится ограничиваться мало пригодной аналогией. Во всяком случае то, что как противоречивое и потому неверное звучит, когда речь идет о вещи или животном; верно, когда речь идет о Великом Боге. И если бы человечески понятно было бы то, что мы скажем о Великом Боге, то ясно: не о Великом Боге говорили бы мы, а о нашем подобии. Впрочем, в лабиринте, вам ответят на заданный вопрос лучше, чем ответил я.

АМАЗЕЙМА: Твой ответ понятен нам. А ныне скажи, как думают атланты: надо ли придерживаться прежнего обычая погребать мертвых, рассекая трупы и разбирая их части, или же надо делать мумий?

ДИЛОРСИМ: Не всё ли равно? Я понимаю твой вопрос: до последнего времени тела умерших атлантов сжигались огнем вриля, и ты не знаешь, как будем мы погребать своих мертвых после утраты вриля. Вернее всего, мы будем сжигать тела наших братьев обычным огнем. Будем делать это втайне. В наших храмах .найдется место и для таких сожжений.

АМАЗЕЙМА: А наши мистерии в храме Изиды, который помещается в большом Сфинксе?

ДИЛОРСИМ: Эти мистерии будут перенесены в лабиринт. Там удобнее будет устраивать мистерии в честь великой Изиы.

НОЛЬГООН: Скажи: за занавесой, которая скрывала изображение Изиы, никто из нас не видел ничего и никого. Никто из нас не подходил к этой занавеске прямо. Только сделав большой обход, подходили мы к ней. А те дерзновенные, которые пытались отдернуть занавеску, прямо подойдя к ней, падали мертвыми. Как это было устроено? До сих пор мы не особенно интересовались этой тайной, а ныне, перед тем, как перенести мистерии в честь Изиы в лабиринт, хотелось бы знать в чем тайна храма Изиы?

ДИЛОРСИМ: Тут нет никакой тайны для атлантов. Ты знаешь: наши предки не могли поднять до своего уровня первобытное население страны и некоторые приемы установленного для этих аборигенов служения божеству были выработаны нашими далекими предками как противовес слишком грубому, примитивному языческому богослужению. Здесь применена десятая составная часть вриля. Если человек становится перед статуей Изиы, опираясь ногами на медную около занавеси положенную платформу, а рукою дотрагиваясь до отдергиваемой занавески, сила называемая электричеством убивала того, кто хотел видеть всё равно невидимого духа, Изиой называемого и изредка в своем храме появляющегося.

НОЛЬГООН: Да! Мы догадывались, но не были уверены. Тайна везде. Тайна и в том, что всё, от земли оторвавшееся, стремится упасть на нее. Мы не были уверены, какую тайну хранит в себе храм Изиы.

(Слышен протяжный, высокий и звонкий звук, напоминающий звуки медных труб.)

ДИЛОРСИМ: Труба призыва. Поспешим на наши посты: что-то важное хотят сообщить нам наши уполномоченные...

(Все расходятся и идут по алле сфинксов в разных направлениях.)

Занавес.

Действие шестое

Лабиринт. Большая зала с очень высоким потолком. Стены полированного гранита. По углам какие-то аппараты. Полукругом расположены 20 кресел высеченных из гранита. В дверь, расположенную позади кресел, входят три человека.

ПЕРВЫЙ: Не легко добраться до этого зала, который называется тобой, Дилорсим, приемной.

ДИЛОРСИМ: Конечно, Нольгоон, лабиринт почти не доступен для посторонних. Если кто-либо из посторонних и проникает в него, то, проплутав в лабиринте несколько часов, выходит из него или же его выводит кто-либо из хранителей лабиринта. Внезапно гаснущий и через некоторое время вспыхивающий свет настолько пугает неожиданных гостей, что второй раз они не возвращаются сюда. Впрочем, войти в лабиринт можно только в те редкие дни, когда здесь ждут кого-либо из приглашенных.

(Входят три человека и садятся на кресла. Почти тотчас же вслед за ними входят пять человек и усаживаются на каменные кресла. Слышны звуки труб. С противоположной от входа стороны появляется высокий человек в белой одежде с узким серебряным обручем на лбу и с похожей на пальмовую веткой в руке.)

ВОШЕДШИЙ: Добро пожаловать. Каждый входящий к нам рассказывает в этой зале свою жизнь и сообщает, что именно привело его в лабиринт. Кто хочет говорить? *(Молчание.)* Нольгоон! Прошу вас, начните рассказывать.

НОЛЬГООН: Если никто не имеет чего-либо против, я готов рассказать о том, что побудило меня искать в лабиринте истины. *(Молчание.)* Я из той семьи, все члены которой живут очень долго. Двадцать лет тому назад я встретил того, кого мы звали тогда Орленом, и он познакомил меня с Эоналлом, о котором рассказывали, что он бессмертен, что он — атлант чистой крови, что он живет на Земле несколько тысячелетий. Сам он никогда не говорил о своем роде. От него узнал я религию ат-

лантов, изложенную в дивных сказаниях. Я стал учить ее истинам всех, кто хотел меня слушать, охрана фараона схватила меня, и я был выслан в землю, населенную чернокожими племенами. Я пробыл в этой земле три года и только постоянно посылаемые мне книги и сознанный мной необходимость изучить мудрость атлантов удержала меня от немедленного бегства. Со мной вместе жили среди эфиопов немногие потомки атлантов и много сосланных врагов фараона из числа разных подвластных ему народов. Я увидел в ссылке, как косны убеждения людей, как неохотно воспринимают люди новые для них, хотя бы и прекрасные идеи. Более же всего я понял, что темные силы, на которые опирался фараон и его приближенные, обладают невероятной мощью. Под влиянием этих сил народные массы не знают как улучшить свое положение и не хотят слушать тех, кто знает, какими способами можно улучшить его. Я бежал из ссылки и, опираясь на моих друзей атлантов, долго жил под чужим именем, стараясь поднять отдельных представителей народа Кеми до миропонимания атлантов. Не могу сказать, что моя работа была успешной; но всё-таки десятки моих учеников имеются среди народа Кеми, и многие наши взгляды восприняты отдельными представителями этого народа. Но эфиопы и некоторые другие известные народу Кеми племена не могут воспринять ни одной мысли из учения атлантов. И вот я пришел сюда для того, чтобы научиться, как и что именно надо нам проповедовать народам. Я всё сказал, о Лирнол, всё самое важное и едва ли стоит рассказывать о моей жизни более подробно. Если это необходимо, я предпочитаю написать мою биографию и передать тебе.

ОДИН ИЗ ВОШЕДШИХ: Каждый из нас предпочел бы написать о своей жизни и передать тебе рукопись. Пусть прочтут её те, кто хочет. Что скажешь, о Лирнол?

ЛИРНОЛ: Как хотите, атланты! Как хотите! Наш обычай, который можно, впрочем, не соблюдать, указывает, что каждый, в лабиринт входящий, не может войти в третью залу, если не представит своей, хотя и краткой биографии. А сейчас задавайте вопросы, какие считаете нужным задать перед тем, как стать мистами.

САНДИВА: Я слышала от моей прабабушки, которая жила чрезвычайно долго, что звезды, видимые на небе, какое-то отношение к телу демиурга имеют? Не можешь ли сказать мне, что известно было атлантам о демиургах?

ЛИРНОЛ: Я ограничусь здесь простым ответом на твой вопрос. Много больше ты узнаешь в четвертом зале. Наши предки-атланты думали и имели свои основания думать, что видимые на небе звезды являются атомами, а земли около них вращающиеся, ионами громадного тела демиурга. Они утверждали, что мы — люди — обладая ничтожным количеством чувств и не обладая теми чувствами, которые необходимо иметь для того, чтобы икс-тело демиурга почувствовать, видим только атомы тела его, то есть, видим ничтожнейшую часть того, что им является. Ты понимаешь, о Сандива: существо на ионе, в твоём теле сущим, живущее, не может понять тебя, хотя может видеть миллионы атомов тела твоего в потоках твоей крови несущихся. Так как мы — в демиурге, то мы не можем по этому положению нашему иметь представление о нем. Но наши предки как бы сливались с ангелами, свои обители покинувшими, и они указали нам на атомы в теле демиурга.

САНДИВА: Благодарю за объяснение. Ихронен хотел задать тебе более серьезный вопрос.

ИХРОНЕН: Многих из нас интересует вопрос, почему Великий так устроил мир, что в нем существует зло? Неужели нельзя было устроить мир без зла?

ЛИРНОЛ: Я думаю, что имеются миры, в которых нет того, что ты злом называешь. Но не может быть миров, в которых не было бы зла, а было бы одно только добро. Ведь если бы Великий или Элоим создали одно только добро, то это значило бы, что они создали Великого. К чему это? Если же создано что-либо не тождественное с Великим, то было создано и злое. Конечно, можно выразиться точнее, было создано то, что злым кажется, то, что злым является для того, чтобы люди сознательно добро творили.

ИХРОНЕН: Итак: зло существует для того, чтобы на его фоне яснее добро видным было. Ну, а как же быть с теми, кто пострадал от зла?

ДИРНОЛ: В веках и в мирах они забудут об этих страданиях, и эти страдания, еще ранее забвения этого, ничтожными покажутся, как кажутся нам ничтожными наши огорчения раннего детства, огорчения, от которых мы заливались слезами.

Конец.

ЗАРЯ ХРИСТИАНСТВА

(Сцены из прошлой жизни)

Действие первое

Большая комната с небольшими узкими окнами. На полу циновка. На стенах – роскошные восточные ковры. Большой стол, покрытый белоснежной скатертью. На столе – большие блюда с фруктами и похожие на амфоры сосуды с вином. Перед сидящими за столом гостями и хозяином – серебряные чашки и небольшие блюда с фруктами. Около стола, на широких скамейках, сидят несколько человек и среди них хозяин заканчивающегося пира – Никодим, затем Иосиф Аримафейский, Давид, потомок национальных героев Маккавей, Авраам, Иегошуа и еще несколько гостей. Разговор ведется вполголоса.

НИКОДИМ: Ты прав, Моисей. Я, как и многие, строго исполняю предписания отцов моих, но из этого вовсе не следует, что я не интересуюсь глубокими достижениями человеческой мысли у других народов. Не чужд я и политики, как и всякий гражданин моей захваченной римлянами родины.

ИЛЬЯ: Ты приглашаешь нас быть откровенными, Никодим? Я и Моисей не желаем ничего лучшего, и с нами без сомнения согласен сын Иосифа, Иегошуа, проживший с нами в Египте большую часть своей жизни.

МАККАВЕЙ: Иегошуа? Не тот ли ты Учитель, о котором так много говорят ныне? Мне не раз описывали твое лицо и осанку, и я рад, что вижу тебя.

ИЕГОШУА: Ошибаешься, Маккавей. Я не тот, за кого ты принимаешь меня. Я только один из учеников его, к тому же из учеников, не ходивших вместе с ним. Но в Египте, где я был ребенком и откуда вернулся пятнадцатилетним отроком, я встретил того, кого тоже зовут здесь Иегошуа. Он учит ныне тем светлым истинам, которые переплелись в нашем законе с пустяками и с учением того, кто не делает различия между добром и злом.

ИОСИФ АРИМАФЕЙСКИЙ: В синедрионе знают, что один из близких к нему, едва ли впрочем ученик его, поддерживает сношения с галилеянами, готовыми поднять мятеж против Рима и подговаривает к восстанию юношей иерусалимских. Мы знаем, что этот человек рассказывает удивительные вещи о том, что слышал на собраниях, куда допускаются только близкие ученики Иегошуа.

МОИСЕЙ: Да, мы знаем. На вечерних собраниях он говорит о древнем гнозисе...

ДАВИД: Он беседует о гнозисе? Значит, он многое знает.

ИЛЬЯ: Старейшие мудрецы Египта называют его Учителем, и наиболее мудрые из них охотно учились у него.

1-й ГОСТЬ: Но он так молод!

МОИСЕЙ: Я слышал в Египте, что он только выглядит молодым, но что ему много лет.

АВРААМ: Ты говоришь, Иегошуа, что он не имеет ничего общего с твоим семейством. Чей же он сын? Я видел его родословную, в которой говорится, что он происходит от царя Давида.

ИЕГОШУА: Ты видел мою родословную, родословную моего отца, Иосифа, который прекрасно знает, что пророк Иегошуа – вовсе не его сын. Но мать моя, Мария, думает, что он – сын её. Она смешивает его со мной, а я – ессей и не должен признавать ни отца, ни матери. Но сам Учитель всегда говорит, что моя мать – не его мать, что мои братья – не его братья.

2-й ГОСТЬ: Я слышал чудную историю о его — или твоём? — рождении. Слышал, что он родился в яслях, что звезда показала место его рождения, что волхвы Востока принесли ему дары...

ИЕГОШУА: Ничего подобного не было ни при моем, ни при его рождении.

МОИСЕЙ: Весь рассказ, который ты слышал, это рассказ о языческом боге Кришне, рассказ, принесенный к нам жителями далекой Индии, и он не имеет ничего общего с рождением пророка Иегошуа.

3-й ГОСТЬ: О нем упорно идет слух, что он провозгласил себя царем Израиля?

4-й ГОСТЬ: Галилеяне пробовали провозгласить его царем, но он уклонился от такой почести.

Занавес.

Действие второе

Большой зал. Много скамеек. Много людей стоят и сидят. Некоторые медленно прохаживаются по залу. Молодые люди, пожилые, старик, Никодим и другие.

1-й МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК: Я знаю учение Иоанн-Иоанна. Я слышал и новую легенду о том, что великий Иегошуа принял крещение от Иоанна.

СТАРИК: Почему ты называешь легендой рассказ о его крещении Иоанном?

1-й МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК: Я думаю только, что живший в пустыне пророк, называемый Иоанн или Ионаканан, был одним из поклонников странного бога, имеющего много имен — Еа, Оаннес, Ионтон, Иоанн-Иоанна. Иегошуа имел какое-то отношение к поклонникам этого бога.

СТАРИК: Расскажи нам об этом боге. Это — один из языческих богов?

ИАКОВ: Он один из древнейших богов язычников. Древнее сирийское сказание, помещенное в книге «Сирийская система сокровищ», рассказывает, что царь Вавилона Немврод пришел к морю и встретил Ионтона. Немврод омылся в море, принес жертву и поклонился Ионтону. А Ионтон сказал ему: «Как ты, царь, кланяешься мне?» Немврод ответил: «Ради тебя я пришел сюда». Тогда Ионтон научил Немврода мудрости оракула и Немврод ушел и учил этой мудрости. Не видите ли вы в рассказанном нечто общее с рассказом о крещении Иоанном Иегошуа?

ГОЛОСА: Да! Конечно!

СТАРИК: Мы не знаем, крестился ли Иегошуа у Иоанна. Я слышал, что сам Иегошуа крестит. Продолжай свой рассказ, Иаков.

ИАКОВ: Ионтон или Еа, или Иоанн-Иоанна, или Оаннес был богом душевного очищения и богом мудрости. Я слышал, что Оаннес походил на рыбу с человеческой головой и с маленькими руками. Говорят, что он жил некогда в неразделенном Хаосе.

ГОЛОС: Что это значит?

ИАКОВ: Таким образом говорится о большой древности этого бога. Вначале он считался богом водной глубины. В неразделенном Хаосе жили животные, конечности которых походили одновременно на плавники, крылья и пальцы. Глаза этих чудовищ плавали вне головы. Были среди них и змеи с ногами собак. Все они были бессознательны. Оаннес укротил материю Хаоса и дал ей формы. Из Хаоса появились человекоподобные существа, и Иоанн-Иоанна научил их рыболовству, посевам, письму — всё это постепенно, и дал им познать историю богов.

ГОЛОС: Ложных богов?

ИАКОВ: Очень странных... О них я скажу, говоря об Эонах. Итак, указание на Хаос, как место рождения живых существ, близко к указанию на то, что из вод океана, отождествляемого с Хаосом, вышли все живые существа. Не отождествляется ли здесь Оаннес с солнечным богом, с солнцем?

СТАРИК: А Иегошуа?

ИАКОВ: Иегошуа будто бы был когда-то назареем, то есть поклонником Оаннеса. Он стал назореем, крестившись у Ионаканана, если только не сам крестил его.

Иегошуа не знал и не знает брака. Вот уже двадцать пять лет он явно и тайно проповедует свое учение. Поклонники Оаннеса, которых называют мандеистами, сабеистами, то есть крестильниками, назореями, а иногда помазанниками Иоанн-Иоанна, считали когда-то Иегошуа своим единомышленником. Они говорят, что он знал истинное учение, но извратил «единую речь». Иегошуа изучил Тору, но перевернул ее. Против него восстал сам Энош. Энош разоблачает Иегошуа, утверждая, что он — архонт и стремится добиться его распятия.

ГОЛОС: Как — архонт? Что ты хочешь сказать этим?

ИАКОВ: Архонтом называется исходящий из мира Эон. Энош утверждает, что Иегошуа поведут на распятие, нарядив его в царское платье, как наряжают казнимого раба или преступника. А Иегошуа — враг всякого царствования, то есть насилия.

ПОЖИЛОЙ ЧЕЛОВЕК: Так кто же он?

ИАКОВ: Многие считают его мессией, Христом, то есть помазанником.

ПОЖИЛОЙ ЧЕЛОВЕК: Мало ли, что болтают! Мессией, Христом был Ионаканан, а вовсе не Иегошуа!

ДРУГОЙ ЧЕЛОВЕК: Это верно. Ведь сам Иегошуа признал Ионаканана наибольшим среди людей, значит, большим чем сам Иегошуа. Он говорил: «Из рожденных женами не восставал больший Иоанна Крестителя.» А сам Иегошуа был рожден Марией.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК: О нет, ты говоришь о другом Иегошуа — о сыне Марии и Иосифа, а Иегошуа-учитель не был рожден. Правда, иногда говорят, что он был рожден когда-то под землею, но этим хотят только сказать, что он пришел к нам как бы от антиподов, проще говоря, издалека...

3-й МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК: Ионаканан — последний пророк наш. Его ученики не признали Иегошуа мессией. Никогда Ионаканан не учил о каком-то духе святом, как учил Иегошуа. Мандеисты вовсе не ценят Иегошуа, не любят его, считают отступником... А Ионаканана они считают одним из своих учителей. Ионаканан крестил евреев и не-евреев. Его крещение было печатью, отделявшею назореев от евреев, и сохраняло назореев от погибелей. Это крещение как бы основывало, создавало новую общину, и к этой общине в начале своей проповеди, впрочем, очень не долго, считался принадлежащим Иегошуа.

НИКОДИМ: Одно скажу: Мессия явится, как мститель за поработенных и убитых. Он явится, как носитель мирового пожара. Пожара этого избегнут только чистые и верующие. Поэтому очищал крещением и Иегошуа.

СТАРИК: Мы не дослушали рассказа Иакова. Надо, чтобы он сказал всё, что знает.

ИАКОВ: Да, я сказал не всё. Сабеи, то есть крестильники, признают обряд крещения — укрепления, потому что Еа, то есть Иоанн-Иоанна крестил Немврода. Помимо крещения у них имеется обряд, похожий на тот, который применяется на тайных вечерах Иегошуа и его близких учеников, плохо его понимающих. Это — обряд причащения, символ восприятия учениками Иегошуа всего его учения. Мандеисты или сабеисты воспринимают этот обряд как-то иначе... вероятно, как символ восприятия их учения. На устраиваемых ими вечерах подавались не хлеб и вино, а хлеб и вода. У них празднуется не суббота, а воскресенье — праздник солнца. Они говорят: «Как жизнь древнее смерти, так свет древнее тьмы, как день древнее ночи, так и воскресенье древнее субботы».

3-й ПОЖИЛОЙ ЧЕЛОВЕК: Не только у мандеистов, но и у других язычников, например, у поклонников Аписа, крещение и трапеза создавали, как они думали, мистическое общение с богом.

1-й ПОЖИЛОЙ ЧЕЛОВЕК: Египтяне едят иногда хлеб и пьют молоко, как тело и кровь Озириса.

СТАРИК: В чем же учение мандеистов?

2-й МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК: Они думают, что Еа-Оаннес открыл им понимание богов. Их боги — ряд светлых Эонов. О них узнал Немврод из мудрости оракула, которой научил его Еа-Ионто́н, давший людям историю богов. Эоны эти носили названия «небесный бог», «солнечный бог», «небесный Иордан», «целитель душ», «великий маг», «тихое веяние», «жизнь», «первая жизнь», «вторая жизнь», «третья

жизнь». Души людей сходят из первой жизни и тогда тьма материального бытия берет их в плен. Эоны, вселившись в своих избранников, как, например, в Ионаканана, избавляют души от плена, очистив их установлением воздержания от вина, мяса и от брачной жизни. Но между мандеистами имеются и такие, которые ненавидят аскезу — воздержание от брака. Мандеисты также почитают какого-то «возлюбленного сына» — перворожденного из богов, дающего познание жизни. «Возлюбленным сыном», «перворожденным из богов» называют и Иегошуа-Христа. Он рассказывает на своих тайных вечерах и об Эонах.

ГОЛОСА: Как это всё странно! Подобное нам не приходилось слышать!

СТАРИК: Мне приходилось встречаться с Иудой, который ходит иногда с Иегошуа, хотя и не состоит в числе учеников его. Иуда — чистый сабеист, а все сабеисты, и Иуда вместе с ними, ненавидят Иегошуа или за то, что он отошел от их общины, или за то, что узнав их учение он не принял его. Я уверен в том, что Иегошуа знает, что Иуда — заклятый враг его, но почему-то не отправляет его, обращается с ним, как с другими учениками. Быть может, этих людей связывает вражда к римлянам? Не знаю. Всё это надо выяснить. Во всяком случае, нам надо завязать сношения с учениками Иегошуа и Ионаканана, то есть с сабеистами. Сегодня вечером те, кому будут поручены переговоры, узнают, что им говорить и делать... А сейчас надо разойтись.

(В течение некоторого времени все расходятся по одному и по двое. Остаются старик и двое пожилых людей.)

СТАРИК: Решим, что предпринять для освобождения от иноземного ига.

Занавес.

Действие третье

Роскошно убранный пиришественный зал. Громадный стол. Масса цветов, свечей. Гости полулежат, ходят, сидят. Музыка струнных инструментов и иногда тихое пение. Мария сидит в кресле и около нее несколько молодых людей.

МАРИЯ: Всё, о чем вы говорите, не интересно. Надеюсь, что Никодим и Мелхиседек сумеют развлечь меня.

НИКОДИМ *(подходит)*: Ты звала меня?

МАРИЯ: Садись и расскажи что-нибудь интересное!

НИКОДИМ: Интересное? Быть может, тебя заинтересует рассказ о пророке, которого напрасно считают есеем и который проповедует новую религию, изредка прикрываясь религией старой?

МАРИЯ: А, это Иегошуа! Я много слышала о нем, и мне интересно то, о чем он говорит на площадях. Может быть, ты мне расскажешь сущность того, что он излагает немногим ученикам на тайных беседах?

НИКОДИМ: Я не был на них. Быть может, тебя интересуют ессеи?

МАРИЯ: Пожалуй... если нет ничего более интересного!

НИКОДИМ: Ессеи очень интересны. Прежде всего, они патриоты и ждут не дождутся, когда им удастся свергнуть иго римлян...

МАРИЯ *(тихо)*: Тише! Тебя могут услышать слуги и музыканты.

НИКОДИМ *(тихо)*: Они отказываются от богатства, у них всё общее, не исключая одежды...

МАРИЯ: Бедные!

НИКОДИМ: Они не жалуются. Ессеи так бережливы, что носят свою одежду и обувь пока та и другая не станут совсем ветхими. Но не думай, что грязной бывает их одежда и обувь. Они моют свою орденскую белую льняную одежду, если на ней появится хоть пятнышко. Они чистят свою обувь каждое утро и каждый вечер.

МАРИЯ: Это скучно... А ты, скиф из страны дикой! Что уставился на меня неподвижным взором? Ты хочешь что-то сказать?

СКИФ: Мария, твои заявления о скуке — скучны! Если женщина не понимает, она должна молчать.

МАРИЯ: Я сегодня хочу быть доброй, а то бы приказала тебе удалиться. Продолжай, Никодим.

НИКОДИМ: Они отказываются от своих личных имений. Весь продукт их труда является общим достоянием. Замечу еще, что они чистоплотны до смешного и что они дают клятву молчания о своем учении.

МАРИЯ: Но ты-то о нем знаешь!

НИКОДИМ: Очень мало. На собраниях, которые посещал мой друг, потом мирно отошедший от ессеев, они говорят о том, что их души пребывали когда-то, как и души всех людей, в чистейшем эфире, в состоянии чистых духов. Потом материя потянула их к себе, соблазнила их проблесками своей красоты...

МАНЛИЙ: Это не удивительно, если они увидели материю в образе прекрасной женщины, то, конечно, к ней направили путь свой.

МАРИЯ: Не дурачься, Манлий! Так что же, Никодим? Души бессмертны? Что говорят ессеи?

НИКОДИМ: Бессмертны. Когда люди умирают, души добрых переходят в тела других людей, а души злых обречены на вечные мучения в мрачных обителях.

МАРИЯ: И это всё? Ты колеблешься, Никодим? Разве ты связан клятвой молчания, которой связаны, как я слышала, ессеи?

НИКОДИМ: Нет. Не в этом дело. Но я мало знаю об их тайном культе. Знаю только, что они отрицают жертвоприношения — отрицают безусловно. Еще они верят в единого бога, но обращаются в своих молитвах к солнцу, так как не хотят оскорблять его божественный свет...

МАРИЯ: Говори еще.

НИКОДИМ: Немного могу я добавить, не повторяясь. У них не только нет рабов, как не бывает рабов у небогатых людей, но они полностью отрицают рабство. Они передают свои имущества общине, которая разбросана по всей стране. За их трапезой не бывает посторонних. Еда готовится у них священником, а во время трапезы господствует полная тишина и безусловное молчание. Они едят в праздничной одежде. Пища у всех одна, и они очень воздержаны в еде. У них общая касса. Ходят они по двое, как проповедники, и еще они умеют лечить.

МАРИЯ: Ты говорил, что у них общая одежда. Мне не нравится это!

НИКОДИМ: Они постоянно моются. Перед каждой трапезой они принимают холодную ванну. Это считается безусловно необходимым. Как правило, у них нет жен. И они не изготавливают и не приобретают предметов роскоши.

МАРИЯ: Бедные! Как скучна их жизнь!

НИКОДИМ: Едва ли. Они многое знают. Знают и учение сабеистов, но об этом как-нибудь в другой раз. Твои гости явно скучают.

МАРИЯ (*обращаясь к слуге, стоящему неподалеку*): Вели принести новое вино!

Занавес.

Действие четвертое

Комната, ее стены из шлифованного камня. Окна небольшие, узкие, но через них врываются в комнату полосы солнечного света. В углу треугольный столик, на нем большая пальмовая ветка. За ним — Иегошуа и Никодим.

НИКОДИМ: Итак, ты не хочешь — или не можешь — передать мне сущность тайного учения Иегошуа-Учителя?

ИЕГОШУА: Я готов ответить на твои вопросы.

НИКОДИМ: Тогда скажи мне, как можете вы утверждать, что ваш Учитель рожден от Духа, говоря при этом, что таковы слова Учителя? Что это означает?

ИЕГОШУА: Почему ты не веришь мне и другим ученикам его? Мы говорим о

том, что знаем, и о том, что видели. Я, Нафанаил и Фома видели его таким же, какой он сейчас, десять лет назад, и он не казался моложе, чем ныне. Мы говорили с древними стариками, и они согласно утверждали, что таким же молодым видели его в течение многих десятилетий, и что таким же видели его их отцы, деды и прадеды. Мне кажется, Учитель не рожден на земле нашей. Старцы Египта говорили, что много тысячелетий назад он пришел в Египет с толпами чужеземцев от моря, на западе лежащего, и эти чужеземцы говорили, что он рожден не женщиной и не в ее браке с мужчиной, что он был задолго до Адама и не рожден, а сотворен Духом Божиим. Но ведь это только предание и никто не обязан ему верить!

НИКОДИМ: Трудно поверить.

ИЕГОШУА: Я понимаю тебя. С тобою трудно говорить о земном и еще труднее о высшем. Ведь ты сомневаешься и в том, что прямо к земле относится. Он сошел к нам из миров высоких, из миров других, чем земля. Он предсказал, что будет схвачен властями иудейскими и римскими и будет распят последними по просьбе первых. Конечно, так будет для того, чтобы просияло его учение, как свет яркий, чтобы приняли его учение люди, не погибли бы, а поднялись к лучшей жизни высот, чтобы не прозябать, а вечно жить. Конечно, он пришел не как судья, а как спаситель, чтобы спасти людей от шатаний по путям непрямым. Кто послушает его, тот в верха пойдет путем прямым, а кто его не послушает, тот погибнет, потому что будет долго блуждать впотьмах. В результате прихода в мир Иегошуа-Учителя к людям сошел свет, но люди злы и дела их злы, и они любят больше тьму, чем свет. Поэтому только те, кто живет справедливо, пойдут за Учителем моим.

НИКОДИМ: А он?

ИЕГОШУА: Высоко, высоко поднимется Учитель и будет жить вечно!

НИКОДИМ: Я обдумую сказанное тобой. А в чем учение твоего Учителя?

ИЕГОШУА: Полная доброта. Всепрощение здесь на земле, где мы властны прощать. Оказание помощи всякому без исключения, кто только нуждается в помощи. Отказ от суда, от осуждения и от порицания.

НИКОДИМ: Вы отрицаете суд? Значит, вы отрицаете государство?

ИЕГОШУА: Конечно. Он отрицает государство, ибо оно — храм духа злого, пропасть для всего святого. Он говорил нам: «Князья народов господствуют над ними и вельможи властвуют ими. Но между вами да не будет так! А кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою.»

НИКОДИМ: Ты сказал, что он против суда?

ИЕГОШУА: Да. Он говорил: «Не судите, да не судимы будете.» Говорил, что брату согрешившему надо прощать четырьеста девяносто раз, то есть всегда, и учил отдавать и верхнюю одежду тому, кто хочет судиться и взять по суду от тебя рубашку. Он учил, что только безгрешный мог бы наказать согрешившего, но если начнет наказывать, то тотчас этим согрешит и потеряет право наказания...

НИКОДИМ: Да, он действительно не признает суда. А что думает он об Ироде?

ИЕГОШУА: Он называет его лисицей и учит не бояться правителей.

НИКОДИМ: А он сам не хочет стать царем?

ИЕГОШУА: Его хотели сделать царем галилеяне, но он ушел от них.

НИКОДИМ: А как он относится к податям, которые мы платим Риму?

ИЕГОШУА: Он так отвечает на вопросы, что римлянам кажется одно, а евреям — другое. Но евреи понимают его правильно. Он говорит, что кесарево надо отдавать кесарю, а Божие — Богу. Но ведь ясно, что всё — Божие, и кесарю ничего не надо отдавать! Вот и ессеи не берут в руки денег с изображением кесаря, потому что можно и надо обходиться без денег.

НИКОДИМ: Он, конечно, прав, если хочет царствия Божия на земле. Но как его достичь?

ИЕГОШУА: Поговори сам с ним об этом. Я тебе сказать не сумею. Я не так близок к нему, как некоторые его ученики.

НИКОДИМ: Пора удалиться. Я очень задержал тебя. Прими мой прощальный привет.

ИЕГОШУА: Рад видеть тебя. Приходи, когда сочтешь возможным. Я редко выхожу на улицу и в гости, да и то только поздно ночью.

Занавес.

Действие пятое

Темная комната. Только в правом углу виден ровный свет светильника, освещающий лицо Иегошуа, его плечи, застегнутый на груди белый хитон. По правую и по левую сторону вырисовываются лица двух его учеников, остальные в полутьме.

ИЕГОШУА: Что скажешь, Машара? Или ты, Орсен? Понятен ли глубокий смысл рассказанной притчи?

МАШАРА: Просим тебя, поясни сказанное. Слишком многогранен рассказ твой и мы боимся заблудиться в толкованиях его. Неужели в нем речь идет о будущем нашей земли? Неужели грядущее человечество пройдет через такую бездну падения и тяжкого горя?

ИЕГОШУА: Я говорил о том, что не раз было, что постигнет человечество, если оно не встанет на верный путь. Если человечество пойдет по пути греха, то те, кто в грехе находили удовольствие, познают горечь будущей жизни. Всё горе, которое они другим причинили, им воздается до самой крохотной обиды. Той мерой, которой они здесь мерили, будет им отмерено и во временах грядущих.

ОРСЕН: Скажи, Иегошуа, почему ты так часто бываешь печален? Почему просишь ты, чтобы миновала тебя чаша твоя? О какой чаше ты говоришь? Если ты боишься, что тебя возьмут и убьют, то уйдем в Египет или в далекую Индию!

ИЕГОШУА: Я молил силу высшую, да отвратит она от меня чашу с напитком горьким. Но мне до дна придется испить ее. Я знаю, что не привьется учение мое, что будет оно искажено и изуродовано, превратится в свою противоположность, и тогда смертельно скорбит душа моя, и я плачу тяжелыми слезами. Я не боюсь смерти, как не боюсь и жизни. Пока не окончится миссия моя, я никуда не уйду. Она окончится только тогда, когда смертью своей я запечатлею правду слов моих. Но тяжелым будет час смерти моей: я и тогда увижу, что бесследно пропадет учение моё, что оставит меня высшее начало без помощи своей, что темная сила победила луч Света, мною и предшественниками моими на землю брошенный...

ЛАЗАРЬ: Я понимаю тебя. Понимаю, что ты не хочешь подкрепить правду учения своего, учения любви безграничной, ни силой власти, ни чудесами... А народ хочет власти и чуда!

ИЕГОШУА: От кого приму я власть? Власть над всеми царствами вселенной и вся слава их переданы врагу рода человеческого, и он дает их, кому хочет, то есть тем, кто преклоняется перед ложью и насилием, думая, что пользуются ими для своих целей. Я же не преклонюсь перед духом лжи и насилия. Зачем бы я стал делать чудеса, если бы даже мог их делать? Если бы я даже воскрешал мертвых, а они, вернувшись к живым, стали бы проповедовать учение моё, никто не поверил бы ни им, ни словам моим. То, что сейчас невероятным чудом кажется, обыденным действием показалось бы, если бы совершилось перед нашими глазами. Перестало бы быть чудом, как для людей перестала быть чудом гора огнедышащая...

ИОСИФ АРИМАФЕЙСКИЙ: Но твое излечение больных, которые неизлечимыми считались, поистине с чудом граничит!

ИЕГОШУА: Какое здесь чудо? Жрецы Египта и отшельники Индии знают способ такого излечения. Оно сводится к приказу, который дают больному, погруженному в искусственный сон. Я же учился у тех, кто был учителями египетских жрецов и индийских отшельников.

МАШАРА: Ты не раз говорил нам о притчах высшего гнозиса и рассказывал их. Как их понимать? Происходило ли в действительности то, что рассказывает-

ся в них, или это только легенда, которая должна повлиять на слушателей, просветляя их?

ИЕГОШУА: Не знаю, как отнесешься ты к тому, что я скажу сейчас. Если ты веришь, что бесконечно прошлое и будущее, что бесконечность бесконечностей в области пространств раскинута, то ты поймешь, что всё, тобою услышанное, где-то и когда-то было. А если для тебя бесконечность времени и пространства — звук пустой, медь звенящая, которая ничего не говорит уму, то всё, мною сказанное, будет для тебя только красивыми сказаниями, из которых ты сможешь извлечь уроки мудрости.

НАФАНАИЛ: Да, это так. Велика мудрость твоя, велики знания твои, Учитель! Кажется мне, что несказанно долго живешь ты на земле и познал всю мудрость ее. Как жаль, что ты скоро уйдешь от нас! Как жаль, что ты умрешь от рук тупоумных правителей Иудеи!

(Машара и Орсен переглядываются и кивают головами в знак согласия).

ИЕГОШУА: Что до того, сколько времени проживу я? Озабочьтесь тем, чтобы не исчезло учение мое хотя бы в небольшой общине моих последователей. Бессмертным сделаете вы меня, если своей добровольной смертью запечатлею я свое умение!

МАШАРА и ОРСЕН: Будь милостив к себе, Учитель!

(Молчание)

ВЕНИАМИН: Нам говорили. Учитель, что ты в три дня обещал восстановить храм Иерусалимский, если он будет разрушен. Что это значит?

ИЕГОШУА: Значит только то, что подслушавшие слова мои, переиначили их. Я говорил о нашей общине в Иерусалиме, которая, как ты знаешь, называется «храмом». Сказал, что в случае ее уничтожения, я в три дня восстановлю ее из тайных друзей наших.

РУФИМ: Учитель, еще один вопрос. Что значат твои слова: «В доме Отца моего обителей много»? Не говорил ли ты о землях, в бесконечности пространства рассеянных?

ИЕГОШУА: Я говорил не только о мирах, в пределах нашего пространства четырехмерного рассеянных, но и о мирах, другими измерениями определяемых, например, о мирах ангелов и архангелов. Вспомни вечерние беседы мои!

(Входит молодой человек)

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК: Учитель! Иуда из Кариота и с ним каких-то два человека хотят тебя видеть.

КЛЕОПА*(гневно)*: Эта собака сабеистов выследила наши собрания!

ИЕГОШУА: Не всё ли равно? Введи сюда Иуду и его друзей. А вы удалитесь тайным ходом.

(Все уходят. Ученик вводит Иуду и двух человек)

ИУДА: Здравствуй, учитель! Я думал застать с тобою учеников твоих.

ИЕГОШУА: Ты искал меня у Лазаря? Что надо тебе? Кого ты привел с собою?

ИУДА: Учитель! Один из пришедших со мной — сабеист, другой — ессей. Они хотели видеть тебя.

ИЕГОШУА: Добро пожаловать.

Занавес.

Действие шестое

Обширная комната. Наверху в углу пальмовые ветви. За большим столом, покрытым скатертью, сидит Иегошуа, напротив — Никодим.

НИКОДИМ: О немногом, но весьма важном, хотел бы спросить тебя.

ИЕГОШУА: Спрашивай. Охотно отвечу тебе.

НИКОДИМ: Правда ли, что ты учил, будто не родившийся свыше не сможет увидеть царствия Божия? Не значит ли это, что никто из людей не войдет в него? Как может родиться второй раз старый человек? Что ты хотел сказать этим?

ИЕГОШУА: Я говорил о том, что не сможет войти в царство Божие тот, кто не родится от воды и от Духа. Скажу проще: войдет в царствие Божие только тот, кто очистится крещением водою. Но, конечно, крещение водою — только символ, отделяющий знающих новое учение о Боге Великом от незнающих. Крещение — символ, не более. Свою общину создали ученики Ионаканана, крестя желающих, и мы создаем свою общину, принимая в нее после крещения посвященных. Вот почему крестю я и ученики мои. Крестьясь, человек как бы вновь рождается, ибо мы открываем перед ним новый мир, который ждет его в будущем — царство Света, свободы, братства и счастья. Новый человек рождается в старом после крещения, но, конечно, этого человека сначала надо подготовить. Родиться от Духа, родиться свыше — значит, жить новой жизнью, не только грубо материальной, но и высокой, духовной. Для этого не нужны никаких обрядов. Неожиданно и незаметно для себя перерождается человек, услышавший голос Духа, а услышать его можно всегда и везде. Светлым, радостным, знающим становится тогда человек, а потом перестает звучать голос. Ты не знаешь, откуда пришел и куда ушел Дух, тебе новое слово сказавший, но ты уже рожден от Духа, стал совсем другим. Для тебя открылось гораздо больше, чем открывается для младенца в момент его рождения. Новый, несказанно прекрасный и светлый мир открывается для человека с того момента, когда он рождается второй раз от Духа высокого, услышав зовущий голос. И в этом есть своя символика. Когда тебе дают причащение — воду или молоко, вино и хлеб, всё равно, — то напоминают тебе пищей и питьем материальным, что ты воспринял пищу духовную и питье духовное.

НИКОДИМ: Мне кажется, что тобою снята завеса с глаз моих. Не можешь ли ты сказать мне, кто тот Бог Великий, о котором мы слышали?

ИЕГОШУА: Он непостижим. Нет слов, которые могут дать понятие о нем. Но свет Его, истина Его пришли в мир и приняли форму неделания зла кому-либо, а делания добра и блага... Если ты хоть словом обидишь кого-нибудь, закроется для тебя этот свет, хотя, конечно, он опять может блеснуть перед твоими глазами. Но помни: свет, от Него исшедший — не Он, как не ты — слово, от тебя исходящее. В притчах моих говорится о попытках определить Бога Великого, но не достигают цели попытки эти.

НИКОДИМ: В чем суть земного учения твоего?

ИЕГОШУА: Не делай другому того, чего не желаешь, чтобы тебе делали.

Занавес.

Действие седьмое

Приемный зал. Вокруг стола много гостей. Стол засыпан цветами. Вино в амфорах и кубках. Говорят несколько человек сразу, потом разговаривающие замолкают и прислушиваются к диалогу.

ПОЖИЛОЙ РИМЛЯНИН: Едва ли ты скажешь что-либо новое. Среди нас давно уже нет верующих в Юпитера, в Юнону, в Марса, в домашних божков... У нас нет веры наших предков!

СОФИСТ: Дело не в тех формах, в которые воплощала человеческая мысль свое представление о богах. Попытки воплотить их невероятно разнообразны и обычно смешны. Дело в общем вопросе: существует ли существо высшее, чем мы сами, по несовершенству наших чувств или за дальностью неощущаемое?

ПОЖИЛОЙ РИМЛЯНИН: Если мы их не ощущаем — их нет для нас.

СОФИСТ: Ты ошибаешься. Лев, который бродит сейчас по пескам африканской пустыни, не ощущается нами, но его могут привезти в Рим, и ты увидишь его на арене цирка. Значит, лев есть и сейчас, хотя ты о нем и не знаешь.

ПОЖИЛОЙ РИМЛЯНИН: Львов многие видели. Богов же никто и нигде.

СОФИСТ: Никто не видел поветрия чумы, а оно есть и заражает целые страны.

Ты не видел верховных жриц Изида, не слышал их пения в сокровенных храмах Египта, а они существуют и поют там. Существуют и антиподы, хотя ты их не видел. Слепой не видит красок и форм, глухой не слышит звуков. Может быть, ты не ощущаешь Бога потому, что духовно слеп и глух?

ПОЖИЛОЙ РИМЛЯНИН: Ты хочешь сказать, что боги существуют?

СОФИСТ: Не знаю, что или кого ты называешь богами. Мне кажется, что имеется нечто, что как бы существует, что может влиять на нас, пока мы здесь живем, а после смерти на то, что называют нашей «душой», которая будет бродить в Аиде или где-то еще. Кто знает об этом? Их изображают по-разному, но изображают и верят в них все народы, и, похоже, они действительно влияют на нашу жизнь, но мы не знаем языка, на котором могли бы выразить свои мольбы к ним. Поэтому мы и не молимся.

2-й РИМЛЯНИН: Тот, кто не приносит жертвы, вряд ли может быть хорошим гражданином.

ГОСТЬ: Я — из Александрии. У нас все верят в разных богов, но я поверю только тогда, когда увижу, что они способны совершить чудо.

3-й РИМЛЯНИН: Если хочешь увидеть чудо, попроси кого-нибудь из иудеев. Он покажет тебе толпы, которые ходят за Иегошуа, называя его пророком. Говорят, он даже мертвых воскрешает.

СОФИСТ: Иегошуа не делает чудес. Он просто прекрасный врач, лечащий внушением и никогда не берущий за это вознаграждение. Он отказывается делать чудеса и говорит, что чудес нет. И это понятно. Чудом называется невозможное событие, а если невозможное произошло, оно стало возможным, то есть перестало быть чудом. Нет чуда! Чудом можно было бы назвать мой полет по воздуху, но если бы я полетел, вы бы отказались назвать мой полет чудом, как не называли бы чудом высокий прыжок гимнаста. Полет мой в ваших глазах был бы только обычным действием. Даже если бы старик стал молодым на ваших глазах, это было бы не чудо, а только факт. Чудес не только нет, но их и быть не может, и это хорошо знает тот, кого все называют Иегошуа.

ПОЖИЛОЙ РИМЛЯНИН: Называют? А как его настоящее имя?

СОФИСТ: Не знаю.

2-й РИМЛЯНИН: Скажи мне, почему, говоря о богах, люди помещают их на высотах: греки — на Олимпе, евреи — на небе?

СОФИСТ: Это только символика. Этим хотят сказать, что боги выше людей по своей сущности.

ПОЖИЛОЙ РИМЛЯНИН: Не можешь ли ты сказать нам, в какого бога верят евреи, не любящие называть его имя? Мне говорил Аполлоний из Коринфа, что этот бог жесток и дик, что он толкает своих почитателей на преступления, что по его приказу они обворовали некогда египтян и убили их старших детей, что он приказывал перебивать до одного не только всех врагов евреев, но также жен и детей врагов, и евреи охотно делали это, после чего этот бог сжег два каких-то города и сделал еще много всякого зла.

СОФИСТ: Да, это всё записано в их учении, но это учение бога темного, имя которого — Иегова или Яхве — не любят произносить сами евреи. Но у них есть другой бог, бог светлый, Элоим, который почти что совсем ими забыт, как и забыто его учение о свете и о добре, которое надо делать людям.

2-й РИМЛЯНИН: А ты сам? Верить ли ты в какого-либо из богов? Знаешь ли ты достоверное для себя учение?

СОФИСТ: Разум человеческий ограничен. Он не может постигнуть бога. Но Сократ говорил, что существует внутренний голос — даймон — который каждому из нас указывает, как ему надо жить. Может быть, это и есть голос далекого и непостижимого Бога? А поскольку он непостижим, то можно понять и ошибки людей. Правда, Иегошуа утверждает, что знает учение Бога истинного...

ПОЖИЛОЙ РИМЛЯНИН: Это любопытно. Так что же это за бог?

СОФИСТ: Этот Бог учит, что люди должны быть бесконечно добры и всегда прощать получаемые обиды, как бы тяжки и ужасны они не были.

3-й РИМЛЯНИН: Это невозможно. Тогда негодяи будут править миром, уверенные в своей безнаказанности.

СОФИСТ: О твоём умозаключении можно спорить, но зачем? Мне кажется, слуги несут прекраснейшее из вин, которому мы должны отдать наше внимание, чтобы выпить за здоровье хозяина дома!

Занавес.

Действие восьмое

Подвальное помещение. Потолок со сводами. Окон нет. В глубине статуя Митры, поражающего быка. Небольшой алтарь, на нем светильник. Пламя поднимается кверху. Входят Старик и Молодой человек.

СТАРИК: Где мы?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК: Как ты хотел, я привел тебя в храм Митры. До утра никто не войдет сюда.

СТАРИК: Кто это убивает быка мечом? И что это значит?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК: Это — Митра.

СТАРИК: Расскажи о нем всё, что ты знаешь.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК: Митра — воплощение величайшей духовной мощи и мужества. Вместе с тем, он — творческое начало, величайшая воля и сила. Его помимо всего почитают и как хранителя данного слова. Его изображают как укротителя низших стихий, предстающих в виде быков, которых он поражает мечом. А здесь змея, пьющая кровь: кровь — вода Океана. Лев — олицетворение духовной сущности. Митра — Вседержитель, он — Всеобъемлющий. В нем всё — и небо, и земля, и море. И солнце — сын Митры. Он вечен, как время. Но на лице его скорбь и тоска, ибо мир не совершенен.

СТАРИК: Каково учение поклонников его? Каковы их обряды?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК: Его поклонники принимают крещение, как сабеисты. Одно из их таинств — это преломление хлеба. Они причащаются вином и сладостями и думают, что этот обряд дает вечную жизнь, но не на земле, а в другом существовании. Они устраивают пиршества, на которых вино подается в какой-то особенной чаше, и оно отождествляется с кровью быка, которую в свою очередь они почитают как символ одухотворенности и возрождения.

СТАРИК: Это отблеск того учения, по которому вода Океана — это кровь Земли, из которой произошло всё живое. Продолжай.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК: Они признают своего рода помазание и каленым железом выжигают печать на лбу посвященного... Воскресенье считается у них торжественным днем и связано с Солнцем. Они чтят огонь, поэтому неугасимый огонь горит и на этом алтаре. Верят они в будущую посмертную жизнь, которая будет лучше теперешней, в освобождение души и в ее возвращение к Богу.

СТАРИК: Как живут поклонники Митры?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК: Женщинам у них отведено второстепенное место. Они не участвуют в мистериях, правда, среди них есть девы, давшие обет безбрачия, как римские весталки. Их священники служат посредниками между людьми и божеством. При богослужении они надевают одежду из парчи и такую же шапку, как у Митры, у них в руках посохи и кадила, в которых жгут благовонную смолу. Во главе общины верующих стоит совет, нечто вроде синода, затем учителя или президенты, занимающие этот пост в течение года, кураторы, защищающие верующих на суде и перед администрацией, и заведующие финансовой частью. Кроме того, у них имеются патроны, оказывающие верующим денежную помощь. Все поклонники Митры делятся на семь разрядов, из которых первые три являются слугами общины. Вот эти разряды: 1) вороны, слуги Солнца, 2) невидимые, 3) воины — святая милиция неведомого Бога, борцы со злом, 4) львы, 5) персы, 6) вестники солнца и 7) отцы. В

этой громадной религиозной общине дети получают низшее посвящение, а высшее дается тем, кого считают нужным посвятить Отцы. Все вместе поклонники Митры составляют воинственный Орден. Многие из них стремятся служить и служат в армии, и хотя средства общины состоят из частных пожертвований, в целом они представляют собой грозную силу.

СТАРИК: Не думаю, чтобы эта сила была стойкой. Неравенство верующих, которое так резко подчеркнуто, отстранение женщин от мистерий — всё это не обещает силы. Митраизм погибнет, когда столкнется с более сильной религией. Но продолжай рассказывать.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК: Немного я могу сказать об их мистериях. Мне помнится, что посвящаемому дается какой-то опьяняющий напиток и ему внушается, что он несется в воздушном пространстве, поднимается в подлунный мир, затем в область чистого эфира, проходит сквозь огненные ворота и попадает в мир богов, где видит Митру. Может быть, в этот момент они отдергивают завесу за которой стоит статуя Митры, и посвящаемому кажется, что он пожимал его руку. Митру еще называют «Мойерос», и когда подставляют вместо букв цифры, оказывается число 365 — столько же, сколько дней в году. А день рождения Митры празднуется 25 декабря.

СТАРИК: Стало быть, Митра — бог солнца?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК: Нет, он — покровитель Солнца. Отмечу еще, что поклонники Митры молятся за римского императора...

СТАРИК (обрывая его): Этим ты всё сказал! У него нет будущего. Он не будет освобождать угнетенных...

Занавес.

Действие девятое

Собрание старейшин. Все они сидят полукругом в креслах. В середине Анна и Кайафа.

АННА: Он сам называет себя Мессией, сыном Божиим, царем Иудейским. Это — богохульство и опасное политическое самозванство.

КАЙАФА: Да, это так. Мало того, он бунтует народ наш, готов поднять восстание против римлян. А если мы восстанем — погибнет страна наша. Лучше одному человеку умереть за народ, чем погибнуть всему Израилю.

1-й ЧЛЕН СИНЕДРИОНА: Надо отдать его на суд правителя.

2-й ЧЛЕН СИНЕДРИОНА: Но правитель может оправдать его. Он не говорит явно мятежных речей.

КАЙАФА: Тогда мы скажем правителю: если отпустишь его, ты не друг кесарю. Всякий, делающий себя царем, противник кесарю.

НИКОДИМ: Я не понимаю, почему высокое собрание так волнуется. Никто не поверит, что учитель неизвестного рода может провозгласить себя царем Иудейским. Никто не будет слушать его и только станут смеяться над его претензиями.

КАЙАФА: Как ты не понимаешь! Дело не в том, что он называет себя царем, а в том, что он проповедует равенство, говоря, что не должно быть царей и вельмож, что не нужны судьи, что не надо наказывать преступников, что все должны раздать свое имущество беднякам и другие опасные бредни, более опасные, чем бредни восставших некогда рабов Пергама.

3-й ЧЛЕН СИНЕДРИОНА: Заметьте, что назореи требуют его ареста и распятия, ибо он изменил учению их!

НИКОДИМ: Но что нам за дело до назореев и их бредней? Его проповедь равенства не опасна. Ессеи давно уже проповедуют нечто подобное. Одной сектой больше — что из того?

САДДУКЕЙ: Он говорит о будущей жизни, о том, что прекрасной будет она. Это опасно: поверившие ему охотно пойдут на смерть, лишь бы воскреснуть и хорошо жить после смерти!

4-й ЧЛЕН СИНЕДРИОНА: Послушай, Никодим, Иегошуа очень опасен! Он может навлечь на нас гнев Ирода. Он же открыто назвал его хитрой лисицей... А если будет подорвано уважение к царю, не трудно подорвать уважение и ко всем правителям, в том числе и к нам.

ГОЛОСА: Его учение опасно для нас! И для народа... Надо просить правителя казнить его! Он должен умереть! Пусть распнут его римляне!

(Неожиданно все замолкает)

ГОЛОС ЧЕЙ-ТО: Горе нам!

ГОЛОСА: На крест его! На крест!

Занавес.

Действие десятое

Подвал. Несколько простых скамеек. Юноши, зилоты, Никодим, Иуда.

1-й ЮНОША: Невыносима наглость римлян! Выгнать их, мечами отстоять нашу свободу!

2-й ЮНОША: Вслед за нами поднимутся и другие поработенные римлянами народы. Долой этих наглых поработителей и грабителей, этих тупых язычников! Долой!

ГОЛОСА: Долой! Долой!

ЗИЛОТ: Необходимо выбрать вожда.

ГОЛОС: Может быть Иегошуа встанет во главе нас?

1-й ЮНОША: На него нельзя надеяться. Он дает понять, что не пришло еще время свергнуть иго римлян, на нас наложенное. Он учит самоусовершенствованию, учит делать добро, а уча любить врагов выступает против восстания.

2-й ЗИЛОТ: Мы знаем. Его учение для нас неприемлемо. Во что бы то ни стало надо освободиться от власти римлян!

НИКОДИМ: Власть римлян непереносима. Но Иегошуа думает, что не лучше будут и властители из нашего народа. Он хочет перевоспитать народы...

1-й ЗИЛОТ: Всё это относится к отдаленному будущему, а мы думаем о настоящем.

НИКОДИМ: Да, вопрос во времени. Но его учение обрезает корни всякой власти. Жаль только, что не скоро поймут люди учение его. Поэтому я принял предложение многих старейших сказать вам, что они тоже за восстание.

2-й ЮНОША: Это очень хорошо!

НИКОДИМ: Кайафа и Анна, многие саддукеи против восстания, и мы просим вас не испортить дела излишней поспешностью.

2-й ЗИЛОТ: Мы не выступим с оружием в руках без согласия старейшин, от которых ты послан.

1-й ЮНОША *(тихо, другому)*: Очень надо считаться с этими стариками!

ИУДА: Будет восстание, или нет, нам нечего делать с Иегошуа и с его учениками. Я часто хожу с ними и слушаю учение его. Он против всякого насилия. Но если бы он высказался за восстание, ему нельзя довериться. Он отошел от назореев, узнав их учение и не приняв его. К тому же, он не еврей, а пришел к нам из Египта. Он знает Тору, знает другие учения, но все их извратил. Он не наш! Он чужд нам! Надо не ставить его во главе движения, а распять его!

НИКОДИМ: Это была бы непростительная ошибка. Надо привлечь на нашу сторону его и его многочисленных учеников...

Занавес.

Действие одиннадцатое

Вечер. Громадный сад. В саду Иегошуа и два ученика его.

ПЕТР: Все говорят мне, что я просил тебя отказаться от жертвы великой, от твоего учения. Говорят, что вчера я приставал к тебе с этой просьбой. Но ты знаешь, что вчера я был далеко от тебя, тобою же посланный. Кто был тот, похожий на меня и с тобой говоривший?

ИЕГОШУА: Ко мне опять подходил тот, кто искушал меня в пустыне. Он принял твое обличье и сделал всё, чтобы его не узнали.

ИОАНН: Учитель! Я и Петр хотим услышать от тебя об Утешителе, о котором ты так мало говорил нам. Кто это? Когда он явится? В чем будет состоять учение его?

ИЕГОШУА: Пройдут тысячелетия прежде, чем он явится на землю. Много сотен вер будет тогда у людей. Учение Параклета раскинет над всеми ними свой свет. Оно как бы объединит все религии. Непостижим Бог Великий и не всё ли равно, под каким именем и обличьем будут почитать его люди? Они поймут это и проникнутся терпимостью к разным учениям, как только в них отразится свет жалости высокой. Все они объединятся в этом свете чистом, в учении о безграничной свободе и беспредельном сострадании ко всему, что живет и чувствует. Высшим синтезом учения Параклета будет безграничная терпимость и безграничное сострадание. Всем станет ясно после проповеди его, что грешно судить кого-либо за то, что он верит не так, как его ближний, и что высшая правда в том, чтобы с терпимостью полной относиться к верованиям чужим. В этом и заключена самая высочайшая истина, которой проникнутся люди, когда придет Утешитель.

Занавес.

Действие двенадцатое

Сад Гефсиманский. Входят Иуда и Энош.

ЭНОШ: Всё произошло, как надо. Поклонники Ионтона и ты, их посланник, должны радоваться. Иегошуа — исходящий из мира Эон — распят. Я добился этого через тебя и он погиб, как преступный раб.

ИУДА: Я поступил плохо. Я пришел незванным на вечер, устроенный его учениками. Мне не предложили чаши с вином, не предложили обычной еды. Дали только кусок хлеба с солью, показав этим, что не хотят видеть меня за трапезой своей. Я понял, что они узнали во мне врага. После этого я ушел и донес на него старейшинам.

ЭНОШ: Что дальше?

ИУДА: Нет мне покоя. За что я предал его? Он зажег свет неугасимый и когда-нибудь ярко засияет его учение. А мне? Мне ничего плохого он не сделал. В его общине были и те, кто утверждали, что я брал себе собранные мною для них деньги, но он утешал меня, прося не обращать внимания на эти сплетни. Он знал, что я собирал деньги не только для его общины, но также и для ессеев и для поклонников Ионтона.

ЭНОШ: К чему говоришь ты это?

ИУДА: К тому, что всеобщее презрение будет преследовать меня и ныне, и потом, и после смерти моей. Будут думать, что я за гроши предал его на распятие, тогда как я тебе верил.

ЭНОШ: Позднее раскаяние. Но утешься: архонт простит тебя!

ИУДА: Но я себе не прощу!

ЭНОШ: Как хочешь. Я не знаю, как утешить тебя. Конечно, было вздорно ваше обвинение, что он что-то взял от учения вашей секты. Всё это он познал, когда был еще в Египте. И еще больше знал он. Конечно, Иегошуа был Эон. И если я восстал

против него, то это мои счета с Эонами, в низы нисходящими.

ИУДА: Всё-таки, скажи: правда ли, что он был в наших рядах, в рядах назореев, и ушел, исказив учение наше?

ЭНОШ: Конечно, нет! Его учение не совпадало с учением назореев.

ИУДА: Так почему же я добивался его смерти?

ЭНОШ: Что мне за дело! (*Уходит*)

ИУДА: Как тяжело! Скажи мне... (*оглядывается*) Ушел! Как тяжело. Значит, если Иегошуа не изменил нам, то изменил ему я, предав его. (*Помолчав*) Прощай, Иегошуа, и, если можешь, прости. А я уйду отсюда и пусть судит меня целитель душ...

Занавес.

Действие тринадцатое

Богатая комната в римском доме. Римляне – молодой и пожилой.

МОЛОДОЙ: Да. Твой раб сказал тебе только то, о чем все говорят в Азии — бедняки, рабы и все, недовольные нашим господством.

ПОЖИЛОЙ: Не можешь ли ты рассказать мне связнее то, о чем говорил раб, к тому же плохо знающий наш язык?

МОЛОДОЙ: Охотно расскажу, что знаю. Палестина — это страна, где люди заражены восточными суевериями и к тому же хотят освободиться от Рима. Когда я прибыл туда с известным тебе поручением к правителю, мне всё время приходилось слышать о каком-то пророке, проповедовавшем новое учение. Сейчас дело не в его учении, о котором я тебе говорил, а в самом пророке. Не знаю, видел ли я его. Те, кто видели, говорили о разных людях — одни о молодом, другие о пожилом. Когда же мне приходилось сравнивать рассказы, то всё время казалось, что этого Иегошуа вообще не существовало. Всё время передавали, что он сказал или что сделал, но к какому из двух это относится, я так и не понял. Я видел двух Иегошуа, но так и не установил, кто из них что говорил, тем более, что убедился в существовании других учителей и пророков, чьи слова тоже приписывались одному из этих Иегошуа, причем безо всяких на то оснований. Вот почему не только у меня, но у многих в Палестине создалось впечатление, что по стране ходит человек, которого я не видел, не оставляя за собой никаких физических следов. Для суеверов этот человек оказывался духом, воплощенным в человеческое тело, а его учение оказывалось похожим то на учение сабеистов, то на древнюю мудрость египтян, а то было чем-то совершенно новым.

ПОЖИЛОЙ: Ты хочешь сказать, что в Палестине появился дух, не имеющий тела, который только представляется человеком?

МОЛОДОЙ: Я просто рассказываю, что об этом думают в Палестине. Там всегда проповедуют разные учения. А то, которое связывают с именем Иегошуа, принадлежит к разновидности гностических учений. Но ты прав, говоря о бесплотном духе. Вспоминаю, что о Иегошуа говорили, будто он ходит по бушующему морю, как по твердой земле! Но так говорят суеверы. Главное же, о чем я хотел сказать, это то, что сейчас воскресают и получают распространение тайные и просто полузабытые верования, сплетаясь в какой-то странный клубок. Всплывают, к примеру, представления о двух разных богах, которые потом оказываются чуть ли не тождественны и подменяют друг друга при случае, от чего выходит большая путаница и нельзя понять — кто же злой, а кто добрый, кто хочет погубить человека, а кто старается ему помочь. Затем возникает учение о неведомом боге, который оказывается познан глупцами, и так до бесконечности. И зачем нужны новые боги, когда достаточно старых?

Занавес.

Действие четырнадцатое

Комната в римском доме. У окна стоят женщина и мужчина.

ЖЕНЩИНА: Слышишь, что кричат они?

МУЖЧИНА: Всё то же, и всё те же плебеи: «Христиан на арену! Христиан лвам!» Когда я слышу животный вой этой дикой толпы, мне не хочется быть римлянином.

ЖЕНЩИНА: Отчего же ты не протестуешь против этих диких забав?

МУЖЧИНА: Потому что не хочу быть разоренным, а может быть и убитым. Прости, мне надо спешить к выходу императора. *(Уходит.)*

ЖЕНЩИНА: Как измельчали римляне! Быть может права моя сирийская рабыня, когда уверяет, что римлян должна постичь какая-то кара за убийство неведомого нам великого учителя. Но кто он был? Надо поговорить с ней, пусть расскажет о нем....

Занавес.

Конец.

СВЕТ НЕЗДЕШНИЙ

Пьеса.

Предисловие

Современное человечество переживает один из величайших исторических кризисов, и острота его чувствуется уже не отдельным людям и не отдельным группам: это чувство становится достоянием масс. Перед нами встают образы какой-то обновленной, освобожденной от старых несправедливостей и старых невзгод жизни, и в то же время провозглашается и проповедуется самый бездушный материализм. Он обещает принести свободу от тяготевших над людьми предрассудков, а приносит духовное рабство; он сулит бодрую и радостную энергию, а приводит неизбежно к параличу воли, у которой при этом механическом взгляде на мир, где всё предопределено, утрачен самый смысл ее усилий, ее творческих напряжений, ее бесстрашных дерзновений.

Как бороться и что противопоставить этой атмосфере материализма, этому полному неверию в человека, если даже оно прикрывается словами о его достоинстве, о его безграничных правах? Превыше всего, пробуждая сознание, которое никогда не угасало до конца в человеческом роде в самые темные его дни, — сознание, что в основе нашей жизни лежат духовные начала. Никакие самые полные удовлетворения потребностей нашего тела, самые блестящие завоевания техники, самые удивительные достижения науки, самые удачные устроения личной и общественной жизни их не заменят и не утолят жажды, испытываемой человеком, когда он их в себе не находит. К ним обращались все великие религии, за которыми шло человечество, как бы эти религии ни были подавлены заблуждениями и страстями «руководителей» масс. Эти начала открыты для первобытного человека, для ребенка, для мудреца, и нет людей, которым был бы загражден к ним путь.

Пусть эти начала будут раскрыты в борьбе за их утверждение. Люди должны вспомнить, что им присущ дух, соединяющий их с миром бесконечности. Для этого духа их жизнь — лишь мимолетное пребывание с нашим бранным телом, только с нашей земной оболочкой.

Наш жизненный миг есть ничто в полноте времен, но в этот миг решаются судьбы нашего духа в веках.

Наша свобода здесь так же велика, как ответственность. Нужно понять, что этот мир, который нам кажется столь необъятным, есть лишь один в бесконечном ряде

космосов, и как бы далеко ни простирался наш вооруженный новейшим телескопом глаз в звездные дали – всё это лишь песчинка в океане бытия. А над всем этим океаном – то начало, что философия называет Абсолютом и что люди именуют Богом, – что близко человеку в минуты, когда дух его открыт для благодатных ощущений.

Лишь общее признание этих начал, разрушая преграды между людьми, делает возможным устроить их жизнь без насилия, без произвола, без классового или личного угнетения. Лишь на этом признании можно действительно утвердить достоинство человеческой личности, бессмысленное, если материалисты правы, – и связать людей величайшей из всех творческих сил в мире – любовью.

Дух дышит, где хочет: он нуждается лишь в свободе от внешнего воздействия. Всемирная защита духовного развития личности от всяких посягательств на нее есть обязанность теперь более необходимая, чем когда-либо. А самое признание духовных начал требует и деятельного им служения, – требует верности им в жизни, в мысли, в слове, в деле.

К[арелин]

Действие первое

Уголок пустыни. Большие камни, на которых сидит группа ессеев. Дорога. По дороге идут и едут путники в течении действия. То один, то другой прохожий сворачивает с дороги и подходит к ессеям. Вновь пришедшего есеев встречают вставая и скрепя на груди руки.

РУВИМ: Дорога не легка. Мы боялись опоздать, но для других она еще тяжелее. Нет ни Петра, ни Иоанна.

МОИСЕЙ: Да... Надо знать, что они скажут. Я обошел четырнадцать селений. Везде говорят о том, что пришел Освободитель. Все твердят, что надо готовить мечи и прогнать римлян.

ВЕНИАМИН: Я тоже был во многих местах. Повсюду мечтают о восстании по призыву Освободителя. Но когда я спрашивал, как мы устроимся, прогнав римлян, то получал странные ответы. Спорили о власти. Одни говорили о царях, другие о судьях. Некоторые повторяли безжизненные слова о справедливости, как она проповедовалась в старину нашими учителями. Наше учение о Боге – в отказе от богатства и от власти – звучало напрасно... Смотрите, ведь это Петр идет!

(С дороги сворачивает Петр и подходит к ессеям, сопровождаемый каким-то молодым человеком. Петра окружают ессеи и приветствуют, кланяясь)

ПЕТР: Привет! Я с хорошими вестями. Освободитель говорил о восстании против римлян. Галилеяне куют мечи. Орден ессеев успешно проповедует свое великое учение. Самое главное – прогнать римлян, и в освобожденном народе проснутся дремлющие силы, великие свойства бескорыстия и свободы.

ВЕНИАМИН: Да. Но нельзя сказать, чтобы эти свойства бросались в глаза в наше время.

ПЕТР *(горячо)*: Но уже одно то, что Освободитель призывает к восстанию, доказывает, что освобожденный народ пойдет по верному пути. Иначе не нужно и восстание...

НЕСКОЛЬКО ЕССЕЕВ: Да! Да! Если Освободитель за восстание, это значит, что народ созрел для справедливой жизни.

РУВИМ: *(задумчиво)*: Хотелось бы услышать голос самого Учителя... Его слова часто загадочны.

ПЕТР: Он вместе с Филиппом идет за нами. Он скоро будет здесь.

(Два ессея становятся на камни и смотрят вдаль на дорогу. Темнеет.)

ПЕРВЫЙ ЕССЕЙ: Нас только сорок. Где остальные тридцать? Отчего не пришли они?

ПЕТР *(обращается к молодому человеку, который пришел с ним)*: Не можешь ли ты от-

ветить на этот вопрос, Вестник?

ВЕСТНИК: Они видели Освободителя и знают его волю. Они пошли в Галилею звать галилеян на Пасху в Иерусалим. Они пошли в Иерусалим сказать юношам и мудрецам, что грядет царь иудейский.

ДВА ЕССЕЯ (*стоя на камнях*): Идет! Идет!

(*Несколько ессеев бросаются навстречу Освободителю.*)

ВТОРОЙ ЕССЕЙ: А где Иуда?

ВЕСТНИК: Он ушел в Галилею. Поднимает народ на римлян.

(*Подходит Освободитель, окруженный встретившими его ессеями. Все приближаются к нему. Он стоит на более высоком месте, как бы возвышается над толпой.*)

ЕССЕЙ: Освободитель! Учитель! Посвященный! Проводник! Куда идти? Что говорить? Что делать? С чем идти?

(*Совсем темно.*)

ОСВОБОДИТЕЛЬ: Я посылаю вас и заповедал ничего не брать с собою. Теперь же говорю вам: продавайте одежду свою и покупайте мечи. Говорите всем, что близко время, когда меня схватят как злодея и обрекут смерти. Говорите, что приближается час нашего освобождения.

СТАРИК ЕССЕЙ: Мы готовы. Где Иоанн?

ВЕСТНИК: Он ушел в Галилею учить путям к Царствию Небесному.

РУВИМ (*про себя*): Я хотел бы видеть Иуду и Иоанна. (*Обращается к Освободителю*)

Мы все пойдем за тобой, что бы там ни было.

ЕССЕЙ (*все вместе, сильными голосами*): Все пойдем!

Занавес.

Действие второе

Обширная комната. За столом сидит Иоанн и три пожилых человека. Около них десять галилеян.

СТАРИК: Как же жить без власти? Не устоит тогда царство наше. Все передерутся между собой.

ИОАНН: Нет, зачем же драться? Вот мы сидим здесь, и у нас нет желания драться. Наоборот, если является какое-либо желание, то служить нуждающимся.

ПЕРВЫЙ ГАЛИЛЕЯНИН: Я смутно помню, Освободитель говорил что-то об этом.

ИОАНН: Он говорил: «Цари народов господствуют над ним, вельможи властвуют им, но между вами да не будет так. А кто хочет между вами быть большим, то будет вам слугою».

ПЕРВЫЙ ГАЛИЛЕЯНИН: Так было бы хорошо. Всем будет хорошо жить.

СТАРИК: Но царь или вельможа, или кто-либо, поставленный ими, нужны для того, чтобы разбирать споры и ссоры людей.

ИОАНН: Освободитель говорил: «Не судите, да не судимы будете». Он учил до семи семидесяти раз прощать согрешившему человеку. Он говорил: «Не осуждайте, и не будете осуждены». Он советовал отдавать требующему что-либо по суду более того, что он требовал, только бы не судиться, не служить злу.

ВТОРОЙ ГАЛИЛЕЯНИН: Мы думали, что он будет нашим царем.

ИОАНН: Не будет он царем, как Ирод, которого он называл лисицею. Не будет царем, какие бывают цари земные. Ведь он ушел от вас, когда вы хотели сделать его царем. Он будет учить вас как жить. Высоко и светло его учение, превыше всех царских законов.

ВТОРОЙ ГАЛИЛЕЯНИН: Он учит любить других, как самого себя.

СТАРИК (*думая о своем*): Он советовал всё-таки платить подати...

ИОАНН: Да, для того, чтобы не избили и не бросили в тюрьмы отказывающихся платить. Он всегда делал какую-либо оговорку, когда его спрашивали, платить ли?

И кто постиг смысл его оговорок, тот понял, что никто не в праве брать с народа подати.

СТАРИК: Он говорил, что ничто не изменится в законе, а выходит, что всё надо изменить.

ИОАНН: В законе не изменится ни единой йоты. Но наши предки и мы называли законом беззакония, нами измышленные или нам темной силой навешенные. От этих беззаконий ничего не останется.

(Раскрываются двери. Входит Иуда и с ним несколько человек с решительными выражениями лиц. Иуда подходит к Иоанну и перегнувшись через стол что-то тихо говорит ему.)

ИОАНН: Брат мой просит нас уступить ему эту комнату для важного совещания. Продолжим нашу беседу в саду.

(Иоанн и бывшие с ним, кроме двух молодых людей, уходят.)

ИУДА: Нет сил, нет надобности более терпеть наглость римлян, их грабежи и жестокости не знают пределов. Надо прогнать этих завоевателей из Палестины и из Иерусалима. Надо прогнать их ставленников, Ирода и Пилата. Пусть народ вздохнет от податей, от принудительных работ, от насмешек над нашими обычаями и верой.

ГАЛИЛЕЯНИН: С Освободителем мы пойдем. Без него ничего не выйдет. Римляне слишком сильны, и без вожда не будет победы.

ИУДА: Освободитель за восстание, но его пытаются переубедить Иоанн и ессеи, не принадлежащие к ордену. Они говорят, что народ не сумеет устроить новую жизнь, что после восстания будет плохо жить, так как учение ессеев не принято, так как новая власть по-прежнему будет угнетать народ. Но этого не будет. Со своими мы справимся. Года два-три продержатся свои насильники, а потом поплатятся за свое насилие.

ГАЛИЛЕЯНИН: Народу так жить нельзя, как теперь живется. Но без Освободителя мало народа возьмется за оружие.

ИУДА: Он – с нами. Он тоже понимает, что поработенный народ не может внимать словам высокой истины, не может устроить свою жизнь на новых началах.

НЕСКОЛЬКО ЧЕЛОВЕК: Надо прогнать римлян! Слишком наглы они! Слишком тяжелы налоги! Слишком лицемерны римляне! Очень жестоки... Ты, Иуда, уговори Освободителя идти с нами. Уговори поднять народ. За нами и за тобой он не пойдет!

(Входит молодой человек, спутник Петра. Он устал, одежда указывает на долгий путь.)

ИУДА: Вестник, что нового?

ВЕСТНИК: Освободитель велел покупать мечи.

ВСЕ: Все пойдем! *(Пауза.)* За свободу народа! За его счастье! Долой римлян!

Занавес.

Действие третье

Большая комната. Входит Освободитель, Иуда, Иоанн и Вестник, оживленно оканчивая разговор.

ИУДА: Все пойдут за тобой и за нами, если ты позовешь нас на римлян.

ИОАНН: Восстав и победив, народ даже не подумает устроиться, как ты учишь.

ВЕСТНИК: Они оба говорят правду.

ОСВОБОДИТЕЛЬ: Народ готов восстать по нашему приказу, но он готов и терпеть.

ИУДА *(нетерпеливо)*: Петр говорит, что свободный народ проникается твоим учением.

ОСВОБОДИТЕЛЬ: В день Пасхи будет решено, что надо делать.

ИУДА: Юноши Иерусалима пристанут к галилеянам, провозгласят тебя царем. Римляне уйдут, и ты будешь учить нас, и народ заживет так, как можно и должно.

ВЕСТНИК: Да, юноши Иерусалима тотчас же примкнули к восстанию.

ИОАНН: Они не знакомы или мало знакомы с нашим учением.

ВЕСТНИК: Да, они мало знакомы с учением.

ОСВОБОДИТЕЛЬ (*усталым голосом*): На Пасхе всё решится.

ИУДА (*обращаясь к Иоанну*): Освободитель устал. Пойдем к Петру, поговорим с ним.

(Уходит с Иоанном. Темнеет. Минута молчания. Вокруг головы освободителя вспыхивает яркий ореол. Менее яркий ореол вспыхивает вокруг головы вестника. Темно, но обе сидящие фигуры освещены. Начинает говорить Освободитель. Его голос звучит очень тихо, но внятно. Еще тише отвечает Вестник.)

ОСВОБОДИТЕЛЬ: Сегодня в ночь надо перенестись в Египет.

ВЕСТНИК: Ты сказал.

ОСВОБОДИТЕЛЬ: Машара и Орсен поверят твоим словам, увидев твой астрал. Скажи им, что их астральные тела должны перенестись к вечеру послезавтра на гору Фавор. Необходимо совещание.

ВЕСТНИК: Да будет.

(Ореол гаснет. Вестник перестает светиться. Исчезает. На стене появляются зигзаги молний. Потом полутемная, полусветлая фигура крылатого гения.)

НЕВЕДОМЫЙ: Борьба со мною тебе не под силу. Твоя мощь осталась вне Земли. Я – победитель. Не хочешь поклониться мне – да будет. Но согласишься быть моим союзником. Я иду на уступки. Иди и ты. Пусть исчезнет рабство и деспотизм, но останется власть. Пусть исчезнет бедность, но останется неравенство благосостояний. Пусть не любовь, а право царит над людьми. Ты будешь царем на веки веков. Учи людей тому, что им доступно. Не говори им о таком совершенстве, которое доступно только сильным духом. Ограничься тем, что может воспринять это в прахе рожденного существа – человек. Пусть он всегда пребывает на той ступени совершенства, которое свойственно этому миру. По-своему, человек будет блаженствовать, и нет беды в том, что он не постигнет высшего учения, не поднимется в высшие космосы.

ОСВОБОДИТЕЛЬ (*его ореол вспыхивает ослепительным блеском*): К безграничному совершенству должен идти человек! По воле моей и по воле моих учеников человек пойдет к совершенству, не сворачивая на ложный путь. Если хочешь, зови людей на ложный путь: всё одно – человечество пойдет нашим путем, не твоим. Отойди от меня!

(Вспыхивает видение ярким красным пламенем и исчезает. Появляется голубой свет. Сменяется белым с семью разноцветными звездами на нем. Наверху крест, обвитый гирляндами роз. Освободитель сидит неподвижно.)

Занавес.

Действие четвертое

Святая святых египетского храма. Полукругом стоят кресла – справа и слева по пяти. Входят жрецы в белоснежных одеяниях и, кланяясь друг другу, занимают кресла. Несколько кресел не занято.

ПЕРВЫЙ ЖРЕЦ: Верховный жрец нашего храма говорит мне, что зло побеждает мир. Ра закрывает свой светлый лик тучами. Надо бороться со злом. В грубые суеверия вылилась вера народов Кеми, и нам, жрецам, должны быть открыты новые откровения.

ВТОРОЙ ЖРЕЦ: Но мы познали истину. Нам нечего изменять в нашем учении. Народ никогда не знал истины и заблудился в суевериях.

ПЕРВЫЙ ЖРЕЦ: У старших жрецов какая-то своя, не наша вера. Я хорошо знаю это.

ТРЕТИЙ ЖРЕЦ: Да, простой народ не смог бы понять нашего учения о переселении душ. Он не допускает и мысли о том, что светила небесные – солнца и земли,

на которых живут перевоплощенные души умерших людей. Народ не способен понять, что душа хорошего человека воплощается в тело высшего существа другой планеты, а душа плохого человека – в тело существа, являющегося животным того же мира. Для него светила небес – маленькие факелы. Он может понять переселение душ только в тела людей и животных на этой, на нашей земле.

ВТОРОЙ ЖРЕЦ: Но мы-то знаем истину!

ЧЕТВЕРТЫЙ ЖРЕЦ: Но я в молодости слышал от Нехтоса, что верховные жрецы иначе мыслят о переселении душ, что они говорят о переселении душ в какие-то невидимые нами миры. Я помню слова о космосе ангелов, каких-то крылатых полу-богов, о космосе херувимов, о космосе архангелов.

ПЕРВЫЙ ЖРЕЦ: Да, с Нехтосом было странное приключение.

НЕСКОЛЬКО ЖРЕЦОВ: Расскажи!

ПЕРВЫЙ ЖРЕЦ: Теперь можно рассказать. Нехтос просил меня молчать, и молчание так тяготило его, что он должен был поделиться со мною тем, что произошло с ним.

ЖРЕЦЫ: Просим тебя, говори!

ПЕРВЫЙ ЖРЕЦ: Как-то Нехтос почувствовал себя очень плохо. Он пошел поздней ночью помолиться в храм. Но у двери храма его неожиданно встретила стража, загородила вход и спросила, к кому из жрецов он идет? Нехтос сказал, что он сам – жрец, но его не пускали. Тогда что-то как бы толкнуло его сказать, что он идет к Машара. Тотчас же воины пали перед ним, и несказанно удивленный Нехтос вошел в храм. Внутри храма второй отряд стражи спросил его, задав тот же вопрос. Но Нехтос, как вы знаете, недаром считался большим мудрецом. Он догадался, что не надо повторять то же имя, и назвал имя другого верховного жреца, Орсена, который был в это время в Мемфисе. И опять пали перед ним гордые воины, а он шел дальше. Перед святой святых он остановился для обычной молитвы, и до него донесся гул голосов. Он приблизился и странное для него любопытство заставило его слушать. Говорил какой-то, приехавший из далекой Индии жрец о том, что высшие жрецы индусов знают только одного Единого Бога. Что народная религия и религия этих жрецов отличаются одна от другой. Едва этот жрец кончил говорить, как Машара громко пригласил Нехтоса войти в святая святых. Нехтос смутился, но вошел. В собрании было восемнадцать верховных жрецов и, что странно, они были одеты не в белые одеяния, а в голубые. Смущенный Нехтос плохо понимал, о чем шел разговор. Тем не менее, он вынес впечатление, что душа умершего человека переселяется в иные, нам неведомые миры. К слову, Нехтос был уверен, что недаром его потянуло в храм в тот день. Он думал, что это Машара позвал его своей магической силой. Эта же сила заставила его передать всё то, что он слышал, мне.

ЧЕТВЕРТЫЙ ЖРЕЦ: Они – удивительные маги и знают неведомые нам тайны. Надо спросить у них о них. Прошло время, и не только народ, но и мы, жрецы, нуждаемся в духовном обновлении.

ПЕРВЫЙ ЖРЕЦ: Наше собрание созвано верховными жрецами. Спросим их.

ВСЕ: Хорошо! Спросим!

(Молчание.)

ПЕРВЫЙ ЖРЕЦ: Маги великие около нас.

ЧЕТВЕРТЫЙ ЖРЕЦ: Входят!

(Все встают. Входят два верховные жреца. Все склоняют головы, верховные жрецы тоже. Верховные жрецы садятся и как бы продолжают происходивший без них разговор.)

МАШАРА: Вы правы. Народ жаждет новой религии. Вы, жрецы, могущим понять передайте тайны вашей религии, взамен чего узнаете высшие тайны. Еще скажу: грядет новая религия с востока – религия великой мистической человеческой любви, которую провозглашает просвещавший нас в Египте Иошуа. Ей нельзя противодействовать.

ВТОРОЙ ЖРЕЦ: Наша религия запрещает нам слушать о другой религии, если мы не убедимся в ее правильности знамением. Та религия, которую ты, вели-

кий жрец, хочешь дать нам взамен старой, тем более нуждается в знамении. Ты дашь его?

МАШАРА: Да.

(Внезапно темнеет. Направо появляется гигантская фигура Вестника с двумя белыми крыльями за спиной. Через пол минуты видение исчезает. Светло. Жрецы на коленях, закрывая лицо руками.)

МАШАРА: Встаньте! *(Все встают. Жрецы смущенно переглядываются.)* Через двадцать один день соберитесь в храме Сераписа. Там будут многие, и многим будут даны необходимые сведения.

(Жрецы выходят. Верховные жрецы стоя отвечают на поклоны. Опять темнеет. Освещены только неподвижные фигуры верховных жрецов. На противоположном конце сцены появляется освещенная фигура вестника. Он без крыльев.)

ВЕСТНИК: Он зовет на послезавтра на гору Фавор для совещания. Час вечерний.

ОРСЕН: Не скажешь ли, Вестник, каким путем пойдет он?

ВЕСТНИК: Придется идти тем путем, которого нельзя миновать.

ОРСЕН: Твое мнение, Вестник?

ВЕСТНИК: Он думает, что только необычное даст силу его учению. *(Молчание.)* Он будет ждать вас.

ОБА ЖРЕЦА: Мы будем.

Занавес.

Действие пятое

Дорога. На втором плане – невысокая гора. Проходят Иуда и Филипп.

ИУДА: На ессеев можно положиться. Нет сомнения, что о них много говорят несерьезного. Вступая в орден, они обязываются никому не сообщать тайн своего учения и то, что они отвергают войну. Они отвергают войну для блага властей и для забавы правителей, но они не откажутся от войны с римлянами, все пойдут на римлян. Правда, они сами не делают оружия, но ведь это не мешает нам достать для них мечи.

ФИЛИПП: Ты прав. А их учение о братстве, общей собственности, отрицание рабства, справедливость и вражда к неправде вошли чуть ли не в пословицы. Учение ессеев – как бы отблеск учения Освободителя. Но ессеями называют себя и люди, не входящие в Орден. Они просто чтут великого законодателя и любят свою родину. Они тоже пойдут за тобою.

ИУДА *(перебивая)*: За Освободителем, не за мною...

(Проходят на гору. Входит Освободитель, Петр, Иоанн и Иаков. Освободитель поднимается выше учеников. Он стоит озаренный заходящим солнцем. Рядом с ним, как бы войдя с противоположной стороны появляются две фигуры в белоснежных одеяниях. Освободитель в голубой одежде. Машара и Орсен склоняют головы перед Освободителем.)

МАШАРА И ОРСЕН *(оба)*: Ты звал. Мы слушаем.

ОСВОБОДИТЕЛЬ: Моё учение не распространяется так, как надо. Волны зла заливают его. Неведомый торжествует победу. Надо сосредоточить на моем учении внимание гибнущего человечества. Путь к этому один: надо умереть за Учение.

МАШАРА: Каждый лишний час, проведенный тобою на Земле, — луч света, падающий во мрак.

ОСВОБОДИТЕЛЬ: И тотчас же гаснущий.

ОРСЕН: Вестник говорил, что возможно восстание против римлян. Ты жаждешь смерти в бою?

ОСВОБОДИТЕЛЬ: Много падало в боях и храбрых, и трусов, много падало за плохое и хорошее дело. Это не обратит внимания на учение. Надо быть казненным по суду за то, что я проповедую.

МАШАРА: Они придумают для тебя самую мучительную казнь. Ведь ты – и человек. Несказанные мучения позорной крестной смерти ждут тебя.

ОСВОБОДИТЕЛЬ: Эта страшная, для людей ненужная смерть запечатлеет в их умах мое Учение.

ОРСЕН: Ты далеко не всё сказал, что мог сказать.

ОСВОБОДИТЕЛЬ: Сказал больше, чем они могут воспринять и запечатлеть в своей душе.

МАШАРА: Ты нужен, страшно нужен здесь, на Земле. Ты нужен нам. Не уходи!

ОСВОБОДИТЕЛЬ: Нельзя допустить, что я напрасно учил людей. Надо, чтобы мое Учение нашло последователей, готовых много трудиться для его распространения. Пусть оно будет потом затемнено, – вначале оно будет сиять, потом теплиться, как искра под пеплом. Но придут времена, и оно засияет ярким блеском. Для этого стоит пострадать, принести себя в жертву.

(Машара и Орсен молчат. Минута молчания.)

ОСВОБОДИТЕЛЬ: Вы – великие мудрецы. Укажите другой путь для того, чтобы было воспринято это Учение. *(Молчание.)* Да будет воля Элоима!

МАШАРА: Через десять лет после твоей смерти умру смертью мученика за твое Учение.

ОРСЕН: Я – через двенадцать.

ОСВОБОДИТЕЛЬ *(склоняя голову)*: Вы сказали.

(Машара и Орсен исчезают.)

УЧЕНИКИ *(тихо говорят друг с другом)*: Кто это? Наверное, Моисей и Илия. Почему мы так спокойны, хотя перед нами явное чудо?!

ПЕТР *(подходит к Освободителю)*: Учитель! Нам хорошо здесь. Не хочется спускаться вниз. Мы охотно остались бы здесь. А для тебя, Моисея и Ильи мы устроим палатки.

(Освободитель молчит.)

ПЕТР *(торжественно)*: Внутренний голос говорит мне, что Освободитель – Сын Божий.

ИАКОВ: На нем благословение Бога.

ИОАНН: Его слушаться будем.

Занавес.

Действие шестое

Город. Площадь. Ступени храма. Идет Освободитель и три ученика. Рядом с ним – юноша.

ОСВОБОДИТЕЛЬ *(продолжая разговор)*: Ты хочешь быть совершенным. Если так, то продай имение свое и раздай нищим. Приходи тогда и следуй за мной.

(Смущенный юноша отходит в толпу.)

ОСВОБОДИТЕЛЬ *(обращается к ученикам)*: Трудно богатому войти в Царство Небесное; удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, чем богатому войти в Царство Божие.

УЧЕНИКИ *(в ужасе)*: Кто же спасется?!

(На другом конце площади и на улице, ведущей к площади, шум, покрывающий голос Освободителя. Но голос этот поднимается и ясно слышатся слова.)

ОСВОБОДИТЕЛЬ: Горе вам, богатые! Вы получили то, что хотели получить!

(Шум растет. Толпа врывается на площадь. Два человека тащат за руки женщину.)

ТОЛПА: Смерть ей! Побить камнями прелюбодейку! А! Вот Учитель! Спросим его!

ФАРИСЕЙ: Учитель, эта женщина взята на прелюбодеевании. Что сделать с ней?

(Освободитель опускается на ступень храма и молчит.)

ФАРИСЕЙ: Что делать с ней? Ведь ты всё знаешь! Ведь ты учишь народ!

(Освободитель молчит и что-то пишет на земле посохом. Через его плечо заглядывает Иоанн и читает Иуда.)

ФАРИСЕЙ *(возбужденно)*: Моисей велел побивать таких камнями!

ОСВОБОДИТЕЛЬ: Кто без греха, пусть первый бросит в нее камень!

(Камни выпадают из рук прибывших со стуком. Смущенная толпа расходится. Первым уходит фарисей.)

ОСВОБОДИТЕЛЬ: Женщина! Никто не осудил тебя. Иди с миром и не греши.

ИОАНН *(обращаясь к Иуде)*: Что писал он? Это не по-арамейски!

ИУДА *(в большом смущении)*: Он писал по-египетски. Я не знал, что он знает язык страны Кеми. Он написал: «Если надо слушаться закона и суда, то убийство меня будет оправдано. Если оно будет оправдано – горе людям!» *(Еще смущеннее.)* Он ждет смерти... Это не похоже на победителя римлян!

(Иоанн закрывает глаза руками.)

ОДИН ИЗ УЧЕНИКОВ *(обращаясь к Освободителю)*: Скажи, кто из нас старше? У кого нам учиться, кроме тебя? Кого слушаться?

ОСВОБОДИТЕЛЬ: Между вами не должно быть учителей. Вы все равны.

УЧЕНИК: Но один из нас может быть совершеннее другого?

ОСВОБОДИТЕЛЬ: Что значит совершенство, которого вы достигли? Надо быть совершенным, как Отец Небесный совершенен. К этому стремитесь! Но так далеко до того совершенства, что в своем совершенстве вы все равны. Не надо превозноситься друг над другом, сильный должен служить всем. *(Обращаясь к человеку из толпы, внимательно его слушающему.)* Следуй за мной!

ЧЕЛОВЕК ИЗ ТОЛПЫ: Я пойду за тобой. Велико твое Учение. Но позволь мне прежде похоронить отца моего.

ОСВОБОДИТЕЛЬ: Представьте мертвым погребать своих мертвецов. А ты иди и благовествуй Царство Божие!

ВТОРОЙ ЧЕЛОВЕК ИЗ ТОЛПЫ: Я пойду за тобой, но прежде позволь мне проститься с домашними моими!

ОСВОБОДИТЕЛЬ: Никто, возложивший руку на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божьего. *(Обращаясь к Иуде.)* Как видишь, Иуда, далеко не все готовы идти с нами!

ИУДА *(смущенно молчит, потом)*: Надо заставить их идти!

Занавес.

Действие седьмое

Большая комната. Много народа, сидят и стоят. Распахивается дверь, входит высокий сильный мужчина.

ВОШЕДШИЙ: Мир дому сему! Я – Товий из Галилеи.

(Скрещивает на груди руки и кланяется. Все встают, отвечая таким же поклоном и жестом.)

СОБРАВШИЕСЯ: Мир тебе, но война римлянам!

ТОВИЙ *(вынимает из-под плаща два меча)*: Один меч у меня свободен. *(К нему подходит юноша и берет меч.)* Готовы ли иерусалимляне?

ОДИН ИЗ СОБРАВШИХСЯ: Юноши Иерусалима приветствовали Освободителя восторженными кликами: «Осанна! Благословен грядый во имя Господне!»; устилали ему путь одеждами, махали пальмовыми ветвями и цветами, встречали его, как царя.

ТОВИЙ: А что власть? А что римляне?

ТОТ ЖЕ: Власти, по-видимому, растерялись. Собираются, советуются. Не прочь взять Освободителя и бросить в тюрьму, но боятся народа. А римляне ждут.

(Входит новый галилеянин.)

ГАЛИЛЕЯНИН: Мир дому сему! Я – Авраам из Галилеи. *(Повторяется та же сцена, что и с Товием.)* Сказал ли Освободитель последнее слово? Будет восстание на

пасхальной неделе или нет?

ОДИН ИЗ ПРИСУТСТВУЮЩИХ: Мы все ждем его ответа. Ждем Вестника и Иоанна.

АВРААМ (*горестно*): Быть может, опять отсрочка?

ВТОРОЙ ИЗ ПРИСУТСТВУЮЩИХ: Возможно, что очень долгая. Возможно, что восстание будет отсрочено на много лет.

ТОВИЙ: Зачем ждать?

ВТОРОЙ: Маловато сил. Мало и тех, кто понял, как надо будет жить без власти римлян, фарисеев и книжников.

(*Двери распахиваются. Входят Вестник и Иоанн. Все окружают их. Уверенно и властно звучит голос Вестника.*)

ВЕСТНИК: Освободитель сказал: «Не прольется ныне кровь народа. Восстания не будет. Что бы ни случилось с Освободителем, не смущайтесь и не поднимайте восстания».

(*Все грустно склоняют головы.*)

ИОАНН: Мужички галилейские, разоидитесь по домам!

ТОВИЙ: Как нам оставить Учителя в пасти волков?

ИОАНН: Если он не захочет – волос не упадет с его головы. Если захочет – даст себя убить за Учение.

(*Молчание. Появляются полчища вооруженных ангелов, пролетающих через сцену. Затем – громадный крест, обвитый гирляндами роз.*)

ВСЕ: Да будет воля Освободителя!

Занавес.

Действие восьмое

Комната. Стол, как на картине Леонардо да Винчи. Двенадцать учеников и Освободитель.

ИУДА: Восстание необходимо. Ты сам был за восстание, а ныне не хочешь.

ОСВОБОДИТЕЛЬ: Ты знаешь, что не готовы люди войти в царство свободы и счастья. И бесполезна перемена властителей.

ФИЛИПП: Есеева кровь не раз была пролита.

ВАРФОЛОМЕЙ: И прольется! Это не беда...

ИУДА: Теперь поздно. Хочешь или не хочешь, а восстание будет.

(*Ученики оживленно, но тихо переговариваются между собой.*)

ОСВОБОДИТЕЛЬ: Пришел час мой. Я скоро умру. Я уйду к Отцу моему, но к вам придет утешение, вы познаете Истину.

ПЕТР: Учитель, неужели ты покинешь нас?

ОСВОБОДИТЕЛЬ: Я иду на смерть. Один из вас предаст меня.

(*Среди учеников смущение.*)

НЕКОТОРЫЕ: Не я ли?

ОСВОБОДИТЕЛЬ (*тихо Иоанну*): Тот предаст меня, кому я передам хлеб и соль. (*Передаст хлеб и соль Иуде, который сильно задумался.*) Иди и делай то, что задумал!

ИУДА: А всё-таки ты волей или неволей встанешь во главе восстания! (*Уходит.*)

ОСВОБОДИТЕЛЬ: Все покинут меня, когда я буду схвачен римлянами.

ПЕТР: Я не отрекись от тебя, даже если все отрекутся!

ОСВОБОДИТЕЛЬ (*спокойно*): Отречешься в эту же ночь. (*Молчание. Освободитель ломает хлеб на части, передает его ученикам и говорит.*) Примите, ешьте. Сие есть тело мое! (*Берет чашу, передает ее ученикам и говорит.*) Пейте из нее все. Это кровь моя, за многих изливаемая во оставление грехов. Вспоминая меня, собирайтесь на такую же трапезу!

АНДРЕЙ (*с ужасом*): Его кровь разольется!

(*Спокоен один Иоанн.*)

ОСВОБОДИТЕЛЬ: Наступают тяжелые времена, надо быть ко всему готовым. Повторяю вам: может наступить необходимость в сопротивлении. Поэтому продавайте одежды свои, если не хватит средств, и покупайте мечи.

ИОАНН: Учитель! Что делать нам без тебя?

ОСВОБОДИТЕЛЬ: Любите друг друга.

АНДРЕЙ: Мы исполним твой приказ так же беспрекословно, как рабы исполняют данные им повеления.

ОСВОБОДИТЕЛЬ: Не должно быть рабов. Вы не рабы, а друзья мои.

ПЕТР (*печально*): Ты хочешь умереть! Над тобой надругаются, тебя унижат тупые, наглые враги.

ОСВОБОДИТЕЛЬ: Нет, прославлен я буду, а не унижен! Отче, пришел час. Прославь Сына Твоего, да и Сын Твой прославит Тебя. И ныне прославь меня, Ты, Отче, у Тебя самого славою, которую я имел у Тебя прежде бытия мира.

Занавес.

Действие девятое

Улица.

ИУДА: Иоанн и какие-то сведения, сообщенные Вестником, заставили его отложить восстание или, вернее, совсем отказаться от него. Но всё готово. Прекрасный план почти что доведен до конца. Освободитель понял, что я попытаюсь поднять восстание без него. Недаром он сказал, чтобы я шел делать свое дело.

МАНАССИЯ: Из этого следует, что Освободитель не хочет восстания, правда?

ИУДА: Но мы решили поднять восстание.

МАНАССИЯ: Кто – мы? (*Пауза.*) Ты не отвечаешь. Пойду узнаю. Без позволения Освободителя галилеяне не двинутся. (*Быстро уходит.*)

НЕВЕДОМЫЙ (*подходит к Иуде и кланяется, как ессеи.*): Слух, что Освободитель не хочет восстания, распространился повсюду. Никто не пойдет на наш призыв.

ИУДА (*с отчаянием*): Ты прав. Но откуда ты? Я тебя не знаю.

НЕВЕДОМЫЙ: Из Египта.

ИУДА: Неужели такая гигантская работа сделана?

НЕВЕДОМЫЙ: Да.

ИУДА: Неужели гигантский размах и кончится ничем? Я бы всё отдал, чтобы дело не погибло!

НЕВЕДОМЫЙ: Мне пришла в голову одна мысль. Быть может, не всё еще пропало.

ИУДА: Говори скорее!

НЕВЕДОМЫЙ: Надо так устроить, чтобы сам народ, чтобы галилеяне и иерусалимская молодежь напали на римлян. Тогда восстание охватит всю страну.

ИУДА (*печально*): Народ не нападет на римлян. И ничем не убедишь его напасть на них, если Освободитель не хочет восстания.

НЕВЕДОМЫЙ: Ты прав. Остается только надежда, что римляне и власти будут так глупы, что арестуют Освободителя, и тогда народ бросится на них. Тогда начнется восстание, и по своей мощи оно будет сильнее всего, о чем мы могли мечтать. Ведь галилеяне пойдут спасать своего любимого учителя.

ИУДА: Напрасные слова! Никто не посмеет арестовать его... Могут только тайком убить его.

НЕВЕДОМЫЙ: Не говори, Иуда! Они только не знают, где взять его в то время, когда народ спит. Легко может случиться, что власти узнают, где он находится или где бывает по ночам. Ведь может найтись человек, который скажет об этом властям. Я всё-таки надеюсь, что позорное иго римлян будет свергнуто. (*Быстро уходит.*)

ИУДА (*в раздумье*): Конечно, как один человек ринулись бы галилеяне освободить его. Но нет такого негодяя, который бы предал никому зла не делавшего.

А, впрочем, предательство этого негодяя повлекло бы за собой освобождение народа. Здесь и подлое дело дало бы светлый, прекрасный результат. Не негодяем, а вторым освободителем был бы такой человек. Ведь всё было бы спасено тогда! Это было бы спасением народа и торжеством победителя! Надо найти такого человека. (Думает.) Нет, никто не согласится! Слишком мелкие души... (В раздумье.) И я не согласился бы играть роль предателя. Хотя почему же не согласиться быть освободителем народа, если сам Освободитель отказывается им быть? Ведь Освободитель не пострадает: его тотчас же освободят, и наши знамена тотчас же начнут развеиваться над освобожденной страной. Да! Я должен спасти всю работу Освободителя, спасти народ! Что за беда, если дураки в течении одного дня будут верить, что Иуда мог быть предателем?

Занавес.

Действие десятое

Окрестности Иерусалима. Пустырь. Небольшой полуразрушенный дом. Усталый Иуда подходит к дому и стучит. Выходит Товий.

ИУДА: Привет! Ты в дорожном платье. Разве ты уходишь?

ТОВИЙ: Я слышал приказ Освободителя и повинуюсь. Чему ты удивляешься? Разве ты не знаешь, что восстание отложено?

ИУДА (*со страшной тревогой*): А другие галилеяне? Где они? Я не нашел никого из вождей!

ТОВИЙ: Все ушли.

ИУДА: Всё погибло! (*С отчаянием.*) Погиб и я!

ТОВИЙ (*спокойно и торжественно*): Ничего не погибло, только отсрочено. Будем продолжать каждый у себя дело освобождения.

ИУДА: А юноши иерусалимские?

ТОВИЙ: Все предупреждены. Никто из них не возьмется за меч, что бы не случилось. Такова воля Освободителя. Впрочем, поговори с Леви.

(*Стучит в дверь. Выходит Леви.*)

ИУДА: Где твои товарищи? Готовы ли вы?

ЛЕВИ (*вежливо кланяясь*): Мои товарищи готовы повиноваться Освободителю и исполняют его волю.

ИУДА: Как? Они не поднимут восстания, даже узнав, что Освободитель взят властями?

ЛЕВИ: Так велел Освободитель. Да и римляне знают о готовящемся восстании. Знают и власти. Кто-то предал Освободителя и многих из нас. Никто не восстанет.

ИУДА (*насмешливо*): Вы боитесь!

ЛЕВИ: Мы повинuemся. (*Товий качает головой.*) Прощай, Иуда. Если узнаешь, кто предатель, скажи нам. Мы научим наших детей и внуков проклинать его.

ТОВИЙ: Прощай, Иуда. Я верю, что узнав предателя, ты прежде всего убьешь его, а потом скажешь нам, кого мы должны проклинать. (*Уходят.*)

ИУДА: Всё погибло. Никто не поймет меня. А если кто и поймет, то всё равно не простит. Да и поймут ли они? Не может быть! Ведь мне всучили эти тридцать серебряников, цену крови! Очень нужны были мне эти гроши! В нашей кассе тысячи серебряников, но не мог я не взять их! Не поверили бы мне иначе! Пойду и брошу эти деньги к ногам властей. Пусть не подумают, что я за деньги предал Освободителя. А всё равно – мне не поверят. Я – предатель. Ничто не спасет меня от проклятий грядущих поколений и от мести поколения живущего! Я повинен в смерти... Брошу проклятые деньги и убью себя. Быть может, в веках кто-либо поймет меня, и если не простит, то пожалеет... (*Идет шатаясь. Останавливается. С отчаянием.*) Никто не поверит, никто не простит! (*Пауза. С еще большим отчаянием.*) Но ты, Освободитель, ты – простишь, ты – поймешь!... (*Уходит, плача.*)

Занавес.

Действие одиннадцатое

Улица Иерусалима после того, как Освободителя провели на смертную казнь. Опоздавшие спешат на Голгофу. Не пожелавшие участвовать в процессии, идут по своим делам.

ПЕРВЫЙ ПРОХОЖИЙ: О, его сильно мучили. Пытали палачи. Надели ему на голову терновый венец. Надругались над ним.

ВТОРОЙ ПРОХОЖИЙ: Но за что он осужден?

ТРЕТИЙ ПРОХОЖИЙ: Конечно, ни за что. Вернее, за то, что учил любить друг друга, раздавать имущество бедным, не стремиться к власти.

ПЕРВЫЙ ПРОХОЖИЙ: Говорят о каком-то кощунстве.

ВТОРОЙ ПРОХОЖИЙ: Ничего похожего на кощунство не было. Он только самонадеянно сказал, что в три дня может восстановить разрушенный храм.

ПЕРВЫЙ ПРОХОЖИЙ: Конечно, это не кощунство.

(Проходят.)

ЧЕТВЕРТЫЙ ПРОХОЖИЙ: Он был так истомлен пытками, что не мог нести крест, на котором его хотели распять. Заставили нести этот крест какого-то плотника.

ПЯТЫЙ ПРОХОЖИЙ: Он просто не хотел как-либо признать суд. Несением креста он не хотел, выражаясь словами римлян, дать санкцию приговору. Говорят о каком-то удивительном ответе на суде.

ЧЕТВЕРТЫЙ ПРОХОЖИЙ: Его ударил слуга первосвященника. Этому холопу не понравился гордый ответ арестованного. А арестованный заметил: «Если я говорю неправду, докажи это; если правду – за что бьешь меня?»

ПЯТЫЙ ПРОХОЖИЙ: Ответ мудреца.

(Проходят.)

ЮНОША *(другому юноше)*: Ты слышал, его предал его же ученик, Иуда!

ВТОРОЙ ЮНОША: Негодяй! Предатель!

(Проходят.)

НЕСКОЛЬКО МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ: Говорят, его ученики сопротивлялись. Один из них сражался с мечом в руке. Но Освободитель запретил ему драться. Освободитель не хотел сопротивления. Я бы теперь с удовольствием напал на римлян. Не попытаться ли? Нельзя! Нельзя!

(Проходят.)

ПЕРВЫЙ РИМСКИЙ ЧИНОВНИК: Приказано прибить на кресте оскорбительную для него и его сторонников надпись «Царь иудейский». Манлий думает, что эти сторонники, увидев этот вызов, бросятся вместе с чернью освободить его от крестных мук, и тогда мечи наших воинов упыются кровью этого несносного племени.

ВТОРОЙ РИМСКИЙ ЧИНОВНИК: Довольно ли войск на месте казни?

ПЕРВЫЙ ЧИНОВНИК: Там железные когорты Анция Коммода. А на окраине Иерусалима – войска, готовые ринуться на мятежников.

ВТОРОЙ ЧИНОВНИК: Жалко будет, если они останутся спокойны.

(Проходят. Быстро и молча идут три человека. Их догоняет Агасфер.)

АГАСФЕР *(сильно взволнованный)*: Его давно провели здесь?

ПЕРВЫЙ ПРОХОЖИЙ: Больше часа тому назад. А что?

АГАСФЕР: Он устал, остановился и прислонился к моему дому, чтобы отдохнуть. Я слышал, как говорили, что он кощунствовал на допросе и оттолкнул его, сказав: «Иди, иди!» Он взглянул на меня, и я оторопел. Что за добрый, бесконечно добрый взгляд был у него! Напрасно пытался я заняться чем-либо по дому, напрасно брался за работу. В моих ушах звучит мой же голос: «Иди, Иди!» Я... я бросил всё и пошел. Внутренняя тревога гонит меня...

ВТОРОЙ ПРОХОЖИЙ: Куда?

АГАСФЕР: Сейчас на Голгофу, а затем... всё равно куда! Но я пойду, я должен ид-

ти! Я сам сказал: «Иди, иди!» Ему сказал – усталому, печальному, кроткому, измученному... «Иди, иди!» Я должен идти... (*Уходит почти бегом.*)

ТРЕТИЙ ПРОХОЖИЙ: Много помешанных ходит по улицам в наши ужасные дни! (*Уходит.*)

Занавес.

Действие двенадцатое

Голгофа. На сцене темно. Направо стоит когорта римских солдат. Немного впереди – Анций Коммод и центурион. Около римлян – костры, скудно освещающие часть сцены.

КОММОД: Что за странная жизнь! Как не похож он на преступника. Его близкие и уважаемый Иосиф производят впечатление хороших людей, потерявших хорошо человека. Кроме диких восклицаний, я ничего не слышал от его обвинителей.

ЦЕНТУРИОН (*с убеждением*): Казненный ни в чем не повинен. Эти дикари убили его, потому что он был слишком хорош для них. Все говорили, что он праведник, и вдруг он стал преступником. Но никто не может сказать толком, в чем его преступление. Ясно, что он не называл себя царем, а говорил о каком-то нездешнем царстве, так называя чистую совесть людей.

КОММОД (*тревожно*): Смотри, что это?

(Голгофа освещается снопом света, как бы снопом молний, падающих на крест. Освещаются фигуры воинов около крестов, фигуры трех женщин, Иоанна и Иосифа, стоящих немного подальше. Огонь превращается в крылатых гениев-ангелов, как бы обвивших крест розами. Гилянды роз обвивают крест.)

КОММОД: Ты видел?

ЦЕНТУРИОН: Воистину. Этот человек – праведник.

(Все исчезает.)

КОММОД: Мне хотелось бы иметь что-либо на память об этом человеке.

ЦЕНТУРИОН: Что хочешь ты?

КОММОД: Часть его одежды. Какую-либо вещь, ему принадлежавшую. Я не пожалел бы за нее тысячи сестерций.

ЦЕНТУРИОН: Спрошу у воинов, стоящих у креста. (*Уходит в тьму.*)

КОММОД (*про себя*): Тот человек больше праведника!

(Возвращается центурион с чашей в руках. Чаша сверкает красноватым отблеском.)

ЦЕНТУРИОН: Я купил вот эту чашу. Из нее он пил на последнем собрании, и она была подставлена под струю крови, выливавшейся из раны, нанесенной ему копьем.

КОММОД: Благодарю. Ты получишь деньги, когда зайдешь ко мне.

Занавес.

Действие тринадцатое

Улица Иерусалима. Прохожие.

ПЕРВЫЙ ЦЕНТУРИОН (*продолжая разговор*): Их хотели отдать под суд, но Анций Коммод воспротивился, заявив, что верит их рассказу.

ВТОРОЙ ЦЕНТУРИОН: Говорят, рассказ этот неправдоподобен.

ПЕРВЫЙ ЦЕНТУРИОН: Суди сам. Они утверждают, что впади в беспамятство, увидев двух внезапно появившихся крылатых гениев и осиявший их свет. Когда проснулись, то увидели камень от пещеры отваленным, погребальные одежды разбросанными, но тела казненного не было.

ВТОРОЙ ЦЕНТУРИОН: Если бы они сами позволили унести тело, то они сумели бы затворить пещеру камнем и всё привести во внешний порядок.

ПЕРВЫЙ ЦЕНТУРИОН: Как говорил и Анций Коммод...

(Проходят.)

ПЕРВЫЙ ПРОХОЖИЙ: Упорны слухи, что Освободитель воскрес.

ВТОРОЙ ПРОХОЖИЙ: Многие верят этому, а ты?

ПЕРВЫЙ ПРОХОЖИЙ: Женщины несомненно видели кого-то, поразительно на него похожего, с руками и ногами, пробитыми гвоздями.

ВТОРОЙ ПРОХОЖИЙ: Один из его учеников рассказывал, что он сам вложил пальцы в раны воскресшего Освободителя. А этот ученик не верил ранее в его воскресение.

ПЕРВЫЙ ПРОХОЖИЙ: Говорят, что как раз римляне уверовали в его воскресение – Коммод, центурион, воины, бывшие при казни, воины, сторожившие крест и гробницу...

ВТОРОЙ ПРОХОЖИЙ: Да и я скорее верю, чем не верю... В сущности, что же тут удивительного, что воскрес праведник?

(Проходят.)

ПЕРВЫЙ САНОВНИК *(тихо, но очень волнуясь)*: Надо во что бы то ни стало прекратить эти нелепые слухи! Они ставят нас в невозможное положение... Выходит, что мы убили не только праведника, но и величайшего из пророков!

ВТОРОЙ САНОВНИК: Но ведь сделанное по твоему приказу расследование не оставляет и тени сомнения, что он воскрес! Разве можно идти против истины в таком случае? Я – не саддукей, я верю в загробную жизнь. Это не всё, это не пройдет даром!

ПЕРВЫЙ САНОВНИК *(неуверенно)*: Но, возможно, что мы имеем дело с очень умным и тонким обманом...

ВТОРОЙ САНОВНИК: Кто мог задумать такой обман? Кому он нужен? Его ученикам? Но они простые и честные люди. Иосифу? Но ты сам знаешь, что это невозможно!

ПЕРВЫЙ САНОВНИК: Что же делать? Что же делать?

Занавес.

Действие четырнадцатое

Большая комната. За круглым громадным столом сидят тринадцать человек. Среди них, ничем не отличаясь от других, Машара и Орсен.

ПЕРВЫЙ ЕССЕЙ: Итак, Иуда донес на него. Указал, где его можно взять под стражу. Что скажут ессеи?

ВТОРОЙ ЕССЕЙ: Надо выслушать тех, кто хочет сказать что-либо в защиту Иуды.

МАШАРА: Не надо судить Иуду. Сказано: «Не судите». К тому же, он сам себя осудил.

ОРСЕН: Не надо судить. И без нас найдутся судьи.

ТРЕТИЙ ЕССЕЙ: Орден ессеев не может молчать, когда один из его членов преступил заветы чести. Каков бы ни был наш приговор, каково бы ни было наше решение, будь это отказ вынести решение, мы должны обсудить дело Иуды.

ПЕРВЫЙ ЕССЕЙ: Обвинители спрошены. Пусть войдут защитники. *(Молчание. Никто не входит.)* Так нет защитников?

МАШАРА: Освободитель сам хотел умереть за свое Учение. Всё равно, не будь предательства Иуды, Освободитель нашел бы другой путь к крестной смерти.

ВСЕ: Ты сказал.

ГОЛОС: Но Иуда предал его!

ВСЕ: Да, предал.

ОРСЕН: Вестник, явись, явись! *(Появляется Вестник.)* Вестник, что скажешь об Иуде?

ВЕСТНИК: Он предал Освободителя. Он его предал только потому, что обольщенный Неведомым был уверен, что Освободитель будет спасен восставшими, и не будет убит.

ВСЕ: Ты сказал.

ГОЛОС: Но Иуда предал его!

ВСЕ: Да, предал.

ВЕСТНИК: Иуда убил себя, раскаявшись в своем поступке...

ГОЛОС: Но Иуда предал его!

ВСЕ: Да, предал.

МАШАРА: Освободитель воскрес, смертью смерть поправ!

ГОЛОС: Но Иуда предал его!

ВСЕ: Да, предал.

ПЕРВЫЙ ЕССЕЙ: Как судить его?

ГОЛОС: Судить в веках, но не в мирах.

ВСЕ: Да, судить предателя.

ВЕСТНИК: Иуда умер, уверенный, что только один Освободитель поймет и простит его.

ВСЕ: Ты сказал.

ГОЛОС: Мы не совершенны, как Освободитель. Иуда предал его! Не было такого позора в Ордене ессеев, не было и в веках!

ВСЕ: Он предал Освободителя! Мы судим его нашим судом. Не судом земли судим – судим в веках!

(Совещаются. Машара и Орсен встают и отходят к Вестнику.)

ПЕРВЫЙ ЕССЕЙ: Орден решил: вычеркнуть Иуду из числа членов Ордена. Имя и деяние его да покроются проклятиями на века до второго пришествия Освободителя. Но и тогда проклят будет его поступок, хотя и будет прощен ему. Проклятие будет тяготеть на предательстве до тех пор, пока понятия «предательство» и «проклятие» не исчезнут с лица Земли, преображенной вторым пришествием.

ВСЕ: Да будет!

(Машара, Орсен и Вестник молчат.)

ПЕРВЫЙ ЕССЕЙ *(обращаясь к ним)*: Прав суд наш? *(Машара, Орсен и Вестник молчат.)* Или не прав суд наш и вы требуете пересмотра дела? *(Машара, Орсен и Вестник молчат.)*

ВСЕ: Суд прав.

ПЕРВЫЙ ЕССЕЙ: В преображенном нашем мире, на обновленной Земле, когда забудется само слово «предательство», только тогда мы снова примем Иуду в сонм наш.

ВСЕ *(вместе с Машара, Орсеном и Вестником)*: Так будет!

Занавес.

Действие пятнадцатое

Одиннадцать учеников Освободителя. Они на тайной вечери, но нет Иуды. Среди них появляется Освободитель. Минута молчания. Страшное удивление учеников: удивление, недоуменные взгляды, позы, жесты. Затем Освободитель внезапно исчезает. Ученики одни.

ПЕТР: Христос воскрес!

ВСЕ УЧЕНИКИ: Воистину воскрес!

Занавес.

Конец.

ГНОСТИКИ

Хорея. Среди хоровода – высокий молодой человек. Хоровод из молодых мужчин и женщин. Одеты во всевозможные костюмы разных народов и разных эпох. Стоящий в середине говорит. Сказав свое, уходит в хорею. Его место занимает другой молодой человек или молодая женщина. Направо от хореи, которая медленно движется справа налево, сидят три человека, одетые в белые широкие плащи. Они тихо разговаривают.

1-й ИЗ СИДЯЩИХ (*говорит тихо в то время, когда хорея остановилась*): Как странно, Манлий! Говорил, по-видимому, юноша, но говорил так, как если бы он прожил столетия.

МАНЛИЙ (*тихо*): Все, кто говорили сегодня, и кто будет говорить, далеко не юноши. Все они долго жили, но они надели не только свои тела, но и головы. Все здесь собравшиеся замаскированы от волос на голове до подошв ног.

3-й ИЗ СИДЯЩИХ: Слушайте! Говорит ученик Василида. (*Хорея снова тихо движется справа налево. Стоящий в середине говорит.*)

1-й ОРАТОР: Я – ученик Василида, а он у апостола Петра узнал тайны высокие. Он знал также, что было написано во втором Евангелии Матфея о тех сокровениях, которые возвестил воскресший Христос своим ученикам – Матфею, Фоме и Филиппу. О том, чему учил Василид, возвестим сейчас мы, три ученика его.

Нельзя назвать абсолютное начало, ибо неизреченно оно. Вы можете произнести какое-либо сочетание звуков, какое-либо слово, но это слово не будет осмысленным, ибо вы не познали ни умом, ни чувствами своими то, что этим словом означает. Ни с чем, хотя бы отдаленно, нельзя сравнить его. Тем не менее, в нем всё то, что бытием называют. В нем всё в том смысле, что всё сущее или отделилось от него, как от вас дыхание отделяется, или в нем всё в том смысле, как в семечке дерева содержится его корни, ствол, ветви, листья, цветы и плоды. Но, говоря так, я не даю определения: я только миллиардную или еще меньшую долю его сущности определяю.

Определяю то и так, что и как нам доступно – нам, ничтожнейшей частице дыхания Его. А так как это – Его, а не наше дыхание, то оно до некоторой слабой степени может дать понятие о Нем. Он – Бог Великий – абсолютно бесстрастен. Он выше бытия и небытия. Он не есть бытие и не есть не-бытие. Он был до не-бытия. Был, когда ничего не было. Он – «преждесущее Ничто», абсолютное Ничто, и потому для него нет обозначения на языке человеческом; в нем в действительности и в потенции всё без исключения.

Итак, Он – первоначало, он Бог не-сущий в том смысле, что он выше существования, но в нем начало всего, что существует и будет существовать. Он – един. В Нем появилась идея бытия или сыновства, появился и зародыш бытия, его начало. Зародыш этот в самом начале был не-сущим, то есть неуловимом мыслью духов и других существ, к которым не имел отношения. Другими словами, в Нем не-сущем проявилось творческое начало. Он восхотел сотворить. Он – непостижимый – сотворил всё из ничего, из абсолютного ничего, ибо только он один был. Но для Него – не-сущего – всё сотворенное не существует. Единство возможностей, потенции, панспермия была началом всего. Это единство потенций близко Богу, родственно Первоначалу. Первая потенция панспермии это – сыновство, единосущее Не-сущему. Он, непостижимый, таил в себе всё бытия – божественное, духовное и материальное.

(*Говоривший входит в хорею и в ее середину выходит второй оратор*)

2-й ОРАТОР: Наиболее ясное для нас, но очень далекое от истинного, проявление Его бытия, первое сыновство, – это неизреченная и непостижимая Его сущность, возносящаяся к Не-сущему. Это Сын – лицом к Отцу, это идеальное, божественное Его проявление, как всего для нас высшего, наичистейшего, самого доброго и высоко прекрасного. Первое сыновство сливается с Не-сущим и есть Не-сущее в его отношении к миру, созданному Богом. Создав мир, третье сыновство противопоставляет себя Богу, таким образом определяя себя. Первое сыновство и отлично от Не-сущего, и едино с ним. Оно проявляется, как Отец (творческая сила), как ум,

слово, разум, сила, премудрость, правосудие (без кары мир). И если кто проникается первым сыновством, то поднимается и соединяется с ним, то есть с Богом.

(Уходит в хорею и его место занимает новый оратор)

3-й ОРАТОР: Его бытие духовное, от него очень далекое – почти так же далекое, как и бытие материальное, – это второе сыновство не единосущно первоначальному Богу. Оно является единством сущности божества с иносущным миром. Так как оно сплетено с бытием материальным, так как оно отягчено чуждыми элементами, то нуждается в очищении. Из этих элементов второе сыновство создает себе крылатого Духа святого и через него ограничивается, определяется мир. Этот Дух – тварное подобие второго сыновства. Второе сыновство – духовное бытие – не вполне чистая, слегка отягченная материей идея. Эта идея – второе сыновство – одухотворяет мир. Она делает его Духом святым. Она – непосредственный творец мира. Она дает мирам сознание и, как крыльями, поднимает кверху миры (как бы исчезает в Первоначале, хотя и не может с ним слиться, как иносущая) и оставляет в низах отблеск света и силы Божества. Дух святой, достигнув пределов непостижимого, становится гранью между Не-сущим и мирами первого и второго сыновства.

(Уходит в хорею, его место занимает четвертый оратор)

4-й ОРАТОР: Его божественное бытие – третье сыновство – конечно не полностью, а ничтожной долей проявляется в материальном бытии. Но пока оно с материальным бытием, пока не оторвалось от него, то есть от видимого мира, до тех пор оно (и мы) далеко от абсолютного сверхсущного Бога. Третье сыновство страдает, ожидая освобождения от материальных уз, ожидая очищения и вознесения к Не-сущему, окончания отчуждения от Него. Нужна жизнь материальная, ибо в ней очищается начало жизни духовной.

(Опять сменяется оратор и в круг выходит первый)

1-й ОРАТОР: Там, где было отреченное Духом святым, там выделяется Архонт Великий, глава мира, несказанный несказаннейший и могучих могущественнейший, но он всё же ограничен и потому считает себя Великим Богом. Под его властью в полном неведении и в греховности живут люди. Он рождает сына, который лучше и выше его самого. Но и для сына непостижим Не-сущий. Вместе с Сыном Великий Архонт создает вторую восьмерицу эфирного мира, подражая первому сыновству. Тогда из той же Панспермии появляется Второй Архонт. Он не дает знания даже о Великом Архонте, не дает знания и о Не-сущем. Сын Второго Архонта – Христос. Идея сыновства пробуждается в третьем сыновстве в сыне Марии Иисусе, дабы вознеслось третье сыновство. В Иисусе разделились элементы, соответствующие трем частям сыновства: духовный, душевный и физический. Божественное освободилось в Нем из телесного плена. Поэтому и страдает человек Иисус. Когда Он умер, его природа возвратилась в первичную безобразность: душа (психический элемент) отошла в седмерицу, дух (пневматический элемент) отошел в восьмерицу, само сыновство (третье) вознеслось к Не-сущему.

ГОЛОС: О какой седмерице говоришь ты? Что это за седмерица?

1-й ОРАТОР: Второй Архонт вместе с рожденным сыном, создали седмерицу. Мир – не только солнца и земли: небесных (звездных) сфер или космических сил 365 и ими управляют ангелы астральные. Семь последних космических сил управляют народом земель. Эти силы (седмерица) как бы мировой волей являются, мировой волей, соприкасающейся с сущностью Божества. Одна из этих сил – Великий Архонт, Демиург, Бог нашей Земли. Материальный мир сотворили ангелы. Как оба Архонта, так и ангелы ничего не знают о Боге, о Том, в ком пребывает всё божество, в ком пребывают все возможности.

ГОЛОС: А Христос?

1-й ОРАТОР: «Высший Ум» первой седмерицы (абсолютное, неизреченное начало) сошел через таинственные силы бытия, через последние семь космических сил на человека Иисуса, чья оболочка – тело – стала призрачной. Иисус, это истинный Христос, привлечший к себе силу Духа Святого, и в Нем соединился высший и низший миры. Христос открыл материальному миру истину абсолютного и идеального

бытия. Он возвестил миру истинное Высшее Божество, к которому стремится мировое сознание, духовный элемент, скрытый в мирах, выделяющийся из материального мира. Третье сыновство воссоединяется с Не-сущим. Таким образом, частица Божества освободится от гнета материи и возвратится к первому источнику. Второй Архонт не будет знать о Не-сущем.

Материальный мир придет в состояние блаженного, неизъяснимого, великого неведения. Всё сущее материального мира будет довольно своим пределом и назначением, а духовная сущность вместе с Христом, им просвещенная, вознесется в сферу идеального и абсолютного Божества. Частицы Божества возвратятся к первобытному источнику...

ГОЛОС: Скажи, почему существует зло в мире?

1-й ОРАТОР: Потому что бесстрастен Великий Бог и в нем потенция всего – и зла, и добра.

ГОЛОС: Долго ли будет существовать зло?

2-й ОРАТОР: Пока не появится отсутствие желания, ибо желание есть осознанное страдание от неудовлетворенности. А когда исчезнет сознание, будет Ничто.

ГОЛОС: А мученичество? Правы ли те, кто стремится к нему?

1-й ОРАТОР: Мученичество является или воздаянием за грехи предыдущей жизни, и тут нечего его идеализировать, или оно просто бесполезный акт и глупо искать его.

ГОЛОС: Скажи, правда ли, что Василид утверждал, что после смерти души переселяются в другие тела?

1-й ОРАТОР: Да, правда.

ГОЛОС: Скажи нам, как вести себя здесь, на земле?

1-й ОРАТОР: Знай всех, тебя же пусть никто не знает. А поступающий к нам, пусть молчит в течение пяти лет, пока не усвоит учения нашего. О Боге Высоком мало, слишком мало говорит учение это. А сказать надо хотя бы немного. И всё, что будет сказано о Боге, за исключением слишком человеческого, всё равно, ибо в Нем – всё. Но не всё, что в Нём – Он, как не всё, что в человеке – человек. Кровь в человеке, но вышедшая из человека – не человек; так то, что отходит от целого, уже может не принадлежать целому. Не всегда, впрочем, исходящий от Бога свет становится тьмой. Он затемнится только тогда, когда темна среда, через которую он проходит, а если она светла, то светлым он остается. И нет тьмы абсолютной, ибо и во тьме звезды светят...

(Хоря медленно расходится. Сидящие встанут, отходят от своих кресел, и около каждого из них собирается небольшой круг.)

МАНЛИЙ: Что скажу я? Ничего не говорит учение это о жизни нашей. Если верно то, что я ранее слышал, если учение это совпадает в указаниях на то, что надо делать на земле, с учением того, кого Христом называют, то только в этой части своей интересно оно для нас. Если же, как я слышал, оно учит избегать личного страдания, то оно опаснее соблазна, и я не приемлю его. И без этого слишком часто избегают люди страданий, хотя их следовало бы переносить для высшей цели.

Конец.

3217 год.

(Пьеса в 11 действиях.)

Действие первое

Громадная комната. Стены из белого мрамора. Большие окна со слегка голубоватыми стеклами. На стенах картины в рамках со стеклами. На одном из небольших полированных столиков стоят аппараты, напоминающие усовершенствованные телефон, фонограф, аппарат для записывания речей, небольшие фигурки из какого то металла, держащие в руках фа-

келы, термометр, барометр, часы и другие еще неизвестные нам приборы. Все эти вещи чрезвычайно изящны. На других столиках стоят искусно сделанные изображения птиц, которые поют, когда пускается в ход скрытый в них механизм. В разных местах залы статуи из мрамора и чрезвычайно похожие на людей манекены. Много скамеек, кресел, стульев, три дивана, два больших стола. Мебель отодвинута от стен. Пол мозаичный. Хоры около двух стен. Входят Гарри и Рордиан. Оба высокого роста с правильными чертами лица. Оба одеты в черные шелковые заправленные в широкий золотой пояс рубахи. Оба подходят к большому столу, на котором лежит бумага и стоят пишущие машины. Садятся.

ГАРРИ (*продолжая разговор*): Да. Необходимо вывести массы населения из того застоя, в который они погружены сотни лет. Не менее необходимо показать последователям ошибавшихся и морочивших учителей, что принятые ими на веру учения не истинны потому, что не толкают людей на активную борьбу со злом и неправдой, с темными сторонами нашей общественной жизни. Ты согласен со мной? Что скажешь, Рордиан?

РОРДИАН: Согласен.

ГАРРИ: Опять однословный ответ! Если ты вошел в секту молчащих, так скажи прямо. Ты не можешь, очевидно, представить, как трудно разговаривать с тем, кто дает однословные ответы.

РОРДИАН: Я – не молчальник, но мне нравится их учение. Лучше говорить делами, чем словами, Гарри.

ГАРРИ: Правда, много бессмысленной и шарлатанской болтовни знало человечество, но даже пустая болтовня лучше, по моему, молчания, от которого веет чем-то враждебным человечеству, чем-то животным, чем-то неумным.

РОРДИАН: Ты сказал – я выслушал. Сверим наши списки.

ГАРРИ: Хорошо. На наш съезд прибыли представители секции «Объединенных обществ психических исследований» из Северной и Южной Америк в количестве 27 человек; из Восточной и Западной Европы в количестве 28 представителей; из разных частей Африки 17 человек; из Азии – 32 и из Австралии – 9 человек. У тебя те же сведения?

РОРДИАН: Да, но прибавь трех представителей от живущих на аэропланах и других летательных машинах; двух от живущих в хрустальных дворцах на дне океанов и громадных рек и четырех от населения, избравшего себе место жительства под землею, в ее громадных пещерах. Эти общества впервые прислали нам делегатов.

ГАРРИ: Скажи, много среди приезжих сторонников материалистического учения?

РОРДИАН: Если называть таковыми агностиков, то несколько человек.

ГАРРИ: В сущности, все мы агностики: не можем постигнуть даже таких пустяков, как появление из зернышек разнообразных, прекрасных цветов.

РОРДИАН: Я говорю о тех, кто не интересуется мистикой или не удовлетворяется ею.

ГАРРИ: Но они не знают эзотерических учений?

РОРДИАН: Конечно.

(Тихий звон. Гарри нажимает клавишу какого-то аппарата на столе, к нему подходит автомат и потом выходит из дверей. Автомат возвращается с молодой женщиной. Это Красная Орхидея)

КРАСНАЯ ОРХИДЕЯ (*раздраженным голосом*): Что, у вас часто встречаются такие невежи, как этот господин?

ГАРРИ: Что он сделал?

КРАСНАЯ ОРХИДЕЯ: Да просто не соблаговолил отвечать на мои вопросы...

ГАРРИ: Вы, вероятно, не умеете управлять автоматами...

КРАСНАЯ ОРХИДЕЯ (*с удивлением*): Как? Это автомат?

(Подходит к автоматам и рассматривает их один за другим.)

ГАРРИ: Да, конечно. Не угодно ли вам присесть, и мы к вашим услугам. Вы знаете, кто мы?

КРАСНАЯ ОРХИДЕЯ: Я пришла в комиссию по устройству съезда. Здесь нет ошибки?

ГАРРИ: Нет. И мы к вашим услугам.

КРАСНАЯ ОРХИДЕЯ: Я из Восточной Европы. Могу пробыть на съезде максимум три дня. Могу ли я одной из первых сделать свой доклад о работах Психического общества Восточной Европы?

ГАРРИ: Если пожелаете, вы можете говорить второй. Первым будет говорить один ученый из Индостана, который может пробыть с нами только один день.

КРАСНАЯ ОРХИДЕЯ: Я рада. Могу я видеть ту часть вашей библиотеки, которая считается вами лучшей и известна под названием № 1-й?

ГАРРИ: Просим вас. Рордиан! Покажи делегатке всё, что она пожелает видеть.

КРАСНАЯ ОРХИДЕЯ: Рордиан! Я знаю это имя. Я – Красная Орхидея. А вас как зовут?

ГАРРИ: Меня зовут Гарри.

КРАСНАЯ ОРХИДЕЯ: Я и о вас много слыхала. *(Рордиан подходит к Красной Орхидее и кланяется.)* Далеко библиотека?

РОРДИАН: В соседней комнате наиболее интересный отдел книг и гравюр. *(Уходят.)*

Занавес.

Действие второе

Большой высокий зал. Много небольших столиков, на которых стоят какие-то аппараты и за которыми сидят по два, по три человека. Каждый оратор перед тем, как говорить, поднимает со столика резонатор и его голос слышен во всем громадном зале. В зале сто двадцать человек – мужчин и женщин. Несколько человек в масках. Заседание еще не началось и человек двадцать ходят по зале.

КРАСНАЯ ОРХИДЕЯ *(в маске, подходит к Гарри)*: Скажите, Гарри, могу я снять маску?

ГАРРИ: А, это вы! Я не советовал бы. Ведь это собрание ученых, и нам неизвестны человек тридцать из присутствующих. Среди них могут быть и агенты вашего правительства. Они могут дать неблагоприятный отзыв о ваших заявлениях.

КРАСНАЯ ОРХИДЕЯ: Благодарю за совет.

(Отходит. К Гарри подходит автомат. Гарри подходит к столу, поднимает резонатор и внятно слышен его голос.)

ГАРРИ: Все налицо. Просим занять места.

(Все садятся за столики.)

ГАРРИ: В порядке записи слово принадлежит делегату Бенгальского Общества психических исследований.

БЕНГАЛЕЦ: Мы очень мало можем прибавить к нашему докладу на предыдущем съезде. Этот доклад роздан всем, желавшим иметь его, и я ограничусь тем, что не вошло в него. Прежде всего: в Бенгалии давно уже установился строй безвластного общежития. Материальное благосостояние населения очень высоко. В духовной жизни надо отметить живучесть религии браминов и буддистов, которые сильно, впрочем, модернизировались и имеют многих последователей. Затем вполне исчезла когда то сильная религия магометан, а христиане раздробились на громадное количество сект, объединившихся, впрочем, в один союз. У нас имеется также совсем не исследованная секта тех, кто чтят упоминаемых в Ведах арров, но о ней мы ничего не знаем, кроме того, что она существует и в редких случаях члены этой секты делают доклады в нашем Обществе психических исследований. Последний доклад членов этой секты указал нам, что какое-то психическое начало, гнездящееся во многих людях (не во всех), может покидать тело человека, который спит, переноситься через какие угодно пространства, выходя и из пределов Земли, и может всту-

пать в общение с разными существами. В частности, это психическое начало, облеченное в тело, нами не виденное, должно по моей просьбе прибыть на этот съезд и проявить себя так, как это написано в письме, запечатанном в плотном конверте и запертом вот в этой шкатулке, которую придется сломать, когда придет время. Вы, конечно, позволите мне продемонстрировать перед вами этот интересный опыт?

ГОЛОСА: Просим тебя.

БЕНГАЛЕЦ: А я прошу психическое начало проявить себя так, как это написано в положенном в шкатулку письме, содержание которого знают только два старейших члена Бенгальского общества психических исследований. Внимание.

ГОЛОСА: Мы ждем.

(Сначала пять человек, тотчас же человек тридцать, и немногими секундами позднее все присутствующие, не исключая докладчика, встают с мест, делают два-три шага от кресла, становятся на колени на пол и поднимают кверху обе руки.)

ГОЛОСА: Что это? Я не могу не встать... Меня ставят на колени... Кто-то поднимает и держит мои руки...

(Через минуту все встают и молча с изумлением смотрят друг на друга. Спокойны и как будто не обнаруживают особенного интереса только ГАРРИ, РОРДИАН и еще человек 10).

БЕНГАЛЕЦ: Прошу взять от меня шкатулку и, раскрыв ее, распечатать конверт и прочесть вложенную в него бумагу. Гарри, возьмите шкатулку...

(Гарри подходит к столику за пятью столиками от того, за которым сидел, берет шкатулку, ломает ее, вынимает конверт и, передав его какой-то женщине, медленно идет на свое место.)

ЖЕНЩИНА *(разрывает конверт и читает)*: «Все присутствующие встанут на колени и поднимут руки кверху». Ах!

(Падает в обморок. К ней подходят два человека и через минуту приводят ее в чувство.)

ГОЛОС: Прошу слова. Я – агностик.

ГАРРИ: Слово дается.

АГНОСТИК: Брат из Бенгалии. Не было ли в данном случае гипнотического внушения, от тебя исходящего?

БЕНГАЛЕЦ: Нет. И тени внушения здесь не было. Я должен удалиться. Приду на два последних заседания.

(Уходит. Все встают, отвечая на его последний приветственный жест.)

ГАРРИ: Слово принадлежит Красной Орхидее.

КРАСНАЯ ОРХИДЕЯ: Я – из Восточной Республики. У нас господствуют олигархии. У нас нет и тени свободы. Каждый из нас может быть схвачен ночью и днем и без суда и следствия заточен только потому, что не разделяет взглядов олигархов. Наш народ – стадо сытых быков и коров, любящих разные развлечения. Наука и искусство у нас стоят на самом низком уровне. Бесконечное количество самых диких, изуверских тайных сект охватило население. Самый скучный нелепый шаблон господствует у нас в сфере потребления. Господствует система равных пайков, и все мы напоминаем лошадей в стойлах, которым дается некоторое количество овса и сносного сена. До 28 лет мы даем простор всем нашим физическим желаниям и страстям, а с этого времени быстро стареем. Истощенные силы не дают нам возможности каким бы то ни было образом наполнить нашу жизнь. Кретинизм, иной раз более или менее резко выраженное слабоумие в связи с часто встречающейся манией величия до такой степени обычны у нас и до такой степени низок у нас культурный уровень населения, что полукретины и нравственно помешанные люди распоряжаются перед их идиотскими распоряжениями. Наше Общество исследования психических явлений может существовать только как тайная организация, и мы не можем даже завести сносной библиотеки, так как философские и даже научные книги без церемонии отбираются у нас и дикая цензура убивает в нашей стране научную и философскую работу. Вы понимаете, что при наличии указанных условий я не могла привезти на наш съезд чрезвычайно любопытный, изобретенный нами аппарат, при помощи которого мы улавливаем и записываем те сигналы, которые делаются

Земле жителями других планет. Мы получили удивительные рисунки с подписями под ними, и нам удалось расшифровать эти надписи, и мы довольно свободно читаем посылаемые нам письма. К сожалению, авторы этих писем не особенно высокого мнения о нашем интеллекте, и их сообщения не так интересны, как нам хотелось бы. Отвечать мы еще не умеем. Я привезла переводы полученных нами сообщений и передала их Гарри. Я кончила.

ГАРРИ: Мы размножили эти сообщения. Всякий желающий может получить их. Я объявляю перерыв заседания на полчаса.

(Все встают с мест. Подходят друг к другу. Разговаривают. К Красной Орхидее подходит маска.)

МАСКА: Красная Орхидея. Тебя узнали шпионы твоего правительства, из которых один находится в этой зале. Твое имя – Елена Зимина. Советую тебе не возвращаться на родину.

(Отходит прежде, чем Красная Орхидея успела ответить.)

КРАСНАЯ ОРХИДЕЯ *(подходит к Гарри)*: Гарри. Меня узнали шпионы моего правительства. Я не могу возвратиться на родину.

ГАРРИ: У нас ты найдешь приют, помощь и вторую родину.

КРАСНАЯ ОРХИДЕЯ: Благодарю.

(Задумавшись, идет к своему месту. Две маски подходят к Рордиану.)

1-я МАСКА: Рордиан. Мы члены твоей организации. Привет.

РОРДИАН: Привет. Я жду.

2-я МАСКА: Мы знаем то, что и ты: знаем, что Он сказал Нафанаилу под смоковницей.

РОРДИАН *(склоняя голову)*: После собрания подойдите ко мне. Я провожу вас в наш дом.

(Маски уходят. К Рордиану подходит высокий человек.)

ВЫСОКИЙ ЧЕЛОВЕК: Привет. Я с тремя друзьями принадлежу к твоей организации. Я знаю пароль. Знаю, что Он сказал вечером на третий день беседы, и мои товарищи знают.

РОРДИАН: После собрания подойди к Гарри: он будет предупрежден и проводит вас, куда надо.

Занавес.

Действие третье

Очень высокое залo. Потолок спускается от одной стены к другой. Одна стена на треть ниже другой. По бокам колонны, покрытые надписями. Громадная завеса во всю высоту и ширину наиболее высокой стены. Полукругом, примыкая к середине стены и отодвигаясь от нее по краям, стоит у каждой стены ряд кресел, образуя в зале замкнутый круг. Около высокой стены гигантский черный, обвитый розами крест. У дверей, которые проделаны в низкой стене, стоят два манекена, изображающие одетых в броню средневековых рыцарей. На стенах картины, изображающие сцены из крестовых походов. Много портретов. Широкий карниз, сверкающий ярким белым светом, и яркая звезда такого же цвета на потолке. Все кресла заняты неподвижно сидящими людьми, одетыми в черные рубахи с голубыми поясами и белые плащи.

ГАРРИ: Нездешние силы реют среди нас. Заседание открыто. *(Манекены у дверей перекрещивают копья, как бы закрывая вход.)* Слово по кругу. Сторен, ваше слово...

СТОРЕН: Я и другие братья по оружию не дали на конгрессе характеристики населения наших стран. Здесь мы дадим их. Представим и отчеты о нашей работе. Я – из Северной Америки. После гигантской борьбы у нас установился строй интегральной свободы. Мы не знаем, что называется начальством. Не знаем, что называется приказом или законом. Благодаря наличности прекрасных сложных машин и аппаратов, наше материальное благосостояние стоит очень высоко. Для удовлетво-

рения наших материальных потребностей мы работаем не более трех часов в сутки. Мы заботимся о здоровье, уничтожив разнообразных микробов, и достигаем поразительного долголетия путем обычного омолаживания, а мы, – братья, – и путем особого внушения, благодаря которому макрофаги уничтожают соединительную ткань старости. Мы умеем очищать организм от вредных птомаинов. Мы знаем, какого режима надо придерживаться для того, чтобы вполне восстанавливать затраты организма.

В нашей стране множество явных и тайных обществ, пытающихся завязать сношения не только с обитателями разных небесных тел, но и с «мирами нездешними». Многие из этих обществ пытаются подражать жизни обитателей далеких миров, так или иначе представляя себе эту жизнь и стараясь сделать нашу жизнь в некотором отношении подобной жизни миров далеких. Некоторые из таких обществ почти что никого не допускают в свои ряды – двух, трех человек в столетие. Они в полном смысле тайные, хотя ничто не мешает им существовать явно. Но они не хотят болтовни и пересуд об их деятельности. Эти общества вполне или почти вполне удовлетворяют духовную жажду своих адептов.

Другие общества, состоящие из людей с приблизительно одинаковыми вкусами, устраивают удивительную, на сказочную феерию похожую жизнь. Невероятно разнообразна эта жизнь. Самые неожиданные и смелые цели ставят себе эти общества. Стремясь к будущему, стремясь к верхам, они вместе с тем в своих жилищах восстанавливают обстановку храмов и царских дворцов, существовавших 5-10 тысяч лет тому назад и делают попытки восстановить дома и города атлантов. Девиз этих людей – «Excelior», и они утверждают, что сказочно-прекрасная обстановка их жилищ и храмов помогает их духу подниматься над земной действительностью.

А наряду с ними встречаются аскеты, до невероятной простоты и вместе с тем чистоты доведшие свою жизнь и разговаривающие только друг с другом, на все обращения посторонних отвечая только короткими вежливыми фразами.

Я указал на самые интересные, кроме нашего, течения. А мы – мы стоим на страже против темных сил. Лярвы не оставили своих попыток завоевать человечество, потопив его в грязи и крови. Они, как тлеющую в сухом валежнике искру, раздувают темные инстинкты. Но мы стоим на страже. Мы парализуем такие попытки, делаем их безуспешными, а в крайнем случае изолируем одержимых лярвами так, что они не замечают своей изоляции. Это нетрудно, так как мы обладаем колоссальной силой внушения.

ГОЛОС: Сторен, мыслимы ли при такой работе злоупотребления?

СТОРЕН: Теоретически говоря, да. Но тот из нас, кто позволил себе какое-либо злоупотребление с момента вступления в братство, знает, что мы загипнотизируем его и на столетие обратим по его психике и знаниям в человека 1-го века по Р.Х. Он забыл бы о нас. Он не мог бы вредить нам. Он жил бы эти сто лет, удалясь в малопросвещенные места Африки, и жил бы интересной для него, но отсталой жизнью. Нам не приходилось и едва ли придется прибегнуть к этой мере. Это всё, что я скажу сегодня, но я отвечу на все вопросы, которые зададут нам те, кто познакомился с нашим письменным докладом.

(Слово берет сидящий рядом со Стореном человек.)

СМИЛТО: Я – Смилто, делегат из Северо-Западной Африки, скажу: мы хотим освободить Голубого гения, закованного в решетку, покрывающую нашу землю. Когда, после падения в хаос начал, его разложивших, часть хаоса не подверглась распаду и продолжала бушевать и неистовствовать, не давая места гармонической жизни, тогда он сошел в хаос из миров, над хаосом созданных, и охватил его своими мощными руками, не позволяя ему свирепствовать. Он связал дикие, несдержанные элементы хаоса в электроны, ионы и атомы, сам одной из своих частей распавшись на те силы, которые заключались в них. И от своего сердца отбросив снопы золотых нитей, всё связал и скрепил он ими, не позволяя распасться и метаться в диком смятении. И эманация этих золотых нитей, серебристо-голубая кровь его сердца, дала свою эманацию, и ею щедро были наделены люди, и часть ее осталась даже для жи-

вотного мира. И скрепой людского общежития – общежитий некоторых только животных – цементом, всё общественное скрепляющим, явилась в форме своей эманации кровь его сердца. И расцвела эта эманация в сердцах людей прекрасными цветами взаимопомощи, любви к слабому, к ближнему и к дальнему. И все стремления лярв отравить своим ядовитым дыханием, своей ядовитой слюною сердца людей, имели только частичный успех, ибо эманация Голубого была могучим противоядием, а часто и щитом ограждающим. И когда посол Темного пытается отравить в человеке светлый источник, из верхних истоков текущий, тогда эманация Голубого потрясает сердца людей, не пожелавших стать рабами лярв, и легко открываются перед ними пути к верхам. Но тяжело Голубому, и мы пытаемся расковать его из цепей хаоса. Но он позволит нам сделать это только тогда, когда светлым станет человечество, когда исчезнет на земле лярвизм, когда мы сами сумеем победить хаос в душах наших, и тогда освободится Голубой.

ГОЛОС: Друг Смитто! Подробнее разъясни нам сказанное.

СМИТТО: Охотно.

ГАРРИ: Необходим перерыв. После перерыва Смитто продолжит свою речь.

ГОЛОСА: Да! Да! Надо обдумать сказанное... Перерыв! Перерыв!

Занавес.

Действие четвертое

Прекрасный сад на высоких колоннах. К нему ведут широкие лестницы и подъемные машины. По аллее, обсаженной деревьями и кустами, идет Гарри. Навстречу ему Лалаев. Проходя мимо Гарри, Лалаев делает рукой какой-то жест. Гарри отвечает.

ЛАЛАЕВ: Брат! Я издалека. Одинок в этом большом городе. К счастью встретил тебя – первого, мне ответившего. Где наше общежитие?

ГАРРИ: Я проведу тебя. Скажи твоё имя и откуда ты?

ЛАЛАЕВ: Меня зовут Михаил Лалаев. Я – из России, из Москвы.

ГАРРИ: Из Москвы? Москвы давно нет.

ЛАЛАЕВ: Какой год теперь?

ГАРРИ: 3217-й.

ЛАЛАЕВ: Я жил в Москве 1200 лет тому назад. По моей просьбе меня усыпили, и я проспал до этого дня в пещере, из которой ушел немного дней тому назад. Кто-то привез сюда меня на аэроплане. Проснувшись, я нашел на столе около моего ложа питье, еду, ныне надетый на меня костюм и письмо, предлагающее мне ждать в течение недели. Но на второй день ко мне пришел кто-то, а на третий я был уже на аэроплане. Меня привез сюда неизвестный мне, ни слова не говоривший со мною человек. Я сошел с аэроплана около этой лестницы, и мой проводник указал мне, что я должен подняться сюда. Он ответил мне на знак Р.К.*, но не говорил на известных мне языках.

ГАРРИ: Скажи, у тебя имеется еще имя? Не зовут ли тебя Сарлей?

ЛАЛАЕВ: Ты сказал.

ГАРРИ: Добро пожаловать. Вот уже три года, со дня на день, ждем мы твоего пробуждения. Пойдем к нам, и по дороге спрашивай о том, что тебя интересует.

ЛАЛАЕВ: Ты сказал. У вас нет правителей?

ГАРРИ: Нет. Безгранична наша сияющая свобода и никому зла не причиняет она. У нас имеются властители дум, и у каждого из них своя отрасль знания.

ЛАЛАЕВ: У вас нет преступлений?

ГАРРИ: Все поводы к преступлениям исчезли. Если человеку грозит сумасшествие (только оно может толкнуть его на преступление), мы предвидим заболевание и исцеляем в самом начале.

ЛАЛАЕВ: Вы коммунисты?

ГАРРИ: Да. Мы безгранично богаты и сильны в производственном творчестве.

ЛАЛАЕВ: Вы любите физический труд?

ГАРРИ: Да. Для нас это гимнастика, и мы упражняем, работая, мускулы и нервы нашего тела. Неприятные и тяжелые работы выполняют автоматы.

ЛАЛАЕВ: Вы здоровы? Бессмертны?

ГАРРИ: Здоровы. Живем, сколько хотим. Умираем, если хотим, освобождая душу и превращая тело в электроны.

ЛАЛАЕВ: У вас много школ?

ГАРРИ: У нас мало детей, но мы, взрослые, охотно учимся, и в нашем распоряжении музеи, библиотеки; специалисты по разным отраслям знания охотно помогают нам.

ЛАЛАЕВ: У вас брак заключается на долгое время?

ГАРРИ: Да. По обычаю и привычке. Но теоретически всегда можно развестись. Есть у нас секты, проповедующие внебрачную, свободную любовь. Но их мало: многие думают, что свободная любовь сближает человека с животным.

ЛАЛАЕВ: Дети скрепляют ваши семьи?

ГАРРИ: У нас очень мало детей. Это к лучшему: мы слишком долго живем и перенаселили бы землю.

ЛАЛАЕВ: Искусство и наука высоко стоят у вас?

ГАРРИ: Значительно выше, чем в ваше время.

ЛАЛАЕВ: У вас нет войн?

ГАРРИ: Резать, увечить и убивать друг друга мы давно перестали.

ЛАЛАЕВ: У вас господствует какая либо религия?

ГАРРИ: Три. В Великого Бога, в сонмы духов других миров и, наконец, религия агностиков, близких к атеизму. Последних немного. Все они мало развитые люди.

ЛАЛАЕВ: А вы? Вы имеете сношения с мирами высокими?

ГАРРИ: Да. Они очень странны. Обитатели миров высоких говорят нам без слов, звуков и жестов, приводя в движение частицы нашего мозга, и мы воспринимаем их мысли.

ЛАЛАЕВ: Вы помните учение Эона?

ГАРРИ: Да... и ждем Его.

ЛАЛАЕВ: Я хотел бы быть Его предтечей. Когда я спал, мой дух видел и слышал Его в том мире, где он был. А наше учение осталось всё тем же?

ГАРРИ: Да. Немного больше сказаний... Несколько лишних обрядов. В сущности, всё по-прежнему. А вот и аэроплан. Поедем к нам.

Занавес.

* То есть на условный знак розенкрейцеров.

Действие пятое

Громадный зал. Толпы народа.

1-й: Ты слышал? Он пришел.

2-й: Да. Прекрасно и странно Его учение.

3-й: С Ним одиннадцать учеников.

4-й (*подходит*): Вы знаете: Он пришел.

ВСЕ: Знаем!

5-й (*подходя*): Говорят, темные архангелы слетели для борьбы с Ним.

2-й: Пустое суеверие. Смотрите: не Он ли идет, окруженный 11-ю учениками?

1-й: Спросим Его!

(*Входит Учитель, окруженный толпою слушателей и учениками.*)

УЧИТЕЛЬ (*продолжая разговор*): Вам не надо стремиться к справедливости – к воздаянию каждому по делам его. Горе тому общежитию, которое зиждется на справедливости, любовью не умеряемой. Как нельзя строить здание на песке, так нельзя

основывать общежитие на одной только справедливости. Всё надо строить на безграничном всепрощении, на великой любви.

1-й: Учитель! Если справедливое и несправедливое будут встречать равное отношение, не будет тогда прогресса.

УЧИТЕЛЬ: Почему ты думаешь, что я предлагаю одинаково относиться к справедливости и несправедливости? Того, кто поступает несправедливо, надо жалеть, но жалеть так, чтобы он не обиделся твоей жалостью.

ЖЕНЩИНА: Учитель ! Мы привыкли красиво устраивать нашу материальную жизнь. Правы ли аскеты, упрощая обстановку и одежду?

УЧИТЕЛЬ: Пусть люди, как хотят, так и устраивают материальную сторону своей жизни. Но к духовной стороне надо стремиться и, если прекрасной одеждой и роскошным жилищем ты думаешь внушить кому-либо зависть, откажись от этой красоты: не нужна зависть человека к человеку.

6-й: Учитель! Я живу на этой земле более тысячи лет и стараюсь не гордиться приобретенными знаниями. Но мне не удастся это: встречая мало знающего, сверху вниз смотрю я на такого человека, хотя и жалею его.

УЧИТЕЛЬ: Если не в этом, то в других мирах ты можешь встретиться с теми, кто знает много более, чем ты. Едва ли понравится тебе, если они, хоть и вежливо, но будут величаться перед тобою (Поднимается на низкую террасу и говорит.) Блажен тот, кто и вида не показывает, что он выше духом или знанием кого-либо. Блажен тот, кто даже силою авторитета и любви не заставляет повиноваться себе и слушаться даже в мелочах.

Никогда, ни в каком случае, ни словом, ни делом, не мешайте человеку делать то, что он хочет, если он не вредит другим. Разны вкусы и стремления у людей, и их надо уважать. Навязывая свое желание, свой вкус и волю, вы даёте голодному камень, вместо хлеба.

Если вы навязываете свою волю другому человеку, и он гнется под ее тяжестью и устраивает свою жизнь, как вы хотите, потому что любит вас или боится осуждения вашего, – горе вам, ибо не добро вы делаете и будете жалеть о содеянном жалостью невероятною, когда светом высших миров осияны будете. Мало, если вы не гневаетесь на того, кто поступает не так, как надо по-вашему. Надо всеми силами души пожалеть его и, не оскорбляя и не задевая его самолюбия, направить ошибающегося на верную дорогу и сделать это так, чтобы он думал, что сам нашел ее.

Нельзя оскорблять человека даже простым невниманием к его словам и делам. Нельзя потому, что тяжело ему это невнимание. Не так уж редко, что то, что ныне вам пустым и изжитым кажется, чрезмерно важным для вас станет, потому что к другому относится. Изучайте жизнь, внимательно присматриваясь к ней, и своим примером показывайте, как надо исправить ее. Но не впадайте в лицемерие: не требуйте от других того, что сами дать не можете, ибо истину говорю вам, и для других и для вас вредно лицемерие.

(Учитель сходит с террасы, но Его окружает толпа.)

ПРЕКРАСНО ОДЕТАЯ ЖЕНЩИНА: Учитель! Допустим ли развод?

УЧИТЕЛЬ: Если муж и жена оба жаждут развода и никто из них не будет обижен им, то лучше развод, чем жизнь в лицемерии. Но блаженны те, кто, взаимно прощая несовершенства, изживут их, изживут то, что разъединяет мужа и жену. Сильны будут они и в этой жизни и в жизни миров высоких.

АГНОСТИК: Учитель! Ты говоришь о жизни за пределами земного существования. Разве я без конца буду жить?

УЧИТЕЛЬ: Жизнь твоя, именно твоя жизнь продолжится бесконечно, но твоя жизнь в более совершенном космосе мало общего имеет с жизнью на земле. Так, жизнь ребенка в утробе матери мало общего имеет с жизнью человека, рожденного и выросшего.

АГНОСТИК: Учитель! Не дашь ли знамения в подтверждение того, что есть жизнь вечная?

УЧИТЕЛЬ: К чему знамение? Любое знамение даст тебе умелый гипнотизер. Разве в этом дело? Веришь ты или не веришь в загробную жизнь, она будет для тебя. Гусеница не верит в то, что станет бабочкой, а всё-таки станет ею.

АГНОСТИК: Меньше греха было бы на земле, если бы я знал, что есть будущая жизнь.

УЧИТЕЛЬ: Не больше ли? Ибо мог бы ты подумать, что в веках и в мирах будет время исправить грехи твои.

АГНОСТИК: Ужас агностицизма владеет мною.

УЧИТЕЛЬ: Это просто заболевание. Попроси врача гипнотизера, чтобы он внушил тебе забыть ужас.

(Уходит с сопровождающей Его толпою. Несколько человек остается. Быстро входит красиво одетый человек.)

ВОШЕДШИЙ: Скажи, Адвей, удалось снять его для кинематографа?

АДВЕЙ: Да. Записаны и все Его речи самопишущими приборами. Сотни миллионов услышат, что Он говорил здесь. Каждый шаг Его будет изображен. Каждое слово записано на пластинках фонографа и напечатано. *(Все уходят.)*

Занавес.

Действие шестое

Сад на колоннах, как в 4 действии. Рассвет. Два человека летят при посредстве кажущихся искусственными крыльев и спускаются шагах в пяти один от другого. Крылья складываются за спинами и не видны.

1-й: Это ты, Светносящий? Ясно, что мы не ошиблись. Он опять пришел.

СВЕТНОСЯЩИЙ: Да, ты прав, Стремящийся. Он пришел.

СТРЕМЯЩИЙСЯ: Научи меня как бороться с Ним. Боюсь, что это последняя борьба и последний час.

СВЕТНОСЯЩИЙ: Попытаемся противопоставить Его учению другое учение. Главное, с невероятным дерзновением, с видом полной убежденности в истине наших слов, будем возражать Ему. Возможно, что люди пойдут за нами. Будем доказывать, что нет перехода в космосы высшие, что наука отрицает их существование. А если б они и были, то люди чужды им и в лучшем случае могут мечтать о переселении душ в этом мире, здесь на земле. Надо смеяться над Золотой Лестницей, мифом ее называя. А, главное, надо учить, что человек может делать всё, что хочет, не ухудшая своей грядущей жизни. Проповедуй общность мужей и жен. Ведь они хотят любить друг друга. Говори, что каждый в любой момент может занять дом ближнего своего и пользоваться всем, что в нем имеется, не исключая жены и семейных реликвий. Учи, что тех, кто будет противиться таким порядкам, надо разместить по тюрьмам, как вредных членов общежития, а наиболее упорных, хотя и с болью в сердце, казнить смертью, как врагов человечества, как существ более вредных, чем дикие звери. Учи вражде к врагам. Не говори более слов о любви и милости и смейся над ними, как над чем-то недостойным серьезного и идейного человека. Постарайся восстановить государственное принуждение – насилия, уча уважать это тлетворное учреждение.

СТРЕМЯЩИЙСЯ: Не будут слушать хвалы государству.

СВЕТНОСЯЩИЙ: А ты не называй его государством. Назови обществом взаимной самозащиты или как-нибудь иначе. А, главное, издевайся над верой в Бога. Ведь Он не станет мстить тебе.

СТРЕМЯЩИЙСЯ: А если Учитель победит нас в спорах? Ведь Он несравненно сильнее нас.

СВЕТНОСЯЩИЙ: Если этот план не удастся, поднимем бунт автоматов и перелбём всех взрослых людей, оставив только детей, которых лярвы воспитают так, как нам надо. Мрак неведения да окутает человечество.

СТРЕМЯЩИЙСЯ: Всё хорошо. Если мы победим и докажем мощь нашу, поработив человечество, то заставим в верхах сущих считаться с нами. Мы...

СВЕТНОСЯЩИЙ (*перебывая*): Смотри. Это Он идет сюда.

(*Входит Учитель, толпа народа, ученики.*)

УЧИТЕЛЬ: Я говорю вам: много соблазнов придет в мир и надо уметь противостоять им. Вам будут говорить, что вы не можете и не будете жить в космосах высоких, что, в крайнем случае, можно допустить переселение душ только на земле.

Не верьте, тем более, что веяние космосов высоких дойдет до вас. Вам будут говорить, что раз нет будущей жизни, то человек может делать что хочет. Может развратничать, опираясь на силу, править людьми, отнимать у других то, что им нравится. Не верьте этим необдуманным или коварным речам, ибо, живя так, вы погасите солнце справедливости и тяжело будет жить вам. Вам должно быть понятно, что гнет общего презрения хороших людей будет давить вас, какую бы наглость вы ни противопоставляли ему. Вам скажут, что надо отнимать материальные блага у людей, ими владеющих, и вначале будут ссылаться на то, что эти люди легко достанут для себя отнятое, но вы не слушайте таких советов, ибо огорчиться могут те, кого вы грабить будете, а надо уменьшать, а не увеличивать горе людей. Вам будут говорить, что надо устроить тюрьмы и ввести казни для несогласных с вами, но вы вспомните историю человечества: бесполезно бороться тюрьмами и казнями с каким-либо злом, а тем более с несогласием. Нельзя мучить кого-либо, и вам таким же и более страшным мучением воздать могут... (Видит Светносящего и Стремящегося.) Я знал, что вы здесь. Истину говорю вам: вас постигнет неудача. Идите отсюда и попытайтесь пойти светлым путем, на который встали уже многие из вас.

СВЕТНОСЯЩИЙ (*обращаясь к Стремящемуся*): Он всё знает. Я не могу с Ним спорить. Он сильнее меня. (*Обращаясь к Учителю*) Учитель! Научи людей неведомым им радостям, открой им тайны, о которых они и не подозревали. Сделай жизнь милее, прекраснее и торжественнее.

УЧИТЕЛЬ: Это легко. От людей зависят полюбить всех и всякого, с кем скрещивается их путь. Полюбите их, как самого себя, и неведомые радости откроются людям, откроются и тайны неисповедимые, и жизнь станет милой, прекрасной и торжественной, ибо тогда, здесь оставаясь, вы в царство ангелов перейдете.

СВЕТНОСЯЩИЙ (*обращается к Стремящемуся, тихо*): С Ним нельзя спорить. Он много сильнее. Позовем на помощь мертвую силу. Уйдем отсюда.

(*Оба уходят.*)

УЧИТЕЛЬ: Еще скажу вам. Грозит вам нелепый бунт бессмысленных автоматов. Разойдитесь по домам, когда он начнется. С ним тотчас же сладит Гарри и его друзья.

(*Проходит. Толпа и ученики вместе с Ним. Остается несколько человек.*)

1-й: Всё снято? Всё записано?

2-й: Почти всё. Не удалось снять тех, кто заговорил с Ним, но их слова записаны.

Занавес.

Действие седьмое

Горы. Вход в пещеру. Резная дверь из чистого золота. В нескольких саженях от двери Светносящий и Стремящийся.

СВЕТНОСЯЩИЙ: Они живут глубоко под землею, но их главный Совет заседает недалеко отсюда. Нам придется иметь дело с членами Совета.

СТРЕМЯЩИЙСЯ: Да. Я был в их жилищах. Прекрасные сталактитовые пещеры, убранные невероятно богато. Много драгоценных камней, предметов, приготовленных из красивых, малоизвестных сплавов. Население живет, изредка появляясь на поверхности земли. По религиозным убеждениям они близки к атеистам, но

сомнения часто посещают их. Они враждебно настроены к живущим на поверхности земли.

СВЕТНОСЯЩИЙ: Этим-то настроением мы и воспользуемся, тем более, что они завидуют машинам и просвещению живущих на поверхности земли и не любят их. Нам нужны люди, которые согласятся напасть на тех, кто будут пытаться разрушить автоматы и мешать им. За эту помощь обещаем им всё богатство на земле живущих. Труби. Ты знаешь, как надо вызвать их...

СТРЕМЯЩИЙСЯ: Хорошо.

(Поднимает трубу и играет сложную, дикую, полную какого-то тихого отчаяния мелодию. Медленно открывается золотая дверь. Один за другим выходят 10 человек высокого роста и становятся полукругом перед Светносящим и Стремящимся.)

СВЕТНОСЯЩИЙ: Мы вожди тех, кто объявили войну живущим на земле. Но нам нужны подкрепления. Нужна ваша помощь. Мы бросим на горожан автоматы – они будут убивать всех, кого встретят на улицах и найдут в домах. Детей мы спасем. Богатство поделим. Вы возьмете себе три четверти добычи: и вещи, и сколько хотите женщин, сколько захотите. Нас не хватит для управления автоматами. Вот почему вы нам нужны.

1-й ВЕЛИКАН: Возможно, что согласимся. Вы верите в Бога?

СВЕТНОСЯЩИЙ *(про себя):* Станный вопрос! *(Громко)* Нет. *(Про себя)* Мы не верим – мы знаем.

1-й ВЕЛИКАН: Вы верите в существование темных архангелов и их воинства?

СВЕТНОСЯЩИЙ *(про себя):* Что это значит? *(Вслух)* Нет. *(Про себя)* Мы не верим – мы знаем.

1-й ВЕЛИКАН: Подождите, мы сейчас дадим ответ.

(Уходят.)

СТРЕМЯЩИЙСЯ: Нет сомнения, они слышали об Учителе. Нам не удастся.

СВЕТНОСЯЩИЙ: Доведем попытку до конца. Если не удастся восстание автоматов, освободим энергию, в вещах скрытую, и ее страшной силой уничтожим человечество, оставив только несколько юношей и детей; пусть они снова, но под нашим руководством, а не под руководством глупых лярв, проделают историю человечества.

СТРЕМЯЩИЙСЯ: А если и эта попытка окончится неудачей?

СВЕТНОСЯЩИЙ: Пошлем к Нему прекраснейшую из темных арлегин. Похожа она будет на Марию из Магдалы. Ложными рассказами приобретет она Его жалость и, если Он хоть в мелочи отступит от Своего учения – наша победа.

СТРЕМЯЩИЙСЯ: Думаю, что мы проиграем нашу игру. Попытаемся, если хочешь.

СВЕТНОСЯЩИЙ: Увидим.

(Оба, разговаривая, отходят от двери в пещеру. Трое великанов выходят из двери.)

1-й ВЕЛИКАН: Я прочел его мысли. Он – темный архангел. Он знает, что есть Бог.

2-й ВЕЛИКАН: Надо пересмотреть наши верования. В этой области нельзя допустить ошибки.

(Подходят Светносящий и Стремящийся.)

1-й ВЕЛИКАН: Мы узнали вас. Вы из Темного Царства. Дайте нам знамение. Если вы из Темного Царства, мы не будем бороться с вами.

(Красное пламя вспыхивает вокруг обоих темных архангелов.)

2-й ВЕЛИКАН: Мы боимся помочь вам.

СВЕТНОСЯЩИЙ: Они слабы. Чего бояться?

1-й ВЕЛИКАН: Боимся вас и Его. Мы слышали, что Эон на земле и не верили. Теперь верим.

СВЕТНОСЯЩИЙ: Мы – враги?

2-й ВЕЛИКАН: Мы соблюдаем нейтралитет.

(Светносящий и Стремящийся исчезают.)

Занавес.

Действие восьмое

Площадь в городе, обсаженная деревьями. Несколько человек и их число всё увеличивается.

1-й: Мне телефонировали, что восстание автоматов окончилось полной неудачей. Попорчены входы в немногие дома, и это всё.

2-й: Да. Срыв автоматов и машин был кем-то подготовлен, но не успел причинить вреда: дружина Гарри моментально переловила автоматы бросаемыми с аэропланов особыми лассо и умчала этих пленников далеко от городов, в горы. Ясно всё-таки, что какая-то сознательная и людям враждебная сила бросила на города автоматы...

3-й (*подходит*): Все успокоилось. Людям не было причинено вреда. Небольшие материальные убытки и необходимость готовить менее сложные аппараты.

(*Подходит Светносящий.*)

СВЕТНОСЯЩИЙ: Надо найти тех, кто разнуздал автоматов, обезвредить их.

1-й: К чему это? Мы победили и всегда победим.

(*Входит несколько человек, оживленно разговаривая.*)

2-й ГРАЖДАНИН: В чем дело?

ОДИН ИЗ ВОШЕДШИХ: Говорят, что начался распад предметов на атомы.

4-й: Вы знаете, сделана серьезная попытка заставить атомы распасться на электроны. Выделится невероятное количество энергии и она всё уничтожит...

5-й: Не пугайтесь. Мы задержали распад атомов. Всё останется по-прежнему. Но между нами имеются враги человечества, желавшие причинить нам громадное горе.

СВЕТНОСЯЩИЙ: Я как раз и говорю то же самое.

(*Входит Сарлей.*)

САРЛЕЙ: В сущности, никакой опасности не было. Всё было предвидено и были приняты надлежащие меры. Но Учитель, которому мы обязаны умными советами в этой борьбе, говорил нам, что Ему угрожает какая-то опасность, что-то враждебное надвигается на Него, но Он не хочет сосредоточить Свое внимание на Своем деле.

ГОЛОСА: Мы все постараемся помочь Ему.

(*К нему подходит одетая в черный и белый шелка арлегина в образе женщины.*)

АРЛЕГИНА: Я – Мария. Помоги мне. Я не хочу тревожить твоего Учителя. Спаси меня от меня самой. Я сразу полюбила двух мужчин и готова быть женой обоих.

ГАРРИ (*подходя*): Красная Орхидея! Это ты?

ГОЛОС ИЗ ТОЛПЫ: Нет. Я оставил Красную Орхидею в нескольких шагах отсюда. Эта женщина очень похожа на нее.

ДРУГОЙ ГОЛОС: Берегись, Гарри! Тебе или твоим грозит какая-то опасность. Это маска Красной Орхидеи, которая идет сюда. Всем нам грозит опасность от той, которая называет себя Марией.

АРЛЕГИНА: О!

ГАРРИ: Учитель сказал: не осуждайте и не будете осуждены.

(*Входит Красная Орхидея.*)

САРЛЕЙ: Кто из двух Красная Орхидея? Как различить их?

АРЛЕГИНА: Я – Красная Орхидея.

КРАСНАЯ ОРХИДЕЯ: Меня так же зовут. Она похожа на меня, как близнец, но у меня не было сестры.

СВЕТНОСЯЩИЙ (*про себя*): Какая странная ошибка!

ГАРРИ: Красная Орхидея, которую мы знаем, была на съезде и говорила со мною. Пусть подойдет ко мне и скажет, что я сказал ей.

АРЛЕГИНА: Я не была на съезде. Была, вероятно, похожая на меня.

КРАСНАЯ ОРХИДЕЯ: Я была на съезде, Гарри. Я сказала тебе... (*Тихо шепчет ему.*)

ГАРРИ: Ты – та, которую мы знаем. А у тебя имеется другое имя?

АРЛЕГИНА: Да, как у всех. Меня зовут Мария.

САРЛЕЙ: Мария! Чего ты хочешь?

АРЛЕГИНА: Видеть Учителя и говорить с Ним.

САРЛЕЙ: Он идет сюда. Сейчас придет.

(Слышны приближающиеся крики: «Осанна! Осанна в вышних!» Входит Учитель с учениками и толпой народа. К ним присоединяются Сарлей и Гарри.)

УЧИТЕЛЬ: Жену свою человек должен жалеть и любить больше самого себя. Своей жизнью, своим здоровьем и временем ты можешь жертвовать для блага жены твоей, и для блага кого угодно из людей, но нельзя требовать от нее, чтобы она поступала так, как ты должен поступать.

СВЕТНОСЯЩИЙ: Что же? Женщина не равна мужчине?

УЧИТЕЛЬ: Менее приспособлена к страданию. Тяжелее мужчины переносит страдание женщина. Поэтому и надо жалеть ее больше, чем самого себя.

СВЕТНОСЯЩИЙ: Скажи, Учитель, верно ли я думаю, что Будда был прав, советуя любить ближнего больше, чем самого себя?

УЧИТЕЛЬ: Ты ошибаешься, частный случай возводя в общий принцип. Раз эта заповедь явится для всех обязательной, то я, любящий больше себя самого человека, имя которого Петр, должен требовать в душе своей или открыто, чтобы Петр любил меня больше самого себя. Такое требование чересчур эгоистично. Не возлагайте на себя бремена неудобноносимые.

НЕКТО: Учитель! Что делать мне для того, чтобы быть совершенным? Никто не нуждается в богатстве моем. Не могу заняться пересказом речей твоих: лучше меня делают это сотни тысяч граммофонов. Я помогаю больным, но тысячи делают это лучше меня.

УЧИТЕЛЬ: Когда-то и где-то жил в старину человек. Он объехал весь свет, ища душевного покоя, убегая от тревоги и сомнений. А когда вернулся домой, то стал работать физическим и умственным трудом, начал учиться, искать знания высокого, старался никого не обижать и утешал тех, кто нуждался в утешении. Он нашел душевный покой, и чем больше людей жило так, как он жил, тем прекраснее казалась ему жизнь. Умирая, он имел право сказать: «С тех пор, как я прозрел, я старался никого не обидеть. Если же по неведению и обидел кого-нибудь, то на всё готов в жизни будущей для того, чтобы залечить нанесенную мною рану». Много друзей нашел он в мирах и в веках. Жил, как мудрец, и умер, как мудрец, огорчаясь только тем, что иной раз чувствовал свое бессилие в борьбе со злом. Иди и живи, как он жил.

ОДИН ИЗ СЛУШАТЕЛЕЙ: Учитель! Сказано было: люби ближнего своего. Что значит «любить»? Что значит «ближний»?

УЧИТЕЛЬ: «Любить» – это значит не причинять горя и неприятного, мешать делать зло. Стараться дать радость и счастье. А ближний твой тот, с кем так или иначе встретился ты на жизненном пути.

СВЕТНОСЯЩИЙ: И я – твой ближний?

УЧИТЕЛЬ: Конечно. Ты подошел ко Мне и встретился со Мною. Свет, в тебе блестящий, вынь и поставь так, чтобы он всем светил, и освети свою тьму, приблизившись к тем, кто сияют правдой.

АРЛЕГИНА: Учитель! Могу я идти за Тобой?

УЧИТЕЛЬ *(внимательно смотрит на нее)*: Иди. Постарайся заинтересоваться тем, что увидишь и услышишь.

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ДЕВЯТОЕ

Пустынная местность. С трех сторон сходятся Светносящий, Стремящийся и Арлегина.

СТРЕМЯЩИЙСЯ: Итак, тебе не удалось, Арлегина?

АРЛЕГИНА: Да. Хорошо, что не удалось.

СВЕТНОСЯЩИЙ: Ты боишься его? .

АРЛЕГИНА: Боюсь причинить ему хотя бы и тень горя. И так Он страдает от чужих поступков. А вы – оба – слушайте: если бы я могла обессилить его, оскорбив, я

была бы вынуждена принести вред тем, кого Он любит. Но от этого возросла бы Его всеисцеляющая сила. Бессмысленна борьба с Ним, и нелепа ваша цель. Я отказываюсь от борьбы. Я – за Него. Завтра за Него встанут и все темные арлегины. Пора и вам перестать бороться с Ним. Бесплодна ваша борьба. Неужели вы после стольких тысячелетий не видите, что у вас имеется более верный путь к подъему, чем явно неудачная попытка заставить Элоа идти на уступки тем, что вы людей к верхам не хотите пропустить?

СТРЕМЯЩИЙСЯ: Ты права: надо идти другим путем и прежде всего собрать совет всех.

СВЕТНОСЯЩИЙ: И князей, и темных ангелов?

СТРЕМЯЩИЙСЯ: Конечно. К сожалению, они всегда молчат в нашем присутствии.

СВЕТНОСЯЩИЙ: Ты и лярв готов пригласить?

СТРЕМЯЩИЙСЯ: К сожалению, они не поймут нас. Но всё-таки пусть послушают наши речи. Ты помнишь, как нам изменили белые ангелы? По-своему и лярвы думают.

СВЕТНОСЯЩИЙ: Мне всё равно. Пригласи хоть людей. Я буду на совете.

АРЛЕГИНА: Я говорила уже с арлегинами. Они все будут.

(Светносящий и Стремящийся исчезают. Мария медленно уходит.)

Занавес.

Действие десятое

Громадная равнина на гигантской, еще не остывшей планете. Полутьма. Клубы дыма. Огненные фонтаны. Страшный грохот. Стремительные вихри. Темные архангелы, арлегины, князя тьмы, ангелы и всевозможные лярвы.

1-й СВЕТОЗАРНЫЙ: Как! Бросить работу миллионов тысячелетий? Как! Покориться, признать свое поражение? Уступить? Никогда!

СВЕТНОСЯЩИЙ *(медленно и спокойно)*: Конечно, можно с тупым упорством бороться за безнадежное дело. Постоянно терпеть поражение за поражением. Довольствоваться тем, чем не хотят довольствоваться и лярвы. Но, право же, это скучно. А мне? Мне стыдно быть всегда побежденным.

2-й СВЕТНОСЯЩИЙ: В конце концов, чем-то унижительным является наша борьба с Эонами. Нам пришлось перед самими собою лицемерить, стараясь не различать добра и зла, уподобляясь глупейшим из лярв. Пора окончить эту нелепую комедию.

1-й СВЕТОЗАРНЫЙ: Если мы сдадимся, то потеряем уважение к самим себе.

СТРЕМЯЩИЙСЯ: Я ни о чем просить не буду, но не буду заниматься и пустяками.

НЕСКОЛЬКО ГОЛОСОВ: Меж нами нет согласия, но все темные арлегины за мир с Эонами.

АРЛЕГИНЫ *(все вместе)*: Да. Мир.

1-й СВЕТОЗАРНЫЙ: Мы не согласны.

ДРУГИЕ СВЕТОЗАРНЫЕ: А мы хотим мира.

ГОЛОСА: Не все еще высказались. Нет Светозарных из отряда, вместе с Демиургами нас от Ничто ограждающего.

ГОЛОС: Они летят сюда. Сейчас будут здесь.

(Прилетают Светозарные.)

ПРИЛЕТЕВШИЙ: Демиурги со своими щитами ушли. Ничто двинулось, всё поглощая; грозит поглотить и духов, и нас в том числе. Оно поглотит все миры, если мы не остановим его. Нужны все наши силы и силы князей, ангелов и даже лярв. Необходимо призвать стихийных духов и сатлов.

СВЕТОЗАРНЫЕ, СВЕТНОСЯЩИЕ, СТРЕМЯЩИЕСЯ, ТЕМНЫЕ АРЛЕГИНЫ: Горе! Всё надо бросить – все мечты о дальнейшей работе! Все туда! На борьбу! Не

пустим Ничто, всё поглощающее! Все духи должны составить одно воинство!

ВСЕ: Остановим Ничто!

(Гремят звуки боевых труб. Воинство Светозарных несется, как снопы молний. Крики арлегин: «Щиты! Щиты берите!»)

Занавес.

Действие одиннадцатое

Прекрасно убранная столовая. За столом человек 30. Новобрачные рядом. Учитель среди других гостей.

ЖЕНЩИНА *(подходит к Учителю)*: Сарлей так увлекся твоей проповедью, что не озаботился о брачном пире так, как это принято. Еще два тоста, и на пиру не хватит вина.

УЧИТЕЛЬ: Разве мне и тебе не всё равно, много или мало вина на пиру? Безразлично это и для других, здесь присутствующих. Нет вина – наливайте в чаши чистую воду: она еще лучше утоляет жажду.

ГОЛОС: Аскеты опять появились среди нас. Они учат, что надо возможно скорее удовлетворять свои потребности, и только тогда, когда некоторые из них атрофируются, сможем мы подняться на высоты духовные.

УЧИТЕЛЬ: Ты знаешь, что важна для нас потребность в дыхании. Она существует неразрывно с нами связанная и надо удовлетворять ее. Полезнее для вас удовлетворять ее, вдыхая чистый, неиспорченный воздух. Не только испорченный воздух, но даже воздух, насыщенный благовониями, вреднее чистого воздуха. Пища для того, чтобы организм воспринимал ее с наибольшей пользой, должна быть вкусна и питательна. Если ты ешь разложившееся мясо редких птиц, как ели его в старину, если ты поглощаешь острые приправы, что и теперь некоторые из нас делают, то часть твоих сил, которая могла бы быть обращена на умственную работу, без нужды тратится на пищеварение, и ты теряешь больше, чем выиграл, потребляя пикантную пищу. Не надо, поэтому, стремиться к поглощению изысканной пищи, но нет оснований лишать организм того, что ему необходимо. Аскеты же, если они едят, что попало, дают лишнюю работу своему желудку и это в ущерб умственной работе. Если же они постятся, я не вижу оснований, для чего это делается. Надо жить так, как этого требует ваш организм. Если аскетизм говорит только против излишества, нечего сказать против него. Если он заставляет человека отказаться от необходимого, он вреден.

РАСПОРЯДИТЕЛЬ ВЕЧЕРА: Ты прав, Учитель. У нас нет более вина, но лучше пить мудрые речи, чем хмелящий сок винограда.

ОДИН ИЗ ПРИСУТСТВУЮЩИХ: Учитель! Надо ли, молясь, собираться в храмах?

УЧИТЕЛЬ: Пусть молится тот, кто хочет молиться, и молится так, как хочет и где хочет. Не желающий молиться может не молиться, ибо от молитвы может измениться лишь самочувствие его. Но, как те, кто молятся, так и те, кто не становятся на молитву, должны поклоняться Ему в духе и истине, то есть, жить духовной, а не одной только материальной жизнью жить, не обманывая себя и других.

КРАСНАЯ ОРХИДЕЯ: Учитель! Я и Сарлей – жена и муж, и празднуем свою свадьбу. Но скажи нам, долго ли продолжится жизнь наша? Скоро ли наступит для нас существование не в этом теле?

УЧИТЕЛЬ: Когда люди начнут жить, не зная зла и страха, то с этого момента пройдут тысячелетия, прежде чем все они в астральные тела облекутся.

ГОЛОС: За счастье новобрачных я тост предлагаю, чистой водой мой кубок наполнив!

ВСЕ: За счастье новобрачных!

Занавес.

ОН ЛИ ЭТО?

(Пьеса в 6 действиях)

Действие первое

Громадная зала с тремя прозрачными, похожими на толстое стекло стенами. Четвертая стена представляет из себя большую портьеру нежно-голубого цвета, внизу ее что-то вроде дверей. Сквозь стеклянные стены видны медленно и быстро плавающие в воде рыбы и другие животные. Потолок – тоже стеклянный и через это стекло видны проплывающие рыбы, медузы, морские анемоны, моллюски и другие виды растительного и животного мира вод океана. Меблировка комнаты очень богата, красива, своеобразна. Все предметы кажутся сделанными из цветного стекла нежной окраски. На столах много ламп, представляющих из себя птиц, цветы, звезды, кометы. Пол тоже из прозрачного вещества, и через него видны прекрасные раковины, составляющие разные узоры. В четырех углах комнаты какие-то сложные аппараты с быстро двигающимися колесиками разных величин, рычагами, шестернями и т.п. В комнате четверо мужчин и четверо женщин, одетых в очень красивые и изящные, но немного яркие костюмы. Когда кто-либо говорит, остальные внимательно слушают.

ЖЕНЩИНА: Алькор! Вы изучили события той эпохи, о которой идет речь. Правда ли, как это сказано в одном из памятников того времени, что ученики Иегошуа говорили на разных языках?

АЛЬКОР: Да. Но очень искажены были в первые века ныне почти исчезнувшего христианства даже главнейшие книги христиан. Ученики Иегошуа собирались в количество около ста двадцати человек, и среди этих учеников имелось далеко не одни евреи. Одноплеменники говорили между собою на родном языке и тому, что ученики Иегошуа знали много языков, удивлялись те, кто слышал их говорящими на собраниях последователей того, кого они называли Христом или Иегошуа или Иисусом Назореем.

НАЛИССА: Почему все говорят ныне об этой небольшой и, кажется, малоинтересной группе мистиков, которые называют себя христианами?

АЛЬКОР: Не знаю. Я только что прибыл из Южной Африки и там только мельком слышал о том, что христиане снова завоевывают общественное внимание. А ты, Иоиль? По твоему званию оповестителя, ты знаешь, вероятно, в чем тут дело?

ИОИЛЬ: Кое-что слышал. Я только вчера говорил с двумя довольно интеллигентными христианами, и они мне сказали, что пришел давно ожидаемый некоторыми из них Утешитель.

ДАРЛИНА: Утешитель? Что это значит? Кого он будет утешать?

ИОИЛЬ: Мне трудно ответить на вопрос. Видите ли, сами христиане думали ранее, что Утешитель пришел к ученикам Христа, когда они тотчас после его насильственной смерти и странного появления (воскресения, как говорят они) собрались вместе в количестве ста двадцати. Другие же христиане – христиане более позднего времени – отрицают, что Утешитель приходил в указанное время к ученикам Иисуса. Дело в том, что по одному из преданий, записанных в так называемых евангелиях, Утешитель, придя к людям, должен говорить о том, что называется грехом, правдой и судом. Но ничего подобного не говорил никто собравшимся или даже не собиравшимся вместе ученикам Иисуса.

ЭЛЬТСА: А разве пришедший говорит обо всем этом?

НАОР: Да! Говорят и об этом.

МАНМИНА: Интересно было бы послушать. Где увидеть Утешителя?

РАНОМ: Многие говорят, что его нет, как человека; что говорится в данном случае о какой-то идее, всё яснее и яснее вырисовывающейся в умах христиан. Другие утверждают, что Утешитель – это человек, сопровождаемый многими учениками, что он находится в настоящее время где-то на севере Африки и чуждается репортеров.

НАОР: Я слышал, что он соглашается говорить по радиотелефону.

ЭЛЬТСА: Да? Сообщи мне, когда именно и по какому номеру будет говорить он. Кстати: в чем же его учение?

ИОИЛЬ: Оно очень сложно. В нем имеется и то, что обычно называется мистикой и не может нас интересовать. Мне кажется наиболее симпатичным в этом учении провозглашение безусловной полной терпимости в делах верований или в деле полного отсутствия веры.

МАНМИНА: А нравственная сторона его учения?

ИОИЛЬ: Она едва ли нова: он говорит, что все мы только тогда можем счастливо жить и спокойно умереть, когда никому, ни в каком случае не будем делать сознательно никаких огорчений, никаких неприятностей.

ЭЛЬТСА: Легко сказать! Представь себе, что в меня влюбился человек, а я люблю другого и не хочу быть женой или даже просто подругой первого. Он, конечно, огорчится... а я не могу не огорчить его, иначе огорчу любимого мною человека и сам себя.

НАОР: Мне кажется, он говорит, что не надо активными действиями огорчать людей. Если же кто-либо огорчится от того, что мы сделали, не считаясь с его желаниями и не совершая плохого поступка, то мы жалеем об этом, но едва ли поступаем не так, как имеем право поступить.

Занавес.

Действие второе

Плоскогорье. Края плоскогорья обрамлены разнообразными деревьями. Всюду разбросаны клумбы всевозможных цветов и всюду же широкие дороги, посыпанные разноцветным песком. Посредине плоскогорья большая площадь, к которой ведут все дороги. Один за другим на дороги опускаются самолеты, из которых выходят одетые в разные костюмы люди и собираются на площади.

ГОЛОСА: Они еще не прилетели. Выньте из аэро скамейки. Несите их. Расставьте.

(На площади ставятся привезенные в аэро скамейки.)

ГОЛОСА: Смотрите. Смотрите. Они летят.

(Сверху летают девять крылатых человеческих фигур. Становятся среди площади и снимают крылья. Все, кроме 9, садятся на скамьи.)

ГОЛОСА СИДЯЩИХ: Все прибыли. Ученики Параклета! Вы будете говорить или сначала ответите на вопросы?

ПЕРВЫЙ СНЯВШИЙ КРЫЛЬЯ: Спрашивайте. Мы будем отвечать и в некоторых случаях говорить и о том, о чем не спросили.

ГОЛОС: Видел ли кто Параклета? Каков вид его? Кто из вас разговаривал с ним?

ПЕРВЫЙ СНЯВШИЙ КРЫЛЬЯ: Нельзя утверждать, что кто-либо из людей видел его. Тем не менее, многие ясно сознавали, что они разговаривают с ним, что именно он, а не кто другой, отвечает на задаваемые ими вопросы.

ГОЛОС: Эти вопросы задаются вслух?

ВТОРОЙ СНЯВШИЙ КРЫЛЬЯ: Нет необходимости задавать их вслух. Можно задавать их вслух, но можно и думать о них. Всё одно получится ответ.

ГОЛОС: Какая же гарантия, что ответ на немой вопрос дан Параклетом?

ВТОРОЙ СНЯВШИЙ КРЫЛЬЯ: Тысячи, ничего не зная друг о друге, задавали один и тот же вопрос и получали один и тот же ответ, хотя спрашивающие находились далеко, за тысячи верст друг от друга.

ГОЛОС: Никто никогда не видел его?

ТРЕТИЙ СНЯВШИЙ КРЫЛЬЯ: Я думаю, что были и видевшие его. Но я не знаю, были или не были эти видения галлюцинациями. Но странно одно: все видели его одинаково. Это был пожилой человек с правильными, спокойными чертами лица, с добрыми глазами, русый. Но не всё ли одно, видели или не видели его воспринявшие учение Параклета? Скажу еще, что видевшие его утверждали, что никогда не видели они сомкнутыми вежды очей его, и что никто никогда не видел следов

ног его. Они считали его бесплотным, только вид человека имеющим. Скажу еще: все слышавшие его утверждают, что тих и спокоен был голос его.

ГОЛОС: Чему учит он?

ТРЕТИЙ СНЯВШИЙ КРЫЛЬЯ: Прежде всего, безусловной терпимости. Он говорит: все существа, разумом одаренные, обычно верят в Бога, но по своему разумению представляют его. Так как непостижим Бог Великий, то всё одно под каким аспектом чтут его люди, если только в аспекте этом сияет свет жалости высокой. Последователи Параклета безусловно терпимы ко всем религиям, любовь и жалость проповедующим. Не всё ли одно, как называют люди Неведомого, и как чтут его? Все они объединяются в одном свете чистом – в учении Параклета о безграничной свободе и беспредельном сострадании ко всему, что живет и чувствует.

ГОЛОСА: А как относятся они к последователям безобразных религий, хотя бы к тем, кто Белу поклонились?

ЧЕТВЕРТЫЙ СНЯВШИЙ КРЫЛЬЯ: Безграничная терпимость и безграничное сострадание – вот важные краеугольные камни учения Параклета. После проповеди его, всем его слышавшим становится ясным, что неразумно навязывать своему ближнему свою веру, что грешно осуждать его за то, что он верит иначе, чем его ближний.

ГОЛОС: Здесь что-то вроде заповеди слышится. Как формулирует ее Параклет?

ЧЕТВЕРТЫЙ СНЯВШИЙ КРЫЛЬЯ: Высшая правда в том, что с полной терпимостью должны относиться люди к чужим верованиям.

ГОЛОС: А как относится он к таким, как я, к атеистам?

ПЯТЫЙ СНЯВШИЙ КРЫЛЬЯ: Параклет учит, что ты – прав, так как такого бога, каким ты воображаешь его, конечно, нет и быть не могло. Когда тебя спрашивают о боге, существование которого ты отрицаешь, тогда ты перечисляешь признаки такого существа, которого нет, или же такого, которое, хотя и существует, но ничего общего с Великим Богом не имеет. Итак, того, кого ты и многие тебе подобные богом называют – конечно, нет.

ГОЛОСА: Но ответь нам: как учит Параклет? Существует Бог или нет его?

ШЕСТОЙ СНЯВШИЙ КРЫЛЬЯ: Если ты говоришь о Великом Боге, то я скажу, что ты даже назвать его не можешь просто потому, что нельзя назвать Абсолютное Начало. Неизреченно оно. Вы можете произнести какое-либо сочетание звуков, какое-либо слово, давая им определение Великому Богу, но это слово не будет осмысленным, ибо вы не познаете ни умом, ни чувствами своими то, что этим словом обозначается. Ни с кем и ни с чем, хотя бы и отдаленно, нельзя сравнить его. Тем не менее, в нем всё то, что вы бытием называете.

ГОЛОС: Что значат слова твои: «в нем всё»?

СЕДЬМОЙ СНЯВШИЙ КРЫЛЬЯ: В нем всё в том смысле, что всё сущее или отделилось от него, как от вас дыхание отделяется, или в нем всё в том смысле, как в семечке дерева содержатся его корни, ствол, листья, цветы и плоды. Но, говоря так, я не даю определения: я только миллиардную, точнее, еще меньшую долю его сущности определяю. Определяю то и так, что и как нам доступно – нам, ничтожнейшей частице дыхания его.

ГОЛОС: Так некогда, пять тысячелетий тому назад, учил великий Василид.

ВОСЬМОЙ СНЯВШИЙ КРЫЛЬЯ: Да, во втором веке после Рождества Христова, хотя не долго, но наблюдалось веяние Параклета. Великий Бог абсолютно бесстрастен. Он превыше бытия и небытия. Он – не есть бытие. Он не есть небытие. Он был до небытия. Был, когда ничего не было. Он – «прежде сущее Ничто». Он – абсолютное Ничто. Поэтому для него нет определяющего обозначения на языке человеческого. И всё-таки: в нем в действительности и в потенции – всё. Всё без исключения.

ГОЛОС: Нельзя ли пояснить, что значит – «Бог Не-Сущий»?

ДЕВЯТЫЙ СНЯВШИЙ КРЫЛЬЯ: Он – «Бог Не-Сущий» в том смысле, что он выше существования, но в Нём начало всего, что существовало, существует и будет существовать. Он – един. Он проявился во всем, то есть в Нём, в Не-Сущем, – проя-

вилось творческое начало. Он захотел сотворить. Он – непостижимый – сотворил всё из абсолютного ничего, ибо только Он один был.

ГОЛОСА: Пока довольно. Нам надо обдумать всё сказанное. Где и когда мы с вами свидимся?

ПЕРВЫЙ СНЯВШИЙ КРЫЛЬЯ: Тысяча наших товарищей прибудут сюда. Желющие легко узнают адреса провозвестников и будут приглашаемы по десять человек на собрание. *(Начинается отлет собравшихся.)*

Занавес.

Действие третье

Большой зал. Потолок сдвигается и видно звездное небо. Через громадные окна вдали видны вершины гор. Стекла слегка голубоватого цвета. Ночь очень светлая. Кое-где кресла, скамейки, стулья, столы, – все очень красивые. Много столов – больших и маленьких. На некоторых столах фонографы, телефоны странных форм, какие то другие аппараты. По стенам на высоте двух с половиной аршин полки с книгами. В стеклянном большом ящике какой-то музыкальный инструмент: видны трубы, струны, широкие и узкие металлические пластинки. В одной стене две двери, в другой одна дверь. В комнате несколько автоматов, сделанных в виде людей. Одновременно из двух противоположных дверей входят мужчина и женщина.

МУЖЧИНА *(одетый в костюм придворного времен Генриха III французского)*: Я чрезвычайно рад, встретившись с вами до прихода остальных членов нашего клуба.

ДЕВУШКА *(одетая приблизительно так, как одевались в XVIII веке молодые японские девушки)*: Я тоже рада, так как надеюсь услышать давно обещанную вами речь, доказывающую, что вера в бога является старым, неразумным пережитком бредней, ранее владевших человечеством

МУЖЧИНА: Если вы желаете... я буду говорить. Но я опять позволю себе спросить вас, не пожелаете ли Вы быть моей женой навсегда или, что будет мне тяжело, хотя бы на время?

ДЕВУШКА: Я не думаю выходить замуж, но, если решусь быть чьей-либо женой, то только Вашей.

МУЖЧИНА: К чему эта отсрочка?

(Его перебивают громкие голоса автоматов.)

АВТОМАТЫ: Они идут, идут, идут. Подходят к дверям.

(Двери распахиваются. Входят несколько человек.)

МУЖЧИНА *(одетый в черную пару, как одевались в начале XX века)*: Напрасно мы потеряем вечер, слушая какие-то мистические бредни. Гораздо интереснее было бы выслушать доклад об относительности, изменчивости и непостоянстве так называемых естественных законов.

ЖЕНЩИНА *(без одежды, ее тело покрыто сеткой из золотистых, серебристых и блестящих красных нитей)*: Не всё ли одно, чем заняться? Если будет скучно, дамы могут любоваться кавалерами, а кавалеры, если у них хороший вкус... мною, а если плохой – другими дамами или даже хотя бы японкой, с которой вам надо раскланяться.

(Входят, продолжая разговор, мужчина, одетый, как одевались патриции древнего Рима, и молодая женщина, одетая в костюм монахини, но с распущенными волосами, падающими на ее плечи.)

3-й МУЖЧИНА: Мы не опоздали. Я не хотел бы пропустить и части доклада: всё в области мистики интересует меня, хотя, конечно, встречаются и очень примитивные мыслящие мистики.

ЖЕНЩИНА: Меня интересует вопрос, как смотрят на брак новые сектанты и считают ли они, что муж и жена должны быть верны друг другу, или они стоят за право брачиться со всеми, с кем только захочет женщина или мужчина, как проповедует и исповедует вот та... в сетке?

АВТОМАТЫ ПОВТОРЯЮТ: Они идут, идут, идут! Подходят к дверям...

(Входит мужчина, одетый в роскошный восточный костюм разноцветного шелка и женщина, одетая, как одевались парижанки начала XX века. Они вежливо кланяются, не подходя к другим и садятся за небольшой столик).

4-й МУЖЧИНА: О! Я просто верую, верую в силу наследственности, как утверждает мой друг, профессор Ролм; верую, что простенький, всегда простенький материализм – глуповат. Чудеса везде. Чудо и в том, что в этом столе кроется громадная сила, которая проявится, когда настанет распад атомов, чудо и в том, что из маленького семечка вырастает гигантское дерево. Чудо, что мы передаем друг другу наши мысли... Везде чудеса, и я думаю: маленьким чудом будет и тот бог, о котором нам обещают рассказать ученики Параклета.

ЖЕНЩИНА: Я не знаю, скажут ли они что-либо интересное. Я думаю, что бог, по всей вероятности, существует, но что мне до этого? Если я узнаю наверное, что он существует, или же узнав, что нет его, я всё одно не изменю своей жизни. Ничто не изменится в моей жизни.

(Через раскрытый потолок летают два человека, сбрасывают на руки автоматов верхнюю одежду и крылья и, раскланявшись, садятся за один из столов.)

МУЖЧИНА *(одетый в костюм напоминающий костюм испанского матадора XIX столетия):* Мы не опоздали: новоявленные учителя еще не пожаловали. Скажут ли они что-либо интересное? Было бы обидно снова, услышать какую-либо разновидность так называемой теософии. Не менее обидно было бы услышать болтовню оккультистов, хотя бы она и была модернизирована. Утешительно то, что я и кое-кто из собравшихся хорошо знакомы с новейшими и старыми религиями и сектами и хорошо разобралось во всех произвольных толкованиях метафизики.

ЖЕНЩИНА *(одетая приблизительно так, как одевались балетные танцовщицы XIX века, только пояс на ней сверкает драгоценными камнями):* Но я слышала, что учение Параклета – совсем новое учение, совсем по новому говорящее о боге и о каких-то странных существах, населяющих какие то иные, чем наша, вселенные.

АВТОМАТЫ *(громче и торжественнее, чем прежде):* Они пришли! Пришли великие!

(Распахиваются двери и входят два человека, одетые в тоги, напоминающие римские. Все собравшиеся встают, приветствуя вошедших.)

1-й МУЖЧИНА: Скажите нам то, что считаете нужным сказать о том, кого, или что, богом называют и не откажитесь ответить на наши вопросы. Мы просим вас сесть за любой стол, и вы не будете в претензии, если ваши речи будут дословно записаны абфонографами? Скажите, какие имена вы носите. А пока разрешите называть наши имена. Я начинаю с сидящих за самым далеким от вас столиком и буду называть имена, приближаясь к вам: Арла и Лорм, Минла и Мэрб, Летна и Кесн, Тимна и Нивс, Аллоза и, наконец, ваш покорный слуга Олмос.

САРДАН: Меня зовут Сардан, а моего брата Сольгем. Вы хотите знать что-либо о Боге? Но мы сами очень немного знаем о нем, нами Великим называемом. Некогда, вернее тогда, когда не было времени, не было изменений, нами – людьми – воспринимаемых, был, не существуя, один только Великий – Не-Сущий. Он захотел (я буду говорить не точными, но людям свойственными понятиями) и квази-отодвинулся. Тогда появилась бесконечность бесконечностей, назовем ее «арния», и бесконечное число таких арний появилось. Было создано то, что мы – люди – как пространство воспринимаем, получилось сверхгигантское абсолютное Ничто, а так как оно было не тем, чем являлся Великий – Не-Сущий, то Ничто гигантское тайло в себе начало зла, ибо всё, что вне всесовершенного с высшей точки зрения является несовершенным, значит, относительным злом. Тогда от Великого хлынул Свет, то есть дыхание Его несказанное, хлынул Свет несказанный и зазвучал в Ничто великом. В тот момент, когда Свет отошел на менее, чем одна миллиардная доля линии от Великого, свет перестал быть частью Великого, как свет от солнца или свечи горящей не является солнцем или свечою. Свет гнал перед собою мглу сверхгигантского Ничто, Бога лишенного, а в некоторых местах он пронизывал ее, не оставляя следа, в

других местах сиял ярким светом, громадные пространства заливая, и всё дальше и дальше лился поток света ослепительного. Но чем дальше отходил свет от первоначального, тем менее ярок был свет, всё чаще и чаще раздвигавший и отодвигавший мглу небытия, мглу пустот. В каждом скоплении света множество космосов появлялось. И вот далеко, далеко от него, первоначального, в последний раз разлился свет его, как скопление гигантское. В свете этом появились живые существа, ибо жизнь-рождающим был свет этот. Часть света рухнула в низы глубокие и там с тьмой и мглой смешалась. Появились хаосы, из которых и наши вселенные и вселенные, выше расположенные, родились. Но везде, и в верхах, и в низах, как река голубая, шла полоса света, с мглой не смешивающаяся. Сверху донизу имелись зеркала мистические, и в них как бы особые космосы, особыми существами населенные, находились. Чем выше расположены космосы, тем большим числом чувств одарены существа, их населяющие, и на каждой ступени далеко не один космос был расположен, а много космосов, причем существа, их населяющие, имели одинаковое количество чувств, но разные чувства существ в этих космосах, рядом друг с другом лежащих. Такова наша бесконечность, и в ней горят еще гигантские скопления Света мистического, слабым отблеском которого наши солнца являются. Иначе сложились другие бесконечности, в нашей бесконечности бесконечностей сущие. А там, высоко в верхах, но далеко от Великого, там, где разлилось скопление света гигантское, там находились те, одного из которых мы Элоимом называем, и кто Богом космосов нашей бесконечности является.

ЛОРМ: От одного из ваших мы слышали и то, что можно назвать деталями набросанной вами схемы учения вашего. Оно оригинально и при всей своей сложности и загадочности кажется нам не доказанным. Чем докажете вы истину ваших слов? Раз она будет доказана, значимее прозвучит прикладная часть учения Параклета, проповедниками учения которого вы являетесь.

САРДАН: Что значит доказать что-либо? Нет ни одной геометрической теоремы, которая могла бы считаться доказанной. От евклидовой геометрии мало что осталось условно справедливым после работ ученого конца второго тысячелетия, после Лобачевского. Едва ли имеется хотя бы один химический или физический закон, который мог бы считаться бесспорно точным. Конечно, не могут считаться абсолютно точными и так называемые законы астрономии. Всё относительно, всё является рабочей гипотезой, если хотите так выражаться, и в нашем мире нельзя мыслить так, как хотя бы Элоимы мыслят. Всё, что выше рассказано, по крайней мере до слов о реке голубой, так же верно, как и любой физический закон. Если бы у нас были мирны чувств, как у высших существ, то нам всё сказанное яснее казалось бы того, что около нас люди имеются, что отрицалось, однако, солипсистами, что отрицалось теми, для кого всё майей, миражем было.

СОЛЬГЕМ: Смотрите на всё, что говорилось и будет говориться о Боге, как на сведения, полученные из источника, который мы считаем верным, и перейдите к следующим вопросам, довольствуясь хотя бы таким пересказом всего сказанного Сарганом: в начале, нами мыслимом, была творческая сила и творческая сила была у Бога, и Бог воспринимается нами только как творческая сила. Довольно и этого определения Бога Великого, в целом своем всё одно неопределимого, и мы перейдем к учению Параклета, познакомимся с которым желают собравшиеся. Вы хотите знать, что называет он грехом? Грехом он считает неравенство среди людей. Этот грех надо изжить, то есть надо, чтобы каждый человек получал равную с другими долю имеющихся в распоряжении общежития ценностей, хотя, конечно, каждый должен получать те предметы потребления, которые ему нужны. Этот грех надо изжить, то есть, надо, чтобы получаемая каждым гражданином масса продуктов по ценности своей равнялась массе продуктов получаемой любым другим членом общежития. По предметам она может быть неодинаковой с другими долями продукта, но равной со всеми другими по трудности ее приготовления. С тех пор, как люди научились готовить, – не подделывать, а готовить – драгоценные камни и металлы, с тех пор, как любой из требуемых предметов может быть изго-

товлен в течение немногих часов, если его случайно не имеется на складе, с тех пор исчез грех экономического неравенства или исчезнет, раз только люди пожелают разумно устроиться. Совсем не важно, что один глупее, а другой умнее, что один приобретает при равных усилиях более, а другой менее знаний. Глупый имеет право на такое же отношение к себе, как и умный. Равно хорошо надо относиться к многому и к мало знающему. Не можем мы свысока относиться к ребенку, знающему меньше нас. Из того, что я могу поднять двадцать, а ты десять пудов, вовсе не следует, что ты не равен мне: все равны, ибо в веках и мирах все качества сравнены будут. Все грехи от зависти, и надо так устроиться, надо так просветиться, чтобы ее не было. Ведь это так понятно и просто, так как того, кто хочет возбудить зависть, приходится искренне жалеть. Грех и тогда и в том, когда я завидую другому за то, что его любят жених или невеста, мать или отец. Помните в мире людей, что в человеческом океане множество ваших детей, множество тех, кто вашей невестой или женихом стать может. Грешно завидовать чужому счастью и чужой радости... Вы что-то хотите сказать, Олмос?

ОЛМОС: Да, если позволите... Мне кажется, вами сказано так много, что нам нужно время для того, что бы серьезно разобраться в сказанном. Будьте уверены, что мы внимательно обсудим всё сказанное. Если среди нас имеются материалисты, то вы знаете, что современные материалисты давно уже признали права за метафизическим мышлением, и они серьезно отнесутся к вашим словам. Я и Аллоза позволим себе задать вам только один вопрос: правда ли, что ученики Параклета учат, что некогда пали ангелы и стали дьяволами, и что когда-то павшие люди стали лярвами, иногда вселяющимися в людей?

САРДАН и СОЛЬДЕН (вместе): Ни Параклет, ни ученики его не говорили ничего подобного.

САРДАН: Такое учение существует среди сравнительно новейших спиритов, но при чем тут наше учение? Вообще, учение о так называемых лярвах создано оккультистами и очень неудачно. Возможно, конечно, что души существ, живших в других аспектах, попав после смерти в наш мир, приносят с собой плохие навыки из прошлой жизни, те навыки, которые заставляют нас называть их лярвами. Быть может, лярвы – это души злых и низких существ, поселившихся в телах людей. Но всё это не доказательно и не имеет никакого отношения к Параклету и его учению.

ОЛМОС: Я прошу вас забыть мой неуместный вопрос.

ТИМНА: Скажите, как вы смотрите на наш обычай ставить людям «памятники позора»? Вы видели, конечно, статуи злодеев-правителей, на пьедесталах которых написано их имя и перечислены сотворенные ими злодеяния. Нужны ли эти памятники?

СОЛЬДЕН: Им место не на площадях, а в музеях, да и то не надо называть их «памятниками позора» и лучше бы было простить тем, кого изображают эти памятники, не перечислять на них преступлений тех лиц, которых изображают эти памятники. Не надо мстить умершим. Довольно и того, что история рассказывает об их злых делах, об их попытках оправдать свое поведение, об их тупоумии и непонимании и что они служили злу, думая по глупости, что служат добру.

АВТОМАТЫ: Очистите середину комнаты! Подается обед!

(На середину комнаты снизу поднимается стол, уставленный блюдами, графинами, тарелками и пр.)

КЕСН: Прошу всех придвинуть стулья к столу и позавтракать. Тут обычный обед и нашим химиком приготовленные питательные пилули.

Тихая музыка. Занавес.

Действие четвертое

Высокое плоскогорье, усеянное скалами. Кое-где группы сосен и елей. Входят Алькор, Дарлина, Летна и Нивс.

ЛЕТНА: Я устала. Да и все, кажется, устали.

АЛЬКОР: Мне хочется спать... Должно быть, нас угостили на последней нашей станции чересчур сытным обедом.

НИВС и ДАРЛИНА: Да и мы хотим спать. Здесь, на мху, можно и заснуть.

АЛЬКОР и ЛЕТНА: Да. Конечно.

(Все ложатся в разных местах. Через короткое время на плоскогорье слетают два великана и, не снимая крыльев, садятся на обломки скал.)

1-й ВЕЛИКАН: Здесь тоже люди. Они спят. Не помешают нам. Что скажешь?

2-й ВЕЛИКАН: Скажи, как бороться с учениками Параклета? Ведь Параклета мы не видели, только ученики его ходят по собраниям. А люди умнеют, хотя и чужим умом. Скоро конец нашей власти, если учение Параклета будет распространяться так, как распространялось до сих пор. Что же делать?

1-й ВЕЛИКАН: Очень просто: человечество, как было, так и осталось невероятно глупым. Провозгласим себя и наших истинными последователями Параклета и от его имени будем проповедовать его учение, как некогда инквизиторы и разные попы проповедовали учение Распятого. Не разберут глупые, где истинные ученики его, где правда, где ложь. Будем полны гневом против тех, кто его оскорбляет, якобы искажая учение его. Их и только их... сначала, конечно... мы будем преследовать, а потом – потом будем гнать всех тех, кто будет придерживаться светлых сторон учения его. Не пройдет и трех поколений, как от учения Параклета ничего не останется, и наша власть будет господствовать на земле, и власти этой не будет конца.

2-й ВЕЛИКАН: Я не смотрю так радужно на наше дело.

1-й ВЕЛИКАН: Отчего же? Ты увидишь то, что и прежде видел: у людей отнимется даже тень свободы, и мы внушим им, что это для их же счастья, что рабство, в котором они будут жить, и есть самая настоящая свобода. Мы будем говорить, что получаем небольшое содержание, как и все, но на самом деле мы и наши ближние холопы будем купаться в утонченной материальной роскоши и в богатстве. Мы всё время будем говорить, что мы – всецело за рабочий народ, но будем топтать его ногами. Мы будем всюду говорить, что у нас властвуют рабочие, а на самом деле они будут нашими рабами... Ну, что тут говорить! Просмотри историю трех последних тысячелетий, и ты увидишь, как легко обманывались народные массы.

2-й ВЕЛИКАН: Он говорит малопонятные, мистические речи, и жадно слушают его все несчастные, их же несть числа. Он толкует загадочные слова того, кто был распят, слова о грехе, правде и суде... Слушают его и нищие духом, и те, с кем могучие духом сливаются. Нет, нам труднее будет с ним справиться, чем с тем, кто пять тысяч лет тому назад приходил на землю...

1-й ВЕЛИКАН: Постараемся справиться, а если нам не удастся извратить учение его, войдем в ряды его последователей, но везде и всегда будем жить так, как мы считаем нужным, а не так, как он учит.

2-й ВЕЛИКАН: Надо выдумать звонкое название. Не беда, если оно не будет характеризовать наше учение. Надо только, чтобы оно хорошо прикрывало нас. Назовем лучше всего свою «партию» – «Всемирная партия параклетистов» и объявим всех, не принадлежащих к нашей партии учеников Параклета, людьми, ничего не понимающими в учении Параклета, объявим их врагами человечества в настоящее время, а что до будущего – будем говорить, что воплотим учение Параклета, как только к его принятию будут приготовлены народные массы. К этому времени массы должны быть так обработаны нами, что под учением Параклета будет пониматься то дикое учение, которое будет создано нами.

1-й ВЕЛИКАН: Великолепно! Во всяком случае попытаемся. Я думаю, что народные массы легко одурачить, а для так называемых интеллигентов имеются тюрьмы и смертные казни, которые мы можем практиковать потихоньку. Мы легко составим нашу всемирную партию. Итак, за работу!.

2-й ВЕЛИКАН: За работу!

(Оба улетают. Лежавшие просыпаются. Алькор, Дарлина, Летна и Нивс сходятся вместе.)

ЛЕТНА: Какой странный сон я видела. Какие-то два великана сговаривались здесь помешать народам Земли принять учение Параклета.

АЛЬКОР, ДАРЛИНА и НИВС: Мы тоже слышали этот разговор.

АЛЬКОР: Это не сон. Мы были погружены в дремоту, но все слышали, что тут говорилось.

ДАРЛИНА: Что же нам делать? Было бы несправедливо, если бы мы позволили оклеветать учение Параклета.

ЛЕТНА: Было бы еще несправедливее позволить этим беззастенчивым молодцам обмануть и поработить человечество.

НИВС: Да! Не противопоставить ли нам всемирной партии параклетистов свою организацию для проповеди истинного учения Параклета и не присоединиться ли нам к его истинным ученикам для борьбы с надвигающейся грязью?

ДАРЛИНА: Итак, организуем группы проповедников истинного учения Параклета и будем бороться с попытками исказить его. Все согласны?

ЛЕТНА, НИВС, АЛЬКОР: Да. Согласны.

АЛЬКОР: Сойдемся сегодня вечером в нашем клубе и переговорим со старыми посетителями его.

ВСЕ: Да. Да. Конечно!...

Занавес.

Действие пятое

Высокий зал с готическими окнами. Широкие скамьи черного цвета по стенам зала. В переднем углу поставлен стол, за которым сидят четыре человека. Стол поставлен так, что образует основание треугольника, равнобедренными сторонами которого являются сходящиеся в углу две стены. На лавках сидят по тридцать-сорок человек около каждой стены. Все они одеты в черные хитоны монашеского покроя.

СИДЯЩИЙ ЗА СТОЛОМ (*дочитывает вслух письмо*): «...Эти последователи Параклета ничего не имеют общего с нами и проповедуют учение, которое только отдаленно напоминает небольшую и мало интересную часть его учения. Во всем же остальном они ярые враги нового учения. Они невероятно корыстолюбивы, жестоки, они не имеют представления о науке, об искусстве и философии. Но помните, все они осуждены, ибо осужден Князь мира сего, осуждено стремление к власти, к богатству, осуждается стремление кому бы то ни было причинять мучения. Осуждена и ложь мира сего, всякими софизмами оправдывающая власть и связанную с нею жестокость; ложь, всегда связанная с тупоумием. Вот всё, что поручили мне написать наши единомышленники – ученики Параклета. Дух истины да пребудет с вами. Приветствует всех вас брат ваш».

Вот и всё письмо. Кто из вас будет бороться с ложным учением самозванных учеников Параклета? Кто из нас будет готовиться к такой борьбе?

1-й: Я выступлю с проповедью против самозванцев. Они убьют меня или замучат в своих ужасных тюрьмах. Но вы, братья, иногда вспоминайте обо мне.

ВСЕ (*встают и склоняют головы*): Так будет!

2-й: Я говорю против них в громкоговорители и в фонографы.

3-й: Я напишу книги против них.

4-й: По ночам я своим аппаратом пишу на небе нашу правду. Они – самозванцы – приказали не поднимать глаз к небу, но их не слушают.

5-й: Я рисую картины и ими пробуждаю дух независимости, свободы и равенства. В миллионах экземплярах расходятся снимки с них.

6-й: Я написал гимн свободе.

7-й: Я написал боевой марш, и моя музыка поднимает к верхам сердца.

8-й: Я пишу рассказы и драмы, и все они учат тому, чему учили истинные ученики истинного Параклета.

9-й, 10-й, 11-й и 12-й: Мы работаем как научные работники и доказываем нелепость тех квази-научных концепций, которыми оправдывается порабощение людей.

13-й: Все остальные из присутствующих на прошлом собрании сказали о своей работе. Кто желает сказать что-либо собранию, пусть говорит.

14-й: Надо выяснить вопрос, как относиться нам к темным силам, нас угнетающим, ярко враждебным нашему счастью и счастью народных масс? Нам необходимо смотреть на всех сторонников учения ложного Параклета, как на людей ошибающихся; нам необходимо самим не ошибиться; надо не подражать им в самом главном, то есть не злобствовать на них, как они на нас злобствуют, и не мучить кого-либо из них, как они нас мучают. Надо понять их психологию, то есть психологию той массы ложных учеников Параклета, которая уверена в своей правоте...

ГОЛОС: Да ведь они прокаженные духом и сердцем!

15-й: Что же из того, что они прокаженные духом? Они не сознают этого, и не надо говорить им, что они прокаженные, так как не надо обижать кого-либо. Надо их жизнь пережить в сознании нашем, понять их несложную психологию и, если возможно, вылечить их, а если невозможно вылечить, то простить им то зло, которое они по неведению причиняют.

16-й: Велика радость, охватывающего прокаженного, исцелившегося от болезни своей. Ужас и страх тяжелый охватывает того, кто переживает ощущения прокаженного, но здоровее будет он от того.

17-й: Не надо всё-таки называть кого бы то ни было прокаженным духом, ибо это обидно для того, кого назвали так.

ВСЕ (*встают*): Да. Ты прав. Так будет.

18-й: Князем мира сего является и безразличие доброго и злого начала. Мы часто спокойно смотрим на то, что считаем злом, и не боремся с ним. Смотрим на то, что считаем добром, и не подражаем добро делающим. Параклет повторил нам старые слова о том, что не надо быть безразличным: «Ты – ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден или горяч!» Надо бестрепетно осуждать зло и хвалить добро, а то всё смешается в головах одураченных, и они зло поганое светлым добром назовут, истину – ложью, произвол – судом.

19-й: Что такое суд и где он совершается? Суд мой – в разуме и в совести моих: я осуждаю одно и хвалю другое. Но если суд приносит кому-либо приговором своим мучение и обиду, это – не суд, а дикий произвол, лицемерное деяние зла, которое добром только именуется, потому что давно уже перестали различать люди добро ото зла.

20-й: Бесспорно: добро то, что кому-либо радость и удовольствие причиняет, нико-го не обижая, а зло то, что страдание и горе причиняет, оскорбляя и обижая людей.

21-й: Братья! Я три раза омолаживался и устал жить. Я прошу у вас месячного отпуска. Я удалюсь с двумя товарищами в убежище, только вам известное, и там мои товарищи сумеют миргипнотизировать меня. Я увижу тогда древнейшую Атлантиду и расскажу вам, проснувшись, всё, что я узнаю там. Иоиль и Алькор, просим у вас разрешить нам месячный отпуск.

ВСЕ: Мы даем отпуск всем трем. Благодарим за предпринимаемый вами опыт.

ГОЛОС: О, если бы атланты что-либо посоветовали нам!

ДРУГОЙ ГОЛОС: А если и не посоветуют, сами сообразим, что нам делать.

Занавес.

Действие шестое

Большая равнина. Много далеко стоящих друг от друга домов странных и разнообразных форм. Дома окружены садами роскошных тропических растений. По улице этого города медленно идут не снявшие крыльев Алькор, Иоиль и Наор.

АЛЬКОР: Мы – в Атлантиде. Странно: мне кажется всё призрачным, малореальным. Дома, растения, дорога, – всё подернуто каким-то туманом.

(В то время, как Алькор начал говорить, к нему подошел первый атлант высокого роста, тоже с крыльями за плечами.)

1-й АТЛАНТ: Привет вам, чужестранцы в нашем Лаорле. Откуда ты, незнакомец, видящий, как видят многие из нас, будущность нашей прекрасной страны, которая через пять столетий будет залита волнами океана?

АЛЬКОР: Мы трое прибыли из страны, которая существует через много тысячелетий после погружения Атлантиды в океан.

1-й АТЛАНТ: А вы? Вы тоже видите наш город как бы в водном тумане?

ИОИЛЬ и НАОР: Нет. Все очертания кажутся нам очень ясными, скорее резкими.

1-й АТЛАНТ: Чужестранцы! Если пожелаете отдохнуть, то вы найдете приготовленные для гостей комнаты и пищу вот в этом здании, стены которого напоминают снопы молний.

НАОР: Благодарим за указание. *(Около разговаривающих останавливаются 2-й атлант и две атлантики.)* Мы хотели бы узнать как вы живете, какие у вас обычаи и законы?

1-я АТЛАНТКА: У нас один закон: никто никого не должен обижать.

ИОИЛЬ: Бывают нарушения этого закона?

1-я АТЛАНТКА: Да. Нарушивший закон подвергается бойкоту, смягченному по указанию Учителя.

НАОР: Как – смягченному?

1-я АТЛАНТКА: Мы все не признавали бойкота, жалели одиноких. Тогда Учитель посоветовал, чтобы при бойкоте по одному человеку из каждой сотни имели общение с бойкотируемым. Бойкотируемый может объявить, что он будет, например, в такой то день в таком то помещении, и тогда в это помещение приходят только те, кто назначены по одному из сотни.

АЛЬКОР: А если бойкотированный всё же продолжал делать свои преступления?

2-й АТЛАНТ: Тогда мы усыпляли его и переводили на Острова блаженства, где жили ему подобные.

НАОР: Острова блаженства? Что это значит?

2-й АТЛАНТ: На этих островах, лежащих недалеко от материка, мы построили всем снабженные дома, и туда переносим обижающих кого-либо из нас. Каждый из них может заявить о своем желании подчиниться обычаям братской жизни, и тогда его возвращают в общежитие на материке.

АЛЬКОР: А если он опять сделает какой-нибудь антиобщественный поступок?

1-й АТЛАНТ: Тогда мы отправляем его на остров сроком не менее, как на шесть месяцев. Но такие случаи рецидивов преступности бывают не чаще одного раза в столетие.

НАОР: В чем учение вашего Учителя?

2-я АТЛАНТКА: Оно очень сложно, но основная идея его проста: относись ко всем, как добрый брат, если ты мужчина, и как добрая сестра, если ты женщина.

ИОИЛЬ: Вам незнакомо чувство зависти?

1-й АТЛАНТ: Поясни, что значит зависть?

ИОИЛЬ: У меня нет чего-либо, что имеется у тебя, например, такого дома, который ты имеешь, и у меня является желание иметь как раз такое жилище, какое ты имеешь.

1-й АТЛАНТ: Ты внесешь в постройку все те изменения, которые тебе желательны.

ИОИЛЬ: Но если я хочу именно твое жилище?

1-й АТЛАНТ: А, ты говоришь о больном человеке? Каждый из нас охотно уступит больному и сам ничего не потеряет, ибо сможет выбрать точно такое же или лучшее жилище.

НАОР: Знакомо ли вам чувство ревности?

2-я АТЛАНТКА: Гипербореицы, которые живут рядом с нами, ревнивы. Но это потому, что они собственники и собственницы. Мы давно уже не знаем собственнос-

ти и ее следствий. Но мы всё-таки моногамны. Но если супруги хотят разойтись, они расходятся.

АЛЬКОР: Кто ваши начальники?

2-й АТЛАНТ: Не понимаю... А, вспомнил. Даже у гиперборейцев нет таких людей, которые бы приказывали, руководствуясь писанными правилами или не руководствуясь ими, а другие слушались их. Все смеялись бы над приказывающим, а тем более над повинующимся. Если бы среди нас явился преступный тип, который приказывал бы и пытался заставить себе повиноваться, мы немедленно отправили бы его на острова блаженства.

ИОИЛЬ: Вы верите в Бога?

2-й АТЛАНТ: Чужеземец! Нет, мы не верим, мы знаем, что Он – сущий и не-сущий.

АЛЬКОР: Вы просите Его о чем-нибудь?

1-й АТЛАНТ: Нет, никогда не просим: Он без наших просьб дал нам всё, что надо, и свободную волю. Мы беседуем иногда с теми, кто иногда пролетает невидимым для нас над землею. Долго говорить, кто это. Иногда мы составляем громадную хорею, и тогда высоко поднимаются сердца наши. Мы, верней, сердца наши переполнены тогда радостью бытия и торжественно гремит наша музыка, отражая наше настроение, и старинный боевой марш, – слабое подобие древнейшего марша архангелов, – поется и играется нами. После хореи мы чувствуем себя добрее и лучше.

(По воздуху проносится гигантский дракон.)

АЛЬКОР и ИОИЛЬ *(заметив его)*: Дракон!

2-я АТЛАНТКА: У нас нет опасных зверей: они все ручные и давно утратили инстинкты свирепости. Мы их жалеем и стараемся сделать радостным их существование. К нам залетает иногда из далеких стран кровожадный Кракс и пытается охотиться за нашими зверями, но стоит показаться кому-либо из нас с нашим оружием, обладающим всеокрушающей силой... и с ужасом улетает или погибает Кракс.

ИОИЛЬ: У вас развито искусство, судя по архитектуре ваших зданий?

1-я АТЛАНТКА: У нас много искусств, и вы посетите наши музеи и выставки.

НАОР: А наука?

2-й АТЛАНТ: Посетите наши академии.

НАОР: Скажите нам, чужеземцам, долго ли вы живете?

1-я АТЛАНТКА *(с удивлением)*: Как долго? Мы живем сколько хотим, иногда много тысячелетий и только мощным усилием напряженной воли, усилием долго думая, можем мы уйти из этого мира в другой мир.

(Быстро темнеет. Слышен страшный громовый удар.)

2-я АТЛАНТКА: Идет гроза. Чужеземцы! Зайдите, пока пройдет дождь, в любой дом. Вы везде найдете комнаты для гостей.

Занавес. Конец.

А.А.Солонович. КРИТИКА МАТЕРИАЛИЗМА

(2-й цикл лекций по философии)

Документы архивно-следственных дел, хранящихся в архивах ФСК РФ, дают представление об Ордене и его деятельности в целом, знакомят с людьми, входившими в рыцарские кружки (отряды), позволяют понять их умонастроения, увидеть характеры, но оставляют в стороне все то, что питало их жизнь, деятельность, формировало их судьбы: лекции по истории философии, религии, культуре, легенды, которые они выслушивали на орденских собраниях и содержание которых обсуждали, а также многое другое, что по большей части оказалось утерянным или уничтоженным органами ОГПУ.

Всё ли?

Меня не покидает надежда, что из недр секретных архивов бывшего ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-КГБ будущим исследователям духовных движений в России удастся получить хотя бы часть рукописей, изъятых у репрессированных, которые откладывались в специальном рукописном фонде этого заведения. О существовании такого обширного хранилища, куда на протяжении десятилетий поступала изымаемая в процессе обысков рукописная и печатная литература по оккультизму, философии, тайноведению, а наряду с ней и собственные сочинения мистиков и оккультистов, свидетельствуют случайно сохранившиеся в некоторых архивно-следственных делах расписки, а также факты отказа в возвращении потомкам репрессированного изъятых у него рукописей под предлогом их все еще «секретности». Между тем, открытие подобных секретных фондов, представляющих в настоящее время исключительный научный и культурологический интерес для изучения и развития отечественной духовной мысли, могло бы послужить толчком к изменению в лучшую сторону того религиозно-философского брожения, которое наблюдается сейчас не только в России, но характерно и для всего остального мира, особенно если вспомнить, что именно Россия в первой четверти XX века обозначилась в качестве ведущего центра мировой культуры духа.

Напомню один только факт. Так, на протяжении всего последнего столетия развитие европейской философии (подразумевая под этим традиции, а не географию) происходило в русле, предопределенном именно русскими философами прошлого (В.С.Соловьев) и начала нынешнего века (Н.А.Бердяев, С.Н.Булгаков, В.В.Розанов, П.А.Флоренский, Л.Шестов и др.). Влияние этих мыслителей на своих современников и (теперь это можно утверждать) на последующие поколения оказалось тем более важным, что они, по существу, впервые вывели философию нового времени из тупика позитивизма, показав возможность ее дальнейшего развития на пути сближения и взаимопроникновения (оплодотворения) современной науки и мистики – того самого направления, которое в первую очередь подвергалось преследованию в советской России.

Но если сохранность этих бесценных фондов в архивах бывшего ведомства политического и идеологического сыска все еще остается под вопросом, то гораздо большую надежду оставляют перспективы поисков в государственных и частных собраниях.

Одной из таких счастливых находок стало открытие второго цикла лекций А.А.Солоновича, известного под названием «Критика материализма», посвященно-го основам анархо-мистицизма, который он читал на протяжении 20-х гг. в орденс-

ких кружках тамплиеров и, видимо, в подготовительных (к Ордену) кружках студенческой молодежи, интересовавшейся теорией анархизма и вопросами идеалистической философии. Его задачей было противопоставить традиции идеализма (гностицизма в его современном преломлении) тому вульгарному материализму, курс которого студенческая молодежь была обязана изучать во всех учебных заведениях СССР. Этот цикл лекций, как можно полагать, перепечатанный в свое время В.Н.Любимовой, проходившей по делу «Ордена Света», по ряду упоминаний в тексте должен был предваряться циклом «Элементы мировоззрения» и предшествовать третьему циклу лекций, целиком посвященных восточной философии. Несмотря на то, что части курса обозначены «главами», стиль изложения и отдельные лакуны, содержавшие слова и обрывки фраз, свидетельствуют, что перед нами стенографическая запись, не подвергавшаяся серьезной авторской правке. Открытие машинописи в фонде анархиста А.А.Борового (РГАЛИ, ф. 1023, оп. 1, ед. хр. 949), арестованного и высланного из Москвы летом 1929 г., позволяет датировать данный экземпляр временем не позднее начала 1929 г., когда произошел окончательный разрыв между А.А.Боровым и А.А.Солоновичем, т.е., скорее всего, периодом 1924-1925 гг., временем наиболее активной лекторской и орденовской деятельности Солоновича.

Удастся ли в последующем разыскать тексты остальных двух циклов, покажет время, хотя вполне возможно, что они точно так же ожидают своего открытия и лежат неопознанными в уже описанных чьих-то фондах в государственных архивохранилищах. Что же касается данного цикла, то он, как мне представляется, играл в начальных кружках анархо-мистиков такую же роль, как легенды – в «рыцарских» кружках более высокого плана. Знакомясь с этим текстом, можно заметить, что он совсем не легок для восприятия, требует обширного комментария, но в данном случае я считал своей обязанностью его возможно скорейшее опубликование в том виде, как он дошел до нас, полагая, что им смогут детально заняться уже специалисты-философы, тогда как моей задачей было дать своего рода «ключ» к пониманию того, о чем шли споры на допросах между последственными и следователями и какие доводы использовал А.А.Солонович, переводя политические устремления анархической молодежи на стезю строительства личности и служения обществу.

А.Л.Никитин

КРИТИКА МАТЕРИАЛИЗМА

Глава 1-я.

Я начну с того, что является источником марксизма, начну с Гегеля. Для Гегеля весь мир, все бытие, было проявлением мирового духа, становлением этого мирового духа в бытии. Мировой дух проявлял себя, и в этом процессе проявления он как бы противопоставлял себя самому себе и, таким образом, сам себя познавал. Процесс становления мирового духа был поэтому процессом самопознания мирового духа, самопознаванием его. Процесс этот по существу – процесс, происходящий в сознании, хотя бы в сознании мирового духа.

Как же происходил этот процесс? Он происходил так: мировой дух как бы мыслил, и его мысли, его идеи были в то же время вещами-бытием. И если мы подойдем к этому процессу с точки зрения мирового духа, то ведь только он один своим космическим сознанием, своими «мыслями существовал». Он был один и в процессе мышления как бы говорил с самим собою. Он вел с самим собою беседы, и его речь-монолог превращалась в процессе осознания им самим в диалог с самим собою. В диалоге с самим собою он выявлял свое собственное бытие.

Как происходит диалог? Если мы возьмем Платона, посмотрим его диалог, его диспутирующий диалог, то увидим, что диалог развивается таким образом: один из спорящих утверждает какое-нибудь положение; его противник указывает положение противоречащее; происходит спор, а в результате спора они приходят к заклю-

чению, которое включает в себя все, что было верного и у одного из спорящих, и у другого. Если мы назвали положение одного – тезисом, другого – антитезисом, то полученный результат будет называться синтезом. Мировой дух говорил сам с собою, он высказывал мировые космические мысли, которые и были «бытием». Это бытие становилось, оно происходило из мышления мирового духа. Это мышление развивалось диалектически. Таким образом, и то бытие, которое выявлялось в становлении, в процессе мышления мирового духа, происходило диалектически.

Процесс развертывался, становился, и в этом процессе мысли мирового духа развертывали свое содержание, выявляли то, что в этих мыслях заключалось. Это развертывание мысли можно было назвать эволюцией. Ибо развертывание и значит «эволюция». Эволюция была раскрытием того внутреннего содержания, которое было в мыслях мирового духа, и мы могли бы сказать, что мировые мысли носили в себе потенцию (возможности) действительности. Эти возможности были как бы завернуты, скрыты в этих мыслях, и они развертывались в бытии. Мир становился.

Совершенно ясно, что диалогический процесс, процесс диалектический, есть процесс прежде всего логический. Совершенно ясно и то, что само понятие противоречивости есть понятие логическое. Мы не будем иметь никакого представления о противоречивости, если уйдем из логики. Понятия противоречивости нигде больше нет, кроме как в логике. Мы не можем сказать, что понятия «вперед» и «назад» противоречивы; мы не можем сказать, что противоречивы понятия «тепло» и «холод», потому что они не исключают друг друга, существовали и могут существовать друг с другом. Противоречивость есть существенно логическая категория, и как таковая она присуща диалектическому процессу. Так как логика неразрывно связана с мышлением, то данный процесс есть сугубо процесс мышления. Процесс диалектики есть и только и может быть процессом сознания, происходящим в сознании же.

С этой точки зрения совершенно ясно, что всякая идея, которая мыслилась мировым духом, включала в себя свое содержание, и это содержание мыслилось в этой идее. Процесс эволюции есть становление содержания, и имеет тот смысл, что то, что раньше только мыслилось, приобретало бытие: мыслимое становилось сущим. Этот переход и назывался эволюцией. Так, с точки зрения Гегеля, происходил процесс развертывания, эволюции мира, совершавшийся во времени. А так как это был процесс логический, то Гегелю действительно удалось в гениальной концепции соединить логику и время.

Само по себе время не имеет никакого отношения к логике, навсегда застывшей и раз навсегда данной. «А» есть то-то и то-то; «А» не есть «Б»; человек смертен. Это положения раз навсегда данные, никакого отношения ко времени их точность и ложность не имеют. Таким образом, процесс исторический, который был эволюцией, и логика оказываются связанными вместе. Этот логический процесс нахождения истины был Гегелем как бы проецирован во времени. Его можно формулировать так: логические положения находятся вне времени. Выводы, которые можно сделать из этих логических предпосылок, тоже находятся вне времени, но переход от посылок к следствиям развертывается.

Истина становится, истина творится в истории, – так учил Гегель. Из этого вытекало то знаменитое положение Гегеля, что разумное – действительно, ибо то, что мыслил мировой дух, становилось действительностью и, стало быть, то, что происходило из разума, делалось действительным. Отсюда вывели, что все сущее разумно, а стало быть, всякая гадость, подлость, раз она суща, то разумна. Сущее есть лучшее из того, что есть, ибо оно разумно. Наша вселенная есть лучшая из вселенных, и хотя, может быть, и возможна другая вселенная, но она только будет.

В раздумьях мирового духа мировой дух становится над нами, а мы оказываемся только мыслями мирового духа, и когда дух приходит к какому-либо заключению, то совершаются те или другие события. Отсюда следует фатализм и оправдание того, что есть. Другими словами, из этого гегельянство выводило оправдание порядков данного социального строя. Так, правое крыло гегельянства оправдывало германскую реакцию, и Гегель даже носил название официального мыслителя германской

консервативной дворянской группы. Но в то же время в Германии развился колоссальный протест против этих порядков, ибо эти порядки были невыносимы, так как все немецкие князьки и царьки невероятно угнетали народные массы.

Большая часть немецкой интеллигенции выросла на протесте против этих порядков, и когда она встретилась с гегельянством как апофеозом оправдания этой действительности, то она почувствовала, что нужно отбросить все то, что дается как вывод правым гегельянством. Нельзя жить с оправданием мерзости. Вы знаете Белинского, который, став гегельянцем, оправдал русскую действительность, и вы помните, как против этого протестовал Бакунин, что повело к тому, что Белинский отказался от своих положений. На кого же было опираться? В Германии интеллигенция в знак протеста против этой философии обратила свои взоры на революционную Францию, где прошла революция, прошла и реакция, но традиция невольно заставила обратить свои взоры к тому, кто подготовил эту революцию. А там были энциклопедисты-материалисты, и к ним обратились взоры интеллигенции Германии.

Материализм, который был дан в примитивной форме Гольбахом, Ламетри и другими, немецкая интеллигенция, воспитанная на таких мыслителях, как Кант, Шеллинг, Фихте, Гегель, применить не могла; она не могла с таким философским багажом опереться на вульгарный французский материализм, не пересмотрев его обоснования. Нужно было что-то делать, как-то его переработать. И вот начинаются попытки, отказавшись от прежних выводов гегельянской философии, сохранить основу, данную Гегелем, которая кажется существенной и необходимой. Для этого, казалось, нужно было отбросить идеализм, отбросить мирового духа, но сохранить диалектику, ибо она говорила о процессе развертывания, стало быть, она говорила о том, что на смену старому, скверному, должен прийти другой, противоположный прежнему строй, новый блаженный строй. На Гегеле основана была отныне идея революции, и гегельянство становится теперь образцом хорошего тона в революционных кружках.

Представителями этой революционности стали взгляды материалистов Франции, которым была придана обработка чисто гегельянская. На этом создается вся эпоха, революционная эпоха, в главном подготовившая 1848 год. На этом воспитался и Белинский, и Бакунин, и целый ряд других – на объединении, с одной стороны, Гегеля, а с другой – французских материалистов. В Германии этот процесс растянулся чуть ли не на сто лет, оттуда перешел к нам, и мы повторяем его, так как революция у нас прошла ту же школу. К сожалению, мы граничим не прямо с Францией, а с Германией, и все, что мы получаем, мы получаем из вторых рук. Так мы получали германских царьков и жандармов, и германский социализм, и германскую идеологию, и эта идеология была идеология Гегеля и французских материалистов.

Гегель как таковой, благодаря известным особенностям, впитан был социалистической мыслью, а материализм, кроме того, и либеральной мыслью. Отсюда два течения: материалистическо-либеральное и марксистско-диалектический социализм. Теперь нам нужно посмотреть, чему же учил материализм.

Материализм учил совершенно грубым, наивным представлениям о материи как одной основе мира, как одной мировой субстанции. Этот материализм был протестом против нелепостей официального мистицизма в лице протестантской и католической церкви, которые заключили союз с государством и в этом союзе служили самой ужасающей реакцией. Материализм, который бил по идеализму, бил и по официальному церковному мистицизму, являвшемуся врагом даже самого ничтожного слуги либерализма. И в то время как религии в устах официальных ее представителей, в то время как идеализм в устах чиновнической, реакционно настроенной интеллигенции говорили о мирах иных и фантастикой иных миров прикрывали ложь и мерзость окружающего, материализм говорил: не смотри на миры иные и не надейся на них; здесь ты должен устроить свою жизнь, и если ты не вырвешь из рук сильных хотя бы мизерного счастья, то его больше никогда не получишь.

В этом сила материализма. Это он говорил обездоленным, париям, о том, что они также имеют право на счастье; он был революционен, ибо он говорил тем обез-

доленным массам, которыми помыкали, которых эксплуатировали и которых он звал к свободе, равенству и братству. Вот почему революционная германская интеллигенция схватилась за материализм. Так создалось новое гегельянство – Фейербаха, Штирнера, Маркса, Штрауса.

Что же дается в этой новой гегельянской философии? Там пытаются, взяв от Гегеля его диалектический метод и идею развертывания, в то же время создать основание им в материи, откинуть мирового духа. И вот Фейербах пишет свои книги, где он по-своему, чисто материалистически истолковывает старое древнее положение, высказанное еще Фалесом, а потом Парацельсом, что «человек есть то, что он ест». У Парацельса это звучало так, что человек не одним хлебом живет, а целым рядом мыслей, переживаний; он есть то, чем он питается физически, душевно и духовно. У Фейербаха это выразилось грубо материалистически, так как сюда было присоединено и старое средневековое положение, сформулированное Локком: нет ничего в разуме, чего не было бы в чувстве. Все это дало возможность обосновать материализм и придать ему более благородный вид, чем у материалистов Франции.

Перейдем к Марксу.

Маркс отбросил мирового духа и на его место поставил материю. Он говорил: «Гегель поставил мир на голову, а я его перевернул и поставил на ноги». Материя в процессе историческом как бы развертывается. Это процесс диалектический. В процессе материя эволюционирует, прогрессируют ее формы, и в человеческом обществе прогресс выявляется в том, что самые основные потребности суть потребности материальные. Они представляют собой базис, а среди второстепенных причин, среди «надстроек», особенно важны научные надстройки, т.к. здесь материальные потребности создают силы производственные, они разбивают общество на группы, от них зависит разделение людей в зависимости от занимаемых ими мест в производстве. Эти группы суть те классы, о которых говорится в Коммунистическом манифесте.

Коммунистический манифест начинается словами: «История донныне существующего общества есть история борьбы классов». Один класс борется с другим, отрицает его, становится на его место, но берет от него то, что ценно для жизни, и таким путем от тезиса одного класса, через антитезис другого история идет к синтезу, который снова становится тезисом, и т.д. Так диалектически совершается развертывание, так в процессе истории совершается развертывание человеческого общества. Отсюда вытекает, конечно, необходимость революции, и Марксу казалось, что одним этим он доказал необходимость тех или других общественных форм. Он поставил эти формы как обоснованные закономерностью, он создал науку истории и научный социализм.

Если мы позволим себе углубиться в эту концепцию, то нас поразит следующее: представим себе, как мыслилась материя в то время, да мыслится и теперь. Ее мыслили в виде атомистическом, но если принять эту точку зрения, если принять, что всё суть атомы и их комбинации, то вещи различаются постольку, поскольку могут различаться комбинации из этих атомов. В каждый следующий момент вещи, которые суть только комбинации атомов, переходят в другие вещи – в другие комбинации атомов. И так как материи не присуще сознание, а присуща протяженность, то диалектически процесс здесь невозможен, ибо не может одна комбинация противоречить другой – это бессмыслица.

Если взять комбинацию атомов в круге, например, или в треугольнике, то первая от второй не могут отличаться по принципу противоречивости, ибо могут существовать рядом, никакого противоречия здесь нет. Если нет никакой возможности прицепить к материи – к комбинации атомов – понятие противоречивости, значит, когда мы говорили о диалектическом процессе, приставляя его к материи, мы совершали явную нелепость, ибо категории диалога и монолога не могут быть приложены к материи. Кроме того, процесс эволюции совместим только с теми положениями, которые связаны с раскрытием процесса перехода из мира небытия в мир бытия, в мир действительности. Но комбинация атомов не может развертывать ниче-

го, что не заключается в ней, ибо комбинация атомов круга не эволютивнее, чем комбинация атомов, расположенных по треугольнику. Это нелепо – сопоставлять понятие эволюции и материи. Мы можем сказать, что были одни комбинации атомов, а потом получились другие, никакого понятия о разворачивании вложить сюда нельзя. Но когда впоследствии пытались вместо понятия эволюции подставить понятие прогресса, что не одно и то же, ибо прогресс – это «идти вперед», а эволюция – «развертывание», то совершили новую нелепость, и когда, с одной стороны, создавали понятие об эволюции в научном социализме, а с другой – понятие прогресса в либерализме, то говорили ряд нелепостей.

Когда Михайловский и Лавров пытались создать формулу прогресса, они пытались найти хоть какой-нибудь смысл в самом по себе бессмысленном представлении о процессе, о «ходе вперед», без указания, что считать «передом» и что «задом». Отсюда они пришли к субъективному методу в социологии. Для меня прогрессом является, когда человек превращается в обезьяну, а для другого – наоборот. Где же тот судья, который мог бы рассудить, кто прав и кто не прав? Это понятия субъективные.

И так как Лавров и Михайловский не могли по традиции отказаться от предрассудков материализма, то им пришлось исправлять и придать какой-то новый смысл старым положениям. Но ясно, что ни понятие прогресса, ни понятие эволюции не приложимы к материи. К комбинациям мы можем подходить как угодно, но почему одно должно быть следствием другого – совершенно неизвестно. Ту же окружность я могу сжать и разделить как угодно и любую фигуру могу назвать прогрессирующей в любую другую. Нелепо предприятие придать материи свойство, которое присуще сугубо только духу. Таким образом, мы видим, что ни диалектика, ни эволюция, ни прогресс никакими имеющими смысл путями не могут быть сопоставлены с материей; что же касается путей бессмысленных, то сопоставление делаются, но так как в последнем случае ищут не истины, а власти, то не все ли равно, чем одурманить массы; что ни бессмысленнее, то и лучше – гипноз тем сильнее, чем нелепее его содержание... Так марксизм превращается в орудие массовой гипнотизации и в качестве такового становится в руках демагогов «теорией массового действия» и «философией истории».

Понятие эволюции включает в себе представление о чем-то, чего еще нет, но что будет, что станет, что становится, чего еще нет в бытии, но что существует в возможности вместе с необходимостью своего собственного проявления. Из небытия оно разворачивается в бытие. Таков, например, процесс прорастания семени. В семени дано в возможности все растение, и это растение вырастает из семени, проходя определенные фазы, необходимо обусловленные в своей последовательности. Можно сказать, что в семени перед нами все растение, ибо из данного семени разовьется только определенное растение. Это растение суще уже теперь, тут же, где и семя, но семя суще в бытии физической действительности, а растение суще в бытии какой-то другой действительности, и только со временем «станет» бытием в той же физической действительности, как и семя.

Ничего подобного нет и быть не может в случае материальных атомов, ибо там мы имеем только комбинации пространственно расположенных атомов, т.е. конфигурации атомов. Данная конфигурация может быть переведена в другую конфигурацию только силами внешними по отношению к самой конфигурации, и притом так, что никакой внутренней, непосредственно данной зависимости между двумя конфигурациями указать невозможно. Конфигурация не может разворачиваться из другой конфигурации, она может только «деформироваться» в другую конфигурацию. Если конфигурация «А» деформируется в конфигурацию «Б», то пока существует конфигурация «А», конфигурация «Б» еще не существует, ибо «А» может деформироваться с таким же успехом в конфигурации «В», «Г», «Д» и т.д., тогда как из данного семени может вырасти только определенное растение, и никакое другое.

Только что приведенные примеры важны нам не сами по себе, а лишь поскольку они оттеняют смысл понятия эволюции как таковой. Если существует только мате-

рия, то действительность едина, нет перехода от одной действительности в другую, а стало быть, нет и становления, нет и эволюции.

То же можно сказать и в случае признания за единую субстанцию субстанции духовной, и потому чистый материализм и чистый идеализм не могут достигнуть до представления об эволюции: у материалистов эволюции нечего разворачивать, а у идеалистов некуда разворачивать. Точно так же не могут чистый идеализм или чистый материализм достигнуть до представления о прогрессе, так как и тут, и там невозможно определить «перед» и «зад». Таким образом, мы видим полную несостоятельность марксизма в этих основных его пунктах, но, переходя к дальнейшему исследованию, мы отнюдь не предрешаем тех выводов, к которым можем прийти в положительной стороне настоящей работы.

Чистый идеализм, как и чистый материализм не историчны, т.к. для первого существует только вечность, а для второго – только миг. Идеализм считает реально существующим только то, что существует вечно, что существовало, существует и будет существовать. Значит, все дано сразу и раз навсегда: исторического процесса быть не может. Материализм считает реально существующим только то, что существует в данный момент, ибо прошлое уже не существует, а будущее еще не существует: исторического процесса также быть не может, ибо иначе пришлось бы признать, что бытие рождается из небытия, из ничего. Пришлось бы признать, что причины бытия лежат в небытии, т.е. что в небытии есть что-то, что определяет бытие, значит, небытие не есть небытие, но «что-то», то есть бытие. Но последнее противоречит первому, и мы приходим к заключению: материализм и история – представления несовместимые.

Но поскольку в условиях исторического момента, соответствующего эпохе образования идей «исторического материализма», историчность и материализм казались неизбежными основами революционности, а последняя была необходима, как воздух, для задохнувшихся от невероятной реакции масс, то «революционных дел мастера» наскоро набросали в котел народного недовольства все, что было попроще, поглубже, и сварили кашу марксистского мирозерцания, которой и до сих пор кормят умственных младенцев, забывая, что рано или поздно скажутся последствия питания лебедой и мякиной, что народ потребует настоящей пищи и наступит колоссальное банкротство.

В наше время мы присутствуем при этом банкротстве. Строить жизнь на белиберде невозможно, белибердой ее можно только разрушать. Так, марксизм не смог выдержать даже роли «нас возвышающего обмана» и, оказавшись обманом, в высшей степени унижающим и угнетающим рабочие массы, сделал дело ослепления этих масс, чтобы под конец пасть, «и падение его было великое», ибо оно выразилось в полном подавлении Великой Русской Революции.

Глава 2-я

Всякое познание, поскольку оно хочет быть познанием рациональным, принуждено оперировать логикой. Логика есть тот аппарат, то орудие, с помощью которого это познание совершается. В вопросе познания мы можем указать два момента: 1) субъекта познания и 2) объекта познания, – того, кто познает, и то, что познается. Мы будем называть этого субъекта и объект «гносеологическими», от слова «гнозис» – познание, знание.

Значит, происходит процесс познания между гносеологическим субъектом и гносеологическим объектом.

Гносеологический субъект познает гносеологический объект, и это совершается путем логическим и в логических формах. Как только мы стали говорить о гносеологическом субъекте и объекте и о процессе познания, так сейчас же мы вступили в область относительного познания, но поскольку есть познание относительное, постольку в этом познанном совершается и утверждается какое-то отношение между

субъектом и объектом познания. Это познание может совершаться, только если произошло разделение на субъекта и объект познавания. Пока этого разделения не произошло, не может быть и самого акта познания. Так, формы нашего познания предъявляют определенные требования к реально совершающемуся процессу познания. Мы не можем утверждать существования познания, если нет этого разделения, а если оно есть, это значит, что субъект и объект познания существенно различны между собой.

Представим себе, что человек радуется, представим себе, что его радость чрезвычайно сильна, что его радость охватила его целиком. Тогда, поскольку человек радуется, он не может познавать, ибо в процессе радования вместе сливаются и субъект, и объект; радующийся человек, поскольку он радуется, не есть познающий субъект, но только он стал познающим, он перестал радоваться или же если продолжает радоваться, то субъект познания, рождающийся в нем, отличен от субъекта, испытывающего радость. В человеке в этот момент как бы возникают два «Я», ибо не может человек в одно и то же время и радоваться, и познавать, так как радость уничтожает и поглощает субъекта и объект познания, а существование познания требует резкого отграничения субъекта от объекта, т.е. одно с другим несовместимо. Точно так же, если человек испытывает боль, то, поскольку эта боль его поглощает, он не есть познающий человек; поскольку же он начал познавать эту боль, он выделил себя как гносеологического субъекта, противопоставляя субъекту испытываемую боль, как объект.

Из этого следует, что если мы направим процесс нашего познания на самый акт нашего познания, то мы должны будем сказать, что в этом смысле и наше самопознание не может быть рациональным или, если оно рационально, оно не есть самопознание, ибо если бы в процессе самопознания мы познавали бы самих себя и свое познание рационально, то это значило бы, что субъект и объект разделены, а в данном случае мы как раз утверждаем их единство. Таким образом, если мы хотим говорить о самопознании серьезно, хотим понимать, а не играть словами, для того, чтобы познать совершившийся акт познания, нужно что-то большее, чем рациональное познание. На плоскости же рационального познания мы можем опознать не самих себя, а свои атрибуты, как тело среди других тел, как испытывающее или делающее существо, но не можем себя познать в процессе самого познания как познающее существо. Из этого следует, что если я познаю себя телесно, то мое «Я», тот гносеологический субъект, который познает боль, не есть мое тело и не может быть построен из переживаний этого тела.

Если я познаю свои душевные стороны, свои эмоции, если я познаю себя как существо радующееся и как существо мыслящее рационально, то я, как гносеологический субъект, выделяюсь из плоскости душевного и прихожу к гносеологическому субъекту духовного порядка. Если бы я смог и здесь продолжить свое познание о процессе самопознания, то я бы мог подняться и над духовной своей стороной, как требует представление о познании. Но последнее заключение было бы неверно, потому что когда я познаю себя как существо радующееся, страдающее и т.д., то я познаю себя и как существо познающее и в этом познании, как существо познающее, я сам познаюсь не рационально, и, стало быть, к нерациональным познаниям я не могу применить тех категорий, которые применимы только к познаниям рациональным. К познанию иррациональному неприменимы категории субъекта и объекта, но везде, где эти категории есть, мы будем иметь рациональное познание.

Теперь я предложу вам на время запомнить эти результаты и нарисую перед вами другую картину.

Современная наука рассматривает явления тепла как результат движения частиц тела. Тепло это есть то, что называют кинетической энергией тела. Для нас неважно, насколько это верно или неверно; для нас будет важен только тот образ и тот метод, которым идет положительная наука как типичный метод исследования. Исследуя вопрос, связанный с энергией тела, с трансформацией энергии и т.д., в свое время построили кинетическую теорию газов, или тепла. Сущность этой теории заклю-

чается в том, что каждая частица тела движется прямолинейно с известной скоростью. Если мы возьмем ящик, внутри которого находятся газы, то все это пространство наполнено движущимися молекулами, которые сталкиваются, ударяются о стенки сосуда, производят давление газа и явления его температуры. То, что мы называем теплом, есть не более как совокупность чрезвычайно многих столкновений частиц со стенками сосуда и между собою. Тепло есть движение этих частиц. Все частицы движутся совершенно беспорядочно, и это существенно, т.к. если бы они двигались упорядоченно, то тепла бы не было. Этим определяется, почему всякая энергия стремится перейти в тепловую.

Всякое упорядоченное движение легко переходит в беспорядочное, а беспорядочному движению перейти в упорядоченное очень трудно. Существенным для тепловой энергии является факт беспорядочного движения. Только тогда к ним можно применить закон теории вероятностей, так называемые законы больших чисел. В результате мы получим те законы, которые нам знакомы – Бойля-Мариотта, Гей-Люссака и т.д. Вероятно, вам помнится книга, которая в свое время пользовалась известной популярностью – Бокль «История цивилизации Англии», – где автор на основании исследований Кетле и др. доказывает возможность применения закона больших чисел к человеческому обществу. Так, число писем, отправляемых без адресов, приблизительно одно и то же в год. Также целый ряд социальных явлений подчинены законам больших чисел. Отсюда статистика, которая как бы наблюдает закономерности, происходящие в человеческом обществе.

Если мы ближе исследуем явления тепла, то мы заметим, что вся кинетическая теория, помимо того, что она требует, чтобы движения были случайными, произвольно направленными, требует (и это является предпосылкой, на которой все держится), чтобы сама молекула не могла быть нагрета, ибо акт нагревания есть движение совокупности молекул: нагревание есть совокупность движений массы ненагреваемых молекул, сама же молекула может только двигаться. Для одной молекулы не существует вообще тепла, тепло для нее трансцендентно, ибо молекула не может иметь никакого представления о тепле. Только совокупность движений группы молекул это тепло создает. Для одной молекулы тепло заведомо непознаваемо, никаким путем познать тепло она не может. Поскольку она молекула, постольку она характеризуется движением. Молекула может познать движение, ибо она сама движется, но тепла она познать не может, потому что сама не нагревается. Никакая другая молекула не может стать объектом ее наблюдения, как молекула нагретая. И всегда, когда молекула передвигается в совокупности, другая молекула никогда не воспримет ее перемещение как тепло, но только как более быстрое движение.

В этой теории в основной форме то, что мы говорили, дано в форме реальной. Когда мы говорили о субъекте гносеологическом, который должен быть отделен от гносеологического объекта, то применяли ту же схему, что молекула не имеет в себе гносеологического субъекта, который мог бы быть противопоставлен теплу – гносеологическому объекту. Тепло никогда не может стать гносеологическим объектом, а потому и сама молекула с точки зрения тепла не может быть гносеологическим субъектом. Вот если бы эта молекула познала бы себя не как молекула, а как совокупность бесчисленных электронов, тогда она могла быть гносеологическим субъектом, ибо тогда тепло, может быть, могло бы явиться в виде гносеологического объекта.

Возьмем теперь человеческое общество. Оно нами будет пониматься как совокупность тел. Но если бы мы понимали так, то должны были бы изучать явления нагревания, электризации и т.д., что совершенно для нас безразлично и нас не интересует. Человек, как тепло, даже как некоторая физиологическая единица, не интересует нас. Нас интересует человеческое общество лишь постольку, поскольку оно есть человеческое общество, а не общество муравьев, пчел, лошадей и т.д. Нас интересует то, что присуще человеческому обществу, а не вообще всякому собранию животных. Раз мы так ставим вопрос, то для нас станет ясным, что человеческое общество и то, что в нем для нас интересно, как раз начинается там, где оно уже кончилось для марксиста. Лишь постольку нас может интересовать человек, поскольку он

не только поглощающий и выделяющий аппарат, поскольку он не только весит известное число килограммов и т.д. Нас, стало быть, интересует в человеческом обществе то, что относится к рациональной жизни, ибо если бы мы взяли только инстинктивную жизнь, то это присуще стаду, муравейнику и т.д. и это будет одинаково как в муравейнике, так и в человеческом обществе. И с этой точки зрения история, как ее пишут марксисты, будет историей муравейника, лошадиного стада, но она не касается человеческого общества, как такового, и, конечно, когда мы говорим о человеческом обществе, нами прежде всего подчеркивается тот элемент, который не есть базис, в плоскости которого необходимо проводить определение.

Что такое человек? Человек – *homo sapiens*, т.е. обладающий разумом. Общество существует постольку, поскольку оно есть общество разумных людей. Важно то, что в каждом отдельном случае мы можем установить разницу, основываясь на признании «сапиенс». И какое бы сходство ни было между человеком и обезьяной, все же разницу установить всегда возможно. Стало быть, мы будем интересоваться человеческим обществом, поскольку это будет совокупность мыслящих единиц. И понятно, что влиять на это общество будут элементы, и личности, и физиология, и просто даже физика.

Возьмем, например, землетрясение. Ясно, что оно произвело известное социальное действие. Но нас интересует не само трясение земли, даже не те состояния, которые испытывали люди, а как это отразилось в рационе человека и его представлении. Мы не можем говорить о человеческом обществе, когда мы говорим, например, о процессе пищеварения. Это не может иметь отношения к человеческому обществу. Но когда мы говорим, что все индивиды мыслили то-то и то-то, это будет элемент, относящийся прямо к вопросу, нами изучаемому. Итак, мы можем сказать, что мы будем изучать человеческое общество, поскольку это есть собрание индивидов *homo sapiens* в том понимании, в каком мы сейчас определили.

Вот перед нами человеческое общество. Мы можем опять-таки подойти к нему с разных точек зрения. Мы можем его изучить с той точки зрения, с какой в этом обществе является нам то или другое постоянство. Постараемся вывести общий закон. Мы можем говорить о том, что в человеческом обществе при таких-то условиях имеются такие-то особенности, и мы будем предполагать, что всегда будут такие особенности. Но мы можем подойти несколько иначе. Мы можем рассматривать человеческое общество как единое данное. Оно существует в вечности, как неповторяемое никогда и никем.

Существует два подхода к человеческому обществу: 1) номографический и 2) идеографический. Эти оба подхода не только возможны по отношению к обществу, но возможны вообще ко всей сфере познаваемого нами, ибо все эти сферы мы можем изучать с двух точек зрения, поскольку здесь встречаются явления однородные и поскольку здесь встречаются явления несходные. Разница между обоими методами можно охарактеризовать таким образом. Допустим, найден закон Ньютона. Он говорит, что при любом условии, если даны две материальные массы, между ними наблюдаются следующие явления: сила притяжения этих масс пропорциональна массам и обратно пропорциональна квадрату расстояния между ними. И это утверждение применимо ко всяким массам, бывшим, сущим и будущим, для всяких масс реальных и воображаемых.

В законе не говорится о том, есть ли эти массы. Может быть, таких масс и не существует. Тогда этот закон будет только словесным выражением. Например, в математике существует понятие об интеграле. Мы не умеем находить интегралы, но мы заранее знаем, что интеграл существует. Так и в целом ряде вопросов основное положение должно удовлетворять таким-то и таким-то условиям. И можно высказать положение, что если объект существует, то он должен быть таким-то и таким-то. Напр., «А» имеет две ноги и две руки, но существует ли оно в действительности или нет – для нас безразлично. Номографическое положение не задается такими вопросами. Идеографическое положение, наоборот, утверждает только, что это то-то, это так-то, и больше ничего. Оно говорит, что что-то существует. Человек существует.

Напр.: вокруг солнца вращаются разные планеты – земля и т.д., и больше ничего это положение не утверждает. Почему такие, а не другие – идеографическое положение констатирует факт, но не задается такими вопросами и не может вывести закона. Оно утверждает только то, что индивидуально.

Нельзя вывести закона, что должен существовать человек «А», это есть индивидуальный факт, который может быть, а может и не быть; он единжды дан и неповторяем. Напр., Иоанн Грозный был, а другого нет и не будет. Чичиков не был, или он был как образ, создание такого-то писателя. Никакого закона здесь вывести нельзя. Вот два возможных подхода к области познания. Когда мы подходим к человеческому обществу, то мы можем говорить о познании номографическом и идеографическом. Что дает в результате номографический подход? Он дает то, что мы называем социологией. Что нам дает идеографический подход? Он нам дает то, что мы называем историей. Социология есть изучение человеческого общества с точки зрения номографической, история же есть изучение того же общества с точки зрения идеографической. Таким образом, науку об обществе мы разделили на две категории – социальную и историческую. Из предыдущего следует, что исторический закон с этой точки зрения есть понятие невозможное, нелепое. Но мы остановимся на этом, чтобы подчеркнуть невозможность исторического закона.

Из самого определения истории как науки, подходящей к человеческому обществу идеографически, следует, что история изучает в человеческом обществе то, что в нем реально было дано и было дано один раз, то, что никогда не повторится. А так как всякий закон есть обобщение, здесь же мы говорим о единицах, то обобщать нам нечего. Раз мы говорим об истории человеческого общества, стало быть, мы говорим о том, что было в человеческом обществе. Что же было в нем? Иван Иванович имеет кулак весом 5 фунтов. Сообщив ему скорость, равную 10 метрам в секунду, он направил его и попал в физиономию Петра Петровича. Тотчас получилось нагревание щеки до температуры столько-то градусов и т.д. Относится это к истории человеческого общества? Лишь постольку, поскольку все это предшествовало ряду идей и представлений у Ивана Ивановича и Петра Петровича; после этого тоже последовал ряд идей у того и другого.

Стало быть, область изучения истории человечества есть область психологическая. Причем в этой области наиболее интересным для нас моментом является область, касающаяся сознательных человеческих действий, ибо история не занимается вопросом о бессознательных действиях. Напр., если бы вырвался на свободу сумасшедший, то это во всяком случае было бы историей. Факт этот мог быть для нас интересен лишь постольку, поскольку он произвел некоторое действие на других людей.

Что значит сознательные люди? Это вовсе не значит сознавать все последствия своих поступков, но только в большей или меньшей степени. Мы принимаем за сознательные поступки лишь действия людей, достигших совершеннолетия, детские поступки в историю не войдут. Что же является главной действующей силой? Целый ряд действий памяти, рассудка и все, что хотите, может быть, и любви, и ненависти, стремлений и всевозможных реакций на то или иное действие со стороны других людей и главным образом в сфере психологической являются для человека его сознательными поступками. И в этом плане история есть история сознательных поступков. Раз мы берем человеческое общество, раз мы берем область психологическую, то среди всех сил, действующих в этой области, есть и силы сознания. Сознание само является силой, нечто определяющей. Допустим – вот толпа, которая хочет произвести ряд насилий. Является оратор. Он говорит что-то. Она сознает это и воздерживается от действия. Вместо того чтобы делать одно, она делает другое. Сознание является определенной силой, и силой одной из самых могучих. Я не говорю, в каком смысле человек сознает. Мы берем только акт сознания. Человек знает, что он делает; больше ничего. Если мы подойдем с этой точки зрения, то мы увидим, что в психологической области одной из сил является сознание. Из этого вытекает, что если мы встанем на почву рациональную, то это самопознание будет раци-

ональным же, и это рациональное сознание себя есть сила, историческая сила, она двигает людей на какие-то поступки.

Предположим теперь, что мне удалось найти такой исторический закон. Так как этот закон является элементом моего сознания, он является в моем сознании, то он станет силой исторического процесса. Но если закон становится силой, то нужно искать другой закон, который бы учел этот первый закон. Допустим, что я нашел этот второй закон. Но как только я его нашел, в моем сознании он сейчас же превратился в силу, и, стало быть, мне нужно искать третий закон, который бы учитывал в сознании действия первого и второго, и т.д. до бесконечности. Получается дурная бесконечность, показывающая противоречивость самих понятий «исторический» и «закон». Не может существовать не только исторического закона, но не может существовать даже понятия о нем. Это нелепость. Нелепо искать квадратный круг, когда понятие это невозможно. Таким образом, исторический закон существовать не может. Отсюда ясно, что, когда мы говорим об исторических законах, мы говорим чепуху, бессмыслицу.

Теперь подойдем к вопросу, связанному с социологией. К социологической области мы подходим номографически. Стало быть, мы будем искать общий закон социологии. Мы хотим познать человеческое общество с точки зрения того общего, что ему присуще, независимо от места, времени, частных особенностей данного общества. Прежде всего, так как это процесс рационального познания, то гносеологическим субъектом является наш разум, рацию, значит, гносеологическим объектом может быть все, что не есть само рацию. Итак, в результате мы найдем общий социологический закон всего того, что только не касается самого рацию. Мы найдем закон всего того, что внешне определяется. А так как этот гносеологический субъект есть наш собственный, человеческий специфический субъект, ибо человек есть рациональное существо, то с этой точки зрения мы познаем социологически решительно все, что определяет человека извне, но не познаем того, что человека определяет изнутри. Мы заранее говорим, что существует только то, что мы можем познать. А так как мы можем познать только внешнее, то это и будет только внешним познанием, а внутреннего не существует.

Отсюда и вытекает заблуждение всех теорий, которые, подобно тому как дарвинизм рациональным путем подходит к истории развития в биологии, рациональным путем подходят и к социологии. Они находят только то, что внешне определяло условия, и вместо внутренних определяющих условий у них было как бы пятно на глазу. Но это пятно внутри самого глаза. Отсюда вытекает убогость всех теорий, которые говорят о внешних условиях великолепно, но остаются беспомощными, когда пытаются нарисовать целостную картину, потому что они подходят с методом рациональным, который заведомо не может перешагнуть через свое собственное слепое пятно. Рационально можно определить только внешние условия развития, только то, что внеположно с субъектами истории, что, таким образом, не является субъектом исторического процесса, и потому все они рассуждают так, как если бы развивалось пустое место.

Как мы подходим, вообще говоря, к социологическим проблемам? Статически. Все статика: половой подбор, естественный отбор, экономика... И совершенно ясно, что так как общество есть совокупность мыслящих людей, то сами люди и не могут познать этих людей точно так же, как молекула не может быть нагрета. Эта совокупность мышления всех людей и даст нам в результате социологические действия. Таким образом, мы рассматриваем здесь человеческое общество как целое, рассматриваем его как равнодействующую актов всех сознательных сил: это общество составляющих. И с этой точки зрения, оставаясь на почве рацию, у нас на основании принципа относительности нет средств к познанию этой действительности. У нас остается средство к познанию только части, которая является внешне определяющей силой.

Отсюда можно указать на такое недоразумение. Дарвин говорит, что развитие совершается путем естественного отбора, что выживают более приспособленные.

Но это не совсем так, ибо развитие совершается не только на этом. Из этого еще не следует, что более приспособленные должны появляться. А если их нет? Нужно еще что-то, чтобы появились эти приспособленные. Эта приспособленность появляется внутри самого субъекта. Во время голода люди умирают, а не приспособляются, во время войны тоже. И нужен был Архимед, чтобы защитить Сиракузы от нападения римлян.

Но ведь Архимед сам есть случайность. И с этой точки зрения по теории вероятностей появление приспособленных просто равно нулю. Действительно, применяя такой метод исследования, мы никогда не видим, как общество зарождается, а только видим, как оно умирает. Для того чтобы победить русских в Севастопольскую кампанию, нужно было иметь штуцер. Его нужно было изобрести. И вот этот элемент, который называется изобретением, который мы вообще можем назвать творчеством, он будет необходимым элементом, без которого развитие не может совершаться. И все ограниченные умы это упускают из виду. Это замечательно резко подчеркивается в «положении», что человек вполне определяется средой. Нелепо и дико звучит это определение, но принимается слепо, как догма. Убивается творческое начало личности, среда задавливает эту личность, что и можем наблюдать в РКП. Там среда – все, а личность – ничто. Там нет творчества. Таким образом познание рационального общества как объекта социологии может идти только постольку, поскольку мы учитываем только внешние причины для субъекта, общественности, но совершенно бессильно там, где мы хотим найти самый импульс творческой жизни.

Отсюда понятно, что когда мы, совершив анализ, подойдем к концепции Маркса, мы не можем заметить чего-либо о самой задаче конструкции Маркса и его эпигонов. В самом деле, когда мы говорили о Гегеле, мы имели перед собой самопознающего духа и диалектический процесс как процесс исторический. Связывая все то, что мы говорили в той лекции и что сейчас говорим, мы видим, что когда Гегель попытался связать историю и логику, попытался связать идеографию с номографией, то у него получилось своеобразное явление, которое, как мне кажется, можно выразить так.

Гегель здесь, сам не сознавая, пришел к определению совершенно своеобразной области, где как бы граничит логика и история. Он дал первый то, что древние прекрасно знали, но философски не обосновали, – понятие о фазисах истории. В чем они заключаются? В том, что есть известный ритм в историческом процессе, связанный со временем и формами внешней культуры, т.е. социологией. Этот ритм – музыкальный ритм исторического процесса. В истории все ритмично связано. Человек проходит фазисы, начиная с младенчества. Точно так же проходят эти фазисы целые культуры и народы. Это повторяет и Шпенглер, и Штейнер, и Блаватская, и многие другие, которые утверждают о фазисах истории. Жизнь человека может быть рассматриваема под углом истории географически, и как таковая она неповторима. Но вообще, номографически, она имеет что-то общее с другими жизнями, и это есть фазисы, присущие культуре каждого народа.

Интересно, что эти фазисы нашли себе обоснование у Геккеля, согласно которому онтогенезис есть повторение филогенезиса. Зародыш человека в течение девяти месяцев проходит все стадии развития, которые прошел род человеческий. И можно сказать, что, когда он рождается, он начинает повторять развитие самого человеческого рода. Каждый отдельный человек повторяет историю общечеловеческого развития вплоть до момента появления человеческого рода в течение своего индивидуального развития, от момента зарождения до момента появления своего на свет, и историю человечества, с момента рождения до совершеннолетия.

Эти фазисы могут нами наблюдаться фактически в жизни, и в этих фазисах называются факторы и внешние и внутренние, какова бы ни была среда. Из желудя крапивы не получится, а получится только и только дуб, а среда, окружающая его, может только повлиять на дальнейшее развитие, но ни в коем случае не на то, что бы из желудя выросла крапива, а не дуб. С другой стороны, желудь может быть смолот на кофе, посажен в хорошую или плохую землю – но все равно, если из него че-

му-либо вырасти суждено, вырастет из желудя дуб, а не крапива. Значит, здесь мы видим совмещение двух влияний – внешнего и внутреннего. Внешнее влияние – среда, определяет форму проявления того или иного фазиса. Например, дубу свойственно вообще цветение, как он будет цвести, зависит от среды, но все же он зацветет, и зацветет как дуб, а не как крапива. Таким образом, мы имеем внешние явления, изучаемые современной наукой, и влияния другие, которые чувствовали виталисты, но которые они не всегда умели формулировать, – влияния внутренние.

Что такое витализм? Он говорит о влиянии на развитие как бы иных миров, но иные миры, элементы которых мы знаем, чужды и враждебны нам. Так рассуждают представители первого метода. Это чуждо для них, нереально, нельзя увидеть этого, у них нет для этого орудия познания. Но кто имеет этот аппарат, тот видит, что без этого обойтись никак нельзя. Об этом толковал еще Аристотель в своих энтелехиях, но и теперь вплоть до «идей» Платона, привлечение сущностей иных миров из мира образов и мира идей необходимо, чтобы хоть приблизительно представить себе фазисы общепроизводического развития, «первотипы» Гёте и т.д.

Вступая в жизнь, «идея» творит и действует. С этой точки зрения, подходя к марксизму, мы видим, что он совершенно проходит мимо этого, он не может постичь этих влияний, он не дорастает до того, чтобы почувствовать необходимость их. Он находится внизу, копается в элементарных положениях, не может подняться до того, что человек заключает в самом себе что-то большее. Колоссальная убогость марксизма дана как факт. И здесь можно бороться только просвещением умов. Но вы знаете, что кто хочет быть слепым, того не сделаешь зрячим. Нужно подходить к людям так, чтобы они хотели прозреть, и лучше отойти, если они не хотят, даром время потеряете. Нужно уметь чувствовать людей, которые хотят быть зрячими, и только с ними говорить о дальнейшем, людям же, не желающим прозревать, надо сперва внушить желание прозрения.

Глава 3-я

Материальные потребности являются теми, без удовлетворения которых вообще невозможно существование человека как живого существа, потому ясно, что все разговоры о высоких духовных запросах среди человеческих масс бессмысленны, пока эти массы находятся в условиях нищеты и ужасающей эксплуатации... Те, кто говорит этим массам хорошие слова, но сами лишают их куска хлеба, подобны «Иудушкам», и хотя удовлетворение этих потребностей еще недостаточно для того, чтобы получить человеческое общество – ведь сытое стадо коров еще не есть общество, – тем не менее оно необходимо, так как в противном случае человек просто не может существовать. Недовлетворение материальных потребностей просто вычеркивает человека из списка активно, человечески живущих и подобно неудовлетворению в воздухе, когда он задохнулся бы или утопал бы во всемирном потоке или погибал от великого землетрясения. Иными словами, условие удовлетворения необходимых материальных потребностей совершенно равносильно с условием существования тех или других геологических и астрономических конъюнктур, благодаря которым вообще возможно существование не только человека, но и любого другого млекопитающего.

Как бы там ни было, эксплуатирующие всегда стремятся прежде всего затуманить у эксплуатируемых сознание тех возможностей, которые они имеют в направлении удовлетворения именно материальных потребностей. В Германии в начале XIX в. эксплуатация и гнет достигли невероятной силы. Нищета была колоссальная, невежество масс – ужасающее... Нужно было бороться против этого, бороться прежде всего за элементарнейшие потребности, нужно было создать общественное движение, направить умы в эту сторону, привлечь симпатии широких кругов к нуждам и потребностям обездоленных, а для этого надо было эти элементарные потребности как бы облагородить, придать им более одухотворенный вид, доказать их право

на существование среди других «идей», «идеологий», «научных концепций» и т.д. Ведь по самому существу дела материальные потребности крайне эгоистичны, и, чтобы привлечь к ним благожелательность других эгоистов, надо было показать этим эгоистам, что и они облагораживают себя, когда борются за материальные потребности народных масс. Нужно было создать такие лозунги, чтобы можно было их красотой и целесообразностью увлечь и более слабых, а красота лозунгов заключается для многих в их логичной связанности, в их научности и тому подобном.

Поэтому мысль оппозиционно настроенных групп немецкой интеллигенции усиленно работала в этом направлении и подчинялась общей тенденции. Маркс поставил перед собой задачу, общую с той, которую ставили утописты. Но если те апеллировали к высшим сторонам человеческой природы, Маркс решил попытаться затронуть массы авторитетом научности и создал нечто аналогичное шеллингианству на основе Гегеля и французских материалистов. Он «научно» обосновал законность требований обездоленных масс, и, хотя его концепция представляет в конце концов ряд комичных недоразумений, большинство не в силах разобраться и верит в марксизм с фанатизмом и тупостью невежд. А последнее является как раз тем, что требовалось для тех, кто исходил не из любви к страдающим и угнетенным, а из ненависти к угнетателям, кто шел не к созиданию, а к разрушению.

Как бы там ни было, но борьба за материальные потребности во имя только этих материальных потребностей привела к тому, что эти материальные потребности превратились в общественном сознании в потребность в материи и привели, таким образом, к материализму. Создалось представление, что все существенное – материально, а все материальное – существенно. Так как борьба велась многими не во имя духовного за материальное, но во имя только и только материального, как самодовлеющего, то получилось сужение горизонта внимания, и в поле зрения осталось только материальное – все остальное стало несущественным, стало «надстройкой».

Так создалась теория, которая хотела раскрыть обездоленным массам глаза на их права в общегиттии, которая хотела, сузив горизонт требований этих масс, тем самым обострить эти требования... И тем не менее эта теория является образцом тех нелепостей, которыми можно действовать на воображение толпы. В самом деле, в чем содержание материальных потребностей? В необходимости так или иначе поддерживать свое тело. Но это есть потребность в материальном, которая, как потребность, сама по себе нисколько не материальна, ибо является фактом существенно психологическим. Если, например, я ем мясо или читаю книгу, то в обоих случаях потребности в мясе или книге – одна физиологическая, а другая психическая – должны так или иначе выявиться психически, чтобы стать «потребностями», значимыми для общества людей.

Потребность в материальном вовсе не есть материальная потребность, не есть еще тем самым нечто материальное, так как иначе и на точно таком же основании пришлось бы допустить, что мысль о «деревянном» должна быть непременно деревянной мыслью. Но когда люди видят, как наша мысль, например, через нас воздействует на мир, им кажется, что воздействие на материальное может оказывать только материальное, что поэтому мысль выделяется из мозга подобно тому, как желчь выделяется из печени или слюна из слюнных желез, что мозг нечто вроде своеобразной железы. При этом совершают грубую ошибку, смешивая совершенно различные вещи.

В самом деле, представим себе, что мы рассматриваем слюнную железу в могучий микроскоп, увеличивающий в миллионы раз: мы увидим частицы железы и частицы ее секрета, т.е. слюны. Но если мы в миллионы раз увеличим наш мозг, мы увидим его частицы, но частиц мысли мы не увидим. Мы увидим лишь движения мозговых частиц, но ничего «мыслимого» нам не явится; мы не увидим, например, лошади, которую как раз в это время мыслит рассматриваемый нами мозг. И если бы мы могли увидеть то, что в данный миг представляет ум, связанный с этим мозгом, то оказалось бы, что атомы, составляющие меня самого, только мыслятся этим умом, т.е. что я сам лишь образ фантазии этого ума.

Но, кроме того, здесь выявляется еще одна несообразность, свойственная тем, кто пытается отвергнуть внутреннюю, самодовлеющую по отношению к внешнему миру, независимую и в себе самой обосновывающуюся закономерность логики. Если мы пытаемся свести логику к естествознанию, в частности к психологии, то потеряем критерий истинности и ложности, ибо мысль ложная и мысль истинная одинаково «естественны» и с психологической точки зрения неразличимы. Психологическими методами нельзя отличить мысль истинную от мысли ложной, ибо и той и другой отвечают определенные психологические, а может быть, и физиологические процессы, которые как процессы совершенно одинаковые.

Допуская ряд подобных несообразностей, марксизм создает объяснение, спутывающее любой вопрос и тем не менее рожающее иллюзию ответа. Те, кому некогда как следует подумать, или кто просто не способен к этому, удовлетворяются данной им бессмыслицей, так как эта бессмыслица крайне просто творит фразы, гипнотизирующие и обесмысливающие. Ведь думает же буддист наших дней, что достаточно написать на бумажке молитву, вложить ее в молитвенную мельницу и вертеть ее, чтобы молитва оказала свое действие. Поэтому нечего удивляться современным марксистам, когда они, пересягав в практичности буддистов, сами из себя вырабатывают мельницы, дающие ответы на все вопросы, так как они ищут не смысла, а веры.

Марксизм построил человека из материальных потребностей, как из атомов, и человечество стало в его глазах походить на громадную машину, поглощающую, потребляющую и выделяющую. И с точки зрения этой теории было ясно, что материальные потребности и есть то, что образует сущность общественности, что последняя только постольку имеет смысл, поскольку она помогает эти потребности удовлетворять. Вместо того чтобы настаивать на необходимости удовлетворения материальных потребностей во имя и ради удовлетворения потребностей высших, марксизм, в сущности, аннулировал все потребности, кроме материальных, объявил их или просто «ерундой», как, напр., этику, или же превратил их в «настройку». Таким образом, он проповедует не возвышение человеческого общежития, но его принижение, не очеловечение, но оскотинивание.

На этом основана, напр., разница в отношении хотя бы к рабочим у современных марксистов и анархистов. Первые обожествляют рабочего как он есть и хотят превратить его в идеальный образ человека, хотят заставить идти жизнь так, как это обычно только у рабочего. Для анархиста современный рабочий – только искалеченный, несчастный получеловек, и анархист борется за то, чтобы и рабочий стал человеком. Анархист полагает, что рабочий как рабочий – совершенно такой же человек, как буржуа или дворянин, но только этот человек находится в ужасных условиях и потому надо как можно скорее помочь ему.

Марксизм мечтает всех превратить в рабочих, анархист мечтает рабочих превратить в людей.

Человек включает в себя потребности, которые можно классифицировать как материальные, растительные, животные и, наконец, человеческие. Так, для того чтобы существовать как материальный предмет, он должен находиться в условиях, допускающих это: человек не мог бы существовать в потоке лавы, под обрушивающимися лавинами и т.д. Далее для его существования как человека необходимо питание, дыхание и т.п., т.е. удовлетворение растительных потребностей. Кроме того, для него необходимо удовлетворение разнообразных потребностей, связанных с движениями его тела и с передвижением его в пространстве, с переживаниями элементарных эмоций, страха, инстинктов и т.п. – одним словом, удовлетворение животных потребностей. Наконец, чтобы быть человеком, он должен удовлетворять свои потребности в мышлении, высших эмоциях, этике и т.д. Человеческое общество как совокупность людей может находиться на ступени материальной, растительной, животной или человеческой в зависимости от того, какие потребности в нем удовлетворяются в массах.

Таким образом, для существования человеческого общества нужно удовлетворение требований необходимых и достаточных. Необходимыми требованиями счита-

ются такие, при осуществлении которых явление может наступить, а может и не наступить, но без осуществления которых явление наступить не может. Требованиями достаточными считаются такие требования, при осуществлении которых явление непременно наступает. Таким образом, для осуществления человеческого общества необходимо удовлетворение материальных потребностей, ибо иначе человек не мог бы существовать как определенная физическая форма, но этого недостаточно, так как собрание, например, мраморных статуй возможно также только при исполнении этого условия. Для собрания статуй этого достаточно, раз они уже созданы, но для собрания растений этого условия еще не достаточно. Если, кроме того, возможно удовлетворение потребностей растительных, то соблюдены необходимые условия и также достаточные для существования растений и последние будут существовать. Однако этих условий мало для существования животных, и чтобы могли существовать животные, необходима возможность удовлетворения животных потребностей.

Точно так же для того, чтобы могло существовать человеческое общество, надо удовлетворить его необходимые потребности; но этого еще мало: надо, чтобы были удовлетворены потребности достаточные, и тогда только общество человеческое действительно начинает существовать. В самом деле, чтобы думать – надо питаться; это необходимо, но далеко еще не достаточно, так как можно питаться и совсем не думать, что и происходит со всеми животными.

Когда марксизм утверждает экономический базис человеческого общежития, когда он считает основными потребностями только необходимые, но далеко не достаточные, то он просто проходит мимо человеческого общества и имеет дело все время с совокупностью животных вида *homo sapiens*, т.е. говорит не об обществе, а о стаде, ибо человеческая общественность начинается как раз там, где кончается марксизм. Марксизм подменяет достаточные условия необходимыми и ограничивается в существовании только последними, а потому не в силах подойти к исследованию самого человеческого общества, изучая звериную стаю, табун, гурт и т.п., но отнюдь не человеческое общество, хотя и выдает свои выводы за результаты исследования человеческого общества. Совершенно таким же образом можно построить человеческое общество на фундаменте геологическом или астрономическом. Историческая концепция Маркса, в конце концов, имеет то же основание, что и концепция геологическая.

Общество, которое описывает Маркс, с которым он только и имеет дело, есть общество звериное, причем в особо зверском аспекте, ибо оно обосновано только на экономике. Раз необходимые потребности возводятся в достаточные – человеческое общество снижается до звериного, так как в этом случае все, что можно сказать об обществе человеческом, тождественно с тем, что можно сказать об обществе животных, и марксизм можно было бы определить как учение, имеющее дело со всем, что оказывается звериным в человеческом. Человеческое общество развивается не благодаря экономическим своим потребностям, но вопреки им.

Марксизм обобщает все на экономическом фундаменте, но такое обобщение существенно субъективно. В самом деле, чтобы увидеть это, проще всего прибегнуть к схеме времени, данной Эйнштейном – Минковским, причем эта схема несущественна для доказательства, а лишь его упрощает.

Мы знаем, что всякая научная теория является «рабочей гипотезой». Она так или иначе упорядочивает факты, события, процессы, причем это упорядочение может вестись так или иначе, и мы не можем здесь руководствоваться только интересами нашего общества. Можно описывать факты в системе Евклида, Лобачевского или Римана, так как они одинаково «верны». Можно строить действительность по той или другой схеме, но, как показал целый ряд авторов, вроде Пуанкаре, Дюгема и других, выбор схемы зависит только от нашей воли и, какую бы мы ни взяли, все будут одинаково «верны». Рассматривая теперь исторический процесс как явление четырехмерного мира, мы можем утверждать, что и здесь предыдущее рассуждение сохраняет свою силу. И потому можно взять любую схему, чтобы по ней выстраивать «исторический процесс», а это значит, что марксизм, взятый даже как метод, оказывается результатом личного вкуса Маркса и его эпигонов.

Резюмируя все выше сказанное, мы приходим к выводу, что марксизм есть произвольно выбранная схема для рассматривания человеческого общества и его истории под углом животности. Все это могло бы быть оригинальной шуткой злобного человека, каким был Маркс, но когда на основании этой шутки кромсают жизнь целых народов, получается нечто мутное. Марксисты – это враги, которые, прописывая лекарство, говорят: «Мне приснилось, что это лекарство, может быть, вас вылечит, а может быть, вы и умрете. Но если вы его принять откажетесь, то умрете наверняка, ибо за неповиновение мне вы будете немедленно расстреляны». И хоть это лекарство дается рабочему и хотя рабочие задыхаются от этого лекарства, они все-таки пьют, ибо у них нет выбора – или рабство у большевиков, или рабство у буржуев... Ужас безвыходный и неумолимый!

«Любовь и голод правят миром», – говорят многие, подразумевая под любовью половую любовь. И здесь, в дополнение к теории Маркса, выступает теория Фрейда – такая же однобокая и потому уродливая попытка свести человека к половой машине. Марксизм настойчиво твердит человеку, что он не человек, но животное, что все остальное – «надстройка» и «несущественно». Тезисы того и другого проповедуются, вдалбливаются, пропагандируются, внушаются и создают людей, насквозь пропитанных сознанием подлинности этих теорий. Эти теории, не отвечая никакой подлинной реальности, создают, наконец, характер, воспитывают людей такими, какими их хотят видеть эти теории. Так постепенно воспитываются кадры людей действующих, думающих, а иногда чувствующих согласно этим теориям. Так совершается отбор и выработка людей с гипертрофированной сексуальностью – фрейдистов, и людей с гипертрофированной жадностью – марксистов. Идеи в этом смысле творят людей, фабрикуют их характер, руководят ими.

Сознание так же определяет бытие, как и бытие – сознание. Говорить, что бытие определяет сознание или что сознание определяет бытие, в наше время смешно, ибо об этом можно было толковать лет сто тому назад, но теперь мы знаем, что подобное утверждение похоже на утверждение, что у ножиц режет только одно острие, что если ударить кулаком в стену, то звук идет от стены, а не от руки и т.д. Говорят, спорил раз русский с цыганом и все цыган спрашивал: отчего да отчего. Надоело это русскому, он взял да и шлепнул цыгана по лысине и спрашивает: «Отчего звякнуло – от лысины или от ладони?» Таковы вопросы и о том, что определяет что.

Как бы там ни было, но, внушая людям, что они животные, марксизм действительно достигает того, что те, на кого он подействовал, становятся постепенно все ближе и ближе к животным и как раз в меру этого воздействия. В самом деле, раз мы подходим к общественности только с точки зрения половой, то мы кончим развратом. Раз мы подходим только с точки зрения экономической, мы приходим к безудержному эгоизму... От таких подходов общественность разваливается, но не создается.

Ведь если существует только борьба за существование, борьба за самку и самца, раз в этой борьбе торжествует сильнейший, а больше в жизни человеческой нет смысла и значения, то совершенно бессмысленно бороться за кого-либо; жалость есть глупость, ибо мой эгоизм ничуть не хуже чужого эгоизма, так уж если бороться за эгоизм, так за свой собственный. Никакой общественности из таких оснований вывести нельзя, можно только дурманить дураков, превращать их в пушечное мясо для честолюбия вождей, таких же дураков, но более хитрых и жестоких. И если при этом говорят, например, о классовом сознании, о классовой солидарности, то этим хотят воздействовать на темные массы, не понимающие, что для сознательного эгоиста все это чистейший вздор. И классовая солидарность есть только другое название для стадности, которая исчезает при развитии сознания у масс, когда каждый поймет, что единственным разумным принципом индивидуального поведения может быть принцип «падающего подтолкни». Общественная этика при этом невозможна. Конечно, во всяком обществе есть и будут люди с альтруистическими потребностями, но эти потребности будут абсолютно инстинктивны, не будут вытекать из сознания, будут подобны потребностям общеживотного характера.

Такой альтруизм ничего общего не имеет с этикой, ибо этика может и должна иметь дело только с сознанием.

Смешно говорить о моральном поведении тигрицы, защищающей своих детей, а между тем есть многие, человеколюбие которых так же бессмысленно, как чадолюбие тигрицы. Ценность и смысл этики заключается в сознательном преодолении личного эгоистического начала, что же касается до тех людей, которые совершают по внешности моральные поступки, но действуют на самом деле по инстинкту, то о них можно утверждать, что они еще не доросли до морали, они еще не поднялись до полного сознания самих себя и своих поступков.

Человеческое общество начинается тогда, когда мощно выдвигаются специфические потребности человека и удовлетворение этих потребностей создает то, что мы можем назвать культурой. Поскольку всякая машина служит для удовлетворения физических потребностей человека, она не имеет отношения к культуре. Мировая война явила нам колоссальное развитие техники и в то же время была сплошным отрицанием всякой культуры. Если же тот результат культуры, который направлен на удовлетворение низших потребностей, мы назовем цивилизацией, то под культурой надо будет понимать достижения в направлении удовлетворения специфически человеческих потребностей. Культура возможна только при известном минимуме цивилизации, но как только этот минимум удовлетворен, так сейчас же открывается вся сумма человеческих потребностей, а они безграничны.

Кто-то когда-то сказал, что человеку и весь мир мал, а достаточно ему только три аршина земли, на что Толстой заметил, что три аршина земли достаточны не человеку, а трупу. Человек не удовлетворяется ничем. Чем больше удовлетворения, тем больше и потребности, и чем шире потребности, тем больше они раскрывают человеческие возможности, ибо в конечном итоге, с внешней стороны, имеют в виду только и только трату энергии, только все большую и большую расточительность. Вся жизнь человека, животного или растения – непрерывная трата сил, где экономик не играет никакой роли, если брать ее как таковую. Вот жил, жил человек, а потом влюбился, женился, завел семью и работает на нее – при чем тут экономика? Среди трат, которые делает живущее существо, есть для него желательные и нежелательные. К первым оно относится с точки зрения расточительности, а ко вторым – с точки зрения бережливости, если под желательностью понимать нечто, связанное с самим процессом траты или сбережения.

Наша культура строилась до сих пор на принципе сохранения сил при нежелательных тратах, а многие другие культуры строились на принципе расточения сил при желательных тратах, однако культура всегда является выражением стремления человека к выявляющим его тратам, к полноте размаха его сил и возможностей, и экономический принцип отходит на второй план, переходит в условия необходимые, но далеко не достаточные. Принцип «экономики» Маха описывает только одну сторону явлений культуры, и притом даже не ее самое, а ту часть, которую мы условились называть цивилизацией, ибо и самого человека можно превратить в машину, хотя бы и интеллектуальную, в своеобразный арифмометр, например.

Существует не меньше ста историко-социологических систем, из которых каждая утверждает свои базисы и надстройки. Однако все схемы нелепы уже потому, что из их столкновения истина получиться не может. Она не могла бы получиться и из согласия, ибо у всех у них заведомо неверная постановка вопроса. Все эти теории пользуются одной и той же логикой, ибо существует только одна человеческая логика, но так как логика есть пустая форма, вроде пустого ведра, то в этом ведре одни приносят воду, другие песок, а третьи – просто помои.

Подходя к историко-социальным вопросам, надо знать, зачем мы туда идем, что там зачерпнем мы. И в этом смысле, и только в этом, приходится констатировать существование различных «наук» – буржуазных и пролетарских, но совершенно на этом же основании приходится констатировать, что именно поэтому и те, и другие никуда не годятся. Марксисты забывают, что на других «нечего пенять, у самих коль рожа крива». Из того, что существует наука «буржуазная», следует только то, что на-

уки никакой не существует, но если находятся такие умники, которые хотят создать науку «пролетарскую», то это значит, что просто от науки отворачиваются, но стесняются об этом сказать прямо.

Вообще мотив: «я делаю так, потому что так делает и буржуа», – переходит в гораздо более простой, но чрезвычайно теперь принятый: «все мерзавцы так делают, стало быть, и мне можно». Такие перлы папуасской морали до добра не доводят, а доводят до гниения, каковое и идет теперь полным ходом: «я украл – хорошо; у меня украли – плохо». Таким «хорошо» пестрит теперь наша российская действительность. Но те, для которых не существует условий достаточности, которые считают, что экономика – всё, которые не могут отличить человеческого общества от звериного, – для них не существует и этики, этого первого признака человечности. Правда, для буржуазного общества тоже не существует этики, но ведь на то оно и буржуазное, потому-то мы с ним и боролись, потому-то, что оно было обществом «несправедливым», мы и разрушали его, но неужели мы его разрушили только для того, чтобы превратить свое – в звериное?

Здесь нет выхода. Или эгоизм, морализм, борьба за власть, истребление слабейших, под какими бы оно лозунгами ни шло, – или безвластие и анархизм. Анархизм неизбежен, ибо другого выхода нет. И если еще тысячелетия суждено человечеству метаться от власти к власти, от лжи к лицемерию, от тупости к зверству, то все равно оно придет к анархизму, ибо он неизбежен... Но важны те реки слез, которые в таком случае прольются, важно, чтобы не было напрасных великих страданий, и потому чрезвычайно важно, чтобы анархия наступила как можно скорее. К этому мы должны стремиться, за это бороться.

Глава 4-я

Прошлый раз мы говорили о потребностях необходимых и достаточных. Чтобы дать себе более ясный отчет в этих потребностях, способах удовлетворения и выявления их в человеке, я предложу вам заглянуть в мой прошлогодний курс «Элементы мировоззрения», а здесь мы упомянем вкратце то, что понадобится в дальнейшем. Мир действительности, предстающий нам как единый мир, на самом деле расслаивается на три мира, своим наложением друг на друга составляющих наш мир. Эти три мира суть физический, психический и пневматический, или – физический, душевный и духовный. В этих трех мирах существуют три «Я» человека: физическое «Я» – его тело; душевное «Я» – его личность и духовное «Я» – индивидуальность. Плоскость действий человеческих есть плоскость душевная по преимуществу; духовная и физическая важны постольку, поскольку они влияют на его душевную сторону, поскольку они в тех или иных формах действуют на мир душевный. В этом душевном мире мы находим наше «Я» как личность. Подобно тому как есть потребности физические, точно так же есть потребности душевные и духовные. Потребности душевные и суть потребности человеческие по преимуществу.

Физическое тело берет из окружающего его физического мира вещества и силы, чтобы использовать то, что ему нужно, и выбросить неподходящее, таким образом физическое тело питается и обменивается с внешним миром энергией и материей; так же душа (личность) берет из внешнего мира эмоции и образы, перерабатывая их в силы и понятия, а то, что не подошло, выбрасывает. В наше душевное «Я» текут из душевного мира эмоции, часть из них ассимилируется, часть выбрасывается, а та часть, которая ассимилируется, строит душу, образует личность, или же просто является запасом душевной энергии, из которого мы потом черпаем силу жизни. Когда мы рассматриваем физическое тело, то видим, что каждый из нас ест, пьет, дышит, согревается, и все то, что приходит с потоками вещества и сил, уходит после более или менее длительной задержки. Но остается форма тела. Остается несмотря на то, что через известное число лет все частицы тела сменяются другими. Если бы мы лет десять кормили бы волка ягнячьим мясом, то через десять лет волк весь бы

состоял из частиц материи, когда-то составляющих ягнят, но все же не перестал бы быть волком, – стало быть, его «волчность» тесно связана не с частицами материи, составляющими его тело, но с формой, по которой эти частицы строятся и которая не зависит от этих частиц.

Совершенно аналогично происходит и с вашей личностью, только на следующей плоскости бытия.

Наша душа потребляет из душевного мира образы и эмоции, часть из них ассимилирует, а часть выбрасывает, оставляя запас для жизнедеятельности. При этом наша личность, наш характер, оставаясь постоянным по отношению к этим втекающим и вытекающим из него элементам, закономерно и непрерывно изменяется в зависимости от нашего возраста, от общей массы переживаний и т.п. Но в то же время совершенно неизменным созерцателем проходящих в нас перемен пребывает наше индивидуальное «Я». Частицы материи, которую мы потребляем, присоединяются к нашему телу и выстраиваются в нем по определенным линиям, которые мы можем назвать линиями сил нашего тела, подобно тому, как выстраиваются железные опилки по линиям сил магнита. Из семени может вырасти только определенное растение, и никакое другое, потому что вместе с данным семенем дана соответствующая ему система линий сил, и точно так же вместе с зародышем человека даны уже линии сил, составляющих человеческое тело.

Совершенно аналогично происходит в случае души. Система линий сил человеческого тела образует форму, присущую человеку, как его животную форму. Эта система линий сил, как форма, является продуктом определенных душевных соотношений, продуктом сил мира, образом мира форм. Там дана и форма нашего тела, причем эта форма как таковая принадлежит миру форм, а как система линий сил обращена к миру материальному. Мы уже знаем, что каждой форме в мире форм присуще желание, присущ эмоциональный заряд. Вот этот заряд желаний, распределяясь по форме, образует систему линий сил, а сама форма образована из образов, пропитанных, насыщенных эмоциями. Эти эмоции образуют форму согласно принципам, исходящим из индивидуальности, из мира идей.

Таким образом, мы можем сказать, что в мире форм живет наша душа, питается там эмоциями и образами и из них строит свою форму. Можно сказать, что душа строит свою форму также по системе каких-то линий сил. Однако это уже не эмоции, а идеи-понятия, логические моральные схемы, по которым, как следствия из оснований, строятся формы души. В курсе «Элементы мировоззрения» мы говорили, что личность есть скорлупа, а наше душевное «Я» есть комбинация из понятий. Понятия же есть переработанные нашим разумом эмоции и образы, это результаты пищеварительной деятельности нашего разума. Разум с этой точки зрения является желудком души. По законам логики, морали, эстетики строится из понятий наша личность, наш характер, причем ошибкой было бы думать, что вся эта деятельность нашего разума проходит сознательно – в главном она бессознательна. Наш разум, или, вернее, рассудок, дает в то же время те линии сил, по которым строится наша душа.

В самом деле, частицы материи присоединяются к частицам материи в теле не как-нибудь, но они должны предварительно войти в органический состав клеток, тканей и т.д. Таким же образом какое-либо понятие, эмоция, представление может стать органическим составным элементом нашей личности, если наша душа приняла этот материал, ассимилировала, т.е. сделала его приемлемым для себя по его моральным, логическим, эстетическим и другим свойствам. Но то, что мы называем здесь построением нашей души, в общезначении носит название воспитания. Так мы приходим к несомненному выводу, что задачей нашего рассудка является не познание, в смысле ранее нами употреблявшемся, но воспитание. А так как вся наша наука, например, целиком рассудочна, то она с этой точки зрения важна совсем не как нечто относящееся к областям познания, но как нечто воспитывающее людей и человечество, как нечто строящее души людей в совершенно определенных направлениях. «Здравый смысл» есть действительно необходимое условие здоровья души, но никакого отношения к «познанию» как таковому он не имеет.

Рассудок, подобно определенному органу души, впитывает в себя впечатления, осознает их и из осознанных впечатлений, переработанных в понятия, строит личность. Ясно, что для того, чтобы человек был здоров душевно, нужно, чтобы правильно строилось его душевное тело, его личность. Гипертрофия личности создает людей с крайне повышенным самолюбием, болезненным и острым, людей раздражительных, злобных, злопамятных. Атрофия дает людей расхлябанных, бесхарактерных, лишенных самолюбия.

Недоразвившееся тело характеризует младенчество физическое; недоразвитость личности – младенчество душевное. Наш рассудок играет роль строителя нашей души. Но рассудок зависит в этом построении от тех впечатлений, которые к нему притекают, – хорошая душевная пища дает возможность построить здоровую душу, плохая душевная пища даст и душу худосочную. Качество душевной пищи зависит от того еще, откуда идут впечатления: если в доставке их главную роль играет разум, т.е. та сторона нашей природы, которая обращена к душе, или же инстинкт, т.е. наша сравнительно внешняя часть.

Как бы там ни было, ясно, что раз наше индивидуальное «Я» облекается в оболочку нашего личного «Я», так как только через него проявляется его жизнь, то вся совокупность людей в данном случае для нас интересна лишь постольку, поскольку это суть именно люди, поскольку они личности. Все то, что происходит во времени вне личности, нас пока не интересует, ибо мы заняты историей людей, а не историей зверей. Тем способом, как пишется история марксистами, можно написать историю крысиного рода, например, да и то только с тенденцией, ибо для них существуют потребности необходимые, но они не понимают, что человеческое начинается не тогда, когда уничтожены необходимые потребности, так как это невозможно, но когда они настолько удовлетворены, что могут начать удовлетворяться и потребности достаточные. То, что для марксистов является надстройкой, оказывается подлинно человеческим, а все, в чем марксисты видят фундамент, относится к человеку так же, как к истории лошадиного табуна, так же, как к нему относится совокупность условий астрономических, геологических и т.д.

Однако, на основании всего только что сказанного, мы можем рассматривать человеческое общество как общество психиков по преимуществу. Пневматики составляют в нем творящий элемент, а физики, или гилики – элемент инерции. Конечно, и пневматики, и гилики в какой-то мере каждый являются в то же время и психиками, ибо иначе их вообще не было бы в среде людей, но их психизм окрашен в ту или другую степень пневматизма или гилизма. Все же жизнь человеческая, как таковая, протекает в области душевной, и душевная область, переработанная рассудочно-разумно в личное, есть, по существу, область человеческая.

Если мы теперь зададимся вопросом, какой объект должен быть у исторической науки как науки о человеческом обществе, то на это можно будет дать несколько ответов в зависимости от того, какую цель преследует наше научное исследование. Можно изучать историю идей, историю нравов или историю людей и т.д., но если мы хотим по возможности охватить так, чтобы «ничто человеческое не осталось нам чуждо», то придется рассматривать историю человечества как историю людей-психиков, испытывающих влияние пневмы и гиле и конкретно сущих на нашей земле, – вот приблизительно то неуклюжее определение круга наших изысканий, которое может быть принято как первое приближение.

Мы уже видели, что задача разума, понимая под ним вообще область мыслительную, не лежит в области познания как такового, но заключается в созидании души, в воспитании ее внешне путем тех правил, которые можно назвать правилами душевной гигиены, частным случаем которых являются этические правила. Нормы этики суть нормы бытия здоровой души, и они так же безусловны, как и нормы гигиены физической. Если я нарушу требования гигиены и выйду на сквозняк с простуженными легкими, то в результате получу воспаление легких. Воспаление совсем не является «наказанием» за мое «непослушание», но есть следствие, необходимо вытекающее из создавшейся ситуации. Точно так же если я поступлю не так, как тре-

бует этика, то в результате я получу болезнь души, неправильности душевного строения, которые будут мучительно отзываться на моем душевном самочувствии. И подобно тому как общественная гигиена изучает и констатирует законы, нормы, требования здоровой физической жизни в общежитии, так этика намечает условия здоровой общественности. Но подобно этике работают и философия, наука, искусство и т.д., работают, строя мировоззрения, а тем самым линии сил, стало быть, воспитывают человечество, чтобы оно стало другим, чтобы оно выросло и развилось и сами люди стали выше, сильнее, способнее, здоровее, чтобы они подготовили себя к переходу в высшее. Мировоззрения имманентно, изнутри действуют на людей, перерабатывая их разум, т.е. меняя самые системы линий сил. Образно это можно было описать так.

Представьте себе, что я сажаю в землю желудь. Затем в помещении, где находится горшок с посаженным желудем, я привожу в действие особую музыку, такую, что под влиянием подобранных мной мелодий линии сил, заключенные в желуде и с ним связанные, меняются и складываются в другие, так складываются и заново, по-новому переплетаются, что вырастает из желудя, предположим, не дуб, а роза. В данном случае мы можем сказать, что саморазвитие желудя музыкой было видоизменено, что музыка спелась в самораскрытие и, слившись с самим естеством желудя, диалектически раскрыла его не в дуб, а в розу. Вот такое действие и производит на людей влияние, например, того или другого философского или религиозного мировоззрения.

Ведь мы уже знаем, что индивидуальность и идея – одно и то же; что идея, а стало быть, и индивидуальность развиваются диалектически. Так вот, всякий раз, как в обществе появляется то или другое мировоззрение, особенно когда рождается новая религия, – развитие личности, а значит, самораскрытие индивидуальности, принимает новое направление.

Так совершается воспитание и перевоспитание целых родов и всего человечества.

Если вы внимательно посмотрите на историю философии, то вас поразит тот факт, что уж давно, еще в эпоху древней Греции или Индии, в области мысли было дано решительно все, что мы имеем и теперь. Мы ни одной новой мысли к тому, что было дано уже тогда, не прибавили. Мы направили эту мысль несколько иначе, чем она направлялась раньше, и только. Но мы даже не знаем, направили ли мы ее лучше, чем она направлялась тогда. Историки философии неоднократно останавливались в недоумении перед этим фактом и усиленно пытались его себе разъяснить, но его разъяснить нельзя иначе, как только признав, что задачи самой философии заключаются не в познании как таковом, а в воспитании. В таких извилинах хитросплетенной мысли схоластиков крылась возможность возникновения нашей культуры, и на первых соборах выковывались семена, дающие жатву в нашу эпоху. Но историческая наука как таковая дает возможность индивиду изжить круговорот народной жизни в течение его недолгой жизни – так историческая наука оказывается воспитателем личностей, но совсем не в том вульгарном смысле, что мы должны брать пример с тех или других исторических героев.

Точно так же можно указать на специфическую роль современного научного миропонимания. В нем имеются два слоя совершенно разного происхождения и назначения, только искусственно слитых в одну смесь, как вода и масло, два слоя, только механически взболтанных и не могущих составить органическое единство, – рационалистическая струя, рожденная еще схоластикой, римским правом и греческой философией, и струя экспериментально-ремесленная. Первая дает теории, вторая – фактический материал, а всё вместе представляет убогую мешанину нашей науки и связанных с ней типов мирозерцаний. Отсюда – страшная гипертрофия формы, формализм съедает все вплоть до мелочей быта, вплоть до обезличенных костюмов современных мужчин или до «печати антихристовой» – формы, мундира и т.д.

Так происходит воспитание человечества, так действуют в нем те или другие силы, и эти воздействия требуют для своего раскрытия целых столетий и оказываются несоизмеримы с силами, действующими на жизнь личностей.

Подойдем теперь к этим вопросам несколько с другой точки зрения. Возьмем физическое тело: вот мы стали на сквозняк и простудились. Через короткое время наш пульс начинает биться ускоренно, температура поднимается и можно будет констатировать болезнь. Последствия дают себя знать через несколько часов. Но вот человек сделал подлость, проходит время, а последствия не видны. В чем же дело? Значит, нормы этические не суть нормы в той же мере, как нормы гигиенические. Этика говорит о здоровье душевном, о нормах здорового характера, а между тем характер человека меняется медленно – почти даже не меняется за целую человеческую жизнь. Получается как будто бессмыслица: человек умирает раньше, чем на его характере сможет отразиться следствие того или другого поступка его жизни, а на жизни человечества его поступки отразятся в своих следствиях только через большие промежутки времени. Получается, что нельзя согласовывать интересы личности и интересы общества. Личность как таковая эгоистична по существу, а интересы общества требуют преодоления личности. Начало личности – самоутверждение – и начало общественное, требующее от личности самоопределения, т.е. жертвы, несовместимы, если их брать каждое само по себе.

Вот общество, а вот личность. Общество существует тысячелетия, а личность – десятилетия. Их интересы никаким образом не могут совпадать, как не могут совпадать интересы человека и мухи-поденки. Общество говорит: я буду совершать работу ради благ, которые получатся через 200 лет, а личность говорит: какое мне дело до того, что будет через 200 лет, мне безразлично все, что случится на другой день после моей смерти, я хочу сам пожить хорошо, ведь другой жизни у меня не будет. В этой плоскости общество стоит перед нами как понятие, и когда это понятие мы пытаемся рассматривать как живую личность, мы насилуем действительность и убиваем настоящую реальную человеческую личность. Если же убивать реальную личность, то не может быть общих интересов.

Вопрос неразрешим в плоскости чисто душевной, ибо если поставить на первый план общество и его интересы, если уничтожить личность, то получится уже не общество, а улей, муравейник, т.е. организация, в которой отдельная индивидуальность не имеет значения. Иными словами, мы придем к организации животного типа, но не человеческого. Поэтому совершенной нелепостью является утверждение в области психизма или гилизма таких вещей, как классовая солидарность, классовая психология и т.п. Утверждение подобных вещей в человеческом обществе равнозначно по смыслу с утверждением необходимости сохранения у людей хвоста или длинных подвижных ушей, ибо совершенно ясно, что когда профессиональный союз требует забастовки, то для отдельного рабочего она ни в каком случае не выгодна – ему гораздо выгоднее быть штрейкбрехером, и если он штрейкбрехером все же не делается, то это может случиться по двум причинам – или он не понимает своих действительных материально-душевных интересов и идет вместе со всеми, подчиняясь только инстинкту толпы, и тогда поступает как животное, или же он бастует из более высоких побуждений сознания своего общечеловеческого долга и любви – и это единственно те мотивы, которые можно утверждать общественности, но они выходят за границы чистого эгоизма, за границы чистой душевности. И совсем не все равно, на что опираться в борьбе – на мотивы первого или второго характера: в первом случае мы разнуздываем в человеке животное, а во втором поднимаем его к более высокому, к самопожертвованию ради других.

Как бы там ни было, но в плоскости душевной здесь выхода нет: «Миру ли быть или мне чай пить... Так я скажу, что мне – чай пить...»

Или я не сознаю свои личные интересы и, как животное, как пчела, умирающая при защите улья, стану на защиту своего профсоюза и погибну, – погибну с точки зрения моего личного эгоизма совершенно бессмысленно, или же, осмыслив и осознав свои материально-душевные интересы, я скажу: «Черт с ним, с этим профсоюзом или классом, раз мне это не выгодно. Если говорят, что двум смертям не бывать, а одной не миновать, то я еще скажу, что и двум жизням не бывать, а одну и ту можно потерять». Таким образом, в плоскости материально-душевной нет выхода: или

стадо бессмысленных скотов, или полное распыление. И в том и в другом случае общественность, человечность, человек невозможен. Получается так, что в природе все шло вперед, а дошло до человека и уперлось в тупик. Несоизмеримы интересы личности и общества, несовместимы интересы личности и всего мира...

Так приходим мы к необходимости признать бытие духа, бытие сознательное и в то же время сверхличное бытие индивидуальности, пневматизм. В противном случае нельзя избежать вывода, что в человеке природа осознала себя как величайшую нелепость и бессмыслицу и, осознав, оставила для человека единственно разумный вывод – самоубийство.

Мы уже видели, что область человеческого есть область психическая по преимуществу; что область душевная и есть та область, которая составляет главную массу исторического материала. В эту область сверху вливается пневматизм, а снизу она базируется на гилизме.

Если мы желаем найти выход из только что указанных нами противоречий, мы должны выйти из рамок психизма, из границ личности и подняться к пневматизму, достигнуть сквозь личность до индивидуальности своей и индивидуальностей чужих, т.е. проработаться до того, что бессмертно в личности, что требует от нас, чтобы и в вопросах общественных мы стали на высоты, с которых раскрываются горизонты бесконечности. Чтобы примирить интересы общества и личности, надо, чтобы личность выступила из своих рамок, признала равноценные с собой существования других личностей и в этих других личностях нашла и узнала себя, а в себе нашла и узнала другого. Иначе невозможен мост между личностью и обществом. Иначе невозможно бытие общественности, как раз такой, которая является единственно желательной.

Создать общественность на принципе «человек человеку волк» нельзя. И если общественность у нас имеется, то вопреки институтам насилия, а не благодаря им. Общество эгоистов может привести только к хаосу воли, и даже Левиафан-государство не могло бы тогда существовать, не говоря уже о союзах эгоистов Штирнера. Для эгоиста все, что не он, есть только средство, и притом такое средство, которое должно быть использовано в течение жизни одного человека. Иначе оно теряет смысл, такое использование ведет к немедленному «потреблению» – одна личность стремится немедленно потребить другую, использовать ее, и нет абсолютно никаких оснований в области чисто душевной, которыми можно было бы удерживать человека от любой жестокости и подлости.

Личность замыкается в себе, и общество рассыпается на песок миллионов отдельных песчинок. Но дело на этом не может остановиться – внутри самой личности идет анализ и дробление, потому что и в ней самой есть такое, что она в себе любит и что ненавидит. Начавшееся извне гниение проникает внутрь и разлагает личное единство: начинается моральное разложение личности, сама душа раскрывается как хаос, и «люди начинают кусать языки свои от страдания».

Исход один: поднять до индивидуального, до вечного, до жертвенного, т.е. проработаться до любви, мудрости и воли. Тогда и общественность может раскрыться в единственном правильном аспекте – в аспекте любви. Учение Христа о соборности и есть учение об истинной общественности, и основой ее является любовь. Только любовью человек поднимется до жертвы, и учение Христа учит Любви и Свободе как единственной возможности устоять настоящей общественности, причем, конечно, все исторические самозванства церкви и сект, приходивших и говоривших от имени Христа, являются в главном злейшими карикатурами на Христа и Его учение.

Только с точки зрения вечности возможно правильно разрешить проблему общественности, оставаясь на той высоте, которая здесь необходима.

Отсюда вытекает тот факт, что идеальная общественность всегда относилась всеми или в вечность будущего, в преображение Земли, или в вечность будущей мировой революции. То, что христианин относил к тысячелетнему царству, то социалист полагал в идеале социалистического общества. Церковь разрешила себе власть и царство, утешая всех, что постепенно человечество преобразится и тогда-то нас

танет царство справедливости. А пока, ничего не поделаешь, – с волками жить, по волчьи выть, «властям предержащим повинуйтесь» и проч. Совершенно то же самое у социалистов, например, у большевиков: в социалистическом обществе, обществе будущего и даже далекого будущего, все утешатся и будут счастливы и свободны. А пока что – диктатура, неравенство, рабство, зверство...

Как бы там ни было, но только с момента преодоления психического начала открывается возможность разрешения указанной антиномии. Раз человек осознает свою индивидуальность, он теряет личные интересы, ибо они растворяются в общем соборном, делаются интересами любви и жертвы. И тогда перед ним раскрывается путь колоссального творческого подъема, путь работы преображения, путь мировой революции...

А так как духовные начала и есть начала деятельные по существу, то только они и дают силы, ведут массы и народы, создают эпохи. А душа человека бродит между гиликами и пневматиками, и от того, на чью сторону она станет, будет зависеть – подойдет ли она к верхам или останется в низах жизни и достижений.

Вот тот единственный возможный вывод, который можно сделать на основании предыдущего. Все же остальное – попытки загипнотизировать массы, использовать эти массы в своих интересах, сделать их пушечным мясом личных честолюбий. Таким образом, окончательный вывод гласит: путь служения и творчества, путь жертвы есть единственный путь, открывающий возможность гармонии между личностью и обществом.

Глава 5-я

Три круга, три слоя людей составляют человечество: круг гиликов (иначе – физиков), круг психиков и круг пневматиков. В относительности взаимодействий любой из них можно брать за основной, но так как психики все же доминируют, то проще принять круг психиков как бы центральным и рассматривать влияние на него других разрядов – гиликов и пневматиков, отнюдь не придавая такому делению сущностного значения, но лишь методологическое. Кроме того, надо сказать, что между этими тремя кругами нет резкой разделяющей линии, хотя все же, взятые как типы, они дают ясно различимые особенности, и если каждая отдельная личность может оказаться в том или ином слое, если для личности возможны переходы от слоя к слою, то как явление социальное эти слои пребывают подобно кастам Индии, которые и были установлены в силу сказанного, с тем, однако, различием, что в них сам человек наглухо прикреплялся к касте своим рождением, в наше же время он прикрепляется своими способностями и может поэтому передвигаться по слоям.

Таким образом, прежде, чем идти дальше, необходимо познакомиться с этими тремя типами людей.

Физик, или гилик, – человек инстинкта, человек, внимание которого сосредоточивается на физическом мире, а по отношению к самому себе – на собственном теле. Физик признает единую реальность – физическую. Для него душа есть пустое место, ничто, ибо она для него, как таковая, не существует. Все потребности физика сосредоточиваются на наивно-наглядном, на том, что можно пальцем потрогать, на язык попробовать. Для физика нет закономерности, мир полон случайностей и случайных постоянств: нет смысла в мире, нет связи между явлениями, всё происходит, но почему и как – он этими вопросами не задается, и именно поэтому он просто не в состоянии поставить вопрос о закономерности. Она – вне его мышления, и если ему на нее указывают, он из вежливости согласится, но сейчас же заговорит о другом, так как живет совершенно инстинктивной жизнью. Но именно поэтому он живет постоянной жизнью, жизнью консервативного инстинкта, обычая, привычки, и весь окружающий его быт, среда, его обнимающая, – все это пребывает для него во веки нерушимо, а он – чистый продукт этой среды.

Он живет так, как жили его родители, его деды и отцы, его предки, как живут вокруг него десятки, сотни людей – все, до кого достигают его взоры, тесно связанные с его интересами. Так он живет из года в год. Он помнит из своей жизни наиболее достопримечательные моменты, а таковыми являются все наиболее сильные моменты функционирования его тела, по ним, как по вехам, он меряет свою жизнь.

Он меряет свою жизнь от одних сильных физических ощущений к другим, а сюда относятся переживания, связанные с вопросами болезни и здоровья тела, его питания, половых потребностей. Есть, конечно, и другие переживания, захватывающие физика, но они гораздо менее интенсивны, чем переживания болезни, голода и пола.

Он живет, как жили его предки, но совсем не потому, что сознает их ценность, а просто в силу инерции, как камень, который летит потому, что его бросили. Но если его выбить из колеи, он начнет колобродить, как паровоз, сошедший с рельсов. Если он женат, если у него семья, дети – он заботится о семье и о детях потому, что так нужно, а почему нужно, он сам не знает, да ему и в голову не приходит спросить об этом: с него достаточно, что так делают его знакомые, так делали его деды. В «Горе от ума», в «Ревизоре», в «Мертвых душах» – много нарисовано физиков различных типов и видов.

Самое главное в жизни для физика – его комфорт, удобства. На семью свою он смотрит как на принадлежность комфорта, как на нечто подобное мебели. У него может быть и инстинктивная любовь к детям, любовь звериная, и такая любовь особенно часто проявляется у женщин. Для физика существует реально только то, что он сам испытывал или испытывает. Так, например, голод другого человека для него не существует. Для него его просто нет, так как действительный голод есть только «его голод». Он знает, что настоящий, подлинный, а не фантастический голод может испытать только он. Точно таким же образом физическая боль только тогда есть боль подлинная, когда это «его» боль. Он даст милостыню нищему на паперти, так как это делают все, и нельзя не подать, коли так принято, но в то же время он вполне уверен, что подлинные нищие есть только на паперти, все же другие – бездельники, думающие, как бы его ограбить. Человек, живущий в другом городе, почти перестает существовать для физика; он хотя и существует, но уже как-то призрачно, нереально: с глаз долой – из ума вон...

Для физика не существует интересов дальше родного города, родной деревни, вообще выходящих за тесно и определенно ограниченный территориальный круг бытия. Из приличия физик будет соглашаться, что существует и еще другое, но все это для формы, никакой действенной силы эти представления для него иметь не будут. Если сам он живет в Москве, а начальство в Петербурге, то из приличия он признает существование Петербурга, но на самом деле он признает не Петербург, а только начальство.

Если физик учился, то он признает на словах систему Коперника, а на самом деле всецело живет во вселенной Птолемея. Они составляют ту массу «подражателей», о которых говорит Тард, ту «среду» и то «сознание», этой средой определяемое, о которых говорит марксизм, воображающий в своей слепоте, что человечество состоит только из физиков, хотя именно марксисты опровергают это утверждение собственным же существованием, ибо поскольку они активны во имя своих убеждений – они уже не физики только, но и психики.

Таким образом, физик есть человек, внимание души которого направлено на физическую сторону бытия, для которого душа, как таковая, не говоря уже о духе, является пустым местом. Он крайне эгоистичен, но его эгоизм есть эгоизм зверя, не утонченный эгоизм психика типа ницшевского сверхчеловека, а примитивный эгоизм первобытного инстинкта. К этому эгоизму до известной степени относятся утверждения борьбы за существование, но никогда и ни в какой мере отсюда не вышло ничего связанного с представлениями о развитии, прогрессе, эволюции и т.д. даже в самом примитивном их понимании. Борющийся во имя эгоизма под влиянием его может только истреблять и разрушать, но никогда не творить, никогда не со-

зидать, так как эгоизм есть род покрывала на глазах и эгоист есть человек, ходящий буквально во тьме, причем на фоне мрака блестит только искра его «Эго». Однако это «Эго» для физика есть только небольшой комплекс его ощущений, и только.

Но вот у физика родится сын-психик. Как только он приходит в сознательный возраст, он заявляет, что жизнь его отца – не жизнь, а прозябание. «Ты, – говорит он отцу, – живешь как свинья... Жить так я не могу, ибо это не жизнь. Жизнь гораздо богаче и красочнее, чем ты себе можешь представить. Жизнь есть познание, наука, философия, искусство, любовь к красоте, к женщинам; жизнь – борьба, стремление к богатству, к наслаждению, к власти и славе; жизнь есть мирное созерцание вселенной, жизнь есть покой и тревога, разум и безумие страстей, порок и добродетель, ненависть и дружба, счастье и судьба; жизнь есть долг; жизнь – многоцветное море. Ты же живешь жизнью скота. Тебе непонятно, что

Есть упоение в бою,
И бездны мрачной на краю,
И в разъяренном океане,
Средь грозных волн и бурной тьмы,
И в аравийском урагане,
И в дуновении чумы.
Все, все, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья –
Бессмертья, может быть, залог!

Для тебя, живущего жизнью инстинкта, есть только жизнь Скотининых и Собакевичей... Для меня существует голод других людей, их боль и страдания, и я не могу слепо и равнодушно проходить мимо них. Для меня существует не только то, что я ощущаю физически; для меня существует все то, что меня затрагивает эмоционально, что затрагивает мой разум. Для меня, для моего разума, а стало быть, объективно, не существует только то, что неразумно, все же разумное действительно, хотя бы только в возможности, как мой идеал».

Так говорит физик психик и строит свою собственную жизнь на стремлении к утверждению личности, к той или иной форме самоутверждения, к той или иной форме эгоизма. Однако совсем не надо думать, что эгоизм у психика то же, что и у физика. Нет, у психика он разворачивается в утверждении вообще личного начала, и не обязательно данный физический человек должен совпадать с той личностью, во имя которой борется данная психическая личность. Дело в том, что, как это мы знаем из «Элементов мировоззрения», личность создается из понятий, как бы ткется из них, и поэту для психика самым реальным является то, что создано из понятий, из эмоций.

Для психика реально только рациональное и эмоциональное, так как в сущности понятия есть закристаллизовавшиеся эмоции. Так, в борьбе с природой за самоутверждение он оплетает природу сетью своих понятий, и в схеме понятий, которую он называет своим мировоззрением, он видит гораздо большую реальность, чем в самом окружающем его мире. Поэтому если он борется за идею, то под этим надо понимать не идею Платона, а понятия Канта, поскольку для психика идея является личностью. Психик говорит: «Да погибнет моя личность, но да будет существовать та идея, ради которой я борюсь. Я растворяю себя, я уничтожаю себя во имя высшей личности, во имя идеи. В моей идее я утверждаю себя, во имя ее я истреблю миллионы людей, но во что бы то ни стало добьюсь торжества своей идеей».

Тогда как физик полагает, что проблема добра и зла разрешима в пределах личной жизни, жизни данного человеческого тела, ибо добро – это когда я был сыт и здоров, а зло – когда я болен, голоден, побит и т.п., то психик полагает, что эта проблема разрешима в пределах общественных, в пределах жизни Земли и жизни Человека на земле. Поэтому высшим проявлением человечности для психика является справедливость и другие этические понятия.

Дух для психика не существует как реальность, для него дух – пустое место. Если психик говорит о бессмертии, то лишь доверяя кому-нибудь, но не в силу собственного признания реальности духа. Для него дух есть только функция души, познание и результат познания, как для физика душа – функция тела. Психик, если он метафизик-идеалист или материалист, всегда является верующим человеком. Он может верить в атом, в Разум или в Природу, но все это будут для него личности с тем или другим характером, формулированные желания которых непременно будут иметь вид законов и норм. Роль промежуточных ангелов между Разумом и Природой займут законы и нормы.

Но вот у психика рождается сын-пневматик, и повторяется вновь старая трагедия «отцов и детей», когда психик по отношению к пневматiku занимает место, которое раньше физик занимал по отношению к нему самому, и говорит сын-пневматик отцу-психику: «Бессмысленна твоя жизнь. Жить так, как ты живешь, нельзя, потому что ты стремишься к удовлетворению себя лично, так как под всеми твоими целями и идеалами лежит, в сущности, твоя собственная личность. Нельзя разрешить проблему добра и зла в пределах Земли и земной человеческой жизни, потому что пройдут столетия и миллионы столетий и от Земли ничего не останется; пройдут миллионы миллионов лет и ничего не останется от всей Солнечной системы, а через тысячелетия не будет существовать тот народ, к которому ты принадлежишь, и память о помнивших тебя сотрется во вселенной, той, какую ты признаешь... Между тем жизнь человеческая в большей своей части для громадного большинства – сплошное страдание, невыносимая мука и потому величайшая бессмыслица, «дьяволов водевилъ». Если тебе даже удастся достигнуть счастья человечества через миллионы веков, то и в течении этих веков будет сплошное страдание, а для тех, кто погибнет до той поры, безразлично счастье других, которые придут долго спустя после них, страдавших и погибших. А ведь жизнь-то раз дается, и этот миг бытия – одна мука... Величайшая насмешка над разумом – возникнуть, промучиться в безмерном ничтожестве и исчезнуть из бытия.

Кроме того, возникает еще вопрос, который ставили еще Белинский и Достоевский, что прогресс, покупаемый такой ценой, ужасен и бессмыслен; что до тех пор, пока не дан отчет во всех жертвах этого прогресса, никто, в ком жива совесть, не может принять его; что в таком случае надо броситься вниз головой с последней ступеньки лестницы прогресса; что нельзя принять детям блаженство, построенное на крови, на костях, на страданиях отцов... Нельзя строить счастье мира на слезах даже одного ребенка. И вы, психики, совершаете величайшее преступление, величайшую подлость, когда вносите в вопросы жизни приемы, сравнения, которые применимы только среди неорганической материи. Нельзя сравнивать людей, нельзя ставить между ними знаки равенства и неравенства, нельзя говорить о меньшинстве и большинстве, потому что это можно делать только по отношению к предметам, товарам, вещам...

Если бы я мог осчастливить на веки веков все человечество, если бы я мог его избавить от всех страданий, но путем причинения небольшого страдания одному злодею, то никогда, никогда не сделал бы я этого. Вот ребенок, который родился, промучился 10 лет и в страшных мучениях умер. Его жизнь тоже разумна, справедлива? Если, по-твоему, это так, то я предпочитаю возвратить билет на всеобщее блаженство, разумность и прочую дребедень, которой люди, подобные тебе, забивают свою совесть и разум. Ты живешь, как живет корова, которая пытается ущипнуть у дороги клочок травы, когда ее ведут на бойню. Твоя жизнь совершенно бессмысленна, она не имеет внутреннего глубокого значения, и проблема добра и зла в пределах жизни Земли и жизни земной человека – неразрешима. Разрешения этой проблемы надо искать в размахе всей вселенной, в пределах всей вечности и вечной жизни каждой индивидуальности...»

Так говорит пневматик психику, потому что психик берет критерием бытия и познания свой разум, как физик свое тело, но пневматик утверждает, что вселенная не разумна и не неразумна, что она сверхразумна; что как наш разум выше волчьего,

так и над разумом человеческим существуют разумы более высокие. Пневматик преодолевает в себе личное, эгоистическое начало, осознает свое индивидуальное «Я» и поднимется к гнозису иррациональности.

В человечестве чрезвычайно много физиков, гораздо меньше психиков и в высшей степени мало пневматиков. Физики составляют тот быт, ту совокупность обычного, что определяет инерцию и постоянство в человечестве, что образует пресловутую среду, что относится крайне враждебно ко всему новому. Психики образуют действующую, изобретающую совокупность, цивилизованную часть человечества, интеллигенцию в ее различных формах – ученых, жрецов, поэтов и т.д.

Наконец пневматики приносят новые идеи в платоновском смысле, идеи, которые создают эпохи, ибо если жизнь физиков – в случайности, жизнь психиков – в закономерности, то жизнь пневматиков – в свободе. Физик живет памятью, по обычаю; психик – своим комбинирующим разумом, не давая нового материала, новых принципов, но только комбинируя старое, создавая по линии сил личность как душевность; пневматик живет творческим созидющим воображением. Поэтому можно сказать, что воображение физика дает в результате совокупность обычаев, воображение психика – науку, философию, закономерность, дисциплину, нормализацию, а воображение пневматика – совокупность того, что мы называем «мистикой». В человеческом общежитии целые эпохи создаются тем, что исходит от одного или нескольких пневматиков. Культуры вырастают на этом фундаменте благодаря разработке психиков, и эти культуры реализуются как барельефы на стенах среди физиков.

Физики действуют в человеческом обществе как толпа, как масса; психики действуют через учреждения государственного, церковного или иного общественного характера; пневматики – через тайные общества.

Из глубины тайных, эзотерических обществ исходят те великие, могучие идеи, которые охватывают народы, воодушевляют десятки тысяч психиков, и тогда последние начинают разрабатывать и комбинировать эти идеи, создавать новые учреждения, а затем все это попадает к физикам и там превращается в новый быт, прочно вырастающий в землю. Так творятся эпохи. И по мере того как происходит отмирание культуры, от культуры прежде всего отходят пневматики и культура теряет свое высшее начало. Психики опускаются ниже и ниже и делаются физиками, культура же умирает в разврате и обжорстве.

В начале эпох новых культур стоят те, кто дает новые идеи, которые из глубины тайных братств выявляют идеи платоновского типа. Тогда в начале новой эпохи они бросают эти идеи в человечество. Если взглянуть на историю человеческого общества, то легко видеть, что все народы всегда насквозь были проникнуты тайными обществами.

Народы Европы, Азии, Африки, Америки и Австралии, как самые дикие, так и самые цивилизованные, насквозь были и есть проникнуты тайными обществами. Только русские настолько еще дики, что, если не считать сектантов и раскольников, не имели у себя сильной сети тайных братств.

Так совершается развитие, рост и умирание, рождение и появление новых культур, новых эпох развития человечества.

Каждая культура является подобно дереву, вырастающему из данного основного комплекса идей, как из зерна. Каждая культура совершенно своеобразна и неповторима, и нельзя сравнивать культуры, как и отдельных людей, ибо каждая культура и эпоха есть некая отдельная индивидуальность, отличная от всякой другой.

Когда среди людей появляются Будда, Христос, Магомет, Моисей, Пифагор, Зороастр, Кришна, Гермес и т.д., сейчас же вырастает ряд религий как проявление действий пневматизма. На этой почве вырастают новые вероисповедания, секты, расколы, ереси, философии, теологии, гносеологии, новые науки, новая техника и экономика.

Когда историки, представители исторической науки, а стало быть, психики пытаются, как они говорят, обосновать историю человеческого рода, то, слепые к духу и к духовному, они не видят его и в истории и поэтому не в силах понять всей роли

тайных обществ, осознают их чисто внешне, почему и пишут книги, где, подобно Шпенглеру, блуждают в истории, как в пустыне без воды и оазисов... Они подходят к истории с внешней стороны, и дух истории ускользает от них. Они замечают только душу, т.е. только явления, смысл которых, как им кажется, они могут выразить в понятиях. Если же эти историки достаточно грубы, то они опускаются до гилизма, и тогда исчезает душа, остается одно тело, история начинает строиться как процесс экономического, материалистического и т.п. В последнем случае, сводя всю историю человечества к экономике, они отворачиваются от человеческой жизни, они начинают описывать историю животных вида *homo sapiens*, т.е. вообще перестают быть историками, ибо подобно тому, как только для существа, обладающего личностью, может существовать биография, так и история, являющаяся биографией культуры народов, может, как таковая, существовать только для людей, как таковых.

Так, беря наше время, мы видим, что господствующее теперь в России течение выдвигает между прочим две существенных точки зрения: марксизм и фрейдизм. Если брать марксизм, как таковой, т.е. не в той его части, где он ничем не отличается от любой другой социалистической доктрины, т.е. брать его лозунги, заимствованные им у утопистов, то ясно видно, что он вместе с фрейдизмом представляет из себя отбросы вырождающейся буржуазной мысли, пролившейся через край буржуазной ограниченности, чтобы облить несвежие головы социал-демократической и в особенности большевистской политинтеллигенции. Поскольку же молодое и революционно-освобождающее рабочее движение подчиняется этим убогим идеологиям, постольку оно несет в себе трупный яд капиталистического общества и не сможет стать здоровым течением, пока не избавится от этих признаков прошлого, темного прошлого рабочего класса, когда его эксплуатировали не только буржуазно-собственники, но так же и вожди рабочего класса.

Однако последнее не так просто, ибо государственный социализм (или, что то же, государственный капитализм, проводимый сейчас в России) есть завершение и доведение до последних границ эксплуататорской роли капитала, ибо большевики являются не более не менее как акционерным обществом жрецов капитала, облеченного в порфиру государственной власти, и, как все конкистадоры, они увешаны оружием, хвастовством и неизбытым лганьем перед массами. В самом деле, в средние века земельный капитал был в руках его завоевателей, феодалов, но затем, путем политическим, а вовсе не только экономическим, он перешел в руки единого феодала-монарха, который эксплуатировал частных феодалов. Совершенно тот же процесс наблюдаем мы в наше время в области промышленно-финансового капитала. Как и тогда, создается абсолютная королевская власть, и недалеко то время, когда у нас могут появиться единоличные или коллективные – в виде партии – династии наследственных монархов, а бывшие капиталисты вместе со спецами составят новую наследственную или служилую аристократию.

И не все ли нам тогда будет равно, кто все это будет сооружать: рабочий ли, переставший быть рабочим, но продолжающий называть себя для красоты «рабочим от станка», или же новый красный буржуй, или дворянин – все это несущественно, как несущественно – быют ли нас во имя справедливости или для блага будущих, но еще не родившихся поколений. Ведь и в том и в другом случае быют, а это и есть самое главное. Важно, что отдельные феодалы централизуются в государство и теперь капитализм растет, как когда-то вырастал государственный абсолютизм во Франции, в Америке и Англии, абсолютизм князей и курфюрстов Италии и Германии.

Наша эпоха есть в этом отношении эпоха апофеоза Государства, Капитала и Эксплуатации, когда Москва царей подготовила через императорский Петербург «Третий Рим» – Москву III Интернационала, которая, как паук, раскинула сети над рабочими и крестьянством, чтобы сосать их во имя Аллаха и Маркса. Вот почему вокруг нас отмирает жизнь и глохнут даже те жалкие ростки культуры, которые пробивались все же сквозь ужас частнокапиталистической эксплуатации. Вот почему наступает все большее озверение. Ненависть – плохой советчик, ибо она слепа, на ней ничего не выстроишь.

Культура капиталистическая постепенно переходит в руки физиков, и потому так выдвигаются учения материализма и во главу угла ставятся вопросы физиологии – голод и пол. Однако все это и должно быть: наряду с отмиранием идет и рождение нового. Новая культура, культура свободы и отсутствия эксплуатации. Культура анархическая рождается в современности, и рождение это есть в то же время рождение новой религии, религии духа.

Таковы три группы людей, резко различающихся между собой, друг друга не вполне понимающих и говорящих как бы на разных языках.

Эти три группы прославляют друг друга, и нет между ними резкой границы. Отдельный человек может перейти из одной группы в другую, может подняться или опуститься, но сами группы все же остаются. Тем не менее когда психики создают правовые нормы, фиксирующие и узаконивающие подобные группировки в виде сословий или классов, каст или еще чего-либо подобного, то всякий раз из этого происходит нелепость, эксплуатация и насилие.

Пока нет государства – нет препятствий к свободному развитию, но раз появилось государство – воцаряется насилие со всеми его ужасающими последствиями, ибо государство есть лишай на теле общественности, разъедающий здоровый организм и прежде всего отрезающий истоки пневматизма, приходящие к данному обществу, к его культуре, и тем приводящий ее к гибели.

Глава 6-я

Представьте себе некоторую совокупность молекул какого-либо газа. Эта совокупность может быть внешне отграничена от остального пространства, замкнута в сосуд или же может быть не замкнута. В последнем случае, если это газ обыкновенного типа, все его частицы разлетятся в разные стороны.

Если направления движений всех частиц параллельны и одинаковы, то вся масса газа получит поступательное движение, если же эти направления различны, то наступит явление нагревания и давления. Во всех трех случаях живая сила совокупности молекул относительно какого-либо тела остается одной и той же, но она проявляется в формах рассеяний, поступательного движения или в форме теплоты и давления.

Для нас совершенно неважно содержание приведенных сейчас образов, но нам нужен метод подхода и рассуждения для наших целей. Уподобим человека молекуле газа, энергию молекулы – энергии человека, направление движения – целям человеческих действий, а тот факт, что человечество не может выйти из границ Земли, – замкнутости массы газа. Тогда может случиться, что или «движения» людей параллельны и человечество движется по какому-то общему для всех людей направлению, или же «направления» всех людей различны и в результате появляется нечто подобное «теплоте» и «давлению». В первом случае мы будем склонны говорить о «прогрессе» и т.п. вещах, во втором случае мы будем иметь как будто нечто стационарное.

Так или иначе, но предлагаемый здесь метод рассуждения одинаково применим к атомам и к людям, разница же, по существу, будет заключаться в предпосылках, обуславливающих самую возможность применения данной схемы рассуждения, ибо для атомов этой предпосылкой является существенная случайность направления и характера движения каждой отдельной молекулы, а в случае с человечеством случайность заменяется свободой воли, феноменально неотличимой от первой. Однако мы знаем, что самое понятие о закономерности возникло из глубокого антропоморфизма, и, таким образом, несомненно, что сама атомистическая гипотеза является зеркалом общественных отношений, существующих в действительности.

Из одних и тех же побудительных причин появилась данная форма общественности и атомистическая гипотеза как картина совокупности. Можно указать разницу между той и другой, и эта разница глубоко сущностна, но не формальна. Она заключается в том, что в атомистической картине предпосылкой является случай-

ность, что приводит к принципу рассеяния энергии, к принципу ее обесценения, к утверждению, что энергия мира стремится к максимуму энтропии. Наоборот, в человеческой общественности и даже больше, в общественности органической, где царит принцип выбора, принцип подбора, этот демон Максвелла, где, в конце концов, мы принимаем в качестве предпосылки ту или другую форму воли или ее отблеска, принцип свободы, эмпирически неотличимый от случайности, там приходится признать процесс, обратный процессу рассеяния; приходится признать процесс постепенного увеличения разностей волевых потенциалов, нарастание напряжений, процесс, ведущий к минимуму энтропии.

Энергия мира неорганического стремится к обесценению, а энергия мира органического стремится ко все большей потенциальности, ко все большей мощности. Исторический процесс с этой точки зрения разлагается на два процесса, совершающихся одновременно, – процесс прогресса и процесс регресса, процесс эволюции и процесс инволюции. В самом деле, по существу, ведь гораздо понятнее и приемлемее утверждение, что более совершенное создает менее совершенное, чем наоборот; понятнее допущение, что мир создан Богом, чем допущение, что Бог создан миром.

Понятно, что высшее создает низшее, но нелепо допущение, что низшее создаст высшее, – это просто дико и неестественно, в реальности мы этого никогда и нигде не видим. Отсюда же с неумолимой логикой следует, что или вообще ничего высшего не может происходить, или если высшее происходит, то каким-то образом в этом принимает участие опять-таки высшее. Иными словами, в каждом низшем должно все же пребывать нечто высшее, и даже самое высшее, так как иначе непонятно было бы никакое поднятие. Это высшее во всем мы и имеем в виде той искры божества, которая только и делает возможным подъем. Таким образом, можно сказать, что от Бога нисходят искры его и закутываются в бытие, опускаясь все ниже и ниже, пока не опустятся до самых низов; затем начинается развертывание, эволюция этих искр к Богу, так что все эти искры возвращаются к Богу или, что то же, сами становятся Богом.

Потому и возможны подъем, подбор, выбор, эволюция, свобода воли, стремление, активность, становление, что в каждом существе скрыт Бог, скрыта частица разорванного в бытии Диониса. Потому-то все бытие есть гигантский саркофаг, гроб Господень, а борьба за подъем миров и существ к преображению и есть Единый Великий подлинный Крестовый Поход. Таким образом, исторический процесс есть одновременно и прогресс, и регресс, эволюция и инволюция, но вместе с тем и стационарность. Все в мире или поднимается, или опускается, или находится на одном уровне. То же относится и к людям, и к человеческому обществу. Однако не надо забывать, что все же на вселенской дуге исторического процесса человечество занимает ее восходящую часть, что нисколько не мешает отдельным частям его подниматься или опускаться или же оставаться на одном уровне в зависимости от происходящих с ними событий.

Обосновать только что сказанное более подробно нетрудно, стоит только представить себе образ демона, как его рисует Максвелл.

Пусть у нас имеется ящик, разделенный внутренней перегородкой на две равные части, А и Б. В части А находится газ под определенным давлением, в части Б – пустота. Теперь в перегородке мы делаем отверстие: газ будет переходить из А в Б, и если около отверстия поставить небольшую мельницу, то она заработает, так как газ потечет с определенным напором. Однако через некоторое время давление газа в частях А и Б станет равным, течение газа прекратится и исчезнет возможность совершать работу – энергия данной массы газа обесценится. Однако молекулы газа будут по-прежнему носиться туда и сюда, только число молекул, проходящих из А в Б, будет все время приблизительно одинаково с числом молекул, проходящих из Б в А, – наступит состояние подвижного равновесия, но мельница, поставленная нами у отверстия, работать уже не сможет. Наступит смерть энергии, так как она лишится работоспособности.

Такая неработоспособность энергии и есть приблизительно то, что понимают под энтропией. Вся энергия вселенной идет к максимуму энтропии. Конечно, слово «вся» надо понимать условно в том смысле, что направление всех процессов в природе, какие мы наблюдаем, таково, что всякий раз количество работоспособной энергии до процесса больше, чем после него. Так или иначе, но выходит, что все процессы в природе неорганической направлены к умиранию. И вот Максвелл заметил, что процессы природы можно бы было мыслить обратимыми, если вообразить маленькое живое существо – демона, – который сидел бы у отверстия в перегородке между А и Б и то открывал бы, то закрывал бы сделанную у этого отверстия заслонку.

Когда молекула летит из Б в А, он открывает, когда молекула летит из А в Б, он закрывает, и, таким образом, газ потек бы тогда из места меньшего давления в место давления большего, процесс принял бы обратное течение к минимуму энтропии. В образе демона Максвелл изобразил тот принцип, который дает возможность мыслить себе процессы природы обращенными без противоречия с физикой. Этот принцип мы можем определить как принцип выбора. Демон выбирает, когда ему надо открыть и когда надо закрывать заслонку. Но как раз принцип выбора и есть то, что характеризует органическое. Принцип выбора, подбора или различения присущ только органическому. Все тропизмы – следствия принципа различения, давшие принципы логики – суть далекие отблески того же принципа, вернее, даже двух принципов, различения и отождествления. Так или иначе, но исторический процесс во вселенной есть одновременно процесс умирания и возрождения.

Теперь мы можем утверждать, что в природе органической, вообще говоря, процессы могут направляться в сторону повышения разности потенциалов, в сторону увеличения мощности напряжения. Могут, но вовсе не обязательно будут идти. Как они пойдут на самом деле – это зависит от направления и желаний.

Опять-таки эти воли и желания могут направляться по различным направлениям, по всем по ним увеличивая напряженность жизни. Направления эти параллельны и формально неразличимы, в их формальной неразличимости сказывается реальная свобода воли. Свободно можно идти тем или другим путем, но для нас важен как раз тот путь, который может быть назван путем добра, путем различения и выбора между злом и добром.

С этой точки зрения можно дать определение, согласно которому добром можно считать все то, что помогает существам подниматься, а злом то, что задерживает такой подъем, считая, что абсолютным благом является подъем к Богу.

Согласно только что сказанному, можно было бы как будто дать определение «прогрессу», но этого все же сделать нельзя иначе, как только формально, помня, что всякое определение прогресса явится частным, и тогда можно сказать, что прогрессом явится все, что приближает нас к Богу. Но если мы попытаемся углубиться в смысл такого выражения, оно расплывется и исчезнет всякая определимость, зато останется сознание, что в каждом отдельном случае только факт может дать ответ на вопрос о содержании этого понятия, факт же этот носит название совести.

Возвращаясь к вопросу, поставленному вначале: мы можем утверждать, что представление о закономерности в природе произошло прямым путем из представления о закономерности общественной, расширенной до теократизма. В сущности, атомистическая гипотеза есть зеркало отражений общественных отношений, покоящихся исключительно на лично-эгоистических началах, на лично-правовых нормах, от чего и получилось так, что когда Мильтон захотел обрисовать ад, хаос желаний и воля, он нарисовал в аду атомистическую картину, где роль атомов играли души. Хаос общественных и экономических отношений, как результат хаоса желаний и воля, отразился в сознании людей тем, что они в основу мира положили атомистическую картину, т.е. точную картину хаоса.

Разница между библейским и научным пониманием мира только та, что, по Библии, хаос был и превратился в космос, а по науке – никакого космоса нет, а царит все тот же хаос. В свою очередь хаос желаний и воля в человеческом обществе есть зеркальное отражение того, что происходит с человеческими душами. Они облеклись

в оболочки личностей, замкнулись друг от друга непроницаемыми стенами и ушли в свое одиночество. Могучая воспитывающая, строящая и внушающая сила мысли создала аппарат обособления и логики в системе дефиниций, определений и классификаций. В результате человеческое мышление образовало вселенную, наполненную дефинициями – атомами-личностями, дало всем им первоначальный толчок, все свойства соударения и решило, что это-то и есть творческое действие логоса, а само мышление – логос. Однако этот подставной, самозванный логос хотя и сказал себе «да будет», но ничего не стало, ибо вместо космоса все превратилось в атомистический хаос, а сам этот хаос в конце концов оказался выдумкой, призраком, майей, состарившейся, не успев достигнуть зрелости.

Таково мировоззрение дряхлеющих культур, разлагающихся общественных групп. Но это мировоззрение прилипчиво, как болезнь, и им могут заразиться молодые части еще нарождающейся общественности, и тогда яд болезни, как чахотка, передается наследственно, отравляет молодые поколения. Таково учение якобы пролетарских партий, их борьба за власть, их проповедь марксизма или примитивного материализма, годного только для затуманивания совести вырождающихся эксплуататорских групп человечества, но не для новых поколений.

Как бы там ни было, но нам приходится отпираться от того мировоззрения, которое присуще современности.

Встанем же на точку зрения, признающую существование отдельных человеческих волей. Все воли различны. Каждая воля стремится в свою сторону, а так как их много, то получается в результате нечто общее, нечто отвечающее закону больших чисел. Что же это «общее»? Если это общее и существует, то оно лежит за гранью постижения нашего разума, поскольку разумное действие входит как составляющее в ту равнодействующую, которая являет нам «общее», и в таком случае картина действительности превращается в хаос. Если же мы все-таки будем искать единства, то для этого нам придется подняться на более высокую плоскость созерцания, на такую высоту, на которую действие рассудка и логики не простирается, где мы вступаем в более глубокие области действия и познания.

Из курса «Элементы мировоззрения» мы уже знаем, что область событий для физика является областью чистых случайностей, для психика – областью строгой закономерности, норм, долга, для пневматика – областью свободы. Отсюда следует, что поскольку характер течения человеческой истории определяется главным образом психиками, психическим в нас, т.е. рассудком и логикой, то, что дает все человечество, что составляет внутреннюю глубину событий, не может открыться. Значит, для того, чтобы раскрыть сущность человеческой истории, нам необходимо куда-то подняться. И можно представить себе образ, уже приводившийся мною раньше, что по отношению к истории физик находится как бы погруженным в воду быстро текущей реки. В этой реке он как бы погибает, утопает в калейдоскопе событий, его захлестывает, и он не в силах дать себе отчет в происходящем и в своем собственном существовании и положении.

Психик подобен человеку, который плывет по поверхности этой реки, но река течет и течение сильнее пловца; его несет течение, он бессильно барахтается в воде и видит, как мимо него проносятся берега с мелькающими пейзажами, но река неслется, несет и он, времена меняются, и вместе с ними меняется и он сам. Он занят своим движением и не отдает себе отчета в том, что делается вокруг него, свои собственные субъективные особенности он выдает за объективную науку и т.д.

Наконец, пневматика нужно представлять себе вышедшим из воды и с высоты птичьего полета созерцающим все течение реки от истока до устья; из атмосферы он обнимает своим взглядом всю реку и ее течение в ее постоянстве. Если по реке несется бревно, то физик заметит его только тогда, когда оно его ударит, психик заметит его раньше и будет соображать, что сделать, чтобы за него уцепиться; пневматик же отнесется к этому бревну не только в зависимости от интереса пользы, но использует все к нему относящееся с более широкой точки зрения – вычислит траекторию бревна, определит весь его путь и скорость, его судьбу, он учтет и особеннос-

ти реки – ее глубину, течение, бассейн, берега, страну, по которой она протекает. Таким образом, по отношению к одному и тому же объекту три названные группы людей будут вести себя совершенно различно, а стало быть, эти три группы образуют как бы три породы людей, три слоя, различно влияющих в общей массе человечества и различно себя в ней ориентирующих.

Человечество распадается на три группы, дающих каждая свою составляющую в общей равнодействующей. Воли индивидуальностей, принадлежащих к той или другой группе, в общем мировом концерте могут быть охарактеризованы как воли личностей, сознание которых для физика представляет из себя мир пляшущих случайные, но постоянные танцы молекул; для психиков – мир закономерно развивающихся процессов; для пневматиков – мир свободно творимой истории. Отсюда следует, что историческая действительность представляет собой наложение этих трех слоев друг на друга, и в истории мы на самом деле найдем и случайность, и закономерно развивающиеся процессы, и свободное, ни с чем не считающееся творчество.

На что бы мы ни направили свое внимание, мы увидим, что каждая группа вносит в историю свое собственное действие. Физик в массе действует бессознательно, инстинктивно; психик пытается действовать рационально, обоснованно, закономерно – нормами, наукой, философией, долгом и т.д. Пневматик действует, крайне индивидуализируя свое поведение, в каждом отдельном случае особо, руководствуясь постоянно только самыми общими задачами. С другой стороны, физика вполне определяет среда, психик борется с этой средой и то над ней торжествует, то ей подчиняется; пневматик, как правило, имеет свой внутренний рост, независимый от среды.

Физик в истории действует толпой, массой, инерцией, инстинктами, бытием, привычкой; психик – при помощи бесчисленных учреждений, институтов, закономерностей, установлений, а пневматик – через свои внутренние тайные, закрытые организации, несущие в историю совершенно новые принципы и идеи. В зависимости от того, к какой группе будет принадлежать историк, он напишет историю как чистую прагму, интригу, совокупность неожиданностей и случайностей: физик – как фабулу; психик – как закономерный процесс, а пневматик – как воплощение в человеческой жизни высших принципов иных миров. Однако обычно происходит так, что родившаяся в пневматике идея обрабатывается затем психиками, принимает их характеристики, и, переходя к физикам, становится мировоззрением, в котором постепенно умирают его пневматические и даже психические черты и остается вульгарное мировоззрение черни, могущей воспринимать только низшее.

Так, идея, пришедшая от пневматиков, что человечество есть проявление какого-то более высокого или даже божественного начала, психиками была воплощена в теории закономерного развития в виде библейской концепции, концепции Гегеля и т.д., пока эта же теория не стала достоянием черни (фатума), достоянием физиков в виде марксизма, который наряду с грубым дарвинизмом, материализмом и фрейдизмом превратился в официальную философию масс нашей эпохи.

Среди различных типов исторических схем можно указать на три их характеристики. В первой история рассматривается как ряд причин и следствий, во второй – как ряд таких причин и следствий, которые ведут все к лучшему (теории прогресса), и в третьих – к худшему (теории регресса).

Как бы там ни было, но мы знаем, что выявляются три точки зрения на исторический процесс, причем их суть с точки зрения трех типов мирозерцания – случайность, закономерность и свобода. История в целом, как равнодействующая воля, желаний и инстинктов, являет нам ряд событий, текущих из событий мира органического и неорганического, понимаемых как иные формы проявления духовности и продолжающихся в иные формы становления.

Как мы говорили вначале, история человечества может быть рассматриваема как отрезок дуги кривой общего становления. Инволюционная часть дуги может быть охарактеризована тенденцией энергии к максимуму энтропии, а эволюционная часть ее характеризуется стремлением энергии к минимуму энтропии. В этом случае мы можем утверждать, что указанный впервые Геккелем закон повторения в

онтогенезе того, что было в филогенезе, есть только частный случай гораздо более общего закона, который может быть назван законом ритма и который формулируется в утверждении, что в малом повторяется большее, но не тождественное, а только подобное (аналогично – макрокосм в микрокосме, история макрокосмоса и история микрокосмоса и т.д.).

Принимая это во внимание, мы можем сказать, что ранее нами указанное значение фаз развития получает теперь совершенно определенный смысл в общей картине.

В самом деле, представим себе натянутую струну, колеблющуюся так, что она издает звук, например «до», совершая определенное число колебаний.

В таком случае мы знаем, что струна сама собой разобьется на две части, из которых каждая будет совершать 2 К колебаний; в то же время она разобьется на три части, из которых каждая будет совершать 3 К колебаний, и так она разобьется на Р частей, из которых каждая будет совершать РК колебаний. Вот эти-то части и будут тем, что мы в историческом процессе условились называть фазами. При этом, возвращаясь к примеру со струной, каждая половинка даст октаву «до», каждая треть даст «соль» той же октавы, «до» третьей октавы, «ми» той же октавы и т.д., т.е. фазы совсем не будут точными повторениями целого.

Из этого следует, что история человечества в определенном смысле является повторением истории всего мира, и ее можно охарактеризовать, как определенную фазу развития сознания, именно ту, когда впервые вспыхивает самосознание.

Самосознающий дух Гегеля есть только гипостазированное самосознание человека, а зеркалом этого самосознания является вся философия в целом. Центром такого самосознания оказываются психики, а само самосознание происходит благодаря самосознанию личности. В физиках совершаются все подготовительные шаги к такому самосознанию, а в пневматиках это самосознание преодолевается, в то же время утверждаясь как космическое самосознание, по крайней мере как первый отблеск его. Это самосознание есть сознание свободы. Такое сознание может прийти к человеку впервые только в обществе, где может осуществиться и первая реализация объективно возможной свободы в виде свободной общественности. Впервые осознанная свобода человеческой личности позволяет этой личности направить свою жизнедеятельность в ту или иную сторону – в сторону добра или зла; на этой ступени выбор становится сознательным – сам человек свободно и сознательно выбирает добро или зло.

Добро – это все, что поднимает человека, приближает его к высшим формам бытия, зло – то, что задерживает его подъем.

Гилизм задерживает, пневматизм зовет вперед, и, в зависимости от выбора, психик направляет свою деятельность вверх или вниз, к Богу или к Хаосу, т.е. тоже Богу, но такому, которого нет в самом себе.

Пневматик живет будущим, физик прошлым, а психик – настоящим, поскольку в этих временных терминах находит свое выражение отношение к реализации возможностей.

Человеческая история есть только отрезок кривой мирового становления, и потому она связана и переплетена с историей всей вселенной. Человечество, как состояние, есть для сознания состояние куколки. Физики, как гусеницы, еще ползают, ища места для окукливания; психики – настоящая куколка, а пневматики – бабочка, только что вышедшая и обуславливающая свои еще молодые крылья, готовясь для полета, который совершается по ту сторону того, что мы зовем земной жизнью.

В берег жизни бьются волны существования, могущие только через жизнь прийти к высотам, и одним из таких островов жизни является остров человеческого бытия. Человек приходит в жизнь и уходит из нее, но человеческое состояние как историческая категория становления бытия остается. Отдельный человек, как капля великого потока, переливается через земную жизнь и вместе с мириадами других капель течет дальше среди равнин и гор вселенной, но не безразлично то, как прошла для него жизнь на земле. На землях одних солнц людские капли очищались, стано-

вились духовнее и выше поднимались в своей эволюции; на землях других солнц эти капли мутнели, загрязнялись и падали ниже, падали в низы и бездны бытия.

Но повсюду великая армия бытия завоевывает жизнь и подъем, каждая капля точит скалы необходимости, чтобы добиться свободы, и та капля, которая изменяет другим и становится на путь насилия и власти, делается изменницей для всей полноты бытия, и эта полнота бытия отвернется от нее, как она сама отвернулась и пошла по пути предательства свободы и освобождения, на котором, по словам апостола Павла, вся тварь стонет и мучится.

На землю мы все приходим не только для того, чтобы любоваться, но и чтобы бороться. Поэтому история нас обязывает, налагает на нас моральный долг борьбы за то, чтобы жизнь на нашей земле подымала воплощающиеся на ней существа, а не опускала их, и с этой точки зрения можно вместе с Зибеком рассматривать «прогресс как нравственную задачу», ибо мы все и каждый ответственны за всю гадость насилия, ложь и несправедливость, которые творятся на нашей планете, и эту ответственность никто из нас не может переложить, ничем не может себя от нее избавить.

Так становится перед нами задача создания на земле общности без власти и без неравенства в имуществе, т.е. создания анархии, или, если воспользоваться другим словом, менее связанным с ложными ассоциациями, наша задача – быть акратами и бороться за акратию.

Глава 7-я

В прошлый раз мы говорили о том, как в каждой культуре принимают участие три группы людей: физики, психики и пневматики. Пневматики суть те, которые дают основные импульсы культуре. Психики разрабатывают эти импульсы, превращая в представления и понятия науки, метафизики, искусства и т.п. Физики же действуют непосредственно своей массой, инерцией, бытом, привычкой.

Пользуясь терминологией Тарда, можно сказать, что из среды психиков исходят изобретения, физики же действуют под влиянием подражания. Изобретение и подражание – два мощных двигателя человеческого развития, но Тард не знает того, что, в сущности, является первоосновой и что исходит от пневматиков. Так, мы можем сказать, что от пневматиков исходят основные импульсы, на их основании психики изобретают, а физики окончательно реализуют, или иначе: пневматики дают идею, психики находят соответствующий ей образ, а физики доставляют материал, подобно тому как у художника сперва рождается идея произведения – например, скульптору приходит в голову идея изобразить «Горе». Он обдумывает и формирует в воображении тот образ, который сможет передать желаемое, а затем высекает эту форму из мрамора или льет из бронзы.

Так культура классической Греции по своим импульсам исходила из глубин мистерий. Греческая интеллигенция облекала эти идеи-импульсы в прекрасные образы, а затем она сама непосредственно или же через людей физического труда воплощала их в произведения искусства, в общественное устройство, в философию, в торговлю, в земледелие, в технику и т.д. Но вот поток варваров разливается по Средиземноморью. Погасли старые очаги культурного развития. Загорелся пожар христовой любви. Проходят столетия, и церковь в союзе с государством пытается охватить этот поток, впрячь его в ярмо своего плуга и заставить пахать ниву рабства... Постепенно христианство заменяется павлианством, уходит от истоков своего бытия и кристаллизуется в мертвый трехгранный церковей – латинской, греческой и семитской. Источники пневматизма закрываются, эзотеризм исчезает, и на их место становится чистый психизм с его честолюбием, властолюбием, корыстолюбием, сластолюбием и пр. «добродетелями». Совершается рецептация римского права, создается Сорбонна, глоссаторы съедают все живое, и дух уходит из церкви, оставляя повапленный гроб лицемерия.

Психизм, обволакивающий индивидуальность корою личности, строит свой кон слишком плотно, и индивидуальность не в силах его преодолеть, она как бы за-

сыхает, и вместе с нею засыхают все живые ветви культурного развития. Эпоха расцвета сменяется эпохой зрелости, затем упадка, и всевозможные формы эгоизма и обособления, стремления к власти и наслаждению как таковым прорывает все плотины общественных инстинктов и рушит саму общественность. Таким образом, в обществе всегда существуют две тенденции – стремление к покою и стремление к движению. То одна, то другая одерживает верх, или образуется состояние равновесия. При этом надо учитывать тот факт, что покой и деятельность надо разбирать соответственно на трех плоскостях проявления. Человек может быть деятельным физиком и совершенно бездеятельным психиком или пневматиком, и наоборот. Подбором соответствующих людей создаются группировки, обладающие теми же свойствами. Так, например, хотя мелкая буржуазия, в общем, крайне инертна сравнительно с пролетариатом, коммивояжеры активнее молотобойца и т.д.

Если кора личности плотна, то на сцену выступают крайние внешние формы эгоизма – эгоизм физический, или богатство, и эгоизм психический, или власть. Богатство, понимаемое как причина материального неравенства, и власть всегда были основой тех стремлений, которые вытекали из темного источника, как бы мы их ни называли.

Даже тогда, когда проповедуются борьба за материальное благосостояние обездоленных групп населения, когда благороднейшие порывы призываются на помощь против материальной эксплуатации, то дело идет о борьбе против эгоизма эксплуататоров во имя эгоизма эксплуатируемых. Рано или поздно, но это обнаруживается, и тогда начинается разложение, ибо начинают понимать, что если бороться за эгоизм, то мой собственный ничуть не хуже чужого, что в принципе они равны, а на практике мой собственный, несомненно, для меня ценнее и выше.

Что же касается власти, то необходимым следствием она имеет лицемерие, ибо какова бы ни была власть, она не уничтожает неравенство и потому подчиненного ставит в необходимость, чтобы выровнять взаимные отношения, прибегать к лжи и лицемерию совершенно независимо от сознания, инстинктивно.

Какова бы ни была власть, народная масса стоит к ней спиной, и никогда с властью никто не будет откровенен. Поэтому власть всегда несет с собой школу колоссальной лжи, такой лжи, к которой все привыкли и перестают ее замечать. Богатство и власть – две язвы человеческого общежития, гангреной разъедающие общество. Христианское движение было отравлено, когда в его организм были впрыснуты микробы стремления к власти, когда было сказано: «Нет власти не от Бога», «Властям повинуйтесь», «Начальник – Божий слуга, поставленный тебе на добро» и т.д. Церковь целиком оказалась под влиянием соблазнов богатства и власти. Бог – богатство, Господь – господин – ясно, что это как раз тот Бог, о котором говорится как об имеющем власть и царство и дающем их по своему желанию...

Так было сорвано дело Христа на земле, но под поверхностью психической жизни, жизни, где торжествовали государство и собственность, шла другая, несоизмеримо более могучая жизнь и светлым потоком пневматизма изливавшаяся из Грааля... Оттуда исходили легенды Средневековья о Рыцарях Круглого Стола, о Парсифале, о Лоэнгрине, о борьбе с драконами и великанами зла, о защите вдов и сирот, о том, что папа – антихрист, а не представитель Христа, раз он – власть и царство, раз он защитник царей и вельмож, ибо сказано: «Князья царствуют над народами, и вельможи господствуют над ними, а между Вами да не будет так, но кто из Вас желает быть первым, да будет слугою всем». Новые мистерии, мистерии Грааля, действуют в течение средних веков, образуя тех праведников, которыми спасались Содом и Гоморра средневековья.

Когда Христос был распят, говорит легенда, воин ударил копьем в бок Распятию. Из раны излилась кровь и вода, которую одна из стоящих у креста женщин собрала в Ту Чашу, из которой Христос пил на Тайной Вечери. Сосуд с кровью Христа называется Граалем. Кровь Эона, Божественная Благодать – жертвенность, пребывает на земле, и пока она существует в мире, до тех пор темная сила не может окончательно сломить светлую. Пока есть люди, которые чисты сердцем и могут прича-

щаться из этой Чаши, до тех пор зло не может восторжествовать на земле. Вместе с тем был выдвинут идеальный образ Рыцаря как защитника угнетенных, как борца за добро и справедливость.

Орденское рыцарство несло в себе зародыши многих прекрасных идей, которым суждено было выявиться позднее. Орденское рыцарство презирало рыцарство королевское, считая его лакейством. Оно долго вело борьбу с королями, а иногда даже с самим папой. Личная свобода выше всего ценилась среди орденского рыцарства, и они долго оспаривали право королей их посвящать в рыцари. Когда в течение крестовых походов рыцарство познакомилось с Востоком и познакомилось с ним Европу, началась заря Возрождения, первого Возрождения, задавленного королями и папами, более могучего по своим потенциям, чем то, которое мы знаем под этим именем и которое есть только отзвук первого.

Идеальным братством идеальных рыцарей является братство рыцарей Грааля, живущих на Монсальвате, где в храме царит в воздухе Св. Грааль и откуда эти рыцари получают миссии в мир, чтобы служить всем обездоленным, помогать несчастным, бороться за свободу и справедливость. Парсифаль достигает Грааля, Лоэнгрин идет в мир, чтобы через него орденское рыцарство могло передать заветы свободы духу вольных городов в лице Эльзы Брандбургской. Последние рыцари свободы сложили свои жизни в Великой Крестьянской войне, сражаясь на стороне крестьян вместе с Гёцем фон Берлихингенем. Идея служения Прекрасной Даме, вышедшая отсюда же, неизмеримо выше служения Сердцу Иисусову и Иисусу как таковому в противоположность Христу, ибо из недр, родивших официальную церковь, родилось и братство Иисуса.

Трубадуры, труверы, барды, мейстерзингеры, скальды прошли по земле, неся свои сказания в широкие народные массы. Эти сказания каждый раз обжигали души слушателей веянием духа и врезали в них неизгладимые черты. Подобно прекрасным снам, снились они народу в песнях и сказаниях труверов и говорили задавленному нуждой и страхом народу о том, что все же есть иное – высокое и прекрасное, и что сильный может достигнуть его. Просыпались тогда сильные, у которых не все было задумано, и преображались их души, устремлялись они к борьбе за свет и красоту, понимали они, что ужас и мрак окружает их, что все надо сделать иным... Но и для более слабых эти легенды не проходили бесследно, они формировали их души и заставляли мечтать о чем-то далеком, от чего тоска их душ переливалась в их потовое, в окружающее, и звала и манила в недостижимое, вскрывая всю неприглядность, все безумие настоящего. Эти легенды звучали мощнее Золотой Легенды католичества, потому что несли в себе более глубокую правду.

По мере того, как все более и более застывало католичество, свободная мысль пробивается разнообразными путями, разбиваясь на массу отдельных струй, подобно струе воды, встречающей препятствие. Всевозможные ереси, секты, отдельные проповедники работают, несмотря на все старания доминиканцев с их Святейшей Инквизицией. Но работа идет и среди ремесленников: в их цехах создается франкмасонство, не говоря о целом ряде других орденов и братств. Все они несли идеи свободы личности и многое другое вплоть до Великих Революций – Английской и Французской, подготовив в определенной мере их наступление. Борьба масонства и иезуитов охватывает столетия и временами достигает громадного напряжения.

При этом надо оговориться: масонство приходится расчленять и рассматривать роль его отдельных течений, давая им разные, часто очень разные оценки. Во всех орденах и братствах происходит формирование основ и принципов, а также и кадров тех армий, которым придется сражаться за эти принципы.

Если теперь мы определили воздействие на чужую волю не через принадлежащее ей познание, то, вообще говоря, такое воздействие, раз оно идет вразрез с этой волей, можно назвать насилием. Систематизированное насилие, исходящее из единого центра, можно назвать властью. Но мы знаем, что одним из характернейших признаков для разделения светлых течений от темных является отсутствие

или присутствие власти. Характерен в этом отношении орден иезуитов. В нем действие властью настолько систематизировалось, что превратилось в правильную гипнотизацию.

Возьмите экзерции Лойолы, во время которых монах проходит три стадии гипнотизации, делающей из него труп в руках ордена.

На первой стадии, в условиях строгого поста, он погружался в созерцание картины крайнего падения человечества от греха в бездну гибели. Бог оставил человека, отвернулся от него, и человек погиб окончательно, ему осталось только отчаяние... Монах ярко представлял себе мрак и безысходность бытия, он погружался во тьму отчаяния, переживал её всюю мощью своего воображения, изнывал от тоски и скорби. На второй стадии он должен был представить себе, что во мрак и безысходность отчаяния внезапно падает луч надежды – Христос нисходит искупительной жертвой в низы человеческого бытия. Монах должен был ярко и ясно представить себе, почувствовать, осознать, что только любовь к Иисусу может спасти погибающего. Его воображение должно как бы впитаться в спасающую руку: всей силой своего первоначального отчаяния он должен прилепиться к спасающему. На третьей стадии он должен был нарисовать перед собой войска Люцифера в долинах Вавилона, поднимающиеся на гибель человечества, и войска Иисуса в долинах Иерусалима, встающие против Люцифера. Все будущее зависит от исхода борьбы – вечное блаженство или вечное мучение и проклятие поставлены на карту. Исход боя зависит от бойцов, и вот он, упражняющийся монах, должен представить себя в рядах воинства Иисуса, должен представить себе всю страшную необходимость победы, всю необходимость для этой победы строгой дисциплины в войске Иисусовом и для себя всепоглощающую обязанность повиновения генералам ордена и его офицерам...

Из всего вышеизложенного открывается страшная гипнотизирующая мощь ордена. Целибат в католичестве был введен, и благодаря ему создалась возможность гипнотизации целой половины человеческого рода, ибо только гипнотизмом держится то влияние, которое католицизм имеет в западных странах над женщинами. Интересно, что косвенным образом эта гипнотизация, выражающаяся в повторении, подражании в чем-то подобном явлениям своеобразной фасциации, сказалась даже в том, что в средние века даже работы многих талмудистов проникаются красками средневековой схоластики. Массовый гипноз вообще является могучим социальным фактором, и чрезвычайно многообразны формы его применения. Отсюда понятно, что признаком, по которому можно отнести ту или другую тайную организацию к течению светлому или течению темному, является отсутствие или присутствие власти над личностью, воздействия на нее, минуя сознание.

Вообще, можно сказать, что светлый путь есть путь воздействия на сознание, темный же путь идет мимо сознания: извилистый, лживый и властнический, он змеится в расщелинах лицемерия и рабства.

В примере с иезуитами можно видеть, как, в сущности, одинаковы образы Люцифера и Иисуса, поскольку их изображает фантазия Лойолы. Очень трудно разобратся, где у них кончается Люцифер и начинается Иисус. Особенно мощным и распространенным приемом является гипнотизация массы представлениями идеального общественного строя, строя справедливости и всяких благ, причем сам строй относится к будущему как будущий строй, или к иным мирам как строй воздаяния за земные мучения. Первым приемом пользуются социально-политические группы, вторым – религиозно-церковные. Во всех случаях людям дается одинаково гипнотизирующий их образ будущего, чтобы заглушить в них мерзость настоящего. Создается то, что буквально является «отводом глаз», ибо нет ничего нелепее жертвовать настоящим ради будущего, это нелепо в жизни человека и еще нелепее в жизни человечества. Нужно бороться за настоящее, а не за будущее.

Из пневматических источников исходят и те импульсы, которые привели в области психизма к образованию и выработке понятий вообще и, в частности, самой личности; которые дали возможность постепенно образоваться схоластике, праву, всему тому, что базируется на чрезвычайно разработанном, утонченном отвлечен-

ном мышлении. Это мышление относится безразлично к особенному, индивидуальному. Оно оперирует понятиями, родовыми именами, игнорирует частности; оно приводит к представлению тождественности двух предметов, пространственно различных, но одинаковых по своему смыслу и значению; оно создает личность – правовую маску, – единую для всех и, как это ни странно, всех обезличивающую; оно облекает личности всех граждан в одинаково приличные костюмы – черные с белым и на один фасон; оно создает общие ходячие идеи и моды, создает общество, создает монету как отчеканенную государством шаблонную меру ценности: оно создает понятие о товаре, абстрактном товаре, о труде, абстрактном труде, о ценности как о субстрате цены; оно создает возможность массового производства штампованных изделий... Одним словом, начавшись схоластикой, переходя через право к экономике и социологии, идея преобразует постепенно действительность, воплощаясь в быт.

Раньше, чем возникло само понятие, не могло возникнуть денег в виде однообразных монет.

Коротко говоря, возможности социально-экономические обуславливаются психизмом в гораздо большей степени, чем обратно, поскольку удовлетворены определенные минимумы. В наиболее чистом виде отвлеченная мысль врезала себя в материю в виде машины, но машина явилась апофеозом отвлеченной мысли, так как здесь как бы сама абстракция проникла до материи и воплотилась в ней, подобно тому, как у грека в материю воплощался образ, еще не рафинированный рефлексией от всего частного и случайного... Благодаря машине создался штамп. Машина явилась завершением мануфактуры, а в наше время должны возникнуть сверхмашины – автоматы, ибо сама фабрика может рассматриваться как машина и через научную организацию труда она сама дойдет до новой ступени механизации и машинизации.

Развитие абстрактного мышления привело к тому, что и орудие материального мира – машина – фабрикует, штампуя, абстрактные вещи – шаблоны.

Прежнее ремесло знало только индивидуальную вещь, отдельную и особенную, и многие вещи имели даже свои имена, как и теперь их имеют, например крупные бриллианты, но никто уже не даст собственного имени своему ружью или шашке, тогда как раньше, мы знаем, были имена у мечей, луков и т.п. Как гражданин неотличим от другого гражданина, так неотличим товар от однородного с ним. Отсюда преобладание во всех оценках элемента количества над качеством, преклонение перед громадными числами, несмотря на все бессмыслие подобных оценок.

Как бы там ни было, но, для того чтобы в обществе мог возникнуть тот или другой экономический или юридический порядок, необходим ряд психических предпосылок и без них невозможно возникновение тех или иных форм, опосредствованных мышлением, а все формы социального быта, кроме примитивно-родовых, суть формы опосредствованные, и этого совершенно не понимают марксисты. Вот перед нами австралийские папуасы. К ним европейцы привозят формы развитого капиталистического хозяйства – и что же? Вместо того, чтобы броситься в самую гущу этого хозяйства, папуасы восприняли только водку да сифилис и преблагополучно вымерли, ибо они психологически не были подготовлены к капиталистическим формам хозяйства. Та же история произошла с краснокожими Америки и неграми Африки.

Конечно, всем этим народам вовсе не обязательно было вымирать, но их «вымерли», и они вымерли, но не приспособились. Да и как можно было им приспособиться, когда все до мелочей было различно у них и у пришельцев? Для купца-европейца было все равно, что превратить в золото, в монету: все представляло из себя только большее или меньшее количество желтеньких кружочков, тогда как для «дикаря», т.е. для другого дикаря, один участок земли ничего не значил, а другой, менее плодородный и удобный, но где были погребены его предки, стоил бесконечно много, и так во всем. Ясно, что столкнуться таким различным культурам было мудрено, и так как обе враждовали, то одна должна была исчезнуть.

Таким образом, происходит борьба между различными течениями, группирующимися в два фронта, которые мы называли светлым и темным. Воздействие светлых

течений идет путем свободы, воздействие темных – путем власти. Поэтому путь воздействия власти на массы есть путь коллективной гипнотизации и особыми аппаратами такой гипнотизации являются школы.

Школы современных государств есть колоссальные фабрики, где штампуются рабы. Штампование производится путем внушения, и, таким образом, воспитание и образование превращены здесь в средства для выделки покорных слуг. Железные и деревянные болванки поступают на эти фабрики, и там их плющат, тянут, сверлят, строгают, пилят и выделывают из них крючки, петли, гайки, задвижки, оловянных солдатиков, китайских болванчиков, деревянных лошадок и т.п. Затем все это выбрасывается на рынок, покупается, продается и ставится на место в громадной государственной машине, где гайки и винты закручиваются, петли, крючки и задвижки прилаживаются и работают затем целую жизнь, пока не заржавеют, а затем выбрасываются в помойные ямы, так как на их место ставятся новые. Современные школы суть фабрики, и этот факт надо ясно представить себе, чтобы измерить всю глубину ужаса и издевательства, до которого доходит общественность, загипнотизированная властью. Некогда восточные деспоты искусственным путем создавали для своей забавы физических уродов, а теперь для забавы властителей, для наслаждений господствующих классов часть населения превращается в психических уродов, ибо только в таком изуродованном состоянии люди могут превращаться в скотов, во выючных животных, тупо не понимающих, что на самом деле творится вокруг.

Понятно, что фактически почти нигде и никогда нельзя на земле встретить то или другое течение в чистом виде. На земле мрак и свет смешаны и встречаются в различных пропорциях, но задача каждого человека – делать все наиболее прекрасное и высокое, зная, что если его дело даст против его воли дурной результат, так как немисливо все предугадать и учесть, то существуют силы еще более сильные, чем его, которые исправят то, чего не смог исправить он сам. Его же дело – стремиться к тому, чтобы свет свободы, любви и мудрости воссиял над землей, чтобы братство и взаимопомощь стали основой человеческого общежития. Путь к этому – пробуждение сознания в людях, свой собственный пример и борьба против зла во всех его формах, борьба, не ждущая, пока зло нападет, но нападающая сама.

Борьба со злом есть прежде всего борьба с косностью, неподвижностью, инерцией, ленью...

Нужно будить недовольство масс той жизнью, которая существует, потому что она полна неправды. Нужно указывать массам пути к светлому настоящему, а вовсе не к светлому будущему, ибо если настоящее светло, то будущее будет также светло, но если говорится о светлом будущем, то будьте осторожны, не хочет ли проповедник светлого будущего просто закрыть этим будущим позор настоящего. Настоящие поколения людей нисколько не хуже будущих, чтобы их приносить в жертву этим будущим. У настоящих по крайней мере есть одно крупное преимущество – то, что они реально сущи, действительны, а будущие только пока еще возможны и, во всяком случае, недействительны... Глупо менять счастье реальных людей на весьма проблематическое счастье людей нереальных.

Посмотрите вокруг, и вы увидите бездну горя и страдания. Эти люди хотят счастья, а вы будете отворачиваться от них и сюсюкать о счастье их детей и внуков. Ну а почему же отцы не имеют права на счастье? Почему отцы должны быть навозом для взращивания счастья детей и внуков? Да захотят ли дети того счастья, которое будет построено на костях их отцов! Великая социальная ложь звучит в призыве к борьбе за счастье будущих людей, ибо прежде всего такая борьба бессмысленна. Мы не знаем и не можем знать, в чем будет заключаться счастье наших потомков – может быть, в скорейшем уходе с земли, в самоубийстве. Ведь самоубийство есть только переход в другой мир, и мы не знаем, как будет расцениваться самоубийство в дальнейшем. Ведь, чтобы жить на земле – во всей окружающей подлости и грязи, среди лярв и животных, нужно много мужества от сознавшей себя индивидуальности, для которой совсем не могут служить указкой глупые выкрики рабов и пресмыкающихся. И если индивидуальность все же живет и борется, то во имя спасения сла-

бейших братьев – духов, мучающихся в земных условиях, во имя претворения и преобразования земли во что-то прекрасное, светом Фаворским осиянное.

Глава 8-я

Из глубины тайных братств, тайных обществ, эзотерических течений исходят те основные идеи, которые составляют впоследствии целые эпохи. Когда происходит подобное явление, на свет рождаются новые религии и религии становятся основой, на которой вырастают новая философия, новая наука, новое право, новая мораль, новые учреждения, новый быт. Таким образом, импульсы, исходящие от пневматиков, прошедшие через психиков, достигают физиков и тем совершают работу для подъема отдельных людей и всего человечества. Задача этих пневматических влияний заключается в том, чтобы поднять человеческое сознание к более высокому свободному общежитию, и наоборот, задача более темных учений заключается в том, чтобы человек всецело оставался здесь, на Земле.

Импульсы течений последнего рода характерны тем, что если вначале дают импульс к верхам, то лишь затем, чтобы очень быстро использовать развитый при этом порыв для земных целей, причем совершенно обрывается все, что относится к возможной мистике. Они также говорят о благе человечества, но при условии полного отречения от миров иных, при условии оценки блага человечества как последней самодовлеющей цели. Они говорят о том, что человек должен устроиться на Земле, должен достигнуть знаний, красоты, справедливости, но все это только в земном масштабе, при условии отречения от всего более высокого.

Можно сказать, что учение первого рода как бы говорит человеку: «Ты гость на этой бренной земле. Придет время, и ты уйдешь в далекие миры... Но во имя бесконечной жизни и бесконечного совершенства ты должен и на этой земле сознать себя существом вселенским и строить жизнь так, чтобы она и здесь была прекрасной и свободной». Учение же второго рода говорит иначе: «Бесплодна мечта о мирах иных, ибо миры эти нереальны... Человек явился из небытия на землю и с земли уйдет в небытие. Нет никакой иной жизни, и потому нужно пользоваться эту жизнь, сделав ее прекрасной. Мечты о жизни иной только мешают жизни этой, единственно реальной».

Первое течение как на идеал указывает на где-то, не у нас, но все же сущую реально жизнь мира ангельского, и для достижения такой ангельской жизни они призывают к преобразению земли. Второе течение мир ангельский заменяет миром будущего, забывая сказать, что такое будущее не более реально, чем мир ангельский в настоящем. Как на путь к этому специальному будущему оно указывает на революцию. Первое течение обращается к высшим, призывая их служить низшим, а второе течение обращается к низшим, призывая их сбросить иго высших. Поскольку оба течения имеют перед собой подлинное благо человека и человечества, они являются разветвлением психических устремлений под влиянием пневматиков и физиков и до известных пределов не выходят из рамок истины. Но вот примешивается сюда струя пневматизма, соблазненного ценностями психическими. Создается могучий водоворот, увлекающий массы в бездны зоологических определений, и чем мощней он пронизан пневматизмом, тем сильнее увлекает вниз. С момента появления в рядах второго течения (или в рядах течения первого) искаженного пневматизма, о котором мы впоследствии будем говорить особо, течения эти превращаются в течения темные: первое превращается в нечто подобное католицизму, второе – в нечто подобное авторитарному социализму.

Таким образом, можно назвать три главнейшие течения человеческой общечеловечности – психическое, пневматическое и распадающееся на два – течение темное. В жизни человечества скрещиваются эти направления, ведущие борьбу за человечество, ибо, как говорит Достоевский: «Бог и черт борются между собою, а поле битвы – сердца человеческие».

Чрезвычайно мощно выражено это в Апокалипсисе, где противопоставлены силы Христа и силы Антихриста: первые – ведущие к верхам, и вторые – ведущие в низы. Христос говорит о свободе. Антихрист – о власти. Основные устои учения Антихриста – власть и богатство, и в наше время они проявляются как государство и капитализм.

Не нужно мыслить себе, что Антихрист есть какое-то одно лицо. Это, несомненно, одна идея, один принцип, но воплощается он во многих лицах и событиях, ибо везде, где двое или трое во имя власти, или богатства, или неравенства – там и он среди них.

Апокалипсис говорит о звере, о блуднице власти, с которой блудодействовали цари земные. Образ блудницы был воплощен в прежней эпохе как Вавилон, который царил над народами жестоко, неправо, как всегда и всякая власть, но вот «пал, пал Вавилон, великая блудница, мать всех мерзостей человечества». Вавилон пал, престол Антихристов распался, чтобы возникнуть с еще большей мощью в Риме. Рим, как огромный ненасытимый паук, высасывал народы, раздавливая малейшие признаки свободы. Это был гигантский спрут, и современные паучата до сих пор восхищаются тем, что они называют «культурой» и что было убийством всякой культуры, издевательством над человеческим достоинством, которое нес Рим всему миру, всем людям, даруя им, как милость, железные цепи своего тупого гражданства, этой дикой и наглой иронии над свободой и культурой.

Народное сознание не ошибается, когда видит в нем образ Антихриста, олицетворяющийся в лице Цезаря, так же как и в республиканском сенате.

Падает и этот Вавилон – Рим цезарей, но на его развалинах встает гигантский евнух папизма, и папская тиара сверкает на голове нового лица все того же Антихриста. Параллельно Риму, как второе лицо Антихриста, виднеется цезарепапизм Византии. Раздвоенный язык пресмыкающегося, за которым видны ядовитые зубы власти... А потом «третий Рим – Москва, четвертому же Риму не бывать». Когда 400 лет тому назад эта фраза была брошена в мир, она внесла в него свой яд, свое разложение, поманив мечтой о власти, разжигая честолюбие Милюкова не меньше, чем Ивана Третьего: она стала лозунгом, импульсом, кнутом национальных appetitov. На судьбе этой фразы можно проследить способ воздействия на человеческие души. Работа ведется заранее, она направляет интересы и внимание душ в определенную сторону, чтобы воспитать их в заранее заданных формах. Так подготавливается психика народов, причем душам постепенно придается определенная форма, прививаются определенные стремления...

Чрезвычайно своеобразно действуют различные идеи на социально-интеллектуальную среду. Вот вопрос, дебатировавшийся на Вселенских соборах: зависит или не зависит благодать Духа Святого от того, кому она передается? Пребывает ли она на человеке недостойном? Могут ли дары Духа Святого пребывать на священнике, который ведет себя как последний мерзавец? Допустим, что благодать остается на человеке независимо от его поведения. В таком случае решающим будет момент посвящения, зависящий только от иерархии, только от того, кто имеет право посвящать. Если же признать, что пребывание благодати зависит от поведения посвященного, то результат будет зависеть не только от иерархии, но и от того, как ведет себя посвященный. Суждение же о последнем может иметь каждый, а значит, в глазах окружающих правомочие посвященного зависит не только от посвятившего, но и от суждения о посвященном любого лица...

В первом случае иерархия ставится в особое положение, ставится выше тех, кто к ней не принадлежит; во втором случае иерархии не приписывается никакой власти.

Представьте себе, что вы бы стали рассуждать – достоин или не достоин быть священником такой-то, мною посвященный? Самим фактом такого обсуждения вы опровергаете мой авторитет, и я восстаю против вашего права рассуждать. Представьте себе теперь, что правительство назначает чиновника. Государство и его юристы вам скажут, что не ваше дело рассуждать о достоинствах и недостатках чиновника – ваше дело только повиноваться. Так и церковная иерархия решила, что

все должно зависеть от нее, точно так же, как порученное ей Господом Богом спасение душ... Так был подтвержден авторитет церковной иерархии в формах государственности. Отсюда же и начало разложения церковной иерархии и вообще всей церкви, ибо вслед за присвоением авторитета в одной области последовало присвоение авторитета и в других областях.

Однако в таком решении сказалось и еще нечто. В самом деле, раз все зависит от акта посвящения, от чисто формального момента, то на первый план выдвигается сама форма, как таковая. Та же идея лежит в основе так называемой церемониальной магии, и она же составляет сущность трех четвертей схоластики. Если форма соблюдена, то независимо от содержания можно получить некоторую совокупность верных результатов. Аналогично, если я произношу неприятные мне слова, но произношу их в должном порядке и интонации с сопровождением соответствующих жестов, то должен появиться некий дух. Стихийные духи повинуются форме. Так, Россель дает определение математике, что математика никогда не знает, о чем говорит, и не знает – верно ли то, что она говорит, но тем не менее формулы математики, несмотря, а может быть, благодаря правильности определения Росселя, оказываются способными обобщать действия стихийных сил. Так или иначе, но в результате мы имеем примат чистой формы, власть скорлупы, права, государства, мундира, маски. Отсюда ясна власть понятий, общих мер, товара, денег, демократизма... Отсюда и торжество формы в механизации и, наконец, апофеоз формы в самой «цариче-машине».

Наша эпоха есть эпоха колоссальной власти форм, власти, проникающей до мелочей, определяющей быт. От демократических форм государственности вплоть до общегражданского для всех одинакового костюма. Только женщины, до сих пор не включавшиеся так полно в область гражданственности, сохраняли право на оригинальность костюма, но, увы, зато попали во власть формы путем стадным в виде моды.

Государство налагает свою антихристову печать общей формы одежды, чиновничества, берет на себя выполнение обрядов, и отныне никто не может ни продавать, ни покупать, не имея на то разрешения от власти. Кто же вздумает сам чеканить монеты, тот называется фальшивомонетчиком, хотя все власти только тем и занимались, что делали фальшивые монеты. Скорлупа, штамп, шаблон делают возможным товарное производство и превращают в товар хлеб, железо, честь, уголь и жизнь, все подгоняя под одну мерку денег. Из области идей подготавливались, воспитывались души, способные к тем или другим формам жизни, и в наше время идет то же воспитание, та же подготовка – сеются различные идеи, и эти идеи принесут плоды только через столетия. Представьте себе, что в массы бросается идея, сама по себе безразличная, и другая идея, также безразличная. Но вот эти идеи сталкиваются в умах людей и образуют там взрывчатые смеси, и тогда достаточно искры, чтобы произошел социальный взрыв. Чтобы знать действие той или иной идеи на человеческую психику, надо самому стоять выше психизма, то есть быть пневматиком.

Так воздействуют на массы различные течения, причем светлые обращаются к сознанию, а темные стараются непосредственно воздействовать на страсти или волю. Задача темных течений сводится к созданию эмоционального хаоса с тем, чтобы в его мутных волнах найти возможность власти. Последнее достигается проще всего возбуждением чувств ненависти, мщения, обиды. Течения темные должны точно так же создавать братства, тайные общества, ордена и тому подобное для достижения своих целей. Такие братства имеют своими центральными ядрами то, что носит название сатанизма, причем под сатанизмом отнюдь нельзя понимать те глупости половых извращений, которыми пытаются их определить, ибо последнее слишком мелко и ничтожно, не исчерпывает и сотой доли сущности этих организаций.

Вся история человечества в своей большей части является историей борьбы этих двух типов организаций, причем внутренняя структура организаций светлых построена на свободе и самоопределении ее членов, тогда как внутренняя структура организаций темных построена на власти, железной дисциплине, полном повиновении низших высшим. Всякая эзотерическая организация испытывает внутри

себя влияние двух указанных течений и потому в абсолютном смысле не может, конечно, быть названа ни совершенно светлой, ни совершенно темной. Так и церковь, несмотря на свои ярко отрицательные стороны, имеет, правда немногие, стороны положительные. Однако уже тот факт, что она строится среди психиков и средствами психиков, делает ее ареной борьбы страстей, далеких от мистики света и непосредственно служащих бесам честолюбия и алчности.

Таким образом, если все же отрицательные стороны церкви неизмеримо более сильны, чем ее стороны положительные, то остается только одно – разрушить церковь, уничтожить ее. Но, может быть, этим на место одной церкви мы только поставим другую? Ясно, что если бы это было так, то положение было бы довольно скверное, однако это именно не так. Церковь есть организация мистическая, но отнюдь не физическая. Всякая церковь физическая, другими словами, всякая организация, которая берет на себя смелость заявлять, что она есть «Церковь на земле», что она есть отражение Церкви Небесной, что она представительница Церкви Небесной, делает абсолютно то же самое, что делает дикарь, когда вырезает себе из дерева болвана и поклоняется ему. Ведь если, например, папа есть наместник Христа на земле, это значит, что самого Христа нет на Земле, иначе нелепо иметь себе наместника... Что же значат тогда слова: «Где двое или трое во имя мое, там и я среди них»? Или слова эти звук пустой? Людям надо беспокоиться о том, чтобы вести себя истинно по-христиански, а что касается Церкви, то о ней позаботится сам Христос, который сказал, что Он сам созиждет церковь Его...

Смешно и нелепо людям строить того идола, которого они только и могут построить, считая, что строят Церковь. Церковь может быть построена не теми, кто будет ее кирпичами, и не может кирпич говорить, что он будет архитектором. Дело кирпича – лежать на своем месте, и только.

Конечно, можно говорить об участии в построении в роли большей, чем только роль материала, но тогда для этого надо идти другим путем. Путь для участия в построении Церкви не в роли только кирпича есть путь полного и абсолютного следования Христу, т.е. путь через пневматизм, но тогда этот путь ведет к совершенно новым возможностям, которые на земле отражаются только как жертва для себя и свобода для других. Никаких земных церквей или кошунственных «представительств» Христа на земле на этом пути быть не может. Афродита есть только небесная, а Афродита земная просто потаскуха, которую надо пожалеть, но не идеализировать, ибо эта Афродита павшая...

Итак, на земле надо творить единственную форму Церкви – церковь акратическую. Акратия должна воцариться на земле, и подлинная акратия будет отблеском Церкви Небесной на земле. Акратия тесно связана с анархией – вот то, что надо творить, но не смешивать их ни с панкратией, ни с панархией. Церковь, или Храм Небесный, Иерусалим Небесный, может сойти на Землю только после преображения, и потому всякий, кто утверждает себя ввне его Церкви, есть «вор и обманщик», хотя и говорит именем Христа...

Акратия есть торжество свободы, терпимости, любви и жалости, торжество подлинного равенства и братства, и совершенную противоположность этому составляет Великий Инквизитор всякой земной церковности, Князь мира сего, все время старающийся Христа подменить своими мандатами. В этом проявляется один из ликов Антихриста.

Интересно, что когда люди хотели изобразить ад и его муки, то они не могли дать лучшего его описания, как описав только то, что на самом деле совершается людьми на земле. Закон ада – строгое чиновничество, строгая иерархичность власти, и вот на земле государство и церковь берут на себя представительство того, кому даны всякая власть и царства.

Третий Рим – Москва подготовлялся царями, а затем императорами, чтобы стать Москвой Третьего Интернационала. Церковь и Государство Третьего Интернационала, как это ни странно, ведут работу фашизма и увенчивают работу царизма. И все-таки они расшатывают старые устои насилия, ибо в апофеозе власти заложены

но зерно гниения, гангрена которого разлагает в конце концов и саму торжествующую власть, и те корни, на которых она вырастает.

Наше время во многих отношениях время переломное, и надо сказать, что только в наше время становится действительно массовой силой печать, а это факт, значение которого еще не вполне отражено сознанием людей. Правда, мы живем накануне еще более широких возможностей – беспроводного телефона и т.п., но все же действие печати только теперь становится подлинно массовым. В колоссальном котле кипящих масс перерабатывается в наше время то, что было накоплено в учении предыдущих веков. Снова должны совершиться переоценки ценностей и прежде всего суд над властью. Власть в лице государственного социализма встает перед массами со всей мощью своих аппаратов и учреждений. Народы должны познать подлинное лицо власти и отвернуться от нее с глубоким негодованием.

Так или иначе, но воздействие на массы в наше время идет через прессу. Людям внушают те или другие представления и гипнотизируют с помощью лозунгов. Тысячами путей проникает влияние на массы, но все же не надо думать, что внушаемость масс беспредельна. Нет, есть все же некоторые границы, перед которыми останавливаются возможности внушения, хотя, к сожалению, эти границы скорее происходят от слишком низкого уровня развития, но не от моральной устойчивости. В течение долгих столетий нужно было обрабатывать психику немецкого народа, пока наконец ему не были привиты идеи государственности, и прочно, по крайней мере, германской интеллигенции... Германская государственность прониклась дутым величием Священной Империи и устами своих государствоведов утвердилась в правах наследства. Кант с его категорическим императивом много помог им в этом деле. Ясно, конечно, что во всех этих случаях приходится говорить о большей или меньшей мере взаимодействия между факторами различных порядков, но надо остерегаться смешивать их эффекты.

На заре греческой культуры из глубины святилищ тайного посвящения прозвучало новое тогда могучее слово: «Познай самого себя».

Вся греческая философия является, в сущности, выполнением этого завета. Она созидает материю понятий и ограничивает в рефлексии индивидуальность от рода и Природы, она дает возможность возникновения всей вообще Эллинской культуры, она завершается только средневековой схоластикой, так как наше время не внесло ничего принципиально нового. Вся философия в более глубоком смысле имела значение отнюдь не познавательное, как его понимает послекантовская эпоха гносеологизма, но существенно воспитательное. Философия воспитывала души, оформляла их, сплетала им оболочки, давала им фон, что называется самосознанием, маски, в которых они могли выступить на маскараде жизни. Философия вступила в мир и изживала себя в сознаниях отдельных людей, которые играли для нее роль клеточек, подобно тому, как наша душа изживает себя в жизнь клеточек нашего тела, через них воздействуя на мир и на самое себя.

Когда рождается человек, его душа входит в его тело, связывает свое сознание с жизнью некоторой колонии клеточек. Так и философия, вернее, некоторая индивидуальность, отблеск которой проявился на земле как философия, родилась подобным же образом, связав свое сознание, свою действенность в условиях Земли с колонией человеческих сознаний данного народного коллектива. Идея воплощается, проявляется, чтобы воздействовать на другие сознания как идея. Чтобы воздействие было сознательным, идея может действовать на другое сознание только таким путем, каким сознание родилось, т.е. через внешний мир и связанные с ним переживания. Есть еще способ сознательного воздействия идеи на идею – способ исключительный, а именно воздействие во время того или другого вида сна в тех случаях, когда сновидение может протечь через сознание. Все другие способы воздействия идеи на идею предполагают бессознательность со стороны по крайней мере той идеи, которая, являясь индивидуальностью того или другого человека, воплотилась на земле и здесь получила сознание.

Это сознание предметно, это сознание есть дневное, солнечное сознание, и только в солнечном свете могут другие идеи общаться с человеком так, чтобы это общение происходило сознательно для человека. Дневное сознание ограждает в известной степени от влияний бессознательных, но сравнительно слабо в силу слабости даже этого сознания у человека. Поэтому в человеке неведомо для него борются часто самые разнообразные идеи, и эту борьбу он испытывает в себе переживаниями тоски, неудовлетворенностью и т.п. Особенно мощно сказывается переживание идей и их борьбы в чувстве сомнения, которое так влияет на волю человека, делая его нерешительным.

Можно быть одержимым не только чужим личным «Я», но и чужой индивидуальностью. Экстаз может быть разных родов, но самый высокий есть тот, когда из сознания рождается сверхсознание, когда возможен сознательный сон, во время которого происходит касание мира идей, разговор с идеями. Таковы некоторые формы религиозно-мистического экстаза или вдохновения философа, вроде Плотина. Но воздействие идеи может протекать в спокойных формах. Совершенно необязательно, чтобы человек находился в чем-то подобном трансу. Даже тогда, когда человек созерцает ночное небо, когда его охватывает бесконечность, – и тогда человека касается духовное начало. Психик может сделаться пневматиком, если настойчиво вызывает у себя подобное переживание: оно как бы низводит дух в его душу. Так или иначе, но люди могут быть одержимы идеями, и такие люди поистине могут быть названы идеалистами, как справедливо указал еще Штирнер, но обычно эти идеи не весьма высокие и потому сильно ограничивают те личности, которые ими охвачены, особенно если они переходят в область психизма, что случается почти всегда.

Сходя в человеческое общество, воплощаясь в нем, идея принимает ту или другую форму, облекается в разнообразные оболочки, образуя среди людей то же, что среди животных образуют инстинкты. Эти бессознательные для действующих под их влиянием людей идеи облекаются в личины идеалов, идеологий, различных художественных тенденций, религиозно-культурных и других форм. Не все идеи одинаково действенны, и многое в этом отношении зависит от общих условий воплощения, как и в случае с человеком, где бывает, что высокая душа воплощена в хилое и больное тело. Может случиться, что данная идея нашла для своего выявления хилую общественную форму. Тогда идея может просто умереть, как умирает человек, т.е. уйти с земли и поискать себе для воплощения другую планету, другое человечество.

Поэтому, вообще говоря, крайне важно, если можно приготовить для воплощения той или иной идеи подходящее тело – например, создать организацию, сплоченную и крепкую, которая поставит своей целью работу во имя данной идеи. Иногда такой организации вообще нельзя создать в силу отсутствия подходящего человеческого материала и приходится такой материал создавать, воспитывая людей в течение долгих лет, десятилетий, столетий или тысячелетий... Подобным примером является воспитательная роль целого ряда организаций, например масонства. В России масонство сыграло громадную роль, и благодаря Новикову, Шварцу, Лопухину и др. воспиталось течение, которое стало носителем свободы и культуры в диких условиях быта страны.

Так была создана возможность возникновения Христианства благодаря сети тайных братств, окутывавших тогдашний мир. Так возникли ислам и буддизм, Жакерия и «Бедный Конрад».

Глава 9-я

Если мы возьмем те исторические эпохи, которые нам, современным историкам, рисуются как древние, то нас поразит тот факт, что эти древние эпохи жили с идеей не подъема, а падения человечества с течением веков. Они жили представлением о том, что лучшие времена остались за ними, в далеком невозвратном прошлом, что с тех пор совершается неуклонное падение человечества. В далеком, далеком прошлом остался Золотой век, за ним пришел век Серебряный, а затем – Мед-

ный и, наконец, Железный. Жили люди не тем убеждением, что пройдут времена, явятся новые поколения и построят жизнь по-новому, жизнь более прекрасную, чем нынешняя. Жили мыслью о том, что все хуже и хуже живут люди, что, наконец, такими скверными будут они и такой скверной будет жизнь, что погибнет все; в конце концов гибель грозит и всему мирозданию... Существовало учение о периодических катастрофах, и в целом ряде мифологий имелось представление о гибели вселенной, которая предшествовала нашей и которая погибла от воды, тогда как нашей вселенной грозит гибель от огня. Этому учила скандинавская мифология, об этом говорили учения многих греческих философов, а общее учение о конце мира встречается, по-видимому, во всех религиозных системах.

Сравните с такими взглядами наше время, которое проникнуто мыслями о прогрессе, о том, что все идет к лучшему в нашем, вовсе не лучшем из возможных, миров... Возьмите, правда, довольно глуповатый оптимизм марксизма, внушающего, что хорошо то, что после, ибо оно неизбежно; возьмите все современные теории прогресса с их мальчишеским задором и детски-наивным оптимизмом и сравните их с мрачной философией древности, с тем пессимизмом, которым веет на нас в ее взгляде на ход вещей... Но, несмотря на это, нельзя утверждать, что наше время живет веселее древности. Это как будто показывает, что люди всегда живут настоящим. На самом деле, не может быть ничего нелепее, как жить будущим, ибо это значит никогда не жить, как то звучит в известном кредо лентяя: завтра поучусь, а сегодня поиграю... Люди, живущие идеей прогресса, похожи на маленьких детей, для которых приготовлена вышеуказанная фраза.

Жить для лучшего будущего – значит искать оправдания настоящему в будущем, оценивать настоящее по грядущему, существующее по несуществующему, так как, для кратковечных людей социально значимое будущее не существует и никогда не станет сущим. Жить ради грядущих поколений – это значит менять счастье реальных людей на счастье людей нереальных, это то же, что приносить в жертву принципам живых людей, т.е. величайшее лицемерие. Во имя грядущего рая топтать живущих – это безумие, но роковым образом оно оказывается орудием стремящихся к власти, ибо иначе эта власть не имеет силы увлечь за собой массы, иначе ей нечем оправдать себя перед массами, добиться доверия у них.

Каждая власть хочет быть мессией, хочет привести народ в Землю обетованную, а пока что водит народ по пустыне. Сейчас пустыня и блуждание, а там, где-то в туманной дали – Палестина... Сейчас повиновение и рабство, а там, далеко, – молочные реки в кисельных берегах... Там, где-то далеко-далеко, рай, тысячелетнее царство, социализм, всеобщее блаженство, а пока – трепещи, дрожащая тварь, и повинуйся...

Таков кошмар столетий.

Ложь такой постановки вопроса заключается в том, что благодаря ей ослабляется волевой порыв. Совершенно правильно делают, когда пытаются нарисовать формы идеального общежития, когда ставят их задачей непосредственного действия, но только в этом случае и поступают правильно. Поэтому всякий идеал есть идеал постольку, поскольку он дает импульс для работы в данный момент. Самый высокий, самый мощный идеал до тех пор остается идеалом, пока его хотят сделать реальностью сегодня же или завтра; но как только его откладывают – он вообще перестает быть идеалом и превращается в свою прямую противоположность, так как вместо того, чтобы импульсировать, он превращается в обезволивающую, расслабляющую силу.

Но возвратимся к поставленному нами вопросу о психологии прогресса и регресса.

Вообще говоря, религии, имеющие свою эсхатологию, рассматривают ее как результат некоторой воли и даже тогда, когда наступление царства справедливости ставится в зависимость от воли мессии. Даже там само появление мессии в известной мере зависит от действенности народной воли к освобождению. Однако вскоре образующаяся греческая иерархия немедленно превращает этот идеал из волевого

импульса в фаталистический квиетизм, ибо таким способом эта иерархия утверждает и обеспечивает свою власть. Высшие силы сходят на помощь низам только тогда, когда с низов поднимается мистический зов о помощи, когда страдания низов «вопиют к Небу», но эта помощь может прийти в формах, зависящих от самих низов, и действенность ее в большей мере определяется действенностью низов. Никакая высшая сила ничего не может поделать, если у низов нет действенной воли к освобождению, и дело более сильных из живущих в низах – будить эту волю, эту действенность, в чем и состоит глубокая правда учения Бакунина.

Каждый идеал, даже и самый великий, годен только на один день. На другой день это уже не тот, это уже новый идеал, хотя бы он и казался неизменным. Каждый идеал должен говорить о том, каков я должен быть сейчас, что я должен делать сию минуту – сию минуту я должен приводить в действительность данный идеал, сию минуту я должен его осуществлять... Он рисует мне то, что должно быть сию минуту, а не бог знает когда. Может ли какая-либо эпоха жить будущим и для будущего? Конечно, это было бы абсурдом. Каждая эпоха живет для себя и собой.

Воспользуемся геккелевским законом и посмотрим, как живет человек.

Наше время живет нелепым представлением о самом человеке. Наш социальный строй, наши учреждения, вся наша жизнь построены так, что единственным подлинным человеком, «нормальным» человеком считается человек в возрасте от так называемого совершеннолетия, т.е. от 21 года до 60 или 65 лет. До 21 года, это еще не человек, а после 65 лет это уже не человек. Цель ребенка – быть взрослым, ребенок еще не человек. Какая нелепость! Каждый возраст довлеет сам себе. Горе и радость ребенка ничуть не ниже, не менее значимы, чем горе и радость взрослого или старика. Слезы ребенка, потерявшего игрушку, и слезы человека взрослого, потерявшего возлюбленную, – одни и те же слезы, соленые и горькие. Каждый возраст имеет свои печали и свои радости и живет сам для себя. Только благодаря грубой силе мог человек взрослый присвоить себе право объявить землю своим достоянием и поставить на ней детей и стариков в положение своеобразных париев.

То же самое происходит и в области общественно-исторической. Никакая эпоха, никакая культура никогда не жила для другой. Жить ради будущего нелепо, ибо это значит никогда не жить.

Когда целый ряд писателей полемизирует против идеи земного рая, то дело здесь основано во многом на недоразумении, ибо, конечно, антиномизм личности и общества непримирим в рамках обычных земных возможностей, но ведь и не в этом дело: дело в том, что тот или другой идеал важны с точки зрения того импульса, который они дают для настоящего. Идеал говорит о том, что я хочу, чтобы осуществилось сегодня, завтра, а не бог знает когда. Социализм же, фиксирующий «будущее социалистическое общество» как нечто в себе законченное, и либерализм, не видящий никаких возможностей для воли, кроме «если возможно, то осторожно», представляют из себя в конце концов торжество мещанства, ищущего, на чем бы ему успокоиться. Социалисты – тупоумная совокупность однобоких гипертрофий, для которых всего труднее свободно мыслить, – пытаются заменить мускульным напором недостаток в мышлении и потому бессмысленно твердят, что, вот, придет барин – революция – и он все рассудит; с другой стороны, либерализм, беспомощно пытающийся накинуть разлагающий анализ вожжей критицизма на взбесившегося коня рабочих масс, чтобы постепенно взять его в шоры крохоборствующей ежедневной политики мелких парламентских битв, – вот полный размах маятника политиканствующих интеллигентов дурного тона, старающихся во чтобы то ни стало добиться власти.

Так благодаря гипнотизирующей силе идеала призрак будущего коверкает и портит настоящее. Ближний приносится в жертву дальнему. Идол будущего давит под своими колесами настоящее, калечит его и уродует.

Правда же в том, что каждая эпоха, каждая культура живет, вырабатывая свои, только ей присущие ценности и все культуры вместе составляют букет общечеловеческой культуры, где каждый цветок имеет свой аромат, свою красоту. Есть преем-

ственность культур, но она лежит не в плоскости психизма; в плоскости психизма нельзя указать мерила высоты или совершенства, и задача человека – суметь вместить их все в себе как подножие для более высокого.

Нет культур, нет эпох, живущих для других культур и эпох. Каждая культура живет собой и для себя. Нелепо говорить, что резеда есть только средство для аниотных глазок. Говорить, что надо жить для будущего, для грядущей анархической общестственности, нельзя. Часто ставят глупый вопрос: «Возможен ли сейчас анархизм?» Нужно жить так, чтобы он был сейчас возможен. Анархизм есть проблема настоящего, задача сегодняшнего дня, и только тогда она разрешится в будущем, когда мы ее разрешим в настоящем. Если я нахожусь в долине, а далеко передо мною высятся горы, то окружающий меня ландшафт оживляется видом гор, открывающимися перспективами, но я никогда не упускаю из вида, что реально я все же нахожусь на равнине. Вид гор озаряет окружающее меня и позволяет чуть-чуть предвидеть, но вся моя организация соответствует долине, в которой я нахожусь. Так и здесь – идеал помогает мне жить сегодня, но совсем не должен сбивать меня с толку и лишать чувства действительности. Идеал есть расширение области действительности, но не увлечение в страну снов и нереальностей.

Из всего, что было до сих пор сказано, вытекает, что смысл бытия и жизни должен быть и существует только в двух отношениях – настоящем и в вечности. Нужно жить каждым мгновением в вечности, но не жить ради завтрашнего или вчерашнего дня. Вечность должна сосредоточиться в мгновении и мгновение стать вечностью, а в остальном должно быть полное спокойствие. Абсолютно спокойно должен человек относиться к фазисам своего бытия. Как бы со стороны должен он смотреть на них: каждый имеет свои достоинства и недостатки, каждая культура – свои особенности. Нужно сохранить опыт всех культур, всех возрастов, и нельзя одно оценивать другим. Идеи, как индивидуальности, несравнимы, и этого никогда нельзя забывать. Можно сравнить те или другие их качества, но, поскольку в совокупности этих качеств проявляется нечто, присущее только данной индивидуальности, – нельзя сравнивать полноту выявления одной с полнотой выявления другой. Нельзя строить даже счастье всего мира на слезах хотя бы одного ребенка; нельзя говорить, что лучше одному погибнуть, чем всему народу, как говорилось это по поводу Христа...

Поэтому великой ложью звучат попытки утверждения социализма на принципе счастья большинства. Нельзя воздвигать стены города на крови младенца.

Только власть понятий приводит к общей нивелировке, к праву большинства. В принципе большинства выявляется отношение к человеку, как к вещи. Людей сравнивают подобно вещам, считают по числу голов – подобно скоту. Забвение того, что индивидуальности несравнимы, приводит к праву большинства, достойному только дикарей.

Семя новой культуры упало на человеческую почву. Оно хранит в себе потенции всего, что развернется впоследствии, оно является индивидуальностью, и в саду человеческих культур много растений, расцветших из подобных же семян. Там есть цветы дикие и примитивные, есть выхоленные и махровые – количество ничего там не значит, и только когда приходит косарь, чтобы уничтожить жизнь, он считает на пуды, ибо он имеет теперь дело уже не с цветами, а просто с сеном.

Представьте себе две или три идеи: одна из них воплотится в совокупность живых существ, называемых клеточками, станет человеком, другая воплотится в совокупность людей, которые будут для нее играть роль клеточек, а третья воплотится в совокупность людей, разделенных не только пространственно, но и временем, т.е. связанных историческим преемством. Так воплощаются индивидуальности в различные формы, но жизнь этих индивидуальностей проходит по большей части вне человеческого сознания, отражаясь в человеке инстинктами, влечениями, смутными побуждениями или же вполне оформленными влияниями, истинные причины которых человек не в силах разгадать своим сознанием, действующим в обычной человеческой жизни.

Поэтому преемственность культур возможна только для пневматического сознания, но не для сознания психического; лишь дух может облекаться в различные душевные одежды, душа же меняет только физическую оболочку. Отсюда следует тот факт, что преемство культур может осуществляться только благодаря эзотерическим братствам – они, и только они, представляют из себя духовную основу, на которой возникают различные оболочки-культуры. Только благодаря братствам посвященных не теряется опыт общечеловеческих переживаний, только благодаря им и их неустанной работе периоды зародышевого бытия культур неизмеримо сокращаются и там, где должны были бы пройти миллионы лет, там проходят столетия, много – тысячелетия.

Но там же хранятся и методы ускорения индивидуального развития, позволяющие производить сверхчеловеков в любую эпоху, не дожидаясь времен преображения, правда, в единичных случаях, а не в массовых. Тот, кто хочет и сможет, кто проникнет в лабиринты, скрывающие посвященных, может стать сверхчеловеком, если пожелает принести себя в жертву во имя любви. Однако образ сверхчеловека, каким он на самом деле должен быть, ничего общего не имеет со сверхчеловеком Ницше. Сверхчеловечество есть человечество последнего дня бытия Земли перед ее преображением, ибо пространству четырех измерений (трех измерений плюс одно измерение времени) несвойственно в земных условиях выносить бытие существ высших человека иначе, как исключение, «ненормальность». Поэтому история, как история человечества, должна иметь дело только с ним, а иначе нам придется говорить об истории ряда миров, их обитателей и об истории их взаимоотношений между собой. Здесь мы ограничимся только историей человечества.

Однако приходится различать историю сущности и историю формы, историю идеи и историю души, в земных же условиях еще и историю тела.

История духа есть история Адама Кадмона; история души есть история Адама Белиала или история Евы; история тела есть история Адама Протопласта, Адама дифференцированного и воплощенного.

Цепи причинности физической, психической и пневматической скрестились в том звене, которое называется земным человечеством.

Вот перед нами человеческая форма, человеческое тело. Оно возникло во времени, хотя идея его и предсуществовала независимо от души или идеи человечества. Теория эволюции до некоторой степени касается именно этой стороны бытия человека, ибо форма человека, его тело, прошло свой путь эволюции, но с момента отделения от общих форм примитивной протоплазмы зерно души человеческой падает, как человеческая энтелехия, и ограничивает специфически человеческую линию развития от линий параллельных. Сама энтелехия проходит свое развитие, и вместе с тем меняются линии сил, по которым строится физическое тело, т.е. по которым распределяются стихии. Наконец наступает момент, когда духовное начало может в свою очередь осенить человеческое существо, и оно увенчает человека, сходя на немногих, на тех, в ком всего мощнее любовь, воля и мудрость.

Итак, в самом низу океан протоплазмы, затем души, а затем духи. История совокупности душ и есть история человечества, история судьбы человечества в земных условиях: зачем оно сошло на землю, почему именно на эту землю, какие задачи лежат перед ним... Индивидуальность человечества ставит среди других и те задачи, которые ставит перед нами индивидуальность человека. Но индивидуальность человечества Земли – есть ли она действительно индивидуальность, отличная от индивидуальности человечества всех времен и всех планет вселенной?

В каком отношении стоят к душе человечества родовые души животных? Как относится душа Земли к душе человечества? Все это вопросы, без ответа на которые мы будем блуждать среди мрака, но уже теперь можно сказать, что, каковы бы ни были они, один ответ уже звучит: среди всех возможных и великих целей бытия всех существ есть одна предварительная – абсолютная свобода всех, такая свобода, которая открывает возможности действия только для сил любви, мудрости, красоты, добра и им подобных.

Сущности существ пребывают независимо от времени и пространства, но формы всегда ограничены во времени и пространстве. Поэтому чрезвычайно важно ответить на вопрос, чем является человечество, его исторические категории, эпохи и культуры. Может быть, Адам Кадмон только форма, как только формами являются миры? Может быть, есть субстанциональные формы, стоящие выше определений пространства и времени? Бесконечное число вопросов первостепенной важности встает перед нами, и чем дальше мы идем в своем исследовании, тем сложнее и труднее эти вопросы.

Человек, согласно Валентину, вместе с церковью входит во вторую тетраду, изшедшую из неизреченного молчания, т.е. из бездны. Из Человека и Церкви исходят двенадцать Эонов. Последний Эон – София становится началом низших миров, где властвует Демиург. Демиург создает человека низа, но в него влагается образ высшего человека, в него влагается, уже помимо Демиурга, отблеск Божественной сущности; и, таким образом, история человечества есть история возвращения и попыток к нему со стороны божественной искры, закутанной в оболочки земного бытия.

Таким образом, исторический процесс представляет из себя процесс двойной: инволюции завертывания и эволюции развертывания. Можно сказать, что от Бога исходит эманация, представляющая собой поток становящихся возможностей, имеющих две стороны – внешнюю и внутреннюю. Первая сторона – сторона инволютивная – в смысле внутреннем есть выявление возможностей внешних на объективном фоне бытия, причем достигается наинизшее положение – чистая материя, и отсюда начинается поворот всего потока. Его становление приобретает фон субъективного бытия и направляется вновь к Богу, причем крайняя дифференция, сопряженная с крайним упрощением внутреннего содержания, полным опустошением, излиянием до конца в объективное, сменяется постепенным и все большим усложнением – собиранием вовнутрь опыта внешней жизни и развитием этой внутренней жизни вплоть до божественности.

Вопрос об эманации и креации не имеет никакого смысла, так как это понятия, налагающиеся друг на друга и взаимно покрывающие. Разница между ними происходит от придания времени слишком большого субстанционального значения. Пульс человечества бьется в его культурах, и потому они суть оболочки или формы становления, хотя надо помнить, что то, что на известной ступени является формой, то на другой ступени оказывается сущностью, и обратно. Придет время, когда даже Адам Кадмон поднимется в высшие миры и тело его умрет, а человечество станет сверхчеловечеством. Принимая во внимание все сказанное, мы видим, что на протяжении истории в процесс становления входят факторы различных миров и действительный исторический процесс есть равнодействующая всех равнодействующих частных, поэтому совершенно невозможно в истории предсказание, но возможно предвидение, т.е. можно сказать, что можно нечто предвидеть в большей или меньшей степени и, предвидя, принять меры сообразно этому предвидению, но именно поэтому ничего нельзя предсказать, ибо предвидение изменяет будущее.

Нет ничего предопределенного в ходе истории, кроме симптомов, ибо с другой точки зрения, с точки зрения социологии, статистические законы больших чисел суть только симптомы, но никогда не причины, имманентные сами по себе историческому процессу. Хотя реакция сознания на знание этих симптомов может стать одним из факторов процесса истории, симптомы дают возможность нечто констатировать, нечто предвидеть, но они сами не представляют сил и не являются признаками предопределяющих сил.

И, однако, вопрос сводится к проблеме отношений между индивидом и средой, между активным и пассивным, между формой и содержанием, между субъектом и объектом, между миром и его обитателями – так мы приходим снова к категории двойственности, ибо объект для меня – для себя есть субъект, а раз дело идет о двух субъектах – «Я» и «не-Я», – перед нами развернется тот процесс, который в нашем сознании явится как процесс диалектический.

Резюмируя все сказанное, мы можем сказать, что номографической формой мышления является индуктивная логика, идеографической формой мышления является диалектика и обе они представляют из себя применение дедукции как мышления от общего к частному, данному в бытии. Индукция приводит нас к классификации, а диалектика – к учению о типовых формах развития.

Истории приходится иметь дело с условиями необходимыми и достаточными. Все необходимые условия принадлежат к номологии, а все достаточные – к идеографии. Смещение этих точек зрения приводит к ряду недоразумений в вопросах о возможных закономерностях исторического процесса.

Мы так привыкли свою мысль сообразовывать с тем ходом вещей, которым мы определяем само течение времени, что, когда мы ставим вопрос о влиянии прошлого на настоящее и будущее, мы никак не можем обычно представить себе, что возможно поставить вопрос и обратный – о влиянии будущего на настоящее и на прошлое. Оба эти вопроса можно формулировать как проблему о взаимоотношениях между настоящим, прошлым и будущим. В какой мере можно говорить о том, что в настоящем присутствует прошлое и будущее? В какой мере можно говорить о том, что будущее и настоящее заключено в прошлом? В какой мере можно говорить о том, что в будущем присутствует прошлое и настоящее? Вопрос сводится, конечно, к особенностям действия сил, ибо с этим связаны проблемы причинности и целесообразности.

В свою очередь все это зависит от ответа на вопрос: что мы будем понимать под возможностью и действительностью и как понимать, что переход от причины к действию однозначен, а переход от действия к причине многозначен. Это значит только то, что наше познание предопределено в своем антропоморфизме, ибо оно есть познание человеческое. В том, что мы всегда, поскольку мы люди, должны мыслить причину, как образ действий единственного субъекта – меня самого, в этом проявляется функционирование в нас Адама Кадмона, Адама Белиала и Адама Протопласта Каббалы, ибо на самом деле можно без противоречий мыслить иначе и даже в каком угодно порядке, т.к. само тождество, противоречие и исключение третьего связаны со свойствами того зеркала, которым является наше сознание, но отнюдь не с соотношениями идей или индивидуальностей между собой.

Зеркало нашего сознания отличается от обычных зеркал между прочим тем, что если в нем отражаются две идеи, отражение которых как понятия квалифицируются в сознании как противоречивые, то зеркало трескается при попытке внедрения в сознание двух таких понятий одновременно.

Глава 10-я

Если мы возьмем область чистых идей, мир чистых идей, то эти идеи предстанут перед нами как индивидуальности, как живые существа, обладающие своей волей, своим знанием, своей жизнью. В мире идей проходит жизнь этих идей. Эти идеи что-то говорят там, как-то общаются. И общение этих идей друг с другом есть их разговор между собой. Их разговор воплощается в нашей жизни, во вселенной, в мире как та основа, внутренняя сущность, которая лежит в глубине явлений этого мира и в глубине его процессов. Эти идеи-индивидуальности и суть те «вещи в себе», о которых говорит Кант и о которых на основании одних проявлений еще нельзя ничего сказать по поводу других, как нельзя ничего сказать о свойствах человеческого зрения на основании знания свойств его других внешних чувств. Мы могли бы сказать, что когда в мире совершаются процессы, то, в сущности, это разговаривают идеи, звучат слова их разговора, а сам процесс есть речь переговаривающихся между собой идей. Звуки их слов представляют собой не только колебания, движения воздуха, но и движения других средин – вообще всевозможные формообразования.

В мире идей мы можем остановить свое внимание на одной какой-нибудь идее и рассмотреть ее частную жизнь, ее характер, ее историю. Как живет эта идея, в чем проявляется ее жизнь, ее воля, ее мудрость, ее любовь.

Присматриваясь к жизни отдельной идеи, мы сможем заметить, что жизнь идеи-индивидуальности заключается в том, что можно охарактеризовать как саморазвитие, самораскрытие, самотворчество, и это самораскрытие идеи как раз и является тем самым диалектическим процессом, о котором говорил Гегель. Гегель уловил какие-то отблески реально сущих отношений. Он уловил отблески, но не самые отношения, так как счел разум человеческий осколком разума вселенского, тогда как он только тень этого разума, как понятия — продукты человеческого разума, суть только тени идей — продуктов разума вселенского.

Если мы возьмем индивидуальность, хотя бы человеческую, то увидим, что в течение ее жизни на земле она как бы растет, развивается, раскрывается. Раскрываются заложенные в ней потенции и снова уходят. Дело происходит так, как будто было брошено зерно, оно было погребено в земле и из земли стало расти, пускать корни, выгонять стебель, дало, наконец, цветок, плод, снова зерно... Из зерна вырастает целое растение, выявляет все свои возможности и затем отмирает, дав место новым зернам и новым возможностям. Нечто подобное происходит с идеями в жизни. Наша жизнь происходит в диалектическом процессе самораскрытия, саморазвития, эволюции. Но когда мы пытаемся уложить эти идеи в рамки понятий, в логические схемы — мы ошибаемся. Идея — живое существо, идея — это мы сами, идея есть Иван Иванович, и идея есть моя собака Цезарь, инфузория и былинка в поле...

Платон утверждал бытие мира идей, и этот мир идей существует совершенно независимо от наших мозгов. Мы сами суть только рожденные в земной юдоли идеи. Но дело происходит так, что от идей как бы отбрасываются тени, и эти тени попадают в наши черепные коробки и бродят в наших мозгах. В пещере нашего черепа пребывает наше сознание, и перед ним проходят тени идей — понятия...

Когда из всевозможных переживаний создаются восприятия и отлагаются в представлениях — они служат в мозгу как бы заклинательными формулами для вызывания теней из потустороннего для них мира идей, и тени эти являются как понятия. Как жизнь тени может не иметь ничего общего с жизнью своего оригинала, так и жизнь понятий может чрезвычайно далеко отстоять от жизни идей. Поэтому является грубой ошибкой считать, что диалектический процесс в его сущности свойствен понятиям, как таковым. Если мы говорим о диалектическом процессе — мы говорим об идеях, о мире идей. Совершенно ясно, что должна быть идея идей, как бы мы ее ни называли — «добром», согласно Платону, «Богом» александрийских представлений или же «монадой монад» Лейбница, это безразлично. Мир идей характерен тем, что он сам является индивидуальностью, он сам родился и всё время рождается из еще более высоких областей. Отсюда ясно, что «диалектика» есть нечто сущее только в мире идей и только для идей существующее; если же мы говорим о мире образов или о мире стихий, то к ним эта терминология совершенно неприменима.

В мире образов мы можем воспринимать только образы, и потому там сами понятия могут явиться только своими образными оболочками постольку, поскольку они смогут закутаться в понятия, стать личностями. Если же мы опустимся в мир стихий, то ставшие образными идеи должны пропитать свою образность стихийностью, чтобы стать восприимлемыми органами внешних чувств. Тогда то, что для мира идей является диалектическим процессом, для мира образов станет процессом сопереживаний, а для мира стихий — совокупностью движений.

В процессе становления развертывается содержание идеи, бытие возможное становится бытием действительным, как сказали бы схоласты, и этот процесс развертывания и есть эволюция. Идея эволюционирует в становлении, во время которого она эволюирует свое содержание. Это имманентное, самой идее присущее развитие, взятое в свою очередь как возможность, есть монолог идеи с самой собой, в действительности превращающийся в диалог со своим прошлым. Каждая идея есть субъект, и только потому возникает диалектика, ибо она предполагает не возникновение двух «Я» из «Я» и «Ты», но двух «Я», отдельных до синтеза. Только в окончательном синтезе из двух «Я» возникает «Мы», после чего весь процесс развивается дальше через «Вы» к новым формам.

Представим себе рост растения из семени. Весь процесс роста является цепью связанных между собой фазисов. То, что было внутри семени как возможность, постепенно переходит в действительность. «Я» растения развертывает себя, свои потенции. Но возможное бытие стихийного мира уже существует как действительное бытие мира образов, и возможное бытие мира образов есть действительное бытие мира идей, поэтому в растении уже совершенно выявлен «прообраз», как сказал бы Гёте, самого растения, как он развернулся в действительность в условиях данной среды.

Пусть перед нами дуб. Его идея целиком содержится в желуде, как она содержится и в дереве. Эта идея развертывает свое содержание, когда из желудя вырастает дуб и содержание облекается в формы, которые эволюируют из идеи. Однако в реальности образного мира уже в форме желудя существует и форма всего дерева, путем наследственности образовавшаяся как родовая форма, и эта родовая форма облекается в стихийное тело — тело эволюирует из формы. Правильнее сказать, что тело не эволюирует из формы, но эвольвентирует, т.е. тело не развертывает форму, но окутывает ее стихиями.

Процесс перехода от бытия возможного к бытию реальному, становление идеи дуба, есть в действительности та форма, в которой раскрывается нам диалектический процесс. То, что в области субъектов есть диалектика, то в области объектов является как рост и развитие.

Представьте себе, что от волнующейся поверхности воды отблески солнца падают через окно на белую стену комнаты — тогда эти отблески будут в таком же отношении к текущей и волнующейся воде, как понятия — к идеям и их жизни. Диалектический процесс присущ не понятиям, а идеям, и совершенно абсурдно говорить о диалектическом процессе где-либо, кроме мира идей, ибо только там существует противопоставление субъекта и объекта, а вне этого противопоставления так же нелепо говорить о диалектике, как нелепо говорить о весе или длине идей...

Но что же такое сама идея? Где можно ее найти в реальном мире, хотя бы и закутанной в формы и стихии? Есть ли идея-человек? Будет ли идеей муравейник или камень? Может быть, идея — это тип, род, порода?.. Вот капля воды — присуща ли ей её особая идея, или же это не так, и идея есть только у воды, взятой в совокупности? Если спросить физика или химика, существует ли такой-то химический элемент, то его ответ будет ссылкой на опыт. Если теперь спросить — существует ли или нет идея, например, данного камня, то, чтобы ответить, надо точно так же сослаться на опыт, надо иметь в руках экспериментальный метод, годный для мира идей.

Понятно, что эксперимент в мире идей есть нечто, существенно иное, сравнительно с экспериментом в мире обычной действительности. Типичным примером эксперимента в мире образов может служить любое геометрическое исследование, любой роман или трагедия. Когда же мы переходим к миру идей, то вступаем в область определенной онтологии, ибо там каждый разговор идей рождает идеи, т.е. бытие, почему и в области отражений идей существует тенденция выдавать часто слова пустые за слова значимые, за имена. Так, исходными моментами для Канта были факты — факт бытия человеческого разума как такового, факт бытия метафизики и т.п. Из этих фактов развертывал Кант свое учение об априоризме в дальнейшем.

Попробуем теперь войти в мир идей. Мы увидим перед собой массу идей, которые являются нам как индивидуальности, подобные нам самим, напоминающие что-то вроде лейбницевских монад. В этом обществе идей происходит разговор, спор, диалектическое развитие. И этот спор идей есть в то же время развитие коллектива идей и отдельных идей. Саморазвитие же идеи совершается путем как бы постоянного самоотрицания — жертвы и нового рождения — самоутверждения. Процесс самораскрытия идей и есть наша жизнь, жизнь мира...

Одни идеи, выявляясь, дают жизнь нашему миру, другие идеи являют иные миры; комплексы идей лежат в основе вселенных, как системы необходимых, достаточных и непротиворечивых постулатов лежат в основе различных геометрий. Каждая такая система идей, комплекс идей, дает в свою очередь идею той или иной

вселенной в комплексе, каждая отдельная идея является признаком, членом содержания общей идеи. Так, в идее человечества отдельный человек является не членом объема, а членом содержания идеи.

Мы вошли в царство идей, которые решили диалектически выявить себя так, что в результате их жизнь, их выявление, их эволюция и была становлением. Другие идеи легли в основу других миров, может быть, ничего общего с нашим не имеющих. Совокупности идей группируются в классы и комплексы, рождающие из себя новые совокупности идей, лежащих в основе Р-мерного пространства, включают в себе свойства этого пространства, возможности присущих ему сил, действий, процессов и т.п. Существуют, конечно, идеи и комплексы их, проявляющие себя совершенно иначе.

Подобно сказанному, происходит становление и в пределах одного какого-либо мира. Взятое как таковое, это становление проходит ряд фазисов, вернее, отображается в ряде фазисов, располагающихся во времени и пространстве. Совокупность фазисов образует ритм становления, и древние с их представлениями о катастрофах — мировых пожарах, потопах и пр., — которыми оканчиваются фазисы бытия миров, выражали создаваемое ими чувство ритмичности проявления и исчезновения вселенной.

Конечно, и это нужно сказать уже теперь, зародыши бытия, зародыши сущего, исходят из еще более высоких сфер, чем сферы идей, и в мире идей эти зародыши окутываются в оболочки, состоящие из чистой мысли. Первоформа бытия есть идея, и слово-логос в мире идей обладает формирующей силой, но не силой образования зародышей, сущность которых лежит за пределами разделения на бытие и небытие. Это нечто вроде остатков от плодов бытия прошлых вселенных, понимая «прошлое» не во временном смысле: это вроде воспоминаний у Бога, если только можно позволить себе такое нелепое выражение.

Возвращаясь теперь к продолжению нашей темы, мы можем сказать, что ритмически происходит становление и уничтожение миров и вселенных, ритмически происходит цветение и увядание растений, животных и людей, ритмически появляются и исчезают культуры и эпохи в истории человечества, в истории Земли и Солнечной системы.

Наша вселенная есть совокупность идей, которые облекли себя в образы, а затем окутались стихиями и произвели этим путем космос из хаоса. Развернув свое содержание в фазисах образной жизни, идеи увянут, принеся семена для новой манвантары, а сами семена останутся в пралайе; вселенная исчезнет, и останутся только спящие в пралайе семена грядущего. А потом снова проснутся семена, родятся для бытия и, как сыны Элоима, выйдут в бытие, облеченные в оболочки идей. Так совершается работа, о которой нам ничего не могут сообщить наши понятия, ибо задачи, лежащие перед идеями в мире идей, не укладываются в рамки нашего рассудочного познания, как и цель нашей жизни, цель жизни идеи, которая есть мое «Я», есть потенции зерна, явившегося в результате цветения жизней предыдущих манвантар, потенции вечного и даже того, что исходит из сверхбытия...

Везде, где мы имеем дело со становлением, с развитием, с временем, в котором это развитие протекает, с историей — мы имеем смену фазисов, а стало быть, ритмы. Период, фазис, ритмы связаны со становлением, и вся жизнь, рассматриваемая с этой точки зрения, складывается из своеобразных цепочек причинностей, проявляющихся в единствах типов развития и сплетающихся в сеть мировой причинности.

Подходя с этой точки зрения к истории, мы видим, что народы и культуры возникают, растут, развиваются, достигают максимума и склоняются к закату. Однако не надо забывать, что фазисы, взятые в их индивидуальных особенностях, сами суть идеи и индивидуальности. Так, мы можем говорить об идеях развития, об идеях, лежащих в основе того или другого периода культуры, об эпохах влияния тех или других идей. Для более крупных периодов еще со времен гностиков стало довольно обычным название «эонов», под которыми подразумевался как сам период времени, так и та индивидуальность, которая проявляла себя в течение этого периода, чьим

выражением являлась данная эпоха. Эоны — это как бы существа, которые дают цель и основу данной эпохе: они являются как бы принципами систем закономерностей, лежащих в основе развития и делающих возможным и само развитие.

Эоны — колоссальные периоды времени, в продолжении которых вселенная проходит одну манвантару. В течение одного эона времени во вселенной совершается воплощение эона, как отдельной идеи. На гигантском фоне эонов вся история человечества простирается, как эпизод. Но человек так же древен, как и человечество в целом, а земная история есть история совокупности тех, кто стал людьми и кто сам по себе всегда древнее Земли и земель, а стало быть, и человечеств. И когда исторические горизонты раздвигаются в беспредельность, как оно и должно быть, если мы не хотим оставаться при куриных глазомерах современных историков, то необходимы радикальные переоценки событий и лиц, если только мы желаем дать себе отчет в совершающемся.

В течение тех необозримых периодов времени, когда человечество проходило разнообразные фазисы своего бытия, на поверхность истории всплывали то одни, то другие народы, расы, общины, группы. Все они, каждый по своему, проходили свои собственные фазисы становления, а их цепи причинностей и целесообразностей сплетались вместе, образуя из нитей все более толстые канаты общих процессов. При этом истории родовые или народные совсем не аналогичны историям индивидов, хотя и переплетаются они самыми причудливыми узорами. Тем не менее развитый Геккелем биогенетический закон, хотя и с большими поправками, в основе все же правилен, и в известной мере онтогенезис и филогенезис всегда являются отражениями друг друга.

История развития рода и история развития индивида заключают в себе одни и те же фазисы, причем те или другие из них могут сильно сокращаться почти до полного выпадения или же, наоборот, растягиваться, смотря по условиям и обстоятельствам. Однако здесь надо быть осмотрительным. Если мы будем рассматривать историю какого-либо народа, сопоставляя ее с историей отдельного человека, установив тождество фазисов детства, юности, зрелости, старости и дряхлости, то в случае с отдельным человеком — человек умирает, его душа идет в иные миры, а тело рассыпается, возвращаясь стихиям, из которых оно и было образовано; в случае же с народом дело обстоит иначе, ибо там после периода дряхлости может наступить возрождение, так как тело народа не рассыпается и может стать сосудом новой души, хотя бы и связанной с прежней. Может произойти явление, подобное почкованию, и тогда от народа ответвляется нечто новое, или же произойдет прививка нового и т.д. Тем не менее принимая все предосторожности, можно пользоваться указанным биогенетическим законом, который является, собственно говоря, чем-то аналогичным закону сложения гармонических колебаний, и тогда можно провести аналогию между развитием народа и развитием индивида, принимая то и другое в их типических фазисах.

Возьмем какой-либо народ в состоянии его детства. Его жизнь подобна во многом жизни ребенка; его душа, как душа ребенка, только что пришедшая из иных миров, еще не забыла впечатлений этих миров и потому в мир восприятий стихийного вносит неосознанные восприятия мира образов и живет в своеобразном мире фантазии, перемешанной с ощущениями. Его мир — мир продуктивного воображения, мир фантазии. Рассмотрим теперь тот же народ, но на склоне его жизни, в период его упадка. Подобно старику, народ начинает снова жить фантазией, т.е. слабеют силы тела и постепенно его душа начинает отходить от этого мира, но воображение, которым он теперь живет, уже не воображение продуктивное, как было в детстве, но репродуктивное, т.е. воспоминания. Народ в период упадка, как и старик, живет памятью о прошлом.

Вот перед нами молодой народ или молодой человек, только что вышедшие из состояния детства. В этот период еще не существует личности и «Я» не погребено еще в саркофаг из понятий, но зато оно и не осознается, оно еще не выкристаллизовалось из природы и из рода.

Лишь постепенно в нем начинается диалектический процесс развертывания, сказывающийся в том, что все более сознание индивида отделяется от рода и природы. Народ или отдельный человек замыкается, уходит от мира, его окружающего, все более погружается в самого себя; создает города и городскую культуру, все более мощно возникают перед ним вопросы общественные. Все облачается понятиями, возникает право, наука, философия; человек (народ) отворачивается от природы, и природа в свою очередь закутывается непроницаемым покровом от человека. Возникают идеологии, появляются идеалисты с идеалами, развертывается борьба личных честолюбий. Боги-идеи, боги-понятия начинают царить в обществе, возникает возможность идолопоклонства, борьбы сект за власть и господство. Эгоизм, как таковой, овладевает миром. Но в то же время происходит осознание самого себя народом или индивидом.

А далее лежат два пути: или осознавшая себя индивидуальность разрывает эту скорлупу личности и поднимается над эгоизмом через жертву, и тогда для нее раскрываются новые возможности, или же она не сможет это сделать, и тогда душа постепенно умрет под непроницаемой скорлупой эгоизма, народ будет захвачен старческой болезнью ригоризма, схоластики, формализма; постепенно будут сгнивать общественные скрепы, ржавчина разврата и всяческого морального разложения подточит все социальные связи, и достаточно будет небольшого внешнего толчка, чтобы все развалилось.

В момент, когда личность образует уже почти непроницаемую скорлупу и превращается в саркофаг, или же задолго до этого, но предвидя возможность смерти, объявляется крестовый поход для освобождения Гроба Господня, ибо погребается божественное «Я» человека или народа. Нужен новый порыв, новое могучее напряжение воли, чтобы освободить погребенную частицу Бога. Если этот порыв, этот крестовый поход, Троянская война или борьба за Иерусалим увенчивается успехом — наступает возрождение независимо от того, чем окончилась борьба на плане действительной войны, в противном же случае дело кончается гибелью. В частности, надо самим быть не вполне далекими людьми, чтобы думать, что крестовые походы происходили в силу идеи освобождения физического гроба. Для тех, кто импульсировал движение, а также и для тех, кто побывал в Иерусалиме сам, было совершенно ясно, что физический гроб — фикция. Вождам крестовых походов нужен был подъем масс, конечно понимая под «вождями» тех, кто внутренне вдохновлял движение, подъем масс к чему-то сверхличному, приобщая их к энтузиазму, который разбил бы или по крайней мере ослабил скорлупу эгоизма и личности.

И надо быть изрядным идиотом, чтобы такое явление, как крестовый поход детей, подводить под действие экономическо-производственных сил.

В порыве самоотдачи человек должен был подняться до жертвы, освободить свое божественное «Я», чтобы оно вновь сделалось способным к новому творчеству. И хотя крестовые походы окончились неудачей, хотя первое и подлинно грандиозное Возрождение потерпело поражение, так как нарождающееся орденское рыцарство было раздавлено абсолютизмом, все мы до сих пор живем на «капитал», оставленный нам той эпохой. До сих пор действует силы, приведенные в движение в средние века, когда был поставлен вопрос о жизни и смерти культуры Западной Европы, когда крестовые походы внешне и внутренне сделали возможной эту культуру, несмотря на страшное противодействие сил иного порядка. Рим сделал все, чтобы раздавить поднимающуюся акратию, короли сделали все, чтобы раздавить поднимающуюся анархию, власть Антихриста, как говорили тогда, восторжествовала, но и она не смогла аннулировать того, что уже было сделано. И все-таки дальнейшие века были исковерканы, оболочка личности не была окончательно прорвана; восторжествовало римское право, право собственности, государство, схоластика понятий, сектантство идеологий, дикая борьба за существование и, наконец, наука, ремесленная наука не познания, а мнения, — дитя схоластики и римского права.

В нашу эпоху над нами снова навис кризис, и что из него выйдет, никто не может сказать. Если новые крестоносцы одержат верх, взойдет заря новой жизни — жизни

без власти, без государства и капитала. Каждый из нас должен дать себе отчет перед своей совестью и решить, куда он станет сам, под чьи знамена — под знамена ли Христа, знамена безвластия и любви, или же под знамена того, кому принадлежат «власть и царства»...

Глава 11-я

Когда мы берем какую-либо идею или индивидуальность и следим за развертыванием, эволюцией этой идеи, за процессом диалектического становления ее, то мы найдем, что каждой идее свойственно то или иное количество воли, как бы определенный волевой заряд, подобно тому, как это имеет место в мире образов, где каждому образу свойственен определенный эмоциональный заряд, или же миру тел, где каждому телу отвечает определенное количество заряда энергии; так и в мире идей каждой идее присущ определенный волевой заряд.

Будем рассматривать совокупность каких-либо тел вместе с той энергией, которая им присуща. Вообще говоря, перед нами будет хаос случайных взаимодействий. Перед нами будет хаос стихийных сил, и только тогда возможно будет усмотреть в них космос, когда этим силам удастся придать какую-либо координацию, т.е. придать им какой-нибудь образ действия, соответствующий тому, что мы склонны называть правильностью формы. Ясно, что «правильность», «форма» и т.п. есть нечто присоединяющееся к хаосу стихий, присоединяющееся из другой сферы — из мира образов. Как только это будет сделано, так сейчас же хаос станет космосом, ибо он упорядочится.

Возьмем теперь совокупность образов. Каждому образу присущ некоторый заряд эмоций, и если между образами будет происходить взаимодействие, случайное и беспорядочное, — получится хаос желаний. Из этого хаоса может получиться космос и гармония только в том случае, если образы и их эмоции координируются какой-либо общей идеей, общим принципом. Совершенно таким же образом мы придем к тому, что совокупность идей с соответствующими зарядами воли, вообще говоря, даст хаос воли, пока не явится нечто, еще более высокое, что сможет координировать эти воли в нечто гармоническое.

В процессе диалектического развития создаются различные ступени бытия, выявляются индивиды различных порядков совершенства, но все они между собой не координированы. Первоначальная форма упорядочения стихийных сил, объединения их стремления, приводит к единому движению стихий, и это единое движение может быть обозначено как хоровод, как вихрь, как первая простейшая форма единства движения, обладающая собственной устойчивостью. Совершенно таким же образом первоначальной формой координации желаний и эмоций, их согласие проявляется как хор, как единая эмоция, звучащая в хоровом единстве многих голосов. Наконец, примитивной формой координации воли является хоря с ее единым устремлением.

Хоровод, хор, хоря — три формы объединения, соответствующие трем мирам, три формы вихря как единого устремления, обладающего устойчивостью.

Представим теперь себе историю человечества как бы с высоты птичьего полета. Пусть тысячелетия станут перед нами «как один день». Тогда развернется перед нами гигантская всечеловеческая хоря, необозримый хор, бесконечный хоровод-вихрь, поднимающийся от глубин материального к высотам человекобожества. Однако мы увидим, что и с недостижимых верхов навстречу нисходит вихрь богочеловечества. Так, над планетами нашего мира поднимаются вихри, сливающиеся в необъятную хорю вселенского подъема. Каждая планетная хоря образует как бы атом-монаду, психопневматическую клеточку человека-Димиурга, и так без конца...

В результате подобных вихревых процессов рождается нечто более высокое, то, что может быть названо стремлением в историческом процессе, порывом творческой эволюции от человека к Богу, к человекобожеству. Поднимаясь к более высокому и великому, этот процесс есть в то же время и обратный процесс — нисхождения

в низы, процесс жертвы, процесс богочеловечества. Оба процесса суть только два подхода к единому процессу, который как состояние подвижного равновесия образует Грааль.

Во имя чего объединяются люди? То, во имя чего они объединяются, сошло к ним, а они подняли себя в своем единстве навстречу нисходящему. Люди соединились вместе, потому что есть идеи, соединяющие их, ибо жизнь человечества в главной массе есть жизнь психическая. В области сил стихийных должен явиться образ, которого нет среди стихий, но по которому должны быть упорядочены действия стихийных сил. Такой образ может явиться среди стихий, подходя к ним изнутри, преобразуя их молекулярные свойства, их общие признаки, или же внешне, как подходит к ним, например, человек с его идеей машины. Чтобы упорядочить мир образов, душ, эмоций, нужно, чтобы из более высокого мира сошла упорядочивающая идея... Нужно, чтобы было то, что стоит желать, нужно, чтобы явилась цель, в устремлении к которой слились бы все отдельные разнородные желания.

Но что же должно сойти из мира божественного, чтобы гармонизировать идеи? Что может гармонизировать совокупность совершенно различных индивидуальностей? Что может привести к хорее как к первому шагу на пути объединения? Если мы заглянем внутрь какой-либо индивидуальности, какой-либо идеи, то окажется, что объединить их может только то, что может быть охарактеризовано как вера, знание, гнозис, интуиция и т.д., — «вещей обличение невидимых», которое определяет отношение индивидуальности-идеи к миру божественному. Мы можем называть это «верой», но должны резко различать от веры в обычном смысле слова. Эту веру мы определим как чувство реальности сверхбытия, причем слово «чувство» надо понимать весьма относительно и переносно: нечто, рождающееся из глубин гнозиса, из всей мощи познания... Всякое иное представление о вере дает только суеверие.

То, что мы здесь называем верой, есть как бы чувство, стоящее за гранью познания и над ним как отблеск божества, которое, как единая цель, воплощается в мире идей. Через такое соотношение с богом, которое мы здесь назвали верой, дух признает бога, ибо бог непознаваем, подобно тому, как нельзя почувствовать дух, нельзя пощупать душу.

По отношению к миру физическому у нас есть осязание, с душевным мы сочувствуем, с духовным — приобщаемся к божественному, и это приобщение совершается через указанное выше функционирование веры. И вот, когда совокупность индивидуальностей охвачена могучей единой верой, которая разоблачает имена вещей невидимых, тогда они гармонизируются в могучую хорею, в единую космическую волю. Но на этой ступени уже нельзя применять представление о цели, ибо цель присуща миру желаний, области душ. В области чистого духа нет уже целей, так как там не происходит процессов развития, подобных происходящим в мире духовном. Идея рождается из божественного, а затем начинается ее становление в мире душевном, нисхождение вплоть до материи, конечно, говоря о тех идеях, путь которых именно таков.

Возвращаясь к проблеме исторического процесса, мы должны иметь в виду, что все элементы, о которых мы только что говорили, должны войти в него своими влияниями, должны определить его, как результирующие налагающихся друг на друга соотношений. Весь исторический процесс с этих точек зрения может быть охарактеризован как борьба двух тенденций — хаотизации и гармонизации. Так могут быть охарактеризованы две основные силы истории — сила гармонизирующая и сила дисгармонизирующая.

Гармонизация дает в конце концов хорею, вихрь единства воли, устремленных к подъему, к верхам; хорея в вихревом движении увлекает более слабых, помогает им в порыве энтузиазма очиститься и подняться силою общего подъема. Задача создания хорей есть задача создания облагораживающей среды, такой среды, в которой даже слабые могли бы подниматься. Задача создания хорей есть задача создания такой общественности, таких социальных условий, которые помогали бы личности, даже относительно слабой, увлечься общим примером, заразиться общим энтузиаз-

мом к добру. Как окончательная цель, как идеал перед нами лежит апокалиптический образ преображения Человечества и Земли, достижения того, чтобы человечество слилось в едином могучем устремлении, чтобы всечеловеческая хорея увлекла человечество к «новой земле и новому небу», чтобы наступило вознесение Человечества, ибо сейчас оно распято, но воскреснет, когда вихрь поднимающейся хорей разметет пелены гроба и отвалит камень, когда человечество будет ничего не бояться и презирать зло.

Течение процесса гармонизации приходится рассматривать на различных ступенях его проявления. В истории человеческого общества этот процесс является одновременно и как хоровод, и как хор, и как хорея, переплетающиеся во всевозможных сочетаниях. И на тех же ступенях можно видеть действие противоположных, дисгармонирующих сил... Эти силы в свою очередь стремятся создать свои хороводы, хоры и хорей, но направленные в противную сторону. В течениях последнего типа процесс совершается так, что более тяжелое увлекает более духовное в низы.

Когда мы рассматриваем, как происходит борьба этих двух течений, то видим, что во всех случаях существуют отдельные как бы моменты, атомы индивидуальности, личности, монады, которые и развертывают в диалектическом процессе скрытые в них потенции. Вопрос теперь сводится к тому, как это развертывание будет совершаться — координируясь или дисгармонируя у различных единиц, взятых в совокупности, будет ли развитие одной монады помогать развитию другой или же будет его задерживать, будет ему мешать. С имманентной необходимостью развертываются фазисы становления отдельной монады, но в своем развертывании они встречаются с развертыванием других монад, и становление одной влияет на становление другой, видоизменяет формы выявления самих фазисов.

Фазисы следуют с необходимостью, имманентной той индивидуальности, которая их развертывает, но то, как этим фазисам удастся проявиться в жизни, зависит уже не только от одной данной индивидуальности, но от совокупности окружающих ее индивидуальностей — от среды, от окружающих условий. Закономерность последовательности развертывания фазисов присуща самой идее-индивидуальности. Сперва молодость, потом возмужалость, а затем уже старость, но не наоборот, и так во всем. Однако много значит, в каких условиях пришлось мне провести мою молодость. Может быть, эта молодость прошла так, что весь фазис возмужалости я проболел и отправился на тот свет, не дождавшись совсем старости. Пшеничное зерно может принести несколько новых зерен, а может быть съедено человеком или птицей, может сгнить.

Когда эта внутренняя, имманентная закономерность моего собственного развития встречается с чужой закономерностью, то для меня эта чужая закономерность является чем-то посторонним, она меня определяет как гетерономия, а не автономия, она для меня нечто даже враждебное. Имманентная другой индивидуальности необходимость переживается мною как нечто, меня давящее, определяющее, чисто внешне на меня действующее. Так встречаются две независимых цепи причинности, образуя общее звено. Это общее звено оказывается, вообще говоря, случайностью с точки зрения каждой отдельной индивидуальности; так как оно не находится в цепи, оно не может быть объяснено с точки зрения только данной, единственно мне присущей, мне имманентной причинности; оно обуславливается чем-то мне посторонним, и это постороннее врывается как случай.

Пусть перед нами два яйца. Оба они могут развернуть свою внутреннюю закономерность и образовать цыплят. Но вот они столкнулись и разбились. С цыплячьей точки зрения — это несчастный случай. Тем не менее, можно указать некоторую новую цепь причинности, в которой факт столкновения и взаимного разбития двух яиц вполне обусловлен, является уже не случайностью, но вполне закономерным звеном. Поэтому для каждой данной цепи причинности можно указать ей случайный фактор, и для каждого случайного факта можно указать ту цепь, в которой он явится обусловленным, в которой он явится закономерным звеном.

Если теперь подойти к историческому процессу с точки зрения только что изложенного, то перед нами предстанет совокупность отдельных людей как переплетение различных цепей причинности, развивающихся диалектически. При этом надо помнить, что главной сферой проявления человека является область психизма. Поэтому наиболее явно и ярко действуют в человечестве силы гармонизации и дисгармонизации, присущие миру эмоций, т.е. идеи, всплывающие в сознании людей как понятия, которые они принимают за подлинные идеи. Такие идеи, насыщенные эмоциями в чрезвычайно большой степени, выявляются своей борьбой за власть над людьми. Сами же люди суть главным образом личности, индивидуальности которых сущи только в потенции. И здесь точно так же, как в кинетической теории газов, где движение отдельных молекул в общей массе создавало теплоту, так и здесь жизнь отдельных людей создает жизнь человечества как нечто целое и совершенно новое, принципиально отличное от жизней индивидов и личностей, как теплота отлична с этой точки зрения от движения молекулы. Рассматривая же человечество как нечто единое, мы должны различать и в нем телесное, душевное и духовное.

Рассмотрим человека как совокупность клеток. Представим себе, что клетки его тела, так как между ними, вообще говоря, есть некоторое расстояние, отошли бы друг от друга так, что расстояние между ближайшими стало равным, например, аршину. Такой вид приняло бы человеческое тело, если бы мы стали его рассматривать в громадный микроскоп. Человек представлял бы в таком случае только некоторую конфигурацию клеток, каждая из которых живет своей жизнью. Однако пространство есть нечто чрезвычайно относительное, потому в данном случае не существенное с точки зрения его метрических свойств. Так вот, человек в таком виде вполне напоминает муравейник, причем роль муравьев играют клетки. Известно, что как бы ни сближать два тела, между ними всегда останется некоторое расстояние, что доказывается явлением колец Ньютона, а из этого следует, что нарисованная нами картина человека с разбежавшимися клеточками, если не брать во внимание метрики, которая относительна, есть подлинный человек, ибо у каждого человека между клеточками есть некоторое расстояние.

Итак, пусть клеточки человеческого тела разбежались на версту друг от друга — никаким образом сознание человека этого не сможет обнаружить внутренним путем, а стало быть, сознание зависит в своем проявлении от конфигурации, но не от размера, в свою очередь зависящего от масштаба. Представив себе человека именно таким, можно представить точно так же собаку, рыбу, бабочку и т.д. В силу этого нетрудно мыслить единое сознание у целых животных пород, растительных родов и т.п. То есть и сами люди суть клеточки чего-то большего, что имеет свою жизнь и живет по-своему, но эту жизнь человек не может познать своим разумом, как атом не может познать теплоты, ибо сам атом не может быть нагрет.

Гармонизация человеческого общества позволяет проявиться началу сверхиндивидуальному, началу общечеловеческому — возникает представление о человечестве вселенском как о своеобразном человеке-идее, человеке-принципе, который имеет индивидуальность, но проявленную в меру выявления «человечности» на планетах нашего мира. Такой человек рисовался у греков, у христиан, у гностиков, у евреев под различными названиями, то как Адам, то как Дионис, то как Христос и т.д. Это Адам Кадмон Каббалы, который становится Адамом Белиалом и, наконец, Адамом Протопластом, Адамом дифференцированных душ. Адам распадается на отдельных людей, Дионис погребается в людях, и процесс истории есть восстание из гроба: воскресение Диониса есть процесс собирания Адама.

Божественная искра, заключенная в человеке, должна осознать себя и освободиться от тьмы неведения.

Мы знаем, что выше сущего, выше бытия стоит то, что гностики считали сверхбытием или «божественностью в себе» Экхарта. Но Бог пожелал быть, он принес себя в жертву, и потому мир есть великое жертвоприношение, как об этом говорят «Веды», Бог распялся на кресте бытия. Будда определял все сущее как страдание, и потому учение Будды есть учение об освобождении от страдания, подъем к сверхбы-

тию, отказ от бытия. Бог принес себя в жертву и стал потому, что он раньше не был. Он стал быть и в становлении принес себя в жертву; он стал, как страдание, ибо он отказался от самого себя, создав равных себе, т.е. одаренных свободной волей. Поэтому процесс истории есть процесс освобождения, процесс осознания своей свободы богами, еще себя не осознавшими; процесс, в котором гетерономия диалектических процессов развития изживается в гармонизации.

Сознание, связанное со своим только процессом становления, воспринимает развертывание чужого как нечто постороннее себе, нечто врывающееся как случайность в присущую данной индивидуальности цепь развития. Совокупность таких случайностей превращается в представление об обуславливающей необходимости. Освобождение заключается в таком расширении данной индивидуальности, чтобы чуждую ей в данный момент причинность другой индивидуальности осознать как свою собственную, как расширенную, имманентную ей причинность и, таким образом, подняться над ограниченностью своего собственного бытия вплоть до того, когда причинность всей вселенной станет моей причинностью. Тогда исчезает необходимость, случайность и существо становится выше своей ограниченности. До тех пор пока я сознаю только свой собственный голод, я не в силах понять действия другого голодающего, но, когда голод будет мною сознаваться и у других, я осознаю и пойму поступки других: они для меня станут вполне прозрачными. Поднимаясь над причинностями вселенной, поднимаются до сознания причинности, лежащей в основе бытия самой вселенной, т.е. поднимаются к основанию божественного.

С этой точки зрения исторический процесс есть возвращение бытия в надбытие, в сверхбытие, к Богу. Мы идем путем избавления от страдания, но он ведет через страдание, потому что он есть путь жертвоприношения. В этом была правда Шопенгауэра и Гартмана, да и всей немецкой метафизики, которую С.Трубецкой правильно называет своеобразным гнозисом. Из сверхбытия Бог приносит себя в жертву и становится как великое страдание, и это страдание заключено в форму отдельных монад. Эти монады развертывают свои потенции в диалектическом процессе через фазисы физического, психического, духовного и божественного. Эти фазисы проходят по различным путям, разными линиями. Различны линии нечеловеческих становлений. Те же становления, которые проходят через человека, исходят от тех, кого гностики называли Эонами.

Эоны лежат в основе человеческих линий становления. Процесс становления в бытие есть страдание и жертвоприношение; процесс освобождения есть процесс радости, и потому радость является критерием среди других критериев того, что совершает освобождение. Поэтому исторический процесс, как освобождающий процесс, должен быть радостью. Тот, кто не чувствует радости во всем, что его освобождает, не стоит еще на путях освобождения. Бог стал. Это значит — проявилась полнота (плирома), полнота бытия, как бы часть Бога, которая «стала». Эта ставшая часть Бога проявилась в бесчисленных путях становлений, и среди них особенно важны для нас линии, идущие от Эонов.

Из Эонов исходят цепи закономерностей.

В каждом из нас есть искра божества, и эта искра есть то, что гностики называют «эоновским началом». Искра Эона в нас есть то, без чего мы были бы смешаны с тьмой, это есть в нас возможность нашего грядущего. Эон в нас есть звезда во мраке нашего бытия, ведущая нас к освобождению. Это «Христос во мне» апостола Павла. Поэтому мистерия распятия Христа есть мистерия распятия Бога в бытии, есть образ нашего собственного существования. Освобождение Эона в историческом процессе есть путь радости, «ибо иго мое благо и бремя мое легко», или, как говорит одна из народных песен добролюбовского толка:

Скорби, как греха, бегите,
Нам не дал ее Отец,
И ищите всех свободных
И всех радостных путей.

Путь Эонов, путь радостной жертвы, и должен быть путем исторического развития, путем становления и воскресения, ибо путь эоновский есть до конца путь становления, есть до конца путь развертывания все новых и новых возможностей, все более и более высоких достижений и красоты. В нас только Эон свидетельствует о подъеме и освещает своим светом его пути, и только Элоим утверждает, что Бог существует. Отсюда различные сыновства Василида, ибо иначе кто мог бы нам сказать о Боге и свидетельствовать о нем? Иначе возникло бы самозванство. И там, где нет Элоима, там возникает это самозванство, там рождаются власть, гетерономия лживой гармонии и упорядочение через насилие, которое порождает смерть.

Есть два пути рождения идей в мире — путь сверху и путь снизу. Путь сверху — когда идея приходит из высших миров и через людей воплощается в мире, поднимая их. Второй путь, когда идея рождается от совокупности людей, выпивая их силу, и влечет их к низам. Во втором случае возникает между идеями борьба за бытие, борьба за существование, и в мире духовном рождается то, отблеск чего отразился в учении дарвинизма. На этом пути люди создают богов, на этом пути боги ведут между собой беспощадную борьбу, боясь исчезнуть из бытия. Получается вихрь духовности, влекущий к низам, требующий полного повиновения, полного подчинения, растворения ее, ибо соками жизни и духа ее воспользуется тот, кто рождается, выпивая свет из духовных существ.

Идея, сошедшая с высот, воплощается в человечестве как братство, справедливость, равенство и т.д., воплощается в людях через их умы, через их души, но может быть и так, что сама идея-индивидуальность вплоть до физического мира сойдет в человечество, и тогда рождаются гении и водители человечества вплоть до того, когда на землю сходит сам Эон в той части своей, которую может вместить Земля и земное. Тогда появляется на земле сама любовь в лице Будды, Кришны, Христа. Человечество получает тогда могучий толчок к верхам, как оно получает толчок в низы, когда импульсы исходят от Моисея, Павла, Магомета или Маркса, у которого избранным народом оказывается пролетариат, соответствующий «правоверным» Магомета или «святým» апостола Павла. Во всех же случаях увлечения в низы — разделение на властвующих и подчиненных.

Идеи охватывают людей, создавая вихри, увлекающие их в верха или в низы. Заклинания идей приглашают их прийти на помощь тому или другому течению, приглашают их низойти на человечество, чтобы его поднять, или же из темных глубин призывают их подняться, чтобы подчинить себе человечество. Так человечество становится ареной борьбы для сил иных миров, и на земле встречаются самые высокие и самые низкие влияния...

Так, стоя перед толпой, агитатор вызывает низшие страсти, закликает лярв, сидящих в глубинах душ, чтобы они пришли и «одержали» людскую толпу; так призывает чистых духов проповедник любви и свободы.

Глава 12-я

Обращаюсь опять к человеческому обществу. Мы можем говорить о нем с точки зрения физика, или с точки зрения психика, или с точки зрения пневматика. Если мы подойдем к нему с точки зрения психика, то оно предстанет перед нами как совокупность желаний, стремлений, честолюбий, понятий, всевозможных эмоций. Рассматривая все эти эмоции как различно направленные силы, а поступки, под их влиянием совершенные, как различные движения человеческих монад, заключенных, как в ящик, в определенные условия места, времени и обстоятельств, мы увидим картину, рисуемую кинетической теорией газов. Методы статического исследования, методы теории вероятностей здесь будут совершенно приложимы. Эти методы дают не только те результаты, которые могут быть оценены с точки зрения страховых обществ, но и нечто более глубокое.

Впрочем, надо заметить, что наряду со сходством есть и различие между человеческим обществом и совокупностью молекул какого-либо газа. Коренное различие

заключается в том, что в случае с человечеством мы имеем молекулы, обладающие способностью выбора, чем-то вроде химического сродства. Способность выбора играет здесь роль демона Максвелла, который направляет процесс так, что энтропия общества стремится не к максимуму, а к минимуму. Прогноз Джона Стюарта Милля, утверждающий грядущее успокоение человеческого общества как такового, с этой точки зрения неправилен. Человечество идет ко все более растущей интенсивности жизни, ко все большему напряжению сил.

Однако, несмотря на различия, все же применение некоторых рассуждений Больцмана к человеческому обществу вполне допустимо и правомерно, поскольку совокупность «движений» человеческих монад дает в результате «тепло» — нечто совершенно новое, отдельному человеку абсолютно несвойственное.

Еще Лавров и Михайловский ставили вопрос об отношении между личностью и обществом и пытались создать так называемую «формулу прогресса». Вот перед нами отдельный человек. Его бытие, его жизнь есть нечто абсолютно другое, чем жизнь и бытие составляющих его клеток. Каждая клеточка дифференцировалась, специализировалась благодаря сложному разделению труда между клеточками; благодаря специализации простая колония клеток превратилась в сложный, весьма дифференцированный организм.

Коллективная жизнь колонии клеток могла воплотить в себе примитивное высшее единство, простейшую родовую духовную монаду, тогда как организм может воплотить сложное человеческое естество. Возможность воплощения высшей духовной монады была достигнута тем, что отдельные клеточки стали еще проще, стали крайне односторонне развитыми, отошли назад в своем развитии. Совершенство общее было достигнуто регрессом всех отдельных составных частей. Как примирить общественный прогресс с регрессом составляющих его монад? Общество тем развитей, чем сложнее в нем кооперация, чем более дифференцирован в нем труд. Но чем более дифференцирован труд, тем менее совершенны личности, составляющие общество. Благо общества оказывается прямо противоположно благу отдельной личности. Получается невыносимое противоречие, и в этом отношении правы те, которые подчеркивают неразрешимость конфликта: или общество, или личность, третьего не дано.

Понятно, что там, где самой сущностью является эгоизм, в каких бы он формах ни проявлялся, там не может быть и речи о разрешимости указанного конфликта до конца, а между тем эгоизм является сущностью психизма, т.е. личности. Нечего и искать примирения конфликта там, где этого примирения не может быть по существу дела. Однако конфликт этот теряет всякий смысл и значение, как только мы переходим в область пневматизма. Никакие формулы прогресса не выведут нас из тупика, пока мы не перейдем в область духа. Штирнер потому и не мог дать ничего положительного, что, разрушив все миражи общих понятий, он не смог разрушить последнего миража — самой личности как таковой; он не усмотрел стоящей за ней индивидуальности и, таким образом, создал не анархизм-индивидуализм, а анархизм-эгоизм, т.е. остался всецело на почве психизма.

Если теперь мы подойдем к человеческому обществу с точки зрения гармонизации или хаотизации, то перед нами выступит основной вопрос — о свободе человеческой личности. Без этой свободы не может произойти осознание себя индивидуальностью. Только в свободной личности индивидуальность достигает самосознания. Как нелепо лечить человека от головной боли, отрезая ему голову, так же бессмысленно говорить о человеческом развитии и придерживаться каких бы то ни было форм власти и принуждения. Поэтому проблему отношений между личностью и обществом можно разрешить, только исходя из областей чисто духовных, подобно тому, как теорема Дезарга для плоскости может быть доказана, лишь исходя из трех измерений.

Для нас, людей, имеют значение только те цели и задачи, которые мы можем поставить как люди, и нам безразлично, что через нас хотят осуществить неведомые или ведомые нам силы. Каковы бы эти силы ни были — нам это безразлично, мы зна-

ем свои силы, свои стремления и хотим их осуществить. Я не могу заставить себя жить чужой волей, чужими желаниями, как я не могу заставить себя ходить чужими ногами, мыслить чужой головой. Поэтому, когда мы подойдем к человеческому обществу, мы должны представить себе все эти личности устремленными так, как они могут устремляться, исходя из самих себя.

Мы могли бы сказать: вот лес. Каждое дерево растет и развивается само из себя, и внутренняя закономерность его развития не обращает внимания на то, что вокруг растут другие деревья. Отношения между деревьями внешние, и они влияют друг на друга извне. Потенции человеческого существа выявляются благодаря имманентной человеку причинности, и чтобы это выявление происходило правильно, необходимо, чтобы оно проходило свободно, а в свободе гармонизировалось бы вместе с другими. Гармонизация отношений личности и общества есть нечто заданное, но не данное, это задача, которую можно разрешить в ходе истории. Общество является средой, без которой невозможно развитие личности.

Анархический строй общества есть предварительное условие для разрешения вопроса о гармонии между личностью и обществом, ибо вне анархической общности вообще не существует личности.

Если общественные условия таковы, что скрытые в личности потенции могут свободно выявиться, то цели общественного развития достигнуты в своей существенной части; если же общественные условия не дают возможности проявиться этим потенциям, то человеческое существо принуждено искать иных миров и времени для своего развития.

Пусть теперь мы исследуем вопрос о свободе, необходимости и случайности. Нетрудно видеть, что если мы будем отправляться от некоторых «последних» вопросов, то, следуя Зенону, Канту или Кантору, от каждого такого вопроса можно провести линию, уходящую в какие-то дали... Проведя все такие линии от «конечных и начальных» причин, мы увидим, что они устремляются туда, откуда вышли, подобно потоку падающих звезд. Продолжая путь каждой из них в обратном направлении, мы придем к их общему исходному пункту, который может быть нами охарактеризован как непознаваемое. Это «непознаваемое» физик познает как случай, психик — как необходимость и пневматик — как свободу; поэтому Бог рисуется одним как случай, другим — как необходимость и закон, третьим — как свобода.

Низшая ступень сознания физика не дает ему возможности познать себя самого, и потому для него все является не обусловленным в нем самом и вовне. На высшей ступени сознание прозревает свою внутреннюю сущность как нечто, целиком данное и не подлежащее изменению, причинно обусловленное, необходимое. Наконец, тот, кто прозревает основы своего бытия, находит праймпульсы своего собственно становления и осознает свою свободу от начала бытия до его пределов.

Так ориентируют себя три породы людей — физики, психики и пневматики. У них — у каждой группы — существует свой язык. Представьте себе, что каждое слово имеет три смысла — три покрывала Изиды: физический, психический и пневматический. Пневматик понимает все три, психик — два, а физик — один. Представьте себе такое положение вещей, и вы увидите, что не произойдет никаких недоразумений: люди будут понимать друг друга вполне в области физической, не вполне — в области психической и очень плохо — в области пневматической. Но эти три языка отвечают трем планам бытия, а потому история человечества расслаивается на три истории, и каждое событие может быть истолковано в каждом из трех планов: в плане случайности, в плане необходимости и в плане свободы.

Кант отдаленно чувствовал нечто из подлинной реальности, когда создавал свою довольно нелепую схему исторического преемства, ибо на самом деле фазисы — религиозный, метафизический и научный — суть сосуществующие планы бытия, категории потенций. Если же говорить об этом как о фазисах развития, то нужно говорить о научном, метафизическом и религиозном, поскольку о них говорит Кант, как о тех отражениях в душах, которые производятся тремя планами бытия.

Теперь можно определить гармонизацию и хаотизацию так: первое — путь от господства случая к свободе, а второе — путь от свободы к случаю. Мерой совершенства общественности может служить мера свободы, осуществляющаяся в обществе.

Теперь нам предстоит рассмотреть те случаи, когда в человеке действуют силы определенного порядка, а он направляет их на служение целям порядка низшего. Так, психик может направить свои силы на служение своим физическим потребностям, а пневматик может направить силы духовные на служение своим психическим или даже физическим потребностям. Во всех этих случаях перед нами с точки зрения возможностей развития явления чрезвычайно регрессивного порядка. Вот перед нами два скупца — Плюшкин и Скупой Рыцарь. Первый в большей мере физик, второй — психик. Так можно установить определенную классификацию типов жизни и литературы.

Во всяком случае, когда низшему служат высшие силы, получается большое зло.

Подобно тому как надо различать бессознание от сверхсознания, так надо различать небытие от сверхбытия. Небытие противоположно с бытием, а сверхбытие есть надбытие и наднебытие, и точно так же бессознание противоположно сознанию, а сверхсознание есть в то же время и сверхбессознание. Однако здесь есть и большая разница в том, что бытие может вести к сверхбытию, а небытие никуда вести не может, подобно тому как сознание может вести к сверхсознанию, а бессознание никуда не поведет. В случаях же, когда высшее служит низшему, развития быть не может, и процесс жизни ведет к небытию, к бессознанию, к смерти...

Схема, по которой можно проследить характер всех случаев, имеет вид: 1) физик служит физическому, 2) психик служит физическому, 3) психик служит психическому, 4) пневматик служит физическому, 5) пневматик служит психическому и 6) пневматик служит пневматическому.

Нам важно сейчас рассмотреть пункты: 2-й, 4-й и 5-й. Что касается того случая, когда психик служит физическому, то создается целый ряд областей, где достигают утонченных, изощренных удовольствий, где богом является наслаждение во всех его многообразных формах.

Психик, служащий материи, ставит свои эмоции в зависимость от телесных и вообще материальных переживаний, понимая под последними такие переживания, которые связаны с телами. Внося в эту область систему, психик достигает пресыщения и, чтобы избавиться от скуки, переходит к извращениям. Таков Дезессент Гюисманса. Всего непосредственное служение телу в области эмоций проявляется полным порабощением себя половым стремлениям, половым извращениям. В литературе это излюбленный тип — тип развратника, утонченного и жестокого, ибо жестокость, т.е. та или иная форма садизма, всегда примешивается к сладострастию, взятому как самоцель.

Переходим к случаю, когда пневматик служит физическо-материальному. В этом случае мы имеем перед собой религию хаоса — атеистический материализм. Совокупность атомов образует существенно случайные конфигурации, слагающие вселенную, каждый атом совершенно отделен от другого, внеположен ему и ни с каким другим не может иметь ничего общего, кроме соударения. Такая картина и есть картина хаоса. Но, кроме того, этот атом, по существу, невидим, неслышим, вообще невосприимчив, непознаваем, вездесущ, всемогущ, ибо созидает вселенную, вседоволен, ибо абсолютно замкнут в себе самом, одним словом, вполне божественен.

Атеистический материализм есть религия хаоса, как пантеизм есть религия космоса. Мистика атеистического материализма есть мрачная и темная мистика борьбы за существование, борьбы бесплодной и бессмысленной, мистика вечного возвращения в кольцо безысходности, мистика власти и порабощения. В последнем она незаметно переходит к мистике эмоциональной, в которой пневматизм идет на службу психизму. Здесь выступает перед нами религия хороших чувств, религия «хорошести» и схематизма — совокупность всех идеалистических систем, мистика рационализма всех цветов и оттенков, мистика саморастворения, слияния с божеством в эмоциональных экстазах. Мистика рационализма в своих крайних чертах пе-

реходит в мистику скептицизма, «уверенного в неуверенности» всего познания. Таким образом, искра духа, тлеющая в людях, обнаруживается мистическими устремлениями, но она принимает всевозможные формы, давая начало многообразию религий.

Без мистики нет религии, но различны образы мистических определений. Всякая метафизика перестает быть только чисто интеллектуалистической системой и делается религией, как только хотят превратить ее в дисциплину поведения. Пневматик, служащий психизму всегда, становится служителем эгоизма в какой-либо его форме: спасения души, растворения в Боге, служения человечеству, классу, партии, идее и т.д.

Вот, например, учение подобного рода, встречающееся у одного из мистических братств. Человеческая душа есть эгрегор клеточек его тела. Когда-то этот эгрегор был в свою очередь душой клетки, т.е. эгрегором составляющих ее частиц материи, которую она одушевляла. Этот эгрегор победил другие эгрегоры в борьбе за существование, выпил из них их потенции, а сам стал эгрегором целого человека.

Эгрегоры людей суть эгрегоры родов. Они вырастают из человеческих душ, самая сильная среди которых поглощает потенции остальных членов рода и становится родовой душой. Борьба родовых душ приводит к выделению душ племенных, затем народных, и, наконец, появляется душа человечества. Но на этом процесс не останавливается, пока не является эгрегор вселенной, т.е. Бог. Здесь Бог творится, а не творит, он является как сильнейший в результате борьбы. Во всех этих случаях низшее творит высшее вместо того порядка, когда высшее творит низшее, но так как из порядка равных никаким образом не может возникнуть высшее иное, чем то, которое уже дано, то необходим процесс выделения высшего, который в создавшихся прочих условиях немыслим иначе, как в результате борьбы за существование. Так из предвечной мглы рождается в конце концов Бог, как осознавшая себя беспощадная и всемогущая мгла... Такова мистика мглы.

Дарвинизм и марксизм являются наиболее яркими отблесками этой мглы современности, и Ницше во многом был захвачен этой мглой. Во мглу и тьму подобных мировоззрений падают лучи учений о любви, и мгла не может потушить их, но зато сама любовь начинает сиять светом жертвы.

Возвращаясь к первоначальному вопросу, можно так формулировать результат нашего исследования: в человечестве существуют два основных направления, две силы — силы гармонизации и силы хаотизации, силы тьмы и силы света, добра и зла, прогресса и регресса, падения и подъема. Они ведут упорную борьбу друг с другом, и вся история наполнена этой борьбой. Существуют тайные братства того и другого типа, и из их глубин исходят те силы, которые поднимают психиков на борьбу, бросают физиков в смятение этой борьбы и создают учреждения всех видов как свои орудия.

Ясно, что оба эти течения говорят о себе как о представителе добра, а о противном — как о представителе зла. Таким образом, одно из них говорит правду, а другое лжет, безразлично, сознательно или бессознательно, а потому возникает вопрос: как отличить правду от лжи? Если бы лгущие делали то, что они говорят, — они не были бы лжецами, а потому и обратно: ложь можно узнать по поступкам, по делам, как об этом еще говорится в Евангелии, и наиболее характерным явлением в этой области оказывается обоснование на ряде ходовых формул: «чем хуже, тем лучше», «цель оправдывает средства» и т.п. Как льва узнают по когтям, а осла — по ушам, так и ложь узнают по делам. Но ясно, что дело здесь вовсе не просто.

Поскольку течение светлое идет путями добра и свободы, течение темное — путями лжи и власти, а наш мир принадлежит к мирам, очень низко стоящим на ступенях развития, то темные массы, темные силы идут рука об руку с темным течением, которое опирается на силы темных инстинктов, вызывает себе на помощь стихийные силы эмоций и грубейших переживаний. Борьба неравна. Когда светлое течение обращается к мирам более высоким и они приходят на помощь — на земле воплощается дух более высокий и сильный; иногда и без особого обращения, без особо-

го призыва сходят в наш мир существа из высоких духовных сфер, вплоть до Эонов. Тогда на земле рождаются великие религии, образуется вихрь духовных сил, увлекающий массы на жертвы, на подвиги высокой любви и братства. Создаются могучие хорей, и человечество, несмотря на колоссальное противодействие сил тьмы, все же несколько поднимается выше в своем духовном уровне.

Бывают в истории человечества моменты, когда в нее врываются силы светлых или темных коллективов и вносят свои устремления.

Представим себе человека. Его сознание разлито более или менее по всем клеточкам его тела: в одних оно присутствует слабо, в других — чрезвычайно мощно. Так, сознание сошедшего на землю Эона будет разлито в одних людях слабо, в других — сильнее, а в одном из людей эоновский свет засверкает в своей могучей чистоте, и мы скажем тогда, что в этом человеке воплотился Эон.

Во время схождения Эона масса людей оказывается причастна к эоновскому началу. Эонство разливается в людях, как сознание человека разлито в его клеточках, и таинство причастия есть напоминание людям о жертве любви, к которой они должны приобщиться. «Где двое или трое во имя мое, там и Я среди них», — говорит Эон Христос, ибо любовь может быть только там, где есть по крайней мере двое или трое, а Христос есть Эон любви, т.е. сама любовь. Могучей хорее христианства наряду с другими попытками темные силы противопоставили не только павлианство, но и магометанство, которое создало антихорею, увлекавшую человечество вновь под власть ягвестических родовых сил. К XIII веку иссякает внешний импульс Христа, и тайные братства выдвигают на борьбу с тьмой новые силы, действующие вплоть до XX века, когда вновь наступает переломный момент. Грааль любви снова и снова наполняется жертвенной кровью.

Темные силы имеют свои тайные братства, образуя то, что может быть названо общим именем сатанизма. Не нужно только думать, что сатанизм выявляется в тех грязных и поистине мелких делишках полового разврата, о которых говорят многие, — все это пустяки. Сатанизм грозен и могуч, его задачи обширны и глубоки, гораздо глубже, чем могут себе вообразить всевозможные ученые богословы. Сатанизм проявляет свои силы там, где вопрос идет о судьбе целых народов, когда проповедуется та или другая форма темной мистики, мистика власти, религия атеистического материализма, когда работает государство с его судами, законами и палачами, которые носят название полиции, милиции, войск жандармерии, шпионов, охранок, чрезвычайек.

Сатанизм — в коллективных психозах, в борьбе за власть, называемой демократией, в борьбе за власть всевозможных церквей, в нетерпимости, в фанатизме и связанном с ним тупоумии, в юродстве, одним словом, везде, где нет любви, мудрости, свободы, терпимости, правды, добра, красоты.

Наше время есть время нового кризиса. Мы приближаемся к тому моменту, когда земля озарится светом учения Параклета. Параклет напомнит все то, чему учил Христос, и укажет новое. Его учение есть учение о любви, жалости и терпимости, учение о безграничной свободе и о всепрощении. Наше время есть время первых порывов ветра, который должен перейти в бурю начинающейся общечеловеческой хорей.

Так скрещиваются в человечестве силы разных миров, но ясно, что все эти силы в нашем мире действуют в формах нашего мира, а потому не могут развить в полной мере присущих им потенциалов. Архангел на земле может оказаться слабее среднего человека, если он не приспособится к условиям жизни нашего мира, и потому совсем не надо думать, что стоит сойти на землю Архангелу, как он сразу станет «богом из машины»; далеко не всегда и не все воплощения из высших миров оказывались достаточно действенными в социальном масштабе. Но то же приходится сказать и о попытках воплощений темного характера. Земля не есть нечто худшее из возможного, и надо думать, что существуют земли, где человечества стоят на более низкой ступени духовности, да и наша земля была некогда в этом отношении ниже настоящего, хотя были времена, когда она была и не ниже, если не сказать, что и

выше. Вообще уровень духовности, уровень духовного развития и духовной культуры определяется в каждый момент соотношением живых сил, действующих в реальном бытии.

Каковы эти силы, действующие в человечестве, мы можем судить отчасти на основании уже рассмотренного. Человечество есть арена столкновения самых разнообразных влияний, и мистерия истории человечества, развертываясь на протяжении веков и тысячелетий, подобно ручью, вливается в океан Вселенского Человечества, как форма подвижного равновесия, пребывающая в течение эонов времени.

Когда же в мирах и веках человечество как таковое окончит свою миссию служить этапом духовного бытия, тогда окончится и его история. Человечество как таковое исчезнет, ибо идея его развернет все потенции, в ней заложенные, и, выполнив свое назначение в мирах разноцветных солнц, поднимется к бытию в мирах, более высоких. Тогда совершится преображение самой идеи, идея человечества станет другой.

Каждый отдельный человек значит мистически столько же, сколько и любая совокупность людей, ибо индивидуальности несравнимы и каждый может развить ту деятельность, которая приведет к преображению. Дух отдельного человека не прикован навсегда к человеческой форме, и тот, кто сегодня является человеком, через несколько веков или тысячелетий станет Ангелом или Архангелом, но человечество пребывает гораздо дольше. Принимая то условие, что нельзя спасать человечество, губя людей, можно сказать, что мистика психическая в ее лучшем аспекте приводит к служению людям, а мистика пневматическая — к служению человечеству, и в этом заключается единственный и подлинный смысл того, что называют альтруизмом, ибо альтруизм есть явление психической сферы, противопоставляемое эгоизму.

Отсюда вытекает смысл служения человечеству.

Слова Христа о том, что надо посещать заключенных, кормить голодных, поить жаждущих, одевать раздетых, помогать больным и т.д., можно понимать в прямом смысле, и этот смысл обязателен для всех, но, кроме того, нужно понимать, эти слова в их более глубоком смысле: необходимо делать все, что можно действительно сделать для того, чтобы на земле не было голодных, жаждущих, заключенных в тюрьмах, разутых и раздетых. Добиваясь этой последней цели, мы служим уже всему человечеству. И в этом отношении каждый должен знать, что глубоко правильны слова Ибсена, влагаемые в уста Бранда: «Простится все тебе, что ты не смог, но не простится то, чего не захотел».

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

(к лекциям А.А.Солоновича)

- Аристотель** (384/383–322/321 гг. до н.э.), др.-греч. философ — 456
Архимед (ок. 287–212 гг. до н.э.), др.-греческий ученый — 455
Бакунин Михаил Александрович (1814–1876), теоретик анархизма — 446, 493
Белинский Виссарион Григорьевич (1811–1848), литератор, критик — 446, 471
Берлихинген Гёц (Готфрид) фон (1480–1562), немецкий рыцарь — 482
Блаватская Елена Петровна, урожд. Ган (1831–1891), основательница Теософского общества — 455
Бойль Роберт (1627–1791), англ. физик и химик — 451
Бокль Генри Томас (1821–1862), англ. историк и социолог — 451
Больцман Людвиг (1844–1906), австрийский физик — 509
Валентин (?–160), гностический философ — 496
Василид (первая половина II в. н.э.), гностик — 508
Гегель Георг Вильгельм Фридрих (1770–1831), нем. философ — 444–447, 455, 478, 479, 498
Гей-Люссак Жозеф Луи (1778–1850), фр. химик и физик — 451
Геккель Эрнст (1834–1919), нем. биолог — 455, 478, 493, 501
Гёте Иоганн Вольфганг (1749–1832), нем. писатель и естествоиспытатель — 456, 499
Гёц фон Берлихинген (см. Берлихинген Гёц фон) — 482
Гольбах Поль Анри (1723–1789), франц. философ — 446
Гюисманс Иорнс-Карл (1848–1907), фр. писатель — 511
Дарвин Чарльз Роберт (1809–1892), англ. естествоиспытатель — 454, 478, 508, 512
Дезарг Жерар (1593–1662, по др. данным 1591–1661), фр. математик и архитектор — 509
Достоевский Федор Михайлович (1821–1881), писатель — 471, 486
Дюгем Поль (1861–1916), фр. физик — 459
Евклид (жил в 3 в. до н.э.), др.-греч. математик — 459
Заратуштра (до I-й пол. 6 в. до н.э.), основатель зороастризма — 472
Зенон (между 336 и 332 и между 264 и 262 гг. до н.э.), др.-греч. философ — 510
Зибек Германн (1842–после 1906), нем. философ — 480
Зороастр (см. Заратуштра) — 472
Ибсен Генрик (1828–1906), норвежский драматург — 514
Иван III Васильевич (1440–1505), царь и великий князь — 487
Иван IV Васильевич (1530–1584), царь и великий князь — 453
Кант Иммануил (1724–1804), нем. философ — 446, 470, 490, 497, 499, 510
Кантор Георг (1845–1918), нем. математик — 510
Кетле Ламбер Адольф Жак (1796–1874), бельгийский социолог — 451
Коперник Николай (1473–1543), польский астроном — 469
Лавров Петр Лаврович (1823–1900), философ и публицист — 448, 509
Ламетри Жюльен Офре де (1709–1751), фр. философ — 446
Лейбниц Готфрид Вильгельм (1646–1716), нем. философ, математик, физик — 498, 499
Лойола Игнатий (1491–1556), основатель ордена иезуитов — 483
Локк Джон (1632–1704), англ. философ — 447
Лопухин Иван Владимирович (1756–1816), мистик, масон — 491
Магомед (см. Мухаммед) — 472, 508
Максвелл Джеймс Клерк (1831–1879), англ. физик — 475, 476, 509
Мариотт Эдмонт (1620–1684), фр. физик — 451
Маркс Карл (1818–1883), экономист — 447, 455, 457–461, 464, 473, 478, 508, 512
Мах Эрнст (1838–1916), австрийский физик, философ — 461
Милль Джон Стюарт (1806–1873), англ. философ и экономист — 509

- Мильтон** Джон (1608–1674), англ. поэт — 476
- Милюков** Павел Николаевич (1859–1943), историк, публицист — 487
- Минковский** Герман (1864–1909), нем. математик и физик — 459
- Михайловский** Николай Константинович (1842–1904), публицист, социолог — 448, 509
- Моисей**, иудейский пророк — 472, 508
- Мухаммед** (ок. 570–632), основатель ислама — 472
- Ницше** Фридрих (1844–1900), нем. философ — 469, 495, 512
- Новиков** Николай Иванович (1744–1818), писатель, издатель, масон — 491
- Ньютон** Исаак (1643–1727), англ. математик, астроном, физик — 452
- Павел** (?– ок. 65 г. н. э.), апостол — 480, 508
- Парацельс** (наст. имя – Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст фон Гюгенгейм) (1493–1541), врач и естествоиспытатель — 447
- Пифагор** Самосский (6 в. до н.э.), др.-греч. философ — 472
- Платон** (428 или 427 – 348 или 347 до н.э.), др.-греческий философ — 447, 467, 491, 509
- Птолемей** Клавдий (ок. 90 – ок. 160), др.-греч. ученый — 469
- Пуанкаре** Жюль Анри (1854–1912), фр. математик, физик и философ — 459
- Риман** Бернхард (1826–1866), нем. математик — 459
- Россель** Жан, фр. физик — 488
- Тард** Габриель (1843–1904), фр. социолог — 469, 470
- Фалес** (ок. 625 – ок. 547 до н.э.), др.-греч. философ — 447
- Фейербах** Людвиг (1804–1872), нем. философ — 447
- Фихте** Иоганн Готлиб (1762–1814), нем. философ — 446
- Фрейд** Зигмунд (1856–1939), австрийский врач-психиатр — 460, 478
- Шварц** Иван Григорьевич (Иоганн Георг) (1751–1784), масон — 491
- Шеллинг** Фридрих Вильгельм (1775–1854), нем. философ — 446, 457
- Шпенглер** Освальд (1880–1936), нем. философ — 455, 473
- Штейнер** Рудольф (1861–1925), нем. философ, основатель антропософии — 455
- Штирнер** Макс (наст. имя и фамилия – Каспар Шмидт) (1806–1856), нем. философ — 447, 467, 491, 509
- Штраус** Давид Фридрих (1808–1874), нем. теолог — 447
- Эвклид** (см. Евклид) — 459

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
-------------------	---

ЛЕГЕНДЫ РОССИЙСКИХ ТАМПЛИЕРОВ

1.1. О древнем Египте	11
1.2. Бунт Сатла	12
1.3. Об Атлантиде	13
2. Аппий Клавдий	14
3. О спасении темного Арлега	16
4. О сфинксах	19
5. О двух Элоимах	20
6. Советы Эонов Мудрости	22
7. Разговор в космосе Легов	23
8. Высокий Разум	25
9. Отче Наш	27
10. О Троне	27
11. Иегова	28
12. Об оранжевом солнце, голубой и зеленой луне	29
13. О розовом дьяволе	30
14. Два темных Арлега-крестоносца	31
15. Голубой Арлег	32
16. Сошествие Христа во ад	35
17. Копье Лонгина	38
18. Экспедиция Аранов	41
19. Продолжение истории голубого Арлега	44
20. Атлантида (2 часть)	47
21. Душа и Рыцарь	49
22. Отблески и евреи	50
23-24. Серное озеро	52
25. Феникс	56
26. Агасфер	60
27. Черный Грааль	63
28. Неоконченный подъем к Элоиму	64
29. О Тихом Хаосе	66
30. Экспедиция Отблесков	67
31. По разрядам Легов	69
32. По разрядам Арлегов	76
33. Совет в космосе Арлегов	78
34. Раздумье о вызове	81
35. Советы Духов Познания	82

36. Неудавшаяся бесконечность	85
37. Алхимик	86
38. Исповедь	90
39. Трон и рыцарь де Люнель	95
40. О спящей душе	99
41. Слезы Сатаны (1-я легенда)	101
42. Эльфы	105
43. Оттаны, отары и велы	108
44. О недах	112
45. Путешествие по планетам (эфироиды, алзы)	114
46. Путешествие по планетам (алз, нед, полиры)	116
47-48. Араны у таналитов	117
49. Ниссамны и нотемны	121
50. Эриса	123
51. Беззвездная бесконечность	124
52. Сатл-великан	124
53. Серафы и херубы в отрицательных бесконечностях	127
54. Союз	128
55. О параллельных космосах (медитация)	130
56. Эон и одиннадцать темных Арлегов	131
57. Суд Эона	133
58. О полете трех темных Арлегов	135
59. Мария из Магдалы	140
60. Кровь и золото	143
61. Лалса	146
62. Разговор в кругу	147
63. Сатлы в минус первой бесконечности	151
64. Стихийные силы у Элоима Низа	154
65. Золотая Лестница Князей Тьмы	156
66. Низасикочиа	159
67. Грааль на Земле	161
68. Грааль в космосах	166
69. Жизнь после смерти	170
70. Черный Христос	174
71. Калиостро	178
72. Разговор людей и Легов	182
73. Сатл в космосе звуков	185
74. Араны на землях	187
75. Первая и Вторая Печати оккультного молчания	188
76. Сфинкс	191
77. Четвертая Печать оккультного молчания	197
78. Пятая Печать оккультного молчания	201
79. Шестая Печать оккультного молчания	205
80. Седьмая Печать оккультного молчания	209
81. Урды-Димы	213
82. Сатлы на Земле	216
83. Сатлы-молнии	220
84. Сирарены	224
85. Совет 54-х	228
86. Сатлы и Духи Бешенства	230
87. Заповеди жалости	233
88. Сатл у исполинов	234
89. Семь Эонов в Темном Царстве	238
90. Эон Красоты	240
91. Христос на голубых солнцах	243

92. Михаил-великан и спасение лярв	246
93. Ад	248
94. Смерть царя	251
95. Возвращение Аранов	254
96. О том, как Араниды посетили Аранов	256
97. Аран на шабаше	259
98. Черное причастие	263
99. Три рыцаря Белого Креста	266
100. Нирваниды	268
101. Нирваниды о Димиургах	270
102. Тансебы	271
103. Чувства у Арлегов	274
104. Сверхнебесная дорога	277
105. Восстание за Эона	279
106. О Смерти	281
107. О Легах миров далеких	284
108. Пробуждение Нирванов	286
109. Отблески Последнего Круга	289
110. Рилаля	291
111. (Не найдена)	294
112. Розы Рафаэлин	294
113. «Отче Наш...» Легов	295
114. Шабаш	297
115. Душа Альнеро	301
116. Бесконечность Двенадцати Солнц	303
117. Спор	306
118. В Лабиринте	307
119. О духах, изображенных в восьмом зале лабиринта (ноэссы и альдонарцы)	309
120. Космос Чисел	312
121. О непознаваемом	316
122. Нед и три расы	318
123. Одинокий	320
124. (Не найдена)	324
125. Предназначенный	324
126. Разговор существ Земли светлой	236
127. Об эгрегорах	329

Приложения

Н.И.Проферансов. О рыцаре Гюго де Лонкле	332
В.С.Пикунов. Легенды:	339
1. О трех братьях-леггах	339
2. Разговор	340

Е.С.Лазарев. Послесловие комментатора	344
Терминологический словарь-указатель к легендам	348

А.А.Карелин. ПЬЕСЫ-ДИАЛОГИ

1. Атлантида	365
2. Заря христианства	382
3. Свет Нездешний	397
4. Гностики	413
5. 3217 год	415
6. Он ли это?	431

А.А.Солонович. КРИТИКА МАТЕРИАЛИЗМА (2-й цикл лекций)	443
Глава 1-я	444
Глава 2-я	449
Глава 3-я	456
Глава 4-я	462
Глава 5-я	468
Глава 6-я	474
Глава 7-я	480
Глава 8-я	486
Глава 9-я	491
Глава 10-я	497
Глава 11-я	503
Глава 12-я	508
 Указатель имен к лекциям А.А.Солоновича	 515

Научное издание

МИСТИЧЕСКИЕ ОБЩЕСТВА И ОРДЕНА
В СОВЕТСКОЙ РОССИИ

ОРДЕН РОССИЙСКИХ ТАМПЛИЕРОВ

т. III

Легенды тамплиеров

Литература ордена

Публикация и составление А.Л. Никитин
Художественное оформление, верстка К.А. Зубченко
Корректор Л.Н. Слепнер
Технический редактор Г.А. Лебедева

Подписано в печать 10.06.2003.

Формат 70х108/16.

Бумага офсетная №1.

Печать офсетная.

Печ. л. 33.

Заказ №

Тираж 1500 экз.

Лицензия ИД №06244 от 12.11.2001.

Издательство «МИНУВШЕЕ»: 117292, Москва,

Профсоюзная ул., 12

Тел. (095) 202-06-00, 278-31-79, 268-51-20

E-mail: trivek@mail.ru

Интернет: www.triv.narod.ru

Адрес для переписки: 101000, Москва, Главпочтамт, а/я 76

Отпечатано с готовых плёнок

в типографии ОАО «Можайский полиграфкомбинат»

143200, Московская область,

г. Можайск, ул. Мира, 93

ISBN 5-902073-12-X

9 785902 073123